This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

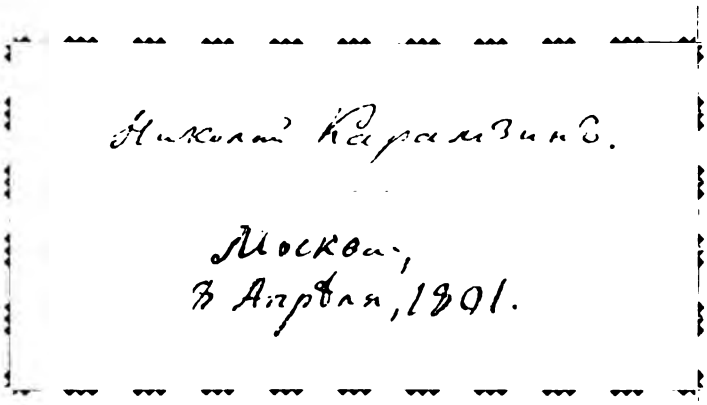
Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Факсимиле

обертки журнала того же формата и цвѣта.

ВѢСТНИКЪ.

ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи

у Любн, Гарія и Попова.

Первая книжка части I-й вышла въ началѣ января.

Digitized by Google

Съ дозволенія Московской Цензуры.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ LXVI. — ТОМЪ CCCLXXXVII. — 1/14 ЯНВАРЯ 1902.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1902

Digitized by Google

PSlav 176.25
Slav 30.2
Sever fund

3112

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-я.

ЯНВАРЬ, 1902.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1902.

Стр.

ПОРТРЕТЪ Н. М. КАРАМЗИНА и факсимиле обертки первой книжки журнала „Вѣстникъ Европы", имъ основаннаго, вышедшей въ Москвѣ, въ январѣ 1802 года 1-III

I.—ИСПОВѢДНИКИ.—Повѣсть.—I-IX.—**И. Д. Боборыкина** 5

II.—ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ БАЙРОНА. — 1818-1824 гг. — **Алексѣя Веселовскаго** 80

III.—ПО МАНЧЖУРІИ. — 1900-1901 г. — Воспоминанія и разсказы. — I-IX. — **А. В. Верещагина** 109

IV.—ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.—Три разсказа.—I. Бобыль.—II. Быка покупаютъ.—III. Мама! дзая!—**А. И. Новикова** 149

V.—И. С. ТУРГЕНЕВЪ и П. В. АННЕНКОВЪ.—**И. Гутьяра** 177

VI.—ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА.—Романъ.—Felix Hollander, Der Weg des Thomas Truck.—Часть первая: I-XVII.—**И—ны С—вой** 196

VII.—ВЪ ЛѢСНОЙ БАШКИРІИ. — Разсказы изъ жизни на лѣсныхъ промыслахъ.—I-VII.—**Вас. Брусянина** 246

VIII.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Баллада, изъ Казиміра Глинскаго.—II. Наброски.—**Мих. Гербановскаго** 283

IX.—КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.—1865-68 гг.—I-II.—**Ѳ. Ѳ. Воропонова** 289

X.—ХРОНИКА. — По вопросу о задачахъ губернскаго земства.—I.—**Ан. В. Еропкина** 319

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Первый годъ новаго вѣка.—Противорѣчія въ административной практикѣ по вопросу о „мелкой земской единицѣ".—Отношеніе къ нему различныхъ земствъ.—„Мелкіе съѣзды", какъ подготовка къ земскому собранію.—Постановленіе орловскаго губернскаго земскаго собранія.—Общеземскій періодическій органъ.—Продовольственное дѣло въ вятской губерніи.—Разъясненіе товарища министра народнаго просвѣщенія по вопросу о четырехклассныхъ „городскихъ" училищахъ 341

XII.—По поводу статьи Л. Буха о винной монополіи.—Письмо въ Редакцію.—**А. Скаржинскаго** 366

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Политическія событія истекшаго года.—Общее международное положеніе и китайскій вопросъ. — Война въ южной Африкѣ и британская политика. — Возможная перемѣна министерства въ Англіи.—Колоніи и внѣшніе союзы.—Германскій проектъ таможеннаго тарифа въ парламентѣ.—Печальный прусско-польскій инцидентъ. — Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ 378

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ 4-хъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. — „На трудовомъ пути", лит.-худож. сборникъ.—**А. И.**—Мандельштамъ, проф., О характерѣ Гоголевскаго стиля.—**Е. Л.**—Новыя книги и брошюры 392

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Louis Bertrand. La Cina.—II. Max Messer. Moderne Essays.—**З. В.** 405

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—„Вѣстникъ Европы" сто лѣтъ тому назадъ. — Старые и новые земцы. — Земство и печать. — Три громкихъ земскихъ имени: Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ (†), Д. Д. Дашковъ (†).—Систематическое извращеніе истины въ „Моск. Вѣд."—Десятилѣтіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — Чествованіе П. И. Вейнберга и П. И. Стороженко.—P.-S. Правительственныя сообщенія 420

XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.—II. Извлеченіе изъ Положенія о Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ . . . 436

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Гейне, Собраніе сочиненій, п. р. П. И. Вейнберга, т. VIII.—Гоголь, Мертвыя души, поэма, съ 355 иллюстр.; изд. А. Ф. Маркса. — „Невскій проспектъ", 1703—1903, юбилейное изданіе, т. I, вып. 1.—Автобіографія Абдурахмана, съ англ. М. Грулевъ.—Собраніе сочиненій Шиллера въ перев. русск. писателей, п. р. С. Венгерова, т. III.

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

Digitized by Google

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1902 года.

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ИСПОВѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ.

I.

Лѣсная дорожка то съуживалась, то раздавалась вширь. Между стволовъ хвойныхъ деревьевъ розовѣлъ закатъ. Небольшое общество возвращалось въ Петровскій паркъ — подъ Москвою — и сдѣлало уже двѣ-трети пути, все лѣсомъ.

Впереди двигалась группа изъ одной дамы и двоихъ мужчинъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ, подальше, — еще двое мужчинъ шли, взявшись подъ руку.

Молодая женщина — высокая, съ гибкой тальей, въ длинномъ тюлевомъ пальто, въ родѣ мѣшка, съ кружевами и оборками, и въ такой же, огромной шляпѣ — шла лѣнивой, замедленной поступью. Худощавое лицо сильной брюнетки все точно уходило въ огромные глаза съ пушистыми рѣсницами. Тонкій носъ и вырѣзъ губъ очень ее красили, при матовомъ цвѣтѣ щекъ нѣсколько удлиненнаго овала. Волосы только сзади виднѣлись изъ-подъ бортовъ шляпы — черные, бархатистаго оттѣнка, безъ искусственной „ондуляціи“.

Изъ двоихъ мужчинъ справа былъ штатскій; другой — студентъ въ свѣжемъ китель, съ золотыми пуговицами, и бѣлой ражкѣ съ бирюзовымъ околышемъ; оба большого роста. Штатскій — уже не первой молодости, блондинъ, въ бородѣ, одѣтый свѣтлую пару и въ соломенной шляпѣ — съ чопорно-барской манерой передвигать ноги — смотрѣлъ иностранцемъ. Студентъ плотнѣе его въ туловищѣ, свѣжій, красивый, съ усиками

Digitized by Google

и кудрявыми темнорусыми волосами на вискахъ. Онъ шелъ, немного покачиваясь на ходу, и держалъ въ рукѣ вѣтку, которой хлопалъ себя по ногѣ.

Изъ двоихъ мужчинъ позади, шедшихъ подъ-руку, одинъ казался постарше—черноватый, худой, довольно высокій, загорѣлый — и сильно горбился. Его спутникъ велъ его подъ-руку, исполняя роль кавалера. Тотъ былъ на полголовы ниже его, широкій въ плечахъ, весь круглый, и въ лицѣ, и въ тѣлѣ, гладко выбритый, безъ усовъ, съ здоровымъ цвѣтомъ щекъ, въ шолковомъ картузѣ и фланелевомъ костюмѣ, при желтыхъ башмакахъ. Свѣтлорусые волосы плотно были подстрижены на вискахъ; сѣрые, русскіе глаза бойко глядѣли по сторонамъ, и на сочныхъ губахъ то-и-дѣло появлялась пытливая усмѣшка.

Черноватый, худощавый его товарищъ запускалъ себѣ бороду и казался плохо выбритымъ. Онъ былъ одѣтъ совсѣмъ по-зимнему, въ черную пару; а на дворѣ стоялъ теплый, душный, даже и въ лѣсу, вечеръ, какіе задаются еще во второй половинѣ августа.

Общество это возвращалось на дачу Костровиныхъ. Молодая дама была жена худощаваго, некрасиваго и загорѣлаго брюнета. Его велъ подъ-руку его товарищъ Булашовъ. Ни тому, ни другому не было еще полныхъ тридцати лѣтъ. Съ женой Костровина шли богатый помѣщикъ изъ-за Москвы, Манилинъ, и петербургскій студентъ, проживающій на вакаціи у родныхъ, графъ Бунинъ.

Костровинъ остановился и своими впалыми глазами показалъ товарищу на шедшихъ впереди.

— О чемъ они? — спросилъ онъ слабымъ, нутрянымъ голосомъ.

— Я не прислушивался. Ина Николаевна о чемъ-то выспрашиваетъ того... Манилина.

— А ты... какъ его понимаешь? Кто онъ собственно... по твоему?

— Нѣчто въ родѣ русскаго церковнаго піэтиста.

— Ты читалъ его писанія?

— Кое-что читалъ.

Раздался голосъ Ины Николаевны:

— Поль!

— Здѣсь!—откликнулся Костровинъ.

— Мы сдѣлаемъ привалъ. Трава еще сухая... вонъ тамъ, на бревнахъ.

Digitized by Google

Ина говорила лѣниво, съ полудѣтской капризностью нѣкоторыхъ интонацій, съ мягкими, московскими гласными.

— Мы всѣ трое сядемъ на это бревно,—указала она обоимъ кавалерамъ.—А для тѣхъ, вонъ, какъ-разъ, два большихъ пня. Ха, ха!

И смѣялась она такъ же лѣниво, какъ и говорила, съ игрой въ глазахъ. Губы ея выговаривали отдѣльныя слова тоже съ особаго рода игрой.

Мужчины сѣли. Ина опустилась на бревно послѣднею, между Манилинымъ и студентомъ, и ея мѣсто пришлось противъ того широкаго, обрубленнаго пня, на который сѣлъ Булашовъ.

Для него эта Ина Николаевна не была особенно заманчивой и новой. Онъ уже встрѣчалъ такихъ, или въ этомъ родѣ, въ послѣднія пять лѣтъ. Она—прежде всего—изъ тѣхъ, кто не можетъ видѣть около себя мужчину, чтобы его не приручить, не произвести надъ нимъ опытовъ своего обаянія. Мужа—этого чудаковатаго Костровина—она, должно быть, сразу обвела. Онъ до сихъ поръ все еще состоитъ „при ней", хотя женатъ уже около двухъ лѣтъ. Съ той поры Булашовъ и не видался съ Костровинымъ.

— Скажите, Леонидъ Петровичъ,—обратилась Ина къ Манилину:—вы вѣдь никакого сектантства въ вашихъ мужикахъ не разводите?

— Помилуйте!—Манилинъ сдѣлалъ чопорный жестъ обѣими руками вверхъ.—Если вамъ угодно было заглянуть въ тѣ вещи, какія я вамъ поднесъ въ началѣ лѣта, вы могли, конечно, оцѣнить...

— Простите!.. Одну книжку, самую главную... я прочла. Или, лучше, заставляла Поля,—она кивнула головой въ сторону мужа,—и слушала внимательно, увѣряю васъ.

— Très flatté,—манерно выговорилъ Манилинъ и наклонилъ голову, сидя въ такой же манерной позѣ.

— Что-жъ! Это прекрасно—оставлять народу поэзію мистики. Въ немъ только и живетъ она; а мы ее утратили... и тщетно взыскуемъ.

Она протянула это слово „взыскуемъ" и, прищуривъ свои огромные глаза, обвела ими всѣхъ.

Булашову было ясно—какъ слушаетъ себя и какъ собою любуется эта несомнѣнно соблазнительная женщина и „большая ломака",—прибавилъ онъ про себя.

Студентъ прислушивался съ серьезной миной своего свѣжаго,

Digitized by Google

красиваго лица и нетерпѣливо встряхивалъ ногой въ узкихъ рейтузахъ. Ему давно уже хотѣлось вставить свое слово.

— Это еще вопросъ, Ина Николаевна, — заговорилъ онъ очень громко, точно забрался на каѳедру, и съ замѣтной шепелявостью: — еще вопросъ, и большой! — почти выкрикнулъ онъ: — мистицизмъ есть ли преобладающая черта въ психіи русскаго народа? Иначе какъ же объяснить нарожденіе въ народной средѣ чистѣйшаго евангелизма?..

— Позвольте... — остановилъ-было его Манилинъ.

— Дайте мнѣ досказать! — еще громче воскликнулъ студентъ, съ жестомъ магистранта, стоящаго на каѳедрѣ.

— Доскажите! — Ина приласкала его тѣмъ — *какъ* выговорила это слово.

— Я не стану входить въ подробное разбирательство... чисто богословскаго характера. Для меня все это важно съ соціологической точки. Если раціонализмъ есть будущее достояніе хотя бы одной только доли великорусскаго народа, то возникаетъ вопросъ: церковь — въ ея связи съ государственной властью — пойдетъ ли она по пути все бо̀льшаго подчиненія, или же выработаетъ, со временемъ, свой особый, независимый modus vivendi? И какое тогда будетъ ея отношеніе къ государству въ странѣ, какъ наше отечество, гдѣ великорусскій народъ призванъ играть роль объединяющей расы, хранительницы государственнаго уклада?

Булашовъ поглядѣлъ съ усмѣшкой своихъ круглыхъ сѣрыхъ глазъ на Костровина. Тотъ тоже усмѣхнулся. Ихъ обоихъ забавлялъ этотъ рѣчистый студентъ, воображающій, вѣроятно, что онъ, въ эту минуту, защищаетъ тезисы своей будущей диссертаціи.

Этотъ титулованный молодой человѣкъ, смотрѣвшій военнымъ хватомъ, повидимому, былъ изъ очень начитанныхъ и, быть можетъ, готовилъ себя въ „соціологи“.

— Теперь помолчите, графъ, — мягко приказала ему Ина. — Это все по части учености. А мы совсѣмъ не о томъ.

Повернувъ лицо къ Манилину, сидѣвшему отъ нея справа, она продолжала, все такъ же капризно растягивая слова, точно она говоритъ подъ мелодію:

— Сколько я васъ понимаю, Леонидъ Петровичъ, вы неспособны лишить народъ того, что̀ его поднимаетъ надъ узкой моралью, надъ здравымъ смысломъ, надъ безвкуснымъ евангелизмомъ. Онъ весь — великій мистикъ!..

— Весь ли? — замѣтилъ Булашовъ, точно про себя.

— Толкованіе благодати, — отвѣтилъ ему съ особеннымъ вы-

Digitized by Google

раженіемъ Манилинъ,—пущенное въ ходъ нашими евангелическими сектами, только подтверждаетъ всеобщую вѣру въ непосредственное дѣйствіе искупляющаго начала...

Костровинъ и жена его поняли особенную интонацію Манилина, когда онъ отвѣчалъ Булашову. Она была по адресу человѣка, котораго этотъ „церковный піэтистъ"—какъ его опредѣлилъ Булашовъ—принималъ за сектанта, зная, что отецъ его, недавно умершій за границей, даже, какъ говорится, „пострадалъ".

Ина не хотѣла, чтобы ихъ общій разговоръ перешелъ въ препирательство. Она поднялась и сдѣлала пригласительный жестъ правой рукой, въ которой, вмѣсто зонтика, держала тросточку съ металлической закругленной рукояткой.

— Споровъ не нужно, господа! А то это будетъ похоже на публичное преніе миссіонеровъ съ раскольниками. Леонидъ Петровичъ не хочетъ ничего разрушать. Напротивъ! Онъ—за настоящую мистику... не сухую, протестантскую, а высоко-поэтическую, допускающую чудо!

Она пошла съ Манилинымъ подъ-руку и крикнула мужу:

— Поль!.. Не отставайте отъ насъ. Пора къ чаю. Только и за чаемъ я не допущу споровъ.

А кивнувъ головой Булашову, она добавила:

— И васъ попрошу не вдаваться въ принципіальныя пренія. Это такъ безплодно и сухо!

Студенту Ина сказала тономъ старшей сестры:

— И ваша соціологія подождетъ.

Ея музыкальный лѣнивый смѣхъ еще долго раздавался высокой нотой, когда ея стройная фигура уже исчезла за поворотомъ лѣсной тропки.

— Погоди!—остановилъ Костровинъ Булашова.—Торопиться намъ нѣтъ надобности. Посидимъ еще.

Они пересѣли на бревно. Обоимъ одинаково захотѣлось перемолвиться такъ, какъ они не стали бы говорить при тѣхъ.

— Не нравится мнѣ этотъ баринъ,—началъ Булашовъ.

— Манилинъ?—тихо спросилъ Костровинъ.

— Не имѣю причины подозрѣвать его въ лицемѣріи... и въ позировкѣ. Но все это — затѣи досужаго барина, который желаетъ насаждать въ народѣ піэтизмъ въ государственно-вотчинномъ духѣ...

— Позволь, Булашовъ,—остановилъ его мужъ Ины:—я вѣдь боюсь взять съ тобою какую-нибудь неподходящую ноту... на эту самую тему...

— Почему?

Digitized by Google

— А потому, что я не знаю—*кто* ты собственно... Мы съ тобой такъ давно не видались.

— И ты, какъ и господинъ Манилинъ, считаешь меня сектантомъ, потому что я—сынъ моего отца?

— Во всякомъ случаѣ...

— Нѣтъ, Костровинъ. Батюшка положилъ всю свою душу на дѣло, которое считалъ святымъ, лишился свободы, умеръ въ изгнаніи. Но онъ никогда не насиловалъ духовной свободы своихъ дѣтей.

— И ты...

Костровинъ затруднился договорить.

— И я былъ и при его жизни, и теперь—самъ по себѣ.

— Самъ по себѣ,—медленно повторилъ Костровинъ.

— Во всякомъ случаѣ, не то, что̀ называютъ сектантомъ.

— Но и не пойдешь также въ сотрудники къ господину Манилину?

— Нѣтъ, не пойду!—громко и весело вскричалъ Булашовъ.

Они за это время немного отстали другъ отъ друга. Это сказывалось и въ тонѣ ихъ разговора, хотя съ студенческихъ лѣтъ они были на „ты“. Здѣсь, въ Разумовскомъ, они цѣлый годъ состояли слушателями. И раньше, въ университетѣ—на одномъ и томъ же факультетѣ—физико-математическомъ.

Въ Костровинѣ, съ его женитьбы, что-то есть новое, во что̀ Булашовъ еще не проникъ. Даже лицо перемѣнило выраженіе. Онъ сталъ гораздо молчаливѣе, говорилъ какъ-то отрывочно, глухимъ голосомъ; взглядъ—или затуманенный, или куда-то уходящій. Но все-таки же „душевный“ малый. Обрадовался встрѣчѣ съ товарищемъ чрезвычайно, и лишь только узналъ, что Булашовъ поживетъ еще въ Москвѣ, сталъ усиленно звать его—погостить на дачу—въ Паркъ, предложилъ ему цѣлый мезонинъ. Булашовъ согласился.

— Такъ ты самъ по себѣ?—вдумчиво переспросилъ еще разъ Костровинъ и положилъ руку на колѣно Булашова.—А я думалъ, что ты одного толка съ твоимъ покойнымъ отцомъ.

— Нѣтъ, другъ.

— Стало... дѣла своего онъ тебѣ не могъ передать?

— И безъ меня оно—въ вѣрныхъ рукахъ.

— Послушай, голубчикъ,—заговорилъ Костровинъ, замѣтно волнуясь:—Я не хочу влѣзать тебѣ въ душу. Для меня всякое „credo“ священно... Но мы съ тобой столько времени не видались. И, судя по тому, что̀ ты и прежде говаривалъ... помнишь

Digitized by Google

—какъ разъ здѣсь вотъ, въ Разумовскомъ?.. За сектанта ты себя и тогда не выдавалъ; но у тебя была любимая одна тема...

— Какая?—улыбнувшись, спросилъ Булашовъ.

— А вотъ та, что у насъ въ интеллигенціи — постыдное равнодушіе къ самымъ кореннымъ устоямъ духовной жизни... къ вопросу совѣсти, къ ея свободѣ... А главное—къ тому, что... безъ какого бы то ни было исповѣданія нельзя жить... другими словами: безъ Бога!..

Все это Костровинъ выговорилъ съ опущенной головой, поводя ее немного изъ стороны въ сторону, не глядя прямо въ лицо пріятеля.

— Я и теперь то же скажу,—спокойно подтвердилъ Булашовъ, все съ той же улыбкой въ глазахъ.

— Ты тогда вернулся изъ заграничной поѣздки... въ Англіи былъ... въ одномъ изъ тамошнихъ университетскихъ городковъ. И много разсказывалъ про тамошніе порядки. По воскресеньямъ—до пяти службъ! И на всемъ лежитъ печать опредѣленнаго credo...

— Не мало, братецъ, и лицемѣрія, и казенщины въ этомъ обязательномъ хожденіи студентовъ, въ колледжахъ, на ежедневную утреннюю службу... По моему, все это—пережитокъ средневѣкового католичества. Даже и молитву передъ обѣдомъ и послѣ него читаютъ не по-англійски, а по-латыни.

— Я не спорю. Я самъ не наблюдалъ; но все-таки тамъ есть укладъ, такъ сказать. Ты знаешь, съ чѣмъ ты имѣешь дѣло. И притомъ—свободная, непринудительная вѣра...

— Ну, ты этого не скажи!—возразилъ Булашовъ. — Тамъ, какъ-разъ, государственная религія...

— Однако... къ ней никого насильно не притягиваютъ? Сегодня ты англиканской вѣры, а завтра перешелъ въ какую хочешь секту.

— Если нѣтъ гнета власти, то есть гнетъ обычая; а это—очень часто—одно и то же!..

— А что̀ хуже?—какъ бы про себя вставилъ Костровинъ.

— Кто споритъ! Вотъ ты и попалъ въ самую суть того, что̀ для меня, Булашова, дороже всего... всякаго положительнаго вѣрованія...

— Да ты, пожалуйста, не высказывайся... если не расположенъ.

— Напротивъ! Нѣтъ ничего мудренаго, что ты считалъ меня единовѣрцемъ покойнаго отца и думалъ, что я занимаюсь тайнымъ или явнымъ совращеніемъ... Вѣдь такъ у насъ это назы-

Digitized by Google

вается? У меня пока одна заповѣдь, которую мнѣ передалъ отецъ мой: вотъ то, о чемъ ты, Костровинъ, сейчасъ упомянулъ, возмущенный постыднымъ равнодушіемъ нашего общества,—свобода совѣсти... то-есть, свобода всякаго вѣрованія! Для меня они всѣ равны.

— Однако... для себя самого?.. Разъ ты сознаешь, что нельзя жить безъ своего внутренняго уклада—какъ же не искать истины?

— Каждый, милый мой, ищетъ ее по своему... Но разъ ты вообразилъ себѣ, что *ты только* распозналъ ее,—все равно, дана ли она тебѣ свыше, или ты до нея дошелъ своимъ умомъ — ты не можешь быть терпимъ!

— Пожалуй... Но этакъ прямой путь къ индифферентизму... къ тому, что̀ насъ обоихъ печалитъ въ русскомъ обществѣ.

— Не стану тебѣ возражать... Къ чему приду я въ концѣ концовъ—я не знаю. Но если намъ—интеллигентамъ—нельзя жить безъ высшаго уклада, какъ ты называешь, то народу и подавно...

— Я о немъ ничего не говорю!

— И вотъ для этого народа я всѣми силами души моей желаю полнѣйшей свободы его совѣсти. Довольно и этого!

— Желать... мало...—проговорилъ глухо Костровинъ.

— Завоевать ее во имя всего народа—я одинъ не въ состояніи и не берусь за это. Что̀ въ моихъ средствахъ и силахъ, то и буду дѣлать.

— Пока не поймаешься!

— Ловить меня на чемъ же? Я никого совращать не намѣреваюсь. Я—простой обыватель, занимаюсь своимъ частнымъ дѣломъ. Сегодня здѣсь, завтра на Волгѣ, или на Кавказѣ, или въ Сибири.

— Ты вѣдь теперь богатый человѣкъ,—замѣтилъ Костровинъ.

— Своимъ имѣніемъ я всего менѣе буду заниматься. Хозяйства я не веду.

— А прежде мечталъ... помнишь, здѣсь, въ Разумовскомъ?

— Нѣтъ, другъ, лучше подальше отъ грѣха. Запашку въ обоихъ имѣніяхъ я отдалъ нашимъ же крестьянамъ. Лѣса̀ охраняю... вотъ и все. Возни и безъ того много. Я—даровой управляющій моей матери и двухъ сестеръ. У матушки—большое личное состояніе. Здоровье плохо. Она врядъ-ли и вернется въ Россію. Сёстры—при ней. Для меня такая жизнь шатуна—самая любезная. Я и пробираюсь теперь на Волгу...

— Вотъ оно что̀!.. Но все-таки, Булашовъ, остается свое

Digitized by Google

нутро, та святая святыхъ, безъ которой не было бы никакихъ вѣрованій? Ты отстраняешь себя... до поры, до времени... но уйти совсѣмъ нельзя! Я это самъ испытываю...

Костровинъ чего-то не договорилъ и оглянулся такимъ жестомъ, точно боялся, что ихъ кто-нибудь услышитъ.

— Тебя... и, кажется, твою жену занимаютъ эти вопросы? Я съ Иной Николаевной такъ мало знакомъ, всего третій день, какъ увидалъ ее въ первый разъ. Ты, когда-то, былъ то, что называютъ свободнымъ мыслителемъ. Терпимость проповѣдывалъ всегда, но никакой особой наклонности къ чему-нибудь мистическому... я не замѣчалъ. Извини, братъ, за эти, быть можетъ, нескромные вопросы.

— Почему? Почему?—заволновался Костровинъ.—Это должно быть взаимно... Видишь, Булашовъ, я не скрою отъ тебя... прежняго—какъ я называлъ—умственнаго равновѣсія у меня нѣтъ. Это долго разсказывать... а намъ пора. Ина будетъ недовольна.

— А ты уже въ подчиненіи? — спросилъ Булашовъ шутливымъ тономъ и положилъ руку на плечо пріятеля.

— Что-жъ... я не скрою!.. Въ любовь къ ней я положилъ много душевныхъ силъ. Съ высшей... нравственной точки, пожалуй, нехорошо впадать въ такое преклоненіе передъ женщиной —кто бы она ни была.

— Разъ ты... счастливъ!..

— Счастье! Знаешь... Я, кажется, возненавижу это слово. Какъ будто оно все оправдываетъ и все освящаетъ?

— Я этого не говорю!

— Ты видишь самъ... Ина изъ ряду вонъ... не по одной красотѣ—и по уму, и по всему своему складу.

Онъ наклонился къ уху Булашова и заговорилъ, приближаясь къ нему головой:

— Она горда... никому не показываетъ. Но у нея настоящее дарованіе.

— Въ какомъ родѣ?

— Она—поэтъ!

— Завидная доля!

— И вотъ... по ея взглядамъ, если хочешь—эстетическимъ, выходитъ, что не можетъ быть ни поэзіи, ни вообще искусства безъ... какъ бы это сказать... безъ мистической основы.

— Ина Николаевна и сегодня начала развивать эту тему. Только изъ-за этого она такъ поддакиваетъ этому Манилину, или потому, что сама наклонна къ тому, что я называю церковнымъ піэтизмомъ?

Digitized by Google

— Піэтисткой она никогда не будетъ. За это я ручаюсь. У нея это—внѣ всякаго положительнаго credo. Но, видишь ли, Булашовъ,—отъ нея что-то начало передаваться и мнѣ. Заново стали передо мною подниматься вопросы, которые я считалъ давнымъ-давно покончеными и сданными въ архивъ.

— А теперь они тебя теребятъ?

— И вотъ когда я присутствую при такихъ разговорахъ, какой сегодня былъ у Ины съ этимъ Манилинымъ—я чувствую, что и онъ, и она, каждый по своему, чѣмъ-то обладаютъ, чего лишенъ я.

— И ты готовъ искать... Чего же? Благодати?

— Оставимъ такія слова.

— Или кодекса морали... христіанской или иной?

— Не пытай меня, Булашовъ! Я не могу тебѣ отвѣтить такъ ясно и просто, какъ ты... Ты—сколько я тебя понялъ—тоже на полпути.

— Какъ и всѣ мы.

— Положимъ. Но все-таки у тебя есть завѣтъ: ты не помиришься ни съ какимъ видомъ насилія совѣсти, хотя и не станешь одинъ „противъ рожна прати“...

— А гдѣ это говорится?—остановилъ Булашовъ Костровина, взявъ его за руку.

— Въ писаніи.

— А гдѣ? Это—слова, услышанныя Савломъ, по дорогѣ въ Дамаскъ. Но не эти слова важны, а то, что фанатизмъ преслѣдователя превратился въ могучую вѣру проповѣдника ученія любви и милости.

— Павелъ сразу нашелъ путь. Не намъ на это разсчитывать!

Чего-то опять не досказалъ Костровивъ, поднялся и быстро поглядѣлъ на часы.

— Полчаса пролетѣло. Пора идти. Можетъ, ты находишь такой разговоръ совершенно ненужнымъ, даже и между старыми товарищами?

— Когда же я тебѣ это сказалъ, любезный другъ?

— Во всякомъ случаѣ... спасибо тебѣ за полную искренность! Я теперь знаю...

— Кто я?—весело окликнулъ Булашовъ и также всталъ.

— А ты развѣ торопишься... на Волгу?

— Мнѣ надо захватить развалъ макарьевской ярмарки.

— Все бы хоть денька три пожилъ еще.

— Поживу.

Digitized by Google

Они пошли опять подъ-руку, ускореннымъ шагомъ.

— Ты, вотъ, шатунъ, Булашовъ. А я... какъ улитка — прилипъ къ Москвѣ. Профессіи у меня нѣтъ. Презрѣнный буржуй и рантьѐ. Одно слово—домовладѣлецъ,—протянулъ онъ.

— Неужели никакого дѣла себѣ не выбралъ?

— Пробовалъ. Болѣлъ нѣсколько разъ. Потомъ, вотъ, женился. Особенно ни къ чему не тянуло. Ина начинаетъ тяготиться прѣснотой московской жизни. Тянетъ и меня въ Питеръ.

— Что же мѣшаетъ? Дѣтей у васъ нѣтъ.

— Да, можетъ быть, и не будетъ. Пожалуй, оно и лучше.

Костровинъ махнулъ рукой и пошелъ еще скорѣе. Черезъ нѣсколько минутъ они были уже на опушкѣ. До дачи пути оставалось еще на добрыхъ четверть часа.

II.

Было еще рано—даже и по дачному. Булашовъ, въ низковатой, но просторной комнатѣ мезонина, на дачѣ Костровиныхъ, умылся и одѣлся, стараясь дѣлать все безшумно, чтобы не разбудить хозяевъ,—ихъ спальня приходилась какъ разъ подъ его комнатой,—спустился по узкой лѣсенкѣ въ сѣни и вышелъ въ паркъ.

Давно онъ не живалъ въ Москвѣ, лѣтомъ, съ того почти времени, когда состоялъ слушателемъ въ Разумовскомъ, съ годовъ своего пріятельства съ Костровинымъ. Все ему здѣсь казалось какъ будто такъ же мило, какъ и тогда. Его потянуло опять туда, въ сторону академическаго лѣса; но онъ боялся опоздать къ утреннему чаю, который условился пить вмѣстѣ съ хозяевами.

Онъ прошелъ только поглубже, по одной изъ тѣнистыхъ аллей, къ крайней линіи дачъ.

Ночная свѣжесть убывала подъ ласковыми лучами солнца. Но кое-гдѣ, направо и налѣво, уже мелькалъ желтый листъ, и на дёрнѣ луговинъ, и въ чащѣ листвы.

И ему подумалось, что вотъ такъ и въ немъ: молодость еще играетъ, все еще хочется захватывать жизнь въ ея многообразномъ теченіи, а вдругъ какъ будто пахнетъ и дуновеніемъ ранней осени.

Ужъ онъ не тотъ студентъ Булашовъ, который увлекался въ Разумовскомъ разными мечтами. Тогда наука и преклоненіе передъ крестьянскимъ трудомъ сливались въ нѣчто, сулящее непоколебимую твердость духа и полную нравственную гармонію.

Digitized by Google

Многое уже было позади. На землю онъ не „сѣлъ“ и считаетъ себя отъ этого именно неизмѣримо болѣе свободнымъ. И для народа, для всей необозримой громады крестьянскаго люда онъ, прежде всего, желаетъ просвѣтленія его *души*, чтобы тотъ зналъ: чему онъ вѣритъ, за что стоитъ, и чтобы онъ всегда и вездѣ смогъ и съумѣлъ постоять за свободу своей совѣсти.

Вчерашній—довольно долгій — разговоръ за чаемъ припомнился ему. Онъ не хотѣлъ вступать въ принципіальный обмѣнъ взглядовъ съ этимъ „церковнымъ піэтистомъ“ Манилинымъ. Вообще, онъ уже не со вчерашняго дня взялъ за правило—не спорить о вопросахъ вѣры, не нападать, не ставить себя въ необходимость высказывать свои коренныя убѣжденія, безъ крайней надобности.

Піэтистъ ему не по душѣ,—ни онъ, ни его писанія. Это—все та же замаскированная опека надъ „мужичкомъ“, упрощенный способъ держать его подъ своей указкой, отводить его отъ высшихъ потребностей души, отъ выработки *своего* пониманія истины и своихъ способовъ спасенія.

Манилинъ—сладко и вкрадчиво—но опять сталъ дѣлать прозрачные намеки на его сектантство и на то, что онъ, вѣроятно, унаслѣдовалъ „положеніе“ его покойнаго отца.

Онъ имѣлъ бы поводъ осадить его; но воздержался. Характеръ дала ему природа такой, при которомъ не трудно было слѣдить за собою. Прежде и онъ былъ позадорнѣе. А теперь онъ если не „созерцатель“, то человѣкъ — „со стороны“, съ тѣми симпатіями, упованіями и протестами, о какихъ высказался вчера Костровину,—но не исповѣдникъ, не агитаторъ.

Гораздо больше интересовалъ его самъ Костровинъ, и отдѣльно, и при женѣ своей. Въ немъ—несомнѣнно — происходитъ какой-то внутренній поворотъ. У жены своей онъ въ рабствѣ. Она скучаетъ и примѣриваетъ на себѣ модныя накидки новыхъ „настроеній“. До сихъ поръ, кажется, никакого „друга“ еще нѣтъ; но она—изъ тѣхъ женщинъ, которыя должны имѣть въ своей свитѣ всѣхъ мужчинъ, бывающихъ въ домѣ.

Теперь она играетъ въ какой-то модный мистическій символизмъ и—быть можетъ, сама того не замѣчая—тянетъ своего Поля куда-то... по опасной, именно для него, дорогѣ.

Булашовъ не ожидалъ даже, что этотъ московскій товарищъ вызоветъ въ немъ такой живой интересъ. Еслибъ онъ могъ—онъ бы его сейчасъ же увезъ отсюда, хоть на нѣсколько недѣль, взялъ бы съ собою къ Макарію, а потомъ на Каму, на Уралъ.

Digitized by Google

То, что въ немъ забродило—нуждается именно въ такомъ „наперсникѣ", какъ онъ.

Замедленнымъ шагомъ Булашовъ сдѣлалъ большой обходъ парка и возвращался—къ девяти часамъ—мимо той площадки, гдѣ стоитъ театръ.

Было еще очень малолюдно. Кое-гдѣ проѣзжала извозчичья пролетка, взбивая пыль. Слышались изъ-за рѣшотки дѣтскіе голоса. Крики разносчиковъ тянулись долгими переливами голоса вдоль троттуара.

Ему показалось, что на одной изъ скамеекъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, влѣво, у перекрестка, сидѣвшая тамъ дама кивнула ему головой и даже сдѣлала привѣтствіе рукой.

Онъ не сразу призналъ Ину Николаевну Костровину.

— Вы—такъ рано?—спросилъ Булашовъ, переходя къ ней черезъ дорогу.

— Я пью воду и должна дѣлать моціонъ. Это довольно скучно... да и не знаю, будетъ ли толкъ.

Она была въ томъ же длинномъ и полупрозрачномъ пальто, что и вчера; но въ другой шляпѣ, въ родѣ капора, которая защищала ее отъ солнца. Въ свободной рукѣ она держала кружку.

Утромъ она казалась Булашову гораздо менѣе свѣжей. Онъ даже подумалъ, что она не успѣла придать цвѣту кожи должную бѣлизну, не разсчитывая встрѣтить знакомыхъ.

— Вы вѣдь съ нами пьете вашъ кофе?—окликнула она.— Я сегодня немного запоздала; но я буду во-время готова. Поль плохо спалъ.

— Что съ нимъ?

— Невралгія... Къ утру немного постихла. Сядьте сюда. Что же вамъ все стоять?

Онъ сѣлъ, не оборачивая къ ней лица.

— Вчерашніе разговоры слишкомъ взволновали его,—выговорилъ онъ искреннимъ звукомъ.

— Развѣ вы его не знаете?—спросила Ина съ полунедовольнымъ движеніемъ головы.

— Мы долго не видались. Я нашелъ въ немъ...

— Большую перемѣну?—подсказала она.—Вы скорѣе можете судить, какъ совсѣмъ свѣжій человѣкъ.

— Мнѣ, признаюсь,—началъ онъ, опуская низко голову,— хотѣлось самому поговорить съ вами о Полѣ.

— Въ одно слово!

— И вы хотите...

— Да... видите... это бываетъ. Только... monsieur... Була-

Digitized by Google

шовъ... Простите, вы вѣдь не любите, чтобы васъ такъ называли... Викторъ Сергѣевичъ?—вопросительно добавила она.

— Совершенно вѣрно.

— Только я попрошу... полной искренности. Вчера и третьяго дня, мнѣ такъ, быть можетъ, показалось... но вы относились къ мужу моему—точно онъ жертва, которую ведутъ на закланіе.

— Съ какой же стати?—спросилъ Булашовъ и пытливо взглянулъ на нее своими сѣрыми, круглыми глазами.

— Не знаю... Мнѣ такъ показалось.

— И вамъ угодно, чтобы я вамъ высказался... по вопросу вашей интимной жизни? Кто же меня къ этому уполномачивалъ? Вопросъ вашего супружескаго счастья...

— Полноте, Викторъ Сергѣевичъ!—остановила она его жестомъ руки.—Совсѣмъ не то! А вы точно думаете, что Поль теперь волнуется, когда задѣваютъ нѣкоторыя темы... потому что я на него вліяю... въ этомъ смыслѣ?

Булашовъ помолчалъ и прутикомъ чертилъ по песку.

— Я вижу, что вы не хотите быть со мной откровенны,—съ нѣкоторой нервностью выговорила Ина, поглядывая на него вбокъ.

— Вовсе нѣтъ, Ина Николаевна. Совсѣмъ даже напротивъ! Я, можетъ быть, и самъ обратился бы къ вамъ... по праву моего пріятельства съ Костровинымъ. Хитрить не буду. По моему, не слѣдовало бы волновать его въ этомъ направленіи.

Тутъ онъ повернулъ къ ней лицо и сѣлъ бокомъ.

— Скажите, Ина Николаевна, въ васъ самихъ всегда жило... или недавно только-что открылось... если не самое чувство... то интересъ къ этому...

— Вы хотите сказать?—протянула она, впадая въ свою манеру, и прищурилась.

— Склонность къ мистикѣ?—выговорилъ онъ спокойно и отчетливо.

— Вотъ видите... вы все-таки начинаете съ меня. Стало быть, вы хотѣли говорить со мной потому, что считаете меня... какъ бы это сказать... подстрекательницей, что-ли?

Ина тихо и раздѣльно засмѣялась. Смѣхъ былъ музыкаленъ, но „дѣланный“—на оцѣнку Булашова.

— Зачѣмъ?! Но вы сами пожелали имѣть со мной искренній разговоръ. И я жду прямого отвѣта на свой запросъ. Ни осуждать, ни безъ толку умничать я не способенъ. Но я не знаю...

— Вы хотите знать,—спросила она:—настоящій ли я, при-

Digitized by Google

рожденный мистикъ?.. Или только такъ... это у меня поза? минутное настроеніе? Если вамъ нужно это знать въ интересахъ Поли, къ которому вы, я вижу, очень хорошо относитесь — извольте. Моя исповѣдь, по этой части, не будетъ долга. Ребенкомъ я считалась очень набожной. Надо мной въ домѣ даже подтрунивали, называли меня одни просвирней, а другіе даже Θеклушей... изъ „Грозы“ Островскаго. Встать ночью къ заутрени... было для меня чѣмъ-то... ужасно привлекательнымъ. Это дѣлалось тайно отъ матери... Нянька была богомольная и тайкомъ водила меня... Совершенно какъ Тургеневскую Лизу. Я жила въ церкви своимъ міромъ. Ничего не боялась, объ адѣ никогда не думала, ни о чертяхъ, ни о раскаленныхъ сковородахъ... Меня окружалъ рой видѣній. И все было такъ таинственно... и какъ бы это выразиться?.. умилительно. Полутемнота, иконы, паникадилы, пѣніе, ладанъ, царскія врата... И непремѣнно — чтобы забиться въ уголъ и часто закрывать глаза. И молилась я — по своему. Рѣдко наизустъ... молитвы. Нянька учила меня... разные возгласы изъ акаѳиста, и начала нѣкоторыхъ псалмовъ. Я сама все сочиняла... Ха, ха! И такъ длилось года два. Въ домѣ стали находить, что я дѣлаюсь слишкомъ нервна, худѣю. Явилось большое малокровіе. Кто-то надоумилъ, что главная причина та, что я — „Θеклуша“. Няньку разочли. Я долго ревѣла. Потомъ отдали меня въ частную гимназію — съ *здоровымъ* направленіемъ, — съ юморомъ выговорила Ина, поведя губами.

— Вы хотите сказать?

— Въ трезвыхъ идеяхъ! Научно-позитивныхъ... И отмѣнно либеральныхъ! Содержательница — изящная барыня, съ культомъ господъ профессоровъ и литературныхъ знаменитостей, особенно изъ тѣхъ, кто пострадалъ, хотя бы только въ видѣ высылки въ Бологое... или въ Клинъ. Ха, ха!

Этотъ оттѣнокъ мнѣній Ины Булашовъ отмѣчалъ уже не въ первый разъ; но раньше онъ только проскальзывалъ... въ общемъ разговорѣ. Ей вторилъ вчера, за вечернемъ чаемъ, и Манилинъ.

— И вотъ-съ... меня тамъ годика въ четыре обработали... въ наилучшемъ видѣ. Все было такъ серьезно, и архичестно, и благопристойно... и главное... отмѣнно либерально. И чтобы послѣднее слово науки торжествовало! Противъ религіи никто насъ не возстановлялъ. Боже избави! Водили аккуратно къ обѣднѣ, и батюшка преподавалъ, какъ слѣдуетъ. Но только вся поэзія храма слиняла... И въ какихъ-нибудь два года во мнѣ не было уже ничего изъ прежнихъ моихъ дѣтскихъ настроеній, за которыя такъ начали бояться. Все — и въ домовой церкви, куда насъ

Digitized by Google

водили, и въ службѣ, въ молитвѣ, въ исповѣди, во всемъ, во всемъ—было также высоконрилично и гладко, и прѣсно, какъ и та гражданская мораль, которой насъ пичкали. И я стала совершенно равнодушна, до полнаго безразличія. Поэзія отлетѣла, а съ нею и все... И на меня начало нападать какое-то фрондёрство. Я накидывалась на самыя разрывныя книжки, уроковъ въ классѣ батюшки никогда не знала, въ церковь ходила только „по наряду"—какъ у насъ звали самыя libres penseuses... старшаго класса. Я въ нихъ, своимъ чередомъ, попала, и даже раньше, въ предпослѣднемъ классѣ. Такъ и кончила. Потомъ походила на курсы... на Лубянскіе... разумѣется, по естественнымъ наукамъ... какъ же иначе? И тогда уже меня начала глодать ужасная скука... И еслибъ...

Она остановилась.

— Еслибъ вы не начали писать? — подсказалъ Булашовъ, взглянувъ на нее.

— Поль... вамъ... разболталъ... Тогда мое призваніе...—выговорила она дурачливо—еще не выяснилось. Это пришло послѣ. Мы встрѣтились съ вашимъ товарищемъ. И онъ былъ такого же направленія, какъ наша гимназія. Тотъ же тонъ, тѣ же авторитеты, та же проповѣдь своего долга передъ народомъ и меньшей братіей вообще. Но я какъ-то сразу увидала въ немъ другое существо, не похожее на то, за что онъ выдавалъ себя.

— Вашъ мужъ былъ всегда ходячая искренность! — отозвался какъ бы про себя Булашовъ.

— Ахъ, Боже мой! Ну да, вы правы. Но точно мы не можемъ искренно носить форму, которую намъ построили, по извѣстной выкройкѣ? Вѣдь и я не хитрила. И я была передовая дѣвица съ идеями и прынцыпами.

Букву „ы" въ этомъ словѣ она подчеркнула и опять тихо разсмѣялась.

— И вы тронулись его страстью?

— Страстью?—переспросила Ина. — Положимъ. Вы, какъ будто, хотите сказать, что я только позволила себя любить? Не знаю. Можетъ быть... Я не изъ тѣхъ, кто выше всего ставитъ страсть. Въ ней не вся поэзія... А иногда и ничего поэтическаго нѣтъ. Но... не будемъ уклоняться въ сторону. Въ Павлушѣ—она въ первый разъ такъ назвала его—меня привлекалъ тотъ внутренній человѣкъ... въ мундирѣ. А скажите, развѣ вы, его товарищъ, никогда этого сами не замѣчали?

— Если хотите... онъ всегда былъ склоненъ къ страстному мышленію... Его глубоко волновали судьбы человѣчества.

Digitized by Google

— Это все была книжка!

— Не скажите... Это была тоже своего рода...

— Мистика, хотите вы сказать?

— Пожалуй.

— Вотъ видите. Но я не стала намѣренно будить въ немъ эти затаенныя... и коренныя струны его души... Я только сама начала стряхивать съ себя всю свою... выучку.

Она поглядѣла на него и продолжала:

— Я не знаю вашихъ вкусовъ, Викторъ Сергѣевичъ... Вы, можетъ быть, прохаживаетесь надъ новымъ теченіемъ въ литературѣ и искусствѣ. Вамъ я могу показаться декаденткой... une poseuse... ломакой... Это какъ вамъ будетъ угодно! Но вѣдь вы просили моей исповѣди? Да? Я не боюсь ничьихъ приговоровъ. Когда мнѣ стало дорого то, что̀ есть самаго цѣннаго въ жизни— я опять вернулась душой къ міру моихъ образовъ и порываній, уже не дѣтскихъ... Я уразумѣла только недавно, уже замужемъ— что̀ такое истинная мистика, не связанная ни съ какимъ клерикализмомъ. Вы понимаете? Что-жъ! Прежней дѣтской вѣры во мнѣ нѣтъ. Да я и не хочу вставлять себя въ рамки какихъ бы то ни было неподвижныхъ догматовъ, уставовъ, благословеній, проклятій. Не чувствую и никакого личнаго ужаса передъ загробной жизнью. А того, что̀ католики называютъ „faire son salut“ — я не желаю... хотя, быть можетъ, я и великая грѣшница. Но что̀ такое мое *я*? Что̀ оно передъ тѣмъ... чѣмъ-то безконечнымъ, что̀ окружаетъ насъ своей предвѣчной тайной? И въ ней — вся поэзія и весь высшій смыслъ нашей жизни. Безъ нея нѣтъ творчества, нѣтъ поэзіи! И кто этого лишенъ — не будетъ ни писателемъ-художникомъ, ни живописцемъ, ни музыкантомъ. Вотъ, Викторъ Сергѣевичъ, мое исповѣданіе вѣры! — громко и съ широкимъ жестомъ воскликнула Ина и поднялась.

За ней всталъ и онъ. То, *что* и *какъ* она говорила, вызвало въ немъ нѣчто совсѣмъ не такое, чего онъ, быть можетъ, ожидалъ. Кривлянья, рисовки, фразерства онъ что-то не подмѣтилъ. Натуру мужа она понимала.

Со всѣмъ этимъ онъ соглашался мысленно; но вѣдь дѣло идетъ не о ней. Пускай она увлекается своими эстетическими теоріями и играетъ въ дилеттантскій мистицизмъ. Но она „заражаетъ“ мужа и можетъ вызвать въ немъ не такую игру, какъ въ ней, а что-нибудь для него прямо опасное.

Они прошли нѣсколько минутъ молча, по направленію къ ихъ дачѣ.

Digitized by Google

— Теперь ваша очередь, Викторъ Сергѣевичъ, — начала Ина.—Выступайте, если угодно, въ роли прокурора.

— Боже избави! Все, что̀ вы сказали—вѣрно. И я благодарю васъ за такую искренность... Но если въ Полѣ сидитъ влеченіе къ мистикѣ—подумайте, Ина Николаевна... Для васъ это...

— Забава? скажете вы.

— Нѣтъ... Положимъ, даже основа того, что̀ вы считаете поэзіей жизни... и вдохновительницей талантовъ. Но въ Костровинѣ оно можетъ принять другой оборотъ... въ воздухѣ тѣхъ настроеній, которымъ вы... желаете предаваться, какъ поэтесса. Этимъ огнемъ играть опасно!

— Я не ожидала, Булашовъ, что вы мнѣ это скажете... именно вы...

— Потому что я—сынъ моего отца? И мужъ вашъ, не дальше, какъ вчера, когда мы съ нимъ позамѣшкались—тоже удивлялся... что я внѣ всякой пропаганды... и, главное, внѣ всякаго...

— Неужели всякаго религіознаго чувства?

— Нѣтъ! Но той особенной, нервной мистики, которую вы такъ высоко ставите. Будь я и сектантъ, учитель, пресвитеръ, тайный или явный пропагандистъ одной чистой морали—я и тогда бы не сталъ дѣйствовать на душу такого человѣка, какъ вашъ мужъ.

— Почему?

— Потому что я не вижу въ немъ никакой душевной нормы. Вы посмотрите на меня. Не даромъ меня принимаютъ за англичанина. Выше всего для меня, Ина Николаевна, свобода моей совѣсти. Она должна создать себѣ свой идеалъ, свое credo, свою вѣчную правду, насколько она доступна человѣку. И эта свобода совѣсти—мой культъ, не для одного меня, но для всѣхъ. Пускай всякій имѣетъ своего Бога и свою правду, какъ онъ ихъ разумѣетъ; но чтобы каждый былъ волёнъ исповѣдывать ихъ открыто, всегда и вездѣ!

Голосъ Булашова не поднимался; но внутреннее одушевленіе сказывалось въ силѣ, съ какою онъ произносилъ нѣкоторыя слова.

— Прекрасно! Но почему же вы не хотите, чтобы Поль, съ его потребностью въ Богѣ, былъ тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть? Вы думаете, что я... его жена... хочу овладѣть его душой одна и вести его, куда я желаю? Вы ошибаетесь! Напротивъ, я потому и вызвала васъ на этотъ разговоръ..! Вы—какъ разъ такой человѣкъ, въ которомъ онъ нашелъ бы себѣ и откликъ, и указаніе...

Digitized by Google

— Нѣтъ, Ина Николаевна, я въ вѣроучители ни къ кому не пойду.

— Ахъ, Боже мой!—нервнѣе заговорила она и остановила его.—Вы не хотите меня понять. Васъ точно сама судьба посылаетъ. Сколько я васъ понимаю, вы интересуетесь каждымъ свободнымъ исповѣданіемъ, и васъ сильно занимаетъ вопросъ вполнѣ свободной народной церкви, начиная съ той, которая у насъ господствуетъ...

— Такъ что же?—спросилъ онъ.

— Вы хоть и не занимаетесь никакой пропагандой... но вы должны видаться со всякимъ народомъ, и съ старообрядцами, и съ сектантами евангелическихъ толковъ. Заинтересуйте всѣмъ этимъ Поля. Пускай онъ самъ себѣ...

— Найдетъ Бога?—подсказалъ Булашовъ.

— Да, да. Поводите его здѣсь. Возьмите съ собой въ интересныя мѣста. Развѣ это не лучше, чѣмъ оставлять его такъ... въ пустомъ пространствѣ? Пускай онъ самъ себѣ выберетъ вѣру... по душѣ.

И опять ея смѣхъ скорѣе непріятно прошелся по нервамъ Булашова.

Все это уже казалось ему слишкомъ складнымъ, точно она нарочно готовилась и говорила какъ по печатному.

Потомъ въ головѣ его быстро-быстро мелькнула мысль:

„Не желаетъ ли она, просто-напросто, удалить, на время, мужа? Можетъ быть, это ей, въ эту минуту, особенно нужно“?

Но онъ какъ бы устыдился такого подозрѣнія.

Она кокетлива и властолюбива—это чувствовалось; но тонъ у нея былъ открытый, безъ всякой рисовки или умышленнаго подхода.

На поворотѣ въ ихъ аллею, Ина еще разъ остановила его.

— Вы видите, Викторъ Сергѣевичъ,—съ особой ласковой вибраціей выговорила она и глянула на него сквозь полуопущенныя рѣсницы:—я ваша союзница. Развѣ вы и вчера, и сегодня не говорили: „пускай каждый ищетъ своего Бога, создаетъ себѣ свою вѣру и защищаетъ свободу своей совѣсти“? Чѣмъ бы Поль ни сталъ: такимъ вотъ піэтистомъ, какъ Манилинъ, или ревностнымъ сыномъ... господствующей церкви, или сектантомъ... но ему нуженъ исходъ для того, что въ немъ бродитъ и проситъ выхода!

— Пожалуй, вы и правы,—точно нехотя согласился Булашовъ.

— Ему нужна... диверсія. Онъ сталъ впадать въ задумчи-

Digitized by Google

вость и дѣлаться до-нѣльзя нервенъ. Помогите тому, чтобы онъ нашелъ...

— Истину и путь? Легко сказать!

— И не бойтесь, пожалуйста, моего женскаго захвата! Ха, ха! Моя мистика—не мрачная, не изувѣрская. Она вся соткана изъ прекрасныхъ образовъ.

Заслышались опять пѣвучія, капризныя интонаціи.

Идя съ нимъ, она немного опиралась на его руку, и онъ чувствовалъ близость ея бюста.

„Особа... очень опасная!—думалъ онъ.—Но то, что она говоритъ—весьма неглупо и, пожалуй, вѣрно“...

За нѣсколько саженей до ихъ дачи, Ина высвободила руку, простилась съ нимъ крѣпкимъ пожатіемъ и почти побѣжала, крикнувъ ему:

— Вы погуляйте еще. Раньше, какъ черезъ полчаса, я не буду готова...

Онъ долго провожалъ ее глазами, двигаясь медленно.

III.

Къ часу завтрака Булашовъ отправился изъ Лоскутной гостинницы, гдѣ онъ стоялъ по возвращеніи изъ поѣздки,—на Никольскую, къ „Славянскому Базару“.

Они поѣхали-таки съ „Павлушей“, какъ и Булашовъ сталъ звать Костровина. Ина Николаевна сдѣлала такъ, что тотъ самъ попросился „провѣтриться“. И цѣлую недѣлю они были почти неразлучны: въ Нижнемъ, на ярмаркѣ „бѣгали“; на пароходѣ заѣхали въ большое раскольничье село, на Волгѣ; побывали и въ другой мѣстности, гдѣ водятся еще евангелическіе сектанты, по старому муромскому тракту. Булашовъ звалъ Костровина и дальше, на Каму; но тотъ слегка простудился и вернулся въ Москву одинъ.

Эта поѣздка очень ихъ сблизила. Для Павлуши все было ново въ томъ освѣщеніи, какое народная жизнь получала около его пріятеля, котораго онъ прозвалъ: „свѣдущій человѣкъ по вѣроисповѣднымъ дѣламъ“.

Тому, что такъ дорого было Булашову, т.-е. свободѣ церкви, которую народъ способенъ былъ отстаивать вѣками—онъ безусловно сочувствовалъ. Въ приволжскомъ раскольничьемъ селѣ они попали къ безпоповцамъ. Павлуша, впервые, былъ въ такой обширной моленной, слышалъ стройное пѣніе, насмотрѣлся на

Digitized by Google

истовыя лица мужиковъ съ бритыми маковками, и—въ особенности—на бабъ, съ глубокими глазами, строго глядящими на васъ изъ-подъ надвинутаго на лобъ темнаго платка, съ распущенными по плечамъ концами; присутствовалъ и при бесѣдахъ Булашова съ двумя начетчиками.

Тамъ Булашовъ былъ уже свой человѣкъ. На него смотрѣли какъ-то особенно. И онъ, не поддѣлываясь умышленно подъ ихъ тонъ, умѣлъ говорить съ ними не какъ баринъ, отъ скуки забавляющійся чѣмъ попало, а съ нелицемѣрнымъ интересомъ къ тому, что происходитъ въ ихъ толкахъ и „согласіяхъ“, съ большой начитанностью по этой части. Костровинъ даже удивился, что Булашовъ интересуется именно старообрядцами, и въ ихъ средѣ—безпоповцами разныхъ толковъ.

— Вѣдь это все-таки изувѣрское буквоѣдство, мертвечина?

— Нужды нѣтъ!—говорилъ ему Булашовъ.—Далеко не все одно буквоѣдство и мертвящее топтаніе на одномъ мѣстѣ.

И тотъ сталъ ему разсказывать многое, о чемъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія: какъ въ расколѣ старообрядчества, въ послѣдніе годы, зачуялись разныя новыя теченія. Мысль заиграла, и нравственные запросы пошли дальше, и мистика получаетъ другую окраску.

Павлуша, во всю поѣздку, о себѣ совсѣмъ почти не говорилъ, былъ замѣтно подвинченъ тѣмъ, что „показывалъ“ ему пріятель, и досадовалъ на то, что „глупо расклеился“ и не поѣхалъ туда, куда звалъ его Булашовъ.

И только-что узналъ про его возвращеніе, сейчасъ же прибѣжалъ къ нему въ гостинницу и сталъ опять тащить къ себѣ. Они уже переѣхали въ городъ, въ собственный домъ, на Покровкѣ.

Отъ новаго „гощенія“ Булашовъ отказался, подъ разными предлогами. Ему не хотѣлось быть слишкомъ много съ „обаятельной“ Иной Николаевной, хотя она всячески выказывала ему свою симпатію и усиленно благодарила его за поѣздку съ Павлушей.

— И здѣсь,—утѣшалъ его Булашовъ,—я похожу съ тобой. Это будетъ какъ бы продолженіе нашей поѣздки въ раскольничье село.

Вотъ онъ и назначилъ ему сойтись въ „Славянскомъ Базарѣ“ къ завтраку, а потомъ навѣстить тутъ же, въ „городѣ“, его „благопріятеля“, изъ старообрядцевъ, котораго они, навѣрное, захватятъ, послѣ часа, въ лавкѣ.

Костровину и завтракъ вдвоемъ, въ ресторанѣ, и такая „экскурсія“ пришлись весьма по душѣ, и онъ все повторялъ:

Digitized by Google

— Вотъ ты опять упорхнешь, а я останусь здѣсь... съ собственной особой... все въ томъ же званіи московскаго обывателя, владѣющаго капитальными домами.

Жаль Булашову стало добрѣйшаго Павлушу, и еслибъ онъ зналъ, къ чему его сейчасъ „пристроить"—онъ взялся бы за это съ большой радостью.

Влюбленъ въ жену, въ эту безсознательную „ломаку" Ину Николаевну, и еслибъ она была позлѣе—она бы продѣлывала надъ нимъ какіе ей угодно опыты. Врядъ ли она принимаетъ особенно къ сердцу, что Павлуша только носитъ мундиръ свободнаго мыслителя, и что ему нужна... мистика въ ея вкусѣ... *Ей* нужно, чтобы онъ ей вторилъ, пѣлъ съ ея голоса, проникался высшей красотой, которая только и возможна при полетахъ въ „надчувственные міры".

Настолько Булашовъ къ ней уже присмотрѣлся, чтобы дать ей оцѣнку, какъ женщинѣ: она безъ темперамента, безъ чувственнаго пыла и безъ задушевности, безъ потребности въ отдачѣ себя любимому человѣку. Ей нужно преклоненіе и—вѣроятно—ненасытная игра въ „сухую" любовь, въ баловство воображенія.

Павлуша—рабъ ея, но она не наполняетъ всей его жизни. Онъ еще чего-то „взыскуетъ". Ина Николаевна намѣтила отдушину для того, что бродитъ въ его душѣ.

Еще вчера она, оставшись одна съ Булашовымъ, сказала ему:

— Спасибо вамъ большое, Викторъ Сергѣевичъ,—Поль теперь стряхиваетъ съ себя прежній мундиръ. На чемъ онъ остановится — это не важно. Разсудочнымъ сектантомъ онъ не будетъ... и не того я для него желаю... Но онъ уже стыдится своего прежняго избитаго просвѣтительства... и не стыдится сознавать, что душѣ его близка великая Тайна.....

Когда Булашовъ вошелъ въ громадный „hall" ресторана, его издали поманилъ Костровинъ, занявшій одно изъ боковыхъ углубленій, вправо отъ буфета.

— Вотъ сюда! Попросторнѣе. По-московски! По водкѣ не желаешь пройтись?

— Я не пью.

— И я отрѣшилъ себя. Одной скверной привычкой меньше.

— Да, я вижу, и курить отучаешь себя,—замѣтилъ Булашовъ, садясь сбоку, такъ что ему вся половина залы сдѣлалась видна вдоль.

— Отучаю—это точно. Но не потому, чтобы смотрѣлъ на это какъ на грѣхъ... по ученію мудреца, проживающаго въ

Digitized by Google

Хамовникахъ. Да и какіе грѣхи? Развѣ можно называть такъ порывы и настроенія?.. И классифицировать ихъ? У Ины есть превосходное стихотвореніе на эту тему. У твоихъ вѣдь безпоповцевъ давно сложилась прибаутка: „коли не согрѣшишь, такъ и не покаешься“!

И обведя глазами всю половину залы, Костровинъ головой показалъ на обычную публику завтраковъ.

— Всѣ грѣшатъ, а не унываютъ! Но въ чемъ я многимъ настоящимъ руссакамъ завидую... Руссакъ и въ вѣрѣ твердъ, и въ дѣло ушелъ. И одно другому у него не мѣшаетъ... Не то, что у нашего брата, интеллигента... Однако, прости. Вѣдь надо же и заказать... Возьми это на себя, голубчикъ... Я плохъ по этой части, даромъ что коренной москвичъ.

Булашовъ опять замѣчалъ въ Павлушѣ возбужденіе, которое сказывалось въ этомъ перекидываніи себя отъ одной мысли къ другой.

Первое блюдо онъ заказалъ холодное, и имъ тотчасъ же подали его.

Чувствовалось, что Костровинъ былъ сильно подвинченъ возможностью „пространно“ излиться пріятелю.

— Ты скоро скроешься? — спросилъ онъ Булашова послѣ того, какъ торопливо поѣлъ перваго блюда.

— Сначала надо побывать въ Петербургѣ.

— Въ Питерѣ? Вотъ что... Знаешь: насчетъ этого у насъ съ Иной съ прошлаго года идетъ все одинъ и тотъ же разговоръ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Ее туда тянетъ... Понимаешь... съ ея вкусами, идеями... Тамъ есть большой кружокъ...

— Декадентовъ?

— Она не любитъ этого слова. Они называютъ себя „индивидуалисты“.

— Кажется, и здѣсь завелись курьезные стихотворцы... и даже художники?—весело спросилъ Булашовъ.

— Водятся... и очень... да они ей, должно быть, пріѣлись. Жалуется на то, что здѣсь очень ужъ бѣдно... людьми... и талантами.

— А по моему, Москва... куда интереснѣе, чѣмъ Петербургъ, и для писательницы.

— Вѣрно, вѣрно! Но вѣдь Ина презираетъ изученіе быта... реальную тамъ правду, что-ли... Ей не нужно ничего этого! Жизнь видимая, осязательная—въ ея глазахъ—не имѣетъ ни-

Digitized by Google

какой цѣны. Для нея цѣнны только личныя настроенія... высшіе символы, полеты въ надчувственную область.

— Будто тамъ, въ этой слякоти и мглѣ... такіе полеты легче, чѣмъ здѣсь?.. Въ Москвѣ есть климатъ... есть солнце... задается прекрасная весна... и ясная, сухая осень... какъ теперь, напримѣръ.

— Ничего этого ей не нужно! Она солнце... какъ это сказать...

— Отрицаетъ? Ха, ха!

— Въ родѣ этого. Ты еще не попадалъ въ ея рабочую комнату?

— Ина Николаевна... не приглашала меня... да и когда же было? Я всего разъ былъ у васъ.

— Въ этой комнатѣ никогда нѣтъ свѣта. Она вся обтянута чернымъ атласомъ... съ разными арабесками. Освѣщеніе сверху... электрической грушей... въ видѣ чего-то...

— Тоже символическаго?—подсказалъ Булашовъ.

Лицо Костровина внезапно затуманилось.

— Ты не подумай, Булашовъ,—заговорилъ онъ горячѣе,—что я все это разсказываю тебѣ, чтобы за глаза пройтись надъ моей женой въ юмористическомъ вкусѣ. Теперь всѣ хихикаютъ надъ декадентами... Кличку эту надо бы бросить!.. Я ими не увлекаюсь. Есть не мало и блажи, и пожалуй психопатіи... Все это облетитъ, какъ пустоцвѣтъ. Но развѣ Ина не имѣетъ полнаго права—развивать талантъ, уходя въ свой міръ видѣній?

— Конечно!

— И не думай, что это какая-нибудь мертвечина. Нѣтъ! Она совсѣмъ не восхищается вотъ хотя бы тѣмъ, что у насъ теперь имѣетъ фурорный успѣхъ на театрѣ. Всѣ эти жалкіе нытики, кислякй и тоскующія „дѣвули“... Для нея это все такъ не нужно, и ничтожно, и плоско, и скучно, и ординарно!

Онъ сдѣлалъ передышку, и у него вырвалось тихое восклицаніе:

— Счастливица она! Вотъ что я тебѣ скажу! Но у нея талантъ. Ей ничего не нужно, кромѣ своихъ настроеній... Посмотрю я на тебя, Булашовъ... Вотъ и ты тоже счастливецъ! И большой!

— Будто бы?

— А то какъ же?!. Все въ тебѣ такъ уравновѣшено. Если ты ищешь также исхода для твоего... нутра... ты и въ этомъ никогда не потеряешь почвы подъ ногами. Фанатизма у тебя, кажется, нѣтъ ни на грошъ, но ты преданъ высокой идеѣ—

Digitized by Google

свободы совѣсти! И ты годами будешь собирать факты, бить все въ одну точку... и когда настанетъ моментъ—выпустишь въ свѣтъ своего рода „Хижину дяди Тома“.

— Ты предвосхитилъ мою мечту, Павлуша.

— Видишь! Я вѣрно угадалъ! А я, въ это время, все буду... какъ говоритъ Ина, сидѣть между двухъ стульевъ.

— Да почему же?—возразилъ Булашовъ, слегка подаваясь головой впередъ.—Ты молодъ, образованъ, не мало учился; здоровье, правда, не первый сортъ, но не такъ уже плохо. У тебя хорошія средства...

— Знаю, знаю... Средства! Гораздо лучше было бы—не имѣть ихъ. Я, другъ мой сердечный, самая нескладная разновидность. По отцу... дворянинъ. По матери... вотъ отсюда, изъ „города“, изъ царства ихъ степенствъ. А ты присматривался ли къ тому, какое быстрое вырожденіе происходитъ въ этомъ самомъ царствѣ, въ родовитыхъ купеческихъ семьяхъ, въ „династіяхъ“, какъ здѣшніе газетные остроумцы называютъ ихъ?

— Нѣтъ, не приводилось.

— Поразительно быстрое вырожденіе! Казалось бы, они-то и должны были влить свѣжую кровь, живительные соки. Анъ выходитъ наоборотъ. У дворянъ—оскудѣніе... но больше матеріальное. Ну, разумѣется, и физіологическое, отчасти и душевное. Но не такое быстрое... По отцу я бы долженъ быть богатырь. Онъ былъ настоящій отставной кавалеристъ, покучивалъ, ѣздилъ въ клубъ, ходилъ на охоту, умеръ ударомъ, также какъ и его отецъ. А вѣдь родъ-то служилыхъ людей Костровиныхъ извѣстенъ, даже документально, съ четырнадцатаго вѣка, вотъ когда Москва была еще дряннымъ поселкомъ, и гдѣ теперь Боровицкія ворота—былъ *боръ*, лѣсная чаща, и въ ней срубили первую церквушку—Спаса-*на-бору*. Сообрази: пятьсотъ слишкомъ лѣтъ они несли службу, ломали походы, пьянствовали, обжирались... и все—ничего! А тутъ—въ два какихъ-нибудь поколѣнія—и распадъ! Матушка моя—по себѣ... Воротилина. Начальникъ ихъ рода пришелъ на Москву мужичкомъ... былъ сначала простымъ прядильщикомъ. Кончилъ милліонами. Основалъ династію. Кстати, перешелъ изъ старообрядцевъ въ единовѣріе; а дѣти уже стали „церковными“. И что же? Въ главной, прямой линіи сынъ его выказывалъ уже признаки психическаго вырожденія. Дожилъ, правда, до старости... но съ особымъ норовомъ. Каждый годъ, раза по два, по три—пропадалъ.

— Запой?—спросилъ Булашовъ.

— Нѣтъ. Запирался... у себя. И такъ, что никто въ домѣ

Digitized by Google

не зналъ: что̀ съ нимъ. А съ нимъ были припадки мрачной меланхоліи. Никого не допускалъ до себя. Даже жену. Приносили ему поѣсть, ставили въ первую комнату, какъ узнику... А въ послѣдней генераціи... у двоюродныхъ братьевъ и сестеръ покойной матушки—уже полное вырожденіе. Только старшій, глава фирмы, и держится. Меньшой братъ—форменный неврастеникъ. На дорогѣ къ прогрессивному параличу... Возятъ его по разнымъ курортамъ... Блажитъ! И языкъ у него заплетается: хочетъ сказать одно слово—выговариваетъ другое. Эротоманъ... Ни съ одной женщиной нельзя его оставить съ глазу на глазъ. При немъ всегда врачъ. Сестра такъ и совсѣмъ уже сковырнулась... Это—цѣлая трагедія.

Костровинъ оглянулся—кругомъ прибывало народу, и онъ сталъ говорить гораздо тише.

— Вышла замужъ... по любви. Красавецъ, умница, изъ дворянъ. Прекраснѣйшій человѣкъ, дѣловой, по всей Москвѣ самая лестная репутація. Сначало шло все ладно. Пошли дѣти. И вотъ, такъ лѣтъ уже шесть-семь назадъ, начала и она запираться, совершенно какъ отецъ... Только ее захватилъ уже злой душевный недугъ... Манія преслѣдованія и всякая штука. Хуже того... возненавидѣла дѣтей, мужа, всѣхъ своихъ родныхъ. Никого на глаза себѣ не пускала! И такъ идетъ до сего дня!

Полушопотомъ онъ досказалъ:

— Между нами... чуть не покушалась на жизнь... не свою,—это было бы не такъ ужасно,—а собственнаго чада.

— Нѣтъ?—протянулъ съ невольной дрожью Булашовъ.

— Такой пошелъ слухъ... и что-то въ этомъ родѣ дѣйствительно было.

— Но твоя матушка?

— Скончалась отъ воспаленія легкихъ—точно; но передала мнѣ и мои лихія болѣсти... И въ послѣдніе годы, еще не старой женщиной, была въ постоянно подавленномъ состояніи духа. Училась она какъ барышня, взглядовъ была либеральныхъ... на все. Много дѣлала добра. Особой религіозности не было. А подъ конецъ и по этой части совсѣмъ какъ бы переродилась. Страхи загробной жизни... даже, если правду сказать, какая-то экзальтація на мистической подкладкѣ... И поживи она еще—кто знаетъ, во что̀ бы это перешло!

— Смущаться этимъ, Костровинъ, нѣтъ никакого серьезнаго повода.

— Эхъ, милый другъ, всякому своя слеза солона̀! Намъ съ тобой подъ тридцать лѣтъ. Кажется,—пора найти свое мѣсто

Digitized by Google

на этомъ свѣтѣ! Вотъ ты сейчасъ перечислялъ: и молодость, и образованіе, и средства... А твой пріятель—въ пространствѣ. Пробовалъ... и ничего изъ этого не выходитъ. И благотворительность, и даже городскія дѣла. Сейчасъ оскомина... безплодность верченія въ колесѣ. А за кускомъ хлѣба бѣгать—нечего. Что маменька принесла съ собою, то папенька не успѣлъ прожить, и я—владѣлецъ цѣлыхъ двухъ домовъ, не считая дачи въ Парнѣ.

— Испробуй Петербурга... Тамъ, дѣйствительно, больше людей. Ты когда-то все мечталъ о популяризаціи знаній въ извѣстномъ направленіи... Чего же лучше? Займись этимъ. Ты найдешь сотрудниковъ.

Костровинъ махнулъ рукой.

— Не тянетъ, другъ! Все это просвѣтительство выдохлось въ моихъ глазахъ... О, еслибъ найти исходъ тѣмъ затаеннымъ потребностямъ души... которыя Ина первая стала будить во мнѣ! Она проницательна. У нея—вѣщая душа. И я бы пошелъ въ ихъ вѣру... въ исканіе высшей мистической красоты... Да нѣтъ во мнѣ совершенно такой именно жилки. Мы съ тобой любили искусство, были у насъ любимые авторы, любимые художники, актрисы, композиторы; но не такъ... Это не было для насъ настоящей религіей. И натаскать себя—нельзя, коли жилки такой нѣтъ. Мое положеніе и тутъ двойственное. Я бы и радъ былъ душой сливаться, въ этомъ, во едино съ Иной... Личины на себя не могу надѣвать, да она сейчасъ бы и распознала. И я только ассистентъ... смотрю и слушаю. Не возмущаюсь, не смѣюсь, но и не проникаюсь...

Булашовъ слушалъ пріятеля, опустивъ голову. Имъ давно уже подали кофе. Кругомъ значительно опустѣло.

— Надоѣлъ я тебѣ... съ моими ламентаціями,—заговорилъ Костровинъ другимъ тономъ, и отхлебнулъ изъ чашки.—Что-жъ! Ты немножко и самъ въ этомъ виноватъ, милый другъ.

— Я?

— Ты, вотъ, возилъ меня на Волгу... и теперь хочешь немного втянуть въ знакомство съ тѣмъ, какъ русскіе люди ищутъ и находятъ Бога... и крѣпко держатся—каждый—своего духовнаго уклада... Но вѣдь для этого надо имѣть твою натуру, твою уравновѣшенность, чтобы идти дальше одного дилеттантства. А то какъ-то, братъ, и совѣстно: точно газетный репортеръ какой, на американскій фасонъ, вывѣдываетъ—какъ люди вѣрятъ, какъ молятся...

— Зачѣмъ же такъ?—остановилъ его Булашовъ и, не воз-

Digitized by Google

вышая голоса, заговорилъ другимъ тономъ, съ блескомъ въ своихъ сѣрыхъ глазахъ: — Почему же ты не хочешь войти въ то негромкое дѣло, которое мнѣ дорого? Оно—каждому доступно, каждому по силамъ. Только захоти—и я тебѣ открою всѣ тѣ ходы, какіе мнѣ извѣстны. Согласись, Костровинъ, мы, интеллигенты, принадлежащіе къ высшему сословію и оффиціально къ господствующему исповѣданію, непростительно ведемъ себя въ вопросѣ, выше котораго нѣтъ ни одного, ни у народа, ни у господъ, ни у рабочаго, ни у купца, ни у чиновника, ни у солдата.

— Но что же мы можемъ сдѣлать?

— Все, еслибъ только захотѣли!.. Но дѣло въ томъ, что для насъ это — „abgedroschenes Zeug“, — какъ нѣмцы говорятъ! Стоитъ ли этимъ заниматься?.. Ну, есть тамъ какіе-то раскольники, какіе-то сектанты, молокане, духоборы, или хлысты, или малёванцы...

— Какіе такіе?

— Вотъ видишь! Ты даже не слыхалъ про такую секту?!.

— Грѣшный человѣкъ, не слыхалъ.

— А того мы не хотимъ понять и запомнить, что мы сами себѣ роемъ яму... этимъ жалкимъ индифферентизмомъ! Примѣръ моего отца и его послѣдователей—на лицо... И они были равнодушны къ великому вопросу, пока сами не стали открыто исповѣдывать то, что они считаютъ истиной. Но и они были—господа.

— Не спорю, другъ,—вставилъ Костровинъ.

— Ты вотъ сейчасъ вскричалъ:—„да что же мы можемъ сдѣлать?!“—Ничего, потому что наша хата съ краю... Намъ все равно... Мы отбываемъ повинность въ видѣ исполненія обрядовъ... И довольно. А другіе тамъ пускай сами изворачиваются, какъ знаютъ!..

Голоса Булашовъ не поднималъ; но румянецъ замѣтно проступилъ въ щекахъ. Глаза скорѣе улыбались, и со стороны можно было подумать, что онъ разсказываетъ что-нибудь веселое.

— Согласенъ! Тысячу разъ согласенъ! Но все-таки мы безсильны,—замѣтилъ Костровинъ.

— А вотъ тѣ смерды,—продолжалъ Булашовъ,—и посадскіе люди, и московскіе гости, которые отололи себя отъ государственной церкви,—чѣмъ они добыли, послѣ двухсотлѣтнихъ мытарствъ, что ихъ терпятъ и что у нихъ есть свой укладъ и своя іерархія? Вотъ тотъ добрый знакомецъ мой, куда я тебя сейчасъ поведу, если ты желаешь... туда, къ толкучкѣ... что онъ: умнѣе, образованнѣе, богаче, родовитѣе насъ? А попробуй, предложи

Digitized by Google

ему компромиссъ... самый невинный... Надъ нимъ нѣтъ, въ дѣлахъ совѣсти, никакой указки, кромѣ того, что онъ — худо ли хорошо, правильно или неправильно — считаетъ непреложной истиной. И этого могъ бы достичь каждый въ нашей средѣ!

Онъ вынулъ часы.

— Надо идти!.. Теперь самое время застать Тимоѳея Кузьмича.

— Твоего благопріятеля?..

— Я уже говорилъ ему о тебѣ, не дальше, какъ вчера.

Костровинъ позвалъ человѣка и спросилъ счетъ. Минутъ черезъ пять они, выйдя съ подъѣзда, взяли влѣво, по Никольской.

IV.

Они вошли подъ навѣсъ ряда, примостившагося къ стѣнѣ „города“, гдѣ пріютились лавки и лавчонки со всякимъ невзрачнымъ товаромъ.

— Вотъ сейчасъ и лавка Сыркова! — сказалъ Булашовъ, указывая впередъ движеніемъ головы.

Троттуаръ былъ весь изрытъ, и Костровинъ то-и-дѣло спотыкался.

— Еще два створа!

Боковой свѣтъ проникалъ подъ навѣсъ, оставляя лавочку въ полутемнотѣ. Трудно было сразу распознать, чѣмъ торгуетъ ея хозяинъ. Въ узкихъ окошкахъ, по обѣ стороны входной двери, выставлено было разное старье: книги въ кожаныхъ переплетахъ, кресты, образки, подсвѣчники; висѣли кожаныя „лѣстовки“, рядомъ съ связками какихъ-то листовъ и съ брошюрами, разбросанными куда попало.

— Тимоѳей Кузьмичъ! — громко окликнулъ Булашовъ, переступая черезъ порогъ лавочки.

— Ихъ нѣтъ... — отозвался высокій женскій голосъ, и изъ чуланчика, отгороженнаго вправо, вышла не старая еще женщина, большого роста, полная, въ шляпѣ и драповомъ пальто.

— А я думалъ его захватить именно объ эту пору; я даже и предупредилъ Тимоѳея Кузьмича... Вы меня не знаете? — спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ-съ... извините, сударь.

— Мы съ Тимоѳеемъ Кузьмичемъ пріятели. А это вотъ мой товарищъ, — указалъ Булашовъ на Костровина.

Она молча подала и тому, и другому руку.

Digitized by Google

— Булашовъ—моя фамилія. Вы хозяину какъ приходитесь?

Немного конфузливо она отвѣтила:

— Жена я его.

И, разсмѣявшись, добавила:

— Думаете—онъ такой старикъ. Онъ только изъ себя такой. А годами не больно старше меня.

Одумавшись, она спросила:

— Вамъ время терпитъ?

— И очень.

— Я схожу... Онъ тутъ неподалеку. Можно бы и мальчика спосылать, да онъ напутаетъ. Вы изволили говорить—фамилія ваша?..

— Булашовъ... Да вотъ моя карточка.

— Этакъ еще лучше. Митюнька! — крикнула она въ глубь лавочки: — я иду!.. А Тимоѳей Кузьмичъ мѣшкать не станетъ.

Откуда-то, изъ-за бокового прилавка, выставилась голова мальчика, въ огромномъ ваточномъ картузѣ. Бойкіе, плутоватые глазки выглядывали изъ-подъ длиннаго козырька.

Митюнька пододвинулъ имъ два убогихъ стула; но они не сѣли, а начали разглядывать разнохарактерное добро, которымъ была переполнена лавочка Тимоѳея Кузьмича.

— Антикварщикъ... выражаясь по современному,—выговорилъ Костровинъ.

— И какой еще! — подтвердилъ Булашовъ. По своей спеціальности замѣчательный, особенно по части рукописныхъ фоліантовъ.

— И какъ онъ это можетъ разбираться во всемъ этомъ Капернаумѣ?

— А ты загляни... вонъ туда, въ закуту... гдѣ онъ работаетъ. Видишь, какой ворохъ всякой всячины! Тутъ же онъ ведетъ и свою корреспонденцію.

Въ дверяхъ показалась какая-то мужская фигура и совсѣмъ заслонила тотъ слабый свѣтъ, который проникалъ въ лавочку.

Оба пріятеля разомъ обернулись.

— Тимоѳей Кузьмичъ у себя?—зычнымъ голосомъ спросилъ незнакомецъ.

Въ лавочку вошелъ средняго роста баринъ, въ осенней крылаткѣ и шляпѣ съ широкими полями, очень смуглый, бородатый, въ очкахъ, уже немолодой, но безъ просѣди.

— Хозяинъ сейчасъ будутъ,—доложилъ Митюнька жиденькимъ голосомъ.

Digitized by Google

Его чуйка, слишкомъ для него длинная, была перепоясана жушакомъ, и онъ путался въ ея полахъ.

— Ладно. И вы, господа, поджидаете его?—спросилъ баринъ, воззрившись больше въ Булашова, чѣмъ въ его спутника.

— Какъ же,—отвѣтилъ Булашовъ.—Тимоѳей Кузьмичъ—мой пріятель. И я привелъ къ нему товарища, еще мало знакомаго съ міромъ „древляго благочестія“, — прибавилъ онъ особенной интонаціей.

— Позвольте... боюсь обознаться, но, кажется, мы съ вами встрѣчались... только вы были помоложе? — спросилъ баринъ, пристально глядя на Булашова.—Вы не Сергѣя ли Васильевича сынокъ?

— Да, это мой отецъ.

— Видите! Значитъ, не ошибся. Я съ вашимъ батюшкой водилъ знакомство... только не въ предѣлахъ россійской имперіи, а за „кордономъ“. И вы тогда тамъ проживали. Это было года три назадъ. Только вы меня запамятовали. Батюшка вашъ представилъ мнѣ васъ. Но вы не долго побыли. А на лица у меня память... могу сказать, феноменальная!

— Позвольте узнать?..

— Арбузовъ... Ѳедоръ Ивановичъ Арбузовъ. Разрѣшите присѣсть маленько. А это вашъ товарищъ?

— Да, Костровинъ.

— Одного съ вами согласія, или какъ? хе, хе!

Короткій смѣшокъ барина несовсѣмъ пріятно прошелся по нервамъ Костровина. Онъ отошелъ къ прилавку и спиной прислонился къ нему.

Булашовъ присѣлъ на одинъ изъ стульевъ, поставленныхъ мальчикомъ, лицомъ къ бородатому барину.

— Вы изволили сказать—*согласія*?—переспросилъ онъ, взглянувъ, съ усмѣшкой въ глазахъ, на своего собесѣдника.

— Какъ же иначе выразиться, благо мы здѣсь, у нашего пріятеля Сыркова, въ царствѣ вещественныхъ оказательствъ всякаго рода? хе, хе!

— Къ прямымъ единовѣрцамъ моего отца я не принадлежу.

— А-а... Что-жъ! Дѣлаетъ ему честь! Значитъ, своего родительскаго авторитета не употреблялъ ни для какого нарочитаго давленія. У меня съ батюшкой вашимъ бывали обширныя пренія... и въ Россіи, и за „кордономъ“. Онъ въ своей вѣрѣ твердъ! И никто у него этого права отнимать не можетъ, кромѣ тѣхъ насильниковъ, которые всѣхъ хотятъ обратить къ одному знаменателю!..

Digitized by Google

Собесѣдникъ Булашова поглядѣлъ на него искоса, съ своеобразнымъ движеніемъ головы.

— Вы, стало быть, съ моими немудрыми писаніями не знакомы?

— Виноватъ! Я сразу не сообразилъ; но теперь припоминаю. Кажется, у меня была въ рукахъ одна ваша брошюра.

— Которая? Та, что съ греческими текстами?

— Да, да!

— Значитъ, вамъ извѣстно, какихъ я держусь основныхъ взглядовъ... на нашу церковность?

— И я имъ... въ общихъ чертахъ—сочувствую,—искренно выговорилъ Булашовъ.

— Въ добрый часъ! Насъ вотъ такихъ, въ русской интеллигенціи—не то, чтобы весьма изобильно, однако есть малая толика, да и не въ одной интеллигенціи. Вотъ они—онъ обвелъ рукой, указывая на полки лавочки, — старозавѣтные люди, отстояли же свою самобытность! Положимъ, ихъ могутъ всегда ограничить и придавить во всѣхъ видахъ оказательства. Къ этому опять и пошло. Но съ ними нельзя не быть въ единомысліи, не принадлежа вовсе къ ихъ согласію. Въ чемъ?—громко выговорилъ онъ и сдѣлалъ крутой поворотъ головы.—Въ томъ, что они стоятъ за полную независимость своего вѣроисповѣднаго уклада, что они держатся выборнаго начала, что для нихъ стадо должно имѣть единаго высшаго пастыря... какъ это было въ московской Руси... Нужды нѣтъ, что они всѣхъ церковныхъ величаютъ никоньянами!..

Онъ говорилъ очень вѣско, кругло и звонко выговаривая отдѣльныя слова. Булашовъ слушалъ его съ внимательнымъ наклономъ головы впередъ. Сталъ прислушиваться отъ прилавка и Костровинъ, который, въ первыя минуты, не могъ опредѣлить—что это такое за человѣкъ и къ какому „толку“ его пріурочить?...

— Царитъ мертвечина! — вскричалъ тотъ еще громче.—И надо еще удивляться, что отпаденія происходятъ сотнями и тысячами, а не десятками и сотнями тысячъ.

И какъ бы перебивъ себя, онъ немного наклонилъ голову и заговорилъ тише, въ тонѣ болѣе интимной бесѣды.

— Батюшка вашъ... сколько я наслышался отъ довольно свѣдущихъ людей... пришелъ къ принятію двухъ символическихъ обрядовъ—вы знаете, какихъ,—и это движеніе охватило всѣхъ нашихъ евангеликовъ? Я васъ спрашиваю объ этомъ потому,

Digitized by Google

что вы сами заявили сейчасъ, что не считаете себя принадлежащимъ къ тому же вѣроученію...

— Да, это движеніе—теперь повсемѣстно,—вдумчиво выговорилъ Булашовъ.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но остановился, увидавъ хозяина лавочки, шедшаго слѣва, подъ навѣсомъ ряда.

— А вотъ грядетъ и самъ Тимоѳей Кузьмичъ!—окликнулъ посѣтитель и поднялся со стула.

Сырковъ — небольшого роста, на видъ еще не старикъ—съ рѣдкой свѣтло-русой бородой и худымъ, нервнымъ лицомъ, одѣтый въ долгополое пальто и картузъ съ мягкимъ козырькомъ, торопливо вошелъ, остановился на порогѣ, обнажилъ свою большую, почти совсѣмъ лысую голову и заговорилъ поспѣшно, невнятно, точно глотая слова:

— Прошу великодушно извинить .. господа!.. Викторъ Сергѣичъ! Еще разъ! Съ пріѣздомъ! Душевно радъ!

Онъ поцѣловался троекратно съ Булашовымъ.

— Поджидалъ васъ... думалъ, вамъ что помѣшало... Сбѣгалъ тутъ по близости... грѣшнымъ дѣломъ... чайкомъ съ хорошимъ человѣкомъ побаловаться. И Ѳедоръ Иванычъ!—привѣтствовалъ онъ бородатаго барина. И также поцѣловался съ нимъ.

Булашовъ подвелъ къ нему Костровина.

— Вотъ, Тимоѳей Кузьмичъ, привелъ къ вамъ моего товарища, Павла Алексѣевича Костровина. Прошу любить да жаловать!

Костровину Сырковъ крѣпко пожалъ руку; но цѣловаться не сталъ.

— Гости дорогіе... не осудите! Сѣсть-то у меня скудно... Живемъ въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ... хе, хе!

— А свое обѣщаніе попомнили, дружище? — спросилъ баринъ, беря Сыркова за локоть. — Или запамятовали? Насчетъ того документа?

— Всенепремѣнно... Ѳедоръ Иванычъ... глубокоуважаемый! Еще третьяго дня нарочно ѣздилъ... туда... на Пятницкую.

— Господа! — крикнулъ баринъ: — парень онъ душевный... но память у него все равно что рѣшето, а пообѣщать любитъ!

— Конфузна для меня, Ѳедоръ Иванычъ, такая рекомендація.

И обращаясь больше къ Костровину, чѣмъ къ Булашову, Арбузовъ добавилъ, подмигивая однимъ глазомъ:

— Ежели вы по части разнаго вотъ здѣсь собраннаго добра... или достать что-нибудь... рѣдкое—на это его взять,—вынщетъ; а по прочему—туговатъ!

Digitized by Google

— Въ какомъ же смыслѣ, Ѳедоръ Иванычъ?—спросилъ Сырковъ.

— Да вотъ... попроси эти господа, интересующіеся вашими дѣлами... повести куда... на службу поторжественнѣе... или побесѣдовать съ какимъ-нибудь владыкой?..

— Ѳедоръ Иванычъ, глубокоуважаемый!.. вы сами достаточно знаете—какъ и что. Нашимъ нельзя иначе вести себя, какъ съ особой оглядкой. Вотъ они—онъ указалъ рукой на Булашова—очень бы желали побесѣдовать... и все такое. И мы всѣ превосходно знаемъ, что у нихъ на насъ самый просвѣщенный взглядъ... и всякое благожелательство. А обѣщать попусту нельзя. На это надо особое стеченіе обстоятельствъ. И времена теперь надвигаются... сумнительныя.

— Ладно, ладно!

Арбузовъ похлопалъ Сыркова по плечу и спросилъ его дѣловымъ тономъ:

— Такъ, значитъ, надо повременить съ тѣмъ документомъ?

— Всепокорнѣйше прошу... будьте совершенно благонадежны... Еще денька три, много недѣлю... дамъ знать, или самъ забѣгу.

— Ну, господа, нахаживайте сюда. Много кое-чего можетъ поразсказать вамъ Тимоѳей Кузьмичъ... за послѣднія тридцать лѣтъ въ особенности. И про самого Алимпія Милорадова вамъ поразскажетъ.

Для Костровина это былъ совсѣмъ новый звукъ.

— Старецъ... основатель ихъ метрополіи,—пояснилъ ему Булашовъ.

— Давно на свѣтѣ болтаюсь, всякаго народа знавалъ!

Сырковъ запахивался въ свое долгополое пальто, и его узкіе, блестящіе глазки перебѣгали отъ одного гостя къ другому.

— До свиданья, господа!—попрощался Арбузовъ, приподнявъ шляпу.—Здѣсь вѣдь родъ клуба, у Тимоѳея Кузьмича. Надѣюсь встрѣтить еще разъ!

За нимъ выбѣжалъ подъ навѣсъ Сырковъ, взялъ его подъ локоть и что-то такое скоро-скоро говорилъ, провожая до самаго перекрестка.

— Юркій антикварщикъ!—въ полголоса замѣтилъ Костровинъ.—Особеннаго проникновенія... въ религіозномъ смыслѣ что-то, однако, не замѣчаю.

— Да почему же ты хочешь, чтобы каждый изъ нихъ былъ фанатикомъ и аскетомъ? Они просто члены свободной церкви... Безъ всякаго излишняго изувѣрства.

Digitized by Google

— Но съ преданностью буквѣ.

— Это ихъ способъ отстаиванія традиціи. Когда станутъ больше знать—стряхнутъ съ себя и буквоѣдство, а самостоятельность сохранятъ... и...

Булашовъ не досказалъ, увидавъ Сыркова въ правое оконце.

— Чѣмъ могу служить дорогимъ гостямъ?—заговорилъ Сырковъ, потирая свои узловатыя руки ревматика.—Не угодно ли чайку стаканчикъ? Я бы мальчика спосылалъ за кипяткомъ.

— Спасибо, Тимоѳей Кузьмичъ,—отозвался первый Булашовъ:—мы уже пили кофе послѣ завтрака.

— Хорошо во всякое время прочистить всю внутреннюю...

— Богомерзкой травой?—подсказалъ Костровинъ.

— Предки наши, дѣйствительно, считали китайскую траву зельемъ. По недомыслію... Я такъ полагаю... Это не то, что куреніе табаку.

— Неужели и оно—богомерзкое зелье?—спросилъ Костровинъ.

— Это совсѣмъ не одно и то же. Да присядьте... гости дорогіе... Сдѣлайте одолженіе.

Сырковъ засуетился, подставляя пріятелямъ убогіе стулья; а самъ принесъ изъ своей закуты табуретъ, какіе бываютъ въ кухняхъ, и примостился на немъ, подобравъ полы своего пальто.

— Позвольте, Тимоѳей Кузьмичъ,—возразилъ ему съ тихой усмѣшкой Костровинъ:—развѣ въ Писаніи не говорится, что не важно входящее въ уста, а только то, что̀ выходитъ изъ нихъ? Вы навѣрно укажете мнѣ сейчасъ, въ какомъ мѣстѣ Новаго Завѣта это говорится.

— Всенепремѣнно! Но вѣдь куренье... это совсѣмъ особая статья. Не то чтобы это была тоже богомерзкая трава... Всякій злакъ произрастаетъ по соизволенію свыше.

— А потому,—подсказалъ Костровинъ,—что куреніе опьяняетъ и вводитъ въ грѣхъ?

— Опьянѣніе... пожалуй, и не больно какое, хотя курильщикъ уже не волёнъ быть себѣ господиномъ. Какъ только онъ хоть полчаса не можетъ затянуться... онъ совсѣмъ разстроился. Нешто не правда?—обратился онъ къ Булашову.

— Правда, Тимоѳей Кузьмичъ!

— Только, дорогіе гости, сдѣлайте одолженіе, я чураться не буду.

— Да вѣдь онъ васъ пытаетъ,—указалъ Булашовъ на Костровина,—а самъ не курильщикъ.

— Ха, ха! Вотъ оно что̀!.. А коли такъ, то они меня сей-

Digitized by Google

часъ поддержать въ моемъ немудромъ разсужденіи... Чайку напиться—кому отъ этого вредъ? Напротивъ, однѣ только пріятныя мысли навѣваетъ. Сколько мы съ Викторомъ Сергѣевичемъ за самоваромъ по душѣ калякали! А ежели я злостный курильщикъ, то вѣдь я не себѣ одному вредъ наношу, а другимъ сугубо досаждаю.

Обернувшись въ сторону Булашова, онъ продолжалъ:

— Вы меня не обезсудьте, Викторъ Сергѣевичъ. Осуждать никого не имѣю права.

— Да и я плохой курильщикъ.

— Но вѣдь теперь... на желѣзной дорогѣ, или въ буфетѣ что-ли... не подверженному оной слабости хоть задыхайся. Слѣдственно, это привычка... какъ это помягче сказать?..

— Себялюбивая,—подсказалъ Булашовъ.—Безъ всякаго сомнѣнія!

— И ежели уже основываться на словахъ Писанія, то про табачный дымъ ужъ никоимъ образомъ нельзя сказать, что не важно, молъ, то, что̀ входитъ въ уста. Тутъ входящее въ уста отравляетъ самого человѣка, а выходящее въ видѣ дыма—и всѣхъ его ближнихъ. Ха, ха!

Смѣхъ у Сыркова былъ высокій, отрывистый и очень веселый.

— Вашъ другъ—мой высокопочитаемый благопріятель Викторъ Сергѣичъ—указалъ онъ Костровину на Булашова—подтвердитъ вамъ, что изувѣрствомъ мы не зашибаемся. Какъ видите, не боимся міршенья... со всякимъ достойнымъ человѣкомъ, хоша бы онъ и не принадлежалъ къ нашему толку. Да и у тѣхъ, кто не пріемлетъ священства, промежъ болѣе образованныхъ... или, по просту сказать, толковыхъ, нѣтъ ужъ такого чуранья... съ нами же или съ церковными. Въ простомъ людѣ—статья особая. Виктору Сергѣичу извѣстно... Племяннику моему—дѣтей у меня мужского пола нѣтъ—мы дали образованіе... по технической части. Меньшая дочь кончила курсъ съ медалью... Безъ свѣта науки какъ же возможно?

— Тимоѳей Кузьмичъ,—перебилъ его Булашовъ...—Мнѣ, къ сожалѣнію, нельзя засиживаться. Я къ вамъ еще заверну, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ. А пока, вотъ, поручаю вамъ моего пріятеля. Вы къ нему можете относиться съ такимъ же довѣріемъ, какъ и ко мнѣ самому. Познакомьте его съ стоющими людьми... напримѣръ, хоть бы съ отцомъ Паисіемъ... Онъ не изъ одного праздная любопытства... Но въ русской интеллигенціи—сами знаете—рѣдко кто интересуется такимъ великимъ вопросомъ, какъ свобода совѣсти.

Digitized by Google

— Это вѣрно-съ!—подтвердилъ Сырковъ, кивнувъ раза два головой.

— А теперь мы съ вами попрощаемся.

— Минуточку... Викторъ Сергѣичъ... Позвольте мнѣ и вамъ, и вашему другу показать рѣдкостную вещь.

Сырковъ выбѣжалъ въ свою закуту, минуты три-четыре тамъ рылся и вышелъ оттуда съ чѣмъ-то завернутымъ въ шолковый платокъ съ фіолетовыми цвѣтами, обшитый поблекшимъ отъ времени позументомъ.

— Вашъ другъ... быть можетъ любитель... рѣдкихъ экземпляровъ?.. Извольте полюбопытствовать.

Онъ развернулъ покрывало и высвободилъ большого формата книгу съ застежками кожанаго переплета.

— Что такое?—заинтересованно спросилъ Костровинъ, наклоняясь надъ фоліантомъ и прищуривая близорукіе глаза.

— Апокалипсисъ... толковый... съ изображеніями... и подъ конецъ... двѣ повѣсти... тоже съ рисунками.

Фигуру съ мечомъ въ устахъ и звѣздами вокругъ головы Костровинъ долго разглядывалъ.

— Такой рисунокъ есть въ изданіи Буслаева?—вопросительно пояснилъ Булашовъ.

— Такъ точно... Но есть изображенія, не вошедшія въ его текстъ. Ежели ихъ—Сырковъ указалъ головой на Костровина—интересуетъ, я съ великимъ удовольствіемъ прислалъ бы имъ на дняхъ эту вещь, и Буслаевское изданіе.

— Это рискованно...—нерѣшительно отозвался Костровинъ. —Слишкомъ цѣнныя вещи.

— Не суть важно! Буду особенно польщенъ.

— Отчего же... если ты мало знакомъ... это тебя займетъ? —сказалъ въ полголоса Булашовъ.

— Адресокъ соблаговолите. Я запишу сейчасъ.

И такъ же поспѣшно Сырковъ побѣжалъ опять въ свою закуту и вернулся съ клочкомъ бумаги и карандашомъ.

Костровинъ далъ адресъ своего дома.

Когда всѣ трое вышли на троттуаръ, Булашовъ нагнулся къ Сыркову и въ полголоса сказалъ:

— А вѣдь слова-то „антихристъ“ во всемъ Апокалипсисѣ нѣтъ, Тимоѳей Кузьмичъ,—вамъ это, небось, извѣстно?..

— Конечно... ежели въ буквальномъ смыслѣ.

— И въ греческомъ текстѣ нѣтъ...

— Вамъ и книги въ руки! Добраго здоровья!..

И онъ облобызался съ обоими, проводивъ ихъ до угла.

Digitized by Google

V.

Въ томъ домѣ, гдѣ жили сами хозяева, на Покровкѣ, квартира Костровиныхъ была въ бель-этажѣ—слишкомъ обширная для двоихъ.

Дѣтей у нихъ нѣтъ. Ина Николаевна этимъ не огорчается. У каждаго—цѣлая половина. На ея половинѣ, кромѣ той комнаты, обитой чернымъ атласомъ, о которой Костровинъ говорилъ Булашову, есть еще гостиная, кабинетикъ, спальня, ванна, библіотека, двѣ комнаты для шкаповъ съ шубами, туалетами, бѣльемъ.

У Ины Николаевны въ ея кабинетикѣ, часу въ четвертомъ, сидѣлъ Манилинъ, пріѣхавшій изъ своего подгороднаго имѣнія, на нѣсколько дней.

Она охотно поддѣлывалась подъ его тонъ и выслушивала его длинныя тирады на религіозно-нравственныя темы, хотя, про себя, подмѣчала, какъ онъ -или говоритъ про самого себя, или къ чему-то подбирается—вѣрнѣе всего, къ тому, чтобы сдѣлать ее и ея мужа своими „соратниками", какъ онъ выразился.

Вотъ и теперь, узнавъ отъ нея, что Павелъ Алексѣевичъ ѣздилъ съ Булашовымъ на Волгу и здѣсь ходитъ съ нимъ по старообрядцамъ, онъ сладко повелъ своимъ еще красивымъ ртомъ и спросилъ въ полголоса:

— Это по вашему внушенію, Ина Николаевна? Или самъ Булашовъ желаетъ его довести до извѣстной точки?

— Вовсе не онъ! Если хотите, я буду очень рада, что Поль заинтересуется... вообще религіознымъ движеніемъ... А Булашовъ вовсе не занимается пропагандой. Вы вѣдь знаете, Леонидъ Петровичъ, что онъ не сектантъ.

— Не имѣю ни повода, ни права не вѣрить ему, если онъ это скажетъ во всеуслышаніе.

— Онъ мнѣ это категорически заявилъ, и мнѣ, и мужу.

— Да?—протянулъ Манилинъ, выпрямляясь.—Но тогда,—помните, у васъ на дачѣ, когда у насъ завязался такой долгій и—какъ всегда у русскихъ—безрезультатный споръ... развѣ вы не чувствовали въ Булашовѣ сектантскаго духа? Je ne fais aucune allusion. Этому господину всякое скромное дѣло ненавистно.

— Почему же?

— Ça crève les yeux. Онъ, вѣроятно, зоветъ меня... какъ и многіе впрочемъ... церковнымъ піэтистомъ.

Digitized by Google

Ина знала отъ мужа, что именно такъ опредѣляетъ его Булашовъ.

Но она повела губами такъ, будто слышитъ въ первый разъ такое опредѣленіе.

— Или что-нибудь въ такомъ вкусѣ... По моему... такой... какъ бы это сказать?—commis-voyageur по части сектовѣдѣнія... гораздо хуже, чѣмъ настоящій совратитель.

— Вотъ какія вы употребляете выраженія!

Ина покачала головой.

— Съ моей точки зрѣнія я иначе не могу выражаться... Но я не стою—прошу васъ вѣрить—за какія-нибудь принудительныя мѣры... за насиліе, исходящее отъ власти. Боже избави! Но pardon... Мы уклонились отъ нашей первоначальной темы.

— Насчетъ Поля? Но что же васъ смущаетъ, Леонидъ Петровичъ?

— Вы сами мнѣ говорили, что Павелъ Алексѣевичъ начинаетъ испытывать... родъ тоски... и душевной неудовлетворенности оттого, что онъ боится отдаться своему влеченію къ высшей Правдѣ.

Манилинъ конецъ фразы произнесъ съ опущенными рѣсницами.

— Сразу... его нельзя привлекать къ тому, что вы проповѣдуете...

— Простите великодушно!—остановилъ ее Манилинъ съ брезгливымъ жестомъ.—Я не имѣю притязанія...

— Хорошо, хорошо! Но вы сами понимаете... Пускай Поль...

— Производитъ экскурсіи?

— Его никакое сектантство, особенно такое, гдѣ только одна сухая мораль... не удовлетворитъ. Я въ этомъ увѣрена. Быть можетъ, онъ кончитъ тѣмъ же, чѣмъ и вы... Леонидъ Петровичъ.

Она тихо усмѣхнулась и прошлась по немъ взглядомъ, смягченнымъ длинными рѣсницами.

— Только,—продолжала она,—Поль не вѣроучитель.

— Но и я, смѣю васъ увѣрить...

— Полноте! Вы исполняете апостольскую миссію... Вы у себя тамъ создаете цѣлыя общины вѣрующихъ, которые должны представлять собою соль... прихожанъ... Поль будетъ искать истины... для себя... не потому, что онъ эгоистъ... вовсе нѣтъ! Но потому, что онъ лишенъ этой жилки.

— Alors—quoi... le salut personnel?—спросилъ Манилинъ.

Digitized by Google

— Какіе у него грѣхи? У Поля! Ха, ха! Нѣтъ, не къ этому тайно стремится его душа...

Она не досказала, заслышавъ чьи-то шаги.

— Это онъ...—тихо сказала она и повернула голову къ двери.

Костровинъ не зналъ—кто сидитъ у жены. Онъ только-что откуда-то вернулся.

Съ Манилинымъ онъ поздоровался, немного удивленный.

— Вы опять здѣсь?—спросилъ онъ, здороваясь съ нимъ, послѣ чего поцѣловалъ у жены руку.

— Я довольно часто наѣзжаю въ Москву,—отвѣтилъ Манилинъ, какъ бы нѣсколько задѣтый его вопросомъ.

— Простился... съ Булашовымъ,—заговорилъ Костровинъ, опускаясь на очень неудобный стулъ съ высокой спинкой, въ англійскомъ стилѣ, какъ и вся отдѣлка комнаты его жены.

— Какъ же онъ не пріѣхалъ проститься?

— Просилъ извиниться передъ тобой, Ина. Сегодня у него множество дѣлъ.

— По сектовѣдѣнію,—замѣтилъ съ особой интонаціей Манилинъ.

— За кого-то сейчасъ надо хлопотать... въ Питерѣ. Если правда... возмутительное дѣло... Россійская дѣйствительность по этой части жестока.

— По какой?— освѣдомился съ той же интонаціей Манилинъ.

Костровинъ взглянулъ на него пристально.

— По части насилія... надъ душой человѣка,—отвѣтилъ онъ твердо и глухо. И, повернувъ голову къ женѣ, продолжалъ:— Тотъ студентъ... нашъ сосѣдъ по Парку...

— Графъ Бунинъ?—подсказала Ина.—Онъ что-то глазъ не кажетъ.

— Былъ въ отсутствіи... ѣздилъ въ Крымъ.

— Такъ что же?

— Вотъ онъ сейчасъ явился къ Булашову... въ Лоскутную... отъ своей кузины, графини Буниной.

У Ины Николаевны сейчасъ же измѣнилось выраженіе лица. Она на особый ладъ прищурилась.

— Вы ее знаете?—спросила она Манилина.

— Встрѣчалъ... въ Петербургѣ. Это—самая упорная радикалка... вся въ движеніи... dans le mouvement féministe.

— Страшно богата?

Digitized by Google

— Да. Ей досталось, кромѣ состоянія родителей, и все, чѣмъ владѣла ея бабушка... Она—сирота... на полной волѣ.

— Твой пріятель... какая потихоня! — обратилась Ина къ мужу:—полный молчокъ о томъ, что они знакомы.

— Кажется... нѣтъ... По крайней мѣрѣ, я такъ понялъ. Но Булашову надо было захватить ее здѣсь... по экстренному дѣлу. И вотъ она прислала ему студента... своего кузена... сказать, что она его ждетъ... къ четыремъ часамъ... Въ пятомъ—ему еще въ нѣсколько мѣстъ. Ты на него не претендуй, Ина. А вечеромъ онъ возьметъ скорый поѣздъ.

— Можетъ быть, она съ Булашовымъ одного толка?—выговорила съ усмѣшкой Ина.

— Какого? — возразилъ Костровинъ. — Тебѣ прекрасно извѣстно, что Викторъ ни къ какой сектѣ не принадлежитъ.

— Графиня Бунина,—пояснилъ Манилинъ, точно процѣживая слова,—сколько я про нее наслышанъ... une libre penseuse. Изъ самыхъ заядлыхъ... Позитивистка. Можетъ быть, и марксистка. Во всякомъ случаѣ, что-нибудь въ этомъ родѣ. Еслибъ нашъ другъ,—обратился онъ къ Костровину,—занимался пропагандой, и ему удалось бы сдѣлать изъ нея... ну, хоть баптистку... ce serait une prise de premier ordre.

— Почему же?—спросилъ Костровинъ, построже взглянувъ на Манилина:—потому что она богачка?

— Ты слышалъ, — вмѣшалась Ина, — что Леонидъ Петровичъ сейчасъ сказалъ. Она—libre penseuse... невѣрующая.

— Булашовъ не мѣтитъ въ проповѣдники.

Костровинъ выговорилъ это такъ, что гость могъ принять слова его на свой счетъ. Ему этотъ „церковный піэтистъ“ былъ сегодня особенно несимпатиченъ; но онъ не ревновалъ къ нему, какъ вообще не ревновалъ ни къ кому изъ мужчинъ, на которыхъ его жена „упражняла свою привлекательность“.

Онъ зналъ, что этотъ Манилинъ произноситъ въ деревнѣ поучительныя „слова и рѣчи“ и считаетъ себя духовнымъ ораторомъ.

Гость подобралъ свои блѣдноватыя, тонкія губы и, обратившись къ хозяйкѣ, церемонно выговорилъ:

— Долженъ откланяться. Ту брошюру, которую вы желали имѣть, позвольте прислать вамъ.

— Mercі! И надолго вы скроетесь?—спросила Ина, подавая ему руку.

Манилинъ поцѣловалъ руку. Съ хозяиномъ онъ гораздо чопорнѣе раскланялся, въ видѣ молчаливаго пожатія.

Digitized by Google

— Поль!—тихо окликнула мужа Ина Николаевна и сдѣлала жестъ головой, чтобы онъ проводилъ гостя.

Костровинъ довелъ его до дверей въ переднюю и не удержался, сказалъ:

— Вы напрасно такъ относитесь къ Булашову. Побольше бы такихъ друзей свободы совѣсти. И всякія вѣрованія онъ уважаетъ.

— Всякія,—повторилъ Манилинъ. — Можетъ быть, оттого, что далекъ отъ каждаго изъ нихъ.

— Это его право.

Сдѣлавъ уходившему гостю короткій поклонъ, Костровинъ вернулся къ женѣ.

Онъ ожидалъ отъ Ины какого-нибудь замѣчанія въ полушутливомъ тонѣ, какъ всегда.

— Ты его съ трудомъ выносишь, Поль? — спросила Ина, поднимаясь съ дивана. — Или потому, что онъ недолюбливаетъ Булашова?

Она стала прохаживаться короткими шажками по гостиной. Ее драпировалъ длиннѣйшій халатъ съ трэномъ изъ темно-огненнаго бархата. Волосы были взбиты на вискахъ, и на маковкѣ высился густой узелъ.

Ина любила очень сильные духи, отъ которыхъ у ея мужа часто дѣлался мигрень.

И теперь у него подергивало уже въ правомъ вискѣ.

Не присаживаясь, онъ остановился посреди комнаты и, разводя неловко руками, глухо выговорилъ:

— Рисовальщикъ... по моему... этотъ піэтистъ.

— Пожалуй. Есть тотъ грѣшокъ! Но, видишь ли, Павлуша... Какой бы онъ ни былъ, все-таки въ немъ есть несомнѣнное стремленіе... куда-то... dahin!—она указала своей бѣлой рукой вверхъ.—Подъ его благочестіемъ кроется жажда тайны... А у твоего уравновѣшеннаго Булашова нѣтъ вотъ... на столько,—она указала на кончикъ пальца,—никакого полета.

— Какъ это знать?.. Каждый ищетъ по-своему.

— Манилинъ довольно ядовито назвалъ его сегодня „un commis-voyageur по сектантскимъ дѣламъ“. И это вѣрно.

— Онъ не изъ пустого дилеттантства.

Ина подошла къ мужу и положила ему на плечи свои до локтя открытыя, худощавыя, красивой формы руки.

— Развѣ я тебѣ мѣшаю водить съ нимъ дружбу? Ты безъ него заскучаешь. Вотъ лишній поводъ произвести переѣздъ въ Петербургъ.

Digitized by Google

— Онъ тамъ на всю зиму не останется.

— Ну, хоть на первыхъ порахъ. Москва, Поль, такъ пріѣлась... ужасно! Ты самъ это не менѣе меня чувствуешь.

— Если тебѣ такъ хочется, я не стану упираться.

— Спасибо, милый!

Она прикоснулась своими слегка влажными губами къ его щекѣ и, не отнимая рукъ, прибавила:

— Сдѣлаемъ опытъ. Потянетъ опять къ Москвѣ—чего же легче вернуться?

Правая рука ея приласкала его еще разъ по лицу.

— Мнѣ этотъ Манилинъ помѣшалъ работать... Я пойду къ себѣ. Ты отправишься, послѣ обѣда, провожать Булашова на вокзалъ?

— Нѣтъ, я не собирался.

Онъ умолчалъ о томъ, что Булашовъ просилъ не провожать его.

Ина беззвучно выплыла изъ гостиной. Мужъ ея сдѣлалъ еще два-три шага взадъ и впередъ, и лѣнивой, колеблющейся поступью побрелъ на свою половину.

Его кабинетъ, съ массивными шкапами, и мебель изъ рѣзного дуба уже давно наводятъ на него уныніе.

Обои—подъ стиль мебели—темныя и двѣ-три картины въ рамкахъ подъ черное дерево.

Съ нѣкоторыхъ поръ, Костровинъ, оставаясь одинъ, все чаще и чаще испытываетъ неопредѣленную, внутреннюю тревогу, и она усиливаетъ то недовольство собою, о которомъ онъ такъ горячо говорилъ пріятелю за завтракомъ, въ „Славянскомъ Базарѣ“.

И смутный страхъ „вырожденія“, о чемъ онъ говорилъ тогда, возвращается къ нему, когда онъ начинаетъ разбирать, почему у него нѣтъ ничего „за душой“, и онъ „виситъ въ пространствѣ“.

Онъ любитъ такую женщину, какъ Ина. Между ними — до сихъ поръ—ни облачка. Своей безусловной свободой она не злоупотребляетъ. Ея кокетство—чисто головное. Она ничѣмъ не дразнитъ, не волнуетъ и не мучитъ его, а напротивъ, ищетъ за него исхода тому, что̀ заложено въ его душу.

То, что̀ сейчасъ сказалъ Манилинъ о Булашовѣ, быть можетъ, и правда! Врядъ ли онъ самъ когда-нибудь станетъ исповѣдникомъ... съ мистическимъ настроеніемъ.

Но такой именно человѣкъ и нуженъ, если хочешь разобраться въ томъ—куда тебя самого потянетъ. Булашовъ не надѣ-

Digitized by Google

ваетъ маски терпимости. Онъ дѣйствительно глубоко терпимый человѣкъ.

Не было бы ни лицемѣріемъ, ни двоедушіемъ, еслибъ Булашовъ вдругъ сдѣлался членомъ какой-нибудь церкви, стоящей внѣ всякаго общенія съ міромъ „властной опеки", еслибъ онъ призналъ для себя обязательными нѣкоторыя чисто обрядовыя разногласія. Онъ поступился бы своимъ свободомысліемъ для того, чтобы еще сильнѣе принять къ сердцу дѣло освобожденія народной совѣсти.

Въ его обществѣ, въ воздухѣ тѣхъ наблюденій, знакомствъ, бесѣдъ, черезъ какіе проведетъ его Булашовъ, онъ можетъ пройти превосходный искусъ и стряхнуть съ себя, прежде всего, то „постыдное равнодушіе" къ самымъ кореннымъ запросамъ человѣческаго „я".

Нельзя закрывать глаза на то, чѣмъ живы милліоны людей! Позорно считать себя „интеллигентомъ" и возиться только съ своей праздной, скучающей личностью.

И переѣздъ въ Петербургъ уже мало смущаетъ его и за себя, и за Ину...

Онъ присѣлъ къ своему громоздкому бюро и вынулъ изъ бокового ящика книжку въ крупную осьмую, переплетенную въ синеватую тисненую кожу, съ золотымъ обрѣзомъ.

Съ нѣкоторыхъ поръ онъ записываетъ въ этой книжкѣ свои мысли и настроенія.

Вотъ что онъ записалъ сегодня:

„Чему—въ душѣ моей—взять окончательно верхъ? Холодному скѣпсису или поэтической мистикѣ, куда зоветъ меня Ина?..

„Я не хочу подозрѣвать ее въ неискренности или рисовкѣ. Не считаю ее и способной на то, чтобы толкать меня къ тому, что могло бы вызвать во мнѣ болѣзненное развитіе извѣстныхъ душевныхъ предрасположеній. Еслибы оно было такъ, она совсѣмъ иначе смотрѣла бы на мое сближеніе съ Булашовымъ.

„Развѣ та область, куда онъ вводитъ меня—не самая стоющая интереса? Даже если и не искать ничего для себя.

„Но въ этомъ-то и вопросъ... Можетъ ли человѣкъ изъ-за одной идеи служенія свободѣ совѣсти всей душой входить въ это?

„Булашовъ—на-лицо. Но кто знаетъ—чѣмъ онъ кончитъ? Онъ—не даромъ—сынъ сектанта".

И тотъ же жуткій вопросъ поднимается и передъ нимъ въ эту минуту.

„Чѣмъ кончишь ты самъ? Не сбираешься ли ты играть съ огнемъ? Или не предстоитъ ли тебѣ полное безразличіе и отрѣ-

Digitized by Google

шеніе отъ всего, что̀ духъ человѣческій сохраняетъ отъ высокихъ заблужденій или откровеній истины?

„Не ускоряешь ли ты свою душевную смерть, идя по прямому пути къ безусловному отрицанію?“

VI.

Между тремя и четырьмя часами, Булашова ждала къ себѣ графиня Бунина въ отель „Дрезденъ“, по тому экстренному дѣлу, о которомъ глухо говорилъ Костровинъ при Манилинѣ.

Къ нему явился нѣкій Топорковъ.

Фамилію онъ слыхалъ, и тотчасъ вспомнилъ, когда увидалъ ее на визитной карточкѣ, что читалъ его брошюры, написанныя въ извѣстномъ духѣ.

Со сторонниками этого ученія онъ, до сихъ поръ, не водилъ ближайшаго знакомства и въ разговорахъ никогда не высказывался ни за, ни противъ него; но за всѣмъ слѣдилъ и не мало думалъ о прочитанномъ.

Топорковъ обратился къ нему по недоразумѣнію. Ему сказали, что онъ—близкій родственникъ графини Буниной, находящейся, проѣздомъ, въ Москвѣ. Но когда Булашовъ узналъ, въ чемъ дѣло, онъ вызвался поѣхать къ графинѣ, и потомъ условился съ Топорковымъ, что тотъ явится къ ней немного позднѣе.

Онъ вспомнилъ, что они даже въ дальнемъ родствѣ, чрезъ княжну Рукавицыну, ближайшую „духовную“ дочь его покойнаго отца.

Въ началѣ четвертаго онъ входилъ въ подъѣздъ гостинницы „Дрезденъ“.

Его ввели въ гостиную, гдѣ онъ нашелъ худощавую, бѣлокурую даму или, скорѣе, пожилую дѣвицу, въ черномъ, въ pince-nez, и студента.

Студентъ былъ тотъ самый, съ которымъ онъ познакомился у Костровиныхъ, когда они ходили въ Разумовское и потомъ долго сидѣли за чайнымъ столомъ, на дачѣ.

Студентъ всталъ первый, громко и развязно подошелъ къ нему.

— Моя кузина сейчасъ выйдетъ. Весьма пріятно опять встрѣтиться. Позвольте познакомить васъ... Mademoiselle Исѣева, Марья Евграфовна... пріятельница графини.

Онъ могъ бы прибавить: „ея бывшая преподавательница“.

Эти два гостя были некстати. Булашовъ просилъ графиню

Digitized by Google

принять его и Топоркова отдѣльно. Вѣроятно, она ихъ предупредила.

— Вы уѣзжали съ милѣйшимъ Павломъ Алексѣевичемъ,— также громко и развязно продолжалъ студентъ, затянутый въ длинный сюртукъ изъ толстаго драпа съ зеленымъ отливомъ и въ узкіе рейтузы:—въ экскурсію отправлялись, на Волгу... если не ошибаюсь, къ раскольникамъ?.. Я что-то такое слышалъ отъ Ины Николаевны.

Тонъ этого бойкаго юнца совсѣмъ уже не подходилъ къ тому, съ чѣмъ Булашовъ пріѣхалъ сюда.

— Monsieur Булашовъ,—продолжалъ пояснительнымъ тономъ студентъ,—спеціалистъ по расколовѣдѣнію...

— Извините меня...—остановилъ онъ студента.—Вы меня, кажется, смѣшиваете съ „экспертами", которые завелись въ послѣднее время?..

— О, я знаю! Ха, ха! Вы, такъ сказать, совсѣмъ наоборотъ. Но все-таки... У насъ это большая рѣдкость. Рѣдко кто въ курсѣ дѣла. Меня бы это интересовало только... съ точки зрѣнія связи между принципомъ государственнаго главенства и поддержкой господствующей церкви. Мы, конечно, по этой части, если вамъ угодно, въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Но возьмите такую передовую націю, какъ англичане. Сколько времени длился запретъ, который тяготѣлъ надъ католиками! Почти-что до нашего вѣка! И короли должны, до сихъ поръ, принимая присягу конституціи, обличать католицизмъ. Есть на это обязательная формула!

Булашовъ слушалъ студента съ сдержанной усмѣшкой. Онъ такъ еще долго могъ бы продолжать передачу своими словами отрывка изъ лекціи.

— Марья Евграфовна,—продолжалъ студентъ, указывая на гостью рукой,—представительница научнаго міровоззрѣнія... Долго изучала естественныя науки... сначала здѣсь, потомъ за границей. Вы вѣдь, если не ошибаюсь, филологъ? — спросилъ онъ Булашова.

— Нѣтъ, я былъ естественникъ.

— Скажите!

— Я съ вами, сколько припомню, провела вечеръ у профессора Грязева?—обратилась къ нему Исѣева.

— Очень можетъ быть. Это былъ, когда-то, мой любимый преподаватель.

— Одинъ изъ немногихъ, кто остался вѣренъ традиціямъ своего времени,—вѣско выговорила Исѣева.

Digitized by Google

— Марья Евграфовна!—вскричалъ студентъ.—Вы это такъ сказали, точно мы какіе-то... ренегаты.

— Не берусь судить.

— Однако! Вся разница въ томъ, что въ ваше время все было, такъ сказать, прямолинейнѣе. А нынче дифференцировалось...

— И только?—подчеркнула она.—Растяжимое выраженіе.

Дверь изъ комнаты отворилась, и вошла хозяйка.

Булашовъ видѣлъ ее въ первый разъ.

Большого роста, скорѣе полная, чѣмъ худая, выразительныя черты и нѣсколько строгій взглядъ сѣрыхъ продолговатыхъ глазъ —она сразу дѣйствовала внушительно, прежде чѣмъ можно было отвѣтить: красива она или нѣтъ.

Ея крупную фигуру облегало свѣтлое суконное платье, съ высокимъ полуотложнымъ воротникомъ. Русые волосы волнисто обрамляли ея высокій лобъ.

Она не носила никакихъ украшеній, ни колецъ, ни серегъ.

Нѣсколько суховатымъ, на англійскій ладъ, жестомъ подала она руку Булашову.

— Простите,—извинилась она, садясь ближе къ нему.—Вы знакомы?.. Я, кажется, прервала очень интересный разговоръ?

Графиня говорила быстро, съ какимъ-то своеобразнымъ придыханіемъ, и дѣлала такіе же быстрые жесты кистью правой руки, съ удлиненными пальцами очень красивой формы.

— Нѣтъ, кузина. Это такъ, обмѣнъ нѣкоторыхъ взглядовъ,— выговорилъ студентъ, не мѣняя своего увѣреннаго тона.—Вамъ... кажется... надо о чемъ-то конфиденціально переговорить съ m-r Булашовымъ?.. Я и безъ того долженъ былъ удалиться.

Онъ всталъ. Хотѣла-было подняться и Исѣева.

— Марѝ... Посидите... — удержала ее графиня. — Вы мнѣ писали,—обратилась она къ Булашову:—тотъ господинъ явится немного позднѣе?..

— Да, графиня, мы такъ условились съ нимъ.

— Я боюсь только, что мое участіе можетъ оказаться недостаточно вѣскимъ. Видите... старуха Налимова приходится мнѣ въ родѣ тетки. Она была двоюродной сестрой матери. Но я почти что ея не знала... и когда бываю въ Москвѣ—а я здѣсь бываю раза три-четыре въ годъ—я не являюсь къ ней на поклонъ.

— Графиня... это случай исключительный.

— Конечно! Признаюсь, меня это слишкомъ сильно волнуетъ! —воскликнула она и сдѣлала большой, энергическій жестъ рукой.

Digitized by Google

—Скажите... этотъ Топорковъ ѣздилъ, кажется, туда... въ Канаду?

— Кажется... Я его не зналъ прежде.

— Онъ, онъ! Я недавно читала его письма въ газетѣ.

— Былъ, былъ!—увѣренно подтвердилъ студентъ.

— Вы интересовались всѣмъ этимъ? — спросилъ Булашовъ и поглядѣлъ на нее пристально.

— Такъ, чтобы участвовать какъ слѣдуетъ,—рѣзче отвѣтила она,—нѣтъ! Видите, объ этомъ надо много говорить. Съ общей точки они, конечно, служиваютъ интереса. Но вѣдь тутъ, у господъ, какъ этотъ Топорковъ, дѣйствуетъ доктрина, parti pris... И я знаю людей,—ужъ, конечно, не ретроградныхъ,—которые смотрятъ на все это—на особенный ладъ. Проповѣдь непротивленія, въ видѣ отказа отъ службы... можетъ прикрывать и полное равнодушіе ко всему, что не они...

— Еще бы!—подхватилъ студентъ. Онъ собрался идти, но сталъ за кресло и положилъ руку на спинку.

— И очень,—подтвердила Исѣева. — Всякій можетъ уклоняться отъ прямыхъ обязанностей добраго гражданина—подъ предлогомъ исполненія своего символа вѣры.

Булашову что-то уже не особенно нравилось въ графинѣ. Ея тонъ—прежде всего. Онъ не былъ такой, какъ у ея кузена—тотъ производилъ скорѣе забавное впечатлѣніе. Или, быть можетъ, она напускала на себя особаго рода умственную независимость и сразу хотѣла дать почувствовать, что ни съ какимъ видомъ сектантства, хотя бы и самаго „раціональнаго“, она заигрывать не намѣрена.

— Вы конечно... тоже по своему смотрите на этихъ *интеллигентныхъ* духоборовъ?—спросила она Булашова.

И въ тонѣ вопроса онъ почуялъ также намекъ на то—кто былъ его отецъ, а стало быть и на большую вѣроятность того, что и онъ того же толка.

— Объ этомъ надо, графиня, много говорить, какъ вы сейчасъ выразились...

— Еще бы!—тѣмъ же звукомъ воскликнулъ студентъ и сталъ раскланиваться. Пожимая руку Булашову, онъ прибавилъ:—Полная обособленность извѣстной группы гражданъ—status in statu —не согласима съ существованіемъ государства.

Исѣева что-то тихо сказала хозяйкѣ и минуты черезъ двѣ-три удалилась.

— Простите, графиня,—началъ Булашовъ, — за мое внезапное обращеніе къ вамъ.

Digitized by Google

— Въ чемъ же тутъ извиняться? Вы думаете, возможность такой исторіи не возмущаетъ меня? Я очень цѣню то, что вы приняли это къ сердцу... не потому, что вы ихъ... единовѣрецъ...

Она не сразу нашла слово.

— Сколько я понимаю,—продолжала она возбужденно,—тутъ два вопроса: то, что сынъ Налимовой такъ пострадалъ... за свою, положимъ, пропаганду, и то, какъ съ нимъ и съ его женой поступили, какъ съ родителями...

Раздался легкій стукъ въ дверь, и въ портьерѣ показался коридорный во фракѣ.

— Господинъ Топорковъ!—доложилъ онъ.

— Просите.

Графиня встала и встрѣтила новаго гостя ближе къ входной двери.

— Топорковъ!—отрывисто проговорилъ тотъ, подавая ей руку.

У него въ нумерѣ онъ показался Булашову небольшого роста и не такъ похожъ на мастерового, какъ здѣсь.

Топорковъ держалъ одно плечо нѣсколько выше другого и весь горбился; довольно широкій въ плечахъ, съ большой головой и блѣднымъ, загорѣлымъ лицомъ. Борода—рыжеватаго оттѣнка—шла до половины груди, и на головѣ волосы были расчесаны боковымъ проборомъ и вились на вискахъ. На немъ была темно-сѣрая, изъ шерстяной матеріи блуза, до колѣнъ, стянутая простымъ ремнемъ. Панталоны носилъ онъ поверхъ сапоговъ.

Немного приподнятыя къ угламъ брови придавали взгляду его свѣтло-карихъ глазъ грустно-кроткое выраженіе.

— Пожалуйста!—указала ему графиня на свободное кресло, послѣ того какъ онъ поздоровался съ Булашовымъ.

Контрастъ между ними былъ разительный.

Одинъ каждому говорилъ своимъ обликомъ, что онъ не похожъ на другихъ, не желаетъ ни жить, ни пить, ни ѣсть, ни думать, ни поступать такъ, какъ всѣ.

Другой—безъ малѣйшаго внѣшняго отличія, корректно одѣтый, аккуратно выбритый и подстриженный, смахивающій немного на иностранца, съ веселымъ взглядомъ и круглыми манерами.

— Графиня... вотъ Викторъ Сергѣевичъ былъ такъ добръ,—заговорилъ Топорковъ слабымъ, высокимъ голосомъ, очень пріятнымъ, и правой рукой сталъ поправлять на вискѣ прядь курчавыхъ волосъ.—Обращаемся къ вамъ въ увѣренности...

Digitized by Google

— Но Викторъ Сергѣевичъ не имѣлъ еще времени... поставить меня въ курсъ дѣла.

Это петербургское „въ курсъ дѣла"—почти непріятно прошлось по слуху Булашова.

— Видите... я былъ увѣренъ, что Викторъ Сергѣевичъ—вашъ старый знакомый и даже въ родствѣ...

— А знаете, графиня, — отозвался Булашовъ. — Я теперь вспомнилъ. Вѣдь это правда. Княжна Рукавицына... вы знаете Зизи... старая пріятельница моего отца... развѣ она не въ родствѣ съ вами по матери?

— Кажется .. Но я съ ней не знакома,—суховато отвѣтила графиня.

— Тутъ родство у всѣхъ одно,—сказалъ Топорковъ, грустно улыбнувшись глазами. Родство по человѣчеству. Къ чему долгіе комментаріи?.. Факты говорятъ за себя. У родителей отняли дѣтей. Вамъ это извѣстно. Къ утратѣ свободы надо было прибавить еще эту кару...

— Да, это ужасно! Но—сколько я знаю—тутъ есть какое-то осложненіе?..

— Никакихъ!—рѣшительно и кротко произнесъ Топорковъ и поднялъ голову.—Никакихъ. Это клевета. Сколько несчастная мать выстрадала... Сколько просила, умоляла... Въ видѣ милостыни, подачки, ее допустили—въ первый ея пріѣздъ сюда—видѣть дѣтей; а теперь опять не пускаютъ. Я ужъ не говорю о душевныхъ страданіяхъ нашего друга... ея мужа... который до сихъ поръ томится... тамъ...

Лицо графини затуманилось. Она сидѣла съ полуопущенными рѣсницами, опершись подбородкомъ о полураскрытую ладонь.

— Я готова... но мое вмѣшательство можетъ показаться...

— Она проситъ васъ принять ее. Отъ нея вы все услышите. Вы съѣздите къ ея свекрови. Сочувствіе такой личности, какъ вы, покажетъ старухѣ, что всѣ честные люди возмущены тѣмъ, что она дѣлаетъ, прикрываясь любовью къ своимъ внукамъ...

Онъ опять не договорилъ отъ внутренняго волненія. Булашова его голосъ замѣтно трогалъ, больше, чѣмъ графиню.

— Что-жъ... я готова. Но сказать вамъ правду, господа,—въ такихъ семейныхъ драмахъ каждый посторонній рискуетъ очутиться въ фальшивомъ положеніи. Это бы ничего... А дѣйствовать или говорить безъ полнаго знанія, въ чемъ дѣло, кто правъ, кто виноватъ?.. Можетъ быть, вамъ мои слова кажутся слишкомъ скептическими, но тутъ надо различать два факта—

Digitized by Google

она освободила руку и сдѣлала свой обычный жестъ обѣими ладонями—тутъ насиліе... надъ совѣстью.

— А этого мало? — тихо спросилъ Булашовъ и вбокъ посмотрѣлъ на графиню.

— Кто же это говоритъ?! Но это касается не одного... отца этихъ дѣтей. Онъ пострадалъ первоначально не отъ того, что онъ отецъ, а отъ того, что онъ занимался... какъ это называется... совращеніемъ. Оказательства...

— Никакихъ оказательствъ у тѣхъ, кто держится его вѣрованій,—Топорковъ приложилъ ладонь къ груди,—и быть не можетъ. Оказательства—значитъ сборища, пѣніе, обряды; а все это только ведетъ къ поддержанію какого-нибудь заблужденія, если не къ прямому грѣху. Это—въ духовной жизни—почти все равно, что вино или наркотическое вещество.

Графиня поглядѣла въ сторону Булашова, какъ бы желая дать ему понять:

„Намъ это извѣстно. Иначе вѣдь онъ не можетъ говорить".

— Вы позволите ей быть у васъ?—съ вибраціей въ голосѣ обратился къ ней Топорковъ послѣ маленькой паузы.

— Пожалуйста.

— Когда же?

— Да хоть сегодня... послѣ обѣда.

— Часовъ въ восемь не будетъ рано?

— Нѣтъ.

— Я привезу ее.

Топорковъ торопливо поднялся съ мѣста.

— Она вамъ.... все сообщитъ. Конечно... она очень нервная и больная. Но все, что она приведетъ фактическаго — все это правда!

— Я не сомнѣваюсь,—выговорила графиня, вставая.

— Безбожное это дѣло!—вырвалось у Топоркова.

Онъ пожалъ руку у обоихъ одинаково быстро и крѣпко и вышелъ.

Оба поглядѣли ему вслѣдъ.

Графиня пригласила Булашова присѣсть.

— Лишній поводъ сдѣлать доброе дѣло,—какъ бы про себя замѣтилъ онъ.

— Да... но все это, къ сожалѣнію, на особенной почвѣ.

Надъ правой бровью у ней явилась складка.

— Вы хотите этимъ сказать, графиня?—не докончилъ онъ своего вопроса.

Digitized by Google

— Тутъ не просто насиліе... не общечеловѣческій вопросъ... А замѣшалось и сектантство...

Слово „сектантство“ прозвучало у нея гораздо рѣзче всего остального.

— Топорковъ и тѣ, кто раздѣляетъ его вѣрованія, строго говоря, вовсе не сектанты.

— Какъ же нѣтъ?—еще рѣзче выговорила графиня.

— Ихъ нельзя смѣшивать съ религіозными толками, какіе у насъ водятся.

— А развѣ они не считаютъ себя братьями сектантовъ?

— Братья для нихъ всѣ люди. И въ этомъ смыслѣ у нихъ строго-христіанская мораль.

— Извините, m-r Булашовъ... можетъ быть, вы сами...

— Я не ихъ толка,—отвѣтилъ онъ твердо и спокойно поглядѣлъ на нее.—Вы можете говорить со мною совершенно свободно. Сектанта во мнѣ нѣтъ!

— Однако... сколько я поняла изъ этого разговора... да и кромѣ того... я имѣла поводъ считать васъ...

— Я не обижаюсь, графиня,—веселѣе выговорилъ Булашовъ.—Но позвольте... Неужели васъ не возмущаетъ не одна только исторія съ этими несчастными дѣтьми... а тотъ коренной, основной фактъ судьбы ихъ отца... возможность каждому изъ насъ попасть въ его положеніе?

Онъ посмотрѣлъ на нее—какъ ей показалось—съ недоброй усмѣшкой въ глазахъ.

— Кто же вамъ это сказалъ?—нервнѣе возразила она.—Это само собою разумѣется. Но позвольте,—она подняла указательный палецъ правой руки:—развѣ такая же участь, и даже болѣе жестокая, не ожидаетъ каждаго... и каждую,—протянула она,—кто хочетъ бороться за свои идеи... кто отъ слова переходитъ къ дѣлу? Кто идетъ на войну, тотъ напередъ знаетъ, что̀ его ждетъ!..

Графиня закинула голову назадъ и поглядѣла на него, слегка прищуриваясь.

— Безъ сомнѣнія. Но для васъ... вопросъ совѣсти... не вообще, а въ смыслѣ вѣрованій... кажется, совсѣмъ не первенствующій?

— Выше всего, m-r Булашовъ, я ставлю освобожденіе русской женщины отъ всего, что̀ сковываетъ ея умъ и чувства.

Жестомъ и выраженіемъ глазъ она пояснила смыслъ этихъ словъ.

Digitized by Google

— Другими словами,—культъ феминизма?—выговорилъ Булашовъ уже съ явной усмѣшкой своего свѣжаго рта.

— Феминизмъ!..

Съ этимъ возгласомъ графиня встала и начала ходить позади своего кресла.

— Феминизмъ!—повторила она.—Эта кличка совсѣмъ не смущаетъ меня. Прежде всего, эмансипація ума... женщины... А потомъ уже все остальное.

Поднялся и онъ.

— Я самъ такъ думалъ... когда-то, графиня,—выговорилъ онъ.

— А теперь больше не думаете? Напрасно!

— До тѣхъ поръ, пока міръ вѣрованій—какія бы они ни были—въ оковахъ, не можетъ быть рѣчи ни о какомъ освобожденіи ума и чувства! Наша передовая интеллигенція, къ которой вы, конечно, себя причисляете, освободила свой умъ... и только умъ. А все, что не ея „credo“... то—сектантство!

— Съ такой редакціей я не согласна!—такъ же горячо воскликнула она.—Это явное непониманіе...

— Простите, графиня!.. Я затронулъ неподходящую тему... и лишилъ васъ, быть можетъ, хорошаго настроенія... Но если позволите... буду у васъ въ Петербургѣ.

— Милости прошу! Я возвращаюсь туда черезъ недѣлю.

Имъ хотѣлось продолжать эту щекотливую бесѣду; но оба они чего-то боялись.

Послѣ рукопожатія, графиня ничего ему не сказала, кромѣ:

— До свиданія!

VII.

Надо было еще укладываться; а въ свой нумеръ Балашовъ попалъ только къ половинѣ шестого.

Онъ рѣшилъ ѣхать не со скорымъ поѣздомъ, а съ курьерскимъ, чтобы не такъ торопиться.

Теперь надо было еще послать двѣ депеши—одну за-границу, другую въ Петербургъ—и написать письмо по городской почтѣ.

Разговоръ съ графиней оставилъ въ немъ давно небывалое раздраженіе.

Онъ еще не встрѣчалъ „феминистки“ съ такимъ обликомъ, тономъ, манерами.

Про нее онъ слыхалъ, какъ про самую рьяную поборницу

Digitized by Google

женскаго движенія. Она сама была долго курсисткой и свои большія средства употребляетъ исключительно на этотъ видъ благотворительности.

И раньше его не тянуло къ такимъ феминисткамъ. А въ этой дѣвушкѣ его очень скоро стала коробить слишкомъ явная увѣренность въ своемъ умственномъ превосходствѣ, въ томъ, что она—тамъ, гдѣ-то, на неизмѣримой высотѣ, надъ всѣми этими несчастными, въ родѣ Топоркова и другихъ „сектантовъ", не освободившихъ во-время свой интеллектъ отъ всякихъ „пережитковъ средневѣковья": навѣрное она, про себя, именно такъ и выражается.

И, въ то же время, въ ней есть что-то сильное и смѣлое, вызывающее желаніе помѣряться съ нею, даже въ такомъ незадорномъ человѣкѣ, какъ онъ.

За письменнымъ столомъ, когда онъ писалъ депеши и записку—онъ не вполнѣ владѣлъ собою, и обрывки разговора съ глазу на глазъ выскакивали въ его головѣ.

А время летѣло. Уже десять минутъ седьмого. Надо гдѣ-нибудь пообѣдать. Въ своей гостинницѣ онъ никогда не ѣлъ. Подъ бокомъ—два хорошихъ трактира—Московскій и Тѣстова.

И вдругъ ему представилась фигура пожилой дѣвицы—должно быть, бывшей преподавательницы графини, госпожи Исѣевой. Она ему напомнила о вечерѣ, проведенномъ съ нимъ когда-то у профессора Грязева.

Вѣдь того всего скорѣе было найти у Тѣстова, въ тѣ дни, когда онъ не обѣдаетъ у знакомыхъ, или въ клубѣ, по субботамъ. Сегодня—четвергъ. Грязевъ—вдовецъ, и дома хозяйства не держитъ.

Поспѣшно спустился Булашовъ въ контору, отдалъ тамъ депеши и письмо и, въ нѣсколько минутъ, перешелъ къ тому дому, гдѣ помѣщается, на углу Театральной площади, ресторанъ Тѣстова.

Почему-то ему особенно сильно захотѣлось видѣть профессора, и онъ упрекнулъ себя за то, что не удосужился навѣстить его, въ оба пріѣзда въ Москву.

Не было ли на это и особой причины?..

Когда-то онъ считался однимъ изъ любимыхъ учениковъ этого даровитаго натуралиста. И тотъ предлагалъ ему оставить его при университетѣ. Все время студенчества, и потомъ, года съ два, онъ находился подъ вліяніемъ его строго-научнаго воззрѣнія на міръ и душевную жизнь человѣка. Позднѣе, послѣ долгой паузы, когда они опять встрѣтились здѣсь, въ Москвѣ, Грязевъ

Digitized by Google

первый почувствовалъ, что его ревностный слушатель „куда-то ушелъ"—какъ онъ выражался—и заподозрилъ въ немъ тайнаго сектанта съ „атавизмомъ мистики": тоже—его выраженіе.

Принципіально, они не говорили въ ихъ послѣднее свиданіе; Булашовъ боялся размолвки, зная, что Грязевъ, до конца дней своихъ, останется съ тѣмъ же позитивнымъ credo, съ тѣмъ же безусловнымъ отрицаніемъ какихъ-либо источниковъ познанія, кромѣ опыта и наведенія.

У одного изъ швейцаровъ въ поддёвкахъ Булашовъ спросилъ:

— Вы не знаете профессора Грязева? Такой худой, съ бородкой?..

— Знаемъ-съ.

— Нѣтъ его здѣсь?

— Здѣсь они,—отозвался другой малый, приставленный къ вѣшалкѣ.

— Въ отдѣльномъ кабинетѣ?

— Они одни... въ угловой, налѣво, всего вѣрнѣе...

Отъ этой удачи Булашову стало какъ-то особенно весело, и онъ, черезъ ступеньку, вбѣжалъ по лѣстницѣ.

Все тѣ же запахи хорошей ѣды колыхались въ воздухѣ. Гулъ „машины" смягчала мягкая ходьба по половикамъ половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ. Давно не обдавало его такой своеобразной московской жизнью, гдѣ ѣдятъ и пьютъ, и суесловятъ, разсказываютъ анекдоты, громко смѣются, обдѣлываютъ дѣла, не задаваясь никакими сторонними темами; вдали отъ всякаго „ненужнаго" умничанья и коренныхъ запросовъ совѣсти, отъ исканія вѣчной правды и царства божьяго на землѣ...

Это все—тамъ гдѣ-то, за стѣнами заведенія, гдѣ подаютъ и московскія селянки на сковородкѣ, и растегаи со свѣжей икрой, и нѣжно-розоваго поросенка подъ хрѣномъ.

Булашовъ взялъ налѣво изъ комнаты съ „машиной" и заглянулъ въ болѣе просторную угловую.

И сейчасъ же узналъ съ затылка небольшую, аккуратную голову профессора, еще очень молодую по темнорусымъ волосамъ съ боковымъ проборомъ. И худая шея, и посадка плечъ—все сохранилось, какъ было нѣсколько лѣтъ назадъ. Среди своихъ коллегъ Грязевъ всегда выдѣлялся своей необычайной моложавостью.

Онъ сидѣлъ у окна, одинъ, на диванѣ. Напротивъ мѣсто было незанято.

— Валерьянъ Ильичъ!—мягко окликнулъ Булашовъ, прежде чѣмъ поровнялся съ диваномъ.

Digitized by Google

— А! Вотъ сюрпризъ!.. Булашовъ!

Голосъ у профессора былъ сильный, съ особенной звонкостью гласныхъ и несовсѣмъ подходилъ къ его головѣ,—до сихъ поръ головѣ молодого человѣка семидесятыхъ годовъ, студента, или художника. Лицо—очень худое, съ острымъ носомъ и большими глазами, глубоко вдавленными во впадины. Тонкіе усы и остроконечная борода, еще не сѣдѣющая—дѣлали его совершенно непохожимъ на профессора, приблизившагося къ тридцатилѣтнему сроку службы.

И одѣтъ онъ былъ моложаво, съ маленькимъ цвѣтнымъ галстухомъ, въ вестонѣ.

— Чутьемъ угадалъ, что могу найти васъ здѣсь... по примѣру прежнихъ лѣтъ.

— Обязательно!.. Садитесь. Вы тоже пришли кушать подъ „машину“?

— Благодарю васъ. Если позволите.

Въ тонѣ съ нимъ Булашовъ сохранилъ прежнія интонаціи слушателя.

— Откуда и куда?—спросилъ Грязевъ и ласково оглядѣлъ его своими темными глазами.

Быстрый взглядъ этихъ глазъ красилъ его лицо, особенно когда онъ улыбался ими.

— Сегодня долженъ взять курьерскій.

— Въ Питеръ? А меня совсѣмъ забыли. Нехорошо! Небось который ужъ разъ пріѣзжаете въ Москву?..

— Виноватъ, Валерьянъ Ильичъ.

— Что-жъ! Были, вѣроятно, смягчающія обстоятельства...

И что-то какъ бы вспоминая, Грязевъ спросилъ:

— Вѣдь... вы лишились отца?

— Какъ же, Валерьянъ Ильичъ.

— И давно уже?

— Больше года.

— Имѣете свободное движеніе въ предѣлахъ имперіи?—спросилъ Грязевъ немного потише и съ своеобразной усмѣшкой.

— Какъ и прежде. На меня мѣра не распространялась. Да и вообще, Валерьянъ Ильичъ, вашъ когда-то усердный слушатель и почитатель выше всего ставитъ свою душевную свободу. Никакого хомута, въ видѣ безусловнаго догмата, онъ на себя не надѣвалъ.

— Въ добрый часъ!

Они говорили не очень громко. На нихъ никто не обращалъ вниманія. Въ комнатѣ обѣдали еще трое, въ другомъ углу.

Digitized by Google

Но то, что̀ сейчасъ сказалъ Булашовъ, такъ мало шло ко всей обстановкѣ, къ обоямъ, мебели и драпировкамъ трактирнаго вкуса и къ тѣмъ звукамъ „машины“, которые доносились изъ смежной комнаты!

Оба узнавали мотивъ изъ оперетки, и въ этомъ контрастѣ звуковъ, запаховъ ѣды и мелькания бѣлыхъ рубашекъ—съ тономъ и содержаніемъ ихъ бесѣды—было что-то чудное.

— Что-жъ, Булашовъ... наука... настоящая, а не мнимая—отошла окончательно? А почему? Вы—свободный человѣкъ, средства есть... Молодость, свѣжесть... Вонъ вы какой, чтобы васъ не сглазить,—что твой малосольный огурецъ!

Оба засмѣялись.

— Жизнь по своему передѣлываетъ, Валерьянъ Ильичъ.

— Вамъ что же на нее особенно жаловаться, Булашовъ?

— Объ этомъ надо пространно говорить... выражаясь по-московски. Но это все равно, что строгая обитель... тамъ, на высотахъ, гдѣ тишина и студеный воздухъ... и куда не доходитъ ничего снизу, изъ людского муравейника. Надо, чтобы все въ душѣ перегорѣло и впереди была одна цѣль—законъ природы... безстрастной истины.

— Красиво выражено, но не вѣрно!—возразилъ Грязевъ и тряхнулъ головой.—Вы говорите о наукѣ, точно она мертвечина какая... совсѣмъ отрѣшенная отъ жизни! Вотъ видите, Булашовъ, какихъ вы уже набрались разслабляющихъ ингредіентовъ современнаго разброда!..

Онъ положилъ локти на столъ и подался къ своему собесѣднику.

— Не знаю, Валерьянъ Ильичъ, можетъ быть,—тихо, какъ бы про себя,—выговорилъ Булашовъ.

— Все это не то, батенька мой!—сильнѣе воскликнулъ Грязевъ.—Развѣ вы не видите, что, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ идетъ крестовый походъ противъ... положительнаго знанія?.. И разомъ, и на Западѣ, и у насъ, клерикалишки, переодѣтые іезуиты... съ каѳедръ Сорбонны и другихъ высшихъ школъ стали провозглашать банкротство науки!

Половой подавалъ новое блюдо профессору; тотъ торопливо положилъ себѣ на тарелку и также поспѣшно съѣлъ нѣсколько кусковъ. Булашовъ ѣлъ медленнѣе и аккуратнѣе, какъ все, что̀ онъ дѣлалъ; но бесѣда такъ его втягивала, что онъ почти не замѣчалъ, что̀ ему подаютъ.

— Банкротство науки! — глухо вскричалъ Грязевъ и засмѣялся. — Чувствуете ли вы все шутовство такого приговора

Digitized by Google

обскурантовъ и гасильниковъ?... Когда, гдѣ, въ чемъ она обанкротилась?

— На нее возлагали слишкомъ большія надежды, Валерьянъ Ильичъ, — тихо промолвилъ Булашовъ, не поднимая глазъ на Грязева.

— Развѣ она давала обѣщаніе: разомъ разрѣшить всѣ... такъ называемые „проклятые“ вопросы, отвѣтить на все, что̀ гнѣздится въ развинченной душѣ новѣйшаго упадочника? Все это— пережитокъ средневѣкового рабства передъ жупелами, созданными подлымъ страхомъ... передъ Непознаваемымъ!

— Потребности души, Валерьянъ Ильичъ, нельзя регулировать по своему желанію. Все послѣднее десятилѣтіе полно другихъ исканій...

— Эхъ, полноте, Булашовъ! Какъ будто мы—когда были юнца̀ми—не искали, не имѣли чаяній и упованій? Но клички были другія. Насъ объединяло нѣчто, стоящее выше всѣхъ этихъ ковыряній въ своемъ гниленькомъ и пошленькомъ *я*. А тутъ и у насъ сложилось цѣлое ученіе, свое, доморощенное... Отыскана безусловная правда... подъ которой—тотъ же бунтъ противъ знанія. Долой науку! Что такое за соціологія? Къ чему микроскопъ? Все это одинъ развратъ и гнусное барство! Зачѣмъ успѣхи техники? Къ чему ассенизація?.. И возведеніе золотаря Акима въ высокіе мудрецы. Къ чему ватерклозеты? Есть для этого и заборъ!

Булашовъ давно не слыхалъ такого разноса. И ему впервые показалось, что его даровитый и пылкій наставникъ точно выскочилъ изъ полосы русской жизни, уже сданной въ архивъ. Онъ не могъ или не хотѣлъ войти въ другія потребности души. И, въ то же время, его протесты были—сами по себѣ—архизаконны, и въ нихъ звучало негодующее чувство человѣка науки, одного изъ самыхъ симпатичныхъ представителей поколѣнія, у котораго были идеалы.

— И мы, Булашовъ, ратовали за меньшую братію... ходили въ народъ, мечтали о другомъ общественномъ укладѣ... Но мы не проповѣдовали анти-научной нивеллировки. Не нужно Дарвиновъ, не нужно Пастёровъ! Пускай всѣ ходятъ въ лаптяхъ, хлебаютъ изъ одной чашки и лечатъ „крѝксу“ у знахарокъ. У тебя геніальныя способности?.. Мало ли что̀! Не смѣй возвышаться надъ сермягой... Важное кушанье, что ты Дарвинъ! Твоя „эволюція“, твой законъ „подбора“... Это только оправданіе хищничества и насилія. И въ Пастёры не смѣешь мѣтить. И это— барскія глупыя затѣи. Десятки лѣтъ отыскивать козявокъ... микробы... тамъ какіе-то... Мечтать о радикальной борьбѣ съ та-

Digitized by Google

ними милашками, какъ сибирская язва, водобоязнь, тифъ, чахотка! Каждый умираетъ, видите ли, отъ того, что̀ ему предназначено. Немножко больше жить, немножко меньше—не все ли равно, а страдать имъ предопредѣлено свыше? Ха, ха!.. А подо всѣмъ этимъ любомудріемъ—бунтъ противъ знанія, непримиримая война мистики съ тѣмъ, что̀ даетъ человѣку умственную свободу!

Возражать Булашовъ не хотѣлъ, да онъ никогда и не увлекался тѣмъ ученіемъ, которое „разносилъ“ профессоръ. Не дальше, какъ сегодня, слушая Топоркова у графини Буниной и глядя на него, онъ сознавалъ, что̀ этотъ хорошій малый, глубоко проникнутый потребностью подвига, все-таки „зашибленъ“, въ тискахъ доктрины.

Имъ уже подали пирожное.

— Не выпьемъ ли чего-нибудь получше? — спросилъ Грязевъ.—По рюмкѣ рейнвейнцу, что-ли?

— Съ удовольствіемъ, Валерьянъ Ильичъ.

— Теперь можно и покурить.

Грязевъ вынулъ папиросницу, закурилъ и откинулся на спинку своего дивана.

— Вы меня слушаете, Булашовъ,—заговорилъ онъ мягче и медленнѣе,—и, быть можетъ, про себя, причисляете уже къ послѣднимъ могиканамъ. Сидитъ, молъ, на своихъ китахъ... и поклоняется творцу книжки „Происхожденіе видовъ“.

— Съ какой же стати, Валерьянъ Ильичъ? Я васъ слушаю... и нахожу, что вы правы, какъ служитель точнаго знанія.

— Это, миленькій, слишкомъ общо̀ и... извините меня... уклончиво!

Булашовъ немного покраснѣлъ.

— Какъ же тутъ быть, Валерьянъ Ильичъ,—заговорилъ онъ возбужденно,—если мое поколѣніе, да и тѣ, что моложе меня, вотъ передъ самымъ вступленіемъ въ двадцатый вѣкъ, не нашли еще общаго руководства... лозунга, какіе были въ ваше время? Прежде всего, надо ихъ понять, взглянуть на нихъ объективно, sine ira et studio...

— Та, та, та! Достаточно мы наглядѣлись и наслушались! Послѣ бунта противъ науки, послѣ отрицанія законовъ развитія всего, что̀ существуетъ, въ томъ числѣ и человѣческаго общества—проповѣдь непротивленія злу явилась оправданіемъ всякой дрянности, всего, что̀ у насъ накопилось вѣками холопства, трусости, кисляйства. Въ прошломъ сезонѣ, постомъ, я читалъ здѣсь вотъ, въ аудиторіи музея... благотворительную лекцію —

Digitized by Google

какъ-разъ на ту тему, которую мы съ вами теперь перетираемъ.

— Имѣли, конечно, успѣхъ?

— Хлопали, вызывали! Протестовъ, въ видѣ шиканья, не было. Но въ томъ-то и бѣда, что сегодня вамъ хлопаютъ, а завтра пойдутъ слушать мистическую канитель о чемъ хотите, хоть объ антихристѣ—и такой же пріемъ, и то же хлопанье, и то же галдѣнье! Но я вотъ къ чему... По поводу этой лекціи получаю письмо... отъ одного моего товарища... помоложе курсомъ. Онъ прошелъ черезъ разныя мытарства, посидѣлъ и въ мѣстахъ довольно отдаленныхъ; а теперь практикуетъ здѣсь и печатаетъ хорошія работы. Его письмо—настоящій вопль *семидесятника!* Все, на что люди его генераціи положили свою душу, ихъ подвиги, жертвы, ихъ добровольное мученичество—все это пошло на смарку. И къ девяностымъ годамъ приспѣлъ разбродъ, повальное ренегатство, потакательство всякой блажи, трусливой апатіи, мистическому и декадентскому юродству! Я долго носилъ это письмо... Вотъ жалко, что его нѣтъ и теперь въ моемъ бумажникѣ...

— Можно ли такъ обобщать?!—тихо возразилъ Булашовъ.—Какъ будто и теперь не ведется все та же борьба? Какъ будто зло не встрѣчаетъ противленія?..

— Полюбуйтесь! Подите посмотрѣть на пьесу, на которую сбѣгается вся молодежь. Полюбопытствуйте. Фурорный успѣхъ! И что вы въ ней находите? Это какъ бы сплошная неврастенія. Что за люди! Что за разговоры! Что за жалкая болтовня! Зачѣмъ они всѣ топчутся передо мной на сценѣ? Ни мысли, ни діалога, ни страсти, ни юмора, ничего! Можетъ быть, такая белиберда и встрѣчается въ жизни, да намъ-то до нея какое дѣло? А подите—полюбуйтесь: зала набита биткомъ, молодежь млѣетъ и услаждается всѣмъ этимъ жалкимъ распадомъ россійской интеллигенціи. И вы должны восхищаться. Если вы не ходили на такую пьесу трехъ-четырехъ разъ кряду, вы—отсталый іерихонецъ!

Половой подалъ вино съ двумя зелеными рюмками.

Грязевъ бережно налилъ и протянулъ свою рюмку.

— Prosit!.. Чокнемся по-студенчески.

— Prosit!—повторилъ Булашовъ.

— За что пить? Все отдано подъ „сумлѣніе“, все забито или опошлено.

Они чокнулись.

— Хочется мнѣ вѣрить, Булашовъ,—заговорилъ Грязевъ бо-

Digitized by Google

лѣе задушевнымъ тономъ,—что вы, въ эту минуту, никакой личины, въ угоду вашему бывшему преподавателю, не надѣваете. Не знаю—къ какому стану васъ причислить...

— Во всякомъ случаѣ, не къ тѣмъ, кто возмущаетъ васъ своимъ бунтомъ противъ знанія, его великихъ заслугъ и грядущихъ благодѣяній.

— Да? Ну, и на томъ спасибо!

И тутъ Грязевъ, уже другимъ, болѣе спокойнымъ тономъ, сталъ разспрашивать Булашова о его личныхъ дѣлахъ. И когда услыхалъ, что онъ самъ хозяйничать у себя въ имѣніи не будетъ, а сдалъ все крестьянамъ, онъ построже остановилъ его вопросомъ:

— А къ чему же было увлекаться агрономіей? Развѣ это не измѣна наукѣ? Отдавать землю въ руки темнаго люда, чтобы онъ истощилъ ее въ какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ!

— Я имъ помогу повернуть дѣло иначе...

— А сами чѣмъ же займетесь?

— Пока—на моихъ рукахъ то, чѣмъ владѣютъ мать и сестры. Есть заводъ.

— Пригодится, стало, если не чистая, то хоть прикладная наука? Но все это—между прочимъ... Что же: собираетесь дѣлать служебную карьеру?

— Боже избави!

— Стало... еще на распутьи. А вѣдь вамъ, Булашовъ, сколько годковъ?

— Идетъ тридцатый годъ.

— Я—въ эти годы—былъ уже въ экстраординарныхъ. А мнѣ надо было пробиваться—вы сами знаете. Вы—счастливчикъ! Могли бы посвятить себя любой спеціальности. Не нужно вамъ ни оклада, ни пенсіи, никакой служебной лямки. Вы хоть и не хотите ввести меня въ свою душевную лабораторію, а сдается мнѣ, что и вы не ушли отъ общаго повѣтрія... Дѣло ваше! Вы, я думаю, и безъ того считаете меня какимъ-то фонвизинскимъ Стародумомъ. Пускай!

Грязевъ допилъ свое вино, отеръ губы и задумался.

— Позвольте, по крайней мѣрѣ, маленькое учительское напутствіе. Когда набьете себѣ оскомину отъ всякихъ теперешнихъ вѣяній... и юродствъ—загляните въ ту строгую обитель... съ которою вы, въ началѣ нашего разговора, сравнили науку. Вы найдете въ ней отраду и успокоеніе. Она не обманетъ!.. А теперь пора и по домамъ. Кажется, я опоздалъ на засѣданіе.... Ничего!

Digitized by Google

Имъ подали счетъ. Внизу, въ швейцарской, Грязевъ крѣпко пожалъ руку Булашова и, придержавъ ее въ своей рукѣ, сказалъ съ внезапнымъ блескомъ въ глазахъ:

— „Банкротъ“ никогда еще не былъ такъ состоятеленъ, какъ въ преддверіи двадцатаго вѣка!..

— Наука?

— А то кто же? Ей нечего стыдиться того, что она уже отвоевала—и на вѣки—отъ незнанія, опираясь только на свои силы!..

На подъѣздѣ они еще разъ простились.

VIII.

Въ отдѣленіи вагона съ креслами послѣднее мѣсто, у окна, занялъ Булашовъ.

Кондукторъ только-что приготовилъ ему все для спанья, откинулъ спинку кресла, постелилъ матрасикъ и принесъ подушку въ свѣжей наволочкѣ.

Булашевъ легъ, не раздѣваясь, надѣлъ только туфли и прикрылся дорожнымъ мохнатымъ одѣяломъ.

Кто-то уже задвинулъ круглую занавѣску у фонаря съ газовымъ рожкомъ, и та половина, гдѣ онъ лежалъ, стояла темной.

До Клина оставалась всего одна станція.

Подъ ритмическое качанье и смягченный гулъ вагона Булашовъ лежалъ на спинѣ, подложивъ обѣ руки подъ голову.

Сна еще не было; но онъ чувствовалъ пріятную усталость, послѣ очень пестраго дня съ ѣздой, ходьбой, укладкой.

Визитъ къ графинѣ и бесѣда съ профессоромъ Грязевымъ переплетались у него въ головѣ.

„Феминистка“ оставила въ немъ тревожное чувство. Онъ не можетъ сказать, что она ему антипатична; но въ ней есть какое-то доктринерство и сухость,—быть можетъ, напускныя. И они врядъ-ли будутъ друзьями.

И, въ то же время, въ этой дѣвушкѣ, живущей на полной волѣ, чувствуется что-то смѣлое и прямое.

Онъ совершенно такихъ еще не встрѣчалъ ни въ томъ кругѣ, къ которому принадлежали его родные, ни въ разныхъ другихъ сферахъ, гдѣ бывалъ до сихъ поръ.

Во всякомъ случаѣ, что-то говорило ему, что это случайное знакомство затянется, прежде всего потому, что ему и теперь хочется показать этой особѣ: какъ она узко и самомнительно

Digitized by Google

смотритъ на всѣхъ, кто, по ея мнѣнію, не находится на высотѣ ея свободомыслія.

Она воображаетъ себѣ, что ото всего застрахована, отъ всякихъ немощей и паденій, отъ страсти, отъ духовной жажды сверхчувственнаго идеала...

Видно, что она еще не любила, и, конечно, заранѣе увѣрена въ томъ, что сдѣлаетъ прекрасный выборъ, когда удостоитъ когонибудь своего предпочтенія, и выговоритъ себѣ полнѣйшую свободу, въ роли настоящей „maîtresse-femme".

А онъ самъ—любилъ? И ему уже подъ тридцать лѣтъ. Развѣ и онъ не похожъ на эту дѣвицу, отъ которой такъ пахнетъ культомъ женской эмансипаціи? Но въ ней все-таки же дѣйствуетъ увлеченіе. Она предана *идеѣ*.

Можетъ ли онъ сказать то же о себѣ? Трепетала ли его душа въ страстныхъ поискахъ истины? Зналъ ли онъ страсть—грѣховную или безплотную—это все равно? Не грозитъ ли ему равнодушіе подъ видомъ высокой терпимости и ратованія за попираемую свободу совѣсти?

Ну, рухнутъ всѣ затраты и всѣ виды насилія и нетерпимости... Съ чѣмъ же онъ самъ останется? Какимъ могучимъ и проникновеннымъ *credo* освѣтитъ свою жизнь? Найдется ли въ его душѣ откликъ на призывъ къ любви и къ тому, что̀ люди зовутъ счастьемъ?

Необычайно быстро прошли года̀ ранней молодости. Ему точно некогда было прислушаться къ запросамъ своего сердца. Онъ и до сихъ поръ не знаетъ *себя*. Его принимаютъ за очень опытнаго молодого человѣка, съумѣющаго прекрасно устроить себѣ свой „home"—на англійскій манеръ,—когда пробьетъ его часъ.

Но бѣдность его личныхъ испытаній не огорчаетъ и не обижаетъ его. Гораздо важнѣе для него—утвердиться на такомъ грунтѣ, съ котораго никто уже не сдвинетъ его.

„Почему—допрашивалъ онъ себя, лежа все въ той же позѣ,—почему у меня недостало мужества сказать Грязеву, что прежняя прямолинейность естественника, съ механической теоріей міросозиданія—не удовлетворяетъ меня"?

„Неужели, въ самомъ дѣлѣ, изъ трусости?"—строго выговорилъ онъ мысленно.

Нѣтъ, не изъ трусости, а потому что онъ и самъ не хотѣлъ бы—до поры до времени — вставлять въ какія бы то ни было рамки свое духовное „я".

Непреклонность взглядовъ того милѣйшаго дарвиниста—за-

Digitized by Google

видна; но онъ умышленно отворачивается отъ того, что̀ его бывшій ученикъ считаетъ первымъ вопросомъ жизни.

Въ видѣ общей формулы и онъ, конечно, стоитъ за полную терпимость, за священныя права совѣсти. Но ему, въ сущности, мало дѣла до всѣхъ, кто „погрязъ еще въ пережиткѣ средневѣковой мистики". Заниматься этимъ „въ сурьёзъ"—это значитъ: поблажать всему, что̀ противно духу единой, непогрѣшимой, положительной науки.

А для его бывшаго ученика, ушедшаго изъ строгой обители точнаго знанія, всякое вѣрованіе священно, и еслибъ надъ совѣстью этого самаго Валерьяна Ильича совершено было насиліе—онъ бы также всталъ за него, какъ и за всякаго сектанта, даже за мрачнаго изувѣра, полагающаго свое спасеніе въ добровольномъ истязаніи и въ изступленныхъ дикостяхъ...

— Станція Клинъ!—раздался окликъ кондуктора.

Половина пассажировъ пошли закусить. Булашовъ закрылъ глаза и незамѣтно задремалъ.

Когда онъ раскрылъ глаза, не больше какъ минутъ черезъ десять, въ отдѣленіи всѣ спали, кромѣ двухъ пассажировъ, лежавшихъ рядомъ: одинъ у окна, другой по срединѣ. Изголовья нхъ раскинутыхъ креселъ приходились въ разныя стороны, и имъ удобно было разговаривать.

Булашовъ раньше не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Одинъ былъ высокаго роста брюнетъ, съ баками, еще молодой, въ шинели съ бобрами; а когда снялъ ее,—очутился въ дорожной курткѣ. Онъ лежалъ теперь спиной къ Булашову и ноги немного поджалъ. Его сосѣдъ прикрывался пледомъ. Его лицо видно ему было довольно отчетливо—дальній фонарь только на половину задернули. Голова большая, очки въ золотой оправѣ, лысина и русая борода.

Прежде всего Булашовъ узналъ голосъ высокаго брюнета и тотчасъ же вспомнилъ, что онъ съ нимъ разговаривалъ. Было это не такъ давно.

Нужно было похлопотать за одного сектанта. Онъ явился къ нему въ присутствіе, съ рекомендательной карточкой отъ очень вліятельнаго лица.

И фамилію его онъ тотчасъ же вспомнилъ, и узкій кабинетъ, гдѣ они сидѣли съ глазу на глазъ,—тотъ по ту сторону письменнаго стола, онъ—по эту сторону.

Нашелъ онъ этого дѣлопроизводителя или начальника отдѣленія—хорошенько онъ не знаетъ его званія—довольно пріятнымъ чиновникомъ, съ университетскимъ образованіемъ, скром-

Digitized by Google

наго, даже искренняго тона, безъ замашекъ всезнайки-администратора. Онъ былъ еще вновѣ, и когда они разговорились, Булашовъ увидѣлъ, что онъ знаетъ—да и то не очень твердо—законоположенія и циркуляры; но о новыхъ теченіяхъ религіозной жизни имѣетъ только „казенное“ представленіе, такъ что подъ конецъ ихъ бесѣды онъ самъ сталъ просить Булашова подѣлиться съ нимъ его „интересными свѣдѣніями“.

По самому ходатайству онъ ничего не могъ сдѣлать.

— Мы по этой сектѣ,—замѣтилъ онъ,—ни во что не входимъ. Пускай тамъ съ ней вѣдаются. Тутъ все разныя особы замѣшаны. Съ ними была большая возня!..

Все это онъ говорилъ добродушно и даже съ юморомъ; но и въ этомъ мягкомъ чиновникѣ чувствовалось признаніе полной законности того, что вотъ отсюда, изъ этого кабинета, онъ можетъ управлять совѣстью сотенъ тысячъ и милліоновъ, налагать наказанія, пресѣкать и предупреждать, лишать свободы и переводить изъ одного мѣста подневольнаго житья въ другое—съ крайняго сѣвера въ Закавказье и обратно.

Собесѣдника его, брюнета, Булашовъ не сразу призналъ. И его онъ видѣлъ: ему на него показали въ засѣданіи одного ученаго общества.

Какая-то дама, занимающаяся этнографіей, читала рефератъ о новой сектѣ на югѣ, и послѣ ея чтенія хоръ любителей исполнилъ нѣсколько духовныхъ пѣсенъ. Рефератъ заинтересовалъ слушателей, и пѣніе всѣмъ очень понравилось.

Его знакомый шепнулъ ему на ухо имя этого „эксперта“, какъ онъ называлъ его, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, и какъ произносятъ такіе господа.

О немъ Булашовъ уже имѣлъ понятіе, зналъ—какъ и чѣмъ тотъ выдвинулся и какова его теперешняя спеціальность.

Это сразу возбудило его.

Онъ не желалъ усиленно прислушиваться къ разговору обоихъ пассажировъ; но зналъ напередъ, что содержаніе ихъ разговора будетъ для него не безразлично.

„На ловца и звѣрь бѣжитъ“,—весело подумалъ онъ.

Позы онъ не перемѣнилъ и лежалъ на спинѣ, съ полузакрытыми глазами, подложивъ подъ голову обѣ руки.

Оба они возвращались въ Петербургъ—высокій брюнетъ былъ по домашнимъ дѣламъ въ Москвѣ, а „экспертъ“ ѣздилъ, по казенной командировкѣ, за Нижній, въ одинъ изъ большихъ приволжскихъ городовъ.

Digitized by Google

Булашовъ, по первымъ его фразамъ, сообразилъ, по какому дѣлу онъ былъ командированъ.

Объ этомъ дѣлѣ онъ, зналъ гораздо раньше. Еще при жизни отца онъ ѣздилъ въ ту мѣстность и слыхалъ о томъ „пресвитерѣ", который, черезъ годъ, попалъ подъ судъ за совершеніе надъ взрослыми крестьянами другого уѣзда и губерніи обряда крещенія.

Брюнетъ заинтересованно дѣлалъ своему собесѣднику цѣлый рядъ вопросовъ.

— И закатàли?—выговорилъ онъ своимъ звучнымъ баритономъ, съ нотой нѣкотораго юмора.

— Обязательно!

— Все мужички были въ присяжныхъ?

— Мужички.

И по мѣрѣ того, какъ до него долеталъ высокій, жирный, размашистый голосъ лысаго господина, съ семинарскимъ „àканьемъ" гласныхъ, внутри у него стало сверлить, и онъ долженъ былъ раза два сдержать себя, чтобы внезапно не вмѣшаться въ разговоръ.

Брюнетъ, видимо, былъ очень доволенъ встрѣчей съ „экспертомъ". Они, вѣроятно, уже знали другъ друга въ Петербургѣ, но мало.

— Пойдутъ на кассацію?—возбужденно спросилъ онъ.

— Само собою. Мы этимъ не смущаемся. Предметомъ обличенія, разумѣется, будетъ вашъ покорный слуга. Якобы я, видите ли, превысилъ свою компетенцію и настроивалъ присяжныхъ въ тенденціозномъ духѣ. Все это кимвалъ бряцаяй и мѣдь звеняща! Ха, ха! Каждый сектовѣдъ, приглашаемый ex officio—для дачи объяснительныхъ свѣдѣній—развѣ онъ не вправѣ отвѣтить на то чувство, которое неколебимо живетъ въ сердцѣ всякаго русскаго крестьянина—вѣрнаго сына своей отчизны? Какъ же не показать, въ чемъ суть темнымъ людямъ, которыхъ, въ настоящее время, опутываютъ сѣтями лжеученій, ведущихъ прямымъ путемъ къ ниспроверженію всѣхъ государственныхъ устоевъ...

Брюнетъ на это ничего не сказалъ.

— Къ сугубому стыду нашего образованнаго класса надо приписать то, что ядъ этотъ давно просачивается не снизу, какъ было прежде, изъ самой темной массы, въ той или иной сферѣ, а сверху.

— Развѣ тутъ петербургскіе эмиссары дѣйствовали?—спросилъ потише брюнетъ.

— Чистѣйшая „булашовщина"!

Digitized by Google

Эти слова заставили Булашова немного приподнять голову. Онъ легъ на бокъ, лицомъ къ говорившимъ.

Нѣтъ, онъ не ослышался. Эта кличка уже встрѣчается въ печати, гдѣ дѣйствуютъ такіе „эксперты“. Отецъ его сошелъ въ могилу, зная, что его именемъ окрестили часть движенія, въ которомъ за послѣднія десять лѣтъ произошло столько новаго.

Самое слово „булашовщина“ зазвучало злобно-презрительно, какъ еслибъ онъ произнесъ: „пугачевщина“ или „хлыстовщина“.

Но тѣмъ менѣе было повода осадить эксперта и назвать себя. Это было бы прямо профанаціей памяти его отца.

— И, разумѣется, — спросилъ брюнетъ, — они величаютъ себя баптистами?

— Всенепремѣнно!

— Видите... какъ это удачно вышло... вотъ что̀ мы съ вами вмѣстѣ проводимъ ночь. Вамъ извѣстно... отъ насъ вѣдь тоже затребовано болѣе категорическое мнѣніе. И какъ разъ, теперь, вернувшись въ Петербургъ, мнѣ предстоитъ составленіе докладной записки. Буду особенно признателенъ за болѣе спеціальныя указанія.

— Съ особеннымъ удовольствіемъ. Вопросъ, въ сущности, выясненъ, можно сказать, до самой глубины. Никакого русскаго баптизма мы не признаемъ.

„*Мы*!— повторилъ про себя Булашовъ.— Вотъ какъ“!

Это „мы“ прозвучало громче всего остального.

— Не признаемъ! Его нѣтъ и не было. Надѣемся, и не будетъ. А то, что̀ прикрывается этимъ именемъ, есть не что̀ иное, какъ переодѣтая штунда—безформенная и шатающаяся...

— Однако... они усиленно отрицаютъ это?

— Еще бы! Фортель тутъ очевидный. Послѣ того, какъ секта была признана особенно вредной — они нашли лазейку. Хитроумія тутъ большого не требуется. Въ предѣлахъ россійской державы есть терпимое закономъ инославное исповѣданіе —баптизмъ,—для инородческаго населенія, для нѣмцевъ, чухонъ и иныхъ. Но то — совсѣмъ не того происхожденія. Для тѣхъ Римомъ служитъ городъ Гамбургъ. Но и въ немъ уже обособились, за-границей, нѣсколько общинъ... до семи или восьми ученій.

— Вотъ оно что!..

— Вы это найдете особенно толково и доказательно изложеннымъ въ недавнемъ изслѣдованіи...

И онъ привелъ заглавіе.

— Но для насъ трудновато входить въ эти спеціальныя

Digitized by Google

тонкости. Вамъ и книги въ руки. Во всякомъ случаѣ, положеніе администраціи неловкое.

— И нуждается,—подхватилъ лысый,—въ нарочитомъ узаконеніи!.. Чего мы и ждемъ, къ чему и взываемъ, указывая на гидру, которая своими змѣиными извивами опутываетъ темный людъ!

— Однако, вотъ мужики-то вездѣ закатываютъ... безъ всякаго снисхожденія?

— Благодаря нашимъ посильнымъ стараніямъ... и въ нихъ пробуждается настоящее рвеніе. И они начинаютъ смекать—куда это идетъ. Изувѣрство сектантовъ падаетъ на ихъ же голову. Ежели они и у насъ, въ среднихъ губерніяхъ, будутъ производить кощунственныя оказательства—какъ это столько лѣтъ бывало на югѣ—мужичокъ съумѣетъ постоять за свою святыню. А пока—надо бить въ одну точку—русскаго баптизма нѣтъ, и признавать его могутъ только измѣнники своему народу и государству.

„Такъ и запишемъ!“—выговорилъ умственно Булашовъ и повернулся спиной къ стѣнѣ, прикрывшись одѣяломъ.

Минуты черезъ двѣ разговоръ смолкъ.

„На ловца и звѣрь бѣжитъ“,—повторилъ онъ такъ же весело.

Точно они оба—и чиновникъ, и спеціалистъ по „сектовѣдѣнію“—собственно для него выполняли діалогъ, показывающій—чего можно ждать въ ближайшемъ будущемъ...

IX.

Въ большомъ домѣ, принадлежавшемъ его матери и гдѣ онъ родился, Булашовъ остановился въ маленькой квартиркѣ, со двора.

Онъ хорошо помнилъ тѣ годы, когда у родителей былъ открытый домъ—обѣды, балы, спектакли—разливанное море, безпробудная свѣтская сутолока.

Ему было тогда лѣтъ пять-шесть.

И вдругъ, послѣ долгой поѣздки за границу, гдѣ отецъ опасно заболѣлъ и долго не поправлялся—все перемѣнилось. Въ той самой залѣ, гдѣ были пиршества и костюмированные балы съ живыми картинами — раздалось евангельское слово и пѣніе гимновъ.

Пошла мода на такія собранія. Началъ ѣздить свѣтъ. Сталъ ходить и народъ... И такъ шло нѣсколько лѣтъ. Потомъ всякое

Digitized by Google

„оказательство“ прекратилось... И уже больше десяти лѣтъ, какъ начались мытарства, подневольное житье въ деревнѣ и за границей, гдѣ отецъ и умеръ.

Въ ихъ хозяйской квартирѣ, занимавшей весь бель-этажъ, помѣщается теперь правленіе одного общества. Домъ доходный, но старый.

Сейчасъ онъ толковалъ съ управляющимъ въ маленькомъ кабинетикѣ своей въѣздной квартирки. Къ веснѣ необходимъ капитальный ремонтъ. А годъ, по заводу и имѣніямъ матери и сестеръ, выдался плохой: на ярмаркѣ, въ Нижнемъ, не расторговались, а цѣнъ на хлѣбъ нѣтъ, да и не предвидится—и къ первопутку.

Уходя, управляющій доложилъ ему:

— По столярнымъ подѣлкамъ въ тѣхъ двухъ квартирахъ сегодня явится мастеръ. Онъ работалъ у насъ прошлымъ лѣтомъ. Малый толковый.

И особымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Покойникъ-папенька... знали его лично... и отличали по его усердію.

— Какъ его зовутъ?

— Суздальцевъ его фамилія... Цеховой мастеръ. Беретъ и обойныя работы... Да намъ пока не требуется.

Отпустивъ управляющаго, Булашовъ принялся за дѣловую иногородную корреспонденцію—послѣ того какъ написалъ большое письмо матери, за-границу.

Отъ собственнаго помѣщичьяго дѣла онъ сторонилъ себя, но его не тяготили хозяйственныя заботы, распоряженія и поѣздки для другихъ. Это дѣлало его бодрѣе, не позволяло „копаться“ въ самомъ себѣ, не ставило жуткаго вопроса: что съ собой дѣлать, чему служить, чему отдаться окончательно?

Шелъ одиннадцатый часъ утра. Тѣсный кабинетикъ стоялъ въ полутемнотѣ. Онъ былъ на половину заставленъ письменнымъ столомъ, стоявшимъ, когда-то, въ кабинетѣ его отца. Рядомъ была спальня побольше и крошечный салончикъ.

Въ передней тихо прохаживался Дмитрій, старый камердинеръ его отца, доживавшій на покоѣ, въ даровой квартирѣ, въ томъ же домѣ, и на пенсіи.

Онъ, по доброй волѣ, прислуживалъ молодому барину, когда тотъ наѣзжалъ въ Петербургъ, хотя Булашовъ совсѣмъ этого не требовалъ.

Сѣдая голова и бритое лицо Дмитрія просунулись въ дверь.

Digitized by Google

— Столяръ пришелъ. Прикажете ему подождать? — спросилъ онъ.

— Пускай войдетъ сюда.

Что-то такое Булашовъ и самъ вспомнилъ, когда управляющій назвалъ ему фамилію столярнаго мастера—Суздальцевъ.

Вошелъ нестарый человѣкъ, яркій блондинъ, видомъ франтоватый приказчикъ, въ сѣрой парѣ и въ свѣтломъ галстухѣ, старательно причесанный, съ подстриженной бородкой, небольшого роста—вошелъ и сталъ у дверей, въ почтительной позѣ.

— Здравствуйте! Подойдите... Присядьте.

Булашовъ указалъ ему на стулъ.

— Все равно... постоимъ,—откликнулся столяръ высокимъ теноркомъ.

— Пожалуйста!

Тотъ присѣлъ.

— Васъ зналъ еще отецъ мой? — спросилъ Булашовъ, всматриваясь въ него.

— Какъ-же-съ... Сергѣй Васильевичъ всегда меня, могу сказать, отличали... на собраніяхъ.

— А-а...

Во внутреннюю жизнь единовѣрцевъ отца своего Булашовъ не входилъ, какъ участникъ въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ.

Можетъ быть, этотъ Суздальцевъ значится какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ?.. Тонъ у него пріятный, и очень возможно, что онъ надѣленъ даромъ слова.

Говорить съ нимъ на эту тему Булашовъ не хотѣлъ.

— Вы уже сдѣлали смѣту работамъ?

— Такъ точно. Если позволите...

Суздальцевъ вынулъ изъ бокового кармана сложенный въ четверку большой листъ и, приподнявшись со стула, подалъ его.

— Я разсмотрю. Запросу не будетъ?

— Можете быть покойны... Викторъ Сергѣичъ. Намъ этого не полагается.

Слово „намъ“ онъ подчеркнулъ.

Намъ, т.-е. „христіанамъ“ не на словахъ, а на дѣлѣ.

— Прекрасно... Зайдите какъ-нибудь... хоть завтра. Я еще поживу здѣсь. Если поладимъ—съ будущей недѣли можете начать работу.

— Слушаю... Съ особымъ удовольствіемъ.

— Вы... баптистъ?—осторожно спросилъ Булашовъ.

— Никакъ нѣтъ,—выговорилъ мягко Суздальцевъ и опустилъ вѣки своихъ голубыхъ, узковатыхъ глазъ.

Digitized by Google

— Стало... вы по старому?

Суздальцевъ оглянулся на дверь и немного подался поближе, придвинувъ стулъ.

— Мнѣ самому... Викторъ Сергѣичъ... давно желательно... побесѣдовать съ вами... по душѣ. Ежели вы позволите?..

— Что-жъ, я душевно радъ.

— Только, можетъ, вамъ, въ настоящую минуту, не свободно?

— Ничего спѣшнаго у меня нѣтъ. Пожалуйста, говорите.

— Намъ не безъизвѣстно было, Викторъ Сергѣичъ, что вы и при жизни родителя вашего—особенно держались отъ здѣшняго согласія.

— Да, это вѣрно.

— Я это говорю не въ осужденіе. Избави Боже! А потому, что оно для меня собственно имѣетъ большой вѣсъ.

Булашовъ взглянулъ на него.

— Ежели позволите, Викторъ Сергѣичъ, съ полной откровенностью все объяснить вамъ... и узнать ваше мнѣніе...

— По этимъ вопросамъ я не считаю себя вправѣ...

— Очень понимаю! Но я не затѣмъ, чтобы дѣлать васъ судьей; а какъ бы сами вы—на моемъ мѣстѣ—чувствовали и поступали.

— Пожалуйста.

Ему предстояло нѣчто въ родѣ исповѣди, и въ тонѣ Суздальцева зазвучали довольно нервныя ноты, хотя онъ старался говорить спокойно и слѣдилъ за собою въ выборѣ словъ и выраженій.

— Изволите видѣть, Викторъ Сергѣичъ, я еще мальчикомъ, у мастера, Ивана Сидорова Перцова, былъ ознакомленъ съ Писаніемъ. Вы его не изволите знать?

— Нѣтъ, не знаю.

— Человѣкъ святой жизни... И въ Писаніи большой начитанности. Правда, онъ обязанъ былъ своимъ просвѣтленіемъ—онъ такъ называлъ это—супругѣ его—Анастасіи Лукинишнѣ. Она не простого званія... чиновничья дочь... и одна изъ первыхъ здѣсь выказала особенное усердіе въ распространеніи своей вѣры. Покойному Сергѣю Васильевичу оба они были лично извѣстны, и они ихъ сильно одобряли. Ну, разумѣется, и съ нами—у нихъ былъ подмастерье и трое учениковъ—обращались, какъ надо христіанамъ. Содержаніе... одежа, чистота въ комнатѣ, гдѣ у насъ кровати стояли... Какъ одна семья. Вмѣстѣ всегда и обѣдали съ нами. Побоевъ—ни Боже мой! Или ругани... Ни единаго браннаго слова, даже коли и дѣйствительно въ чемъ проштрафился.

— Такъ вы у него и выжили въ ученьи?

Digitized by Google

— И въ подмастерьяхъ больше года состоялъ.

Суздальцевъ опять опустилъ глаза и сталъ говорить тише звукомъ и медленнѣе.

— Не могу сказать, Викторъ Сергѣичъ, чтобы супруги Перцовы меня чѣмъ-нибудь старались обвести... и перетянуть въ свою вѣру, или тамъ запрещали ходить въ церковь, говѣть, причащаться. Или опять какъ-нибудь кощунственно отзываться... насчетъ иконъ, угодниковъ или тамъ чего другого. По совѣсти, ничего этого не было. Первое основаніе заложила все та же книжка,— выговорилъ онъ съ явной усмѣшкой.—Слово Спасителя. Оно всѣмъ доступно и каждаго заставитъ въ себя придти, искать путь къ истинѣ.

Въ послѣднихъ словахъ заслышался тонъ сектанта, привычнаго говорить „отъ себя", вслухъ объяснять текстъ и поучать.

„Былъ, пожалуй, пресвитеромъ или чѣмъ-нибудь въ родѣ этого!" —подумалъ Булашовъ.

— По двадцатому этаку году я уже считалъ себя познавшимъ Новое Слово. И крѣпко вѣрилъ въ то, что человѣку не сбросить съ себя скверны грѣховныя, не найти спасенія душѣ— однѣми своими силами... А нужна благодать свыше,—и кто ее выпроситъ у Господа, тотъ одинъ и внидетъ въ царство его.

И эти слова звучали, какъ готовыя обращенія къ своимъ единовѣрцамъ, которыхъ и онъ слыхалъ десятки разъ, и самъ говорилъ имъ вслухъ.

— А впрочемъ... вамъ, Викторъ Сергѣичъ, все это не хуже меня извѣстно... хотя вы и не изволите держаться этой вѣры,— прибавилъ Суздальцевъ, быстро взглянувъ на него.—Я считалъ только своимъ долгомъ—предварительно это сообщить вамъ. И какъ передъ Господомъ, тогда я, можно сказать, весь пылалъ и готовъ былъ бы принять какое угодно мучительство за то, что̀ признавалъ истиной. Опять же былъ и въ такихъ лѣтахъ. И по крайней мѣрѣ года три-четыре пребывалъ въ постоянномъ чтеніи Писанія, на собраніяхъ, и у хозяина, и въ молитвенномъ залѣ. А хозяйка, Анастасія Лукинишна, замѣтивъ, что у меня есть отъ природы... даръ свободной рѣчи, очень это поощряла, и я видѣлъ, что меня и другіе готовятъ...

— Въ пресвитеры?—подсказалъ Булашовъ.

— Нѣтъ-съ... позвольте... до этого еще далеко... Тогда еще и рѣчи ни у кого не было... о принятіи двухъ обрядовъ и о сліяніи съ другимъ исповѣданіемъ.

Сдѣлавъ передышку, Суздальцевъ опять оглянулся на дверь въ первую комнату.

Digitized by Google

— Никто не войдетъ, успокойтесь,—сказалъ Булашовъ.— Можете говорить совершенно свободно.

— Хозяинъ заболѣлъ... отнялись ноги. Человѣкъ онъ и безъ того былъ старый и больной. Старшимъ мастеромъ остался я. Я бы—видитъ Богъ!—не покинулъ его, еслибъ не начались между нами разномнѣнія... И не съ нимъ однимъ... а и со всей братіей. Первое дѣло, изъ-за самыхъ этихъ двухъ... хотя бы только и символическихъ... какъ ихъ называютъ, а все-же обрядовъ...

— Вы на это не пошли?..

— Много было потрачено на препирательство и дней, и ночей. Одинъ въ полѣ не воинъ! Такихъ, какъ я—не оказалось въ большинствѣ. А ежели вы въ общемъ дѣйствѣ не можете, не смѣете принимать участія... вы уже отпавшая овца!

— Сколько я слыхалъ,—замѣтилъ осторожно Булашовъ,— никакого принужденія нѣтъ и быть не можетъ... насчетъ этихъ двухъ обрядовъ?

— Тутъ моими недоброжелателями была пущена такая молва —якобы я—когда жилъ у хозяина—только изъ корыстныхъ чувствъ поддѣлывался къ нему и къ супругѣ его... и держался ихъ вѣры... А потомъ, когда самъ сталъ хозяйствовать—обратился вспять. Пущенъ былъ и такой слухъ—якобы я надѣвалъ на себя личину Искаріота и готовъ на всякое предательство... въ родѣ какъ въ званіи соглядатая. Прямо мнѣ этого именно никто не говорилъ, а я самъ сталъ замѣчать по тому, какъ со мной обходятся.

Нота искренняго огорченія задрожала въ этихъ словахъ Суздальцева.

— Голосъ собственной совѣсти—важнѣе всего,—промолвилъ Булашовъ.

— Совершенно вѣрно, Викторъ Сергѣевичъ. Моя совѣсть оставалась чистой, и передъ Господомъ, и передъ людьми. Но во мнѣ-то самомъ начало подниматься сомнѣніе. Я не обращался вспять. И теперь я знаю одну благую вѣсть, которую Господь возвѣстилъ ученикамъ своимъ и всему роду человѣческому. Никакой личины я ни въ ту, ни въ другую сторону не ношу. А только самая-то суть ученія стала мнѣ представляться по другому. Положимъ, есть текстъ и въ евангеліи, и у апостола насчетъ благодати. Но зачѣмъ человѣку считать себя обреченнымъ на вѣчную погибель; а разъ онъ призвалъ на себя эту благодать—объявлять себя навѣки спасеннымъ и святымъ? Благая вѣсть никого погибшимъ не признаетъ. Къ чему такое толкованіе? И ежели я—по мѣрѣ силъ монхъ и радѣнія—дѣлаю то,

Digitized by Google

что̀ завѣщалъ Назареянинъ... „Заповѣдь новую даю вамъ... да любите другъ друга“... Вотъ и вся истина. Выше ея нѣтъ. Такъ ли, Викторъ Сергѣичъ?

— Такъ,—отвѣтилъ съ тихой усмѣшкой Булашовъ.

— А ежели такъ, то зачѣмъ все носиться съ своимъ собственнымъ спасеніемъ и слишкомъ уже по дорогой цѣнѣ его пріобрѣтать... считая благодатью то, что̀ мнѣ самому представляется? Вотъ о чемъ я началъ задумываться. И когда у меня соврѣло... я же пошелъ къ первымъ къ моимъ бывшимъ духовнымъ наставникамъ—къ Перцо̀вымъ; долго съ ними бесѣдовалъ... Разумѣется, ихъ не поколебалъ; но и самъ остался при своемъ убѣжденіи... Просилъ Анастасію Лукинишну заявить это, при случаѣ, ея единовѣрцамъ, и чтобы меня не считали соглядатаемъ—на собранія не ходилъ, ни на большія, ни на домашнія.

Булашовъ заинтересованно слушалъ его, и въ головѣ его все всплывалъ вопросъ:

„Самъ онъ додумался до такихъ возраженій или взялъ ихъ готовыми въ ходячихъ опроверженіяхъ“?

И точно отвѣчая на этотъ вопросъ, Суздальцевъ продолжалъ въ болѣе спокойномъ и благодушномъ тонѣ:

— Меня не смущало то, Викторъ Сергѣичъ, что и миссіонеры господствующей церкви въ такомъ же духѣ говорятъ о спасеніи черезъ благодать. Я читалъ, могу сказать, все, что̀ объ этомъ писалось и по сіе время выходитъ въ печати. Отъ одного этого я ко всему прочему, что̀ обязательно у церковныхъ, не возвращусь. Мнѣ ничего не нужно, кромѣ „благой вѣсти“, но спасеніе я понимаю не въ прямомъ, а въ переносномъ смыслѣ, и не могу полагать такой пропасти между душой, не сподобившейся благодати, и всякой другой, которая исполняетъ самую коренную евангельскую заповѣдь любви къ ближнему.

— Что-жъ, вы, быть можетъ, тутъ и правы,—вдумчиво промолвилъ Булашовъ.

— И не одно это стало меня смущать. Молитва должна быть... одинокая и ежечасная, коли не ежеминутная, а когда люди сбираются, поютъ, проповѣдуютъ—они только себя въ опьяненіе приводятъ. Ничего этого и не нужно. Дана одна молитва и одна заповѣдь.

Булашовъ пристально взглянулъ на него и сказалъ:

— Тому же учатъ и другіе.

— Знаю-съ. И у меня была въ рукахъ тетрадка... гдѣ все это изложено. Только когда я читалъ въ ней объ одинокой, умственной молитвѣ—во мнѣ уже такая мысль сидѣла. А по

Digitized by Google

прочему,—кончилъ онъ, вставая,—я не могу за этимъ идти... Простите, однако, Викторъ Сергѣевичъ, за такую мою длинную предику... Такъ какъ вотъ я на васъ работать сбираюсь... я и вмѣнилъ себѣ въ обязанность ничего отъ васъ не утаить... и спросить васъ: какъ бы вы на моемъ мѣстѣ поступали и чувствовали?

— Вѣроятно, также, какъ и вы, Суздальцевъ. Прежде всего—свобода совѣсти и право вѣрить въ то, что̀ считаешь истиной.

— Благодарю васъ, Викторъ Сергѣевичъ. И батюшка вашъ покойный, при всей ихъ приверженности къ своему ученію, не осудилъ бы меня... А за симъ еще разъ простите великодушно—отнялъ у васъ столько времени. Такъ прикажете зайти завтра, объ эту же пору?

— Да, объ эту же пору.

Булашовъ, по уходѣ столярныхъ дѣлъ мастера, не сразу принялся опять за просматриваніе разныхъ счетовъ и дѣловыхъ бумагъ.

Откровенная исповѣдь Суздальцева вызвала въ немъ,—какъ и то, съ чѣмъ онъ ѣхалъ изъ Москвы,—„оборотъ на самого себя“, и еслибъ онъ сталъ подводить итоги своему собственному исповѣданію вѣры—развѣ онъ могъ бы высказаться такъ опредѣленно и твердо, притомъ послѣ большихъ колебаній и долгой внутренней работы, какъ этотъ грамотный мастеровой, „разночинецъ“, которому, пожалуй, иной вмѣнитъ чуть не въ преступленіе уже одно то, что онъ самъ, на свой страхъ, ищетъ, какъ онъ выражается, „благой вѣсти“!..

П. Боборыкинъ.

Digitized by Google

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

БАЙРОНА

1818—1824 гг.

„Въ ту пору разнеслась молва, что въ Пизу прибылъ человѣкъ необыкновенный, о которомъ люди пересуживали на тысячу ладовъ, противорѣча другъ другу и часто высказывая нелѣпости. Говорили, что онъ царственнаго происхожденія, несмѣтно богатъ, сангвиникъ, нрава необузданнаго, закаленъ въ физическомъ богатырствѣ, что онъ—духъ зла, но умомъ превосходитъ всѣхъ, что, подобно Сатанѣ Іова, онъ блуждаетъ по міру, ища себѣ подъ-стать богохульниковъ. То былъ Джорджъ Байронъ. Я захотѣлъ увидать его,—и мнѣ показалось, что передо мною ватиканскій Аполлонъ"... Такъ вспоминалъ въ своихъ „Мемуарахъ" о первой встрѣчѣ съ Байрономъ извѣстный впослѣдствіи, какъ горячій патріотъ и даровитый романистъ, Гверрацци [1]), скоро перешедшій отъ увлеченія внѣшностью и талантомъ поэта къ преклоненію передъ искреннимъ другомъ несчастной Италіи. Тотъ же переходъ отъ фантастическихъ слуховъ, пугливыхъ представленій и смутныхъ догадокъ къ открытому сочувствію замѣтенъ, со времени переселенія Байрона изъ Венеціи [2]) въ центръ страны, у большинства выдававшихся тогда въ Италіи дѣятелей литературы и національной политики. Странствующій англійскій

[1]) „Memorie di Francesco Domenico Guerrazzi". Livorno, 1848.

[2]) См. мою статью „Байронъ въ Венеціи", „Вѣстн. Европы", апр., 1901, стр. 645 и слѣд.

Digitized by Google

пэръ, изумлявшій обывателей эксцентричностью образа жизни, поэтъ-романтикъ, чьи произведенія въ переводахъ начинали уже проникать въ итальянскую публику [1]), волнуя страстностью тона и отвагой мысли, становился *своимъ* человѣкомъ на чужой сторонѣ. Овладѣвъ языкомъ народа, старой и современной его словесностью, изучивъ исторію Италіи и понявъ нужды и запросы ея современности, онъ, видимо, рѣшился посвятить свои силы ея возрожденію, и все дальше и смѣлѣе шелъ по этому пути.

Одинъ за другимъ становились его приверженцами лучшіе люди: изгнанникъ Фосколо, тосковавшій въ Лондонѣ по родинѣ, идеалистъ Джордани, страстный ревнитель отечественной культуры и тонкій критикъ, раньше другихъ оцѣнившій талантъ Леопарди, строгій мыслитель Джоберти, Никколини, эрудитъ-классикъ и въ то же время искренній другъ свободы Амброзоли и др.—и, съ другой стороны, предтечи „Молодой Италіи", дѣятели тайныхъ обществъ, полные героизма и самоотверженія, люди того удивительнаго закала, который вскорѣ такъ ярко сказался въ Мадзини. Это былъ совершенно своеобразный итальянскій *байронизмъ*, съ политической, освободительной программой,—и у всѣхъ главныхъ его представителей мы встрѣчаемъ восторженные отзывы о Байронѣ. Гверрацци „многіе годы глядѣлъ на все очами любимаго поэта", считалъ Байрона своимъ наставникомъ и первымъ изъ писателей, повторяя стихъ Данта о Виргиліѣ:

Tu se' lo mio maestro, e il mio autore...

и среди тревогъ 1848 года „хранилъ какъ святыню въ своей груди" культъ Байрона. Амброзоли [2]) называлъ его однимъ изъ величайшихъ людей, которыхъ когда-либо видѣлъ свѣтъ; Джоберти [3]), порицая скептицизмъ поэта, признавалъ его величіе; Джузеппе Никколини, несмотря на стѣсненія со стороны австрійской цензуры, испытанныя его біографіей Байрона [4]), указалъ съ сочувствіемъ, въ которомъ сберегліись слѣды юношескаго увлеченія, на карбонарство своего героя и залюбовался отвагой, съ которой онъ „беззавѣтно бросился въ водоворотъ, почуявъ въ немъ свою истинную стихію". Байронъ сильно подѣйствовалъ

[1]) Иногда ихъ перепечатывали и въ подлинникѣ: въ 1816 году, Байронъ увидалъ въ Венеціи превосходное изданіе „Шильонскаго узника", напечатанное въ одной изъ венеціанскихъ типографій, а въ итальянскихъ газетахъ—переводъ статьи о немъ самомъ изъ „Jenaer Zeitung".

[2]) Scritti inediti. Firenze, 1871, II, 366.

[3]) Introduzione allo studio della filosofia, I, 283—284.

[4]) Vita di Giorgio Lord Byron. Milano, 1835, II, 106—120.

Digitized by Google

своимъ примѣромъ на юнаго Мадзини; будущій творецъ (наряду съ Гарибальди и Кавуромъ) единой Италіи сохранилъ во всю свою треволненную жизнь заговорщика и пропагандиста благоговѣніе къ Байрону, всего полнѣе выразившееся въ его оригинальной параллели „Байронъ и Гёте“ [1]),—а въ числѣ немногихъ украшеній скромнаго жилья Мадзини въ Лугано, сохраняющагося до сихъ поръ въ прежнемъ убранствѣ, я нашелъ медальонъ Байрона.

Чуткіе къ искреннему сочувствію своему народу, люди эти не ошибались. Послѣ венеціанской поры, послужившей введеніемъ, прологомъ, и первой, кратковременной, но богатой поэтическими результатами, поѣздки въ среднюю Италію и Римъ, въ жизни и творчествѣ Байрона насталъ, въ полномъ смыслѣ слова, *итальянскій* періодъ. Не впадая въ преувеличеніе, онъ могъ сказать въ одномъ изъ писемъ къ Мэррею, что лучше кого-либо изъ соотечественниковъ знаетъ Италію, ея прошлое и настоящее; на вызовъ подѣлиться съ читателями этими знаніями въ спеціальномъ трудѣ объ Италіи онъ, правда, отвѣчалъ отказомъ,—но избралъ другой путь. Ему казалось необходимымъ служить посредникомъ и истолкователемъ, и притомъ послѣдовательно, хронически. Его переводы и переложенія, описанія Италіи въ его журналѣ, самое основаніе этого журнала, предназначеннаго прежде всего заступиться за страдающую Италію, его трагедіи съ ихъ итальянскими сюжетами или же итальянскими образцами, должны были скрѣплять связь между двумя національностями [2]). Иной разъ его итальянофильское рвеніе могло бы произвести на недальновиднаго наблюдателя впечатлѣніе, какое вызываетъ, по мѣстной пословицѣ (о которой недавно напомнилъ одинъ американскій біографъ Байрона [3]), „un inglese italianato“,—порода, все чаще встрѣчаемая въ наше время среди культурныхъ классовъ Англіи и сживающаяся съ чужимъ красивымъ краемъ до охлажденія и равнодушія къ отечеству. Но, какъ бы тѣсны ни становились связи Байрона съ страной, которая, казалось, замѣняла ему отнынѣ родину, онъ и въ пылу политической борьбы

---

[1]) „Byron e Goethe“· появилась сначала по-французски, потомъ, въ 1848 г., въ Лугано, въ чьемъ-то итальянскомъ переводѣ. Въ 1901 г. впервые введена въ „Scritti scelti di Giuseppe Mazzini“ подъ ред. Jessie White Mario. Въ „Мірѣ Божьемъ“ 1896 г. былъ русскій переводъ этой статьи.

[2]) Сводъ разновременныхъ отзывовъ и сужденій Байрона объ Италіи и ея литературѣ, искусствѣ и т. д. сдѣланъ въ книгѣ: Albrecht Lüder, „L. Byron's Urteile über Italien und seine Bewohner, ihre Sprache, Litteratur u. Kunst“. Dresden, 1893.

[3]) Freder. Carpenter, вступленіе къ „Selection from Byron“. New-York, 1900.

Digitized by Google

за нее не забывалъ насущныхъ нуждъ *своего* народа, зорко слѣдилъ за успѣхами реакціи, за симптомами пробуждающагося общественнаго самосознанія,—внезапно слышался тогда грозный голосъ судьи-сатирика, безпощадная насмѣшка „Видѣнія Суда“ или „Бронзоваго Вѣка“; англійскія главы „Донъ-Жуана“ развертывали отталкивающую картину общества въ его застоѣ, нетерпимости и фарисействѣ, и всѣ сознавали снова, что неусыпно стоитъ на стражѣ справедливости и свободы изгнанникъ-обличитель. Выше Англіи и какихъ бы то ни было странъ раскидывалось передъ его умственнымъ взоромъ человѣчество съ его вѣчными задачами и запросами, и міровая сатира, положенная въ основу его величайшей поэмы, влекла мысль поэта къ себѣ,—но тутъ, передъ глазами, былъ подавленный, порабощенный, когда-то великій народъ, и честь требовала не только вдохнуть въ него вѣру въ его силы и поднять его значеніе передъ свѣтомъ, но прежде всего помочь ему разбить свои оковы.

„Если человѣкъ не можетъ бороться за свободу своей родной страны, пусть добываетъ онъ вольность иному народу; пусть становится на защиту свободы, гдѣ только можетъ“:

> When a man hath no freedom to fight for at home,
> Let him combat for that of his neighbours.
> . . . . . :
> Then battle for freedom wherever you can!

Эти стихотворныя строки, неожиданно являющіяся въ одномъ изъ писемъ на родину [1]), словно признаніе, вырвавшееся изъ сердца,—девизъ *политическаго* итальянофильства Байрона. Все, что послѣ великой французской революціи и освобожденія Америки стало традиціей свободолюбія, что побуждало Лафайэтта и его друзей переплывать океанъ, нѣмцевъ и англичанъ—драться на парижскихъ баррикадахъ, иноземныхъ волонтеровъ становиться подъ знамена Косцюшки, ясно указывало Байрону единственный возможный для него образъ дѣйствій,—но вѣдь и лично у него выработалась *своя* традиція, съ первой же пѣсни „Гарольда“ опредѣлившаяся смѣло и ярко, и впослѣдствіи вызвавшая вдохновенныя строфы въ защиту свободы и справедливости. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ на дѣлѣ всю силу гнета, налегшаго на итальянскій народъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ австрійцевъ, папскаго Рима и Бурбоновъ, и былъ посвященъ въ тайны революціонной пропаганды,—для него не было болѣе выбора.

[1]) Letters, V (1901), 111—12.

Digitized by Google

Было бы преувеличеніемъ приписывать Терезѣ Гвиччіоли рѣшающее вліяніе на переворотъ, происшедшій въ Байронѣ, но то, что Италія была родиной любимой женщины, что именно тутъ бездомный и тоскующій скиталецъ нашелъ, наконецъ, привѣтъ, ласку, семью, домашній очагъ, что объ-руку съ своей подругой онъ вступилъ и въ кругъ національной культуры, и въ тайники политической пропаганды, имѣло несомнѣнное значеніе. Тереза не могла и не съумѣла бы стать музой Байрона; его замыслы зарождались и развивались часто внѣ ея воли, даже вопреки ей; ея агитація противъ „Донъ-Жуана", дошедшая до того, что послѣ пятой пѣсни она взяла слово съ Байрона прервать безнравственную и неприличную поэму, показываетъ ограниченность и недальновидность вкуса. Но итальянскую литературу она знала и горячо любила. Чуть не наизустъ помнила она „Божественную Комедію", и Байроновскій культъ Данта, его переводы, его „Prophecy of Dante" въ значительной степени поддержаны были ея возбужденіями. Въ выдающихся поэтахъ итальянскаго „Возрожденія" она также понимала толкъ и довела Байрона даже до возвеличенія Тасса... Самый языкъ народа получилъ особую прелесть для Байрона, потому что это былъ гармоническій языкъ его Терезы, и ему уже казалось, что ни на одномъ нарѣчіи міра нельзя выразить съ такой дивной музыкальностью и нѣжныхъ, и величавыхъ движеній души.

Но Тереза увлекала Байрона за собой не въ одно лишь литературное итальянофильство, но и въ боевую политику, въ міръ заговоровъ и тайныхъ обществъ. Въ хрупкой, женственной и необыкновенно еще юной свѣтской женщинѣ трудно было заподозрить революціонерку,—но она была дочерью и сестрою заговорщиковъ.

Преданность національному дѣлу всецѣло перешла отъ стараго графа Гамбы къ юному, всего двадцатилѣтнему Пьетро; едва вернувшись изъ Рима, гдѣ прошли его школьные годы, онъ бросился, очертя голову, въ водоворотъ; чѣмъ опаснѣе становилось дѣйствовать, тѣмъ отчаяннѣе дѣлалась его отвага. Жить безъ борьбы и агитаціи онъ не могъ; когда пришлось убѣдиться въ безнадежности итальянской революціи, онъ понесся за Байрономъ въ Грецію, нелицемѣрно служилъ ей,—и былъ однимъ изъ свидѣтелей кончины поэта, которому преданъ былъ всею душой. У него не было тайнъ для Терезы, и какъ только освоился онъ съ Байрономъ и понялъ его, онъ поспѣшилъ, опираясь на вліяніе сестры, привлечь его на сторону своей партіи.

То были грозные нѣкогда, загадочные, вездѣсущіе и неодо-

Digitized by Google

лимые *карбонары*, неаполитанская политическая секта, раскинувшаяся со временемъ по всей Италіи и солидарно работавшая всюду для сверженія деспотизма,—вѣтвь масонства, далеко отошедшая отъ его программы нравственнаго совершенствованія и братолюбія, но, подобно масонамъ, соединявшая подъ скромнымъ именемъ *угольщиковъ* (въ память того заработка, которымъ поддерживали себя укрывшіеся на время въ Абруццахъ первые зачинщики секты) демократическую смѣсь всякихъ сословій и состояній. Позднѣйшія событія и дѣятельность новыхъ партій, объединенныхъ, дисциплинированныхъ, съ тщательно выработаннымъ строемъ политическихъ и соціальныхъ убѣжденій, давно отодвинули карбонаризмъ на дальній планъ, и уже мадзинистская „Юная Италія“ критически отнеслась къ нему. Но нельзя забыть необычайности его появленія въ сумеркахъ, передъ разсвѣтомъ, его роли предтечи и пророка. Исторія карбонаризма еще не написана, хотя нѣтъ недостатка въ повѣствованіяхъ о томъ, съ чего началось итальянское „risorgimento“ [1]); по самой сущности тайной организаціи, храненіе матеріаловъ и переписки было неудобно, невозможно; многое всплываетъ теперь съ другой, враждебной карбонарамъ, стороны, и тайные архивы австрійской или папской политической полиціи, донесенія шпіоновъ и сыщиковъ, слѣдившихъ за главными вожаками (вскорѣ и за Байрономъ), умѣло разработанные и изученные [2]), раскрываютъ важныя стороны движенія. Такова, напр., случайно открытая Триболати трехъ-томная рукопись одного австрійскаго шпіона, въ видѣ дневника съ 1819 по 1822 годъ, озаглавленная: „Arcana politicae anti-carbonariae“, хранившаяся въ Пизѣ почему-то при дѣлахъ городского управленія и чуть не проданная на вѣсъ вмѣстѣ съ архивнымъ хламомъ... Нѣтъ возможности точно опредѣлить и время вступленія Байрона въ ряды карбонаровъ, сопровождавшееся, вѣроятно, извѣстнымъ обрядомъ, принятіемъ присяги и т. д. (подобный обрядъ описанъ въ рукописныхъ „Memorie di un cospiratore ravennate“ неизвѣстнаго автора). Разысканія на мѣстѣ не привели въ этомъ отношеніи ни къ какому результату [3]),—

---

[1]) Для русскаго читателя недавно дано въ этомъ отношеніи пособіе переводомъ „Исторіи объединенія Италіи“, Больтона Кинга. Москва, 1901.

[2]) Таковы, напр., „Misteri di polizia, storia italiana degli ultimi tempi, ricavata dalle carte d'un archivio di stato“. Emilio del Cerro, Firenze, 1890,—и „Carte segrete della polizia austriaca“. Capolago, 1851.

[3]) Такъ же безуспѣшны были разысканія ученаго редактора переписки Байрона въ „окончательномъ“ изданіи его сочиненій, м-ра Prothero, какъ это видно изъ его отвѣта на мой запросъ.

Digitized by Google

и только возбужденный тонъ Байроновской переписки, которая сперва усиленно начинаетъ обсуждать вопросы о повсемѣстномъ рабствѣ итальянцевъ и необходимости освобожденія, потомъ учащаетъ намеки на что-то втайнѣ готовящееся и наконецъ уже прямо говоритъ о карбонарахъ, даетъ основаніе считать поворотной точкой апрѣль и май 1820 года въ Равеннѣ.

Въ сторонѣ отъ торныхъ путей и оживленныхъ центровъ современной итальянской жизни дремлетъ въ многовѣковомъ забытьѣ нѣкогда богатая и сильная Равенна. Дремлютъ ея древніе, византійскіе храмы, дворцы ея прежнихъ вельможъ; пустынны ея улицы, длинныя старомодныя аркады и узкія площади; величайшая ея святыня—могила Данта; выдающіяся красоты—золотистая мозаика строгихъ иконописныхъ ликовъ или суровая стройность первобытныхъ базиликъ. Два, три отголоска новыхъ временъ,—памятникъ Гарибальди, плита, сооруженная рядомъ съ Дантомъ въ память Мадзини,—не въ силахъ нарушить впечатлѣнія непробудной дремоты. Стѣны старовидныхъ и никому ненужныхъ укрѣпленій съ башнями и воротами обвились вокругъ города, точно хоботъ сказочнаго дракона, обреченнаго заснуть на вѣки; даже море, когда-то подходившее къ этимъ стѣнамъ, и при Байронѣ еще близкое отъ нихъ, отхлынуло, скрылось вдали, и вмѣсто богатой гавани нѣсколько жалкихъ барокъ тянутся къ нему изъ города по узкой ниткѣ канала. Старая, тысячелѣтняя жизнь кончена, и если въ народныхъ, рабочихъ слояхъ Равенны какъ будто замѣтно нѣкоторое оживленіе,—это начало *новой* жизни, которая рѣзко порветъ съ стариной. Но благодатный просторъ окружаетъ дѣдовское гнѣздо; воздухъ напитанъ дыханіемъ безграничныхъ полей, свѣжестью, несущеюся съ Адріатики, хвойнымъ ароматомъ обширнаго лѣса пиній, старославной *Pineʼ*ы, любимицы Байрона, сильно порѣдѣвшей отъ времени, но все еще граничащей съ моремъ. Романтическая прелесть прошлаго, затишье красивыхъ развалинъ соединяются съ мягкими впечатлѣніями природы. Подъ меланхолическій звонъ равеннскихъ колоколовъ можно застыть,—но для натуры съ сильными задатками энергіи именно здѣсь, среди тишины, можно собраться съ силами, можно организовать дѣятельность, схоронить концы, выполнить невидимкою сложную, тайную работу.

Таковъ былъ тотъ городъ, съ котораго, послѣ болонскаго пролога, начался активный итальянскій періодъ въ жизни Байрона, та Равенна, которая, быть можетъ, изъ всѣхъ городовъ Италіи была для него особенно дорога,—до того, что онъ не сразу могъ съ нею разстаться даже послѣ вынужденнаго выѣзда

Digitized by Google

Терезы и настоящій Шелли поселиться возлѣ него. Равенна была свидѣтельницей его личнаго счастья, его оживленной поэтической дѣятельности, разгара его карбонарства. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Дантовой гробницы, въ скромной локандѣ, уцѣлѣвшей до сихъ поръ [1]), съ очень неприхотливымъ „Café Byron“ въ партеррѣ, провелъ онъ первые восемь мѣсяцевъ своего равеннскаго житья, невдалекѣ отъ массивнаго и мрачнаго палаццо графовъ Гвиччіоли (на нынѣшней Via Cavour); разсчитывать на полную уступчивость мужа Терезы еще нельзя было; тягостная семейная распря, восходившая до папскаго разбирательства (Равенна принадлежала къ Церковной Области), своими треволненіями и двуличной ролью графа мучила и раздражала [2]); изъ своего одинокаго убѣжища Байронъ появлялся на свиданіе, точно похититель супружескаго счастья, хотя разрывъ постылаго брака не былъ ни для кого тайной. Наконецъ мужъ уступилъ, оставилъ на время Равенну и не мѣшалъ болѣе, — Байронъ покинулъ бѣдный пріютъ, гдѣ онъ мечталъ, восторгался и унывалъ, уходя иногда думать и грустить цѣлыми часами у Дантовой гробницы, и переселился, освѣженный счастьемъ и успѣхомъ, въ палаццо къ Терезѣ. Жизнь пошла инымъ ходомъ, полнѣе, сложнѣе прежняго, и въ ней обозначилось нѣсколько теченій. Завязаны были отношенія съ свѣтскимъ обществомъ Равенны, съ лицами правящими, напр. съ папскимъ легатомъ, особой важною въ городѣ; оживилась литературная работа, переводы изъ „Ада“ (эпизодъ о Франческѣ да-Римини), написано „Пророчество Данта“, окончена первая трагедія на итальянскій сюжетъ, — „Марино Фальеро“, — а совсѣмъ подъ спудомъ началась страстная агитація конспиратора.

И теперь еще стоятъ крѣпкія и уродливыя ворота, Porta San Mamante, въ которыя, по преданію, записанному у одного изъ равеннскихъ старожиловъ [3]), Байронъ выѣзжалъ по ночамъ на совѣщаніе съ главами карбонаровъ; но уже снесена старин-

---

[1]) На ней красуется мраморная доска, воздвигнутая какимъ-то Джузеппе Дзирардини изъ Парижа (?) въ шестидесятыхъ годахъ, съ до-нѣльзя витіеватой надписью, которая по неумѣлости напоминаетъ стихи въ Лермонтовскомъ гротѣ въ Пятигорскѣ, сочиненные невѣдомымъ фанатикомъ поэта.

[2]) Порою у Байрона вырывались въ перепискѣ рѣзкія выраженія, изъ которыхъ можно бы вычитать чуть не недовольство собою и досаду на то, что дѣло такъ далеко зашло. Разумѣется, это были только временныя нервныя вспышки.

[3]) Разсказъ каноника Антоніо Тарлацци м-ру Ричарду Эвгкомбу. Даже въ перепискѣ (V. 194) онъ осторожно сообщаетъ, что *встрѣтилъ* въ лѣсу карбонаровъ, которые были вооружены, пѣли революціонныя пѣсни и привѣтствовали его громкими криками.

Digitized by Google

ная Osteria Boracina, гдѣ происходили эти свиданія. Со временемъ, какъ видно и изъ Байроновской переписки, стали мѣнять мѣста и съѣзжаться, напр., подъ деревьями Пинеты, придавая переговорамъ случайный характеръ встрѣчи двухъ кавалькадъ, что было легко сдѣлать вслѣдствіе замѣченной всѣми привычки Байрона скакать верхомъ (какъ бывало въ Венеціи на Лидо) цѣлыми часами по лѣсу и вдоль моря. Вскорѣ Байронъ не только былъ посвященъ во всѣ тайны начавшагося движенія, но даже избранъ главой одной изъ самыхъ дѣятельныхъ секцій карбонарства, принявшей довольно фантастическое прозвище „Американцевъ“ (Americani), хотя въ числѣ вступившихъ въ нее иностранцевъ не было, кажется, выходцевъ изъ Америки [1]). Вѣсти о революціонномъ движеніи въ Испаніи и вызвавшіе еще бо́льшій энтузіазмъ слухи о первыхъ и уже успѣшныхъ попыткахъ возстанія въ Неаполитанскомъ королевствѣ, казалось, требовали немедленнаго приступа къ дѣлу и въ Романьѣ. Байрону приходилось повидимому сдерживать нетерпѣніе товарищей, рвавшихся въ борьбу раньше времени и не подготовивъ всего необходимаго,—но зато несомнѣнно, что онъ дѣятельно помогалъ приготовленіямъ, что въ его палаццо былъ тайный складъ оружія и военныхъ запасовъ, что неприкосновенностью жилища пэра Англіи онъ покрывалъ пріютъ и убѣжище для гонимыхъ и заподозрѣнныхъ. Лиризмъ политическаго воодушевленія и вѣра въ конечный успѣхъ наполняютъ всѣ его письма изъ той поры. То сообщаетъ онъ съ живымъ сочувствіемъ, что вся почва вокругъ него взрыта, какъ въ Германіи, тайными обществами; то говоритъ о безчисленныхъ революціонныхъ надписяхъ, которыя за ночь появляются всюду въ Равеннѣ: „да здравствуетъ республика!“—„долой папу!“; то перечисляетъ рядъ политическихъ убійствъ въ городѣ и окрестностяхъ; то ставитъ начало всеобщаго возмущенія въ связь съ появленіемъ въ средней Италіи австрійскаго отряда, который предназначенъ былъ выручить неаполитанскаго короля, принужденнаго уступить народной волѣ,—и со дня на день ждетъ великой минуты. Взрывъ неизбѣженъ, на его взглядъ: „слишкомъ долго попирали итальянцевъ“! И мнимый скептикъ, или безучастный свидѣтель человѣческой трагикомедіи, восклицаетъ съ горячностью истиннаго идеалиста: „подумайте только,—*Италія будетъ свободна*“!

Мѣстное правительство и тѣсно сплотившіяся для солидар-

---

[1]) Не менѣе оригинально прилагавшееся къ нимъ названіе „романтиковъ“ (romantici), происходившее не отъ романтизма, а отъ Roma antica—древній Римъ...

Digitized by Google

ной работы лучшія силы тайной полиціи папской, австрійской и тосканской, хорошо знали, какое важное значеніе имѣло для революціи содѣйствіе Байрона. „Они думали, да и продолжаютъ думать, что весь планъ и детали возстанія выработаны были мною, что я же далъ средства и т. д.“, писалъ Байронъ въ маѣ 1821 г.; „три мѣсяца тому назадъ выпустили листокъ, въ которомъ меня называютъ Главой Либераловъ (The Chief of the Liberals), и въ то же время подсылали людей, чтобъ убить меня“ (Letters, V, 297). Послѣднее не было преувеличеніемъ: преданные Байрону люди дали ему знать, чтобъ онъ пересталъ ѣздить въ Пинету, потому что тамъ готовится нападеніе на него. Предостереженіе, конечно, не подѣйствовало. Онъ тутъ-то и участилъ свои поѣздки (запасшись только стилетомъ и парой пистолетовъ) по лѣсу и на морской берегъ и въ дождь, и въ туманъ, и въ лунныя ночи. Бывало, какъ говорилъ онъ потомъ Роджерсу [1]), воображеніе рисовало ему въ полумракѣ лѣса фантастическія картины, внушенныя былою поэзіею, появленіе рыцаря-призрака, адской охоты, отголоски Боккаччіо, Драйдена; теперь передъ нимъ изъ чащи могли появиться не грозныя тѣни, а вооруженные сбиры... Еще небезопаснѣе стало его положеніе послѣ того, какъ политическое убійство совершено было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его жилища. На поворотѣ отъ нынѣшней Via Cavour, гдѣ жили Гвиччіоли, въ узкій и короткій переулокъ, который замыкается великою археологическою драгоцѣнностью, византійской базиликой San Vitale, темнымъ вечеромъ былъ убитъ начальникъ отряда карабинеровъ; пять мѣтко направленныхъ ранъ (одна—въ сердце) положили его на мѣстѣ; звукъ выстрѣловъ всполошилъ окрестное населеніе, разбѣжавшееся въ ужасѣ,—одинъ только Байронъ, вмѣстѣ съ преданнымъ ему венеціанцемъ Тита (прежнимъ его гондольеромъ) поспѣшилъ на мѣсто убійства; умирающаго перенесли въ домъ къ Байрону, который окружилъ его заботой, оповѣстилъ властей и т. д., и впослѣдствіи ссылался на эту заботливость, какъ на доказательство безпристрастія,—но никогда не могъ опровергнуть подозрѣнія въ томъ, что убитый, одинъ изъ ненавистныхъ народу полицейскихъ клевретовъ, былъ застрѣленъ по приказанію поэта-демагога.

Наблюденіе и выслѣживаніе устроено было въ широкихъ размѣрахъ. Слѣдили и за тѣмъ, что̀ выходило изъ-подъ пера Байрона, если только его стихи имѣли какое-либо отношеніе къ Италіи.

[1]) См. прекрасныя строфы, посвященныя воспоминанію о Байронѣ въ его стихотворномъ описаніи Италіи („Italy“, by Samuel Rogers, перепеч. London, 1890), къ которымъ мы еще вернемся.

Digitized by Google

Уже четвертая пѣснь „Гарольда“ съ ея вызовомъ къ возрожденію былой независимости выставлялась въ донесеніяхъ агентовъ, какъ доказательство явной неблагонадежности автора, присутствіе котораго въ странѣ во время броженія не можетъ быть терпимо. Но въ Равеннѣ тотъ же поэтъ, вдохновленный постоянною близостью къ гробницѣ Данта, осмѣлился написать еще болѣе возмутительное и политически опасное произведеніе—„Пророчество Данта“, и когда въ мнимо-парижскомъ, въ сущности итальянскомъ изданіи перевода ея, вскорѣ послѣдовавшаго за лондонскимъ изданіемъ, эта поэма проникла въ Италію, ярости охранителей не было предѣловъ. Авторъ уже упомянутаго выше тайно-полицейскаго дневника, находившій, что „еслибы не было дознано всѣми *безуміе* Байрона (se non fosse stato riputato pazzo), онъ заслуживалъ бы соединеннаго надзора всѣхъ полицій Европы“ [1]), обращался къ австрійскимъ блюстителямъ народнаго спокойствія, ожидая вмѣшательства, которое прекратило бы распространеніе „Пророчества Данта“, написаннаго прямо противъ всѣхъ итальянскихъ правительствъ и назначеннаго увеличить волненіе въ массѣ, безъ того уже достаточно возбужденной. Кажется, готовы были въ своей ненависти и боязни „выстрѣлить по первому стиху“ Байрона, еслибы только можно было наложить руку и на міровую его репутацію, и на твердую охрану его личности англійскимъ закономъ.

„Prophecy of Dante“—и теперь одинъ изъ лучшихъ показателей политическаго воодушевленія Байрона въ первое время его карбонарства. Къ нему и подходить нужно съ этимъ мѣриломъ. Цѣль созданія этого своеобразнаго стихотворнаго памфлета говоритъ сама за себя. Не одинъ только культъ Данта опредѣлилъ ее. Когда Байронъ торопилъ Мэррея изданіемъ своего новаго произведенія и объяснялъ ему, что именно въ данный моментъ, переживаемый Италіею, поэма эта необходима, онъ указывалъ на прикладное назначеніе ея. Далекая старина должна была влить свой духъ въ усыпленный неволей народъ; великій поэтъ средневѣковья долженъ былъ явиться руководителемъ новыхъ поколѣній, чуть не пророкомъ карбонаризма, какъ отплаты за все содѣянное зло, какъ почина всеобщаго возрожденія. Автору полюбилась мысль открыть передъ вѣщимъ взоромъ творца *Божественной Комедіи*, разсѣкающимъ непроглядную даль вѣковъ, всю послѣдующую исторію его страны и надѣлить его предвѣдѣніемъ, предсказаніемъ всѣхъ ея несчастій. Мильтоновскій пріемъ

[1]) Tribulati, тамъ же, 157—158.

Digitized by Google

этотъ вполнѣ пригоденъ былъ бы для сильной, сжатой и выразительной лирической импровизаціи, и со стороны Байрона было, конечно, ошибкой распространить свой сюжетъ на *четыре* пѣсни, раздробляя по этимъ перегородкамъ многовѣковую обличительную картину, которая отъ пріостановокъ и паузъ только можетъ утратить мощь впечатлѣнія. Сатирическіе удары, точно такъ же, какъ и слишкомъ подробно разработанныя видѣнія будущей славы Италіи (передъ Дантомъ проходятъ образы Колумба, Петрарки, Тасса, Микель Анджело) придаютъ монологу поэта мѣстами характеръ стихотворнаго обзора итальянской исторіи,—но искренности и силы чувства нужно искать не въ этихъ стихахъ, а тамъ, гдѣ устами великаго флорентинца говоритъ его потомкамъ самъ Байронъ, укоряя ихъ за разрозненность, проповѣдуя единство, показывая, до какого униженія, граничащаго съ полнымъ мракомъ и летаргіею, дошли они (поразительнѣе всего грозное заявленіе: „сами стихіи ждутъ теперь лишь единаго велѣнія—*да будетъ Тьма*!—и Италія станетъ могилой"...), и бичуя многочисленныхъ тирановъ, поработившихъ страну. Предисловіе автора скромно называетъ поэму „метрическимъ экспериментомъ", такъ какъ она если не впервые (какъ полагалъ Байронъ), то удачнѣе чьихъ бы то ни было прежнихъ попытокъ привила къ англійской поэзіи Дантовскую терцину, — но въ этихъ двухъ, трехъ сотняхъ сжатыхъ суровыхъ и архаическихъ куплетовъ скрывалась живительная сила. Недаромъ же съ такой ненавистью отзывались о нихъ враги народнаго дѣла.

Трудно объяснить, почему издатель не исполнилъ желанія поэта и запоздалъ съ печатаніемъ „Пророчества Данта",—когда же выпустилъ его въ свѣтъ, то приложилъ къ нему историческую трагедію Байрона: „Марино Фальеро". На первый взглядъ кажется страннымъ, что трагедія эта была также поэтическимъ результатомъ равеннскаго житья, современницей политическихъ бурь и волненій,—тогда какъ вмѣсто революціоннаго лиризма въ основѣ ея лежалъ протестъ противъ искаженія республиканской свободы. Между тѣмъ въ сюжетѣ, намѣченномъ Байрономъ, какъ мы знаемъ, послѣ перваго же посѣщенія дворца дожей и съ тѣхъ поръ не выходившемъ у него изъ памяти, при всей необычайности завязки,—глава государства составляетъ заговоръ противъ освященнаго вѣками его строя и гибнетъ на плахѣ, какъ бунтовщикъ,—были черты, выдвинуть которыя было вполнѣ умѣстно именно въ данное время, когда всѣ лучшія силы направлялись къ добыванію свободы. Безнаказанное и зловѣщее самоуправство венеціанскихъ олигарховъ, захватъ вѣковыхъ воль-

Digitized by Google

ностей аристократіею и безправное положеніе народной массы, представляя бытовой фонъ трагедіи, выставлены были Байрономъ съ рѣзкостью и силой, которой не ожидали встрѣтить у него тѣ, кто привыкъ считать его сторонникомъ аристократизма, вліятельной роли избранниковъ, лучшихъ людей. Мрачное сказаніе старыхъ временъ, поразившее его раньше его политическаго возбужденія, могло пригодиться и для новой цѣли, служа урокомъ, предостереженіемъ. Покрытый военной и государственной славой, старецъ Фальеро встаетъ не только на защиту своей семейной чести отъ какого-то ничтожнаго обидчика, но и на оборону истинной республики отъ узурпаторовъ. И въ промежутокъ между тайными совѣщаніями и съѣздами, на которыхъ самъ Байронъ игралъ роль заговорщика, онъ набрасывалъ, сцену за сценой, драматическую фабулу заговора, имѣвшаго мѣсто въ 1355 году, усиленно вчитывался въ старыя хроники, особенно въ разсказъ Марина Санудо [1]), перенесся мыслью въ венеціанскую среду, которую такъ недавно покинулъ, и придалъ своей пьесѣ тотъ яркій національный и мѣстный колоритъ, который приводилъ потомъ въ истинное изумленіе Гёте.

Новѣйшія изслѣдованія [2]) показали недочеты въ исторической вѣрности характера героя и хода событій, имъ вызванныхъ,—недочеты вполнѣ естественные, такъ какъ Байрону были недоступны открытые лишь впослѣдствіи документы. Съ другой стороны, неудача трагедіи на сценѣ [3]) указала на *театральные* недостатки ея,—хотя Байронъ съ величайшимъ негодованіемъ встрѣтилъ извѣстія о самовольной постановкѣ ея въ Лондонѣ какимъ-то спекуляторомъ-антрепренеромъ,—въ нѣсколько пріемовъ, въ письмахъ, даже въ газетныхъ заявленіяхъ протестовалъ, утверждая, что писалъ лишь для чтенія, не примѣняясь къ сценическимъ требованіямъ. Но ни историческія неточности, ни несогласія съ театральной рутиной не въ силахъ умалить достоинства трагедіи,—и въ новѣйшей агитаціи въ пользу Байрона, какъ драматурга, замѣтной среди англійскихъ и нѣмецкихъ байронистовъ (Gerrard, Westenholtz, Krause), безпристрастный разборъ „Марино Фальеро“—одинъ изъ самыхъ надежныхъ аргументовъ.

Принявъ совѣтъ Monk Lewis'a, предостерегавшаго его отъ

---

[1]) Въ его „Vitae Ducum Venetorum“, которыя онъ нашелъ въ коллекціи „Итальянскихъ историковъ“ Муратори.

[2]) Труды Vittorio Lazzarino въ „Nuovo Archivio Veneto“.

[3]) Ее не спасло впослѣдствіи и исполненіе знаменитою мейнингенской труппой. Сюжетъ Байроновскаго „Фальеро“ обработанъ былъ Доницетти и для оперной сцены въ пьесѣ того же имени.

Digitized by Google

разработки мотива ревности, которымъ достаточно уже злоупотребляли, Байронъ выдвинулъ въ своемъ героѣ сложный рядъ двигательныхъ причинъ, побуждающихъ его къ перевороту, причинъ личныхъ и общихъ, семейныхъ и государственныхъ; оскорбленный супругъ, безправный правитель, уязвленный въ своемъ достоинствѣ и гордости носитель великаго имени идетъ на встрѣчу народному недовольству, принужденъ брататься съ нимъ, и въ то же время невольно чувствуетъ брезгливость отъ соприкосновенія съ плебеями; роковое рѣшеніе стоитъ ему тяжелой борьбы съ собой, разрыва съ прошлымъ; всѣ старческія силы напряжены къ той желанной и страшной минутѣ, когда съ высоты Campanile раздастся неурочный звонъ, знакъ къ возстанію,— внезапный разгромъ заговора глубоко потрясаетъ его зачинщика, на краю могилы подпавшаго неукротимому честолюбію, но съ достоинствомъ и силой воли онъ взглянетъ въ лицо смерти. По мѣткому замѣчанію Вестенгольца, чѣмъ дальше отходитъ Байроновскій дожъ отъ *исторіи*, тѣмъ *трагичнѣе* становится его образъ,—одинъ изъ наиболѣе правдивыхъ, реальныхъ характеровъ, которые когда-либо создавалъ Байронъ. Рядомъ съ нимъ стоитъ его жена, догаресса Анджолина, лицо совсѣмъ не историческое, всецѣло принадлежащее фантазіи поэта, очерченное немногими, но мѣткими штрихами, безъ приторной идеализаціи самоотверженія и преданности, но проникнутая уваженіемъ къ супругу-старцу, глубокимъ, но немногословнымъ горемъ при видѣ его позора и гибели, строгой выдержкой воли, изумляющей самихъ судей. А дальше стоятъ народные типы, выхваченные изъ венеціанской вольницы, горячіе, страстные, шумливые, задорные, завистливые, измѣнчивые, богатый бытовой фонъ, набросанный рукой мастера. Когда онъ самъ говоритъ намъ, что ставилъ себѣ образцомъ Альфіери, что хотѣлъ воскресить слишкомъ несправедливо забытыя „драматическія единства“ и т. д., эти теоретическія разсужденія и намѣренія напоминаютъ иногда неудачные эстетическіе капризы Пушкина,—но и тѣ, и другіе, къ счастью, разбивались на дѣлѣ творческимъ порывомъ, который заставлялъ, напр., Байрона нарушить на первыхъ же порахъ важнѣйшую изъ „unités“, единство мѣста, или далеко выходить въ горячности своей драматической психологіи за твердые предѣлы, указанные правилами классической трагедіи.

Такъ сплетались у него съ тревогами политики писательскіе замыслы; такъ вождь карбонарской секты превращался въ истолкователя Данта, въ лѣтописца старой Венеціи,—или подвигалъ впередъ своего „Донъ-Жуана“, въ которомъ, правда, померкли нѣж-

Digitized by Google

ныя краски идиллiи героя съ Гаидэ, но зато для того, чтобъ дать мѣсто выпуклымъ, бойкимъ, безцеремонно реальнымъ сценамъ на невольничьемъ кораблѣ, въ султанскомъ гаремѣ, съ неподражаемымъ юморомъ и Боккаччіевской непринужденностью описаннымъ похожденіямъ Жуана въ женскомъ платьѣ и его подневольной интригѣ съ султанской фавориткой... На разстояніи нѣсколькихъ строфъ тутъ сходятся удивительныя крайности: благоговѣйное описаніе гробницы Данта, окруженной народнымъ уваженіемъ; въ контрастъ къ ней поучительная картина обросшей сорными травами, всѣми забытой колонны, воздвигнутой когда-то въ память необузданнаго истребителя людей [1]),—и гаремная варіація на тему о женѣ Пентефрія. Капризы фантазіи и своенравность мысли писателя геніальнаго!

Но тревожная злоба дня оставляла мало досуговъ для творчества; агитація въ Романьѣ, сношенія съ неаполитанскими инсургентами, заготовка оружія, собранія военнаго совѣта, внезапныя вѣсти о томъ, что въ такой-то день и часъ предположены повальные обыски и аресты, таинственныя исчезновенія и возвращенія людей компрометтированныхъ, и въ особенности трепетъ ожиданія рѣшающей минуты, которую призывали всѣми силами, прислушиваясь къ дальнему звону оружія такъ же страстно, какъ Марино Фальеро къ набату съ Санъ-Марко, придавали жизни нервную возбужденность. Зато стоило жить *такою* жизнью!

Очнуться послѣ стольких грезъ и надеждъ, увидать, что все разбито и разсѣяно, разочароваться въ людяхъ, чуть не въ самой идеѣ, изъ-за которой боролся,—мучительно. Но такое пробужденіе, такое жестокое разочарованіе и случилось... Часто вспоминалось потомъ, и съ великой грустью, основанное на опытѣ изреченіе Сильвіо Пеллико: „для того, чтобъ возстановить Италію, нужно разрушить секты“ (a rifare l'Italia bisogna disfare le sette). Неудача движенія 1820—21 гг.—одинъ изъ убѣдительныхъ аргументовъ въ пользу этого мнѣнія. Несмотря на видимую общность цѣли, не было полной солидарности между отдѣльными тайными союзами и конспираціонными группами. Тер-

[1]) Въ четырехъ километрахъ отъ Равенны по дорогѣ въ Форли стоитъ одиноко, словно обезглавленный, столбъ, воздвигнутый въ память полководца французскаго короля Людовика XII, Гастона De Foix; его соорудили на полѣ кроваваго сраженія 1512 г., въ концѣ котораго, при яростномъ преслѣдованіи бѣжавшихъ противниковъ онъ былъ убитъ. Странное впечатлѣніе производитъ среди равнины, заросшей виноградниками, этотъ никому ненужный monumento del francese, какъ зовутъ его въ своемъ невѣдѣніи крестьяне.

Digitized by Google

ріторіальныя и государственныя различія, несходство въ темпераментѣ, слѣды застарѣлыхъ историческихъ пристрастій, грезы о величіи и первенствующей роли того или другого города или области въ будущей Италіи, связи однихъ съ радикальными ученіями современности, другихъ—съ католицизмомъ,—все способно было отдалить другъ отъ друга людей, которые, казалось, согласились выступить подъ *однимъ* знаменемъ,—и не карбонарства, а итальянскаго единства. Но какъ среди масоновъ, рядомъ съ выдающимися, самоотверженными дѣятелями гуманности и братолюбія встрѣчались упорно ограниченные фанатики, вѣрные девизу: „масонство для масонства", такъ въ пестрой смѣси мелкихъ тайныхъ приходовъ, „Адельфовъ", „Гвельфовъ" „Защитниковъ отчизны" и т. д., скрывавшейся подъ общимъ именемъ карбонарства, было много людей, неспособныхъ даже заглянуть дальше предѣловъ ближайшей къ нимъ организаціи, одержимыхъ кружковою узкостью, кружковыми и партійными самолюбіями. *Общаго плана не было,*—и въ перепискѣ Байрона начинаютъ вырываться недовольные или печальные возгласы, указывающіе на это. Но желанный призывъ все запаздывалъ,—и такъ и не раздался никогда. Въ разладѣ и промедленіяхъ ушло время въ Неаполѣ; вызванныя у короля уступки удержались лишь нѣсколько мѣсяцевъ; австрійцы быстрыми переходами очутились на югѣ, и по пути ихъ не остановило ни народное возмущеніе, ни сколько-нибудь организованные отряды. Неаполитанскій корпусъ, попытавшійся встрѣтить ихъ и отбросить, былъ одушевленъ лучшими патріотическими чувствами, и во главѣ его былъ искренній, вскорѣ даже легендарный боецъ за свободу, генералъ Пепе; но онъ не устоялъ передъ натискомъ регулярной арміи, сраженіе при Ріэти было потеряно,—и началась жестокая расправа.

Байронъ, стоя выше мелкихъ партійныхъ, кружковыхъ и сектантскихъ счетовъ, былъ до-нѣльзя возмущенъ ихъ губительнымъ вліяніемъ на дѣло. Когда же изъ Неаполя пришли вѣсти о томъ, что все кончено, сдавлено и погублено, онъ съ негодованіемъ заклеймилъ неаполитанцевъ страшнымъ приговоромъ. „Они кричали:—жить свободными или умереть!—и эхо горъ отвѣчало имъ: умереть! Напрасные восторги, минутный, легкомысленный энтузіазмъ! Какая кровавая насмѣшка обрушилась теперь на ихъ головы! Несчастные! Они отнынѣ навсегда осуждены испытывать всю горечь осмѣянія и позора. Умереть? Нѣтъ, вы не умрете; суровая и грозная свобода, чье святое дѣло вы погубили, измѣна народу, чье сочувствіе вы обманули, чьи надежды вы разбили, не дадутъ вамъ ни покоя могилы, ни забвенія"... „Жесто-

Digitized by Google

кія и невполнѣ справедливыя слова,—восклицаетъ по поводу этого приговора одинъ изъ современныхъ намъ изслѣдователей раннихъ революціонныхъ движеній въ Италіи [1]);—они могутъ найти оправданіе лишь въ томъ, что вырвались они изъ души, жаждавшей свободы и не умѣвшей прощать никому нанесеннаго ей вреда".

Оставалась надежда на помощь съ сѣвера, на революцію въ Пьемонтѣ; но первыя же ея удачи и провозглашеніе конституціи по испанскому образцу скоро смѣнились отместкой оправившагося правительства и появленіемъ австрійцевъ, которые и здѣсь безпощадно выполнили свою роль блюстителей стараго порядка или, вѣрнѣе, палачей. Все крушилось; просвѣта не откуда было ждать, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ. То, что внесло въ жизнь Байрона свѣтъ и воодушевленіе, то, ради чего онъ не жалѣлъ никакихъ жертвъ [2]), было подавлено, уничтожено. Въ первые дни у него являлась мысль все бросить, и—*возвратиться въ Англію*, чтобы возобновить дѣятельность на родинѣ. Но онъ не отрекся отъ итальянскаго народа, не покинулъ его, не пересталъ въ него вѣрить; „изъ хаоса Богъ создалъ вселенную, изъ горячихъ страстей долженъ создаться народъ", говорилъ онъ (Letters, V, 152), и послѣ временнаго упадка духа снова вернулся къ работѣ, сказавъ себѣ, что съ такими богатыми племенными задатками и при начавшемся броженіи можно достигнуть цѣли, что безумно было ожидать этого въ короткій промежутокъ времени, и что много усилій и настойчивой пропаганды должно быть затрачено, прежде чѣмъ побѣда будетъ одержана. Записи въ дневникѣ поэта показываютъ, что *R* (революція) должна была вспыхнуть въ Романьѣ въ октябрѣ 1820 года, потомъ срокомъ назначено было 7 или 8 марта 1821; но и черезъ годъ послѣ того нельзя было ничего начать среди общей подавленности. Нужно, стало быть, ждать и работать... У Байрона возникаетъ мысль о необходимости основать, на его средства, органъ для распространенія и защиты идей

---

[1]) Francesco Nitti, „Sui moti di Napoli del 1820", въ сборникѣ „La vita italiana nel risorgimento". 1898, II, 167. — Не всѣ дѣйствительно заслуживали осужденія. Вожди, Морелли и Сальвати, мужественно взошли на эшафотъ; были также люди, взводившіе на себя вину, чтобъ избавить отъ гоненія настоящихъ виновныхъ.

[2]) Въ приложеніи къ V тому „Писемъ" напечатано обращеніе Байрона къ неаполитанскимъ инсургентамъ, которымъ онъ посылалъ денежную помощь въ тысячу лундоровъ и выраженіе готовности активно помогать дѣлу. Мнимый депутатъ конституціоннаго правительства, съ которымъ онъ при этомъ вступилъ въ сношенія, оказался шпіономъ.

Digitized by Google

карбонаризма, и онъ еще изъ Равенны развивалъ Томасу Муру свой планъ періодическаго изданія съ широкой программой (но непремѣнно съ литературнымъ отдѣломъ, стихами обоихъ редакторовъ и т. д.); его можно назвать „Tenda rossa“ (красный флагъ) [1]) или „Gli Carbonari“, или иначе какъ-нибудь, по вкусу Мура. Издавать его можно въ Лондонѣ, или, подѣливъ редакціонный трудъ между двумя главными руководителями, изъ которыхъ одинъ, находясь въ Италіи, постоянно былъ бы въ сношеніяхъ съ вождями движенія, а другой поддерживалъ бы связи съ литературными силами Англіи, сдѣлать небывалый опытъ международнаго журнала.

Но для такого предпріятія время было слишкомъ неудобно. Ожидаемыя репрессаліи начались. Внезапно было изгнано изъ Церковной Области болѣе тридцати лицъ, заподозрѣнныхъ въ революціонныхъ убѣжденіяхъ, и въ числѣ ихъ отецъ Терезы и братъ ея Пьетро. Старанія Байрона добиться относительно ихъ отмѣны декрета были безуспѣшны, и столь близкіе ему люди покинули его, ища убѣжища въ тосканскихъ предѣлахъ, гдѣ еще сохранились болѣе или менѣе сносныя условія жизни. Опасаться за свою личную неприкосновенность Байронъ не могъ, но во власти правительства было до того отравить ему пребываніе въ Равеннѣ, чтобъ онъ самъ принужденъ былъ покинуть ее. Начатое слѣдствіе должно было рано или поздно раскрыть, до какой степени велико было его участіе въ агитаціи („если мы когда-нибудь встрѣтимся,—писалъ онъ теперь Муру,—я разскажу вамъ о моихъ собственныхъ приключеніяхъ, изъ которыхъ иныя, быть можетъ, были *нѣсколько рискованными*“). Оба Гамба выѣхали,—а высылки все продолжались, и число изгоняемыхъ росло; въ іюлѣ 1821 ихъ насчитывали около тысячи во всѣхъ папскихъ владѣніяхъ. Тереза мучилась заботой о судьбѣ своихъ высланныхъ родныхъ, и въ то же время хотѣла бы увлечь Байрона въ безопасное убѣжище, гдѣ всѣ они могли бы снова собраться. Одно время шла рѣчь о Швейцаріи, дѣлались развѣдки и разспросы, гдѣ лучше устроиться. Съ своей стороны, Пьетро, въ которомъ неудачи не охладили свободолюбія, вызывалъ Байрона исполнить планъ, возникшій у нихъ послѣ плачевнаго финала неаполитанскаго и пьемонтскаго возстанія,—отправиться въ Грецію, гдѣ національное движеніе уже поднималось. Но не состоя-

[1]) Мысль, взятая у сатирика XVII вѣка, Тассони, который въ борьбѣ съ противниками усвоилъ себѣ легендарный пріемъ Тамерлана, выставлявшаго, будто бы, бѣлый флагъ въ знакъ прощенія, красный—какъ предвѣстіе кровопролитія и т. д.

Digitized by Google

лись ни возвратъ въ Швейцарію, которая казалась теперь Байрону самою романтической страной въ мірѣ, но съ грубымъ населеніемъ и съ еще худшимъ пришлымъ англійскимъ контингентомъ, ни греческая экспедиція, для которой время еще не назрѣло. Тереза уѣхала во Флоренцію на свиданіе съ своими и склонялась уже къ мысли поселиться гдѣ-нибудь въ Тосканѣ; намѣчена была Пиза, наконецъ нанятъ тамъ домъ,—но Байронъ словно не въ силахъ былъ покинуть Равенны, той Равенны, гдѣ онъ такъ много вынесъ тревогъ!..

Онъ былъ совсѣмъ одинъ. Около него не было теперь и порхающей, щебечущей Аллегры. Сколько разъ во время напряженной карбонарской дѣятельности, его преслѣдовала мучительная мысль о томъ, что онъ не позаботился о судьбѣ дѣвочки, о ея воспитаніи, о ея безопасности въ случаѣ его собственной гибели! Не взвѣсивъ вполнѣ условій, въ которыя онъ ее введетъ, онъ остановился на педагогическомъ планѣ, неожиданномъ и странномъ у такого независимаго мыслителя, какъ онъ. Невдалекѣ отъ Равенны, на пути въ Болонью, въ захолустномъ городкѣ Bagnacavallo при женскомъ монастырѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ открытъ былъ интернатъ для воспитанія дѣвицъ изъ „общества“, собравшій немало представительницъ мѣстной аристократіи. Считать подобное учрежденіе вполнѣ желательнымъ Байронъ не могъ (обращаясь къ венеціанскому своему другу Гоппнеру, отправлявшемуся тогда въ Швейцарію, онъ просилъ его высмотрѣть тамъ для Аллегры хорошую школу), но лучшаго ничего не представилось, довѣрить воспитаніе сумасбродной матери было невозможно, и онъ разстался съ дѣвочкой, отдавъ ее—монахинямъ. Вѣроятно, тревоги политики помѣшали ему лично отвезти ее въ пансіонъ, и четырехъ-лѣтнюю крошку доставилъ туда какой-то равеннецъ [1]); она скоро стала всеобщей любимицей, удивляла своей мечтательностью, своими радостно-мистическими снами на яву, при первой возможности посылала поклоны и поцѣлуи отцу,—и черезъ годъ скончалась вдали отъ него.

Тереза также была далеко, и Байронъ не видалъ ея нѣсколько мѣсяцевъ. Это не было слѣдствіемъ охлажденія; привязанность все еще была сильна и выражалась въ горячей и оживленной перепискѣ, о которой впослѣдствіи Тереза вспоминала

[1]) Несмотря на трудность собиранія данныхъ при мѣстныхъ условіяхъ (школа давно не существуетъ, ея бумагъ приходится искать въ монастырѣ San Giovanni), грустный эпизодъ объ Аллегрѣ разработанъ теперь провинціальнымъ байронистомъ-любителемъ Emilio Biondi, „La figlia di L. Byron“. Firenze, 1890.

Digitized by Google

съ благоговѣніемъ [1]). Но, по ея же словамъ, какое-то непреодолимое чувство не позволяло ему покинуть Равенну,—„какъ будто ему казалось, что, съ его отъѣздомъ, начнутся для нихъ обоихъ и для людей имъ близкихъ невзгоды и бѣдствія". Репрессаліи, наконецъ, остановились, лично ему ничего не грозило,—и онъ жилъ одинокій въ громадномъ палаццо Гвиччіоли, жилъ полною жизнью, потому что давно не чувствовалъ такого прилива творчества, какъ теперь, когда схлынула волна политики. Вѣрный данному слову, хотя испытывая глубокое сожалѣніе, онъ не притрогивался, правда, къ „Донъ-Жуану", зато послѣдніе мѣсяцы равеннскаго періода—пора появленія „Сарданапала", „Обоихъ Фоскари", „Каина", „Видѣнія Суда", „Неба и Земли"...

Творенія неравной силы, то поднимаясь до крайняго, потрясающаго напряженія лиризма и смѣлой философской мысли, то спускаясь до уровня сценическаго переложенія исторіи или разработки душевныхъ состояній или настроеній, чуждыхъ глубокаго драматизма, то сверкая гнѣвомъ и безпощадной насмѣшкой,—они въ своей совокупности свидѣтельствуютъ о поразительной возбужденности фантазіи (а въ проектѣ намѣчено было еще нѣсколько трагедій, „Франческа да-Римини", „Тиберій"). Библейскія преданія, венеціанская старина, страницы ассирійской исторіи, отголоски англійской современности и борьба съ вождями реакціи,—все возбуждало къ дѣятельности, все оживало, олицетворялось. Для этого приходилось преодолѣвать трудности драматической формы, на время излюбленной Байрономъ, но никогда не подчинившейся ему вполнѣ, вмѣщать сложныя перипетіи и душевные изгибы въ рамки эллинскихъ или альфіеріевскихъ единствъ,—и рядомъ съ подобными опытами находить въ романтической свободѣ *мистеріи* широкіе горизонты для мысли и просторъ для психологической правды. И вслѣдъ затѣмъ драматургъ превращался въ геніальнаго памфлетиста, и его презрительный хохотъ отзывался всюду, гдѣ только оставались честные люди, способные возмущаться и порицать.

„Фоскари" вторично и съ привычнымъ автору искусствомъ

---

[1]) Переписка Терезы съ Байрономъ сохранена была ею послѣ его смерти и перешла къ ея наслѣдникамъ, но не будетъ, повидимому, никогда оглашена. Любопытная ея часть, письма къ поэту во время греческой экспедиціи, была передана, по словамъ одного изъ участниковъ въ ней, итальянца Антоніо Моранди, ему Байрономъ, для возвращенія Терезѣ, въ случаѣ его гибели на войнѣ. Отвѣты свои Тереза, будто бы, писала красными чернилами между строками Байроновскихъ писемъ, и въ такомъ видѣ возвращала ихъ. Моранди, взятый въ плѣнъ австрійцами, утратилъ ящичекъ съ письмами. „Il mio giornale dal 1848 al 1850", Modena, 1867.

Digitized by Google

набросали тотъ бытовой фонъ, который удался ему въ „Марино Фальеро“; мы снова въ краю свинцовыхъ тюремъ, Пьяццетты, Дворца дожей, площади Санъ-Марко, видимъ борьбу честолюбій, соревнованія, зависти патриціевъ, и поодаль—безправную народную толпу. Но ненависть, свирѣпое, ненасытное мщеніе—плохой драматическій узелъ, и когда изъ венеціанской среды, въ частности изъ олигархіи, выдѣляются сводящіе между собою старые счеты Лоредано и дряхлый дожъ Фоскари, когда изъ акта въ актъ передъ нами раскрываются крупныя и мелкія оскорбленія, которыя нагромождаетъ на старика и его сына жестокій противникъ, встрѣчая лишь слабое сопротивленіе, пока въ послѣдней сценѣ трагедіи, въ виду смерти обоихъ Фоскари, онъ не запишетъ въ памятной своей книгѣ съ ѣдкой ироніей, что „теперь долгъ уплаченъ сполна“,—скудость и односторонность основного трагическаго мотива становятся очевидными. Мрачное прошлое Венеціи, вызванное фантазіею поэта для „Фальеро“, должно быть, слишкомъ неотвязно удручало его, чтобы онъ могъ воздержаться отъ новаго его воспроизведенія; его не остановила простота и несложность сюжета (въ своихъ поясненіяхъ онъ даже указываетъ на нее, какъ на нововведеніе, идущее въ разрѣзъ съ сценической рутиной); сковавъ себя его предѣлами, онъ, несмотря на это, попытался придать особенное развитіе характеристикѣ, изученію игры страстей, въ Лоредано создалъ, дѣйствительно, живое лицо, но историческая картина не превратилась въ драму; онъ и самъ это понялъ, и сочувственная ему критика подтвердила его сомнѣнія.

Иная участь, иное значеніе—у „Сарданапала“. Но искать ихъ нужно не тамъ, гдѣ, съ легкой руки Эльце, довольно значительная группа объяснителей Байрона старается искусственно добывать комментарій къ пьесѣ [1]). По этому толкованію, ассирійская трагедія Байрона—сплошная автобіографія. Въ безпечномъ, легкомысленномъ и безвольномъ царѣ-сластолюбцѣ авторъ вывелъ себя, въ Миррѣ—Терезу Гвиччіоли, въ покинутой Сарданапаломъ женѣ, Заринѣ,—свою жену... Странная близорукость! Даже оставляя въ сторонѣ признаніе самого поэта, что судьба Сарданапала поразила его еще въ дѣтствѣ, когда ему было всего двѣнадцать лѣтъ, и съ той поры дѣйствовала на его фантазію (стало быть, взяться за перо могла побудить не потребность въ исповѣди, а давно назрѣвшая у него фабула), несоотвѣтствіе реальныхъ и

[1]) Новѣйшую попытку въ этомъ родѣ представляетъ диссертація: „Ueber Lord Byron's Sardanapal“ von Hermann Nieschlag. Halle, 1900.

Digitized by Google

драматическихъ лицъ, по истинѣ, бросается въ глаза. Байронъ-карбонаръ, поэтъ политическій и авторъ міровой сатиры „Донъ-Жуанъ", оставившій далеко за собой послѣднюю вспышку чувственности въ Венеціи, двойникъ Манфреда въ титаническомъ протестѣ, вскорѣ—авторъ „Каина", съ его мятежнымъ духомъ независимости, и—увѣнчанный розами, окруженный наложницами, самъ женственный, равнодушный къ народному благу, способный лишь въ минуту опасности выказать и волю, и храбрость, и просвѣтленный только геройскимъ самоубійствомъ ассирійскій царь; гречанка Мирра, полная мужества, самоотверженія, заражающая, временами, Сарданапала своею энергіею,—и воздушная, кокетливая Тереза, которую, конечно, брату-заговорщику и Байрону приходилось вовлекать въ глубину политической борьбы; наконецъ, Зарина, къ которой, по пьесѣ, передъ роковой развязкой повлекло Сарданапала, тронутаго ея нравственной силой, всепрощеніемъ, незлобивостью,—и лэди Байронъ, „моральная Клитемнестра", „математическая Медея", осыпаемая въ перепискѣ съ друзьями всевозможными колкостями и не дававшая ни повода, ни возможности невѣрному супругу вернуться на брачное ложо [1]),—что̀ можно найти болѣе разнороднаго, несходнаго!.. Пусть въ иныя минуты Сарданапалу влагаются въ уста рѣчи, въ которыхъ слышится какъ будто душевный анализъ поэта, укоры себѣ въ двойственности, неровности, недостаточной твердости воли,—но такія невольно вторгающіяся въ вымыселъ лирическія черты встрѣчались намъ въ большей или меньшей степени во всѣхъ Байроновскихъ произведеніяхъ, которыя въ остальномъ кореннымъ образомъ расходились съ подобными изліяніями. Можно найти даже въ „Марино Фальеро" рѣчи престарѣлаго дожа, которыя умѣстны были бы въ устахъ Манфреда или самого Байрона (напр., актъ V, сц. 3: „I speak to Time and to Eternity" и пр.).

Для оцѣнки „Сарданапала" не нужно преувеличивать автобіографической роли трагедіи и видѣть въ ней странный асси-

[1]) Не лишенъ интереса отголосокъ семейнаго раздора Байрона, относящійся къ равеннскому періоду. Съ возвращавшимся въ Англію туристомъ, м-ромъ Мауманомъ, Байронъ послалъ Муру, вмѣстѣ съ исправленіями типографскихъ грубыхъ ошибокъ въ первомъ изданіи 3, 4 и 5-й пѣсенъ „Донъ-Жуана", двѣ записныя книги, въ которыхъ, между прочимъ, находилась неоконченная повѣсть (сто страницъ) изъ испанскихъ нравовъ, гдѣ, отъ лица героя, разсказана двуличная интрига его жены, доньи Хозефы, и ея отца, донъ Хозе ди-Кардозо, чтобы разорвать бракъ, пригрозивъ даже инквизиціей. Въ отрывкѣ изъ повѣсти, приведенномъ Муромъ въ его біографіи поэта, легко разгадать подъ испанскими псевдонимами дѣйствующихъ лицъ семейной распри Байрона.

Digitized by Google

рійскій маскарадъ съ подлинными англійскими и итальянскими дѣйствующими лицами,—сама по себѣ пьеса выдѣляется искуснымъ изученіемъ того, что, казалось бы, несовмѣстимо съ драматическимъ *дѣйствіемъ*: нерѣшительности, душевной мягкости, брезгливо чуждающейся борьбы и зла, ищущей самозабвенія и нѣги,—не преступной, не чуждой человѣчнымъ движеніямъ, но для всѣхъ безполезной,—способной разгорѣться и изумить энергіею, но только передъ концомъ. Во всей своей шаткости, приводящей въ негодованіе такія сильныя натуры, какъ Саламенъ, въ нѣжной, чуть не поэтической игривости, столь странной на мрачномъ фонѣ заговоровъ, мятежей и войнъ, и въ геройскомъ разставаньѣ съ жизнью Байроновскій Сарданапалъ—законченная, художественно очерченная личность, съ своей сверстницей Миррой, всецѣло (какъ Анджьолина въ „Фальеро“) созданной Байрономъ (въ остальномъ его источникомъ было повѣствованіе Діодора Сицилійскаго), выпукло выдѣляющаяся изъ драматическаго плана, въ которомъ стремленіе отгадать духъ древняго Востока парализуется лишь неотступно преслѣдовавшей Байрона мыслью о классической стройности трагедіи. Оба главныхъ лица съ свободнымъ, можно бы сказать романтическимъ освѣщеніемъ ихъ душевнаго міра, рвутся изъ классическихъ колодокъ на волю, возвращая насъ къ прежнему Байроновскому творчеству.

Алексѣй Веселовскій.

Digitized by Google

ПО МАНЧЖУРІИ

1900—1901 гг.

Воспоминанія и разсказы.

I.—Отъ Петербурга до Иркутска.

30-го іюня 1900 года, сажусь въ Москвѣ въ вагонъ сибирскаго поѣзда и ѣду въ Хабаровскъ. Я командированъ въ распоряженіе приамурскаго генералъ-губернатора, котораго я зналъ еще по текинской экспедиціи: онъ былъ тогда у насъ начальникомъ штаба. Хотя въ это время въ Пекинѣ уже начались волненія, посольства были осаждены китайцами, но о какихъ-либо военныхъ дѣйствіяхъ въ Манчжуріи еще не было слышно. Мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть эту сказочную Сибирь, съ ея инородческими племенами, необъятными лѣсами и дебрями,—взглянуть на Байкалъ, Шилку, Амуръ, проѣхаться по манчжурской желѣзной дорогѣ и, ежели возможно, взглянуть и на Тихій океанъ. Однимъ словомъ,—побывать на Дальнемъ Востокѣ.

Главное преимущество сибирскаго поѣзда то, что въ немъ ѣдешь безъ пересадки прямо до Иркутска,—почти шесть тысячъ верстъ.

Съ нами ѣхали одинъ генералъ съ женой и человѣкъ десять офицеровъ, — большинство генеральнаго штаба. Всѣ мы скоро перезнакомились. Этому въ особенности помогалъ табльдотъ, къ которому, въ извѣстные часы, мы всѣ собирались.

„День да ночь—сутки прочь“,—говоритъ пословица. А тутъ, въ поѣздѣ, она въ особенности подходитъ. За сутки проѣзжаешь

Digitized by Google

громадное разстояніе. Уже тянутся самарскія степи... Вотъ Уфа, а вотъ и Уралъ.

Утро. Солнце еще только выглянуло изъ-за горъ. Вхожу въ вагонъ-ресторанъ. Въ немъ нѣтъ никого. Еще всѣ спятъ. Одинъ сонный служитель обходитъ столы и обтираетъ ихъ сальной тряпкой. Сажусь къ окну и любуюсь. Что за красивыя окрестности Златоуста! Чистая Швейцарія. То скалы, то лѣса, то вдругъ, гдѣ-то далеко внизу, точно въ партерѣ, брызнетъ изумрудная лужайка, а посреди нея блеснетъ озерко.

Наконецъ, показался и самый Златоустъ, раскинувшійся по горамъ, съ его заводами и церквами. На станціи, въ маленькихъ будочкахъ продаются произведенія златоустовскихъ мастеровъ: столовые ножи, вилки и разныя другія мелочи. Мой сосѣдъ по вагону, почтенный господинъ, сѣдой, въ сѣренькой визиткѣ и соломенной шляпѣ,—съ какимъ азартомъ онъ покупаетъ множество разныхъ бездѣлушекъ,—чугунныхъ коробочекъ, статуэтокъ, ножей и т. п.!

Черезъ нѣсколько часовъ мы—въ Челябинскѣ. Здѣсь опять подымается бѣготня моего почтеннаго сосѣда, съ полными руками разныхъ каменныхъ вазочекъ, яичекъ, чернильницъ и песочницъ,—произведенія Екатеринбурга. Въ особенности много встрѣчается тутъ вещей изъ камня, подъ названіемъ „горный ленъ“. Проѣхали и Челябинскъ. Окрестности мѣняются. Началась безконечная Барабашская степь. Она протянулась на сотни верстъ. Здѣсь уже при постройкѣ дороги не пришлось рвать скалъ динамитомъ, какъ подъ Златоустомъ. Не надо было тратить сотни тысячъ рублей на версту. А прямо клади шпалы, да и пошелъ. Удивительная равнина! Кончилась степь, пошли лѣса. Тайга и тайга. Не знаю, какъ внутри ея, а что видно съ дороги, то—не привлекательно. Раньше мнѣ представлялось, что въ сибирскихъ тайгахъ вѣковые лѣса. А тутъ, на дѣлѣ, видишь все какой-то мелкій ельникъ, въ перемежку съ осиной. Но попадаются и чудныя рощи, въ особенности лиственныя.

Не помню, отъ какой станціи потянуло дымомъ. То горѣли лѣса. Горѣли необъятныя пространства. Мѣстами стоялъ такой дымъ, что, казалось, и не проѣхать. По дорогѣ виднѣлись пеньки да головешки. Одинокіе же гиганты-лиственницы, уцѣлѣвшія отъ пожара, покачивали въ вышинѣ своими маковками и точно жаловались на одиночество.

А поѣздъ все несется и несется, пропуская маленькія станціи и останавливаясь лишь на большихъ. Около станцій устроены деревянные дощатые столы. Здѣсь хохлушки-переселенки прода-

Digitized by Google

ютъ молоко, жареную рыбу, говядину, хлѣбъ и другіе продукты.

Въ поѣздѣ идутъ разговоры о событіяхъ въ Китаѣ. Дѣлаются разныя предположенія: что, какъ и почему. Никто ничего положительнаго не знаетъ. Газеты становятся все болѣе запоздалыми. Мы повсюду нагоняемъ почту. На одной станціи разнесся у насъ тревожный слухъ, что будто китайцы взяли Благовѣщенскъ. Извѣстію этому мало кто повѣрилъ. Но нѣкоторые пассажиры, въ особенности семейные, пріуныли. Но вотъ, наконецъ, и газета.

— Нѣтъ! Какова дерзость: днемъ напасть на Благовѣщенскъ! Вѣдь тамъ, какъ ни говорите, тридцать тысячъ жителей! — горячо разсуждалъ одинъ капитанъ генеральнаго штаба, сидя въ столовой. Въ рукахъ у него—печатная животрепещущая новость.

— Какъ? Что? Прочтите! Какъ случилось? — слышатся вопросы. Капитанъ громко читаетъ о томъ, какъ изъ мѣстечка Сахалянне китайцы открыли огонь по Благовѣщенску. Комментаріямъ и разсужденіямъ нѣтъ конца. Пронесся даже слухъ, что и самый Иркутскъ въ опасности. Этому послѣднему извѣстію, конечно, никто не повѣрилъ. Но все-таки споровъ было не мало.

Часовъ девять вечера. Въ столовой свѣтло. Кто читаетъ газеты, кто чай пьетъ. На трехъ столахъ играютъ въ винтъ. Подсаживаюсь къ одному столику и смотрю на играющихъ. Отъ времени до времени заглядываю и въ окна. Лѣсныя дебри, непроходимыя тайги, въ полумракѣ ночи, проносятся мимо моихъ глазъ, точно по волшебству. И невольно думается мнѣ: „Давно ли по этимъ мѣстамъ только волки да лисицы бѣгали! Медвѣдь забирался въ берлогу. Чуткая рысь подкарауливала съ дерева свою жертву. Кабаниха съ поросятками, пріютившись подъ дубомъ, хрюкая, разыскивала желудей. А теперь поѣздъ мчится-себѣ, посвистывая по временамъ".

Часъ ночи. Винтъ брошенъ. Перешли на штосъ. Тутъ скорѣе къ дѣлу. Нѣкоторые, болѣе благоразумные, ушли спать. Полный, осанистый пѣхотный штабсъ-капитанъ, со старымъ шрамомъ на лицѣ, разстегнувши китель, мечетъ банкъ. Басистымъ голосомъ дѣлаетъ онъ партнерамъ замѣчанія и задаетъ вопросы. Вотъ ему срѣзали колоду. Онъ круто повертываетъ ее и раздвигаетъ первыя двѣ карты. Молоденькій подпоручикъ, съ курчавыми, черными, какъ смоль, волосами, схватывается за голову и въ отчаяніи вскакиваетъ со стула.

— Пятую карту подъ-рядъ бьетъ, „въ сонники"! — восклицаетъ онъ, жалостливо посматривая по сторонамъ. Достаетъ бу-

Digitized by Google

мажникъ, вынимаетъ сторублевку и, судорожно скомкавъ, суетъ подъ карту.

— Какъ же, поручикъ, вы такъ азартно играете? Можете окончательно проиграться. Какъ же вы доѣдете до мѣста вашего служенія?—спрашиваю его.

— Мнѣ, полковникъ, въ Срѣтенскѣ еще надо будетъ пятьсотъ-сорокъ рублей прогоновъ получить. Это ничего! Доѣду!—лепечетъ онъ. Пассажиры расходятся. Въ поѣздѣ тишина.

II.—Отъ Иркутска до Срѣтенска.

Иркутскъ—городъ просторный. Улицы широкія. Есть красивыя каменныя постройки. Раскинулся онъ по правому берегу рѣки Ангары. Теченіе въ ней страшно быстрое и вода прехолодная. Купаться, говорятъ, очень пріятно. Вокзалъ—на противоположномъ берегу. Въ полночь я одинъ изъ всей нашей компаніи выѣхалъ дальше. Утромъ гляжу—поѣздъ медленно двигался по лѣвому извилистому берегу Ангары. Путь настолько узокъ, что изъ окна казалось—ѣдемъ водой. Чѣмъ дальше подаемся, тѣмъ горы становятся выше и, наконецъ, изъ-за одного утеса показался и Байкалъ. Боже, какая прелесть! Озеро, шириною верстъ шестьдесятъ, спокойно какъ зеркало. Вся ширь его видна, благодаря высокимъ берегамъ. Въ длину же даль терялась въ голубоватой дымкѣ. Знаменитаго ледокола „Байкала“ не было... Онъ, по обыкновенію, чинился и стоялъ гдѣ-то въ сторонѣ. Пассажировъ перевозили пароходы купца Нѣмчинова. Этотъ почтенный хозяинъ, пользуясь случаемъ, дралъ немилосердно. За пудъ багажа платили пятьдесятъ копѣекъ. И это за какихъ-нибудь шестьдесятъ верстъ. Сооруженія для ледокола — дамбы, пристани и т. п.—по истинѣ грандіозны. Такой страшной толщины бревна я и не видалъ. Скрѣплены они массивными болтами и, казалось, сработаны на вѣкъ. Дамба далеко вдается въ озеро. Здѣсь можно спокойно прогуливаться. Видъ восхитительный. Воздухъ такъ чистъ, что не надышешься. Вотъ гдѣ пріятно постоять и полюбоваться на окрестности! Отвѣсныя скалы поражаютъ своею неприступностью. Внизу нѣтъ ни малѣйшаго бережка. Глубина должна быть страшная. И вотъ здѣсь-то, какъ слышно, пройдетъ круго-байкальская желѣзная дорога. Подвигъ будетъ великій!

Иду на пристань. На ней широкимъ кругомъ стоятъ часовые съ ружьями. Среди нихъ пріютились на полу, вмѣстѣ со

Digitized by Google

своимъ скарбомъ, ссыльно-каторжные. Тутъ и женщины, и дѣти. Вонъ черный бородатый мужчина въ грубой сѣрой куртке и такой же шапкѣ, звеня кандалами, подходитъ къ блѣдной молодой бабѣ. На колѣняхъ у той лежитъ ребенокъ. Бородачъ, молча, беретъ его на руки, милуетъ, обнимаетъ и снова кладетъ на прежнее мѣсто. Часовые не препятствуютъ ему. Вообще, сколько я ни наблюдалъ, солдаты очень снисходительно обращались съ арестантами, и я ни разу не слыхалъ никакой ругани.

Черезъ Байкалъ мы ѣхали часа четыре. Отсюда до Срѣтенска остается еще слишкомъ тысяча верстъ. Кругомъ все лѣса и лѣса. Но хорошихъ не видно. Пожары и здѣсь бываютъ нерѣдко. Не доѣзжая станціи Китайскій-Разъѣздъ, вдругъ останавливаемся.—Что такое?—Кондуктора забѣгали. Оказывается, съ откоса сползла на рельсы громадная глыба земли. Всѣ пассажиры выходятъ изъ вагоновъ. Подъ жаркимъ, палящимъ солнцемъ работало человѣкъ двѣсти китайцевъ въ однихъ синихъ шароварахъ. Ихъ голыя, темнокоричневыя спины рѣзко бросались въ глаза. Косы у всѣхъ длинныя, черныя. У нѣкоторыхъ онѣ были замотаны вокругъ головы. Солдаты, ѣхавшіе съ нами въ поѣздѣ, подходятъ къ нимъ, разговариваютъ и шутятъ. Одинъ беретъ у китайца лопату и показываетъ, какъ надо работать. Тотъ отъ души хохочетъ во весь свой необъятный ротъ и скалитъ бѣлые зубы.

Трогаемся дальше. Солдаты все еще не оставляютъ китайцевъ въ покоѣ, и дѣлаютъ имъ разные знаки руками. Тѣ, въ свою очередь, продолжаютъ хохотать и машутъ лопатами.

III. — Отъ Срѣтенска до Покровки.

Я никакъ не ожидалъ, что Срѣтенскъ — станица, а не городъ. Онъ лучше многихъ россійскихъ уѣздныхъ городовъ. Здѣсь можно найти все, что пожелаешь, уже не говоря о шолковыхъ китайскихъ товарахъ.

15-е іюля, день св. Владиміра. Жара сильная. Переѣзжаю на паромѣ Шилку и пѣшкомъ направляюсь къ пристани. Въ конторѣ мнѣ заявили, что пароходъ долженъ отойти въ Благовѣщенскъ завтра, т.-е. 16-го іюля, но что изъ Благовѣщенска—неизвѣстно, когда можно будетъ уѣхать въ Хабаровскъ, такъ какъ сообщенія свободнаго нѣтъ. Изъ Айгуна, что недалеко отъ Благовѣщенска, китайцы стрѣляютъ по нашимъ пароходамъ.

Кругомъ пристани сильное оживленіе. Вездѣ виднѣлись войска,

Digitized by Google

войсковые грузы, новобранцы въ своихъ еще домашнихъ костюмахъ, орудія, зарядные ящики и т. п. Все это подвозилось, выгружалось и снова нагружалось. Къ этому надо прибавить сотни семей переселенцевъ. Одни изъ нихъ ѣхали въ Сибирь, другіе возвращались назадъ, третьи проживали въ Срѣтенскѣ и не знали, куда имъ двигаться—впередъ или назадъ. Однимъ словомъ, хаосъ царилъ изрядный. Я прошелся по городу, купилъ кое-что на дорогу, и вернулся на пароходъ. Кромѣ меня, ѣхало еще человѣкъ пятнадцать офицеровъ, все въ разныя мѣста: кому надо въ Хабаровскъ, кому — въ Никольскъ-Уссурійскій, третьему—во Владивостокъ, четвертому—въ Портъ-Артуръ и т. д. Къ нѣкоторымъ пріѣхали проводить ихъ супруги. Проходитъ первый день, наступаетъ второй, а объ отходѣ парохода что-то не слышно. На пристань все подвозятъ почту, которую мы должны везти. Уже почтовые чемоданы, запертые цѣпями и запечатанные, завалили большую часть пристани. Часовые зорко слѣдятъ, чтобы никто близко не подходилъ къ нимъ. Какъ слышно, въ чемоданахъ находилось на нѣсколько милліоновъ кредитныхъ билетовъ, направляемыхъ казною въ Хабаровскъ. Что же, однако, мы не ѣдемъ? Иду узнавать. Оказывается, почтовое начальство не рѣшается отпустить такую дорогую почту безъ воинской охраны, и требуетъ отъ завѣдывающаго передвиженіемъ войскъ хотя бы полсотни солдатъ. Тотъ не даетъ, и вотъ мы стоимъ и стоимъ. Офицеры усѣлись играть въ карты. Они выбрали себѣ отличный уголокъ въ верхней каютѣ, гдѣ вѣтеръ пріятно продувалъ и умѣрялъ несносную жару. Смотрю — и барыни тоже присоединяются къ нимъ. Веселье у нихъ тутъ начинается великое. Пароходные агенты, офицеры, инженеры разныхъ вѣдомствъ—точно прильпули къ столу. Золото такъ и переходитъ изъ рукъ въ руки. Я долго наблюдалъ за играющими. Наконецъ, иду спать. Утромъ поднимаюсь наверхъ, смотрю,— игра все еще продолжается, но только участвовавшихъ всего человѣкъ пять: двѣ барыни, одинъ агентъ пароходства, мой пріятель поручикъ К., высокій брюнетъ въ очкахъ и еще одинъ офицеръ. Поручикъ К. порядочно продулся, а потому былъ не въ духѣ. Барыни тоже проигрались. Выигралъ одинъ агентъ, почему и угощалъ всѣхъ шампанскимъ.

Рѣка Шилка поражаетъ своими грозными скалистыми берегами. Когда ѣдешь по ней, то невольно думаешь про себя:— ну, не дай Богъ, какое несчастіе случится,—тутъ и на берегъ не вылѣзешь. Пропадешь какъ курица. Однообразіе береговъ удивительное. Вонъ, за городомъ, знакомая мнѣ скала. Къ

Digitized by Google

ней я подъѣзжалъ вчера на казенномъ пароходѣ, смотрѣть, какъ ее будутъ рвать динамитомъ для провладки „вьючной тропы". Только-что было получено приказаніе изъ Петербурга, во что бы то ни стало провести тропу по берегу отъ Срѣтенска до Покровки. Приказаніе это было вызвано тѣмъ грустнымъ обстоятельствомъ, что Шилка лѣтомъ сильно мелѣетъ. Грунтовыхъ же дорогъ нѣтъ, — такимъ образомъ, всякое дальнѣйшее сообщеніе прерывается. И вотъ, наканунѣ нашего отъѣзда, генералъ Нидермиллеръ, командированный сюда для наблюденія за отправкой войскъ, ѣздилъ смотрѣть, какъ будутъ рвать скалу, причемъ и меня взялъ съ собою. Съ каждымъ взрывомъ, глыбы камня летѣли въ воду и производили особенно непріятное впечатлѣніе на капитана парохода.

— Вотъ,—ворчалъ онъ,—и безъ того едва проходишь, а тутъ еще камней навалятъ на дно, такъ и совсѣмъ проходу не будетъ!—И дѣйствительно, берега были совершенно отвѣсны и осколки камней немилосердно заваливали фарватеръ. А процедура взрыванія скалъ была чрезвычайно эффектна и интересна.

Пароходикъ нашъ—хотя и маленькій, но очень уютный. Мы размѣстились довольно удобно. Двѣ каютки отдали барынямъ. Съ нами ѣхала одна американка, молодая особа, блондинка, очень веселая и разговорчивая. Она направлялась въ Шанхай, разыскивать своего мужа.

Полдень. Жара сильная. Было мелководье, а потому пароходъ двигался осторожно. Я стою на палубѣ и любуюсь на окрестности. Точно какія гигантскія стѣны, мелькаютъ мимо меня утесистые берега. Вершины ихъ покрыты мелкимъ лѣсомъ. Изгибы рѣки мѣстами такъ круты, что кажется—ѣдешь озеромъ. Поверхность воды гладкая, зеркальная. Кое-гдѣ бѣлая, какъ снѣгъ, пѣна показывала, что тутъ должны быть подводные камни, о которые вода, ударяясь, сильно бурлила.

— Пя-я-ять! пя-я-ять!—монотонно выкрикиваетъ матросъ на носу парохода, кидая шестикъ, раскрашенный черной и бѣлой краской, съ раздѣленіями на футы,—„футъ-штокъ". Капитанъ нашъ, маленькій, коренастый, съ бритымъ лицомъ, еще молодой человѣкъ, стоитъ на балкончикѣ, смотритъ и чутко прислушивается. Проходимъ перекатъ. Теченіе въ этомъ мѣстѣ страшно бойкое, и только чуть упусти минуту,—живо попадешь на камень.

— Четыре съ половиной! Четыре съ половиной!—продолжаетъ выкрикивать матросъ, и посматриваетъ на верхъ въ сторону командира.

— Четыре! Четыре!—доносится его голосъ.

Digitized by Google

— Самый малый!—командуетъ капитанъ въ рупоръ къ машинисту. Два рулевыхъ усиленно вертятъ колесо. Мы круто заворачиваемъ и наконецъ съ трудомъ проходимъ опасное мѣсто. Становится легче на сердцѣ. Иду по палубѣ къ самому носу парохода. Здѣсь внизу, между пассажирскими чемоданами и сундуками, пріютились наши спутники, полковникъ генеральнаго штаба N., маленькаго роста, широкоплечій, усатый, угрюмый какъ шилкинскій берегъ. Рядомъ съ нимъ расположилась довольно удобно американка. Она подложила подъ голову мягкій баулъ, ноги уперла въ сакъ-воякъ и усиленно помахивала тетрадкой, дабы освѣжить лицо.

— Ай-го! Ту-го!—слышу знакомый голосъ полковника. Это американка учитъ его англійскому языку. Такъ! Такъ! Вотъ они не теряютъ времени! Американка что-то смѣется, поправляетъ его произношеніе и продолжаетъ помахивать тетрадкой какъ вѣеромъ.

А скалистые берега—все такіе же угрюмые. Вода на перекатахъ все такъ же пѣнится и бурлитъ. Подъ вечеръ съ берега потянуло гарью. Даже всю даль затянуло дымомъ. Это опять лѣсные пожары, безконечные, на сотни верстъ. Гдѣ они начались и гдѣ кончатся—одинъ Богъ знаетъ.

Съ небольшимъ черезъ сутки мы благополучно добрались до Покровки, небольшой деревни. Здѣсь уже начинался Амуръ,—отъ сліянія Шилки и Аргуня. Отсюда пароходы идутъ значительно бо́льшаго типа. Мы въ тотъ же день поѣхали дальше, къ Благовѣщенску.

IV.—Отъ Покровки до Благовѣщенска.

Амуръ мѣстами такъ развѣтвляется, что трудно опредѣлить, гдѣ же наконецъ его настоящіе берега.

— Что́, вонъ тамъ—Амуръ, или это рукавъ? — спрашиваю старика-лоцмана. Тотъ смирно сидитъ на лавочкѣ у колеса, и только отъ времени до времени мановеніемъ руки указываетъ рулевому, куда править.

— Протока!—бурчитъ онъ, и опять углубляется въ свое занятіе. „Протокъ“ этихъ безконечное количество. Амуръ покрытъ островками, самыми разнообразными, самыми причудливыми. Но что́ въ особенности удивительно въ Амурѣ,—это различіе береговъ. Нашъ берегъ, лѣвый, за малымъ исключеніемъ, необитаемъ и неприступенъ. Рѣдко гдѣ увидишь станицу или селеніе какое, а вокругъ него—тощіе покосы и поля.

Digitized by Google

Полную противоположность представляетъ правый, китайскій берегъ, хотя и онъ мѣстами тоже дикъ и скалистъ. Тутъ видишь богатѣйшіе покосы. И повидимому никто не убираетъ ихъ. Незамѣтно нигдѣ ни стоговъ, ни копенъ сѣна. Положимъ, это лѣто было тревожное, съ китайцами шла война. Но вѣдь ежели бы покосы эти убирались, то виднѣлись бы гдѣ-нибудь старыя изгороди, остожья, навѣсы для сѣна. Ничего подобнаго. Пустыня и пустыня. Только разъ какъ-то мы замѣтили съ парохода одного китайца. Онъ быстро шагалъ по берегу,—то пропадалъ въ высокой травѣ, то опять показывался. Появленіе его такъ было неожиданно и представляло такую рѣдкость, что всѣ пассажиры долго наблюдали за нимъ, пока онъ не исчезъ совершенно.

Не помню, отъ какого именно мѣста мы стали обгонять пароходы съ дессантами войскъ. Пароходы эти были двухъ-палубные, американскаго типа, заднеколесники, т.-е. у нихъ работало только одно колесо, помѣщающееся позади кормы.

Что это за пароходы? Куда стремятся они? Кто тутъ главный начальникъ надъ ними? Вотъ вопросы, которые мы задавали другъ другу. Наконецъ, на одной остановкѣ, при нагрузкѣ дровъ, узнаемъ, что это—отрядъ генерала Ренненкампфа. Ему было поручено очистить правый берегъ отъ непріятеля и затѣмъ спѣшить присоединиться къ отряду Грибскаго и вмѣстѣ брать Айгунъ, въ которомъ все еще сидѣли китайцы и не пропускали наши пароходы. Мы выходимъ изъ-за одного мыса на открытое плёсо. Чудное зрѣлище представляется моимъ глазамъ. Амуръ страшно широкъ. Синева его блестѣла далеко, далеко. И вотъ по этой-то синевѣ вереницей протянулись пароходъ за пароходомъ, всѣ крашенные бѣлой краской, оставляя за собой на небѣ черныя полосы дыму. Не только что въ бинокль, но и простымъ глазомъ можно было различить, что пароходы эти всѣ съ войсками. Солдаты—въ бѣлыхъ фуражкахъ и такихъ же рубахахъ. Начинаю считать, сколько же всѣхъ пароходовъ. Насчиталъ двѣнадцать. Ежели на каждомъ по четыреста солдатъ, то и тогда выйдетъ всего около пяти тысячъ человѣкъ.

Но вотъ съ одного парохода подается сигналъ. Вся флотилія круто поворачивается противъ теченія, и мы пристаемъ къ китайскому берегу. Я говорю: „мы“, потому что нашъ пароходъ, въ виду безопасности, долженъ былъ идти сзади военныхъ судовъ. Останавливаемся какъ разъ подъ высокой скалой, на вершинѣ которой наши казаки уже умудрились водрузить небольшой крестъ. Когда мы пристали, то Ренненкампфа съ отрядомъ уже

Digitized by Google

не было. Онъ ушелъ искать непріятеля. Схожу на берегъ. Господи, какая трава! Я такъ и утонулъ въ ней. И какъ она пахуча, просто удивительно!

Мы не стали дожидаться возвращенія отряда Ренненкампфа, сѣли на пароходъ и отправились дальше. Еще далеко не доѣзжая Благовѣщенска, замѣтили мы громадное зарево. То пылало китайское мѣстечко Сахаляне, расположенное какъ разъ противъ Благовѣщенска. Во время стрѣльбы изъ него китайцевъ, мѣстечко это было совершенно разрушено нами и сожжено.

Непріятно пріѣзжать ночью въ незнакомый городъ. Куда дѣться? Въ какую гостинницу ѣхать? Такой вопросъ задавалъ себѣ каждый изъ насъ. Но напрасно мы и безпокоились немедленно высаживаться.

V.—Благовѣщенскъ.

Только-что нашъ пароходъ сталъ у пристани, какъ цѣлый батальонъ солдатъ перебирается къ намъ по сходнямъ, и мы веземъ ихъ къ мѣстечку Сахаляне. Тамъ уже выстроивался отрядъ генерала Ренненкампфа. Въ полутемнотѣ, освѣщенные яркимъ отблескомъ пожара, виднѣлись группы солдатъ и офицеровъ. Озабоченные стояли они, не зная, куда ихъ поведутъ и чѣмъ кончится эта экспедиція. О китайскихъ войскахъ ходили самые разнорѣчивые слухи. То говорили, что они совершенные трусы и не выдерживаютъ малѣйшаго натиска нашихъ. Другіе же говорили наоборотъ, что китайцы очень стойки, и что когда пришлось одному казаку рубить съ коня китайца, то тотъ упалъ на землю, чтобы казаку не достать его шашкой, и, лежа на спинѣ, застрѣлилъ его, и т. п.

Утро. Мы всѣ отправляемся искать въ гостинницѣ свободныхъ номеровъ. Мнѣ посчастливилось найти прекрасный номеръ, очень близко отъ пристани, куда я немедленно и перебрался. Номеръ стоилъ пять рублей въ сутки. Въ то время только и разговору было въ городѣ, что о потопленіи китайцевъ, жителей Благовѣщенска, въ Амурѣ. Хотя уже прошло съ тѣхъ поръ около трехъ недѣль, но объ этомъ говорили такъ горячо, точно это случилось вчера.

Вотъ сижу я въ общей столовой и завтракаю. Вижу, подъѣзжаютъ къ нашему подъѣзду дрожки парой съ отлетомъ. Выходитъ офицеръ въ полицейской формѣ.

„Вотъ съ кѣмъ бы интересно переговорить объ этой катастрофѣ!—думаю про себя.—Хорошо бы познакомиться съ нимъ“!

Digitized by Google

Подхожу къ нему и представляюсь. Здороваемся. Я увожу его къ себѣ въ номеръ, и мы бесѣдуемъ.

— Скажите, пожалуйста, кто же велѣлъ ихъ топить?—допытываюсь я.

— Да топить никто не приказывалъ,—спокойно отвѣчалъ мой собесѣдникъ, опоражнивая стаканъ лимонада.—Отъ предсѣдателя войскового правленія было получено приказаніе собрать всѣхъ китайцевъ и гнать ихъ по берегу къ Верхне-Благовѣщенску, гдѣ Амуръ поуже, и тамъ переправить въ лодкахъ на другой берегъ. Я приказалъ это выполнить приставу. Тотъ взялъ шестьдесятъ казаковъ. Согнать-то китайцевъ согналъ, а лодокъ-то никакихъ тамъ и не оказалось. Ну, ихъ прямо въ воду и стали гнать, потому что на всѣхъ паника напала.

— Сколько же, вы думаете, всѣхъ потонуло?

— Да много будетъ, потому что въ три очереди сгоняли,—объяснялъ мой новый знакомый. Вотъ все, что я могъ узнать отъ него. Въ тотъ же день вечеромъ отправился я на пароходную пристань, справиться, когда пойдетъ первый пароходъ къ Хабаровску. Здѣсь, сидя на скамеечкѣ, разговорился я съ кассиромъ, очень милымъ и почтеннымъ старикомъ.

— Вотъ видите этотъ большой каменный домъ, что противъ нашей пристани,—объясняетъ онъ и указываетъ рукой.—Весь первый этажъ занималъ китайскій магазинъ. Хозяинъ его, толстый старикъ, лѣтъ тридцать торговалъ въ немъ. Онъ былъ очень богатый милліонщикъ, добрый такой, и много долговъ за нашими русскими ежегодно прощалъ. Мы съ нимъ по-сусѣдски пріятели были. Такъ вотъ, когда это ихъ стали выгонять изъ домовъ, и его выгнали. Ну, онъ, какъ такой именитый, не привыкъ, чтобы его толкали. Его всѣ уважали въ городѣ. Очень ужъ онъ большіе обороты денежные дѣлалъ. Ну, да и жара въ тотъ день сильная была. Нейдетъ мой китаецъ, запыхался. Какъ увидалъ меня, бросился обнимать, за колѣна схватилъ. „Иванъ! Иванъ!—кричитъ:—спаси меня!—Выхватилъ бумажникъ.—Вотъ,—говоритъ,—тутъ сорокъ тысячъ, возьми ихъ себѣ, только спаси меня". Ну, а я и говорю ему: „Я человѣкъ маленькій, что же могу сдѣлать?"—А тутъ казакъ хвать его плетью по спинѣ! и погналъ впередъ. Такъ я больше и не видалъ его.

Конторщикъ все это разсказывалъ такимъ откровеннымъ тономъ и такъ душевно, что у меня и тѣни не было сомнѣваться въ его словахъ. Мнѣ разомъ представился этотъ толстый, раскраснѣвшійся на жарѣ, потный китаецъ, въ шолковомъ синемъ халатѣ, котораго въ общей толпѣ казаки подгоняли плетьми.

Digitized by Google

Конечно, безобразіе великое, — погубить мирное населеніе въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Вѣдь это только говорятъ, что три тысячи. Другіе увѣряли меня, что погибло чуть ли не десять тысячъ. Добьются ли когда истины, — Богъ знаетъ. Опять-таки, надо войти и въ положеніе нашихъ. Половину населенія города составляли китайцы. И вдругъ съ противоположнаго берега начинаютъ стрѣлять. И кто же стрѣляетъ? Ихъ же собраты, единовѣрцы. Поднимается противъ нихъ понятное озлобленіе. Весь городъ увѣренъ, что между тѣми и другими китайцами стачка, уговоръ перерѣзать русскихъ. Войскъ же между тѣмъ почти никакихъ не было, кромѣ одного резервнаго баталіона. Оружія тоже нѣтъ. И вотъ, когда началась стрѣльба, то всѣ русскіе, понятно, бросились къ начальству за оружіемъ и въ то же время начали умолять выселить китайцевъ на тотъ берегъ. А когда ихъ согнали къ берегу и перевозочныхъ средствъ не оказалось, то очень естественно, что произошла именно та катастрофа, которая и должна была произойти.

Благовѣщенскъ производитъ прекрасное впечатлѣніе своей набережной, бульваромъ и широкими, прямыми улицами. Нѣкоторыя постройки есть такія, что хоть на Невскій проспектъ переноси.

22-го іюля, около полудня, стою на набережной и вижу, какъ со всего города стекается народъ къ пристани. „Что такое?“ — спрашиваю одного жителя. „Айгунъ взятъ!“ — весело восклицаетъ онъ. — „Пароходъ изъ Айгуна идетъ“! И дѣйствительно, среди широкой синеватой полосы Амура дымился пароходъ. Палуба его пестрѣла китайскими разноцвѣтными флагами. Народъ плотнѣе стискивался къ пристани. Полиція съ трудомъ отгоняетъ его. Наконецъ приваливаетъ пароходъ, и я вижу — на палубѣ стоятъ нѣсколько тяжелыхъ старинныхъ китайскихъ пушекъ, только-что взятыхъ нами, а также нѣсколько десятковъ разныхъ старыхъ ружей. Кромѣ того, развѣвалось множество флаговъ, значковъ и знаменъ. При яркомъ солнцѣ, съ вершины крутого берега, вся эта картина была очень красива. Радость населенія была великая.

VI.—Отъ Благовѣщенска до Хабаровска.

24-го іюля вся наша компанія снова помѣщается на пароходъ, и мы двигаемся дальше. Нашъ берегъ все такой же бѣдный, безпріютный,—китайскій же утопалъ въ зелени. Казалось, сѣна тутъ можно поставить безконечное количество. Одна бѣда—

Digitized by Google

рукъ пѣть. Нигдѣ не видно ни единой китайской фанзы. Лишь изрѣдка мелькали сожженные сторожевые пикеты. Роскошные тѣнистые дубы, черная береза, бархатное дерево, раскидистые орѣхъ, ясень, кленъ, остроконечный, высокій кедръ чернѣли то по одиночкѣ, то рощами и дополняли эту чудную картину...

Вотъ уже скоро мѣсяцъ, что я выѣхалъ изъ Петербурга, а китайцевъ, кромѣ рабочихъ, еще не видалъ.

Раннее утро. Выхожу на палубу. Солнце еще только начинало брызгать на горизонтѣ своими ослѣпительными лучами. На пароходѣ всѣ спятъ. Лишь одинъ командиръ парохода, высокій, худощавый, съ рыжими усами, прогуливался по рубкѣ, въ своей черной, флотской тужуркѣ, заложивъ руки за спину. Здороваюсь съ нимъ. Пароходъ быстро скользитъ по зеркальной поверхности, взбивая за собою волны. Минуемъ богатую китайскую деревню. Она—на самомъ берегу. Съ вершины палубы ясно видны зажиточныя сѣрыя фанзы, красивыя кумирни, сараи. Множество хлѣбныхъ скирдъ, соломы, запасы дровъ, лѣсу и разныхъ разностей. Деревня, очевидно, только-что покинута жителями, и множество домашней скотины, лошадей, коровъ, телятъ, овецъ, свиней, паслось по деревнѣ и ея окрестностямъ. На берегу водружены десятка два разнаго цвѣта значковъ и флаговъ, на высокихъ древкахъ. Всѣ съ какими-то надписями. Что они обозначали— неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что жители хотѣли выразить этимъ, чтобы русскіе пощадили ихъ деревню и не уничтожали бы ее. И дѣйствительно, къ чему могла бы послужить такая жестокость? Жителей нѣтъ,—они бѣжали, оставивъ свои жилища и все имущество на произволъ русскихъ. Ну, ежели необходимо, возьми, что надо для прокормленія войскъ, но пощади стѣны и остальное, что находится въ нихъ.

— А что, капитанъ! Не взять ли намъ нѣсколько значковъ? Вонъ тѣ, красные съ бѣлымъ! Очень красивы!—кричу я.—Тотъ соглашается. Останавливаетъ пароходъ и спускаетъ лодку. Четыре матроса живо садятся въ весла и пристаютъ къ берегу. Минутъ черезъ десять они уже возвращались съ трофеями. Признаться сказать, когда матросы схватили значки, то я сильно опасался, какъ бы изъ деревни не раздался залпъ изъ ружей. Но все обошлось благополучно. Такъ, черезъ часъ, небольше, останавливаемся у нашего берега, около одной станицы, грузить дрова. Ко мнѣ подходитъ, въ мундирѣ, съ желтымъ воротникомъ, при шашкѣ, красавецъ, рослый, станичный атаманъ, съ окладистой русой бородой.

Digitized by Google

— Ваше высокоблагородіе! Дозвольте казачкамъ въ Никанку [1]) съѣздить, — попользоваться! — жалостливо умоляетъ онъ.—Что толку жечь,—ни себѣ, ни людямъ. А наши гораздо поправились бы. Годъ ноньче такой тяжелый вышелъ. Всѣхъ на войну позабрали, и хлѣбъ убирать некому. Однѣ бабы да дѣти малыя дома остались.

— Я тутъ не начальникъ! — говорю ему.—А вы вотъ лучше поѣзжайте на встрѣчу генералу Р., который слѣдуетъ за нами съ отрядомъ, да и просите его. Онъ тутъ можетъ дѣлать, что хочетъ.

Впослѣдствіи слова атамана оказались совершенно справедливыми. Не успѣлъ отрядъ высадиться на берегъ, какъ уже Никанка запылала со всѣхъ сторонъ, а съ ней вмѣстѣ погорѣли и всѣ запасы. И къ чему было это дѣлать! Такъ оно и вышло,— что ни себѣ, ни людямъ...

Мы шибко подаемся впередъ. По теченію нашъ пароходъ бѣжитъ верстъ двадцать-пять въ часъ. Я забылъ сказать, что какъ на Шилкѣ, такъ и на Амурѣ, поставлены на извѣстныхъ мѣстахъ по берегу сигнальные фонари. По этимъ-то фонарямъ лоцмана и направляютъ пароходы.

Амуръ красивъ и величественъ. Плёсо протянулось верстъ, пожалуй, на десять. Солнце золотитъ его спокойную синеву, отражается и играетъ лучами. Американка, въ бѣломъ платьѣ, въ соломенной шляпѣ, обмотанной бѣлой вуалью, а за ней офицеры, весело расхаживаютъ гурьбой по палубѣ, шутятъ, смѣются и разговариваютъ. Я сижу на скамейкѣ у лоцманской рубки и любуюсь окрестностями. Но что это впереди? чернѣютъ въ водѣ какіе-то предметы. Ближе, ближе. Число ихъ все увеличивается, да и сами они становятся замѣтнѣе.

— Китаецъ!—говоритъ мнѣ въ полголоса старикъ-лоцманъ, такимъ невозмутимымъ тономъ, точно рѣчь шла о какой-либо корягѣ или колдобинѣ. Несмотря на свои преклонныя лѣта, лоцманъ этотъ обладалъ замѣчательнымъ зрѣніемъ. Въ темную ночь онъ всегда, бывало, первый замѣтитъ на берегу сигнальный фонарь. И сколько я ни старался предупредить его, никакъ не могъ. На морщинистомъ лицѣ старика, съ рѣдкой коричневатой бородкой, появляется презрительная улыбка. Она какъ бы говорила: „стоитъ ли обращать вниманіе на такіе пустяки“! Лоцманъ не ошибся. Пароходъ быстро обгоняетъ утопленника. Голый, красновато-бронзоваго цвѣта, свѣсивъ руки, какъ плети,

[1]) Такъ звали эту богатую китайскую деревню.

Digitized by Google

растопыривъ ноги, плылъ онъ, уткнувшись лицомъ внизъ, точно о чемъ задумался. Трупъ страшно разбухъ. Оконечности побѣлѣли и казались известковыми. Вотъ онъ попалъ въ волненіе отъ парохода. То высовывается изъ воды, то ныряетъ.

За этимъ китайцемъ показываются другой, третій, и вотъ, во всю ширь Амура, поплыли утопленники, точно за нами погоня какая. Пассажиры всѣ повылѣзли изъ каютъ—смотрѣть на такое невиданное зрѣлище. Оно до смерти не изгладится изъ моей памяти. Очевидно, это были тѣ самые несчастные, которые потонули у Благовѣщенска. Пролежавъ извѣстное время на днѣ, они набухли и теперь всплыли.

— Господа! господа! смотрите-ка, сколько ихъ тамъ на берегу! Вѣдь это тоже все китайцы!—кричитъ весельчакъ, рыженькій поручикъ, въ чечунчовомъ кителѣ, прикрывшись ладонями отъ солнца. Въ этомъ мѣстѣ лѣвый берегъ Амура вдавался къ серединѣ русла широкой, плоской отмелью. И вотъ тутъ-то и нанесло утопленниковъ.

— Ѳедоръ Васильевичъ, дайте-ка мнѣ бинокль!—говорю я пріятелю моему, подполковнику Р., которому незадолго передъ этимъ передалъ бинокль генерала. Бинокль этотъ былъ превосходный. Пріятель мой точно не слышитъ. Стоитъ, какъ вкопанный, и пристально смотритъ.

— Дайте, пожалуйста! мнѣ хочется самому посмотрѣть,— повторяю ему.

— Не могу! Я считаю, сколько ихъ тутъ,—отрывисто говоритъ онъ, видимо недовольный, что я прервалъ его занятіе.

— Сто-тридцать! сто-тридцать-одинъ, сто-тридцать-два!—считаетъ онъ въ полголоса. А песчаная отмель все еще далеко бѣлѣла, и темная, рыжеватая полоса труповъ, точно бордюромъ облѣпила ее у самой воды. Воздухъ кругомъ былъ сильно зараженъ, и мы всѣ невольно зажимаемъ носы платками...

— Пожалуйте завтракать! — возглашаетъ буфетный слуга, приподнявшись по лѣсенкѣ, въ засаленномъ фракѣ и съ салфеткой подъ мышкой, какъ символомъ своей власти. Публика спускается. Мнѣ же не до завтрака. Ужасная картина эта, да и самый зараженный воздухъ отбили всякій аппетитъ. Остаюсь на палубѣ и продолжаю наблюдать. Вотъ носъ парохода упирается въ одинъ трупъ и далеко отбрасываетъ его по волнѣ. Голова закутана какимъ-то полотномъ, должно быть фартукомъ. „Не огородникъ ли это былъ?—думаю.—Вѣдь въ Благовѣщенскѣ всѣ огородники были китайцы“. Длинная черная коса виднѣется изъ-подъ полотна, прилипнувъ къ мокрымъ плечамъ. Животъ

Digitized by Google

выѣденъ рыбами и представлялъ громадную зіяющую рану. Трудно даже и приблизительно сказать, сколько труповъ обогнали мы въ этотъ день. Но, судя по тому, что на одной только косѣ мы насчитали полтораста труповъ, должно предположить, что ихъ было не мало. Останавливаемся брать дрова. Къ берегу прибило китайца. Беру аппаратъ и спѣшу сфотографировать его. Но только-что изловилъ фокусъ, какъ трупъ подхватываетъ волной и уноситъ...

VII.—Хабаровскъ.

Наконецъ и Хабаровскъ. Была ночь. Выходимъ на пристань и разъѣзжаемся по гостинницамъ. Я ѣду въ офицерское собраніе.

Семь часовъ утра. Тороплюсь надѣть парадную форму, чтобы явиться къ командующему войсками. Онъ, оказывается, очень рано принимаетъ съ докладомъ. „Какая, думаю, произошла перемѣна въ немъ"!

Въ текинскомъ походѣ, ровно двадцать лѣтъ назадъ, его, бывало, и не добудишься. И мнѣ вдругъ припоминается давно забытая картина. Мѣстечко Бами. Время около полудня. Жара страшная. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ моей палатки, на самомъ ручейкѣ, расположена палатка начальника штаба отряда, Николая Ивановича. Слышу, доносится его гнѣвный голосъ. Это онъ бранитъ своего мальчишку, бѣднаго Гаврюшку, за то, что тотъ не разбудилъ его во-время.

— Да я будилъ, да вы не вставали!—плаксиво оправдывается тотъ.

— Врешь, не будилъ! За голову не трясъ!—отрывочно выкрикиваетъ Г. и торопится одѣваться. Онъ увѣренъ, что уже за нимъ Скобелевъ неоднократно присылалъ.

— Трясъ! Ей Богу, трясъ!

— А за ноги тащилъ?

— Тащилъ! Ей Богу, тащилъ.—Мальчишка крестится. Начальникъ штаба понемногу успокаивается.

И вдругъ теперь, тотъ же Николай Ивановичъ, но уже не скромный полковникъ, а грозный генералъ-губернаторъ, принимаетъ съ докладами такую рань. Я одѣлся и выхожу на улицу.

— Какъ? Вы уже являться?—соннымъ голосомъ бормочетъ мнѣ вслѣдъ полковникъ Г., который ночевалъ въ моемъ номерѣ. Протираетъ глаза и щурится.—А я такъ никуда.. Я прямо въ

Digitized by Google

Портъ-Артуръ! — поворачивается на другой бокъ и мирно засыпаетъ.

Извозчикъ парой, съ пристяжкой маленькихъ сибирскихъ лошадей, уже дожидался меня у подъѣзда. Домъ командующаго войсками былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ военнаго собранія. Оба эти зданія построены на высокомъ берегу Амура. Видъ отсюда восхитительный. Чуть влѣво серебрилась широкая, спокойная Уссури, впадая въ Амуръ. Послѣдній, точно разсердившись за то, что она упирается въ него, круто заворачиваетъ въ своемъ теченіи и устремляется въ обратную сторону. Издали получается впечатлѣніе, будто стекаются здѣсь три рѣки. Просто не хочется глазъ оторвать отъ этой картины. Такой массы рѣчной воды трудно встрѣтить гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Подхожу къ подъѣзду. Часовые отдаютъ честь. Казакъ съ желтымъ околышемъ принимаетъ шинель.

— Что, генералъ всталъ?

— Такъ точно, принимаютъ-съ.

Вхожу въ пріемную. Чиновникъ, въ форменномъ сюртукѣ, со Станиславомъ на шеѣ, полный, усталый, въ очкахъ, довольно суровый на видъ, любезно встрѣчаетъ меня, спрашиваетъ фамилію, записываетъ и уходитъ докладывать. Черезъ нѣсколько минутъ слышу: „Пожалуйте, генералъ просятъ“. Вхожу въ обширный, свѣтлый кабинетъ.

— Ай, ай! непривыкъ васъ видѣть съ адъютантской формѣ! Казацкая черкеска къ вамъ лучше шла!—такими словами дружески встрѣчаетъ меня Н. И. Онъ сильно пополнѣлъ, посѣдѣлъ, но смотрѣлъ молодцомъ.

— Ну вотъ! у насъ, слава Богу, идетъ все хорошо. Хайларъ взятъ; Айгунъ, Цицикаръ, Хунчунъ,—все взято. Только Ингута да Гиринъ и остались. Ингуту теперь будутъ брать, а Гиринъ отложимъ. Зимнюю кампанію будемъ дѣлать,—такъ разсказывалъ мнѣ командующій войсками, гуляя со мной по кабинету. Онъ былъ очень занятъ и озабоченъ. Я откланиваюсь ему, причемъ получаю любезное приглашеніе ежедневно приходить завтракать и обѣдать.

Хабаровскъ, что Москва, стоитъ на нѣсколькихъ холмахъ. Городъ еще совсѣмъ молодой. Всего лѣтъ двадцать назадъ, это была станица Хабаровка. И теперь еще здѣшній старожилъ, Василій Ѳедоровичъ Плюснинъ, зоветъ его: Хабаровка. Высокій, сѣдой, Геркулесъ сложеніемъ, этотъ почтенный человѣкъ преинтересно разсказывалъ мнѣ, какъ онъ поселился здѣсь:

— Мы пріѣхали съ братомъ сюда жить, сорокъ лѣтъ на-

Digitized by Google

задъ. Тогда здѣсь всего двѣ хатки было. Вонъ, на томъ мѣстѣ, я тигра убилъ,—тихимъ, удушливымъ голосомъ говоритъ онъ и показываетъ рукой изъ окна направленіе. Василія Ѳедоровича одолѣвала одышка.—Здѣсь все лѣсъ былъ,—вотъ, гдѣ мой домъ. Все это мѣсто мы расчистили и построили домишко маленькій. Ну, а потомъ все и пристраивали. Работы много было: лѣсъ рубили, пни корчевали, расчищали. На охоту ходили, рыбу ловили.—Теперь этотъ піонеръ Хабаровска владѣетъ милліонами и считается первымъ богачомъ въ округѣ.

На третій день моего пребыванія здѣсь получаю предписаніе немедленно отправиться въ китайскій городъ Хунчунъ, недавно взятый нами съ бою.

Гдѣ это Хунчунъ? Какъ туда проѣхать?—вотъ вопросы, которые безпокоили меня. Въ то же время я радовался, что наконецъ увижу настоящій китайскій городъ. Увижу китайцевъ, познакомлюсь съ ихъ нравами и обычаями. Посмотрю, какъ они живутъ, что ѣдятъ, какъ одѣваются, а главное, накуплю разныхъ китайскихъ рѣдкостей. Только, какъ попасть туда? Но тутъ выручилъ меня начальникъ штаба округа, Андрей Николаевичъ С. Небольшого роста, усатый, стриженный подъ гребенку, суровый на видъ, въ сущности же предобрый.

— Вотъ, видите?—говорилъ онъ, указывая на карту.—Доѣдете до Владивостока. Отсюда, по заливу Посьетъ, на пароходѣ,—до мѣстечка Посьетъ. Дальше на почтовыхъ до Новокіевскаго, тутъ всего двѣнадцать верстъ. Изъ Новокіевскаго до нашего русскаго Хунчуна двадцать-пять верстъ. Здѣсь стоитъ нашъ пограничный казачій постъ. А затѣмъ уже будетъ китайскій Хунчунъ, верстъ тридцать. Тамъ стоитъ нашъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Орлова.—Такъ объяснилъ мнѣ С—новъ. Пока разговаривалъ съ нимъ, смотрю—мнѣ уже прогоны принесли. Оставалось только расписаться въ книгѣ въ полученіи денегъ да и ѣхать. Такъ я и сдѣлалъ. Надо сказать, что наканунѣ моего отъѣзда отсюда я получилъ разрѣшеніе взять съ собой въ дорогу одного служителя въ офицерскомъ собраніи, рядового Ивана, въ качествѣ вѣстового.

Маленькій, коренастый, безъ бороды, блондинъ, онъ былъ добродушенъ, честенъ и услужливъ, но грубъ и упрямъ.

Digitized by Google

VIII.—Отъ Хабаровска до Хунчуна.

1-го августа, рано утромъ, ѣдемъ съ Иваномъ на вокзалъ. По уссурійской желѣзной дорогѣ ходятъ очень удобные пассажирскіе поѣзда съ буфетами. Рестораны эти чрезвычайно сокращаютъ время въ пути. Да и ѣда въ нихъ гораздо здоровѣе, чѣмъ на станціяхъ. Тамъ надо ѣсть второпяхъ, обжигаться, ѣсть что попадетъ подъ руку, не разбирая, вкусно ли это, достаточно ли прожарено и не испортилось ли. Тутъ же—дѣло совсѣмъ другое. Полное удобство. Сидишь себѣ сколько хочешь, никто не торопитъ. Не знаю, почему у насъ въ Россіи не прививаются эти столовыя. Боится ли желѣзнодорожное начальство подорвать буфеты на станціяхъ, или какая другая причина. Смѣло могу завѣрить, что нигдѣ я такъ удобно не ѣздилъ, какъ въ Сибири, да еще по закаспійской дорогѣ. Тамъ тоже поѣзда со столовыми. Въ нашемъ поѣздѣ два послѣднихъ вагона были биткомъ набиты китайскими рабочими. Въ это тревожное время они повсюду бросали работу и уѣзжали къ себѣ на родину. Подхожу къ ихъ вагону и смотрю. Всѣ они одѣты въ синія куртки и такіе же шаровары. У большинства головы ничѣмъ не покрыты. Тутъ я успѣлъ хорошенько разсмотрѣть способъ ихъ причесыванія. Они брѣютъ половину головы. Я съ удивленіемъ смотрю на нихъ, но и они смотрѣли на меня не съ мѣньшимъ любопытствомъ. Оказывается, китайцы очень уважаютъ дородство въ человѣкѣ, а потому съ почтеніемъ смотрѣли на мою полную фигуру. Ѣхали они въ третьемъ классѣ. Разговаривая на своемъ непонятномъ языкѣ, они держали себя далеко не принужденно. Тутъ я почуялъ отъ нихъ какой-то особенный непріятный запахъ. Запахъ этотъ преслѣдовалъ меня потомъ по всей Манчжуріи. Объяснялся онъ тѣмъ, что рабочій народъ въ Китаѣ ѣстъ особенную траву, подъ названіемъ черемша.

Поѣздъ трогается. Иду въ столовую, спрашиваю стаканъ чаю, сажусь къ окну и смотрю. Сначала отъ Хабаровска тянутся болота, мелкая поросль, кочки, пни. Но дальше показываются поля, покосы, а затѣмъ станицы, села и деревни. Такъ какъ здѣшніе переселенцы преимущественно изъ полтавской, кіевской и черниговской губерній, то характеръ ихъ построекъ —совершенно малороссійскій, и взглянувъ на ихъ деревню, думаешь, что находишься на Украйнѣ. На станціяхъ говоръ слышится исключительно хохлацкій.

На другой день около полудня пріѣзжаемъ въ Никольскъ

Digitized by Google

Уссурійскій. Здѣсь мнѣ необходимо было представиться губернатору Приморской области, генералу Ч. Никольскъ, какъ и Хабаровскъ, еще очень молодъ и не успѣлъ обстроиться какъ слѣдуетъ. Ѣдешь по немъ, и все видишь маленькіе, точно карточные домики. На многихъ пестрѣли китайскія и японскія вывѣски. То написано: японецъ портной, японецъ прачка, то—парикмахеръ. Китайскія же вывѣски обозначали только магазины. Генералъ Ч., высокій, представительный господинъ, любезно принимаетъ меня и приглашаетъ обѣдать. Интересно, что за обѣдомъ, на которомъ присутствовало человѣкъ двадцать офицеровъ, я первый сообщилъ имъ о благовѣщенской катастрофѣ. А вѣдь прошло съ тѣхъ поръ почти мѣсяцъ. Вотъ какъ медленно доходятъ здѣсь вѣсти,—да и какія вѣсти!

На другой день, утромъ, подъѣзжаемъ къ Владивостоку. Прежде всего читаю на высокой сѣрой стѣнѣ вокзала многознаменательную надпись: „Отъ С.-Петербурга 8889 верстъ". Цифра эта вычислена, вѣроятно, по направленію новой манчжурской дороги, такъ какъ черезъ Хабаровскъ гораздо дальше. День пасмурный. Облака заволокли небо. Заливъ темный, непривѣтливый. Кое-гдѣ, на высокихъ берегахъ виднѣлись угрюмые форты, колыхались крѣпостные флаги, чернѣли казармы, и выглядывали изъ амбразуръ орудія. На пристани кишѣлъ рабочій людъ, преимущественно японцы. Китайцевъ мало. Они почти уже всѣ убрались во-свояси. Думается мнѣ, что не изъ патріотическихъ чувствъ они покинули работы у насъ, а прогналъ ихъ слухъ о благовѣщенскомъ потопленіи.

Подхожу къ пристани. Множество лодокъ дожидаются пассажировъ. Сажусь въ одну. Мой Иванъ, съ чемоданчикомъ, тоже усаживается рядомъ, и юркій японецъ, стоя на кормѣ, рулевымъ весломъ быстро гонитъ лодку къ небольшому пароходу „Новикъ", поддерживающему сообщеніе съ Посьетомъ. Я, по обыкновенію, сильно боялся морской качки. Дорогой мнѣ наговорили, что „Новикъ" страшно валокъ, и что всегда всѣхъ укачаетъ при малѣйшемъ волненіи. Поэтому, лишь только взобрался я на пароходъ, приступаю къ выбору мѣстечка, гдѣ бы поудобнѣе улечься. Вонъ, на серединѣ парохода, на палубѣ, стоятъ двѣ лавочки. На одну изъ нихъ ложусь и ожидаю отхода. Раздается свистокъ, за нимъ вскорѣ другой, и нашъ пароходъ плавно трогается въ путь. На рейдѣ стоитъ много различныхъ судовъ. Вонъ нашъ броненосецъ „Россія". Огромный, весь бѣлый. Онъ только-что пришелъ, и потому съ него раздавались салюты. Я восторженно смотрю по сторонамъ и думаю: „Какъ ни говори, а

Digitized by Google

вѣдь это воды Тихаго океана. Этакую даль уѣхалъ отъ дому! 9.000 верстъ"!

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Хабаровска, генералъ Г. совѣтовалъ мнѣ обратить вниманіе, при въѣздѣ въ Посьетъ, на двуглаваго орла, высѣченнаго въ скалѣ.

— Непремѣнно посмотрите! удивительно интересно! Онъ 30 саженей въ ширину распростертыхъ крыльевъ. А когда подъѣзжаешь, то нисколько не кажется особенно большимъ,—разсказывалъ генералъ.

Волненіе маленькое. Пароходъ почти совсѣмъ не качаетъ. Я лежу, очень довольный, и любуюсь на берега. Ко мнѣ подсаживается на скамейку какой-то плотный господинъ, въ чечунчевой визиткѣ и въ бѣлой фуражкѣ. Брюки заправлены въ лакированные сапоги. На бѣломъ жилетѣ виситъ толстая золотая цѣпочка и на ней болтается золотой брелокъ, самородокъ.

— Вы, вѣрно, золотопромышленникъ,—говорю ему и указываю на брелокъ.—Дорого стоитъ такой?

— Этотъ самородочекъ стоитъ мнѣ двадцать тысячъ рублей, —отвѣчаетъ собесѣдникъ, и на его загорѣломъ, морщинистомъ лицѣ, съ кудловатою бородкою, появляется горькая улыбка.

— Насъ тутъ собралась-было компанія разработывать золотые пріиски. Истратилъ я на свой пай двадцать тысячъ рублей, и достался мнѣ, всего-на-всего, этотъ самородочекъ. Никакого золота мы больше не нашли тамъ!—и онъ съ грустью даетъ мнѣ пощупать его.

— Вы здѣшній старожилъ?

— Да-съ, я здѣсь занимаюсь скупкою быковъ. Да вотъ нынѣче съ Китаемъ война. Невозможно купить никакой скотины. Владивостокъ совершенно погибаетъ безъ мяса. По 100 рублей платимъ за голову, которая до войны стоила 50—60 рублей.

Спутникъ мой пристально смотритъ на берегъ.

— Вонъ видите? Вонъ тамъ заимка Янковскаго. Ему правительство уступило островъ безплатно. Онъ тамъ выстроилъ усадьбу и устроилъ конскій заводъ. Ничего, хорошія лошадки есть. Рублей по двѣсти, по триста продаетъ.

Небо прояснилось и солнце освѣтило окрестности. Вдали бѣлѣли постройки Посьета. Видъ съ парохода прелестный.

— Пожалуйста, покажите мнѣ, гдѣ это высѣченъ орелъ въ скалѣ!—прошу моего новаго знакомаго. Тотъ, къ несчастью моему, никогда и не слыхалъ про такое диво. Одинъ изъ пассажировъ таки-нашелся и указалъ мнѣ. Орелъ какъ бы отпечатанъ надъ городомъ, на полугорѣ изъ бѣлаго камня. Такъ

Digitized by Google

вотъ, чтобы изобразить орла, траву и землю, гдѣ слѣдуетъ, расчистили, и бѣлый двуглавый орелъ далеко виденъ. Въ народѣ же здѣсь сложилось такое повѣрье, что-де батюшка-царь нашъ, ѣхалъ, ѣхалъ, и какъ доѣхалъ до здѣшняго мѣста, такъ и сказалъ: „Дальше ѣхать не надо! до этого мѣста все моя земля идетъ, а дальше—китайская!"—и печать свою приложилъ. Вотъ для чего и орелъ въ скалѣ высѣченъ.

Посьетъ красиво раскинулся на берегу. Мѣстечко прехорошенькое. По близости живутъ корейцы, которые снабжаютъ горожанъ разною провизіей, овощами, рыбой и т. п. Мнѣ очень понравились здѣшнія устрицы, совершенно непохожія на наши черноморскія. Это какъ бы большіе известковые куски, состоящіе изъ нѣсколькихъ раковинъ. Открывать ихъ очень трудно. Непремѣнно порѣжешь руки.

Сажусь въ тарантасъ и ѣду въ мѣстечко Новокіевское, которое было въ 12-ти верстахъ. Новокіевское тоже обстроено прекрасно и издали кажется чистенькимъ, хорошенькимъ городкомъ. Постройки все каменныя, съ желѣзными крышами. Лучшій домъ въ два этажа, съ обширнымъ, тѣнистымъ садомъ, здѣшняго пограничнаго коммиссара. Онъ виденъ издалека. Начальникъ гарнизона здѣсь былъ молодой поручикъ, бравый, расторопный блондинъ. Несмотря на свои еще очень молодые годы, онъ отлично распоряжался.

— Вы переночуйте у меня, полковникъ. Завтра капитанъ Б. тоже ѣдетъ въ Хунчунъ; вмѣстѣ и поѣдете,—объяснялъ онъ. —Такъ я и сдѣлалъ. Утромъ, отъ нечего-дѣлать, идемъ съ нимъ осматривать городокъ.

— Знаете что? будемъ у китайцевъ обѣдать. Здѣсь есть хорошій ресторанъ. Я частенько обѣдаю тамъ,—предлагаетъ поручикъ.

— Отлично! очень радъ,—говорю.

— Ну, такъ надо послать предупредить, чтобы обѣдъ былъ готовъ къ 12-ти часамъ. Заходитъ въ лавку, пишетъ кому-то записку и возвращается.

— А теперь пойдемте, покажу вамъ хунхуза-китайца, который наводилъ страхъ на нашихъ корейцевъ. Грабилъ и убивалъ ихъ. Онъ сидитъ у насъ въ арестантской,—говоритъ поручикъ. Я бѣгу за фотографическимъ аппаратомъ, и затѣмъ мы направляемся къ небольшому каменному домику съ желѣзными рѣшотками. Это была гауптвахта. Караулъ, завидя насъ, выстроивается. Старшій подходитъ ко мнѣ и рапортуетъ.

— А ну-ка, выведи хунхуза. Покажи его намъ!—приказы-

Digitized by Google

ваетъ начальникъ. Черезъ минуту, солдаты выводятъ молодого парня въ рубахѣ и шароварахъ. Онъ съ трудомъ передвигалъ ноги, скованныя кандалами. Волоса черные, косматые. Глаза маленькіе, быстрые, съ безпокойствомъ посматривали по сторонамъ.

Беру аппаратъ и снимаю. Хунхуза уводятъ обратно.

— Вѣдь вотъ этакая гадина одна приводила въ ужасъ цѣлыя деревни. Корейцы страшные трусы, и по первому требованію приносили ему все, что онъ приказывалъ.

— Ну, что же ему будетъ?—спрашиваю.

— Еще не судили!—вѣроятно, повѣсятъ.

Направляемся обѣдать. Входимъ во дворъ маленькаго дома. Десятка полтора китайцевъ занято разной работой. Кто плотничалъ, кто копался въ землѣ, кто дрова кололъ. Насъ встрѣчаетъ молодой, красивый китаецъ, въ черной куртѣ, и ведетъ въ особое помѣщеніе. Это была небольшая комната, очень уютная. Вдоль стѣнъ устроены какъ бы широкія лежанки, покрытыя циновками. Лежанки зимой отапливаются снаружи дома и называются „каны". Кана—необходимая принадлежность каждаго китайскаго дома. Она замѣняетъ имъ и стулъ, и постель, и въ то же время служитъ печью. Осматриваюсь. Здѣсь каждый шагъ для меня полонъ интереса. Посреди комнаты стоялъ хорошенькій красный столикъ. Хозяинъ накрываетъ его скатертью, и затѣмъ начинаетъ подавать разныя кушанья въ фарфоровыхъ чашечкахъ. Въ видѣ приправы были поданы соя и уксусъ. Хлѣбъ поданъ былъ въ родѣ нашей просфоры, въ круглыхъ шарикахъ и совершенно безъ соли. Первое кушанье была капуста, похожая на нашу цвѣтную. Второе—огурецъ, нарѣзанный маленькими кусочками. Третье—жареная курица, тоже нарѣзанная кусочками. Вообще, все мясное подавалось крошенное безъ костей. Китайцы не употребляютъ за ѣдою ножей. Четвертое—винегретъ. Пятое—вареная свинина, нѣсколько поджаренная. Шестое—въ одномъ блюдѣ жареная свинина, затѣмъ трепанга—морская водоросль и морская капуста. Седьмое—жареная свинина, нарѣзанная тонкими ломтиками. Восьмое—вареная свинина съ соусомъ. Девятое—трепанги съ соусомъ. Десятое—крабъ. Одиннадцатое—грибы. Двѣнадцатое—рубленая свинина въ видѣ котлетъ и тринадцатое—свиной супъ, особенно вкусный. Всего этого я поѣлъ съ удовольствіемъ. Жаль только, что, не будучи предупрежденъ о такомъ количествѣ блюдъ, я сразу же налегъ на первыя кушанья, такъ что до послѣдующихъ едва-едва могъ прикоснуться. Между тѣмъ всѣ кушанья были превкусно приготовлены.

Digitized by Google

Чуть показалось солнце, я уже былъ на ногахъ. Посылаю солдата на станцію, торопить лошадей. Вскорѣ подъѣзжаетъ повозка Б—скаго, а за ней является и онъ самъ. А вотъ и почтовый тарантасъ. Сажусь съ нимъ въ одинъ экипажъ. Въ другой усаживаются наши деньщики, и мы трогаемся.

Терентій Данилычъ—такъ звали Б—скаго—былъ преинтересный спутникъ. Небольшого роста, худощавый, усатый, очень подвижной, онъ ни минуты не молчалъ, все разсказывалъ. Голосъ имѣлъ грубый, басистый. Разговоръ шелъ больше о штурмѣ Хунчуна, въ которомъ онъ участвовалъ.

— Вѣдь вотъ тоже Козловскій!—сердито бурчитъ онъ себѣ подъ носъ, не глядя на меня, откинувшись туловищемъ на спинку тарантаса.—Кричитъ начальнику охотничьей команды: „Покажите, поручикъ, примѣръ, какъ надо брать фанзы!“—и при этомъ онъ дребезжащимъ голосомъ передразниваетъ Козловска о. А тотъ, сдуру, и бросился прямо лбомъ въ двери. Тутъ его тремя пулями и уложили, да и вахмистра ухлопали, да и еще шесть казаковъ. Эхъ, какой вахмистръ былъ молодчина! Жаль очень! — восклицаетъ разсказчикъ и грустно качаетъ головой.

— И зачѣмъ было въ лобъ брать? Суньси-ка самъ, такъ и узналъ бы!—злобно продолжаетъ ворчать онъ.—Стоило только велѣть артиллеріи обстрѣлять фанзу,—всѣ бы китайцы разбѣжались. А то смотрите, сколько народу ухлопали. А все генеральный штабъ!—Б—скій не любилъ генеральнаго штаба.

— Это когда же случилось? Еще до взятія Хунчуна?

— Куда!—еще и рѣки не переходили. Да вотъ ужо подъѣдемъ, такъ я покажу вамъ эту фанзу.

Дорога идетъ довольно сносная, хотя послѣ дождя почву сильно разгрязнило. Мы обгоняемъ и встрѣчаемъ множество корейскихъ подводъ на быкахъ. Быки хотя и не особенно велики, но чрезвычайно сильно сложены и выдрессированы превосходно. Подводы двухколесныя. Сами корейцы одѣты крайне оригинально. Бѣлые балахоны. На головѣ бѣлая же кисейная шляпа съ большими полями. Коса зачесана въ комокъ и завязана на затылкѣ плетешкомъ. Корейцы, какъ и китайцы, всѣ брюнеты. Вотъ цѣлая толпа ихъ,—правятъ дорогу на Хунчунъ. Работаютъ лѣниво, до смѣшного. Вотъ одинъ рабочій толкаетъ ногой заступъ въ землю. Двое товарищей, привязавши веревки, тянутъ и этимъ самымъ стараются облегчить работу. Почва—черноземъ, перемѣшанная съ глиной и безъ того рыхлая. Земли же подымаютъ на лопатѣ не больше горсточки.

Подъѣзжаемъ къ русскому Хунчуну. Виднѣются довольно

Digitized by Google

сносный деревянный домъ для проѣзжающихъ и нѣсколько другихъ построекъ. По близости заложены какіе-то кирпичные фундаменты. Валяются заготовленныя бревна и т. п. Отсюда всего нѣсколько верстъ до границы. Покормили лошадей, закусили и ѣдемъ дальше. Я тороплюсь. Мнѣ страстно хочется поскорѣе попасть въ Китай. Вотъ и граница. Наконецъ-то я въ Китаѣ. Почему-то думается, что сейчасъ природа должна перемѣниться. Ничуть не бывало. Идутъ все тѣ же горы, долины, покрытыя зеленью, виднѣются рощи.

— Вотъ видите, у дороги, влѣво, фанза! тамъ казаки-то и пострадали! — объясняетъ Б—скій. — Отсюда и стрѣляли по намъ. Ну, да зато ни одинъ изъ нихъ не ушелъ,—всѣхъ перекололи. А вотъ вправо—импань, въ которой погибъ командиръ батареи Постниковъ. Вонъ и кресты стоятъ! сколько ихъ? шесть крестовъ, кажись!—и онъ считаетъ.

— Постойте, пожалуйста! Позвольте выйти и посмотрѣть это мѣсто! — прошу я. Останавливаемся и выходимъ изъ экипажа. Поднимаюсь нѣсколько въ гору и вижу четвероугольникъ, саженей 50 въ квадратѣ, обнесенный невысокой глиняной стѣной, мѣстами разрушенный. Это и была злосчастная импань.

— Когда мы подошли сюда, китайцы и давай стрѣлять по нашимъ. А Постниковъ сѣлъ верхомъ на орудіе, да маршъ-маршемъ и вкатилъ въ самую импань! Въ это время наши солдаты, подъ командой капитана Дроздова, бросились зажигать самую фанзу, гдѣ засѣлъ непріятель. Только она запылала, какъ на огонь, съ непріятельскаго форта, бухъ граната!—разрывается и осколками смертельно ранитъ Постникова!—Такъ разсказывалъ мнѣ мой Терентій Данилычъ. Подходимъ къ импани. Шаговъ тридцать не доходя, лежатъ незарытыя тѣла китайцевъ. Ихъ я насчиталъ тутъ десятка два. Бѣлые черепа, объѣденные, должно быть, собаками или другими животными, рѣзко выдѣлялись изъ общей массы труповъ. Меня тянуло въ самую импань. Вхожу туда. Обширный дворъ весь заваленъ всякой рухлядью: досками, корзинами, обгорѣлыми бревнами, кирпичомъ и разной китайской одеждой.

— Вотъ здѣсь и былъ убитъ Постниковъ!—объясняетъ Михаилъ Даниловичъ. — Стою, смотрю на всю эту мрачную картину, и меня начинаетъ пробирать какая-то нервная дрожь. Черепа скалятъ зубы. Изъ земли торчитъ полуобъѣденная блѣдная рука. Кругомъ валяются синія и желтыя китайскія куртки съ надписями. „Вѣдь какъ ни говори,—думалось мнѣ,—а мы въ непріятельской странѣ. Китайскія войска не перебиты, не уни-

Digitized by Google

чтожены, а только бѣжали. Слѣдовательно, они въ каждую минуту могутъ появиться тамъ, гдѣ ихъ и не ожидаешь. Изъ-за каждой горы, изъ-за каждой рощи могутъ на насъ напасть, и моя голова будетъ также валяться, какъ и эти". Съ непріятнымъ чувствомъ покидаю импань, и мы ѣдемъ дальше. Горы кончаются,—выѣзжаемъ на открытую равнину.

— Видите вправо?—это темнѣетъ сѣверный фортъ, а лѣвѣе будетъ южный,—продолжаетъ разсказывать мой спутникъ.—Я, какъ ни смотрю, ничего не могу разобрать.

— Вонъ Хунчунъ! Вонъ и лагерь нашъ бѣлѣетъ,—тамъ на горѣ! — и онъ рукою указываетъ направленіе. Вдали, на горизонтѣ, въ густой зелени, дѣйствительно виднѣлись какія-то постройки. За ними на горѣ бѣлѣли наши палатки. Мы все ближе подъѣзжаемъ къ Хунчуну. Минуемъ красивую китайскую маленькую часовеньку. Я любуюсь, какъ она выстроена. Точно игрушка! Какъ правильны стѣны! Какая узорчатая крыша, выложенная черепицей! Заглядѣнье, да и только! Но останавливаться и разсматривать ее — не время. Солнце садилось, и надо было спѣшить. Да притомъ же, мнѣ помнилась телеграмма, въ которой говорилось, что китайцы стрѣляютъ изъ хлѣбовъ и канавъ. Поэтому не лишнее быть осторожнымъ. Подъѣзжаемъ къ рѣкѣ Хунчункѣ. Черезъ нее ходитъ паромъ. Нѣсколько солдатъ живо переправили насъ на другой берегъ. Передо мной возвышалась какая-то башня, чудной красоты, а дальше тянулись стѣны. Интересъ увидѣть все это поближе, что̀ тамъ кроется за стѣнами, достигаетъ во мнѣ крайней степени. Даже и опасность всякая забыта.—Пошелъ, пошелъ скорѣй!—кричу ямщику. Дорога идетъ влѣво отъ города. Сначала тянется густая аллея изъ старыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ, очень почтенная. Сквозь нее начинаютъ проглядывать городскія стѣны. А вотъ и еще башня. Внизу—полукруглыя ворота. Замѣчательно, какъ эти стѣны, ворота, да и самая башня напоминали мнѣ нашъ московскій Кремль. Ѣдемъ вдоль стѣнъ, какъ въ старину называлось у насъ—пригородомъ. Что̀ дальше, то интереснѣе. Вотъ виднѣется прелестная кумирня. Крыша лодочкой, съ красиво загнутыми кверху концами. Передъ кумирней возвышаются стройныя колонны, съ металлическими верхушками. Подъ самымъ верхомъ устроены ящики въ родѣ голубятенъ. И все это изукрашено рѣзьбой очень красиво. Чѣмъ дальше ѣдемъ, тѣмъ больше восторгаюсь. „А что-то тамъ въ городѣ увижу?"—думалось мнѣ. Но вскорѣ предстояло большое разочарованіе. Въ одномъ мѣстѣ стѣна обрушилась, и я вижу однѣ развалины. Приподнимаюсь въ

Digitized by Google

тарантасѣ, смотрю—однѣ трубы торчатъ да обгорѣлыя бревна. Плохо дѣло, думаю. Должно быть, наши здѣсь порядочно поработали. Да и Ч. доноситъ со словъ коммиссара, что городъ сгорѣлъ. Но неужели же весь сгорѣлъ, такъ что и посмотрѣть не на что будетъ? И вотъ, разсуждая про себя такимъ образомъ, подъѣзжаемъ къ лагерю. Удивительное дѣло! Какъ только еще издали завидѣлъ я лагерь, такъ меня охватило именно то самое, давно забытое чувство, которое я испытывалъ въ турецкомъ и текинскомъ походѣ, когда возвращался изъ дальняго разъѣзда. Разомъ почувствовалъ и спокойствіе, и увѣренность за свое существованіе. Происходило это, конечно, изъ того сознанія, что здѣсь собралась наша сила, и она не дастъ меня въ обиду. А между тѣмъ, отойди только въ сторону двѣ, три версты—и пропалъ человѣкъ. Китайцы не сострадательны. Непремѣнно изловятъ и поджарятъ живого на огнѣ. Примѣровъ тому, какъ я слышалъ, было не мало. Окрестности Хунчуна кишѣли въ то время хунхузами и разсѣявшимися китайскими войсками.

IX. — Хунчунъ.

Солнце было уже на закатѣ, когда мы подъѣхали къ лагерю. Онъ представлялъ живописную картину. Внизу, у подножія горы, на плоскости, размѣстились госпиталь, обозъ и кухни. Подходило время уборки лошадей и ужина. Изъ кухонь подымались дымки, слышалось ржаніе лошадей и людской говоръ. Горнисты и музыканты, пріютившись гдѣ-то на холодкѣ, наигрывали въ свои инструменты. Въ кузницахъ ковали лошадей; раздавался лязгъ молотка о желѣзо. Солдатскія фигуры въ бѣлыхъ рубахахъ то показывались изъ палатокъ, то пропадали. Выше, на полугорѣ, на правомъ флангѣ виднѣлись орудія. То стояла 6-ая горная батарея. Пониже орудій темнѣли ряды привязанныхъ у коновязей лошадей. Въ самомъ центрѣ лагеря сосредоточилась пѣхота, восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ. Длинные ряды палатокъ вытянулись какъ по линейкѣ. Среди лагеря на площадкѣ выдѣлялась просторная палатка командира полка. Рядомъ—полковое знамя и тутъ же чернѣлъ полковой ящикъ. При нихъ—часовой съ ружьемъ. Хотя я первый разъ тутъ, но все это мнѣ какъ будто уже заранѣе извѣстно. Дальше, на самой горѣ, на лѣвомъ флангѣ виднѣлась кавалерія. Вонъ кто-то вскакиваетъ на коня, еще двухъ береть въ поводъ и ѣдетъ на водо-

Digitized by Google

пой. По посадкѣ и ухваткѣ я сразу узнаю казака. Здѣсь стояла казачья сотня.

Выходимъ изъ тарантаса и направляемся къ палаткѣ, какъ разъ возлѣ палатки командира полка, полковника Орлова. Оставляю свои вещи, немного очищаюсь отъ пыли, надѣваю шарфъ, шашку и иду являться Орлову. Это былъ видный мужчина лѣтъ сорока, съ окладистой бородкой. Въ походѣ знакомятся быстро. Я объяснилъ ему цѣль моего пріѣзда, и затѣмъ мы отправились вмѣстѣ въ офицерскую столовую. Здѣсь я знакомлюсь разомъ чуть не со всѣми офицерами отряда. Народъ оказался все такой милый, любезный, что я почувствовалъ себя какъ дома. Въ особенности понравился мнѣ нѣкто Василій Ѳомичъ, штабсъ-капитанъ. Чѣмъ ужъ онъ завѣдывалъ тутъ, теперь не помню. Мы очень скоро подружились съ нимъ. Это былъ толстый, что называется, ражій мужчина, лѣтъ подъ-пятьдесятъ. Носилъ длинные волосы, которые безпрестанно приглаживалъ рукой кверху, маленькую бородку и пенснэ. Палатка его стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей.

Стемнѣло. Въ воздухѣ повѣяло сыростью. Ароматъ травъ удивительный. Горнистъ играетъ повѣстку. На горѣ неясно очерчиваются силуэты музыкантовъ. Раздаются стройные, гармоничные звуки „Коль славенъ“. Солдаты выстраиваются передъ палатками.

„Отче нашъ!“—доносится до моихъ ушей монотонное пѣніе. И гдѣ, гдѣ только не слышалъ я этой молитвы въ устахъ нашихъ солдатъ! И на Дунаѣ, и на берегахъ Мраморнаго моря, и на Кушкѣ. Теперь—на берегахъ Хунчунки, недалеко отъ Тихаго океана. А вѣдь навѣрное по близости гдѣ-нибудь въ хлѣбахъ и канавахъ сидятъ китайцы и слышатъ наше пѣніе и музыку. Какое-то оно производитъ на нихъ впечатлѣніе? — думалось мнѣ.

— Накройсь!

Лагерь стихаетъ.

Солнечные лучи едва мелькаютъ изъ-за горъ и любовно озаряютъ окрестности. Съ вечера мы уговорились съ Василіемъ Ѳомичемъ рано утромъ ѣхать въ городъ, осматривать, что отъ него осталось и какіе сдѣланы хлѣбные запасы нашимъ интендантомъ, присланнымъ сюда изъ округа. Б—скій еще спитъ. Онъ укутался отъ мухъ одѣяломъ съ головой и даже признаковъ жизни не подаетъ. Удивительно, какъ можно спать, закрывшись такимъ образомъ, что и таракану негдѣ пролѣзть. Палатка просторная, свѣтлая. Держится на высокой деревянной

Digitized by Google

стойкѣ. Я лежу и смотрю на лагерь. Вчера въ потемкахъ трудно было что-либо разглядѣть. Вонъ, внизу виднѣется обширная площадь съ высокими стѣнами. На ней развѣвается нашъ флагъ. Вѣроятно, тамъ какая-нибудь часть стоитъ. Артиллерія повела лошадей на водопой. Густая пыль поднялась отъ сотенъ ногъ. Солдаты, кто въ рубахахъ, а кто въ шинеляхъ, умываются, что-то хлопочутъ около палатокъ. Слышатся голоса и смѣхъ. Лагерь оживаетъ. Кухни затапливаются, дымки стелются по лагерю. Черезъ палатку отъ меня чей-то деньщикъ спѣшитъ съ самоваромъ въ рукахъ и съ чайникомъ на канфоркѣ.

— Ми-тень-ка!—слышу голосъ Василія Ѳомича. Смотрю, къ нему въ палатку юркаетъ одутловатый, заспанный солдатъ, въ розовой ситцевой рубахѣ, заправленной въ черные шаровары. Впослѣдствіи возгласъ этотъ сталъ меня раздражать. Митенька этотъ далеко не заслуживалъ такого нѣжнаго имени. Онъ порядочно-таки грубилъ своему барину, частенько спалъ на его постели, мылся его мыломъ, чесался его гребенкой и вообще былъ очень нецеремоненъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ мнѣ мой Иванъ. Вскакиваю съ постели и одѣваюсь. Иванъ уже давно дожидался меня, подать умыться. Пока пилъ чай, смотрю, и лошадей привели. Спутнику моему—его сѣраго тяжелаго пѣхотнаго коня, а мнѣ—лошадь убитаго казачьяго вахмистра. Она оказалась съ очень хорошимъ шагомъ, такъ что пока я былъ въ Хунчунѣ, все на ней и ѣздилъ. Въ сопровожденіи двухъ казаковъ спускаемся съ горки къ городу. Хотя я и зналъ, что городъ сгорѣлъ, но все-таки лелѣялъ надежду, авось хотя малая частица его уцѣлѣла, дабы имѣть понятіе, что̀ такое китайскій городъ. Сейчасъ за лагеремъ начались поля, засѣянныя чумидзой. Это—замѣчательное растеніе. Колосъ его вершка три длиной, но я видѣлъ и въ четверть аршина, круглый, пушистый, съ мелкими желтоватыми зернами. Плодлива чумидза до чрезвычайности. Помню, ѣхалъ я позже осенью въ Гиринъ, вмѣстѣ съ управляющимъ отдѣленіемъ русско-китайскаго банка, англичаниномъ Кемпбелемъ. И вздумали мы, скуки ради, сосчитать, сколько зеренъ въ колосѣ чумидзы. Сорвали одинъ, считали, считали, досчитали до трехъ тысячъ, да такъ и бросили, —надоѣло. Каша изъ нея превкусная. Хотя наши солдаты и отворачивались отъ нея, предпочитая гречневую, но я съ удовольствіемъ ее ѣлъ. Она очень похожа на нашу пшенную. И такъ мы ѣдемъ полемъ чумидзы. Обработано оно превосходно. Хлѣбъ чистъ, безъ всякой соринки, ровный, вышиною аршина два. Мѣстами чумидза уже поспѣла. Колосья начинали свѣшивать свои головы.—А это что̀

Digitized by Google

за растеніе такое?“ Вчера въ темнотѣ я не обратилъ на него вниманія. Вышиной оно .сажени полторы. Казакъ съ лошадью легко въ этомъ хлѣбѣ спрячется.

— Василій Ѳомичъ!—кричу я:—что это за растеніе?

— Это—каулянъ,—отвѣчаетъ онъ.—Изъ него китайцы гонятъ водку. Ну, и въ кормъ лошадямъ тоже идетъ.

Разсматриваю его. Колосомъ онъ походитъ на наше просо, только гораздо больше, темнѣе и крупнѣе. Стебель похожъ на кукурузный. Такой же твердый, грубый, но выше. — Въ этомъ каулянѣ,—думается мнѣ,—отлично можно прятаться. Хоть цѣлая дивизія заберись, такъ и то не замѣтишь. Вправо, за полями, виднѣлись фанзы и красивыя импани, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія отъ погрома. Ихъ домики, съ вычурными черепичными крышами, красиво выглядывали изъ-за стѣнъ. Кое-гдѣ виднѣлись маленькія часовни-кумирни и надгробные памятники. А вотъ и городъ. Но, увы, однѣ развалины. Города нѣтъ. Можетъ, дальше будетъ. Лошади осторожно ступаютъ черезъ обгорѣлыя бревна, кирпичи, камни, разные куски желѣза, крючья, горшки и всевозможныя домашнія принадлежности хозяйства. Вдоль дороги по обѣ стороны тянутся обгорѣлые остовы домовъ. Мѣстами же отъ нихъ и слѣдовъ не осталось. Хозяину трудно будетъ найти свои владѣнія. Пока глазъ хватаетъ, чернѣютъ трубы и трубы. Вотъ уже мы съ версту проѣхали, но я еще не могу себѣ представить, что такое китайскій городъ.

— Боже, что тутъ творится! — невольно восклицаю. —И вспомнились мнѣ въ эту минуту развалины древняго Серахса, которыя я, за годъ передъ тѣмъ, видѣлъ въ Закаспійскомъ краѣ. Смотрѣлъ на нихъ тогда, любовался на оставшіеся кое-гдѣ узорчатые роскошные изразцы и кирпичики и дивился жестокости и безсердечности завоевателя, который истребилъ цѣлое населеніе и навѣки превратилъ цвѣтущую страну въ пустыню. Далеко ли же мы ушли отъ этихъ варваровъ! Прошли тысячелѣтія, а человѣкъ-то, видно, все тѣмъ же звѣремъ остался.

— А вотъ здѣсь подвалъ на дняхъ нашли! сколько разныхъ товаровъ оказалось тамъ,—просто ужасъ! Я все велѣлъ въ интендантскій складъ отправить! —оживленно разсказываетъ Василій Ѳомичъ и останавливается около глубокой ямы, со сводами. Кругомъ ямы валялись разные обрывки матерій, тесемки, пояса, коробочки, китайскія шапки, башмаки, шнурки и разная мелочь. Ѣдемъ дальше. Куда ни взглянешь—валяются котлы, жестянки, цѣлыя груды соли, прессованныхъ бобовъ, идущихъ въ кормъ лошадямъ, обмолотой чумидзы, кауляну. Мѣстами еще дымились

Digitized by Google

пожары, и ѣдкая гарь щекотала наше обоняніе. Повсюду виднѣлась мѣдная, желѣзная и фарфоровая посуда. Нѣкоторыя чашечки такъ и просились на дамскій туалетъ.

— А свиней-то, свиней сколько бѣгаетъ, просто страхъ! Вишь все какія черныя, остроpылыя! Что кабаны дикіе!—восклицаетъ штабсъ-капитанъ и машетъ на нихъ шашкой.

— Василій Ѳомичъ! Смотрите, какая прелестная чашка!—восклицаю я.

— Это что! дальше лучше найдемъ. Я знаю мѣсто. Тамъ я видѣлъ хорошія чашки; потомъ покажу вамъ! — не оборачиваясь, съ увѣренностью кричитъ онъ. Между тѣмъ, подъ ногами лошадей такъ и хрустятъ разныя издѣлія изъ глины, фарфора, дерева, чугуна.

Подъѣзжаемъ къ городскимъ воротамъ. Онѣ остались въ полной неприкосновенности. Это была высокая толстая арка изъ кирпича, безъ дверей. Надъ аркой красовалась башня съ легкой красивой черепичной крышей, съ разными украшеніями и колокольчиками по угламъ. Колокольчики отъ вѣтра издавали пріятный звонъ. Замѣчательно, какъ эти арки опять напомнили мнѣ Кремль. Совершенно тотъ же типъ. Въ одномъ мѣстѣ я даже и двери нашелъ точь въ точь такія, какія видѣлъ въ Москвѣ, черныя, покрытыя желѣзомъ и изукрашенныя шляпками отъ гвоздей. У воротъ стояли наши часовые. Возлѣ нихъ лежатъ въ сторонѣ кое-какія китайскія вещи, очевидно выбранныя получше: шолковый черный халатъ; кусокъ бѣлой бязи и два фарфоровыхъ блюдца. Только-что отъѣхали мы отъ воротъ, какъ лошадь Василія Ѳомича бросается въ сторону, а изъ-за обвалившейся стѣны одной фанзы пускаются бѣжать во всѣ лопатки два корейца съ мѣшками за спиной.

— Лови, лови ихъ! держи!—кричитъ мой штабсъ-капитанъ. Казаки бросаются догонять. Черныя головы бѣглецовъ, съ завязанными въ пучки волосами на затылкѣ, такъ и мелькали между обгорѣлыми домами. Нагнать ихъ было трудно. Они, какъ кошки, прыгали черезъ развалины, ямы и стѣны. Конным казакамъ туда и попасть было невозможно. Такъ они и удрали.

— Ловить ихъ, драть ихъ!—сердито кричитъ часовымъ Василій Ѳомичъ. Пенснэ свалилось у него съ носа; фуражка съѣхала на затылокъ

Подъѣзжаемъ къ изящнымъ китайскимъ постройкамъ. Я въ восторгѣ. Наконецъ-то нахожу то, чего ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ! Это былъ дворецъ хунчунскаго фудутуна. Онъ хотя и порядочно пострадалъ, но стѣны сохранились. Слѣзаемъ съ

Digitized by Google

лошадей и идемъ въ ворота. Онѣ поддерживаются прочными деревянными колоннами, упертыми въ камни, дабы не гнили. Этотъ способъ установки колоннъ я замѣтилъ повсюду въ Китаѣ. Китаецъ крайне разсчетливъ и хорошо понимаетъ, что лучше ему лишне потрудиться, израсходоваться сразу, чѣмъ дать бревну сгнить и затѣмъ замѣнять его новымъ. Ворота и колонны обложены раззолоченными и раскрашенными рѣзными надписями. Наверху всѣ пилястры и фронтоны тоже отдѣланы такимъ же манеромъ. Нѣкоторыя украшенія такъ хороши, рѣзьба такъ тонка, что такъ и тянуло снять ихъ и отправить въ наши столичные музеи. Входимъ во дворъ. Онъ—квадратный. Кругомъ изящныя фанзы. Стѣны изъ обожженнаго сѣраго кирпича. Крыши всѣ на одинъ ладъ, черепичныя, съ тѣми же самыми вычурными украшеніями въ видѣ собачекъ, драконовъ и другихъ животныхъ. По стѣнамъ виднѣются барельефы, изображающіе людей, животныхъ и даже цѣлые пейзажи. Дворъ вымощенъ камнемъ, прочно и красиво. Проходимъ во второй дворъ, и я въ удивленіи останавливаюсь. Хаосъ царилъ тутъ невообразимый. Передо мною—прелестная кумирня, со своей въ высшей степени оригинальной крышей, башенками, колоннами и всевозможными раззолоченными и раскрашенными украшеніями. Вхожу въ нее и—о, ужасъ!—множество глиняныхъ боговъ, тоже раззолоченныхъ и раскрашенныхъ, валялось на полу, перевернутыми кверху ногами. Головы, руки, ноги — поотломаны. Лица изуродованы. Столы повывернуты, даже самый полъ выломанъ. Видимо, здѣсь искали зарытыхъ кладовъ. Кумирня дѣлилась на двѣ части. Въ одной изъ нихъ я, къ великому удовольствію, нашелъ трехъ идоловъ, довольно сохранившихся, хотя лица ихъ и пострадали. У меня былъ фотографическій аппаратъ съ собой, а потому я снялъ ихъ. Идемъ дальше въ послѣднее отдѣленіе. Опять ворота, очень красивыя. Опять такой же хорошенькій дворикъ. Здѣсь я нашелъ нѣсколько просторныхъ комнатъ. Направо, какъ мнѣ сказали, помѣщался самъ фудутунъ, а рядомъ, должно быть,—его жены, такъ какъ здѣсь валялись принадлежности женскаго туалета: гребенки, ножницы, женскіе башмаки, курмы, платки и разныя тряпки. Влѣво же находилась библіотека фудутуна и его канцелярія. Въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ лежали кучи китайскихъ книгъ, печатанныхъ на тоненькой желтоватой бумагѣ. Тутъ же я поднялъ нѣсколько писемъ, за печатью нашего пограничнаго коммиссара Смирнова изъ Новокіевскаго. Мы ходимъ съ Василіемъ Ѳомичемъ изъ комнаты въ комнату и все тщательно осматриваемъ. Я смотрю на

Digitized by Google

все это впервые, съ лихорадочнымъ интересомъ. Тутъ для меня что ни шагъ, то удивленіе.—Это зачѣмъ? Это почему? Что̀ это за штука?—кричу безпрестанно. Спутникъ все объясняетъ мнѣ. Онъ уже все осмотрѣлъ это раньше и разспросилъ черезъ переводчика. И чего, чего только не валялось здѣсь! Очевидно, наши застали жителей врасплохъ. Какъ все лежало на полкахъ и въ сундукахъ, такъ все и осталось. Даже пища въ котлахъ была недоѣденная.

Изъ дворца фудутуна идемъ къ нашему интенданту. Онъ помѣщался недалеко, въ небольшомъ домѣ, съ отдѣльнымъ дворомъ, въ трехъ свѣтлыхъ комнатахъ, съ широкими канами. Мнѣ въ особенности понравились шкафы по стѣнамъ, красные съ золотомъ съ оригинальными замками и ручками, очень интересные. Шкафы были уже наполнены разнымъ китайскимъ добромъ, преимущественно фарфоромъ, собраннымъ по обгорѣлому городу. Двѣ чашки были съ превосходными рисунками. Въ это время входитъ самъ интендантъ, средняго роста, блондинъ, съ небольшой бородкой. Онъ имѣлъ озабоченный видъ. Мы здороваемся.

— Ну что̀, какъ у васъ идутъ дѣла?—спрашиваетъ Василій Ѳомичъ.

— Да ничего, капитанъ! Поправляемся помаленьку,—отвѣчаетъ тотъ. — Только, вотъ, никакъ нельзя корейцевъ нанять убирать чумидзу. Не идутъ. Боятся. Недавно тутъ китайцы двоихъ застрѣлили. Остальные ни за что не идутъ. Ужъ я имъ и цѣны прибавилъ. Вотъ ежели бы отъ вашего полка конвой дали, такъ другое дѣло! Я телеграфировалъ въ Хабаровскъ; не знаю, что̀ отвѣтятъ.

Иду въ сосѣднюю комнату. Тутъ помѣщался вахтеръ.

Казалось бы, интендантскому вахтеру слѣдовало бы толстымъ быть. Этотъ же, напротивъ, былъ тощъ какъ смерть. Черноватый, съ маленькой бородкой и сиплымъ голосомъ. На столѣ у него лежали двѣ прелестныя камышевыя трубки для куренія опіума, отдѣланныя серебромъ и эмалью.

— Это чьи трубки?—спрашиваю его.

— Да здѣсь въ складахъ нашелъ!—сипло отвѣчаетъ онъ.

— Эхъ, какая прелесть!

— Господинъ интендантъ, это ваши трубки?—спрашиваю.

— Никакъ нѣтъ! Это, должно быть, фудутуна! Въ складахъ нашли. Ежели угодно, возьмите ихъ!

Я беру трубки, кричу своего казака и передаю ихъ, наказывая беречь пуще глаза. Переговоривъ съ интендантомъ, от-

Digitized by Google

правляемся осматривать запасы хлѣба. Оказывается, имъ свезено изъ разныхъ частей города сюда въ склады фудутуна нѣсколько десятковъ тысячъ отличной чумидзы, кауляну, бобовъ и разныхъ другихъ хлѣбовъ, совершенно какъ къ себѣ домой. Все это было аккуратно ссыпано въ засѣки, свѣшано и записано. Кромѣ того, еще надѣялись снять съ полей, при помощи корейцевъ, не одну сотню тысячъ пудовъ хлѣба. Входимъ на интендантскій дворъ. Невольно останавливаюсь и смотрю кругомъ съ величайшимъ интересомъ. Никакъ нельзя было подумать, что находишься въ непріятельскомъ городѣ, а скорѣе на обжорномъ рынкѣ въ Москвѣ. Повсюду виднѣлись кухонные очаги, и на нихъ солдаты кипятили на подставкахъ котелки. Варились каши,—и гречневая, и рисовая, и изъ чумидзы. Рядомъ щипали фазановъ, пекли хлѣбы, лепешки. Вонъ, по близости, рабочіе-корейцы палятъ свинью. Она вся почернѣла. Жиръ такъ и сочится изъ нея. Наши солдаты въ Хунчунѣ до свинины не дотрагивались, такъ какъ замѣчено было, что тѣ жрали людскіе трупы. Неподалеку въ уголку сидятъ рабочіе китайцы въ синихъ курткахъ и своими длинными тонкими палочками апетитно уписываютъ морскую капусту. Они, повидимому, забыли и думать о войнѣ. Работаютъ себѣ, получаютъ деньги—и больше имъ ничего не надо. Такъ, по крайней мѣрѣ, я могъ судить по ихъ спокойнымъ, равнодушнымъ лицамъ.

— А вы аптеку видѣли здѣшнюю?—улыбаясь, спрашиваетъ меня интендантъ.

— Нѣтъ; пожалуйста, покажите!

Мой новый чичероне увѣренной поступью направляется по знакомой ему дорожкѣ, между грудами развалинъ, кирпичей, посуды, разной китайской мебели и всевозможной домашней рухляди. Приходится безпрестанно прыгать черезъ трупы собакъ, свиней; человѣческихъ труповъ не было. Они всѣ были зарыты. Ступать приходилось очень осторожно, такъ какъ еще во многихъ мѣстахъ тлѣли пепелища и нерѣдко раздавались взрывы пороха и патроновъ. Подходимъ къ маленькой, полуразрушенной фанзѣ съ продырявленными бумажными окнами. Стѣны загромождены полками. На нихъ лежатъ вороха разныхъ мѣшечковъ, коробокъ, корзинъ съ травами и снадобьями. Беру, щупаю ихъ, нюхаю и кладу обратно на мѣсто. Много чего перерыли мы и пересмотрѣли. Весь полъ и каны были завалены этими снадобьями. Тутъ же валялись разные котелки и банки для приготовленія лекарствъ. Въ одномъ пакетикѣ я нашелъ морскихъ сушеныхъ коньковъ, четверти полторы длиной. Они представляли собою скелеты

Digitized by Google

и имѣли видъ змѣй, только съ конскими головками. Должно быть, эти коньки тоже растирались и шли на лекарство.

— А тюрьму видѣли?—снова спрашиваетъ меня интендантъ, когда мы вышли изъ аптеки.

— А гдѣ тюрьма?

— А вонъ она, видать, недалеко!

Направляемся туда.

— Что же, и арестанты есть?—спрашиваю дорогой.

— Никакъ нѣтъ! Пустая!—предупредительно отвѣчаетъ нашъ любезный проводникъ. Окна задѣланы деревянными толстыми брусками. Двери окованы желѣзомъ. Входимъ во внутрь помѣщенія. Полумракъ. Двѣ просторныхъ фанзы. Полъ земляной. Грязь повсюду ужасная. Арестантовъ не было. Я ищу какихъ-либо орудій пытокъ, но ничего не нахожу. Поднимаю что-то желѣзное. Подхожу къ окну, вижу ключи отъ дверей, похожіе на наши старинные крѣпостные, съ кривыми бородками. Еще поднимаю что-то,—кандалы ножные вмѣстѣ съ замкомъ. Еще нашелъ ковшъ желѣзный и разбитый котелъ. Кандалы и ключи передаю моему казаку.

Побродивъ еще по тюрьмѣ, прощаемся съ интендантомъ и ѣдемъ обратно въ лагерь. Былъ полдень. Время завтрака. Василій Ѳомичъ отъѣхалъ въ сторону и что-то пристально смотритъ на землю.

— Что тамъ нашли?—кричу ему и подъѣзжаю.

— Должно быть, здѣсь фарфоровая лавка была! Смотрите, все черепки валяются.

Слѣзаемъ съ лошадей и начинаемъ разсматривать. Весь полъ лавки густо застланъ землей, кирпичомъ и угольями. Нѣкоторые еще не остыли и изрѣдка мигали огоньками. Беру большой комокъ скипѣвшагося фарфора.

Тутъ видны обломки ручекъ, какія-то статуэтки, головки и разныя другія мелкія частички. Одну фигурку поднимаю почти нетронутую. Какой-то божокъ, хромой, на костылѣ. Фигурка изъ бѣлаго фарфора, отлично вылѣплена. А вотъ въ углу торчатъ изъ земли чашечки. Цѣлый ассортиментъ. Сначала идетъ большая, потомъ все меньше и меньше, и, наконецъ, послѣдняя величиною съ наперстокъ. Хотя онѣ и не поломаны, но жаръ сильно подѣйствовалъ и краска на нихъ уже обгорѣла. Поэтому брать ихъ не стоитъ. Переходя такъ изъ одной развалины въ другую, вездѣ осматривая, мы незамѣтно пробыли на пожарищѣ довольно долго. Смотрю на часы—два часа.

— Василій Ѳомичъ, пора домой!—кричу я.

Digitized by Google

— Ѣдемъ, ѣдемъ, ѣсть хочется!—сумрачно отвѣчаетъ онъ недовольнымъ тономъ, а самъ между тѣмъ все не можетъ оторваться и все осматриваетъ каждый уголокъ, желая найти что-либо интересное. Но, увы, здѣсь уже до насъ все выхожено солдатами и корейцами. Наконецъ, садимся на лошадей и ѣдемъ. Вотъ и лагерь. Уже всѣ отобѣдали и улеглись спать. Жара сильная. Кругомъ—знакомая мнѣ еще по текинскому походу картина. Палатки снизу приподняты и вѣтерокъ насквозь продуваетъ. Куда ни взглянешь,—видишь раскинувшіяся потныя красныя тѣлеса, едва прикрытыя бѣльемъ. Все спитъ. Слышенъ только легкій храпъ да сопѣнье носомъ. Подъѣзжаю къ своей палаткѣ. Сожитель мой тоже спитъ, закутавшись по обыкновенію отъ мухъ одѣяломъ съ головою. Слѣзаю съ лошади, прячу свое пріобрѣтеніе—трубки, кандалы, ключи отъ тюрьмы, закусываю чѣмъ Богъ послалъ и ложусь спать.....

— Ми-тень-ка, давай-ка ты намъ чего поѣсть!—опять раздается по лагерю спокойный голосъ Василія Ѳомича. Я пришелъ къ нему обѣдать. Митенька является, накрываетъ столъ и подаетъ котелокъ съ борщомъ. Ѣдимъ и разговариваемъ. Въ это время подходитъ солдатъ съ нашивками.

— Тебѣ что?—спрашиваетъ мой пріятель.

— Ваше высокоблагородіе, тутъ солдатикъ вещи принесъ китайскія; прикажете ему явиться?

— А! Давай, давай его сюда!—весело восклицаетъ штабсъ-капитанъ и самодовольно улыбается.

— Это какой же солдатъ?—спрашиваю.

— А это назначенъ полицейскимъ по городу.

Въ палатку входитъ маленькій, худенькій солдатъ съ рыжими усиками, съ мѣшечкомъ въ рукахъ.

— Здорово!

— Здравія желаемъ, ваше высокородіе!

— Ну, показывай!—восклицаетъ Василій Ѳомичъ.

Солдатъ вытряхиваетъ на столъ разныя серебряныя вещи: головныя заколки, браслеты, серьги, перстеньки, пряжки и т. п. Все очень оригинально, красиво выдѣлано, съ разными узорами и рисунками. Серебра тутъ фунта три-четыре.

— Ну, вотъ тебѣ!—Пріятель мой подаетъ солдату три серебряныхъ рубля.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше высокоблагородіе!—восклицаетъ тотъ, круто поворачивается и исчезаетъ.

— Мало вы дали! Смотрите, сколько тутъ добра! — говорю ему.

Digitized by Google

— Вотъ еще баловать ихъ! Вѣдь не покупное! И за это спасибо скажи!—и онъ начинаетъ разбирать покупку.

— Вы желаете взять что-нибудь!—спрашиваетъ онъ.

— А вамъ чего не жалко?—очень довольный, говорю ему.

— Да берите хоть все.

— Ну, вотъ спасибо!—Я возвращаю ему три рубля, и въ восхищеніи уношу покупку къ себѣ въ палатку, гдѣ и предаюсь наединѣ разглядыванію. Что ни вещь, то прелесть. Какъ все сдѣлано! Какъ все облюбовано! Сколько въ каждой вещи вкусу!

— Что, и вы накупили этой китайщины?—вдругъ слышу голосъ Б—скаго. Онъ проснулся. Лицо красное, потное.

— Фу, жарища!—ворчитъ онъ.—Проклятыя мухи спать не даютъ.

— Смотрите, прелесть какая! — говорю ему и показываю серебряную головную шпильку въ видѣ бабочки.

— Да что въ нихъ хорошаго! Все дрянь, эта китайщина!—брезгливо возражаетъ мой милѣйшій Терентій Данилычъ. Онъ—злѣйшій врагъ всякой китайщины.

— И охота вамъ марать руки объ эту мерзость! То ли дѣло чечунча или другая какая шолковая матерія. Да и Ѳомичъ вашъ тоже возится съ этимъ напрасно. Китайцы—дурачье. Все побросали, трусы, и разбѣжались!—бурчитъ онъ, и съ азартомъ чешетъ затылокъ. Обругавши всѣхъ и вся, онъ широко зѣваетъ, поднимается съ постели, надѣваетъ китель, напяливаетъ на затылокъ фуражку, выходитъ изъ палатки и пропадаетъ.....

Солнце за полдень. Отъ палатокъ падаютъ длинныя тѣни. Въ воздухѣ прохладно. Намъ опять подводятъ лошадей, и мы ѣдемъ съ Василіемъ Ѳомичемъ, въ сопровожденіи четырехъ казаковъ, осматривать окрестности. Не осталось ли гдѣ какихъ-либо китайскихъ хлѣбныхъ запасовъ? Мнѣ было поручено все это подробно выяснить. Поднявшись на гору возлѣ самаго лагеря, я невольно останавливаюсь. Передъ нами—чудный видъ. Долина Хунчуна утопала въ зелени хлѣбовъ. Высокій каулянъ стѣной отдѣлялся отъ золотистой чумидзы. Бобовыя поля громадными пятнами темнѣли то тутъ, то тамъ. Одиночныя деревья, подобно сторожамъ какимъ, возвышались изъ общаго моря хлѣба. Впереди же, далеко на горизонтѣ, сверкала р. Тюмень-Ула, пограничная съ Кореей. По берегамъ ея вспыхивали какіе-то огни, и дымъ застлалъ всю даль. Дома и постройки едва можно разобрать.

— А что, вѣдь это навѣрное хунхузы жгутъ корейскія де-

Digitized by Google

ревни!—восклицаетъ Василій Ѳомичъ и пристально смотритъ въ бинокль. Я тоже смотрю въ свой, но ничего не вижу. Мой бинокль очень плохъ, и я сожалѣю, что взялъ его съ собой изъ Петербурга. Двигаемся дальше. Вотъ первая китайская деревня. Дома брошены. Нѣтъ ни души. Бумажныя окна продраны. Внутри—полный разгромъ. Вездѣ валялся разный домашній скарбъ, горшки, чашки, корзины, котлы, одежда, тряпки, веревки, сбруя, колеса и т. п. Запасовъ же хлѣба нигдѣ не видно. Проѣзжаемъ версты три на западъ. Здѣсь, должно быть, гончары жили. Въ каждомъ дворѣ находимъ цѣлые склады гончарныхъ издѣлій: горшки, чаши, тазы, чашечки, кувшины, чайники, плошки. Весь товаръ отлично обожженъ и прекраснаго качества. Когда постукаешь его, онъ такъ и звенитъ. Василій Ѳомичъ выбираетъ себѣ чайникъ. Я беру кувшинчикъ съ крышечкой и передаю моему казаку.

— Вотъ добрая штучка, ваше высокоблагородіе, воду подавать умываться!—замѣчаетъ тотъ и проситъ позволенія и себѣ взять такой же. Я позволяю, тѣмъ болѣе, что половина всей этой посуды уже была перебита и представляла одни черепки. Осмотрѣли еще двѣ, три деревни, но запасовъ хлѣба все-таки не нашли. Очевидно, сосѣди-корейцы, пользуясь тѣмъ, что китайцы бѣжали, весь хлѣбъ перетаскали къ себѣ. Не даромъ, когда я ѣхалъ въ Хунчунъ, то встрѣчалъ цѣлые ихъ обозы, груженные хлѣбомъ, морской капустой, макаронами, трепангами и т. п. вещами.

Мы отъѣхали отъ лагеря верстъ десять, пожалуй. Казаковъ съ нами всего четыре человѣка. Какъ бы на насъ китайцы не напали, – думается мнѣ. Пожалуй, засѣли гдѣ въ каулянѣ или въ канавѣ, да и дадутъ залпъ по намъ. Благоразумно поворачиваемъ и ѣдемъ домой. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы пріѣхали въ лагерь.

Утромъ опять выѣзжаемъ съ Василіемъ Ѳомичемъ и направляемся на сѣверный фортъ. Онъ былъ верстахъ въ восьми къ востоку отъ Хунчуна. Переправившись на паромѣ черезъ рѣку Хунчунку, пускаемъ лошадей хорошей рысью. Дорога идетъ ровная, полями. Окрестности прелестныя. Воздухъ превосходный. Солнце весело кругомъ свѣтитъ и далеко озаряетъ на горизонтѣ вершины синихъ горъ. Вотъ и фортъ. Гарнизонъ замѣтилъ насъ и встрѣчаетъ на стѣнахъ. Подъемъ очень крутой. Стѣны мѣстами разрушены. Въ одинъ изъ проломовъ я и взбираюсь. На самой верхушкѣ солдаты подхватываютъ меня подъ-руки. Подхожу къ китайскому орудію. Оно шести-дюймовое, крупповское. Артиллеристы очень его хвалятъ. Оно со всѣми новѣйшими приспособ-

Digitized by Google

леніями. Осмотрѣлъ одно, иду къ другому. И что же вижу,—второе лежитъ опрокинутое на землю и уже все заржавѣло. Жалость было смотрѣть, какъ такое дорогое орудіе находилось въ подобномъ пренебреженіи. Отсюда идемъ осматривать пороховой погребъ. Тутъ натыкаемся на величайшій курьезъ. Оказывается, пороховой погребъ состоялъ изъ маленькаго сарайчика, прикрытаго тоненькой крышей. Между тѣмъ въ немъ хранился порядочный запасъ пороху и снарядовъ. Одного удачнаго выстрѣла съ нашей стороны достаточно было, чтобы отъ всего этого форта не осталось и званія. Вотъ какъ устраиваютъ китайцы свои крѣпости. Съ сѣвернаго форта проѣзжаемъ на южный. Онъ былъ верстахъ въ восьми на юго-западъ. Дорога все шла полями. Долина все такъ же чудно плодородна. Интересно, что оба эти форта соединялись между собой разными земляными укрѣпленіями, траншеями, валами, ровиками. Доходили ли они до самаго форта—не знаю. Помню, что я ѣхалъ валомъ довольно далеко, и только съ версту не доѣзжая свернулъ другой дорогой. Южный фортъ мало отличался отъ сѣвернаго. Этотъ послѣдній рѣшено было бросить, южный же удержать за нами, расширить и укрѣпить. На южномъ стояли такія же тяжелыя крупповскія орудія. Здѣсь подарилъ мнѣ одинъ инженерный капитанъ обоюдоострый мечъ, очень древній и чрезвычайно оригинальной формы. Никто не могъ мнѣ объяснить, какого онъ времени и какое его назначеніе. Только одинъ старикъ-китаецъ, указывая на крючковатую форму меча, высказалъ предположеніе, что имъ, вѣроятно, во время сраженія, подрѣзали ноги лошадямъ.

Возвратившись какъ-то изъ одной такой поѣздки, я нашелъ въ лагерѣ цѣлое общество офицеровъ и чиновниковъ, пріѣхавшихъ изъ Владивостока и Хабаровска. Между прочимъ, тутъ былъ контролеръ Мусатовъ, командированный сюда, дабы провѣрить интендантскіе склады, собранные въ Хунчунѣ. Профессоръ института восточныхъ языковъ во Владивостокѣ, Рудаковъ, командированъ былъ собрать китайскіе книги и архивы въ Хунчунѣ. Онъ брилъ бороду и усы, чрезъ что казался чрезвычайно моложавымъ. Затѣмъ пріѣхалъ также изъ Хабаровска окружной агрономъ, нѣкто Дульскій, чтобы познакомиться съ флорой здѣшняго края. Всѣ они—давай осаждать Орлова просьбами относительно лошадей для поѣздокъ по окрестностямъ. Одинъ Рудаковъ сидѣлъ смирно въ палаткѣ и уныло посматривалъ черезъ свои золотые очки. Оказалось, что, проѣхавши съ непривычки полсотни верстъ верхомъ, онъ такъ растрясся, что едва сидѣлъ. Несмотря на это, онъ все-таки утромъ поѣхалъ верхомъ въ

Digitized by Google

городъ вмѣстѣ со мной, гдѣ я показалъ ему брошенный архивъ фудутуна.

Интереснѣе же всего мнѣ было ѣздить въ компаніи съ Дульскимъ. Небольшого роста, полненькій, очень подвижной, онъ обладалъ большими свѣдѣніями по ботаникѣ. Вотъ ѣдемъ мы съ нимъ рядомъ. Вдругъ онъ отъѣзжаетъ въ сторону, срываетъ какое-то растеніе и показываетъ.

— Вы знаете, что̀ это такое?—спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ, не знаю, а что̀?

— Это майза, просовое растеніе. А это пайза.—Затѣмъ отъѣзжаемъ немного. Черезъ нѣкоторое время опять слышу:

— А это знаете что̀ такое? Это макъ для опіума,—и т. д. Ни одного растенія не пропускалъ, чтобы не назвать его по-русски и по-латыни и не объяснить его значенія. И видно было, съ какой любовью, съ какимъ величайшимъ интересомъ относился онъ къ своему дѣлу. И какую еще особенность замѣтилъ я въ Дульскомъ. Онъ былъ необыкновенно смѣлъ. Въ то смутное время, когда нашихъ солдатъ, отлучившихся подальше отъ крѣпости, частенько китайцы убивали,—онъ съ однимъ казакомъ, а когда—такъ и совершенно одинъ, разъѣзжалъ по окрестностямъ на пятнадцать, на двадцать верстъ.

— Какъ это вы такъ рискуете?—говорю ему однажды.

— Ничего! Не тронутъ,—добродушно отвѣчалъ онъ, улыбаясь. Однимъ словомъ, Дульскій былъ молодецъ, да и только. Вотъ, между прочимъ, какой далъ онъ мнѣ перечень здѣшнимъ полевымъ и огороднымъ китайскимъ растеніямъ. Огородныя: конопля, дыни китайскія, огурцы, арбузы, тыквы, перецъ, баклажаны, морковь, брюква, фасоль, салатъ китайскій, рѣдька, лукъ, чеснокъ. Полевыя: пшеница, овесъ, ячмень, просо, гречиха, каулянъ, кукуруза, пайза, майза, кузъ, ангу. Бобы для сои, нѣсколько сортовъ. Макъ для опіума. Судъ—по-корейски: „кья“. Перечень этотъ далеко не полный. Онъ продиктованъ былъ мнѣ на скорую руку. Дульскій, какъ и я, тоже восторгался плодородіемъ Хунчунской долины....

— Вотъ вы любите китайщину, Александръ Васильевичъ, пойдемте-ка къ капитану Г. Вотъ у кого набрано разныхъ интересныхъ вещей!—восторженно говоритъ мнѣ какъ-то разъ мой сожитель Б—скій, послѣ обѣденнаго сна, замѣтивъ, что я проснулся. По лицу его и по тому, какъ онъ привскочилъ съ постели, видно было, что мысль эта какъ бы осѣнила его свыше и онъ жаждалъ сообщить мнѣ ее.

— А что̀ же у него есть?—спрашиваю.

Digitized by Google

— Какъ что? Я знаю—что. Есть у него халаты хорошіе. Лукъ со стрѣлами. Перо драгоцѣнное со шляпы фудутуна. Барабанъ есть китайскій. Музыка какая-то,—увѣренно перечисляетъ Терентій Данилычъ, упершись глазами въ потолокъ палатки и загибая на рукахъ пальцы. Онъ видимо старался заинтересовать меня.

— Ну такъ что же, пойдемъ!—говорю. Встаемъ и направляемся. Г. былъ дома. Завидя насъ, онъ бросается приготовить въ палаткѣ мѣсто для гостей. Это былъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, тощій, высокій, лысый. Борода черная съ просѣдью, небольшая. Глаза маленькіе, узенькіе. Ходилъ въ сильно поношенномъ чечунчовомъ кителѣ.

— Ну, что, знаете? Какъ поживаете? Что подѣлываете?—умильно восклицаетъ онъ тоненькимъ пѣвучимъ голоскомъ, поглаживая бороду. Привычка была у Г. говорить: „знаете". Что ни скажетъ, а „знаете" непремѣнно прибавитъ.

— Ну-ка, покажи, Матвѣй Матвѣичъ, что у тебя тамъ есть китайскаго. Что ты набарантовалъ?—спокойнымъ, серьезнымъ тономъ вопрошаетъ Б—скій, точно учитель ученика, не обращая ни малѣйшаго вниманія на привѣтствія капитана. Терентій Данилычъ какъ бы хотѣлъ этимъ сказать: „Ну, ты, милый другъ, зубы-то намъ не заговаривай, а приступай прямо къ дѣлу!"

Почтенный хозяинъ нашъ—въ нѣкоторомъ смущеніи. Онъ, очевидно, хотя и привыкъ къ разнымъ неожиданностямъ со стороны Б—скаго, но такого смѣлаго натиска не предполагалъ, а потому и не приготовился къ отпору.

— Да право, знаете, у меня ничего нѣтъ,—оправдывается онъ.

— Ну вотъ! Чего тамъ скрывать! Всему лагерю извѣстно, что ты пропасть набралъ!—баситъ мой пріятель. Затѣмъ обращается ко мнѣ и весело говоритъ:

— Вы слышали, какъ онъ чечунчу посылалъ своей женѣ,—и, не дожидаясь моего отвѣта, продолжаетъ разсказывать:—Посылаетъ онъ ей три воза чечунчи, да и пишетъ письмо:

„Ты, милая Сонечка, не сердись, что я такъ много тебѣ посылаю. Вѣдь я за все это очень недорого заплатилъ". Ха, ха, ха! —разражается смѣхомъ разсказчикъ.

— Да, знаете, Терентій Данилычъ,—сумрачно возражаетъ Г., послѣ нѣкотораго молчанія:—Все это выдумки. Все это—поклёпъ на меня. Кто это разсказываетъ—больше моего самъ послалъ домой.—Затѣмъ наклоняется и, чуть не упирая лысой го-

Digitized by Google

ловой въ животъ моему пріятелю, въ полголоса говоритъ, какъ бы боясь, чтобы его не услышали:

— А шубу соболью кто разрѣзалъ? Кто по почтѣ послалъ? Ишь ты!—пищитъ онъ.—Дался имъ я!—Онъ взволнованно достаетъ изъ кармана своихъ черныхъ ластиковыхъ шароваръ засаленный фуляровый платокъ, скорѣе похожій на тряпку, чѣмъ на платокъ, и вытираетъ имъ сначала лицо, потомъ лысину, а затѣмъ и всю шею кругомъ.

— Да ну, ну, показывай, чего оправдываешься!—настойчиво баситъ мой спутникъ. Хозяинъ сдается.

— Да что же бы вамъ показать? Вотъ развѣ халатъ у меня есть, мозаиковый,—и достаетъ изъ сундука старый, поношенный женскій халатъ, накидываетъ на себя, преуморительно вертится, кружится и самодовольно посматриваетъ на насъ своими узенькими глазами. Халатъ достигалъ ему до колѣнъ и висѣлъ какъ на вѣшалкѣ. Почему Матвѣй Матвѣичъ называлъ его „мозаиковымъ", это такъ и осталось для меня секретомъ. Тщательно сложивши халатъ, онъ убираетъ его обратно въ сундукъ. Затѣмъ подаетъ, въ простомъ деревянномъ футлярѣ, павлинье перо, украшенное разноцвѣтными стеклышками.

— Ну, вотъ вамъ перо отъ шапки фудутуна. Возьмите его, знаете, ежели желаете!—Завертываетъ въ кусокъ синей китайской бязи и любезно подаетъ мнѣ. Я съ благодарностью беру подарокъ. Выхожу изъ палатки, вижу—стоитъ прелестная, краснаго дерева, крытая китайская повозка-двухколеска. Всѣ металлическія части ея, колеса, скрѣпы, гайки, гвоздики, все отдѣлано серебромъ. Внутренность же украшена шолкомъ и бархатомъ. Ну, игрушечка, да и только.

— А это чья повозка?—спрашиваю.

— А это, знаете, я у солдатъ купилъ послѣ штурма, семь рублей далъ. Думаю, домой послать, дѣтямъ играть, знаете.

— Уступите мнѣ, капитанъ!—прошу его.

Тотъ жмется.

— Да, знаете, пожалуй, возьмите. Да что вы съ ней будете дѣлать?

— А я въ Петербургъ отправлю, тамъ въ какой-нибудь музей пожертвую. Вѣдь это такая прелесть,—хоть царскимъ дѣтямъ кататься, и то не грѣхъ!—И я начинаю ходить кругомъ повозочки и разсматривать ее. Затѣмъ достаю семь рублей и съ восторгомъ передаю ихъ Г.

— Только, Матвѣй Матвѣичъ, нельзя ли вашимъ мастерамъ

Digitized by Google

привести ее въ порядокъ. Вотъ это прикрѣпить, тутъ привинтить, смазать. Я за все заплачу.

— Какъ же, какъ же! Я, знаете, самъ это думалъ. Вотъ къ ней занавѣсочки шолковыя есть. Вотъ скамеечка для ногъ. Вотъ и сбруя на оглобляхъ. Это все сюда идетъ,—суетливо выкрикиваетъ мой новый пріятель, бѣгая вокругъ повозочки. Мы прощаемся наконецъ и уходимъ.

Недалеко отъ передней площадки, гдѣ происходило въ лагерѣ богослуженіе, солдаты устроили колокольню. Поставили два бревна съ перекладиной и на нее повѣсили китайскіе колокола, найденные въ городѣ. Такъ вотъ мнѣ пришла разъ мысль снять всѣхъ офицеровъ группой подъ этими колоколами. День былъ отличный. Предлагаю собраться офицерамъ. Всѣ охотно соглашаются. Даже и батюшка пришелъ, очень почтенный, заслуженный и всѣми уважаемый. Одинъ офицеръ явился съ китайскимъ мальчикомъ на рукахъ, лѣтъ четырехъ, не больше. Звали его Ваней. Нашли его послѣ взятія Хунчуна. Мальчикъ былъ предобрый и премиленькій. Онъ часто всѣхъ насъ потѣшалъ за обѣдомъ, въ общей столовой. Офицеры научили его продѣлывать разныя штуки. Такъ, напримѣръ, скажешь ему, бывало: „Ваня, давай драться!“—какъ онъ уже кричитъ: „давай!“, быстро засучиваетъ на своихъ маленькихъ, пухлыхъ, коричневыхъ ручонкахъ рукава, плюетъ въ кулаки и бросается черезъ весь столъ драться. Ну, конечно, общій хохотъ. Я снялъ группу. Фотографія вышла довольно удачная.

Время подъ вечеръ. Жара сильная. Солнце такъ и обливаетъ лучами. Сижу я послѣ сытнаго обѣда на постели и смотрю на лагерь. Палатки приподняты и обитатели ихъ видны. Всѣ лежатъ и отдыхаютъ въ однѣхъ рубахахъ. Сожителя моего нѣтъ. Онъ ушелъ внизъ, въ имѣнь, гдѣ съ топографомъ, да телеграфнымъ начальникомъ, да еще съ приказчикомъ-маркитантомъ, дуется въ штосъ. Терентій Данилычъ вчера выигралъ пятьсотъ рублей, такъ пошелъ еще попытать счастья. Вонъ и мой почтеннѣйшій Василій Ѳомичъ растянулся на постели, охаетъ и пыхтитъ. Потное, красное лицо мало отличается отъ его красной кумачевой рубахи. Онъ старательно протираетъ кулакомъ сонные глаза и о чемъ-то глубокомысленно думаетъ.

— Василій Ѳомичъ!—кричу я.

— А? что?

— Нельзя ли чего-нибудь интереснѣнькаго достать?

— А что же! пожалуй! можно! Эй! Ми-тень-ка!

Digitized by Google

Тотъ является.

— Позвать полицейскаго!—Такъ, черезъ четверть часа, смотрю, идетъ уже знакомый мнѣ унтеръ-офицеръ.

— Прикажи-ка ты тамъ принести, ежели у кого что найдено! слышишь!

— Такъ точно, слушаю-съ!—и исчезаетъ. Проходитъ съ полчаса времени. Я уже и забылъ о приказаніи. Вдругъ, смотрю, ко мнѣ входитъ самъ Василій Ѳомичъ, въ одной рубахѣ и невыразимыхъ, съ мѣшкомъ въ рукахъ, и вываливаетъ на столъ разныя серебряныя вещи, но такія интересныя, такія чудныя, какихъ я и во снѣ не видалъ.

— Ахъ! ахъ! какая роскошь!—невольно восклицаю.—Пожалуйста! осторожнѣе! поломаете все! Ну, что за прелесть! Сколько же все это стоитъ?

— Да я уже далъ ему три рубля,—внушительно говоритъ онъ и начинаетъ преспокойно рыться въ этомъ добрѣ.

— Да позвольте! Да какъ же можно! Достаю изъ кошелька пять рублей, выбѣгаю изъ палатки и вручаю ихъ тому же самому солдату, который приносилъ и первый разъ. Тотъ, очевидно, никакъ не ожидалъ прибавки, и уже намѣревался уходить. Возвращаюсь и тоже начинаю разбираться въ покупкѣ. И какихъ только тутъ не было украшеній! Вотъ букетъ изъ серебряныхъ эмальированныхъ цвѣтовъ съ фальшивыми камешками. Такіе букеты китаянки закалываютъ въ волосы около ушей. Вотъ бабочка серебряная, вызолоченная, съ зелеными нефритовыми глазами. Вотъ черный жукъ изъ такого же камня. Бока его украшены мелкимъ жемчугомъ. Пара толстыхъ серебряныхъ браслетъ чеканной работы. Серьги съ подвѣсками въ видѣ драконовъ, чрезвычайно тонкой работы, тоже отдѣланныя эмалью. Вотъ деревянные браслеты, изукрашенные жемчужными звѣздочками. А вотъ серьги въ видѣ кузнечиковъ съ длинными проволочными золотыми усами. Но лучше всего—головное украшеніе съ разноцвѣтными камешками. Прелесть да и только!

— Ну, какъ же мы это подѣлимъ?—говорю я.

— Да какъ! Вотъ я возьму только это украшеніе, а остальное берите вы. Этого я вамъ уже никакъ не могу уступить. Это я моей дочкѣ свезу.—Василій Ѳомичъ беретъ украшеніе въ видѣ діадемы и бережно уноситъ его къ себѣ. Я ничуть не спорю. Я въ восторгѣ и отъ остального. Быстро завертываю въ бумагу и прячу ихъ рядомъ съ прежней покупкой. Вотъ, думаю, у меня уже и порядочно собралось украшеній: цѣлая коллекція составилась.

Digitized by Google

Сегодня Спасовъ день. Довольно свѣжо. Солнце хотя и свѣтитъ, но на небѣ гуляютъ тучки. На площадкѣ передъ нашими палатками стоитъ столъ, накрытый бѣлой скатертью. Кругомъ выстроились солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ и офицеры въ чистенькихъ кителяхъ. Старичокъ-священникъ, въ зеленой серебристой рясѣ, готовитъ чашу съ водой. Пѣвчіе, подъ руководствомъ худощаваго артиллерійскаго поручика, съ рыжими бакенбардами, откашливаются и приготовляются пѣть.

— „Спаси Го-о-осподи!"—хрипло провозглашаетъ священникъ и опускаетъ въ чашу крестъ.

— „Лю-юди твоя!"—подхватываетъ хоръ.—„И благослови достояніе твое"!

Голоса ихъ далеко разносятся по вѣтру. Солдаты усиленно крестятся. Смотрю на самый конецъ лагеря, гдѣ артиллерійскія коновязи, и тамъ конюха, съ непокрытыми головами, набожно крестятся и кланяются...

„Крестомъ твоимъ жительство!"—возглашаютъ пѣвчіе, надсаживаясь изо всѣхъ силъ. Регентъ-поручикъ рѣшительно машетъ рукой и искоса смотритъ на окружающихъ, какъ бы желая знать, какой эффектъ произвело пѣніе. Эффектъ полный. Пѣвчіе поютъ дружно. Молебенъ быстро кончается. Всѣ расходятся.

Какъ-то послѣ полудня сидимъ мы съ Терентіемъ Данилычемъ въ палаткѣ и пьемъ чай. Небо заволакиваетъ тучами. Вдругъ налетаетъ шквалъ, да такой неожиданный и сильный, что чуть не срываетъ палатку.

— Эй, Иванъ!—кричу я.

— Андрей, гдѣ ты тамъ запропастился!—кричитъ Б—скій. По лагерю поднимается тревога. Раздаются крики. Очевидно, разыгрывался тайфунъ, — такъ называется буря въ здѣшней мѣстности. Началъ накрапывать дождикъ,—все сильнѣе и сильнѣе; а съ нимъ начинаютъ учащаться и порывы вѣтра. Палатку нашу такъ и пригибаетъ къ землѣ. Бросаюсь къ стойкѣ и поддерживаю ее, какъ бы она не сломалась. Дождь вдругъ полилъ какъ изъ ведра. Настала тьма. Вѣтеръ завылъ такъ, точно кругомъ сотниословъ и медвѣдей разомъ заревѣли. Несчастные вѣстовые наши выбились изъ силъ, привязывая и укрѣпляя палатку. Вода ручьями бѣжитъ изъ-подъ ногъ. Ступить негдѣ. Приносятъ доску и кладутъ на полъ. Свѣчу зажечь невозможно,—задуваетъ. Позади палатки слышна руготня деньщиковъ. Раздаются крики: „Офицерскую столовую унесло!"—„Кухню опрокинуло!"—„У казначея сорвало!" и т. п. Мы сидимъ и не знаемъ, что дѣ-

Digitized by Google

лать. Кое-какъ палатку укрѣпили. Мнѣ казалось сначала, что вотъ сейчасъ вѣтеръ и прекратится. Но не тутъ-то было. Настаетъ вечеръ, а дождь все льетъ и льетъ. Буря не стихаетъ. Вотъ и ночь наступила. Мы оба, измучившись, ложимся на кровати. Деньщики укрываютъ насъ чѣмъ попало, лишь бы не промокнуть, и наконецъ засыпаемъ. Утромъ проснулся, смотрю,— одинъ бокъ мой весь мокрый. Дождь все льетъ и льетъ. Вѣтеръ все такъ же зловѣще налетаетъ и заставляетъ насъ трепетать за существованіе палатки. Теперь ужъ не помню, сколько дней продолжался этотъ тайфунъ. За два я ручаюсь,—а можетъ и больше. Все это время никто не могъ показаться на улицу. Развѣ ужъ крайность какая. Огней не разводили и горячей пищи не ѣли. Наконецъ дождикъ прекратился, небо прояснилось, и всѣ мы, какъ тѣ животныя, которыхъ нѣкогда Ной выпустилъ изъ ковчега, послѣ сорокадневнаго потопа, съ радостью выбѣгаемъ изъ своихъ палатокъ на свѣжій воздухъ.

Я покончилъ со своимъ осмотромъ. Все объѣхалъ и записалъ. Осталось только въ Савеловку заѣхать. Но это я рѣшилъ сдѣлать на обратномъ пути. Отчетъ готовъ. Готова и китайская одноколочка моя. Она стоитъ передо мной на площадкѣ, вся вымытая. Верхъ ея и черная шолковая матерія, какъ новенькіе, блестятъ на солнцѣ. Серебряная инкрустація на оглобляхъ и на колесахъ рѣзко выдѣляется на красномъ фонѣ. Интендантъ далъ мнѣ два куска китайской бѣлой бязи, и вотъ солдаты старательно обертываютъ повозку со всѣхъ сторонъ. Тутъ же укладываютъ и остальныя мои вещи. Кромѣ того, полковникъ Орловъ поручилъ мнѣ доставить въ хабаровскій музей двѣ скорострѣльныхъ пушки, взятыя при штурмѣ Хунчуна. Наконецъ, все уложено, упаковано; я прощаюсь со всѣми, сердечно благодарю за радушный пріемъ и трогаюсь въ обратный путь.

А. В. Верещагинъ.

Digitized by Google

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ

ТРИ РАЗСКАЗА.

I.—Вобыль.

На самой большой дорогѣ между станціей „Горлюпановка“ и большимъ торговымъ селомъ „Ситовкой“ лежитъ маленькая деревушка „Зайчики“. Настоящее имя ея, которое имѣется въ сельскихъ приговорахъ и оффиціальныхъ бумагахъ, —„Отрада“,— имя, данное ей стариннымъ помѣщикомъ въ прекрасный іюньскій вечеръ, когда онъ, вернувшись съ охоты, былъ въ особенно хорошемъ расположеніи духа. Но и помѣщика этого давно на свѣтѣ нѣтъ, и имѣніе его давно разорено и перешло въ десятыя руки. Говорятъ, что теперешній владѣлецъ его, купецъ Отрыжкинъ, хочетъ тоже съ нимъ развязаться, выгодно продавъ его по частямъ крестьянамъ черезъ посредство банка.

Скажите любому крестьянину въ околоткѣ: „Отрада“—онъ васъ не пойметъ, а „Зайчики“ всѣмъ извѣстны. Знаютъ, напримѣръ, что въ Зайчикахъ когда-то былъ убитъ помѣщикъ, заблудившійся во вьюгу и искавшій тамъ убѣжища. Всѣ знали, что онъ тамъ былъ убитъ, но кто именно былъ убійцей,—несмотря на всѣ старанія тогдашней полиціи, такъ и осталось тайной.

Знаютъ окрестные жители въ Зайчикахъ старика Егора Дороѳеева и жену его Матрену Сидорову, которые охотно выручаютъ людей въ нуждѣ, причемъ, кромѣ угощенія при совершеніи сдѣлки, берутъ всего пять процентовъ въ мѣсяцъ, что многіе считаютъ весьма выгоднымъ.

Знаютъ, наконецъ, зайчинскаго бобыля, который уже лѣтъ десять ходилъ и побирается по округѣ, не воруетъ, не буянитъ,

Digitized by Google

не пьянствуетъ и дѣлаетъ много добра. Въ особенности жалѣетъ онъ сиротъ. Въ разныхъ селахъ у него ихъ нѣсколько. Говорятъ, что когда онъ наберетъ деньжонокъ, онъ имъ помогаетъ кое-чѣмъ: одеждой, а то тайкомъ ихъ накормитъ кускомъ мяса. Какъ его звать—знаетъ священникъ, да, можетъ быть, волостные; самъ, когда его спрашиваютъ, отвѣчаетъ, что его зовутъ Иваномъ. А спросятъ фамилію—онъ сморщитъ лобъ, прищуритъ глаза, махнетъ рукой, а то и плюнетъ, и скажетъ: „Забылъ, пропасть ее побери, фамилію-то"!.. Такъ и зовутъ его всѣ, да и самъ онъ себя зоветъ: „зайчинскій бобыль". Далеко не ходилъ бобыль за милостыней. Ему и въ его округѣ помогали охотно. Когда онъ проходилъ по какому-нибудь селу съ мѣшкомъ за плечами,—почти всякій, не дожидаясь его просьбы, ему подавалъ. Старались, кто могъ, подать деньгами. Вѣдь знали, что онъ денегъ этихъ не проиграетъ въ карты съ другими нищими, не пропьетъ, а употребитъ въ дѣло. Бабы давали ему что̀ поцѣннѣе: кусокъ холста, яйца. Давали, впрочемъ, и куски, которые онъ продавалъ на деньги извѣстнымъ ему бѣднякамъ. И не потому только подавали ему, чтобы отвязаться отъ назойливаго побирушки, а охотно иногда догоняли его шаговъ за сто, если не успѣли подать, пока онъ былъ у дома.

Соберетъ, бывало, бобыль деньжонокъ и идетъ въ деревню къ извѣстному ему сиротѣ.

„Надо,—думалъ онъ,—къ Митькѣ сходить. А то давно не былъ въ той сторонѣ. Холодно дѣлается. Ему, небось, надѣть нечего". И шелъ онъ къ Митькѣ, и покупалъ ему, конечно по случаю, то шапку, то сапоги теплые.

Но изъ всѣхъ его сиротъ былъ у него одинъ — любимый. Звали его Костюшкой. Онъ былъ круглый сирота, и выбранный ему въ опекуны дядя положилъ въ банкъ, по требованію начальства, двадцать-три рубля. За двѣнадцать онъ, послѣ большихъ хлопотъ, продалъ развaленную избушку Костюшки, да на одиннадцать—прочей разной рухляди. Такъ какъ эти двадцать-три рубля ему было велѣно положить въ банкъ, то Костюшка остался раздѣтый къ зимѣ. У опекуна своихъ было много дѣтей, и онъ не зналъ, что̀ сдѣлать съ племянникомъ. Къ счастью, добрые люди его пристроили въ ученье къ сапожнику, жившему въ Ситовкѣ.

Сапожникъ былъ пьяница—есть ли сапожники не пьяницы?—и съ Костюшкой обращался плохо, тѣмъ болѣе, что заступиться за него было некому.

Разъ бобылю пришлось проходить мимо квартиры сапожника,

Digitized by Google

какъ разъ въ то время, какъ онъ „училъ“ своего воспитанника. Крикъ мальчика привлекъ сосѣдей. Подошелъ и бобыль.

Жаль ему стало мальчика. Ему сказали, что Костюшка круглый сирота, и съ этой минуты онъ взялъ его подъ свое покровительство. Когда сапожникъ пересталъ бить своего ученика и пошелъ въ бывшій черезъ улицу кабакъ успокоиться, онъ подозвалъ мальчика и поговорилъ съ нимъ. Узнавъ, что тотъ голоденъ, онъ купилъ ему колбасы и далъ баранокъ и нѣсколько яицъ. Замѣтивъ, что онъ въ рваныхъ сапогахъ, причемъ отъ одного отвалилась подошва, онъ ему купилъ у дьячкова сына полусапожки, еще достаточно годные.

— Эй ты, Костюшка! Аль разбогатѣлъ?—крикнулъ ему сапожникъ, вернувшись изъ кабака и увидавъ его сидящимъ съ бобылемъ на лавкѣ и грызущимъ баранку.—Ты что-ль, бобыль, его ублаготворилъ, соплякa?

— Вѣдь онъ сирота. Надо сироту пожалѣть.

— Ты и жалѣй, а насъ самихъ не жалѣли. Мнѣ его жалѣть не изъ чего, какъ его мнѣ раздѣтаго подкинули.

— Вотъ что! Ты знаешь, я самъ сирота кругомъ, мнѣ Богъ велѣлъ сироть жалѣть. Куда ни шло, я ужъ ему буду рубашки давать и сапоги. Лишь ты его не бей. Онъ тебѣ лучше стараться будетъ.

— Ну, идетъ! Эй ты, Костюшка, кланяйся бобылю въ ноги!

Костюшка собирался исполнить приказаніе хозяина.

— Ну, что ты?.. что ты?... Богъ съ тобой! Кому это пристало нищему въ ноги кланяться?—И бобыль удержалъ мальчика.

— Ступай, Костюшка, домой!

Говоря это, сапожникъ далъ ему подзатыльникъ.

— А уговоръ нашъ помнишь?—замѣтилъ бобыль.

— Ладно, ладно, не буду. Ну, пойдемъ могарычъ пить.

— Я не пью водки,—отвѣтилъ бобыль:—ты выпей за Костюшкино здоровье. Такъ и быть, угощу.

Бобыль сбѣгалъ въ кабакъ.

— На,—сказалъ онъ,—вотъ и могарычи мои.

— Ай да бобыль, молодчина, ей Богу! Заходи чаще! Ну и счастливъ же Костюшка!

Съ тѣхъ поръ бобыль часто навѣдывался къ Костюшкѣ, подолгу сидѣлъ съ нимъ и разговаривалъ, носилъ одежду, гостинцы. Каждый разъ у него была полъ-бутылка для сапожника. А когда узнавалъ, что онъ ударилъ Костюшку, онъ ему выговаривалъ:

— Ну, ну, живетъ! не буду. Ужъ дюже у меня сердце горячее.

Digitized by Google

Съ бобылемъ былъ еще вотъ какой случай. Жила мать-вдова съ нѣсколькими маленькими дѣтьми. Дѣвочка у нея заболѣй; лечила, лечила она ее по знахаркамъ, а дѣвочкѣ все хуже дѣлалось. Отправилась мать съ ней къ доктору. Тутъ въ пріемной, дожидаясь своей очереди, встрѣтилась она съ бобылемъ, тоже пришедшимъ къ доктору рвать больной зубъ. Разговорились.

— Ну, что докторъ сказалъ? — спросилъ ее бобыль, когда она вышла отъ него.

Баба махнула рукой.

— Что тамъ говорить! Видно, помирать ей. Докторъ сказалъ, что ее въ городъ везти надо, въ больницу положить. Тамъ ее рѣзать станутъ. А не повезешь, говоритъ,—помретъ.

— Ну, что жъ? ты ее повезешь?

— И-и... гдѣ тутъ! сюда-то добрые люди довезли. А на кого я тѣхъ брошу? Вѣдь у меня ихъ четверо! Тоже вѣдь, спасибо, подаютъ на ребятъ на малыхъ. А то бы давно съ голоду у меня померли. Куда тамъ въ городъ!

Выслушалъ это бобыль, а на другой день явился къ бабѣ— она была ситовская.

— Вотъ что, голубушка, я придумалъ. Дай ты мнѣ дѣвочку. Я ее въ городъ отвезу, въ больницу. Мужики тутъ ѣдутъ на станцію, такъ я ихъ просилъ: они насъ довезутъ, а по чугункѣ ужъ какъ-нибудь я ее провезу. Дай мнѣ ее!

Вдова, конечно, согласилась; дѣвочкѣ сдѣлали операцію, и бобыль же вернулъ ее къ матери здоровою.

Такого рода дѣла молва быстро разносила, и слава бобыля росла. Естественно, что на него крестьяне смотрѣли иначе, чѣмъ на обыкновенныхъ нищихъ. Не везло ему только у помѣщиковъ; своихъ же односельцевъ зайчинскихъ онъ совсѣмъ избѣгалъ.

Помѣщики вообще не любятъ здоровыхъ нищихъ. Не любили и бобыля, который былъ нестаръ и не имѣлъ никакихъ физическихъ недостатковъ.

— Ты бы работалъ, чѣмъ шляться-то,—говорили ему.

Бобыль, бывало, молчалъ и ждалъ, чтобы подали ему милостыню.

— Слышишь ты? Я тебя спрашиваю, отчего ты не работаешь? что ты оглохъ, что-ль?—возвышеннымъ голосомъ повторялся вопросъ.

Что было, правда, бобылю отвѣчать? Не вводить же въ свой внутренній міръ людей, столь далекихъ отъ него по понятіямъ

Digitized by Google

и по чувствамъ! Къ тому же, это была скорѣе форма выговора, чѣмъ разговоръ.

— Никакъ нѣтъ, слышу,—отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ отвѣчай на вопросъ: отчего ты не работаешь?

— Видно, такъ Богу угодно!—не находилъ другого отвѣта бобыль.

— Что ты надо мною смѣешься, что-ль?.. Богу угодно, чтобы онъ шлялся!.. Убирайся вонъ отсюда, тунеядецъ!..

И бобыль уходилъ. Даже генеральша Облова, на что была добрая и считала себя, что касалось крестьянъ, глубокимъ сердцевѣдомъ—и у той не обходилось безъ выговора:

— А ты все побираешься, бобыль?!..

Бобыль по обыкновенію молчалъ. Генеральша знала, что онъ помогаетъ сиротамъ.

— Что ты, братъ, считаешь себя возстановителемъ несправедливостей судьбы? Исполнилъ бы свой долгъ—работалъ бы, а сироты и безъ тебя не пропадутъ. Богъ ихъ не оставитъ. Я... другіе... не бросятъ сиротъ. Нѣшто я имъ не помогаю? А?.. скажи... я имъ не помогаю?

— Извѣстно дѣло... вы милостивы...

— То-то вотъ и есть; а ты вотъ все работать не хочешь!

И генеральша приказывала, если бобыль голоденъ —.накормить его, но отнюдь не давать денегъ.

— Вотъ кабы онъ работать не могъ—тогда другое дѣло...

Мало-по-малу къ помѣщикамъ бобыль пересталъ обращаться за милостынею, да и усадьбы-то ихъ старался обойти, когда можно было, кружнымъ путемъ.

Обходилъ онъ и Зайчики свои. Корень непріязненныхъ его чувствъ къ односельцамъ былъ далеко.

Когда умерли отъ горячки одновременно его родители, онъ былъ совсѣмъ маленькій. Онъ ихъ не помнилъ. Остался онъ совсѣмъ одинокій. Находился на деревнѣ какой-то троюродный по матери дядя, но онъ наотрѣзъ отказался взять сироту. Онъ самъ былъ бѣденъ.

Собрался сходъ и долго обсуждалъ вопросъ, какъ быть съ ребенкомъ. Съ землей его бы еще взяли, но и земли-то оказывалось у него нѣтъ—отецъ его былъ николаевскій солдатъ. Хотѣли-было свалить его на волость; но волостной сходъ отказался его кормить—вѣдь онъ былъ приписанъ къ Зайчикамъ. Собрались опять зайчинцы... Долго обсуждали они этотъ мудреный вопросъ, какъ быть съ мальчишкой, и рѣшили кормить его поденно, по числу душъ. Говорили о томъ, долженъ ли домохо-

Digitized by Google

зяинъ, у котораго есть съемныя души, и за эти души отбывать повинность—кормленіе сироты, или только за свои? Большинствомъ рѣшили, что онъ долженъ кормить его и за съемныя души. Подалъ кто-то вопросъ о его одеждѣ, но этотъ вопросъ остался открытымъ.

— Тамъ видно будетъ,—рѣшилъ сходъ: — работать онъ не можетъ; будетъ день и ночь въ избѣ сидѣть. Теплой ему, значитъ, одежды и сапогъ не нужно. А рубаха да штаны—не велика штука.

На томъ и порѣшили. Сталъ Ванька кормиться поденно. Сначала его принимали безъ особаго неудовольствія. Вѣдь не Богъ вѣсть, что̀ онъ съѣстъ въ два-три дня. Богачи, тѣ сразу недружелюбно отнеслись къ нему. Егоръ Дороѳеевъ прямо было-объявилъ, что за снятыя души кормить его не будетъ, и вытолкалъ изъ избы. Сосѣдъ его тоже не принялъ не въ срокъ и отправился съ жалобой къ старостѣ.

— Хорошо, я приду. Только впередъ я въ волостную схожу. Старшина зачѣмъ-то звалъ...

Къ вечеру староста пришелъ. Онъ былъ человѣкъ справедливый и отъ Егора Дороѳеева не зависѣлъ.

— Ты что̀ же это? Противъ общества идти хочешь?

—. Да я его за свою душу кормилъ вчера. А мало ли я ихъ сколько поснималъ у добрыхъ людей. И будетъ онъ у меня на шеѣ.

— Слушай, Егоръ Дороѳеевичъ, я тебѣ добромъ говорю,—а не хочешь добромъ, такъ вѣдь и въ холодную отвезу.

Староста былъ вновѣ, притомъ молодой, изъ военныхъ, и такъ какъ разговоръ происходилъ при многочисленной публикѣ, то ему пріятна была одна мысль, что онъ вправѣ отправить въ холодную такого богача, какъ Егоръ Дороѳеевъ. Этотъ доводъ подѣйствовалъ на старика, но Матрена Сидорова не такъ скоро сдалась:

— Какъ? за наше-то добро—да въ холодную? Ну, вези въ холодную... нà! бери... я въ жизнь его не пущу. Ишь, тоже нашлось начальство, въ холодную насъ сажать!..

— А!.. ты такъ? Ну-ка, берите ее, да въ волостную отвезите... Чей чередъ ставить подводу?.. Ну-ка, Архипъ, валяй!..

Староста вынулъ при этихъ словахъ медаль и прицѣпилъ ее себѣ на грудь. Кое-какъ и Матрена сдалась.

Естественно, что при такихъ условіяхъ несладокъ былъ обѣдъ Ванюшкѣ, хоть и не ѣлъ онъ до вечера.

— Нá... жри, щенокъ!—сказала старуха, когда они остались

Digitized by Google

въ избѣ одни, бросая передъ нимъ краюху хлѣба.—А за водой самъ сбѣгать можешь.

Семь лѣтъ кормился такъ бобыль, ходя со двора на дворъ, пока общество не нашло, что онъ достаточно выросъ, чтобы идти въ пастухи. Много лѣтъ спустя, когда онъ побирался, онъ любилъ разсказывать про свое сиротство. Соберутся, бывало, зимой мужики вечеромъ въ праздникъ, и бобыля позовутъ ночевать.

— Что это ты все съ сиротами возишься? — спросятъ его.

— Самъ, люди добрые, росъ сиротой. Знаю долю сиротскую, и жалко сиротъ. Бывало, какъ кормился я по дворамъ,—и-и, старички, горя я хватилъ: чего, чего не было! Одежонки-то не было теплой... Сидишь, бывало, у кого-нибудь въ избѣ... хуже щенка на меня смотрѣли. А хуже не было, какъ у одного старика... Скупищій былъ, не тѣмъ будь помянутъ. Какъ въ избу, бывало, входитъ, я притулюсь въ уголку, высматриваю, какъ бы не взглянулъ на меня!.. А увидитъ—бѣда! И дармоѣдъ-то я, и бездѣльникъ!.. Сядутъ это они такъ обѣдать всѣ. А мнѣ ѣсть страсть хочется... стою и гляжу на нихъ,—можетъ, дадутъ что... Ты что, негодяй, лѣзешь?—закричитъ онъ, бывало, на меня.—Небось, успѣешь наѣсться!.. А заплачу... хуже осерчаетъ. Наѣдятся они всѣ, Богу помолятся, а меня какъ бы и въ избѣ нѣтъ. Ждешь, пока изъ дѣтей его кто хлѣба дастъ... Вотъ и обѣдъ весь... А то разъ выхожу я на дворъ, а у нихъ въ избѣ два ягнока были. Одному ягноку я и прищеми ногу дверью... Какъ старикъ меня хватитъ по головѣ—я такъ и прилегъ. Онъ меня и давай лыками—онъ въ ту пору лапти плелъ—и давай меня пороть. Такъ поролъ, что вѣкъ не забыть!

А то лѣтомъ разъ, только я пришелъ къ одному мужику, разболѣлась у меня голова. Дальше—больше; я и ногъ таскать уже не могъ. Положили меня подъ навѣсомъ: лежи, молъ. Ѣсть-то мнѣ не хотѣлось, а пить хочется. Подать некому. Лежу себѣ, мучаюсь. Кое-какъ дотащился я до избы, кружку взять хотѣлъ. Кружку у меня вырвали изъ рукъ. „Ну, холерный, и насъ заразить хочешь! Давно бы околѣвалъ, и намъ руки бы развязалъ“. Больно мнѣ стало обидно; я заплакалъ, вернулся подъ навѣсъ свой, а голова все больше и больше болитъ, все тѣло ломитъ, во рту пересохло... Потащился на огородъ къ рѣчкѣ, спустился подъ кручу, напился и пошелъ назадъ. Два шага пройдешь, ляжешь, отдохнешь и дальше идешь. Иду это я по огороду мимо огурцовъ. Страсть, огурцовъ захотѣлось! Одинъ съѣлъ, а два другихъ за пазуху положилъ и вернулся подъ навѣсъ. Какъ я

Digitized by Google

ѣлъ огурецъ, то дѣвчонка и увидала ихняя, и скажи своимъ. Ну, ужъ и досталось мнѣ! Пороть-то выпороли, да по всей деревнѣ разсказали, что я воръ. Тутъ мнѣ вовсе скверно сдѣлалось.

Правду сказать, были и хорошіе люди. Одного дома вѣкъ не забуду. Хозяинъ былъ добрый, а хозяйка, дай Богъ ей царство небесное, и говорить нечего. Они меня почесть одни все время и одѣвали: и рубашонку сдѣлаютъ, а то и лаптишки, и картузъ, и шубёнку,—конечно все старые,—дадутъ. Чисто родные были для меня. Аксинья,—такъ звали хозяйку,—мнѣ и молочка дастъ, и яичко испечетъ. Своему не дастъ, а меня успокоитъ! Когда мнѣ у кого не въ-терпёжъ дѣлалось, я иногда къ ней убѣгалъ, и она меня, бывало, обласкаетъ, гостинцевъ дастъ... Ее же ругали другіе за это: „избалуешь, молъ, паршивца". Нѣтъ, вѣкъ проживу—вѣкъ ее не забуду...

И бобыль перекрестился и сказалъ:

— Дай Богъ ей царство небесное и мужу ея!

— Что это,—скажетъ ему иногда кто-нибудь изъ собесѣдниковъ: — съ насъ подати-то берутъ, да все набавляютъ! Что бы выстроить что-нибудь для сиротъ при волости, что-ль, или гдѣ еще?

— Такая, значитъ, доля сиротская. Потому они сиротами и прозываются, что несчастные,—разъяснялъ бобыль по-своему это недоумѣніе:—потому-то и Богъ велѣлъ имъ помогать.

— Ну, а какъ ты подросъ, куда тебя дѣвали?

— Знамо дѣло, въ пастухи отдали. Но и въ пастухахъ не сладко мнѣ было. Пастухъ былъ свой деревенскій, зналъ, что я сирота и что заступиться за меня некому. Лежитъ себѣ, бывало, день-деньской, а за скотиной смотри я одинъ. Стадо-то было, правда, небольшое, да удобья-то для него не было. Гляди во всѣ стороны: либо въ трясину ягненокъ попадетъ, либо корова къ помѣщику въ хлѣбъ зайдетъ. Все на мнѣ обрывалось. И отъ пастуха-то мнѣ доставалось, да и отъ мужиковъ своихъ. Пастуховъ-то кормятъ хорошо; каждый норовитъ лучшій кусокъ дать, чтобы его скотину онъ лучше призрѣвалъ, а мнѣ многіе, попрежнему, хлѣба дадутъ—и обѣдъ весь.

Не въ терпёжъ мнѣ стало. Пятнадцати лѣтъ ушелъ я изъ деревни своей и нанялся на барскій дворъ телятъ стеречь. Но и тутъ покою мнѣ не было. Осерчали мои деревенскіе, зачѣмъ ушелъ я отъ нихъ, и порѣшили, что сколько годовъ я у нихъ кормился, столько и отслужить долженъ. За мной приходили раза два староста и опекунъ мой; и опекунъ у меня былъ—

Digitized by Google

дядя какой-то мнѣ приходился,—меня и не стали держать нигдѣ... Э... да всего не перескажешь!..

— Ну, а потомъ?

— Потомъ поступилъ къ одному барину въ работники, послали меня пахать, а пахать-то я не умѣю... Приставили опять къ скотинѣ. Прожилъ я у него два года, ночь сплю, день съ кнутомъ хожу. И пришло мнѣ въ голову—чего-чего за день-то не передумаешь? — жениться, обзавестись домомъ, хозяйствомъ. Долго я объ этомъ думалъ. И все мнѣ чудится, что я женюсь на одной нашей дѣвочкѣ, Маланьей ее звали; какъ я сиротой еще по домамъ ходилъ, да потомъ въ пастухахъ, она со мной играла. Мать ея вдова была, бѣднѣ-ѣ-ѣйшая. Мною не гнушались, чѣмъ могли—дѣлились. А дѣвочка-то вовсе со мной сдружилась. А слышалъ я, что она еще не замужемъ—бѣдныхъ-то не скоро берутъ—и вздумалъ я: дай, женюсь на ней! Долго думалъ я объ этомъ, да и рѣшился. Прихожу къ Маланьиной матери. „Такъ и такъ, говорю, отдай Малашку за меня замужъ“!—Да ты ополоумѣлъ, говоритъ, что-ли? Какой же ты женихъ? Да на что ты свадьбу сыграешь? — „Тридцать рублей, говорю, есть у меня“!—А потомъ, куда ты жену приведешь? Домъ, пазьмо, есть у тебя? — „Пазьмо старики дадутъ“. — А домъ? А земля есть? А работать умѣешь?.. Эхъ ты, женихъ! — Только посмѣялась надо мной, да и разсказала всѣмъ, что я свататься вздумалъ за ея дочерью. Тутъ мнѣ вовсе проходу на деревнѣ не было. Женихъ, да женихъ! и ребятишки, какъ увидятъ—„женихъ, кричатъ, идетъ“! Даже Маланья, и та разъ, смѣясь, „женихомъ“ назвала. И такъ мнѣ стало обидно это, что и сказать не могу. Хоть въ оселъ полѣзай! „Всѣ,—думаю я себѣ,—женятся, и никто надъ ними не смѣется. Одинъ я, несчастный, живи вѣкъ—ни угла не знай своего, ни покою“! Въ деревнѣ мнѣ своей проходу не давали: женихъ, да женихъ! И теперь еще коль пройдешь по деревнѣ, меня женихомъ называютъ! Я потому, коль нужно мимо пройти, стараюсь, чтобы меня не видали... задворками гдѣ-нибудь пройдешь, а то ночью... Больше я и не пытался женой обзавестись. А на душѣ—охъ!—и тяжело только было. Посовѣтовалъ мнѣ странникъ одинъ по монастырямъ походить, Богу молиться... Послушался я его. Пошелъ. Странствовалъ я три года. Въ Воронежѣ былъ, къ Троицѣ, въ Кіевъ ходилъ; наконецъ, въ Старый Іерусалимъ собрался. Сначала мнѣ неохотно подавали. Находили, что молодъ больно, чтобы странствовать. Я надѣлъ подрясникъ—тогда стали лучше подавать, „монахомъ“ звали.

Digitized by Google

— Ну, а въ солдаты-то тебя почему не взяли? Вѣдь одиночка.

— Въ солдаты не взяли—не годился. Грыжа у меня.

— Та-акъ. А странствовать почему бросилъ?

— А странствовать, старички, я вотъ почему бросилъ. Ходилъ, ходилъ по монастырямъ, а все тянетъ на родную сторону. Все мерещится домъ, жена, дѣти. Нѣтъ-нѣтъ, да вернусь сюда. Разъ еще—и вспоминать не хочется—задумалъ я свататься. Въ Ситовкѣ была дѣвка-перестарокъ, кривая... одно слово: вѣковушка. „Эта,—думаю,—можетъ пойдетъ за меня". Не тутъ-то было! Посватался:—„Что жъ,—говоритъ,—вдвоемъ побираться, что-ль, вздумалъ? Я лучше у своихъ въ дѣвкахъ проживу". Плюнулъ я на это дѣло. На роду, видно, мнѣ написано, бобылемъ остаться. Случилось въ ту пору со мной вотъ что: иду это я, собираю Христа ради въ деревнѣ Рѣшетовкѣ, верстъ пятьдесятъ будетъ отсюда, подхожу—дѣло было праздникомъ—къ одному дому; вижу, сидятъ всѣ у порога; дѣвочка у старика въ головѣ ищетъ, бабы обѣдъ готовятъ, столъ вынесли. Попросилъ я Христа ради, старуха мнѣ и говоритъ: „Ты, небось, издалека, садись; пообѣдай съ нами". Сѣлъ я. А поодаль, вижу, мальчишка стоитъ, лѣтъ семи, оборванный, грязный и глядитъ на насъ, какъ мы ѣдимъ.—„Это,—говорю,—что за мальчикъ стоитъ?—„А это,—говорятъ,—сирота остался, такъ общество рѣшило его кормить поденно. Измучилъ поганецъ. И безъ него хлѣба не хватаетъ, а тутъ на же! Какой ѣдокъ нашелся"! Сердце-то у меня такъ и ёкнуло. Помню я себя такимъ, и жалко мнѣ его стало, какъ самого себя. Послѣ обѣда я его отозвалъ. — Ѣсть хочешь? — „Хочу",—говоритъ.—А часто не ѣвши сидишь?—„Часто!.. Дядя Микифоръ меня бьетъ и хлѣба не даетъ. А дядя Павелъ мнѣ молочка даетъ!"—Ни дать, ни взять, какъ со мной было съ маленькимъ. И рѣшилъ я какъ-нибудь спасти его. Узналъ я про этого Павла, что кормилъ его хорошо. Оказался бѣдный мужикъ,—бѣдные-то добрѣе бываютъ, — и сговорился я съ нимъ, чтобы онъ взялъ мальчика къ себѣ, а я буду ему носить пищу. Онъ, было, не соглашался, — какъ, правда, довѣриться побирушкѣ?—но кое-какъ я его уговорилъ. Общество охотно согласилось на его предложеніе. И сталъ я ходить къ нему черезъ день или черезъ два. Обходишь округу, наберешь кое-чего; самъ одинъ хлѣбъ ѣшь, а что получше или какую копѣйку подадутъ, несу Санькѣ. Я его и одѣвалъ, и обувалъ. Въ немъ я чисто домъ нашелъ. И я, знать, не лишній на свѣтѣ, кое-кому пригодился! Но,—и бобыль обтеръ слезу,—и тутъ не далъ Богъ мнѣ счастья. Два года ходилъ я за нимъ,—онъ меня „батюшкой" звалъ,—заболѣлъ

Digitized by Google

мой Санька. Двѣ недѣли пролежалъ, и ходили мы за нимъ съ Павломъ,—хорошій мужикъ былъ,—и къ доктору возили... Нѣтъ, не услышалъ Богъ моихъ молитвъ!.. померъ!.. Опять остался я сиротой. Съ тѣхъ поръ и хожу я такъ по міру. Только поближе къ родному мѣсту перешелъ. Сиротъ люблю—самъ сирота. Люди добрые помогаютъ. Бобылемъ зовутъ—такъ вѣдь, правда, бобыль,—правдой не задразнишь. А на душѣ полегчало. Хоть и дома своего нѣтъ, а дѣтокъ Богъ посылаетъ, сколько хочешь!

— Ну, а подъ старость какъ? Небось, плохо будетъ!

— Что будетъ, то будетъ. Можетъ, и меня не бросятъ. Да что о старости думать? Было бы теперь хорошо!

— А водки ты, бобыль, никогда не пьешь?

— Отъ роду въ ротъ хмельного не бралъ ни капли. Пока о домѣ думалъ, на свадьбу собиралъ. А теперь и вовсе каждый грошъ нуженъ. Мнѣ не о водкѣ думать...

Но недолго пришлось бобылю пользоваться своимъ счастьемъ. Хотя ему и сорока лѣтъ не было, но онъ давно уже былъ боленъ. Боли подъ ложечкой — „сердце болитъ“, говорилъ онъ,— становились все сильнѣе и сильнѣе. Онъ давно подумывалъ полежать гдѣ-нибудь, но лежать было негдѣ, да и некогда. Онъ долженъ былъ помогать своимъ „роднымъ“ сиротамъ. Въ особенности привязался онъ къ Костюшкѣ, сапожникову ученику. Кто ихъ бы сталъ поить, кабы онъ слегъ? Вѣдь на то они и сироты! Ходилъ онъ къ доктору въ земскую больницу, но полученное средство не помогло. Болѣзнь все усиливалась. И побирался онъ уже съ трудомъ. Пройдетъ немного и остановится отдыхать. Сборы отъ этого стали хуже.

Пришелъ онъ разъ къ ситовскому сапожнику, принесъ коечто Костюшкѣ и легъ у него ночевать. Ночью съ нимъ сдѣлалось дурно, поднялись сильныя боли со рвотой. Утромъ онъ рѣшительно не могъ подняться. Сапожникъ, полюбившій его, и изъ уваженія къ нему переставшій мучить Костюшку, не зналъ, что и дѣлать. Дня три пролежалъ у него больной. Сапожникова жена старалась, какъ могла, давала ему молока, но и отъ молока— не то что отъ молока—отъ воды,—и то поднималась рвота.

Видитъ бобыль, что въ тягость сапожнику.

— Самъ я,—говоритъ,—конечно, не дойду, а доставь меня какъ-нибудь къ уряднику, — урядникъ жилъ въ Ситовкѣ.—Долженъ же онъ меня въ больницу отправить. А Костюшку ты не обижай... Что, Костюшка, жаль тебѣ будетъ, какъ я помру?

— А то нѣтъ? Кто же мнѣ гостинцевъ тогда принесетъ?

Сапожникъ побожился бобылю, что Костюшку обижать не

Digitized by Google

станетъ, и даже на икону перекрестился. Урядникъ, узнавъ, что боленъ бобыль, — онъ его зналъ,—распорядился отправить его съ сотскимъ въ земскую больницу, въ увѣренности, что его положатъ, какъ трудно-больного. Увѣренъ былъ въ этомъ и самъ бобыль.

Докторъ его осмотрѣлъ, поразспросилъ, пощупалъ и покачалъ головой.

— Мы,—сказалъ онъ,—съ этой болѣзнью не кладемъ въ больницу.

И, замѣтивъ удивленный взглядъ больного, прибавилъ:

— Я тебѣ лекарства дамъ: такъ пройдетъ, Богъ дастъ, на ногахъ.

Какъ ни просили его самъ бобыль и сотскій, какъ ни объясняли безвыходность положенія, докторъ стоялъ на своемъ:

— Съ этой болѣзнью мы не принимаемъ.

Пришлось везти его обратно къ уряднику.

— Что-жъ теперь дѣлать? Вези его въ Зайчики.

— Да вѣдь у меня тамъ нѣтъ ни дома, ни родныхъ,—слабымъ голосомъ замѣтилъ больной.

— Знаю, знаю. Что-жъ теперь дѣлать? Староста и общество что-нибудь придумаютъ.

При словѣ „общество“ морозъ подернулъ по кожѣ бобыля. Вспомнилось ему дѣтство.

„Неужели опять меня начнутъ поденно кормить“?—подумалъ онъ.

Отвезли его въ Зайчики. Остановились съ телѣгой и лежащимъ въ ней больнымъ у дома старосты. Старостой былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, помнившій бобыля, когда онъ былъ маленькій. Староста вышелъ.

— Вотъ привезли вамъ бобыля. Онъ боленъ дюже.

Староста почесалъ въ затылкѣ.

— Та-акъ! Что же мнѣ-то съ нимъ дѣлать? Его въ станъ надо.

— Что же становой-то сдѣлаетъ? Опять къ вамъ его пришлетъ. Вѣдь въ больницѣ онъ былъ: его не приняли. Его бы въ городъ, тамъ больница большая. Тамъ бы его положить.

— Надо у общества спросить.

Бобыля кое-какъ стащили съ телѣги и положили передъ домомъ старосты на лавку. Сидѣть онъ не могъ. Староста же послалъ своего сынишку собирать сходъ. Но слухъ о прибытіи бобыля и такъ облетѣлъ деревушку, и старики сходились безъ зова. За нимъ тащились и бабы, и бѣжали ребятишки посмо-

Digitized by Google

трѣть на бобыля. Они окружили его и перекидывались своими замѣтками.

— Знать, дюже неможется. Гуторить пересталъ.

— Этого женнхомъ дразнятъ?

— Его, его; онъ за тетку Маланью сватался.

Подошла и Маланья, бывшая давно замужемъ за хромымъ, но богатымъ мужикомъ. Хотѣла-было она предложить ему чего, но постѣснилась—боялась насмѣшекъ. Другая баба стала приставать къ нему:

— Поѣсть не хочешь ли чего, голубчикъ?

Больной, не открывая глазъ, махнулъ рукой.

— Эй вы, чего не видали?—крикнулъ староста.—Убирайтесь вонъ отсюда!

Всѣ отодвинулись. Подошли старики, какъ будто надо было имъ видѣть больного, чтобы толковать о немъ.

— Ну, что же, старики, дѣлать? Вишь, какой грѣхъ приключился!

— Что же дѣлать? Къ становому его надо.

Становой ничего не сдѣлаетъ. Урядникъ сюда прислалъ. У станового не больница,—сказалъ старикъ.

— Въ кутузку его посадить, какъ безроднаго, — замѣтилъ одинъ шутникъ.

— Чего зубы чесать? Надо дѣло говорить, а не зря болтать.

— Андрею Трофимову его. Онъ ему родня.

— Какой онъ мнѣ родня? Батюшка-покойникъ надъ нимъ опекуномъ былъ. Говорили, онъ ему какой-то дядя дальній доводился. Нѣшто это родня? Да еще и дядя-то онъ ему былъ по женѣ. А я-то ему вовсе ничто.

— Ну, такъ что же? Въ больницу въ городъ?

— Чтобы онъ тамъ залежалъ еще на нашу шею. Хорошо, какъ онъ скоро поправится, али помретъ, а ну какъ долго пролежитъ? Такой кошель намъ на шею сядетъ—вѣкъ не отмотаешься.

Долго судили и рядили мужики и порѣшили, какъ ни какъ, отправить его въ больницу въ городъ. Сходъ разошелся, и снова обступили больного ребятишки. Но, убѣдившись, что онъ молчитъ и лежитъ не шевелясь, мало-по-малу разошлись. Тѣмъ временемъ подготовили подводу, на которую и уложили бобыля. Поѣхалъ съ нимъ Андрей Трофимовъ, его дальній родственникъ.

На каждой кочкѣ, когда телѣгу встряхивало, больной испытывалъ невыносимыя страданія и все время стоналъ. Эти страданія отвлекли его отъ грустныхъ думъ. Такъ провезли его пять-

Digitized by Google

десятъ верстъ. Но каково было услышать ему въ городѣ, что съ этой болѣзнью не принимаютъ! Андрей Трофимовъ хотѣлъ было его свалить и уѣхать, но фельдшеръ на него прикрикнулъ и пригрозилъ полиціей. Угроза подѣйствовала, и бѣднаго бобыля опять повезли въ Зайчики.

Еще дольше прежняго обсуждался вопросъ о бобылѣ на сходѣ. Рѣшили временно его оставить у старосты и спросить наставленія у старшины. Старшина сказалъ, что это—дѣло общества, и что онъ ничего посовѣтовать не можетъ. Впрочемъ, предложилъ съѣздить къ земскому начальнику.

Земскій начальникъ объяснилъ старостѣ, что по закону они обязаны заботиться о безродномъ больномъ, но что вполнѣ отъ нихъ зависитъ, какъ это устроить.

— Смотри, староста, — прибавилъ земскій:—я справлюсь, чтобы ему было хорошо. Ты отвѣчаешь за него.

Собрался третій сходъ. На томъ, чтобы его кормить по дворамъ, долго и не останавливались. Нельзя же переводить изъ дома въ домъ человѣка, который не можетъ ходить. Затѣмъ нуженъ былъ какой ни на есть уходъ. Слѣдовательно, нужно было найти охотника, который бы взялъ его къ себѣ за извѣстную, конечно, наименьшую плату отъ общества. Дорого бы общество не дало, а дешево—никто не бралъ на себя эту обузу. Настаивали, что обязанъ взять его староста—на то онъ и староста—люби, молъ, кататься, люби и саночки возить. Но староста рѣшительно объявилъ, что въ кругъ его обязанностей это не входитъ.

Выручила Маланья. Въ ней шевельнулось воспоминаніе о старомъ,—можетъ, о томъ, какъ они вмѣстѣ играли,—можетъ, и о томъ, какъ онъ сватался. Какъ бы то ни было, она уговорила мужа взять его къ себѣ за небольшую плату. Ходить же за нимъ обѣщалась сама, Христа ради. Способствовало этому то, что у нихъ былъ домъ о двухъ половинахъ. Въ одной, грязной, и положили больного.

Много, много передумалъ бобыль, лежа на смертномъ одрѣ. И дѣтство безотрадное, и юность, и исканіе счастья—все прошло передъ нимъ. Теперь онъ мучился, чувствуя, что онъ составляетъ обузу для всѣхъ. Онъ слышалъ, что говорилось о немъ и какъ всѣ только и думали, какъ бы сбыть его съ рукъ. Слышалъ онъ и насмѣшки всѣ, и неумѣстныя шутки. И ему было невыразимо больно... Одинъ только образъ Маланьи выдѣлялся. Когда игралъ съ ней ребенкомъ, когда сватался за ней, онъ не любилъ ее, какъ полюбилъ теперь, умирающій. Она, правда, ходила за нимъ,

Digitized by Google

какъ обѣщалась, „Христа ради“, безъ брезгливости, не жалѣя себя. Она уменьшала его страданія и душевныя и физическія.

Онъ разсказывалъ ей урывками, когда могъ говорить, про сиротъ.

— Что-то они, голубчики, дѣлаютъ? Небось, ждутъ меня.

— Ты бы велѣлъ позвать своего Костюшку. Я накажу съ кѣмъ-нибудь ему придти. Въ Ситовку каждый день почесть ходятъ.

— Спасибо, Маланьюшка, накажи, накажи! Мнѣ и дѣло до него есть. Да накажи, чтобы съ хозяиномъ, молъ, пришелъ. Мнѣ надо кое-что съ нимъ переговорить.

На другой день пришелъ сапожникъ съ Костюшкой. Съ нимъ вмѣстѣ пришла и жена его. Она уважала бобыля. Они сразу увидали по его лицу, что говорятъ съ умирающимъ.

Бобыль поцѣловалъ Костюшку.

— Что, неможется?—спросилъ сапожникъ.

— Умирать собрался. Да хотѣлъ Костюшку повидать. Ну, живи, живи, Костюшка. Помолись за меня, когда помру!

И онъ заплакалъ. Заплакалъ и мальчикъ, хотя хорошо не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Э, да чего тутъ? Я хотѣлъ вамъ сказать одну вещь... пока не умеръ. Вотъ въ чемъ дѣло. Я на всякій случай соблюдалъ тридцать цѣлковыхъ: думалъ, ихъ когда-то себѣ на свадьбу употребить. Такъ вотъ эти тридцать рублей хотѣлъ я оставить Костюшкѣ, когда онъ выростетъ и въ люди выйдетъ. Ты хотя и пьешь, а, знаю, человѣкъ хорошій. На, возьми и соблюди ихъ до времени. Выйдетъ Костюшка изъ ученья, ты ему ихъ передай.

Сапожникъ былъ тронутъ и завѣщаніемъ, и довѣріемъ къ нему.

— Вотъ что. Ты знаешь, я человѣкъ слабый,—отдай деньги женѣ. Она ихъ соблюдетъ. Неровенъ часъ — грѣхъ какой случится. Вѣкъ не отмолишь.

— Ну что-жъ! Женѣ твоей—такъ женѣ.

— И не мнѣ отдавай. Мы что? мѣщане: сегодня—здѣсь, завтра—тамъ. Отдай ихъ хозяйкѣ твоей: она—тутошняя. Она лучше соблюдетъ.

Бобыль посмотрѣлъ на Маланью. Она была тутъ же.

— Я не прочь. Для тебя сдѣлаю.—А сама плачетъ.

Костюшка ревѣлъ навзрыдъ.

— Да что вы всѣ плачете? Отжилъ, значитъ, человѣкъ, ну и что же? Лишь тамъ бы было хорошо!

И онъ полѣзъ за пазуху. На ремнѣ, въ кожаномъ же деревенскаго издѣлія кошелькѣ, туго перевязанномъ, лежали завѣтныя

Digitized by Google

деньги. Онъ долго, съ трудомъ ихъ развязывалъ. Это было все его богатство. Вынулъ деньги. Медленно при всѣхъ пересчиталъ и передалъ Маланьѣ. Маланья тоже пересчитала деньги.

— Ты мнѣ отдай кошелекъ-то. Онъ тебѣ теперь не нуженъ. А мнѣ лучше будетъ ихъ сохранять.

Онъ передалъ ей кошелекъ. Она убрала въ него деньги и повѣсила на шею.

— Да, вотъ что. Деньги-то ты отдаешь Костюшкѣ всѣ. А на поминъ себѣ ничего не оставишь?

Бобыль подумалъ.

— Похоронить меня похоронятъ обществомъ. Не Богъ вѣстъ чего гробъ-то стоитъ. Не впервое мнѣ имъ на шеѣ сидѣть. А помянутъ вотъ они... Будешь меня поминать, Костюшка?

— Буду,—отвѣтилъ онъ, хотя не понималъ, что значитъ поминать.

Больному становилось тяжело говорить. Посѣтители ушли. Костюшку онъ долго цѣловалъ и благословлялъ.

На другой день онъ причастился и вскорѣ померъ. Маланья закрыла ему глаза.

II.—Быка покупаютъ...

— Вы что, ребята?

— Къ вашей милости, насчетъ бычка.

— А-га! Вамъ купить или на лѣто въ стадо пустить?

— Хоть такъ, хоть этакъ.

— Ну что жъ, я, ребята, согласенъ. Только лучше вы его купите, а то дешево мнѣ вамъ его въ стадо пустить не придется, потому испортите вы мнѣ его только. А продать лучше. Святое дѣло. Я продалъ, вы купили, денежки отдали—и готово. Изъ головы вонъ.

Разговоръ этотъ происходилъ въ собственномъ родовомъ имѣніи Василья Николаевича Капустина. Онъ сидѣлъ на перилахъ крыльца своего деревяннаго стараго домика и держался за столбъ, чтобы не потерять равновѣсія, такъ какъ ногами онъ болталъ по воздуху, да и перила отъ старости были непрочны. Лѣтъ тридцати-пяти, съ отростающимъ уже животомъ, сильно загорѣлымъ по половину лба лицомъ, онъ, когда говорилъ, все какъ бы улыбался. Улыбка не покидала его даже когда онъ ругался, а ругался онъ изрядно. Если мы прибавимъ, что костюмъ его состоялъ изъ чечунчеваго пиджака поверхъ ночной рубашки, что

Digitized by Google

онъ курилъ, не переставая, папироски, что у него были длинные черные ногти, то мы получимъ довольно полный портретъ его.

Передъ нимъ на землѣ стояли безъ шапокъ два крестьянина: одинъ среднихъ лѣтъ—староста, а другой—старикъ. Оба были въ полушубкахъ, хотя дѣло было наканунѣ Егорьева дня—уже было не только тепло, но и жарко.

Когда Капустинъ заговорилъ про деньги, они переглянулись.

— А нѣшто вамъ теперь деньги? Вы сами знаете,—сказалъ староста,—какія теперь у мужика деньги? Велѣли на частные собрать. Три дня по деревнѣ ходилъ, десяти цѣлковыхъ не набралъ. Мы думали—подъ работу.

— Ну что жъ? Можно и подъ работу.

— А вы что̀ положите намъ, значитъ, сработать?

Василій Николаевичъ подумалъ.

— Да что̀ положить, чтобы не обидно было?.. Ну, ужъ для васъ только... назначу я вотъ что̀... десять десятинъ ржи скосить, связать, свозить; овса тоже скосить, связать, свозить десять десятинъ. Ну, что̀ еще? въ Гараськиномъ углу сѣнокосъ убрать; ну, да денъ сто бабьихъ въ полку проса... вотъ и все.

— Что же, Василій Николаевичъ,—сказалъ старикъ: — ты смѣяться надъ нами вздумалъ?..

— Вѣдь это вы на полтораста рублей насчитали,—прибавилъ староста.

— Какіе же тутъ полтораста рублей? Что̀ вы? ополоумѣли? Двадцать десятинъ по три цѣлковыхъ—шестьдесятъ рублей. Да Гараськинъ уголъ убрать десять рублей, да сто денъ—пятнадцать... восемьдесятъ-пять рублей... вотъ и все. А вы—полтораста!

— Кто жъ это вамъ за три цѣлковыхъ пойдетъ обработать десятину? Да Гараськинъ уголъ за десятку?.. Опять бабѣ—пятиалтынный.

— Какъ? да я ноньче осенью сдавалъ по три рубля.

— Да, старшинѣ въ подать... Мало ли чего не возьмешь, какъ въ тигулевку тащатъ... А за быка по этой цѣнѣ нельзя.

— Ну нельзя, такъ нельзя. Я васъ не неволю. Не берите быка.

— Чего жъ намъ тутъ дѣлать?—сказалъ старикъ старостѣ:—пойдемъ.

— Нѣтъ, на этихъ условіяхъ общество не возьметъ.

— Не хотите, проваливайте. Чего тутъ зубы-то чесать?

Мужики ушли. Поздно вечеромъ еще слышны были на зарѣ голоса громко между собой споривших мужиковъ. Порѣшили не сдаваться и искать въ другомъ мѣстѣ.

Digitized by Google

— Ишь аспидъ! живыхъ ободрать норовитъ!

— А то какъ же ты думалъ? Онъ того и ждетъ, чтобы сорвать!

— Ну, нечего толковать. Можно и на деньги купить, а деньги занять!

Разошлись.

Дня черезъ три—Василій Николаевичъ былъ на конюшнѣ—подходятъ человѣкъ десять мужиковъ, со старостой во главѣ.

— Ага, одумались? Нѣтъ, лучше и сходнѣе моего, ребята, не найдете!—весело сказалъ онъ имъ.

Онъ былъ въ духѣ, потому что любимая его кобыла ожеребила жеребчика отъ казеннаго жеребца. Мужики про это ужъ знали.

— Съ новорожденнымъ васъ, Василій Николаевичъ.

— Спасибо, спасибо. Только зубы-то вы мнѣ не заговаривайте. Не болятъ. Вы насчетъ бычка? Надумались?..

— Надуматься-то, чего надумываться. Мы бы съ великимъ удовольствіемъ, только вотъ что вы насчетъ цѣны намъ скажете?

— Да я же вамъ сказалъ. Чего же еще?

— Эта цѣна неподходящая,—сказалъ староста.—Вы скостите.

— Мы мекали, мекали,—сказалъ другой,—ничего не выходитъ. Въ графскомъ имѣніи какіе бычки, сто двадцать цѣлковыхъ просилъ управляющій.

— Ну, покупайте у графа.

— То-то, что наша сила не беретъ такую цѣну давать!

— У меня никакой силы не надо. Вамъ всего-то эта работа—плюнуть. Замахнули дружно: и рожь къ завтраку вся; тоже и овесъ, и сѣнокосъ, и полка. Вамъ это ничего не стоитъ.

— Кабы ничего намъ не стоила, мы бы ничего не говорили. А то полтораста рубликовъ работа эта стоитъ. Вотъ что! А бычишка не Богъ вѣсть какой. Такихъ на базарѣ много.

— Я вѣдь вамъ не мѣшаю на базарѣ покупать, что хотите.

— Эхъ, баринъ, купили бы, кабы деньги были. Да тогда и вы бы насъ не прижимали. За полусотню бы его отдали.

— А ты не смѣй говорить, что я прижимаю! Я для ихъ же уваженія дѣлаю, а онъ смѣетъ говорить, что я прижимаю! Ступайте вонъ отсюда! Они еще... ругаться!

— Ну, что-жъ, пойдемъ... а грабить себя не дадимъ...

— Живыхъ обобрать норовитъ!

— На кой онъ намъ нуженъ съ быкомъ!

— Еще уваженіе намъ дѣлаетъ...

Digitized by Google

— Чортъ съ нимъ!.. Подавись онъ быкомъ своимъ!..

Все это говорилось, конечно, уже въ почтительномъ отъ Капустина разстояніи, хотя кое-какія выраженія до него долетали. Онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

Къ нему подошелъ его служащій, бывшій и старостой, и скотникомъ.

— Вы, Василій Николаевичъ, не упускайте ихъ! Вѣдь быкъ-то какой-то больной. Кашляетъ, да и тѣло плохо держитъ.

— Знаю... ты меня не учи!.. А они нѣшто моихъ рукъ минуютъ?.. Чудакъ, право!

Снова собрался сходъ. Всѣ говорили, что за такую безумную цѣну покупать быка нельзя ни въ какомъ случаѣ. Рѣшили продолжать поиски и главнымъ образомъ стараться раздобыть денегъ взаймы.

Были еще бычки. Но за нихъ большею частью ломили цѣну непомѣрную.

— Да, помилуйте, въ быкѣ-то въ живомъ двадцати пудовъ не будетъ!

— А вы нѣшто на зарѣзъ его берете? Небось, на племя?

— Вѣстимо, на племя.

— Такъ то-то вотъ и есть.

И мужики уходили. Въ графскомъ имѣніи бычокъ былъ прекрасный, но цѣна ему назначена была сто-двадцать рублей—ни копѣйки меньше.

— Вы бы, Богданъ Карловичъ, намъ его подъ работу дали. Мы сами видимъ—бычокъ хорошъ. Но денегъ у насъ, хоть всю деревню пройти, нѣтъ. А работу мы, какую назначите, въ лучшемъ видѣ сработаемъ.

Подумалъ Богданъ Карловичъ.

— Подъ работу у насъ все съ осени сдается, вы сами знаете... Ну, вотъ что я для васъ придумалъ. Графъ велѣлъ задній прудъ вычистить. Такъ вотъ возьмитесь за быка. Такъ и быть, до осени я вамъ повѣрю. Условіе изъ волостного правленія принесите.

Богданъ Карловичъ имъ подробно объяснилъ, что отъ нихъ требовалось. Сходили на мѣсто. Прудъ обошли, обмѣрили. Смекнули.

— Да вѣдь, Богданъ Карловичъ, работы тутъ на триста цѣлковыхъ, а то и больше. Всю осень съ нимъ провозишься.

— Какъ хотите. Другой у меня работы для васъ нѣтъ.

Хорошъ былъ бычокъ, а дѣлать нечего—ушли мужики. Не успѣшнѣе оказались и поиски денегъ. Богачи въ сосѣднемъ селѣ

Digitized by Google

отказали наотрѣзъ. Они отдѣльнымъ лицамъ еще давали въ займы —все кое-какъ съ нихъ взыщешь судомъ, А съ общества и присудятъ—ничего не получишь. За ними недоимки двухлѣтнія. Что соберутъ—все въ недоимку повернутъ. Есть у нихъ уже такихъ два исполнительныхъ листа—по десяти лѣтъ лежатъ; ничего не получаютъ. Давалъ имъ сто рублей приходскій дьячокъ, но такой процентъ заломилъ, что и говорить не стоило. Прошла недѣля, другая. Стадо въ полѣ ходитъ, а быка нѣтъ. Пошли опять къ Капустину—на этотъ разъ всѣмъ сходомъ. Застали его за вечернимъ чаемъ на крыльцѣ съ женой и дѣтьми. Сняли шапки.

— Мы опять къ вашей милости. Что же бычка-то намъ уступите что-ль?

— Я вамъ сказалъ!.. Чего вамъ еще нужно?.. Коль надумали—тащите условіе.

— Да ты уважь, Василій Николаевичъ, общество-то! Вѣдь грѣхъ будетъ. Мы твои. Скости сколько-нибудь.

— Вамъ не скостить, а набавить слѣдуетъ за то, что вовремя не соглашались. Ну, такъ и быть: десять денъ бабьихъ я вамъ скощу.

— Это что-жъ, Василій Николаевичъ, десять денъ! Ты ужъ ослобони насъ отъ полки. Бабы наши за тебя будутъ Бога молить.

— Ты ихъ пріучилъ, Василій Николаевичъ, топтаться тутъ по цѣлымъ днямъ,—сказала ему жена,—объяви имъ окончательно, что если хотятъ брать, чтобы брали; а не хотятъ—пускай убираются.

— Ну, больше я съ вами говорить не буду. Послѣднее слово сказалъ. Мнѣ некогда.

Говоря это, онъ всталъ и ушелъ въ домъ. Черезъ минуту вернулся.

— Ну, что? Рѣшили?

— Что же съ вами подѣлаешь, Василій Николаевичъ? Видно, надо брать у васъ бычка. Обидно маленько, да ничего не подѣлаешь.

— Ну, согласны, такъ несите условіе.

— Принесемъ, принесемъ.—Черезъ два часа будетъ здѣсь. Староста, махай живѣй!

Староста ушелъ. Мужики потоптались на мѣстѣ.

— Ну, чего же вы стоите? Ступайте съ Богомъ!

— Да какъ же это, Василій Николаевичъ, вѣдь надо бычка вспрыснуть, чтобы здоровъ былъ и приплодъ чтобы былъ хорошій.

Digitized by Google

— Ну, ладно. Безъ этого нельзя. Я дамъ записку въ кабакъ: тамъ отпустятъ.

- Благодаримъ покорно, Василій Николаевичъ, много лѣтъ вамъ жить.

И мужики побрели домой. Вечеромъ проѣзжій могъ видѣть всѣхъ въ сборѣ, и мужиковъ, и бабъ. Всѣ были навеселѣ. Вспрыскивали быка.

— Прижимистъ маленько,—говорилъ одинъ старикъ,—но баринъ хорошій, дай Богъ ему добраго здоровья!

— Чего говорить! Баринъ кредитный.

III.—Мама!.. дззя!..

— Бабушка... а, бабушка!.. дай ты мнѣ его-то! Онъ кричитъ ужъ очень; можетъ, пришло молоко-то,—говорила слабымъ голосомъ молодая женщина, лежа на соломѣ.

— Ну, да что тамъ давать его! Молоку рано придти. На-ка, голубчикъ, сосочку... пососи.

И бабушка сунула соску изъ жеваннаго чернаго хлѣба.

— Такъ-то лучше. Пущай ему кислотой-то животикъ свяжетъ. Скорѣй грыжу отобьетъ.

— Бабушка, его перемѣнить надо. Давай пеленку-то. Вынь изъ сундука... Ахъ, ты мой милый, мой ненаглядный!

— Да ты не очень-то... Небось, нехолодно. И мокрый полежитъ. Ты не Богъ вѣсть сколько припасла ему.

— Что же, бабушка дорогая, я-то подѣлаю? Что заработаю, на хлѣбъ идетъ. Кабы матушка жива была,—ну, тогда дѣло бы другое, а то я кругомъ сиротой осталась. Сестра и та въ томской губерніи. Я и то не знаю, какъ быть. Три рубашки посконныхъ мужниныхъ на пеленки разорвала, да ситцевую на подголовники. Всего-то своихъ три подставки были—одну на свивальники извела. Дѣлай, что хочешь теперь... Да дай ему, бабушка, чего нибудь... онъ кричитъ все... Баю, баю... мой мальчикъ... мое золото ненаглядное... Ну, что, Петръ? Какъ дѣла? Дали?

— Далъ батюшка три рубля,—отвѣчалъ вошедшій въ избу здоровый крестьянинъ, лѣтъ тридцати:—еле выпросилъ; велѣлъ копной отдать, какъ хлѣбъ поспѣетъ. А гдѣ ихъ, копны-то, раздобудешь? Всего полнива въ посѣвѣ... Вотъ развѣ, когда землю дѣлить станутъ, на него дадутъ еще душу,—съ улыбкой прибавилъ онъ, глядя на сына.—Да и три-то рубля еле выпросилъ.

Digitized by Google

Мачиха такой шумъ подняла... бѣда чистая... На крестины еще давай ему, да на похороны ребенку, да на болѣзнь жены. Такъ и няньчись, говоритъ, съ нимъ всю жизнь... Ну, батюшка настоялъ... даже прикрикнулъ на нее.

— Бабушка, да дай ты ему-то чего-нибудь! Вѣдь онъ все кричитъ,—сказала молодая мать.

— Ну, и пущай кричитъ. Я-то что-жъ подѣлаю? Дѣти завсегда кричатъ. На, на, соси!

Бабка опять сунула ему въ ротъ выпавшую-было соску.

— Ну, я теперь пойду, Натальюшка,—сказала бабка.— Надо старика накормить и ребятъ. Они ноньче пахать выѣхали, Господи благослови!

— А ты, Петръ, скоро пахать поѣдешь?—спросила родильница.

— Полниву-то? Когда ни выѣхать, къ обѣду выпишу. Пахота!.. Стоитъ о нашей пахотѣ говорить. Слава Богу, съ шеи барскую пахоту свалилъ, обязательную. А о своей пахотѣ что говорить!

— Да ты, Петръ, купи ему на три копѣйки сѣры. Бабка говоритъ, крикъ у него отъ грыжи. Велѣла сѣры въ хлѣбъ пожевать для соски.

— Ну, что-жъ, сѣры, такъ сѣры. Сейчасъ бѣжать что-ль, аль когда бабка придетъ?

— Нѣтъ, когда пойдешь куда. Дѣловъ много у тебя? а то побылъ бы дома со мной. Бау... бау... Да спи же, голубчикъ мой, спи, родной!.. Грыжа у тебя?.. да?.. грыжа?..

Вскорѣ мальчикъ заснулъ. Задремала и измучившаяся за ночь молодая женщина. Мужъ въ избѣ чинилъ сошной хомутъ...

На Казанскую Петръ сталъ отбивать косу.

— Что это?—спросила жена:—нѣшто мужики завтра косить идутъ?

— Нѣтъ, мужики-то еще не идутъ, а я пойду.

— Рожь-то поспѣла?

— Ходилъ сегодня въ поле, какъ будто можно косить. Конечно, подождать бы еще слѣдовало, да ужъ больно надоѣло по сосѣдямъ ходить. И такъ всѣмъ должны. Коли на сѣмена осьмину оставить, да долги раздать—вотъ тебѣ и полнива вся. Ноньче еще на кулешъ пшена у тестя взялъ. Ничего не подѣлаешь! Надо убрать поскорѣе. А то когда всѣ-то пойдутъ, череда на мельницѣ не добьешься, Что Сема?

— Заснулъ, Богъ далъ. Спасибо, кума Матрена махоточку молока даетъ кое-когда. А то у самой-то у меня молока почти

Digitized by Google

нѣтъ. Вотъ, поспѣютъ огурцы, капуста... картошки будутъ... ну, тогда, можетъ, и у меня молоко будетъ, а теперь съ хлѣба-то не раскормишься.

— Что ты на Старое-Село ходила съ нимъ къ бабкѣ?

— Нѣтъ. Да мало ли по нимъ исходила? Сегодня на барскую усадьбу ходила. Сказывали, фельдшеръ пріѣхалъ. Я и пошла. Говоритъ, кормъ плохой. Оттого и поносъ. Ему не велѣлъ окромя груди ничего давать, да самой мясо ѣсть. А тутъ не то что мяса, и хлѣба-то вволю нѣтъ.

— Ужъ не наняться ли мнѣ, Наталья, въ батраки на барскій дворъ? Они задатки даютъ хорошіе.

— Ну, и возьмешь задатокъ, а тамъ и ломай горбъ цѣлый годъ. А я что жъ тутъ подѣлаю одна безъ тебя?

— Какъ ни кинь—все клинъ. Давай кулешъ ѣсть, что-ли?

— Давай. А мнѣ завтра въ поле съ тобой идти? Слѣдомъ, что-ли, вязать будемъ?

— Можно и слѣдомъ—рожь чистая. Зелена маленько—ну, да снопы поменьше вязать будешь.

На другой день, рано утромъ, Петръ съ женой отправились въ поле. На своей полосѣ онъ выкосилъ уголокъ ржи, отпрягъ лошадь и привязалъ ее къ телѣгѣ, давъ ей корму. Люльку онъ привязалъ къ оглоблѣ, приподнятой и привязанной черезсѣдельникомъ тоже къ телѣгѣ.

— Ну, побудь здѣсь безъ мамы,—говорила она съ сыномъ, точно онъ понимаетъ ее,—поспи, а я тебя занавѣшу отъ мухъ. Спи, голубчикъ! Я скоро вернусь.

Началась работа. Бодро шелъ Петръ впередъ, захвативъ широкій рядъ. Было жарко, и онъ снялъ фуражку. Чтобы волосы не падали въ глаза, онъ ихъ подвязалъ соломеннымъ свясломъ. Изрѣдка онъ останавливался отточить косу. Сзади, нѣсколько отставая, вязала жена. Окончивъ свой рядъ, Петръ помогъ ей довязать конецъ ряда.

— Ты не торопись, Наталья. Отстанешь—я тебѣ подсоблю. Лишь бы снопы большіе не вязать. Рожь-то порядочно сыровата.

Послѣ перваго ряда, когда они вернулись къ телѣгѣ, первымъ дѣломъ матери было броситься къ люлькѣ. Сынъ ея спалъ. Полюбовавшись имъ и прогнавъ приставшую къ его глазу муху, мать опять принялась за работу.

Они опять ушли уже далеко—скоро и второй рядъ будетъ готовъ... Вдругъ Петръ услыхалъ крикъ. Смотритъ... какой-то мужикъ, тоже косившій, издалека бѣжитъ и кричитъ ему что-то, махая рукою.

Digitized by Google

— Чего онъ кричитъ?—сказалъ онъ женѣ.

Вдругъ та вскрикнула и показала на телѣгу. Лошадь испугалась проходившей межою бабы и рвалась у телѣги. Телѣга была на боку. Люлька, все привязанная къ оглоблѣ, лежала на землѣ. Все это лошадь оттащила довольно далеко.

— Сёма! — въ свою очередь крикнулъ Петръ и бросился опрометью къ телѣгѣ. Жена его постояла, какъ вкопанная, и тоже бросилась бѣжать. Какъ она добѣжала—она сама бы не сказала. Она помнила только, какъ Петръ ей крикнулъ:

— Ничего, слава Богу! Не ушибся!

Она помнила, какъ онъ подалъ ей сына, который даже не плакалъ, какъ она его распеленала и убѣдилась, что онъ цѣлъ и невредимъ. Говорить она не могла, рыданья подступали къ ея горлу. Она держала его и, не сводя глазъ съ него, убаюкивала его. Онъ заплакалъ. Она дала ему грудь. Народъ постоялъ, постоялъ вокругъ нея—выѣхавшихъ косить зеленую рожь оказалось не мало—и разошелся. Петръ тоже пошелъ косить, а она осталась съ Сёмой у телѣги.

Иногда ей Сёма ея представлялся подъ ногами у лошади, окровавленный, мертвый... Она рисовала себѣ картину, какъ онъ лежитъ въ гробу съ обезображеннымъ копытами лошади лицомъ. Сердце ея билось до боли; она старалась отогнать отъ себя эти мысли и успокоивалась только при видѣ спокойно спящаго ребенка...

Прошелъ годъ. Въ той же избѣ, въ томъ же углу, гдѣ родила, дремала больная Наталья. Мужъ ея, облокотившись на столъ и подперевши голову руками, сидѣлъ рядомъ съ ней на лавкѣ. Сёма спалъ въ люлькѣ. Въ избѣ была страшная духота и отъ іюльской жары, и отъ только-что протопленной печи. Дымъ стоялъ густымъ облакомъ въ избѣ и лѣниво выходилъ въ отворенную дверь. Вдругъ Сёма закричалъ: „Мама, дзя!“...

— Петръ, дай мнѣ его покормить! Петръ!.. а Петръ!

Петръ, очнувшись отъ глубокой думы, обратился къ женѣ:

— А?.. что?

— Дай мнѣ его покормить!—слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ повторила она.

Петръ осторожно вынулъ ребенка изъ люльки и подалъ его матери. Ребенокъ радостно закричалъ: „дзя!“—и протянулъ впередъ ручки. За годъ онъ выросъ, но казался худымъ, истощеннымъ.

Digitized by Google

— Да что ты его не отымешь? — сказалъ мужъ. — Какое тамъ кормленіе! Сама на ладанъ дышешь. Да и молока-то нѣтъ!

— Вѣдь онъ проситъ! Хоть побалуется! Я-то что жъ подѣлаю?

Ребенокъ взялъ грудь, но, не находя молока, началъ ее теребить.

— Мама, дзя, дзя!..

— Ну, гдѣ же я тебѣ достану молока, мой ангелъ? Потерпи, потерпи немного! можетъ, придетъ!.. Петръ, что съ нимъ будетъ, когда я помру?

Наталья заплакала. Отеръ рукою глаза и Петръ.

— Можетъ, Богъ дастъ, еще поправишься. Тебѣ докторъ далъ лекарство. Можетъ, полегчаетъ.

— Гдѣ ужъ тамъ! Только зря на меня харчишься. Все равно умру! А то лошадь продалъ, да землю заложилъ.

— Лишь бы поправилась. Будемъ вмѣстѣ работать—наживемъ. Я въ батраки пойду.

— О-охъ!.. Мочи моей нѣтъ! Возьми его, да дай молочка.

— Молока нѣтъ—онъ все выпилъ.

— Ну, сходи къ кумѣ Анисьѣ, скажи, что я не могу придти. А Анисья не дастъ—къ своимъ сходи. Вѣдь не помирать же ему съ голоду. И кашки-то нѣтъ. Одинъ хлѣбъ.

Петръ, молча, взялъ кружку и вышелъ. Натальѣ было холодно; она хотѣла привстать, чтобы поправить сбившуюся къ ногамъ дерюгу, которой она покрывалась, но въ глазахъ у нея помутнѣло, и она снова повалилась головой на корсетку, которая замѣняла ей подушку. Сёма кричалъ; но помочь ему она не могла. Сердце ея надрывалось отъ его крика. Наконецъ, мужъ пришелъ и принесъ кружку молока.

— Анисья отказала, да при этомъ была старуха Глухова. Дай Богъ ей здоровья! Какъ услыхала, что ты не встаешь—сама назвалась. „Возьми,—говоритъ,—молочка. У меня много“.

— Ты въ поле пойдешь?—спросила больная.

— Да какъ я пойду-то? Тебя-то нельзя оставить. Я и то заходилъ къ бабкѣ Матренѣ, не побудетъ ли съ тобой денекъ, пока я покошусь у своихъ. Говоритъ,—сама осталась одна съ малыми дѣтьми въ избѣ.

— Иди, иди. Я пролежу одна. Ты обязался у нихъ отработать. У насъ вѣдь своего хлѣба нѣтъ. Не пойдешь—и хлѣба не будетъ... Иди, голубчикъ! Только дай мнѣ его-то... Онъ со мной полежитъ; да молочко поставь тутъ, чтобы я достать могла... Такъ, такъ... Ну, ступай съ Богомъ...

Digitized by Google

Петръ поставилъ молоко и чашку съ водой и намоченными въ ней сухарями изъ чернаго хлѣба, взялъ висѣвшій на стѣнѣ брусокъ, надѣлъ, на всякій случай, кафтанъ и, захвативъ съ собой хлѣба и кувшинъ для воды, направился въ ригу за косой.

— Ну, я пойду. Захочешь ѣсть—я тебѣ поставилъ хлѣба съ водой и соль.

— Ты къ обѣду-то придешь? — спросила его жена, когда онъ выходилъ.

— Приду. А то какъ же? Не на цѣлый же день тебя бросать! Можетъ, тебѣ что̀ понадобится.

— Петръ, а Петръ...—опять остановила она его.

— Что̀?

— Когда я помру, ты женись скорѣе. Только возьми добрую жену... чтобы мачиха его не обижала...

— Да будетъ же! Поправишься... что̀ о смерти думать!

Она замолчала и прижала къ себѣ сына... Мужъ ушелъ.

— Мама, дззя... дззя, мама!

— Да гдѣ же я возьму тебѣ дззя? на молочка, попей, попей!

Онъ попилъ молока, но все лѣзъ къ материнской груди. Она дала себя кусать. Онъ сердился, потомъ, мало-по-малу, успокоился и заснулъ у нея на рукѣ.

Утомленная разговоромъ, она закрыла глаза и старалась заснуть. Но сонъ не приходилъ. Мысли ея улетали далеко, далеко. Вотъ она видитъ себя ребенкомъ. Ей хорошо у мамушки; она цѣлые дни играетъ съ сестрой. Рѣдко, рѣдко ее берутъ въ поле, и то только на полку, оттаскивать на межу соръ. Отецъ ихъ баловалъ. Что̀ за радость, когда онъ привозилъ имъ съ базара гостинцы, кренделей, сѣмячекъ, а то и пряниковъ или куклу глиняную... Вѣдь они жили хорошо. Ахъ, какъ ей хотѣлось въ няньки!.. „Всѣ подруги мои въ нянькахъ; одна я дома сижу безъ дѣла... Мама, отдай меня въ няньки!..“ И ее отдали въ няньки къ сосѣдкѣ Акулинѣ. Какъ она довольна была! какъ ходила за ввѣреннымъ ея попеченіямъ ребенкомъ, не то играя имъ, какъ дѣвочка играетъ куклой, не то ухаживая за нимъ, какъ мать! Всѣ ею довольны, всѣ хвалятъ. Акулина то-и-дѣло даритъ ей то бусы, то платокъ... Она подростаетъ... скоро будетъ невѣстой... Каждый день ходитъ на поденную, когда нѣтъ своей работы. Деньги заработанныя она отдаетъ мамушкѣ. Та прибереγаетъ ихъ къ свадьбѣ ея. На улицѣ, по вечерамъ, она уже стала присматривать жениха... Но никого она не отличаетъ... вѣкъ бы осталась у мамушки!

Digitized by Google

Но не вѣкъ бываютъ счастливы. Мамушка ея заболѣваетъ горячкой; она ходитъ за ней, но ничто не помогаетъ... мамушка умираетъ. Боже! что за горе! И гдѣ у нея слезъ хватило выплакать его?

При мысли о смерти матери больную кольнуло въ бокъ; она вскрикнула и отпила немного сухарной воды; ей стало еще холоднѣе, въ глазахъ начали проходить темные круги. Ей нечѣмъ стало дышать...

— Сёма, Сёма! или я умираю?

Она сдѣлала усиліе рукой, какъ будто прижимаетъ его къ себѣ; рука не слушалась... Она забылась... Но прошлое опять ярко возстало передъ ней. Она уже скоро невѣста. Сестра ея, любимая сестра, уѣхала съ мужемъ въ Сибирь. Первыя письма приходятъ—что тамъ жить хорошо, а дальше пишетъ, что тоскуетъ, что хотѣла бы хоть умереть въ Ивановкѣ... Она—невѣста... Какъ сироту, ее молодые женихи обѣгаютъ... Но вотъ изъ солдатъ приходитъ молодой, красивый Петръ. Она выходитъ за него. Онъ любитъ ее, жалѣетъ. Она счастлива, и понемногу забываетъ мать. Но и тутъ къ счастью примѣшивается горе! Мачиха мужнина начинаетъ на нее нападать ни за что или, можетъ быть, за то, что она сирота... Мужъ терпитъ, думаетъ—заступится отецъ, но отецъ безсиленъ передъ молодой женой... Петра отдѣляютъ почти ни съ чѣмъ. Начинается борьба изъ-за куска хлѣба, работа черезъ силу, чтобы построить хату на концѣ села. Она вынуждена продать свои холсты. Но все ничего: съ мужемъ они живутъ дружно. Наконецъ, родился Сёма, ея возлюбленный Сёма. Она ходитъ за нимъ, какъ можетъ, не жалѣя силы и послѣднихъ средствъ. Спасибо мужу! Онъ не мѣшаетъ ей. Даже помогаетъ, чѣмъ можетъ...

Вспоминаетъ она случай съ лошадью, чуть не убившею Сёму. А вдругъ она, правда, убила бы его!..

Эта мысль заставляетъ ее вздрогнуть. Она чувствуетъ, что холодный потъ выступаетъ на ея лицѣ. Она дѣлаетъ движеніе, чтобы обтереть его, но не можетъ двинуть рукой...

— Боже, неужели я умираю?—мелькнуло у нея въ умѣ.—Разстаться съ Сёмой пришло время! Бѣдный мой мальчикъ! Господи, все ли я вчера сказала на исповѣди, когда я причащалась? Кажется, все...

И она припоминаетъ, что сказала.

— Да, кажется, все. Я умираю... Что же мужъ не идетъ?..

Но мысли путались; боли она не чувствуетъ никакой. Ей хо-

Digitized by Google

чется еще посмотрѣть на сына. Она дѣлаетъ движеніе, чтобы повернуться. Мальчикъ проснулся.

— Мама, дззя... Мама!..

И онъ лѣзетъ къ ея груди. Но она не можетъ помочь ему.

— Господи, я умираю... Господи, пошли счастье Сёмѣ! — мелькнуло у нея въ умѣ.

Но мысль уже не работаетъ, и только машинально губы какъ бы шевелились:

— Сёма... Сёма!..

— Мама, дззя!..—кричалъ мальчикъ и начиналъ сердиться и плакать, что мама дззя не даетъ...

Къ обѣду торопится Петръ; онъ отворяетъ дверь, входитъ. Слышитъ плачъ дѣтскій и крикъ:

— Мама, дззя!..

Петръ наклонился къ женѣ... Сёма кусалъ грудь умершей...

Александръ Новиковъ.

Digitized by Google

И. С. ТУРГЕНЕВЪ

и

П. В. АННЕНКОВЪ

И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ оба принадлежали къ кружку Бѣлинскаго, оба были въ числѣ наиболѣе близкихъ людей къ великому критику. На интимныхъ собраніяхъ этого кружка они и познакомились, что̀ произошло, однако, не ранѣе осени 1843 года. Первая встрѣча будущихъ друзей произошла, впрочемъ, еще въ концѣ 1840 г. въ Берлинѣ, куда Анненковъ только-что пріѣхалъ впервые знакомиться съ Западомъ, а Иванъ Сергѣевичъ былъ наканунѣ возвращенія на родину послѣ университетскихъ своихъ занятій въ прусской столицѣ. „Въ одномъ изъ берлинскихъ кафе (Подъ-Липами) у Спарньяпани, отличавшагося громаднымъ количествомъ нѣмецкихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ,—писалъ впослѣдствіи Павелъ Васильевичъ,—я встрѣтилъ, однажды вечеромъ, двухъ русскихъ высокаго роста, съ замѣчательно красивыми и выразительными физіономіями, Тургенева и Бакунина, бывшихъ тогда неразлучными. Мы даже и не раскланялись; ни съ однимъ изъ нихъ я еще не былъ знакомъ и не предчувствовалъ близкихъ моихъ отношеній къ первому [1])“. Съ первыхъ же дней знакомства Тургеневъ близко сошелся съ Анненковымъ. Дружба эта продолжалась до самой смерти Ивана Сергѣевича и съ годами лишь крѣпла, несмотря на то, что впослѣдствіи друзьямъ приходилось встрѣчаться го-

[1]) Воспом. и критич. очерки. III, 61.

Digitized by Google

раздо рѣже, чѣмъ въ первые годы ихъ знакомства. Ничье имя такъ часто не встрѣчается въ письмахъ Ивана Сергѣевича, какъ имя Анненкова. При перечнѣ своихъ близкихъ Тургеневъ его ставитъ всегда на первое мѣсто. „Пріятелей здѣшнихъ я видѣлъ всѣхъ, начиная, разумѣется, съ Анненкова",—пишетъ, напримѣръ, Иванъ Сергѣевичъ Фету 15 февраля 1860 г. изъ Петербурга. Когда друзьямъ приходилось бывать въ одномъ городѣ, Павелъ Васильевичъ становился „завсегдатаемъ" у Тургенева, по выраженію послѣдняго. Никто не умѣлъ лучше Ивана Сергѣевича ни защищать Анненкова, ни рекомендовать его. Встрѣчаясь съ нимъ, въ 1847 г., въ Парижѣ, Тургеневъ пишетъ, напримѣръ, г-жѣ Віардо: „По вечерамъ я иногда видаюсь съ друзьями, особенно съ г. Анненковымъ, милымъ малымъ, обладающимъ столь же тонкимъ умомъ, сколь обширнымъ тѣломъ". —„Вы видаете Анненкова теперь,—писалъ Иванъ Сергѣевичъ гр. Л. Н. Толстому 8 декабря 1856 г.,—помните, какъ онъ вамъ не нравился? А теперь вы, я надѣюсь, убѣдились, что онъ человѣкъ и умный, и хорошій. Чѣмъ больше вы его будете знать, тѣмъ онъ станетъ вамъ дороже, повѣрьте мнѣ". Черезъ 25 лѣтъ послѣ этихъ строкъ онъ писалъ Салтыкову: „Вотъ и насчетъ нашего общаго друга, П. В. Анненкова, вы несправедливы. Я знаю, какого онъ высокаго мнѣнія о васъ.—Онъ ни къ кому не относился свысока да иронически—станетъ онъ начинать съ васъ! Вы, можетъ быть, не замѣтили, что онъ до крайности стыдливый человѣкъ и даже робкій. Вы этого не разглядѣли подъ его напускною развязностью. Конечно, онъ современникъ Гоголя и Бѣлинскаго; но онъ точно также чувствуетъ себя современникомъ Языкова и Маслова и нисколько отъ этого не отказывается". Тургеневъ правъ былъ поэтому, когда писалъ Анненкову еще въ 1861 г.: „моя привязанность къ вамъ—старинная, сердечная". Правъ былъ и Павелъ Васильевичъ, когда признавался, уже послѣ смерти своего друга, что „пристрастіе и слабость ко мнѣ составляли у него (Тургенева) родъ физіологическаго признака". И намъ понятны будутъ эта любовь, эта привязанность, когда узнаемъ, какъ велико было значеніе для Ивана Сергѣевича сорокалѣтней дружбы его съ Анненковымъ.

Въ біографической литературѣ о Тургеневѣ уже давно отмѣченъ тотъ фактъ, что Иванъ Сергѣевичъ каждое свое новое произведеніе, за двумя, тремя исключеніями, еще въ рукописи прочитывалъ или посылалъ на судъ Анненкову, отъ него сначала просилъ отзыва. Павла Васильевича называли, такимъ образомъ, „первымъ критикомъ" Тургенева, придавая этому выраженію

Digitized by Google

тотъ именно смыслъ, что мнѣнія Анненкова болѣе всего вызывали поправки и передѣлки при окончательной редакціи новаго произведенія. Самъ Иванъ Сергѣевичъ подавалъ поводъ къ такимъ заключеніямъ. Вотъ что онъ писалъ, напримѣръ, М. М. Стасюлевичу 6 марта 1874 г.: „Это первое мое произведеніе (рѣчь идетъ о „Пунинѣ и Бабуринѣ"), которое попадаетъ въ печать, не подвергнувшись критикѣ моихъ пріятелей, а въ особенности П. В. Анненкова, которому я всегда давалъ читать мои рукописныя вещи, и совѣты котораго были всегда чрезвычайно дѣльны и драгоцѣнны для меня. Если „Пунину и Бабурину" суждено явиться въ свѣтъ не раньше мая, то я успѣю еще отослать рукопись къ Анненкову въ Ниццу—и, получивъ его замѣчанія, сдѣлать нужныя сокращенія, прибавленія или варіанты, которые бы я столь же поспѣшно препроводилъ вамъ, такъ чтобы вы имѣли ихъ подъ рукой задолго до напечатанія самой повѣсти".

Тургеневъ, дѣйствительно, высоко цѣнилъ своего друга, какъ критика. Отзываясь о его работахъ, Иванъ Сергѣевичъ всегда употреблялъ выраженія, что онѣ написаны „умно и дѣльно" [1]). Онъ цѣнилъ въ немъ и то, за что Анненкова до сихъ поръ обвиняютъ, будто Павелъ Васильевичъ принадлежалъ, какъ критикъ, къ типу „нельзя не признаться, но должно сознаться", т.-е. ничего не хвалилъ и не порицалъ съ полной силой и опредѣленностью, а обыкновенно сопровождалъ свои заключенія оговорками. Ему ставятъ въ вину отсутствіе даже намека на полемическую рѣзкость. Все это, будто бы, дѣлало его критическую дѣятельность вялой, скучной, прѣсной. Тургеневъ былъ иного мнѣнія объ этихъ особенностяхъ своего друга. Онъ признавалъ, что Павелъ Васильевичъ писалъ „иногда запутанно въ выраженіяхъ", но Иванъ Сергѣевичъ былъ противникомъ слишкомъ рѣзкихъ, рѣшительныхъ приговоровъ. Онъ не любилъ, когда говорили: „здѣсь все черно, а тамъ все бѣло". Точно также относительно полемики Анненковъ отмѣчалъ свою солидарность съ Тургеневымъ, когда писалъ послѣднему 21 окт. 1872 г.: „Я благодаренъ вамъ за двѣ книжки „Отечественныхъ Записокъ", гдѣ, впрочемъ, читать нечего, исключая статью Салтыкова о пѣнкоснимателяхъ, да яростной полемики Михайловскаго (очень умнаго и бойкаго юноши) съ „Петербургскими Вѣдомостями". Этотъ дѣйствуетъ по-американски: „Вы, г. Буренинъ, дуракъ и шалопай, вонючій клопъ—и больше ничего". Славно, даже въ

[1]) Письма, стр. 135; Фетъ. Воспомин. II, 290.

Digitized by Google

жаръ кидаетъ нашего брата, привыкшаго выражать свою злобу и другія гнусныя чувства, по малой мѣрѣ, иносказательно. Къ сожалѣнію, оба эти ирокеза, и Салтыковъ, и Михайловскій—правы, а что̀ еще важнѣе—занимательны и забавны".

И для насъ критическое дарованіе Анненкова является несомнѣннымъ, особенно въ установкѣ наиболѣе правильныхъ взглядовъ на дѣятельность и художественное творчество Тургенева. Нѣкоторые приговоры Павла Васильевича до сихъ поръ являются еще новыми, звучатъ какъ бы ересью въ хорѣ предвзятыхъ сужденій. Такъ онъ „Новь" считаетъ ничуть не ниже „Дворянскаго гнѣзда", „Отцовъ и Дѣтей", ни по художественному, ни по общественному значенію, а „Записки охотника" нисколько не выше позднѣйшихъ произведеній Тургенева, въ чемъ вполнѣ сходился съ самимъ авторомъ.

Несомнѣнно, на окончательную отдѣлку произведеній Тургенева Анненковъ оказывалъ вліяніе, но его, однако, не слѣдуетъ преувеличивать. Съ полной очевидностью вскрывается изъ писемъ Ивана Сергѣевича совершенно свободное и самостоятельное отношеніе его къ замѣчаніямъ Павла Васильевича. Онъ настолько же твердо отвергалъ отзывы своего „перваго критика", разъ не соглашался съ ними, насколько охотно принималъ и совѣты другихъ друзей, если только считалъ эти совѣты правильными. Въ письмѣ къ М. С. Щепкину отъ 3 дек. 1848 г. изъ Парижа Тургеневъ пишетъ по поводу своего „Нахлѣбника": „Пріятель нашъ Герценъ, которому я читалъ мою комедію, сдѣлалъ два небольшихъ замѣчанія, которыя просилъ меня сообщить вамъ (и съ которыми я совершенно согласенъ). Во-первыхъ, онъ находитъ, что Кузовкину не слѣдъ носить дворянскій сюртукъ, а частный, а во-вторыхъ, онъ въ сценѣ, гдѣ Елицкій выходитъ отъ жены, уже все узнавши, и видитъ, что Тропачевъ забавляется надъ Кузовкинымъ—въ словахъ: „Да-съ, Флегонтъ Александровичъ, я признаюсь, удивляюсь: что̀ вамъ за охота, съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашимъ образованіемъ, заниматься такими—*смѣю сказать*—пустыми шутками"—предлагаетъ: „смѣю сказать" замѣнить фразой „извините за выраженіе", потому что, по его мнѣнію, *смѣю сказать* не идетъ въ устахъ петербургскаго чиновника". Впрочемъ, „смѣю сказать" такъ и осталось незамѣненнымъ въ печатномъ текстѣ „Нахлѣбника". С. Т. Аксаковъ, по прочтеніи первой половины „Рудина", писалъ Тургеневу: „Какъ при вашемъ вкусѣ, тактѣ и чувствѣ приличія могла написаться извѣстная страница (я разумѣю: бурчанье въ животѣ и пахъ, и сохъ) страница въ началѣ вашей повѣсти. Воля ваша,

Digitized by Google

а этому причиною цинизмъ петербургскаго общества"... Мѣсто, не понравившееся С. Т. Аксакову, есть разсказъ Пигасова объ одномъ умирающемъ, находящійся во второй главѣ повѣсти; при перепечаткѣ ея Тургеневъ сдѣлалъ въ этомъ мѣстѣ сокращенія и измѣненія [1]). Въ 1874 г., по поводу „Живыхъ мощей", Иванъ Сергѣевичъ писалъ Полонскому въ отвѣтъ на его замѣчанія: „Хотя слово „умный" въ смыслѣ „умственный" вездѣ употребляется священнымъ писаніемъ („умныя очи" и т. д.) и слышалось мною не разъ въ устахъ простыхъ людей, но, для избѣжанія недоразумѣнія, прошу тебя этотъ эпитетъ выкинуть. Тѣмъ легче это сдѣлать, что Лукерія говоритъ: „а мысленный, умный грѣхъ, батюшка",—оставь одинъ эпитетъ: „мысленный". Дѣйствительно, въ окончательной редакціи разсказа мы не находимъ этого слова.

Однако, особенное вліяніе Анненкова на творчество Тургенева надо искать не въ области „сокращеній, прибавленій или варіантовъ", а въ другой, болѣе обширной и важной. Но для выясненія этой послѣдней сферы необходимо предварительно охарактеризовать отношенія Ивана Сергѣевича къ критикѣ, къ общественному мнѣнію, насколько послѣднее касалось его литературной дѣятельности.

По выходѣ въ свѣтъ новаго своего произведенія, Тургеневъ готчасъ начиналъ прислушиваться къ возбужденнымъ толкамъ и замѣчаніямъ, закидывалъ друзей вопросами о впечатлѣніи, производимомъ новою вещью на нихъ и на публику, настойчиво искалъ отзывовъ въ газетахъ и журналахъ. Глубоко огорчался несправедливыми или поспѣшными приговорами, искренно радуясь въ то же время всякому сочувствію и одобренію. Не только письма, но и печатныя статьи его не-беллетристическаго характера свидѣтельствуютъ на каждомъ шагу, съ какимъ вниманіемъ относился Иванъ Сергѣевичъ къ критикѣ, какъ близко къ сердцу принималъ ея сужденія. Не самолюбіе руководило здѣсь Тургеневымъ, не авторское тщеславіе или погоня за популярностью. Усиленно прислушиваться къ общественному мнѣнію заставляли Ивана Сергѣевича причины болѣе нравственныя, болѣе серьезныя. Отвѣчая на лестные для него отзывы о „Нови" С. К. Брюлловой и ея отца, К. Д. Кавелина, Тургеневъ писалъ первой: „Прежде всего ваше письмо причинило мнѣ великую радость: вслѣдъ за письмомъ вашего отца, оно было мнѣ залогомъ того, что я не ошибся совершенно—и что написанное мною имѣетъ право существовать. Послѣ всѣхъ сомнѣній, высказанныхъ дру-

[1]) „Русск. Обозрѣніе", 1894 г., № 12.

Digitized by Google

гими,—а главное—послѣ собственныхъ сомнѣній и колебаній,—это, дѣйствительно, большая радость. Тутъ дѣло не въ литературномъ самолюбіи, которое во мнѣ никогда слишкомъ сильно не было,—а въ другомъ, болѣе серьезномъ чувствѣ". Кавелину же онъ развилъ свою мысль подробнѣе: „Мой романъ имѣетъ для меня самого важное значеніе: тутъ идетъ вопросъ не объ упадкѣ или сохраненіи таланта, не о степени успѣха въ публикѣ,—къ этому я отношусь если не равнодушно, то спокойно, какъ подобаетъ человѣку, уже убѣленному сѣдинами и усталому,—вопросъ идетъ о томъ, совладалъ ли я съ задачей, постановка которой казалась мнѣ вѣрною, но исполненіе которой (а, вѣдь, вся суть въ исполненіи!) могла внушать мнѣ справедливыя сомнѣнія и опасенія. Эти опасенія были тѣмъ болѣе естественны, что задача-то была уже больно трудна. И вотъ вы, человѣкъ столь же чуткій, сколь правдивый—настоящій другъ и настоящій судья, въ одно и то же время—приходите и говорите мнѣ: „Работа хороша, все вѣрно и ладно", и даже прибавляете: спасибо—и въ такихъ выраженіяхъ, которыя не могли меня не тронуть... какъ же мнѣ не радоваться? Благодаря васъ, я самого себя глажу по головкѣ, и теперь, какая бы ни была „литературная" судьба „Нови", я уже знаю, знаю навѣрное, что я не потерялъ времени даромъ и сослужилъ—и отслужилъ службу моему поколѣнію, пожалуй, даже моему народу".

Вотъ почему Тургеневъ всегда говорилъ: „мнѣніемъ молодежи нельзя не дорожить", за что̀ иной разъ сильно попадало Ивану Сергѣевичу отъ его пріятелей. Фетъ готовъ былъ видѣть здѣсь „постыдное подлизываніе къ мальчишкамъ". В. П. Боткинъ, въ письмѣ къ тому же Фету отъ 8 іюня 1866 г., говоритъ, что Тургеневъ „не можетъ примириться съ тѣмъ, что въ молодомъ поколѣніи онъ потерялъ всякое значеніе. Нечего сказать, есть чѣмъ дорожить! Я бы желалъ, чтобы мнѣ уяснили, какое значеніе имѣетъ большинство нашего молодого поколѣнія, съ его тупостью, всяческимъ невѣжествомъ, наглостью и самоувѣренностью дураковъ?" Иванъ Сергѣевичъ еще лучше Боткина видѣлъ недостатки нашей критики 60-хъ и 70-хъ годовъ, критики, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія. Онъ открыто, и въ письмахъ, и въ статьяхъ своихъ, указывалъ отсутствіе въ ней свободы, предвзятость взглядовъ, пристрастіе къ модѣ. Онъ не закрывалъ глаза на ея несправедливыя выходки по отношенію къ себѣ, и отмѣчалъ ихъ не одними грустными размышленіями, а иной разъ насмѣшкой и негодующимъ протестомъ. „Давать мнѣ en passant плюхи, повидимому, est très bien porté въ ны-

Digitized by Google

нѣшней литературѣ, въ родѣ тирольскихъ шляпъ: послѣдняя мода!"—писалъ Тургеневъ Анненкову 26-го октября 1869 года. Въ слѣдующемъ году, въ рецензіи своей на стихотворенія Полонскаго, онъ высказалъ между прочимъ: „Въ послѣднее время я самъ себѣ напоминалъ тѣ турецкія головы, о которыя посѣтители народныхъ гуляній пробуютъ свои силы ударомъ кулака; не было ни одного начинавшаго критика, который не попыталъ бы надо мною своего размаха". И все-же, несмотря на сознаніе всѣхъ недостатковъ и крайностей общественнаго мнѣнія, взглядовъ молодежи, русской критики,—что было для Тургенева равносильно въ горячіе годы царствованія Александра II,—не смотря на это, онъ оставался вѣренъ тому, что высказалъ еще въ началѣ своей литературной карьеры начинающему писателю К. Н. Леонтьеву (9 іюня 1853 г.): „Не думайте, пожалуйста, что можно шутить съ публикой—написать, какъ вы говорите, „что-нибудь полное лжи и лести" для денегъ, а потомъ показаться въ настоящемъ свѣтѣ. Знайте: публику не надуешь ни на волосъ—она умнѣе каждаго изъ насъ; знайте также, что, принося ей всего себя, всю свою кровь и плоть, вы должны быть еще благодарны ей, если она пойметъ и оцѣнитъ вашу жертву, если она обратитъ на васъ вниманіе; и это понятно, скажу болѣе: это справедливо. Не вы ей нужны,—она нужна вамъ. Вы хотите завоевать ее, такъ напрягайте всѣ ваши силы. Я этимъ не хочу сказать, чтобы вы должны были угождать ей, служить ея вкусамъ; нѣтъ, будьте тѣмъ, чѣмъ васъ Богъ создалъ, давайте все, что въ васъ есть, и если вашъ талантъ оригиналенъ, если ваша личность интересна, публика признаетъ васъ, и возьметъ васъ, и будетъ пользоваться вами, какъ, напримѣръ, въ другой сферѣ дѣятельности она приняла гуттаперчу, потому что она нашла гуттаперчу вещью полезной и сподручной". Насколько Иванъ Сергѣевичъ былъ вѣренъ въ продолженіе всей своей дѣятельности высказанному здѣсь взгляду, можетъ служить доказательствомъ одно изъ лучшихъ его стихотвореній въ прозѣ: „Услышишь судъ глупца...", законченное словами: „Будемъ стараться только о томъ, чтобы приносимое нами было точно полезною пищей... „Бей меня! но выслушай! — говорилъ аѳинскій вождь спартанскому. „Бей меня—но будь здоровъ и сытъ!—должны говорить мы".

Понятно намъ будетъ послѣ всего изложеннаго, какъ необходима была Тургеневу нравственная поддержка, какъ важно было, при его совѣстливомъ отношеніи къ читающей публикѣ, при его неподдѣльной авторской скромности, слышать дружескій

Digitized by Google

и твердый голосъ, ободряющій его и укрѣпляющій въ немъ сознаніе своего призванія. Такую поддержку, всегда неизмѣнную, всегда дружескую, находилъ Иванъ Сергѣевичъ въ Анненковѣ. Характеренъ особенно слѣдующій эпизодъ, разсказанный Павломъ Васильевичемъ въ его воспоминаніяхъ (перепискѣ) о другѣ: „Почти тотчасъ послѣ прибытія моего изъ деревни (1859 г.), я получилъ отъ Тургенева въ Петербургѣ довольно странную записочку: „Любезнѣйшій П. В., со мной сейчасъ случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчасъ была графиня Ламбертъ съ мужемъ, и она, прочитавши мой романъ [1]), такъ неопровержимо доказала мнѣ, что онъ никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ A до Z,—что я серьезно думаю—не бросить ли его въ огонь? Не смѣйтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мнѣ часа въ три,—и я вамъ покажу ея написанныя замѣчанія, а также передамъ ея доводы. Она, безъ всякаго преувеличенія, поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту—и я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ—не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. Приходите-ка, мы потолкуемъ—и, можетъ быть, и вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впослѣдствіи бранить себя. Я все это пишу не безъ досады, но безо всякой желчи, ей-Богу. Жду васъ и буду держать огонь въ каминѣ. Весь вашъ И. Т.“ Огонь въ каминѣ оказался не нуженъ. Черезъ полчаса размышленія сообща—авторъ убѣдился самъ, что непривычка къ политическимъ мотивамъ въ художническомъ дѣлѣ была одна изъ причинъ недовольства его критика—точно такъ же, какъ заявленная критикомъ невозможность допустить увлеченія болгарской идеей на Руси, и особенно въ женскомъ сердцѣ, породила всѣ тѣ упреки въ несообразностяхъ, рѣзкостяхъ и преувеличеніяхъ, какія пришлось выслушать отъ него автору съ глазу на глазъ. Графиня Ламбертъ была женщина чрезвычайно умная и чуткая къ красотѣ поэзіи, но, какъ большинство развитыхъ русскихъ женщинъ, не любила, чтобы искусство искало помощи и содѣйствія политики, философіи, чего-либо посторонняго, хотя бы даже науки вообще“.

Понятна намъ теперь также и та тревога, какую испытывалъ иногда Тургеневъ относительно судьбы своего новаго произведенія въ ожиданіи отзыва отъ Анненкова. А. Л. въ своихъ воспоминаніяхъ объ Иванѣ Сергѣевичѣ передаетъ, напримѣръ, слѣдующія слова Тургенева, только-что пославшаго своему „пер-

[1]) „Наканунѣ“.

Digitized by Google

вому критику"—„Старые портреты": „Я очень долго не работалъ, а теперь (1880 г.) написалъ небольшую вещь. Стоила она мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ—одна переписка ея отозвалась на мнѣ такими головными болями, такою усталостью, какихъ я никогда не испытывалъ. И, навѣрно, вещь будетъ плохая... то-есть, можетъ быть, и не совсѣмъ плохая, но, во всякомъ случаѣ, слабая. Я послалъ ее Анненкову, которому даю на прочтеніе всѣ вещи до напечатанія... Посмотрю, что онъ мнѣ о ней скажетъ" [1]).

Но Павелъ Васильевичъ былъ не менѣе полезенъ Тургеневу и послѣ выхода того или другого изъ произведеній послѣдняго, именно тѣмъ, что становился посредникомъ между публикой и своимъ другомъ, особенно во время продолжительныхъ пребываній Ивана Сергѣевича за границей. Анненковъ умѣлъ съ надлежащимъ безпристрастіемъ передавать ему отзывы публики, откидывая отъ нихъ всякіе наносы разыгравшагося не въ мѣру русскаго остроумія, указывая и на благопріятныя мнѣнія печати и общества, обыкновенно ускользавшія отъ вниманія Тургенева, слишкомъ чуткаго ко всякой непріязни и несправедливости. Вотъ какъ резюмировалъ, напримѣръ, Павелъ Васильевичъ своему другу въ 1871 г. впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ памфлетомъ Достоевскаго на автора „Дыма" въ „Бѣсахъ": „Вы, кажется, единственный человѣкъ, если исключить закоренѣлыхъ литературщиковъ нашихъ, который узналъ въ Кармазиновѣ то, что хотѣлось Достоевскому представить. Намѣреніе, конечно, очевидно въ этомъ лицѣ, но все это такъ каррикатурно, ухищренно и беззубо, что я не встрѣчалъ еще, по чистой совѣсти, души, которая бы сказала мнѣ: „Тургеневъ выведенъ на сцену". Это болѣе удовлетворяетъ злобу автора, чѣмъ вредитъ постороннему или оскорбляетъ кого-либо". Впечатлѣніе, произведенное на публику и журналистику „Вешними водами", Анненковъ описываетъ такъ (10 янв. 1872 г.): „Повѣсть ваша имѣетъ большой, даже восторженный успѣхъ въ публикѣ, который не отражается въ литературѣ, гдѣ все толкуютъ, что въ ней нѣтъ никакого вопроса. Желающіе имѣть серьезный видъ тоже выражаютъ эту новую мысль, но заглушены энтузіастами, а послѣднихъ много. Таковы почти всѣ мои знакомые безъ исключенія, особенно женщины. Хоръ похвалъ и восхищеній все еще ростетъ—вы можете быть спокойны... Заключаю повтореніемъ, что и философы, жаждущіе вопроса, сознаются, что мастерство изложенія и рельеф-

[1]) „Сѣверный Вѣстникъ" 1887, кн. 3, стр. 72.

Digitized by Google

ность характеровъ и положеній врядъ ли далѣе могутъ быть усовершенствованы". Но Павелъ Васильевичъ не утѣшать хотѣлъ Тургенева во что̀ бы то ни стало; онъ не стѣснялся, напримѣръ, указывать на тѣ, не совсѣмъ благопріятныя мнѣнія публики, которыя совпадали съ его собственными. Такъ онъ рѣшительно подчеркивалъ взглядъ критика и общества, что „Конецъ Чертопханова" является диспаратомъ къ „Запискамъ охотника", нарушаетъ ихъ цѣльность.

Способность Анненкова къ широкимъ и осторожнымъ обобщеніямъ была полезна Ивану Сергѣевичу и въ другихъ случаяхъ. „Энциклопедически-панорамическое перо" Павла Васильевича, по шутливому замѣчанію его друга, дѣлало Анненкова незамѣнимымъ корреспондентомъ, знакомившимъ Тургенева, въ періоды его отлучекъ съ родины, со всѣми новостями русской, особенно петербургской жизни. Иванъ Сергѣевичъ считалъ его „мастеромъ резюмировать данный моментъ эпохи" даже въ простыхъ, на̀скоро составленныхъ письмахъ, почему часто обращался къ нему съ просьбой не оставлять извѣстіями о томъ, что̀ „кипитъ и гремитъ" вокругъ него, или—„какіе ходятъ теперь политическіе и литературные слухи въ нашей сѣверной столицѣ".—„Получилъ я ваше письмо и по обыкновенію узналъ изъ него лучше всю суть современнаго положенія петербургскаго общества, чѣмъ изъ чтенія журнальныхъ корреспонденцій и т. д.; говорю вамъ спасибо"—находимъ, напримѣръ, въ письмѣ Тургенева къ Анненкову отъ 11 дек. 1861 г. Оно и понятно, если принять во вниманіе обширный кругъ знакомыхъ Павла Васильевича. О многочисленности его связей съ самыми разнообразными по характеру и направленію кружками писателей достаточно свидѣтельствуютъ его воспоминанія. Не даромъ люди, относившіеся къ Анненкову недоброжелательно, говаривали, что онъ и извѣстенъ лишь тѣмъ, что былъ другомъ всевозможныхъ извѣстностей. Иванъ Сергѣевичъ, правда, зналъ ихъ еще больше и нерѣдко гораздо лучше своего друга, но это нисколько не роняетъ значенія писемъ Павла Васильевича. Про связи же послѣдняго съ кружками, стоявшими на верху общества, достаточно говоритъ уже одна переписка его съ Тургеневымъ. „Висбаденъ нашъ,—пишетъ онъ 21 окт. 1872 г. Ивану Сергѣевичу,— превращается въ мѣсто отдохновенія русскаго государственнаго персонала, болѣе или менѣе разбитаго параличомъ или загноившаго свои печени и легкія. Сюда стеклись на зиму: Корфъ съ женой, Н. Адлербергъ, Альбединскій съ женой—la grande demoiselle сдѣлалась... матроной, m-me Дубельтъ, какая-то теперешняя нѣмецкая графиня,

Digitized by Google

княгиня Кочубей, не говоря уже о рядовыхъ генералъ-адъютантахъ. Ждутъ еще Вяземскаго. Къ величайшему моему изумленію, оказывается, что все это мои старые знакомые, которые при встрѣчахъ ласково помахиваютъ мнѣ руками и очами"... У Тургенева было не меньше, чѣмъ у Анненкова, знакомствъ въ томъ кругѣ, но, подолгу живя за границей, онъ скорѣе могъ принимать въ своемъ кабинетѣ короля и королеву прусскихъ, какъ это бывало въ Баденѣ, чѣмъ русскихъ генералъ-адъютантовъ.

Въ интересахъ возможно полной оцѣнки значенія для Ивана Сергѣевича дружбы Анненкова необходимо указать еще на то, что послѣдній былъ незамѣнимымъ человѣкомъ для Тургенева, какъ коммиссіонеръ. Иванъ Сергѣевичъ засыпалъ его всевозможными порученіями, чуть не въ каждомъ письмѣ. „А теперь, à la hâte, два, три порученія",—пишетъ онъ въ одномъ посланіи.—„Въ отвѣтъ на ваше письмо имѣю сообщить вамъ нѣсколько свѣдѣній и, какъ водится, кой-о-чемъ попросить васъ", — пишетъ Тургеневъ въ другомъ.—„Вчера я писалъ вамъ—и нынче пишу снова, но уже съ припаденіемъ къ стопамъ; а почему я прибѣгаю къ такой позѣ, о томъ слѣдуютъ пункты"...—такъ приступаетъ онъ къ перечню порученій въ третьемъ письмѣ, и т. д. Просьбы Ивана Сергѣевича были самыя разнообразныя и касались предметовъ литературныхъ, семейныхъ, денежныхъ; заключали въ себѣ рекомендаціи, ходатайства, различныя справки и т. д. Всѣ онѣ аккуратно исполнялись Павломъ Васильевичемъ и вызывали самую горячую благодарность Тургенева, хотя и выражавшуюся иногда въ формѣ веселой шутки. „Всякое письмо къ вамъ должно, по настоящему, начинаться съ благодарственнаго гимна",—читаемъ въ одномъ письмѣ Ивана Сергѣевича. „Вы—гранитная скала, бронзовая колонна, адамантъ! На васъ можно всегда и во всемъ положиться"—такъ начинаетъ онъ другое письмо къ другу. Порученія и просьбы касались иногда вполнѣ интимныхъ сторонъ жизни Тургенева, не доступныхъ не только взорамъ постороннихъ, но и остальныхъ друзей его. Въ письмѣ отъ 24 дек. 1868 г. онъ пишетъ, напримѣръ, Анненкову о своемъ двоюродномъ братѣ (положенномъ впослѣдствіи въ основу типа „Отчаяннаго"): „У меня есть N. N., пьяница, воришка и часто битый по мордѣ, до самаго дна всякой житейской тины, распущенности и бѣдности дошедшій человѣкъ. Я получилъ отъ него письмо (оказывается, что онъ въ Петербургѣ,—до сихъ поръ онъ былъ писцомъ въ какомъ-то сельскомъ обществѣ), и въ этомъ письмѣ онъ,—разумѣется, расточая всякія клятвы и обѣщанія исправиться,—проситъ меня о сторублевомъ вспомоще-

Digitized by Google

ствованіи. Этого я ему не дамъ, онъ немедленно все пропьетъ,— но каждое первое число, начиная съ января, выдавайте ему изъ моихъ денегъ, которыя вамъ доставитъ Кишинскій, по пяти рублей, ни копѣйки больше и ни однимъ днемъ раньше срока, съ условіемъ: не пускать его дальше вашей передней и не удостоивать его разговоромъ, а то онъ что-нибудь у васъ украдетъ. Мнѣ очень совѣстно, что я васъ ставлю въ отношеніе съ такимъ козломъ, но по крайней мѣрѣ успокойте меня обѣщаніемъ, что вы не допустите его къ себѣ". Въ другомъ письмѣ къ Анненкову читаемъ: „Узнайте адресъ Е. Я. Шварцъ, сестры жены моего брата. Эту несчастную, полумертвую чахоточную дѣвушку братъ (или, вѣрнѣе, жена его) прогналъ изъ своего дома безо всякой причины на другой день послѣ того, какъ я въ Дрезденѣ вручилъ ему письмо отъ другой сестры его жены, съ просьбой о пособіи, и теперь это злополучное существо безъ всякаго призрѣнія и безъ паспорта гибнетъ въ Петербургѣ. Она желала бы, чтобы ее хоть въ госпиталь помѣстили; но вы, съ свойственной вамъ мягкостью, узнайте, въ чемъ дѣло, и вручите ей отъ моего имени сто рублей, которые я вамъ съ благодарностью возвращу. Я ей предлагалъ поселиться у меня въ деревнѣ (она уже и прежде тамъ жила). Вы и объ этомъ съ нею поговорите. Словомъ, пролейте нѣсколько капель елею на эту по истинѣ достойную сожалѣнія рану. Большое вамъ будетъ за то спасибо".

Послѣ всего сказаннаго выше съ достаточной очевидностью обнаруживается не только первостепенное значеніе переписки Тургенева съ Анненковымъ [1]), но и рѣшающее значеніе воспоминаній и сужденій Павла Васильевича объ авторѣ „Отцовъ и Дѣтей". Анненкову русская читающая публика обязана многими правильными взглядами на жизнь и творчество Ивана Сергѣевича. Многіе приговоры критика, несмотря на всю ихъ несомнѣнность, до сихъ поръ еще не усвоены публикой, какъ, напримѣръ, приведенныя уже нами мнѣнія о „Запискахъ охотника" и „Нови". Зато, къ сожалѣнію, слишкомъ усвоены ею нѣкоторые ошибочные взгляды Павла Васильевича. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ два, какъ наиболѣе далекіе отъ истины.

Можетъ быть, Анненкову болѣе всего обязанъ Тургеневъ тѣмъ распространеннымъ мнѣніемъ, будто въ послѣднія одиннадцать лѣтъ своей жизни онъ „полюбилъ" Францію и прежде

[1]) Нельзя отъ души не пожалѣть, что послѣднія десять лѣтъ этой переписки утрачены вслѣдствіе прекращенія журнала „Русское Обозрѣніе", куда она была передана покойнымъ Л. Майковымъ.

Digitized by Google

всего потому, что Франція стала для Ивана Сергѣевича мила сама по себѣ. Особенно рѣшительно высказался критикъ по поводу слѣдующаго мѣста письма своего друга отъ 10-го іюня 1859 г.: „Все французское для меня воняетъ, и ужъ, коли выбирать, лучше возиться съ французскими épiciers, чѣмъ съ французскими beaux esprits. Я живу въ Виши въ скромномъ отелѣ, гдѣ вижу за table d'hôt'омъ нѣсколько французскихъ épiciers; особенно одинъ изъ нихъ плѣнителенъ. Онъ убѣжденъ, что русскіе мужики продаютъ своихъ дѣтей—„pour le sérail du Grand Kan des Tartares, monsieur!" (въ сераль великаго хана Тартаріи, государь мой!)—и прибавляетъ: „Ah, monsieur! quelle sale chôse que la réligion de Mâhomet!" Я, разумѣется, его не разувѣряю. Здѣшнія мужички сильно ругаются и употребляютъ необыкновенно замысловатыя выраженія. Недавно одна изъ нихъ при мнѣ говорила своему двухлѣтнему сыну: „Satané bougre d'anisette". Удивительное сцѣпленіе идей". Приведя этотъ отрывокъ, Анненковъ замѣчаетъ: „Анекдоты о плѣнительномъ épicier и о ругающейся матронѣ могли быть и вымышлены, но они показываютъ, какъ тогда смотрѣлъ Тургеневъ на французскую культуру, и какъ относился къ странѣ, которую такъ любилъ впослѣдствіи [1])". Мнѣніе Павла Васильевича было бы понятно, еслибы рѣчь шла только о Наполеоновскомъ режимѣ, но дѣло касается тутъ французской культуры вообще, независимо отъ той или другой политической формы ея. Насколько Анненковъ неправъ во мнѣніи объ особенной любви Ивана Сергѣевича къ Франціи 70-хъ годовъ, лучше всего можно видѣть изъ отзывовъ Тургенева о французской литературѣ, одинаково скептическихъ, какъ для временъ имперіи, такъ и для 70-хъ годовъ. Но взгляды Ивана Сергѣевича на французскую литературу настолько интересны и для выясненія ихъ существуетъ столь значительный матеріалъ, что излагать ихъ въ настоящемъ очеркѣ едва ли умѣстно. Они требуютъ самостоятельной статьи. Обратимся поэтому къ другимъ даннымъ. Въ концѣ 1872 г., на слова Анненкова: „Скажите, ради Бога, почему же это непремѣнно надо быть осломъ даже и геніальному французу, какъ только онъ потянетъ носомъ другой воздухъ, чѣмъ тотъ, какой самъ испустилъ!"—Тургеневъ отвѣчалъ: „то, что вы говорите о неспособности французовъ понимать не свое и объ ихъ невѣжествѣ, до сихъ поръ совершенно вѣрно". М. Драгомановъ не преувеличивалъ, когда писалъ по поводу своихъ встрѣчъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ

[1]) Вѣстникъ Европы", 1885 г., мартъ, стр. 27—28.

Digitized by Google

1878 г.: „Замѣчательно было у этого отъявленнаго западника постоянное скептическое отношеніе къ западнымъ европейцамъ, особенно къ французамъ, среди которыхъ онъ жилъ". Тургеневъ не разъ въ послѣдніе годы своей жизни называлъ французовъ „копѣшниками" [1]). Сравнивая отзывы Ивана Сергѣевича о Франціи 70-хъ годовъ съ его же отзывами о ней за періодъ имперіи, можно замѣтить лишь ту разницу, что позднѣйшіе взгляды не выражаются въ столь рѣзкихъ и сильныхъ словахъ, какъ болѣе ранніе. Но причина этого заключалась не столько въ перемѣнѣ симпатій къ Франціи, сколько въ перемѣнѣ въ самомъ характерѣ Тургенева. Подъ старость онъ сдѣлался чрезвычайно терпимъ къ чужимъ мнѣніямъ, снисходителенъ къ чужимъ недостаткамъ, сталъ очень невзыскателенъ ко всему тому, что̀ касалось его лично. Въ ноябрѣ 1869 г. Иванъ Сергѣевичъ писалъ Фету: „Къ сожалѣнію, я уже попрежнему спорить не могу и не умѣю; флегма одолѣла до того, что нѣсколько разъ въ день приходится съ нѣкоторымъ усиліемъ расклеивать губы, слипшіяся отъ долгаго молчанія". Въ іюнѣ 1871 г. онъ писалъ тому же Фету. „Въ пятьдесятъ-три года человѣкъ не позволяетъ себѣ думать, чтобы онъ могъ кого-нибудь или что-нибудь измѣнить. Да и къ чему мѣняться? Жизненнаго бремени не облегчишь, и каждому самому удобнѣе знать, какъ ему возиться съ этимъ чурбаномъ. Иной его кладетъ на голову, другой на спину, а третій просто волочитъ по землѣ. И то все благо, то добро".—„Tout casse, tout passe, tout lasse",—говаривалъ онъ еще позднѣе своему брату. То, что̀ раньше сердило и возмущало Ивана Сергѣевича во французахъ, то теперь дѣйствовало на него не такъ сильно. Если Тургеневъ въ 70-хъ годахъ былъ сдержаннѣе въ отзывахъ о недостаткахъ французовъ, то онъ въ равной степени былъ сдержаннѣе и въ чувствахъ довольства своею жизнью во Франціи. Мы не найдемъ ни одного мѣста въ письмахъ его 70-хъ годовъ равнаго по теплотѣ чувства тѣмъ строкамъ письма къ Анненкову изъ Куртавнеля отъ 1 августа 1859 г., гдѣ Иванъ Сергѣевичъ говоритъ, какъ хорошо „сидѣть передъ раскрытымъ окномъ и глядѣть въ неподвижный садъ, медленно мѣшая образы собственной фантазіи съ воспоминаніями далекихъ друзей и далекой родины. Въ комнатѣ свѣжо и тихо, въ корридорѣ слышны голоса дѣтей, сверху доносятся звуки Глюка... Чего больше?"...

Да и вообще симпатіи Тургенева къ Западу Анненковъ не то что преувеличивалъ, а объяснялъ нѣсколько односторонне. Онъ

[1]) Воспоминанія Полонскаго. „Нива", 1884.

Digitized by Google

писалъ: „Европа была для него (Тургенева) землей обновленія: корни всѣхъ его стремленій, основы для воспитанія воли и характера, а также и развитія самой мысли заложены были въ ея почвѣ—и тамъ глубоко развѣтвились и пустили отпрыски. Понятно становится, почему онъ предпочиталъ съ-молода держаться на этой почвѣ, пока совсѣмъ не утвердился на ней. Не мало упрековъ отъ соотечественниковъ вынесъ онъ на вѣку своемъ за это предпочтеніе, казавшееся имъ обиднымъ; нѣкоторые изъ нихъ видѣли тутъ даже отсутствіе національныхъ убѣжденій, космополитизмъ обезпеченнаго человѣка, готоваго промѣнять гражданскія обязанности свои на комфортъ и легкія потѣхи заграничнаго существованія, и проч., и проч. Ни въ одномъ изъ взводимыхъ на него преступленій Тургеневъ, конечно, не провинился, да ими и не могъ провиниться человѣкъ, литературная дѣятельность котораго,—то-есть, другими словами, вся задача жизни,—ничего иного никогда и не высказывала, кромѣ постоянной, пламенной думы о своемъ отечествѣ, и который жилъ ежедневной мыслью о немъ, гдѣ бы ни находился, что̀ хорошо извѣстно и старымъ, и новымъ его знакомымъ. Не отсутствіе народныхъ симпатій въ душѣ и не надменное пренебреженіе къ строю русской жизни сдѣлали Европу необходимостью для его существованія, а то, что здѣсь обильнѣе текла умственная жизнь, поглощающая пустыя стремленія, что въ Европѣ онъ чувствовалъ себя болѣе простымъ, дѣльнымъ, вѣрнымъ самому себѣ и болѣе свободнымъ отъ вздорныхъ искушеній, чѣмъ когда становился лицомъ къ лицу съ русской дѣйствительностью [1])“. На самомъ дѣлѣ существенной оговоркой къ изложенному взгляду являются слѣдующія признанія самого Ивана Сергѣевича на вечерней бесѣдѣ 4-го марта 1880 г. въ Петербургѣ, дословно записанныя слушателями: „Послѣднія двадцать лѣтъ,—разсказывалъ онъ,—я почти все время провелъ и провожу за границею. Такова судьба, выпавшая на мою долю. Я люблю семейство, семейную жизнь, но судьба не послала мнѣ собственнаго моего семейства, и я прикрѣпился, вошелъ въ составъ чуждой семьи, и случайно выпало, что эта семья—французская. Съ давнихъ поръ моя жизнь переплелась съ жизнью этой семьи... Перемѣняетъ она мѣсто жительства—и я съ нею; отправляется она въ Лондонъ, Баденъ, Парижъ—и я переношу свое мѣстопребываніе вмѣстѣ съ нею“ [2]). А внѣ любимой семьи Тургеневу все-же приходилось

[1]) Воспом. и критич. очерки, III, 191.

[2]) „Русская Старина“, 1883, октябрь.

Digitized by Google

за границей имѣть дѣло съ живыми людьми, а не съ отвлеченными результатами блестящаго умственнаго развитія Европы, и не одному Писемскому онъ высказывалъ: „жить русскому за границей тоже невесело: невесело видѣть, до какой степени всѣ насъ ненавидятъ, всѣ, не исключая даже французовъ! Россія должна замкнуться въ самое себя и не разсчитывать ни на какое внѣшнее сочувствіе“ (письмо отъ 26-го окт. 1876).

Анненковъ гораздо ближе къ истинѣ, когда подробно объясняетъ въ своей статьѣ по поводу „Дыма“ западничество Тургенева не привязанностью къ „видимой“ Европѣ, которую составляютъ, такъ сказать, живые люди, а преданностью той „малоизвѣстной“ Европѣ, которая заключаетъ въ себѣ результаты *общечеловѣческаго* развитія.

Анненкову не менѣе, чѣмъ другимъ русскимъ критикамъ, обязана публика тѣмъ предвзятымъ взглядомъ, по которому Иванъ Сергѣевичъ своими произведеніями, будто бы, проводилъ теорію, „въ силу которой русская жизнь распадалась на два элемента—мужественную, очаровательную по любви и простотѣ женщину, и очень развитого, но запутаннаго и слабаго по природѣ своей мужчину“ [1]). Послѣдній элементъ или типъ особенно интересовалъ критика, являясь главной опорой его теоріи,—какъ видно изъ болѣе раннихъ статей Анненкова: „И. С. Тургеневъ и Л. Н. Толстой“ (1854 г.) и „Литературный типъ слабаго человѣка“ (по поводу Тургеневской „Аси“ 1858 г.); какъ видно изъ этихъ статей, критикъ понималъ подъ сильнымъ „развитіемъ“ не только научное и философское образованіе природнаго ума, но и выдающуюся чуткость совѣсти, честность натуры; подъ „запутанностью“—стремленіе къ возвышеннымъ, отдаленнымъ цѣлямъ, не замѣчающее ближайшихъ обязанностей человѣка, иногда даже нѣсколько брезгливо относившееся къ нимъ; наконецъ—подъ „слабостью“ критикъ понималъ простую безхарактерность, тряпичность натуры, отсутствіе воли. Павелъ Васильевичъ сначала полагалъ, что эту теорію Тургеневъ проводилъ до самаго „Дворянскаго гнѣзда“, затѣмъ ограничилъ свой взглядъ временемъ появленія „Рудина“, считая послѣднюю повѣсть „погребальнымъ вѣнкомъ на гробѣ всѣхъ старыхъ разсказовъ Тургенева объ абстрактныхъ русскихъ натурахъ“. Но, съ легкой руки Анненкова, публика приложила эту теорію уже ко всѣмъ произведеніямъ Ивана Сергѣевича, не исключая „Новь“. Далѣе,—допуская законность примѣненія своего взгляда ко всему поколѣнію 40-хъ

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1884, кн., 2, стр. 460.

Digitized by Google

годовъ, критикъ рѣшительно выдѣлялъ изъ этого разряда несостоятельность людей передовыхъ, дѣятелей эпохи, и самого Тургенева, какъ человѣка съ недюжинной волей. „Рѣдкіе изъ людей,—писалъ Павелъ Васильевичъ, — выказали болѣе выдержки въ характерѣ, чѣмъ онъ". Публика опять оказалась тутъ прямолинейнѣе—она и самого Ивана Сергѣевича отнесла къ разряду высоко развитыхъ, но лишенныхъ воли героевъ.

Не было бы всѣхъ этихъ ошибокъ, еслибъ Анненковъ не увлекся на этотъ разъ излишнимъ обобщеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для доказательства своей мысли, кого онъ выставляетъ, какъ „очень развитыхъ, но слабыхъ людей", на кого онъ указываетъ совершенно опредѣленно, не скрываясь, не блуждая среди намековъ и не всегда ясныхъ ссылокъ на типы другихъ произведеній Тургенева и его современниковъ? На Вязовнина („Два пріятеля"); Астахова, Веретьева („Затишье"); Рудина и героя „Аси". Вязовнинъ еще подходитъ подъ эту теорію, но про остальныхъ этого сказать нельзя. Астаховъ—человѣкъ практическій, настойчиво добивающійся благосостоянія, выгодной партіи, уже совсѣмъ не является типомъ очень развитого и въ то же время безхарактернаго героя. Самъ же Анненковъ въ другомъ мѣстѣ той же статьи указываетъ на то, что Астаховъ обрисовывается въ повѣсти „совершенно пустымъ" человѣкомъ, неспособнымъ „понимать благородное въ жизни и мысли". Такъ же мало оправдываетъ основной взглядъ Павла Васильевича и Веретьевъ. Очень неглупый, даже, пожалуй, даровитый, но мало образованный, онъ представляетъ собою типъ избалованнаго кутилы, быстро облѣнившагося и подъ конецъ спившагося совершенно. „Сила и блескъ Веретьева,—говоритъ опять какъ бы нечаянно и въ противорѣчіе себѣ критикъ,—суть явленія чисто физическія, условливаемыя молодостью, свойствомъ раздражительности органовъ и обращенія крови". Гдѣ же тутъ Гамлетовскія черты? Слабохарактерность Рудина усматриваютъ обыкновенно въ его отказѣ жениться на Наташѣ. Но при чемъ здѣсь воля, крѣпость ея или безсиліе, когда Рудинъ не любилъ очарованной имъ дѣвушки? Указываютъ также, какъ на признакъ слабоволія, на практическую безрезультатность стремленій Рудина. Но развѣ упорный, постоянный порывъ къ дѣятельности, проявляемый имъ, есть признакъ безхарактерности? „Съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ тобою,—говорилъ онъ Лежневу,—я переиспыталъ и переизвѣдалъ многое... Начиналъ я жить, принимался за новое разъ двадцать". Человѣкъ, лишенный воли, не станетъ искать,

Digitized by Google

не станетъ горячо и съ увлеченіемъ браться за новое дѣло, потерпѣвъ неудачу на предъидущемъ. Неужели шестимѣсячное голоданіе въ землянкахъ за разработкой проекта углубленія рѣки въ компаніи съ Курбѣевымъ—есть признакъ отсутствія характера? Практическая безплодность стремленій Рудина происходила не отъ отсутствія воли, а отъ незнанія имъ русской жизни, ея потребностей, ея нуждъ. Тщетность его усилій объясняется полной неподготовленностью къ тому, чего болѣе всего ожидало русское общество, русскій народъ, наконецъ, при тогдашней обстановкѣ и условіяхъ, отъ людей, непосредственно съ нимъ соприкасающихся. „Несчастье Рудина состоитъ въ томъ,—говорилъ про него Лежневъ,—что онъ Россіи не знаетъ, и это, точно, большое несчастье. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится! Космополитизмъ—чепуха, космополитъ—нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи. Но, опять-таки скажу, это не вина Рудина: это его судьба, судьба горькая и тяжелая, за которую мы-то ужъ винить его не станемъ“. Лишь подъ конецъ своей жизни, послѣ цѣлаго ряда неудачъ и разочарованій, съ надорванными уже силами, пришелъ Рудинъ къ тому заключенію, что настоящимъ дѣломъ считать можно и то, когда человѣкъ „слѣпую бабку и все ея семейство своими трудами прокормитъ“.

Въ героѣ „Аси“ выведенъ не „слабовольный“ человѣкъ, а неопытный юноша, застигнутый врасплохъ страстными признаніями дѣвушки, оригинальной, глубоко привлекательной и милой, но которую герой, конечно, не любилъ. Въ чемъ онъ выразилъ свою слабость? Въ томъ, что не до конца поддался обаянію ея внезапной любви? Въ томъ, что не съумѣлъ оцѣнить ея честной натуры, всей поэзіи ея молодости? Да, наконецъ, почему мы знаемъ, что̀ вышло подъ конецъ изъ героя „Аси“? По лирическимъ отступленіямъ автора естественнѣе всего предположить, что изъ него вышелъ человѣкъ не менѣе положительный, чѣмъ, напримѣръ, Лаврецкій, типъ далеко не безхарактернаго или лишеннаго воли героя.

Въ статьѣ своей „Молодость Тургенева“ Анненковъ пишетъ: „Требовательная критика разбирала, послѣ Рудина, человѣка съ большими претензіями и ничтожной волей, перенося на все по-

Digitized by Google

колѣніе сороковыхъ годовъ презрѣніе, которое возбуждалъ въ ней этотъ типъ". Стало быть, русская критика относила отчасти и самого Тургенева не только къ разряду слабыхъ людей, но и людей, достойныхъ презрѣнія. Справедливымъ упрекомъ звучатъ слова Павла Васильевича; но вина въ распространенности этого крайняго мнѣнія среди поколѣній шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ падаетъ частью и на самого П. В. Анненкова.

Н. Гутьяръ.

Digitized by Google

ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА

РОМАНЪ.

— Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck. Ein Roman in vier Büchern. Berl. 1902.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Одутловатое лицо доктора, съ подстриженными по военному усами и съ мѣдно-красноватымъ оттѣнкомъ кожи, въ эту минуту почти побагровѣло.

Въ смущеніи, онъ провелъ рукою по коротко остриженнымъ волосамъ, но тотчасъ же его коренастая, широкоплечая фигура приподнялась, и онъ схватилъ за плечо мальчика, стоявшаго передъ нимъ съ мрачнымъ и упрямымъ выраженіемъ въ глазахъ.

— Ты этого не сдѣлаешь?—спросилъ онъ и понизилъ голосъ до той хрипоты, которая часто предшествуетъ сильнымъ вспышкамъ гнѣва.

Стройная, тонкая фигура мальчика отшатнулась отъ прикосновенія тяжеловѣсной руки, и по всему его тѣлу на мгновеніе пробѣжала дрожь. Но лицо его, изящно очерченное, съ энергичнымъ, немного согнутымъ носомъ, печальнымъ ртомъ и темными, смѣлыми глазами, не выразило никакого страха. Напротивъ, въ немъ чувствовалась непреклонная рѣшимость сопротивляться.

Digitized by Google

— Я не могу и не хочу,—проговорилъ онъ, сжимая руки, и зрачки его, казалось, расширились.

Докторъ ударилъ его. Мальчикъ вздрогнулъ, какъ подстрѣленный олень, но не издалъ ни звука; только возлѣ его плотно сжатыхъ губъ появилась страдальческая черта.

— Ты будешь просить прощенія, будешь просить прощенія у своего класснаго наставника? — выговорилъ докторъ, задыхаясь.

Мальчикъ только покачалъ головою.

— Еще разъ—будешь или нѣтъ?

— Я не могу! Я ничего не сдѣлалъ.

Съ минуту докторъ оглядывался, ища чего-то, пока его глаза не упали на хлыстъ, лежавшій на письменномъ столѣ. Онъ схватилъ его быстрымъ движеніемъ. Потомъ посмотрѣлъ на свою жертву, выйдя изъ себя отъ ярости, и чувствуя, что разсужденіями съ нимъ ничего не подѣлаешь.

Мальчикъ поднялъ голову. Все его напряженное лицо выражало страшную рѣшимость и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то жуткое было въ немъ, какъ будто какое-то предостереженіе. Казалось, это лицо говорило: „Не бей меня, физическую боль я почти не замѣчу, но ты разобьешь во мнѣ что-то такое, чего уже никогда нельзя будетъ исцѣлить".

Этотъ взглядъ пронизалъ доктора, какъ жало, и лишилъ его послѣдняго самообладанія.

— Увидимъ, кто сильнѣе, я или ты!

Онъ размахнулся, и хлыстъ со свистомъ опустился на тѣло мальчика.

Онъ откинулся назадъ, но вдругъ крѣпко стиснулъ зубы и весь какъ будто выросъ. Онъ выпрямился и стоялъ твердо, не сгибаясь ни подъ однимъ ударомъ.

На мгновеніе докторъ остановился. Онъ вдругъ почувствовалъ, что въ этотъ часъ между нимъ и его сыномъ началась борьба, послѣдствія которой должны были врѣзаться во всю ихъ послѣдующую жизнь. Все зависѣло отъ того, кто окажется сильнѣе, и онъ снова хотѣлъ броситься на сына, но дверь отворилась, и молодая женщина, слабо вскрикнувъ и съ выраженіемъ смертельнаго ужаса, прикрыла мальчика собою.

Хлыстъ попалъ ей по лицу и оставилъ на немъ кровавый рубецъ.

Докторъ растерялся и отодвинулся назадъ.

— Уйди!—сказала вошедшая мальчику, и въ голосѣ ея послышался какъ бы отзвукъ сдержаннаго рыданья.

Digitized by Google

Мальчикъ колебался, но подчинился умоляющему взгляду матери. Когда дверь за нимъ затворилась, то оцѣпенѣніе доктора прошло.

— Ты съ ума сошла?—выговорилъ онъ съ трудомъ.—Ты хочешь мнѣ совсѣмъ испортить мальчишку?

Онъ хотѣлъ оттолкнуть ее и броситься вслѣдъ за ушедшимъ.

— Не теперь, ради Бога, не теперь!—сказала она и подняла немного свои сложенныя бѣлыя руки.

Онъ посмотрѣлъ сбоку на стройную, тонкую фигурку съ жалостью и съ нѣкоторымъ страхомъ. Она имѣла такой хрупкій видъ, и такое страданіе и грусть лежали на ея лицѣ и выражались въ широко раскрытыхъ сѣрыхъ глазахъ, устремленныхъ на него съ страстною тоскою и безконечнымъ страхомъ. Когда онъ узналъ ее, много лѣтъ тому назадъ, то говорилъ ей, что у нея взглядъ Спасителя, возбуждающій въ немъ робость и покорность. Съ помощью однихъ своихъ глазъ она могла управлять имъ, исправлять и очищать отъ всякой житейской грязи. Она смотрѣла тогда на него недовѣрчиво, съ мучительной улыбкой, становившейся съ годами все болѣе блуждающей, мученической и не отъ міра сего.

Эта улыбка и теперь остановила доктора. Онъ тяжело опустился на стулъ, заскрипѣвшій подъ его грузнымъ тѣломъ, и проговорилъ, не глядя на нее:

— Это все плоды твоего воспитанія. Мальчикъ строптивъ и упрямъ; ни въ школѣ, ни дома нельзя его обуздать. Его хотятъ исключить изъ гимназіи, потому что онъ и другимъ внушаетъ неповиновеніе, и его примѣръ дѣйствуетъ заразительно. Еслибы я не былъ знакомъ съ этими господами, еслибы они не относились съ уваженіемъ ко мнѣ и моему общественному положенію, то его бы выгнали, и вышелъ бы изъ него разбойникъ и воръ.

Она слабо уронила руки, и выраженіе напряженнаго страха замѣнилось выраженіемъ усталости. Она почти не слушала его.

— Если онъ не попроситъ, какъ слѣдуетъ, прощенія, пусть не показывается мнѣ на глаза, — или я ему переломаю всѣ ребра. Я...

Лобъ его покраснѣлъ. По всему было видно, что его начиналъ охватывать новый приступъ злобы. Онъ злился на самого себя, и не могъ себѣ простить, что въ такія минуты чувствовалъ себя передъ нею такимъ маленькимъ, что позволялъ управлять собою. Это сознаніе еще усиливало его досаду, и онъ рѣзкимъ

Digitized by Google

движеніемъ повернулъ къ ней голову. Но въ комнатѣ уже никого не было. Она исчезла, по своему обыкновенію, совершенно неслышно.

Въ первую минуту лицо его выразило растерянность и изумленіе, но потомъ онъ грубо разсмѣялся:

— Вотъ такъ женщина! Исчезаетъ, точно какое-то видѣніе!

Онъ тяжело поднялся и заперъ дверь на задвижку. Потомъ бросился на темный кожаный диванъ и закурилъ сигару. Онъ выпускалъ большіе голубоватые клубы дыма. Они поднимались и заволакивали операціонный столъ, шкафъ съ инструментами и большой черный письменный столъ, на которомъ вытянулись до самаго потолка полки съ книгами. Онъ почувствовалъ усталость, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ, не успѣвъ договорить какого-то браннаго слова.

II.

Нигдѣ въ цѣломъ домѣ не могла она отыскать своего бѣднаго мальчика. Прислуга тоже не знала, гдѣ онъ. Она наскоро обѣжала весь садъ, стоявшій въ полномъ лѣтнемъ расцвѣтѣ. Потомъ, удрученная и озабоченная, обошла еще разъ всѣ дорожки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружавшую ее красоту.

Этотъ созданный ею садъ считался одною изъ достопримѣчательностей города; на него, обыкновенно, обращали вниманіе пріѣзжихъ. Но сегодня фрау Тамара проходила мимо художественно составленныхъ группъ деревьевъ и цвѣтущихъ кустовъ, не замѣчая ничего вокругъ себя. Взглядъ ея дѣлался все безпокойнѣе. Она остановилась надъ небольшимъ темнымъ прудомъ, окруженнымъ густыми ивами. Загадочно шумѣли по вѣтру развѣсистыя деревья, отражаясь въ горной глубинѣ. Ея сердце замерло. Она оглядѣлась вокругъ съ свойственной ей мучительной улыбкой и, все еще не теряя надежды, прошла немного дальше, къ столѣтней липѣ, одиноко возвышавшейся среди площадки, поросшей дерномъ. Здѣсь она вздохнула съ глубокимъ облегченіемъ. Передъ нею лежалъ ея мальчикъ. Глаза у него были закрыты, и солнечные блики скользили по его не-дѣтски строгому, точно изъ бронзы вылитому лицу. Рядомъ съ нимъ стояла на колѣняхъ маленькая, тоненькая дѣвочка съ вьющимися по плечамъ черными волосами и темно-карими глазами, устремленными на мальчика съ выраженіемъ страстнаго волненія. Мальчикъ такъ плотно закрылъ глаза и такъ упорно зажималъ руками уши, какъ будто онъ хотѣлъ избавиться отъ всѣхъ внѣшнихъ впечатлѣ-

Digitized by Google

ній. Дѣвочка обернулась и, увидавъ передъ собою какъ изъ-подъ земли выросшую фрау Тамару, вздрогнула, осторожно встала и подошла къ ней, немного склонивъ голову на бокъ.

— Тетя Тамара!..—Ея тонкій голосокъ дрожалъ отъ сдерживаемыхъ слезъ, и она не могла ничего больше выговорить.

Молодая женщина нагнулась къ ней и поцѣловала ее въ бѣлый, чистый лобъ, придававшій лицу ребенка выраженіе преждевременной зрѣлости и серьезности.

— Пойди, Беттина, нарви цвѣтовъ! Я хочу поговорить съ Томасомъ.

Дѣвочка кивнула головой, ничего не спросила, понявъ все своимъ тонкимъ чутьемъ, и тихонько ушла.

Хотя онѣ вели свой краткій разговоръ шопотомъ, но онъ все-таки вывелъ мальчика изъ его тяжелаго забытья. Онъ увидѣлъ мать, но не могъ совладать съ собою и посмотрѣлъ на нее такъ молчаливо, такъ измученно, въ этомъ раздирающемъ душу взглядѣ онъ такъ ясно обнажилъ передъ нею все свое страданье, что молодая женщина глухо застонала. Она стала возлѣ него на колѣни, какъ только-что стояла маленькая дѣвочка, и взяла его за руку. Тогда мальчикъ овладѣлъ собою. Онъ хотѣлъ улыбнуться матери, но она вскрикнула. Она вдругъ увидала на его лицѣ свою собственную мучительную улыбку, и все внутри ея болѣзненно сжалось.

— Милый, милый, не гляди на меня такъ! — вырвалось у нея жалобно.

Тогда онъ обвилъ ее руками и поцѣловалъ почтительно, нѣжно и осторожно. Нѣсколько времени они тихонько сидѣли рядомъ, чувствовали близость другъ друга и ничего не говорили. Но вдругъ Томасъ прервалъ молчаніе.

— Тамара, я долженъ просить прощенія, когда учитель несправедливо поступилъ со мной. Онъ наказалъ меня за то, чего я и не думалъ дѣлать. Я не хотѣлъ этого допустить. Я сталъ сопротивляться,—повторилъ онъ, и кровь прилила къ его лицу при воспоминаніи о сдѣланной ему несправедливости.

— Я вѣдь не рабъ, Тамара,—прибавилъ онъ и приподнялся съ земли.

Она прильнула къ нему, какъ будто этотъ мальчикъ, которому не могло быть болѣе четырнадцати лѣтъ, былъ ея защитникомъ. Ихъ можно было принять за брата и сестру: она была такая тонкая и нѣжная, что казалась гораздо моложе своихъ тридцати-двухъ лѣтъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ты не рабъ,—повторила она, и, несмотря на жаркій лѣтній день, ей стало холодно отъ этихъ словъ.

Между тѣмъ, маленькая дѣвочка уже возвращалась къ нимъ бѣгомъ. На ней было узенькое черное платье, мрачно выдѣлявшееся рядомъ съ бѣлымъ платьемъ молодой женщины. Ея живые дѣтскіе глаза сверкали. Въ рукахъ она несла три вѣнка изъ листьевъ и, не говоря ни слова, украсила ими тетю Тамару, Томаса и себя.

— Томасъ, ну, теперь ты король и у тебя есть корона.

— А ты—королева,—прибавила ея тетя.

Дѣвочка покачала головой.

— Королева—ты, а я—принцесса Беттина изъ Индіи.

Она проговорила это твердо и увѣренно, какъ неопровержимую истину.

— А гдѣ находится Индія?—спросила фрау Тамара.

Одно мгновеніе дѣвочка поколебалась, прежде чѣмъ отвѣчать:

— Индія находится на лунѣ.

Томасъ весело разсмѣялся и вскочилъ на ноги.

III.

Фрау Тамара никогда не выѣзжала изъ маленькаго городка, въ которомъ жила. Она рано лишилась матери и жила вмѣстѣ съ взрослой сестрою подъ надзоромъ отца, человѣка очень замкнутаго, и который, какъ говорили, къ старости становился все болѣе и болѣе страннымъ.

Обѣ молодыя дѣвушки не имѣли никакихъ знакомствъ, и вся радость ихъ состояла во взаимномъ общеніи. Въ нихъ обѣихъ было что-то напоминавшее Мадонну, что-то глубоко затаенное, неземное. Старшая еще чувствовала нѣкоторое стремленіе къ шумному, блестящему свѣту, о которомъ знала только по наслышкѣ. Но это стремленіе проявлялось въ ней очень рѣдко и робко. Жизнь ихъ протекала однообразно. Онѣ занимались въ домѣ хозяйствомъ и бродили рука-объ-руку по саду. Онѣ тихонько нашептывали другъ другу какія-то нѣжныя слова и еще ближе льнули одна къ другой. Онѣ говорили объ отцѣ, который, несмотря на свои странности и молчаливость, былъ первымъ докторомъ во всей округѣ, и о матери, такъ рано умершей и которая, вѣроятно, была похожа на нихъ обѣихъ. Иногда онѣ смѣялись внутреннимъ счастливымъ смѣхомъ и укра-

Digitized by Google

шали себѣ волосы цвѣтами. Онѣ распускали свои густыя косы и украдкой смотрѣли въ темную воду пруда, задумчиво и мечтательно, воображая себя русалками, нимфами, наядами и сильфидами. Потомъ вдругъ начинали смѣяться загадочнымъ серебристымъ смѣхомъ, испуганно смотрѣли другъ на друга широко раскрытыми глазами и почти боялись другъ друга. Имъ казалось, что онѣ заблудились въ жизни. И тогда наступали минуты глубокой тоски, для которой нельзя было найти объясненія. Въ такія минуты онѣ сознавали свое одиночество и чувствовали, что лишены почвы и брошены на землю, какъ бѣдныя маленькія растенія. Иногда докторъ пытливо и испуганно взглядывалъ на своихъ дѣвочекъ и нерѣшительно, почти робко проводилъ рукой по ихъ волосамъ, не выражая того, о чемъ думалъ. Но пришло время, когда его сталъ охватывать глубокій внутренній страхъ. Онъ чувствовалъ, что тѣло его уже начинало умирать, и ему становилось жутко, когда онъ вспоминалъ свою молчаливую, замкнутую жизнь и сознавалъ, что не исполнилъ своей обязанности относительно дочерей. Въ это время въ городѣ случилось необычайное происшествіе.

Одинъ молодой польскій скрипачъ надѣлалъ большого шума въ провинціи и далъ въ маленькомъ городкѣ концертъ, которому предшествовала крикливая реклама. Нужно было его послушать. Въ семейство доктора также были присланы билеты, и вечеромъ всѣ собрались въ ярко освѣщенной залѣ собранія. Для молодыхъ дѣвушекъ скрипачъ и его игра были настоящимъ откровеніемъ. Онѣ сидѣли рядомъ, держась за руки, и слушали новые звуки. Эти звуки не только волновали и возбуждали ихъ, но давали еще исходъ всему, что давно стремилось изъ глубины ихъ души къ свѣту и солнцу. Но лица ихъ выражали смущеніе, волненіе и испугъ. Имъ было стыдно и хотѣлось скрыть начавшуюся въ нихъ внутреннюю работу. Онѣ пугались каждый разъ, когда музыкантъ переставалъ играть, а публика начинала громко апплодировать. Этотъ шумъ, производимый людьми, былъ для нихъ непонятенъ. Ихъ мучило и казалось загадочнымъ также и то, какъ могъ кто-либо обнажать такъ передъ любопытной толпой свою душу. Онѣ знали, что скрипачъ въ ту же ночь долженъ былъ уѣхать. Онѣ чувствовали, что онъ внесъ въ ихъ жизнь страхъ и безпокойство, и не могли себѣ вообразить, что же могло быть дальше. Онѣ избѣгали смотрѣть другъ на друга: имъ было стыдно.

Вдругъ произошло нѣчто совершенно неожиданное. Скрипачъ пересталъ играть, поблѣднѣлъ, какъ полотно, и смычокъ вы-

Digitized by Google

скользнулъ у него изъ рукъ. Человѣкъ, сопровождавшій его, едва успѣлъ его подхватить. Докторъ всталъ съ своего мѣста и пошелъ за эстраду. Скрипачу пришлось прервать свою артистическую поѣздку и, волей-неволей, остановиться въ маленькомъ городкѣ, гдѣ болѣзнь заставила его слечь въ постель. Поправившись, онъ явился къ доктору. Это былъ увлекающійся и безпокойный малый, съ возвышенными мечтами, міровыми стремленіями и съ сердцемъ артиста, полнымъ самыхъ удивительныхъ фантазій. Отъ дикой погони за наслажденіями, отъ самыхъ высокихъ чувствъ онъ переходилъ къ трусливымъ сомнѣніямъ, и это, въ соединеніи съ крайней чувствительностью и раздражительностью, совершенно разбивало его. Но отъ всего его существа вѣяло молодой силой, бьющей ключомъ, отважнымъ сознаніемъ побѣды и задумчивой нѣжностью, такъ свойственной его расѣ. Онъ выздоровѣлъ, но все еще не уѣзжалъ. Ни одна изъ сестеръ не выказывала ему особеннаго расположенія. Но если ему удавалось подмѣтить украдкой брошенный взглядъ или пониженный звукъ голоса, то ему уже казалось, что онъ нашелъ путь къ ихъ сердцу. Онъ игралъ имъ часто цѣлыми часами, а онѣ, въ знакъ благодарности, едва касались его руки избѣгали его взглядовъ. Его удивляло, почему онѣ были такъ скупы на похвалы. Онъ не могъ понять, что его искусство было для нихъ слишкомъ дорого, и что онѣ стыдились выражать свои впечатлѣнія пустыми, ничтожными словами.

Наступила весна, юная и сіяющая, и въ эту весну сестры разлетѣлись, какъ вспугнутыя ночныя бабочки.

Скрипачъ сдѣлалъ предложеніе старшей. Она не смѣла глядѣть на Тамару, и пока была невѣстой,—что продолжалось очень недолго, — онѣ мало разговаривали. Въ минуту разлуки сестра сказала Тамарѣ нѣсколько раздирающихъ душу словъ; потомъ онѣ поцѣловались блѣдными, похолодѣвшими губами.

И огромное, глубокое одиночество надвинулось на домъ доктора. Точно это былъ какой-то заколдованный садъ и въ немъ сидѣла и мечтала, безъ всякихъ желаній, мертвая молодая дѣвушка. Въ это время отецъ часто отыскивалъ ее въ саду, молча бралъ ея руку и нѣжно гладилъ ее. Она ясно чувствовала, что онъ читалъ въ ея душѣ, и была ему благодарна. Но скоро ея мертвый покой былъ нарушенъ и ее заставили вернуться къ тревожной, шумной жизни, которую она не понимала, потому что находила ее безсодержательной и безцѣльной.

Въ маленькомъ городкѣ поселился молодой врачъ. Распространилась вѣсть, что старый докторъ,—по годамъ, въ сущности,

Digitized by Google

еще не особенно старый,—сталъ чувствовать себя неспособнымъ продолжать практику. Вновь пріѣхавшій сдѣлалъ визитъ старому доктору и внесъ струю свѣжаго воздуха въ его тихій домъ. Онъ вышелъ изъ низменной среды и глядѣлъ на жизнь съ практической и довольно пошлой точки зрѣнія. Въ немъ не было никакой тонкости и очень умѣренная жажда знанія. Студентомъ ему приходилось сильно голодать, и теперь онъ жадно стремился къ обезпеченной жизни и матеріальнымъ наслажденіямъ. У него было ограниченное сознаніе собственнаго достоинства, свойственное людямъ, вышедшимъ изъ низкихъ слоевъ общества, добившимся извѣстнаго положенія и относящимся даже къ своему умственному труду съ чисто практической точки зрѣнія. Онъ всегда стремился къ достижимой цѣли, вполнѣ для него ясной и понятной. Онъ рѣшилъ, что въ большомъ городѣ, при недостаткѣ связей и крупнаго дарованія, ему придется вести самый жалкій образъ жизни, и онъ уѣхалъ изъ большого города.

Еще не побывавъ въ домѣ стараго доктора, онъ спокойно и опредѣленно предполагалъ завладѣть его практикой и жениться на его дочери, тѣмъ болѣе, что старый докторъ слылъ за человѣка очень состоятельнаго. Когда же онъ увидалъ Тамару, то его предположенія перешли въ твердую рѣшимость. Эта нѣжная, необыкновенно стройная дѣвушка, съ мерцающимъ блескомъ въ глазахъ, растрогала и покорила его. Онъ полюбилъ ее, но только по своему, и для нея такая любовь, конечно, была совсѣмъ чужда. Онъ любилъ ее съ тайной мыслью, что ему, коренастому и сильному, легко будетъ подчинить себѣ это хрупкое существо. Онъ смутно сознавалъ ея умственное превосходство, но это не смущало его, потому что онъ твердо разсчитывалъ на свою грубую силу.

Чѣмъ чаще онъ приходилъ къ нимъ въ домъ, тѣмъ болѣе его охватывало желаніе овладѣть ею, такою сдержанною и сосредоточенной, нѣжной и прекрасной. Онъ влюбился въ нее самымъ серьезнымъ образомъ. Онъ преклонялся передъ нею, какъ только можетъ преклоняться женихъ. Онъ выказывалъ всю нѣжность, на которую только былъ способенъ. Въ это время обнаружилось все, что только было въ немъ самаго лучшаго. Впервые онъ испытывалъ несвойственное его натурѣ восхищеніе и уваженіе передъ смутно сознаваемыми нравственными совершенствами человѣческой души. Въ одинъ прекрасный день онъ рѣшился—и пошелъ въ домъ стараго доктора, чтобы все это ей сказать. Онъ нашелъ ее въ заколдованномъ саду. Цвѣла сирень. Она сидѣла и смотрѣла вокругъ себя отсутствующимъ взгля-

Digitized by Google

домъ. Когда онъ совершенно неожиданно подошелъ и остановился передъ нею, то она какъ бы очнулась отъ тяжелаго сна. Но она быстро овладѣла собою и выслушала его съ необыкновеннымъ спокойствіемъ, смутившимъ и даже оскорбившимъ его. Она дала ему высказаться, не прерывая ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ, и когда онъ, наконецъ, замолчалъ и посмотрѣлъ на нее, какъ бы ища помощи, то она отвѣчала ему, что ей совершенно нечего ему дать, потому что, прибавила она печально, у нея не было никакихъ желаній. Тогда онъ сталъ увѣрять, что никогда не станетъ ее мучить и удовольствуется только тѣмъ, что будетъ ее видѣть и чувствовать ея близость. Вмѣсто отвѣта она тихо и серьезно наклонила голову. Ея отецъ далъ свое согласіе. Теперь онъ вздохнулъ съ облегченіемъ, считая и свою вторую дочь хорошо пристроенною.

Отъ старшей сестры извѣстія получались очень рѣдко. Въ письмахъ чувствовалось, что она тосковала и стремилась душой въ свой любимый садъ. Она трогательно жаловалась на свое незнаніе жизни, и въ ея рѣдкихъ письмахъ къ сестрѣ всегда слышалось что-то мучительное, точно подавленное рыданіе и покорная мольба больной, смирившейся души.

IV.

Замужняя жизнь фрау Тамары устроилась такъ, какъ она себѣ это заранѣе представляла. Она попрежнему была лишена всякихъ желаній, но это не особенно угнетало доктора. Онъ велъ образъ жизни, вполнѣ соотвѣтствовавшій положенію уважаемаго всѣми гражданина и беззаботнаго человѣка, имѣющаго полное право высоко держать голову. Онъ, какъ и всегда, продолжалъ усердно работать дома и у паціентовъ, старательно посѣщалъ общество, игралъ въ кегли и въ карты, пространно разсуждалъ о политикѣ въ мужской компаніи и не забывалъ отъ времени до времени посѣщать церковь, такъ какъ любилъ выставлять на видъ свои убѣжденія. Фрау Тамара нигдѣ не бывала съ мужемъ, и постепенно въ глубинѣ его души складывалось отношеніе къ ней, какъ къ странному и болѣзненному существу, непріятно уклонившемуся отъ своихъ прямыхъ обязанностей хорошей хозяйки и не признававшему его правъ. По внѣшности онъ старался держаться безупречно относительно ея, и это ему удавалось вполнѣ. И такъ какъ она не вмѣшивалась въ кругъ его дѣятельности и давала ему полную свободу играть

Digitized by Google

роль любезнаго кавалера въ дамскомъ обществѣ,—роль, въ которой онъ чувствовалъ себя особенно хорошо,—то въ концѣ концовъ ихъ совмѣстная жизнь не стала подавать ни малѣйшаго повода для какого бы то ни было недоразумѣнія. Даже въ тѣ минуты, когда онъ невольно чувствовалъ ея превосходство, онъ все-таки продолжалъ относиться къ ней полу-сострадательно, полу-презрительно, какъ къ существу совершенно другого міра, позволяющему безъ всякаго протеста отметать себя въ сторону, какъ ненужный соръ. Онъ не подозрѣвалъ о томъ, что происходило въ душѣ его жены.

Вскорѣ послѣ смерти старика-отца у нея родился сынъ. Она назвала его Томасомъ, въ память дѣдушки. Съ этого времени мужъ и жена стали другъ другу чужими. Для обѣихъ сторонъ выяснилось, что между ними не было ничего общаго кромѣ сына, и что этотъ сынъ принадлежалъ, въ сущности, только одной фрау Тамарѣ. Послѣ рожденія мальчика въ ней опять появилось что-то дѣвственное, страстное и мечтательное. Люди, глядя на нее, только покачивали головой и жалѣли доктора за то, что судьба послала ему такую странную жену. Ребенокъ пугливо отстранялся отъ отца. Онъ боялся его взгляда и кричалъ, когда тотъ ласкалъ его.

Докторъ принималъ все это за упрямство. Онъ относился равнодушно къ сыну уже въ первые годы его жизни. Онъ считалъ бы смѣшнымъ и унизительнымъ для себя, еслибы ему пришло въ голову постараться добиться любви ребенка.

Онъ рѣдко бывалъ дома. Болтали, что гдѣ-то за городомъ жила какая-то вдовушка, и что онъ довольно часто бывалъ у нея.

Мальчикъ подросталъ. Это былъ необыкновенный ребенокъ, съ большими, глубоко сидѣвшими глазами. Мать узнавала себя въ этомъ ребенкѣ и видѣла въ то же время, что онъ былъ совсѣмъ иной, чѣмъ она.

Онъ былъ строенъ и нѣженъ какъ маленькій принцъ. Онъ росъ гибкимъ и крѣпкимъ. Онъ взялъ красоту тѣла у матери, но въ его жилахъ и костяхъ было все-таки что-то отцовское, хотя на отца онъ и не былъ похожъ ни наружно, ни внутренно. Мать могла управлять имъ однимъ своимъ взглядомъ, однимъ нѣжнымъ словомъ, и когда все его существо возмущалось, достаточно было легкаго прикосновенія ея руки къ его лицу или къ волосамъ, чтобы онъ становился мягкимъ и покорнымъ.

Но кромѣ матери никто не имѣлъ надъ нимъ никакой власти. Онъ отличался упорствомъ; въ немъ говорила благородная натура, которую нельзя было ни смирить ни подавить.

Digitized by Google

— Мальчикъ весь въ мать,— говорили многозначительно люди и переводили разговоръ на дѣдушку.— Съ нимъ вѣдь тоже не всегда было удобно и безопасно имѣть дѣло.

Но мать и ребенокъ не слышали этихъ толковъ. Они оба предпочитали всякому обществу уединеніе въ своемъ саду. Они одни знали и цѣнили его таинственную красоту и его глубокую тишину. Они сидѣли подъ жимолостью и цвѣтущими липами, бродили между кустовъ, смотрѣли на бабочекъ, грѣвшихся на солнцѣ, слушали ликующую пѣсню жаворонка и жужжанье пчелъ. И вездѣ и во всемъ ихъ глаза и уши открывали все новые источники наслажденія. Что-то праздничное чувствовалось въ окружавшей ихъ тишинѣ. А когда наступала ночь, они прислушивались, какъ пролетали летучія мыши, и старались разсмотрѣть чуть видныя очертанія ихъ тонкихъ крыльевъ. Когда же всходилъ мѣсяцъ, —въ ночной тишинѣ все представлялось таинственнымъ и волшебнымъ. Садъ отливалъ безчисленными цвѣтами. Въ такія минуты казалось, что онъ хранитъ какую-то нездѣшнюю, великую и важную тайну.

Незнавшіе принимали ихъ обыкновенно за брата и сестру, и продолжали бы думать это, даже еслибы имъ удалось подслушать ихъ разговоры.

Мальчикъ называлъ ее Тамарой и никогда—матерью. Она была для него прекрасной сестрой, и онъ безумно ее любилъ. Его привлекали ея дѣвственная прелесть, ея робость и невѣдѣніе, такъ какъ она боялась многаго, какъ и онъ, и не знала того, чего и онъ не зналъ. Ихъ привязанность не затемнялась ни малѣйшимъ намекомъ на свойственное матерямъ сознаніе своего старшинства, увѣренности въ своихъ знаніяхъ и необходимости воспитывать. Связующимъ звеномъ между ними была общность ихъ мыслей и чувствъ, и это звено стало еще крѣпче и прочнѣе въ одинъ вечеръ, который навсегда остался въ памяти Томаса.

Тогда ему было одиннадцать лѣтъ, и его терзали безпокойныя мысли, внезапно и властно захватывающія каждаго человѣка. Это были мысли о жизни и о смерти.

Онъ никакъ не могъ понять, что можетъ придти минута, когда всему наступитъ конецъ, что его тогда унесутъ и зароютъ въ темную землю. Онъ не вѣрилъ, что можно попасть на небо изъ этой отвратительной и страшной глубины.

Ему хотѣлось думать о другомъ, но его постоянно угнетали и терзали эти ледяныя представленія. Онъ хотѣлъ это скрыть отъ Тамары. Ему казалось, что онъ будетъ въ силахъ избавить

Digitized by Google

ее отъ своихъ мученій и невыносимой боли. Онъ замкнулся внутри себя, но въ темнотѣ ночи всѣ его страданія оживали. Ему слышались звуки и чьи-то шаги, ему представлялись искаженныя лица съ улыбкой мертвеца, а вокругъ все выростали кресты и могильныя плиты... Онъ хотѣлъ бѣжать отъ всего этого, убѣжать какъ можно дальше. Почему нельзя было избѣжать смерти, почему умирать приходится именно такъ?

Его охватилъ ужасъ. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, но закусывалъ губы до крови, чтобы не выдать своей муки. Онъ хотѣлъ проникнуть въ ужасную, подступавшую къ нему тайну. Онъ складывалъ свои дѣтскія руки и смиренно просилъ у Бога, чтобы Онъ открылъ ему правду. Богъ долженъ былъ его услышать, когда его скорбная душа взывала къ Нему. Онъ не понималъ, какъ морли вообще люди съ подобными мыслями продолжать жить и еще улыбаться.

Иногда онъ сбоку украдкой посматривалъ на Тамару и мысленно задавалъ себѣ вопросъ, не могла ли она утѣшить и успокоить его. И вотъ однажды вечеромъ она подошла къ его кровати и, обнявъ обѣими руками его голову, вся дрожа отъ страха за него, рѣшилась, наконецъ, и спросила:—Что съ тобою, Томасъ?—Рыдая, открылъ онъ ей свое горе. Тамара нѣсколько мгновеній слушала его молча, а потомъ заплакала вмѣстѣ съ нимъ, не сказавъ ни слова, чтобы утѣшить его. Ея слезы были спасеніемъ для Томаса.

Мать боролась, какъ и онъ. На мучительный вопросъ не существовало никакого отвѣта. Мать не обманула его. Она плакала съ нимъ вмѣстѣ, и онъ никогда не забылъ этого.

Хотя и потомъ мрачная тоска не покидала его, но теперь онъ уже зналъ, въ чемъ найти утѣшеніе. Онъ шелъ къ Тамарѣ и не отходилъ отъ нея.

Въ это время случилось нѣчто, что, въ связи съ его душевными волненіями, опять встряхнуло и потрясло все его существо.

Однажды послѣ обѣда доктора позвали къ человѣку, съ которымъ сдѣлался глубокій обморокъ. Отецъ взялъ съ собою Томаса. Онъ находилъ, что мальчикъ становится не въ мѣру чувствителенъ и боязливъ, и даже подумывалъ взять воспитаніе сына въ свои надежныя руки.

Томасъ несъ подъ рукой небольшую электрическую машину и молча шелъ рядомъ съ отцомъ.

На порогѣ дома ихъ встрѣтили перепуганные и взволнованные люди. Глаза всѣхъ съ мольбой смотрѣли на доктора, точно въ немъ одномъ заключалось спасеніе.

Докторъ поставилъ машину и велѣлъ Томасу вертѣть, чтобы

Digitized by Google

вызвать токъ. Затѣмъ онъ сталъ электризовать безчувственное тѣло въ области сердца.

Томасъ машинально двигалъ рукой и не отрываясь смотрѣлъ на восковое, неподвижное лицо. Онъ перевелъ глаза на обнаженную грудь и увидѣлъ, какъ отецъ, наклонившись надъ ней, старался уловить хоть самое слабое біеніе сердца. Около отца стояла еще молодая женщина съ заплаканными глазами и распущенными волосами, — а рядомъ съ нею старикъ съ остановившимся, безсмысленнымъ взглядомъ. Въ углу на корточкахъ сидѣли мальчикъ и дѣвочка, и до слуха Томаса доносились ихъ подавленныя всхлипыванія.

Отецъ выпрямился и произнесъ громкимъ, увѣреннымъ голосомъ:

— Я здѣсь больше ничего не могу подѣлать.

Женщина растерянно посмотрѣла на него. Казалось, что она не поняла доктора, но тотъ не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ уложилъ машину обратно въ футляръ изъ краснаго дерева, надѣлъ пальто и вышелъ вмѣстѣ съ Томасомъ изъ дома, въ который вошла смерть. У мальчика подкашивались ноги, когда онъ возвращался домой. Онъ судорожно прижималъ къ себѣ ящикъ, чтобы не уронить его. „Такъ вотъ она какая, эта смерть!—думалъ Томасъ.—Какая она неподвижная, блѣдная и тяжелая“!

Невозмутимое спокойствіе отца передъ этимъ зрѣлищемъ пугало его, но все-таки въ первый разъ въ жизни онъ испытывалъ невольное уваженіе къ этому большому, широкоплечему человѣку. Отецъ справлялся съ подобными вещами; крѣпко и надежно стоялъ онъ передъ смертью и, не моргая, смѣло смотрѣлъ ей прямо въ лицо. Томасъ сбоку косился на доктора; ему хотѣлось незамѣтно разсмотрѣть какъ можно лучше его коренастую фигуру и цвѣтущее лицо, дышавшее жизнью и здоровьемъ. По мѣрѣ приближенія къ дому, ему дышалось все легче, а когда онъ увидѣлъ поджидавшую его у садовой калитки Тамару, то потерялъ послѣднее самообладаніе. Быстрымъ движеніемъ сунулъ онъ машину въ руки отца и отскочилъ отъ него.

— Тамара,—сказалъ онъ, въ сильномъ волненіи, увлекая ее за собою въ сторону.—Теперь я знаю все.—И прибавилъ уже шопотомъ:—Я видѣлъ смерть.

Въ этотъ же день Томасъ порѣшилъ сдѣлаться докторомъ, такъ какъ теперь не сомнѣвался, что докторъ держитъ въ своихъ рукахъ жизнь и смерть. Надо было только позвать его во-время, чтобы онъ явился помощникомъ и спасителемъ.

Digitized by Google

V.

Вслѣдъ за этими значительными событіями въ дѣтской жизни Томаса наступило затишье, продолжавшееся довольно долго. Благодаря этому, онъ успѣлъ справиться съ первыми полученными имъ жизненными впечатлѣніями. Съ товарищами по школѣ онъ мало разговаривалъ. Они были совсѣмъ другіе, чѣмъ онъ, и не могли его понять. Они такъ же мало понимали его, какъ и учителя. Тѣ иногда положительно не знали, что̀ имъ дѣлать съ пытливымъ, упрямымъ, а подъ часъ даже ожесточеннымъ мальчикомъ. Въ концѣ концовъ они порѣшили, для общаго спокойствія, обращать на него какъ можно меньше вниманія.

Томасъ смотрѣлъ на школу какъ на тюрьму. Онъ возмущался противъ рабскаго послушанія, противъ наставниковъ, требовавшихъ безусловной покорности. Другіе мальчики казались ему какими-то уродливыми существами. Для него начинался день только съ того момента, когда онъ оставлялъ за собой сѣрыя стѣны школьнаго зданія.

Такъ росъ онъ одиноко, безъ всякаго общенія съ людьми, но тѣсно связанный духовно съ своей молодой матерью, въ то время, какъ въ его жизни появилось нѣчто новое.

Однажды, когда онъ вернулся изъ школы домой, онъ услышалъ какіе-то чужіе голоса и замѣтилъ, что прислуга говоритъ шопотомъ и ходитъ на цыпочкахъ. Затѣмъ къ нему вышла на встрѣчу Тамара, такая возбужденная, какою онъ еще ее никогда не видѣлъ. Онъ узналъ изъ отрывистыхъ и робкихъ фразъ, что совершенно неожиданно пріѣхала тетя Антуанета съ маленькой Беттиной, что она теперь лежитъ при смерти въ той самой комнатѣ, въ которой жила, когда была дѣвушкой. Когда, часа два спустя, Тамара привела его въ комнату, и Антуанета, какъ онъ ее называлъ потомъ,—слово „тетя“ онъ отбросилъ сразу, какъ что-то скучное и ненужное, — съ улыбкой умирающей протянула ему прозрачную, увядшую руку, онъ горько заплакалъ. Но въ эту минуту къ нему подошла дѣвочка съ черными вьющимися волосами, сидѣвшая все время съёжившись на краю кровати.

— Не плакать! Ты взволнуешь ее,—проговорила она тихимъ, но повелительнымъ голосомъ.

Онъ сразу пересталъ плакать и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на маленькое созданье.

Антуанета вернулась домой, потому что не хотѣла умирать на чужбинѣ. Тамъ, живя съ человѣкомъ, увлекшимъ ее отъ

Digitized by Google

всего близкаго и родного, она постепенно потеряла всѣ свои силы. Она пріѣхала домой безъ всякаго предупрежденія, и когда увидѣла сестру, то что-то похожее на слабый отблескъ счастья освѣтило ея истощенное лицо.

Маленькая Беттина была удалена, и сестры остались наединѣ. Ихъ замкнутыя, одинокія сердца наконецъ раскрылись. Печальными и тихими голосами онѣ стали разсказывать другъ другу о своей жизни. Но онѣ далеко не все называли своими именами; онѣ не жаловались, и только по взглядамъ, намекамъ и нѣкоторымъ движеніямъ одна могла догадываться о судьбѣ другой. Многое было сказано шопотомъ Тамарѣ на ухо, и блѣдное лицо умирающей вспыхивало румянцемъ при этой исповѣди.

Беттина родилась на пятомъ году ея замужества, и въ ея печальную, темную жизнь точно снова прокралось солнце.

Доктору не пришлось особенно долго оказывать гостепріимство своей невѣсткѣ.

Очень скоро на маленькую Беттину надѣли черное траурное платье. Сама Тамара попрежнему ходила въ свѣтломъ. Ей не хотѣлось, чтобы Томасъ видѣлъ передъ собой темныя и мрачныя краски. Теперь она оберегала своего мальчика и дрожала за него болѣе, чѣмъ когда-либо.

У Томаса съ Беттиной въ общемъ сложились довольно хорошія отношенія. Дѣвочка привязалась къ нему, и въ ея любви было что-то мечтательное, смиренное и покорное. Она всюду ходила за нимъ, какъ собачонка, не отстающая отъ своего хозяина даже въ томъ случаѣ, если онъ ее отшвырнетъ ногою. По временамъ, когда на Томаса находила одна изъ его тяжелыхъ минутъ, — достаточно было какого-нибудь незначительнаго слова Беттины, чтобы онъ вышелъ изъ себя. Въ такихъ случаяхъ онъ бывалъ съ нею жестокъ. Но Беттина никогда не сердилась на него. Она не забывала, что послѣ смерти матери, когда ея маленькая душа изнемогала отъ печали, рѣзкій и вспыльчивый мальчикъ оберегалъ и лелѣялъ ее, какъ больную птичку. Томасъ, въ минуты гнѣва и возмущенія, кромѣ Тамары могъ переносить только одну Беттину, и для нея не было большаго счастья, какъ тихо и молча становиться передъ нимъ на колѣни. Садъ и для нея тоже былъ роднымъ; ей казалось, что она была съ нимъ уже давно знакома, потому что знала каждый кустикъ его и каждое его дерево по разсказамъ матери.

Между немногими вещами, привезенными бѣглянками въ домъ доктора, находился одинъ предметъ, къ которому Беттина была привязана всѣмъ своимъ дѣтскимъ сердцемъ. Это сокро-

Digitized by Google

вище стало для нея еще дороже съ той поры, какъ она открыла, что, благодаря ему, обладаетъ волшебной палочкой и можетъ всегда заставить Томаса быть кроткимъ и нѣжнымъ.

Это была небольшая скрипка, и она умѣла вкладывать въ нее всю свою душу. Когда она становилась подъ деревьями и играла среди красоты цвѣтущаго сада, то Томасъ, какъ очарованный, прислушивался къ чуднымъ звукамъ.

Однажды Тамара застала врасплохъ не подозрѣвавшихъ о ея присутствіи дѣтей. Она прислушалась къ игрѣ съ искаженнымъ лицомъ. Дѣти испуганно вскрикнули, замѣтивъ ее. Она стояла мертвенно блѣдная, съ отпечаткомъ непонятнаго для нихъ страданія. Оттолкнувъ Томаса, она быстро ушла. Съ той поры Беттина никогда не смѣла играть при ней. „Мнѣ больно отъ этихъ звуковъ“,—грустно говорила она.

Томасъ и Беттина не понимали словъ, но боязливо приноравливались къ требованіямъ Тамары.

Теперь дѣвочка играла на скрипкѣ только тогда, когда была увѣрена, что ее будетъ слышать одинъ Томасъ. О своемъ отцѣ она никогда не говорила, и дяди боялась, какъ и Томасъ. Она всегда старалась быть отъ него какъ можно дальше.

Неожиданное приращеніе семьи не особенно нравилось доктору. Онъ смутно сознавалъ, что три существа въ его домѣ живутъ совершенно отдѣльной отъ него жизнью. Онъ пытался имѣть вліяніе на Томаса и оторвать его отъ юбки „святой женщины“, какъ онъ выражался о своей женѣ.

Въ это названіе „святой“ онъ вкладывалъ все накопившееся въ немъ раздраженіе. Онъ не могъ придумать другого названія для Тамары, хотя иногда былъ бы и не прочь выставить эту святую у позорнаго столба. Въ этой святой женщинѣ было, по его мнѣнію, что-то кукольное, бездушное и безчувственное. Онъ могъ поступать съ нею со всей грубостью своей натуры, могъ дѣлать рѣшительно все, что ему было угодно,—она оставалась равнодушной. Ему не удалось побѣдить ее.

Томасъ съ тревогой и въ то же время съ какимъ-то радостнымъ удовлетвореніемъ чувствовалъ, что между родителями нѣтъ ничего общаго, и что Тамара принадлежитъ ему одному.

Но у него бывали минуты, когда собственное торжество смущало его. Тогда онъ мучилъ себя упреками и самообвиненіями, и съ тревогой спрашивалъ себя, почему у него нѣтъ никакой близости съ отцомъ? Въ такое время онъ обыкновенно покорно переносилъ всѣ замѣчанія и безъ всякаго возраженія подчинялся даже несправедливымъ наказаніямъ изъ желанія вернуть самому

Digitized by Google

себѣ душевное спокойствіе. Онъ старался понять отца, стать къ нему поближе, но обыкновенно наталкивался на грубую силу доктора, которая разбивала всѣ его дѣтскія мечтанія. Въ немъ просыпалось сознаніе, что онъ имѣетъ дѣло съ врагомъ и долженъ во что бы то ни стало бороться съ нимъ, чтобы не быть побѣжденнымъ имъ окончательно. Отецъ и воспитатели совсѣмъ не понимали его, а онъ не понималъ своихъ школьныхъ товарищей, не понималъ ихъ покорности и холопскаго послушанія, и возмущался ими. Ни отецъ, ни воспитатели не могли распутать темныхъ нитей его души. Имъ даже не могло придти въ голову, что всегда молчаливому мальчику можетъ быть за нихъ стыдно, а между тѣмъ это было именно такъ. Ему было стыдно, что они, такіе большіе и умные, могутъ употреблять насиліе. Одна мать вполнѣ понимала мальчика.

Маленькая Беттина, неспособная еще ничего вполнѣ понять, своимъ дѣтскимъ инстинктомъ, однако, твердо вѣрила въ Томаса и смотрѣла на него какъ на существо недоступное и непобѣдимое.

VI.

Томасъ не сталъ просить прощенія.

Фрау Тамара пошла въ школу и съумѣла все это уладить.

Инспекторъ былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ передъ собою тонкую молодую женщину. Она заговорила сдержаннымъ голосомъ, и онъ смутился до такой степени, что принялся ей хвалить необыкновенныя способности и умственное развитіе мальчика. „Въ немъ есть что-то напоминающее агитатора, — уже улыбаясь, замѣтилъ онъ, — и ко всему этому какое-то чисто желѣзное упрямство“.

Тамара выслушала все это, ничего не возражая и слегка наклонивъ голову.

Потомъ она медленно пошла домой. Разсѣянно отвѣчая на поклоны знакомыхъ, она прошла мимо домиковъ съ зелеными ставнями и вышла на рыночную площадь, гдѣ помѣщалась ратуша и старая церковь. Быстро перейдя площадь, она завернула за уголъ и вздохнула съ облегченіемъ, когда передъ ней отворилась дверь стараго дома и каменныя плиты прихожей гулко зазвучали подъ ея поспѣшными шагами.

Она уже убрала свои вещи и собиралась надѣть шляпу съ широкими полями, чтобы идти въ садъ, когда до ея слуха долетѣли громкіе голоса изъ прихожей. И, совершенно не желая

Digitized by Google

этого, она услышала женскій голосъ, проговорившій: „Итакъ, ты выйдешь не позже восьми“? На что мужъ ея отвѣтилъ: „Непремѣнно, мое сокровище“.

Завязки шляпы выскользнули изъ ея пальцевъ, и она бросилась въ садъ. Ея лицо выражало отвращеніе, но оно прояснилось, раньше чѣмъ за ней захлопнулась калитка. Она провела рукой по лицу, точно ей хотѣлось снять что-то непріятное, и тихо пошла по дорожкѣ, усыпанной гравіемъ. Она искала дѣтей, но ихъ нигдѣ не было видно. Тогда она сѣла на низкую дерновую скамейку, подперла голову обѣими руками и глубоко задумалась.

Вокругъ стояла полнѣйшая тишина, и только въ самой глубинѣ ея существа что-то болѣзненно билось и трепетало.

Она сняла шляпу и распустила волосы, какъ будто ей нужно было согрѣться и хоть чѣмъ-нибудь защитить себя отъ проникавшаго ее внутренняго холода. Она взглянула на голубое, безоблачное небо и подумала о смерти. Эта мысль заставила ее забыть дѣйствительность и успокоила ея возмутившуюся душу. Черезъ нѣсколько времени она уже почувствовала себя легко, отрѣшенной отъ всего темнаго и вполнѣ свободной.

VII.

Во всемъ домѣ чувствовалось что-то тяжелое и жуткое. Фрау Тамара лежала въ постели, а докторъ очень часто не бывалъ за обѣдомъ. Томаса онъ не удостоивалъ ни единымъ взглядомъ, не разговаривалъ съ нимъ, и вообще дѣлалъ видъ, что онъ для него не существуетъ. Съ Беттиной онъ всегда бывалъ неласковъ и часто ворчалъ на нее. Дѣтямъ становилось легче, когда онъ уходилъ изъ дому. Они были предоставлены самимъ себѣ, потому что Тамара никого не пускала къ себѣ, когда бывала больна. Даже собственный сынъ не долженъ былъ видѣть ее въ безпомощномъ теперешнемъ состояніи. За время ея болѣзни выяснилось, что никто рѣшительно не могъ справиться съ Беттиной. На нее жаловались доктору, и тогда онъ такъ мрачно взглядывалъ на дѣвочку, что ея маленькое сердце замирало отъ ужаса.

Какъ только Томасъ возвращался изъ школы, такъ она буквально летѣла къ нему на встрѣчу, прижималась къ нему и не отходила ни на шагъ; только рядомъ съ нимъ чувствовала она себя въ безопасности. Однажды она сказала ему съ сверкающими глазами:

Digitized by Google

— Когда я буду большая, то куплю себѣ горную лошадь и передавлю всѣхъ злыхъ людей. Затопчу ихъ всѣхъ,—прибавила она,—и буду все топтать, топтать, пока они въ крови...

Томасъ не далъ ей договорить, схватилъ ее за плечи и съ ужасомъ посмотрѣлъ на нее. Онъ былъ совершенно пораженъ ея дикой вспышкой.

— Ты была бы въ состояніи убивать?—спросилъ онъ почти испуганно.

Даже вѣки ея не дрогнули.

— Конечно,—отвѣчала она:—всѣхъ, кто мнѣ дѣлаетъ зло. Всѣхъ, кто меня унижаетъ и дурно со мной обращается.

Онъ невольно оттолкнулъ ее отъ себя.

— Фу, какой ты чертенокъ!—проговорилъ онъ съ глубокимъ отвращеніемъ и повернулся къ ней спиной.

— Томасъ!—вскрикнула она дрожащимъ голосомъ.

Онъ оглянулся. Въ ея глазахъ стояли слезы.

— Если ты такъ будешь со мной, — проговорила она съ трудомъ,—такъ я такое сдѣлаю!—И повторила еще съ большей силой:—Я такое сдѣлаю!..

Онъ вдругъ смягчился и въ немъ пробудилась нѣжность. Ему представился маленькій горный прудъ съ наклоненными къ водѣ ивовыми вѣтвями, и у него невольно захватило духъ.

— Я знаю, о чемъ ты думаешь,—сказалъ онъ. Но, быстро овладѣвъ собою, онъ весело расхохотался.

— А тебѣ даже очень бы шло, Беттинхенъ, спуститься туда внизъ, въ большой дворецъ, плясать въ хороводѣ и пѣть злыя пѣсни.

Она встряхнула кудрями, но не засмѣялась вмѣстѣ съ нимъ.

— Мнѣ совсѣмъ этого не хочется, — возразила она. — Я такъ этого боюсь. Но иногда мнѣ хочется, чтобы было темно и чтобы я могла тайкомъ убѣжать отсюда. Вѣдь здѣсь меня никто не любитъ. Никто!

— А Тамара?

— Тамара? — повторила она и посмотрѣла на него вдругъ съ улыбкой, въ которой не было ничего дѣтскаго и чувствовалось, какъ много она понимаетъ.

— Тамара добра ко всѣмъ, но любитъ она только тебя.

— А я развѣ тебя не люблю?

Въ улыбкѣ дѣвочки появилось что-то трогательное, когда она проговорила тихо и мечтательно:

— Еслибы ты меня любилъ!

— Я люблю тебя.

Digitized by Google

Все ея лицо засіяло, но черезъ мгновеніе она проговорила съ тоской:

— Меня никто никогда не любилъ.

— А твоя мама?

— И она нѣтъ. Она только папу...

Она вдругъ остановилась.

— А онъ?—спросилъ Томасъ.

Она страшно поблѣднѣла.

— Онъ?—На мгновеніе она закрыла лицо руками, потомъ уронила ихъ, поглядѣла на мальчика, и съ спокойствіемъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ ея внутреннимъ волненіемъ и показавшимся Томасу ледянымъ, проговорила:

— Онъ всегда оставлялъ мою маму одну. Онъ просто не могъ выносить ее.

Томасъ молчалъ.

— Развѣ ты этого не понимаешь?—спросила Беттина безпокойно и нервно.

И чтобы заставить его наконецъ понять, она добавила:

— Я слышала, какъ мама говорила ему: „Зачѣмъ ты меня вѣчно пытаешь раскаленными щипцами?“...

— Онъ ее пыталъ раскаленными щипцами?!

— Мама такъ говорила, и я не могу этого забыть. А потомъ онъ и совсѣмъ уѣхалъ отъ насъ, и тогда,— прибавила она покорно и печально, — мы пріѣхали къ вамъ. Ну, теперь ты все знаешь.

Томасъ кивнулъ утвердительно головой. Съ минуту продолжалось молчаніе.

Беттина смѣло откинула назадъ голову.

— Если я его увижу, то застрѣлю его.

— Твоего папу?!

— Это все равно,—проговорила она спокойно и небрежно.

Его испугала сила и рѣшимость дѣвочки, и онъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

Беттина почувствовала это.

— Да, видишь ли,—сказала она, польщенная сознаніемъ собственной значительности: — онъ убилъ маму, а я убью его; это совершенно правильно.

Томасу это не представлялось совсѣмъ яснымъ, но, по существу, онъ нашелъ это вполнѣ логичнымъ. Однако, ему не хотѣлось съ нею согласиться.

— Ты немного глупенькая, — проговорилъ онъ коротко и

Digitized by Google

ясно, какъ бы желая сократить для себя тяжелый умственный процессъ.

— Ну, вотъ! Въ самомъ дѣлѣ?—возразила она, и прибавила съ видомъ превосходства, смутившимъ его: — Это мы еще увидимъ! А я знаю, что̀ знаю.

Въ эту минуту дѣти услыхали голосъ доктора. Они многозначительно переглянулись и бросились бѣжать, хотя Томасъ и слышалъ, что его звали по имени. Какъ преслѣдуемые грѣшники неслись они вверхъ по лѣстницѣ, все дальше, пока не добѣжали до чердака. Начинавшія спускаться сумерки еще давали имъ возможность различать отдѣльные предметы. Они попали на чердакъ въ первый разъ и оглядѣлись съ любопытствомъ. Они увидали двѣ группы поющихъ ангеловъ, которыя когда-то стояли въ бесѣдкѣ, но потомъ были оттуда убраны. Эти поющіе ангелы, съ отбитыми ушами и носами и раскрытыми ртами, почти всѣ потрескались и произвели на нихъ странное и непріятное впечатлѣніе. Кругомъ валялись разные футляры. Они принялись осторожно открывать ихъ. Изъ одного вывалилась флейта, въ другомъ оказалась цитра. Въ лежавшемъ ящикѣ они нашли старые шахматы изъ слоновой кости. Въ углу возвышалось что-то длинное, закругленное наверху и прикрытое черной матеріей. Они осторожно подошли къ таинственному предмету.

— Что̀ это такое можетъ быть?—прошептала Беттина.

Вмѣсто отвѣта, Томасъ сдернулъ черное покрывало, и они оба пронзительно вскрикнули.

На нихъ, оскалившись, пристально смотрѣлъ человѣческій скелетъ.

Но они скоро оправились.

Кругомъ лежали еще цѣлыя кучи стараго хлама и всякой всячины. Все это было истлѣвшее, старое и покрытое пылью. Дѣти находили, что на чердакѣ великолѣпно. Они испытывали чувство сладостнаго страха, отъ котораго морозъ продираетъ по кожѣ, но въ которомъ есть что-то манящее и притягивающее.

Они близко прижались другъ къ другу, вздрагивая при малѣйшемъ шумѣ, и присѣли, скорчившись, на сломанную скамейку. Беттина вдругъ горько расплакалась.

— Тебѣ страшно?—спросилъ озабоченно Томасъ.

Она крѣпче сжала его руки и покачала отрицательно головою.

— Такъ о чемъ же ты плачешь?

Она взглянула на него, съ какой-то странной улыбкой, которой онъ еще никогда не видалъ у нея, и отвѣчала:

Digitized by Google

— Я плачу, потому что такъ люблю тебя, Томасъ, и мнѣ такъ хотѣлось бы остаться здѣсь навсегда съ тобою вдвоемъ.

При этихъ словахъ ея вьющіеся волосы коснулись его лица, и никогда еще имъ неиспытанное, непонятное чувство охватило все его существо.

Онъ старался не смотрѣть на нее.

Темнота усиливалась. Дѣти молча и неподвижно сидѣли подъ самой крышей. Томасъ усиливался разглядѣть черты лица Беттины, но видѣлъ, несмотря на всѣ усилія, только смуглый тонъ ея лица. И на этомъ лицѣ, какъ будто отдѣляясь отъ него, сверкали большіе глаза, устремленные на мальчика. Они точно пронизывали его своимъ серьезнымъ и полнымъ глубокаго значенія взглядомъ.

И вдругъ, почти безсознательно, онъ поцѣловалъ ее прямо въ ея полураскрытыя дѣтскія губы.

И въ то же мгновеніе вокругъ его шеи обвились двѣ худенькія дѣтскія руки, сжали и стиснули его такъ, что, казалось, въ нихъ была сверхъестественная сила. Маленькая Беттина прижималась къ нему все ближе и ближе. Она такъ осыпала его ласками, что мальчикъ смутился и у него закружилась голова. Непонятное блаженство охватило его. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ въ дѣвочкѣ нѣчто до того новое, сильное и властное, что рядомъ съ нею онъ, такой робкій и смущенный, показался себѣ совсѣмъ маленькимъ, несмотря на свой возрастъ. Часы на ратушѣ пробили девять, и въ каждомъ ударѣ имъ послышался строгій упрекъ.

Томасъ всталъ и пошелъ на цыпочкахъ впередъ. Платьице Беттины зацѣпилось за гвоздь, и мальчикъ съ трудомъ освободилъ его. Робко, стараясь не глядѣть другъ на друга, пробрались они по лѣстницѣ внизъ. Имъ казалось, что они сдѣлали что-то дурное. У входа въ людскую они остановились. Потомъ Томасъ рѣшительно и шумно распахнулъ дверь и вошелъ въ освѣщенную комнату съ вызывающимъ и смѣлымъ видомъ. Кузина слѣдовала за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. При ихъ появленіи прислуга разомъ замолчала и съ удивленіемъ оглядѣла запыленныхъ и перепачканныхъ дѣтей.

— Мы хотимъ ужинать!—прервалъ молчаніе Томасъ.

Служанки, очевидно, занимались сплетнями и очень боялись, что ихъ подслушали. Онѣ пробормотали въ отвѣтъ что-то невнятное, и дѣти вышли изъ комнаты успокоенныя. Но въ этотъ вечеръ они больше не разговаривали и смущенно пожелали другъ другу спокойной ночи. Этотъ часъ, проведенный ими въ

Digitized by Google

сумеркахъ на чердакѣ, врѣзался въ ихъ памяти до мельчайшихъ подробностей. Они сохранили это воспоминаніе, какъ общее сокровище, создавшее между ними загадочную связь, полную таинственной прелести.

VIII.

Въ ресторанѣ „Золотой Левъ“ сидѣли за общимъ столомъ нѣсколько завсегдатаевъ и оживленно бесѣдовали. Податной инспекторъ разсказывалъ самыя невѣроятныя вещи о новомъ пасторѣ.

— Хотите—вѣрьте, господа, хотите—нѣтъ, а только это фактъ. Пасторъ явился, уже когда нашъ докторъ отказался лечить эту женщину; онъ выслалъ изъ комнаты мужа и плакавшихъ дѣтей и, не спуская глазъ съ больной, провелъ рукою по ея лбу и положилъ руку ей на голову. Потомъ позвалъ прислугу, приказалъ завернуть больную въ мокрыя простыни, а сверху въ толстое шерстяное одѣяло и велѣлъ ей заснуть. И теперь эта женщина совершенно здорова и чувствуетъ себя какъ рыба въ водѣ.

Всѣ слушали разсказчика съ напряженнымъ вниманіемъ и, по окончаніи разсказа, нѣсколько времени молчали.

— Долженъ сказать, что считаю подобные факты даже вредными,—проговорилъ аптекарь, маленькій человѣчекъ въ синихъ очкахъ, почесывая лысину.

— Почему это?—спросилъ инспекторъ съ грубоватымъ смѣхомъ. — Ужъ не потому ли, что больная выздоровѣла безъ вашихъ зелій и пилюль?

Аптекарь слегка пожалъ плечами съ видомъ превосходства.

— Я считаю унизительнымъ отвѣчать на такія обвиненія,— возразилъ онъ строго. — Я держусь того мнѣнія, что въ наше просвѣщенное время, когда открытія естественныхъ наукъ захватываютъ все бо́льшую и бо́льшую область, попытки такого рода леченія вносятъ въ жизнь только разстройство и путаницу. Господинъ пасторъ, конечно, руководится самыми лучшими побужденіями, и я подчеркиваю, что ни на мгновеніе не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ человѣкъ истинно-вѣрующій, но въ этомъ дѣлѣ онъ причиняетъ только вредъ. Онъ портитъ практику нашему доктору и распространяетъ въ народѣ вѣру въ сверхъестественное и суевѣріе. Смущать людей какими-то шарлатанскими пріемами...

Онъ не договорилъ. Дверь отворилась, и вошелъ докторъ.

Digitized by Google

Онъ пожелалъ всѣмъ добраго вечера и увидалъ со всѣхъ сторонъ смущенныя лица.

— А-а!—протянулъ онъ, придавая своему голосу ироническій оттѣнокъ.—У васъ, повидимому, шелъ очень оживленный разговоръ, и я вамъ помѣшалъ, господа. Вы можете не стѣсняться мною,—прибавилъ онъ, снимая пальто.—Я отношусь къ этому совершенно равнодушно.

— Напротивъ, совсѣмъ напротивъ,—раздался тонкій, рѣзкій голосъ горбатаго господина съ такимъ черепомъ, какъ будто у него была водянка головы. Онъ пристально смотрѣлъ на доктора своими бѣгающими, безпокойными глазами.

— Что вы хотите этимъ сказать, господинъ стряпчій? — спросилъ нѣсколько удивленный докторъ.

— Да, видите ли,—продолжалъ горбатый господинъ, проводя по густымъ волосамъ, напоминавшимъ своимъ цвѣтомъ перецъ: —это случай слишкомъ интересный, чтобы оставить его безъ разъясненія. Случай, только-что разсказанный намъ господиномъ податнымъ инспекторомъ, о томъ, какъ господинъ пасторъ исцѣлилъ больную женщину, далеко не единственный. Мнѣ кажется, что послѣднее слово въ такомъ вопросѣ,—я, конечно, отношусь къ нему не съ матеріальной точки зрѣнія, а по существу,—быстро прибавилъ онъ,—принадлежитъ именно вамъ, господинъ докторъ, какъ представителю науки.

Онъ замолчалъ, и всѣ глаза устремились на доктора съ выраженіемъ напряженнаго любопытства.

Докторъ закрутилъ своими мясистыми пальцами усы еще болѣе кверху, слегка откашлялся и проговорилъ раздумчиво и съ усмѣшкой:

— Наука ничего не имѣетъ общаго съ подобными фактами. Если кто-нибудь явится и скажетъ, что умѣетъ заговаривать, а паціентъ ему повѣритъ, такъ и пусть заговариваетъ съ Божьей помощью. И если потомъ больной припишетъ свое выздоровленіе этому заговору, то я опять скажу: слава Богу! Это все спекуляціи, основанныя на людской глупости. Бываютъ какія-то мази, настойки и эссенціи, излечивающія очень быстро отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней и дающія возможность зарабатывать милліоны,—это ужъ дѣло извѣстное! Когда докторъ не можетъ помочь, то обращаются къ шарлатану, и тотъ помогаетъ. До тѣхъ поръ помогаетъ, пока у больного не сгніютъ всѣ члены! Но это ничего не значитъ. Шарлатану все-таки будутъ вѣрить!

Всѣ молчали; возразилъ только старшій лѣсничій, высокій

Digitized by Google

человѣкъ, съ лицомъ, покрытымъ морщинами, и съ длинной сѣдой бородою:

— Я не совсѣмъ согласенъ съ докторомъ. Мнѣ кажется, онъ нѣсколько смѣшиваетъ понятія. Господинъ пасторъ въ своемъ леченьѣ слѣдуетъ примѣру Христа. Силой воли онъ поднимаетъ и закаляетъ волю страдающаго человѣка. Потому что, въ сущности, какъ это ни странно, очень часто страданія и смерть зависятъ отъ силы воли. Впрочемъ, нашъ пасторъ и не хочетъ совершать ничего сверхъестественнаго,—ему это и во снѣ не снилось. Онъ только вѣритъ въ цѣлебное свойство воды болѣе, чѣмъ въ разныя пилюли, думая, что вода можетъ имѣть вліяніе на организмъ, ослабленный болѣзнью. Для меня совершенно ясно одно: докторъ долженъ имѣть нравственную власть надъ больнымъ,—иначе чортъ съ нимъ совсѣмъ! Вы можете на меня насмѣшливо смотрѣть, сколько вамъ угодно, докторъ,—вы, все равно, меня не переубѣдите.

— Я совсѣмъ этого и не хочу дѣлать,—возразилъ докторъ.—Каждый долженъ быть счастливъ по-своему. Сильная личность можетъ вліять, какъ вы справедливо замѣтили, на нѣкоторыхъ больныхъ съ слабой волей. Это называется, господа, лечить внушеніемъ. По большей части, это бываетъ съ истеричными, и я могу вамъ разсказать случай изъ моей собственной практики. Меня позвали къ больной разслабленной, лежавшей, по показанію врачей, нѣсколько мѣсяцевъ безъ движенія. Выяснивъ себѣ, какого рода было это заболѣваніе, я подошелъ къ больной и сказалъ:—Встаньте, почтеннѣйшая, и отправляйтесь гулять. Вы совершенно здоровы, клянусь вамъ въ этомъ моею докторской совѣстью. — И что же? больная встала и выздоровѣла. Наука не отрицаетъ подобныхъ случаевъ, какъ ошибочно предполагаетъ господинъ главный лѣсничій, а только относится къ нимъ сознательно. А если приписывать эти случаи какому-то магнетизму, какъ дѣлаетъ это господинъ главный лѣсничій, то по тѣмъ же основаніямъ остается утверждать и возможность появленія духовъ, вызываемыхъ разными постукиваніями. Впрочемъ...

— Lupus in fabula!—воскликнулъ аптекарь, и всѣ глаза устремились на стройную фигуру вошедшаго человѣка. Въ его безбородомъ умномъ лицѣ, съ тонкими губами, большимъ энергичнымъ носомъ, прекраснымъ, чистымъ лбомъ и ясными глазами, чувствовалось какое-то нравственное превосходство, невольно вызывавшее уваженіе.

Стряпчій потеръ себѣ украдкой руки отъ удовольствія. Онъ

Digitized by Google

думалъ о томъ, какъ будетъ интересно, когда два врага сцѣпятся.

Докторъ безпокойно задвигался на стулѣ въ то время, какъ главный лѣсничій любезно очищалъ мѣсто для новаго гостя.

— Меня уже, кажется, побили каменьями,—проговорилъ пасторъ, оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ полу-шутливымъ, полу-испытующимъ взглядомъ:—вѣдь „lupus in fabula"—это я, и мое преступленіе состоитъ въ томъ, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло и порчу доктору его практику. Но вы уже меня извините, если я откажусь отъ участія въ спорѣ. Трудно спорить, когда у однихъ одно мнѣніе, а у другихъ другое. Я не приписываю себѣ ничего особеннаго, но когда могу помогать, то помогаю, даже если при этомъ приходится становиться кому-нибудь поперекъ дороги и подвергаться столкновеніямъ и непріятностямъ. Я знаю всѣ возраженія, которыя мнѣ могутъ сдѣлать люди науки и публика, но это меня не задѣваетъ. Я не по своей волѣ сталъ помогать больнымъ, и самъ совершенно случайно узналъ, какое дѣйствіе можетъ имѣть мой взглядъ и прикосновеніе руки. Разъ меня позвали для послѣдняго напутствія къ умиравшей. Я положилъ ей руку на голову, не придавая этому особаго значенія; но когда хотѣлъ отнять руку, то женщина стала меня умолять, чтобы я оставилъ ее на головѣ, утверждая, что ей такъ легче. Я нѣсколько часовъ просидѣлъ у ея кровати, помогая ей, если такъ можно выразиться, противъ нея же самой. Конечно, я не спасъ ее отъ смерти, но понялъ, что прикосновеніе моей руки и мой взглядъ облегчаютъ страданіе, и не вижу причины лишать больныхъ этой помощи. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ существуютъ вещи,—прибавилъ онъ задумчиво,—не поддающіяся изысканіямъ и разсудку. Вамъ всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что существуютъ такъ называемые „искатели колодцевъ": люди, которыхъ призываютъ издалека въ безводныя мѣстности для того, чтобы они указали, гдѣ нужно рыть колодецъ. Они берутъ въ руки ивовую вѣтку и ходятъ повсюду взадъ и впередъ, и когда подойдутъ къ тому мѣсту, подъ которымъ находится вода, то вѣтка вздрагиваетъ у нихъ въ рукѣ. Тамъ начинаютъ рыть и находятъ воду. Но вы ошибаетесь, господа, если думаете, что ивовый прутъ можетъ задрожать въ рукѣ каждаго человѣка. Объяснить этого нельзя, но это есть, такъ же, какъ и многое другое, чего мы не въ состояніи постигнуть.

Докторъ слегка откашлялся, взглянулъ на часы и всталъ.

— Мнѣ уже пора,—проговорилъ онъ и взялъ шляпу и палку.—Весь разговоръ былъ ему крайне непріятенъ. Онъ ясно

Digitized by Google

чувствовалъ нравственную силу пастора, и считалъ, что спорить съ нимъ безполезно, хотя могъ противопоставить его словамъ самыя вѣскія доказательства изъ области естественныхъ наукъ. Его отвлекъ отъ этихъ непріятныхъ мыслей самъ пасторъ, подошедшій къ нему и тоже собравшійся уходить.

Они вышли вмѣстѣ, и на встрѣчу имъ повѣяла теплая, влажная ночь. Все было окутано туманомъ, такъ что за два шага ничего нельзя было разглядѣть.

Пасторъ первый прервалъ молчаніе:

— Я, кстати, хотѣлъ спросить васъ, господинъ докторъ, не пришлете ли вы мнѣ вашего мальчика въ часы, назначенные для приготовленія къ конфирмаціи. Онъ уже въ такихъ годахъ, что, вѣроятно, готовился съ моимъ предшественникомъ...

Онъ не докончилъ, потому что докторъ вдругъ остановился. Вся эта исторія была ему крайне непріятна. Съ одной стороны, ему было болѣе чѣмъ неловко уклоняться отъ обязанностей добраго гражданина и сына церкви, а съ другой стороны, ему было противно входить въ какія бы то ни было отношенія съ пасторомъ. Кромѣ того, онъ злился, что ему должны были напомнить о такой важной вещи.

— Я пришлю вамъ мальчика завтра утромъ,—проговорилъ онъ быстро,—а теперь извините, если я съ вами прощусь; мнѣ нужно еще зайти по дѣлу.

Пасторъ наклонилъ голову, и они разстались, причемъ докторъ постарался довольно-таки неловко подчеркнуть раздѣлявшую ихъ нравственную рознь оффиціальностью своего поклона.

Пасторъ замѣтилъ это и тихонько усмѣхнулся про себя.

Завернувъ за ближайшій уголъ, докторъ ускорилъ шаги. Онъ былъ возбужденъ и недоволенъ собою. Онъ точно уклонился отъ борьбы, хотя могъ бы совершенно разбить доводы пастора двумя мѣткими замѣчаніями. Быстро шелъ онъ своей дорогой. Ставни почти всѣхъ домовъ были заперты, и свѣтъ изъ оконъ уже не падалъ на улицу. Въ этомъ маленькомъ городкѣ день кончался рано и до десяти часовъ всѣ уже покоились глубокимъ сномъ.

Докторъ вздохнулъ. Студентомъ онъ страдалъ отъ голодухи, а теперь чувствовалъ себя заживо похороненнымъ въ этой глухой норѣ. Правда, онъ могъ ѣсть до-сыта. Въ этомъ отношеніи его разсчеты оказались правильными, но у него такъ и не было настоящаго домашняго очага. Онъ чувствовалъ, что его сынъ и душой и тѣломъ принадлежалъ матери. Порой въ немъ пробуждалось горькое раздраженіе противъ этой женщины. Она удалила его отъ себя своимъ молчаніемъ, поставила между

Digitized by Google

нимъ и собою какую-то непреодолимую стѣну и вдобавокъ отняла у него его собственнаго ребенка. Онъ зашагалъ еще размашистѣе, пока не добрался, наконецъ, до маленькаго дома, находившагося довольно далеко отъ города. Онъ дернулъ тихонько за звонокъ. Въ отвѣтъ ему залаяла собака.

— Молчать, Картушъ, молчать!—успокоилъ онъ ее сдержаннымъ голосомъ. Ему пришлось довольно долго подождать, пока онъ наконецъ не услыхалъ звука ключа, вкладываемаго въ замочную скважину.

— Это ты?—раздался голосъ изнутри.

— Я,—отвѣтилъ онъ коротко.

Ключъ повернулся, и передъ нимъ появилась, повидимому, еще молодая женщина, державшая въ рукѣ маленькій фонарь. На головѣ у нея былъ накинутъ платокъ, доходившій до плечъ. Она была въ бѣлой ночной кофточкѣ и имѣла видъ усталый и заспанный.

— Ну, ужъ и поздно же ты приходишь!—проворчала она и пошла впереди него въ комнату, гдѣ зажгла висячую лампу. Потомъ широкимъ движеніемъ сбросила съ себя платокъ, открывъ голую шею и полную бѣлую грудь, выступавшую изъ полу-разстегнутой кофточки. Она протерла рукой усталые, съ узкимъ разрѣзомъ и все еще заспанные глаза и опустилась на широкій, обитый черной клеенкой диванъ, стоявшій вдоль главной стѣны незатѣйливой комнаты.

— И чего это понадобилось будить человѣка среди ночи?—проговорила она, оправляя и натягивая нàскоро надѣтую и начавшую сползать юбку.

Въ этой женщинѣ, съ широкими бедрами, большимъ чувственнымъ ртомъ, дерзкимъ вздернутымъ носомъ и срѣзаннымъ лбомъ, надъ которымъ низко начинали расти густые черные волосы, теперь разсыпавшіеся по бѣлой кофточкѣ, во всемъ ея вызывающемъ существѣ было для доктора что-то необыкновенно привлекательное. Въ такомъ костюмѣ она дѣйствовала на него всего сильнѣе. Тутъ ужъ не было ничего духовнаго, что̀ могло бы смущать его. Она это знала и пользовалась этимъ. Съ чисто-женскимъ инстинктомъ умѣла она подчинять себѣ этого человѣка, на видъ такого сильнаго и съ такимъ воинственнымъ видомъ.

— Не дѣлай такого злого лица!—сказалъ онъ уже просительнымъ тономъ.

— Вотъ еще!

Онъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ нею и хотѣлъ обнять ее.

Digitized by Google

— Ахъ, отстань!—крикнула она сердито.

— Какъ поживаетъ маленькая?

Она угрюмо покосилась на него.

— Есть тебѣ дѣло до меня и до дѣвчонки!

Ея тонъ раздражалъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ нравился ему. Онъ втайнѣ любилъ, когда она съ нимъ обращалась какъ съ мальчишкой и ссорилась съ нимъ. Это его удивительно возбуждало.

— Какъ ты можешь такъ говорить? Ты знаешь, какъ я къ тебѣ привязанъ!

— Ничего я не знаю!—проговорила она и оперлась локтями въ колѣни.

— Будь же подобрѣе!—попросилъ онъ опять.—Я прихожу къ тебѣ усталый, измученный, у меня столько заботъ, а ты дѣлаешь мнѣ сердитое лицо. Постыдилась бы, Маринка!

Она коротко разсмѣялась.

— Что это еще за заботы такія у тебя?—Онъ подвинулся къ ней поближе; она не сопротивлялась.

— Это вѣдь не пустякъ, если жена лежитъ больная, и конца этой болѣзни не предвидишь,—проговорилъ онъ;—а тутъ еще изъ-подъ носа перебиваютъ паціентовъ.

Въ лицѣ женщины появилось такое выраженіе, какъ будто она старалась что-то выпытать. Она приблизила къ нему лицо, и прямо на него упалъ рѣзкій свѣтъ лампы, отъ которой непріятно пахло керосиномъ.

— Что же съ нею такое?—спросила она.

— Съ легкими у нея неладно.

— А это опасно?

— Да.

Нѣсколько времени они молчали.

— Какъ ты думаешь, она можетъ поправиться?—снова начала женщина.

— Поправиться? Нѣтъ!

Женщина положила руку на его колѣно.

— Она умретъ?—спросила она немного тише.

Докторъ пристально посмотрѣлъ ей въ лицо. Она спокойно выдержала его взглядъ.

— Мы всѣ умремъ,—проговорила она равнодушно.—Одинъ раньше, другой позднѣе.

Они опять помолчали.

Вдругъ она быстро сѣла къ нему на колѣни.

Кровь бросилась ему въ голову.

Digitized by Google

— Когда она умретъ, ты возьмешь меня къ себѣ въ домъ?

Онъ только кивнулъ головою.

— И женишься на мнѣ?

Онъ не отвѣчалъ.

— Ты на мнѣ женишься?—повторила она настойчиво, тономъ, требующимъ отвѣта.

— Да,—отвѣтилъ онъ нерѣшительно.

Она быстро встала и вышла. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Она вернулась, держа на рукахъ маленькую, толстощекую дѣвочку.

— Посмотри, какая она хорошенькая!—проговорила женщина, и голосъ у нея звучалъ совсѣмъ иначе. Въ немъ появилось что-то нѣжное, ласковое и матерински-доброе, какъ будто она вернулась совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Она все что-то болтаетъ про своего папу.

Она хлопнула его по плечу и опять посмотрѣла на него вызывающимъ взглядомъ.

— Ну, будь добрымъ и поцѣлуй ее!—попросила она, ласкаясь къ нему.

Онъ нагнулся къ ребенку. Онъ чувствовалъ, что эта женщина имѣла надъ нимъ большую власть, и ему становилось хорошо отъ ея безцеремоннаго обращенія, особенно въ такомъ настроеніи, въ какомъ онъ былъ сегодня.

Ребенокъ закапризничалъ, и она унесла его опять въ кроватку.

— Будь, дѣточка, пай, будь, дѣточка, умница!—донеслось до него изъ сосѣдней комнаты, и вслѣдъ за этимъ онъ услышалъ, какъ она напѣвала:

— Спи, дитя мое, усни!..

Скоро она появилась опять и протянула ему губы для поцѣлуя. Потомъ подбоченилась и расхохоталась, увидавъ, какой онъ сдѣлался красный. При этомъ передъ нимъ сверкнули ея бѣлые, большіе зубы, такіе же здоровые, какъ она сама. Она заставила его снова сѣсть на диванъ рядомъ съ собою и поправила ему усы, опустившіеся и спутавшіеся отъ сырой погоды и отъ продолжительнаго и крѣпкаго поцѣлуя.

— Какъ разъ такіе же усы,—проговорила она, очень довольная,—были у моего покойнаго папеньки; онъ служилъ фельдфебелемъ.—Но тотчасъ она замѣтила, что это сравненіе было ему непріятно, и, бросивъ на него косой взглядъ, быстро встала и потушила лампу.

Digitized by Google

IX.

— Господинъ пасторъ дома?

Служанка провела Томаса въ рабочую комнату, стѣны которой были уставлены полками съ книгами. На письменномъ столѣ, покрытомъ бумагами, возвышалась статуя Спасителя на крестѣ, сдѣланная изъ слоновой кости, а передъ столомъ стояло старое дѣдовское кресло, обитое темной кожей. Пасторъ вошелъ.

— Такъ это ты, Томасъ Трукъ?—сказалъ онъ ласково, и проницательно взглянулъ на мальчика.

Томасъ выдержалъ этотъ взглядъ съ такимъ серьезнымъ спокойствіемъ и холодной сдержанностью, что это поразило пастора. Ему уже случалось встрѣчать мальчика, и онъ былъ такъ пораженъ его внѣшностью, что не безъ умысла напомнилъ наканунѣ его отцу объ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Онъ пригласилъ Томаса сѣсть и, взглянувъ на него еще разъ, замѣтилъ страдальческую черту, образовавшуюся вокругъ его тонко очерченнаго рта. Невольно перевелъ онъ глаза на лицо Спасителя на крестѣ, находя что-то общее страдальческое въ обоихъ лицахъ.

— Кто вѣруетъ въ Христа,—началъ онъ грустно и кротко, сдержаннымъ голосомъ,—и принимаетъ его ученіе съ свободнымъ сознаніемъ, по собственной волѣ, тотъ долженъ проникнуть въ глубины религіи, чтобы быть готовымъ къ торжественной минутѣ перваго причащенія. Я думаю, что именно для этого ты и пришелъ ко мнѣ.

Томасъ покачалъ головою и отвѣчалъ, пристально глядя на пастора:

— Я совсѣмъ не хочу вѣровать...

Пасторъ улыбнулся, и горечь его улыбки уязвила Томаса.

— Почему же ты не вѣришь?

Томасъ мрачно сдвинулъ брови.

— Я этого не скажу.

Пасторъ всталъ и подошелъ къ нему совсѣмъ близко.

— Ты этого не скажешь, дитя мое, потому что въ глубинѣ души ты вѣрующій.—И, помолчавъ, онъ продолжалъ: — Никто, мой милый, не можетъ утверждать, что не вѣритъ. Люди, говорящіе такъ, обманываютъ себя и другихъ. Кто живетъ, тотъ вѣритъ. Только то лишено вѣры, что совершенно мертво и неподвижно.

Томасъ вздрогнулъ.

Digitized by Google

— Вѣра можетъ умереть, — отвѣтилъ онъ поблѣднѣвшими губами;—у меня она умерла. Я не лгу, господинъ пасторъ. У меня въ душѣ именно то, о чемъ вы говорите.

— Любишь ты кого-нибудь на свѣтѣ?

— Да,—отвѣтилъ онъ и весь вспыхнулъ.

— Значитъ, ты вѣришь, потому что не можетъ быть любви безъ вѣры. Всякій, кто отрѣшается отъ самого себя, способенъ ставить что-нибудь высоко и съ благоговѣніемъ относиться къ этому,—уже вѣруетъ.

— Можно меня заставить быть религіозиымъ? — спросилъ Томасъ вмѣсто всякаго отвѣта.

— Нѣтъ, заставить нельзя.

Грудь Томаса высоко поднималась и на лбу его выступили капельки пота. Но вдругъ онъ разсмѣялся короткимъ и рѣзкимъ смѣхомъ. Онъ снова овладѣлъ собою. Онъ выпрямился и глаза его засверкали. Онъ хотѣлъ что-то спросить, но какой-то страхъ не давалъ ему выговорить ни слова. Наконецъ онъ рѣшился.

— Мнѣ хотѣлось бы спросить у васъ одну вещь,—началъ онъ. — Не случалось ли вамъ побывать, господинъ пасторъ, на свиной бойнѣ?

Пасторъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Я говорю, конечно, о настоящихъ бойняхъ, гдѣ убиваютъ свиней. Этотъ ихъ крикъ такъ и остается въ ушахъ навсегда. Я былъ тамъ, когда ихъ убивали, господинъ пасторъ, я все это видѣлъ и слышалъ.

— Что же ты хочешь этимъ сказать?

— Вы, добрые, набожные, посѣщающіе церковь люди, убиваете свиней!

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Мнѣ скоро пятнадцать.

При этихъ словахъ онъ гордо откинулъ назадъ голову. Онъ почувствовалъ теперь подъ собою почву.

— Живыхъ раковъ варятъ въ кипяткѣ! Конечно, раки не могутъ кричать, но они становятся красными, красными какъ кровь, господинъ пасторъ. Я хочу сказать,—здѣсь голосъ мальчика пересѣкся отъ волненія,—я хочу сказать, что люди убиваютъ скотъ, звѣрей и... и...

Онъ запнулся.

— И?—повторилъ пасторъ.

— И убиваютъ другъ друга,—докончилъ Томасъ.

— Почему это пришло тебѣ въ голову?

Скорбное выраженіе появилось въ глазахъ мальчика.

Digitized by Google

— Знаете вы Беттину, господинъ пасторъ?—спросилъ онъ едва слышно.

— Нѣтъ.

— Беттина—это моя кузина, она живетъ у насъ. Мать Беттины,—онъ остановился, и на глаза его навернулись слезы,—мать Беттины,—повторилъ онъ, съ усиліемъ овладѣвая собой,—пріѣхала къ намъ смертельно больная и умерла въ нашемъ домѣ. Ея мужъ убилъ ее, господинъ пасторъ. Конечно, онъ не отравилъ ее, но замучилъ до смерти. Я бы и еще могъ вамъ разсказать то, что я видѣлъ собственными глазами, господинъ пасторъ, но я не могу и не хочу этого.

Онъ стиснулъ зубы и поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Нѣтъ ли еще чего-нибудь, что убило въ тебѣ вѣру?

— Меня наказывали и били, когда я заступался за болѣе слабыхъ.

— За кого же ты заступался?

— За моихъ школьныхъ товарищей. Учителя хотѣли меня исключить изъ гимназіи, а дома отецъ меня побилъ.

— Спаситель тоже страдалъ невинно, но его терновый вѣнецъ принесъ намъ спасеніе.

— Кому онъ принесъ спасеніе?—спросилъ мальчикъ, и на его страдальческомъ лицѣ вдругъ выступила мученическая улыбка его матери.

— Ты все сказалъ?

— У меня еще есть много тяжелаго на сердцѣ. Еще раньше меня мучили мысли о смерти. Я нахожу ужаснымъ, что и злые и добрые одинаково умираютъ. Мама и я, мы оба плакали объ этомъ. А вы находите, что это справедливо, хорошо?

Онъ закрылъ лицо обѣими руками, вздрагивая какъ будто отъ холода.

— Въ которомъ ты классѣ?

— Въ старшемъ отдѣленіи второго.

— О, да ты совсѣмъ ученый господинъ. Тебѣ уже нужно говорить „вы“.

— Совсѣмъ этого не нужно.

— Ты чувствуешь себя несчастнымъ въ гимназіи?

— Я стараюсь не подчиняться. Нужно всегда бороться за правду.

— Даже съ отцомъ?

Губы Томаса дрогнули почти презрительно.

— Да, даже съ отцомъ.

— А тебѣ никогда не приходило въ голову, что и ты от-

Digitized by Google

части виноватъ, что ты противишься своимъ воспитателямъ изъ гордости и своеволія и скрываешь отъ нихъ свой внутренній міръ такъ, что они не могутъ знать, что въ тебѣ происходитъ.

— Они и не хотятъ этого знать; оттого я и скрываю.

— А можетъ быть они сами въ этомъ не виноваты; можетъ быть, ихъ несчастье и состоитъ въ томъ, что, имѣя глаза и уши, они не видятъ и не слышатъ. Есть кротость,—прибавилъ онъ,—которая благороднѣе гордости.

— Я не хочу быть кроткимъ. Я хочу быть правдивымъ.

— Можетъ придти часъ, когда твоя воля будетъ сломлена. Этотъ часъ будетъ для тебя очень тяжелымъ, Томасъ.

Его слова прозвучали угрозой и въ первую минуту смутили мальчика. Но онъ скоро оправился.

Пасторъ медленно поднялся и ласково провелъ своей красивой, бѣлой рукой по разгоряченному лицу мальчика.

— Ты многое утверждаешь, и я тебѣ не на все отвѣтилъ не потому, чтобы не имѣлъ, что сказать, а потому, что не желаю слегка касаться такихъ серьезныхъ вопросовъ,—задумчиво проговорилъ онъ.—Никто не станетъ принуждать тебя вѣрить, но я думаю, что тебѣ слѣдуетъ приходить ко мнѣ каждую недѣлю, чтобы мы имѣли возможность поговорить съ тобой обо всемъ, что тебя волнуетъ. Я не буду насиловать твои убѣжденія, и если ты даже останешься при своемъ мнѣніи, то мы все-таки разстанемся друзьями.

Лицо Томаса выразило крайнее удивленіе. Еще никто никогда такъ не разговаривалъ съ нимъ. Но въ немъ еще оставалось какое-то недовѣріе. Онъ смутно чувствовалъ, что имъ овладѣваютъ, стараются его привлечь къ себѣ и лишить самостоятельности. И ему хотѣлось сопротивляться.

Пасторъ, казалось, понялъ, что въ немъ происходило.

— Сразу не давай мнѣ никакого отвѣта,—проговорилъ онъ весело.—Обдумай все спокойно и тогда слѣдуй своему собственному влеченію.

Онъ протянулъ ему руку, и мальчикъ почувствовалъ, что какой-то электрическій токъ прошелъ по всему его тѣлу. Онъ быстро отдернулъ свою руку, искоса взглянулъ на пастора и вышелъ изъ комнаты, опустивъ голову.

Digitized by Google

X.

Тамара лежала въ постели и вдыхала теплый, лѣтній воздухъ, вливавшійся въ открытое настежь окно. Въ ея глазахъ было неземное, тоскующее выраженіе смертельно больного человѣка. Она лежала и мечтала въ глубинѣ своей души, совершенно отрѣшившись отъ всего окружающаго.

Ея распущенные волосы разсыпались блестящими волнами по бѣлой подушкѣ. Вдругъ въ окружавшую ее тишину проникъ снаружи звукъ шаговъ. Она пугливо и съ усиліемъ приподнялась и прислушалась.

Чья-то дрожащая рука распахнула дверь, и на порогѣ комнаты появился Томасъ.

Лицо больной выразило безпомощность. Она вся съёжилась подъ одѣяломъ, какъ будто ей вдругъ стало холодно, потомъ безсильно откинулась на подушку и почти совсѣмъ закрыла глаза.

Томасъ подошелъ къ ея кровати и увидѣлъ только узенькую полоску зрачковъ, выглядывавшихъ изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ. Но онъ замѣтилъ, какъ вздрагивали ея рѣсницы, какъ похудѣли ея ввалившіяся щеки и какъ на нихъ постепенно проступалъ слабый, но зловѣщій румянецъ. Онъ наклонился и поцѣловалъ ея руку, показавшуюся ему въ эту минуту такой нѣжной и хрупкой, что мысль о смерти внезапно мелькнула въ его головѣ.

Тамара приподняла вѣки, взглянула на него съ улыбкой широко раскрытыми глазами и нѣжно провела рукой по его волосамъ.

Томасъ былъ готовъ разрыдаться, но, при видѣ ея улыбки, ему стало стыдно своей слабости, и, крѣпко сжимая руки, онъ проглотилъ подступавшія слезы.

— Знаешь, у кого я былъ, Тамара?

Она покачала головой.

— У пастора Паули.

И онъ принялся съ жаромъ разсказывать ей о своемъ посѣщеніи, совершенно не замѣчая, какое сильное впечатлѣніе производили на нее его слова. По временамъ ей какъ будто хотѣлось что-то возразить, но у нея не хватало силъ. И только покончивъ свой разсказъ, замѣтилъ Томасъ, что капли пота выступили на ея блѣдномъ лбу, что крылья ея носа вздрагивали, а блѣдныя губы судорожно подергивались.

— Что же это съ тобой, Тамара? — испуганно вскрикнулъ онъ. — Ужъ не разсердилась ли ты за то, что я вошелъ къ тебѣ?

Digitized by Google

Она продолжала молчать, и на этотъ разъ онъ уже разрыдался. Его горячія слезы закапали на ея руку.

— Не сердись, пожалуйста, милая, дорогая Тамара!

Она взяла его голову обѣими руками и поцѣловала его.

— И все это ты сказалъ ему, Томасъ?

Онъ кивнулъ головой.

— Однако, какой ты смѣлый! Какъ могъ ты рѣшиться бросить въ лицо пастору подобныя вещи?

— Вообрази, Тамара, вѣдь онъ ни на секунду не разсердился на меня. Его вообще всѣ очень любятъ, а въ гимназіи разсказываютъ, что онъ даже творитъ чудеса и уже не разъ помогалъ тяжело-больнымъ. Вначалѣ я его боялся, онъ представлялся мнѣ злымъ, и мнѣ казалось, что онъ непремѣнно постарается запугать и смутить меня. Вѣришь ты въ Бога, Тамара?—вдругъ спросилъ онъ.

Она молчала.

— Вѣришь ли ты, Тамара? Отвѣть же мнѣ!

Она, видимо, избѣгала его взгляда.

Тогда онъ опустилъ глаза и вздохнулъ.

— Долженъ ли я ходить къ нему, Тамара?—спросилъ онъ черезъ минуту.

— Развѣ ты самъ-то этого не хочешь?

— Я хочу и не хочу въ одно и то же время. Я немного боюсь его, но мнѣ очень интересно. Вообще, я долженъ тебѣ сказать,—точно въ чемъ-то извиняясь, продолжалъ мальчикъ,—онъ совсѣмъ не похожъ на учителей. Можешь себѣ представить, онъ говорилъ мнѣ „ты“ и при этомъ обращался со мной съ несомнѣннымъ уваженіемъ.

Она пытливо заглянула ему въ лицо и откинула назадъ упавшіе ему на лобъ волосы. По его волненію и возбужденному тону она поняла, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ пасторъ на Томаса.

— У него такой чудный голосъ! — мечтательно заговорилъ опять мальчикъ. И прибавилъ чуть слышно:—Мнѣ кажется, что тебѣ будетъ легче, Тамара, если онъ сядетъ около твоей постели и поговоритъ съ тобою.

Тихо, точно чего-то испугавшись, она въ первую минуту отклонила его предложеніе; но Томасу удалось постепенно преодолѣть ея слабое сопротивленіе. Инстинктивно, почти не отдавая себѣ яснаго отчета въ своемъ желаніи, онъ ухватился за эту мысль и уже не отступалъ отъ нея.

Digitized by Google

— Сдѣлай это, Тамара!—началъ онъ снова просящимъ тономъ.—Вѣдь ты согласна?

И, точно чего-то стыдясь, она прошептала ему на ухо:

— Онъ этого не допуститъ.

Томасъ смутился. Эта мысль не приходила ему въ голову, и теперь, видимо, встревожила его. Лицо его выразило безпокойство, но черезъ минуту онъ уже пришелъ къ твердому, опредѣленному рѣшенію и торжественно объявилъ:

— Этого онъ не запретитъ тебѣ, Тамара.

Тонъ его голоса прозвучалъ для нея какъ чудная музыка. И она посмотрѣла на него съ такой покорностью, гордостью и радостью, какъ можетъ смотрѣть только влюбленная дѣвушка, еще не вполнѣ вѣрящая въ свое счастье.

И, не дожидаясь отвѣта, Томасъ вышелъ изъ комнаты.

XI.

Послѣ разговора съ Тамарой, онъ бросился со всѣхъ ногъ къ кузинѣ. Ему необходимо было съ ней посовѣтоваться.

Онъ сталъ искать ее въ саду, и когда, наконецъ, увидѣлъ ее, то остановился, точно вкопанный, не смѣя ближе подойти къ ней.

Въ бѣломъ кружевномъ платьицѣ стояла она подъ навѣсомъ изъ акацій. На ея вьющихся волосахъ былъ надѣтъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Она играла на скрипкѣ, и изъ-подъ ея смычка лилась дикая, смѣлая мелодія, и вся ея стройная фигура выражала избытокъ возбужденія и наслажденія. Увидѣвъ Томаса, она оборвала игру и взглянула на него съ милымъ замѣшательствомъ.

Онъ тоже въ первую минуту не могъ выговорить ни слова, но, наконецъ, сказалъ:

— Знаешь, ты мнѣ показалась какой-то лѣтней феей. Я не могу себѣ представить этого сада безъ тебя и безъ твоей скрипки. Вѣдь бываютъ сказки, которыя, въ сущности, совсѣмъ не сказки,—продолжалъ онъ съ страннымъ возбужденіемъ,—напримѣръ...—онъ остановился на минуту,—напримѣръ,—повторилъ онъ и сорвалъ цвѣтокъ:—это—анемонъ, и ты вышла изъ его чашечки. И, въ сущности, тебя нужно было бы назвать не Беттиной, а анемономъ, потому что ты совсѣмъ какъ...

Онъ вдругъ остановился, удивляясь на самого себя.

Но она захлопала въ ладоши и вся просіяла отъ радости.

Digitized by Google

— Продолжай!—просила она.—Это было такъ чудесно! — И, засмѣявшись какимъ-то внутреннимъ смѣхомъ, продолжала:— Такъ, значитъ, я—лѣтняя фея, и была когда-то цвѣткомъ. Какъ это чудесно, Томасъ!

Она снова приложила скрипку къ подбородку, посмотрѣла на него своими широко раскрытыми дѣтскими глазами, выражавшими какой-то страстный вопросъ, и стала играть только для него. И мелодія зазвучала полно, мягко и ярко, точно пронизывая всю красоту этого лѣтняго дня. И сама Беттина дышала жизнью и внутреннимъ одушевленіемъ.

— Но кто, кромѣ тебя, съумѣетъ такъ сыграть?—сказалъ съ глубокимъ восторгомъ Томасъ, когда она кончила.

Загадочная грусть отразилась на ея миломъ лицѣ.

— Ахъ, еслибы я когда-нибудь мо́гла такъ играть, какъ онъ!—проговорила она задумчиво.—Нѣтъ,—продолжала она, и ея глаза засверкали дикимъ огнемъ: — я хотѣла бы играть гораздо лучше, чѣмъ онъ, и чтобы онъ самъ призналъ это. Ты знаешь, я его ненавижу! Мнѣ кажется, я могла бы видѣть, что онъ тонетъ, и не тронулась бы съ мѣста, чтобы спасти его, точно такъ же, какъ онъ ничего не сдѣлалъ, когда... Но,—прервала она себя, и выраженіе ея лица сразу измѣнилось,— какъ онъ умѣетъ, какъ онъ умѣетъ играть! Ты не можешь этого себѣ представить!

Она внезапно разсмѣялась злымъ смѣхомъ, и что-то злорадное и отталкивающее появилось на ея дѣтскомъ лицѣ. Она замѣтила, что Томасъ былъ пораженъ перемѣной ея выраженія, и потому поспѣшила пояснить:

— Одинъ разъ, когда къ нему явилась одна изъ его дамъ и увезла его съ собою, а мама стала опять плакать, то я пробралась въ его рабочую комнату и разбила его самую лучшую скрипку, а обломки положила ему на рояль. Ну ужъ,—произнесла она, и ея голосъ задрожалъ отъ восторженнаго чувства удовлетворенія, — какъ онъ кричалъ на другой день, какъ плакалъ! Я стояла въ сосѣдней комнатѣ и все слышала. Потомъ я пріотворила дверь, встала прямо передъ нимъ и сказала: „Это я сдѣлала“. Вѣдь сначала-то онъ подумалъ, что это сдѣлала мама. Онъ таскалъ меня, Томасъ, за волосы и топталъ меня ногами. Съ этого дня онъ возненавидѣлъ меня такъ же, какъ я его ненавижу.

И, повѣдавъ Томасу эту свою завѣтную и отъ всѣхъ скрываемую тайну, она вся просіяла отъ удовольствія, и въ ея движеніяхъ появилось что-то кошачье, что-то напоминавшее дикаго

Digitized by Google

звѣрка. Она прыгнула и скрылась за кустами. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, но уже безъ скрипки.

Они усѣлись рядомъ, и онъ разсказалъ ей о пасторѣ и о матери. Она слушала его, сложивъ руки, довѣрчиво и нѣсколько боязливо. Когда онъ кончилъ, она проговорила съ полной увѣренностью:

— Ну, ужъ на твоемъ мѣстѣ я ни за что бы не пошла къ нему. Ужъ конечно не пошла бы! Ты только подумай! — продолжала она убѣдительнымъ тономъ: — онъ, навѣрное, хочетъ сдѣлать тебя совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Развѣ мнѣ не слѣдуетъ постараться сдѣлаться другимъ? — мягко спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Томасъ, ты долженъ остаться именно такимъ, каковъ ты есть.

— Но вѣдь онъ не придетъ къ Тамарѣ, если я къ нему не пойду.

Она подумала немножко.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ къ нему идти, — сказала она рѣшительно, но печально.

— Тамара такъ обрадовалась, когда я ей это сказалъ. У него такой мягкій голосъ; ей станетъ лучше, когда она услышитъ его.

— А развѣ дядя позволитъ? — спросила Беттина робко.

Томасъ смутился и вскочилъ съ своего мѣста.

— Развѣ пойти и сейчасъ же сказать ему?

Дѣвочка подперла голову руками и нѣсколько времени раздумывала. Ей казалось удивительнымъ и непривычнымъ, что она должна была рѣшать въ такомъ важномъ вопросѣ. Она чувствовала себя такой умной и большой, точно настоящая взрослая барышня. Довѣріе Томаса льстило ея самолюбію.

— Спроси его сейчасъ же! — сказала она, наконецъ. — Тогда, по крайней мѣрѣ, мы уже будемъ знать.

Это „мы“ немного испугало ее, но ей было такъ пріятно его произнести.

— Дожидайся меня! — сказалъ Томасъ и ушелъ.

XII.

Люди много сплетничали по поводу частыхъ посѣщеній пасторомъ докторскаго дома. Никто никогда не предполагалъ, что между священникомъ и докторомъ могли бы установиться дружескія отношенія при существовавшихъ условіяхъ.

Digitized by Google

Когда Томасъ явился къ отцу съ просьбой относительно пастора, тотъ въ отвѣтъ только громко расхохотался и указалъ мальчику на дверь.

Но Томасъ не вышелъ изъ комнаты. Въ первый разъ послѣ сцены съ хлыстомъ отецъ и сынъ встрѣтились съ-глазу-на-глазъ.

Когда мальчикъ увидѣлъ, что его дѣло можетъ быть проиграно, то онъ проговорилъ угрожающимъ тономъ:

— Она очень больна, и это, быть можетъ, ея послѣднее желаніе.

У него остановилось дыханіе—до такой степени испугало его измѣнившееся лицо отца. Слова мальчика поразили и испугали его. Онъ разомъ ясно увидѣлъ будущее. Ему представилась Тамара на смертномъ ложѣ, и онъ подумалъ о томъ, что Томасъ можетъ потребовать у него отчета.

Въ концѣ концовъ, онъ далъ свое согласіе. При легочной болѣзни не могло помочь никакое шарлатанское леченіе; но если она нуждалась въ духовномъ утѣшеніи, то, конечно, не онъ лишитъ ее этого.

Было еще одно соображеніе, повліявшее на рѣшеніе доктора. Онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ правымъ, и священникъ могъ бы довольно легко придраться къ его образу жизни. Во всякомъ случаѣ, было благоразумнѣе сохранить съ нимъ добрыя отношенія. Это было бы всячески и практичнѣе, и выгоднѣе. Всѣ сплетни должны будутъ умолкнуть, какъ только пасторъ появится въ его домѣ.

Когда Томасъ пришелъ съ приглашеніемъ, строгое лицо пастора сразу прояснилось. Ни о чемъ не разспрашивая, онъ обѣщалъ придти.

Томасъ всю жизнь помнилъ ту минуту, когда онъ ввелъ пастора въ комнату Тамары.

Онъ увидѣлъ, какъ нѣжнымъ румянцемъ вспыхнуло лицо матери, и какъ пасторъ низко склонился надъ ней, пораженный дѣвственной прелестью и красотой молодой женщины. Съ первой минуты они заговорили какъ старые друзья, почему-то давно случайно не видѣвшіеся. Глаза Тамары засіяли непривычной для нихъ радостью, цвѣты въ комнатѣ запахли сильнѣе, а лучи заходящаго солнца проникли сквозь окно и разсыпали по всей комнатѣ золотисто-розовые блики.

Съ этого дня пасторъ приходилъ къ нимъ каждый день.

Тамара была счастлива, когда чувствовала его близость, когда онъ, молча, сидѣлъ у ея кровати и смотрѣлъ на нее взглядомъ, полнымъ любви.

Digitized by Google

Онъ тоже радовался, когда, наконецъ, наступалъ его часъ и онъ шелъ къ ней. Тихо и безмолвно сливались ихъ души.

Томасъ въ это время никогда не входилъ въ комнату. Онъ подозрѣвалъ, что тамъ происходило, и не хотѣлъ отнимать у матери ни одной минуты запоздалаго счастья.

— Всю жизнь я была одинока съ моей тоской, — какъ-то сказала пастору Тамара, и углы ея губъ дрогнули, точно отъ подавленнаго рыданья.—Я всегда молилась, чтобы пришелъ тотъ, чья рука ласково коснулась бы меня, чьи глаза взглянули бы на меня съ добротой и чей голосъ заговорилъ бы со мною нѣжно и мягко. Но никто не приходилъ, и холодъ охватывалъ меня. Нѣтъ,—вдругъ прервала она себя,—я не хочу быть несправедливой: пришелъ Томасъ, и я стала отогрѣваться. Но,—уныло и покорно продолжала она,—все-таки это было не то, о чемъ я мечтала, и только теперь осуществляется все,—теперь, когда я должна умереть.

Она не возмущалась, она была только благодарна за счастье, озарившее ея одинокую жизнь, когда эта жизнь должна была уже погаснуть.

Онъ слушалъ ее молча и понималъ ея тоску. Онъ страдалъ вдвойнѣ, потому что сознавалъ, что не можетъ здѣсь ничѣмъ помочь. Онъ тихо проводилъ рукой по ея рукѣ, въ то время какъ ея слова раздирали его сердце. Онъ проповѣдовалъ любовь, но въ его жизни не было любви. Онъ нашелъ женщину, о которой всегда мечталъ, благородную, преданную, цѣломудренную, нѣжную и кроткую, но она принадлежала другому, хотя этотъ другой всегда оставался ей чужимъ. Она должна была умереть, они это знали оба, и въ ихъ любви чувствовалось вѣяніе смерти, а въ самомъ счастьѣ таился ужасъ.

Онъ не позволялъ ей много говорить, и самъ разсказывалъ ей о своемъ внутреннемъ мірѣ и о своихъ вѣрованіяхъ, и все это оказывалось гораздо сложнѣе, чѣмъ объ этомъ думали люди. Онъ читалъ ей Гёте и Данте, и въ его голосѣ ей слышались отзвуки скрипки, глубоко запавшіе ей въ душу въ дни ея юности. Онъ говорилъ ей о безсмертной любви Петрарки, не знавшей удовлетворенія. Два человѣка встрѣтились всего одинъ разъ въ жизни, но этого мгновенія было достаточно, чтобы наполнить блаженствомъ и страданіемъ все ихъ дальнѣйшее существованіе. Это до такой степени поразило ее, что она заплакала.

Онъ отыскалъ дорогу и къ сердцу Томаса, и тотъ слушалъ, затаивъ дыханіе, когда пасторъ объяснялъ ему смыслъ Евангелія и озарялъ ему новымъ свѣтомъ образъ Христа. Но все-таки онъ

Digitized by Google

и здѣсь никогда не бывалъ покорнымъ слушателемъ; онъ часто прерывалъ своего наставника безпокойными вопросами и печально покачивалъ головой, если отвѣтъ не вполнѣ удовлетворялъ его.

— Необходимо примириться съ неразрѣшимыми вопросами и кажущимися противорѣчіями религіи,—обыкновенно говорилъ въ такихъ случаяхъ пасторъ.—Нельзя самонадѣянно опираться на одинъ разумъ, необходимо вѣрить.

На эти слова Томасъ только опускалъ голову и молчалъ, но ничѣмъ не могъ онъ заглушить мятежный внутренній голосъ. Маленькая Беттина еще усиливала его раздраженіе разными замѣчаніями, когда онъ разсказывалъ ей о своихъ урокахъ.

Она подсмѣивалась какъ бѣсенокъ и не скрывала своихъ сомнѣній. На всѣ убѣжденія мальчика, у нея былъ одинъ неизбѣжный отвѣтъ:

— Все это прекрасно, Томасъ, но мама была всегда грустная и несчастная, и мнѣ кажется, что и Тамара тоже. Добрый Богъ не помогъ имъ,—продолжала она,—и я не могу молиться.

Томасъ молчалъ, потому что не зналъ никакого отвѣта на это послѣднее возраженіе дѣвочки. Этого отвѣта не зналъ никто, ни Тамара, ни даже самъ пасторъ. Это была мрачная пропасть. Даже онъ былъ не въ силахъ перешагнуть черезъ нее.

XIII.

Наступило время винограднаго сбора. Все въ природѣ было проникнуто чувствомъ удовлетворенія, къ которому примѣшивался нѣкоторый оттѣнокъ грусти. Съ тихимъ шелестомъ падали съ деревьевъ пестрые листья, усыпая дорожки и аллеи сада. Виноградныя лозы были покрыты налившимися кистями; переполненныя сокомъ яблоки и груши валились съ деревьевъ, и грецкіе орѣхи низко склоняли къ землѣ обремененныя вѣтви. Садъ сталъ еще красивѣе, чѣмъ лѣтомъ. Къ его красотѣ прибавилась какая-то таинственная, загадочная и немного жуткая прелесть.

Дѣти вихремъ носились по дорожкамъ и аллеямъ сада. Они старались какъ можно меньше бывать дома съ той поры, какъ тамъ хозяйничала чужая женщина, съ громадной связкой ключей на черномъ кушакѣ и съ такой увѣренной и твердой походкой, что все дрожало и скрипѣло подъ ея ногами.

Она была настоящей хозяйкой. Ея зоркіе глаза заглядывали во всѣ чуланы и погреба, и привольной жизни прислуги насталъ

Digitized by Google

конецъ. Одного ея взгляда было достаточно, чтобы заставить трепетать горничныхъ. Ей пришлось приложить не мало стараній, чтобы попасть въ домъ, но докторъ, въ концѣ концовъ, оказался безсильнымъ передъ ея упорствомъ. Она все-таки прибрала его къ рукамъ, какъ сдѣлала это и относительно прислуги.

Онъ пытался обороняться. Но когда онъ попробовалъ заговорить съ ней о томъ, что могутъ сказать люди, если она войдетъ въ домъ еще при жизни жены, то она взглянула на него злыми глазами и разсмѣялась. Именно изъ-за людей хотѣлось ей теперь же взять бразды правленія въ свои руки, и когда она потомъ такъ при немъ и останется, то это выйдетъ вполнѣ естественно.

Всѣ въ докторскомъ домѣ сразу почувствовали, что бразды домашняго правленія попали въ энергичныя и умѣлыя руки.

Тамара, какъ и дѣти, немного побаивалась новой домоправительницы. Когда толстая женщина, побрякивая ключами у пояса, въ первый разъ вошла въ ея комнату, она тихонько повернулась къ стѣнѣ и представилась спящей, чтобы не смотрѣть на нее. Когда же эта женщина подхватила ее своими сильными, крѣпкими руками и перенесла на диванъ, чтобы оправить постель, то у больной застучали зубы и на блѣдномъ лбу выступилъ отъ страха потъ. Она готова была заплакать, но чувствовала себя слишкомъ слабой, чтобы сопротивляться.

Однажды пасторъ засталъ ее въ слезахъ, и она призналась ему во всемъ.

Болѣзненная, полная горечи судорога передернула лицо пастора. Съ этого дня женщина уже не появлялась больше въ комнату Тамары.

Пасторъ запретилъ ей входить къ больной въ присутствіи самого доктора. Она выслушала это и выбѣжала съ непріятнымъ смѣхомъ.

Докторъ постарался убѣдить и успокоить ее.

Необходимо было избѣжать всего, что могло хоть сколько-нибудь раздражить общественное мнѣніе. Съ этимъ доводомъ она была вполнѣ согласна. Вѣдь, все-таки, несмотря ни на что, она была полной хозяйкой въ домѣ. Она обѣдала вмѣстѣ съ докторомъ, держала въ страхѣ прислугу, а вечерами, когда все засыпало, они встрѣчались въ саду, и гравій скрипѣлъ подъ ихъ ногами. Между деревьями безпокойно хрустѣли сухія вѣтки, шумѣли опавшіе листья и гдѣ-то въ чащѣ пронзительно кричала ночная птица. Вспугнутыя совы и копчики тоже подавали голосъ; тамъ

Digitized by Google

и снимъ надъ самой ихъ головой проносились летучія мыши и съ пруда доносилось кваканье лягушекъ.

Во время этихъ прогулокъ доктору иногда казалось, что и ночь, и садъ возмутились противъ него. Онъ вообще не особенно любилъ попадать въ глубину сада Тамары.

Новая хозяйка пыталась распространить свою власть и на дѣтей, но Томасъ при первой же попыткѣ далъ ей энергичный отпоръ, а Беттина ощетинилась, какъ настоящая, привычная къ дракѣ кошка. Хозяйка испугалась; ей уже стали мерещиться чьи-то маленькіе, острые когти на ея лицѣ.

Съ той поры она хотя и не теряла изъ виду дѣтей, но остерегалась дѣлать имъ какія бы то ни было замѣчанія.

Когда же она попробовала пожаловаться самому доктору на Томаса, то онъ постарался уклониться отъ всякаго вмѣшательства. Она ясно поняла, что этотъ сильный человѣкъ чувствуетъ себя не особенно ловко съ слабымъ мальчикомъ и даже побаивается его.

Дѣти почти жили въ саду. Здѣсь становилось легче ихъ переполненнымъ горемъ сердцамъ; здѣсь жаловались они другъ другу и даже не словами, а больше взглядами, потому что и молча они прекрасно понимали другъ друга. Мало-по-малу и Беттина стала считать счастьемъ ежедневныя посѣщенія пастора.

Легкое чувство ревности, которое она къ нему испытывала, постепенно проходило. Они всѣ вмѣстѣ были такъ безпомощны, такъ нуждались въ утѣшеніи! Дѣти были твердо увѣрены, что чужая женщина хочетъ убить Тамару. Они постоянно говорили между собою объ этомъ, и такъ увѣрили себя, что Тамарѣ грозитъ неминуемая опасность, что въ ихъ горячихъ головахъ зародился совершенно дѣтскій планъ, чтобы спасти ее.

Однажды Томасъ пришелъ изъ школы съ остро отточеннымъ, отшлифованнымъ длиннымъ ножемъ. Онъ купилъ его у какого-то бродяги и показалъ его Беттинѣ. Та посмотрѣла на него испуганно, но съ видомъ полнѣйшаго пониманія. Они взялись за руки и пошли въ садъ, не говоря ни слова, но въ этомъ молчаніи ихъ мысли переплетались и сердца бились за-одно.

Поздно вечеромъ Беттина вскочила съ своей постели, накинула ночную кофточку и прокралась въ комнату Томаса.

Мальчикъ уже спалъ безпокойнымъ сномъ.

— Это я, Томасъ,—умоляюще прошептала она.—Отдай мнѣ ножъ, Томасъ,—я такъ не могу заснуть! Печка надвигается на меня, точно огромный бѣлый человѣкъ. Онъ смотритъ на меня такъ ужасно и грозитъ мнѣ!..

Digitized by Google

Томасъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Выйди изъ комнаты,—мягко сказалъ онъ.—Я передамъ тебѣ черезъ дверь.

Не сказавъ больше ни слова, она покорно вышла изъ комнаты и стояла, стуча зубами, подъ дверью до тѣхъ поръ, пока высунувшаяся рука мальчика не подала ей ножъ.

XIV.

Въ день святого Мартына выпалъ первый снѣгъ. Тяжелые бѣлые хлопья падали на лужайки и опустошенныя цвѣточныя клумбы. Точно огромный саванъ распростерся надъ землею. Деревья съ голыми, осыпанными снѣгомъ сучьями точно замерли и оцѣпенѣли. Садъ сталъ непривѣтливымъ. Кипарисы и тополя въ своемъ новомъ бѣломъ одѣяніи казались еще выше и производили впечатлѣніе застывшихъ въ блѣдномъ величіи мертвецовъ. Только одинъ прудъ, несмотря на выпавшій снѣгъ, оставался такимъ грязнымъ и непривѣтливымъ, что на него грустно было смотрѣть. Птицы замолкли, чирикали только одни воробьи, застигнутые неожиданнымъ холодомъ.

Докторъ вызвалъ изъ ближайшаго города одного изъ своихъ коллегъ и съ серьезнымъ, дѣловымъ видомъ устроилъ съ нимъ торжественную консультацію. Пріѣзжій докторъ нашелъ, что Тамарѣ необходимо провести зиму на югѣ. Докторъ въ отвѣтъ только утвердительно кивнулъ головой, но больная такъ взволновалась этимъ планомъ, такъ опредѣленно объявила, что умретъ, если ее отправятъ изъ дома, что рѣшеніе пришлось измѣнить.

Докторъ состроилъ печальное лицо и съ видомъ полнѣйшей покорности пожималъ плечами. Коллега, въ знакъ утѣшенія, крѣпко пожалъ руку убитому горемъ мужу и уѣхалъ къ себѣ.

Тамара вздохнула свободно, когда наконецъ затихъ въ отдаленіи шумъ экипажа, увозившаго пріѣзжаго доктора.

Съ той поры ей становилось все хуже. Только когда приходилъ пасторъ, она оживлялась и улыбалась какъ-то необыкновенно трогательно. Казалось, она хотѣла упиться каждымъ его словомъ, каждымъ взглядомъ. Она боялась потерять хоть одно мгновеніе, хоть одну искру, ходъ одинъ цвѣтокъ этой давно ожидаемой и такъ поздно пришедшей любви. Обыкновенно онъ садился у ея кровати, какъ всегда свѣтлый и добрый. Каждый день онъ приносилъ ей что-нибудь такое, что было дорого ему самому. Разъ онъ вынулъ изъ кармана тонкое золотое кольцо

Digitized by Google

и надѣлъ его на ея исхудавшій палецъ. Кольцо оказалось ей совершенно впору.

— Это обручальное кольцо моей матери; ея рука была похожа на вашу.

Сказавъ это, онъ быстрымъ движеніемъ откинулъ волосы со лба. Въ эту минуту онъ не смѣлъ посмотрѣть на нее. Но она взяла его правую руку, поцѣловала ее и удержала въ своей рукѣ.

Съ той поры она не снимала больше кольца,—оно было для нея талисманомъ въ тѣ минуты, когда она оставалась одна. И она цѣловала его и прижимала къ своимъ безкровнымъ, тонкимъ губамъ. Ей казалось, что этимъ кольцомъ она соединена съ нимъ на вѣчную жизнь.

Однажды въ сумерки она сказала ему, съ выраженіемъ стыдливой радости указывая на кольцо:

— Имъ мы обручены для вѣчности, для нашей вѣчности!

Ея взволнованный голосъ лишилъ его съ трудомъ добытаго самообладанія. Онъ отвернулся, и у него вырвалось что-то, похожее на рыданіе.

— Ульрихъ,—тихо позвала она его и, обнявъ его тонкими, съ просвѣчивающими голубыми жилками руками, она стыдливо его поцѣловала.

— Не плачь, потому что я хочу умереть. Жизнь мнѣ...— она остановилась на мгновеніе и повторила, точно просвѣтленная вспыхнувшимъ въ ней внутреннимъ свѣтомъ:—Жизнь мнѣ дала удовлетвореніе. Все, чего я искала и ждала такъ долго, дается мнѣ теперь, когда я пожимаю твою руку, когда я знаю, что ты—со мной.

Она въ изнеможеніи откинулась назадъ. Нѣкоторое время въ комнатѣ стояла мертвая тишина. Онъ сидѣлъ, потрясенный до глубины души, боролся съ собою, и въ этотъ часъ даже вѣра его не приносила ему утѣшенія. Онъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на бѣлый садъ.

И опять она позвала его:

— Тебѣ я отдаю то, что у меня есть самаго дорогого,—моего мальчика. У него то же томленіе, что и у меня, онъ такъ же страдаетъ и мучится. Положи свою руку на голову Томаса, какъ ты клалъ ее на мою голову. Сдѣлай что-нибудь и для маленькой Беттины. Ты долженъ былъ бы ему написать, чтобы онъ для...

Она была больше не въ силахъ продолжать.

— Теперь уйди!—кротко попросила она. Но когда онъ былъ уже у дверей, она вернула его.

— Поцѣлуй меня!

Digitized by Google

Въ этотъ вечеръ его губы въ первый и въ послѣдній разъ коснулись ея губъ. Въ ту же ночь она угасла, какъ маленькое голубоватое пламя, слабо колеблющееся и не имѣющее силы бороться съ надвигающимся мракомъ.

XV.

Рано утромъ докторъ подошелъ къ постели Томаса. Мальчикъ выслушалъ его съ широко-раскрытыми, остановившимися глазами. Онъ не произнесъ ни слова, и только лицо его судорожно передергивалось.

Босикомъ, въ длинной ночной рубашкѣ, отправился онъ въ комнату Тамары и тамъ заперъ за собою дверь. Онъ сталъ на колѣни и смотрѣлъ, не спуская глазъ, на умершую. Смерть придала новую красоту ея нѣжному лицу, наложивъ на него печать глубокаго спокойствія. Онъ былъ не въ силахъ отъ нея оторваться и въ то же время не рѣшался прикоснуться къ ней. Цѣлый ураганъ мыслей проносился въ его головѣ, но онъ не могъ остановиться опредѣленно ни на одной изъ нихъ. Его губы что-то беззвучно шептали и онъ крѣпко сжималъ свои похолодѣвшіе пальцы. Вдругъ ему ясно представилось, что она лежитъ на берегу пруда, среди дѣвственнаго снѣга, сама бѣлая какъ снѣгъ, и въ волосахъ ея серебрятся лиліи. И мысль о томъ, что ее должны похоронить именно въ саду, ясно и опредѣленно сложилась въ его головѣ.

Въ дверь постучались, но онъ даже не пошевелился. Услышавъ голосъ отца, онъ затаилъ дыханіе.

— Отвори, Томасъ!—повторилъ отецъ.

Совершенно обезсиленный, онъ дотащился до дверей и, точно преслѣдуемый злымъ духомъ, понесся по длинному корридору въ свою комнату. Тамъ, прижавшись въ уголъ, плакала Беттина, но онъ не замѣтилъ ее. Онъ наскоро накинулъ на себя платье и безъ шляпы и пальто, точно за нимъ гнались, побѣжалъ въ это сѣрое утро въ пасторскій домъ.

— Тамара умерла, — выговорилъ онъ съ усиліемъ и, весь дрожа, крѣпко прижался къ пастору. И когда онъ увидѣлъ, что лицо послѣдняго покрылось смертельной блѣдностью и неудержимыя слезы хлынули изъ его глазъ, тогда и самъ мальчикъ вышелъ изъ столбняка и разразился рыданіями.—Ты... ты... ты...— произнесъ онъ, захваченный и пораженный горемъ взрослаго человѣка. И они взглянули другъ на друга такимъ взглядомъ, котораго не забыли потомъ цѣлую жизнь.

Digitized by Google

XVI.

Изъ каждой почки, изъ каждаго цвѣтка выглядывалъ на свѣтъ Божій веселый май. Все расцвѣтало и распускалось въ саду, все пѣло о веснѣ. Вишневыя деревья, стоявшія у самаго дома, были усыпаны только-что распустившимися цвѣтами.

Томасъ обыкновенно съ чувствомъ живѣйшей радости восхищался этими бѣлыми, точно изъ серебра сотканными лепестками. Онъ былъ не въ силахъ оторвать отъ нихъ глазъ и любилъ ихъ такъ же сильно, какъ и бархатныя мягкія сережки на ивахъ около пруда. Но теперь онъ безучастно относился къ пробудившейся природѣ.

Дѣти молча смотрѣли на могилу Тамары и переглядывались заплаканными глазами.

Изъ дома къ нимъ доносился громкій и рѣзкій голосъ чужой женщины. Она неистово набрасывалась на прислугу. Томасъ и Беттина ненавидѣли ее отъ всего сердца и показывали ей это съ яростнымъ упорствомъ.

Женщина все это видѣла и только подсмѣивалась надъ ними. Она сознавала свою силу и была увѣрена, что рано или поздно слабыя существа будутъ сломлены ея жизненной энергіей.

Ея собственный домъ стоялъ теперь покинутымъ и заброшеннымъ. Безъ всякаго стѣсненія она взяла къ себѣ свою маленькую дѣвочку, и звонкій, веселый голосъ толстощекой крошки внесъ нѣкоторое оживленіе въ тоскливую монотонность жизни докторскаго дома. Томасъ и Беттина пытались сурово отталкивать маленькое существо, протягивавшее къ нимъ свои ручонки, но дѣвочка была не изъ пугливыхъ. Она съ такой настойчивостью ковыляла за ними, такъ наивно выражала имъ свое расположеніе, что дѣтямъ часто бывало довольно затруднительно спасаться отъ нея.

Докторъ старался избѣгать взгляда Томаса, хотя и держалъ себя по наружности очень спокойно и непринужденно. Ему очень нравился новый порядокъ вещей, но его нѣсколько смущалъ контроль мальчика и пытливый, допрашивающій взглядъ Беттины. Онъ ворчалъ, когда дѣвочка попадалась ему на глаза. Новая хозяйка поддерживала его отношеніе къ племянницѣ и повторяла много разъ, что на его мѣстѣ не стала бы съ ней особенно церемониться.

Дѣти спасались въ цвѣтущій садъ и тамъ обсуждали свою судьбу. Домъ былъ для нихъ темницей, и они инстинктивно стремились къ воздуху и свѣту.

Digitized by Google

Томасъ скрежеталъ зубами отъ сдержаннаго бѣшенства, когда чужая женщина за обѣдомъ раскладывала кушанья. Онъ не прикасался къ ѣдѣ до тѣхъ поръ, пока она сама не начинала ѣсть. Беттинѣ онъ велѣлъ дѣлать то же самое. Онъ былъ увѣренъ, что чужая женщина задумала тихо и безшумно устранить ихъ съ своей дороги, а пылкое воображеніе Беттины еще усиливало его подозрительность.

Пасторъ старался ласково и кротко успокаивать возбужденныхъ дѣтей, но однажды Томасъ явился къ нему и сообщилъ свое непреклонное рѣшеніе.

Онъ опять стоялъ въ кабинетѣ пастора, но теперь это былъ не мятежный спорщикъ, а мальчикъ, нуждавшійся въ опорѣ и помощи.

— Мы должны оставить садъ,—горько сказалъ онъ.—Этотъ садъ принадлежитъ мнѣ и Беттинѣ, а мы должны уйти къ чужимъ людямъ, потому что не можемъ чувствовать себя въ безопасности въ нашемъ собственномъ домѣ. Мы должны уйти прочь,—продолжалъ онъ торопливо и рѣшительно:—мы боимся, чтобы намъ не сдѣлали чего-нибудь очень дурного. Вотъ Божья справедливость!—вдругъ дико вскрикнулъ онъ.—Мы должны оставить собственный садъ!—Голосъ его прервался, и онъ закрылъ лицо руками.

Пасторъ прижалъ его къ себѣ и, не говоря ни слова, положилъ руку на мягкіе волосы мальчика.

— Брани же меня, вѣдь я хулю Бога! — съ горечью вырвалось у Томаса. Послѣ смерти Тамары онъ говорилъ пастору „ты“.—Но вѣдь ты видишь самъ, самъ видишь,—еще разъ повторилъ онъ,—что Богъ покинулъ насъ!

XVII.

Въ этотъ же день пасторъ имѣлъ разговоръ съ докторомъ, и послѣ этого разговора было отправлено письмо отцу Беттины. Недѣлю спустя, дѣти уѣхали изъ дома.

Беттина тихо всхлипывала, а Томасъ судорожно сжималъ руки, прощаясь съ садомъ, стоявшимъ въ полномъ цвѣту. И когда коляска выѣхала изъ воротъ, а домъ и садъ остались далеко позади, дѣтямъ показалось, что они навсегда распрощались съ весною.

П—на С—ва.

Digitized by Google

ВЪ
ЛѢСНОЙ БАШКИРІИ

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ НА ЛѢСНЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.

Здѣсь закричишь — вторитъ эхо лѣсное,
Но не заводитъ съ тобою рѣчей...
Л. Кондратовичъ (Сырокомля).

I.

Скучно было Трофиму въ лѣсу. Какой-то безотчетный страхъ вселяла въ душу молчаливая лѣсная чаща, а неизвѣстность смущала его. Парень не зналъ, гдѣ онъ, и куда приведетъ его сырая, грязная и плохо наѣзженная дорога. Зналъ онъ изъ разсказовъ паромщиковъ, что дорога эта проложена къ „Манѣ-Горѣ", близъ которой какой-то купецъ Иванъ Кириллычъ обосновалъ свои лѣсные промыслы, а каковъ былъ этотъ Иванъ Кириллычъ, и гдѣ его найти—Богъ вѣсть! И чѣмъ еще кончится это путешествіе!

Прошло часа два. Густой лѣсъ перемежился; по обѣимъ сторонамъ дороги тянулись молодыя березки, липы, сѣроствольныя чахлыя осинки — и заходившее солнце косыми лучами озарило узкій проселокъ и одинокую, усталую фигуру путника.

Подавленный одиночествомъ, Трофимъ затянулъ-было пѣсенку, тягучую и унылую, но голосъ его, жалобно прозвучавъ подъ сводами деревъ, смолкъ—и даже лѣсное эхо не повторило его

Digitized by Google

пѣсни! Совершенно неожиданно Трофимъ вышелъ на большую четырехугольную вырубку. Сначала мелькнулъ просвѣтъ сквозь сѣтку сучьевъ, потомъ показалась новая тесовая крыша и бѣлыя стѣны избы. Изба стояла влѣво, у самой дороги, а по всей вырубкѣ виднѣлись толстые пни недавно срубленныхъ липъ и березъ. Вырубку съ четырехъ сторонъ окружала зубчатая стѣна лѣса. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ избы, на бревнѣ, сидѣлъ старикъ. Сѣдая, лысая голова его была обнажена, борода длиннымъ клиномъ жидкихъ волосъ спускалась съ подбородка, лицо казалось спокойнымъ, глаза щурились, и тихая дрёма смежала ихъ усталыя вѣки.

— Здравствуй-ка, дѣдушка! Ивана Кириллыча контора не тутъ ли?—спросилъ Трофимъ, остановившись шагахъ въ пяти отъ старика

— Контора?.. Ивана Кириллыча?.. Здѣсь его контора, здѣсь,—медленнымъ и равнодушнымъ тономъ протянулъ старикъ, однако повернулъ лицо въ сторону пришельца и осмотрѣлъ его внимательно.

— Сами-то они тутъ, сказывали?—вставилъ Трофимъ.

— А теперича онъ въ лѣсу, на „прудкахъ“ [1]). Старикъ попрежнему опустилъ на грудь голову и смолкъ. Трофимъ также помолчалъ, подумалъ и потомъ снова спросилъ:

— Слышно, дѣдушка, на работу онъ наймаетъ?

— Какъ не наймать—наймаетъ,—протянулъ лѣниво старикъ.

Трофима стѣснялъ тонъ голоса, какимъ отвѣчалъ спокойно сидѣвшій на бревешкѣ человѣкъ, и онъ, смутившись, отвернулся отъ старика и тупо осмотрѣлъ лѣсъ, окаймлявшій вырубку.

— Работы мало ли у Ивана Кириллыча—всѣмъ хватитъ,—наконецъ, проговорилъ старикъ.—А ты самъ-то откуда?—спросилъ онъ, и снова осмотрѣлъ безусое, осунувшееся лицо Трофима.

— Издалека я, изъ-подъ Бирскова, а иду-то изъ Уфы.

— Ага! Далеко, парень, забрался, далеко!

И опять смолкъ старикъ, и снова на лицѣ его отразилось равнодушное и лѣнивое выраженіе. Минуту спустя, Трофимъ, однако, рѣшился, и присѣлъ на бревно недалеко отъ старика. Еще разъ осмотрѣвъ его равнодушное лицо, онъ принялся разсказывать о томъ, какимъ образомъ добрался до конторы Ивана Кириллыча, счелъ нужнымъ также сообщить старику и обстоятельства своей жизни, предшествовавшія этому длинному и томительному путешествію

[1]) Прудками называются запруды воды, въ которыхъ замачиваются лубъ и мочало во время производства.

Digitized by Google

Всю раннюю весну Трофимъ прожилъ въ городѣ, терпя нужду, исполняя случайную и довольно безхитростную работу: сбрасывалъ съ крышъ обывательскихъ домовъ снѣгъ, набивалъ льдомъ ледники, вмѣстѣ съ партіей арестантовъ очищалъ городскую площадь отъ навоза, накопившагося за зиму, а когда вскрылась рѣка, вступилъ въ партію рабочихъ, нанявшихся проконопачивать барки и бѣляны. Но работа эта не далась Трофиму, потому что требовала извѣстнаго навыка, котораго у него не оказалось, и ему пришлось заняться грузкой барокъ: онъ познакомился съ грузчиками изъ вятской губерніи и примкнулъ къ ихъ артели. Люди эти оказались бойкими, смышлёными работниками и добродушными товарищами, что̀ радовало его, новичка въ скитаніи по отхожимъ промысламъ. И, можетъ быть, хорошо бы устроился Трофимъ, но тутъ у артели вышло недоразумѣніе съ приказчиками при получкѣ заработка. Всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, пытались отстоять свои права, покричали, повздорили съ приказчиками, плюнули въ „безстыжіе буркулы“ краснощекаго хлѣботорговца-хозяина, собрали свои котомки и пустились въ поиски новой работы. Они уговорили Трофима не отставать отъ ихъ артели, и онъ, вмѣстѣ съ другими, побрелъ сначала вверхъ по рѣкѣ Уфимкѣ, гдѣ весною бываетъ большое требованіе на рабочихъ, а потомъ и по Симу. Въ верховьѣ этой рѣчки вятскіе нанялись сплавщиками на готовыя къ отплытію бѣляны, а Трофиму пришлось отстать...

— Куда я съ ними доплыву! И ни вѣсть, куда они спустятся по рѣкамъ-то! Въ Астрахань, слышь, бѣлянки-то уплывутъ, въ *Каспицкое* море. Изъ своихъ-то мѣстъ тоже не захотѣлось мнѣ отлучаться.—Такъ закончилъ свой разсказъ Трофимъ и смолкъ.

— А что̀ бы тебѣ, парень, и не поплыть... по рѣкѣ-то!—выслушавъ собесѣдника, проговорилъ старикъ:—все равно, гдѣ ни работать. Э-эхъ, ты!—укоризненно добавилъ онъ, и презрительная улыбка скривила его губы.

— Да такъ ужъ, на чужую сторону не захотѣлось, съ непривычки...

— Когда же привыкать-то будешь? До сѣдыхъ волосъ доживешь, а все будешь твердить: „съ непривычки, съ непривычки“! Эхъ ты, тёфанъ!

Старикъ насмѣшливыми глазами осмотрѣлъ Трофима, потомъ отвернулся отъ него и уставился въ чащу лѣса. Парень смутился: онъ не могъ понять, отчего это такъ вдругъ старикъ какъ будто обидѣлся на него и сталъ насмѣхаться. Трофимъ вѣдь даже пожалѣлъ, когда пришлось отстать отъ артели вятскихъ, и ничего

Digitized by Google

дурного и достойнаго порицанія не видѣлъ въ своемъ поведеніи, а этотъ старикъ вдругъ насмѣхается!

— Эхъ ты, парень, парень!—послѣ небольшой паузы продолжалъ снова старикъ.—Ну, куда ты годишься, такой-то трусливый? Ну, куда? Что ты возьмешь? Эхъ ты, голова, голова!— Старикъ сокрушенно помоталъ головою, искоса оглянулъ Трофима и продолжалъ:

— Въ жизни-то, если этакимъ манеромъ дѣлать — плохо, куда какъ плохо будетъ. А ты, братъ ты мой, лѣзь вездѣ, ищи, и чужой-то стороны не бойся, не съѣстъ тебя она. Тебѣ бы за женину юбку держаться. Ну, и держись! И самъ бабой будешь!

Трофимъ въ глубокомъ молчаніи слушалъ старика, не перебивая его рѣчи и плохо угадывая, къ чему клонитъ свою рѣчь его съ виду суровый и желчный собесѣдникъ.

— Ты думаешь, Сидоръ Прохорычъ таковъ былъ всю жизнь!— рѣзкимъ голосомъ началъ снова старикъ и посмотрѣлъ умными глазами въ апатичное лицо Трофима —Нѣтъ, братъ, живали и мы когда-то; вмѣстѣ съ отцомъ Ивана Кириллыча капиталы наживали, — Иванъ-то Кириллычъ племянникъ мнѣ родной. Да вишь ты, споткнулся я тутъ, старый чортъ, сплоховалъ—и все пошло прахомъ! А все отчего? Да все оттого, милъ-человѣкъ, что трусомъ былъ: поумнѣлъ-то, вишь ты, поздненько. Кто раньше прозрѣлъ, тотъ и урвалъ, а я... прозѣвалъ Надо бы и мнѣ по новому жить: драть шкуру-то! а я, старый дуракъ, сплоховалъ, капитель все тянулъ, а толкъ вышелъ изъ этого плохой. А все трусилъ да жался: братъ-то мой, Кириллъ Прохорычъ, въ гору пошелъ, а я, вишь ты, въ землю вросъ. Ты думаешь, теперь я какъ бы приказчикомъ у племянника?—Нѣ-ѣтъ, братъ, умуразуму обучаю его, да порядокъ въ его дѣлахъ наблюдаю. Да что! Иванъ Кириллычъ—не намъ чета, и самъ выберется: въ самую суть вникъ онъ, знаетъ, гдѣ раки-то зимуютъ—и живетъ, и будетъ жить! А ты, вотъ, съ трусостью-то своей проживешь ли? И будешь биться, какъ песъ голодный: шкура-то, вотъ, на тебѣ теперь крѣпкая, а потомъ ее сдерутъ съ тебя. Шкура-то новая выростетъ, а ты опять ее подставишь, а Иванъ-то Кириллычъ ее съ тебя сниметъ. Она опять поживетъ, а онъ опять ее съ тебя сдеретъ. Такъ-то вотъ!..

Сидоръ Прохорычъ смолкъ и спокойнымъ, внимательнымъ взоромъ посмотрѣлъ въ печальные глаза Трофима. Тотъ слушалъ крикливую рѣчь старика, и какое-то жуткое чувство заползло въ его душу. Чѣмъ-то мрачнымъ, хотя и неяснымъ, но властнымъ вѣяло на него отъ этой рѣчи, и самъ старикъ,

Digitized by Google

своимъ мрачнымъ видомъ, какъ воронъ-вѣщунъ, пугалъ парня и смущалъ его. Трофимъ вздохнулъ, поднялъ глаза къ небу и осмотрѣлъ зубцы сосенъ, обрисовавшихся на ровной, безоблачной синевѣ, потомъ посмотрѣлъ въ чащу лѣса, перевелъ глаза на избу съ тесовой кровлей и со свѣтленькими оконцами и крылечкомъ, пріютившимся сбоку бѣлой липовой стѣны,—и вздохнулъ.

— Что же въ лѣсъ-то тебя понесло? дома-то, вѣрно, плохо?— послѣ длинной паузы, сухо спросилъ старикъ.

Трофимъ принялся излагать слушателю обстоятельства жизни въ деревнѣ. Началъ онъ съ голоднаго года, особенно подробно остановившись на томъ, какъ за безцѣнокъ пришлось распродать жалкій домашній скарбъ и скотъ. Потомъ съ увлеченіемъ и даже съ дрожью въ голосѣ описалъ жизнь послѣдующихъ лѣтъ, когда хозяйство уже въ корнѣ подорвалось, и, наконецъ, перешелъ къ минувшей зимѣ, съ новой голодовкой и „болѣстями“, и опять, но уже вкратцѣ, изложилъ исторію своихъ скитаній въ городѣ и по Уфимкѣ, вмѣстѣ съ артелью вятскихъ крестьянъ, и закончилъ свою длинную рѣчь, перебравъ все, до поисковъ конторы Ивана Кириллыча включительно. Тронутый ли участью собесѣдника, или благодаря другимъ обстоятельствамъ, но только и старикъ размякъ и разговорился. И онъ заговорилъ о голодныхъ годахъ и жалѣлъ голодающихъ, а потомъ принялся разсказывать о лѣсѣ, о лѣсныхъ промыслахъ и о порядкахъ на нихъ, и особенно упиралъ на то обстоятельство, что въ лѣсу всегда нужны рабочія руки.

II.

— Подвело же у меня животъ-то! Страсть! — тихо, послѣ продолжительной паузы, промолвилъ Трофимъ.

Сидоръ Прохорычъ, къ которому, очевидно, была адресована жалоба на подведенный животъ, молча покосился на Трофима, слегка моргнулъ бровями и не проронилъ ни слова.

— Ночь скоро... солнышко-то сѣло. Вѣрно, и Иванъ Кириллычъ сейчасъ вернется, — тихо проговорилъ Сидоръ Прохорычъ и приподнялся.

Солнце сѣло. Небо омрачилось, и только на западной его части горѣла яркая заря. Въ лѣсу потемнѣло. Птички смолкли, притаились, и только въ овражкѣ, огибавшемъ вырубку, слышался шумъ вешней воды.

Старикъ ушелъ въ избу, и скоро въ окнахъ конторы засвѣтился огонекъ. Трофимъ остался на прежнемъ мѣстѣ, свернулъ

Digitized by Google

изъ бумаги „цыгарку“, закурилъ и задумался. Въ продолженіе всей весны онъ былъ самъ не свой. Оторванность отъ деревни, скитанья по чужой сторонѣ, среди незнакомаго люда, новая работа, новыя встрѣчи и новыя радости и разочарованія — развѣ этого мало, чтобы остановить вниманіе парня и заставить его голову работать по новому? Трофимъ посмотрѣлъ на освѣщенныя окна конторы, и ему припомнился Сидоръ Прохорычъ съ его насмѣшкой надъ его, Трофимовой, трусостью передъ чужой стороной. „Попробовалъ бы ты самъ, старый воронъ“, — подумалъ онъ. Воодушевленная проповѣдь старика о томъ, какъ надо отвоевывать у жизни счастье, была непонятна Трофиму.

Въ лѣсу, за овражкомъ, заржала лошадь; ей отвѣтила другая изъ небольшого сарайчика, приткнутаго сзади конторы. Въ лѣсу раздались человѣческіе голоса. Трофимъ уставился въ чащу лѣса, куда пряталась дорога. Когда всадники—ихъ было двое—перебрались черезъ оврагъ и появились на вырубкѣ, Трофимъ поднялся съ бревна.

Впереди ѣхалъ тучный мужчина. Широкое лицо его, съ рыжими усами и окладистой бородой, было сумрачно; изъ-подъ сдвинутаго на лобъ картуза смотрѣли узенькіе глазки съ пытливымъ выраженіемъ. Онъ храбро сидѣлъ на лошади и озирался по сторонамъ. За Иваномъ Кириллычемъ, на крошечной лошадкѣ, ѣхалъ приказчикъ Прокофьевъ, черноусый, чернобородый человѣкъ съ худощавымъ лицомъ и крошечной головой на узкихъ плечахъ.

Всадники осмотрѣли одинокую фигуру Трофима и молча прослѣдовали до крылечка конторы. Когда Трофимъ поздоровался съ будущимъ своимъ хозяиномъ, тотъ слегка прикоснулся къ фуражкѣ. Иванъ Кириллычъ скрылся въ избѣ, а приказчикъ повелъ лошадей въ сарай. Сквозь стекла окна Трофимъ видѣлъ, какъ лѣсопромышленникъ раздѣлся, помолился въ передній уголъ, расчесалъ голову и бороду и усѣлся возлѣ столика. Мимо Трофима молча прошелъ Прокофьевъ и скрылся въ сѣнцахъ конторы.

Въ лѣсу, за оврагомъ, снова послышались голоса, и Трофимъ обернулся. Въ полумракѣ наступившаго вечера онъ различалъ на дорогѣ, за оврагомъ, неясныя тѣни людей, слышалъ ихъ громкіе голоса, но шумъ ручья не давалъ ему возможности разслышать, о чемъ велась бесѣда приближавшихся людей.

На вырубкѣ показалось человѣкъ пять-шесть крестьянъ съ большими котомками за плечами; въ рукахъ почти каждаго изъ нихъ были или топоры, или пилы. Выйдя изъ лѣсу, люди смолкли:

Digitized by Google

казалось, Трофимъ смутилъ ихъ, невольно прервавъ оживленную бесѣду.

Ихъ было пятеро: сѣдой старикъ, съ громадной суковатой палкой въ рукахъ и въ полушубкѣ на широкихъ плечахъ; двое рослыхъ мужиковъ съ загорѣлыми лицами, темными, широкими бородами и крѣпкими, мозолистыми руками; остальные были подростки лѣтъ восемнадцати—двадцати. Всѣ они молча сняли свои котомки и расположились возлѣ того же бревна, гдѣ передъ этимъ отдыхалъ Трофимъ въ обществѣ Сидора Прохорыча. Подростки закурили „цыгарки", взрослые мужики о чемъ-то переговаривались вполголоса, а старикъ, съ тихой думой на лицѣ, уставился глазами въ озаренныя свѣтомъ окна конторы. Немного спустя, старикъ медленно побрелъ къ конторѣ, нерѣшительно взобрался на ступени, и фигура его потонула на темномъ фонѣ непритворенной двери въ сѣнцы.

Трофимъ подошелъ къ мужикамъ, расположившимся возлѣ бревна, и молча осмотрѣлъ ихъ лица. Тѣ тоже посмотрѣли на Трофима, но не проронили ни слова. Прислушавшись къ говору чернобородыхъ мужиковъ, Трофимъ скоро понялъ, что какое-то недовольство волнуетъ ихъ; при этомъ онъ слышалъ имя Ивана Кириллыча, „уговоръ" какой-то, о которомъ шла рѣчь, и разсужденія о какомъ-то „задаткѣ".

Трофимъ и остальные невольно обернулись: сквозь раму окна донесся изъ конторы грубый голосъ Ивана Кириллыча, и всѣ видѣли въ окнѣ его громадную фигуру съ жестикулирующими руками.

— Охота, тятенька, вздорить,—все равно ничего не выйдетъ!—замѣтилъ одинъ изъ подростковъ.—Пойти домой, да и все тутъ,—добавилъ онъ.

— Тебѣ домой бы скорѣе? Ну, ступай!—огрызнулся на него одинъ изъ спутниковъ, съ неудовольствіемъ посмотрѣвъ въ сторону конторы.

Темные сѣнцы озарились свѣтомъ, стукнула о косякъ дверь, и на крылечкѣ появился старикъ.

— Проклятый живодёръ, ничего ты съ нимъ не сговоришь!—громко проговорилъ онъ, подойдя къ товарищамъ, и опустился на бревно. Всѣ молчали: что надо было—то все уже давно переговорено. Разочарованная толпа лѣсныхъ рабочихъ съ ранняго утра была занята только этими безплодными разговорами съ Иваномъ Кириллычемъ. Между ними и лѣсопромышленникомъ вышло большое недоразумѣніе.

Еще въ декабрѣ мѣсяцѣ въ деревню Кругловку, отстоящую

Digitized by Google

верстахъ въ сорока отъ „Маны-Горы“, пріѣхалъ Иванъ Кириллычъ нанимать рабочихъ на весну. Иванъ Кириллычъ, какъ и всѣ лѣсопромышленники, уже нѣсколько лѣтъ практиковалъ одинъ и тотъ же пріемъ при наймѣ рабочихъ. Выждавъ, когда начнется обычная зимняя нужда, всѣ эти „Иваны Кириллычи“, какъ вороны, налетаютъ на такія деревеньки, и тутъ начинается обычная деревенская кабала. Къ Рождеству деревня, обыкновенно, безъ хлѣба и денегъ; появившійся же въ такой глухой деревушкѣ Иванъ Кириллычъ—съ деньгами, а у Ивана Кириллыча—большіе лѣсные промыслы, куда потребны рабочіе;—и вотъ тутъ начинается заблаговременный наемъ. Никакихъ письменныхъ условій о работѣ чаще всего не дѣлается: открытый кредитъ лѣсопромышленника обезпечивается только роспис憂 нанявшагося на работу; подробности же условія самой работы договариваются словесно.

То же самое произошло и со старикомъ Никитою Зарубинымъ. Какъ глава семьи, занялъ онъ у Ивана Кириллыча двадцать рублей денегъ и пять пудовъ хлѣба, и поручился, что, съ наступленіемъ весны, онъ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя внучатами, будетъ вырабатывать *липовую плашку* въ лѣсахъ у „Маны-Горы“.

Такое краткое условіе было засвидѣтельствовано въ волостномъ правленіи, а подробности договора—словесно. Договорились стороны: одна получила, въ видѣ задатка, деньги и хлѣбъ; а другая, совершивъ выгодную операцію, поѣхала въ сосѣднюю деревушку, для вербовки такихъ же злополучныхъ Зарубиныхъ. По словесному договору, Никита Зарубинъ съ семьей долженъ былъ вырабатывать для Ивана Кириллыча плашку по восьми рублей за тысячу штукъ. Съ такимъ разсчетомъ и съ представленіемъ о будущемъ заработкѣ покинула родную деревеньку семья Никиты Зарубина и появилась на промыслахъ Ивана Кириллыча, какъ дѣлала это и двѣ предшествующія весны. Каково же было разочарованіе рабочихъ, когда изъ первыхъ же словъ нанимателя выяснилось, что онъ намѣренъ выплачивать за тысячу плашекъ всего пять съ половиною рублей или „много-много—шесть рублей“. Такъ заявилъ Иванъ Кириллычъ ошеломленнымъ отъ неожиданности крестьянамъ. Знали они, по личному опыту, что и раньше Иванъ Кириллычъ прижималъ ихъ и никогда не выполнялъ въ точности договора, но такого поведенія съ его стороны они не ожидали. Продешевить заработокъ на цѣлые два рубля съ тысячи плашекъ, когда и безъ того цѣна была ниже нормальной! Это обстоятельство обезкуражило наголодавшихся за

Digitized by Google

зиму мужиковъ, и тутъ только они поняли, что̀ за гусь этотъ Иванъ Кириллычъ. Послѣдній, однако, довольно спокойно относился къ этому столкновенію: для него было ясно, что не онъ въ рукахъ Зарубина, а этотъ старикашка — въ его твердыхъ, ежовыхъ рукавицахъ. Долго бесѣдовали стороны, сначала мирно, потомъ начинали горячиться. Рѣшеніе Ивана Кириллыча оставалось неизмѣннымъ: онъ наотрѣзъ заявилъ рабочимъ, что платить будетъ только пять съ половиною рублей, а если плашка выйдетъ хорошей, то по шести рублей съ тысячи.

На крылечкѣ появился Иванъ Кириллычъ.

— Эй, Никита! Идите-ка сюда всѣ!—крикнулъ онъ.

Въ голосѣ его слышались безповоротно рѣшительныя ноты.

Рабочіе поднялись и подошли къ крыльцу; сзади нихъ медленно побрелъ и Трофимъ.

— Ну, вотъ что̀, ребята, окончательное вамъ слово: шесть рублей за тысячу я вамъ дамъ, а если понравится работа—прибавлю полтинничекъ...

— Что̀ ужъ, Иванъ Кириллычъ, Бога-то гнѣвить! Цѣлый день говорили, говорили—а никакого толку нѣтъ, —началъ Никита.—По условію-то, по восьми рубликовъ сошлись, а-нъ теперь—на-попятную... Нехорошо это, Иванъ Кириллычъ; мнѣ семьдесятъ годковъ стукнуло: слава Богу, прожилъ вѣкъ.

— Ну, что̀ тамъ говорить!—перебилъ его лѣсопромышленникъ.—Ты прожилъ, ты и радуйся своему долголѣтію. Это не мое дѣло; а лучше вотъ скажите мнѣ послѣднее слово: согласны, или нѣтъ; нѣтъ, такъ и съ Богомъ. Придется росписочку-то представить, куда слѣдуетъ.

— Что-жъ, представляй, Иванъ Кириллычъ,—все равно, ничего не возьмешь: нечего, стало, и взять-то,—тихо промолвилъ Никита.

На крылечкѣ появился Сидоръ Прохорычъ; съ ехидной улыбочкой на лицѣ прислонился онъ къ дверному косяку и молча посматривалъ на кучку мужиковъ.

— Ну, не согласны, такъ—съ Богомъ! Завтра я уѣду отсюда; можетъ быть, за ночь-то пораздумаете...

Иванъ Кириллычъ спокойнымъ голосомъ произнесъ послѣднюю фразу и скрылся въ конторѣ.

— Эхъ, робята, робята! Столько верстъ шли—и все даромъ! Согласитесь ужъ на то, что̀ даютъ, а то что̀? За какую награду грязь-то мѣсили, шли!—увѣщевалъ рабочихъ Сидоръ Прохорычъ.

— Не тебѣ, Прохорычъ, учить старика Никиту,—въ дѣти ты мнѣ годишься,—отвѣтилъ ему Зарубинъ.

Digitized by Google

— Въ дѣти годишься! Ха-ха!—разсмѣялся Сидоръ Прохорычъ и повернулъ въ сѣнцы, унося на своемъ лицѣ ехидную улыбочку.

III.

На другой день Трофимъ проснулся рано утромъ: его разбудилъ громкій говоръ Никиты, который расталкивалъ своихъ заспавшихся товарищей. Раскрывъ глаза и приподнявъ голову, Трофимъ посмотрѣлъ на заспанныя физіономіи рабочихъ, окинулъ взоромъ потухшій костеръ—и разомъ все припомнилъ: вчера вечеромъ онъ пристроился у костра, разложеннаго Никитою.

Незнакомцы, пріютившіе Трофима, казалось, не замѣчали его, хотя охотно дали ему возможность провести ночь у огня, а когда поставленный въ огонь котелокъ съ кашицей вскипѣлъ, старикъ Никита предложилъ ему съ ними поужинать.

— На работу, вѣрно, пришелъ?—коротко спросилъ старикъ.—Трофимъ отвѣтилъ утвердительно и снова принялся жаловаться на свою жизнь. Присутствовавшіе молчаливо прослушали эту жалобу неизвѣстнаго встрѣчнаго и скоро улеглись спать.

Хмурыми и молчаливыми проснулись Никита и его товарищи и въ это яркое солнечное утро: точно невеселыя думы, съ какими они уснули вчера, проснулись вмѣстѣ съ ихъ пробужденіемъ. Вставъ, умывшись водой сосѣдняго ручья, они на-скоро сварили себѣ кашицу и принялись ѣсть, подкрѣпляя силы къ путешествію „на свою сторону“, послѣ неудачной прогулки на промыслы. Когда неудачники закусили и принялись собираться въ путь, на крылечкѣ конторы появился Иванъ Кириллычъ въ сопровожденіи Сидора Прохорыча. Лѣсопромышленникъ мелькомъ, какъ бы нечаянно, глянулъ въ сторону кучки людей, переночевавшихъ около ручья, и заговорилъ о чемъ-то со старикомъ-дядей, размахивая руками и изрѣдка кивая головой куда-то направо, въ лѣсъ. Минутъ черезъ пять онъ сѣлъ на лошадь, осѣданную приказчикомъ и выведенную изъ сарайчика, и неторопливо поѣхалъ. Огибая по дорогѣ контору, онъ еще разъ глянулъ въ сторону Никиты, какъ бы задаваясь вопросомъ, „не передумали ли вѣроломы за ночь?“—и скрылся въ чащѣ лѣса. Ни Никита, ни кто-либо изъ его семьи не перемѣнили своего рѣшенія. Не торопясь, обули они лаптишки, перевязали котомки, поудобнѣе размѣстили ихъ за плечами и молча двинулись. Когда за лѣсомъ скрылась фигура старика Никиты, отставшаго отъ

Digitized by Google

товарищей, Трофимъ усѣлся возлѣ потухающаго костра и задумался. Ему вдругъ стало грустно отчего-то, сердце его точно упало: ему казалось, что съ уходомъ этихъ неизвѣстныхъ ему людей, такъ ласково пріютившихъ его вчера и даже накормившихъ его,—порвалась какая-то нить, связывавшая его съ міромъ, съ людьми, и теперь онъ остался одинокимъ,—и снова знакомое ему чувство охватило его. Съ какимъ-то страхомъ осмотрѣлъ онъ вырубку, бревенчатую избу со свѣтлыми оконцами, вспомнилъ Сидора Прохорыча, его насмѣшливые глаза и рѣчи; припомнилъ онъ также и Ивана Кириллыча съ его равнодушно-спокойнымъ, жирнымъ лицомъ—ото всего этого вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и непріятнымъ.

— Слышь-ка, парень! Какъ тебя, Трофимъ, что-ли?

Трофимъ поднялся. У тесоваго крылечка стоялъ Сидоръ Прохорычъ, съ обнаженной головой; къ нему приближался бородатый приказчикъ. Послѣдній подошелъ къ костру и принялся движеніемъ ногъ набрасывать землю на потухавшія головни, ворча:

— Черти! уйдутъ и не потушатъ... пожаръ еще надѣлаютъ...

Поворчавъ и сравнявъ слѣды, оставленные ночлежниками, онъ обратился къ Трофиму:

— Пойдемъ, на „прудки“ сведу, а тамъ и работа будетъ...

Трофимъ нерѣшительно подошелъ къ Сидору Прохорычу и проговорилъ:

— А насчетъ платы-то... какъ же?

— Ну, чего ты еще „насчетъ платы“,—какъ бы передразнивая Трофима, выпалилъ Сидоръ Прохорычъ:—не обидятъ. Какъ всѣ получаютъ, такъ и ты получишь,—добавилъ онъ, и повернулся къ нему спиною, направляясь въ избу.

— Вотъ тоже хлѣбъ у меня весь вышелъ,—еще нерѣшительнѣе проговорилъ Трофимъ.

— Хлѣбъ? Ну, хлѣбъ—другое дѣло. Хлѣба-то я тебѣ дамъ,—отвѣтилъ старикъ и вышелъ на крылечко. Сидоръ Прохорычъ на минуту скрылся въ сѣнцахъ, потомъ вновь появился и подалъ Трофиму краюху хлѣба.

— Вотъ тебѣ—ѣшь,—проговорилъ старикъ и скрылся, плотно притворивъ за собою дверь.

Полчаса спустя, Трофимъ и приказчикъ Прокофьевъ шли лѣсомъ. Узкая, но хорошо проторенная тропа вела ихъ къ „прудкамъ“. Часто приходилось имъ перебираться черезъ болота или переходить неглубокіе овражки, по дну которыхъ змѣились громогласные ручьи вешней воды. Приказчикъ шелъ все время молча, да и Трофиму какъ-то не говорилось. Шлепая лаптишками по

Digitized by Google

сырой землѣ, онъ все время раздумывалъ о платѣ и, наконецъ, не вытерпѣлъ и промолвилъ:

— А много-ль платятъ-то?

Спрошенный на секунду пріостановился, какъ бы для того, чтобы вслушаться въ слова Трофима, и послѣ короткой паузы отвѣтилъ:

— Заплатятъ, какъ всѣмъ. Обиды не будетъ. Тоже вотъ и харчи получишь. Хлѣба вотъ дали, а работы-то твоей еще не видѣли.

Трофимъ согласился съ этимъ неопровержимымъ доводомъ приказчика и успокоился. Пройдя версты полторы отъ конторы, Прокофьевъ остановился и проговорилъ:

— Вотъ, какъ эту балку минуешь, поднимешься на гору, а потомъ опять спустишься къ рѣчкѣ: тутъ тебѣ и будутъ прудки. А тамъ придешь на прудки-то и спросишь Валея, башкирца, и скажешь ему, молъ, Иванъ Кириллычъ на работу прислалъ.

— Такъ и сказать?—переспросилъ Трофимъ, но приказчикъ, будто не разслыша вопроса, промолчалъ и повернулъ назадъ.

Миновалъ Трофимъ балку, поднялся въ гору—и передъ нимъ, за грядой лѣса, открылась широкая вырубка, заваленная сучьями, стволами деревъ, и съ одиноко стоявшими, не осиленными человѣкомъ, вѣковыми дубами. Влѣво, подъ уклономъ, онъ замѣтилъ синеватую струйку дыма, поднимавшуюся къ небу, а минуту спустя разсмотрѣлъ и жилища рабочихъ. На днѣ лощины, у самой рѣчки, виднѣлись три балагана. Это были довольно незатѣйливыя постройки. На двухъ стойкахъ, врытыхъ въ землю, покоились толстыя жерди, а къ нимъ наклонно были приставлены лубки, закрытые сверху вѣтвями елей и пихтъ; такими же зеленѣвшими стѣнками были огорожены балаганы и съ боковъ. У отверстій балагановъ, обращенныхъ къ рѣчкѣ, ярко горѣли и дымились костры. Въ сторонѣ, разбившись на двѣ неравныя группы, вокругъ дощатыхъ помостовъ сидѣли рабочіе и завтракали. Трофимъ подошелъ къ нимъ и промолвилъ:

— Хлѣбъ-соль.

— Спасибо,—отвѣтилъ кто-то.

Рабочихъ было человѣкъ десять. Тутъ были русскіе, въ ситцевыхъ рубахахъ, съ всклокоченными космами на головахъ; были и башкиры, въ своихъ длинныхъ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ загорѣлыми бронзовыми лицами и съ тюбитеями на бритыхъ головахъ. Трофимъ спросилъ Валея и передалъ все, что наказывалъ ему приказчикъ.

Digitized by Google

Одинъ изъ трехъ башкиръ, сидѣвшихъ нѣсколько поодаль отъ большой группы рабочихъ, здоровый, плечистый богатырь, съ широкимъ, скуластымъ лицомъ, обрамленнымъ темноватой бородкой, и съ темными, какъ угольки, глазами, уставился на вновь прибывшаго и коротко отвѣтилъ:

— А-а! Яраръ (ладно)!—Башкирецъ принялся ѣсть, а Трофимъ растерянно осмотрѣлъ его грузную фигуру и большую голову, которая была прикрыта тюбитеемъ съ длинной кисточкой на макушкѣ.

— Айда! Садись, похлебай!—услышалъ Трофимъ.

Съ такимъ предложеніемъ обратился къ нему человѣкъ лѣтъ тридцати, съ рыжими усами и плохо выбритымъ подбородкомъ, на которомъ щетинились темнорыжіе волосы. Такіе же лохматые волосы густой шапкой окружали его голову и спутанными прядями спускались на узкій лобъ. Сѣрые, слегка прищуренные глаза пытливо остановились на парнѣ. Трофимъ не сразу рѣшился присѣсть къ кружку рабочихъ.

— Ну, что же ты? Эхъ, братъ, какой! Точно изъ деревни!—насмѣшливо проговорилъ тотъ же рыжій рабочій, искоса окинувъ лукавымъ взоромъ присутствовавшихъ, изъ которыхъ нѣкоторые улыбались.

— А то откуда же? Знамо, изъ деревни,—огрызнулся и Трофимъ, обидѣвшись. Кто-то изъ рабочихъ громко разсмѣялся.

— Это и видно!—добавилъ тотъ же рыжій зубоскалъ:—здѣсь, братъ, въ лѣсу-то, похрабрѣе будь, а то волки съѣдятъ.

Трофимъ опустился на землю и придвинулся къ чашкѣ, на днѣ которой виднѣлась бурая похлебка. Одинъ изъ башкиръ, парень лѣтъ восемнадцати, кинулъ къ ногамъ Трофима собственную ложку, провелъ ладонями по лицу и тихо прошепталъ: „Алла“!

Къ концу завтрака рабочіе ѣли молча и спѣшно, посматривая на Валея, который время отъ времени поторапливалъ всѣхъ, выкрикивая: „Айда! айда! Консяй, консяй“!

Трофиму не понравился этотъ горластый башкирецъ, понуканіямъ котораго были такъ послушны остальные; не нравились ему и темные сердитые глаза башкирца, и широкія брови надъ ними, которыя все время хмурились и шевелились вмѣстѣ съ бронзовыми, поросшими щетиною скулами. Наконецъ, великанъ бросилъ ложку, помолился и приподнялся. Покончившая съ завтракомъ кучка людей заколыхалась: одни молились, крестясь и шопотомъ произнося молитву; другіе рылись въ собственныхъ котомкахъ, убирали ложки и чашки.

Digitized by Google

— Теперь и закурить можно!—выкрикнулъ рыжій рабочій, и весело посмотрѣлъ на Трофима. – Такъ, Абдрахманка?—обратился онъ къ сосѣду-башкирцу, съ безусымъ лицомъ и открытыми темными глазами. Тотъ широко улыбнулся, обнажая бѣлые зубы и сверкая бѣлками глазъ, и потянулся къ кисету сосѣда.

— Айда! айда! Мирошка! Абдрахманъ!—окрикнулъ рабочихъ Валей съ лопатою въ рукахъ.

— Не торопись... сейчасъ... покуримъ только,—отвѣтилъ за себя и за товарищей рыжій Мирошка.

— А этотъ-то, вѣрно, приказчикъ?—освѣдомился Трофимъ, указывая на Валея.

— Ха-ха! Приказчикъ! Много такихъ!—Мирошка захохоталъ, а потомъ злобно прибавилъ:—Просто—собака... собака, да и только, да еще зубастая. Только на зубастыхъ-то собакъ и палка о двухъ концахъ!.. Такъ, Абдрахманъ?—Молодой башкирецъ снова разсмѣялся.

Немного спустя, рабочіе раздѣлились на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, человѣкъ въ пять, вооружилась лопатами и заступами и по тропинкѣ направилась вдоль рѣчки. Впереди всѣхъ шелъ низенькій, коренастый мужикъ въ солдатской фуражкѣ съ бѣлымъ засаленнымъ околышемъ; цѣпь замыкалъ Мирошка. Выпуская изо рта густые клубы табачнаго дыма, онъ весело разсказывалъ что-то своему пріятелю Абдрахманкѣ и размахивалъ руками. Трофимъ видѣлъ, какъ вся эта толпа скрылась за опушкой лѣса, откуда доносился теперь неясный говоръ, смѣхъ и трескъ сучьевъ подъ ногами.

Трофимъ остался въ партіи Валея, который все время ворчалъ и торопилъ рабочихъ приниматься за дѣло. Когда пришли на мѣсто работы, Трофимъ впервые увидѣлъ, что̀ такое „прудки“, о которыхъ раньше онъ только слышалъ. Невысокій, но широкій земляной валъ насыпался съ обоихъ береговъ рѣчки, все болѣе и болѣе съуживая русло и образуя небольшой бассейнъ мутной воды. По мѣрѣ того, какъ углублялась и расширялась выемка по откосамъ овражка и росла насыпь—рѣчка становилась у́же. Тутъ же на берегу заготовлена была рама изъ толстыхъ бревенъ, которую потомъ укрѣпляли въ верхней части плотины на случай безопасности, если дождевые ливни поднимутъ уровень воды, грозя размыть наскоро сооруженную и не очень-то прочную плотину.

Подойдя къ строящейся плотинѣ, Валей указалъ Трофиму на тачку и небрежно выговорилъ:

— Вонъ, бери: земля будешь таскать!..

Digitized by Google

Трофимъ уже работалъ когда-то съ тачкой, поэтому обрадовался, что на его долю выпала знакомая работа. Умѣлыми руками ухватился онъ за рукоятки тяжелой, грубо сколоченной изъ досокъ тачки, повернулъ ее, направилъ колесико на дощатый помостъ и, быстро шагая, спѣшилъ догнать остальныхъ тачечниковъ. Благодаря частымъ окрикамъ Валея, работа спорилась. Трофимъ присмотрѣлся къ своимъ сотоварищамъ по работѣ, которые такъ же, какъ и онъ, нагружали тачки землею, по дощатому помосту провозили ихъ до насыпи, ссыпали землю и вновь возвращались къ выемкѣ на склонѣ оврага. Одинъ изъ тачечниковъ былъ сѣдой старикъ-башкирецъ, съ клочьями жидкихъ, посѣдѣвшихъ волосъ на подбородкѣ. Лицо у него было сморщенное, старческое, глаза тусклые, глубоко ввалившіеся въ орбиты. Подъ тяжестью тачки, виснувшей своимъ грузомъ на рукахъ, онъ тяжело дышалъ, останавливался иногда на пути, чтобы передохнуть, а потомъ снова напрягалъ силы, скрючивалъ спину и, нетвердо ступая, катилъ тачку къ насыпи. Двое другихъ были русскіе: парень лѣтъ двадцати, плечистый, кривоногій, съ широкимъ шрамомъ у лѣваго глаза, и мужикъ, уже немолодой, но еще крѣпкій на видъ, хотя съ замѣтной просѣдью въ головѣ и въ бородѣ. Вмѣстѣ съ Валеемъ на насыпи работали его братья. Одинъ изъ нихъ разгребалъ и разравнивалъ лопатою землю, ссыпанную тачечниками, а другой громаднымъ деревяннымъ шестомъ убивалъ эту землю, топталъ ногами, стараясь сдѣлать насыпь плотной и водоупорной. Самъ Валей расхаживалъ по насыпи, промѣрялъ длину и ширину ея, или спускался къ водѣ и принимался измѣрять ея уровень.

Трофимъ скоро разговорился съ парнемъ, котораго звали Силантіемъ, разсказалъ ему о своихъ мытарствахъ и въ свою очередь разспросилъ парня обо всемъ, что̀ его интересовало въ новыхъ условіяхъ жизни. Силантій оказался словоохотливымъ; къ Трофиму, какъ къ новичку, онъ отнесся участливо.

Они усѣлись на тачкахъ, нагруженныхъ землею, закурили и стали бесѣдовать.

— Вотъ только плата-то не важная,—говорилъ Силантій,— а работа, самъ увидишь, какая.

— А сколько платы?—полюбопытствовалъ Трофимъ.

— Двадцать копѣекъ за день обѣщалъ разсчитать Иванъ Кириллычъ...

— А харчи?..

— Видѣлъ, какіе харчи-то. Третью недѣлю работаю тутъ,

Digitized by Google

а окромя хлѣба да вотъ этого варева, что̀ хлебали, ничего и не видѣли... А обѣщалъ хозяинъ сала давать и чаю кирпичнаго...

— Эй, ты! Силантья! Чява̀ сидишь—работа̀й!—густымъ голосомъ окрикнулъ Валей бесѣдовавшихъ, стоя посреди насыпи и опираясь руками на палку, которою онъ обмѣривалъ насыпь. Первымъ соскочилъ съ тачки Трофимъ и ухватился за гладкія рукоятки, а Силантій проворчалъ что-то сквозь зубы, заплевалъ окурокъ цыгарки и тоже послѣдовалъ примѣру товарища.

— Этотъ-то что̀ больно кричитъ?—освѣдомился Трофимъ, сдвигая съ мѣста тачку.

— Это такая собака, что упаси Богъ! Онъ, вишь ты, дошлый по части прудковъ-то, всегда тутъ стоитъ. Ну, вотъ, и глотку широкую ему надо имѣть...

Работа продолжалась; насыпь росла съ каждымъ часомъ, съуживая проходъ рѣчки. Незадолго до обѣда, Трофимъ замѣтилъ возлѣ балагановъ молодого башкирца, одного изъ братьевъ Валея, который великодушно уступилъ ему свою ложку. Отъ Силантія онъ узналъ, что это кашеваръ артели и распорядитель. Весь этотъ день прошелъ для Трофима незамѣтно. Новизна положенія, новыя лица и новая работа увлекли его, незамѣтно заинтересовывая, и ночью, засыпая подъ навѣсомъ балагана, внутренность котораго озарялась пламенемъ костра, онъ былъ спокоенъ и ни о чемъ не думалъ.

IV.

Прошло недѣли двѣ съ тѣхъ поръ, какъ Трофимъ началъ работать на промыслахъ Ивана Кириллыча. За это время въ лѣсу не произошло никакихъ выдающихся событій, все шло тихо и гладко, и работа подвигалась къ концу. Два прудка—одинъ недалеко отъ балагановъ, а другой—въ полуверстѣ отъ нихъ внизъ по рѣчкѣ—были почти уже закончены; оставалось только вставить водоспуски, да кое-гдѣ задѣлать между сваями отверстія, размытыя непокойной лѣсной рѣчкой. Дни одинъ за другимъ проходили съ томительнымъ однообразіемъ. Рабочіе поднимались утромъ съ зарею, хлебали неизмѣнную бурую кашицу и принимались за работу подъ наблюденіемъ грознаго Валея и угрюмаго, молчаливаго приказчика Прокофьева. Раза два въ недѣлю на прудкахъ появлялся и самъ Иванъ Кириллычъ, бѣгалъ по плотинѣ на своихъ короткихъ ножкахъ, размахивалъ руками, а иногда подолгу съ дѣловымъ видомъ бесѣдовалъ съ Валеемъ.

Digitized by Google

Съ каждымъ днемъ все чаще и чаще стали поговаривать въ артели о прибытіи новыхъ рабочихъ, спеціалистовъ по выдѣлкѣ луба и мочала. Однажды и самъ Иванъ Кириллычъ разговорился на эту тему съ Валеемъ и приказчикомъ и удивлялся, что такъ долго не появляются за зиму законтрактованные рабочіе. Запаздываніе ихъ безпокоило хозяина, потому что наступалъ тотъ весенній періодъ, когда всего легче снималась кора съ липы, благодаря чему мочало и лубъ являлись на рынокъ съ большей цѣнностью... Наконецъ, какъ-то вечеромъ, промысловые заслышали въ лѣсу конское ржаніе и гулъ человѣческихъ голосовъ. Въ сопровожденіи Сидора Прохорыча къ балаганамъ прибыли долго ожидаемые рабочіе. Это были крестьяне, крѣпкіе съ виду и съ дѣловымъ выраженіемъ на широкихъ загорѣлыхъ лицахъ. Ихъ было человѣкъ шесть-семь. Всѣ они были верхами; по бокамъ каждой лошади были навьючены холщевые мѣшки съ пожитками. Нѣкоторые изъ нихъ были съ топорами за поясомъ, другіе—съ пилами. Переночевавъ кое-какъ возлѣ балагановъ раньше поселившихся рабочихъ, утромъ на другой день они приступили къ сооруженію собственныхъ жилищъ. Мѣсто для своихъ построекъ они выбрали нѣсколько поодаль отъ балагановъ землекоповъ и принялись за работу съ дѣловыми разговорами, совѣтами, и были, очевидно, заняты мыслью поудобнѣе обосноваться на все лѣто. Вообще, вновь прибывшіе держались какъ-то въ сторонѣ отъ землекоповъ. Послѣдніе, въ свою очередь, замѣтили, что и отношеніе хозяина и приказчика къ „спеціалистамъ“ не похоже на ихъ отношеніе къ разноплеменной артели строителей прудковъ. Скоро выяснилось, что различіе это касается и условій работы и найма, а также и характера жизни новыхъ рабочихъ: заработокъ землекоповъ зависѣлъ отъ произвола Ивана Кириллыча; заработокъ спеціалистовъ по обработкѣ мочала и луба зависѣлъ отъ нихъ самихъ: они получали опредѣленную плату за пудъ выдѣланнаго мочала и за лубъ по разсчету толщины дерева въ вершкахъ.

Дня черезъ два прибыла еще партія рабочихъ, и вслѣдъ за ними появились спеціалисты по обработкѣ плашки, вмѣсто семьи Никиты—и глухой лѣсной уголокъ замѣтно оживился. Съ ранняго утра до поздняго вечера рабочіе ходили по лѣсу, валили деревья подъ корень, снимали кору, и при помощи лошадей подтаскивали древесину къ прудкамъ, куда ее и сваливали, набрасывая сверху для тяги толстыя бревна, отчего вода въ прудкахъ поднималась. Ночью возлѣ балагановъ зажигались костры, слышался говоръ, шумъ, конское ржаніе, а иногда по вечерамъ со

Digitized by Google

стороны балагановъ спеціалистовъ слышались звуки гармоники и хоровое пѣніе. Антагонизмъ между „спеціалистами“ и землекопами выросъ самъ собою. Въ средѣ первыхъ была какая-то стройность, дѣловитость, солидность; среди вторыхъ—полнѣйшая разобщенность, обусловленная разноплеменностью случайно столкнувшихся несчастливцевъ-голышей, безжалостно эксплоатируемыхъ предпріимчивымъ Иваномъ Кириллычемъ.

Такъ какъ спеціалисты нашли прудки не вполнѣ законченными, то и для землекоповъ началась горячка. Съ утра до вечера торчавшій на прудкахъ Сидоръ Прохорычъ, приказчикъ Валей и чаще обыкновеннаго появлявшійся Иванъ Кириллычъ положительно не давали покоя ни Трофиму, ни его товарищамъ по работѣ. Утромъ поднимали ихъ раньше обыкновеннаго, торопили во время обѣда и отдыха, а съ работы отпускали, когда солнышко уже пряталось за лѣсомъ, заря потухала и наступала ночь. Однажды пришлось даже работать въ воскресенье, хотя русскіе рабочіе согласились на это не сразу, и только обѣщаніе Ивана Кириллыча поднести желающимъ работать по шкалику водки сверхъ поденной платы соблазнило рабочихъ, и они согласились. Вечеромъ этого дня работу окончили раньше обыкновеннаго и торжественно приняли изъ рукъ хозяина обѣщанное. Выпитая водка только растравила заморенныхъ и утомленныхъ людей, и скоро вокругъ хозяина образовалась толпа, просящая выдать часть заработанныхъ денегъ. Иванъ Кириллычъ наотрѣзъ отказался исполнить просьбу рабочихъ, отговариваясь неимѣніемъ мелкихъ, но въ сущности опасаясь, какъ бы загулявшіе рабочіе не провели слѣдующій день праздно.

Согласно словесному договору, Иванъ Кириллычъ обязанъ былъ выплатить поденьщину только послѣ того, когда прудки будутъ имъ приняты совершенно готовыми для своего назначенія; но въ договорѣ былъ, однако, и такой пунктъ, что если вся артель, за общей порукой, пожелаетъ получить треть заработка, то хозяинъ не можетъ имъ отказать въ этомъ. Рабочіе старались опереться на этотъ пунктъ условія, но предприниматель постарался истолковать его въ невыгодномъ для рабочихъ смыслѣ и снова отказалъ имъ.

Больше другихъ возмущались этимъ отказомъ Мирошка, Абдрахманъ и старикъ Нурей. Послѣдній, со слезами на глазахъ, доказывалъ предпринимателю справедливость своихъ требованій, жестикулируя руками, злобно проклиная кого-то или призывая на помощь Аллаха. Иванъ Кириллычъ молча выслушалъ горячую

Digitized by Google

рѣчь старика и, окинувъ взоромъ присутствовавшихъ, тихо проговорилъ:

— Чортъ его знаетъ, что онъ лопочетъ по своему-то... по-собачьему...

— А коли, Иванъ Кириллычъ, не понимаете Нурея, такъ послушайте меня!—началъ все время молчавшій и со злобой въ глазахъ посматривавшій на хозяина Мирошка:—теперича прудки-то мы вамъ почитай-что закончили, да и проработали-то вотъ... ужъ теперь двадцать-пять дёнъ. А по уговору-то вы намъ должны дать третью часть, коли всё за общей порукой просимъ!—продолжалъ онъ, ближе придвигаясь къ Ивану Кириллычу.

— Ха-а!.. Ахъ, ты, Мирошка, Мирошка! Да какая же за вами порука? Ты ли, Нурей ли, Трофимъ ли: всё вёдь вы изъ-подъ бора да изъ-подъ сосенки. Развѣ вы артель? А? Живете, какъ псы,—прости Ты мнѣ, Господи!—грызетесь между собой, какъ собаки, да и работаете-то изъ-подъ кнута! Ну, какая вы артель? Ха-ха! Круговая порука!..

Иванъ Кириллычъ разсмѣялся и снова обвелъ присутствовавшихъ веселыми глазами, предварительно потрогавъ за рукавъ Прокофьева, какъ бы спрашивая того: „правда, вёдь"? Приказчикъ слегка усмѣхнулся, видимо соглашаясь съ хозяиномъ, но считалъ для себя излишнимъ ввязываться въ споръ.

— А вы бы, Иванъ Кириллычъ, не наймали, коли артель плоха,—возражалъ Мирошка: — артель-то плоха, — продолжалъ онъ, — а вотъ, посмотрите-ка,—прудки-то почитай что закончены!

— Э-ге, до конца-то еще, братъ, далеко!

— Чего далеко-то? Вотъ и Валей скажетъ—много ли еще работы?—приставалъ Мирошка, но Валей молчалъ, не подтверждая его словъ, для хозяина же такія доказательства были, должно быть, недостаточно убѣдительны.

До поздней ночи велся этотъ разговоръ рабочихъ съ предпринимателемъ, и ничѣмъ благопріятнымъ для первыхъ не кончился. Иванъ Кириллычъ взобрался на свою саврасенькую кобылу и уѣхалъ, сопровождаемый ропотомъ рабочихъ.

— Вотъ-то попали... къ анаѳемѣ проклятой!.. Ну, и жила! —возмущался Силантій, когда въ сумракѣ наступавшей ночи потонули силуэты двухъ лошадей и всадниковъ, хозяина и приказчика.

— Ничего! Не горюй! Свое возьмемъ! — вставилъ, ни къ кому не обращаясь, Мирошка и присѣлъ къ костру, который, разгорѣвшись яркимъ столбомъ, озарялъ взволнованныя и недо-

Digitized by Google

вольныя лица рабочихъ. Всѣ одинаково были возмущены поведеніемъ хозяина, каждый по своему старался объяснить это поведеніе, и каждый, какъ умѣлъ, отозвался на происходившее, одинаково близкое всѣмъ. Были въ числѣ рабочихъ такіе, какъ Трофимъ, которые казались пассивными наблюдателями и никуда негодными защитниками собственныхъ интересовъ. Другіе, напротивъ, вступали въ споръ, но эта попытка ничѣмъ не увѣнчалась. Нурей, напримѣръ, вѣчно молчаливый и угрюмый старикъ, со слезами на глазахъ доказывалъ свою правоту, но его рѣчь была непонятна Ивану Кириллычу, а быть можетъ, тотъ и не хотѣлъ понять ее,—и всѣ волненія старика оказались напрасными. Силантій и угрюмый солдатъ Игнатъ тоже не вытерпѣли и высказали свои соображенія, но это были неубѣдительные доводы: Игнатъ все время твердилъ о какихъ-то мірскихъ недоимкахъ, до которыхъ Ивану Кириллычу не было никакого дѣла, а Силантій обращалъ вниманіе хозяина на свои порты и рубаху, которые „съ плечъ лѣзутъ“. Даже Мирошка, смѣлый и зубастый мужикъ, и тотъ не сразу сообразилъ, откуда надо подойти къ „жоху и выжигѣ“. Онъ понималъ, конечно, что никакой круговой поруки между ними, людьми „изъ-подъ бору, да изъ-подъ сосенки“, быть не можетъ, и это еще больше злило его: работа произведена ими сообща, право получить заработокъ у всѣхъ одинаковое, а складу и ладу между ними нѣтъ.

Не въ первый разъ приходилось ему спорить изъ-за денегъ съ лѣсопромышленниками, купцами и приказчиками. Задержитъ, бывало, кто-нибудь изъ представителей заработную плату, или при разсчетѣ оштрафуетъ за какую-нибудь провинность или за испорченные инструменты—Мирошка проситъ; если просьба не дѣйствуетъ, начинаетъ приставать и клянчить; если и это не помогаетъ, онъ сердится и начинаетъ браниться съ „выжигой“, а потомъ обругаетъ хозяина при всѣхъ и пойдетъ искать другой работы. Такіе нерѣдко повторявшіеся случаи сдѣлали Мирошку недовѣрчивымъ ко всѣмъ, кто его нанималъ. Зналъ только онъ, что тамъ—въ городѣ, на чугункѣ, на пристаняхъ, вообще, на людяхъ—бороться и отстаивать свои права легче, а здѣсь, въ лѣсной глуши, Иванъ Кириллычъ казался ему неумолимымъ и сильнымъ.

Занятый такими соображеніями, Мирошка сидѣлъ у костра и молчалъ. Молчали и другіе, неохотно принимаясь за пустую, мутную похлебку.

Другія думы волновали въ это время Валея. Полулежа на мягкой кошмѣ у своего балагана вмѣстѣ съ братьями, онъ пилъ

Digitized by Google

густой кирпичный чай, обливаясь потомъ, и соображалъ, сколько придется ему получить послѣ того, какъ прудки будутъ сданы. Башкиру хотѣлось возможно скорѣе разсчитаться съ Иваномъ Кириллычемъ, чтобы перебраться на другое мѣсто, гдѣ онъ также условился наблюдать за ходомъ работъ. Валей былъ недоволенъ рабочими „изъ-подъ бора да изъ-подъ сосенки“ и даже сердился на Ивана Кириллыча, что тотъ, ради экономіи, набралъ на земляныя работы кого попало, предпочтя дешевыхъ бродяжекъ рабочимъ, знающимъ свое дѣло. Это недовольство онъ вымещалъ на рабочихъ, что̀ называется, выжимая изъ нихъ соки, не давая имъ ни отдыха, ни покоя. Онъ же былъ и причиной того, что Иванъ Кириллычъ, вообще прижимистый купецъ, сдѣлался еще скупѣе и на своихъ дешевыхъ землекоповъ смотрѣлъ какъ на личныхъ враговъ.

— А... нечего... порядочная онъ собака! — наконецъ, проговорилъ долго молчавшій Мирошка.—А? Абдрахманъ?—вдругъ воскликнулъ онъ, ударивъ по колѣну пріятеля:—чего ты носъ-то повѣсилъ?

— Арока (водки) вотъ іокъ (нѣтъ),—отвѣчалъ тотъ.

— А плохо безъ арока-то? — усмѣхнувшись, вставилъ Силантій.—Ты, вѣрно, полюбилъ эту самую „ароку“-то? а? Чортъ! что̀ молчишь?

Абдрахманъ молчалъ и улыбался.

Часъ спустя, всѣ спали мирнымъ, тихимъ сномъ, какъ будто минувшимъ днемъ ничто не волновало этихъ полу-голодныхъ, терпѣливыхъ людей. А быть можетъ, умиротворила и успокоила ихъ возмущенныя души теплая майская ночь? Она такъ красива была въ этотъ тихій часъ въ глуши лѣса: небо ясно и звѣздно, лѣсъ спокоенъ и молчаливъ, и только вода рѣчки, стѣсненная въ узкомъ пролетѣ плотины, шумѣла ровно-ровно...

V.

На слѣдующей недѣлѣ, въ субботу, артель сдала Ивану Кириллычу верхній прудокъ совершенно законченнымъ. Лѣсопромышленника обрадовало это обстоятельство, такъ какъ за все это время вопросъ о прудкахъ безпокоилъ его, а тутъ еще „мочальники“ и „лубодеры“ жаловались на недостатокъ воды. Сдавъ законченный прудокъ, рабочіе пошабашили въ эту субботу вскорѣ послѣ обѣда. Иванъ Кириллычъ выдалъ каждому изъ нихъ по рублёвкѣ, что̀ снова вызвало среди рабочихъ неудовольствіе: они

Digitized by Google

стали просить Ивана Кириллыча выдать имъ деньги за все количество отработанныхъ дней, но осторожный купецъ отказалъ имъ въ этомъ, клянясь, что послѣ сдачи второго прудка разсчитаетъ всѣхъ окончательно. Рабочіе опять поспорили, но на этотъ разъ какъ-то скоро притихли: засаленныя кредитки все-же произвели извѣстное впечатлѣніе. Трофимъ съ тайнымъ удовольствіемъ спряталъ въ кисетъ рублевую бумажку и улыбался, раздумывая, сколько онъ получитъ еще такихъ бумажекъ, когда и второй прудокъ будетъ принятъ хозяиномъ. Мирошка и Абдрахманъ положительно ликовали. Получивъ деньги, они шептались о чемъ-то, послѣ чего Мирошка подѣлился своимъ секретомъ и съ другими.

— Ну, кто на село? гайда! выпьемъ! — кричалъ онъ въ толпѣ рабочихъ:—Айда,—эй! Трофимъ! Игнатъ!—сзывалъ онъ.

Желающіе отправиться въ село нашлись. Это были двое башкиръ, которые надумали побывать въ родной деревушкѣ, и которымъ путь лежалъ черезъ село. Узнавъ, что только это обстоятельство дѣлаетъ башкиръ его попутчиками, Мирошка принялся уговаривать Силантія и Трофима. Первому пришлось отказаться, хотя его сильно тянуло пойти, погулять и провѣтриться: дня два тому назадъ, онъ нечаянно наступилъ на гвоздь, торчавшій въ небрежно брошенной доскѣ, и споролъ себѣ ногу.

— Эхъ, чортъ! будто не дойдешь! дитё малое! — обозлился на него Мирошка и приступилъ къ Трофиму. Послѣдній, какъ пень, глубоко вросшій корнями, не хотѣлъ сдвинуться съ мѣста. Ему вообще хотѣлось отдохнуть, да, кромѣ того, онъ догадывался, что пойти въ село—это значитъ размѣнять бумажку, да еще и останется ли отъ этихъ денегъ что-нибудь. Ему казалось, что если свяжешься съ Мирошкой, то до добра не дойдешь. Мирошка обругался, обозвалъ Трофима бабой и вмѣстѣ съ Абдрахманомъ и двумя попутчиками-башкирами ушелъ въ село. Немного спустя, за ними побѣжалъ и мрачный Игнатъ, долго соблазняемый ухарскими приглашеніями „желтоглазаго чорта“, какъ онъ про себя называлъ Мирошку. Смѣшно было смотрѣть на кудлатую низенькую фигурку этого человѣка, когда онъ, не утерпѣвъ, пустился за скрывшимися въ лѣсу товарищами, выкрикивая ихъ имена и прося обождать его,

— И этотъ поплелся, — замѣтилъ Силантій, провожая глазами Игната.

— Пущай ихъ!—коротко отвѣтилъ Трофимъ.

И подружились же Абдрахманка съ Мирошкой... Такъ

Digitized by Google

вотъ и шагу ему вступить не даетъ: куда Мирошка, туда и онъ, собачье рыло!..

Силантій съ тайнымъ неудовольствіемъ дѣлился своими мыслями; его не особенно радовала дружба, о которой онъ только-что говорилъ. Когда-то и онъ души не чаялъ въ Мирошкѣ, такъ же, какъ Абдрахманъ, слѣдовалъ за нимъ, слушался бойкаго товарища, и только за послѣднее время ихъ отношенія приняли иной характеръ.

Мирошка былъ однимъ изъ тѣхъ, которыхъ въ народѣ называютъ „отпѣтая головушка“. Онъ не имѣлъ ни земли, ни семьи; неуживчивость съ міромъ его родной Тетровки вытолкнула его изъ деревни; случайные заработки, гдѣ попало и какіе попало, сдѣлали его бродяжкой; отношеніе людей къ нему, какъ къ опасному бездомнику, обозлило его,—и только своеобразная прелесть бродяжества не измѣняла ему, а напротивъ, увлекала его все больше и больше.

Подъ вліяніемъ Мирошки, Силантій покинулъ деревню и отправился со своимъ новымъ другомъ въ городъ, на „вольные“ заработки. Случайность вольныхъ заработковъ, скитанія, голодъ и холодъ, встрѣтившіе Силантія въ новой жизни, нѣсколько разочаровали новичка изъ деревни, и онъ подумывалъ вернуться на родину; но Мирошка, замѣтивъ колебаніе товарища, всѣми силами старался поддержать въ немъ падающій духъ. Въ мартѣ онъ началъ восхищаться наступленіемъ весны, разсказывая о томъ, какъ много бываетъ работы на Бѣлой, когда по рѣкѣ потянутся караваны баржъ и бѣлянъ, а потомъ, когда наступитъ май—закипитъ работа въ лѣсахъ. Силантій слушалъ, вѣрилъ и утѣшался. Разочаровался онъ въ Мирошкѣ только послѣ того, какъ имъ пришлось уйти съ заработковъ на желѣзной дорогѣ, гдѣ они оба занимались распилкой дровъ. Мирошка поссорился съ подрядчикомъ, не удержался, благодаря своему характеру, и обругалъ его, за что тотъ ткнулъ Мирошку въ грудь. Оскорбленный Мирошка схватилъ полѣно и пустилъ имъ въ обидчика. Послѣ этого происшествія оставаться у торговца дровъ было невозможно. Раздѣливъ обиду товарища, Силантій не отсталъ отъ Мирошки, и оба они снова пустились въ скитанія. Цѣлыхъ три недѣли бездомникамъ пришлось кое-какъ проколотиться на берегу рѣки, въ ожиданіи благодатныхъ весеннихъ дней. Весна, впрочемъ, тоже не обогрѣла ихъ, а тутъ подвернулся Иванъ Кириллычъ, нанимавшій рабочихъ на свои промыслы, и наголодавшимся скитальцамъ пришлось согласиться и перекочевать въ лѣса, къ „Манѣ-Горѣ“.

Digitized by Google

Проклиная Мирошку и вспоминая благословенные дни работы на чугункѣ, Силантій затаилъ въ душѣ непріязнь къ своему прежнему товарищу. Мирошка же и на прежнемъ мѣстѣ завоевалъ симпатію. Не прошло двухъ-трехъ дней, какъ онъ обзавелся новымъ другомъ въ лицѣ Абдрахманки. Этотъ вольнолюбивый сынъ кочевой Башкиріи, казалось, всколыхнулся за краткое время знакомства съ удалымъ „урусомъ". Башкирецъ прямотаки подражалъ Мирошкѣ во всемъ, слушался его, весело хохоталъ, когда его другъ смѣшилъ компанію, слѣдовалъ по его пятамъ. Мирошка цѣнилъ въ башкирцѣ эту слѣпую покорность. Тѣхъ же, кто не поддавался его вліянію, онъ какъ будто не замѣчалъ, или язвилъ такихъ крѣпкихъ людей, дѣлая изъ нихъ мишень для своихъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. Такъ онъ относился теперь и къ Силантію. Послѣдній замѣтилъ это и втайнѣ сожалѣлъ, что такъ случилось, хотя онъ былъ теперь крѣпко увѣренъ, что не пойдетъ за Мирошкой и не все сдѣлаетъ, что тотъ предложитъ.

— И озорникъ онъ... Мирошка-то!—говорилъ Силантій Трофиму, когда оба они, по уходѣ товарищей въ село, лежали у костра, возлѣ балагана, и бесѣдовали.

— А что?

— И-и! Что только онъ въ деревнѣ-то дѣлалъ: заѣлъ всѣхъ, и стариковъ въ грошъ не ставилъ. На сходкѣ ли, или что тамъ по мірскому дѣлу—первый горлодеръ. И бабу-то свою въ конецъ замучилъ.

— Бабу? Ишь ты!

— Неладно у нихъ что-то... Въ солдаты-то онъ пошелъ—одна дѣвочка была, а вернулся—анъ черноволосенькій парнишка бѣгаетъ... Съ этого и пошло...

— Съ этого и пошло?

— Да, съ этого... „Уходи,—говоритъ,—отъ меня къ полюбовнику, а мнѣ тебя не надо". Была баба, въ ногахъ валялась, да что ты съ нимъ, съ этакимъ, подѣлаешь? Бросилъ онъ тутъ все, и хату, и хозяйство, да и ушелъ. Прошатался нивѣсть гдѣ, вѣрно, года два, потомъ вернулся, помучилъ, потиранилъ бабу и опять пошелъ. И меня-то, дьяволъ, смутилъ...

— Что-жъ, и пошелъ?

— Чего же сдѣлать—пошелъ.

Бесѣдовавшіе смолкли. Незамѣтно подкравшаяся ночь успокоивала ихъ, утомленныхъ за день, костеръ обогрѣвалъ, душу покоило сознаніе, что часть трудной работы кончена. Силантій скоро заснулъ; не спалось только Трофиму. Обрывки думъ тре-

Digitized by Google

вожили его голову: то Мирошка вставалъ передъ нимъ подъ впечатлѣніемъ разсказа Силантія; то, вдругъ, его начинала тревожить мысль, что и ему, быть можетъ, придется испытать то же, что и товарищу, и что такъ знакомо было и ему самому: безработица, голодовка и новыя исканія заработка.

Трофиму припомнился день, когда онъ впервые пришелъ на промыслы Ивана Кириллыча. Вспомнилъ онъ старика Сидора Прохорыча и его рѣчь о томъ, какимъ надо быть, чтобы жизнь не заѣла. Мирошка представлялся ему именно однимъ изъ такихъ счастливцевъ, о которыхъ говорилъ угрюмый старикъ, и въ немъ невольно воспиталось уваженіе къ этому рыжему человѣку съ солдатскими усами и зоркими глазами.

Костеръ потухалъ. Наступала угрюмая полночь въ глухомъ лѣсу. Глухо ныла душа Трофима въ этотъ часъ ночи, вдали отъ людей... Ему вдругъ припомнилась деревня, семья, жена... Острыя мурашки пробѣжали по его спинѣ, когда на память ему пришелъ случай изъ жизни Мирошки. „А что, если и моя Авдотья?“ — задался онъ вопросомъ. Съ этой новой тяжелой думой Трофимъ и заснулъ.

На другой день, вечеромъ, въ становищѣ промысловыхъ случилось необычайное происшествіе. Никогда, вѣроятно, ни одна въ мірѣ женщина не оставляла слѣдовъ своихъ ногъ на берегу рѣчки, гдѣ сооружались прудки, и вдругъ въ глуши лѣса появилась низенькая, тщедушная старуха въ отрепьяхъ, въ полиняломъ платкѣ на сѣдыхъ космахъ и съ морщинистымъ, темно-бронзовымъ лицомъ. Это была жена Нурея. Появленіе ея въ становищѣ было очень кстати, потому что старикъ Нурей заболѣлъ и вторыя сутки не выходилъ изъ балагана, мало ѣлъ, жаловался на боль въ поясницѣ и въ головѣ, и какъ-то безучастно смотрѣлъ на все совершавшееся вокругъ тусклыми, усталыми глазами.

Дня два тому назадъ, почти всѣ промысловые были свидѣтелями того, что произошло съ нимъ. Вскорѣ послѣ обѣда, старикъ катилъ по доскамъ тачку, нагруженную землею, и, сгибая спину подъ тяжестью груза, тяжело дышалъ. На половинѣ пути онъ вдругъ опустился на колѣни, ухватился за поясницу и тихо простоналъ: „О, Алла, Алла!“ — Голова его свѣсилась на грудь, изъ носа и изо рта хлынула кровь, орошая обнаженную, загорѣлую грудь башкирца. Кто-то подбѣжалъ къ нему, стараясь приподнять ослабѣвшаго за руку, но несчастный старикъ не въ силахъ былъ держаться на ногахъ. Товарищи перенесли боль-

Digitized by Google

ного подъ тѣнь густой, развѣсистой ели, кто-то принесъ воды, напоилъ старика, омылъ его лицо, и онъ остался подъ деревомъ одинокимъ. Вечеромъ Нурея перевели въ балаганъ и уложили. Всю ночь и слѣдующій день онъ стоналъ тихо и жалобно, по временамъ умолкалъ, засыпая, а потомъ снова слышались его стоны. Нурея жалѣли всѣ, да и вообще къ нему относились хорошо, уважая его годы и уживаясь съ его тихимъ, безобиднымъ нравомъ. Съ особеннымъ вниманіемъ относились къ Нурею рабочіе изъ башкиръ; свое моленье начинали они только послѣ того, какъ старикъ подниметъ къ лицу свои заскорузлыя руки и произнесетъ молитву. Даже Валей относился къ Нурею иначе, нежели къ молодымъ своимъ единоплеменникамъ.

Вѣсть о болѣзни Нурея дошла и до Ивана Кириллыча. Пожалъ плечами купецъ, покосился злыми глазами въ сторону балагана, гдѣ лежалъ больной, и насмѣшливо, сквозь зубы, процѣдилъ:

— А то, старый хрычъ, туда же, съ другими, бунтовать!..

На другой день болѣзнь старика стала какимъ-то обычнымъ явленіемъ; о немъ не говорили, и, прислушиваясь къ стону больного, никто не выражалъ своего сочувствія тяжелымъ вздохомъ, и только немногіе считали своимъ долгомъ подвинуть къ старику чашку съ кашицей, дать ему воды или сунуть въ трясущуюся руку кусокъ хлѣба. Нурей нуждался въ уходѣ и сочувствіи, и лицо его выразило радость, когда онъ увидалъ жену. Она подошла къ больному, покачала головою, наклонилась къ его изголовью и что-то проговорила, прислушиваясь къ слабому, низкому голосу мужа.

Наступала ночь, и вмѣстѣ съ ея сумракомъ голову Трофима осаждали сумрачныя думы. Къ этому, быть можетъ, располагала и природа, вдругъ омрачившаяся. Безоблачное до сихъ поръ небо теперь было завѣшано сплошными сѣрыми тучами. Подулъ вѣтеръ, и до того спокойный лѣсъ затрепеталъ, зашумѣлъ, словно тысячеголовое чудовище: высокія, стройныя ели покачивались остроконечными вершинами; листва березъ и липъ шумѣла, то затихая, то вдругъ заглушая всѣ голоса ночи... Костры горѣли трепетно... Рабочіе попрятались по балаганамъ, прикрылись кафтанишками и молча, безъ шутокъ, безъ говора, ожидали не то покойнаго сна, не то лѣсной грозной бури...

Трофимъ улегся ближе къ костру, уставился глазами на горящія полѣнья и, прислушиваясь къ стонамъ Нурея, думалъ. Въ глуши лѣса, въ эту мрачную ночь, ему представился весь ужасъ положенія больного. Еслибы онъ, Трофимъ, заболѣлъ,—кто при-

Digitized by Google

шелъ бы навѣстить его? Трофимъ посмотрѣлъ на небо и подумалъ: „Въ какой сторонѣ теперь Ефановка?“—Хмурое небо, вмѣсто отвѣта, глянуло на него непривѣтливо. Онъ уныло посмотрѣлъ на зубчатую стѣну лѣса. Встревоженный вѣтромъ, лѣсъ шумѣлъ неровно, невесело...

VI.

Вечеръ наступалъ быстро. На западной части неба, съ полудня, повисла тяжелая туча. Когда солнце было еще высоко, она казалась блѣдно-сѣрой дымкой и еле замѣтно обрисовывалась надъ лѣсомъ, но вотъ она сгустилась и разрослась. Бѣловатыя, кучевыя облака, медленно плывшія въ небѣ, казалось, остановились, поджидая тучу, и скоро потонули въ ея однообразномъ, сѣромъ фонѣ; солнце скрылось за краемъ тучи, и она окрасилась въ синеватые отливы. Лѣсъ затихъ, птички смолкли, тѣни лѣсныя густѣли... Туча росла: надвигалась гроза... Чуть слышно, гдѣ-то далеко-далеко, гудѣлъ громъ, затихая и замирая... Въ лѣсу становилось еще тише...

— Эка! маритъ-то какъ!—восклицалъ Прокофьевъ, снявъ картузъ и отирая платкомъ потную лысину.

— Жарко! ой, жарко!—вторилъ ему одинъ изъ промысловыхъ, стараясь багромъ размѣстить въ прудкѣ только-что привезенную липовую кору.

На верхнемъ, совершенно законченномъ прудкѣ въ это время работали только спеціалисты по выдѣлкѣ луба и мочала, а землекопы торопились теперь покончить съ нижнимъ прудкомъ, гдѣ съ утра до вечера наблюдалъ за работою самъ Сидоръ Прохорычъ.

— Вонъ онъ, батюшка, какъ погромыхиваетъ!—прослышалось новое замѣчаніе, когда вдали раскатился ударъ грома.

— Ничего, воды прибудетъ!—радовался кто-то.

Благодаря вечеру и приближавшейся тучѣ, изъ лѣса стали появляться рабочіе, спѣша вернуться въ балаганы до ливня, котораго всѣ ожидали: туча положительно страшила своимъ темно-синимъ покровомъ, который то-и-дѣло прорѣзывали тонкіе фіолетовые зигзаги. Туча росла и надвигалась, раскаты грома слышались явственнѣе. Раза два свѣтло-фіолетовая лента прорѣзала омраченное небо надъ самыми головами; сумракъ лѣса озарялся мгновеннымъ пламенемъ, громъ обрушивался страшными ударами... Подулъ вѣтеръ, листва зашевелилась, сухія верхушки елей закачались. Изъ лѣса спѣшили промысловые, съ нижняго

Digitized by Google

прудка гуськомъ бѣжали землекопы съ охапками валежника... Костры росли... Сумракъ лѣса густѣлъ, былъ вѣтеръ, по лѣсу разносился глухой ропотъ... Молніи вспыхивали...

— Подбрасывай! подбрасывай! зальетъ!—командовалъ кто-то, заботясь о кострѣ.

— Подсунь подъ жердь... лубокъ-отъ!—слышалось изъ сосѣдняго балагана.

Прокофьевъ немного побаивался грозы и обыкновенно старался въ это врѣмя быть на-людяхъ; онъ забрался въ уголъ балагана, примостился на обрубкѣ между Силантіемъ и Мирошкой и изъ своей засады командовалъ Абдрахманкѣ, который подбрасывалъ въ костеръ дрова. Въ лѣсу въ это время творилось что-то страшное: налетѣвшій ливень сплошными потоками заливалъ балаганъ, костеръ, землю; за шумомъ лѣса и воемъ бури, удары грома были едва слышны; глаза слѣпили частыя вспышки молній.

— Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій!—шепталъ Прокофьевъ и крестился; за нимъ крестились Силантій, Мирошка и Трофимъ; только Игнатъ, со своимъ мрачнымъ, сосредоточеннымъ взоромъ въ глазахъ, былъ спокоенъ.

Всѣ вздрогнули. Страшный ударъ грома, одновременно съ вспыхнувшей молніей, разразился надъ головами. „О-о!“—простоналъ кто-то.—„Алла!“—Дождь на минуту примолкъ, но какъ будто для того только, чтобы потомъ разразиться еще сильнѣйшимъ ливнемъ, послѣ чего уже ничего не было слышно—ни ударовъ грома, ни шума листвы... Балаганы стали промокать...

— Ага, старый песъ, промокъ, съёжился!—воскликнулъ Мирошка, уставившись глазами въ сумракъ. Къ балагану мелкими и торопливыми шажками спѣшилъ Сидоръ Прохорычъ, промокшій до ниточки. Старикъ прямо ввалился въ балаганъ и, снявъ мокрый картузъ, запыхавшись, пробормоталъ: „Господи! Господи!“—Всѣ молчали.

Полчаса спустя, ливень нѣсколько перемежился, и теперь шелъ ровный крупный дождь; молніи вспыхивали рѣже, громъ гудѣлъ глуше и уже въ сторонѣ.

— А вотъ, я хочу тебя спросить, Сидоръ Прохорычъ, дастъ намъ завтра Иванъ Кириллычъ разсчетъ, аль нѣтъ?—спросилъ Мирошка послѣ продолжительнаго молчанія.

— Пойди, у Ивана Кириллыча и спрашивай! — отвѣчалъ тотъ.

— Оно все одно—ты у него голова, знать долженъ...

— У Ивана Кириллыча своя голова...

Digitized by Google

— Это вѣрно,—согласился Мирошка.—А по моему, слѣдуетъ завтра получить съ него деньжонокъ-то...

— Слѣдуетъ, такъ и получишь. Ты думаешь, большая охота съ вами валандаться?

— Прудки-то мы вамъ оборудовали... вѣрно, есть охота,— съ насмѣшкой отвѣчалъ Мирошка.

Изъ лѣса послышался ровный, тягучій шумъ, поминутно усиливавшійся. Сидоръ Прохорычъ насторожилъ слухъ, потомъ быстро сорвался съ мѣста и выскочилъ изъ балагана.

— Прудокъ размыло! Эй! ребята!—закричалъ онъ, потонувъ гдѣ-то въ сумракѣ вечера. За нимъ слѣдомъ побѣжали Прокофьевъ, Валей и нѣсколько рабочихъ. Въ сосѣднихъ балаганахъ также поднялась суматоха, говоръ и брань. Слабыми, ничтожными казались всѣ эти человѣческіе голоса въ сравненіи съ грохотомъ лѣсной бури, все еще не умолкнувшей, хотя и ослабѣвшей, и странными, безпомощными казались люди съ ихъ попыткой побороть разыгравшуюся стихію. Люди, однако, спѣшили, кричали, толкались, хватались за жерди, за лопаты, забывъ, что съ этими мизерными орудіями труда безплодна борьба съ капризомъ мощной природы, которая, казалось, мстила людямъ. Зачѣмъ они ворвались въ дѣвственный лѣсъ съ топорами, пилами и лопатами, зачѣмъ окропили чистую землю своимъ потомъ, зачѣмъ огласили тишину лѣса своимъ говоромъ, смѣхомъ и отвратительной бранью!?..

На прудкѣ въ это время происходило нѣчто ужасное. Потокъ воды смылъ верхній покровъ земли, каменьевъ и хвороста и расшатывалъ теперь толстые косяки, въ которыхъ покоились водоспуски. Кто-то, съ опасностью для жизни, по колѣно въ водѣ, добрался до водоспусковъ, потянулъ за блоки, и толстая, массивная доска поднялась. Вода ринулась въ свободный проходъ, и этимъ были предупреждены болѣе печальныя послѣдствія катастрофы. Только послѣ этой отважной догадки кого-то изъ рабочихъ всѣ поняли, въ чемъ спасеніе земляного сооруженія, на которое затрачено столько силъ и труда. Сидоръ Прохорычъ съ ревомъ и гиканьемъ бросился на нижній прудокъ, призывая за собою людей, чтобы и здѣсь предупредить катастрофу.

А дождь попрежнему лилъ, лѣсъ стоналъ, въ отдаленіи все еще вспыхивали бѣлыя молніи...

Насколько грозна и тревожна была минувшая ночь — настолько тихо и ясно было утро слѣдующаго дня. Вчера прежде-

Digitized by Google

временно потухшее, скрывшееся за тучами солнце—сегодня выплыло на безоблачное небо, яркое и ясное. Лѣсъ, встревоженный за ночь бурею, теперь стоялъ спокойно и, омытый дождемъ, казался еще зеленѣе...

Съ ранняго утра на прудкахъ появились Иванъ Кириллычъ и Сидоръ Прохорычъ. Дядя и племянникъ прошли на плотину верхняго прудка и остановились передъ картиною разрушенія. Плотина хотя и пострадала отъ ливня, но не настолько, чтобы стоило приходить въ уныніе: требовались только лишніе два-три дня, чтобы забить промоину и укрѣпить верхніе слои земли. Тѣмъ не менѣе, Иванъ Кириллычъ развелъ руками, вздохнулъ и печально осмотрѣлся по сторонамъ. Озабоченныхъ лѣсопромышленниковъ окружили не менѣе озабоченные спеціалисты по выдѣлкѣ луба и мочала: пострадавшая плотина печалила ихъ, такъ какъ опавшій уровень воды не затапливалъ теперь гигантскихъ трубокъ коры, снятой съ липы. Скоро на плотинѣ столпились всѣ рабочіе и землекопы. Больше другихъ говорили Иванъ Кириллычъ и Валей; старикъ Сидоръ Прохорычъ только изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія, зато его рѣчь была какой-то безапелляціонной и резюмирующей разсужденія другихъ.

— Ну, дѣлать нечего—сильнѣе Бога не быть!—наконецъ, промолвилъ онъ и махнулъ рукою:—надо приниматься за дѣло,—продолжалъ онъ, и снова, но теперь уже энергично взмахнувъ рукою, громко воскликнулъ:

— Эй, ребята, за тачки! живо!

Толпа заколыхалась. Спеціалисты отступили и насторожились, уступая дорогу тѣмъ, надъ чьимъ трудомъ такъ безжалостно насмѣялась капризная природа. Валей заволновался и принялся что-то приказывать своимъ подчиненнымъ, но голосъ Мирошки прервалъ его рѣчь.

— А мы, Иванъ Кириллычъ, насчетъ деньжонокъ хотѣли бы поговорить,—началъ онъ спокойно.

— Про какія тамъ деньжонки? Ты видишь—работать надо,—огрызнулся Иванъ Кириллычъ и покраснѣлъ.

— Оно такъ-то такъ... это мы видимъ... а только лучше бы ужъ разсчитали насъ, а эта работа по другому счету пойдетъ...

— По какому другому!?—поблѣднѣвъ, воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.

— По другому: потому, мы рядились прудки запрудить, а это ужъ выходитъ другая работа, — настаивалъ Мирошка, и вмѣстѣ съ нимъ заговорили и другіе.

Digitized by Google

— Да что вамъ надо-то? что? — наступалъ лѣсопромышленникъ.

— Разсчетъ, говоримъ, надо,—неожиданно для всѣхъ вставилъ Игнатъ.

Иванъ Кириллычъ покосился на него и сплюнулъ въ сторону.

— А вотъ поправите прудокъ—и деньги получите,—вставилъ все время молчавшій и насупленный Сидоръ Прохорычъ.

— Айда, работай! чява тамъ разсчетъ!—горячился и Валей и что-то забормоталъ по-башкирски, обращаясь къ своимъ единовѣрцамъ.

Разговоръ на эту тему тянулся очень долго. Иванъ Кириллычъ и его дядя все болѣе и болѣе горячились, благодаря упорству и единодушію землекоповъ; послѣдніе также не могли спокойно обсудить жгучаго вопроса: за всѣ событія послѣдняго времени они поняли, что за гусь Иванъ Кириллычъ; они понимали также, что ихъ руки теперь нужны лѣсопромышленникамъ, и потому настоять на принятомъ рѣшеніи удобно. Иванъ Кириллычъ, съ своей стороны, догадывался, насколько невыгодна его роль, а довести дѣло до того, чтобы землекопы отказались поправлять плотину, было совсѣмъ невыгодно, такъ какъ въ условіи со спеціалистами былъ пунктъ о неустойкѣ, которую обязанъ былъ уплатить Иванъ Кириллычъ, если ихъ работа остановится по причинамъ, не зависящимъ отъ нихъ.

Ничѣмъ не покончивъ съ рабочими, Иванъ Кириллычъ удалился въ лѣсъ въ сопровожденіи дяди, Валея и приказчика, и тамъ между ними состоялось совѣщаніе, результаты котораго и были объявлены землекопамъ. Лѣсопромышленники рѣшили выдать половину заработка каждому, пообѣщавъ окончательно разсчитаться послѣ исправленія плотины. Присутствовавшіе весь этотъ день на работѣ племянникъ, дядя и Валей, казалось, мстили буянамъ, не отходя отъ нихъ, понукая къ работѣ и рѣшительно не давая отдыха. Особенно трудно пришлось Нурею, еще не совсѣмъ окрѣпшему послѣ недавней болѣзни; въ полдень слѣдующаго дня старикъ окончательно обезсилѣлъ и снова слегъ, вызвавъ по своему адресу проклятія со стороны разсвирѣпѣвшаго лѣсопромышленника.

Когда, черезъ два дня, плотина была исправлена, и самъ собою возникъ вопросъ о разсчетѣ, Ивана Кириллыча на прудкахъ не оказалось. Рабочіе приступили къ его дядѣ.

— А я что вамъ, — Иванъ Кириллычъ, что-ли? Идите къ нему и говорите,—спокойно и холодно отвѣчалъ старикъ.

Рабочіе немного поволновались и направились въ контору,

Digitized by Google

въ надеждѣ встрѣтить Ивана Кириллыча, но его и тамъ не было. Скоро, однако, выяснилось, что онъ уѣхалъ въ ближайшее село по дѣламъ. Сидоръ же Прохорычъ объявилъ рабочимъ, что прудки нельзя считать законченными, такъ какъ послѣ катастрофы они рѣшили нѣсколько расширить плотину и укрѣпить земляную насыпь сваями. Въ тотъ же день на прудкахъ появился Иванъ Кириллычъ; на вопросъ о разсчетѣ онъ отвѣтилъ тѣмъ же, что̀ рабочіе уже слышали отъ его дяди.

— Вѣрно, все лѣто будемъ тутъ... поправлять-то?—возражали землекопы.

— А вамъ не все равно? Деньги зарабатываете, — возражали въ свою очередь предприниматели.

— Деньги-то больно плохо получаются.

Опять поднялись новые переговоры. Иванъ Кириллычъ старался доказать, что прудки не закончены; рабочіе же съ нимъ не соглашались и настаивали на разсчетѣ. Долго тянулись и эти пререканія, но на этотъ разъ побѣдилъ лѣсопромышленниковъ. Присутствовавшіе при разговорахъ спеціалисты по выдѣлкѣ луба и мочала подвели землекоповъ. Одинъ изъ нихъ, рыжебородый мужикъ, съ бородавкой на щекѣ, заявилъ:

— А вотъ что̀ я вамъ скажу, Иванъ Кириллычъ: не хотятъ они работать — такъ и Богъ съ ними: это дѣло мы и сами справимъ.

— А и то, Романъ Иванычъ, правду говоришь—что̀ съ ними спорить! — ухватился за такой чудесный исходъ обрадованный лѣсопромышленникъ.

Забастовавшая толпа землекоповъ дрогнула отъ такого неожиданнаго исхода, и первое время никто рѣшительно не зналъ, съ чего начать, чтобы одержать побѣду. Сидоръ Прохорычъ выдвинулся впередъ и, сдвинувъ на глаза картузъ, громко проговорилъ:

— Ну! Кто хочетъ работать—отходи вправо; кто не хочетъ—иди куда знаешь!

Землекопы безмолвствовали; эта команда окончательно смутила ихъ. Иванъ Кириллычъ, между тѣмъ, вмѣстѣ съ Валеемъ и рыжимъ Романомъ Иванычемъ, отошли на середину плотины и принялись совѣщаться по поводу новой работы. Больше часа длилось это совѣщаніе, результатомъ котораго было то, что нѣкоторые изъ присныхъ Романа Иваныча отправились въ лѣсъ съ пилами и топорами.

— Что̀ же стоите?—обратился къ землекопамъ Сидоръ Прохорычъ.—Никто еще не надумалъ?

Digitized by Google

Рабочіе молчали.

— Вотъ вамъ часъ на совѣтъ; кто не явится — убирайся!

— А вотъ вы разочтитесь, тогда мы и поговоримъ!—возражалъ кто-то изъ толпы обезкураженныхъ поведеніемъ спеціалистовъ.

— Закончите прудки—и разсчетъ получите, —вставилъ Иванъ Кириллычъ.

— Труденъ разсчетъ-то!..

— А труденъ, такъ убирайся! —Иванъ Кириллычъ злобно посмотрѣлъ на Мирошку.

— Уберемся, когда разсчитаемся,—возразилъ тотъ.

— Получилъ бы ты и разсчетъ, еслибы не бунтовалъ,— урезонивая, говорилъ старикъ.

— А теперь вотъ и подождешь,—вставилъ Иванъ Кириллычъ.

Сидоръ Прохорычъ и племянникъ направились по дорогѣ къ конторѣ. Немного спустя, землекопы догнали ихъ въ лѣсу и остановили. Поднялся гамъ и шумъ. Раскраснѣвшійся Иванъ Кириллычъ размахивалъ руками; его узенькіе, вспыхнувшіе злобой глазки перебѣгали съ одного на другое изъ ненавистныхъ ему лицъ, губы дрожали, на лбу налилась красно-багровая жила.

— Давай разсчетъ!—кричалъ Мирошка.

— Акся давай! собака! — крикнулъ Абдрахманка и, сдвинувъ на затылокъ свой тюбитей, ринулся къ Ивану Кириллычу и ухватился за рукавъ его поддёвки. Лѣсопромышленникъ рванулся въ сторону и взмахнулъ палкой.

— А вотъ этого не хочешь, собачья голова?—твердо проговорилъ Сидоръ Прохорычъ, выдвигая по направленію башкирца дуло револьвера.

— Стрѣляй! Ну, стрѣляй! — кричалъ башкирецъ, сдѣлавъ шагъ къ старику и растопыривъ руки.

Дядя и племянникъ тихонько пошли по дорогѣ. Старикъ то-и-дѣло озирался и шелъ сзади племянника, который тяжело дышалъ и, снявъ фуражку, опахивалъ ею свое красное лицо.

— Стрѣляй... собака!.. стрѣляй!..—бормоталъ слѣдовавшій за ними Абдрахманка. Въ эту минуту онъ былъ ужасенъ. Лѣсопромышленники скрылись за поворотомъ дороги, а онъ все стоялъ съ поднятыми кверху руками и что-то бормоталъ сдавленнымъ голосомъ.

— Шайтанъ, не лѣзь подъ пулю-то!.. Мы имъ дадимъ себя знать!—проговорилъ подошедшій къ нему Мирошка, но башкирецъ отдернулъ руку, за которую уцѣпился-было его товарищъ, и снова принялся бранить скрывшихся въ лѣсу купцовъ.

Digitized by Google

VII.

— Силантій! пойдемъ, что-ли? — приставалъ Мирошка къ парню, который порѣшилъ не слѣдовать за своимъ прежнимъ товарищемъ.

— Нѣтъ, ступай ужъ, а я тутъ останусь, — отвѣчалъ Силантій.

— Смотри—жалѣть будешь!

— Что Богъ дастъ, а ужъ не пойду: будетъ, помаялся.

— Ну, чортъ съ тобой,—оставайся! Работай тутъ, набивай мозоли-то, а разсчетъ придетъ—волкомъ взвоешь.

Мирошка презрительно осмотрѣлъ Силантія, лежавшаго въ балаганѣ, и отвернулся въ сторону. Тутъ же, въ другомъ углу балагана, Трофимъ укладывалъ въ мѣшокъ свои немудреные пожитки: рубахи, сапоги, непочатую четверку махорки. Слегка вздохнувъ, онъ тихо промолвилъ:

— А мы, вѣрно, пойдемъ...

Всѣ помолчали.

— Гайда. Силантія! Землякъ бить она тебѣ, Мирошка-то!— громко воскликнулъ Абдрахманка.

— Ладно, ступай, а я останусь...

Силантій повернулся на спину, отбросилъ въ сторону какую-то вѣточку, которую мялъ въ своихъ пальцахъ, и неподвижными глазами уставился на прудокъ. Несмотря на категорическій отказъ послѣдовать за Мирошкой, онъ все-же продолжалъ колебаться: его и тянуло изъ лѣса, и вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминались невзгоды и непріятности, которыя пришлось пережить въ скитаніяхъ съ этимъ „желтоглазымъ“.

— Ну, а ты чего носъ-то повѣсилъ? обратился Мирошка къ Трофиму и тронулъ его за плечо.—А? Трофимъ?

Трофимъ молчалъ.

— Гайда, Трофимъ!.. весела будетъ. Уфимка гуляемъ,— улыбаясь, говорилъ Абдрахманка...

Наступала ночь. Горѣли костры. Говоръ въ балаганахъ стихалъ: промысловые ложились спать. Надъ лѣсомъ, направо, показалась молодая луна. Старательно обернувъ онучами ноги для предстоящаго труднаго путешествія, подвязавъ за спины котомки и заткнувъ за поясъ топоры, Абдрахманка, Мирошка и Трофимъ оставили балаганы промысловыхъ. Проходя мимо спеціалистовъ, которые спали теперь крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, Мирошка со злобой въ глазахъ осмотрѣлъ фигуры спящихъ,

Digitized by Google

залитыя краснымъ свѣтомъ костровъ, и что-то шепнулъ Абдрахманкѣ; тотъ мелькомъ оглянулъ балаганы и ярко мерцающіе костры, — и по лицу его расплылась улыбка, обнаживъ бѣлые, хищные зубы. Все время, пока путники шли по дорогѣ къ нижнему прудку, Абдрахманка и Мирошка о чемъ-то совѣщались въ полголоса, а сзади нихъ тихо брелъ Трофимъ съ головой, склоненной на грудь. Поровнявшись съ плотиной нижняго прудка, Мирошка пріостановился и насторожилъ слухъ. Листва чуть слышно шелестѣла, негромко шумѣла вода..

Мирошка и Абдрахманка, вооружившись громадными жердями, спѣшно вошли на середину плотины. Мирошка принялся выбивать землю у толстой сваи, на которой покоился одинъ конецъ водоспуска, а Абдрахманка разворачивалъ камни и хворостъ, составлявшіе верхній слой плотины.

— Трофимъ! ты что? чортъ!

— Гайда, гайда! Эй!—одновременно закричали на товарища Мирошка и Абдрахманка, и Трофимъ, какъ загипнотизированный, принялся дѣлать то же, что и его спутники. Работа была нелегкая, но въ людяхъ, рѣшившихся на нее, проснулась какая-то невѣроятная энергія. Слышался тресъ хвороста, шорохъ земли, падавшей по откосу, и всплески воды, когда съ высоты двухъ саженъ въ воду падали громадные камни. Скоро часть плотины около водоспуска была разобрана, и вода начала протачивать промоины около свай. Абдрахманка, Мирошка и Трофимъ—всѣ разомъ—раскачивали теперь сваи, и вода, вѣчно жаждущая свободы, помогала имъ. Когда были выбраны доски, вода со страшнымъ шумомъ ринулась съ уступа, увлекая за собою землю, хворостъ, камни и тѣ доски, которыя раньше преграждали ей путь.

— Ну, айда! въ лѣсъ! скорѣе!—командовалъ Мирошка, и скоро въ лѣсу, слабо озаренномъ луною, пропали три спѣшно удалявшіяся фигуры..

Всю ночь пробродили путники по лѣсу и только передъ утромъ дошли до Уфимки. Утро было ясное и теплое. Сѣрые клубы тумана носились надъ рѣкою, лѣсъ пробуждался. Только-что поднявшееся солнышко озаряло косыми лучами дикій, безлюдный ландшафтъ лѣсной Башкиріи. Путники остановились на откосѣ, осматривая широкое и гладкое ложе рѣки съ гористыми берегами, поросшими густой чащей лѣса. На другой сторонѣ рѣки, около балки, виднѣлся причаленный къ берегу плотъ; какіе-то люди сидѣли у огня на песчаной отмели; синеватый

Digitized by Google

дымокъ поднимался отъ костра и, излучившись въ воздухѣ, спускался къ водѣ, разстилаясь густой сплошной пеленою.

— Э-эй! ребята! лодку подайте!—крикнулъ Мирошка.

Голосъ его оборвался; онъ пристально посмотрѣлъ за рѣку и, узнавъ въ людяхъ башкиръ, обратился къ Абдрахманкѣ:

— Абдрахманъ, кричи имъ по-своему, что, молъ, лодку дайте, на ту сторону перебраться.

Взвизгнувъ, Абдрахманъ приложилъ обѣ ладони рукъ ко рту, устроивъ изъ нихъ трубку, и медленно передалъ собственное и своихъ товарищей желаніе. Рѣчное эхо повторило послѣдніе звуки его рѣчи, но никто изъ плотовщиковъ не двинулся съ мѣста, не прерывая завтрака, которымъ всѣ были заняты.

— Кричи, Абдрахманъ, молъ, въ деревню Заикину идемъ съ лѣсныхъ промысловъ,—училъ товарища Мирошка:—молъ, съ промысловъ Ивана Кириллыча, богатаго купца, идемъ... Кончили, молъ, всю работу-то... Ха-ха-ха!—онъ дико захохоталъ и глянулъ въ лѣсъ, на тропинку, по которой они вышли къ рѣкѣ. Эхо повторило его саркастическій хохотъ и смолкло.

Абдрахманка снова принялся кричать, на этотъ разъ еще сильнѣе повысивъ голосъ и растягивая послѣднія слова. Наконецъ, люди съ того берега вняли словамъ башкирца, и полчаса спустя путники были уже на другой сторонѣ рѣки. Закусивъ вмѣстѣ съ плотовщиками, Абдрахманка принялся переводить своимъ единовѣрцамъ то, что диктовалъ ему Мирошка. Послѣдній просилъ плотовщиковъ взять ихъ всѣхъ съ собою на плотѣ, съ тѣмъ, чтобы доплыть до Бичуринской пристани, до которой отъ мѣста стоянки было верстъ сорокъ. Въ благодарность за это Мирошка предлагалъ имъ помощь всѣхъ троихъ въ управленіи плотомъ. Плотовщики недолго колебались, такъ какъ по опыту знали, какъ трудно справиться съ громаднымъ „грузовымъ“ плотомъ на волнахъ быстрой и извилистой Уфимки...

Ясный майскій полдень. Чистое, прозрачное небо красовалось въ вышинѣ, и только одинокія бѣлыя тучки, озаренныя лучами солнца, скользили по его своду. Рѣка въ рамкѣ горныхъ лѣсныхъ береговъ быстро катила свои волны и, какъ щепку, несла громадный плотъ внизъ по теченію.

Абдрахманка и Мирошка стояли возлѣ одной бабайки на носу плота и управляли его движеніемъ, тогда какъ другіе плотовщики вмѣстѣ съ Трофимомъ гнули спины около двухъ другихъ бабаекъ на противоположномъ концѣ плота. Рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлала частыя излучины и, съуженная скалистыми берегами, считалась небезопасною.

Digitized by Google

Но, вотъ, уступы горъ оборвались, отодвигаясь въ глубину берега, а къ рѣкѣ подползла широкая и глубокая долина, убѣгавшая въ даль. Мирошка взглянулъ на эту долину и узналъ ее. Широкая, окаймленная горами, застланная сплошнымъ ковромъ лѣса, она манила взоръ своимъ просторомъ. А далеко, въ концѣ ея, какъ гигантская шапка, высилась гора. Мирошка узналъ „Ману-Гору", улыбнулся и тихо промолвилъ:

— Прудокъ-то у Ивана Кириллыча теперь, вѣрно, весь сбѣжалъ...

Абдрахманка усмѣхнулся, но промолчалъ. Съ улыбкой на лицѣ Мирошка еще разъ глянулъ на мохнатую „Ману-Гору", а потомъ уставился глазами вдоль рѣки.

Быстрая, озаренная солнцемъ, катилась она въ своихъ высокихъ берегахъ, окутанная нѣжной дымкой, далеко-далеко сливавшейся съ синевой необъятнаго горизонта. Плещутся ея свѣтлыя волны... и все, что повиснетъ надъ зеркальною гладью, то отразится; что упадетъ на нее, то она обниметъ, будто лаская, и понесетъ, будто суля въ далекомъ синемъ морѣ и просторъ, и свободу, и счастье...

Вас. Брусянинъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

БАЛЛАДА.

Изъ Казиміра Глинскаго.

Въ таинственномъ зàмкѣ, за грозной стѣною
Графиня жила молодая,
А графъ по дубровамъ все рыскалъ стрѣлою,
Оленей копьемъ поражая.

Когда гарцевалъ онъ въ доспѣхахъ старинныхъ
У зàмка, жена говорила:
„Мнѣ жутко, мнѣ страшно въ чертогахъ пустынныхъ,
Томитъ эта тишь, какъ могила.

Когда тебя нѣтъ—я очей не смыкаю...
Здѣсь кто-то невѣдомый бродитъ,
Вздыхаетъ и шепчетъ, а что?—я не знаю,
Но страхъ онъ на сердце наводитъ“!

— „Ну, это пустое... Я дѣло отмѣнно,
Повѣрь мнѣ, тотчàсъ же улажу:
Мосты подниму я, на башняхъ безсмѣнно
Поставлю надежную стражу“.

— „Къ чему эта стража? Заснуть на мгновенье
Вѣдь стража отъ устали можетъ.
А духамъ мосты нипочемъ: привидѣнье
По воздуху путь свой проложитъ.

Digitized by Google

Сними турій рогъ—отдохни безмятежно...
Пойдемъ къ ручейку—помечтаемъ...
Тебя обниму я... спою тебѣ нѣжно...
И жизнь намъ покажется раемъ"!

Напрасныя просьбы!.. Для стараго мужа
Пріятнѣй за турами гонка...
Рогъ грянулъ призывно, и псы, обнаружа
Восторгъ, заливаются звонко.

Далеко, гдѣ къ лѣсу змѣится дорога,
Гдѣ пашенъ теряются мéжи,
Звучитъ, не смолкая, звукъ графскаго рога
Все дальше, все тише, все рѣже.

Не скоро у зàмка рогъ грянетъ отнынѣ!
Въ пустынныхъ чертогахъ—ни звука...
Подъ сводами зàмка такъ жутко графинѣ,
Въ душѣ—и тревога, и мука.

Волнующій шорохъ... пугливыя грёзы...
Томится графиня, вздыхая...
Жасмины трепещутъ, ласкаются розы...
Въ огнѣ ея грудь молодая...

И какъ-то однажды, когда была скрыта
Уснувшая стража за мглою,
По звонкимъ камнямъ простучали копыта,
Мечъ звякнулъ полночной порою.

Невѣдомый рыцарь промчался, и что-то
Въ рукахъ онъ держалъ, какъ святыню...
Графъ въ зàмокъ вернулся, но эта охота
У графа отняла графиню.

Digitized by Google

II.

НАБРОСКИ.

1.

Сожженныя нивы... пустыя поля...
У изжелта-блѣдной лазури
Напрасно несчастная молитъ земля
Насыщенной влагою бури.
И люди ложатся, и люди встаютъ
Съ одной безъисходной мольбою,
Чтобъ жгучее солнце нежданный пріютъ
За тучей нашло дождевою.
Но въ небѣ ни тучки—и нивы чернѣй,
Ихъ трещины сѣтью покрыли...
Проѣдетъ телѣга—и вьется за ней
Тяжелое облако пыли.
Подъ вечеръ съ полей возвращается скотъ...
Унылымъ, пронзительнымъ ревомъ
Онъ требуетъ корма у бѣдныхъ воротъ,
Но—та же нужда и подъ кровомъ.
На время смыкаетъ спасительный сонъ
Отъ слезъ покраснѣвшія вѣжды,
И вѣетъ на сердце обманчиво онъ
Святой благодатью надежды.
„О, только бъ дождя,—и очнется земля“...
Но зори все такъ же тоскливы:
Посмотришь направо—пустыя поля...
Налѣво—сожженныя нивы...

2.

Театръ залитъ волной искусственнаго свѣта...
При свѣтѣ томъ нѣжнѣй открытый мраморъ плечъ,
Плѣнительнѣй игра колецъ, серёгъ, браслета,
Моложе цвѣтъ лица и возбужденнѣй рѣчь.

Digitized by Google

Изъ ложъ глядятъ въ партеръ красивыя головки,
На розовыхъ устахъ—заученный привѣтъ...
Какъ много нужно имъ умѣнья и сноровки,
Чтобъ жениховъ найти, когда нигдѣ ихъ нѣтъ!

Театръ еще гудитъ... Всѣмъ наслажденья надо—
Затѣйливой игры мятущихся страстей,
Для сердца нѣжныхъ чувствъ, красивыхъ позъ для взгляда,
Для слуха—громкихъ фразъ, приподнятыхъ рѣчей.

Вотъ занавѣсъ взвился—и общее вниманье
Удѣлено теперь завязкѣ роковой:
Онъ полюбилъ ее, но лживое созданье
Отвѣтитъ на любовь ему измѣной злой.

Такъ вѣтрена она; его святой тревоги,
Порыва нѣжныхъ чувствъ ей не понять во вѣкъ...
Измѣна... Онъ узналъ... Въ красивомъ монологѣ
Обманутый герой—несчастный человѣкъ—

Спѣшитъ излить тоску... О, какъ эффектны позы!
Какъ въ роль свою вошелъ талантливый актеръ!
У женщинъ на глазахъ сочувственныя слезы...
Растрогана толпа... И вдругъ... Позоръ, позоръ!

Какъ молнія во тьмѣ, въ моемъ воображеньѣ
Картина вспыхнула болѣзненно-ярка:
Тамъ, гдѣ-то далеко, голодное селенье
Забылось тяжкимъ сномъ... Въ селѣ—ни огонька.

Простерла ночь покровъ надъ горькой нищетою,
Надъ рванью ветхихъ крышъ затихшаго села,
Пустующимъ гумномъ, стодолою пустою—
Лишь людямъ эта ночь забвенья не дала!

Во мракѣ душныхъ хатъ—стенающіе люди,
Голодная тоска давно мѣшаетъ спать...
Воспалены глаза... огнемъ пылаютъ груди...
И рвется тихій стонъ: „Гдѣ хлѣба намъ достать“?!

Здѣсь слышенъ дѣтскій плачъ; надтреснутымъ рыданьемъ
Несчастныхъ матерей звучитъ одинъ отвѣтъ:

Digitized by Google

„Терпите! Богъ великъ"!.. И я съ негодованьемъ
Глядѣлъ, какъ надъ игрой расчувствовался свѣтъ—

Довольный, сытый свѣтъ... Пріятная забава—
Надъ нервною игрой поплакать пять минутъ,
Актеру прокричать восторженное „браво!"..
Здѣсь трогаетъ актеръ, а тамъ вѣдь люди мрутъ!

Вамъ драма по душѣ, тамъ—въ каждой хатѣ драма,
Тамъ сотни страшныхъ драмъ собой покрыла ночь...
Пусть постучится въ дверь голодный къ вамъ упрямо,
Вы грошъ дадите—грошъ...
Я всталъ и вышелъ прочь.

3.

Съ молчаливою мольбою
Устремляя скорбный взглядъ,
Неотступные, за мною
Глазки дѣтскіе слѣдятъ.
Я ихъ видѣлъ въ бѣдной хатѣ,
Видѣлъ лютою зимой—
Съ той поры глаза дитяти
Всюду слѣдуютъ за мной.
Въ этомъ взорѣ, робкомъ взорѣ,
Содрогнувшись, я прочелъ
Прямо старческое горе,
Жизни злобный произволъ.
Все молили: „Хлѣба! хлѣба!"
Неподвижные глаза,
И, по странной волѣ неба,
Застилала ихъ слеза.
Стало жалко, стало больно...
Въ справедливости небесъ
Усомнился я невольно
И вопросъ въ душѣ воскресъ:
„Если нужно испытанье
Согрѣшившимъ людямъ дать,
Такъ зачѣмъ,—зачѣмъ въ страданье
Эти глазки погружать?

Digitized by Google

Благость Бога безконечна,
Но... жестоки небеса:
Будутъ плакать,—плакать вѣчно—
Эти дѣтскіе глаза"!
Пересталъ я вѣрить чуду,
Вѣрить небу той порой—
И слѣдятъ теперь повсюду
Глазки скорбные за мной.

Мих. Гербановскій.

Digitized by Google

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

1865—68 гг.

По личнымъ воспоминаніямъ

Примѣненіе „Крестьянскихъ Положеній“ въ юго-западномъ краѣ, подъ вліяніемъ представителей мѣстнаго землевладѣнія, поддерживаемыхъ и администраціею, шло односторонне, невыгодно для крестьянъ, до средины 1863 года, т.-е. до эпохи польскаго мятежа [1]). Признанное закономъ за крестьянами право на всю „инвентарную землю“, т.-е. на все ихъ фактическое владѣніе 1847 года, постоянно пренебрегалось, а устанавливаемыя повинности превышали ихъ силы и дѣйствительную доходность надѣльныхъ земель, чему способствовали также неясность и неудовлетворительность нѣкоторыхъ частей самихъ „Положеній“. Уставныя грамоты большею частью составлялись на уменьшенный противъ инвентарнаго размѣръ надѣла, а начавшіе совершаться вслѣдъ за грамотами выкупные договоры вели къ еще дальнѣйшему сокращенію этого размѣра, т.-е., вообще, дѣло направлялось къ усиленію малоземелья и къ парализующему самое значеніе надѣла платежному обремененію. Мятежъ 1863 года, напомнивъ о политическомъ значеніи крестьянскаго элемента въ

---

[1]) См. о томъ подробнѣе мои статьи: „Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ“, августъ и сентябрь 1900 года, и „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“—іюль 1901 года.

Digitized by Google

краѣ, пробудилъ правительственное участіе къ его правамъ и интересамъ. Прежде всего, это выразилось въ объявленіи обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ съ повсемѣстнымъ пересмотромъ правильности уставныхъ грамотъ, за исключеніемъ, однако, нѣсколькихъ сотъ имѣній, по которымъ утверждены были упомянутые выкупные договоры. Но въ совокупности новыхъ и старыхъ законовъ оставалось еще столько неполноты, неясности и даже взаимныхъ противорѣчій, что дѣйствительныя нужды крестьянскаго дѣла не охватывались и самое примѣненіе закона затруднялось недоразумѣніями. Оттого выгодность или тягостность крестьянскаго устройства оставались еще большимъ вопросомъ. Главнымъ образомъ, необходимо было достаточно ясно и широко поставить возстановленіе инвентарнаго надѣла и облегчить крестьянскіе платежи.

Пополненіе пробѣловъ законодательства въ этомъ смыслѣ вызвано было иниціативою учрежденной при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ временной коммиссіи по направленію крестьянскаго дѣла, въ которой главными дѣятелями были Г. П. Галаганъ, А. Ѳ. Воронинъ и Ѳ. П. Сабанѣевъ, и которая опиралась на содѣйствіе значительной части обновленнаго состава мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Въ коммиссію и въ означенныя учрежденія успѣла проникнуть общественная струя, выражавшая частицу извѣстнаго общественнаго движенія начала шестидесятыхъ годовъ; но усиліямъ ихъ препятствовали косность и несочувствіе главной кіевской и мѣстной губернской администраціи. Отсюда возникла борьба, при которой развитіе крестьянскаго дѣла хотя подвигалось, но съ большимъ трудомъ. Новые законы появлялись, но практическое пользованіе ими тормазилось администраціею и сокращалось.

Процессъ означенной борьбы, въ которой на одной сторонѣ была живая иниціатива безъ власти, а на другой—власть безъ жизни и даже рѣшительности, занялъ весь 1864-й и начало 1865 года. Дѣлу надо было стать на опредѣленный путь, но при безличномъ генералъ-губернаторѣ Анненковѣ это не могло быть достигнуто, такъ какъ онъ не могъ ни самъ двинуться впередъ, ни сдержать своихъ противниковъ. Повѣрка уставныхъ грамотъ, т.-е. фактическое устройство крестьянъ, затормазилась. Такое натянутое положеніе могло разрѣшиться такъ или иначе лишь при новомъ генералъ-губернаторѣ, способномъ выбрать тотъ или другой путь, т.-е. или оживить крестьянское дѣло, или подавить отзывчивость къ крестьянскимъ интересамъ. Въ началѣ 1865 года, Анненковъ и былъ замѣненъ старымъ, но энергич-

Digitized by Google

нымъ и умнымъ генераломъ Безакомъ. Послѣдній воспринялъ участливое отношеніе къ крестьянству и сталъ дѣятельно проводить соотвѣтствующее тому направленіе,—только это обнаружилось не сразу, и первые мѣсяцы его управленія прошли среди недоумѣній. Временная коммиссія, которой дѣло такъ много было обязано, подверглась упраздненію вслѣдъ за назначеніемъ Безака, но духъ ея въ значительной мѣрѣ перешелъ въ генералъ-губернаторское управленіе, причемъ остались на службѣ при генералъ-губернаторѣ и два дѣятельныхъ члена коммиссіи—Воронинъ и Сабанѣевъ.

Въ это время, бо́льшая часть необходимыхъ для успѣха дѣла законовъ была уже утверждена или подготовлена, а составъ и исполнительныя средства мировыхъ съѣздовъ увеличены, сообразно размѣру предстоявшей имъ работы. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Безака былъ созывъ въ каждой губерніи края большихъ съѣздовъ представителей крестьянскихъ учрежденій для возможнаго систематизированія пониженія выкупныхъ платежей съ цѣлью соразмѣрить эти платежи съ условіями крестьянской состоятельности. Съѣзды эти выработали свои заключенія; результаты трудовъ ихъ представлены генералъ-губернатору, и затѣмъ, по указанію послѣдняго, губернскія присутствія дали мировымъ съѣздамъ въ руководство опредѣленныя нормы пониженій. Такъ открылась уже возможность взяться энергически за пересмотръ основаній крестьянскаго устройства по всѣмъ селеніямъ, одному за другимъ.

Съ этого момента начался тотъ ходъ дѣла, о которомъ говорится въ настоящей статьѣ.

I.

Процессъ повѣрочныхъ работъ.

Новый фазисъ крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ наступилъ въ концѣ апрѣля 1865 года. Разсужденія, споры и съѣзды по общимъ вопросамъ крестьянскаго устройства закончились, и мировыя учрежденія перешли къ дѣловой исполнительной работѣ: началась безостановочная, истинно страдная повѣрка уставныхъ грамотъ на мѣстахъ.

Положеніе уже рѣзко измѣнилось противъ бывшаго всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Законодательство значительно расчистило путь для повѣрочныхъ дѣйствій, а борьба за направленіе, при болѣе благопріятномъ отношеніи къ дѣлу новаго генералъ-

Digitized by Google

губернатора Безака, прекратилась. Мировымъ съѣздамъ предстояло уже не отстаивать крестьянскіе интересы противъ сократительныхъ стремленій администраціи, а напротивъ—испытывать понужденія къ энергическому дѣйствованію въ томъ самомъ направленіи, какое вырабатывалось учрежденіями же по крестьянскимъ дѣламъ въ предшествовавшее время. Тутъ оставалось только работать. А работы предстояло огромная масса. Въ большинствѣ селеній повѣрочное дѣло не было даже начато, да кромѣ того нужно было додѣлывать или передѣлывать многое изъ произведеннаго раньше, во время колебаній и борьбы.

Наступившій періодъ былъ самый обильный по практическимъ результатамъ, такъ какъ тутъ почти каждый день приносилъ какой-нибудь шагъ по фактическому устройству селеній; однако—хотя этотъ періодъ длился около трехъ лѣтъ—разсказывать о немъ приходится не больше, чѣмъ объ одномъ предшествовавшемъ годѣ. Дѣло въ томъ, что, говоря объ этомъ годѣ, надо было изображать сложный и характерный процессъ борьбы за самыя основы крестьянскаго устройства, хотя эта борьба шла только въ средѣ учрежденій, почти вовсе не ощущаясь самими крестьянами. А въ новомъ періодѣ, хотя чувствительнѣйшимъ образомъ на дѣлѣ измѣнялось положеніе сельскихъ интересовъ, но огромная масса дѣлъ шла уже настолько однообразно, что вдаваться въ подробности значило бы часто повторять одинаковыя черты.

Лично у меня опытъ въ этомъ дѣлѣ былъ большой, такъ какъ мнѣ пришлось работать надъ повѣркою уставныхъ грамотъ въ двухъ уѣздахъ: сперва въ одномъ, будучи мировымъ посредникомъ, а потомъ въ другомъ—въ качествѣ предсѣдателя мирового съѣзда, причемъ на эту работу ушло два года сплошь, безъ перерыва. Въ это время нельзя было терять ни одного дня, потому что независимо отъ общаго правительственнаго требованія ускорить ходъ дѣла, а также генералъ-губернаторскихъ настояній, надо было и по собственнымъ соображеніямъ крайне дорожить временемъ, чтобы успѣть закончить все возможное при дѣйствіи благопріятныхъ условій, не оставляя значительныхъ недодѣлокъ тому будущему, которое могло принести какія-нибудь новыя вѣянія. Соображенія эти вполнѣ оправдались послѣдующимъ опытомъ. Поэтому процессъ повѣрки уставныхъ грамотъ прерывался лишь на самые короткіе промежутки времени, когда необходимо было отвлекаться къ текущимъ административнымъ дѣламъ и неизбѣжной перепискѣ. И въ деревняхъ, и въ канцеляріяхъ работа кипѣла съ утра до поздней ночи.

Digitized by Google

Затрудненій предстояло еще довольно, но уже почти исключительно техническихъ. Такъ какъ большинство изъ насъ были людьми пріѣзжими,—причемъ иные, будучи готовы теоретически, приглядывались къ мѣстнымъ сельскимъ условіямъ только въ теченіе предъидущихъ осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ,—то намъ неизбѣжно было встрѣчать на практикѣ не мало новаго. Приходилось одновременно учиться и дѣйствовать. Главную задачу повѣрки уставныхъ грамотъ составляло разысканіе полнаго состава бывшаго инвентарнаго земельнаго владѣнія, но надо было приспособиться къ средствамъ этого разысканія. Только порядочно напрактиковавшись, можно было достаточно освоиться съ этимъ дѣломъ. Далѣе, почти съ самаго начала почувствовался недостатокъ въ землемѣрныхъ силахъ, которыя часто оказывались еще очень неудовлетворительными.

Такъ какъ сущность успѣха всего болѣе зависѣла отъ практическихъ пріемовъ работы, то, въ виду ихъ значенія, надо прежде всего изобразить самый процессъ повѣрки уставныхъ грамотъ.

Прибывъ въ селеніе, мировой съѣздъ помѣщается въ какой-нибудь относительно просторной крестьянской хатѣ. Заѣзжать къ помѣщикамъ по ихъ приглашеніямъ мы по возможности избѣгали, потому что это производило неблагопріятное впечатлѣніе на крестьянъ, да и неизбѣжна была неловкость положенія при пользованіи гостепріимствомъ тѣхъ, чьи интересы приходилось чувствительно затрогивать, разрѣшая ихъ счеты съ крестьянами. Разбирательство происходило большею частью на свѣжемъ воздухѣ, въ садикѣ, сараѣ или подъ навѣсомъ, словомъ—гдѣ можно укрыться отъ лѣтнихъ солнечныхъ лучей. Выносятся туда столъ, скамейки или захудалые стулья. Вокругъ стола усаживаются члены мирового съѣзда; тутъ же садится помѣщикъ или уполномоченный имъ управляющій, или помѣщичій адвокатъ давняго типа, по мѣстному—„пленипотентъ“. Передъ столомъ образуется густая толпа крестьянъ, впереди которой—староста и старшина. Въ толпѣ неизбѣжно виднѣются и бабы, особенно заинтересованныя какою-нибудь мелкою земельною претензіею или имѣющія другого рода жалобы.

Послѣ объясненія относящихся къ дѣлу законовъ, начинается медленное чтеніе уставной грамоты. Идетъ поименная перекличка всѣхъ домохозяевъ, съ обозначеніемъ—кто изъ нихъ тяглый, кто пѣшій или огородникъ [1]). Крестьяне заявляютъ поправки и тутъ

[1]) Тяглые владѣли двойнымъ пѣшимъ полевымъ надѣломъ, а огородники—одною усадьбою безъ поля.

Digitized by Google

же обыкновенно выступаютъ жалобы на былое отнятіе усадебъ или частей ихъ. Противъ каждой жалобы помѣщикъ или его представитель даетъ свои объясненія, а для дополненія дѣлаются справки въ инвентарѣ [1])—въ старомъ планѣ и т. под. При спорахъ и разнорѣчіяхъ опрашиваются еще сторонніе крестьяне, давніе служащіе помѣщичьихъ экономій, мѣстная шляхта, иногда священники и т. д. Потомъ дѣло доходитъ до полевого надѣла. Въ иномъ селеніи крестьяне жалуются на отнятіе только отдѣльныхъ участковъ, а въ другомъ—на общее уменьшеніе количества ихъ земли съ сокращеніемъ всѣхъ участковъ или на полную перекройку всего состава ихъ землевладѣнія, причемъ требуютъ возврата прежней земли „по старымъ межамъ". При спорахъ поднимается великій шумъ, а особенною крикливостью и докучливостью отличаются бабы, твердящія по нѣскольку разъ одно и то же о какомъ-нибудь кускѣ огорода. Удалитъ бабу староста, но, немного погодя, она выступаетъ уже съ другой стороны толпы и снова долбитъ прежнюю исторію. Если въ селеніи сотни дворовъ, то на одни словесныя объясненія и пререканія уходитъ нѣсколько часовъ. Когда же все достаточно высказано—подаются повозки и мировой съѣздъ съ крестьянами и представителемъ помѣщичьей стороны отправляется на поля и въ лѣсъ—осматривать качество земли, приметы спорныхъ границъ и все то, что̀ нуждается въ мѣстномъ осмотрѣ. Послѣ всѣхъ объясненій и осмотровъ публично прочитывается на-черно составленный протоколъ, гдѣ перечисляются всѣ заявленныя претензіи и добытыя относительно ихъ свѣдѣнія съ заключеніемъ: что̀ крестьянамъ возвратить, какія земли обмѣнять обратно, въ чемъ крестьянамъ отказать и какія имѣются основанія къ пониженію платежей. Если селеніе велико и передѣлокъ въ крестьянскомъ надѣлѣ требуется много—на повѣрку уходитъ два или три. Затѣмъ, посылается на мѣсто землемѣръ для инструментальной съёмки земли, долженствующей уже дать точныя цифры состава и размѣра надѣла, на основаніи которыхъ исчисляются платежи и слѣдующая помѣщику, по капитализаціи ихъ, выкупная сумма.

Едва закончилась одна повѣрка — мировой съѣздъ переѣзжаетъ въ слѣдующее селеніе, гдѣ начинается то же самое и т. д. Сколько помню, въ одномъ только уѣздѣ нашей (подольской) губерніи, отличавшемся особенною крупностью землевладѣнія, под-

[1]) „Инвентарями" назывались составленныя около 1847 года описанія имѣній, съ подробнымъ объясненіемъ состава, размѣра и распредѣленія крестьянской земли и съ поименными списками крестьянъ.

Digitized by Google

лежавшихъ повѣркѣ уставныхъ грамотъ было меньше ста; въ другихъ же—полтораста, двѣсти и больше. Одно это показываетъ, сколько было работы.

Такова была внѣшняя сторона дѣла. Теперь надо перейти къ его сущности. Задача повѣрки, какъ объяснялось уже прежде, распадалась главнымъ образомъ на двѣ части: возстановленіе инвентарнаго надѣла и уменьшеніе выкупныхъ платежей. Наибольшую сложность и затрудненія представляло, разумѣется, первое. Землею и крестьяне больше интересовались, перемѣны въ ней и помѣщикамъ были чувствительнѣе. Сложность земельнаго вопроса являлась послѣдствіемъ основного различія между началами крестьянскаго устройства въ юго-западномъ краѣ и въ другихъ губерніяхъ Россіи. Тогда какъ въ этихъ послѣднихъ приходилось считаться съ наличною численностью населенія, съ наличнымъ надѣломъ и нормами „Положеній“, — вообще съ фактами *современными*,—въ юго-западномъ краѣ все пріурочивалось къ возстановленію порядка, *бывшаго* при введеніи инвентарей, т.-е. къ 1847 году. Великъ или малъ былъ тогда надѣлъ, хорошъ или дуренъ—онъ долженъ быть тотъ, какой былъ въ 1847 году. Всѣ споры и рѣшенія вращались около одного вопроса: была ли во владѣніи крестьянъ та или другая земля въ инвентарный моментъ? Если она отнята въ 1846 году или раньше—крестьяне получаютъ отказъ, а если въ 1848 или позже — она имъ возвращается. Оттого при спорахъ одна сторона обыкновенно усиливалась доказать, что земельное отнятіе совершилось хоть годомъ раньше инвентарнаго момента, а другая—что хоть годомъ позже. При такихъ условіяхъ, повѣрка усвоивала характеръ „слѣдствія“ о томъ, что *было* въ 1847 году, а устанавливать это приходилось по документамъ, показаніямъ и всякимъ возможнымъ къ полученію свѣдѣніямъ почти двадцать лѣтъ спустя.

„Положеніе“ давало для розыска инвентарной земли только поверхностныя, примѣрныя указанія: не полагаться на одни показанія инвентарей, но удостовѣряться разсмотрѣніемъ плановъ имѣнія, „если таковые имѣются“, и „въ особенности посредствомъ опроса сосѣднихъ сторонникъ крестьянъ и др. лицъ“—не уменьшилось ли съ инвентарнаго времени число надѣленныхъ дворовъ, не сокращенъ ли размѣръ ихъ участковъ и не переведены ли тѣ или другіе крестьяне изъ высшихъ разрядовъ въ низшіе? Но пользованіе подобными пособіями соединялось со многими затрудненіями. Всего бы пригоднѣе были планы инвентарнаго времени, но у однихъ помѣщиковъ они были, у другихъ оказывались лишь позднѣйшіе или ужъ слишкомъ давніе,

Digitized by Google

а у третьихъ не было никакихъ. Иные помѣщики рѣшительно отказывались давать не только планы, но даже инвентари. Кромѣ того, большой вопросъ представляла самая достовѣрность плановъ. Разъ, при крупномъ разнорѣчіи, помѣщикъ предъявилъ вполнѣ подходящій по наружности планъ, но когда пришлось взглянуть на него противъ свѣта, то въ его бумагѣ обнаружились такіе водные знаки, которые свидѣтельствовали, что самая эта бумага сдѣлана гораздо позже того года, какимъ планъ былъ помѣченъ, т.-е. подъ видомъ инвентарнаго владѣнія выставлялось позднѣйшее, измѣненное. Иные планы оказывались такими вытертыми, измятыми или склеенными изъ кусковъ, что одинъ наружный видъ ихъ внушалъ подозрѣнія относительно ихъ передѣлокъ послѣ составленія. Встрѣчались и исправные по внѣшности планы, но до того расходящіеся со всѣми прочими данными и даже съ показаніями предъявившихъ ихъ помѣщиковъ, что если и можно было допускать составленіе ихъ около 1847 года, то развѣ въ видѣ проектовъ, приводившихся въ исполненіе уже впослѣдствіи. Нѣкоторые лишены были необходимыхъ подробностей,—напр., показывая общее очертаніе лѣса, не объясняли, были ли среди послѣдняго крестьянскіе сады, тогда какъ существованіе этихъ садовъ удостовѣрялось не только словесными показаніями, но и явственными признаками, сохранившимися на мѣстахъ до повѣрки. Зато случались и совсѣмъ неожиданныя разъясненія; у одного акуратнаго помѣщика велась хозяйственная книга, въ которой ежегодно набрасывались домашніе чертежи площадей посѣвовъ. Онъ представилъ эту книгу, и ясно стало, гдѣ въ каждомъ году были границы помѣщичьихъ полей,—слѣдовательно, оставалось сообразаться съ чертежами инвентарнаго года.

Инвентари, въ свою очередь, бывали ненадежны, иногда очень рѣзко расходясь съ показаніями. Приведу выдающійся примѣръ. Въ одномъ крупномъ имѣніи, принадлежавшемъ помѣщику, жившему въ Галиціи, къ повѣркѣ явился уполномоченный имъ главноуправляющій. Заявивъ письменно, что признаетъ крестьянскія требованія преувеличенными, но самъ инвентарной земли хорошо не знаетъ,—этотъ главноуправляющій выставилъ, въ качествѣ самаго надежнаго свидѣтеля, брата мѣстнаго ксендза, долго занимавшаго какую-то должность въ имѣніи, и просилъ довѣрять показаніямъ этого свидѣтеля, какъ своимъ собственнымъ. Свидѣтель тоже горячо напрашивался на показанія, чуть не клятвенно увѣряя, что помнитъ инвентарную эпоху, какъ вчерашній день, и зналъ каждаго мужика. Тогда мировой съѣздъ,

Digitized by Google

съ инвентаремъ въ рукахъ, но не показывая его свидѣтелю, сталъ опрашивать его, какимъ надѣломъ владѣлъ каждый крестьянскій хозяинъ? Свидѣтель, не задумываясь, на все отвѣчалъ категорически, съ видимымъ убѣжденіемъ, что поддерживаетъ помѣщичьи интересы и опровергаетъ крестьянъ, но его показанія постоянно расходились съ инвентаремъ и какъ разъ въ обратную сторону. Онъ насчиталъ гораздо больше хозяевъ съ высшими участками, чѣмъ значилось въ инвентарѣ, и когда пришлось подвести итогъ всѣхъ названныхъ имъ участковъ, то оказалась самая ничтожная разница противъ того, чего добивались крестьяне и что̀ подкрѣплялось прочими свѣдѣніями. Безъ вѣдома своего, свидѣтель опровергъ инвентарь и поддержалъ не помѣщика, а крестьянъ, которыхъ думалъ оспаривать.

Пользованіе показаніями сторонних лицъ въ свою очередь требовало осторожности. Крестьяне склонны были поддерживать крестьянъ, своихъ сосѣдей; шляхта тоже часто ихъ поддерживала, но въ присутствіи помѣщиковъ или управляющихъ боялась имъ противорѣчить, чувствуя свою зависимость отъ нихъ. Впрочемъ, послѣ долгаго опыта, лично я все-таки вынесъ мнѣніе, что опросъ сторонних сосѣдей былъ наиболѣе надежнымъ основаніемъ; если они не подготовлялись заранѣе, то отчетливо покажутъ, что̀ знаютъ, и развѣ невольно собьются въ опредѣленіи времени какого-нибудь событія. Особенно удачны бывали случаи, когда при осмотрѣ полей тутъ же вызовешь нѣсколько мужиковъ изъ смежной деревни, неожиданно для нихъ, и разспросишь—въ чьемъ именно пользованіи находился тотъ или другой кусокъ земли. Сбивчивость всего чаще возникала при опредѣленіи момента земельныхъ перемѣнъ. Тутъ многимъ память измѣняла; по словамъ однихъ — дѣло было лѣтъ пятнадцать назадъ, а по воспоминаніямъ другихъ — пожалуй и двадцать, а между тѣмъ въ этой-то разницѣ бывала вся суть вопроса. Случалось, что при спорѣ о мѣстѣ прохожденія старой межи между крестьянскими и помѣщичьими полями помогали особаго рода примѣты. Напримѣръ, линія межи, давно запаханной и нѣсколько разъ перепахивавшейся, очень долго сохраняетъ замѣтную возвышенность надъ площадью той земли, по которой она проходитъ, и вотъ бывало, что линія этого возвышенія явится наглядным подкрѣпленіемъ показаній о старой границѣ. Иногда выручало то, что уцѣлѣлъ стоявшій около давней межи крестъ, большой камень и т. под. Случалось и такъ, что послѣ перемѣны крестьянскаго надѣла на прежнемъ его мѣстѣ сохранились два—три старыхъ шляхетскихъ участка, которые обыкно-

Digitized by Google

венно имѣли равную величину съ крестьянскими. По этому остатку старины можно было возстановить былой объемъ крестьянскаго владѣнія: стоило только измѣрить подобный участокъ и помножить его величину на число крестьянскихъ инвентарныхъ дворовъ.

Помѣщики, большею частью, оспаривали крестьянскія показанія, но правду все-таки легче было выяснить, когда присутствовалъ самъ помѣщикъ. Если дѣлаемыя ему крестьянами возраженія, сопровождаемыя напоминаніями о тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, становились убѣдительными,—онъ часто соглашался. Бывало еще, что онъ, незамѣтно для себя и противъ себя, самъ помогалъ крестьянамъ, особенно когда вызывался дать письменное объясненіе. Доставитъ бумагу, обыкновенно называемую „внесеніемъ", и тутъ-то дастъ противъ себя оружіе. Распространившись о быломъ, особенно о своихъ прежнихъ благодѣяніяхъ крестьянамъ, онъ какъ разъ пропишется и дастъ такія указанія, которыя, противорѣча его прежнимъ заявленіямъ, поддержатъ крестьянскія требованія. Давать помѣщикамъ или управляющимъ побольше писать было довольно практичнымъ пріемомъ.

Но когда выступалъ адвокатъ, такъ называемый „пленипотентъ", картина значительно мѣнялась. Помѣщикъ умолкалъ, вѣруя въ его жреческую премудрость, и отдѣлывался отъ вопросовъ уклончивостью, лишь вопросительно взглядывая на пленипотента. И послѣдній зналъ себѣ цѣну. Онъ возражалъ противъ всего и выставлялъ себя знающимъ все происходившее въ имѣніи въ какую угодно пору, хотя на дѣлѣ всѣ его познанія почерпались изъ наскоро сдѣланныхъ разспросовъ какого-нибудь экономa. Подобное всевѣдѣніе особенно бросалось въ глаза потому, что иные пленипотенты имѣли очень обширную практику. Я зналъ одного, обладавшаго полномочіями въ нѣсколькихъ уѣздахъ, и вездѣ онъ являлся знатокомъ исторіи имѣній. На все у него готовъ былъ отвѣтъ и „внесенія" слѣдовали одно за другимъ. Однако, усердствуя своимъ довѣрителямъ, не забывали они и о собственныхъ выгодахъ. Помню, какъ одинъ пленипотентъ съ широкою практикою ввинулъ разъ въ свое письменное объясненіе нѣчто такое, что какъ разъ могло дать поводъ къ новому спору вовсе не въ интересахъ его довѣрителя. Спрашиваю его потомъ—зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? А пленипотентъ съ двусмысленною улыбкою, полу-шутя отвѣчаетъ: „А что-жъ мнѣ себя забывать! Если все будетъ ясно и закончено, то и дѣлу скоро конецъ, а когда останется хвостикъ для дальнѣй-

Digitized by Google

шихъ споровъ и защиты — я опять буду нуженъ". — Но понравится ли это вашему довѣрителю? — „А развѣ онъ что-нибудь разберетъ"!

Вообще, слѣдуетъ сказать, что гдѣ помѣщикъ совсѣмъ не трогалъ инвентарной земли, тамъ и претензій почти не было. Сколько въ такомъ имѣніи ни приходилось разспрашивать крестьянъ—отвѣтъ получался одинъ: земля у насъ та самая, какая была 25 или 30 лѣтъ назадъ. Зато совсѣмъ обратное положеніе возникало тамъ, гдѣ перемѣны послѣ инвентарей дѣлались два или нѣсколько разъ. Изъ показаній выходило, что у крестьянъ была и та, и другая, и третья земля, все это подтверждалось и самъ помѣщикъ затруднялся возражать. Словомъ, фактъ владѣнія являлся несомнѣннымъ; оставалось только мѣсто подозрѣнію—одновременно ли владѣли крестьяне всѣми этими землями, или въ разное время, т.-е. не попадалъ ли одинъ спорный участокъ въ крестьянское владѣніе въ замѣнъ другого? И при такой путаницѣ, отъ трудности точнаго установленія моментовъ каждой перемѣны, не мудрено бывало зачислить въ надѣлъ оба участка, т.-е. настоящій инвентарный и данный въ обмѣнъ его, а потомъ тоже отнятый. Задача разслѣдованія вообще была широкая, запутанная, да и не могло быть иначе, когда все строилось на основаніи давняго факта, въ свое время точно не констатированнаго. Многое также не могло не зависѣть отъ умѣлости и личныхъ особенностей самихъ членовъ мировыхъ съѣздовъ.

Очень важную и трудную сторону дѣла представляло межеваніе. Всѣ крестьянскіе надѣлы подлежали измѣренію и снятію на планы. Не разъ потомъ приходилось слышать нареканія на ошибки этихъ плановъ, и хотя трудно сказать, насколько подобныя ошибки были часты и велики, но вѣрно то, что избѣжать ихъ было рѣшительно нельзя. Во всякомъ дѣлѣ надо принимать во вниманіе условія возможности, а тутъ положеніе было исключительное. Требовалось въ какіе-нибудь два года размежевать три губерніи съ восемью тысячами имѣній разной величины и нерѣдко черезполосныхъ. Вездѣ, гдѣ производились казенныя межеванія,—напримѣръ, въ Малороссіи или въ вѣдомствѣ государственныхъ имуществъ,—они тянулись подолгу, безъ торопливости и въ соотвѣтствіи съ количествомъ надежныхъ землемѣрныхъ силъ, а въ юго-западномъ краѣ спѣшность вызывалась потребностью самой развязки сельскихъ отношеній, которая не допускала никакихъ выжиданій. Исполнительныхъ же средствъ было мало. Землемѣры въ краѣ были, но лишь въ количествѣ,

Digitized by Google

достаточномъ для обыкновенной потребности въ нихъ, а тутъ разомъ выросъ на нихъ небывалый спросъ, долженствовавшій скоро же прекратиться. Легко ли было вдругъ набрать такую массу со строгимъ разборомъ? На каждый мировой участокъ назначалось по два землемѣра,—слѣдовательно, для уѣзда требовалось около десяти, а для губерніи—около ста-двадцати. Приняты были старые мѣстные практиканты—если не всегда достаточной учебной подготовки, зато опытные, привычные къ извѣстной акуратности, и они, пожалуй, были наиболѣе цѣнны. Въ добавокъ къ нимъ назначались молодые люди, выпускаемые таксаторскими классами, но въ этихъ уже больше сказывалось небрежности, лѣности и стремленія скорѣе нахватать побольше задѣльной платы за работу, исполненную какъ-нибудь. Являлись и пріѣзжіе изъ другихъ мѣстностей. Однако и всего штатнаго количества скоро оказалось мало, и, подъ вліяніемъ неотложной нужды, мировымъ учрежденіямъ разрѣшено было давать отдѣльныя межевыя работы еще случайнымъ техникамъ, гдѣ только ихъ можно было находить. Въ число такихъ волонтеровъ попадалъ и заѣзжій морякъ, и обученный обращенію съ астролябіею пѣхотный офицеръ; а разъ явился къ намъ даже совсѣмъ необыкновенный охотникъ: французъ, который сперва работалъ у Лессепса на Суэзскомъ каналѣ, оттуда попалъ на Кавказъ, далѣе очутился въ Финляндіи и затѣмъ явился въ Подолію. За свою практику въ Россіи онъ едва выучился плохо говорить и писать по-русски, а хорошо усвоилъ только приверженность къ водкѣ, почему пришелъ къ намъ пѣшкомъ, въ отчаянной одеждѣ и обуви. Межевать, однако, умѣлъ. Когда такіе разнообразные люди работали одновременно въ десяти мѣстахъ уѣзда, контролировать ихъ работу было крайне трудно, и надзоръ былъ случайный, выражавшійся или въ замѣчаніяхъ по поводу наружнаго осмотра плановъ, или въ рѣдкихъ наблюденіяхъ на мѣстѣ со стороны знающаго мирового посредника. Входить въ бо́льшую критику—не хватало ни времени, ни силъ. Соображая все это, можно было опасаться гораздо бо́льшихъ ошибокъ, чѣмъ тѣ, о какихъ приходилось слышать. Землемѣры и при снисходительности къ нимъ достаточно тормазили дѣло.

Вотъ какъ обставлено было земельное дѣло. Что же касается пониженія выкупныхъ платежей, то оно и къ срединѣ 1865 года все еще не было приведено въ опредѣленную систему. Выигрышъ достигнутъ былъ, собственно, въ томъ, что пониженіе стало всюду общимъ правиломъ, но большой вопросъ оставался относительно его размѣровъ. Какъ было объяснено въ статьѣ

Digitized by Google

„Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“ (глава V), по распоряженію генералъ-губернатора намъ даны были выработанныя губернскимъ присутствіемъ нормы, но главный недостатокъ ихъ состоялъ въ томъ, что построены онѣ были почти исключительно на соображеніяхъ о качествѣ почвы. Когда было чѣмъ укорить почву—находился формальный поводъ къ чувствительному пониженію, а когда этого не было—пониженіе можно было назначать совсѣмъ ничтожное, мотивируя его вознагражденіемъ за потерю крестьянами прежняго отпуска лѣсного матеріала или чѣмъ-либо подобнымъ. Между тѣмъ, какъ бы ни была хороша почва—все-же и ей существуетъ предѣльная цѣна, а бывшія на мѣстахъ продажныя и арендныя цѣны ясно показывали, что дѣйствительная стоимость даже вполнѣ удовлетворительныхъ надѣльныхъ земель значительно ниже установленной для нихъ оцѣнки, слѣдовательно пониженіе нужно было и независимо отъ достоинства почвы. Формальная система пониженій упускала такое важное обстоятельство, какъ величина надѣла, чувствительно отражавшаяся на крестьянской состоятельности. Вслѣдствіе того, въ массѣ случаевъ перваго времени выходило, что при полной безукоризненности почвенныхъ условій крестьяне все-таки будутъ несостоятельны ко взносу тѣхъ платежей, которые придется имъ назначить сообразно даннымъ нормамъ. Въ виду этого, иные искали исхода въ усиленномъ охаиваніи почвы; но если тутъ результатъ и подходилъ къ нуждамъ дѣла, то способъ выходилъ все-таки не ладный. Словомъ, на практикѣ скоро сказалась неполнота тѣхъ основаній, какія были приняты и на нашемъ весеннемъ съѣздѣ въ Каменцѣ, и въ системѣ, введенной потомъ губернскимъ присутствіемъ (см. V главу статьи: „Страница кр. дѣла на юго-западѣ“).

Дополнять систему пониженій пришлось постепенно, во время самаго хода повѣрочныхъ работъ. Генералъ-губернаторъ, имѣя право окончательно утверждать пониженія, самъ входилъ въ разсмотрѣніе частныхъ случаевъ, и то уменьшалъ, то увеличивалъ предположенныя пониженія, пріурочивая платежныя нормы къ мѣстностямъ. Также стало поступать потомъ и губернское присутствіе, не стѣсняясь прежними своими заключеніями.

А сколько интереснаго матеріала представлялось мировымъ съѣздамъ при личныхъ встрѣчахъ съ огромнымъ помѣщичьимъ персоналомъ! Тутъ было цѣлое море для наблюденія характеровъ, для изученія разнообразныхъ типовъ, потому что натура человѣка рѣдко раскрывается такъ глубоко, какъ при чувствительномъ затрогиваніи его имущественныхъ интересовъ. При дав-

Digitized by Google

нихъ условіяхъ жизни, Гоголю, для представленія галереи помѣщичьихъ портретовъ, понадобилась мудреная комбинація покупки „мертвыхъ душъ“, а при повѣркѣ уставныхъ грамотъ портреты приходили къ намъ сами собою въ огромномъ количествѣ и разнообразіи. Были и вполнѣ благородные, и средней порядочности, и смѣшанные, и пошлые, и отвратительные.

Вспоминая лучшіе образцы, приведу одинъ особенно памятный мнѣ примѣръ. Однажды является ко мнѣ помѣщикъ Гурскій и сообщаетъ, что на дняхъ умерла его теща, оставивъ имѣнія его женѣ, ея братьямъ и сестрамъ. Умершая владѣла этими имѣніями по завѣщанію мужа только пожизненно, въ теченіе четырнадцати лѣтъ. „Теперь,—объяснилъ Гурскій,—когда мы стали разбирать семейный архивъ покойной, то нашли предсмертное распоряженіе ея мужа, по которому онъ возлагалъ на нее обязанность, во все время пожизненнаго владѣнія, платить за крестьянъ половину ихъ податей. Мы достовѣрно знаемъ, что покойница этого не исполняла, но, узнавъ о существованіи такого распоряженія, желаемъ свято его исполнить, и вотъ наша общая просьба къ вамъ: соберите справки, сколько именно покойная должна была уплатить за крестьянъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ, и вычтите все это изъ слѣдующей намъ выкупной суммы, чтобы крестьяне воспользовались тѣмъ, что было имъ назначено волею отца моей жены“.—Упомянутое распоряженіе было домашнее, никѣмъ не утвержденное, никому неизвѣстное, слѣдовательно не имѣло ровно никакой законной силы, но отозвалась чуткая человѣческая совѣсть,—и оно получило полное осуществленіе! Оставалось искренно пожать руку моему посѣтителю. По справкамъ же вышло, что надо было удержать около десяти тысячъ рублей.

Конечно, подобныя личности встрѣчались какъ очень рѣдкія исключенія. Мнѣ пришлось видѣть даже какъ разъ обратный примѣръ. Крупный помѣщикъ, бывшій предводитель, владѣлъ имѣніемъ, полученнымъ по завѣщанію отъ дальняго родственника подъ условіемъ постоянной уплаты за крестьянъ всѣхъ податей. Но, послѣ долгаго исполненія этой обязанности, деньголюбивый наслѣдникъ надумался и—какъ только окончилось выкупное дѣло—прекратилъ платежъ, да еще предъявилъ къ крестьянамъ судебный искъ за прошлое, причемъ никакія убѣжденія на него не дѣйствовали.

Съ помѣщиками средней порядочности имѣть дѣло было нетрудно, но встрѣчались такіе, которые считали нужнымъ вести съ крестьянами упорную борьбу изъ-за всякаго пустяка, жалуясь

Digitized by Google

на все, что̀ ни дѣлалось въ пользу крестьянъ, не пренебрегая ни явнымъ уклоненіемъ отъ правды, ни самыми беззастѣнчивыми претензіями. Вообще, типовъ выступаетъ много въ моей памяти. Вотъ крупный помѣщикъ, считающійся магнатомъ и во всемъ полагающійся на своихъ управляющихъ и пленипотентовъ. Вотъ бывшіе управляющій и пленипотентъ титулованнаго владѣльца, прихватившіе себѣ каждый по одному изъ его имѣній, а своего патрона пустившіе въ трубу; они очень стараются казаться важными панами, но сосѣди чувствительно уязвляютъ ихъ отзывами, что каждый изъ нихъ вовсе не „съ пановъ панъ“, а „доробковичъ“, т.-е. человѣкъ, пробившійся изъ бѣдности и подчиненаго положенія. Вотъ и самъ разоренный, но не обратившійся ни въ Тимона Аѳинскаго, ни въ короля Лира, а сохранившій старое добродушіе графъ, который пріютился на маленькомъ клочкѣ земли и, покинутый безъ помощи богатыми родственниками, спитъ на соломѣ и носитъ дырявые сапоги. Вотъ значительный помѣщикъ, съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, который, однако, при встрѣчѣ цѣлуетъ меня въ плечо, а при какой-нибудь существенной просьбѣ—и въ локоть. Вотъ отставной генералъ изъ остзейцевъ, величающійся своимъ воинскимъ чиномъ, хотя всѣ его военные подвиги ограничивались управленіемъ казенною случною конюшнею, на которой онъ и нажилъ имѣніе; онъ не можетъ примириться съ мыслью: „какъ это прежде и мужикъ былъ *мой*, и все принадлежавшее ему—*мое*, а теперь его у меня отняли, да онъ же еще заявляетъ ко мнѣ претензіи“! Вотъ богачъ, представляющій совершеннѣйшій типъ Плюшкина, своеручно переписывающій всѣ бумаги изъ скупости и пріобрѣвшій общую извѣстность тѣмъ, что даже жалованье служащему отдаетъ не иначе, какъ по суду, и оттого погрязъ въ тяжбахъ. Вотъ писатель доносовъ; вотъ мелкая помѣщица, промышляющая провозомъ контрабанды въ компаніи съ крестьянами... Но всѣхъ типовъ не перечесть, а они представляли обильный матеріалъ для характерныхъ очерковъ.

Различіе свойствъ этой массы людей выражалось какъ въ образѣ ихъ дѣйствій при повѣркѣ грамотъ, такъ и въ содержаніи и тонѣ ихъ жалобъ. Литература подобныхъ жалобъ была огромна. Рѣдкое повѣрочное дѣло обходилось безъ жалобы, почему заключительнымъ дѣйствіемъ съѣзда по каждому дѣлу бывала обыкновенно отписка противъ жалобы. Одинъ жалобщикъ просто говоритъ о существенныхъ обстоятельствахъ дѣла; другой пытается набросить на дѣйствія съѣзда тѣнь неблагонадежности;

Digitized by Google

у третьяго—наборъ общихъ фразъ, но подачу жалобы каждый почти считалъ чѣмъ-то въ родѣ гражданской обязанности.

По окончаніи всѣхъ повѣрочныхъ дѣйствій, уставная грамота передѣлывалась и, на основаніи ея, составлялся выкупной актъ, который затѣмъ объявлялся обѣимъ сторонамъ. Но и это не было концомъ дѣлу, потому что впереди были еще три инстанціи: губернское присутствіе, генералъ-губернаторъ и главное выкупное учрежденіе. Объявляя актъ, надо было предлагать крестьянамъ подождать терпѣливо еще. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ всѣхъ утвержденій, можно было приступать къ возстановленію инвентарнаго владѣнія въ натурѣ, измѣненію платежей и разсчету по всѣмъ сдѣланнымъ прежде переплатамъ. Крестьяне получали наконецъ прибавку земли и переходили къ желаннымъ „старымъ межамъ“, причемъ нерѣдко возвращалось и уничтоженное-было черезполосье. Все приходило къ положенію, признанному „Положеніемъ“ 1847 года, и хотя въ общемъ крестьянское устройство выигрывало, но гдѣ надѣлъ и въ 1847 году былъ малъ, тамъ крестьяне и послѣ повѣрки оставлялись въ трудныхъ условіяхъ.

II.

Генералъ-губернаторъ Безакъ.

Между тѣмъ какъ повѣрочная работа шла по деревнямъ и канцеляріямъ, генералъ-губернаторъ съ лѣта же 1865 года началъ объѣздъ всѣхъ трехъ губерній края, для личнаго наблюденія за ходомъ крестьянскаго дѣла. Часть уѣздовъ онъ успѣлъ посѣтить въ началѣ лѣта, а другую—въ концѣ, не пропустивъ изъ нихъ ни одного.

Объѣзды эти совершались съ немалою торжественностью. Предварительно посылались на мѣста состоявшія при Безакѣ должностныя лица, причемъ по крестьянскому дѣлу большею частію пріѣзжали, какъ спеціалисты, Воронинъ и Сабанѣевъ, которые, ознакомясь съ дѣлами губернскихъ присутствій и мировыхъ съѣздовъ, составляли свои замѣчанія для предварительнаго доклада генералъ-губернатору. Затѣмъ появлялся самъ Безакъ, сопровождаемый свитою гражданскихъ и военныхъ чиновъ. Заранѣе становился извѣстнымъ его маршрутъ, сообразясь съ которымъ готовились къ опредѣленному дню: мировые съѣзды, желавшіе подавать жалобы помѣщики, чиновники и военныя лица. Кортежъ генералъ-губернатора бывалъ довольно великъ,

Digitized by Google

тѣмъ болѣе, что Безакъ возилъ съ собою даже свою кухню, почему на обѣдахъ самъ бывалъ хозяиномъ, очень рѣдко заѣзжая къ мѣстнымъ лицамъ, по ихъ приглашеніямъ. Къ обѣду обыкновенно приглашались его спутники и кое-кто изъ мѣстныхъ представителей власти, причемъ непремѣнно—предсѣдатель мирового съѣзда, а гдѣ Безакъ бывалъ особенно доволенъ ходомъ дѣла, то и мировые посредники.

Надо остановиться на обликѣ этого много сдѣлавшаго и еще недостаточно оцѣненнаго администратора не очень давняго прошлаго, какъ онъ представлялся намъ, представителямъ мѣстныхъ учрежденій. При встрѣчѣ съ Безакомъ, прежде всего обращала на себя вниманіе его неприглядная и непривѣтливая наружность: ростомъ онъ былъ малъ, худощавъ, одряхлѣвшее лицо совсѣмъ не гармонировало съ вычерненными волосами, а глаза выражали строгость, безстрастіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вдумчивость. Держалъ онъ себя довольно важно. Руку подавалъ очень немногимъ, и если кому подавалъ, то это было уже признакомъ особеннаго благоволенія и одобренія дѣятельности. Вообще, обращеніе его со всѣми отличалось сухостью, сосредоточенною серьезностью и отсутствіемъ многоглаголанія; спроситъ въ короткихъ словахъ о существенномъ, внимательно выслушаетъ, процѣдитъ нѣсколько словъ—и только. Фразъ у него не было. Въ засѣданіяхъ съ мировыми съѣздами или при докладахъ хотя случалось ему разговориться, но не очень. Любезности, привѣтливыхъ словъ отъ него почти никто не слышалъ. Гдѣ онъ былъ даже вполнѣ доволенъ, это выражалось короткимъ одобреніемъ или такимъ же изъявленіемъ благодарности. Болѣе участливое отношеніе къ одобряемымъ высказывалось развѣ въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Все это не вызывало къ нему личныхъ симпатій, но послѣ дѣловыхъ объясненій, въ общемъ, впечатлѣніе получалось внушительное. Чувствовалось, что это не только старый Николаевскій генералъ и крупный представитель власти, но вмѣстѣ—умный, необыкновенно дѣятельный и знающій человѣкъ, у котораго слово тѣсно соединяется съ практическимъ дѣломъ. Если отъ него всего больше ожидали строгой требовательности, за то видно было также, что эта строгость, будучи дѣломъ натуры и привычки, не соединяется ни съ начальственнымъ капризомъ, ни съ намѣренною жесткостью.

Хотя Безакъ главнымъ образомъ интересовался крестьянскимъ дѣломъ, но при своихъ посѣщеніяхъ обращалъ вниманіе и на другія стороны управленія; осмотритъ воинскую часть, заглянетъ въ присутственныя мѣста, обойдетъ тюрьму, посѣтитъ

Digitized by Google

учебное заведеніе, поговоритъ съ учителями и учениками и вездѣ сдѣлаетъ болѣе или менѣе зоркія замѣчанія. Иногда ввернетъ среди рѣчи латинскую фразу, а въ одной гимназіи, разговорившись съ учениками, по какому-то поводу предложилъ имъ спросить его изъ Державина и, по выбору ученика, продекламировалъ на память „Водопадъ“. Бывали при его посѣщеніяхъ характерные случаи, одинъ изъ которыхъ здѣсь передамъ.

Незадолго до перваго пріѣзда Безака въ губернскій городъ Каменецъ, въ окрестности стали исчезать нѣкоторые помѣщики. Спрашиваю какъ-то объ одномъ, заѣзжаю къ другому, и въ отвѣтъ получаю, что они—въ губернской тюрьмѣ. Что за притча! Оказалось, что тутъ было специфическое проявленіе административнаго усердія. Въ это время обо многихъ производились еще политическія дѣла, между которыми было не мало вздорныхъ. Иныя возбуждались по какому-нибудь пустяшному доносу, возникшему изъ-за личныхъ счетовъ. Прикосновенныя къ такимъ дѣламъ лица большею частью оставались на свободѣ, лишь изрѣдка давая отвѣты на запросы слѣдственной коммиссіи, но, въ ожиданіи пріѣзда генералъ-губернатора, мѣстная администрація, чтобы показать лицомъ свою распорядительность, задумала разомъ потребовать всѣхъ въ тюрьму. Помню, какъ предварительно посѣтившій ее Сабанѣевъ съ возмущеніемъ разсказывалъ объ этомъ порывѣ административнаго усердія, прибавляя, что врядъ-ли онъ понравится Безаку. Дѣйствительно, какъ только послѣдній вошелъ въ тюрьму, въ сопровожденіи властей, то былъ пораженъ видомъ массы интеллигентныхъ арестантовъ. „Что это, развѣ у васъ тутъ бунтъ? — обращается онъ къ губернатору. — Нѣтъ, бунта никакого не было,—получается въ отвѣтъ,—а это люди, причастные къ политическимъ дѣламъ.—Безакъ вошелъ въ разспросы и, узнавъ, что большинство посажено въ тюрьму очень недавно, рѣзко замѣтилъ: „Такъ это люди, бывшіе на свободѣ и ничего новаго не сдѣлавшіе, а ихъ нахватали ради моего пріѣзда! Совсѣмъ неумѣстное усердіе; мнѣ не нужно такихъ угощеній! Напротивъ, если я чего желалъ бы, то—чтобы эта тюрьма скорѣе опустѣла“. Собранные изъ разныхъ угловъ губерніи арестанты, вслѣдъ затѣмъ, вернулись домой.

Съ мировыми съѣздами Безакъ устраивалъ спеціальныя засѣданія, длившіяся часами. Послѣ личныхъ объясненій съ каждымъ отдѣльнымъ членомъ и разговоровъ объ общемъ ходѣ дѣла онъ требовалъ, на выдержку, чтенія нѣсколькихъ отдѣльныхъ протоколовъ по повѣркѣ уставныхъ грамотъ, входилъ въ обсужденіе частностей, разспрашивалъ, давалъ указанія и отмѣчалъ

Digitized by Google

что-то въ своей записной книжкѣ. Случалось, что, получивъ жалобу помѣщика на мировой съѣздъ, Безакъ призывалъ его въ засѣданіе и, выслушавъ какъ его, такъ и объясненіе съѣзда, тутъ же давалъ рѣшающія указанія, а когда жалоба оказывалась совершенно неосновательною—жалобщикъ получалъ строгое и иногда даже грубое внушеніе.

Встрѣча Безаковой требовательности съ неудовлетворительностью состава нѣкоторыхъ мировыхъ съѣздовъ, о которой сказано было раньше, отразилась послѣдствіями въ самомъ началѣ. Послѣ перваго же объѣзда послышалось объ увольненіи нѣсколькихъ посредниковъ и предсѣдателей, признанныхъ Безакомъ совсѣмъ непригодными. Нашему, тоже неудачному, съѣзду пришлось встрѣтиться съ Безакомъ уже въ самомъ концѣ лѣта, и очень мнѣ памятна сцена этой первой встрѣчи.

На другой день послѣ пріѣзда Безака въ Каменецъ и общаго представленія ему, засѣданіе состоялось въ губернаторской залѣ, вечеромъ, и въ очень большомъ составѣ. Присутствовали: губернаторъ, члены губернскаго присутствія, предсѣдатель съѣзда, шесть мировыхъ посредниковъ, а также Воронинъ и Сабанѣевъ. Мы усѣлись, въ-перемежку, вокругъ длиннаго стола. Предсѣдателемъ съѣзда въ это время былъ у насъ робкій чиновникъ, назначенный, по губернаторской протекціи, изъ секретарей губернскаго присутствія, вполнѣ обезличенный продолжительною канцелярскою школою. Онъ съ самаго начала растерялся, и когда Безакъ, положивъ предъ собою записную книжку съ именнымъ спискомъ членовъ съѣзда, сталъ его разспрашивать,—отвѣчалъ на нѣсколько вопросовъ совсѣмъ невпопадъ, чѣмъ сразу произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. „Ну, видно, отъ васъ я ничего не узнаю“,—отрѣзалъ ему Безакъ, и перешелъ къ посредникамъ; но тутъ впечатлѣнія вышли не лучшія. Нумеромъ первымъ выступилъ старикъ, отставной учитель, вызванный губернаторомъ, по старому знакомству, изъ средней Россіи и ровно ничего не смыслившій въ дѣлѣ. На вопросъ о прежней службѣ, этотъ старецъ отвѣчалъ: „Я, ваше —ство, служилъ двадцать лѣтъ по учебной части, четырнадцать лѣтъ — по гражданскому вѣдомству, итого, ваше —ство, тридцать-пять лѣтъ!“—Есть ли по вашему участку готовые выкупные акты? — спросилъ Безакъ.— „На это, ваше —ство, я отвѣтить не могу, — сказалъ бывшій учитель: — я здѣсь человѣкъ еще новый, надо спросить моего предмѣстника, такъ какъ я вступилъ въ должность только 2 марта“ (а дѣло было 1 сентября). Еще два-три такихъ отвѣта—и Безакъ что-то черкнулъ въ своей записной книжкѣ, сказавъ: „Не-

Digitized by Google

зачѣмъ было вамъ идти въ посредники, лучше бы оставались въ своей „учѳбной“ части!“—Сидѣвшій вблизи Безака членъ губернскаго присутствія увѣрялъ потомъ, что ему удалось разглядѣть отмѣтку Безака: противъ имени бывшаго учителя въ книжкѣ выставленъ былъ—нуль. Когда очередь дошла до одного изъ маіоровъ, послѣдній все уклонялся точно опредѣлить мѣсто прежняго своего служенія, отдѣлываясь тѣмъ, что служилъ „по военному вѣдомству“. Послѣ повторительныхъ вопросовъ, Безакъ замѣтилъ ему: „А, догадываюсь; вы конфузитесь сказать, что служили по коммиссаріатскому или провіантскому штату; понятно!“ На вопросъ, есть ли по участку готовые выкупные акты, маіоръ развязно отвѣчалъ:—Есть, по такому-то селенію, и даже утвержденный губернскимъ присутствіемъ. — „А назначено ли по этому акту пониженіе выкупныхъ платежей?“—Точно такъ,—поспѣшилъ отвѣтить маіоръ, надѣясь, что Безакъ этимъ удовлетворится, но вышло не то. „Такъ ли это?“—обратился Безакъ къ члену губернскаго присутствія. Тотъ, изъ жалости къ маіору, поторопился подтвердить. „А прикажите-ка подать журналъ губернскаго присутствія по этому дѣлу—тамъ виднѣе будетъ!“—произнесъ Безакъ. Принесли журналъ—и никакого пониженія не оказалось. „Что же это—вы, значитъ, неправду мнѣ сказали!—внушительно замѣтилъ Безакъ и прибавилъ по адресу маіора:—И вамъ лучше бы сидѣть попрежнему въ провіантскомъ штатѣ!“—Пошли дальнѣйшія объясненія, и неудачи продолжали преслѣдовать обезкураженныхъ посредниковъ. Иные вопросы встрѣчали со стороны посредника продолжительную паузу. Видя натянутость положенія и чтобы выручить одного товарища, я попробовалъ-было отвѣтить за него, но Безакъ и меня сейчасъ обрѣзалъ: „Вѣдь это не вашъ участокъ; отвѣчайте, когда я буду спрашивать о вашемъ; каждый пусть отвѣчаетъ за себя“.—Видно было, что въ этотъ моментъ онъ имѣлъ въ виду личный экзаменъ.

Безакъ уже настроился неблагопріятно. Началось чтеніе повѣрочныхъ протоколовъ, и онъ сталъ дѣлать недовольныя замѣчанія, почему то или другое такъ, а не иначе. Предсѣдатель нашъ давно уже умолкъ и съ трепетомъ выжидалъ конца засѣданія, а Безакъ пересталъ даже обращаться къ нему. Пришло къ тому, что, говоря о дѣлахъ съѣзда, онъ сталъ уже обращаться лично ко мнѣ, спрашивая о разныхъ сторонахъ дѣла и давая свои указанія. Только разъ еще обратился онъ къ предсѣдателю, но какъ! Замѣтивъ, среди объясненій со мною, что меня затрудняетъ шляпа, которую я держалъ въ рукѣ, между

Digitized by Google

собою и столомъ, Безакъ сказалъ: „Вамъ, кажется, шляпа мѣшаетъ? Господинъ предсѣдатель, потрудитесь прибрать ее“!— Тотъ съ усердіемъ бросился ко мнѣ и исполнилъ начальническое порученіе, поставивъ шляпу на сосѣдній столикъ.

Изъ разговоровъ съ Безакомъ выяснилось, что онъ вовсе не считаетъ преподанныя губернскимъ присутствіемъ для пониженія выкупныхъ платежей нормы безусловно обязательными, и, по его мнѣнію, мировые съѣзды должны, не стѣсняясь этими нормами, самостоятельно сообразоваться со всякими условіями крестьянской состоятельности, считаясь и съ цѣнностью окрестныхъ земель вообще, и съ мѣстными арендными платами, и съ размѣромъ платежей сосѣднихъ крестьянъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, и т. д. Этимъ онъ уже развязывалъ руки и давалъ возможность ставить вопросъ шире.

Среди объясненій по этому предмету, поддакивалъ Безаку и Сабанѣевъ. На другой день, въ разговорѣ съ послѣднимъ, я напомнилъ ему, какъ еще на большомъ весеннемъ съѣздѣ въ Каменцѣ [1]) я проводилъ мысль о необходимости ставить пониженіе платежей въ зависимость еще отъ величины надѣла, крайне вліятельной для крестьянской состоятельности, и что это обстоятельство особенно важно въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ почва земли большею частью безукоризненна, а надѣлъ малъ, отчего соблюденіе нормъ губернскаго присутствія не устраняетъ платежной несостоятельности. „Ну, что-жъ, вотъ вы и ввели бы этотъ пунктъ въ практику вашихъ пониженій!“—отвѣчалъ Сабанѣевъ. — Да не вы ли сами такъ рѣшительно противорѣчили мнѣ по этому пункту на съѣздѣ, и не оттого ли съѣздъ и губернское присутствіе исключили размѣръ надѣла изъ числа поводовъ къ пониженію? — упрекнулъ я его. Но Сабанѣевъ впалъ уже въ чиновничью уклончивость: „Что-жъ, мало ли что говорится, а вы соображайте—какъ лучше“.

Во всякомъ случаѣ, вышло, что указанія присутствія уже подлежатъ ступевкѣ и что нечего было особенно затрудняться ими и раньше. Попытка систематизировать пониженіе не удалась, и усмотрѣніе для каждаго отдѣльнаго случая получило просторъ.

Засѣданіе наше затянулось далеко за полночь. Слова Безака ясно показывали, что онъ относится съ самымъ заботливымъ участіемъ ко всѣмъ сторонамъ крестьянскаго устройства, требуя отъ всѣхъ такой же заботливости и понимая все значеніе дан-

[1]) См. главу V статьи: „Страница крестьянскаго дѣла на юго-западѣ“.

Digitized by Google

наго момента, когда закладывалось основаніе экономической будущности сельскаго населенія. Онъ останавливался на вопросахъ и о выгонахъ, и о водопояхъ, и т. д. Конечно, личное его знакомство съ деревенскими хозяйственными условіями было невелико, и во многомъ ему приходилось прибѣгать къ чужимъ объясненіямъ, но тутъ замѣтно выдавались усилія поглубже вникать въ дѣло, чтобы судить самостоятельнѣе. Становилось ясно, что старанія о лучшемъ обезпеченіи крестьянъ теперь встрѣтятъ уже въ генералъ-губернаторѣ всю необходимую поддержку. Когда нашъ съѣздъ былъ уже отпущенъ, въ залѣ съ Безакомъ остались еще члены губернскаго присутствія, и тутъ, по разсказамъ ихъ, пошли аттестаціи нашему съѣзду. „Что это за съѣздъ?— обратился Безакъ къ губернатору:—семь человѣкъ—и большинство не въ состояніи даже толкомъ объясниться; я могъ говорить только съ однимъ. А особенно хорошъ предсѣдатель, который боится даже ротъ разинуть; я все время глядѣлъ на него и удивлялся—неужели это руководитель"!

Члены нашего съѣзда стали серьезно опасаться за свою участь; однако, въ первое время послѣ засѣданія не вышло ничего рѣшительнаго, и лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подверглись увольненію бывшій дѣятель „учебной" части и маіоръ.

Уѣзжая изъ Каменца въ уѣзды, Безакъ еще увеличилъ свою свиту, взявъ съ собою спеціальныхъ членовъ губернскаго присутствія, чтобы, съ ихъ помощью, расширить предѣлы ревизіи съѣздовъ и выслушивать больше мнѣній. Вышла цѣлая экспедиція, и много пришлось потомъ слышать разсказовъ о ней. Обращая особенное вниманіе на личный составъ, Безакъ относился съ бо́льшимъ довѣріемъ къ людямъ молодымъ и интеллигентнымъ, выражаясь, въ кругу своихъ спутниковъ, такъ: „Крестьянское дѣло—дѣло новое, живое; для него нужны свѣжія силы, способныя войти въ его интересы; а на старыхъ служакахъ, привычныхъ къ давнимъ порядкамъ, тутъ не далеко уѣдешь".

Съ этого времени уже почувствовалось, что иниціатива вопросовъ крестьянскаго дѣла, долго принадлежавшая фактически самимъ учрежденіямъ по этому дѣлу и исходившая, главнымъ образомъ, изъ нравственныхъ мотивовъ участія къ населенію, уходитъ изъ ихъ рукъ въ Кіевъ, гдѣ облекается въ начальственную требовательность, проявляя себя энергично и принимая даже понудительныя формы. Стремленія прежнихъ иниціаторовъ могли совпадать съ генералъ-губернаторскими, но главная сила была уже не въ нихъ, а въ этихъ послѣднихъ. Едва возникнетъ какой-нибудь второстепенный вопросъ—его уже двигаютъ изъ Кіева, а учрежденіямъ

Digitized by Google

остается исполнительная роль да добавочное освѣщеніе дѣла. При такихъ условіяхъ, направленіе почти совсѣмъ объединилось, такъ что стали дѣйствовать однообразно и люди, искренно расположенные къ хорошему устройству крестьянъ, и чиновники-политиканы, и бывшіе представители оппозиціи.

При всемъ томъ, дѣло пошло еще не такъ успѣшно, какъ можно было ожидать. Съ осени стало уже поступать въ губернское присутствіе много выкупныхъ актовъ, но тутъ выступила своя техника. Значительная часть актовъ приходила въ настолько неудовлетворительномъ видѣ, что возвращалась обратно въ мировые съѣзды для дополненій и исправленій. Самъ по себѣ, выкупной актъ, конечно, составлялъ немудрую ариѳметическую задачу, требовавшую знаній не далѣе именованныхъ чиселъ, дробей и капитализаціи суммъ изъ опредѣленнаго процента; въ немъ обозначалось: сколько земли у крестьянъ считалось до повѣрки, что оказалось по измѣренію, сколько земли прибавлено, какая часть ея облагается и не облагается платежомъ, сколько десятинъ окончательно поступаетъ на выкупъ, какое назначено пониженіе платежей, каковъ окончательный размѣръ платежа за весь надѣлъ и какая получается, по его капитализаціи, выкупная сумма. Но иные посредники и тутъ умѣли напутать. Главныя же затрудненія состояли не въ этомъ, а въ подготовкѣ повѣрочными протоколами и планами, долженствовавшими ясно доказывать, что въ выкупномъ актѣ слѣдуетъ быть именно тѣмъ цифрамъ, какія въ немъ значились. Съ опредѣленіемъ состава надѣла и платежей связывалось не мало сложныхъ требованій. Нужно было ясно показать, всѣ ли указанія на разыскиваемое инвентарное владѣніе достаточно разслѣдованы, отчего та или другая крестьянская претензія удовлетворена или отвергнута и чѣмъ опровергаются помѣщичьи возраженія? Такъ какъ правилами требовалось, чтобы новые крестьянскіе платежи не превышали оцѣнки старой инвентарной повинности, то во многихъ случаяхъ нужно было приведеніе сравнительныхъ данныхъ по отдѣльнымъ дворамъ. Вообще, нужно было полное согласіе между данными выкупного акта, плана, исправленной уставной грамоты и повѣрочнаго протокола, чтобы не оставалось недоразумѣній—что именно и въ какихъ границахъ выкупается. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ часто оказывались недомолвки, сбивчивость, а иногда и существенныя прорѣхи,—словомъ, хромала бумажная сторона дѣла. По такимъ причинамъ, а иногда и вслѣдствіе большой канцелярской требовательности присутствія, нѣкоторые съѣзды загромождались возвращенными дѣлами. Все это сильно безпо-

Digitized by Google

коило Безака, получавшаго о ходѣ дѣла частыя періодическія свѣдѣнія. Всю зиму и слѣдующую весну губернское присутствіе неустанно работало надъ разсмотрѣніемъ выкупныхъ актовъ. Нашъ съѣздъ, при бо́льшемъ объединеніи усилій и взаимныхъ совѣтахъ, за зиму успѣлъ настолько, что, по движенію дѣла, скоро сталъ однимъ изъ первыхъ. Но если въ однихъ уѣздахъ дѣло успѣшно налаживалось, то въ другихъ рѣшительно затормазилось, такъ что ни письменныя указанія губернскаго присутствія, ни опасенія кіевской грозы не помогали.

Къ новому году послѣдовали уже болѣе крупныя административныя перемѣны. Губернаторъ Сухотинъ, не сойдясь съ Безакомъ, оставилъ свой постъ, получивъ другое назначеніе, а незадолго предъ тѣмъ уволенъ былъ не мало тормазившій дѣло членъ губернскаго присутствія Э., и ушелъ другой членъ, совершенно безличный, признавшій дѣло непосильнымъ для себя. Новыя назначенія вышли уже болѣе подходящія къ интересамъ дѣла. Губернаторомъ назначенъ былъ Горемыкинъ (впослѣдствіи иркутскій генералъ-губернаторъ), человѣкъ дѣятельный, относившійся къ интересамъ крестьянскаго дѣла гораздо участливѣе своего предмѣстника; а членами присутствія назначены, изъ болѣе удачныхъ предсѣдателей съѣздовъ, Якубовичъ и Ушинскій (братъ извѣстнаго педагога).

Какъ только приблизилось лѣто 1866 года, Безакъ опять появился въ уѣздахъ, выражая, по ходу дѣлъ, въ однихъ мѣстахъ довольство, а въ другихъ—порицанія. Въ Каменецъ онъ пріѣхалъ уже съ массою замѣчаній въ запасѣ. Опять собрались мы въ губернаторской залѣ, не досчитываясь кое-кого изъ прежняго состава; но такъ какъ въ нашемъ съѣздѣ дѣло было уже почти закончено, то новое засѣданіе прошло гораздо благополучнѣе прежняго. На слѣдующій день засѣданіе было назначено уже съ однимъ губернскимъ присутствіемъ, и тутъ предстояло рѣшеніе участи менѣе умѣлыхъ съѣздовъ. Безакъ уже высказывался, что если гдѣ дѣло не идетъ, то это должно означать, что или плохъ руководитель, или не годятся ближайшіе работники; слѣдовательно, надо или перемѣнить предсѣдателя съѣзда, или обновить весь составъ посредниковъ. Такъ онъ и поступилъ. Въ двухъ уѣздахъ уволены были всѣ посредники, а въ третьемъ—удаленъ предсѣдатель, на мѣсто котораго Безакъ назначилъ меня. Еще черезъ день потребованы были бывшіе въ городѣ предсѣдатели, и мнѣ снова пришлось явиться къ Безаку уже въ качествѣ представителя другого съѣзда. Послѣ непродолжитель-

Digitized by Google

ной бесѣды о необходимости ускорить ходъ дѣла, Безакъ завершилъ такъ:

— Я обѣщалъ Государю, что повѣрочное дѣло въ краѣ будетъ кончено въ нынѣшнемъ году; значитъ, отъ васъ, господа, зависитъ не сдѣлать меня лгуномъ!—Съ этимъ онъ откланялся и ушелъ въ свой кабинетъ.

Въ Волыни, около того же времени, разогнанъ былъ весь луцкій съѣздъ и удалены разомъ два члена губернскаго присутствія.

Трудность положенія, послѣ отъѣзда Безака изъ Каменца, особенно пришлось почувствовать мнѣ. Другіе предсѣдатели остались въ своихъ уѣздахъ, гдѣ дѣло было хорошо имъ знакомо и ими же велось, а мнѣ предстояло, только-что закончивъ работу въ одномъ уѣздѣ, сейчасъ же браться за другой, запущенный, о положеніи дѣлъ въ которомъ я зналъ лишь по слухамъ, и при краткости срока, даннаго на окончаніе дѣла. Мнѣ нѣсколько помогло только то, что я могъ набрать изъ прежняго своего съѣзда освободившихся землемѣровъ и усилить ими свой межевой составъ [1]). Но даннаго намъ Безакомъ словеснаго напутствія оказалось еще мало. Мѣсяца полтора спустя, получилъ я еще прямо изъ Кіева новый Безаковскій запросъ: надѣюсь ли я справиться съ дѣломъ до конца года? Я могъ отвѣтить только обѣщаніемъ приложить къ тому всѣ усилія, не принимая на себя безусловнаго ручательства,—и Безакъ этимъ удовлетворился, не дѣлая новыхъ напоминаній.

1865 и 1866 годы были періодомъ самой горячей дѣловой работы крестьянскихъ учрежденій, безъ передышки, и все это время побуждающая дѣятельность генералъ-губернатора не ослабѣвала, а личное его участіе къ крестьянскимъ интересамъ не обнаруживало колебаній. Напротивъ, казалось, будто принятое имъ направленіе даже крѣпнетъ и развивается. Глядя на это, многимъ приходилось задаваться вопросомъ: откуда берется эта забота о крестьянахъ въ человѣкѣ, большая часть карьеры котораго прошла въ военной сферѣ, да еще въ суровую николаев-

[1]) Припоминаю одинъ бывшій при этомъ, характерный для тогдашняго чиновничества, служебный разговоръ. Секретарь губернскаго присутствія, старый чиновникъ, искусившійся въ служебной философіи, уговаривалъ меня взять въ старшіе землемѣры съѣзда его протежé. Я отказывался, зная послѣдняго какъ незавиднаго техника. „Вы то возьмите во вниманіе,—настаивалъ секретарь,—что вѣдь онъ недавно перешелъ изъ католиковъ въ православіе“.—Если онъ мѣнялъ вѣру изъ служебнаго разсчета, то чѣмъ же онъ хорошъ? - возразилъ я. „Нѣтъ,—замѣтилъ секретарь,—тутъ надо разсуждать иначе: если человѣкъ для правительства даже вѣры не пожалѣлъ, то на кого же начальству надежнѣе положиться“!

Digitized by Google

скую эпоху? Сравненіе съ тогдашнею административною практикою сѣверо-западнаго края объясненій не давало. Въ Вильнѣ человѣкъ, уже заявившій себя прежде антипатіею къ освобожденію крестьянъ, главнымъ образомъ стремился къ подрыву польскихъ пановъ, а у Безака проявлялась заботливость о самихъ крестьянахъ, выражавшаяся и тамъ, гдѣ ихъ интересы не сталкивались съ помѣщичьими. Такой враждебной энергіи противъ польскаго элемента, какъ въ сѣверо-западномъ краѣ, у Безака тоже не замѣчалось,—скорѣе видны были бо́льшее обладаніе чувствомъ мѣры и обдуманная воздержность отъ ненужныхъ эксцессовъ. Нельзя было также сказать, чтобы облегчительныя для крестьянъ мѣры Безакъ считалъ примѣнимыми только къ западному краю. Разъ, говоря о пониженіи платежей, онъ высказался: „Вотъ, у меня въ полтавской губерніи есть имѣніе,—еслибы тамъ понизили крестьянскіе платежи, я бы не возражалъ".

Повидимому, правильнѣе объясняли тѣ, которые многому въ дѣятельности Безака приписывали смѣшанное происхожденіе. Умъ давалъ ему понять дѣйствительное значеніе крестьянскаго дѣла; не оставалось безъ вліянія на него современное общественное движеніе, а кромѣ того не мало тутъ дѣйствовало и самолюбіе. Прорывалось въ немъ выраженіе сознанія, что хорошее устройство крестьянъ — дѣло славное, дающее право на историческую страницу, да и въ лучшей части современнаго общества встрѣтитъ сочувственный откликъ. Чутко относился онъ къ печати и при массѣ работы, даже среди объѣздовъ края, находилъ время читать и бесѣдовать о прочитанномъ. Когда появится, бывало, какая-нибудь статья о краѣ—уже требуются объяснительныя свѣдѣнія. Ставъ на опредѣленный путь, онъ уже въ собственномъ самолюбіи встрѣчалъ побужденіе не колебаться, и то же самолюбіе поддерживало въ немъ соотвѣтствующую самостоятельность, вслѣдствіе которой Валуевское министерство, во все управленіе Безака, не оказывало почти никакого вліянія на ходъ дѣла въ юго-западномъ краѣ.

Вообще, такъ какъ высказываться о своихъ мотивахъ самъ Безакъ былъ неохочъ, то судить объ источникахъ его образа дѣйствій приходилось только по совокупности догадокъ наблюдавшихъ его слова и дѣйствія. Но если и много было данныхъ въ пользу того, что имъ руководилъ такъ или иначе сложившійся самостоятельный взглядъ на крестьянское дѣло, то оставался еще большой вопросъ, насколько глубоко простирается его сила? Удержитъ ли Безакъ свое направленіе въ случаѣ появленія сильныхъ противныхъ вѣтровъ изъ Петербурга? Но на это

Digitized by Google

практикѣ не пришлось дать яснаго отвѣта, потому что такихъ вѣтровъ, въ теченіе наибольшаго времени его управленія, не было, а преодолѣніе сравнительно слабыхъ скорѣе укрѣпляло, чѣмъ колебало рѣшительность Безака, и онъ успѣлъ умереть, не сойдя съ принятаго пути. Большія сомнѣнія возбуждало также—насколько вообще можетъ быть прочно у насъ такое направленіе, какое было усвоено Безакомъ; и на это чувствовался уже прямо отрицательный отвѣтъ, приводившій къ заключенію, что надо дорожить даннымъ положеніемъ, пока оно держится, а потому—спѣшить завершеніемъ всѣхъ работъ.

Во всякомъ случаѣ, замѣчателенъ фактъ, что никто изъ администраторовъ не сдѣлалъ для крестьянства столько, какъ этотъ прошедшій долгую Николаевскую школу старый генералъ, съ его рѣзкими, грубоватыми пріемами. Много значило для дѣла то, что въ столь важную эпоху ему удалось пробыть на одномъ посту четыре года. Нѣкоторый праздникъ былъ въ это время на крестьянской улицѣ, и ясно чувствовалось, что̀ значитъ въ нашихъ государственныхъ дѣлахъ личное свойство. Изъ преемниковъ Безака участливъ былъ къ крестьянамъ еще генералъ Дрентельнъ, но не было тутъ такой умѣлости, да и окружавшіе люди и условія были уже не тѣ.

Отрицательную черту Безака представляли проявленія внѣшней грубости—наслѣдіе старой жизненной школы. Гдѣ онъ встрѣчалъ, напримѣръ, противодѣйствіе, да еще на дурной подкладкѣ, онъ способенъ былъ выходить изъ себя. Какъ одинъ изъ выдающихся примѣровъ подобнаго рода, могу привести разносъ ямпольскаго помѣщика М—скаго. Этотъ послѣдній, при устройствѣ выкупа еще раньше Безаковскаго управленія, сильно обидѣлъ крестьянъ, да еще при такихъ обстоятельствахъ, которыя при разслѣдованіи могли дать поводъ къ уголовному преслѣдованію. Безакъ, при личномъ объясненіи съ М—скимъ, предложилъ ему исправить выкупъ значительными уступками въ пользу крестьянъ, но скупой помѣщикъ упрямился, сталъ торговаться и наговорилъ чего-то лишняго. Безакъ вскипѣлъ, перешелъ въ обращеніи къ нему на „ты“, грозилъ тюрьмою и такъ раскричался, что М—скій не зналъ куда дѣваться. Исторія эта сейчасъ же разгласилась въ окрестности. Скоро послѣ того Безакъ пріѣхалъ въ мой уѣздъ и, разговорившись послѣ доклада о дѣлахъ, коснулся этого случая. „Вы слышали, какъ я пробралъ въ ямпольскомъ уѣздѣ М—скаго?“ — спросилъ онъ меня. — Да, слышалъ,—отвѣтилъ я.—„Этотъ негодяй надѣлалъ такихъ гадостей, которыхъ простить ему нельзя. Скажите, нѣтъ ли и въ вашемъ уѣздѣ

Digitized by Google

кого-нибудь такого, кто нуждается въ подобномъ внушеніи?"—Я отвѣтилъ, что такихъ нѣтъ, и я надѣюсь, что въ моемъ уѣздѣ дѣло обойдется безъ исключительныхъ пріемовъ. „Ну, какъ знаете, — сказалъ Безакъ;—мнѣ и самому такія исторіи очень непріятны, да безъ нихъ иногда обойтись нельзя".

Однако, вышло разъ нѣчто подобное и въ моемъ уѣздѣ. Управляющій имѣніями очень крупнаго владѣльца, жалуясь на рѣшенія мирового съѣзда, черезчуръ поусердствовалъ и высказывалъ прямую ложь, доходя до увѣреній, будто мировой съѣздъ вовсе и на мѣстѣ не былъ, ничего не осматривалъ, а дѣлалъ свои постановленія зря, тогда какъ на самомъ дѣлѣ всѣ осмотры и опросы происходили въ присутствіи не только его самого, но и огромной толпы крестьянъ и помѣщичьихъ служащихъ. Фактическая сторона жалобы сразу являлась невѣроятною, но Безакъ все-таки поручилъ дознаніе члену губернскаго присутствія, Якубовичу, который немедленно разоблачилъ ея нелѣпость на мѣстѣ. Безакъ около этого времени былъ въ губернскомъ городѣ, и когда дознаніе ему докладывалось, а жалобщикъ явился въ пріемную, то Безакъ, среди слушанія доклада, два или три раза требовалъ его къ себѣ для рѣзкихъ внушеній, обращаясь къ нему на „ты" и заключая окрикомъ: „вонъ"!

Слѣдуетъ еще прибавить, что въ особыхъ случаяхъ не чуждъ былъ Безакъ и дѣловой политики. Было въ краѣ нѣсколько имѣній, принадлежавшихъ людямъ вліятельнымъ, съ большими связями въ высшихъ сферахъ, и тутъ Безакъ очень озабочивался тѣмъ, чтобы при устройствѣ крестьянъ не вызывалось помѣщичьяго недовольства. Въ кіевской губерніи такими имѣніями были, напр., принадлежавшія гр. Бобринскому, а въ подольской—Строгановыхъ немировское имѣніе. Словомъ, существовала группа владѣній, казавшихся въ привилегированномъ положеніи, и участь крестьянскаго дѣла тамъ возбуждала общій интересъ. Задавались вопросомъ—будетъ ли допущена для этихъ имѣній исключительность и въ какой мѣрѣ? Распространялись слухи, что въ иныхъ изъ этихъ имѣній инвентарная земля возстановлена была не въ полномъ размѣрѣ. Въ одномъ, ходившемъ по рукамъ, шуточномъ стихотвореніи о ходѣ крестьянскаго дѣла, встрѣчалось даже по поводу большого кіевскаго имѣнія такое мѣсто:

„Знать, подъ флагъ инвентарный
Не вся тутъ попала мірская земля"...

Digitized by Google

Повѣрочный процессъ выполнялся въ такихъ имѣніяхъ, какъ вездѣ; назначалось и пониженіе выкупныхъ платежей,—только Безакъ нерѣдко его сокращалъ. По подобнымъ имѣніямъ онъ большею частью пользовался работою не Воронина или Сабанѣева, а людей другого рода, больше тянувшихъ въ помѣщичью сторону,—напр., Краинскаго или Красовскаго. Я слышалъ отъ члена кіевскаго губернскаго присутствія, Богославскаго, что, при разсмотрѣніи дѣла по нѣкоторымъ кіевскимъ имѣніямъ, Безакъ прямо высказывался за необходимость уступчивости помѣщичьимъ желаніямъ, говоря такъ: „Въ интересахъ общаго дѣла нельзя обходиться безъ частныхъ жертвъ, а тутъ надо считаться съ силою, которая можетъ повредить всему дѣлу; не уступимъ здѣсь—можно потерять больше".

Въ нашей губерніи „особеннымъ" дѣломъ представлялось немировское. Въ крѣпостную эпоху, мѣстечко Немировъ и группа окрестныхъ селеній принадлежали польскому владѣльцу, гр. Потоцкому, который предоставилъ крестьянамъ большія земельныя выгоды при сравнительно легкихъ повинностяхъ. Еще въ 1849 году онъ перевелъ крестьянъ на денежный оброкъ, по 90 коп. съ морга земли (1 р. 62 к. за десятину), причемъ требовалъ еще по 8 строительныхъ дней съ двора въ годъ, за что отпускался крестьянамъ лѣсной матеріалъ на постройки и топливо. За всѣ же работы сверхъ этой нормы платилось крестьянамъ деньгами. Полевыя земли отведены были крестьянамъ удобно, при самыхъ усадьбахъ, почему нѣкоторые хозяева даже соединили ихъ съ послѣдними. У иныхъ крестьянъ образовались цѣльные участки въ 9, 11 и 14 десятинъ. Имѣніе потомъ перешло въ другія руки. При введеніи же уставныхъ грамотъ, крестьянскую повинность признали не денежною, а смѣшанною, и на этомъ основаніи подвели подъ общую норму „Положеній", по которой каждая полевая десятина, даже за скидкою 20 процентовъ по обязательному выкупу, облагалась 2 р. 64 коп., т.-е. слишкомъ на рубль выше прежняго. Часть же слившейся съ усадьбами полевой земли оцѣнили по усадебной, т.-е. высшей оцѣнкѣ. Такое положеніе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ закрѣплено было и выкупомъ (Журналъ Врем. Коммиссіи, № 296, отъ 28 ноября 1864 года). Какъ только подошло время взысканія выкупныхъ платежей, у крестьянъ начались волненія, и возникъ вопросъ о преувеличенности повинностей. Выросло щекотливое дѣло. По особому вниманію къ владѣльческой сторонѣ, оно съ самаго начала сдѣлалось предметомъ высшаго административнаго участія. Еще до назначенія Безака, въ 1864 году, пріѣз-

Digitized by Google

жалъ по этому дѣлу изъ министерства въ подольскую губернію чиновникъ Маковъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ), но изъ его работы ничего не вышло, и кончать это дѣло пришлось уже при Безакѣ.

Когда Безакъ озабочивался улаженіемъ немировскаго дѣла, подвернулся съ своими услугами одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, Э., и ему удалось вызвать въ Безакѣ надежду на свое умѣнье повести дѣло такъ политично, что обѣ стороны останутся довольны и придутъ къ полному миру. Безакъ повѣрилъ и командировалъ Э. въ Немировъ, но самонадѣянность этого дѣятеля увѣнчалась полнымъ проваломъ. Онъ перемудрилъ, обратившись къ такимъ замысловатымъ способамъ вызова крестьянскаго довѣрія, которые, напротивъ, разрушали это довѣріе,—и вышелъ громкій скандалъ. Въ первыхъ числахъ декабря 1865 года получаетъ Безакъ изъ Немирова телеграмму такого содержанія: „Э., уладивъ немировское дѣло миролюбивымъ соглашеніемъ, въ день своихъ именинъ, на обѣдѣ, данномъ ему крестьянами, пьетъ за здоровье генералъ-губернатора". Впечатлѣніе произведено въ Кіевѣ крайне благопріятное: такъ быстро уладить щекотливое дѣло мирнымъ путемъ — своего рода подвигъ. Но вдругъ — рѣзкій поворотъ. Черезъ нѣсколько дней оттуда же получается вѣсть иного рода: „Немировскіе крестьяне бунтуютъ, ни на что не соглашаются, и для усмиренія ихъ нужна воинская сила". Щекотливое дѣло разомъ стало еще щекотливѣе. Обрисовались не въ мѣру мудреные пріемы умиротворенія, и Безакъ пришелъ въ полное раздраженіе. Э. немедленно былъ уволенъ отъ службы, и задачу его пришлось поручить болѣе прямому человѣку, члену губернскаго присутствія, Ушинскому, который послѣ долгихъ хлопотъ и довелъ немировское дѣло до конца. По словамъ Ушинскаго, крестьяне тутъ все-таки получили пониженіе выкупныхъ платежей болѣе 20 процентовъ.

Ѳ. Воропоновъ.

Digitized by Google

ПО ВОПРОСУ

О

ЗАДАЧАХЪ ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА

Въ декабрьскую сессію 1900 года, князь Н. С. Волконскій, за годъ до срока выборовъ, въ виду болѣзненнаго своего состоянія, сложилъ съ себя должность предсѣдателя рязанской губернской земской управы; а незадолго предъ тѣмъ имъ былъ прочитанъ докладъ объ измѣненіяхъ въ „Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ“ законами 12 іюня 1900 года; съ него мы и начнемъ настоящую статью, предпринятую нами съ цѣлью установить и выяснить взгляды на нѣкоторыя стороны дѣятельности губернскаго земства—одного изъ наиболѣе выдающихся представителей земскаго самоуправленія, поскольку взгляды эти выясняются также и изъ другихъ докладовъ кн. Волконскаго, въ бытность его предсѣдателемъ земской управы.

Итакъ, переходимъ къ докладу.

I.

12 іюня настоящаго года,—говорилъ Н. С. Волконскій,—состоялось два Высочайшихъ повелѣнія, которыя должны кореннымъ образомъ измѣнить условія дѣятельности земскихъ учрежденій. Однимъ изъ нихъ повелѣно завѣдываніе дѣлами по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей, возложенное „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“ на земство, сосредоточить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ передачею въ вѣдѣніе его непосредственныхъ органовъ всѣхъ мѣстныхъ, какъ губернскихъ такъ и общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ. Другимъ—установленъ размѣръ роста зем-

Digitized by Google

скаго обложенія—введеніемъ порядка, по которому,—впредь до установленія предѣльности этого обложенія въ зависимости отъ производящихся въ настоящее время оцѣнокъ имущества, подлежащихъ земскому обложенію,—могутъ быть, при составленіи земскихъ смѣтъ, сборы съ недвижимыхъ имуществъ повышаемы по усмотрѣнію земскихъ собраній не болѣе какъ на 3% въ годъ.

Оба эти закона, вмѣстѣ съ состоявшимся въ прошедшемъ году Высочайшимъ повелѣніемъ объ измѣненіи порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ, настолько глубоко затрогиваютъ условія дѣятельности земства, что требуютъ самаго серьезнаго обсужденія,—какъ дѣйствовать дальше.

Продовольственный законъ, собственно, не имѣетъ въ виду устранить земство вовсе отъ попеченія о народномъ продовольствіи; онъ только отнимаетъ у земства распоряженіе тѣми средствами, которыя, находясь въ его рукахъ, доставляли ему главные способы бороться съ наступающей нуждою. Помимо этихъ средствъ сословнаго характера, которыя земство образовывало не изъ своихъ земскихъ сборовъ, и которыя оно могло расходовать лишь на основаніи правилъ устарѣвшаго и нынѣ отмѣненнаго продовольственнаго устава,—возможны многія мѣропріятія, которыя могли бы принести серьезную пользу дѣлу борьбы съ послѣдствіями неурожая, какъ путемъ облегченія обусловливаемой голодовками нужды, такъ и посредствомъ поддержанія народнаго благосостоянія вообще. Принятіе такихъ мѣръ, какъ-то: учрежденіе центральныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ, принятіе мѣръ къ обезпеченію кормомъ крестьянскаго скота, устройство общественныхъ работъ, поощреніе къ улучшенію сельско-хозяйственной культуры, устраненіе препятствій къ сбыту по выгодной цѣнѣ сельскихъ произведеній, и многое другое, (какъ то подробно перечисляется въ представленіи мин. внутр. дѣлъ, отъ 12 марта 1899 года, при коемъ внесенъ былъ проектъ новаго закона на разсмотрѣніе государственнаго совѣта),—должно быть и въ настоящее время предметомъ попеченія земскихъ учрежденій, съ которыхъ, по выраженію того же представленія, по изданіи новаго продовольственнаго устава,—не было бы основаній слагать возложенныя „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“ заботы объ устраненіи недостатка въ средствахъ продовольствія и о воспособленіи мѣстному земледѣлію зависящими отъ земства способами. Заботы эти оставлены на земствѣ, и въ соотвѣтствіи съ новымъ закономъ оставлены въ вѣдѣніи и распоряженіи земства, на существующихъ основаніяхъ, имѣющіеся въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, образованные самимъ земствомъ, уѣздные продовольственные капиталы. Такимъ образомъ, были бы деньги, а для дѣятельности земства, какъ отмѣчено въ упомянутомъ пред-

Digitized by Google

ставленіи, остается еще широкое поле, на которомъ оно можетъ проявить свою заботу о благѣ населенія.

Законъ же 12 іюня объ установленіи предѣльности земскаго обложенія въ губерніяхъ, въ коихъ введено въ дѣйствіе положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ, и объ освобожденіи земствъ отъ нѣкоторыхъ расходовъ,—ограничиваетъ право земства облагать себя на удовлетвореніе своихъ земскихъ нуждъ свыше указанной нормы по собственному усмотрѣнію.

Собственно предѣльности земскаго обложенія, какъ уже сказано, этотъ законъ не установилъ; оно составляетъ дѣло будущаго; равнымъ образомъ, законъ не устанавливаетъ и запрещенія облагать недвижимыя имущества сборомъ, превышающимъ цифру предъидущаго года болѣе чѣмъ на три процента, но требуетъ только, чтобы въ такомъ случаѣ земская смѣта утверждалась надлежащими правительственными органами. По статьѣ 6 параграфа 6 Высочайшаго повелѣнія 1900 года, губернаторъ вноситъ такую смѣту на обсужденіе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и затѣмъ въ мѣсячный срокъ со дня полученія смѣты или утверждаетъ ее согласно заключенія присутствія, или же—въ тѣхъ случаяхъ, когда повышеніе сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ сверхъ нормы будетъ признано присутствіемъ, или лично губернаторомъ, обременительнымъ для населенія или невызывающимся необходимостью,—представляетъ смѣту министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ со всѣми по ней замѣчаніями и заключеніями присутствія по земскимъ и городскимъ дѣламъ. По статьѣ же 8-й того же параграфа, если министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ признаютъ предположенное земскими собраніями, губернскими или уѣздными, повышеніе сборовъ обременительнымъ для населенія или невызывающимся необходимостью, то указываютъ собраніямъ тѣ статьи расхода, которыя подлежатъ сокращенію или исключенію изъ смѣты.

Вотъ главныя основанія того ограниченія, которое вносится новымъ закономъ въ земскую практику. Такимъ образомъ, если въ какой-нибудь губерніи взгляды губернатора или губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія не расходятся со взглядами земскихъ собраній на настоятельность удовлетворенія различныхъ потребностей мѣстнаго населенія и на степень обременительности для него обложенія, то земская жизнь можетъ еще идти въ такой губерніи до поры до времени прежнимъ ходомъ; но какъ только во взглядахъ названныхъ лицъ и учрежденій встрѣчается разница въ этомъ отношеніи,—для собранія возникаетъ крайне затруднительное положеніе въ дѣлѣ составленія своей смѣты. Если оно, желая удовлетворить даже самыя настоятельныя по его пониманію нужды населенія, будетъ вы-

Digitized by Google

нуждено выйти за предѣлы трехъ-процентнаго повышенія сбора съ недвижимаго имущества предъидущаго года, оно подвергается риску, что его смѣта будетъ передѣлана совсѣмъ не по его желанію, причемъ выпущенными могутъ оказаться какъ разъ тѣ расходы, которыми оно болѣе всего дорожитъ. Ибо, если въ той же приведенной выше статьѣ 8-й новаго закона и сказано, что при сокращеніи расходной смѣты министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ сообразуются съ заключеніемъ по сему предмету губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, а также съ ходатайствами земскаго собранія, буде таковыя были заявлены при составленіи смѣты, то въ томъ же законѣ нигдѣ не сказано, чтобы при этомъ желанія, выраженныя земскимъ собраніемъ въ такихъ ходатайствахъ, непремѣнно исполнялись министерствами, и чтобы министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ не могли, если найдутъ нужнымъ, измѣнять представленныя смѣты исключеніемъ изъ нихъ какихъ-либо расходовъ и вопреки заявленному собраніемъ желанію. Такое преимущество установлено только для расходовъ, уже вошедшихъ въ силу по смѣтѣ предъидущаго года, относительно которыхъ сказано, что министры наблюдаютъ при измѣненіи смѣтъ, чтобы назначенія, отпускавшіяся по смѣтѣ предшествующаго года, не были сокращаемы иначе, какъ по заявленію о томъ земскаго собранія. Такъ какъ эта оговорка распространена лишь на назначенія, отпускавшіяся по смѣтѣ предъидущаго года, то отсюда слѣдуетъ, что такого требованія по отношенію ко вновь предположеннымъ расходамъ для министерствъ не существуетъ, и такіе расходы могутъ быть исключаемы или сокращаемы и вопреки ходатайства земскаго собранія.

Какимъ же образомъ должно отозваться примѣненіе этого закона на жизни земскихъ учежденій, на практикѣ, и прежде всего на тѣхъ средствахъ, которыми могутъ располагать земскія учрежденія? — Такъ какъ ограниченіе права самообложенія, вводимое закономъ 12 іюня, основано не на прочныхъ, твердо опредѣленныхъ признакахъ, въ родѣ высоты расхода по сравненію со стоимостью или доходностью облагаемаго имущества, а на случайной величинѣ смѣты 1900 года, принятой за основаніе нормировки, то и производимое имъ стѣсненіе на первыхъ порахъ будетъ различно для различныхъ мѣстностей. Всѣ тѣ губерніи и уѣзды, которые составляли свои смѣты широко, окажутся въ лучшемъ положеніи по отношенію къ возможности удовлетворить свои потребности—противъ тѣхъ, которые сводили смѣты скупо; такимъ же образомъ, тѣ мѣстности, гдѣ почему-либо смѣта на 1900 годъ была увеличена, можетъ быть, случайнымъ введеніемъ временнаго назначенія на уплату долга, будутъ въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ мѣстности, поступившія въ этомъ году иначе и урѣзавшія смѣту даже,

Digitized by Google

можетъ быть, подъ вліяніемъ какой-либо ошибки въ разсчетѣ, какъ это нерѣдко бываетъ. Поле, отмежеванное земству для самостоятельнаго обложенія въ мѣстностяхъ этого послѣдняго разряда, окажется значительно стѣсненнымъ уже съ самаго начала, и земству такихъ уѣздовъ и губерній сразу придется стать въ необходимость испрашивать разрѣшенія на свои расходы. Въ такомъ положеніи очутилось въ истекшемъ году пронское земство, понижавшее свои смѣты нѣсколько лѣтъ подрядъ и не далѣе какъ въ прошломъ году понизившее свою раскладку занесеніемъ по смѣтѣ доходовъ черезчуръ высокаго ожиданія поступленія недоимокъ на нынѣшній годъ. Для того, чтобы только приступить къ раскладкѣ по долгамъ, земство этого уѣзда должно было повысить на 1901 годъ сборы съ недвижимыхъ имуществъ болѣе, чѣмъ на 26% противъ сбора 1900 года. Напротивъ того, рязанскій уѣздъ, приступившій къ расплатѣ по долгамъ въ 1900 году и для этой цѣли повысившій свою раскладку на этотъ годъ, черезъ то получилъ нѣкоторый просторъ въ распоряженіи своими расходами по собственному усмотрѣнію. Такъ какъ рязанская губернія въ общемъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ земство было очень умѣренно въ своихъ расходахъ, то большинство уѣздовъ, точно также какъ и губернское земство, оказывается въ положеніи менѣе благопріятномъ по отношенію къ условіямъ, созданнымъ закономъ 12 іюня, чѣмъ многія другія губерніи. Тяжелая сторона этого закона скажется скоро. Кромѣ того, большинство нашихъ уѣздовъ, —какъ это выяснилось на созванномъ въ нынѣшнемъ году при губернской управѣ совѣщаніи бухгалтеровъ земскихъ управъ всѣхъ уѣздовъ,— отставшее отъ практики прежняго времени, вслѣдствіе новыхъ правилъ о составленіи и выполненіи земскихъ смѣтъ, къ которымъ оно какъ слѣдуетъ приноровиться не успѣло или же не съумѣло,—составляло свои смѣты въ послѣдніе годы неправильно, какъ по отношенію къ зачету свободныхъ остатковъ, такъ и въ опредѣленіи ожидаемыхъ къ поступленію недоимокъ. То и другое выводилось въ бо̀льшихъ цифрахъ, чѣмъ бы слѣдовало, вслѣдствіе чего раскладка искусственно понижалась, и выходило, что хотя смѣта на бумагѣ и была сведена въ равновѣсіи приходовъ съ расходами, или даже съ остаткомъ,—а въ дѣйствительности былъ дефицитъ. Такъ, въ 1898 году, за который однимъ изъ бухгалтеровъ была произведена повѣрка балансовъ всѣхъ уѣздовъ, безъ дефицита, оказалось, были заключены смѣты лишь по двумъ уѣздамъ. Очевидно, что при такомъ положеніи стѣснительность новаго закона должна чувствоваться сильнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы земству не представлялось надобности одновременно съ введеніемъ этого закона считаться еще и съ необходимостью вводить расходы для покрытія образовавшихся дефицитовъ.

Digitized by Google

Въ томъ же смыслѣ долженъ вліять въ нашей губерніи, съ установленіемъ закона 22 марта прошлаго года, порядокъ производства отчисленій въ земскій сборъ изъ суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ налоговъ, и послѣдующія узаконенія и распоряженія правительства по тому же предмету. Законъ 22 марта объ измѣненіи существующаго порядка распредѣленія суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ, опредѣлившій наименьшее отчисленіе въ пользу земства съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель въ размѣрѣ 20% общаго поступленія поземельныхъ сборовъ съ этого вида имуществъ,—создалъ, за исключеніемъ годовъ съ большими урожаями, условія неблагопріятныя для земства, получавшаго до того времени обыкновенно больше. Тотъ же порядокъ пропорціональнаго отчисленія въ пользу казны и земства, какъ извѣстно, былъ распространенъ далѣе и на недоимки, взыскиваемыя принудительнымъ порядкомъ, за исключеніемъ недоимокъ страховыхъ, за которыми признано первенство взысканія. Вслѣдъ затѣмъ, Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 10 декабря 1899 года было пріостановлено на 1900 годъ взысканіе земскихъ недоимокъ съ крестьянъ, а правительственнымъ распоряженіемъ отъ 9 марта 1900 года предложено земству пересмотрѣть эти недоимки и сложить неблагонадежныя къ поступленію, а остальныя разсрочить такъ, чтобы ежегодно взыскиваемая сумма ихъ не превышала 15—20% оклада. Наконецъ, двумя новыми узаконеніями въ общую массу сборовъ введены также страховые сборы (по обязательному страхованію) и продовольственные долги. Взысканію тѣхъ и другихъ предоставлено первенство передъ всѣми прочими сборами, а страховымъ—и передъ продовольственными долгами (Высочайшее повелѣніе 3 іюля 1900 года).

Такимъ образомъ, взысканіе какъ земскихъ сборовъ, такъ и въ особенности недоимокъ по нимъ, оказалось отодвинутымъ на задній планъ, а нѣкоторыя недоимки вѣроятно не будутъ взысканы и вовсе. Все это обусловливаетъ стѣсненіе земской кассы, которое неминуемо должно сказаться съ первымъ же урожаемъ ниже средняго. Освобожденіе земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ для него расходовъ, перечисленныхъ въ законѣ 12 іюня, съ принятіемъ этихъ расходовъ на средства казны, конечно, не можетъ вознаградить за такія потери. Поэтому неудивительно, что по нѣкоторымъ уѣздамъ уже съ перваго года дѣйствія новаго закона пришлось довести смѣты до установленнаго предѣла независимо отъ удовлетворенія какихъ-либо новыхъ потребностей, и, надо думать, то же будутъ вынуждены сдѣлать остальные уѣзды въ недалекомъ будущемъ.

Но какъ же быть далѣе?

Digitized by Google

II.

Законъ предоставляетъ на выборъ два способа дѣйствія: или—при недостаточности имѣющихся средствъ—сократить земскіе расходы на удовлетвореніе мѣстныхъ общественныхъ нуждъ до установленнаго предѣла обложенія, или отказаться отъ доли самостоятельности въ распоряженіи своими средствами, которыя предоставлены земскимъ учрежденіямъ по положенію объ этихъ учрежденіяхъ, и идти съ просьбой о помощи къ администраціи, рѣшившись подвергнуть свою смѣту ея разсмотрѣнію и подчиниться въ дѣлѣ выбора потребностей, удовлетвореніе которыхъ предоставлено земству, тѣмъ указаніямъ, которыя будутъ сдѣланы министрами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Въ первомъ случаѣ, земство должно будетъ замкнуть свою дѣятельность въ тѣ рамки, въ коихъ она примѣрно находится и въ настоящее время. Возможно ли это для земства вообще и, прежде всего, возможно ли это для рязанскаго губернскаго земства? Его смѣта губернскихъ расходовъ составляетъ въ послѣднее время около 800 тысячъ рублей. Сравнительно съ другими губерніями, это—небольшая смѣта. Есть губерніи, въ которыхъ годичный расходъ по губернской смѣтѣ значительно больше нашего [1]).

Но цифра наша окажется еще значительно меньше, если мы вмѣсто итога земскихъ расходовъ обратимся къ раскладкѣ. Такъ какъ двѣ значительныя статьи расходовъ, производимыхъ губернской управой,—леченіе больныхъ и призрѣніе умалишенныхъ въ заведеніяхъ губернскаго земства въ части, оплачиваемой уѣздами, и образованіе спеціально-дорожнаго комитета при принятомъ въ губерніи способѣ образованія этого капитала,—составляютъ собственно расходы уѣздные, проводимые по уѣзднымъ раскладкамъ, и двѣ другія потребности—призрѣніе больныхъ, умалишенныхъ и пр., въ части, покрываемой расходами съ капиталовъ общественнаго призрѣнія, и оцѣнка земель,—оплачиваются въ значительной части изъ спеціальныхъ средствъ,—

---

[1]) Вотъ для сравненія нѣсколько цифръ:

Смѣты на 1900 годъ составляли:	Итогъ расходовъ по смѣтѣ. Р у	Въ раскладку пошло: б л	Изъ коихъ пало на недвижимыя имущества: е й:
Въ рязанской губ. . . .	813.095	334.313	309.331
„ тамбовской губ. . .	1.023.925	547.356	450.786
„ екатеринославск. г.	1.076.623	741.084	653.891
„ московской губ. . .	1.742.741	1.393.968	1.003.908
„ полтавской (за 1899 годъ).	1.448.051	913.812	788.812

Digitized by Google

то часть, поступающая за вычетомъ процентнаго сбора съ торговыхъ свидѣтельствъ и документовъ собственно въ раскладку въ видѣ губернскаго земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ,—представляетъ величину и того мѣньшую, составляя съ небольшимъ 300 тысячъ рублей въ годъ. Въ Россіи есть уѣзды, смѣты которыхъ превышаютъ ту часть нашей губернской смѣты, которая собственно идетъ въ раскладку, т.-е. не составляетъ повторенія расходовъ, уже проведенныхъ по уѣздамъ, и не покрывается спеціальными капиталами.

Эта незначительность губернскаго земскаго сбора въ рязанской губерніи, указывающая на то, что въ нашей губерніи собственно расходы губернскаго земства не получили того развитія, какъ въ другихъ,—имѣетъ значеніе и въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, такъ какъ губерискій расходъ у насъ до сихъ поръ невеликъ,—между тѣмъ какъ повсемѣстно въ послѣдніе годы какъ разъ замѣчается ростъ именно губернскихъ расходовъ, — то думать слѣдуетъ, что и у насъ ростъ губернской смѣты только задержанъ особенностями нашей организаціи, а не устраненъ вовсе, и что, слѣдовательно, въ ближайшемъ будущемъ придется считаться съ потребностью увеличить именно нашу губернскую смѣту. Во-вторыхъ, такъ какъ размѣръ сбора, устанавливать который предоставлено усмотрѣнію самихъ земскихъ учрежденій, опредѣленъ въ зависимости не отъ высоты обложенія, а отъ размѣра расходовъ, уже производящихся по земскимъ смѣтамъ,—то выходитъ, что земство получаетъ право распоряжаться, по своему усмотрѣнію, тѣмъ большею суммою, чѣмъ крупнѣе общая цифра его расхода, падающая на недвижимыя имущества: чѣмъ выше сумма, съ которой берется какой-либо процентъ, тѣмъ больше даетъ тотъ же самый процентъ, взятый съ этой суммы. Три % съ 300 тысячъ рублей, составляющіе размѣръ губернскаго земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ въ рязанской губерніи, равняются 9.000 рублей. Еслибы губернскій земскій сборъ съ недвижимыхъ имуществъ достигалъ у насъ 1 милліона, какъ, напр., въ московской губерніи, мы имѣли бы право распоряжаться по своему усмотрѣнію не 9-ю, а 30-тью тысячами рублей. Къ сказанному слѣдуетъ присоединить еще то соображеніе, что чѣмъ меньше итогъ смѣты и части, покрываемой раскладкой на недвижимыя имущества,—тѣмъ бо̀льшимъ колебаніямъ должно подвергаться обложеніе этого вида имуществъ въ различные годы, такъ какъ тѣмъ бо̀льшую величину по отношенію къ общей суммѣ, подлежащей раскладкѣ на эти имущества, будетъ составлять въ смѣтѣ всякій новый расходъ, а потому тѣмъ труднѣе будетъ обходиться земству опредѣленнымъ процентомъ роста. Такъ, если взять смѣты, утвержденныя рязанскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ за послѣднія 16 лѣтъ, т.-е. съ того времени, какъ вошелъ въ жизнь

Digitized by Google

нынѣшній способъ раскладки губернскаго земскаго собранія между уѣздами и нынѣшній способъ покрытія дефицита по общественному призрѣнію, то средній ростъ налога съ недвижимыхъ имуществъ составлялъ за это время 3,79% въ годъ, между тѣмъ какъ колебанія его держались между +12,27% и —6,6% сбора предшествующаго года, при чемъ послѣдній, 1900 годъ, взятый за нормальный, былъ однимъ изъ тѣхъ, когда земская смѣта и въ частности сборъ съ недвижимыхъ имуществъ значительно понизились (на 3,57% противъ предшествующаго года), благодаря зачету на покрытіе расходовъ по оцѣночнымъ работамъ казеннаго пособія [1]).

9.000 рублей—вотъ, стало быть, та сумма, которою рязанское губернское земство можетъ располагать для ежегоднаго увеличенія своихъ расходовъ по своему усмотрѣнію. Всякое увеличеніе смѣты свыше этой суммы уже влечетъ за собой необходимость представлять смѣту на утвержденіе.

Что 9.000 рублей сама по себѣ сумма очень небольшая даже для рязанской смѣты—видно, напр., изъ того, что нѣсколько разъ въ практикѣ этого земства бывали передержки на какую-нибудь непредвидѣнную надобность на бо̀льшую сумму, которыя затѣмъ утверждались собраніемъ и вносились въ смѣту будущаго года. И всякій пойметъ, что избѣжать такихъ внезапныхъ надобностей въ такомъ хозяйствѣ,

[1]) Вотъ относящіяся сюда данныя:

Года.	Сборъ съ недвижим. имуществъ.	Процентный сборъ.	Дефицитъ по общественному призрѣнію.	Измѣненіе облож. съ недвиж. имущ. въ % къ сбору предшеств. года.
	Руб.	Руб.	Руб.	
1884 . .	176.100	14.477	28.437	— —
1885 . .	197.714	11.095	24.309	+ 12,27
1886 . .	200.195	18.757	28.373	+ 1,25
1887 . .	222.812	17.002	21.819	+ 11,3
1888 . .	243.038	18.867	11.946	+ 9,08
1889 . .	227.000	16.937	16.635	— 6,6
1890 . .	248.345	15.791	22.163	+ 9,4
1891 . .	241.906	28.681	18.950	— 2,59
1892 . .	237.407	29.059	16.750	— 1,86
1893 . .	262.784	25.606	22.578	+ 11,11
1894 . .	277.953	20.347	28.933	+ 5,77
1895 . .	301.296	26.288	27.844	+ 8,4
1896 . .	299.092	27.457	19.080	— 0,73
1897 . .	310.754	26.867	27.601	+ 3,9
1898 . .	300.605	30.148	35.338	— 3,27
1899 . .	320.802	29.299	37.027	+ 6,72
1900 . .	309.331	24.982	50.618	— 3,57
			Среднее . . .	+ 3,79.

Digitized by Google

какъ земское, невозможно. Какая-нибудь новая кочегарка при голенчинской больницѣ обойдется въ 18.000 рублей. Постановка новаго парового котла или притокъ трехъ-четырехъ десятковъ лишнихъ больныхъ въ земскую больницу или домъ умалишенныхъ, всегда возможный при 700 призрѣваемыхъ, напр., въ нашихъ психіатрическихъ заведеніяхъ, могутъ унести весь нашъ запасъ. Но значеніе упомянутой суммы можетъ вполнѣ выясниться только при сопоставленіи ея съ тѣми расходами, которые предстоятъ земству въ ближайшіе годы.

Какіе же расходы предстоятъ рязанскому земству въ ближайшемъ будущемъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, приходится прежде всего отмѣтить, что въ отношеніи удовлетворенія губернскихъ потребностей земство рязанской губерніи дѣйствительно отстало отъ многихъ другихъ, и что есть нѣсколько вопросовъ, уже давно намѣченныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ качествѣ такихъ, въ разрѣшеніи которыхъ губернское земство должно бы было принять участіе, но которые до сихъ поръ не вышли еще изъ періода разработки. То, что, можетъ быть, клонилось къ выгодѣ нашей и плательщика нашихъ налоговъ, пока земство не было связано никакой нормировкой; та осторожность, съ которою эти вопросы ставились и разрабатывались въ нашемъ собраніи,—теперь, повидимому, все это грозятъ обратиться намъ во вредъ.

Приведемъ списокъ такихъ вопросовъ, которые потребуютъ извѣстной дѣятельности губернскаго земства.

Въ дѣлѣ народнаго продовольствія, самимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ признано, въ представленіи его въ государственный совѣтъ, что „съ изданіемъ новаго продовольственнаго устава не было бы основанія слагать съ земства возложенныя на него нынѣшнимъ „Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ“ заботы объ устраненіи недостатка въ средствахъ продовольствія и о воспособленіи мѣстному земледѣлію зависящими отъ земства способами, какъ, напр., учрежденіемъ центральныхъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ, снабженіемъ населенія лучшимъ сѣменнымъ зерномъ и сельско-хозяйственными орудіями, содѣйствіемъ къ наиболѣе выгодному сбыту сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и проч.“.

Государственный же совѣтъ въ своихъ соображеніяхъ еще яснѣе обрисовываетъ обязанности земства по отношенію къ устраненію продовольственной нужды, говоря: „Проектируемыя министерствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ измѣненія въ завѣдываніи продовольственнымъ дѣломъ вовсе не имѣютъ цѣлью совершенно устранить земскія учрежденія отъ предоставленнаго имъ дѣйствующимъ закономъ попеченія о народномъ продовольствіи, предполагая лишь со-

Digitized by Google

средоточить дѣло по обезпеченію въ указанныхъ проектомъ предѣлахъ продовольственныхъ потребностей сельскихъ обывателей въ крестьянскихъ учрежденіяхъ, какъ органахъ, коимъ вообще ввѣрено попеченіе объ этой части населенія. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что, согласно основной мысли проекта, на указанныя учрежденія возлагается только удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей сельскаго населенія—предупрежденіе проявленія голода со всѣми его ужасными послѣдствіями путемъ выдачи въ ссуду одного хлѣба и обезпеченіе возможности обсѣмененія полей, дабы дать крестьянамъ средство къ существованію до будущаго урожая. Никакихъ другихъ задачъ обсуждаемыя правила не преслѣдуютъ, и, такимъ образомъ, для земства остается еще широкое поле дѣятельности. Такія важныя мѣропріятія,—сказано въ журналѣ государственнаго совѣта,—уже съ успѣхомъ практикуемыя нѣкоторыми земствами, какъ продажа хлѣба по заготовительной цѣнѣ, обезпеченіе прокормомъ лошадей, на коихъ главнымъ образомъ зиждется благосостояніе крестьянскаго хозяйства,—остаются всецѣло и впредь на обязанности земскихъ учрежденій".

Понятно, что для исполненія такихъ серьезныхъ задачъ требуются и серьезныя средства.

Въ дѣлѣ общественнаго призрѣнія намъ предстоитъ коренная переработка способа призрѣнія душевно-больныхъ, постройка новыхъ зданій и измѣненіе пріемовъ, съ тѣмъ, чтобы расходы земства служили цѣлесообразному удовлетворенію потребности населенія, какъ это выяснилось на созванномъ при губернской управѣ совѣщаніи земскихъ психіатровъ нѣкоторыхъ губерній.

Въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія у насъ еще не приведено въ исполненіе постановленіе собранія объ организаціи губернской медицины. Между тѣмъ, потребность въ такой организаціи все сильнѣе чувствуется и выходитъ наружу при каждой попыткѣ улучшить условія дѣятельности заведеній губернскаго земства, какъ это, напримѣръ, ясно сказалось при обсужденіи вопроса о призрѣніи душевно-больныхъ на упомянутомъ совѣщаніи.

Въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія дѣятельность рязанскаго губернскаго земства только еще начинается. Помимо частныхъ мѣръ о курсахъ и учительскихъ съѣздахъ, библіотекахъ и читальняхъ, на управѣ лежитъ еще порученіе собранія выработать основанія, на которыхъ губернское земство могло бы вообще приходить на помощь уѣзднымъ въ училищномъ дѣлѣ. Въ другихъ губерніяхъ въ этой отрасли земской дѣятельности сдѣлано многое, что могло бы съ пользою быть сдѣлано и у насъ, но до сихъ поръ не дѣлалось.

Въ дѣлѣ содѣйствія земледѣлію рязанскимъ губернскимъ земствомъ

Digitized by Google

еще ничего не сдѣлано; между тѣмъ и въ этомъ отношеніи на земскихъ учрежденіяхъ лежатъ серьезныя обязанности въ отношеніи населенія. Дѣятельность же уѣздовъ, все болѣе расширяющаяся и охватывающая съ каждымъ годомъ все большее число уѣздовъ, достигаетъ уже, повидимому, того положенія, когда своевременно будетъ и губернскому земству принять въ этихъ заботахъ свою долю участія. Собранію придется разсмотрѣть и рѣшить вопросъ, какое участіе можетъ губернское земство принять въ устройствѣ средне-учебнаго и сельско-хозяйственнаго заведенія въ селѣ Песочнѣ.

Помимо этихъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ является задачей губернскаго земства въ ближайшіе годы, помимо естественнаго роста нѣкоторыхъ расходовъ теперешней смѣты, въ родѣ, напримѣръ, расхода на призрѣніе сиротъ и подкидышей, душевно-больныхъ и проч.,—на губернскомъ земствѣ лежитъ еще одинъ серьезный расходъ по обязательствамъ въ отношеніи своихъ служащихъ. Обязательства эти вытекаютъ изъ рѣшеній, уже ранѣе принятыхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, которыми оно себя связало, и потому—все равно что обязательныхъ для земства. Собранію извѣстно, въ какое положеніе земство попало по отношенію къ нашей эмеритальной кассѣ для служащихъ. Послѣ многихъ усилій и обдумываній былъ выбранъ, наконецъ, способъ, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенія при помощи перехода къ кассѣ новаго страхового типа, проектированной правительствомъ. Но, примкнувъ къ министерскому проекту, земство тѣмъ самымъ уже принимало на себя обязанность ежегодно вносить за своихъ служащихъ сумму, равную 6% ихъ годового жалованья, не считая расходовъ по завѣдыванію кассой. При теперешнемъ составѣ служащихъ и величинѣ получаемаго ими содержанія это составитъ около 27.000 рублей, изъ которыхъ около 3.700 рублей падаютъ на губернскій земскій сборъ, и 23.000 рублей—на смѣты уѣздовъ. Но помимо этого ежегоднаго платежа на надобности новой кассы, согласно одобренному собраніемъ проекту ликвидаціи старой эмеритальной кассы, потребуется нести, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, расходъ до 40 тысячъ рублей на удовлетвореніе обязательствъ по старой кассѣ.

Что же значатъ 9.000 рублей ежегоднаго роста сбора съ недвижимыхъ имуществъ, предоставленнаго въ распоряженіе губернскаго земскаго собранія, въ виду всѣхъ этихъ расходовъ? Уже одна расплата по пенсіоннымъ обязательствамъ на много превышаетъ эту цифру. Очевидно, что для рязанскаго земства, если оно желаетъ служить органомъ удовлетворенія потребностей губерніи, нѣтъ другого исхода, какъ обратиться ко второму изъ допускаемыхъ закономъ способовъ дѣйствія, и, занося въ свои смѣты все, что, по мнѣнію губернскаго

Digitized by Google

земскаго собранія, нужно для удовлетворенія нуждъ населенія, просить объ утвержденіи этой смѣты на точномъ основаніи закона 12-го іюня 1900 года.

Разсмотримъ же поближе условія этого порядка. Для краткости опустимъ тотъ случай, когда при представленіи на утвержденіе смѣты исчисленные въ ней расходы будутъ признаны губернаторомъ и губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ и необходимыми, и необременительными для населенія. Для такихъ случаевъ, какъ уже сказано, порядокъ останется тотъ же, какъ и теперь. Возьмемъ случай, когда вопросъ объ утвержденіи смѣтъ будетъ представленъ, за отсутствіемъ такого признанія со стороны губернатора или присутствія по земскимъ и городскимъ дѣламъ, на разрѣшеніе министерства,—случай, весьма возможный при болѣе или менѣе значительномъ повышеніи смѣты. Согласно закона 12-го іюня, министерство должно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ со дня передачи смѣты губернатору или оставить ее,—если въ ней предполагаются какія-либо измѣненія,—или допустить къ исполненію въ томъ видѣ, какъ ее проектировало земское собраніе, если только по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ не признано будетъ возможнымъ утвердить уже измѣненную смѣту. Такъ какъ слѣдуетъ ожидать, что въ большинствѣ случаевъ не представится возможности разсмотрѣть смѣту въ обоихъ министерствахъ въ такой короткій срокъ, то смѣта, по всей вѣроятности, будетъ остановлена. Разъ она уже представлена въ министерство,—значитъ, въ ней нашлось что-нибудь такое, что̀ затруднило ея утвержденіе мѣстными органами,—губернаторомъ и присутствіемъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ,—слѣдовательно, требуетъ соображеній. Впрочемъ, для губернской смѣты тотъ фактъ, будетъ ли она остановлена министерствами или вступитъ въ силу черезъ три мѣсяца послѣ представленія ея губернатору, почти безразличенъ. Разъ предположенный земствомъ расходъ остался неутвержденнымъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній, заканчивающихъ свои засѣданія обыкновенно въ декабрѣ,—онъ, все равно, въ раскладку того года, на который составлена смѣта, войти не можетъ, а можетъ попасть въ нее только въ слѣдующемъ году. Такимъ образомъ, первымъ послѣдствіемъ перенесенія губернской смѣты на разсмотрѣніе министровъ, даже въ случаѣ утвержденія ея, будетъ отсрочка проектированныхъ расходовъ на годъ. Такъ какъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ надобно, при разсмотрѣніи представляемыхъ смѣтъ, указать земскимъ собраніямъ, какія статьи подлежатъ сокращенію или исключенію изъ смѣты, если эти статьи будутъ найдены въ министерствахъ не отвѣчающими необходи-

Digitized by Google

мости, то очевидно, что разсмотрѣнію министровъ должны подлежать не новыя только статьи расходной смѣты, между которыми можетъ и не оказаться такой подлежащей сокращенію или исключенію статьи, но и прежнія. Если на эти прежнія расходныя статьи, уже вошедшія въ силу и привычку, не распространяется право администраціи непосредственно ихъ измѣнить или исключить изъ смѣты, какъ это предоставлено имъ по отношенію къ расходамъ, вновь занесеннымъ въ смѣту (вѣроятно, во избѣжаніе излишней проволочки при возвращеніи смѣты вторично въ земское собраніе, и министры наблюдаютъ, чтобы такіе вошедшіе въ силу расходы, бывшіе въ смѣтѣ предшествовавшаго года, сокращались не иначе, какъ по заявленію о томъ подлежащаго земскаго собранія),—то указанія на возможность сокращенія и этихъ статей или даже исключенія ихъ изъ смѣты всегда могутъ быть сдѣланы въ министерствахъ. Такого рода разсмотрѣнія смѣтъ, производимыя не на мѣстѣ ихъ составленія и не тѣми учрежденіями, которыя ихъ составляли, не могутъ производиться скоро. Многое въ земскихъ смѣтахъ будетъ непонятно министрамъ, потребуетъ разъясненій, дополненій и проч. Въ концѣ-концовъ можетъ случиться даже и то, что когда иной расходъ будетъ разрѣшенъ, уже измѣнятся самыя условія, его вызвавшія. Съ обыкновенными расходами при такомъ порядкѣ разсмотрѣнія земскихъ смѣтъ, единственно, повидимому, возможномъ, въ министерство не пойдешь, а если пойдешь, если такое направленіе приметъ утвержденіе большинства нашихъ смѣтъ, и если министерству придется самому войти въ разсмотрѣніе всѣхъ подробностей земскихъ расходовъ,—то понятно, какъ сильно должна измѣниться вся земская практика. За неудобства, которыя должны произойти для земства при такомъ способѣ утвержденія его смѣтъ, едва-ли можно счесть вознагражденіемъ тѣ, предусмотрѣнные закономъ 12-го іюня, случаи, когда министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, признавъ исчисленные земствомъ расходы необходимыми, но непосильными для населенія, войдутъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о воспособленіи земству изъ средствъ казны,—и пособіе будетъ дѣйствительно оказано. Между тѣмъ, опытъ прежняго времени показываетъ, что такое измѣненіе въ направленіи дѣятельности земскихъ учрежденій возможно.

Дѣятельность бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія у нѣкоторыхъ изъ насъ еще на памяти; а о томъ, что происходило и какъ рѣшались дѣла въ рязанскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, достаточно свѣдѣній приведено по архивному матеріалу въ „Опытѣ разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго губернскаго земства“ покойнаго А. Д. Повалишина. И приказъ общественнаго призрѣнія былъ, по замѣчанію Повалишина, въ началѣ своей дѣя-

Digitized by Google

тельности поставленъ вполнѣ самостоятельно. Статья 429 „Учрежд. объ упр. губ." положеніе приказа опредѣляетъ такъ: „Приказъ, кромѣ Императорскаго Величества и сената, ни отъ кого не принимаетъ законовъ и указовъ; повелѣнія же главноначальствующаго, сходственныя съ установленіями приказа общественнаго призрѣнія, принимаетъ и ни къ кому иному не подаетъ и не присылаетъ рапортовъ и донесеній". Въ дѣйствительности, дѣятельность его на первыхъ порахъ была вполнѣ самостоятельна какъ въ общемъ веденіи дѣлъ, такъ и въ учрежденіи тѣхъ или другихъ заведеній и въ управленіи послѣдними. Но мало-по-малу положеніе это измѣнилось. Съ учрежденіемъ рязанскаго генералъ-губернаторства эта самостоятельность была весьма значительно ограничена, и личныя распоряженія генералъ-губернатора замѣнили бывшую доселѣ коллегіальную дѣятельность приказа. А съ упраздненіемъ генералъ-губернаторства послѣдовало полное подчиненіе приказа власти министерства внутреннихъ дѣлъ; съ этихъ поръ приказъ не имѣлъ уже никакой самостоятельности; онъ могъ дѣлать только предположенія, которыя утверждались центральной властью, и тогда только могли приводиться въ исполненіе. Предположенія приказа о какихъ-либо новыхъ постройкахъ или капитальныхъ передѣлкахъ восходили на утвержденіе верховныхъ властей; предположенія, касающіяся смѣты расходовъ, а также относительно внутренняго распорядка, утверждались министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ денежномъ отношеніи самый незначительный расходъ сталъ требовать разрѣшенія высшей власти. Сложеніе недоимокъ, какъ бы ничтожны онѣ ни были, не могло быть производимо безъ разрѣшенія министерства. Приказъ не могъ даже сдѣлать собственною властью внѣсмѣтныхъ расходовъ: такъ, жалованье смотрителю больницы по штату, утвержденному генералъ-губернаторомъ, было опредѣлено въ 300 рублей и помощнику его тоже въ 300 рублей. Однажды, по недостаточному числу больныхъ, помощника назначено не было, а жалованье смотрителю приказъ увеличилъ на 200 рублей. Министерство, указавъ, что это сдѣлано безъ его разрѣшенія, потребовало отъ приказа объясненія. Въ 1848 году приказъ сдѣлалъ заготовленіе для своихъ заведеній квашеной капусты на 182 руб. за счетъ смѣты 1849 года. Это распоряженіе было представлено на усмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, коимъ и было одобрено. Такъ постепенно измѣнялась дѣятельность приказа, съ чѣмъ вмѣстѣ, какъ и слѣдовало ожидать, росла письменность. „Въ началѣ всѣ распоряженія приказа,—говоритъ авторъ „Опыта",—вносившіяся въ журналъ, помѣщались въ одной книгѣ, потомъ въ двухъ —по полугодіямъ,—потомъ въ трехъ, въ шести и наконецъ въ двѣнадцати, за каждый мѣсяцъ особо. Сложность дѣлопроизводства и от-

Digitized by Google

четности дошла до того, что, напримѣръ, въ 1849 году велось 57 книгъ для счетоводства разнаго рода суммъ".

Мы знаемъ, чѣмъ кончилъ приказъ. Конечно, въ настоящее время условія нѣсколько другія; но, тѣмъ не менѣе, возможность, для дѣятельности земства по ввѣреннымъ ему дѣламъ, при частыхъ обращеніяхъ къ министерству, принять то же направленіе,—все-таки остается. Вдумайтесь въ условія дѣйствій приказовъ, и вы увидите, что ихъ недостатки происходили не отъ недобросовѣстности или небрежности отношенія къ дѣлу, не отъ недостатка среди лицъ, на которыхъ лежало веденіе ввѣренныхъ приказу занятій, людей способныхъ, а отъ самой постановки ихъ дѣятельности: каждый вопросъ приходилось рѣшать не на мѣстѣ, гдѣ всѣ обстоятельства каждаго случая ясны, а вдали, въ министерствѣ, хотя и на основаніи соображеній, сообщаемыхъ приказами, гдѣ мѣстныя особенности скрадываются, какъ и все то, чего на бумагѣ не передать, но что иногда обусловливаетъ самую суть заключенія,—все это оставалось чуждымъ для разрѣшающаго. Но развѣ теперь эти условія измѣнились? Развѣ и въ настоящее время при разсмотрѣніи подробностей земскихъ смѣтъ министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ будутъ имѣть болѣе живое непосредственное представленіе объ условіяхъ каждаго отдѣльнаго расхода? Развѣ и имъ не потребуется, если они найдутъ нужнымъ выяснить особенности каждаго отдѣльнаго случая, представленіе свѣдѣній, справокъ, объясненій и проч., и развѣ, съ другой стороны, губернская администрація, не будучи увѣрена, какъ отнесется къ каждому отдѣльному случаю министерство, не будетъ чувствовать потребности обратиться по каждому сомнительному для нея вопросу къ разъясненію министерства?

Вся разница между положеніемъ бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія и смѣнившихъ ихъ съ разрѣшенія коммиссіи по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ земскихъ учрежденій, заключается въ томъ, что законодатель, поручая земству самостоятельно заботиться объ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей населенія черезъ своихъ представителей, имѣлъ въ виду, что при этихъ условіяхъ населеніе само пойметъ, что ему нужно и какъ надо поступить, чтобы достигнуть того, что ему нужно, и что правительству не будетъ уже надобности ограждать его интересы отъ злоупотребленій со стороны дѣйствующихъ по его порученію, имъ же самимъ избранныхъ лицъ, какъ это было нужно при порученіи заботъ объ его интересахъ чиновникамъ. Разъ эта увѣренность устранилась, всякая разница пропадаетъ, и отношеніе правительства къ дѣятельности органовъ земства должно быть совершенно такое же, какъ и къ дѣятельности лицъ и учрежденій, имъ назначенныхъ и только ему подотчетныхъ, какими являлись приказы общественнаго призрѣнія.

Digitized by Google

Очевидно, земству, поскольку это отъ него зависитъ, въ такое положеніе становиться нельзя; и если оно все-таки станетъ, вынуждено будетъ стать въ такое положеніе, то можно предвидѣть и послѣдствія такого шага: это будетъ началомъ конца его дѣятельности. Ибо если не имѣетъ значенія его общность съ населеніемъ, интересамъ котораго оно служитъ, то—въ качествѣ исполнителя распоряженій министерства—земскія учрежденія, конечно, уступятъ чиновникамъ, назначеннымъ отъ правительства. Мало-по-малу, одна за другою должны отъ земства отниматься различныя отрасли его дѣятельности и передаваться въ вѣдѣніе администраціи; сегодня—продовольственное дѣло, завтра—страховое, послѣ-завтра—дорожное и т. д., пока новый опытъ не покажетъ, насколько возможно при нынѣшнихъ условіяхъ въ заботахъ о нуждахъ населенія обойтись безъ его самодѣятельности. Какъ же быть земству?—Мы не находимъ отвѣта. Московское земство, имѣющее губернскую смѣту въ 1.742.000 рублей, изъ которыхъ 1.003.908 рублей падаютъ на недвижимыя имущества губерніи, и потому располагающее правомъ ежегодно увеличивать расходъ по этой смѣтѣ по собственному усмотрѣнію на 30.197 руб.,—ищетъ выхода въ привлеченіи къ обложенію на земскія надобности новыхъ имуществъ, именно промысловъ. Но въ рязанской губерніи такая мѣра не можетъ принести существенной пользы земству: промысловый налогъ у насъ далеко не такъ великъ, какъ въ московской губерніи, а часть, остающаяся въ распоряженіи земства для увеличенія смѣты по усмотрѣнію собранія, черезчуръ мала, чтобы насъ могло выручить изъ затрудненія то незначительное приращеніе въ доходахъ, на которые можно разсчитывать отъ участія земства въ этомъ налогѣ.

Повидимому, въ жизни нашего земства прошли всѣ четыре времени года и наступила зима, можетъ быть такая же продолжительная и суровая, какъ наша настоящая русская зима. Во время зимы растенія понемногу сбрасываютъ все, что̀ не безусловно необходимо для поддержанія существованія — листья, плоды, вѣтки, отрываемыя бурей, а иногда, въ большіе морозы, даже самый стволъ; такъ, повидимому, и земству придется, сжавшись въ своихъ смѣтахъ, отказаться отъ многаго полезнаго и необходимаго, отложивъ, поскольку возможно, лишь за счетъ будущаго болѣе благопріятнаго времени, когда такое наступитъ. Но, приходя въ такое положеніе и будучи вынуждено остановиться въ развитіи своей дѣятельности на удовлетвореніе существенныхъ нуждъ населенія, не будетъ ли цѣлесообразно обратиться къ правительству съ объясненіемъ того тяжелаго положенія, въ какое ставитъ дѣятельность земства въ рязанской губерніи законъ 12 іюня 1900 года о предѣльности земскаго обложенія, и ходатайствовать о пересмотрѣ этого закона, какъ чрезвычайно стѣсни-

Digitized by Google

тельнаго для земства, подобно тому, какъ это было сдѣлано при изданіи въ 1893 году новаго лечебнаго устава, тѣмъ болѣе, что этотъ законъ содержитъ въ себѣ нѣсколько противорѣчій основнымъ условіямъ „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ", составляющаго такой же обязательный законъ,—такъ заключилъ свою рѣчь князь Волконскій. Правда, ораторъ былъ настроенъ пессимистически; картинѣ придавъ мрачный колоритъ; но мы не знаемъ и сомнѣваемся, насколько вообще возможно и умѣстно было бы радужное настроеніе для представителя земскихъ интересовъ. То равнодушіе, а отчасти и сарказмъ, съ которыми были встрѣчены собраніемъ предложенія и мысли цитированнаго нами доклада, едва ли способствовали измѣненію настроенія его духа. Впрочемъ, онъ самъ предложилъ собранію оставить возбужденный имъ вопросъ открытымъ и никакого ходатайства предъ правительствомъ въ настоящее время пока не возбуждать.

Обыкновенно говорятъ, что земскія ходатайства безслѣдны и безрезультатны; что ходатайствами этими завалены всѣ правительственныя учрежденія; что было бы слишкомъ поспѣшно и опрометчиво вслѣдъ за изданіемъ закона возбуждать ходатайство объ его измѣненіи или отмѣнѣ. Но ходатайство ходатайству—рознь.

Автору доклада указывалось въ собраніи, что законъ 12-го іюня представляетъ мѣру временную, учрежденную лишь впредь до окончанія работъ по переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, производимыхъ земствами; что эта временная, экстренная мѣра вызвана самимъ же земствомъ, нерачительно и лѣниво ведущимъ дѣло переоцѣнки, что мѣра эта ускоритъ работу и заставитъ земство поторопиться ея окончаніемъ. Аргументъ этотъ не новый: онъ приведенъ и въ мотивахъ, и въ текстѣ закона 12-го іюня. Съ точки зрѣнія законодателя, земство, какъ единое цѣлое, быть можетъ, и требуетъ того или иного понужденія къ скорѣйшему окончанію дѣла переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ, тѣмъ болѣе, что правительствомъ ассигнуется на это дѣло извѣстная субсидія; но представителямъ рязанскаго земства, его губернскимъ гласнымъ, конечно, хорошо должно быть извѣстно, что дѣло переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ предѣлахъ рязанской губерніи почти окончено и что рязанское земство въ частности ни въ чемъ неповинно за неисправность и неаккуратность другихъ земствъ. Нельзя также не признать, что и самый способъ понужденія земства къ окончанію дѣла переоцѣнки въ значительной мѣрѣ носитъ характеръ дисциплинарнаго воздѣйствія на провинившихся школьниковъ, когда неуспѣшнаго ученика оставляютъ безъ обѣда. Если въ томъ или иномъ земствѣ оцѣночныя работы идутъ вяло, неуспѣшно, то надо искать причину такой неуспѣшности или въ недостаткѣ земскихъ средствъ, или въ

Digitized by Google

недостаткѣ свѣдущихъ для даннаго дѣла лицъ; только устраненіемъ именно этихъ недостатковъ и возможно подвинуть дѣло. Ограничивать права всего земства, распространять опеку на тѣ отрасли мѣстной жизни, которыя въ опекѣ этой нужды не чувствуютъ, на томъ лишь основаніи, что *нѣкоторыя* земства неуспѣшно ведутъ побочную, въ сущности, работу по переоцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, значило бы примѣнять дѣйствіе круговой поруки и круговой отвѣтственности въ такой области, гдѣ отвѣтственность эта по существу своему совершенно непримѣнима, да никогда доселѣ и не примѣнялась.

Итакъ, если аргументъ этотъ и имѣетъ хоть нѣкоторое значеніе для оправданія экстренной правительственной мѣры по ограниченію извѣстныхъ правъ, Высочайше дарованныхъ земству, то пользованіе тѣмъ же аргументомъ самимъ земскимъ представителямъ въ защиту такой мѣры является уже нарушеніемъ земскихъ полномочій, нарушеніемъ тѣхъ обязанностей, которыя земское населеніе, земскіе избиратели вручили охранять и соблюдать избранному своему земскому гласному. Соображеніе, что ограниченія закона 12-го іюня имѣетъ временный характеръ—небольшое утѣшеніе: во-первыхъ, какъ видно изъ самаго проекта закона, характеръ временности относится въ данномъ случаѣ вовсе не къ принципу ограниченія земскихъ расходовъ, ибо ограниченіе это предполагается сохранить и впослѣдствіи, по окончаніи переоцѣнки имуществъ, такъ что временный характеръ въ данномъ случаѣ носитъ лишь одинъ способъ ограниченія (не свыше 3% противъ предшествующаго года), а не самый принципъ правительственной нормировки земскаго обложенія; и во-вторыхъ, очень часто нашимъ „временнымъ правиламъ“ суждено не только существованіе и дѣйствіе въ теченіе многихъ дѣсятилѣтій, но и положительно бо́льшая долговѣчность, нежели соотвѣтствующимъ основнымъ законодательнымъ нормамъ.

Не споримъ,—земскимъ представителямъ вполнѣ естественно возбудить вопросъ объ обременительности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собственно поземельнаго обложенія отчасти въ виду того, что въ земскихъ бюджетахъ главнѣйшее мѣсто отведено именно поземельному налогу, отчасти въ виду упадка доходности этого вида собственности. Но нельзя вѣрить, чтобы единственно возможнымъ и логичнымъ выходомъ изъ этого положенія являлось сокращеніе земскихъ смѣтъ и земскихъ расходовъ; сто́итъ только припомнить, что́ выполнено земствомъ повсемѣстно за 35 лѣтъ его существованія, хотя бы въ дѣлѣ народнаго образованія или народной медицины; сто́итъ провести мысленно параллель между минувшимъ и настоящимъ, между дореформеннымъ невѣжествомъ, косностью, безпомощностью и достигнутой земствами степенью грамотности населенія, обезпеченности его меди-

Digitized by Google

цинской помощью, и проч. Рѣчь можетъ идти лишь о замѣнѣ изжившихъ источниковъ обложенія, но отнюдь не объ искусственныхъ плотинахъ и загроможденіяхъ естественнаго русла этого источника различными предписаніями, циркулярами и разъясненіями. Земству нужны больше средства, а не разъясненія, какъ распоряжаться этими средствами.

Авторъ указываетъ въ докладѣ своемъ, что рязанское земство не можетъ слѣдовать по стопамъ московскаго, гдѣ имѣются иные источники земскаго обложенія, какъ, напр., промысловый налогъ. На это мы отвѣтимъ, что промысловый налогъ въ рязанской губерніи приноситъ фиску до 500.000 рублей годового дохода. По нашему глубокому убѣжденію, основанному на подробномъ знакомствѣ съ системой промысловаго нашего обложенія, мы можемъ положительно удостовѣрить, что этотъ источникъ обложенія торговли и промысловъ является у насъ далеко не использованнымъ въ достаточной степени, и промысловое обложеніе носитъ у насъ привилегированный характеръ, едва достигая 6% чистой доходности предпріятія противъ 40—50% обложенія доходности, скажемъ, крестьянскихъ надѣловъ. И думается намъ, что этотъ источникъ обложенія на долгое время могъ бы покрыть дефицитъ земскихъ бюджетовъ, придя на смѣну изжившему источнику обложенія захудалой нашей поземельной собственности, едва влачащей свое существованіе.

Ограниченіе роста земскихъ бюджетовъ весьма любопытно сопоставить съ послѣдовательнымъ и крупнымъ возрастаніемъ расходовъ, исполненныхъ государственнымъ казначействомъ: за двадцать лѣтъ, съ 1881 года, общая сумма расходовъ по имперіи повысилась съ 867,5 милліоновъ рублей до 1.897,8 милліоновъ рублей, или, въ среднемъ, за годъ на 54,2 милліона рублей. Этотъ ростъ представляется еще нагляднѣе, если разбить итоги по пятилѣтіямъ, а именно:

Среднее ежегодное возрастаніе обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ въ милліонахъ рублей:

Годы.	Всего бюджета.	За исключеніемъ расходовъ по казенн. желѣзн. дор. и казенн. продажѣ питей.
1881—1886 .	15,5	13,1
1887—1892 .	29	22,8
1893—1895 .	97,3	59,3
1895—1900 .	125,1	80

Этотъ ростъ расходовъ даетъ основаніе министру финансовъ придти къ заключенію, „что государственныя потребности Россіи, при всей

Digitized by Google

непрерывности и быстротѣ ихъ наростанія, во всякомъ случаѣ не остаются безъ удовлетворенія въ весьма серьезныхъ размѣрахъ" [1])...

Въ состояніи ли будетъ и земство придти теперь къ такому же оптимистическому заключенію?

А между тѣмъ еще недавно предъ княземъ Волконскимъ рисовались совсѣмъ иныя перспективы; онъ бодрѣе смотрѣлъ въ будущее земской жизни и вѣрилъ въ это будущее. Въ 1900 году, на страницахъ „Вѣстника Европы" нами разсмотрѣнъ былъ проектъ рязанскаго земства о всесословной волости, доложенный кн. Волконскимъ губернскому собранію въ январьскую сессію 1899 года [2]).

...„Возраженія дѣлались въ собраніи,—говорилъ тогда князь Волконскій, — не столько противъ пользы мелкой земской единицы, какъ противъ ея осуществимости. Лица, возражавшія противъ осуществимости волости или прихода въ качествѣ мелкой единицы земскаго самоуправленія, всегда понимавшейся въ рязанскомъ земствѣ въ качествѣ самооблагающагося общественнаго союза, основывали свои сомнѣнія на соображеніяхъ двоякаго рода. Во-первыхъ, представлялось невозможнымъ устроить самоуправляющуюся мелкую земскую единицу такимъ образомъ, чтобы при правѣ самообложенія интересы обѣихъ главныхъ составныхъ частей нашего сельскаго населенія, частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, были равно охранены отъ злоупотребленія со стороны другой; это была точка зрѣнія гласнаго А. И. Кошелева. Во-вторыхъ, устройство новой мелкой единицы земскаго самоуправленія представлялось слишкомъ дорогимъ, чтобы быть посильнымъ губерніи въ настоящее время. Къ этой точкѣ зрѣнія сводились возраженія гласнаго Лукинскаго. Этими двумя гласными высказано, какъ понимаетъ управа главныя возраженія, сдѣланныя противъ мелкой единицы земскаго самоуправленія въ рязанскомъ губернскомъ земствѣ".

Мы не станемъ подробно останавливаться на проектѣ учрежденія всесословной волости, и интересующихся этимъ предметомъ отсылаемъ къ указанной статьѣ. Отмѣтимъ лишь, что, какъ выяснилось изъ преній, сгруппированныя княземъ Волконскимъ возраженія добавились новыми пунктами, сводившимися главнымъ образомъ къ неудобству разсмотрѣнія подобныхъ законопроектовъ въ присутствіи гласныхъ отъ крестьянъ (?!) и къ необходимости, предварительно возбужденія предъ правительствомъ ходатайства объ учрежденіи мелкой земской единицы, испросить разрѣшеніе на такое ходатайство, что, между прочимъ, дало поводъ автору проекта формулировать возра-

[1]) См. „Русское Экономическое Обозрѣніе", кн. I, 1901 года, стр. 133-я.

[2]) См. „Вѣстникъ Европы", окт., 771 стр.

Digitized by Google

женіе это слѣдующимъ курьезнымъ образомъ: просить правительство о разрѣшеніи—просить правительство".

„Если земство,—указывалъ кн. Волконскій,—имѣетъ право обращаться къ правительству съ просьбами, то не затѣмъ, чтобы просить позволенія предъявлять эти просьбы".

Впрочемъ, губернское земское собраніе отлично сознавало настоящую цѣну подобныхъ возраженій, выраженныхъ въ столь курьезной формѣ, и большинствомъ 34 голосовъ противъ 26 согласилось съ предложеніемъ князя Волконскаго, признавъ такимъ образомъ слишкомъ преувеличенною осторожность нѣкоторыхъ сторонниковъ *охраненія гласныхъ отъ крестьянъ* отъ пагубныхъ увлеченій и страстныхъ преній. По выраженію гласнаго Левашева, въ его рѣчи, сказанной по этому поводу, „прошло безвозвратно то время, когда нужно было при каждомъ сказанномъ словѣ оглядываться, нѣтъ ли тутъ кого изъ мужиковъ, кто могъ бы превратно перетолковать сказанное. Это было во времена крѣпостныя и въ первое время по освобожденіи крестьянъ. Теперь мы можемъ въ земскихъ собраніяхъ обсуждать предположенія, клонящіяся къ лучшему устройству той или другой части управленія, не опасаясь превратныхъ толкованій. Мы дорожимъ тѣмъ, чтобы ихъ не было, и настолько пріобрѣли опытность въ обсужденіи различныхъ правительственныхъ предположеній, отъ времени до времени передаваемыхъ на заключеніе земства, что не допустимъ ни непочтительнаго отношенія къ законамъ, ни увлеченія, дающаго поводъ къ превратнымъ толкованіямъ. Наши гласные отъ крестьянъ уже не тѣ крѣпостные люди, какіе были прежде; да, наконецъ, и предсѣдатели собраній, облеченные широкой властью и отвѣтственные за все происходящее въ собраніи, не доцустятъ ничего незаконнаго".

Ал. Еропкинъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1902.

Первый годъ новаго вѣка. — Противорѣчія въ административной практикѣ по вопросу о „мелкой земской единицѣ“.—Отношеніе къ нему различныхъ земствъ.—„Мелкіе съѣзды“, какъ подготовка къ земскому собранію. — Постановленіе орловскаго губернскаго земскаго собранія. — Общеземскій періодическій органъ. — Продовольственное дѣло въ вятской губерніи.—Разъясненіе товарища министра народнаго просвѣщенія по вопросу о четырехклассныхъ „городскихъ“ училищахъ.

Миновалъ первый годъ XX-го вѣка... Онъ обогатилъ русское общество надеждой на реформу средней и высшей школы. Въ какой мѣрѣ эта реформа окажется осуществимой при общихъ условіяхъ нашей жизни—покажетъ время; несомнѣнно, покамѣстъ, лишь одно—что чѣмъ-то новымъ повѣяло именно въ той сферѣ, которая всего дольше и всего упорнѣе оставалась недоступною обновленію. Остановилось, благодаря перемѣнѣ въ настроеніи министерства народнаго просвѣщенія, движеніе „наказа училищнымъ совѣтамъ“, грозившаго стать добавочнымъ тормазомъ развитія начальной школы. Но все-же въ области народнаго образованія все, по прежнему, мало опредѣленно; нѣтъ увѣренности ни въ томъ, что прочно достигнутое и сдѣланное, ни въ томъ, что вскорѣ можно будетъ пополнить его пробѣлы. Самоуправленіе, ограничиваемое въ своихъ функціяхъ, стѣсняемое въ своихъ проявленіяхъ, оспаривается въ печати принципіально и стоитъ, быть можетъ, наканунѣ рѣшающаго момента. Пересмотръ городового положенія едва ли коснется слабыхъ сторонъ этого закона; гораздо вѣроятнѣе иной результатъ. На окраинахъ имперіи хотя проектируются учрежденія земскія, но весьма отличныя отъ существующихъ; предпринимается, въ большихъ размѣрахъ, опытъ „административной децентрализаціи“, могущей, въ данную минуту, явиться на смѣну „мѣстному представительству“. Въ положеніяхъ о крестьянахъ намѣчаются, повидимому, частичныя поправки, усиливающія, на низшихъ ступеняхъ управленія, авторитетъ и дѣйствіе мѣстной власти. Поло-

Digitized by Google

женіе печати, несмотря на временное облегченіе, дарованное ей снятіемъ предостереженій, остается, въ сущности, неизмѣненнымъ. Съ числомъ и важностью задачъ, возлагаемыхъ на администрацію, растетъ и крѣпнетъ въ извѣстнаго рода печати вѣра въ ея всеобъемлющую способность. Нѣтъ — такъ проповѣдуютъ многіе — нѣтъ такого дѣла, котораго она не могла бы исполнить не только хорошо, но лучше, чѣмъ кто бы то ни было; нѣтъ техническаго умѣнья, которымъ она не могла бы овладѣть до тонкости—а въ этомъ умѣньѣ главный залогъ успѣха. Упускается изъ виду, что администрація, постоянно пополняемая изъ рядовъ общества, не можетъ стоять ни многимъ ниже его, ни многимъ выше. Если совершенствуется администрація, то это значитъ, что растетъ и общество—а растущее общество не можетъ и не должно быть обрекаемо на ничего недѣланіе, такъ какъ все за него дѣлаетъ администрація. Оно не можетъ погрузиться всецѣло въ частныя дѣла, какъ потому, что они тысячью нитей связаны съ государственной жизнью, такъ и потому, что съ широкимъ развитіемъ мысли неразрывно соединена разносторонность интересовъ. Какъ только „умъ подданныхъ“ перестаетъ быть, по извѣстному нѣмецкому изреченію, „ограниченнымъ“, онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, чѣмъ предрѣшается, въ значительной мѣрѣ, судьба страны... Одной техники, какъ бы она ни была виртуозна, недостаточно; притомъ, для достиженія цѣлей управленія, необходимо еще творчество, необходима иниціатива—личная и коллективная. Отсюда вытекаетъ ничѣмъ незамѣнимая дѣятельность болѣе свободной печати и болѣе самостоятельнаго мѣстнаго самоуправленія; отсюда—значеніе, которое, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, пріобрѣли — и сохраняютъ — наши земскія учрежденія. Иное, быть можетъ, вышло бы болѣе отдѣланнымъ и отшлифованнымъ изъ рукъ администраціи—но ею не было бы внесено въ оборотъ столько свѣжихъ теченій, столько безкорыстнаго труда на общую пользу... Живая дѣятельность администраціи и мертвенное бездѣйствіе общества—явленія, à la longue, несовмѣстимыя. Слишкомъ близко соприкасаются между собою эти сферы, чтобы жизнь надолго могла сосредоточиться исключительно въ одной изъ нихъ...

Въ земской жизни все чаще и чаще повторяется явленіе, еще недавно ей чуждое: снятіе съ очереди того или другого вопроса, вызванное не свободной иниціативой предсѣдателя собранія, а распоряженіемъ извнѣ, не имѣющимъ точки опоры въ дѣйствующемъ законѣ. Ненормальность такого порядка тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что запрещаемое въ одной губерніи сплошь и рядомъ допускается въ

Digitized by Google

другой. Иногда противорѣчіе идетъ еще дальше: въ одной и той же мѣстности законное вчера оказывается незаконнымъ сегодня. Въ 1895 г., с.-петербургское губернское земское собраніе возбуждаетъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ; въ 1901 г., предсѣдатель собранія признаетъ возобновленіе этого ходатайства выходящимъ за предѣлы компетенціи земства—а въ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи обсужденіе аналогичнаго вопроса не встрѣчаетъ, въ то же самое время, ни малѣйшаго препятствія. Столь же разнообразно отношеніе къ вопросу о *мелкой земской единицѣ*, почти повсемѣстно, благодаря постановленію московскаго агрономическаго съѣзда [1]), возникавшему во время послѣдней сессіи земскихъ собраній. Въ губ. собраніяхъ воронежскомъ, тверскомъ, курскомъ, новгородскомъ, ярославскомъ онъ былъ разсмотрѣнъ подробно; въ пермскомъ губ. собраніи предсѣдатель не допустилъ его обсужденія, находя, что этотъ вопросъ не имѣетъ прямого отношенія къ мѣстнымъ интересамъ и могъ бы быть поставленъ въ земствѣ только по иниціативѣ правительства [2]). По тѣмъ же, вѣроятно, соображеніямъ не было допущено разсмотрѣніе вопроса о мелкой земской единицѣ и въ черниговскомъ губ. земскомъ собраніи. Особенно типичной исторія этого вопроса представляется въ с.-петербургской губерніи. Еще въ началѣ 90-хъ годовъ ямбургское уѣздное земство постановило ходатайствовать о привлеченіи пришлаго населенія къ отправленію мірскихъ повинностей и уплатѣ мірскихъ сборовъ. Въ 1896 г., спб. губернское земское собраніе нашло, что переустройство мірскихъ повинностей тѣсно связано съ другими вопросами, возникающими на почвѣ Положеній 19-го февраля, и поручило губ. управѣ и экономическому совѣту сообразить, по какимъ изъ этихъ вопросовъ слѣдовало бы высказаться губернскому земству. Въ 1897 г., докладъ, составленный во исполненіе этого постановленія, былъ переданъ губ. собраніемъ, для дальнѣйшей разработки, въ особую коммиссію, съ тѣмъ, чтобы ея труды были разосланы на предварительное заключеніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Коммиссія исполнила возложенную на нее задачу, коснувшись, между прочимъ, и организаціи мелкой земской единицы; но ея работа, весьма обширная и обстоятельная, была закончена уже послѣ закрытія сессіи уѣздныхъ земскихъ собраній. Губернское собраніе 1898 г. не нашло, поэтому, возможнымъ приступить къ ея разсмотрѣнію и вновь постановило передать ее на заключеніе уѣздныхъ собраній. Всѣ эти постановленія

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1901 г.

[2]) Всѣ уѣздныя земства пермской губерніи высказались за хозяйственную всесословную волость, изъятую изъ вѣдѣнія крестьянскихъ учрежденій.

Digitized by Google

остались безъ возраженій со стороны администраціи и вошли въ законную силу. Въ теченіе 1898-го года, только три изъ числа восьми уѣздныхъ собраній с.-петербургской губерніи дали отзывы по существу работъ коммиссіи; остальныя поручили разсмотрѣніе ихъ особо избраннымъ коммиссіямъ, вслѣдствіе чего губернское собраніе, 15-го января 1899-го года, постановило отложить окончательное обсужденіе вопроса до слѣдующей очередной сессіи, продолживъ еще на годъ полномочія коммиссіи. Это постановленіе, логически вытекавшее изъ прежнихъ и не заключавшее въ себѣ рѣшительно ничего новаго, было опротестовано губернаторомъ на томъ основаніи, что правительство, занимаясь обсужденіемъ вопроса о необходимыхъ измѣненіяхъ Положеній 19-го февраля, не признало до сихъ поръ нужнымъ имѣть въ своемъ распоряженіи мнѣнія о томъ губернскаго земства, а разсмотрѣніе вышеозначеннаго вопроса по иниціативѣ земскаго собранія допущено быть не можетъ, такъ какъ, по самому своему существу, онъ выходитъ изъ предѣловъ вѣдомства земства. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе согласилось, по большинству голосовъ, съ протестомъ губернатора и отмѣнило постановленіе губ. собранія—31-го января 1900-го года. Губ. земское собраніе рѣшило обжаловать постановленіе губ. присутствія правительствующему сенату и вслѣдъ затѣмъ (8-го февраля) поручило коммиссіи и управѣ представить новый докладъ по вопросамъ о мірскихъ сборахъ и объ организаціяхъ по общественному призрѣнію и по другимъ хозяйственнымъ функціямъ земства, оставаясь въ предѣлахъ неопротестованнаго постановленія 1897-го года. 11-го января 1901-го года собраніе, согласно съ предложеніемъ коммиссіи и управы, постановило обратиться къ уѣзднымъ земскимъ собраніямъ съ вопросами о томъ, желательно ли привлеченіе пришлаго населенія губерніи къ несенію мірскихъ повинностей, и какихъ именно; связано ли такое привлеченіе съ измѣненіемъ существующей сельской и волостной организаціи; въ какомъ направленіи желательны измѣненія; не слѣдуетъ ли обратить вниманіе правительства на цѣлесообразность разработки основаній примѣненія этой мѣры и къ другимъ элементамъ населенія уѣздовъ; не указываетъ ли опытъ на желательность измѣненія предѣловъ вѣдомства волостныхъ судовъ. Это постановленіе собранія спб. губернаторъ призналъ состоявшимся съ нарушеніемъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій, такъ какъ имъ не предоставлено обсуждать вопросы общегосударственнаго характера, въ область которыхъ входитъ измѣненіе существующей сельской и волостной организаціи, а также устройства волостныхъ судовъ. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, по большинству голосовъ, и этотъ протестъ губернатора нашло правильнымъ и отмѣнило опротестованное постановленіе собранія, которое съ своей стороны, 8-го де-

Digitized by Google

кабря 1901-го года, рѣшило принести на губ. присутствіе жалобу въ правительствующій сенатъ. Въ уѣздныхъ собраніяхъ с.-петербургской губерніи вопросъ о мелкой земской единицѣ былъ поставленъ на очередь вслѣдствіе упомянутой нами резолюціи московскаго агрономическаго съѣзда—но въ томъ собраніи, съ занятіями котораго мы ближе знакомы, обсужденіе его не было допущено предсѣдателемъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что та же судьба постигла данный вопросъ и въ другихъ уѣздахъ с.-петербургской губерніи, и что аналогичный результатъ зависѣлъ вездѣ отъ одной и той же причины.

Что вопросъ о мелкой территоріальной единицѣ, подъ какимъ бы именемъ онъ ни возникалъ въ земствѣ—подъ именемъ ли вопроса о всесословной волости, подъ именемъ ли измѣненія сельской и волостной организаціи, подъ именемъ ли частичнаго пересмотра положеній о крестьянахъ,—не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые несомнѣнно выходятъ изъ круга вѣдомства земскихъ учрежденій, это доказывается, прежде всего, различнымъ отношеніемъ къ нему мѣстныхъ губернскихъ властей. Еслибы постановка его была явно противозаконна, она вездѣ и всегда встрѣчала бы одинаково рѣшительный отпоръ; не было бы мѣста для тѣхъ колебаній и разнорѣчій, о которыхъ мы говорили выше. Разсматриваемый въ своемъ существѣ, вопросъ о мелкой единицѣ можетъ быть названъ земскимъ по преимуществу. Немного найдется другихъ, которые имѣли бы столь жизненное значеніе для земства, тѣснѣе были бы связаны съ земскими задачами и интересами. На каждомъ шагу земство чувствуетъ себя недостаточно близкимъ къ населенію; на каждомъ шагу отсутствіе мѣстныхъ органовъ затрудняетъ правильное осуществленіе и широкое развитіе земскихъ мѣропріятій. Молчать объ этомъ земство не въ правѣ; чѣмъ больше взводится на него обвиненій, тѣмъ настоятельнѣе для него обязанность показать, въ чемъ заключается одинъ изъ главныхъ тормазовъ его дѣятельности. Конечно, организація мелкой единицы не можетъ быть введена въ одной губерніи безъ распространенія ея на цѣлый рядъ другихъ, поставленныхъ въ одинаковыя условія: но вѣдь то же самое слѣдуетъ сказать о множествѣ вопросовъ, невозбранно составлявшихъ и составляющихъ предметъ земскихъ ходатайствъ. Мѣстныя нужды и пользы сплошь и рядомъ тѣсно, неразрывно переплетены съ общегосударственными—и для законности ходатайства необходимо только одно: чтобы оно было мотивировано мѣстными данными, пріурочено къ мѣстнымъ потребностямъ. Прошедшее земскихъ учрежденій представляетъ массу случаевъ, въ которыхъ ходатайства общегосударственнаго характера были разсмотрѣны высшимъ правительствомъ по существу, т.-е. признаны не противорѣчащими закону. Иногда на долю такихъ ходатайствъ выпадалъ полный успѣхъ: указа-

Digitized by Google

нія, сдѣланныя земствомъ, становились исходной точкой новаго закона [1])...

Правильность противодѣйствія, встрѣчаемаго постановкой, въ земскихъ собраніяхъ, вопроса о мелкой единицѣ, представляется намъ сомнительною еще въ силу другого, не менѣе важнаго соображенія. Представимъ себѣ, что губернское земское собраніе—хотя бы петербургское—сразу рѣшило бы возбудить ходатайство о мелкой земской единицѣ. Помѣшать дальнѣйшему движенію этого ходатайства губернаторъ, въ силу разъясненія правительствующаго сената, не имѣлъ бы права; ему слѣдовало бы дать узаконенный ходъ, и отклонить его, по той или иной причинѣ, могъ бы только комитетъ министровъ. Не явствуетъ ли отсюда, что протесту со стороны губернатора и отмѣнѣ губ. присутствіемъ не подлежатъ постановленія, *подготовляющія* ходатайство (выборъ коммиссіи, собраніе матеріаловъ, составленіе программы, передача вопроса на заключеніе уѣздныхъ земствъ)? Логично ли, въ виду свободы послѣдняго шага, стѣснять предъидущіе, не заключающіе въ себѣ еще ничего рѣшительнаго?.. Само собою разумѣется, что еще менѣе послѣдовательно вмѣшательство въ среднюю часть процесса, т.-е. наложеніе veto на *продолженіе* подготовительныхъ мѣръ, разъ что было допущено ихъ *начало*.

Изъ числа губернскихъ земскихъ собраній, которымъ удалось, въ теченіе послѣдней сессіи, не только поставить, но и обсудить вопросъ объ организаціи мелкой земской единицы, собранія курское и ярославское передали его, послѣ преній, на обсужденіе своихъ губернскихъ управъ, а собранія воронежское и новгородское—*единогласно* высказались за его утвердительное разрѣшеніе. Въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи побѣдило противоположное мнѣніе: за мелкую земскую единицу подали голосъ 19 гласныхъ, противъ нея — 28. По словамъ тверского корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей“, „на баллотировочномъ листѣ фамиліи расположились очень странно: люди, казалось бы, очень близкіе по общимъ своимъ воззрѣніямъ, росписались на разныхъ сторонахъ листа“. И въ самомъ дѣлѣ, какъ главный противникъ, такъ и главный защитникъ мелкой земской единицы—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и И. И. Петрункевичъ—принадлежатъ къ одной и той же группѣ тверскихъ губернскихъ гласныхъ. Понятно, что доводы перваго изъ нихъ не совпадали съ обычными возраженіями противъ всесословной волости—возраженіями, носящими на себѣ печать реакціонныхъ или, по меньшей мѣрѣ, ультра-консервативныхъ настроеній. Не отрицая неудобствъ, про-

[1]) См. заключительную главу книги проф. Карышева: „Земскія ходатайства“ (Москва, 1900).

Digitized by Google

истекающихъ отъ того, что органы самоуправленія далеки отъ народа, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ указалъ на опасность, которою грозитъ чрезмѣрная ихъ близость [1]). Къ общественному дѣлу можно относиться достаточно сознательно и безпристрастно лишь съ нѣкотораго отдаленія; вблизи—„злобы дня“ отвлекаютъ вниманіе отъ заботъ о будущемъ, интересы колокольни заслоняютъ широкія общественныя перспективы. Опасность становится прямо грозной, когда, какъ въ данномъ случаѣ, дѣло самоуправленія предполагается ввѣрить невѣжественному населенію. Представители крестьянства въ земскихъ собраніяхъ являются тормазомъ, задерживающимъ развитіе земскаго дѣла. Если крестьянамъ будетъ ввѣрено завѣдываніе общественнымъ хозяйствомъ, дешевая школа грамоты вытѣснитъ земское училище, дешевый фельдшеръ—образованнаго доктора. Совсѣмъ иную силу представляетъ изъ себя образованнѣйшая часть общества; въ своей земской дѣятельности она руководится, главнымъ образомъ, альтруистическими мотивами. Несмотря на то, что въ 1890 г. было увеличено значеніе дворянскаго элемента въ земствѣ, земскія заботы о меньшемъ братѣ не ослабѣли, а усилились. За 15 лѣтъ земскій бюджетъ возросъ съ 45 до 80 слишкомъ милліоновъ. Учрежденіе мелкой земской единицы, передача самоуправленія въ руки крестьянства неизбѣжно приведутъ къ тому, что образованные элементы будутъ оттѣснены отъ земскаго дѣла, а это скажется въ земскомъ хозяйствѣ рѣзкимъ регрессомъ.

Къ принципіальнымъ возраженіямъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ присоединилъ рядъ практическихъ. Вопросъ о всесословной волости неоднократно возникалъ въ русской жизни, но возникалъ въ моменты совершенно иного характера, — въ моменты общественнаго подъема, въ связи съ предстоявшими или, по крайней мѣрѣ, ожидавшимися крупными преобразованіями. Совсѣмъ не такой моментъ теперь. Мелкая земская единица оказалась бы существующей бокъ-о-бокъ съ земскимъ начальникомъ, который явился бы предсѣдателемъ ея собраній. Между элементами, выдвинувшими въ настоящее время вопросъ о мелкой земской единицѣ, наряду съ теоретиками, думающими больше всего о стройности органовъ управленія, и усталыми людьми, которые желали бы свалить съ своихъ плечъ земское дѣло, встрѣчаются и несомнѣнные враги земскаго самоуправленія. Легко понять, во что отольется, при такихъ условіяхъ, реформа...

Отдавая полную справедливость побужденіямъ и намѣреніямъ В. Д.

---

[1]) Мы приводимъ рѣчь В. Д. Кузьмина-Караваева по отчету „Русскихъ Вѣдомостей“, но съ небольшими измѣненіями, возстановляющими, по собраннымъ нами свѣдѣніямъ, настоящія слова оратора.

Digitized by Google

Кузьмина-Караваева, мы не можемъ согласиться ни съ однимъ изъ его аргументовъ. Ошибочнымъ кажется намъ, прежде всего, его взглядъ на положеніе, занимаемое, въ земской сферѣ, обѣими главными группами сельскаго населенія. Несмотря на то, что, при дѣйствіи Положенія 1890 г., гласные отъ сельскихъ обществъ—не столько уполномоченные своего сословія, сколько довѣренныя лица мѣстной администраціи,—они далеко не вездѣ и не всегда являются тормазомъ, задерживающимъ развитіе земскаго дѣла. Когда они предоставлены самимъ себѣ, они стоятъ, сплошь и рядомъ, за истинно земское рѣшеніе спорныхъ вопросовъ, отстаивая, напримѣръ, интересы народнаго образованія, отдавая земской школѣ преимущество передъ школой грамоты, поддерживая прогрессивныя сельско-хозяйственныя мѣры. Наоборотъ, далеко не всегда симпатична роль гласныхъ отъ дворянъ. Пока еще были свѣжи старыя земскія традиціи, пока въ составѣ земскихъ собраній преобладали дѣятели шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, до тѣхъ поръ можно было думать, что сословное земство не сойдетъ съ пути, проложеннаго его предшественникомъ. Ростъ земскихъ бюджетовъ, въ значительной мѣрѣ обусловленный расширеніемъ школьной сѣти и поднятіемъ уровня земскихъ школъ, позволялъ надѣяться, что выше интересовъ личныхъ и сословныхъ по прежнему будутъ стоять, для земскихъ собраній, интересы народа. Есть, конечно, и до сихъ поръ земства, оправдывающія эту надежду; но во многихъ другихъ замѣтны зловѣщіе признаки поворота, знаменующаго собою разрывъ съ прошедшимъ. Мы видѣли еще недавно, во что обратилось зарайское уѣздное собраніе, и какъ пользуются своимъ большинствомъ и своею властью дворянскіе его члены, встрѣчающіе противодѣйствіе только въ средѣ горожанъ и крестьянъ [1]). Немногимъ лучше зрѣлище, представляемое балашовскимъ (саратовской губерніи) земскимъ собраніемъ, „самые рѣчистые и вліятельные члены котораго изъ числа дворянъ-землевладѣльцевъ категорически отвергли, а нѣкоторые даже осмѣяли предложеніе Н. Н. Львова (предсѣдателя саратовской губернской земской управы) объ учрежденіи должности уѣзднаго земскаго агронома". „На приглашеніе агронома",—продолжаетъ балашовскій корреспондентъ „Россіи" (№ 937),—„требовалась со стороны уѣзднаго земства ассигновка всего въ 750 рублей, но этой суммы не дали, говоря, что мужиковъ агрономъ ничему не научитъ". Напрасно *гласный изъ крестьянъ* Ляпуновъ доказывалъ поразительно яркими фактами необходимость агронома и его совѣтовъ для крестьянъ; „вліятельные" гласные „провалили" агронома. „У насъ",—такъ заканчивается корреспонденція",—„крестьянство, оплакивающее свой скотъ и изнывающее отъ

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстн. Европы" за 1901 г.

Digitized by Google

тоски по работѣ, особенно нуждается въ друзьяхъ, какими оказались, напримѣръ, вятскіе и пермскіе земскіе агрономы; но ихъ нѣтъ. Когда же и кто поможетъ балашовскому крестьянину въ его невѣдѣніи и стихійныхъ невзгодахъ"? Итакъ, въ балашовскомъ уѣздѣ [1]), какъ и въ зарайскомъ, защитникомъ движенія явился крестьянинъ, защитниками застоя—дворяне; и это, безъ сомнѣнія, факты не единичные, не исключительные. Еще гораздо бо̀льшаго можно было бы, конечно, ожидать отъ крестьянъ—свободно выбранныхъ и освобожденныхъ отъ гнета „властной руки". Мы далеки отъ мысли, чтобы передовая роль должна была безусловно ускользнуть изъ рукъ наиболѣе образованнаго общественнаго класса; мы хотимъ только показать, что нельзя считать ее монополіей этого класса, нельзя относиться къ представителямъ крестьянства съ тѣмъ пессимизмомъ, который слышится въ словахъ В. Д. Кузьмина-Караваева.

Читая разбираемую нами рѣчь, можно подумать, что организація мелкой земской единицы была бы равносильна упраздненію земства, или рѣзкому ограниченію его функцій. Ничего подобнаго защитники мелкой единицы въ виду не имѣютъ; она должна, наоборотъ, создать крѣпкій базисъ для земства, отчасти служа его о̀рганомъ, отчасти пополняя неизбѣжные пробѣлы его дѣятельности. При сколько-нибудь нормальномъ устройствѣ, мелкая земская единица не можетъ *отмѣнять* рѣшеній, постановленныхъ земствомъ, не можетъ ставить *свое* на мѣсто *земскаго*. Если по силамъ волости окажется только небольшая затрата на народное образованіе или народное здоровье, то отсюда еще не слѣдуетъ, что фельдшеръ замѣнитъ собою доктора, школа грамоты—нормально организованное училище; приглашенный волостью фельдшеръ будетъ только помощникомъ земскаго врача, основанная волостью школа грамоты—только мѣстомъ обученія дѣтей, не принятыхъ, за отсутствіемъ вакансій, въ земское училище или живущихъ въ отдаленной отъ него деревнѣ. Отношеніе мелкой земской единицы къ уѣздному земству должно быть во многомъ аналогично отношенію уѣзднаго земства къ губернскому; основной чертой того и другого должна быть взаимная помощь, взаимная поддержка... Или, быть можетъ, опасенія В. Д. Кузьмина-Караваева основаны на предположеніи, что съ организаціей мелкой земской единицы необходимо связано коренное преобразованіе избирательной системы, пріуроченіе выбора гласныхъ не къ различнымъ группамъ населенія, а именно и исключительно къ вновь созданной волости? Наличность такой связи мы не

[1]) По земскому Положенію 1864 г., балашовское уѣздное земское собраніе состояло изъ 34 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ, 4 отъ города и 30 отъ сельскихъ обществъ; теперь оно состоитъ изъ 22 гласныхъ отъ дворянъ, 7 отъ землевладѣльцевъ другихъ сословій и 11 отъ сельскихъ обществъ.

Digitized by Google

можемъ признать доказанною; при существованіи мелкой земской единицы выборы въ уѣздное земское собраніе могутъ происходить на прежнихъ началахъ, болѣе или менѣе исправленныхъ, но не замѣненныхъ чисто территоріальнымъ принципомъ. Съ другой стороны, внутри мелкой земской единицы можно достигнуть такого равновѣсія элементовъ, при которомъ результатъ выборовъ, еслибы они и происходили по волостямъ, не страдалъ бы систематическою односторонностью, не приводилъ бы къ чрезмѣрному перевѣсу одного сословія или общественнаго класса. Припомнимъ, что при дѣйствіи Положенія 1864-го года избранниками сельскихъ избирательныхъ сходовъ нерѣдко оказывались священники и землевладѣльцы, пользовавшіеся довѣріемъ и расположеніемъ крестьянъ. Нѣчто аналогичное было бы возможно и при выборахъ на преобразованныхъ волостныхъ сходахъ, какъ бы великъ здѣсь ни былъ численный перевѣсъ крестьянскихъ голосовъ.

Роль мелкой территоріальной единицы, какъ послѣдняго звена въ ряду земскихъ учрежденій, устраняетъ опасенія, внушаемыя В. Д. Кузьмину-Караваеву близостью ея къ народу. Именно „интересамъ колокольни“ и должна служить всесословная волость; заботу о „широкихъ общественныхъ перспективахъ“ она спокойно можетъ предоставить земскимъ собраніямъ—въ особенности губернскимъ,—и по составу, и по назначенію своему гораздо болѣе приспособленнымъ къ этой задачѣ. Общественныя дѣла до безконечности разнообразны; если одни изъ нихъ лучше поддаются изученію „съ нѣкотораго разстоянія“, то другія, наоборотъ, требуютъ чуть не микроскопическаго изслѣдованія и рѣшаются всего лучше при непосредственномъ соприкосновеніи съ предметомъ. Таково, напримѣръ, попеченіе о проселочныхъ дорогахъ, о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, о призрѣніи стариковъ, дѣтей, калѣкъ, нуждающихся только въ кровѣ и кускѣ хлѣба. „Злобой дня“ исчерпывается здѣсь вся потребность; нѣтъ надобности заглядывать далеко въ будущее, чтобы починить поврежденный мостъ или пристроить осиротѣвшаго ребенка. Извѣстная доля предусмотрительности и вдумчивости необходима, конечно, и въ дѣлахъ, могущихъ войти въ сферу дѣйствій мелкой земской единицы; но гдѣ же основаніе предполагать, что особенно мала эта доля будетъ именно въ всесословной волости? Мелкая земская единица должна отчасти замѣнить собою нынѣшнюю, крестьянскую волость, отчасти взять на себя функцію нынѣшнихъ сельскихъ обществъ (напр. по общественному призрѣнію); что же даетъ право думать, что она окажется менѣе ихъ пригодной къ этому дѣлу? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, ожидать, что, благодаря присоединенію къ волостному сходу людей болѣе образованныхъ и развитыхъ—землевладѣльцевъ, священниковъ, арендаторовъ, врачей, учителей,—благо-

Digitized by Google

даря, съ другой стороны, обложенію волостнымъ сборомъ имуществъ, теперь отъ него изъятыхъ, она будетъ обладать такими личными и матеріальными средствами, которыя расширятъ предѣлы и поднимутъ уровень ея дѣятельности? Если высшій общественный классъ, несмотря на цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій, вносилъ и вноситъ въ земство много прогрессивнаго и свѣжаго, то что же помѣшаетъ его представителямъ способствовать обновленію и оживленію небольшихъ ячеекъ, лежащихъ въ глубинѣ государственнаго организма? Теперь онѣ предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, искусственно разобщены со всѣмъ окружающимъ; самоуправленіе ихъ, стѣсненное сверху и не поддержанное вліятельными элементами мѣстнаго населенія, сведено на степень фикціи, мертвой буквы. Возродиться оно можетъ только въ новой формѣ—и этой формой должна стать мелкая земская единица.

Болѣе вѣскими, чѣмъ „принципіальныя“ возраженія противъ мелкой земской единицы, представляются „практическія“ замѣчанія В. Д. Кузьмина-Караваева; но это еще не значитъ, чтобы они были убѣдительны. Въ исторіи вопроса о всесословной волости былъ только одинъ моментъ, когда все, повидимому, обѣщало широкое и правильное его рѣшеніе: это—эпоха „диктатуры сердца“, поставившей на очередь реформу мѣстнаго управленія и самоуправленія, включившей ее въ программу сенаторскихъ ревизій и вызвавшей обсужденіе ея въ земскихъ собраніяхъ и въ печати. Почти во всѣхъ земствахъ началась подготовительная работа, сосредоточенная въ коммиссіяхъ,—но когда она дошла до земскихъ собраній (въ сессію 1881—82 г.), обстоятельства успѣли уже существенно измѣниться: довѣріе къ земству исчезло, появились первые признаки обратнаго теченія, кульминаціонный пунктъ котораго былъ достигнутъ, нѣсколько лѣтъ спустя, въ законодательныхъ актахъ 1889-го и 1890-го гг. И тѣмъ не менѣе мысль о мелкой земской единицѣ не теряетъ своей привлекательной силы: въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ прошлаго вѣка она почти не сходитъ со сцены, все болѣе и болѣе выдвигаемая силою событій (неурожаями, эпидеміями, быстрымъ ростомъ мірскихъ сборовъ, усиленною заботливостью о путяхъ сообщенія и объ общественномъ призрѣніи)—а въ первый годъ XX-го столѣтія ее формулируетъ ясно и точно московскій агрономическій съѣздъ. И это вполнѣ понятно: мелкая земская единица настолько эластична, что можетъ быть приспособлена—безъ нарушенія ея основныхъ началъ—къ весьма различнымъ обстоятельствамъ. Само собою разумѣется, что еслибы руководителемъ мелкой территоріальной единицы явился земскій начальникъ, то въ этой единицѣ не было бы ровно ничего земскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего похожаго на истинное самоуправленіе. Не къ такой цѣли

Digitized by Google

стремились и стремятся прежніе и нынѣшніе защитники всесословной волости: объединеніе элементовъ, изъ которыхъ слагается мѣстное населеніе, дорого имъ не какъ средство усовершенствованія бюрократическаго механизма, а какъ источникъ самостоятельной жизни, какъ гарантія личной и коллективной иниціативы. Безспорно, этому не благопріятствуетъ административный строй, созданный Положеніемъ 12-го іюня 1889-го года; тѣмъ не менѣе рядомъ съ нимъ — но не внутри его — есть мѣсто и для мелкой земской единицы. Ни полицейскихъ, ни судебныхъ функцій на нее возлагать не слѣдуетъ; она должна имѣть—какъ находилъ и московскій агрономическій съѣздъ—чисто *хозяйственный* характеръ, существуя, если это будетъ признано нужнымъ, рядомъ съ нынѣшнею крестьянскою волостью. Возможность такого сосуществованія была подробно мотивирована нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда на очереди стояла новая организація общественнаго призрѣнія [1]).

Въ рядахъ приверженцевъ мелкой земской единицы В. Д. Кузьминъ-Караваевъ усматриваетъ теоретиковъ, усталыхъ людей и, наконецъ, враговъ самоуправленія. Исчерпывающаго характера этому перечню самъ авторъ, по всей вѣроятности, не придаетъ; нельзя же допустить, въ самомъ дѣлѣ, что три указанныя группы вмѣщаютъ въ себѣ *всѣхъ* стоявшихъ и стоящихъ за всесословную волость, въ томъ числѣ *всѣхъ* гласныхъ двухъ губернскихъ земскихъ собраній (воронежскаго и новгородскаго). Сомнительно, дальше, чтобы между ними было много „теоретиковъ, думающихъ больше всего о стройности органовъ управленія". Стройность, понимаемую въ смыслѣ согласованности дѣйствій и простоты плана, всесословная волость, особенно въ настоящее время, можетъ скорѣе нарушить, чѣмъ усилить—да и въ средѣ земскихъ собраній, откуда, главнымъ образомъ, выходила и выходитъ мысль о всесословной волости, теоретики никогда не обладали ни численнымъ, ни нравственнымъ перевѣсомъ. Возраженія, которыя встрѣчала эта мысль, носили на себѣ преимущественно практическій характеръ; изъ практики долженъ былъ, поэтому, быть заимствованъ и матеріалъ для отвѣта на возраженія. „Усталымъ людямъ, желающимъ свалить съ своихъ плечъ земское дѣло", ничто не мѣшаетъ удалиться изъ числа земцевъ; это гораздо проще, чѣмъ придумывать способъ облегченія бремени для тѣхъ, кто вовсе имъ не тяготится. Мелкую земскую единицу, въ добавокъ, никто не предназначаетъ въ *наслѣдники* земству; на ея плечи предполагается возложить не то дѣло, которое дѣлаютъ теперь земскія учрежденія, а другое, совершенно особое, хотя и связанное съ первымъ. Что ка-

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

Digitized by Google

сается до враговъ самоуправленія, то мы не помнимъ случая, когда они стояли бы за мелкую земскую единицу [1])—а противъ нея они выступаютъ весьма усердно и весьма часто. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть хотя бы недавнюю статью „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 293): „Для чего нужны мелкія земскія единицы“. Иниціаторамъ реформы нужна, по увѣренію реакціонной газеты, не мелкая единица, не децентрализація; имъ нужно „устраненіе правительственнаго крестьянскаго управленія и водвореніе на его мѣстѣ управленія земскаго“. Мотивируется это увѣреніе ссылкою на то, что защитники мелкой земской единицы стремятся, въ то же время, къ расширенію круга дѣйствій и власти губернскаго земства, въ ущербъ уѣзднымъ, и, слѣдовательно, являются крайними централизаторами... Нужно ли доказывать, что такого противорѣчія вовсе не существуетъ? *Дополняя*, въ нѣкоторыхъ, немногихъ случаяхъ, дѣятельность уѣздныхъ земствъ, губернское земство не умаляетъ ихъ значенія, не посягаетъ на ихъ самостоятельность; опасность, въ этомъ смыслѣ, грозитъ имъ совсѣмъ съ другой стороны. Къ мелкой земской единицѣ губернское земство не имѣло бы, въ добавокъ, никакихъ прямыхъ отношеній; непосредственною связью она была бы соединена только съ уѣзднымъ земствомъ... При сколько-нибудь нормальномъ устройствѣ, мелкая земская единица сдѣлалась бы прочнѣйшей опорой всего земскаго зданія—и уже по этому одному нельзя допустить, чтобы къ числу искреннихъ ея приверженцевъ могли принадлежать „враги самоуправленія“...

Потребность оживить дѣятельность земства, поставивъ ее въ болѣе тѣсное общеніе съ жизнью мѣстнаго населенія, выражается не въ одномъ только порывѣ къ мелкой земской единицѣ. Она вызываетъ мысль объ устройствѣ мѣстныхъ попечительствъ, безпрестанно возникающую то въ томъ, то въ другомъ земскомъ собраніи; она же внушила одному изъ гласныхъ гороховецкаго уѣзда, П. П. Булыгину, предложеніе, перенесенное изъ уѣзда въ владимірское губернское земское собраніе. По словамъ г. Булыгина, доклады, вносимые за послѣдніе годы въ уѣздное собраніе, носятъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, характеръ личный, а не общественный: кто-нибудь проситъ сложить съ него пеню или больничную недоимку, переоцѣнить мельницу и т. п. Объясняется это тѣмъ, что уѣздная управа не въ состояніи слѣдить за всѣми нуждами уѣзда, гласные не изъ крестьянъ заняты службой или живутъ внѣ предѣловъ уѣзда, а гласныхъ отъ крестьянъ такъ мало, что цѣлые огромные районы не имѣютъ пред-

[1]) Въ началѣ 70-хъ гг. мысль о мелкой территоріальной единицѣ находила сторонниковъ въ средѣ дворянъ, огорченныхъ отмѣною крѣпостного права—но то, что проектировалось тогда подъ именемъ всесословной волости, не имѣло, въ сущности, ничего общаго съ самоуправляющейся мелкой земской единицей.

Digitized by Google

ставителей въ собраніи [1]). Крестьянское населеніе, имѣющее право обсуждать свои нужды на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, настолько еще инертно, что весьма рѣдко пользуется этимъ правомъ. Между тѣмъ, главная задача земства заключается именно въ томъ, чтобы обсуждать подобныя нужды и по возможности удовлетворять ихъ. Разрѣшить возникающую отсюда задачу возможно, по мнѣнію г. Булыгина, въ такомъ лишь случаѣ, если до сессіи уѣзднаго земскаго собранія будутъ обязательно созываемы мелкіе съѣзды—напр. волостные,—съ правомъ участія въ нихъ землевладѣльцевъ изъ среды дворянства, духовенства и всѣхъ другихъ сословій. Такіе съѣзды дадутъ собранію возможность разсуждать не умозрительно, а на основаніи словъ населенія, ради котораго и работаетъ земство. Предложеніе гласнаго Булыгина передано владимірскимъ губ. собраніемъ въ губернскую управу, для всесторонней и детальной разработки. Само собою разумѣется, что съѣзды, проектируемые г. Булыгинымъ, не могли бы замѣнить собою мелкую земскую единицу, какъ потому, что они имѣли бы чисто совѣщательный характеръ, ничего не измѣняя въ порядкѣ исполненія земскихъ мѣропріятій, такъ и потому, что для усерднаго посѣщенія ихъ землевладѣльцами не изъ среды крестьянъ не было бы достаточной побудительной причины. Въ дѣлахъ самоуправляющейся и самообслагающейся всесословной волости каждый мѣстный землевладѣлецъ былъ бы заинтересованъ непосредственно, какъ плательщикъ волостного сбора и какъ участникъ выгодъ или невыгодъ, обусловливаемыхъ хорошимъ или плохимъ веденіемъ волостного хозяйства. Отстраняясь отъ волостныхъ дѣлъ, онъ рисковалъ бы не только потерей вліянія, но и матеріальнымъ ущербомъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣетъ съѣздъ, ограничивающійся выраженіемъ пожеланій; чтобы отдать ему время и трудъ, нужна такая преданность общему дѣлу, какою обладаютъ далеко не всѣ землевладѣльцы. Нѣкоторую пользу, однако, „мелкіе съѣзды“ могли бы принести и въ томъ видѣ, въ какомъ намѣчаетъ ихъ гласный Булыгинъ; важно было бы уже самое признаніе солидарности всѣхъ элементовъ мѣстнаго населенія... Назрѣвшая потребность принимаетъ различныя формы, стучится въ двери подъ разными именами—и рано или поздно не можетъ не получить удовлетворенія.

Обсужденіе вопроса о мелкой земской единицѣ или ея суррогатахъ—не единственный признакъ живучести земскаго начала. Не-

---

[1]) Въ гороховецкомъ уѣздѣ теперь *шесть* гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, при 11 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ-дворянъ и 3 отъ не-дворянъ—а при дѣйствіи Положенія 1864-го года гласныхъ отъ сельскихъ обществъ было 18, при 15 гласныхъ отъ землевладѣльцевъ и 2 отъ города.

Digitized by Google

смотря на всѣ стѣсненія, которымъ подвергалось и подвергается земство, несмотря на продолжающееся ограниченіе его функцій, несмотря на преобладаніе теченій, враждебныхъ общественной иниціативѣ, несмотря, наконецъ, на избирательную систему, идущую въ разрѣзъ съ дѣйствительною группировкой земскихъ силъ,—сессіи земскихъ собраній, въ особенности губернскихъ, продолжаютъ ярко выдѣляться на тускломъ фонѣ русской жизни. Не угасаетъ въ ихъ средѣ, при всей горечи разочарованій, и вѣра въ будущность земства. Такой вѣры полна, напримѣръ, небольшая рѣчь, произнесенная, при открытіи звенигородскаго (московской губерніи) уѣзднаго земскаго собранія, мѣстнымъ предводителемъ дворянства, гр. П. С. Шереметевымъ. Онъ выразилъ убѣжденіе, что не слѣдуетъ смущаться тревожными слухами объ измѣненіи земства, какъ самоуправляющагося установленія, о чуть ли не полномъ подчиненіи его администраціи или даже окончательномъ его упраздненіи. „Я твердо вѣрю"—воскликнулъ ораторъ,—„что въ земствѣ, не взирая на его недочеты,—наше будущее; что совокупная мѣстная дѣятельность всѣхъ частей общества, однажды призванная верховной властью на благо общее, должна съ каждымъ годомъ нашей исторической жизни развиваться, несмотря на временныя, прискорбныя недоразумѣнія. Искренно и горячо желаю, чтобы наконецъ кануло въ вѣчность печальное и удручающее нашу жизнь и наши труды недовѣріе къ земству. Да процвѣтаетъ оно и да крѣпнетъ, и да крѣпнетъ въ немъ живая общественная дѣятельность"!

Основательны ли или неосновательны надежды, отразившіяся въ этихъ словахъ—во всякомъ случаѣ онѣ лучше малодушнаго унынія, заставляющаго опускать руки и пассивно ожидать всего худшаго. Тяжесть условій, переживаемыхъ земствомъ, гр. Шереметевъ сознаетъ вполнѣ—и тѣмъ не менѣе не сомнѣвается въ великомъ его будущемъ. Это—именно то настроеніе, распространеніе котораго въ земской средѣ особенно желательно въ настоящее время.

Справедливое отношеніе къ земству встрѣчается, иногда, и среди представителей администраціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ, съ этой точки зрѣнія, рѣчь новаго саратовскаго губернатора А. П. Энгельгардта, произнесенная при открытіи саратовскаго губернскаго земскаго собранія. „Я видѣлъ въ деревняхъ"—сказалъ губернаторъ—„отлично обставленныя земскія больницы; на службѣ земства состоятъ 108 врачей и 287 фельдшеровъ и фельдшерицъ; при такомъ составѣ медицинскихъ силъ земская медицинская помощь можетъ уже проникать въ самые отдаленные уголки деревни. Ветеринарная часть получила широкую организацію, благодаря которой, а также страхованію скота, губернія до извѣстной степени избавилась отъ разорительныхъ эпидемій. Я видѣлъ земскія дороги и удивлялся тѣмъ капиталь-

Digitized by Google

нымъ сооруженіямъ, которыя созданы земствомъ. Вообще всюду, гдѣ земство принялось за фактическое живое дѣло, виденъ успѣхъ, видна заботливая рука хозяина" [1]). Слабую сторону саратовскаго земства А. П. Энгельгардтъ усматриваетъ въ отсутствіи попеченія о землѣ, о развитіи и усовершенствованіи сельско-хозяйственной культуры; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ увѣренность, что плодотворной будетъ работа и въ этомъ направленіи, когда за нее возьмется земство. И дѣйствительно, если въ саратовской губерніи земскія учрежденія запоздали вступить на путь экономической помощи населенію, то вѣдь во многихъ другихъ губерніяхъ этотъ путь проложенъ не кѣмъ инымъ, какъ земствомъ. Во всѣхъ сферахъ земской дѣятельности одни земства берутъ на себя иниціативу движенія, другія ограничиваются тѣмъ, что слѣдуютъ данному уже примѣру: но это не измѣняетъ общей суммы нововведеній, которыми Россія обязана земству, разсматриваемому какъ одно цѣлое. Отсталость, въ томъ или иномъ отношеніи, нѣкоторыхъ земскихъ губерній объясняется, въ добавокъ, не вездѣ одинаковымъ дѣйствіемъ условій, ухудшающихъ составъ земскихъ собраній. Припомнимъ отказъ балашовскаго земства ассигновать небольшую сумму на приглашеніе уѣзднаго агронома — и мы поймемъ одну изъ причинъ, задерживающихъ, въ саратовской губерніи, развитіе земскихъ сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій.

Какъ бы ни усиливалось, въ послѣднее время стремленіе уравнять земскія управы съ обыкновенными присутственными мѣстами, какъ бы ни умалялось значеніе земскихъ собраній, въ одномъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи земство сохраняетъ еще свой первоначальный характеръ, рѣзко выдѣляясь, тѣмъ самымъ, изъ общаго административнаго строя: оно по прежнему имѣетъ право жалобы не только на губернатора и на губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, но и на министровъ, не исключая министра внутреннихъ дѣлъ. И нельзя сказать, чтобы это послѣднее право существовало только на бумагѣ: еще недавно имъ рѣшило воспользоваться орловское губернское земское собраніе, если окажется безуспѣшнымъ другой способъ достигнуть намѣченной цѣли. Рѣчь идетъ о циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23-го августа 1901-го года, ограничивающемъ свободу сношеній между земскими управами [2]). Орловская губернская зем-

---

[1]) Довѣріе А. П. Энгельгардта къ земскимъ учрежденіямъ выразилось и въ томъ, что, проектируя, въ особой запискѣ, рядъ мѣръ къ распространенію огнеупорныхъ крышъ и огнестойкихъ строеній, онъ допускаетъ возможность осуществленія ихъ черезъ посредство губернскаго земства, имѣющаго, въ лицѣ уѣздныхъ управъ и страховыхъ агентовъ, достаточно опытныхъ исполнителей противопожарныхъ мѣропріятій.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1901 г.

Digitized by Google

ская управа нашла, что ст. 194-ая общ. губ. учр., на которую ссылается циркуляръ, относится къ *собраніямъ*, а не къ исполнительнымъ ихъ органамъ. Предварительныя сношенія земскихъ управъ между собою (хотя бы и по вопросамъ общегосударственнымъ), не нося характера опредѣлительныхъ дѣйствій или распоряженій, не вызываютъ и того надзора, который возложенъ на губернатора по отношенію къ дѣйствіямъ или постановленіямъ собраній. Несоотвѣтствіе циркуляра съ закономъ вытекаетъ, далѣе, изъ ст. 154 общ. губ. учр., по которой всѣ мѣста губернскія съ равными имъ, хотя бы и другихъ губерній, сносятся непосредственно,—а къ числу губернскихъ мѣстъ принадлежатъ, по закону, и губернскія управы. Усматривая, такимъ образомъ, въ циркулярѣ отмѣну существующаго закона, орловская губернская земская управа предложила губ. земскому собранію представить о томъ министру внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 178 общ. губ. учр. и ст. 78 законовъ основныхъ [1]). Собраніе, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного, приняло предложеніе управы и поручило ей, въ случаѣ неуваженія ея представленія, принести на распоряженіе министра жалобу въ правительствующій сенатъ.

Не касаясь вопроса о томъ, заключаетъ ли въ себѣ циркуляръ 23-го августа отступленіе отъ закона, московская губернская земская управа усмотрѣла въ немъ поводъ возвратиться къ мысли объ основаніи общеземскаго періодическаго органа. Ходатайства по этому предмету, заявленныя, года три тому назадъ, какъ московскимъ, такъ и другими земствами, были отклонены въ виду существовавшаго тогда предположенія издавать подобный органъ при самомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; но предположеніе это не осуществилось—а потребность стала еще болѣе настоятельною. „До циркуляра 23-го августа“ — говоритъ московская управа въ своемъ докладѣ,— „земскія управы, при проведеніи въ жизнь различныхъ мѣропріятій, ознакомлялись обыкновенно съ тѣмъ, что сдѣлано или дѣлается въ томъ же направленіи другими земствами, обращаясь къ нимъ съ циркулярными отношеніями и, такимъ образомъ, собирая отъ нихъ всѣ необходимыя данныя. Въ настоящее время этотъ путь закрытъ. Между тѣмъ, земское хозяйство все болѣе и болѣе усложняется; разрѣшеніе выдвигаемыхъ жизнью вопросовъ требуетъ крайняго напряженія земскихъ средствъ и силъ, для цѣлесообразнаго использованія которыхъ необходимо детальное знакомство съ опытомъ, имѣющимся уже въ земской дѣятельности. Особенно важное значеніе общеземскій органъ получаетъ въ настоящее время, при дѣйствіи закона о предѣльности

[1]) За силою этихъ статей, право входить съ подобными представленіями принадлежитъ и „подчиненнымъ начальствамъ“, т.-е. присутственнымъ мѣстамъ; но оно не равносильно праву *жалобы*, да и о примѣненіи его давно уже не слышно.

Digitized by Google

земскаго обложенія; фиксація доходовъ такъ сократила земскія средства, что при каждомъ, даже незначительномъ расширеніи и улучшеніи своего хозяйства земство встрѣчается съ дилеммой: или работа его будетъ не вполнѣ обоснована, и потому не вполнѣ цѣлесообразна — въ результатѣ безполезная трата части средствъ, — или предварительная разработка проектируемаго предпріятія поглотитъ значительную часть этихъ средствъ, а самое мѣропріятіе будетъ отложено на неопредѣленное время. Изданіе общеземскаго органа устранитъ такое нежелательное явленіе: подробно ознакомляя съ различными сторонами земской дѣятельности, общеземскій органъ въ то же время дастъ возможность широко пользоваться результатами предварительныхъ разработокъ, произведенныхъ въ земствахъ, и тѣмъ самымъ значительно съэкономить собственное время и средства. Московское губернское собраніе, раздѣляя мнѣніе управы, постановило ходатайствовать о разрѣшеніи изданія въ Москвѣ, съ 1-го января 1903-го года, „Земскаго Вѣстника". О необходимости такого органа мы говорили подробно въ мартовскомъ обозрѣніи 1899-го года; тамъ же разобраны и безцеремонно тенденціозные аргументы, которыми реакціонная печать старалась доказать его неблагонамѣренность и вредоносность.

Очень мало появляется въ печати—помимо оффиціальныхъ сообщеній—извѣстій о положеніи губерній, пострадавшихъ отъ неурожая. Изслѣдъ ли интересъ общества къ бѣдствію, повторяющемуся чуть не ежегодно, существуютъ ли какія-либо другія причины, объясняющія скудость оглашаемыхъ свѣдѣній—этого мы рѣшить не беремся; ограничиваемся констатированіемъ факта, тѣмъ рѣзче бросающагося въ глаза, чѣмъ живѣе память о недавнемъ прошломъ, когда борьба съ послѣдствіями неурожая привлекала къ себѣ напряженное вниманіе общества и печати. Мало кому извѣстными остаются и нѣкоторыя административныя распоряженія, далеко не лишенныя интереса. Сюда относится, напримѣръ, „объявленіе" бывшаго вятскаго губернатора Клингенберга (теперь переведеннаго во Владиміръ), распространенное среди крестьянъ въ большомъ количествѣ экземпляровъ. „Собственно говоря",—читаемъ мы здѣсь,—„каждый обязанъ самъ о себѣ заботиться и, въ случаѣ бѣды, найти способъ съ нею справиться, не разсчитывая на помощь; но такъ какъ отдѣльнымъ лицамъ иногда не подъ силу бываетъ выйти изъ затруднительнаго положенія въ самую минуту бѣдствія, то правительство и общество принимаютъ мѣры къ тому, чтобы облегчить пострадавшему населенію пережить тяжелое время... Выданныя ссуды будутъ по новому закону взыскиваться по тѣмъ же

Digitized by Google

правиламъ, по коимъ взыскиваются окладные сборы. Поэтому домохозяинъ, просящій и получившій ссуду, долженъ помнить, что онъ одинъ и долженъ будетъ ее возвратить, что никто ему не поможетъ и что взысканіе будетъ производиться строго, такъ что, въ случаѣ накопленія недоимки, *все* движимое имущество можетъ быть продано, а недвижимое—отобрано... При объѣздѣ губерніи я убѣдился, насколько крестьяне обдуманно и осторожно относятся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ, боятся брать на себя не вызываемые крайнею необходимостью долги и твердо рѣшились терпѣливо ждать Божіей помощи въ будущемъ году, стараясь своими силами выйти изъ затруднительнаго положенія". Сопоставляя сказанное въ началѣ объявленія объ *обязанности* каждаго выйти изъ бѣды, не разсчитывая на посторонюю помощь, съ заключительными словами о стремленіи крестьянъ справиться съ бѣдою собственными силами, читатели объявленія легко могли понять его какъ призывъ къ отказу отъ продовольственной ссуды. Укрѣпить ихъ въ такомъ заключеніи должна была угроза строгаго взысканія, могущаго дойти до продажи *всего* движимаго имущества и отобранія недвижимаго [1]). Прибавимъ къ этому возможность или, лучше сказать, неизбѣжность подчеркивающихъ и преувеличивающихъ толкованій—и мы легко поймемъ, что объявленіе вятскаго губернатора должно было уменьшить количество и размѣръ ссудъ, внѣ пропорціи съ дѣйствительными нуждами населенія. Такъ и случилось, по крайней мѣрѣ въ слободскомъ уѣздѣ, гдѣ первоначально опредѣленная цифра ссудъ сократилась съ 26 до $8^1/_2$ тыс. пуд. Въ одной изъ пострадавшихъ волостей этого уѣзда *всѣ* сельскія общества отказались отъ ссуды, хотя два изъ нихъ, по удостовѣренію земскаго начальника, никакъ не могутъ обойтись безъ правительственной помощи, которая и предназначена для нихъ въ размѣрѣ 2 тыс. пуд. Сокращенію ссудъ въ вятской губерніи способствовало, повидимому, еще одно обстоятельство. Первоначально (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ земскихъ участкахъ) разсчетъ ссудъ былъ основанъ на дѣйствительной численности семействъ, но, по полученіи циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 17 августа 1901 г., измѣненъ сообразно съ указаніями этого циркуляра, т.-е. на мѣсто реальной цифры поставлена предполагаемая (въ среднемъ—5 чел. на семью), вслѣдствіе чего въ трехъ волостяхъ слободскаго уѣзда число ѣдоковъ, нуждающихся въ ссудѣ, понижено съ 15.500 до 10.025. Намъ кажется, что такой образъ дѣйствій не соотвѣтствуетъ смыслу циркуляра. Разсчетъ по сред-

[1]) По закону о взысканіи окладныхъ сборовъ (23 іюня 1899 г.) продажа за недоимку *всего* движимаго имущества не допускается ни въ какомъ случаѣ, а отобраніе надѣла имѣетъ мѣсто лишь при круговой порукѣ, на продовольственныя ссуды, по закону 1900-го г., не распространяющейся.

Digitized by Google

ней величинѣ семьи рекомендуется имъ, главнымъ образомъ, въ виду невозможности заблаговременнаго составленія именныхъ списковъ; но если оно, въ томъ или другомъ случаѣ, оказалось возможнымъ, нѣтъ, очевидно, никакой причины отбрасывать его въ сторону и отдавать предпочтеніе менѣе надежному способу опредѣленія числа нуждающихся. Мы имѣли уже случай показать [1]), что какъ бы удачно ни былъ придуманъ порядокъ *приблизительнаго* исчисленія ссуды, замѣнить собою разсчетъ, сдѣланный на основаніи точныхъ фактическихъ данныхъ, оно не можетъ. Средняя семья—понятіе сплошь и рядомъ не соотвѣтствующее дѣйствительности; наиболѣе многочисленныя семьи часто оказываются, притомъ, и наиболѣе нуждающимися.

Несмотря на чрезвычайно быстрые успѣхи школьнаго дѣла въ городѣ Петербургѣ, мы тѣмъ не менѣе настаивали всегда на томъ, что эти успѣхи относятся исключительно къ *начальному* народному образованію, получаемому въ одноклассныхъ училищахъ, съ 3-лѣтнимъ обученіемъ въ нихъ; но *полное* народное образованіе, какое можно получить только въ „городскихъ“ 4-классныхъ училищахъ, съ 4-лѣтнимъ обученіемъ въ нихъ, по окончаніи курса въ начальныхъ одноклассныхъ училищахъ, — и до настоящаго времени находится сравнительно съ начальнымъ, въ крайне неудовлетворительномъ положеніи. Четырехклассныя училища остались и остаются въ рукахъ министерства народнаго просвѣщенія, тогда какъ начальныя училища, лѣтъ 25 тому назадъ (въ 1877 г.), были переданы имъ въ вѣдѣніе спб. городского общественнаго управленія... Теперь, можно сказать, явилось и оффиціальное подтвержденіе относительно того, что полное окончательное народное образованіе, получаемое въ министерскихъ городскихъ 4-классныхъ училищахъ, чрезвычайно отстало, за эти 25 лѣтъ, отъ начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ городскою Думою: въ то время, когда начальныя одноклассныя училища, принятыя городомъ отъ министерства въ 1877 г. въ числѣ 14, съ 800 учащихся, въ теченіе 25 лѣтъ, возросли нынѣ до 470, съ 25.000 учащихся, — министерскія городскія 4-классныя, до самаго 1890 года, оставались неизмѣнно въ числѣ *6* на весь Петербургъ, и только въ 90-хъ годахъ, благодаря энергической настойчивости покойнаго попечителя спб. учебнаго округа, М. Н. Капустина, число ихъ удвоилось, но все же оно и теперь ничтожно, сравнительно съ числомъ начальныхъ училищъ, для которыхъ они должны служить завершеніемъ, какъ, напримѣръ, въ среднемъ образованіи, гимназія заканчиваетъ курсъ про-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣстн. Европы“ за 1901 г.

Digitized by Google

гимназіи. Дѣйствительно, число „городскихъ" 4-классныхъ училищъ въ Петербургѣ оказывается ничтожнымъ для Петербурга, съ его болѣе чѣмъ милліоннымъ населеніемъ и съ 470-ью начальными народными училищами, содержимыми нашимъ городомъ безъ малѣйшей субсидіи отъ того министерства, которое называется именно министерствомъ *народнаго* просвѣщенія;—въ справедливости того можно убѣдиться теперь изъ появившагося недавно въ печати („Россія", 9 дек. 1901) нижеслѣдующаго разъясненія со стороны г. товарища министра народнаго просвѣщенія, по поводу заявленія, съ которымъ обратился въ городскую Думу попечитель спб. учебнаго округа, В. К. фонъ-Анрепъ:

„Въ настоящее время,—говорится въ разъясненіи,—число дѣтей, желающихъ поступить въ городскія четырехклассныя училища (по Положенію 1872 г.), значительно превышаетъ число вакансій, и *многимъ приходится отказывать въ пріемѣ*. По собраннымъ директоромъ народныхъ училищъ свѣдѣніямъ, въ августѣ текущаго (1901) года явились къ пріему 1.018 чел., изъ которыхъ оказалось возможнымъ принять только 694, *отказано 325*. Это изъ года въ годъ повторяющееся явленіе съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что число городскихъ училищъ, по Положенію 1872 г., недостаточно. Такое положеніе дѣла побудило попечителя учебнаго округа войти съ представленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія о необходимости открытія въ Петербургѣ нѣсколькихъ новыхъ четырехклассныхъ училищъ, преимущественно въ районѣ тѣхъ изъ существующихъ училищъ этого типа, гдѣ оказывается ежегодно наибольшій приливъ жаждущихъ пріема: владимірскаго, сергіевскаго, рождественскаго, андреевскаго, казанскаго и воздвиженскаго, съ отнесеніемъ расхода по ихъ содержанію, по штатамъ 1872 г., и на наемъ помѣщеній всецѣло на средства государственнаго казначейства.

„Въ настоящее время, товарищъ министра народнаго просвѣщенія сенаторъ Мѣщаниновъ увѣдомилъ попечителя округа, что въ Петербургѣ уже существуетъ *14 городскихъ четырехклассныхъ училищъ*, содержимыхъ средствами казны (на 470 начальныхъ училищъ, содержимыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ). При дороговизнѣ въ столицѣ квартиръ и помѣщеній, расходы на содержаніе этихъ учебныхъ заведеній достигаютъ значительной суммы. Поэтому принять полностью на средства казны расходы по содержанію проектируемыхъ училищъ не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ остальныхъ городахъ Россіи мѣстныя городскія общества никогда не отказываются отъ посильныхъ пособій правительству по содержанію такихъ учебныхъ заведеній, а расходъ по найму для нихъ помѣщеній всегда, по принятому министерствомъ народнаго просвѣщенія порядку,

Digitized by Google

относится на мѣстныя средства. Министерство народнаго просвѣщенія не видитъ основанія дѣлать въ этомъ отступленіе для с.-петербургскаго городского общественнаго управленія. То обстоятельство, что послѣднее расходуетъ весьма значительныя средства на развитіе въ столицѣ сѣти начальныхъ городскихъ училищъ, министерствомъ не можетъ быть признано убѣдительнымъ, такъ какъ и другія городскія общества не отказываются отъ посильныхъ жертвъ на это дѣло. Независимо отъ этого, необходимо отмѣтить, что главный контингентъ воспитанниковъ четырехклассныхъ училищъ составляютъ окончившіе курсъ въ начальныхъ городскихъ школахъ, содержимыхъ городомъ. Необходимо наблюдать соотвѣтствіе между числомъ заведеній того и другого типа. Городское общественное управленіе, озабоченное устройствомъ начальныхъ школъ, должно также взять на себя и заботы о созданіи возможности для школьниковъ продолжать свое образованіе".

Десять лѣтъ тому назадъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, когда, какъ мы уже сказали выше, было всего *шесть* „городскихъ" училищъ, — что̀ также ни малѣйше не соотвѣтствовало тогдашнему же числу начальныхъ народныхъ училищъ (около 300), — содержимыхъ городомъ, — министерство народнаго просвѣщенія поспѣшило поддержать всѣ представленія тогдашняго попечителя М. Н. Капустина, заслужившаго тѣмъ великую признательность городского населенія — и число городскихъ 4-классныхъ училищъ начало увеличиваться съ каждымъ годомъ. Десять лѣтъ тому назадъ, министерство взяло на себя всѣ расходы по устройству новыхъ городскихъ училищъ, и не указывало городу, какъ нынѣ, на то, что „необходимо (городу) наблюдать соотвѣтствіе между числомъ заведеній того и другого типа", т.-е. начальныхъ одноклассныхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи города, и городскихъ 4-классныхъ. Но, спрашивается, какъ же городъ можетъ „наблюдать" такое соотвѣтствіе, когда послѣднія находятся не въ его вѣдѣніи, а въ вѣдѣніи министерства? Есть только одно средство исполнить указаніе министерства — сократить число начальныхъ школъ въ „соотвѣтствіи" съ наличнымъ числомъ министерскихъ „городскихъ" училищъ, и впредь не открывать ихъ, пока министерство не увеличитъ числа „городскихъ" училищъ; но никто, конечно, не пожелаетъ, чтобы гармонія между „двумя типами" (хотя это не типы, а низшіе и высшіе классы единой народной школы, съ 6-лѣтнимъ обученіемъ въ ней), была установлена такимъ жестокимъ путемъ— сокращенія начальнаго образованія до уравненія его съ окончательнымъ. Десять лѣтъ тому назадъ, министерство также не находило, какъ нынѣ, что „городское общественное управленіе, озабоченное устройствомъ начальныхъ школъ, должно также *взять на себя* и за-

Digitized by Google

боты о созданіи возможности для школьниковъ продолжить свое образованіе"—напротивъ, оно взяло на себя всѣ расходы, именно потому что оно знало, какъ городъ и безъ того „озабоченъ" начальнымъ народнымъ образованіемъ, и какія онъ дѣлаетъ матеріальныя пожертвованія на этотъ важнѣйшій предметъ.

Г. попечитель спб. округа, В. К. Анрепъ, имѣлъ, какъ будто, въ виду продолжить начатое счастливо десять лѣтъ тому назадъ однимъ изъ его предшественниковъ; но, кромѣ того, ему вполнѣ было знакомо положеніе начальнаго образованія въ столицѣ, такъ какъ еще весьма недавно онъ былъ членомъ спб. городского общественнаго управленія, и его представленіе о необходимости для министерства открыть новыя городскія училища на счетъ казны могло вытекать именно изъ личнаго знакомства съ настоящимъ дѣломъ. Въ подкрѣпленіе мнѣнія г. попечителя мы можемъ, съ своей стороны, привести слѣдующую историческую справку, выясняющую всю суть настоящаго дѣла.

Городу указывается теперь „взять также на себя заботы о созданіи возможности для школьниковъ продолжать свое образованіе", т.-е. также устроить „городскія" четырехклассныя училища, какъ онъ устроилъ одноклассныя. Но городская Дума уже 22 года тому назадъ, и два года спустя по принятіи одноклассныхъ училищъ въ свое вѣдѣніе, а именно, въ 1879 году, имѣла уже въ виду ходатайствовать о передачѣ въ ея вѣдѣніе также и „городскихъ" училищъ министерства нар. просв., съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы эти училища, какъ и одноклассныя, находились въ вѣдѣніи городского училищнаго совѣта. Рѣшено было, впрочемъ, обождать съ этимъ ходатайствомъ въ виду того, что въ то время (въ началѣ 80-хъ годовъ) число одноклассныхъ училищъ хотя и увеличилось—съ 14, принятыхъ отъ министерства въ 1877 г., до 90—но это число было слишкомъ еще мало для населенія столицы, да и существовавшее тогда число городскихъ 4-классныхъ училищъ мин. нар. просв. (6) не слишкомъ расходилось съ числомъ начальныхъ училищъ. Въ то время 15 начальныхъ училищъ приходилось на 1 городское, а нынѣ на одно городское училище приходится—33 начальныхъ училища!!.. Итакъ, положеніе народнаго образованія, въ полномъ смыслѣ этого слова, собственно ухудшилось вдвое! Теперь прошло послѣ того цѣлыхъ 20 лѣтъ: одно изъ препятствій къ ходатайству объ открытіи городомъ *своего* 4-класснаго училища значительно ослабѣло, такъ какъ въ половинѣ 90-хъ годовъ было уже не 90 начальныхъ училищъ, а свыше 300; но зато оставалось другое препятствіе: согласится ли министерство если не на ту перемѣну, какую имѣла Дума въ виду въ 1879 году, то вообще на болѣе близкое отношеніе города къ „город-

Digitized by Google

скимъ" училищамъ, подобно тому, какъ Дума завѣдуетъ одноклассными. Въ среду, 6-го ноября 1896-го года происходило засѣданіе Думы, въ самый день памяти столѣтней годовщины смерти Екатерины Великой; рѣшено было почтить память этой настоящей основательницы народнаго образованія открытіемъ перваго 4-класснаго городского училища, по „Положенію о городскихъ училищахъ 1872 года"; но при этомъ было постановлено ходатайствовать вмѣстѣ и объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей этого „Положенія", съ единственною цѣлью „дать городскому общественному управленію возможность не только отпускать деньги на содержаніе такихъ училищъ, но и приложить свой трудъ, какъ оно дѣлало и дѣлаетъ то по отношенію начальныхъ народныхъ училищъ, завѣдуя не только ихъ хозяйствомъ, но и учебною частью" [1]). Какого труда стоило Думѣ получить разрѣшеніе на открытіе собственнаго 4-класснаго училища, можно заключить изъ того, что ходатайство Думы состоялось въ апрѣлѣ 1897 года и только въ іюнѣ 1898 г., слишкомъ годъ спустя, послѣ безусловнаго отказа со стороны министра народнаго просвѣщенія, гр. Делянова, послѣдовало разрѣшеніе отъ его преемника, Н. П. Боголѣпова; впрочемъ, и онъ также отказалъ Думѣ въ главной части ея ходатайствъ, а именно объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей въ „Положеніи о городскихъ училищахъ 1872 года", но къ тому условно присовокупилъ: „Еслибы Дума желала учредить училище, которое не пользовалось бы правами правительственныхъ училищъ, а существовало бы на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, то съ мнѣніемъ Думы можно было бы согласиться". Городская коммиссія по народному образованію воспользовалась такимъ предложеніемъ и дала заключеніе, что Думѣ слѣдуетъ согласиться на предъявленное ей условіе, такъ какъ городскія училища 4-классныя если и не даютъ своимъ учащимся какихъ-нибудь особыхъ правъ, то тѣ права, какія каждому даетъ въ жизни болѣе высокій образовательный цензъ, не могутъ быть у нихъ отняты. Вотъ, такимъ образомъ, послѣ двухъ лѣтъ переписки, всякихъ отношеній и предложеній, городская Дума могла открыть свое „Первое мужское четырехклассное училище, имени императрицы Екатерины Великой"—на 200 учащихся изъ учениковъ начальныхъ училищъ, и новое училище, вслѣдъ за своимъ открытіемъ, наполнилось немедленно—такъ была велика потребность въ четырехклассныхъ училищахъ. Но дальнѣйшій успѣхъ этихъ училищъ зависитъ теперь, главнымъ образомъ, отъ того, въ какой степени будетъ

[1]) Желающихъ ознакомиться подробнѣе со всѣми перипетіями, какія испытало это ходатайство Думы, отсылаемъ къ отчету городской коммиссіи по народному образованію за 1899-й годъ, стр. 167—194, и къ докладамъ училищной коммиссіи по этому дѣлу, помѣщеннымъ въ „Изв. Гор. Думы" 1896, 1897 и 1898 гг.

Digitized by Google

найдено возможнымъ удовлетворить вышеупомянутыя ходатайства городской Думы о томъ, чтобы они были отданы,—какъ и начальныя,—въ вѣдѣніе городского училищнаго совѣта, или, по крайней мѣрѣ, были измѣнены въ „Положеніи о городскихъ училищахъ 1872 года“—тѣ статьи, которыя устраняютъ городъ совершенно отъ близкаго и непосредственнаго участія въ судьбѣ этихъ училищъ, предоставляя Думѣ отпускать въ министерство деньги на ихъ содержаніе...

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Л. БУХА О ВИННОЙ МОНОПОЛІИ.

Письмо въ Редакцію.

Свободная критика правительственныхъ учрежденій и мѣропріятій, появляющаяся въ газетахъ и журналахъ страны, является очень цѣннымъ источникомъ для руководства правящихъ сферъ, насколько она основана на серьезныхъ изслѣдованіяхъ даннаго дѣла. Такая критика не только допустима, но и вполнѣ желательна...

Русская питейная реформа, имѣющая высоко-нравственныя цѣли и задачи, является общественнымъ мѣропріятіемъ, совершенно новымъ, какъ у насъ въ Россіи, такъ и вообще въ цивилизованныхъ странахъ; не имѣя прецедента, которымъ можно было бы руководствоваться, дѣло это, само собой разумѣется, нуждается въ постоянномъ улучшеніи и усовершенствованіи, и именно въ такомъ нововведеніи, болѣе чѣмъ въ другихъ, оказывается необходимымъ собираніе всѣхъ замѣчаній, основанныхъ на наблюденіи за ходомъ новаго закона и примѣненіемъ его на практикѣ.

Отечественная печать не могла не заинтересоваться столь крупнымъ новымъ предпріятіемъ нашего правительства, затрогивающимъ какъ интересы милліоновъ жителей Россіи, такъ и общественную ея жизнь, вслѣдствіе чего появились многочисленные газетные и журнальные отзывы.

Среди этихъ статей есть много такихъ, въ которыхъ и не ознакомленный съ дѣломъ читатель легко можетъ судить, насколько слаба ихъ основа, и которыя, само собой разумѣется, остаются безъ вниманія; но есть и другія, которыя, опираясь на оффиціальныя статистическія данныя, могутъ показаться читателямъ вполнѣ убѣдительными; а между тѣмъ сопутствующіе имъ выводы автора, основанные зачастую не на изслѣдованіи на практикѣ самаго дѣла, а на чисто теоретическихъ построеніяхъ, могутъ выставить въ ложномъ свѣтѣ нововведеніе и препятствовать осуществленію нравственныхъ его задачъ, даже и тогда, когда авторомъ статьи руководили самыя лучшія побужденія.

Такого рода статья появилась въ ноябрьскомъ истекшаго года нумерѣ „Вѣстника Европы“, стр. 342. Такъ какъ и серьезная репутація, которой пользуется этотъ журналъ, и извѣстное имя автора,

Digitized by Google

болѣе другихъ доводовъ могутъ обратить вниманіе читателей на статью, то является необходимымъ указать на нѣкоторую неправильность взглядовъ автора и на ошибочность его выводовъ.

Вышепоименованная статья приводитъ рядъ обвиненій какъ противъ практическаго примѣненія новаго закона, такъ и противъ самаго введенія реформы, а одновременно указываетъ на измѣненія, которыя, по мнѣнію автора, слѣдовало бы ввести въ положеніе казенной продажи питей.

Увеличеніе потребленія питей въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, кажется, болѣе всего обратило на себя вниманіе автора статьи.

Почему увеличеніе потребленія спиртныхъ напитковъ стоитъ въ связи съ введеніемъ монополіи,—этого авторъ статьи не объясняетъ, а между тѣмъ ставитъ до нѣкоторой степени въ зависимость фактъ, впрочемъ пока не доказанный, увеличенія потребленія питей, отъ другого факта—введенія монополіи, а такой зависимости не только не существуетъ, но нельзя ее никакимъ способомъ себѣ представить.

Можно было бы еще понять, что въ мѣстности, гдѣ народъ голодалъ въ дореформенное время,—нуждающагося мужика, который отдавалъ кабатчику-кулаку свои пожитки въ залогъ для полученія хлѣба, кабатчикъ принуждалъ выпить нѣсколько лишнихъ чарокъ, но все это совершенно невозможно при существованіи казенной лавки. Если бы сидѣлецъ винной лавки и давалъ обѣднѣвшимъ крестьянамъ деньги въ заемъ и, пользуясь ихъ положеніемъ, наживалъ бы высокіе проценты,—чего пока и не бывало,—то все-же у него нѣтъ никакого разсчета всучать одновременно „мерзавчиковъ“, на продажѣ которыхъ онъ ничего не наживалъ.

Какъ на доказательство вліянія монополіи на увеличивающееся потребленіе водки, во время неурожая, авторъ указываетъ на то обстоятельство, что въ 1898 году предполагалось, по смѣтѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, въ виду неурожая, продать только 26.543.400 ведеръ въ монопольномъ районѣ, а между тѣмъ было продано 31.110.336 ведеръ. Мы не станемъ уже говорить о томъ, что въ Россіи потребленіе спиртныхъ напитковъ далеко не достигаетъ размѣровъ потребленія ихъ въ другихъ странахъ, и что вышеуказанныя мѣропріятія правительства сводились главнымъ образомъ къ тому, чтобы достичь урегулированія потребленія крѣпкихъ напитковъ, такъ какъ не выпиваемое количество водки, а способъ потребленія этого напитка являлся главнымъ зломъ, разоряющимъ трудящееся населеніе страны,—но и приведенныя авторомъ

Digitized by Google

цифры доказываютъ, насколько для главнаго управленія являлась нежелательной продажа большого количества вина въ голодающихъ мѣстностяхъ, насколько мало это вѣдомство разсчитывало на сбытъ водочныхъ издѣлій и отказывалось отъ увеличенія статьи соотвѣтственнаго дохода въ своемъ бюджетѣ. Можно ли при такихъ условіяхъ дѣлать упрекъ казенной продажѣ питей въ наживаніи на общественномъ бѣдствіи, когда не только ничего не было предпринято съ этой цѣлью, но оказывается, что были прямо противоположныя намѣренія, разъ главное управленіе въ своей смѣтѣ предполагало въ неурожайной мѣстности продать меньшее количество вина, чѣмъ это требовалось нормальной продажей. Въ общемъ не надо забывать, что министерство финансовъ не только не довольствовалось уменьшеніемъ до минимума мѣстъ продажи,—такъ что, напримѣръ, въ восточныхъ губерніяхъ, въ сравненіи съ количествомъ этихъ мѣстъ въ дореформенное время, осталась едва ли пятая часть ихъ,—но циркулярами предписывало закрытіе винныхъ лавокъ по субботамъ съ 5 часовъ пополудни, и по воскресеньямъ до 12 часовъ дня, а пополудни—съ 5 часовъ, чѣмъ даже вызвало жалобы всѣхъ содержателей трактировъ и населенія, стѣсненнаго въ своихъ привычкахъ.

Авторъ указываетъ на увеличеніе потребленія вина въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, но забываетъ о томъ, что если съ одной стороны возростающее число жителей (съ 1894 по 1899 населеніе Россіи увеличилось на 18.954.532 чел.) обусловливаетъ большій отпускъ въ этихъ губерніяхъ, то есть и другія еще причины, которыя хотя и имѣютъ громадное вліяніе, но ихъ нельзя высчитать точными статистическими цифрами.

Одною изъ такихъ причинъ является та, что количество отпущеннаго къ потребленію вина опредѣляется числомъ градусовъ, проданнымъ казенными винными лавками, а между тѣмъ надо считать, что продаваемое въ дореформенное время населенію вино, какъ мѣрою, такъ и крѣпостью по числу градусовъ, не соотвѣтствовало пріобрѣтенному вину. Не станемъ уже говорить о мѣрѣ, такъ какъ недоливъ считался какъ бы правомъ кабатчика, а что касается крѣпости, то кабатчики ухитрялись добавкой табака или иногда вредными для здоровья примѣсями дѣлать водку болѣе забористой, только для того, чтобы долить воды.

Нынѣшняя же продажа, отвѣчающая, какъ крѣпостью, такъ и мѣрою, указанной на посудѣ, при высчитываніи размѣровъ продажи даетъ самыя точныя цифры дѣйствительнаго отпуска вина населенію. Для поясненія вышеуказаннаго, приведемъ примѣръ. Четыре нынѣ бутылки (положимъ—„сороковки“) пріобрѣтались въ дореформенное время населеніемъ (въ виду разбавки водой и примѣсей) какъ 5 буты-

Digitized by Google

локъ, а въ разсчетъ общаго потребленія входили какъ четыре „сороковки". Въ настоящее же время, купленныя населеніемъ 5 бутылокъ, будутъ сосчитаны какъ 5 бутылокъ съ соотвѣтствующимъ количествомъ проданныхъ градусовъ. Такимъ образомъ, сравненіе проданнаго вина до введенія монополіи и послѣ него даетъ поводъ дѣлать ошибочныя заключенія.

Другой упрекъ, который встрѣчаемъ въ упомянутой статьѣ, является повтореніемъ того, что̀ многократно уже было опровергнуто, а именно, что монополія, отнявши доходы у сельскихъ обществъ отъ торговли крѣпкими напитками, этимъ самымъ довела общества до отказа въ отпускѣ денегъ на школы.

Интересующихся этимъ вопросомъ можно отослать къ напечатанному въ изданіи антиалкогольной коммиссіи 1898 года труду Н. О. Осипова, который въ сдѣланномъ по этому поводу докладѣ доказалъ, что въ общемъ доходы сельскихъ обществъ по этой статьѣ не были особо значительными, и что только малая часть ихъ была обращаема на народное образованіе.

Интересующіеся нововведеніемъ навѣрно ознакомились уже съ этимъ докладомъ Н. О. Осипова, и потому повторять его выводовъ не станемъ. Обратимъ только вниманіе на одно обстоятельство, а именно на то, что столь ревнивые защитники интересовъ крестьянскихъ обществъ какъ-то странно представляютъ прежняго кабатчика въ роли какого-то благотворителя сельскихъ общинъ. Кабатчикъ, по ихъ мнѣнію, какъ будто прибывалъ въ деревню съ переполненными карманами, и съ минуты его прибытія, какъ изъ рога изобилія, сыпались средства на школы и другія народныя нужды счастливой деревни.

Между тѣмъ, глазамъ безпристрастнаго наблюдателя рисуется совершенно другая картина. Кабатчикъ обыкновенно являлся съ пустыми руками въ деревню; начиналось регулярное и методичное высасываніе средствъ населенія, и только тогда, когда эта общественная піявка разорила мужиковъ, тогда, отъ избытка вырученныхъ денегъ, передавала маленькую частицу въ руки сельской общины, но передавала по большей части въ такой моментъ и при такихъ обстоятельствахъ, что эти средства, взамѣнъ того, чтобы ихъ обратить на школу или на другое необходимое учрежденіе, пропивались тутъ же сельскимъ сходомъ и такимъ образомъ переходили обратно къ кабатчику.

Законъ 5 мая 1892 года установилъ, чтобы доходы отъ такихъ статей вписывались въ мірскія суммы, но и этотъ законъ далеко не устранилъ злоупотребленій, такъ какъ и кабатчики, и сельскія общества считали для себя крайне невыгоднымъ исполненіе этого требованія, и по словамъ Г. А. Мачтета: „пропивались и растрачивались по рукамъ сотни, а въ смѣты мірскихъ доходовъ поступали десятки".

Digitized by Google

Всѣ эти злоупотребленія прекратились съ введеніемъ монополіи, общественныя піявки сняты съ больного человѣка; онъ теперь можетъ жить и трудиться спокойно, никто не заинтересованъ въ его соблазнѣ, и если онъ еще расходуетъ на вредный напитокъ, то уже безъ посторонняго вліянія. Все то, что̀ когда-то per fas et nefas отнималось у крестьянина, остается у него; онъ теперь сберегаетъ и можетъ сберегать. Труднѣе ли ему теперь пожертвовать часть своихъ средствъ на школу, или легче это было сдѣлать въ кабацкія времена? На этотъ вопросъ сама уже логика даетъ отвѣтъ!

Что касается сельскихъ общинъ, то мы встрѣчаемъ въ упомянутой статьѣ другой, казалось бы еще болѣе тяжелый упрекъ, а именно тотъ, что въ дореформенное время сельскія общества имѣли право препятствовать открытію кабаковъ, а что реформа не только лишила ихъ этого права, „но и всѣ ходатайства,—какъ пишетъ авторъ статьи,—о закрытіи казенныхъ лавокъ остаются безъ послѣдствій".

Къ сожалѣнію, намъ приходится указать, что заявленіе автора не оправдывается дѣйствительностью, и что, вопреки категорическому увѣренію, „что всѣ ходатайства о закрытіи казенныхъ лавокъ остаются безъ послѣдствій",—закрыто, по ходатайствамъ сельскихъ обществъ, послѣ введенія монополіи, съ 1895 до 1900 года, въ оренбургской, пермской, самарской и уфимской губерніяхъ 21 лавка, въ херсонской, таврической, екатеринославской, бессарабской, подольской, кіевской, полтавской, черниговской и волынской губерніяхъ съ 1896 по 1900 г.—57 лавокъ; въ виленской, витебской, гродненской, ковенской, минской, могилевской и смоленской губерніяхъ съ 1897 по 1900 годъ—8 лавокъ, и въ с.-петербургской, новгородской, олонецкой, псковской и харьковской губерніяхъ съ 1898 по 1900 годъ—17 лавокъ, не считая винныхъ лавокъ, закрытыхъ по ходатайствамъ комитетовъ трезвости. Безъ всякихъ же ходатайствъ, а дѣйствуя по собственной иниціативѣ, главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей съ введеніемъ монополіи и послѣ введенія, не дожидаясь высказанныхъ населеніемъ пожеланій, стремилось, въ цѣляхъ народнаго оздоровленія, уменьшить число мѣстъ продажи крѣпкихъ питей, за что высказываются многіе западные спеціалисты. Въ этомъ отношеніи введеніе казенной продажи питей сдѣлало громадный шагъ впередъ. Въ нашемъ распоряженіи находятся статистическія данныя, относящіяся къ числу пунктовъ продажи крѣпкихъ питей, съ 1889 по 1898 годъ. Изъ этой статистики видно, что въ 1889 году заведеній, торгующихъ спиртными напитками, находилось въ Россіи 150.089, а въ 1898 году, подъ вліяніемъ монополіи, число ихъ уменьшилось до 99.265, хотя казенная продажа питей въ вышеуказанномъ году обнимала только 35 губерній Европейской Россіи. Итакъ, безъ чьихъ-либо ходатайствъ

Digitized by Google

министерство финансовъ сократило число мѣстъ продажи болѣе чѣмъ на одну треть.

Не довольствуясь этимъ сокращеніемъ общаго числа мѣстъ продажи питей, главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей закрывало казенныя винныя лавки въ праздничные дни почти во всѣхъ селахъ, населеніе которыхъ выражало желаніе въ этомъ направленіи. Общей статистики у насъ нѣтъ подъ рукой, но въ одной петербургской губерніи такихъ прекращеній торговли въ воскресные и праздничные дни послѣдовало 58, и, кромѣ того, въ Сестрорѣцкѣ, по ходатайству артиллерійскаго управленія, закрыта казенная винная лавка въ дни выдачи рабочимъ жалованья; то же самое въ посадѣ Колпино, гдѣ казенная лавка бываетъ закрытой не только въ день уплаты жалованья, но и въ слѣдующій за нимъ день. Даже безъ ходатайствъ и внѣ селеній, казенныя винныя лавки закрываются по воскресеньямъ и праздникамъ на правомъ берегу Невы, въ шлюссельбургскомъ участкѣ, въ домахъ № 106 и 130, и точно также —по Шлюссельбургскому проспекту.

Напротивъ того, органы самоуправленія, какъ оказалось, далеко не въ такой мѣрѣ заботились о сокращеніи числа мѣстъ продажи крѣпкихъ напитковъ, и когда, съ введеніемъ реформы, осталось за городскими общинами право разрѣшать открытіе питейныхъ заведеній съ продажей пива, виноградnаго вина и проч., то эти учрежденія самоуправленія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, изъ желанія увеличить свои доходы, такъ легко разрѣшали открытіе многочисленныхъ заведеній, и опьяненіе пивомъ и виноградnымъ виномъ начало настолько развиваться, что пришлось, закономъ 29 мая 1897 года, отнять это право изъ рукъ общественныхъ представителей.

Слѣдующій упрекъ автора статьи относится къ уличному пьянству, увеличившемуся, по его мнѣнію, съ введеніемъ монополіи. Я позволю себѣ остановиться на двухъ обстоятельствахъ: 1) увѣренъ ли авторъ, что это уличное пьянство увеличивается? 2) и идетъ ли рѣчь объ устраненіи уличнаго пьянства, или вообще о прекращеніи пьянства? Что касается перваго пункта, нельзя отрицать, что пьяныхъ встрѣчается слишкомъ много по улицамъ, но не встрѣчались ли пьяницы и въ дореформенное время? не попадались ли и ранѣе 1895 г. по улицамъ люди въ грязной, оборванной одеждѣ, люди съ опухлымъ лицомъ, съ красными, полными слезъ, глазами, шатающіеся съ одной стороны тротуара на другую, люди, болѣе похожіе на несчастное животное, нежели на то прекрасное существо, которое когда-то Господь Богъ сотворилъ по своему образу и подобію. Такіе люди встрѣчались зачастую въ дореформенное время, и нѣтъ никакого доказательства на то, чтобы такихъ людей теперь было больше. А между тѣмъ, ны-

Digitized by Google

нѣшнія условія жизни пьяницы, при введеніи казенной продажи питей, сложились такъ, что можно было разсчитывать на увеличеніе уличнаго пьянства въ десять разъ больше, чѣмъ до 1895 года. До введенія монополіи, каждый случайный, а тѣмъ болѣе привычный пьяница, напившись въ кабакѣ, находилъ тутъ же убѣжище, гдѣ кабатчикъ, заботясь о судьбѣ дающаго ему доходъ кліента, оберегалъ его и пряталъ отъ глазъ какъ равнодушной публики, такъ и бдительной полицейской власти. Выходъ на улицу пьяницы былъ только рѣдкимъ случаемъ; лишь такіе пьяницы выталкивались на улицу, отъ которыхъ кабатчикъ никогда уже не могъ ожидать дохода, или пьяницы, слишкомъ уже шумящіе и начинающіе буйствовать. Русскій пьяница болѣе склоненъ къ нѣжности, къ плачу и чувствительности, нежели къ дракамъ и буйству, и потому громадное количество пьяницъ, напившись, оставалось въ кабакѣ. Вдругъ новые монопольные порядки, закрытіе кабака, выбросили всѣхъ этихъ пьяницъ на бѣлый свѣтъ; случилось что-то похожее на результаты первыхъ попытокъ истребленія червей или насѣкомыхъ. Подъ вліяніемъ кислоты или выкуриванія насѣкомыхъ изъ гнѣздъ, милліарды этихъ несчастныхъ, преданныхъ уничтоженію тварей разбѣгаются по всѣмъ сторонамъ, и кажется, будто въ эту минуту уничтоженія количество ихъ безмѣрно увеличивается.

Къ подобнаго рода послѣдствіямъ привело и закрытіе кабаковъ. Пьяницы внезапно очутились на улицѣ; но, какъ для истребленія насѣкомыхъ, является необходимымъ вывести ихъ на божій свѣтъ, такъ и для уничтоженія пьянства нужно, чтобы человѣчество и страдающее отъ алкоголиковъ населеніе могло посмотрѣть на результаты гнуснаго порока. Въ древности, чтобы оттолкнуть отъ пьянства молодыхъ спартанцевъ, учителя нарочно, на ихъ же глазахъ, спаивали рабовъ; отвратительный видъ пьянаго человѣка дѣйствовалъ въ желательномъ направленіи на умъ и на воображеніе молодыхъ людей и отвлекалъ ихъ отъ губительной наклонности.

Главная цѣль и задача введенія казенной продажи питей—это не борьба съ внѣшними сторонами пьянства, но полное искорененіе народнаго порока. Чтобы достичь этой цѣли, было необходимо уничтоженіе притоновъ, гдѣ язва могла скрываться и тѣмъ избѣгать лекарства и врача.

10 іюня 1900 года, изданъ былъ по ходатайству министерства финансовъ законъ, облегчающій мѣстной полиціи борьбу съ уличнымъ пьянствомъ; законъ этотъ, быть можетъ, еще не вездѣ примѣняется, но все-таки въ принципѣ гораздо легче будетъ въ настоящее время бороться съ тѣмъ пьянствомъ, которое теперь бросается въ глаза.

Digitized by Google

Легче сражаться съ видимымъ врагомъ; непобѣдимъ врагъ, котораго мы не видимъ.

Содержаніе, получаемое сидѣльцами, встрѣтило тоже осужденіе г. Буха. По его мнѣнію, высокое жалованье сидѣльцевъ привело къ тому, что учителя народныхъ школъ бросили школу и взялись за продажу вина въ казенныхъ лавкахъ. Съ другой стороны, въ той же статьѣ высказано мнѣніе, столько уже разъ нашедшее опроверженіе, что сидѣльцы казенныхъ лавокъ, желая перейти въ высшій разрядъ, усиливаютъ продажу крѣпкихъ напитковъ во ввѣренныхъ имъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, упрекъ въ высокихъ жалованьяхъ опровергается въ той же статьѣ упрекомъ недостаточнаго жалованья, и мы могли бы на немъ не останавливаться. Тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, въ дѣйствительности число учителей, бросившихъ школу для винной лавки, крайне незначительно, а А. А. Шумахеръ указалъ въ докладѣ своемъ, сдѣланномъ въ антиалкогольной коммиссіи въ 1898 году и опубликованномъ въ трудахъ общества охраненія народнаго здравія, что сидѣльцамъ казенныхъ винныхъ лавокъ нѣтъ никакого интереса усиливать продажу. Все то, что они могли бы предпринять для увеличенія этого сбыта, привело бы къ строжайшимъ наказаніямъ, даже и къ скамьѣ подсудимыхъ; а между тѣмъ достигнутое ими увеличеніе продажи водки изъ подвѣдомственнаго заведенія не приводитъ непремѣнно къ перечисленію лавки въ высшій разрядъ, что и обусловлено спеціальными инструкціями министерства. Не довольствуясь этимъ, министерство финансовъ снеслось съ государственнымъ контролемъ о допущеніи оставленія въ высшихъ разрядахъ и такихъ лавокъ, продажа которыхъ уменьшилась, желая избѣгнуть усердія сидѣльцевъ винныхъ лавокъ, опасающихся, чтобы, вслѣдствіе паденія сбыта, лавка высшаго разряда, съ высшимъ окладомъ жалованья, не была переведена въ низшій разрядъ.

„Презрѣніе къ бывшему контингенту кабатчиковъ,—пишетъ авторъ,—переносится теперь на замѣнившихъ ихъ сидѣльцевъ и приказчиковъ казенныхъ лавочекъ, которые являются,—не надо забывать,—въ глазахъ народа, правительственными агентами и чиновниками“.

Вопреки вышеприведеннымъ указаніямъ, отчеты, получаемые изъ разныхъ концовъ имперіи, свидѣтельствуютъ о довѣріи, которымъ пользуются въ населеніи сидѣльцы винныхъ лавокъ, именно потому, что ихъ пріемы такъ значительно отличаются отъ пріемовъ прежнихъ кабатчиковъ. Насколько интересъ кабатчиковъ приводилъ ихъ къ принятію возможныхъ мѣръ для увеличенія сбыта напитка, обусловливающаго ихъ наживу, настолько нынѣшній сидѣлецъ почти заинтересованъ въ томъ, чтобы менѣе продать и этимъ путемъ уменьшить свой трудъ, такъ какъ и при большемъ трудѣ онъ больше не нажи-

Digitized by Google

ветъ. Такое отношеніе къ дѣлу сидѣльцевъ можетъ вызвать жалобы закоренѣлыхъ пьяницъ, но встрѣчаетъ полное одобреніе со стороны благоразумнаго и трезваго населенія.

Однимъ изъ доказательствъ того, какъ вредно отражаются дѣйствія сидѣльцевъ винныхъ лавокъ, служитъ для г. Буха приведенный имъ примѣръ, что въ одной сельской винной лавкѣ въ голодающемъ районѣ саратовской губерніи продано въ двѣ недѣли вина на 2.000 рублей. Правда, въ статьѣ указывается губернія, но не поименованы ни уѣздъ, ни волость, а тѣмъ менѣе село. Въ дѣйствительности же статистика насъ учитъ, что сельскія лавки продаютъ въ среднемъ на 200 рублей вина въ недѣлю, итого за двѣ недѣли 400 рублей, не при голодѣ, а при урожаѣ и обиліи средствъ въ деревнѣ. Голодающее же село, въ которомъ нашлось 2.000 рублей на водку въ 2 недѣли, т.-е. въ пять разъ больше, чѣмъ въ деревняхъ, не страдающихъ отъ голода, это былъ бы такой недородъ, какого можно пожелать всей Россіи.

Противъ оптовой казенной продажи вина авторъ не возражаетъ, но не надо забывать, что въ одной этой оптовой продажѣ заключается швейцарская монополія, которая, по свидѣтельству какъ профессора Фореля, такъ и всѣхъ безъ исключенія дѣятелей этой страны, не приводитъ ни къ какимъ результатамъ.

Что касается розничной продажи казенныхъ винныхъ лавокъ, то она подвергается сильнѣйшимъ нападкамъ и противоставляется готтенборгской системѣ, которую, по мнѣнію, автора, слѣдовало примѣнить въ Россіи. Вполнѣ основательное возраженіе на этотъ упрекъ далъ И. Р. Минцловъ въ антиалкогольной коммиссіи, читая тамъ же докладъ о готтенборгской системѣ и возможности ея примѣненія въ Россіи.—И. Р. Минцловъ, который нарочно ѣздилъ въ Скандинавію для изученія на мѣстѣ вышепоименованной системы, послѣ обстоятельнаго ознакомленія съ вопросомъ, приходитъ къ заключенію, что эта система, насколько бы она была примѣнена въ Россіи, не дала бы никакихъ результатовъ. Система, имѣющая успѣхъ въ странѣ, гдѣ съ давнихъ временъ расходуется на народное просвѣщеніе по два рубля съ человѣка, не можетъ дать благопріятныхъ результатовъ тамъ, гдѣ на народное образованіе расходуется и теперь еще на душу неполныхъ 40 копѣекъ!..

По мнѣнію критика, гораздо здоровѣе, приличнѣе и гигіеничнѣе выпить чарку вина въ хорошемъ помѣщеніи, за бесѣдой съ знакомыми и пріятелями, чѣмъ пить вино на улицѣ. Изъ этого можно было бы сдѣлать заключеніе о желательности такъ обставить выпивку, чтобы она сдѣлалась болѣе удобной. Естественнымъ послѣдствіемъ этого желанія было бы, что, при столь хорошей обстановкѣ и въ кружкѣ милыхъ друзей, больше выпивалось бы. Еслибы цѣлью правительствен-

Digitized by Google

ной реформы было увеличеніе потребленія водки, то, безъ сомнѣнія, главное управленіе позаботилось бы о самой роскошной обстановкѣ казенныхъ лавокъ, въ которыхъ населеніе могло бы прилично напиваться. Однакожъ, цѣль нововведенія противоположна вышеуказанной; ныющихъ вывели изъ кабаковъ съ тѣмъ, чтобы если уже они сами не могутъ бросить скверной привычки, то принудить ихъ выпивать на глазахъ и подъ контролемъ женъ, страдающихъ болѣе всѣхъ отъ порока мужей и представляющихся естественными союзницами въ борьбѣ, предпринятой правительствомъ.

Авторъ въ своей критикѣ не пощадилъ и попечительство о народной трезвости, о которомъ пишетъ, что „обѣщанная духовная пища далеко не дошла до народа; что въ столичныхъ центрахъ и другихъ городахъ открыты народныя увеселенія, но они оказались безсильными уменьшить пьянство; въ селахъ же и деревняхъ не сдѣлано и этихъ попытокъ".

Этого послѣдняго упрека не дѣлалъ бы авторъ, еслибы ему было возможно ближе ознакомиться съ дѣятельностью многихъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ.

Мы не только не можемъ признать справедливости обвиненія, что по деревнямъ и селамъ не сдѣлано попытокъ дать народу духовную пищу, но должны указать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи дѣятельность въ этомъ направленіи развилась съ неожиданной силой. Мы уже не станемъ говорить ни о возникновеніи многочисленныхъ чайныхъ и чайно-читаленъ, ни о раздачѣ брошюръ попечительствами (въ одной витебской губерніи роздано въ 1899 году 8.552 брошюры), ни о возникновеніи народныхъ хоровъ (въ одной пермской губерніи въ 1899 году было хоровъ, содержимыхъ и субсидированныхъ попечительствомъ—155); но то, что прямо можно уже назвать духовной пищей,—публичныя чтенія,—попечительство дало ихъ народу во многихъ мѣстностяхъ щедрой рукой. Мы здѣсь упомянемъ лишь о нѣсколькихъ губерніяхъ и уѣздахъ: такъ, въ пермской губерніи попечительство устроило 484 публичныхъ чтенія въ 1899 году; въ уфимской въ томъ же году—877; въ слуцкомъ уѣздѣ минской губерніи—492 чтенія; въ велижскомъ уѣздѣ витебской губерніи—843 въ 16 пунктахъ, и въ томъ же уѣздѣ и въ тѣхъ же мѣстностяхъ—132 народныхъ гуляній; въ оршанскомъ уѣздѣ могилевской губерніи—952 чтенія въ 72 пунктахъ, а въ рѣчицкомъ уѣздѣ минской губерніи въ томъ же 1899 году—1.383 чтенія.

На какомъ же основаніи сказано у г. Буха, что въ деревняхъ не сдѣлано даже попытокъ для того, чтобы дать народу духовную пищу? Не вводится ли этимъ способомъ читающая публика въ заблужденіе, которое только вредно можетъ отозваться на развитіи столь высоко-

Digitized by Google

нравственныхъ учрежденій, какими являются попечительства о народной трезвости?

Болѣе 20 тысячъ членовъ попечительства о народной трезвости трудятся, во всѣхъ концахъ Россіи, надъ поднятіемъ нравственнаго уровня народныхъ массъ; людей этихъ, часто забывающихъ и забрасывающихъ свои собственныя дѣла для общественнаго блага, не можетъ ли такая статья привести въ уныніе и отбить у нихъ охоту жертвовать своимъ безкорыстнымъ трудомъ въ пользу общества, голосъ прессы котораго умѣетъ только осуждать ихъ стремленія?

Критикъ указываетъ одновременно и на средство противъ зла, причиненнаго Россіи монополіей. По его мнѣнію, этимъ лекарствомъ явилась бы передача дѣла раздробительной продажи вина въ руки общественнаго самоуправленія, и эта передача представляется автору мѣрой столь глубокой государственной мудрости, что тогда въ лавочкахъ самоуправленія „явятся газеты, книги и живая рѣчь, подъ руководствомъ отзывчивыхъ и сердечныхъ попечителей, радѣющихъ объ интересахъ мѣстнаго общества“... „Сердечные попечители, радѣющіе объ интересахъ мѣстнаго общества“,—неужели только въ винной лавкѣ могутъ они сблизиться съ народомъ? Не могутъ ли они и теперь дѣйствовать въ благоустроенныхъ чайныхъ попечительства, когда законъ всѣми мѣрами поощряетъ ихъ дѣятельность, давая имъ особыя привилегіи въ качествѣ участковыхъ попечителей и членовъ-соревнователей? Странные были бы эти попечители, еслибы они теперь дѣйствовать не могли, а эта дѣятельность вдругъ у нихъ развилась бы, съ открытіемъ кабаковъ общественнаго самоуправленія.

При такой постановкѣ дѣла, авторъ согласенъ на сохраненіе за правительствомъ доходовъ отъ продажи спиртныхъ напитковъ. Онъ предлагаетъ налогъ, обременяющій водку, увеличить, на 50 коп. съ ведра, въ пользу народнаго образованія; но намъ кажется, что все-таки правильнѣе раздѣлить взгляды главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, которое во всѣхъ распоряженіяхъ и циркулярахъ указываетъ на главную цѣль нововведенія—уменьшеніе народнаго пьянства, не опасаясь одновременнаго сокращенія доходности питейной статьи бюджета, такъ какъ рядомъ съ этимъ уменьшеніемъ увеличится доходъ другихъ статей бюджета.

Государственная казна только тогда можетъ быть обезпечена, если народъ будетъ богатъ, а одно изъ условій богатства народа—несомнѣнно, трезвость его, такъ какъ только трезвое населеніе можетъ пріобрѣсти полную трудоспособность.

Говоримъ,—одно изъ условій, такъ какъ не менѣе важно и другое—поднятіе нравственности и просвѣщенія. Министерство финансовъ взяло на себя разрѣшеніе только той задачи, которая входитъ въ сферу его дѣй-

Digitized by Google

ствій и вліяній, а именно, устраненіе тѣхъ условій, которыя мѣшали населенію сдѣлаться трезвымъ; въ этомъ отношеніи, смѣемъ думать, у насъ сдѣлано больше, нежели гдѣ-либо въ другой странѣ, однимъ введеніемъ казенной продажи питей по новой системѣ. Учрежденіемъ же попечительства о народной трезвости министерство финансовъ способствуетъ, въ предѣлахъ своей компетентности, повышенію нравственнаго и умственнаго уровня народныхъ массъ.

А. Скаржинскій.

12 декабря 1901 г.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1902.

Политическія событія истекшаго года.—Общее международное положеніе и китайскій вопросъ.—Война въ южной Африкѣ и британская политика.—Возможная перемѣна министерства въ Англіи.—Колоніи и внѣшніе союзы. — Германскій проектъ таможеннаго тарифа въ парламентѣ.—Печальный прусско-польскій инцидентъ.—Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ.

Начало новаго столѣтія—насколько можно судить по первому году—не оставитъ крупныхъ слѣдовъ въ политической жизни народовъ. Старыя основы вооруженнаго мира ни въ чемъ не измѣнились. Повсюду патріотизмъ принимаетъ по прежнему холодныя эгоистическія формы и ведетъ неустанную борьбу съ побужденіями человѣколюбія и справедливости. Государственные люди разныхъ странъ часто говорятъ о благахъ международнаго общенія, но своими дѣйствіями и рѣчами сѣютъ раздоръ между націями подъ вліяніемъ ложной увѣренности, что твердая охрана отечественныхъ интересовъ несовмѣстима съ доброжелательностью къ чужимъ народамъ и племенамъ. Нѣкогда существовало еще уваженіе къ суду общественнаго мнѣнія Европы: это была высшая инстанція, къ которой обращались всѣ обиженныя и угнетаемыя народности и которая своимъ нравственнымъ авторитетомъ сдерживала одностороннія излишества и злоупотребленія внутренней и внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ. Въ настоящее время не принято уже обращать вниманіе на чувства и отзывы иноземныхъ наблюдателей, и обращеніе къ Европѣ или даже ко всему культурному міру вызываетъ лишь презрительныя насмѣшки. Европа утратила способность объединяться во имя возвышенныхъ идей и стремленій съ тѣхъ поръ какъ національные порывы къ свободѣ и могуществу нашли себѣ удовлетвореніе. Каждое государство поглощено своими собственными дѣлами и интересами, не заботясь о мнѣніи другихъ, и этотъ принципъ индифферентизма становится все болѣе преобладающимъ въ современной политической практикѣ.

Совмѣстное предпріятіе великихъ державъ относительно Китая, доведенное до конца въ маѣ истекшаго года, ясно показало ничтожество руководящихъ взглядовъ и непримиримую рознь между участниками. Казни мандариновъ, виновныхъ въ исполненіи указовъ про-

Digitized by Google

тивъ иностранцевъ, и повальныя избіенія „боксеровъ", вмѣстѣ съ откровенными грабительскими набѣгами на китайскія жилища, давали туземцамъ весьма опредѣленное представленіе объ европейцахъ, явившихся защитниками международнаго права и христіанства на дальнемъ Востокѣ. Союзники сломили сопротивленіе Китая, установили цифру денежнаго вознагражденія и потребовали разрушенія нѣкоторыхъ китайскихъ крѣпостей; но они не могли коснуться вопроса о дальнѣйшей судьбѣ злополучной имперіи и успѣли только обнаружить свой взаимный антагонизмъ въ безплодномъ спорѣ о Манчжуріи. Англичане на каждомъ шагу старались противодѣйствовать Россіи, обличая ея мнимые завоевательные замыслы, и въ то же время пытались утвердиться въ Шанхаѣ и въ богатѣйшей области по теченію Янъ-тзе-Кіана. Германія стремилась извлечь свои выгоды изъ этого англо-русскаго соперничества, вытѣсняя Англію изъ ея насиженныхъ торговыхъ мѣстъ подъ прикрытіемъ своей солидарности съ лондонскимъ кабинетомъ. Японія пробовала сыграть свою самостоятельную роль при англійской помощи, но должна была отказаться отъ смѣлыхъ воинственныхъ плановъ, направленныхъ противъ Россіи, такъ какъ неожиданно подверглась тяжелымъ послѣдствіямъ обострившагося финансоваго кризиса. Внѣшнее единство военныхъ дѣйствій, олицетворяемое личностью общаго главнокомандующаго, фельдмаршала графа Вальдерзе, нисколько не умаляло существовавшей путаницы отношеній и служило только къ пользѣ Германіи, доставивъ ея императору положеніе верховнаго вождя союзной экспедиціи противъ Китая. Побѣжденная имперія богдыхана не скоро возстановитъ свои силы; но данный ей толчокъ едва ли приведетъ къ результатамъ, благопріятнымъ для европейцевъ. Затаившееся въ китайскомъ народѣ чувство озлобленія противъ иноземныхъ „варваровъ" воспользуется первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы вырваться наружу въ болѣе организованныхъ и внушительныхъ формахъ, чѣмъ стихійное боксерское движеніе. Легко достигнутая побѣда державъ надъ Китаемъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя приносятъ прочныя выгоды или славу побѣдителямъ.

Другое военное предпріятіе, волновавшее умы въ Европѣ въ теченіе прошлаго года, не закончено еще понынѣ. Затихшая-было война въ южной Африкѣ возгорѣлась съ новою силою, и англичане опять стали претерпѣвать серьезныя неудачи послѣ неоднократныхъ, оффиціальныхъ увѣреній о полномъ уничтоженіи противниковъ. Въ сентябрѣ 1900 года британское правительство объявило, что война фактически прекращена и что бывшія владѣнія Трансвааля и Оранжевой республики подчинены коронѣ; подъ впечатлѣніемъ этой радостной вѣсти распущенъ былъ парламентъ и назначены новые выборы, ко-

Digitized by Google

торые дали огромное большинство министерской консервативно-уніонистской партіи. Между тѣмъ военныя дѣйствія продолжались; многочисленные отряды буровъ появились въ Капской колоніи, тревожили и осаждали англійскіе гарнизоны, разстраивали ихъ способы сообщенія, захватывали склады провіанта и брали въ плѣнъ цѣлые баталіоны солдатъ и офицеровъ. Британскіе министры утверждали, что это только партизанская война, которой вскорѣ будетъ положенъ конецъ суровыми предупредительными и карательными мѣрами; вооруженные буры, нападающіе на англичанъ, должны, будто бы, считаться разбойниками или мятежниками, къ которымъ непримѣнимы общепринятые военные обычаи. Въ этомъ отношеніи англійскіе патріоты и политическіе дѣятели шли гораздо дальше мѣстныхъ военныхъ начальниковъ и самого генерала Китченера; они же побудили послѣдняго обнародовать прокламацію, въ которой назначался бурамъ срокъ для окончательнаго изъявленія покорности, подъ страхомъ изгнанія и конфискаціи недвижимаго имущества. Такимъ крайнимъ срокомъ объявленъ былъ день 15 сентября. Ожидали, что угроза подѣйствуетъ на бурскихъ вождей и заставитъ ихъ отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія, которое по здравому смыслу признавалось бы безнадежнымъ; однако, назначенный срокъ прошелъ, и война продолжалась съ прежнею энергіею и настойчивостью. Разрушеніе фермъ, владѣльцы которыхъ находятся въ рядахъ сражающихся, привело къ принятію особой системы сосредоточенія бурскихъ женщинъ и дѣтей, подъ охраною англійскихъ войскъ. Образованіе спеціальныхъ закрытыхъ лагерей для многихъ тысячъ бурскихъ семействъ наиболѣе повредило англичанамъ въ общественномъ мнѣніи; усиленная смертность въ массѣ собранныхъ дѣтей вызвала жестокіе нападки на военную администрацію, вслѣдствіе чего правительство вынуждено было озаботиться улучшеніемъ санитарныхъ условій этихъ лагерей и отречься отъ взгляда на нихъ, какъ на орудія устрашенія непокорныхъ буровъ. Безнадежное положеніе дѣлъ въ южной Африкѣ подорвало всякое довѣріе публики къ министерству и создало хроническій кризисъ и застой въ общемъ ходѣ парламентскаго механизма въ Англіи.

Смерть королевы Викторіи, въ январѣ, завершила собою богатую событіями эпоху политическаго процвѣтанія и могущества Великобританіи. Перемѣна царствованія ничѣмъ не отразилась на составѣ и характерѣ правительства; но общій упадокъ нравственной энергіи, замѣтный уже въ предъидущіе годы, дѣлается какъ бы систематическимъ и безповоротнымъ. Либеральная оппозиція подверглась постепенному разложенію, и только немногіе ея представители, изъ старыхъ сотрудниковъ Гладстона, рѣшаются идти противъ воинственно-патріотическаго теченія, господствующаго въ печати и въ обществѣ.

Digitized by Google

Англичане озлоблены противъ буровъ, которыхъ считаютъ виновниками всѣхъ своихъ невзгодъ; они требуютъ безпощаднаго подавленія южно-африканскихъ враговъ, нанесшихъ столько тяжелыхъ ударовъ авторитету и престижу британской имперіи,—но вмѣстѣ съ тѣмъ они сознаютъ безсиліе и безцвѣтность министерства, во главѣ котораго стоитъ номинально лордъ Сольсбери. Единственнымъ изъ министровъ, сохранившимъ популярность въ грубомъ смыслѣ этого слова, остается Чемберленъ, смѣлый и ловкій ораторъ, уважаемый за талантъ и силу воли, но страдающій недостаткомъ добросовѣстности. Бывшіе либералы разошлись въ разныя стороны: одни поддерживаютъ политику войны, чтобы покончить разъ навсегда съ южно-африканскимъ вопросомъ и затѣмъ возвратиться къ либеральной программѣ; другіе критикуютъ и осуждаютъ правительство, но не предлагаютъ ничего положительнаго и не высказываются ни за, ни противъ дальнѣйшихъ усилій къ покоренію буровъ; третьи прямо возстаютъ противъ пагубныхъ увлеченій Чемберлена, защищаютъ интересы права и мира, и этимъ навлекаютъ на себя обвиненіе въ солидарности съ измѣнниками и врагами отечества. Благодаря разброду и слабости оппозиціонныхъ группъ, кабинетъ Сольсбери-Чемберлена еще существуетъ; но необходимость перемѣны чувствуется всѣми, не исключая и консерваторовъ, и это сознаніе ярко выражается въ той необыкновенной роли, которую печать единодушно навязываетъ послѣднему либеральному премьеру, графу Розбери. Даровитый аристократъ, избранный главою либеральной партіи по совѣту и указанію Гладстона, отказался впослѣдствіи отъ этого отвѣтственнаго поста, въ виду возникшаго разлада въ лагерѣ оппозиціи, и въ послѣдніе годы онъ тщательно уклонялся отъ политической дѣятельности, несмотря на частые публичные призывы къ его патріотизму. Либеральные и консервативные ораторы при каждомъ удобномъ случаѣ высказывали сожалѣніе о томъ, что лордъ Розбери не поднимаетъ своего голоса по текущимъ вопросамъ и не беретъ на себя руководства оппозиціоннымъ движеніемъ; газеты всѣхъ оттѣнковъ говорили о немъ въ томъ же тонѣ, и каждая рѣчь его возбуждала всеобщее вниманіе, какъ возможный симптомъ выступленія его на политическую арену. Наконецъ, лордъ Розбери поддался настояніямъ своихъ согражданъ и публично выразилъ готовность отдать свои силы на служеніе родинѣ въ переживаемый ею трудный моментъ, причемъ подробно изложилъ свою программу.

Обстоятельная рѣчь, произнесенная лордомъ Розбери 16 декабря (нов. ст.) въ Честерфильдѣ, получила значеніе событія первостепенной важности; она сдѣлалась предметомъ радостныхъ толковъ и комментаріевъ даже въ такихъ консервативныхъ газетахъ, какъ „Times“,

Digitized by Google

хотя по характеру своему она имѣла рѣзко оппозиціонный оттѣнокъ. Ораторъ подробно разбиралъ главнѣйшіе факты, приведшіе къ настоящему тяжелому положенію, и останавливался на существенныхъ погрѣшностяхъ правительства; онъ указывалъ на „грубыя нарушенія политической морали“ министрами, которые сначала обманули страну ложными заявленіями объ окончаніи войны, а затѣмъ, во время парламентскихъ выборовъ, хотѣли помѣшать избранію либераловъ, выставляя ихъ союзниками непріятеля, виновниками продолженія военныхъ дѣйствій. Особенно возмущаетъ лорда Розбери увѣреніе консерваторовъ, что страна должна была по неволѣ оказать поддержку министрамъ, такъ какъ другого правительства нѣтъ и не можетъ быть при данныхъ условіяхъ. „Въ Англіи нельзя найти другихъ, болѣе подходящихъ людей для составленія правительства?—спрашиваетъ ораторъ.—Во всей имперіи не найдется другихъ кандидатовъ въ министры, кромѣ тѣхъ, которые, по сознанію значительной массы народа, такъ плохо и неудачно управляютъ нашими государственными дѣлами? Неужели нація, столь гордая традиціями своего могущества, неспособна была выработать людей, которые могли бы съ честью замѣнить нынѣшнихъ дѣятелей правительства и администраціи? Отъ злѣйшихъ враговъ Великобританіи я никогда не слышалъ такого унизительнаго утвержденія, какъ заключающееся въ этой доктринѣ“. По мнѣнію Розбери, необходимо ускорить водвореніе мира въ южной Африкѣ обѣщаніемъ широкой и либеральной амнистіи и немедленной равноправности подчинившихся буровъ, для чего можно бы завести переговоры съ президентомъ Крюгеромъ и его приближенными; „необходимо возстановить нормальную дѣятельность парламента, правительства и народа; во внѣшней политикѣ надо разсѣять ту атмосферу недовѣрія и ненависти, которая образовалась около насъ при нынѣшнемъ правительствѣ; а что касается войны, то нужно съ энергіею стремиться къ ея дѣйствительному окончанію и идти на встрѣчу переговорамъ о мирѣ, допуская справедливыя и либеральныя условія, за исключеніемъ лишь законченнаго и порѣшеннаго вопроса о присоединеніи“. „Таковы лучшія пожеланія и совѣты, какіе я могу преподать странѣ,—сказалъ далѣе ораторъ:—и что я въ состояніи сдѣлать больше, я сдѣлаю, ибо мои услуги, насколько позволятъ здоровье и силы,—какъ и услуги всѣхъ британскихъ подданныхъ,—находятся въ распоряженіи моей страны“. Эти слова, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ „Times“, были прерваны шумною, восторженною овацією, причемъ многіе вскочили на платформу и „дико размахивали шляпами“. „Я не дѣлаю себѣ иллюзіи,—закончилъ ораторъ,—я могу пока сдѣлать очень мало или ничего, такъ какъ страна въ прошломъ (1900) году лишила себя свободы дѣйствій на ближайшія

Digitized by Google

шесть лѣтъ подъ вліяніемъ увѣренности, что война окончена. Моя политика основана не на партійныхъ соображеніяхъ, и я взываю не къ какой-нибудь партіи. Партіи въ этомъ случаѣ имѣютъ мало значенія. Отъ парламента съ его колеблющимся, но подавляющимъ большинствомъ, поддерживающимъ правительство, и съ разрозненною оппозиціею,—я апеллирую къ Цезарю,—къ тому молчаливому, но верховному трибуналу, который въ послѣднемъ счетѣ рѣшаетъ и контролируетъ судьбы нашего народа,—я разумѣю трибуналъ общественнаго мнѣнія и здраваго общаго чувства".

Двухчасовая рѣчь лорда Розбери, дѣйствительно замѣчательная по тону и содержанію, была передана въ тотъ же день по телеграфу во всѣ англійскія газеты и произвела повсюду необычайное впечатлѣніе. Лондонскій „Times", обыкновенно столь сдержанный и осторожный, посвятилъ ей подъ-рядъ двѣ хвалебныя и крайне сочувственныя передовыя статьи; въ заголовкѣ самаго отчета, занимающаго въ еженедѣльномъ изданіи восемь столбцовъ мелкаго шрифта, поставлены слова: „Важная рѣчь". „Times" отнесся къ этой рѣчи какъ къ манифесту будущаго главы кабинета, появленіе котораго есть только вопросъ времени. „Рѣчь лорда Розбери,—по словамъ газеты,—оправдала ожиданія его поклонниковъ и вполнѣ достойна его высокой репутаціи, какъ патріота и государственнаго человѣка... Совѣты его прямодушны, мужественны и ясны. Онъ не выступаетъ въ качествѣ вождя, но говоритъ языкомъ такого рода, который даетъ людямъ положеніе руководителей... Его разсужденія представляютъ какъ бы струю свѣжаго воздуха въ нашей политикѣ; особенно бросается въ глаза ихъ рѣзкій контрастъ съ общими мѣстами рѣчей министерскихъ защитниковъ и оппозиціонныхъ порицателей". „Times" придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что присутствовавшіе на митингѣ либеральные члены парламента, Аскитъ и сэръ Эдуардъ Грей, поздравляя лорда Розбери съ возвращеніемъ къ руководящей политической дѣятельности, безусловно присоединились къ предложенной имъ программѣ. Въ другой статьѣ, резюмируя различные отзывы о томъ же событіи, газета замѣчаетъ, что рѣчь „оказала могущественное и возбуждающее дѣйствіе на политику внутри страны и заграницею". Если,—продолжаетъ „Times",—лордъ Розбери твердо и рѣшительно будетъ поддерживать принципы, возвѣщенные имъ въ Честерфильдѣ, онъ сдѣлаетъ возможнымъ непосредственное возрожденіе дѣйствительной либеральной партіи, въ отличіе отъ существующей анти-національной фракціи. Онъ, быть можетъ, сдѣлаетъ возвращеніе ея къ власти вѣроятностью недалекаго будущаго".

Та поспѣшность, съ какою „Times" отрекается отъ нынѣшняго министерства Сольсбери-Чемберлена, лучше всего характеризуетъ по-

Digitized by Google

ложеніе дѣлъ. Одна мысль о замѣнѣ этого кабинета правительствомъ лорда Розбери наполняетъ умы какимъ-то патріотическимъ восторгомъ, точно дѣло идетъ объ избавленіи отъ мучительнаго и слишкомъ продолжительнаго недуга. Никто не споритъ о негодности стараго министерства; сами дѣятели и органы правительственнаго большинства въ парламентѣ не сомнѣваются въ благотворности предстоящей перемѣны,—сомнѣнія касаются лишь способовъ осуществленія спасительной комбинаціи. Кабинетъ не можетъ произвольно удалиться со сцены только потому, что лордъ Розбери соглашается взять на себя бремя управленія; король также не имѣетъ законнаго основанія разойтись съ министрами, пользующимися поддержкою значительнаго парламентскаго большинства, а это большинство тоже не можетъ внезапно отречься отъ своихъ собственныхъ недавнихъ рѣшеній и заявленій. Англійскіе министры, за весьма рѣдкими исключеніями, не принадлежатъ къ числу лицъ, дорожащихъ своими оффиціальными должностями по соображеніямъ личной карьеры или выгоды; большею частью они смотрятъ на министерскій постъ только какъ на почетное и отвѣтственное бремя, отъ котораго вовсе не зависитъ ихъ матеріальное и общественное положеніе. Лордъ Сольсбери и Чемберленъ останутся послѣ своей отставки тѣми же крупными политическими дѣятелями, какими были раньше, съ тою только разницею, что не ихъ будутъ критиковать, а они сами будутъ критиковать министровъ,—причемъ они могутъ только выиграть въ общественномъ мнѣніи. Оттого и нынѣшній премьеръ, утомленный неудачами и болѣзнями, не разъ публично выражалъ свое прискорбіе по поводу отсутствія такого оппозиціоннаго вождя, который могъ бы считаться серьезнымъ претендентомъ на роль главы кабинета. Точно такъ же Чемберленъ не чувствуетъ себя обязаннымъ отстаивать свой министерскій портфель въ ущербъ интересамъ государства, а интересы государства несомнѣнно страдаютъ отъ общей непопулярности правительства. Съ переходомъ власти въ руки лорда Розбери политика не измѣнилась бы или мало измѣнилась бы по существу, а перестала бы только вызывать вражду и озлобленіе, что̀ было бы, конечно, только выигрышемъ для страны. Этимъ объясняется господствующій тонъ министерской печати при оцѣнкѣ событія, которое на первый взглядъ должно было бы представляться непріятнымъ для министровъ и ихъ сторонниковъ. Министерскій карьеризмъ неизвѣстенъ въ Англіи, и никому тамъ не приходитъ въ голову обсуждать крупные государственные вопросы съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ и выгодъ отдѣльныхъ министровъ. Интересы государства одинаково важны и для правительства, и для оппозиціи; всякія частныя соображенія подчиняются имъ безпрекословно, и ни одинъ политическій дѣятель или сановникъ, какъ бы

Digitized by Google

важенъ онъ ни былъ, не считаетъ себя незамѣнимымъ и не смѣшиваетъ своего существованія у власти съ высшимъ благомъ государства, подлежащимъ принудительной охранѣ. Этотъ духъ истинной государственности, несовмѣстимой съ корыстолюбіемъ и карьеризмомъ, обезпечиваетъ Англію отъ злоупотребленій, столь частыхъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ.

Неудачи южно-африканской войны, вопреки ожиданіямъ, не только не ослабили приверженности автономныхъ британскихъ колоній къ метрополіи, но способствовали еще большему укрѣпленію существовавшихъ связей и возбудили новый имперскій патріотизмъ въ различныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ британской короны. Путешествіе герцога Корнвалійскаго, нынѣ принца Уэльскаго, вокругъ свѣта, для посѣщенія британскихъ земель, сопровождалось многочисленными и краснорѣчивыми подтвержденіями этого крупнаго факта. На банкетѣ, данномъ лондонскимъ городскимъ управленіемъ 5 декабря въ честь возвратившагося наслѣднаго принца, послѣдній произнесъ интересную рѣчь о возродившемся чувствѣ единства и солидарности между колоніями и Великобританіею. Въ томъ же духѣ говорили затѣмъ Чемберленъ и лордъ Сольсбери, которые по этому поводу высказали мысль о ненужности внѣшнихъ союзовъ для Англіи при тѣсной сплоченности ея съ британскими владѣніями въ разныхъ частяхъ земного шара. Министры дали этимъ косвенный отвѣтъ на вопросъ о новыхъ международныхъ комбинаціяхъ, поднятый однимъ изъ англійскихъ журналовъ и вызвавшій напрасную полемику также въ нѣкоторыхъ нашихъ газетахъ. Союзы дѣйствительно не нужны Англіи, такъ какъ она и безъ того остается владычицею морей, опираясь на свои колоніи. Въ недавнемъ нумерѣ сатирическаго журнала „Punch“ эта мысль иллюстрируется каррикатурою, изображающею пары танцующихъ: впереди—фигура Британіи, съ женщиною, на которой значится надпись: „колоніи“; на заднемъ планѣ—Россія съ Франціею; въ сторонѣ—Германія, въ лицѣ Вильгельма II, смотритъ съ недоумѣніемъ на Британію и ея странную союзницу, какъ бы удивляясь, что мѣсто, бывшее прежде вакантнымъ, уже занято. Если такъ рисуютъ себѣ международныя отношенія сами англичане, то и другимъ націямъ нѣтъ разсчета добиваться союза, въ которомъ недоставало бы взаимности.

Англійскіе публицисты, предлагавшіе вступить въ прочное соглашеніе съ Россіею, упустили изъ виду, что никакія формальныя уступки не замѣнятъ простого уваженія къ чужому праву и довѣрія къ чужой добросовѣстности, а безъ обоюднаго уваженія и довѣрія немыслимо прочное соглашеніе, при множествѣ противорѣчащихъ и сталкивающихся между собою интересовъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ. Франко-русскій союзъ, вновь подтвержденный въ сентябрѣ

Digitized by Google

истекшаго года торжественными встрѣчами и празднествами въ Компьени и въ другихъ мѣстахъ, могъ установиться только потому, что у насъ нѣтъ матеріала для споровъ съ Франціею, и намъ нечего дѣлить съ нею. Сближеніе съ Англіею желательно для насъ не въ смыслѣ формально-дипломатическомъ, а въ культурномъ; отдѣльныя же соглашенія по возникающимъ спеціальнымъ вопросамъ политики могутъ всегда устраиваться въ духѣ взаимной уступчивости и миролюбія, какъ и до сихъ поръ, безъ всякихъ союзныхъ комбинацій.

Въ Германіи началась горячая парламентская борьба изъ-за предположеннаго правительствомъ значительнаго повышенія ввозныхъ пошлинъ на хлѣбные и сельскохозяйственные продукты. Новый таможенный тарифъ, внесенный въ имперскій сеймъ, является важнѣйшимъ предметомъ нѣмецкихъ заботъ и волненій за истекшій годъ. Вопросъ о покровительствѣ земледѣлію путемъ усиленныхъ пошлинъ давно уже усердно разрабатывается германскими аграріями, къ числу которыхъ принадлежитъ большинство крупныхъ землевладѣльцевъ и аристократовъ. Противъ повышенія пошлинъ рѣшительно выступаютъ представители образованнаго средняго класса, промышленники и рабочіе. Либеральная печать ведетъ безпощадную кампанію противъ вліятельнаго „союза сельскихъ хозяевъ", отстаивающаго интересы землевладѣнія. Покойный фонъ-Микель, вице-президентъ прусскаго министерства и министръ финансовъ, пытался подготовить нѣкоторый компромиссъ въ пользу аграріевъ, но возстановилъ противъ себя либераловъ и ослабилъ свое положеніе при дворѣ тѣми именно стараніями, которыя дѣлались имъ для пріобрѣтенія придворныхъ связей; въ маѣ онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Аграріи упорно отвергали проекты императора Вильгельма II относительно сооруженій новыхъ каналовъ въ промышленныхъ районахъ Эльбы и Рейна, и тѣмъ не менѣе добились того, что правительство взяло въ свои руки удовлетвореніе существенныхъ требованій непокорнаго прусскаго „юнкерства". Канцлеръ графъ Бюловъ, выросшій также въ средѣ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, находилъ вполнѣ естественнымъ оказать имъ протекцію, однородную съ примѣняемою къ фабрично-заводской промышленности,—хотя сельско-хозяйственный протекціонизмъ направленъ исключительно къ искусственному поднятію цѣнъ на счетъ потребителей, чего нельзя сказать о протекціонизмѣ промышленномъ. Полемика съ обѣихъ сторонъ продолжается энергично, при участіи спеціалистовъ, ученыхъ и практиковъ; но разногласія какъ будто возростаютъ съ переходомъ ихъ на практическую почву, ибо они коренятся въ антагонизмѣ матеріальныхъ интересовъ. Въ народѣ собираются подписи къ грандіозной петиціи противъ новаго тарифа, и къ началу

Digitized by Google

декабря собрано было такихъ подписей около 3½ милліоновъ. Разумѣется само собою, что бѣдное трудящееся населеніе не желаетъ платить пошлины въ пользу богатыхъ; задача только въ томъ, какъ примирить противорѣчивыя и одинаково настойчивыя требованія различныхъ классовъ общества.

Продолжительныя пренія по этому предмету въ имперскомъ сеймѣ не привели къ опредѣленному результату, но представляли живой интересъ по силѣ и яркости контрастовъ въ рѣчахъ воюющихъ сторонъ. Между прочимъ, весьма остроумная и содержательная рѣчь сказана была въ засѣданіи 5 декабря депутатомъ Бебелемъ, предводителемъ соціально-демократической партіи. Послѣ многихъ разсужденій консервативныхъ ораторовъ о тяжеломъ земледѣльческомъ кризисѣ, обременяющемъ массу хозяйствъ почти на полную бездоходность, намъ пришлось выслушать цѣлый рядъ иронических вопросовъ, на которые нельзя было найти разумнаго отвѣта. Если жалобы на бездоходность имѣній справедливы,—спрашиваетъ Бебель,—то чѣмъ живутъ бѣдные владѣльцы въ своихъ замкахъ и откуда добываютъ они громадныя суммы для содержанія своихъ сыновей въ гвардейскихъ полкахъ? Почему они несогласны уступить свои земли государству за денежный выкупъ, какъ предлагаютъ соціалисты? Продажныя цѣны земель ростутъ постоянно и повсемѣстно: какъ совмѣстить этотъ фактъ съ невыгодностью землевладѣнія? Толковые хозяева богатѣли бы и безъ пошлинъ. Бебель вычислилъ, что сельское хозяйство получаетъ на свою долю изъ таможеннаго сбора ежегодно не менѣе 197 милліоновъ марокъ непосредственно, а въ видѣ повышенныхъ цѣнъ съ населенія — всего 657 милліоновъ въ годъ; если же прибавить еще разныя побочныя отрасли производства, обыкновенно связанныя съ землевладѣніемъ, то получится колоссальная цифра—свыше милліарда марокъ. Неужели нуженъ еще болѣе ростовщическій тарифъ? Говоря о положеніи неимущихъ, Бебель раскрылъ передъ слушателями крайне печальную картину. Возвышать пошлину на хлѣбъ—значитъ вырывать пищу изъ рукъ бѣдняка. Рабочему пришлось бы отдавать заработокъ восемнадцати рабочихъ дней только для уплаты хлѣбныхъ пошлинъ въ теченіе года, при повышенномъ тарифѣ въ 7½ марокъ; даже теперь, при пошлинѣ въ 3½ марки, рабочіе вынуждены пополнять недостатокъ хлѣба картофелемъ. „Во многихъ мѣстностяхъ замѣчено, что дѣти рабочихъ имѣютъ болѣзненный видъ вслѣдствіе хроническаго недоѣданія; учащіеся въ школахъ нерѣдко остаются до вечера безъ хлѣба. Въ одной провинціальной газетѣ переданъ былъ слѣдующій случай: учитель говорилъ о смерти ученика и жалѣлъ его; по этому поводу одинъ худенькій мальчикъ отозвался, что онъ тоже охотно переселился бы на небо, потому что тамъ онъ не долженъ

Digitized by Google

былъ бы голодать". Трогательный разсказъ оратора вызвалъ неожиданный возгласъ графа Арнима: „Быть можетъ, отецъ этого ребенка пропилъ всѣ деньги"? Произошла шумная сцена, и въ результатѣ Бебель подвергся замѣчанію за слишкомъ рѣзкій отвѣтъ увлекшемуся сторонникъ высокихъ пошлинъ. Спорящіе часто не понимаютъ другъ друга, и каждый остается при своемъ мнѣніи; но односторонніе взгляды смягчаются и крайности ступевываются подъ вліяніемъ аргументовъ, дѣйствующихъ не только на умъ, но и на чувство слушателя.

Можно предвидѣть заранѣе, что аграріи и ихъ приверженцы не поколеблются въ своихъ руководящихъ идеяхъ и требованіяхъ; многіе доказываютъ даже, что предложенныя повышенія пошлинъ совершенно недостаточны и должны быть еще значительно увеличены, для дѣйствительной охраны сельскаго хозяйства отъ разорительной иноземной конкурренціи. Пререканія въ имперскомъ сеймѣ и въ печати были въ самомъ разгарѣ, когда въ нашемъ оффиціальномъ „Вѣстникѣ финансовъ" появилось сообщеніе о неминуемомъ возвратѣ къ прежнимъ высокимъ пошлинамъ на германскіе товары въ случаѣ принятія проектированнаго нѣмецкаго тарифа, направленнаго прежде всего противъ русскаго хлѣбнаго вывоза. Это предупрежденіе произвело въ Германіи тѣмъ большій эффектъ, что защитники проекта и въ томъ числѣ сами министры намекали на вѣроятную готовность Россіи возобновить торговые договоры на новыхъ началахъ, безъ ущерба для германской фабрично-заводской промышленности. Статья „Вѣстника финансовъ" поставила вопросъ вполнѣ ясно и просто; она дала понять германскому правительству и общественному мнѣнію, что на новыя мѣры противъ русскаго хлѣба мы отвѣтимъ столь же чувствительными ударами противъ нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ, снабжающихъ насъ своими издѣліями, и что, слѣдовательно, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ спорнаго тарифа будетъ таможенная война, способная причинить Германіи, какъ и намъ, неисчислимые убытки. Представители нѣмецкой промышленности сильнѣе чѣмъ когда-либо протестуютъ противъ притязаній аграріевъ, которые съ своей стороны лицемѣрно возмущаются ссылками на тарифныя угрозы иностранной державы. Какъ бы то ни было, проектъ имѣетъ за себя, повидимому, большинство въ имперскомъ сеймѣ, и по окончаніи перваго чтенія онъ переданъ въ особую коммиссію изъ 28 членовъ, для болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Обсужденіе таможеннаго тарифа занимало германскій парламентъ почти безъ перерыва съ начала декабря до рождественскихъ вакацій; только одно засѣданіе, 10-го числа, было посвящено постороннему вопросу—довольно щекотливому и непріятному, касающемуся прусской системы германизаціи познанскихъ поляковъ. Въ гнѣзненскомъ судѣ

Digitized by Google

разбиралось дѣло о безпорядкахъ, происшедшихъ въ городѣ Врешенѣ по поводу тѣлесныхъ наказаній, которымъ подверглись польскіе ученики мѣстной школы за упорный отказъ читать молитвы на нѣмецкомъ языкѣ, вмѣсто польскаго. Родители наказанныхъ дѣтей были въ свою очередь присуждены къ строгимъ карамъ за нарушеніе общественнаго спокойствія; но во время судебнаго процесса выяснились нѣкоторыя подробности, возмутившія общественную совѣсть не только въ польскихъ кругахъ и за границею, но и среди прогрессивной части нѣмецкаго общества. Оказалось что мѣстное католическое духовенство считало недопустимымъ преподаваніе религіи польскимъ дѣтямъ на нѣмецкомъ языкѣ; обыватели, проникнутые твердою вѣрою въ неразрывную связь католицизма съ польскимъ языкомъ, запрещали своимъ дѣтямъ подчиняться незаконнымъ, по ихъ мнѣнію, требованіямъ учебнаго начальства, которое, съ своей стороны, связано было положительными инструкціями изъ Познани и Берлина. Дѣти систематически не отвѣчали на обращенные къ нимъ вопросы по закону Божію на нѣмецкомъ языкѣ и отказывались читать нѣмецкую библію и нѣмецкіе молитвенники. Какъ видно изъ оффиціальнаго отчета, напечатаннаго въ нѣмецкихъ газетахъ, окружному школьному инспектору въ Врешенѣ предписано было задерживать непокорныхъ учениковъ въ школѣ и „при дальнѣйшемъ упорствѣ примѣнить также умѣренное тѣлесное наказаніе“. Въ день 20 мая инспекторъ нашелъ необходимымъ примѣнить эти мѣры къ четырнадцати учащимся, а именно: „три дѣвочки получили по четыре удара тонкою палкою по каждой рукѣ, три дѣвочки и одинъ мальчикъ—по три удара, одинъ мальчикъ и пять дѣвочекъ—по два удара по каждой рукѣ, и одинъ мальчикъ—два удара по мѣсту сидѣнія“. Этимъ происшествіемъ и вызваны были волненія, послужившія предметомъ судебнаго разбирательства въ Гнѣзнѣ. Процессъ и завершившій его карательный приговоръ суда дали поводъ къ демонстраціямъ противъ нѣмцевъ въ нашихъ польскихъ губерніяхъ и въ Галиціи, причемъ кое-гдѣ дѣло дошло до публичнаго оскорбленія прусско-германскаго герба и флага. Отношеніе нѣмецкой администраціи къ познанскимъ полякамъ и учащимся входитъ въ компетенцію прусскаго сейма и не могло бы обсуждаться въ имперскомъ парламентѣ; дѣло было внесено въ этотъ послѣдній только съ международной точки зрѣнія, въ виду возможныхъ непріятныхъ послѣдствій для внѣшняго престижа и авторитета имперіи. Въ этомъ смыслѣ предводитель польской группы въ имперскомъ сеймѣ, князь Радзивиллъ, обратился къ канцлеру графу Бюлову съ запросомъ, чтобы придать дѣлу широкую европейскую огласку и побудить правительство высказаться о печальной практикѣ принудительнаго онѣмеченія польскаго населенія въ Познани. Графъ Бюловъ ограничился

Digitized by Google

увѣреніемъ, что дружба съ Россіею и Австро-Венгріею не можетъ быть нарушена инцидентами, въ родѣ врешенскаго, и что нѣмцы будутъ съ неизмѣнною твердостью проводить строго-національную политику въ восточныхъ провинціяхъ; говорить же о познанскихъ, т.-е. прусскихъ дѣлахъ, неумѣстно въ имперскомъ сеймѣ. Отвѣтъ канцлера принятъ былъ палатою съ единодушнымъ и восторженнымъ сочувствіемъ, по свидѣтельству парламентскихъ газетныхъ отчетовъ. Весь этотъ эпизодъ бросилъ своеобразный свѣтъ на тѣ результаты, къ которымъ приводитъ господство узкаго націонализма даже въ самыхъ благоустроенныхъ и просвѣщенныхъ государствахъ.

Французскія политическія партіи обошлись и въ 1901 году безъ министерскаго кризиса. Кабинетъ Вальдека-Руссо держится благополучно уже третій годъ и не обнаруживаетъ еще пока признаковъ слабости или утомленія. Пророчества дальновидныхъ публицистовъ на этотъ разъ не оправдались: присутствіе соціалиста Мильерана въ составѣ правительства нисколько не помѣшало послѣднему сдѣлаться однимъ изъ самыхъ долговѣчныхъ въ исторіи третьей республики. Опираясь на сравнительную прочность своего существованія, министерство могло предпринять и довести до конца весьма серьезную задачу, нашедшую себѣ выраженіе въ новомъ законѣ объ ассоціаціяхъ. Обсужденіе и примѣненіе этого закона, направленнаго главнымъ образомъ противъ монашескихъ орденовъ, было главнѣйшимъ дѣломъ внутренней политики во Франціи за истекшій годъ. Въ области международныхъ отношеній стоятъ на первомъ планѣ сентябрьскія франко-русскія празднества, которымъ предшествовалъ вскорѣ улаженный дипломатическій конфликтъ съ Турціею изъ-за денежныхъ претензій двухъ французскихъ компаній въ Константинополѣ.

Неожиданною долговѣчностью пользуется и австрійское министерство фонъ-Кербера, существующее уже почти цѣлыхъ два года, среди самыхъ запутанныхъ обстоятельствъ, какія когда-либо удручали министерство. Зато въ настоящее время вопросы, которые надлежало разрѣшить или распутать фонъ-Керберу и его сотрудникамъ, находятся въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ были и раньше. Возможность распущенія парламента и временной пріостановки конституціи все чаще выдвигается на очередь,—по крайней мѣрѣ въ видѣ оффиціальной угрозы, исходящей изъ высшихъ придворныхъ сферъ; объ этомъ говорилось еще въ одномъ изъ недавнихъ засѣданій австрійской палаты господъ, причемъ большинство рѣшительно протестовало противъ мысли о государственномъ переворотѣ, и министръ-президентъ счелъ долгомъ успокоить палату относительно намѣреній правительства. Но парламентъ, неспособный къ работѣ вслѣдствіе

Digitized by Google

внутренней непримиримой розни отдѣльныхъ національныхъ группъ, только номинально сохраняетъ свои полномочія, и фактически конституція, въ значительной своей части, бездѣйствуетъ. Кризисъ отражается косвенно на положеніи Венгріи, подвергая сомнѣнію прочность ея договорныхъ связей съ австрійскою половиною монархіи; только общіе имперскіе министры не страдаютъ отъ этой неурядицы, и изъ нихъ наибольшими преимуществами пользуется министръ иностранныхъ дѣлъ, свободно заправляющій высшею политикою въ духѣ старыхъ традицій и неуклонно поддерживающій могущественное вліяніе имперіи въ предѣлахъ Балканскаго полуострова.

Сербія избавилась отъ Милана, скончавшагося въ февралѣ истекшаго года; Болгарія не можетъ избавиться отъ финансовыхъ бѣдъ, въ которыхъ запуталась, благодаря непосильнымъ вооруженіямъ и щедрымъ государственнымъ расходамъ. Переговоры съ французскими банками о займѣ, начатые министерствомъ Каравелова и почти доведенные уже до успѣшнаго конца, не были одобрены болгарскимъ народнымъ собраніемъ, которое справедливо затруднилось отдать табачную монополію въ безконтрольное распоряженіе иностранныхъ кредиторовъ для обезпеченія исправной уплаты процентовъ.—Въ Македоніи продолжаются волненія, вызываемыя свойствами турецкаго режима; о защитѣ христіанскихъ подданныхъ султана великія державы перестали и думать. Заботы и усилія европейской дипломатіи относительно Турціи приняли вообще характеръ экономическій и промышленный, въ чемъ наиболѣе преуспѣваетъ Германія.

Внѣ Европы слѣдуетъ отмѣтить необыкновенно усилившееся политическое вліяніе сѣверо-американскихъ Соединенныхъ штатовъ. Президентъ Макъ-Кинлей, погибшій въ сентябрѣ отъ руки убійцы, былъ первымъ оффиціальнымъ представителемъ новой имперіалистской политики, выразившейся въ завоеваніи Филиппинскихъ острововъ и въ дѣятельномъ участіи въ военной экспедиціи противъ Китая; отъ преемника его, Рузевельта, можно ожидать дальнѣйшихъ, болѣе смѣлыхъ шаговъ въ этомъ направленіи. Перспектива—мало утѣшительная для старыхъ европейскихъ державъ: къ затрудненіямъ и опасностямъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго, прибавились новыя, и притомъ съ такой стороны, откуда всего менѣе должны были бы грозить намъ непріятности и разочарованія. Новый Свѣтъ, бывшій долго обѣтованною землею для европейскихъ націй, все болѣе усвоиваетъ взгляды и пріемы старой Европы въ сферѣ международныхъ отношеній, вмѣсто того, чтобы пролагать и указывать путь къ новому и свѣтлому будущему.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1902.

— Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса. (1901).

Первый трудъ г. Шенрока по изученію Гоголя явился въ 1886 году и относился именно къ изслѣдованію объ его письмахъ: „Указатель къ письмамъ Гоголя, заключающій въ себѣ объясненіе инціаловъ и другихъ сокращеній въ изданіи Кулиша (съ приложеніемъ неизданныхъ отрывковъ изъ писемъ матери Н. В. и его собственныхъ)". Дѣло въ томъ, что когда Кулишъ печаталъ впервые собраніе писемъ Гоголя при изданіи его сочиненій (въ 1857), онъ систематически устранялъ изъ писемъ собственныя имена лицъ, которыя онъ обозначалъ или заглавными буквами, или произвольными буквами латинскими: время было еще близко, и издатель не хотѣлъ называть лицъ здравствовавшихъ, изъ деликатности или изъ опасенія неудовольствій. Кончилось тѣмъ, что письма становились загадками, разрѣшать которыя было трудно даже для спеціалистовъ, и совсѣмъ невозможно для обыкновенныхъ читателей: что можно было извлечь изъ упоминаній и отзывовъ Гоголя объ NN или FF? И напримѣръ, въ біографіяхъ Жуковскаго, составленныхъ Загаринымъ и другомъ Жуковскаго Зейдлицемъ, „даже такія лица, какъ Бѣлинскій и извѣстная по своимъ литературнымъ отношеніямъ А. О. Смирнова, при выпискахъ изъ писемъ къ нимъ Н. В. Гоголя, не названы по именамъ, но обозначены буквами WO и NF". Терялся, наконецъ, самый смыслъ писемъ. Г. Шенрокъ, „послѣ настойчивыхъ справокъ" и сопоставленій съ напечатанными потомъ письмами близкихъ къ Гоголю лицъ, напр. Жуковскаго, Плетнева, кн. Вяземскаго, художника Иванова и др., добился того, что разрѣшилъ всѣ эти загадки, — остались невыясненными только немногія имена, упомянутыя вскользь и не имѣющія существеннаго значенія въ перепискѣ.

Digitized by Google

Въ 1892—97, г. Шенрокъ издалъ „Матеріалы для біографіи Гоголя", гдѣ собрано множество свѣдѣній о жизни и произведеніяхъ писателя: онъ внимательно изучилъ все, что до сихъ поръ извѣстно было въ литературѣ, и доставилъ много новыхъ фактовъ и объясненій. Между прочимъ, онъ разыскалъ и напечаталъ немало еще неизданной переписки Гоголя. По смерти Тихонравова, г. Шенрокъ доканчивалъ его извѣстное изданіе Гоголя, снабженное большимъ количествомъ варіантовъ изъ рукописей и комментаріемъ къ исторіи отдѣльныхъ произведеній Гоголя.—Такимъ образомъ, въ настоящее время г. Шенрокъ былъ, можетъ быть, больше чѣмъ кто-либо другой, приготовленъ къ новому изданію писемъ Гоголя. Первое собраніе Кулиша оказало въ свое время немалую услугу критикамъ и историкамъ Гоголя, но собраніе, въ свое время искалѣченное упомянутымъ умолчаніемъ именъ, лишено было всякаго комментарія; потомъ стало являться въ печати много новаго, разсѣяннаго въ журналахъ, и настоятельной потребностью становилось по возможности полное собраніе писемъ Гоголя въ цѣльномъ изданіи, съ необходимыми указаніями. Въ вышедшемъ теперь изданіи писемъ Гоголя объединено, кажется, все, что было въ прежнемъ изданіи и что появлялось съ тѣхъ поръ въ печати.

Программу изданія и свои пріемы въ распредѣленіи писемъ г. Шенрокъ подробно объясняетъ въ предисловіи.

„Настоящее изданіе,—говоритъ онъ,—заключая въ себѣ всѣ до сихъ поръ опубликованныя письма Н. В. Гоголя, по своему объему почти вдвое больше прежняго, Кулишовскаго. Если, несмотря на то, и оно не можетъ быть названо безусловно полнымъ, такъ какъ возможно, что нѣкоторыя письма и понынѣ продолжаютъ оставаться подъ спудомъ, то можно смѣло утверждать, что такихъ не появившихся пока въ печати писемъ должно быть очень немного. Во всякомъ случаѣ относительно полноты настоящаго изданія сдѣлано возможное, при чемъ въ него вошли нѣкоторыя нигдѣ до сихъ поръ не напечатанныя письма. Затѣмъ, въ видахъ достиженія надлежащей исправности текста, мы поставили своей непремѣнной задачей провѣрку всѣхъ писемъ по подлинникамъ. Намъ удалось это выполнить, однако, не безусловно, хотя и въ огромномъ большинствѣ случаевъ".

Г. Шенрокъ подробно перечисляетъ подлинныя письма Гоголя, которыя удалось ему разыскать въ разныхъ мѣстахъ и въ разныхъ рукахъ; иногда ему приходилось пользоваться только копіями, случайно сохранившимися, или провѣрять напечатанные тексты по собственнымъ замѣткамъ, какія онъ могъ сдѣлать по подлинникамъ, случайно бывавшимъ у него въ рукахъ.

Далѣе, относительно порядка изданія,—между прочимъ сравнительно съ изданіемъ Кулиша,—г. Шенрокъ говоритъ:

Digitized by Google

„Порядокъ въ изданіи писемъ принятъ строго хронологическій, какъ единственный удовлетворяющій требованіямъ научныхъ изслѣдованій, которымъ, несомнѣнно, должно служить настоящее изданіе. При изданіи писемъ Гоголя казалось намъ совершенно непростительнымъ упрощать свою задачу распредѣленіемъ писемъ по корреспондентамъ, при которомъ утратилась бы возможность слѣдить за постепеннымъ развитіемъ духовной жизни писателя, что особенно важно при изученіи Гоголя.

„Извѣстно, что въ числѣ писемъ Гоголя встрѣчается значительное количество не имѣющихъ годовой, а иногда и вовсе какой бы то ни было даты, что, конечно, не могло не представлять огромнаго камня преткновенія для перваго издателя писемъ, безъ сомнѣнія затратившаго бездну упорнаго труда и остроумія не только на весьма нелегкое и неблагодарное дѣло отыскиванія и собиранія писемъ (это надо испытать для того, чтобы вполнѣ оцѣнить), но особенно на достиженіе стройнаго порядка среди невообразимаго хаоса, который представляла груда еще не разсортированныхъ писемъ. Если въ настоящее время, по прошествіи почти уже полустолѣтія, когда въ печати явилось огромное множество писемъ, не бывшихъ въ рукахъ Кулиша, и собрано не мало новыхъ матеріаловъ, все-таки немалую трудность представляетъ безусловно точное выясненіе дать,—то можно представить себѣ, какой грандіозный трудъ выпалъ на долю Кулиша. Достаточно сказать, что именно эта сторона работы требовала и отъ насъ теперь особенно много упорныхъ усилій, причемъ мы все-таки вынуждены были въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ особенности въ отношеніи небольшихъ записокъ и короткихъ, мало содержательныхъ писемъ, не имѣющихъ въ себѣ никакихъ опредѣленныхъ указаній, ограничиваться лишь приблизительнымъ разъясненіемъ времени, къ которому онѣ должны быть отнесены. Вслѣдствіе всего этого мы сочли своимъ долгомъ сопровождать такія письма, въ нашихъ редакторскихъ примѣчаніяхъ, подробными указаніями соображеній, которыми мы руководились при измѣненіи дать, принятыхъ Кулишомъ или другими издателями. Случалось, что, опредѣливъ дату письма приблизительно, мы встрѣчали соображенія, дававшія возможность установить ее точнѣе, что вынуждало насъ, иногда уже во время печатанія, къ неудобнымъ для типографіи перестановкамъ. Въ результатѣ намъ удалось избѣгнуть нежелательнаго выдѣленія въ особый отдѣлъ „писемъ неизвѣстныхъ годовъ“.

Кромѣ опредѣленія времени, къ какому относятся письма, немалую трудность представлялъ самый текстъ: въ напечатанныхъ въ разное время письмахъ оказывались разночтенія—одинъ читалъ такъ,

Digitized by Google

другой иначе,—и за отсутствіемъ подлинниковъ новый издатель долженъ былъ впадать въ недоумѣніе.

„Всѣ подобныя недоразумѣнія, разнорѣчія въ текстѣ писемъ, помѣщенныхъ въ разныхъ изданіяхъ (особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда мы при всемъ желаніи не имѣли возможности окончательной провѣрки по тексту подлинныхъ писемъ), побудили насъ приводить значительно бо́льшее число варіантовъ, чѣмъ мы сдѣлали бы это, еслибы въ нашемъ распоряженіи находились всѣ подлинники. Въ виду возможности упрековъ относительно мелочности нѣкоторыхъ варіантовъ и даже сомнѣнія вообще въ ихъ надобности и пользѣ, мы должны оговориться, что особаго значенія варіантамъ не придаемъ, но, разъ допустивъ ихъ и признавъ ихъ въ принципѣ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ (есть даже такой случай разногласія: по одному варіанту читается куница, по другому—курица), въ виду притомъ крайней трудности добыванія подлинныхъ писемъ, мы, не останавливаясь даже передъ педантической точностью, стремились по возможности использовать письма полнѣе. Но мы рѣшительно отвергаемъ ни къ чему не ведущее соблюденіе якобы Гоголевскаго правописанія, котораго, въ сущности, и не было (съ основательностью этого принципа единогласно согласились всѣ рецензенты редактированныхъ нами VI и VII томовъ X-го изданія сочиненій Гоголя) и только мѣстахъ въ двухъ-трехъ отмѣтили выдающіяся странности. Мы безусловно отвергаемъ также необходимость описанія формата писемъ, указанія цвѣта бумаги и пр. Но мы держимся иного мнѣнія относительно варіантовъ. Послѣдніе могутъ быть очень полезны какъ въ отрицательномъ смыслѣ, устраняя возможность многихъ произвольныхъ догадокъ и предположеній, на которыя особенно падки люди, подходящіе къ изученію писателя съ предвзятыми намѣреніями и взглядами, такъ особенно въ положительномъ, начиная отъ мелочей—въ родѣ ассигновки на раздачу бѣднымъ, сначала на большую сумму, затѣмъ на уменьшенную,—до тонкихъ психологическихъ соображеній по разнымъ поводамъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ варіанты, безспорно, ближе вводятъ въ душевное состояніе автора и въ самый процессъ его мысли. Такъ, въ одномъ письмѣ къ о. Матвѣю (отъ 24 сентября 1847 г.) читаемъ: „Вотъ вамъ (скажу откровенно) причина моего писательства“, тогда какъ прежде было написано: „была причина моего писательства“. Здѣсь чрезвычайно любопытно видѣть во-очію, какъ совершалась борьба между прежними взглядами Гоголя и тѣми, на которыхъ настаивалъ о. Матвѣй. Защищая свое литературное призваніе, Гоголь колебался, и уже на минуту готовъ уступить, отказываясь отъ своего прежняго убѣжденія, какъ тотчасъ же оно снова беретъ верхъ, и слово „была“ зачеркивается“.

Digitized by Google

Эти критическіе пріемы были совершенно правильны, и приведенные примѣры достаточно указываютъ, что иногда въ мелкихъ подробностяхъ письма открываются любопытныя психологическія черты, что̀ можетъ быть особенно важно для человѣка съ такимъ недовѣрчивымъ, скрытнымъ характеромъ, какъ былъ Гоголь.

Письма распредѣлены по слѣдующимъ періодамъ. Въ первомъ томѣ: I, полтавскія и нѣжинскія письма; II, петербургскія, до половины 1836 года; III, заграничныя письма 1836—39 годовъ. Во второмъ томѣ: IV, письма изъ Россіи, 1839—40; V, письма изъ-за границы, 1840—41; VI, письма изъ Россіи, 1841—42; VII, заграничныя письма, 1842—48. Въ третьемъ томѣ продолжается этотъ седьмой отдѣлъ писемъ. Наконецъ, въ четвертомъ: VIII, письма послѣднихъ годовъ, изъ Россіи, 1848—52; затѣмъ, въ приложеніяхъ—варіанты и очень подробный указатель лицъ, упоминаемыхъ въ письмахъ и въ комментаріяхъ издателя.

Понятно, какое великóе удобство представляетъ этотъ указатель для біографическихъ и литературныхъ справокъ. Но странно, что къ изданію не прибавлено общаго оглавленія отдѣловъ (въ родѣ того, какой приведенъ нами выше—но, конечно, подробнѣе). Кромѣ того, по всему изданію проходитъ нумерація писемъ, начиная съ каждаго новаго отдѣла; она выдержана въ первыхъ отдѣлахъ, но самый обширный, седьмой отдѣлъ, подѣленъ особо по годамъ, и нумерація ведется по каждому новому году сначала. Зачѣмъ такъ сдѣлано, не понимаемъ. Или въ цѣломъ отдѣлѣ должна быть особая, доведенная до конца, нумерація,—или этой нумераціи по отдѣламъ и еще подъотдѣламъ совсѣмъ ненужно, и просто долженъ бы быть проведенъ цѣльный счетъ всѣхъ писемъ. Иначе — ненужное обиліе цифръ и неудобство отыскивать письма извѣстныхъ годовъ, за отсутствіемъ и общаго оглавленія, и оглавленій по томамъ.—Не поздно было бы припечатать листокъ и теперь—по крайней мѣрѣ для будущихъ читателей.

Самое изданіе текстовъ сдѣлано чрезвычайно внимательно. Почти нѣтъ письма, которое не сопровождалось бы примѣчаніями—варіантами, указаніями мѣстъ, пропущенныхъ въ изданіи Кулиша, свѣдѣніями объ упоминаемыхъ въ письмѣ лицахъ и обстоятельствахъ, и т. п.

Словомъ, письма Гоголя являются въ настоящемъ изданіи не только въ обширномъ количествѣ, далеко превышающемъ собраніе Кулиша, но съ необходимыми комментаріями, исправленными датами, настоящими именами (вмѣсто загадочныхъ буквъ) и пр. Г. Шенрокъ достойнымъ образомъ завершаетъ свои труды по изученію Гоголя, которые останутся важнымъ вкладомъ въ исторію нашей новѣйшей литературы.—А. П.

Digitized by Google

— „На трудовомъ пути", литературно-художественный сборникъ. Къ тридцатипятилѣтію литературно-педагогической дѣятельности Д. И. Тихомирова. 1866—1901. М. 1901. (Чистый сборъ отъ продажи сборника поступаетъ на стипендіи имени Дмитрія Ивановича Тихомирова для дѣтей-сиротъ учителей народныхъ школъ).

Дм. Ив. Тихомировъ принадлежитъ къ числу нашихъ наиболѣе извѣстныхъ и наиболѣе заслуженныхъ практическихъ педагоговъ и педагогическихъ писателей, между прочимъ въ особенности для народной школы. Онъ самъ по рожденію вышелъ изъ среды, непосредственно близкой къ народному быту: знаніе народнаго быта для него было не книжное, и интересъ къ народу не теоретическій, а живой и непосредственный, такъ что впослѣдствіи, когда явились вліянія школы и общественныхъ настроеній, онѣ могли дать только сознательную научную опору для давняго нравственнаго интереса. Д. И. Тихомировъ (род. въ 1844) былъ сынъ сельскаго священника въ костромской губерніи; свою школу онъ прошелъ въ духовной семинаріи, потомъ въ военномъ училищѣ, наконецъ въ учительской семинаріи военнаго вѣдомства въ Москвѣ и, по окончаніи здѣсь курса, оставленъ былъ „образцовымъ" учителемъ въ состоявшей при семинаріи школѣ. Уже на первыхъ порахъ его влекло къ болѣе обширной, и именно практической, дѣятельности для народной школы. Вмѣстѣ съ товарищами онъ открылъ первую въ Россіи вечернюю воскресную школу для взрослыхъ рабочихъ, и съ тѣхъ поръ кругъ его народно-педагогической дѣятельности все расширялся; возростала и извѣстность его какъ опытнаго школьнаго организатора: къ нему обращаются для устройства большихъ фабричныхъ школъ; земства приглашаютъ его руководить учительскими съѣздами; совѣтъ московскаго благотворительнаго общества приглашаетъ его быть устроителемъ и инспекторомъ его училищъ, и т. д. Къ дѣятельности организаторской и преподавательской присоединились труды учебно-литературные: г. Тихомировъ издалъ цѣлый рядъ учебниковъ и руководствъ, разсчитанныхъ въ особенности на народную школу, начиная съ „Школы грамотности" для первоначальнаго деревенскаго домашняго обученія: эти книжки имѣли вообще большой успѣхъ, требовали все новыхъ изданій, которыя авторъ обыкновенно каждый разъ исправлялъ и улучшалъ; наконецъ, онъ издавалъ школьно-народные и дѣтскіе журналы, и т. д.

Когда подходилъ срокъ тридцати-пяти лѣтъ дѣятельности Д. И. Тихомирова, его друзья, по распространяющемуся теперь обычаю, задумали ознаменовать юбилей литературнымъ сборникомъ. „Въ концѣ весны нынѣшняго года,—говорится въ предисловіи,—возникла мысль о чествованіи тридцатипятилѣтія педагогической и литературной дѣя-

Digitized by Google

тельности Д. И. Тихомирова. По предложенію Вас. И. Немировича-Данченко, рѣшено было издать сборникъ, чистый доходъ съ котораго долженъ пойти на образованіе дѣтей-сиротъ народныхъ учителей. Писатели и художники сочувственно откликнулись на призывъ, и размѣръ сборника далеко превысилъ предположенія составителей. Всѣ литературныя и художественныя произведенія были доставлены безвозмездно".

Дѣйствительно, сборникъ составляетъ очень обширный до 800 стр. томъ большого формата, гдѣ помѣстилось сверхъ восьмидесяти статей, разсказовъ, стихотвореній, и почти до сорока отдѣльныхъ рисунковъ,—и кромѣ того, при статьѣ, разсказѣ, стихотвореніи помѣщается также портретъ автора, и при картинкахъ—портретъ художника въ небольшой, очень хорошо исполненной цинкографіи; наконецъ, къ сборнику приложено пять музыкальныхъ пьесъ.—Въ ряду авторовъ находимъ не мало весьма популярныхъ современныхъ писателей, какъ гг. А. Чеховъ, Потапенко, Маминъ-Сибирякъ, Мордовцевъ, Златовратскій, Немировичъ-Данченко, г-жи Крестовская, Щепкина-Куперникъ; въ сборникѣ приняли также участіе критики и публицисты, какъ Н. И. Стороженко, гг. Гольцевъ, Ив. Ивановъ.

Наконецъ, при изданіи книги нѣсколько типографій, цинкографій, бумажныхъ фабрикъ, переплетная изъявили согласіе принять на себя часть работъ также безвозмездно,—что, конечно, и дало возможность назначить за огромную книгу съ рисунками и нотами очень умѣренную цѣну (2 руб.).

Весь этотъ трудъ, положенный на изданіе сборника, служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того уваженія, какое въ столь обширномъ кругу внушила долголѣтняя дѣятельность Д. И. Тихомирова на пользу—въ особенности народной школы.—А. П.

—Мандельштамъ, профессоръ гельсингфорсскаго университета. О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ, 1902.

Книга г. Мандельштама представляетъ интересъ, прежде всего, какъ одна изъ немногихъ въ русской литературѣ попытокъ охарактеризовать творчество писателя со стороны языка и стиля. Этотъ вопросъ занялъ видное мѣсто въ разработкѣ произведеній народно-поэтическаго творчества, но по отношенію къ художникамъ-беллетристамъ и поэтамъ онъ останавливалъ вниманіе ученыхъ изыскателей большею частью случайно, мимоходомъ, лишь изрѣдка становясь предметомъ самостоятельнаго изученія, — тѣмъ больше заслуживаетъ сочувствія трудъ, предпринятый г. Мандельштамомъ. Авторъ внимательно и до-

Digitized by Google

бросовѣстно отнесся къ своей задачѣ: онъ произвелъ детальный анализъ Гоголевскаго языка, разверстал лексическій матеріалъ Гоголя на отдѣльныя слова и выраженія и раздѣлилъ его на категоріи, послужившія затѣмъ основаніемъ заключеній и общихъ соображеній автора. Исходя изъ понятія объ оригинальности стиля, какъ доли личной самодѣятельности автора въ выборѣ отдѣльныхъ словъ и разнообразныхъ сочетаніяхъ ихъ между собою, г. Мандельштамъ отмѣчаетъ особенности этого рода у Гоголя примѣрами примѣненія писателемъ однѣхъ и тѣхъ же словъ и выраженій въ различныхъ значеніяхъ и оттѣнкахъ. Характеризуя затѣмъ излюбленные обороты Гоголевской рѣчи, авторъ сопоставляетъ ихъ съ фактами языка народнаго и параллельными образами, взятыми у писателей ему современныхъ. Первыя литературныя произведенія Гоголя г. Мандельштамъ относитъ къ „періоду отсутствія всякаго стиля", когда „мысль писателя не опредѣлялась до того, чтобы превратиться въ его духовное достояніе", и въ языкѣ преобладаютъ общія выраженія, шаблонныя, не вполнѣ ясныя и точныя. Рано пробудившееся въ Гоголѣ стремленіе къ совершенствованію стиля вызвало его на упорную работу надъ текстомъ, основнымъ признакомъ которой явилось исключеніе иностранныхъ словъ и миѳологическихъ образовъ чисто-русскими и народными по преимуществу; послѣднее было „дѣломъ сознательнаго отношенія къ языку", стоявшимъ въ непосредственной связи съ постепеннымъ возобладаніемъ преднамѣренности надъ инстинктивнымъ, полубезсознательнымъ выборомъ творческихъ элементовъ. Въ отношеніи стилистической переработки произведеній г. Мандельштамъ отмѣчаетъ любопытную черту у Гоголя: влеченіе къ новообразованіямъ, весьма замѣтное въ началѣ его литературной дѣятельности и приводившее писателя нерѣдко къ неестественности и вычурности выраженій, исчезаетъ во время расцвѣта творчества и снова обнаруживается въ послѣдній періодъ. Опредѣливъ затѣмъ характеръ Гоголевскихъ эпитетовъ, сравненій, художническихъ пріемовъ и т. д., авторъ переходитъ къ уясненію малороссійскаго элемента въ Гоголевскомъ стилѣ, причемъ указываетъ, что не мода на малороссійское, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, влекла Гоголя къ изображенію малорусской природы и быта, но „внутренняя потребность, вполнѣ органическая" въ человѣкѣ „съ хохлацкой душой"; введеніе же элементовъ малорусской рѣчи обусловливалось вліяніемъ народныхъ пѣсенъ. Особой обстоятельностью отличается глава о Гоголевскомъ юморѣ, развитіе котораго на разныхъ ступеняхъ отражалось аналогичными измѣненіями въ стилѣ. „Юморъ Гоголя непремѣнно долженъ былъ исходить и, дѣйствительно, исходилъ изъ сознанія цѣнности для жизни идеала о высокомъ, изъ представленія о значеніи для жизни истины"... „Художественность и жи-

Digitized by Google

вучесть Гоголевскихъ образовъ вытекаетъ изъ того, что составныя ихъ части освобождены отъ случайностей, связаны между собою и не поддаются вовсе измѣненіямъ, или поддаются при условіи полнаго уничтоженія самыхъ образовъ. Такіе только сплоченные образы способны стать схемой спутанныхъ явленій жизни и служить ея объясненіемъ". Отмѣтивъ „спеціализацію" Гоголевскаго творчества въ области этическихъ положеній и „демократичность" Гоголевскаго стиля, г. Мандельштамъ, въ послѣдней главѣ, ставитъ общій методологическій вопросъ: можно ли всегда отдѣлять языкъ писателя отъ языка дѣйствующихъ въ его произведеніяхъ лицъ?—и, не замѣчая логической неточности, вносимой въ самую постановку вопроса словомъ „всегда", рѣшаетъ его, на основаніи *частныхъ* результатовъ изслѣдованія стиля Гоголя, отрицательно.

Выполненное г. Мандельштамомъ изслѣдованіе Гоголевскаго стиля, въ его постепенномъ развитіи къ возможному совершенству, несомнѣнно окажется полезнымъ при рѣшеніи общихъ и частныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ творчества и личности великаго писателя. Но читатель замѣтитъ, вѣроятно, что стиль самого изслѣдователя далеко не свободенъ отъ неопредѣленныхъ и не вполнѣ точныхъ и ясныхъ выраженій, а методъ его нуждается въ большей обоснованности и опредѣлительности составныхъ частей. Съ одной стороны, мы встрѣчаемся въ книгѣ г. Мандельштама съ многочисленными апріорными положеніями, изъ которыхъ однѣ спорны, другія бездоказательны, третьи—прямо невѣрны, въ родѣ того, что „Гоголю слѣдуетъ отвести первое мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія, какъ первому внесшему въ литературу народную рѣчь", и что „такимъ (?) языкомъ не писалъ и Пушкинъ"; или: „писатель отличается отъ другихъ (?) только тѣмъ, что личности своей вноситъ въ языкъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ другіе всѣ"; или еще: „если языкъ прозы условностью своею имѣетъ почти безграничную власть надъ отдѣльной личностью, то въ языкѣ поэзіи, при всей зависимости поэта отъ языка своего народа, личность вноситъ свое вліяніе, насколько творчество заключается въ проявленіи своего собственнаго „я"... Съ другой стороны, авторъ не дѣлаетъ яснаго различія между „языкомъ" и „стилемъ" въ ихъ общемъ и примѣнительномъ смыслѣ и недостаточно выдѣляетъ свои апріорныя теоретическія сужденія изъ заключеній, дѣлаемыхъ на основаніи изслѣдуемаго матеріала,—а это обстоятельство нѣсколько затрудняетъ и чтеніе, и пользованіе книгой для спеціально-научныхъ цѣлей.—Е. Л.

Digitized by Google

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1901 г., въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Арефьевъ, В.—Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Вып. 2-й. Краткое описаніе губерній и областей Сибири.

Барановскій, Е. И.—Торговля керосиномъ въ Германіи, подъ исключительнымъ вліяніемъ американской монополіи. Спб. 901.

Беръ, Б. В.—Стихотворенія: Волѣзни.—Свѣтлый Богъ.—Природа и сердце.—Пророкъ.—Счастье.—Сѣверная легенда. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц 1 р. 50 к.

Божерянов, И., и *Вильберг*, А. И.—„Невскій проспектъ". 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни С.-Петербурга за два вѣка—XVIII-ый и XIX-ый. Юбилейное изданіе. Т. I, вып. 1: отъ Петра В. до Елисаветы Петровны. Всего 5 выпусковъ—15 р., съ доставкою 16 р.

Вагнеръ, Н. П., проф.—Очерки и разсказы. Картины изъ жизни животныхъ. Съ 300 рис. Спб. 902. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 5 р., въ роскошн. пер. 6 р.

Вейнбергъ, Петръ.—Стихотворенія, съ добавленіемъ юмористическихъ стихотвореній Гейне изъ Тамбова. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Вольтке, Григ.—Право торговли и промышленности въ Россіи, въ историческомъ развитіи. Спб. 901.

Водовозова, Е. Н.—Какъ людей на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Шведы и Норвежцы. Съ 10 карт. Спб. 901. Ц. 40 к.

Гёте, Іоганъ-Вольфгангъ.—Лисъ Патрикѣичъ. Поэма въ 12 пѣсняхъ. Съ 36 эстампами на мѣди и 24-мя гравюрами по рисункамъ В. Каульбаха. Съ нѣм. В. С. Лихачевъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Вып. I. Ц. 1 р.—всѣ 12 вып.—12 р. безъ дост.; съ доставкой и перес.—14 руб.; роскошн. перепл.—3 р.

Гоголь, Н. В.—Похожденія Чичикова, или Мертвыя души. Поэма. Текстъ по послѣдней редакціи академика Н. С. Тихонравова, съ портретомъ Н. В. Гоголя, гравированнымъ на стали, 10 геліогравюрами и 355 иллюстраціями художниковъ В. А. Андреева, А. Ф. Аѳанасьева, Н. Н. Бажина, В. И. Быстренина, М. М. Далькевича, Ѳ. С. Козачинскаго, І. К. Маньковскаго, Н. В. Пирогова, Е. П. Самокишъ-Судковской, С. С. Соломко и Н. Н. Хохрякова. Художественный отдѣлъ выполненъ подъ наблюденіемъ П. П. Гнѣдича и М. М. Далькевича. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. въ брошюр. 12 р.; въ изящн. перепл. 14 р.; пересылка за 15 фунтовъ.

——— 15 книжекъ иллюстрированнаго изданія: 1) Коляска, 5 к.; 2) Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, 6 к.; 3) Вій, 8 к.; 4) Майская ночь, 7 к.; 5) Сорочинская ярмарка, 5 к.; 6) Носъ, 6 к.; 7) Страшная месть, 8 к.; 8) Тарасъ Бульба, 18 к.; 9) Пропавшая грамота, 5 к.; 10) Ночь передъ Рождествомъ, 10 к.; 11) Женитьба, 8 к.; 12) Шинель, 8 к.; 13) Заколдованное мѣсто, 5 к.; 14) Ревизоръ, 20 к.; 15) Старосвѣтскіе помѣщики, 6 к. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Одобрены мин. нар. просвѣщенія и военно-учебн. комитетомъ. Всѣ 15 книж.—1 р. 27 к., съ перес. 1 р. 70 к.

——— Письма. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Голицынъ, кн. Д. М. (Муравлинъ).—Отъ смутныхъ дней. Романъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Горькій, М.—Разсказы. Т. V: Трое.—Пѣсня о Буревѣстникѣ. Спб. 902. Цѣна 1 руб.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 902. Ц. 3 р.

Digitized by Google

Грантъ Алленъ.—Въ тайникахъ природы. Борьба, защита, работа и сонъ въ мірѣ животныхъ и растеній. Съ англ. М. П. Волошинова. 257 рис. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 902. Ц. 2 р.

Грибовскій, В. М.—Въ годы юности. Повѣсти и разсказы. Спб. 902. Ц. 2 р.

Джемсъ, Уил.—Бесѣды съ учителями о психологіи. Съ англ. Ал. Тромбахъ. М. 902. Ц. 50 к.

Долгоруковъ, кн. П.—О школьныхъ попечительствахъ. Курскъ, 901.

Дювернуа, Н. Л.—Чтенія по гражданскому праву. Т. I: Введеніе и Часть общая. Введеніе. 4-ое изд. Спб. 902. Ц. 1 р. 60 к.

Дмитріева, В. І.—Горюнъ, разсказъ для дѣтей младшаго возраста, удостоен. преміи Спб. Фребелевскаго общества. Спб. 902. Ц. 50 к.

Зеленинъ, Д.—Новыя вѣянія въ народной поэзіи. М. 901. Ц. 25 к.

Зеленко, П. М.—Поварское искусство. Спб. 902. Ц. 4 р.

Извѣстный.—Кругомъ отъ Владикавказа до Владивостока.. Спб. 902. Цѣна 55 коп.

К., С.—Жестокости современной науки. М. 901. Ц. 20 к.

Кауфманъ, А. А.—Сибирское переселеніе на исходѣ XIX-го вѣка. Истор.-статист. очеркъ. 2-е изд. Спб. 901. Ц. 75 к.

Кенигъ, Эдм.—В. Вундтъ, его философія и психологія. Съ нѣм. С. Штейнбергъ. Спб. 901. Ц. 50 к.

Котъ-Мурлыка.—Повѣсти, сказки и разсказы. Т. III. Изд. 3-ье. Спб. 902. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Ландэзенъ, ф. Ѳ. З.—Проектъ переустройства пожарной части г. С.-Петербурга. Спб. 901.

Ломницкій, С. (Рэджепъ).—Персія и Персы. Эскизы и очерки. 1898—1900 г. Съ 44 рис. Спб. 902. Ц. 2 руб.

Луговой, А.—Pollice verso—„добей его"! Параллель. Съ 87 рис. А. В. Маковскаго. Изд. А. Ф. Маркса. Спб. 902. Ц. 3 р.; въ роскошн. пер. 4 р.

Мандельштамъ, І.—О характерѣ Гоголевскаго стиля. Глава изъ исторіи русскаго литературнаго языка. Гельсингфорсъ. 902. Ц. 2 р. 75 к.

Матѣевъ, А.—Желѣзное дѣло въ Россіи въ 1900 г. Годъ VII. Спб. 901. Цѣна 5 руб.

Мичулинъ, П. П. Русскій государственный кредитъ. 1769—1899 гг. Опытъ историко-критическаго обзора. Т. III: Министерство С. Ю. Витте и задачи будущаго. Вып. 1: Конверсаціонныя операціи въ 1893—1901 г. Харьковъ. 901. Цѣна 75 коп.

Натансонъ, В., проф.—Популярная физика. Съ польск. перев. А. Р—го. Съ 140 рис. М. 901. Ц. 85 к.

Николаева, Е., и *Заморенко*, Е.—Начальное обученіе глухонѣмыхъ родной рѣчи. Съ 300 рис. Спб. 901. Ц. 75 к.

Ньюманъ, Д.—Бактеріи, ихъ роль въ экономіи природы и въ промышленныхъ процессахъ, и ихъ отношеніе къ общественному здоровью. Съ англ. Е. Гурвичъ, п. р. В. Воронина. М. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Оларъ, А.—Политическая исторія французской революціи. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики. 1789—1804. Съ франц. Н. Кончевская. М. 902. Ц. 3 руб.

Папковъ, А.—Православные приходы въ Финляндіи. Спб. 901.

Пеллутье, Ф. и М.—Жизнь рабочихъ во Франціи. Съ франц., п. р. А. Минусилова. Спб. 901. Ц. 1 р. 20 к.

Digitized by Google

Пиленко, Ал.—Право изобрѣтенія. Привилегіи на изобрѣтенія и ихъ защита въ русск. и международн. правѣ. Т. I. Спб. 902. Ц. 3 р.

Пирлингъ, П.—Изъ смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Пирожковъ, М. В.—Прямолинейная тригонометрія, Серре. Съ 8-го франц. изд. Спб. 902. Ц. 60 к.

Позняковъ, Н. И.—На память дѣткамъ. Разсказы и стихотворенія. Съ рис. Одобрено Комитетомъ мин. нар. просв. для средн. и низш. учебн. завед. и для безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ. 3-ье изд. Спб. 902.

——— Святочные разсказы. Съ рис. В. Овсянникова и портретомъ автора. Спб. 902.

Радигъ, А. А.—Лѣсъ и лѣсное хозяйство въ разныхъ государствахъ. Статистич. изслѣдованіе. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Ризонъ, І.—Университетскія и соціальныя поселенія. Съ англ. Е. С. Петрушевская, п. р. проф. Петрушевскаго. Спб. 901. Ц. 80 к.

Риманъ, Г.—Музыкальный Словарь. Съ 5-го нѣм. изд. Е. Юргенсона, дополнен. русск. отдѣлъ, п. р. Ю. Энкеля. Вып. II. М. 901. По подп. 6 руб.

Россовъ, П.—Русскій Китай. Очерки занятія Квантуна и быта туземнаго населенія. Съ прилож. карты Квантуна. Портъ-Артуръ. 901. Ц. 2 р.

Симоненко, Г. Ѳ.—Объ экономическомъ и общественномъ значеніи крестьянскаго землевладѣнія и размѣровъ его, въ связи съ экономическимъ вліяніемъ экономическихъ условій жизни вообще на народную нравственность, по новѣйшимъ даннымъ уголовной статистики Привислянскаго края. Варш. 901.

——— Возможно ли возрожденіе нашихъ университетовъ, при сохраненіи въ нихъ нынѣшней системы преподаванія? Варш. 901. Ц. 60 к.

Сикорскій, И. А., проф.—Сборникъ научно-литературныхъ статей по вопросамъ общественной психологіи, воспитанія и нервно-психической гигіены, въ пяти книгахъ. Кіевъ. 900.

Скуратовъ, Павелъ.—Театральная правда. Очерки и фантазіи. Од. 901. Цѣна 75 коп.

Случевскій, К.—Пѣсни изъ уголка. Съ портретомъ автора. Спб. 901. Цѣна 1 р. 80 коп.

Соболевъ, М. Н.—Коммерческая Географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики и географіи Россіи, сравнительно съ иностранными государствами. 2-е изд. Томскъ. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Соболевъ, Н. Н.—Элементы термодинамики. Для промышленныхъ училищъ и самообразованія. М. 902. Ц. 75 к.

Соколинскій, А.—Пятнадцать разсказовъ. М. 902. Ц. 80 к.

Соколовъ, Д. А., и *Гребенщиковъ*, В. И.—Смертность въ Россіи и борьба съ нею. Спб. 901.

Фостеръ, М., и Л. Шоръ.—Физіологія для начинающихъ. Библіотека для самообразованія. Т. XXIV. Ц. 1 р. 50 к.

Фришмутъ, Марія.—Критическіе очерки и статьи. Посмертное изданіе. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Цертелевъ, кн. Д. Н.—Стихотворенія. 1883—1901 г. Спб. 902. Ц. 1 р.

Чайковскій, М.—Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II: 1877—1884. М. 901. Цѣна 40 коп.

Чеховъ, Антонъ.—Разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Шейнъ-Фогель, А.—Къ реформѣ орѳографіи, или правописанія русскаго языка. Съ разборомъ русскаго алфавита. Тифл. 901.

Шубартъ, Ив.—Книга для крестьянъ о лучшемъ устройствѣ сельскаго хо-

Digitized by Google

зяйства. Съ прилож. статьи проф. Леске, а также о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Саксоніи, и о томъ, какъ можно завести такое хозяйство у насъ. Перев. съ нѣм., съ примѣчаніями учительницы сельскаго народнаго училища Ю. С. Еремѣевой. Кіевъ. 901. Ц. 30 к.

*Щеглов*ъ, Ив.—Юмористическіе очерки. Спб. 902. Ц. 1 р.

Koschkine, M-me.—Lectures choisies des meilleurs historiens français munies de notes et de résumés. Livre I: Depuis les origines jusqu'a Jeanne d'Arc. Livre II: Depuis Louis XI jusqu'à Napoléon I. St.-Pét. 98. Ц. за 2 кн. 2 руб.

Pietrowski, Stanisław. — Wspólna własność ziemska w gminie wielkorosyjskiej. Studyum economiczno-społeczne. Warszawa. 902.

— 1901-ый годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV: Урожай хлѣбовъ и фруктовъ. Съ 2 картами. Спб. 901.

— Дешевая Библіотека: № 326, а, б. Н. И. Новиковъ, Трутень, еженед. журн., ч. I и II.—№ 336. Байронъ, Каинъ, перев. Б. Зарина.—№ 337. Его же, Манфредъ и Двое Фоскари, перев. Б. Зарина.—327 и 328. Н. П. Новиковъ, живописецъ, еженед. журн., ч. I и II. Спб. 902. Ц. за 2 т. по 40 коп.

— Землевладѣніе и сельское хозяйство. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. со 2-го нѣм. изд. п. р. С. Н. Булгакова. Въ приложеніи: Теоретическое введеніе въ вопросы сельско-хозяйственной политики. Первыя теоретическія главы изъ книги проф. Л. Брентано. „Сельскохозяйственная политика", 1 ч. Спб. 901. Ц. 1 р. 60 к.

— Историческій Каталогъ Музея севастопольской обороны. Спб. 902.

— Каталогъ Библіотеки при Справочно-Педагогическомъ Комитетѣ. Изданіе Харковскаго Общества распространенія грамотности. Харьк. 901. Ц. 35 к.

— Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ св. Правит. Синода. Т. X: 1730-й годъ. Спб. 901.

— Отчетъ Попечительства Имп. Человѣколюбиваго Общества для сбора пожертвованій на воспитаніе и устройство бѣдныхъ дѣтей въ мастерство. XVIII-ый годъ. Спб. 901.

— Педагогическіе курсы Нижегород. Губ. Земства 1900 года. Н.-Новг. 901.

— Хозяйственно-статистическій обзоръ Уфимской губерніи за 1900—1901 г. Годъ VI. Вып. 1. Уфа, 901. Ц. 1 р.

— Чтеніе въ Обществѣ любителей русской словесности при имп. Казанскомъ университетѣ. XI: Русскіе писатели въ нѣмецкой оцѣнкѣ, Д. П. Шестакова. Каз. 901.

— Шахматные вечера. Альманахъ „Шахматнаго Обозрѣнія" за 1901 г. М. 901. Ц. 2 руб.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Louis Bertrand. La Cina. Стр. 441. Paris, 1901.

Романъ Луи Бертрана, „La Cina", рѣзко выдѣляется среди произведеній французской беллетристики: въ немъ нѣтъ описаній свѣтскихъ и полу-свѣтскихъ парижскихъ нравовъ. нѣтъ того, что̀ средніе французскіе романисты называютъ психологіей французской женщины, т.-е. описаній ея „паденій" и ея заботъ о туалетахъ. Въ немъ есть зато очень яркая картина сложной общественной жизни и художественное изображеніе глубокой душевной драмы: герой романа стремится быть дѣятельнымъ, служить обществу; онъ избираетъ политическую карьеру, но слишкомъ слабъ, чтобы справиться съ разочарованіями на этомъ пути, и кончаетъ тѣмъ, что, послѣ долгой борьбы, оставляетъ, побѣжденный, избранный имъ путь. Самое интересное въ романѣ Бертрана — среда, которая въ немъ описана. Авторъ переноситъ читателя въ современный Алжиръ и рисуетъ происходящую тамъ грозную борьбу между тѣснящими другъ друга разноплеменными народами, отношенія завоеванныхъ туземцевъ къ завоевателямъ-французамъ, борьбу между католичествомъ и исламомъ, а также ужасы антисемитизма, раздуваемаго разными политическими партіями изъ корыстныхъ видовъ. Романъ Бертрана вызвалъ во Франціи очень оживленные толки: ему посвящены были обстоятельныя статьи въ „Temps" и другихъ газетахъ и журналахъ. Это объясняется и художественными достоинствами романа, и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вопросы, задѣтые авторомъ, представляютъ особый интересъ, въ виду недавнихъ печальныхъ событій въ Алжирѣ. Но Бертранъ выясняетъ въ предисловіи, что онъ не пользовался общеизвѣстными фактами въ своемъ романѣ и не думалъ обличать живыхъ людей. Лица, дѣйствующія въ романѣ, вымышлены, также какъ и самыя событія. „La Cina" — не roman à clef, подобно „Безсмертному" Альфонса Додэ, а отраженіе дѣйствительныхъ условій жизни въ судьбѣ вымышленныхъ героевъ. Бертранъ говоритъ, что романъ его былъ задуманъ задолго до разыгравшихся въ Алжирѣ событій, весной 1895 г., во время путешествія къ развалинамъ Типазы. „Прежде чѣмъ я началъ писать „La Cina",—говоритъ Бертранъ,—я уже долго слѣдилъ за эмиграціоннымъ движеніемъ, ко-

Digitized by Google

торое все болѣе и болѣе влечетъ южные народы въ сѣверную Африку. Съ другой стороны, то, что я зналъ о прошломъ Алжира, о римскомъ завоеваніи и о кровавыхъ распряхъ, такъ долго раздѣлявшихъ африканскую церковь, помогло мнѣ понимать настоящее. Видъ развалинъ Типазы, которую поочередно разрушали донатисты и вандалы, которую оспаривали другъ у друга мавританскіе царьки, византійцы и мусульмане, воспоминаніе о религіозныхъ войнахъ, которыя, по всей вѣроятности, были только войнами расъ—вотъ что побудило меня написать эту книгу. Я видѣлъ передъ своими глазами тѣ же страсти, которыя шестнадцать вѣковъ тому назадъ волновали страну. Я тогда представилъ себѣ, что должно случиться при данныхъ условіяхъ съ людьми, въ которыхъ кипятъ такія же страсти. Если впослѣдствіи дѣйствительныя происшествія совпали съ моими предположеніями, то я могу только видѣть въ этомъ подтвержденіе вѣрности моихъ догадокъ". Если вѣрить искренности этихъ объясненій,—а мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить автору,—то это только увеличиваетъ интересъ книги, объясняющей историческимъ и логическимъ путемъ событія, которыя явились неожиданными для тѣхъ, кто не знакомъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ во французской колоніи на сѣверѣ Африки.

При всей важности затрогиваемыхъ имъ воросовъ, романъ Бертрана не носитъ тенденціозно-политическаго характера, главнымъ образомъ потому, что авторъ вполнѣ безпристрастенъ въ изображеніи событій и страстей. Рисуя политическія и религіозныя распри въ Алжирѣ, онъ вникаетъ въ психологію каждой изъ враждующихъ между собой націй и партій, не становится на сторону ни одной изъ нихъ, а только показываетъ, къ какой смутѣ ведетъ эта вражда, и какое удобное поле дѣйствія она представляетъ для безпринципныхъ политическихъ авантюристовъ, преслѣдующихъ корыстныя цѣли. Кромѣ того, хаосъ политическихъ событій составляетъ въ романѣ лишь фонъ,—написанный очень сильно и жизненно,—на которомъ выдѣляется душевная драма главнаго героя романа. Внутренняя борьба, происходящая въ немъ, очень характерна для современныхъ людей, жаждущихъ дѣйствія, и въ то же время безсильныхъ, потому что ихъ скептическій умъ ясно раскрываетъ имъ оборотную сторону всякой общественной дѣятельности. Въ душевной борьбѣ героя романа играетъ большую роль любовь. Она парализуетъ его способность къ дѣйствію, и онъ все время то готовъ, подъ вліяніемъ страсти, отречься отъ своей общественной дѣятельности, то, напротивъ того, возбужденный событіями, чувствуетъ презрѣніе къ женщинѣ, отвлекающей его отъ дѣла своей бурной южной страстью. Исторія любви героя романа, Мишеля Боттери, къ его красавицѣ-женѣ, бывшей пѣвицѣ, La Cina,

Digitized by Google

изображена Бертраномъ съ большимъ драматизмомъ. Въ ней нѣтъ обычныхъ элементовъ, столь опошленныхъ французскими романистами. „La Cina"—одинъ изъ очень немногихъ французскихъ романовъ безъ адюльтера, безъ измѣнъ со стороны жены и мужа. Мишель и Синà любятъ другъ друга неизмѣнной любовью, даже ревность омрачаетъ лишь на одинъ моментъ ихъ счастье, и все же любовь ихъ трагична, какъ трагично всякое глубокое чувство. Трагизмъ истинной любви, которая черпаетъ изъ глубины самой себя и свое блаженство, и свои муки—вотъ что̀ хотѣлъ показать Бертранъ на примѣрѣ Мишеля и Синà, и это ему удалось сдѣлать, не прибѣгая къ изображенію внѣшнихъ катастрофъ въ семейной жизни. Любовь его героя и героини осложнена внутренними психологическими мотивами, и въ этомъ—главное художественное достоинство романа.

Въ романѣ Бертрана душевная жизнь дѣйствующихъ лицъ тѣсно сплетается съ общественными событіями, такъ что описаніе среды не составляетъ внѣшнюю декорацію, а сливается съ психологическимъ содержаніемъ въ цѣльную драму. Два друга, Мишель Боттери и Клодъ Желлѐ, ѣдутъ въ Алжиръ. Оба они молоды, оба вращались въ политическихъ и артистическихъ кружкахъ въ Парижѣ, искали возможности примѣнить свои силы, но скоро разочаровались, чувствуя, что во всѣхъ кружкахъ и молодежи, увлеченной политикой, и художниковъ, бьющихъ на оригинальность, все сводится къ пустому „говоренью" или къ мелкому карьеризму,—имъ же хочется дѣла. Оба они серьезно образованы; Мишель занимался долго исторіей философіи, изучалъ ее въ нѣмецкихъ университетахъ; Клодъ Желлѐ, потомокъ знаменитаго художника Клода Лоррена, много работалъ въ области искусства. У Мишеля есть опредѣленный политическій идеалъ. Воспитанный въ строгой католической семьѣ, онъ сохранилъ нѣкоторую долю религіозности и на всю жизнь остался католикомъ, по крайней мѣрѣ воображеніемъ и чувствами. Стремясь къ практическому дѣлу, онъ открылъ въ Евангеліи, вмѣстѣ съ божественнымъ ученіемъ, и лекарство противъ всѣхъ общественныхъ золъ, и извлекаетъ изъ него нѣчто въ родѣ политическаго катехизиса. Клодъ занятъ другими мыслями. Въ искусствѣ онъ дилеттантъ и мечтаетъ о жизни среди природы; такъ какъ помѣстья его семьи въ Лотарингіи проданы, то онъ хочетъ эмигрировать куда-нибудь въ далекія колоніи. Оба друга не знаютъ, на какомъ родѣ дѣятельности сосредоточиться, когда причины политическаго свойства побуждаютъ ихъ ѣхать въ Алжиръ. Отецъ Мишеля, генералъ Боттери, оставилъ послѣ смерти огромное помѣстье въ Типазѣ, гдѣ онъ долго служилъ и пользовался огромнымъ вліяніемъ. Землями своими онъ не управлялъ самъ, такъ какъ вернулся во Францію и посылалъ въ Алжиръ не всегда добросовѣстныхъ управляющихъ.

Digitized by Google

Теперь же его сыну, Мишелю, представляется случай поѣхать въ Типазу—тамъ готовятся выборы новаго депутата, и кандидатура Мишеля, богатаго землевладѣльца и сына вліятельнаго въ свое время отца, имѣетъ большіе шансы на успѣхъ. Мишель рѣшается ѣхать. Онъ надѣется, что ему легче будетъ примѣнить свои силы и осуществить свой идеалъ въ странѣ, гдѣ онъ надѣется встрѣтить больше непосредственности и неиспорченности въ политической жизни, чѣмъ въ разъѣденной распрями Франціи. Онъ убѣждаетъ Клода поѣхать съ нимъ, и они оба отправляются въ Алжиръ искать настоящаго дѣла, радуясь уже тому, что оставляютъ разочаровавшій ихъ Парижъ. Восторженныя ожиданія Мишеля становятся еще болѣе свѣтлыми оттого, что начало новой дѣятельности совпадаетъ у него съ расцвѣтомъ молодой, страстной любви. Мишель любитъ красавицу пѣвицу, итальянку Фелисьену Колонна или, какъ всѣ ее называютъ, La Cina. Они полюбили другъ друга съ первой встрѣчи, уѣхали вмѣстѣ въ Италію, тамъ обвѣнчались, и теперь, пріѣхавъ въ Алжиръ, Мишель поджидаетъ свою жену и украшаетъ свой домъ для пріема ея.

Первое время Мишель настолько охваченъ красотой окружающей его природы и своимъ молодымъ супружескимъ счастьемъ, что жажда активной дѣятельности нѣсколько слабѣетъ въ немъ. Онъ увлеченъ красотой развалинъ Типазы, мыслями о прошломъ этой римской колоніи, превратившейся теперь въ скромный маленькій городокъ, управляемый французскимъ префектомъ; онъ ведетъ долгія бесѣды съ Полемъ Гартманомъ, молодымъ археологомъ, пріѣхавшимъ дѣлать раскопки, и занимается перестройкой своего дома съ помощью архитектора Кареля. Но болѣе всего его опьяняетъ южная природа съ ея безконечнымъ разнообразіемъ и непривычными для сѣверянина яркими красками. Все же онъ, чувствуя угрызенія совѣсти отъ овладѣвшей имъ нѣги и лѣни, присматривается къ странѣ и людямъ, чтобы выяснить себѣ планъ дѣйствій. Его кандидатура оффиціально объявлена, и нужно только рѣшить, на поддержку какой партіи ему слѣдуетъ опираться въ избирательной борьбѣ. Передъ Мишелемъ развертывается картина политической жизни Алжира, сразу нарушая всѣ иллюзіи, съ которыми онъ пріѣхалъ. Онъ видитъ вокругъ себя непримиримую борьбу расъ и религій. Типаза полна переселенцами изъ Италіи и Испаніи, которые ненавидятъ и другъ друга, и мѣстное арабское населеніе; всѣ отбиваютъ другъ у друга жалкій кусокъ хлѣба, и, при ихъ южной горячности, дѣло часто доходитъ до пролитія крови. Къ враждѣ переселенцевъ противъ арабовъ примѣшивается также дурное чувство противъ мѣстныхъ евреевъ, которые, по причинѣ своей долгой осѣдлости, сравнительно болѣе благоденствуютъ, чѣмъ пришлый элементъ. Эта борьба расъ служитъ опорой католиче-

Digitized by Google

скому духовенству, во главѣ котораго въ Типазѣ стоитъ архіепископъ, монсиньоръ Пюи. Онъ слѣдуетъ очень опредѣленному политическому плану и хочетъ противопоставить тому, что онъ называетъ сентиментальнымъ идеализмомъ своего предшественника, кардинала Леспеса, болѣе твердый и соотвѣтствующій мѣстнымъ условіямъ образъ дѣйствій. Онъ считаетъ безсмысленнымъ тратить силы на то, чтобы обращать въ христіанство полу-дикое арабское населеніе, и очень цинично заявляетъ, что для этого нужны войска, а не слова. „Пусть дадутъ армію въ мое распоряженіе, — говоритъ онъ,—и я искореню всѣхъ невѣрующихъ". Но такъ какъ онъ не надѣется осуществить свои воинственные замыслы, то задается другимъ широкимъ планомъ— онъ хочетъ бороться противъ африканскаго ислама укрѣпленіемъ ислама католическаго. „Оставимъ въ покоѣ дикарей,—говоритъ онъ, — они все-равно никогда не будутъ любить Францію, не будутъ заодно съ нами". Лучше заняться пришельцами, которые все болѣе и болѣе наводняютъ Африку. Эти нео-африканцы могутъ стать оплотомъ католической церкви. Монсиньоръ Пюи мечтаетъ о томъ, чтобы образовать тѣсно сплоченное цѣлое изъ католиковъ, переселяющихся въ Африку изъ Франціи, Испаніи и Африки и натравить ихъ на общаго врага, на мусульманъ, которыхъ слѣдуетъ истреблять безпощадно, а не оставлять ихъ въ живыхъ, какъ имѣли глупость дѣлать до сихъ поръ. Нужно внушить нео-африканцамъ, что истребленіе мусульманъ необходимо для ихъ спокойствія, для ихъ будущности, что это для нихъ—вопросъ жизни. „И они это поймутъ,—говоритъ архіепископъ:—это доказываетъ все болѣе и болѣе усиливающаяся вражда къ арабамъ и евреямъ. Они почувствуютъ необходимость слѣдовать примѣру туземцевъ, чтобы одолѣть ихъ, почувствуютъ необходимость сплотиться, соединиться противъ нихъ въ общемъ дѣлѣ. Католическая церковь даетъ имъ эту вѣру, и успѣхъ католичества зависитъ отъ того, чтобы не быть слишкомъ требовательными, не настаивать на глубинѣ религіозныхъ убѣжденій. Пусть только они объявятъ себя католиками и дѣйствуютъ подъ общимъ знаменемъ нашимъ. Намъ только этого и нужно, и намъ нѣтъ дѣла до того, что происходитъ въ ихъ душахъ. Они намъ нужны какъ средство укрѣпить нашу власть. Чтобы достигнуть этой цѣли и сгруппировать вокругъ себя католическое населеніе, намъ нужно быть подготовленными, когда наступитъ моментъ дѣйствія. Поэтому, прежде всего нужно быть богатыми, владѣть какъ можно большимъ количествомъ земли въ этой новой странѣ. Нужно копить деньги, а не расточать ихъ, ослѣпляя толпу роскошью процессій и церемоній. Здѣсь страна новая, поселенцамъ нуженъ кредитъ,—замѣнимъ же евреевъ, откроемъ нашъ кошелекъ колонистамъ, требуя отъ нихъ только умѣренныхъ процентовъ, такъ какъ во всемъ нужна чест-

Digitized by Google

ность—даже въ дѣлахъ. Нужно понимать, кто можетъ быть полезнымъ для нашихъ цѣлей, и поддерживать нужныхъ людей всѣми средствами. Такимъ образомъ мы создадимъ поземельную аристократію, привязанную къ намъ сначала изъ выгоды, потомъ, надѣюсь, изъ благодарности".

Такова корыстная до циничности политика архіепископа, съ которой, однако, жаждущій „дѣла" Мишель долженъ войти въ соглашеніе, чтобы укрѣпить свою кандидатуру. Его другъ Клодъ уговариваетъ его выступить подъ флагомъ антисемитизма и привлечь на свою сторону демагога Кармело, мальтійца, лишеннаго всякаго представленія о честности; его можно купить за деньги—но народъ его обожаетъ за бурность рѣчей, и онъ можетъ привлечь большинство избирателей на сторону поддерживаемаго имъ кандидата. Онъ ведетъ въ своей газетѣ ожесточенную антисемитическую пропаганду, и въ союзѣ съ нимъ Мишель можетъ быть увѣреннымъ въ побѣдѣ. Клодъ доказываетъ Мишелю, что именно для пользы дѣла, для того чтобы измѣнить возмущающіе ихъ обоихъ порядки, Мишелю необходимо стать депутатомъ, и потому нельзя быть брезгливымъ въ выборѣ средствъ. Мишель сначала соглашается—онъ прежде всего боится своей собственной инертности, своего стремленія отказаться отъ политики изъ-за ея уродства и готовъ на все для побѣды надъ своимъ малодушіемъ. У него начинается въ то же время интимная семейная драма. Продолжая страстно любить свою жену, порвавъ изъ-за нея съ матерью, онъ, однако, чувствуетъ временами къ ней отвращеніе за отсутствіе въ ней духовныхъ интересовъ, за ея эгоистическую любовь. Его собственное чувство къ ней кажется ему низменнымъ, убивающимъ въ немъ душу, и, борясь съ самимъ собой, онъ бросается очертя голову въ избирательную агитацію, въ которой видитъ хоть призракъ дѣйствія. Онъ призываетъ Кармело, условливается съ нимъ о цѣнѣ за его содѣйствіе, и выступаетъ оффиціальнымъ кандидатомъ антисемитической и клерикальной партіи. Но тутъ только ему раскрывается весь ужасъ политической борьбы. Прежде всего, его религіозное чувство оскорблено торгашествомъ архіепископа, который требуетъ, чтобы за поддержку его кандидатуры Мишель отдалъ огромный участокъ земли для постройки новой церкви. Мишель страстно любитъ искусство, врагъ казенной католической архитектуры,—архіепископъ же заботится только о томъ, чтобы было побольше церквей, такъ какъ это возвышаетъ его вліяніе, и совершенно пренебрегаетъ художественными соображеніями. Мишель ему рѣзко отказываетъ, и уже этимъ теряетъ поддержку католической партіи. Затѣмъ онъ видитъ вокругъ себя наростаніе антисемитическаго движенія, вызваннаго Кармело. Дѣло доходитъ до ужасныхъ уличныхъ сценъ; чернь, возмущенная своимъ любимымъ ората-

Digitized by Google

ромъ, доходитъ до полнаго остервенѣнія: на улицахъ убиваютъ, громятъ дома и магазины съ молчаливаго одобренія католическаго духовенства и среди полной растерянности властей. Сцены безпорядковъ описаны въ романѣ Бертрана очень сильно и колоритно, а также съ тонкимъ психологическимъ пониманіемъ всѣхъ причинъ, вызывающихъ буйство толпы. Мишель абсолютно не можетъ мириться съ дѣйствіями Кармелò, объявляетъ о своемъ выходѣ изъ партіи и становится ожесточеннымъ противникомъ мальтійца. Онъ сначала вѣритъ въ возможность борьбы противъ антисемитизма, выступаетъ на общественныхъ собраніяхъ, заводитъ сношенія съ представителями рабочей партіи, но всѣ его попытки приводятъ къ новымъ разочарованіямъ. Онъ расходится съ своимъ другомъ Клодомъ, а потомъ окончательно отказывается отъ политики, поселяется въ своемъ помѣстьѣ, ища исхода для своихъ душевныхъ силъ въ проснувшейся съ новой силой страстной любви къ женѣ, и пищи для духа—въ созерцательной жизни, въ занятіяхъ искусствомъ. Для человѣка съ тонкой душевной организаціей активная дѣятельность оказывается невозможной при данныхъ условіяхъ. Клодъ тоже разочарованъ въ своихъ попыткахъ вліять на общественную жизнь. Онъ пріобрѣтаетъ участокъ земли и становится фермеромъ. Въ политической жизни Алжира по прежнему главенствуетъ архіепископъ монсиньоръ Пюи. Антисемитическіе безпорядки способствуютъ его торжеству; онъ удаляетъ при помощи интригъ нежелательныхъ ему въ администраціи людей, расширяетъ владѣнія церкви и добивается избранія въ кардиналы. Описаніемъ торжества, послѣдовавшаго послѣ избранія, заканчивается романъ, задуманный крайне пессимистически, написанный съ большимъ реалистическимъ талантомъ. Всѣ эпизодическія лица, политическіе дѣятели, карьеристы и увлекающіеся идеалисты, фанатическіе защитники католичества и пріѣзжающіе въ Алжиръ иностранцы, какъ, напр., русскій аристократъ-свободолюбецъ Дубровинъ, а также разные типы низшаго класса населенія—изображены чрезвычайно живо и интересно и даютъ очень яркое представленіе о сложности элементовъ, входящихъ въ составъ общественной жизни въ Алжирѣ со всѣми ея неожиданностями и катастрофами. Прекрасны также описанія природы, памятниковъ искусства, красоты развалинъ. Все это дѣлаетъ романъ Бертрана очень значительнымъ и интереснымъ какъ по идейному замыслу, такъ и по художественности исполненія.

Digitized by Google

II.

Max Messer. Moderne Essays. 1901.

Въ новой книгѣ нѣмецкаго критика, Макса Мессера, обращаютъ на себя вниманіе очерки, посвященные писательницамъ, которыя пріобрѣли извѣстность главнымъ образомъ своими работами въ области литературной критики, какъ, напр., Лаура Маргольмъ и др. Въ печати, отъ времени до времени, въ числѣ другихъ праздныхъ вопросовъ, возбуждаютъ вопросъ о томъ, способны ли женщины быть критиками. Это одна изъ варіацій на общую, столь благодарную для разсужденій „вообще", тему о феминизмѣ,—хотя въ дѣйствительности никакого „вопроса" о роли женщинъ въ той или другой области литературнаго творчества нѣтъ и быть не можетъ. Есть даровитые и слабые писатели, произведенія которыхъ подлежатъ оцѣнкѣ, а то обстоятельство, что данный писатель—мужчина или женщина, представляетъ лишь второстепенный интересъ. Къ сожалѣнію, это еще пока приходится доказывать.

Говоря по существу, феминизма нѣтъ,—его выдумали люди, любящіе праздныя слова, въ томъ числѣ и женщины, которымъ пріятнѣе съ воодушевленіемъ говорить о своихъ правахъ, чѣмъ дѣлать самое простое дѣло. Женщины стараются открыть себѣ доступъ къ разнымъ профессіямъ, бывшимъ для нихъ закрытыми вслѣдствіе историческихъ и бытовыхъ условій,—но это не „женскій вопросъ", а просто одна изъ сторонъ общаго развитія культуры, захватывающаго въ своемъ поступательномъ движеніи новые элементы. Женщина была сначала порабощена, потомъ замкнута въ семьѣ, не могла умственно развиваться, и потому отстала въ духовномъ отношеніи отъ мужчинъ, т.-е. средній уровень женщинъ былъ ниже средняго уровня мужчинъ. Постепенно условія измѣнялись, у женщины проснулось и укрѣпилось сознаніе своей личности, и въ настоящее время она уже приблизительно сравнялась съ мужчиной въ своихъ способностяхъ и подготовленности къ умственному труду. Ей остается проявить это въ дѣйствительной жизни и отстоять свои права на участіе во всѣхъ областяхъ умственной и практической дѣятельности. Въ современной культурной жизни женщина находится въ положеніи болѣе молодой націи среди народностей съ долгимъ историческимъ прошлымъ. На теперешнее появленіе женщинъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общественной и умственной жизни слѣдуетъ смотрѣть какъ на нарождающійся новый элементъ, быть можетъ даже новую силу въ исторіи культуры, и слѣдить затѣмъ, что она дастъ, а не задаваться вопро-

Digitized by Google

сомъ о томъ, имѣетъ ли она право проявляться, такъ какъ, очевидно, самый фактъ ея появленія доказываетъ ея право на жизнь.

Нелѣпость феминизма заключается именно въ возбужденіи вопроса о правахъ. Виноваты сами феминистки, которыя, вмѣсто того, чтобы заботиться о фактической возможности примѣнять свои силы, занимаются доказываніемъ своихъ правъ. А между тѣмъ дѣло только въ фактахъ. Существуютъ женщины-врачи, женщины адвокаты, женщины-писательницы,—значитъ, не можетъ быть „вопроса“ о томъ, способны ли онѣ быть адвокатами и писательницами. Еще болѣе странно разсуждаютъ враги феминизма. Ихъ система даже нѣсколько наивна. Когда женщины-врачи сдѣлались обыденнымъ явленіемъ, эти выдумщики „женскаго вопроса“ говорили: конечно, врачами женщины могутъ быть, но онѣ никогда не будутъ адвокатами; это недоступно ихъ нелогичному капризному уму. Теперь уже появились въ Европѣ женщины-адвокаты; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., француженка Жанна Шовенъ,—такіе же трезвые, буржуазные дѣльцы, какъ всѣ ихъ confrère'ы—и „враги“ корятъ женщинъ неспособностью стать инженерами, архитекторами и т. д. Очевидно, разсуждать съ такими скептиками не приходится—отвѣтъ имъ дадутъ факты, исторія.

Враги „феминизма“, желающіе во что бы то ни стало продлить существованіе „женскаго вопроса“, т.-е., вѣрнѣе, переживаніе стараго предразсудка, находятъ для себя пищу и въ литературѣ. Нельзя отрицать того, что женщины могутъ быть даровитыми, даже геніальными писательницами, но можно празднословить относительно того, въ какой области литературы женщина можетъ проявить свой талантъ. Есть среди женщинъ много знаменитыхъ и среднихъ поэтовъ и романистовъ, — анти-феминисты сейчасъ же создаютъ „вопросъ“: конечно, женщина можетъ писать стихи и романы, но способна ли она дѣлать выводы, заниматься отвлеченнымъ анализомъ, дѣлать оцѣнку мыслей—можетъ ли она быть литературнымъ критикомъ?

Изъ всѣхъ праздныхъ вопросовъ это—наиболѣе праздный. Какая разница въ смыслѣ проявленія духовной силы и таланта между беллетристомъ, поэтомъ и критикомъ? Ихъ пути различны. Одни черпаютъ впечатлѣнія и образы изъ міра явленій, изъ дѣйствительности, и, переработывая ихъ въ себѣ, раскрываютъ смыслъ того, что̀ есть, противопоставляя дѣйствительное желательному, идеальному. Критикъ тоже беретъ то, что̀ есть, но уже орудуетъ дѣйствительностью, отраженной въ искусствѣ, а затѣмъ дѣлаетъ выводы о томъ, что̀ должно быть. Цѣль у романиста, поэта и критика—одна и та же; они въ равной степени анализируютъ—одни непосредственную дѣйствительность, другіе—дѣйствительность, отраженную въ искусствѣ. И тѣ, и другіе выражаютъ прежде всего себя, свои мысли, свое пониманіе жизни;

Digitized by Google

они дѣлаютъ выводы, обобщаютъ свои впечатлѣнія, объясняютъ явленія—все равно, относятся ли эти явленія къ міру дѣйствительности, или же таковыми служатъ художественныя произведенія. Какъ показатель умственной силы писателя, романъ, глубоко захватывающій сущность жизни, и критическій очеркъ, объясняющій творчество писателя, смыслъ литературнаго движенія,—имѣютъ совершенно одинаковое значеніе. Поэтому упрекъ женщинамъ въ томъ, что онѣ могутъ быть романистками и неспособны стать критиками, доказываетъ только близорукость литературныхъ сужденій.

Но этотъ упрекъ несправедливъ и фактически. Во всѣхъ европейскихъ странахъ существовали и въ прежнія времена, а въ особенности существуютъ теперь, когда женщины очень ярко выдвинулись въ журналистикѣ, авторитетные и даровитые критики среди женщинъ. Перечисленіе женщинъ-критиковъ слѣдовало бы начать издалека, съ эпохи „Возрожденія": среди ученыхъ гуманистовъ, изучавшихъ и толковавшихъ классическихъ авторовъ, писавшихъ о философіи и поэзіи, встрѣчается не мало женскихъ именъ. Екатерина Сфорца, Юлія Гонзага, Олимпія Морато и др. играютъ видную роль въ исторіи гуманизма, также какъ королевы Маргарита Наваррская и Рената Феррарская, которыя группировали вокругъ себя видныхъ дѣятелей эпохи „Возрожденія". Во Франціи XVII-го вѣки женщины очень плодотворно занимались литературой, и не столько непосредственнымъ художественнымъ творчествомъ, какъ именно разборомъ и критикой, разработкой того, что̀ въ эпоху Людовика XIV считалось самымъ существеннымъ въ литературѣ—стиля и литературныхъ формъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ существованіе отеля Рамбульé и пародіи Мольера на ученыхъ женщинъ. Сочиненій по литературной критикѣ ни одна изъ „Précieuses" не оставила, но это объясняется тѣмъ, что въ ихъ время не существовало литературной критики въ современномъ смыслѣ слова; критика сводилась къ спорамъ о значеніи словъ, объ оттѣнкахъ рѣчи, къ оцѣнкѣ „деликатныхъ" описаній искусственныхъ на нашъ взглядъ чувствъ. Въ этихъ спорахъ—не столь смѣшныхъ, какъ кажется теперь, потому что они содѣйствовали выработкѣ французскаго классическаго языка—женщины участвовали наравнѣ съ мужчинами. Во французской литературѣ XVII и XVIII-го вѣковъ такъ называемыя „женщины салоновъ" имѣли, какъ извѣстно, большое вліяніе на умственную жизнь Франціи. Всѣ эти м-мъ де-Лафайетъ, м-мъ де-Ламберъ, м-мъ де-Тенсенъ, м-мъ Рекамьé и т. д. отличались большимъ литературнымъ вкусомъ и пониманіемъ. Онѣ не писали сочиненій по критикѣ,—критика не составляла еще въ то время обособленнаго рода литературы,—но имѣли не менѣе вліянія на общественное мнѣніе въ вопросахъ литературы, чѣмъ многіе современные профессіо-

Digitized by Google

нальные критики. Съ ихъ сужденіями очень считались. Отзывъ м-мъ де-Севинье въ какомъ-нибудь изъ ея писемъ становился извѣстнымъ и могъ составить успѣхъ произведенія, или уничтожить интересъ къ нему въ обществѣ. Она была чисто интеллектуальной натурой, искала въ литературѣ главнымъ образомъ отраженія отвлеченныхъ идей и предпочитала мысли Корнеля чувствамъ Расина. Ея классическіе, какъ по языку, такъ и по вѣрности сужденій, разборы Корнеля способствовали тому, что великій драматургъ былъ сразу оцѣненъ своими современниками. Въ XVIII вѣкѣ, во время такъ называемаго второго „Спора о значеніи старыхъ и новыхъ авторовъ", среди спорящихъ выступила также женщина, м-мъ Дасье, знаменитая переводчица и комментаторша Гомера; въ рѣзко написанномъ разсужденіи „Les Causes de la Corruption du goût" она вполнѣ основательно напала на Ла-Мотта, исказившаго Гомера съ цѣлью приспособить его къ манерному вкусу его времени.

Литературная критика—созданіе XIX-го вѣка, и среди ея представителей встрѣчается не мало женскихъ именъ. Въ исторіи нѣмецкаго романтизма есть два прославленныхъ имени: Беттины фонъ-Арнимъ, сестры Клеменса Брентано, и Рахели Варнгагенъ фонъ-деръ-Энзе. Книги Беттины, „Goethes Briefwechsel mit einem Kinde", а также „Clemens Brentano's Frühlingskranz" и „Die Günderode", принадлежатъ къ выдающимся произведеніямъ романтической школы. Беттина—тонкая толковательница Гёте, и на ея сужденія ссылаются всѣ новѣйшіе біографы и критики великаго поэта. Салонъ Рахели Варнгагенъ фонъ-деръ-Энзе долго былъ литературнымъ центромъ писателей „Молодой Германіи". Рахель имѣла большое вліяніе на Гейне, Бёрне и другихъ, и „Переписка" ея, изданная послѣ ея смерти, доказываетъ значительность и оригинальность ея литературныхъ сужденій.

Съ развитіемъ критики въ обособленную область литературы появляются женщины, спеціально занимающіяся изученіемъ авторовъ, толкованіемъ и оцѣнкой идей, отраженныхъ въ литературѣ. Уже Бѣлинскій называлъ въ числѣ лучшихъ знатоковъ и толкователей Шекспира женщину, англійскую писательницу м-ссъ Джемсонъ. Въ настоящее время въ Англіи есть прекрасный художественный критикъ въ лицѣ Вернонъ Ли (настоящее имя ея—Віолета Паджетъ). Ея „Очерки Италіи въ XVIII вѣкѣ", также какъ и другія книги, „Belcaro", „Euphorion", „Essays on Renaissance", принадлежатъ къ той же категоріи, какъ и знаменитая книга о „Возрожденіи", Вальтера Пэтера. Вернонъ Ли очень глубоко изучила эпоху итальянскаго Возрожденія, и толкуя художественныя произведенія какъ поэтъ, даетъ философское объясненіе искусству. Въ такъ называемомъ „эстетическомъ возрожденіи Англіи XIX вѣка", начатомъ прерафаэлитами и

Digitized by Google

пророкомъ прерафаэлитизма, Рёскиномъ, Вернонъ Ли занимаетъ выдающееся мѣсто: въ своихъ изслѣдованіяхъ „Ренессанса“ она указываетъ на глубокую связь искусства съ религіей. Ея критика—творческая, свидѣтельствующая какъ о глубинѣ аналитическаго ума, такъ и о художественности ея таланта.

Къ числу уважаемыхъ въ Англіи критиковъ принадлежитъ также м-ссъ Ритчи, дочь Теккерея, написавшая, кромѣ множества беллетристическихъ произведеній, одну изъ лучшихъ біографій Теннисона, критическіе очерки о Джоржъ Элліотъ, о м-мъ де-Севиньé и т. д., также какъ и біографію своего отца, приложенную къ ея изданію сочиненій Теккерея. Мы называемъ этихъ нѣсколькихъ выдающихся женщинъ-критиковъ, не упоминая о многочисленныхъ англійскихъ журналисткахъ, пишущихъ критическіе очерки въ газетахъ и журналахъ, а также издающихъ біографическіе очерки классическихъ и новѣйшихъ писателей. Въ современной Франціи, несмотря на болѣе низкій, сравнительно съ другими странами, уровень образованія и развитія женщинъ, отдѣльныя женщины занимаютъ очень видное мѣсто въ литературѣ, какъ въ области беллетристики, такъ и въ критикѣ. При условіяхъ французскаго журнализма, всякій газетный и журнальный дѣятель, хотя бы онъ даже избралъ своей спеціальностью политику и общественную жизнь, непремѣнно касается и текущей литературы, и въ этомъ смыслѣ много извѣстныхъ во Франціи журналистокъ—въ то же время и литературные критики. Прежде всего слѣдуетъ назвать хорошо извѣстную и у насъ м-мъ Жюльету Аданъ, редактора „Nouvelle Revue“. Она въ теченіе долгихъ лѣтъ „создавала“ общественное мнѣніе во Франціи, и въ вопросахъ политики, и въ вопросахъ общественныхъ и литературныхъ. Ея общественно-политическіе очерки свидѣтельствуютъ о проницательномъ аналитическомъ умѣ и о твердыхъ убѣжденіяхъ; съ ними, конечно, далеко не всѣ соглашались и могутъ соглашаться, но во всякомъ случаѣ она умѣетъ очень блестяще ихъ отстаивать. Она также писала о чисто литературныхъ вопросахъ; извѣстны ея очерки о ново-греческой поэзіи, о разныхъ текущихъ явленіяхъ французской литературы. Вѣрность своего критическаго чутья она доказала также тѣмъ, что привлекала въ свой журналъ начинающихъ писателей, и почти всегда открываемые ею молодые таланты пріобрѣтали потомъ громкую извѣстность; такъ она „открыла“ Поля Буржé, и какъ бы ни относиться къ этому любимцу французской публики, все-же нельзя отрицать у него выдающагося таланта, отгаданнаго м-мъ Аданъ по первымъ же опытамъ молодого дебютанта. Талантливая журналистка—также и Северина, ученица Жюля Валлеса; она очень ярко, хотя и тенденціозно, освѣщаетъ литературныя явленія и проповѣдуетъ свои общественные идеалы. Увлекающаяся и

Digitized by Google

сентиментальная, какъ всѣ французы, она въ литературной критикѣ предпочитаетъ обличительныя темы, и главную цѣль искусства, какъ и общественной дѣятельности, видитъ въ обличеніи буржуазности. Въ критикѣ поэтому она не руководствуется эстетическими требованіями, а принадлежитъ скорѣе къ разряду критиковъ-публицистовъ, обнаруживая въ этой области несомнѣнное крупное дарованіе. Къ числу „присяжныхъ" литературныхъ критиковъ принадлежитъ м-мъ Венсенъ, пишущая подъ псевдонимомъ Арведъ Баринъ, постоянная сотрудница „Journal des Débats", авторъ интересной книги о Мюссé, сборника критическихъ этюдовъ „Les Nevrosés" и мн. др. Среди своихъ собратьевъ она выдѣляется столь рѣдкимъ для французовъ знаніемъ иностранной литературы, пишетъ о новыхъ явленіяхъ въ нѣмецкой и англійской литературѣ, а также иногда и въ русской. Она обладаетъ также большимъ психологическимъ чутьемъ и въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, „Princesses et grandes dames", „Bourgeois et gens de peu" и др., придаетъ блѣднымъ историческимъ фигурамъ большую жизненность. Очерки ея читаются какъ увлекательный романъ.

Очень яркую фигуру среди французскихъ критиковъ представляетъ писательница, извѣстная подъ псевдонимомъ Рашильдъ; ея настоящее имя м-мъ Валетъ,—она жена редактора „Mercure de France". Рашильдъ —романистка, несомнѣнно одна изъ самыхъ талантливыхъ въ современной Франціи. Въ началѣ своей дѣятельности она увлекалась натурализмомъ и выдѣлялась чрезвычайной, иногда даже чрезмѣрной смѣлостью своихъ замысловъ. Но въ послѣдніе годы содержаніе ея произведеній сильно измѣнилось, и лучшіе изъ ея новѣйшихъ романовъ, „La Tour d'Amour", „La Jongleuse" и др., имѣютъ психологическій и символическій характеръ. Рашильдъ—большой художникъ. Почти безъ всякой фабулы, разсказывая про страннаго человѣка, живущаго въ полномъ уединеніи на башнѣ маяка, она увлекаетъ читателя внутренними трагическими переживаніями совершенно исключительнаго свойства. Она раскрываетъ ужасы, таящіеся въ глубинѣ человѣческой души, и выплывающіе наружу, когда человѣкъ живетъ наединѣ съ собою среди стихій,—и читатель усматриваетъ символическій смыслъ въ описаніи маяка, который издали кажется спасительнымъ свѣтомъ, въ то время какъ внутри его таятся невообразимые ужасы. По глубинѣ замысла и художественной силѣ описаній, „Tour d'Amour"—одно изъ самыхъ оригинальныхъ произведеній новѣйшей французской литературы. И такую же силу пытливаго, способнаго къ яркимъ и смѣлымъ обобщеніямъ ума, такую же оригинальность и художественность манеры Рашильдъ проявляетъ и въ критикѣ. Она уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ ведетъ критическій отдѣлъ въ „Mercure de France". Въ сжатыхъ, смѣлыхъ отзывахъ о

Digitized by Google

текущей французской беллетристикѣ Рашильдъ умѣетъ и очень зло вышутить какого-нибудь моднаго, но безцвѣтнаго въ чисто-литературномъ смыслѣ романиста, и указать на значительность молодого, не имѣющаго успѣха у публики писателя. Она умѣетъ въ нѣсколькихъ словахъ дать формулу писателя, указать на нелѣпость идеи, скрывающейся подъ пестрымъ нарядомъ внѣшнихъ эффектовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ ея тонкаго критическаго чутья никогда не ускользнетъ проблескъ истиннаго таланта. По уму и вкусу Рашильдъ—одинъ изъ самыхъ выдающихся нынѣшнихъ критиковъ во Франціи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о женщинахъ-критикахъ въ современной Германіи. Во главѣ ихъ стоятъ двѣ писательницы, извѣстныя и у насъ, такъ какъ нѣкоторыя ихъ книги переведены на русскій языкъ. Это—Лу Андреасъ Саломэ и Лаура Маргольмъ. Лу А. Саломэ—авторъ одной изъ лучшихъ книгъ о Ницше. Среди огромной литературы о нѣмецкомъ философѣ книга г-жи Саломэ пользуется особой извѣстностью, такъ какъ въ ней установлена классификація произведеній Ницше. Лу Саломэ сдѣлала чрезвычайно много для выясненія личности и творчества столь мало понятаго и столь часто искажаемаго—въ особенности его приверженцами—философа. Она сдѣлала попытку привести въ систему афоризмы Ницше, объяснить тѣ противорѣчія, которыя онъ допускалъ въ своихъ произведеніяхъ, будучи вѣчно занятымъ борьбой съ самимъ собою. Книга Лу Саломэ вызвала много возраженій, съ ея толкованіями не всѣ согласны, но даже въ спорѣ съ ней и ея выводами всякій признаетъ въ ней большую силу критическаго анализа. Пусть тотъ Ницше, котораго она изобразила въ своей книгѣ, и не соотвѣтствуетъ вполнѣ дѣйствительному Ницше, все-же она извлекла изъ его сочиненій цѣльный образъ философа, стройно развивающуюся изъ кажущихся противорѣчій философскую систему—а это свидѣтельствуетъ о большомъ критическомъ талантѣ. Кромѣ книги о Ницше, Лу Саломэ написала и пишетъ въ настоящее время много отдѣльныхъ очерковъ по литературнымъ, также какъ и отвлеченнымъ философскимъ вопросамъ. Укажемъ, напримѣръ, на очеркъ объ индивидуализмѣ въ религіи, помѣщенный въ книгѣ Дитца: „Egoismus“. Въ разныхъ нѣмецкихъ журналахъ появляются отъ времени до времени ея литературныя статьи, всегда очень содержательныя и смѣлыя по выводамъ.

Лаура Маргольмъ извѣстна какъ авторъ книги о психологіи выдающихся женщинъ, писательницъ и художницъ („Buch der Frauen“). Ея толкованія психологіи женскаго творчества очень парадоксальны; она придаетъ слишкомъ большое значеніе „женственности“ въ своихъ характеристикахъ, но, во всякомъ случаѣ, проводитъ свою идею очень сильно и смѣло. Кромѣ того, она много пишетъ чисто критическихъ

Digitized by Google

статей, въ особенности по театру, и ея сужденія считаются въ Германіи весьма авторитетными. Будучи пламенной, увлекающейся натурой, она стала крайней „модернисткой"; всякое новое литературное явленіе кажется ей побѣдой надъ предъидущимъ, и въ своихъ критическихъ статьяхъ она всегда торжествуетъ побѣду сегодняшняго дня надъ вчерашнимъ. Когда стали извѣстными въ Германіи первыя произведенія Стриндберга, она сразу почувствовала таящуюся въ нихъ силу, и уже объявила, что Ибсенъ побѣжденъ и превзойденъ Стриндбергомъ. Эта чрезмѣрная отзывчивость, также какъ склонность увлекаться парадоксами, составляетъ слабость критическихъ сужденій Лауры Маргольмъ, но, съ другой стороны ея импрессіонистская критика пріобрѣтаетъ отъ этого большую яркость и силу. Изъ другихъ нѣмецкихъ женщинъ-критиковъ назовемъ еще Эллу Ментъ, автора интересной книги о новѣйшей литературѣ—„Der Neue Kurs". Очень извѣстна также въ Германіи скандинавская писательница Эленъ Ки, талантливая эссеистка, произведенія которой появляются на нѣмецкомъ языкѣ и возбуждаютъ большой интересъ.

Мы, конечно, далеко не исчерпали именъ выдающихся женщинъ, критиковъ въ Европѣ, такъ какъ говорили лишь о тѣхъ, которыя наиболѣе пользуются извѣстностью въ настоящее время. Но намъ кажется, что ихъ уже достаточно, чтобы прекратить разговоры о неспособности женщинъ къ критическому анализу. Среди женщинъ-критиковъ есть болѣе даровитыя и менѣе способныя—какъ и среди мужчинъ. Можно поэтому говорить только о хорошихъ и дурныхъ писателяхъ, а то, окажется ли писатель женщиной или мужчиной — вопросъ въ сущности совершенно второстепенный. Въ дѣйствительности это никого и не интересуетъ. Когда женщина становится писателемъ, о ней судятъ, совершенно не принимая во вниманіе ни ея женскаго безправія, ни такъ называемыхъ женскихъ привилегій, не стараются даже щадить ее, и очень часто, нападая на нее, не выказываютъ никакого рыцарства или даже просто — вѣжливости, которая въ общежитіи считается обязательной относительно женщинъ. Такъ оно, впрочемъ, и должно быть, и мы менѣе всего протестуемъ противъ „неделикатности" въ обсужденіи литературныхъ произведеній женщинъ. Мы только видимъ въ ней еще одно доказательство того, что—по крайней мѣрѣ въ литературѣ—„женскаго вопроса" не существуетъ,—и не должно существовать.—З. В.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 января 1902.

„Вѣстникъ Европы"—сто лѣтъ тому назадъ.—Старые и новые земцы. — Земство и печать. — Три громкихъ земскихъ имени: Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ (†), Д. Д. Дашковъ (†).—Систематическое извращеніе истины въ „Москов. Вѣд."—Десятилѣтіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. — Чествованіе П. И. Вейнберга и Н. И. Стороженко.—Р.-S. Правительственныя сообщенія.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ началѣ января 1802-го года, вышла въ свѣтъ первая книжка перваго въ Россіи журнала, включившаго въ свою программу вопросы политическаго характера. Это былъ „Вѣстникъ Европы", основанный Карамзинымъ и просуществовавшій, затѣмъ, до 1830-го года. Небольшой томикъ (о размѣрахъ его можно судить по fac-simile заглавнаго его листа, помѣщеннаго въ началѣ настоящей книжки нашего журнала), заключающій въ себѣ не болѣе ста страничекъ, представляетъ до сихъ поръ своеобразный интересъ, и какъ первообразъ позднѣйшихъ „толстыхъ" журналовъ, и какъ выраженіе давно пережитыхъ настроеній. „Письмо къ издателю", стоящее во главѣ книги и написанное, какъ полагаютъ, самимъ Карамзинымъ, полно надеждъ на свѣтлое будущее: и это понятно—не окончился еще первый годъ царствованія Александра I. „Сердца наши, подъ кроткимъ и благодѣтельнымъ правленіемъ юнаго монарха, покойны и веселы; вся Европа, наскучивъ безпорядками и кровопролитіемъ, заключаетъ миръ, который по всѣмъ вѣроятностямъ будетъ твердъ и продолжителенъ; науки и художества въ быстрыхъ успѣхахъ своихъ обѣщаютъ себѣ еще болѣе успѣховъ; таланты, въ свободной тишинѣ и на досугѣ, могутъ заниматься всѣми полезными и милыми для души предметами; литература, по настоящему расположенію умовъ, болѣе нежели когда-нибудь должна имѣть вліяніе на нравы и щастіе". Ожиданія Карамзина осуществились далеко не всѣ. Нарушенъ былъ, прежде всего, миръ, на прочность котораго онъ разсчитывалъ. Началась новая эпоха войнъ, къ которымъ скоро примкнула и Россія. Задачи, которыя поставило себѣ „благодѣтельное правленіе юнаго монарха", были отодвинуты на задній планъ или совершенно забыты. „Свободной тишины", способствующей свободному развитію, таланты не находили; вліяніе литературы росло медленно, встрѣчая преграды всякаго рода. И все-таки русская

Digitized by Google

мысль, однажды пробужденная, не возвращалась въ старыя, узкія рамки; и все-таки журналъ, въ новой формѣ, созданной для него Карамзинымъ, занималъ все болѣе и болѣе видное мѣсто въ общественной жизни.

Съ этой точки зрѣнія моментъ появленія „Вѣстника Европы" имѣетъ историческое значеніе. Сквозь налетъ сентиментализма, перенесеннаго изъ повѣстей Карамзина на страницы его журнала, видѣется вѣрный взглядъ на призваніе литературы вообще и періодической печати въ особенности. „Въ Россіи"—читаемъ мы въ томъ же „Письмѣ къ издателю"—„литература можетъ быть еще полезнѣе, нежели въ другихъ земляхъ: чувство въ насъ новѣе и свѣжѣе; изящное тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на сердце и тѣмъ болѣе плодовъ приноситъ. Сколь благородно, сколь утѣшительно помогать нравственному образованію такого великаго и сильнаго народа, какъ россійскій, развивать идеи, указывать новыя красоты въ жизни, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ со благомъ другихъ людей"! На первыхъ порахъ журналъ, по мнѣнію Карамзина, могъ ограничиться „*выборомъ* пріятнѣйшаго изъ иностранныхъ цвѣтниковъ и пересаживаніемъ его на землю отечественную". Сообразно съ этимъ и велся политическій отдѣлъ въ первыхъ книжкахъ „Вѣстника Европы"; но за усвоеніемъ чужого неизбѣжно должна была послѣдовать самостоятельная разработка сначала общихъ, а затѣмъ и спеціально-русскихъ темъ. Первая борозда была проведена—и обращеніе ея въ обширное поле было только вопросомъ времени. Весь XIX-ый вѣкъ пошелъ въ Россіи, съ этой точки зрѣнія, на продолженіе дѣла, начатаго вторымъ его годомъ [1]).

Въ земскихъ собраніяхъ обнаруживается, въ послѣднее время, все ярче и ярче антагонизмъ между лучшими земскими традиціями и новыми теченіями, зависящими отъ измѣнившихся условій общественной жизни. До сихъ поръ побѣда, въ большинствѣ случаевъ, остается на сторонѣ первыхъ—но нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что онѣ сохранятъ за собою перевѣсъ въ ближайшемъ будущемъ. Представителями взглядовъ, еще недавно не находившихъ мѣста въ земской средѣ, являются, сплошь и рядомъ, люди сравнительно молодые, идущіе на смѣну старому поколѣнію земскихъ дѣятелей. Это—признакъ

[1]) Карамзинъ оставался редакторомъ „Вѣстника Европы" два года: 1802 и 1803. Послѣ него редактировалъ журналъ поэтъ В. А. Жуковскій и наконецъ проф. исторіи москов. университета Каченовскій. Мы возстановили имя Карамзинскаго журнала въ 1865 году, когда исполнилось столѣтіе со дня рожденія Карамзина, желая тѣмъ самымъ почтить его память.

Digitized by Google

неблагопріятный, внушающій серьезныя опасенія. Въ послѣдней сессіи казанскаго губ. земскаго собранія разсматривалось предложеніе гласнаго кн. П. Л. Ухтомскаго объ установленіи гражданской отвѣтственности сельскихъ обществъ по уголовнымъ преступленіямъ, совершеннымъ членами этихъ обществъ—предложеніе, подробно развитое въ брошюрѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ. Находя, что міръ, при существованіи круговой поруки и общиннаго владѣнія, облеченъ громадною властью надъ общественниками-крестьянами и часто употребляетъ ее во зло, укрывая или даже вызывая преступленія, кн. Ухтомскій утверждалъ, что сельское общество должно нести на себѣ вознагражденіе за вредъ и убытки, понесенные „вслѣдствіе преступнаго участія или бездѣйствія общества, или вслѣдствіе бывшаго очевиднымъ для общества преступнаго участія или бездѣйствія выбранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ". Казанская губернская земская управа присоединилась къ предложенію кн. Ухтомскаго; высказались за него и многіе молодые гласные (по словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" — представители крупнаго землевладѣнія), въ томъ числѣ профессоръ международнаго права Догель, бывшій товарищъ прокурора Баратынскій, земскій начальникъ Мельниковъ. Профессоръ Догель, —если вѣрить казанскому корреспонденту „Россіи",—старался доказать, что „установленіе коллективной отвѣтственности сельскихъ обществъ было бы актомъ величайшей справедливости, такъ какъ тогда землевладѣльцы были бы гарантированы отъ убытковъ, причиняемыхъ порубками, потравами и т. п., которые въ концѣ концовъ приводятъ ихъ къ разоренію, а земледѣліе—къ паденію". Не значитъ ли это низводить справедливость на степень односторонней заботы объ интересахъ общественнаго класса, безъ того уже съ особенною тщательностью оберегаемаго закономъ? Юристу ли подобаетъ ставить на первый планъ покрытіе убытковъ, если только они понесены землевладѣльцемъ, и стремиться къ этой цѣли съ явнымъ нарушеніемъ началъ, обусловливающихъ отвѣтственность? Ему ли позволительно забывать, что всякое *преступное* дѣйствіе (или бездѣйствіе), какъ бы велико ни было число повинныхъ въ немъ лицъ, и теперь можетъ быть преслѣдуемо въ порядкѣ уголовномъ? Ему ли позволительно не видѣть другого противорѣчія, въ которое впалъ кн. Ухтомскій, связывая съ *преступными* дѣяніями *гражданскую* отвѣтственность? Не обязательнымъ для себя профессоръ Догель считаетъ, повидимому, и простѣйшее правило, не столько юридическое, сколько общежитейское—правило, въ силу котораго всякое обвиненіе, гдѣ бы и противъ кого бы оно ни предъявлялось, должно быть подтверждено хотя бы „началомъ доказательства". Онъ разсказалъ въ земскомъ собраніи легендарную исторію объ убійствѣ (нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ казанскомъ уѣздѣ)

Digitized by Google

помѣщицы Солнцевой, совершенномъ, будто бы, всѣмъ міромъ, вслѣдствіе чего преступники остались необнаруженными и безнаказанными. Оказалось, однако—по справкѣ, сообщенной другимъ гласнымъ,—что госпожу Солнцеву убили два ея работника, которые и были осуждены за это преступленіе казанскимъ окружнымъ судомъ... Оригиналенъ выводъ, приведенный въ пользу отвѣтственности сельскихъ обществъ земскимъ начальникомъ Мельниковымъ: онъ сообщилъ, что два раза привлекалъ къ отвѣту цѣлое общество за порубку и потраву, и оно осталось этимъ очень довольно, находя это справедливымъ. Не касаясь вопроса о вѣроятности *удовольствія*, испытаннаго осужденными сельскими обществами, мы желали бы знать, на чемъ былъ основанъ образъ дѣйствій г. Мельникова? Быть можетъ, въ порубкѣ и потравѣ дѣйствительно участвовали *всѣ* домохозяева даннаго общества? Въ такомъ случаѣ привлеченіе ихъ къ суду было совершенно правильно—но не можетъ служить подтвержденіемъ мысли кн. Ухтомскаго. Если, наоборотъ, фактически участвовали въ порубкѣ и потравѣ только нѣкоторые члены общества, то возложеніе отвѣтственности на все общество было со стороны земскаго начальника явнымъ превышеніемъ власти. Нарушеніемъ закона его приговоръ слѣдуетъ считать и въ такомъ случаѣ, если виновнымъ—т.-е. непосредственно, реально виновнымъ—былъ признанъ каждый членъ общества въ отдѣльности, но имущественная отвѣтственность обращена на все общество, какъ на одно цѣлое... Противъ кн. Ухтомскаго и его защитниковъ выступили преимущественно „земцы стараго закала“. За ними, въ концѣ концовъ, оказалось большинство—но большинство всего *двухъ* голосовъ. Еще нѣсколько шаговъ въ сторону „новыхъ вѣяній“—и казанское земство останется земствомъ только по имени...

Не особенно крупнымъ большинствомъ (27 голосовъ противъ 20) разрѣшенъ въ „староземскомъ“ духѣ саратовскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ одинъ изъ вопросовъ, давно занимающій и волнующій земство. Саратовское собраніе нѣсколько лѣтъ сряду назначало пособіе школамъ грамоты (въ размѣрѣ 3.200 рублей)—назначало его вопреки мнѣнію губернской управы, находившей эти школы „безнадежно плохими“. И въ нынѣшнемъ году губернская управа осталась вѣрной своему убѣжденію, но коммиссія по народному образованію предложила вновь ассигновать прежнюю субсидію, точнѣе только опредѣливъ способъ ея употребленія. Завязались горячія пренія, продолжавшіяся цѣлыхъ два дня. Крайніе защитники школъ грамоты обвиняли своихъ противниковъ въ систематическомъ недоброжелательствѣ къ церковной школѣ, въ „европейничаньѣ“, въ стремленіи къ „западнымъ порядкамъ“, въ желаніи поиграть въ „анти-клерикализмъ“. Приверженцы противоположнаго взгляда были болѣе сдержанны: утверждая,

Digitized by Google

что духовно-религіозные запросы народа находятъ полное удовлетвореніе въ земской школѣ, они привели массу фактовъ, свидѣтельствующихъ, съ одной стороны, о крайне плохой постановкѣ обученія въ школахъ грамоты, съ другой—о невозможности для земства имѣть серьезный контроль надъ этими школами и оказывать на нихъ дѣйствительное вліяніе. Значительно обострились пренія вслѣдствіе участія въ нихъ представителя духовнаго вѣдомства. „Меня давно мучитъ вопросъ,—воскликнулъ г. Розановъ,—почему земство цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ ведетъ школьное дѣло и такъ недалеко ушло? Теперь я просидѣлъ въ собраніи шесть часовъ, выслушалъ обширные дебаты, и мнѣ этотъ вопросъ сталъ ясенъ: чѣмъ больше говорится, тѣмъ меньше дѣлается". На другой день мѣсто г. Розанова въ собраніи занялъ свящ. Хитровъ и заявилъ, отъ лица саратовскаго преосвященнаго и духовнаго вѣдомства, что мнѣніе г. Розанова есть только мнѣніе частнаго лица. „Его преосвященство"—сказалъ о. Хитровъ—„поручилъ мнѣ передать собранію, что и онъ, и духовное вѣдомство, высоко цѣнятъ заслуги земства по школьному дѣлу. Всѣ стремленія духовенства направлены къ тому, чтобы работать рука объ руку съ земствомъ. Мы просимъ забыть вчерашнее недоразумѣніе, извиняемся и надѣемся, что оно не повліяетъ на отношенія земства къ духовенству". Эти симпатичныя слова не изгладили впечатлѣнія, произведеннаго рѣчью г. Розанова—не изгладили его, надо думать, потому, что многіе увидѣли въ ней яркое выраженіе тѣхъ чувствъ, съ которыми значительная часть духовенства относится къ земству и земской школѣ. Нѣкоторые гласные заявили, что подадутъ голосъ противъ субсидіи школамъ грамоты именно въ виду сказаннаго наканунѣ епархіальнымъ наблюдателемъ надъ церковно-приходскими школами (эту должность занимаетъ г. Розановъ). Не помогла и рѣчь предсѣдателя собранія (П. А. Кривскаго), старавшагося доказать, что школы грамоты „все же лучше, чѣмъ ничего". Отказавъ въ продолженіи субсидіи школамъ грамоты, собраніе избрало, однако, коммиссію для окончательнаго выясненія отношеній губернскаго земства къ церковнымъ школамъ. Той же коммиссіи поручено выработать типъ дешевой земской школы, могущей замѣнить существующія школы грамоты. Еще недавно всякая попытка въ этомъ направленіи могла показаться безнадежной, въ виду того, что учрежденіе дешевыхъ, небольшихъ начальныхъ школъ разсматривалось министерствомъ народнаго просвѣщенія какъ монополія духовнаго вѣдомства; но въ настоящее время министерство, повидимому, готово отступить отъ своего прежняго взгляда. Въ виленскомъ учебномъ округѣ не только допускается, но даже рекомендуется устройство *деревенскихъ училищныхъ отдѣленій* или домашнихъ элементарныхъ школокъ, преподавателями

Digitized by Google

въ которыхъ могутъ быть окончившіе курсъ въ городскомъ, уѣздномъ или хотя бы приходскомъ училищѣ, а наблюдателями и руководителями—учителя сосѣднихъ народныхъ училищъ. Если такія школы, ничѣмъ, въ сущности, не отличающіяся отъ школъ грамоты, появятся въ одномъ учебномъ округѣ, то не будетъ, очевидно, никакой причины препятствовать ихъ повсемѣстному распространенію, хотя бы и при участіи земства. По справедливому замѣчанію „Саратовскаго Дневника", виленскій проектъ, намѣчая тѣсную связь между элементарными школами и нормально организованными начальными училищами, слѣдуетъ примѣру, данному, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, земствами нѣсколькихъ уѣздовъ, плодотворная работа которыхъ надолго была остановлена передачей школъ грамоты въ духовное вѣдомство.

Большую роль школьный вопросъ игралъ и въ преніяхъ нижегородскаго губернскаго земскаго собранія. Ближайшимъ поводомъ къ его возбужденію послужилъ здѣсь докладъ гласнаго Зыбина, прежде занимавшаго должность непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а теперь состоящаго земскимъ начальникомъ. Подобно А. И. Новикову (автору извѣстныхъ „Записокъ земскаго начальника"), г. Зыбинъ убѣдился на опытѣ въ ошибочности своихъ предвзятыхъ мнѣній: изъ противника „идеи широкаго народнаго образованія" онъ сдѣлался горячимъ ея защитникомъ. Переѣхавъ въ деревню, онъ понялъ, что считать образованіе для мужика роскошью, и притомъ роскошью вредною, возможно только „подъ вліяніемъ чужихъ мнѣній, не провѣренныхъ и непереваренныхъ". Ему тяжело видѣть, что „народная школа, съ точки зрѣнія русскаго закона, является предметомъ не необходимымъ, а народное невѣжество—чѣмъ-то почти нормальнымъ". Если въ деревняхъ существуютъ школы, то этимъ крестьянство обязано почти исключительно земству и обществу. Пока государство не возьметъ на себя расходы по народному образованію, земство, по мнѣнію г. Зыбина, должно работать не покладая рукъ, изыскивая средства не дать народу „закостенѣть въ своемъ невѣжествѣ".

Совершенно отрицательно, насколько можно судить по отрывочнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, г. Зыбинъ отнесся къ дѣятельности духовенства на поприщѣ начальнаго обученія. Возражали докладчику не только тѣ, которыхъ онъ непосредственно затронулъ, но и принципіальные противники идеи, на сторону которой перешелъ г. Зыбинъ; одинъ изъ нихъ прямо высказалъ убѣжденіе, что народу большой грамотности не надо, такъ какъ образованіе отрываетъ работника отъ земли. Усердна была, съ другой стороны, и защита доклада, не столько потому, чтобы она бросила новый свѣтъ на избранную имъ тему, сколько потому, что она „вылилась изъ сердца", ясно показала жгу-

Digitized by Google

чій характеръ наболѣвшаго вопроса. „Деликатно принять докладъ къ свѣдѣнію“, какъ предлагалъ одинъ изъ гласныхъ, собраніе не согласилось и постановило передать его для разработки, при участіи самого докладчика, въ коммиссію о нуждахъ общаго и профессіональнаго образованія. И здѣсь, такимъ образомъ, восторжествовали „старосемскія“ преданія, съ точки зрѣнія которыхъ распространеніе, въ ширь и глубь, народнаго образованія всегда было и остается до сихъ поръ основной задачей земскаго самоуправленія.

Любопытна, но нимало не удивительна одна черта, общая всѣмъ „новоземцамъ“: это—нерасположеніе ихъ къ періодической печати. Въ казанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи разсматривалось „странное“ (по выраженію корреспондента „Россіи“) предложеніе одного изъ членовъ губернской управы „разсудить его съ прессой“. Въ нижегородскомъ земскомъ собраніи одинъ изъ противниковъ г. Зыбина (г. Хотяинцевъ), отрицая приписанное ему во время преній стремленіе задерживать развитіе народнаго образованія, выразился такъ: „печать давно уже указываетъ, что я будто бы иду по этому пути. Пусть она лжетъ, сколько ей угодно,—я отвѣчать ей не буду“. Въ орловскомъ губернскомъ собраніи гласный Володимеровъ старался доказать, что указанія въ печати на безпорядки въ земской больницѣ должны быть оставляемы безъ вниманія именно потому, что они исходятъ отъ печати. Тотъ же гласный предлагалъ составить списокъ книгъ, которыя желательно было бы изъять изъ обращенія, и затѣмъ войти съ соотвѣтственнымъ ходатайствомъ въ подлежащее вѣдомство [1]). Въ саратовскомъ губернскомъ собраніи, во время преній о субсидіи школамъ грамоты, гласный графъ Уваровъ (одинъ изъ защитниковъ субсидіи) воскликнулъ: „для общаго принципіальнаго рѣшенія вопросовъ не нужно намъ и собираться сюда; для этого достаточно прочесть *какой-нибудь корявый Вѣстникъ Европы*“ [2]). Все это совершенно естественно: кто идетъ въ разрѣзъ съ земскими традиціями, тотъ не можетъ не относиться враждебно къ печати, продолжающей стоять за нихъ.

---

[1]) Еще дальше пошло козьмодемьянское (казанской губерніи) уѣздное земство, предполагавшее ходатайствовать о воспрещеніи административно-высланнымъ проживать и появляться въ гор. Козьмодемьянскѣ! Казанское губ. земское собраніе отказалось отъ обсужденія этого ходатайства.

[2]) Нѣсколько раньше предсѣдатель собранія спросилъ одного изъ гласныхъ, какой источникъ онъ цитируетъ въ своей рѣчи? „Вѣстникъ Европы“,—отвѣчалъ гласный. „А! Вѣстникъ Европы“! — воскликнулъ П. А. Кривскій, въ устахъ котораго это восклицаніе имѣло, думается намъ, весьма опредѣленный смыслъ.

Digitized by Google

Чѣмъ больше растутъ и крѣпнутъ въ средѣ самого земства антиземскія тенденціи, тѣмъ дороже воспоминанія о людяхъ, имена которыхъ неразрывно связаны съ лучшими страницами земской исторіи. Съ живымъ сочувствіемъ, поэтому, мы прочитали адресъ, который тамбовское земское губернское собраніе постановило представить тяжко заболѣвшему Б. Н. Чичерину, много лѣтъ сряду состоявшему тамбовскимъ губернскимъ гласнымъ. Вспоминаются въ адресѣ, прежде всего, знаменательныя слова, сказанныя Б. Н. Чичеринымъ еще въ 1869 г., въ самомъ началѣ земской дѣятельности: „земскія учрежденія—начало самоуправленія въ Россіи. За успѣшный ходъ его мы отвѣчаемъ не только передъ своими избирателями, но и предъ Россіей. Самоуправленіе не дается даромъ: для того, чтобы оно двигалось, нужно живое содѣйствіе общества; необходимы и нѣкоторыя жертвы, которыхъ общество въ правѣ требовать отъ своихъ членовъ". „Широкое развитіе общественной самодѣятельности"—писалъ Б. Н. Чичеринъ тридцать лѣтъ спустя—„необходимо и для бюрократіи: это—одно, что̀ ставитъ ее въ надлежащія рамки... Только въ постоянномъ, живомъ соприкосновеніи съ независимыми общественными силами она въ состояніи выйти изъ своей рутинной инерціи и наполнить свою формальную дѣятельноеть жизненнымъ содержаніемъ". Перечисливъ другія ожиданія, связываемыя Б. Н. Чичеринымъ съ ростомъ общественной самодѣятельности, указавъ на высокія требованія, предъявляемыя имъ къ представителямъ самоуправленія, собраніе приходитъ къ заключенію, что гордиться Б. Н. Чичеринымъ въ правѣ не одна тамбовская губернія, но и вся Россія. Отсутствіе Б. Н. Чичерина въ рядахъ гласныхъ „повергаетъ собраніе въ глубокую печаль, особенно теперь, когда земство все болѣе и болѣе ограничивается въ своихъ правахъ, когда поле его дѣятельности все съуживается и съуживается". Собраніе шлетъ Б. Н. Чичерину „искреннія пожеланія многолѣтней плодотворной работы на пользу горячо любимаго имъ земства и еще болѣе любимой Россіи". Къ этимъ пожеланіямъ присоединятся, безъ сомнѣнія, всѣ тѣ, кому дорого поступательное движеніе русской общественной мысли. Можно расходиться съ Б. Н. Чичеринымъ по тому или другому отдѣльному вопросу, но нельзя отрицать его заслуги, какъ защитника законности и права. Справедливая оцѣнка этихъ заслугъ со стороны земства производитъ по истинѣ освѣжающее впечатлѣніе. Это лучъ свѣта среди потемокъ, надвигающихся, мало-помалу, и на земскую сферу—и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивое возраженіе модными взглядамъ, побѣда которыхъ была бы смертнымъ приговоромъ для самоуправленія.

Симпатичная нота, лежащая въ основѣ тамбовскаго адреса, слы-

Digitized by Google

шится и въ рѣчахъ, посвященныхъ памяти недавно скончавшихся земскихъ дѣятелей—Д. Ѳ. Самарина и Д. Д. Дашкова. По опредѣленію предсѣдателя московской губернской земской управы, Д. Ѳ. Самаринъ (двѣнадцать лѣтъ состоявшій гласнымъ московскаго земства) былъ „выдающимся представителемъ консервативнаго направленія въ истинномъ значеніи этого слова. Усматривая въ нашемъ государственномъ строѣ самобытную форму, являющуюся выраженіемъ національной русской идеи, онъ находилъ, что развитіе общественной самодѣятельности въ области мѣстнаго управленія не только не составляетъ противорѣчія нашему государственному строю, но, напротивъ, является необходимымъ его основаніемъ". Чествованіе *такихъ* консерваторовъ пріобрѣтаетъ особенную цѣнность, хотя бы въ виду того свѣта, который оно бросаетъ на *мнимый* консерватизмъ, на псевдо-охранительную прессу... Д. Ѳ. Самаринъ былъ однимъ изъ первыхъ, призывавшихъ земство на путь улучшенія экономическихъ условій крестьянской жизни; онъ способствовалъ основанію первой въ московской губерніи—да, кажется, и во всей земской Россіи—губернской лечебницы, т.-е. шелъ прямо въ разрѣзъ съ нынѣшними „консервативными" взглядами на взаимное отношеніе губернскаго и уѣздныхъ земствъ; какъ гласный московской городской думы, онъ воспрепятствовалъ (въ семидесятыхъ годахъ) осуществленію проекта, смѣшивавшаго начальное обученіе съ ремесленнымъ, т.-е. отстоялъ тотъ типъ начальной школы, за который теперь высказываются лучшіе теоретики и практики школьнаго дѣла [1]; сознавая необходимость мелкой территоріальной единицы, онъ предлагалъ отождествленіе ея съ приходомъ, но не иначе, какъ подъ условіемъ возстановленія древняго права прихожанъ на выборъ приходскаго священника... Д. Д. Дашковъ въ послѣднее время своей жизни занималъ должность предсѣдателя уфимской губернской земской управы, но особенно глубокіе слѣды его дѣятельность оставила, повидимому, въ рязанской губерніи, гдѣ онъ былъ гласнымъ вскорѣ послѣ введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій [1]. По словамъ кн. Волконскаго (состоявшаго недавно предсѣдателемъ рязанской губернской земской управы), „немного было въ земствѣ такихъ людей, какъ Д. Д. Дашковъ. Кто слышалъ его въ земскихъ собраніяхъ, тотъ никогда не забудетъ впечатлѣнія, которое производили его слова и мысли. Онъ

---

[1]) Объ этомъ эпизодѣ въ дѣятельности Д. Ѳ. Самарина см. интересную статью г. М. Щепкина въ № 331 „Русскихъ Вѣдомостей".

[2]) Въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1877 г. Д. Д. Дашковъ помѣстилъ статью: „Педагогическіе софизмы".

Digitized by Google

принадлежалъ къ числу тѣхъ представителей дворянскаго сословія, которыми дворянство расплатилось съ русскимъ народомъ за всѣ привилегіи, какими оно въ прежнее время несправедливо пользовалось. Онъ отдавалъ всѣ свои силы, всего себя обществу, земству. Особенно велики были его заслуги въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Онъ первый возбудилъ вопросъ о необходимости и неотложности разныхъ мѣропріятій по народному образованію—и возбудилъ ихъ въ то время, когда большинство гласныхъ считало эти мѣропріятія недостижимыми и для земства непосильными". Да, глубоко жизненнымъ было дѣло, создавшее такихъ дѣятелей какъ Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ, Д. Д. Дашковъ. Преемниковъ имъ, пока, мы видимъ мало—но они несомнѣнно будутъ, если только уцѣлѣетъ самостоятельность земства и не измельчаютъ въ конецъ земскія задачи.

Какой ничтожной и низменной кажется газетная травля земства, если перейти къ ней непосредственно отъ воспоминаній о лучшихъ земскихъ дѣятеляхъ! Не хватаетъ духа погрузиться въ это море злобы и обскурантизма, мутныя волны котораго грозятъ смыть послѣдніе слѣды самостоятельности и свободы мысли. Мы извлечемъ изъ него, на этотъ разъ, только двѣ капли, вѣрно отражающія въ себѣ его характерныя свойства. „Совсѣмъ неожиданный репримандъ" — читаемъ мы въ петербургской корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 346) —„выкинуло одно изъ нашихъ уѣздныхъ земствъ, именно новоладожское: оно возбудило ходатайство ни болѣе, ни менѣе какъ о передачѣ одного изъ своихъ училищъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія! Будемъ давать ежегодно пособіе въ размѣрѣ 730 рублей, лишь бы училище было для пользы дѣла министерское... Само земство, такимъ образомъ, признало, что въ правительственной школѣ больше пользы, чѣмъ въ земской. Но еще болѣе знаменательно, что это ходатайство уѣзднаго земства одобрено и нашимъ передовымъ [1]) губернскимъ земствомъ". Что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ изъ доклада спб. губ. земской управы губернскому собранію? Новоладожская уѣздная земская управа предложила уѣздному собранію „ходатайствовать объ учрежденіи въ селѣ Усадищѣ, Усадище-Спасовской волости, начальнаго двухкласснаго или, по крайней мѣрѣ, одноклассного училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Къ такому ходатай-

[1]) Замѣтимъ, мимоходомъ, что с.-петербургское губернское земство вовсе не принадлежитъ къ числу „передовыхъ". Честно и заботливо исполняя свои обязанности, оно не проявляетъ большой иниціативы, рѣдко возбуждаетъ „щекотливые" вопросы и въ нововведеніяхъ своихъ слѣдуетъ, бо́льшею частью, примѣру другихъ земствъ, болѣе предпріимчивыхъ и подвижныхъ.

Digitized by Google

ству побуждала, съ одной стороны, многолюдность существующей въ этомъ пунктѣ земской школы, съ двумя преподавателями, такъ какъ составъ учащихся въ послѣдніе годы свыше 100 человѣкъ, съ другой —крайняя затруднительность пріискать достаточно просторное и удовлетворительное помѣщеніе для школы: мѣстное церковно-приходское попечительство требуетъ нынѣ за домъ, въ которомъ издавна помѣщалась школа, чрезмѣрную плату по 300 р. въ годъ, и, кромѣ того, на отопленіе его, освѣщеніе и прислугу нужно до 150 р. въ годъ; этимъ вызывается необходимость въ постройкѣ собственнаго школьнаго дома, непосильной для земства. Въ случаѣ удовлетворенія ходатайства и учрежденія *двухкласснаго* министерскаго училища, земство принимаетъ на себя обязательство выдавать изъ своихъ суммъ пособіе на содержаніе его по 730 р. въ годъ. Предложеніе было принято уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, постановившимъ ходатайствовать о преобразованіи усадищскаго земскаго училища въ министерское. Признавая доводы приведеннаго ходатайства вполнѣ убѣдительными, хотя самое постановленіе уѣзднаго собранія недостаточно ясно и точно редактировано и можетъ допускать различныя толкованія, губернская управа, во избѣжаніе задержки дѣла, предложила губернскому собранію поддержать ходатайство новоладожскаго уѣзднаго земскаго собранія о преобразованіи усадищскаго земскаго училища въ министерское, съ обязательствомъ для уѣзднаго земства, въ случаѣ удовлетворенія этого ходатайства и учрежденія *двухкласснаго* министерскаго училища, выдавать изъ своихъ суммъ пособіе на содержаніе его по 730 руб. въ годъ". Это предложеніе и было принято губернскимъ собраніемъ. Совершенно ясно, что ходатайство новоладожскаго земства было вызвано вовсе не сознаніемъ, что „въ правительственной школѣ больше пользы, чѣмъ въ земской", а съ одной стороны—недостаткомъ средствъ, съ другой—потребностью въ *двухклассномъ* училищѣ, которое, по закону, можетъ быть *только* правительственнымъ, а не земскимъ. Съ учрежденіемъ *двухкласснаго* училища связано и обязательство уѣзднаго земства вносить ежегодно 730 руб. Открытіе одноклассnаго министерскаго училища допускается земствомъ, очевидно, лишь условно, при невозможности устроить двухклассное училище—и въ этомъ случаѣ земство не беретъ на себя никакихъ имущественныхъ обязательствъ. Само собою разумѣется, что еслибы новоладожское земство смотрѣло на школьное дѣло черезъ очки реакціонной газеты, ему слѣдовало бы просить о принятіи въ число министерскихъ не *одной*, а *всѣхъ* школъ своего уѣзда... Въ слѣдующемъ (347-мъ) нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" тотъ же корреспондентъ, смѣшивая начальныя городскія школы съ „городскими"

Digitized by Google

училищами, открываемыми на основаніи устава 1872-го года, приписываетъ министерству народнаго просвѣщенія открытіе 14 *начальныхъ* школъ, вызванное, будто бы, недостаточною заботливостью городского управленія о распространеніи начальнаго образованія. Выше, во внутреннемъ обозрѣніи (стр. 360—365), читатели найдутъ подробное изложеніе фактовъ, извращенныхъ корреспондентомъ московской газеты: они увидятъ, что рѣчь идетъ о „городскихъ" училищахъ высшаго народнаго образованія, завѣдываніе которыми принадлежитъ непосредственно министерству народнаго просвѣщенія. Et voilà comme on écrit l'histoire... на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей"! Очевидно, ихъ корреспондентъ не знаетъ различія между „начальнымъ" народнымъ училищемъ, съ 3-лѣтнимъ обученіемъ, и „городскимъ" 4-класснымъ училищемъ, съ 4-лѣтнимъ обученіемъ въ немъ.

Какимъ авторитетомъ газета г. Грингмута пользуется въ кругахъ, которые она считаетъ себѣ родственными и близкими—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ результатъ недавнихъ дворянскихъ выборовъ въ Орлѣ. Съ конца сентября до половины декабря почти не проходило дня, когда бы „Московскія Вѣдомости" не метали грома и молніи въ М. А. Стаховича, за его извѣстную рѣчь на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ—а орловское дворянство вновь избрало его въ свои предводители, громаднымъ большинствомъ 336 голосовъ изъ 419. Это—торжество тѣмъ болѣе полное, чѣмъ меньше можно было ожидать его. Конечно, нельзя утверждать, что всѣ подавшіе голосъ за г. Стаховича раздѣляютъ его взглядъ на свободу совѣсти—но во всякомъ случаѣ они не видятъ въ этомъ взглядѣ ничего несовмѣстнаго съ призваніемъ и обязанностями губернскаго предводителя дворянства [1]).

9-го минувшаго декабря исполнилось десять лѣтъ со времени учрежденія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, состоящей при литературномъ фондѣ. Немного найдется дѣлъ, которыя въ такое короткое время получили бы столь широкое и успѣшное развитіе. Число членовъ кассы доходитъ до 650, капиталъ ея превышаетъ 55 тыс. рублей; годовой расходъ составляетъ въ послѣдніе годы до 20 тыс. (а всего за десять лѣтъ израсходовано 107 тыс. рублей). Болѣе сорока осиротѣвшихъ семействъ воспользовались помощью кассы—помощью тѣмъ болѣе цѣнною, что она приходитъ въ трудную минуту жизни, приходитъ сама собою, безъ всякихъ проволочекъ, безъ всякихъ ходатайствъ

[1]) Во время тѣхъ же выборовъ авторъ одной изъ самыхъ рѣзкихъ статей противъ М. А. Стаховича, г. Нилусъ, баллотировался въ кандидаты мценскаго уѣзднаго предводителя дворянства—и получилъ 34 неизбирательныхъ голоса противъ 22 избирательныхъ.

Digitized by Google

и напоминаній. Завѣдываніе дѣлами кассы, постоянно усложняющимися, ведется безвозмездно, какъ и дѣлопроизводство литературнаго фонда; и тамъ, и тутъ, затрачивается масса труда, невиднаго, негромкаго—и тѣмъ болѣе имѣющаго право на сочувствіе. Одинъ изъ ораторовъ, привѣтствовавшихъ правленіе кассы (Л. Е. Оболенскій), былъ совершенно правъ, когда нашелъ въ дѣятельности кассы краснорѣчивый отвѣтъ на газетныя выходки противъ интеллигенціи, противъ самоуправленія и выборнаго начала... Заслуга учрежденія кассы принадлежитъ почти всецѣло Г. К. Градовскому; онъ составилъ и провелъ ея уставъ, онъ былъ ея первымъ предсѣдателемъ и не переставалъ руководить ею, пока его не сломила тяжкая болѣзнь. Торжество кассы обратилось само собою въ чествованіе ея учредителя, письмо котораго, прочитанное въ общемъ собраніи кассы, заканчивается трогательными словами: „Много лѣтъ всѣмъ подвижникамъ русской литературы и науки! Живите, дѣйствуйте и не поминайте лихомъ несчастнаго умирающаго".

Въ половинѣ декабря чествовалось въ Петербургѣ пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности П. И. Вейнберга, а въ Москвѣ—тридцатилѣтіе научной дѣятельности профессора Н. И. Стороженко. Оба празднества отличались рѣдкимъ единодушіемъ и задушевностью. Въ лицѣ П. И. Вейнберга петербургскіе друзья искусства привѣтствовали даровитаго переводчика художественныхъ произведеній, поэта „по собственному праву", лектора, будившаго въ широкихъ кружкахъ интересъ къ „писанной мысли", человѣка, неустанно работавшаго и работающаго на пользу общаго литературнаго дѣла. Въ томъ возрастѣ, когда на первый планъ выступаетъ обыкновенно стремленіе къ отдыху и покою, П. И. Вейнбергъ соединяетъ въ своихъ рукахъ двѣ сложныя задачи —предсѣдательство въ союзѣ взаимопомощи русскихъ писателей, которое онъ сохранялъ до самаго закрытія союза, и предсѣдательство въ литературномъ фондѣ, остающееся за нимъ и въ настоящее время. И тамъ, и тутъ, онъ трудится съ энергіей юноши, весь проникнутый заботой о пишущей братіи, разнообразныя бѣдствія которой извѣстны ему, какъ немногимъ. Понятно, что пишущая братія—а слѣдовательно, и всѣ сознающіе свою солидарность съ нею—относятся къ нему съ симпатіей, такъ ярко выразившейся въ день его юбилея [1])...

Н. И. Стороженко принадлежитъ къ числу профессоровъ, хранящихъ лучшія преданія московскаго университета. „Носитель кроткаго свѣта идеализма и гуманности", онъ далъ русскому обществу цѣлый рядъ

---

[1]) Стихотворенія П. И. Вейнберга появлялись въ „Вѣстникѣ Европы", начиная съ 1871 года, и далѣе въ 1872, 1873, 1874, 1875, 1900 и 1901 гг.

Digitized by Google

трудовъ, посвященныхъ, лучшимъ произведеніямъ всемірной литературы. Какъ шекспирологъ, онъ оцѣненъ даже на родинѣ великаго поэта: его книга о Робертѣ Гринѣ (одномъ изъ предшественниковъ Шекспира) переведена на англійскій языкъ, и онъ былъ выбранъ однимъ изъ вице-президентовъ „новаго шекспировскаго общества (New Shakespeare Society). По словамъ одного изъ его учениковъ, онъ „является неизмѣннымъ помощникомъ и руководителемъ молодыхъ ученыхъ и начинающихъ писателей и всегда готовъ тратить свое время на всевозможныя указанія и хлопоты ради всякаго, кто только нуждается въ немъ". Для углубленія и расширенія интереса къ русской литературѣ Н. И. Стороженко много сдѣлалъ какъ предсѣдатель московскаго общества любителей русской словесности. Наши читатели хорошо знакомы съ основными свойствами его таланта: въ „Вѣстникѣ Европы" напечатаны многія его изслѣдованія („Шекспировская критика въ Германіи", 1869, № 10 и 11; „Госпожа Сталь и ея друзья", 1879, № 7; „Новая книга о Макіавелли", 1880, № 6; „Англійскіе моралисты XVII-го вѣка", 1881, № 9; „Философія Донъ-Кихота", 1885, № 9; „Психологія любви и ревности у Шекспира, 1899, № 9).

P. S.—Наше внутреннее обозрѣніе было уже въ печати, когда появилось слѣдующее правительственное сообщеніе:

„Государь Императоръ, въ 6-ой день октября 1901 г., Высочайше повелѣть соизволилъ для обсужденія въ Государственномъ Совѣтѣ проекта уголовнаго Уложенія образовать особое присутствіе подъ предсѣдательствомъ члена сего совѣта статсъ-секретаря дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Палена, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1. Въ составъ особаго присутствія въ качествѣ его членовъ входятъ предсѣдатели и члены департаментовъ законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, государственной экономіи и промышленности, науки и торговли, Государственнаго Совѣта, члены совѣта дѣйствительный тайный совѣтникъ Розингъ и тайный совѣтникъ фонъ-Дервизъ, министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, государственный секретарь статсъ-секретарь Плеве, и первоприсутствующій въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ правительствующаго сената, сенаторъ тайный совѣтникъ Таганцевъ. 2. Министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями предоставляется принимать личное участіе въ засѣданіяхъ особаго присутствія или представлять ему объясненія черезъ своихъ товарищей. 3. Предсѣдателю особаго присутствія предоставляется приглашать въ засѣданія онаго для представленія объясненій лицъ, входившихъ въ составъ Высочайше утвержденной редакціонной коммиссіи по начертанію проекта уголовнаго Уложенія, а также другихъ лицъ,

Digitized by Google

по своимъ знаніямъ и опыту могущихъ принести пользу участіемъ въ трудахъ присутствія. 4. Заключенія особаго присутствія вносятся на разсмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта. 5. Дѣлопроизводство особаго присутствія возлагается на статсъ-секретаря департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта тайнаго совѣтника Харитонова и на отдѣленіе гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ государственной канцеляріи".

Наступаетъ, такимъ образомъ, послѣдній фазисъ работы, предпринятой почти двадцать лѣтъ тому назадъ и законченной особою коммиссіею еще въ 1895 г.; приближается, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній часъ Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, устарѣвшаго, можно сказать, въ самый моментъ его изданія и до крайности затруднявшаго и затрудняющаго дѣятельность нашихъ судебныхъ учрежденій.

Другое правительственное сообщеніе появилось въ „Финляндской Газетѣ":

„Со времени изданія"—читаемъ мы здѣсь—„Высочайшаго манифеста отъ 29 іюня сего (1901-го) года и новаго устава о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, а тѣмъ болѣе со дня опубликованія этихъ законовъ, въ установленномъ порядкѣ, въ „Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго", агитація, сосредоточенная въ Гельсингфорсѣ и направленная вообще противъ мѣропріятій въ духѣ тѣснѣйшаго единенія финляндской окраины съ имперіей, стала дѣйствовать съ особенной настойчивостью. Подготовка къ этой агитаторской дѣятельности началась много раньше, уже со времени учрежденія въ Петербургѣ особыхъ коммиссій по выработкѣ новаго устава о воинской повинности. Руководители этой агитаціи, въ томъ числѣ „многочисленные члены бывшаго земскаго сейма",—какъ о томъ сообщено было въ одной изъ послѣдовавшихъ затѣмъ прокламацій,—собрались на о. Тургольмѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Гельсингфорсомъ, этимъ центромъ агитаціи. Въ результатѣ сего собранія явился, какъ извѣстно, рядъ въ высшей степени нелегальныхъ листковъ, брошюръ и прокламацій, наводнившихъ Финляндію, адресованныхъ къ лютеранскимъ пасторамъ и къ ихъ прихожанамъ и внушавшихъ, что новые законы о воинской повинности не должны быть опубликованы съ церковныхъ каѳедръ, какъ требуется существующими постановленіями, подъ предлогомъ, что тогда сіи законодательные акты не получатъ въ краѣ законной силы. Но такъ какъ эта агитація, возбудивъ вначалѣ нѣкоторыя колебанія среди лютеранскаго духовенства, въ общемъ не достигла своей цѣли, и законы о воинской повинности, въ концѣ концовъ, были опубликованы съ церковной каѳедры почти во всѣхъ лютеранскихъ приходахъ края,

Digitized by Google

за исключеніемъ нѣкоторыхъ приходовъ боргоской епархіи, то руководители агитаціи, предвидѣвшіе и ранѣе возможность такого неблагопріятнаго исхода подобныхъ мѣръ, избрали еще и иной образъ дѣйствій. Былъ составленъ на сей случай проектъ адреса, по существу своему повторявшаго доводы вышеупомянутыхъ прокламацій, носившаго по своему изложенію характеръ крайне дерзкаго протеста и тщетно стремившагося доказать несогласіе новыхъ законовъ о воинской повинности съ общимъ строемъ финляндской окраины. Въ числѣ подписей, какія удалось собрать организаторамъ сего адреса, составленнаго и направленнаго, вопреки точному смыслу Высочайшаго постановленія 30-го іюня 1826 года, безъ предварительнаго донесенія мѣстнымъ губернаторамъ и безъ разрѣшенія начальника края, имѣются наряду съ другими и подписи мѣстныхъ чиновниковъ, даже занимающихъ посты, замѣстители коихъ облекаются Монаршимъ довѣріемъ. Государь Императоръ, въ Своемъ безпредѣльномъ и отеческомъ снисхожденіи къ увлеченнымъ агитаціей, въ высокой степени милостиво отнесся къ заблуждающимся, оставивъ адресъ-протестъ только безъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Величество Высочайше соизволилъ повелѣть, при замѣщеніи въ краѣ должностей, облеченныхъ Монаршимъ довѣріемъ, при отсутствіи соотвѣтствующихъ кандидатовъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ, назначать на таковыя должности уроженцевъ имперіи".

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.

Коммиссія по народному образованію, состоящая при С.-Петербургской городской Думѣ, согласно состоявшемуся постановленію ея о чествованіи памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, по случаю исполняющагося въ 1902-мъ году 50-ти-лѣтія со дня смерти этихъ великихъ писателей, приступивъ въ настоящее время къ печатанію Сборника избранныхъ ихъ сочиненій, для раздачи оканчивающимъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга, считаетъ долгомъ сообщить:

1) печатаемый, подъ наблюденіемъ Коммиссіи по народному образованію, съ разрѣшенія цензуры, означенный Сборникъ избранныхъ сочиненій и изъ нихъ извлеченій, доступныхъ дѣтскому пониманію, составленный педагогомъ-литераторомъ В. П. Острогорскимъ, подраздѣленъ, по содержанію сихъ произведеній, на отдѣлы съ объяснительными къ нимъ статьями и приложеніемъ біографическихъ очерковъ великихъ писателей;

2) Сборникъ изданъ будетъ, по образцу Сборника изъ сочиненій А. С. Пушкина, выпущеннаго въ 1899 г.,—двумя изящными книжками въ переплетѣ, форматомъ въ $^1/_8$ долю листа, объемомъ около 45 печатныхъ листовъ, съ 15—20 помѣщенными внѣ текста, соотвѣтствующими Сборнику портретами и видами;

3) согласно постановленію городской Думы, остающіеся отъ раздачи окончившимъ курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ г. С.-Петербурга экземпляры издаваемаго городомъ Сборника поступятъ въ продажу, причемъ цѣна Сборника назначена въ 75 коп. за экземпляръ, безъ пересылки; печатаніе Сборника закончено будетъ: одной части къ 21 февраля, а другой части—къ 12 апрѣля 1902 года и тогда же будутъ выданы подписчикамъ на Сборникъ;

4) при выдачѣ подписчикамъ первой части Сборника, обнимающей собою сочиненія Н. В. Гоголя, будетъ выданъ билетъ на полученіе

Digitized by Google

другой части Сборника, заключающей въ себѣ сочиненія В. А. Жуковскаго.

Обращаться съ требованіями можно въ Канцелярію Коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ, въ зданіи городской Думы (по Думской ул., 3-ьи ворота отъ Невскаго пр.).

II.—Извлеченіе изъ Положенія о Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ.

Всероссійскій Пожарный Съѣздъ созывается Императорскимъ Россійскимъ Пожарнымъ Обществомъ, съ соизволенія Августѣйшаго предсѣдателя его Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича и съ разрѣшенія господина министра внутреннихъ дѣлъ, въ городѣ Москвѣ весною 1902 года.

Съѣздъ имѣетъ цѣлью: а) выясненіе современнаго состоянія противопожарнаго дѣла въ Россіи; б) обсужденіе вопросовъ о предохранительныхъ и оборонительныхъ мѣрахъ противъ пожаровъ; в) разсмотрѣніе мѣропріятій по устраненію бѣдственныхъ послѣдствій пожаровъ.

День открытія и продолжительность Съѣзда, а равно и подробная организація будутъ опубликованы впослѣдствіи Совѣтомъ Императорскаго Россійскаго Пожарнаго Общества.

Предсѣдательство на Съѣздѣ соизволилъ принять на себя Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Августѣйшій Предсѣдатель Императорскаго Россійскаго Пожарнаго Общества.

Занятія Съѣзда распредѣляются между слѣдующими отдѣлами его:

1.—О средствахъ и способахъ предупрежденія пожаровъ въ строительномъ отношеніи.

а) Въ системѣ постройки и устройствѣ разнаго рода жилыхъ, нежилыхъ и общественныхъ зданій, церквей, фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, складовъ, театровъ. цирковъ, залъ для общественныхъ собраній, сельскихъ и другихъ построекъ и распланированіи городовъ и селеній и отдѣльныхъ построекъ.

б) Въ устройствѣ отопленія и освѣщенія.

Digitized by Google

в) Въ канализаціи электрическаго тока.

г) Въ устройствѣ громоотводовъ.

д) Въ способахъ приданія свойства невоспламеняемости дереву, соломѣ, тканямъ и проч.

е) Испытательныя станціи.

ж) Обязательныя постановленія по строительной части.

2.—О средствахъ и способахъ предупрежденія пожаровъ въ общихъ мѣропріятіяхъ.

Древонасажденіе; надзоръ за малолѣтними въ селахъ въ рабочую пору взрослаго населенія; мѣры содѣйствія къ распространенію заводовъ и мастерскихъ огнестойкихъ матеріаловъ; распространеніе въ народѣ полезныхъ противопожарныхъ свѣдѣній; мѣры къ содержанію въ постоянной пожарной безопасности всякаго рода казенныхъ, общественныхъ и частныхъ зданій, обязательныя постановленія по различнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ пожарному дѣлу; установленіе болѣе тщательнаго изслѣдованія причинъ возникновенія пожаровъ и причиняемыхъ ими убытковъ; привлеченіе къ отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ возникновеніи пожаровъ.

3.—Огнегасительныя средства.

а) Механическія.

Ручныя, паровыя и другія пожарныя трубы и насосы; обозъ и принадлежности его; пожарныя лѣстницы, спасательные мѣшки, корзины, веревки и проч.

Водопроводы и средства для усиленнаго напора въ нихъ, резервуары, пожарные краны съ принадлежностями и проч.

б) Химическія.

Химическіе составы, гранаты, экстинкторы, цилиндры и т. п., а также реагенты для дѣйствія изъ пожарныхъ трубъ, гидропультовъ и т. д.

в) Электрическія.

Электрическіе огнегасительные приборы и двигатели въ примѣненіи къ пожарному дѣлу.

г) Сигнализація.

Способы извѣщенія о пожарахъ.

Digitized by Google

4.—Противопожарныя мѣры на водныхъ, желѣзнодорожныхъ и другихъ путяхъ сообщенія.

Противопожарная охрана на водныхъ, желѣзнодорожныхъ и обыкновенныхъ путяхъ сообщенія какъ въ отношеніи безопасности самихъ судовъ, поѣздовъ, транспортовъ, обозовъ и т. п., такъ и въ отношеніи безопасности прилегающихъ къ этимъ путямъ населенныхъ пунктовъ, лѣсовъ и другихъ мѣстныхъ предметовъ.

5.—Организація противопожарной помощи.

а) Городскія пожарныя команды.

б) Добровольныя городскія и сельскія, частныя и фабричныя пожарныя команды и дружины.

в) Самооборона сельскаго населенія при отсутствіи организованной пожарной помощи.

г) Участіе войсковыхъ частей и обывателей въ тушеніи пожаровъ въ населенныхъ пунктахъ и въ лѣсахъ.

д) Тушеніе пожаровъ на разнаго рода промыслахъ и при подземныхъ работахъ.

6.—Пожарно-страховой Отдѣлъ.

Участіе страховыхъ учрежденій въ развитіи противопожарныхъ мѣропріятій. Регулированіе размѣра страховой преміи въ зависимости отъ пожарнаго благоустройства населеннаго пункта. Регулированіе оцѣнокъ имущества для принятія ихъ на страхъ въ цѣляхъ уменьшенія числа пожаровъ. Участіе агентовъ страховыхъ обществъ въ надзорѣ за правильнымъ противопожарнымъ содержаніемъ принимаемыхъ на страхъ имуществъ.

7.—Врачебный и благотворительный Отдѣлъ.

Оказаніе первой врачебной помощи во время пожаровъ. Транспортированіе и переносъ пострадавшихъ. Заботы о дальнѣйшемъ леченіи. Общедоступные курсы и брошюры по сему предмету. Временныя и постоянныя пособія пострадавшимъ пожарнымъ дѣятелямъ. Кассы взаимопомощи пожарныхъ дѣятелей. Оказаніе матеріальной помощи пострадавшему отъ пожарныхъ бѣдствій населенію.

Digitized by Google

Во Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ могутъ участвовать въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ его: представители правительственныхъ учрежденій, городскихъ и земскихъ управъ, члены Императорскаго Россійскаго Пожарнаго Общества, ученые, техники, врачи и другія лица, извѣстныя своею дѣятельностью по пожарному дѣлу, представители добровольныхъ пожарныхъ командъ, городскихъ, частныхъ и сельскихъ пожарныхъ обществъ и дружинъ, обществъ коммерческаго и взаимнаго страхованія и всѣхъ вообще общественныхъ и частныхъ учрежденій, прикосновенныхъ къ пожарному дѣлу. Лица, упомянутыя въ предыдущемъ параграфѣ, заявляютъ заблаговременно о своемъ желаніи участвовать въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ на Съѣздѣ Совѣту Общества (С.-Петербургъ, Дворцовая наб. 22), который о ихъ пріемѣ составляетъ постановленія.

Члены Съѣзда вносятъ за входный билетъ, значокъ и экземпляръ программы Съѣзда и печатныхъ трудовъ его по 10 рублей. Представители учрежденій и отдѣльныя лица, состоящія членами Императорскаго Россійскаго Пожарнаго Общества, платятъ только 6 рублей.

От Редакціи. — Въ декабрьской книгѣ журнала, 1901 года, на стр. 855 и слѣд. напечатано: Леонъ Цолюшъ, вмѣсто: Леонъ Цолгошъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Генрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Подъ редакціею Петра Вейнберга. Томъ восьмой. Съ двумя иллюстраціями. Стр. IV+838. Саб. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Вышедшимъ теперь восьмымъ томомъ заканчивается новое полное изданіе сочиненій Гейне въ русскомъ переводѣ, подъ редакціею П. И. Вейнберга. Въ это изданіе впервые вошли всѣ произведенія великаго поэта, съ тѣми, впрочемъ, незначительными пропусками, которые, — какъ оговаривается редакторъ перевода въ предисловіи,— „обусловлены обстоятельствами, отъ редакціи независящими". П. И. Вейнбергъ давно уже составилъ себѣ репутацію классическаго знатока и истолкователя поэзіи Гейне передъ русскою читающею публикою, и своими изящными переводами онъ наиболѣе способствовалъ популярности нѣмецкаго поэта въ Россіи. Изданіе снабжено многочисленными объяснительными примѣчаніями, а также алфавитнымъ указателемъ, и въ этомъ отношеніи можетъ считаться образцовымъ.

Гоголь, Н. В. — Похожденія Чичикова, или Мертвыя души. Поэма. Съ портретомъ Н. В. Гоголя, 10 геліогравюрами и 355 иллюстраціями. Изд. А. Ф. Маркса. Саб. 902. Стр. 571 in-folio. Ц. брошюр. 12 руб., въ роскошн. переплетѣ 16 рублей.

Самый текстъ этого роскошно и богато иллюстрированнаго изданія отпечатанъ по послѣдней редакціи покойнаго профессора Н. С. Тихонравова, и слѣдовательно, вполнѣ исправной; въ изготовленіи иллюстрацій и украшеній принимали участіе 12 художниковъ, и весь художественный отдѣлъ выполненъ подъ наблюденіемъ П. П. Гнѣдича и М. М. Далькевича. Однимъ словомъ, ничего не было упущено, чтобы изданіе классическаго произведенія Гоголя могло явиться вполнѣ его достойнымъ, и ничѣмъ не уступало бы заграничнымъ изданіямъ лучшихъ произведеній такихъ первоклассныхъ писателей, какъ Шиллеръ, Гёте, Рабле, Сервантесъ и др. Въ иллюстраціяхъ, сверхъ всего, получается точное воспроизведеніе всей жизненной обстановки той, уже отдаленной отъ насъ эпохи 20-хъ, 30-хъ годовъ истекшаго вѣка; самыя лица Гоголевскихъ героевъ поэмы отражаютъ на себѣ въ рисункахъ довольно вѣрно типическія черты характера каждаго, какими авторъ надѣлилъ ихъ силою своего великаго художественнаго творчества и вмѣстѣ вдохнулъ въ нихъ дыханіе жизни. О такихъ писателяхъ, какъ Гоголь, можно сказать потому словами Гёте: „Du nur Genius mehrst in der Natur die Natur".

„Невскій проспектъ". 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ двухвѣковой жизни С.-Петербурга, составленный И. Божеряновымъ. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга, въ 5 вып., 2 тома. Т. I, вып. 1. Спб. 902. Ц. по подпискѣ за два тома— 15 рублей.

Настоящее изданіе предпринято по случаю приближенія двухсотлѣтія со времени основанія Петромъ Р. города С.-Петербурга; вышедшій нынѣ въ свѣтъ первый выпускъ изданія обнимаетъ эпоху 40 лѣтъ XVIII-го вѣка, отъ Петра В. до воцаренія имп. Елисаветы Петровны. Хотя изданіе названо по имени главной артеріи жизни столицы, но въ немъ содержится текстъ съ очеркомъ исторіи города, щедро и роскошно иллюстрированный портретами главныхъ историческихъ дѣятелей эпохи, современными видами зданій, монументовъ, числомъ всего до 150, сверхъ 50 снимковъ съ старинныхъ бумагъ, монетъ, указовъ и т. п. Въ концѣ выпуска приложена „Панорама" Невскаго проспекта въ настоящемъ его видѣ, со снимками всѣхъ домовъ—отъ Адмиралтейства до Знаменской площади. Внѣшняя сторона изданія, можно сказать, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Автобіографія Абдурахманъ-хана, эмира Афганистана. Съ англійскаго, полковникъ М. Грулевъ. Т. I и II. Съ картой Афганистана, портретами и рисунками. Спб. 902. Ц. 3 р.

Жизнеописаніе умершаго недавно афганскаго эмира, написанное или продиктованное имъ самимъ на персидскомъ языкѣ, появилось въ англійскомъ изданіи къ концѣ прошлаго года и обратило на себя большое вниманіе, какъ по личности автора, такъ и по интересу излагаемыхъ фактовъ. Въ простомъ, безъискусственномъ разсказѣ выступаютъ предъ нами не только разнообразныя личныя испытанія, связанныя съ исторіею средне-азіатскихъ отношеній за послѣднюю четверть вѣка, но и любопытныя бытовыя черты, характеризующія жизнь и понятія хорошаго восточнаго деспота какимъ несомнѣнно былъ Абдурахманъ. Въ обстоятельномъ предисловіи переводчика, г. М. Грулева, также какъ и въ его примѣчаніяхъ къ тексту, указываются разныя неточности и противорѣчія въ его изложеніи, которыя отчасти объясняются политическими разсчетами автора, какъ вассала Англіи. Во второмъ томѣ Абдурахманъ подробно объясняетъ свои взгляды на будущность Афганистана и на вѣроятныя послѣдствія дальнѣйшихъ столкновеній между Россіею и Англіею, причемъ выражаетъ твердую вѣру въ превосходство и неодолимое могущество англичанъ. Иногда онъ высказываетъ общія истины, которыя звучатъ довольно странно въ устахъ азіатскаго правителя: „Если правительство,—говоритъ онъ въ концѣ книги (стр. 406),—будетъ стремиться къ тому, чтобы подавить всѣ попытки народа къ достиженію большей свободы дѣйствій мысли и слова, то такой народъ завянетъ въ безсиліи и неудовольствіи".

Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей. Подъ редакціею С. А. Венгерова. Съ историко-литературными комментаріями, эстампами и рисунками въ текстѣ. Т. III. Изд. Брокгауза-Ефрона. Спб. 901. Стр. 631. Ц. 5 р.

Въ третьемъ томѣ этого роскошнаго изданія помѣщены драматическія произведенія: „Мессинская невѣста", въ переводѣ К. Р.; „Вильгельмъ Телль", въ перев. Ѳ. Б. Миллера; „Турандотъ", въ перев. О. Чюминой; отрывки и повѣсти, а также „Исторія отпаденія Нидерландовъ", въ переводѣ проф. А. С. Трачевскаго. Вступительные и объяснительные этюды написаны проф. Ѳ. Г. Мищенко, проф. Ѳ. А. Брауномъ, З. А. Венгеровою, Ю. А. Веселовскимъ, проф. Е. Ѳ. Шмурло и Н. И. Карѣевымъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1902 г.

(Тридцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль:	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычной уступкой.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Циммерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ И. Н. Кушнерева, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, на Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“ Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе заплатятъ, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Доплаты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 2-Я.

ФЕВРАЛЬ, 1902.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1902.

Стр.

I.—ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ БАЙРОНА. — 1818-1824 гг. — Окончаніе. — **Алексѣя Веселовскаго** 441

II.—ИСПОВѢДНИКИ.—Повѣсть.—X-XVIII.—**П. Д. Боборыкина** 482

III.—ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ С.-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ. **А. Гольденвейзера** 552

IV.—ПО МАНЧЖУРІИ. — 1900-1901 г. — Воспоминанія и разсказы.—X-XVIII.—**А. В. Верещагина** 573

V.—ИЗЪ ЖИЗНИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.—I-VI.—**Д. И. Багалѣя** 628

VI.—БУДУЩИМЪ БІОГРАФАМЪ Н. В. ГОГОЛЯ. — Замѣтки.—I.—**А. Кочубинскаго** 650

VII.—ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА.—Романъ.—Felix Hollander, Der Weg des Thomas Truck.—Часть вторая: I-VIII.—**П—ны С—вой** 676

VIII.—КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ.—1865-68 гг.—III-V. —Окончаніе.—**Ѳ. Ѳ. Воропонова** 733

IX.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Дубрава.—II. Русская пѣсня.—**И. П.** 772

X.—ХРОНИКА. — По вопросу о задачахъ губернскаго земства.— II. — Окончаніе.—**Ан. В. Еропкина** 774

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Государственная роспись на 1902-й годъ.— Закрытіе совѣщанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства.—Предполагаемое открытіе особаго дворянскаго отдѣла.— Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ „насиліемъ".—Сфера дворянскихъ ходатайствъ.—Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ. — Программа изслѣдованія причинъ упадка центральныхъ губерній.—Близкій конецъ работъ по составленію гражданскаго уложенія.—Отдѣленіе Кронштадта отъ петергофскаго уѣзднаго земства . . 801

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Рѣчи графа Бюлова въ германскомъ парламентѣ.—Оффиціальный патріотизмъ и внѣшняя политика Германіи.—Внутреннія дѣла въ Пруссіи.—Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ. —Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ 821

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — „Подъ знаменемъ науки", юбил. сборникъ въ честь Н. И. Стороженка.—Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, п. р. и съ предислов. А. Ѳ. Кони.—Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова, гр. П. Шереметева.—П. А. Кулишъ, В. Шепрова.—**А. П.**—Новое о Пушкинѣ. Ив. Щеглова.—**Е. Л.**—Новыя книги и брошюры 832

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — I. Der rote Hahn, v. G. Hauptmann.—II. Lebendige Stunden, v. Arthur Schnitzler.—**З. В.**—III. Positive Ethik, v. G. Ratzenhofer. — **Э. Р.** 846

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Значеніе яслей въ голодные годы.— Поучительный опытъ. — Пироговскій съѣздъ врачей. — Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ.—Юбилей „Гражданина". — Возобновленіе занятій коммиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мушкетовъ, Н. И. Цухановъ и А. В. Плетнева † 864

XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ городской Коммиссіи по народному образованію . . . 881

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Отчужденіе недвижимой собственности для государственной или общественной пользы, В. В. Салова. — Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, П. Новгородцева.—Стихотворенія, кн. Д. Н. Цертелева.—Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, П. Лесгафта. — Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, А. И. Дмитріева-Мамонова. — Учебные годы стараго барчука, Евг. Маркова. — Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки, т. III.

XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII стр.

☞ **Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1902 года.**

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

Digitized by Google

MAY 15 1902

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

БАЙРОНА

1818—1824 гг.

Окончаніе *).

Невозможно было надолго сковать духъ свободы, оживлявшій Байрона—при помощи разсудочно навязанной теоріи, чья строгая правильность такъ мало шла къ взволнованному настроенію поэта; послѣ „Сарданапала“ и „Фоскари“ классическія вериги упали, и снова вырвался на волю титаническій, непокорный, мятежный духъ—въ „Каинѣ“, этомъ полнѣйшемъ выразителѣ Байроновскихъ стремленій и думъ въ равеннскій періодъ. Время и мѣсто дѣйствія, библейская обстановка, архаическая форма мистеріи, персоналъ, составленный изъ людей, демоновъ и ангеловъ, фабула, сосредоточенная вокругъ перваго убійства и первой смерти, казалось, не давали простора для провозглашенія принциповъ и требованій новаго человѣчества, хотя бы въ основѣ ихъ и лежали идеи безсмертныя, переживающія вѣка и тысячелѣтія. Мозаическая работа, которую, въ видѣ фундамента для драмы Байрона, подвели подъ нее пытливые комментаторы [1]), указанія

*) См. выше: янв., 80 стр.

[1]) Въ особенности обстоятельны разысканія Альфреда Шафнера (Lord Byron's und seine Quellen, v. Albr. Schaffner. Strassburg, 1880), который указалъ, прочимъ, на точки соприкосновенія съ Гетевскимъ „Фаустомъ“ и „Освобожденнымъ Прометеемъ“ Шелли.

Digitized by Google

на заимствованія и отголоски изъ „Потеряннаго Рая“ Мильтона, изъ „Смерти Авеля“ Гесснера, даже изъ средневѣковой духовной драмы англійской „Mactacio Abel“ [1]), могли бы навести на мысль о томъ, что „Каинъ“—такая же попытка сценической реставраціи Библіи, какъ „Сарданапалъ“—оріентальной исторіи, какъ венеціанскія трагедіи—лѣтописей старой республики; что дѣломъ поэта было вложить жизнь въ завѣщанныя традиціею тѣни дѣйствующихъ лицъ, раскрыть ихъ психологію, мотивировать ихъ разногласія, борьбу, сомнѣнія, разладъ, объяснить кровавую развязку. Знаніе Библіи и живой интересъ къ ней, какъ къ поэтическому памятнику, сопровождавшіе Байрона съ дѣтства во всю жизнь, могли бы оправдать подобный замыселъ.

Онъ и явился у него, какъ несомнѣнно руководилъ и Мильтономъ при созданіи его поэмы. Но, вполнѣ сходясь въ этомъ съ авторомъ „Потеряннаго Рая“, Байронъ слилъ съ сценической иллюстраціей Библіи идеи и мотивы, указанные не легендой, а духомъ времени и запросами освобождающейся личности. Въ его мистеріи нельзя не отдѣлить красотъ художественныхъ отъ мѣткихъ и сильныхъ философскихъ и соціально-политическихъ заявленій. Гёте [2]) одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ мастерство изображенія душевнаго міра Каина до появленія Люцифера, проблесковъ раздумья, тревоги, переходящей въ мятежное недовольство и страстное желаніе заступиться за весь родъ людской, несправедливо и навѣки осужденный на страданія,—то мастерство, которое преобразило мелодраматическую фигуру мрачнаго и своекорыстнаго братоубійцы въ друга людей, съ задатками и влеченіями Прометея, но съ роковою участью, которая *случайно*, въ минуту запальчивости, дѣлаетъ его преступникомъ и томитъ его ужасомъ и раскаяніемъ. Онъ сталъ олицетвореніемъ пробудившейся человѣческой мысли, обреченной на вѣчное исканіе истины, свѣта, правды, свободы и на мучительное сознаніе безъисходности зла,—мысли, не удрученной горемъ и не смиряющейся, но, вопреки всему, протестующей и непокорной. Далеко позади Каина остаются люди, составляющіе его первобытную среду, родители, жена, братъ, подчинившіеся, послушные, безличные, обрисованные немногими, но типическими чертами; его мысль унеслась въ даль вѣковъ, къ будущимъ поко-

[1]) Сходство любопытное, но трудно объяснимое, такъ какъ въ ту пору собранія англійскихъ мистерій еще не были изданы.

[2]) Въ статьѣ о Байроновскомъ „Каинѣ“ въ „Kunst u. Alterthum“, 1824.

Digitized by Google

лѣніямъ людей; въ своемъ полетѣ среди міровъ и стихій онъ видалъ все, что ждетъ въ будущемъ человѣчество, — и не можетъ покорно принять этой участи. Въ его жилахъ кипитъ кровь титана, но подобный титанъ—уже не горделивый богатырь-великанъ, величающійся надъ толпой, а превышающій всѣхъ силою заступникъ и вождь; его горе—не эгоистическое, и приводитъ оно не къ пессимизму, а къ борьбѣ.

Открыть ему глаза, пробудить къ сознательной жизни призванъ Люциферъ. Не легенда только о первыхъ людяхъ, а древній мифъ о духѣ зла потревожены, чтобы добыть этотъ образъ, одинъ изъ поразительнѣйшихъ въ Байроновской поэзіи. Какъ Каинъ сталъ въ ней символомъ рвущейся изъ оковъ человѣческой мысли и переросъ свой легендарный прототипъ, такъ въ демонѣ не осталось слѣда зловѣщаго искусителя. Это—существо высшее, съ безконечными стремленіями и божественной проницательностью, низвергнутый, но не покорившійся ангелъ, смѣло ставящій передъ лицомъ человѣчества цѣли, которыхъ оно не достигнетъ, если поддастся. Это не духъ отрицанія и сомнѣнія, но виновникъ отважнѣйшихъ подвиговъ разума и воли человѣка, тотъ Сатана, который воспѣтъ былъ впослѣдствіи съ молодою горячностью маститымъ теперь и успокоившимся Кардуччи [1]):

Salute, o Satana,
O ribellione,
O forza vindice
De la ragione!

Такъ нѣкогда Мильтонъ, въ Сатанѣ своего „Потеряннаго Рая“, тоже съ немалымъ трудомъ примѣняясь къ правовѣрной легендѣ [2]), олицетворилъ тотъ духъ независимости и самоопредѣленія, который привелъ англійскую жизнь XVII-го вѣка къ величайшему перевороту. Байронъ пошелъ по слѣдамъ Мильтона, но, раздѣливъ призваніе проповѣдниковъ самоопредѣленія между задумчивымъ Каиномъ и пламенно негодующимъ Люциферомъ, онъ смѣлѣе и полнѣе выразилъ, для своего, казалось, погрязшаго въ безличности и рабствѣ вѣка, основную мысль. И поводъ, и силу для того онъ нашелъ во всемъ недавно имъ пережитомъ, — и безъ живого вліянія современности, быть можетъ, ветхая библейская тема не дала бы такихъ свѣжихъ ростковъ. Ея религіоз-

[1]) Levia—Gravia di Giosue Carducci (1861—1867). Bologna, 1888, 155.

[2]) Относительно художественныхъ ея переработокъ сравн. сводъ у Arturo Graf, „Il Diavolo“. Milano, 1899, 431—453.

Digitized by Google

ный колоритъ, мотивъ ослушанія божественной волѣ, борьбы духа тьмы противъ свѣтлаго божества, получили въ подобной окраскѣ оттѣнокъ еретическаго вольнодумства, и тотъ возмущенный, негодующій пріемъ, который встрѣтилъ „Каина“ въ чопорной Англіи тѣхъ временъ,—пріемъ, мѣтко сравненный Брандесомъ съ тѣмъ, что̀ выпалъ въ Германіи на долю „Das Leben Jesu“ Штрауса [1]),—закрѣпилъ надолго толкованіе Байроновской мистеріи въ анти-клерикальномъ духѣ. Но какъ бы тонко и искусно ни разрисовалъ поэтъ тѣхъ узоровъ, которые были необходимы, какъ бытовая рамка, такъ какъ онъ имѣлъ передъ собой библейскій сюжетъ,—ничто не было такъ далеко отъ его цѣлей, какъ намѣреніе написать что-то въ родѣ богословской трагедіи съ вольнолюбивымъ освѣщеніемъ. Его замыселъ былъ шире и вѣковѣчнѣе,—и, потрясенные этой широтой и смѣлостью, склонали голову въ благоговѣніи люди, искушенные жизнью, сильные талантомъ и мыслью, хотя дотолѣ чуждые подобному радикализму,—такіе вожди современной словесности, какъ Гёте, Вальтеръ Скоттъ и даже тѣ, кто, въ родѣ Джеффри, не могли сладить съ еретической стороной дѣла, и должны были признать, что, по мощи, „Каинъ“ превышаетъ всѣ драматическія произведенія Байрона.

„Было время, когда меня называли Наполеономъ въ царствѣ риѳмъ, — иронически шутилъ впослѣдствіи Байронъ (XI пѣснь „Донъ-Жуана“), коснувшись измѣнчивости людской молвы,— но Жуанъ былъ для меня Москвой, Фальеро былъ Лейпцигомъ, а Каину, кажется, суждено сдѣлаться въ моей судьбѣ вторымъ Mont Saint-Jean“. Но уже сознаніе рѣзкаго диссонанса между его новымъ произведеніемъ и настроеніемъ большинства читателей въ Англіи,—быть можетъ, и во всей Европѣ,—не могло парализовать смѣлости его дальнѣйшихъ заявленій. Да и возможенъ ли былъ бы для него иной выходъ? Запросы, протесты и вызовы „Каина“ были бы тогда ходульной декламаціей, а они написаны были „кровью сердца“; тотъ, кого въ публикѣ уже корили (и продолжаютъ корить) *демонизмомъ*, въ человѣконенавистническомъ смыслѣ этого слова, устами своего Люцифера не даромъ звалъ впередъ, на ту борьбу, въ которой и самъ принималъ такое горячее участіе... Но вотъ весь ядъ вольнопрактикующихъ доносовъ и клеветъ сосредоточился въ открытомъ нападеніи на поэта со стороны его злѣйшаго врага, Соути. Въ задорномъ и гнѣвномъ предисловіи къ хвалебной одѣ въ память короля Георга III,

[1]) Die Hauptströmungen der Literatur des 19 Jahrhunderts. 1876, IV, 478.

Digitized by Google

клеймя тѣхъ, кто лжеученіями и безнравственностью опозорилъ блаженное правленіе великаго короля, Соути прямо назвалъ Байрона главой сатанинской школы, которая „у Веліала научилась сладострастію, у Молоха—отвратительнымъ картинамъ звѣрствъ и ужасовъ", которая потрясаетъ общественные устои, подрываетъ основы вѣры, сознательно губитъ своихъ сторонниковъ, заражая ихъ язвой, разъѣдающей ихъ души"; свой извѣтъ Соути предлагалъ особому вниманію законодательства и побуждалъ къ репрессаліямъ. Байронъ не могъ и не умѣлъ молча сносить подобныя обвиненія. Мысль о разладѣ, вызванномъ уже „Каиномъ", не остановила его, и онъ отвѣчалъ однимъ изъ украшеній своей полемической литературы, „Видѣніемъ Суда".

Соути самъ подсказалъ ему заглавіе,—потому что такъ именно назвалъ свою полную лести, раболѣпныхъ преувеличеній и преклоненій, и злобной хулы—оду, воспѣвавшую вступленіе умершаго короля въ царство тѣней. Соути казалось, что положеніе его, какъ поэта-лауреата, совсѣмъ забывшаго свои юношескія революціонныя и коммунистическія бредни, прямо обязываетъ его къ такому поступку; но онъ не сдержалъ своего усердія, и непомѣрно переложилъ краски; не побоялся онъ и угрозы, высказанной Байрономъ, едва появилась ода, въ послѣсловіи къ трагедіи о „Фоскари", и въ газетной замѣткѣ вызвалъ его на объясненіе, почему-то требуя, чтобъ оно было въ стихахъ. Онъ и дождался его, и рядомъ съ Соутіевскимъ „Vision of judgment" явилось безпощадное, въ конецъ уничтожившее и Соути, и напыщенно раздутую имъ репутацію короля, и заклеймившее прославленный лауреатомъ, прогнившій оффиціальный строй—Байроновское „Видѣніе Суда". Поэтъ заимствуетъ у своего соперника мысль и форму, но придаетъ имъ такой своеобразный оборотъ, что онѣ служатъ цѣлямъ обличенія и насмѣшки. Ему припомнились переведенныя еще въ серединѣ XVII-го вѣка по-англійски шесть „Видѣній" или „Сновъ" испанскаго сатирика Франсиска Кеведо [1]), причудливая смѣсь возвышенныхъ и комическихъ, желчныхъ и забавныхъ, реальныхъ и фантастическихъ картинъ и сценъ,—гдѣ мѣсто дѣйствія то въ аду, то на землѣ, напоминающей собою адъ, то въ обстановкѣ Страшнаго Суда, среди поднимающихся отовсюду мертвецовъ, — гдѣ привычными дѣйствующими лицами являлись клеветникъ, доносчикъ, наглый взя-

[1]) „Видѣнія" (Sueños) Кеведо изданы были въ 1635 г. Черезъ нѣсколько лѣтъ они уже были переведены по-французски (1642) и по-англійски (Роджер. Лестрэнджемъ); Байронъ, кажется, прочелъ ихъ въ перепечаткѣ англійск. перевода 1745 г.

Digitized by Google

точникъ,—и захотѣлось ему принять псевдонимъ „воскресшаго Кеведо“ (какъ будто изъ числа современныхъ писателей можно было заподозрить въ остроумнѣйшемъ „Quevedo redivivus“ кого-либо, кромѣ Байрона!). Обстановка первыхъ куплетовъ могла бы стать рядомъ съ бойкой картиной, набросанной въ старой русской (вѣроятно, пересаженной съ Запада) повѣсти, переносящей читателя въ сѣни рая, гдѣ привратникъ, Петръ, зорко наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы черезъ священный порогъ не переступала ни одна недостойная тѣнь. Но съ какимъ юморомъ набросано здѣсь настроеніе блаженства, скуки и бездѣятельности! Самъ ключарь задремалъ, склонившись надъ связкой райскихъ ключей. Но вотъ къ его уху прикоснулось чье-то крыло, и херувимъ вызываетъ его очнуться и приготовиться къ пріему новаго гостя, только-что умершаго. „Это—Георгъ Третій“,—говоритъ онъ.—„Какой Георгъ, почему третій?“—спрашиваетъ Петръ, которому припомнился почему-то послѣдній его постоялецъ изъ королей, Людовикъ XVI, и узнаетъ, что это весьма обыкновенный англійскій король, никогда не сознававшій, что и почему онъ дѣлалъ, какъ кукла послушный проволокѣ, которая приводила его въ движеніе, и теперь подлежащій суду на общемъ основаніи. Едва произнесена эта бѣглая аттестація, какъ уже къ вратамъ приблизился караванъ тѣней, и среди нихъ—„старый человѣкъ съ старою душой, оба удрученные полнѣйшей слѣпотой“ (Георгъ умеръ слѣпымъ и впалъ въ идіотство). Но вмѣстѣ съ жалкими тѣнями примчался и страшный, гордый, полный ненависти, ихъ проводникъ, сатана, и все вокругъ оцѣпенѣло отъ ужаса; онъ не изъ тѣхъ, что безъ бою уступаютъ свою добычу. На встрѣчу ему изъ горнихъ селеній выступаетъ лучезарный архангелъ Михаилъ, и на „нейтральной почвѣ“, передъ вратами рая, нѣкогда близкіе другъ другу духи вступаютъ въ споръ изъ-за души несчастнаго смертнаго. Сатана говоритъ первый и требуетъ ее себѣ, раскрывая длинный списокъ дѣяній во вредъ, на зло людямъ. „Онъ вѣчно воевалъ съ свободой и вольнодумцами; народы ли, или отдѣльныя лица, свои подданные или чужеземные враги, едва только возглашали: свобода!—какъ видѣли въ Георгѣ Третьемъ перваго своего противника. Онъ лишилъ пять милліоновъ коренныхъ жителей страны права пользоваться вѣротерпимостью“... Петръ, перебивая, клянется—ни за что не пропуститъ такого человѣка,—впрочемъ, лучше будетъ, если допросить сначала свидѣтелей.

Цѣлыя толпы призраковъ явились на призывъ, наполнивъ гуломъ своихъ разнохарактерныхъ, англійскихъ, ирландскихъ,

Digitized by Google

французскихъ, голландскихъ рѣчей всю атмосферу. Изъ нихъ выдвигаются впередъ одинъ за другимъ обвинители,—главнѣйшія лица минувшаго царствованія; это—вождь радикаловъ Джонъ Уильксъ; это—Фрэнсисъ, авторъ таинственныхъ „Юніевыхъ Писемъ"; за ними должны показаться: Вашингтонъ, Франклинъ, Горнъ Тукъ,—но, расталкивая всѣхъ и не давая никому говорить, выдвигается впередъ какая-то назойливая фигурка,—пока еще не тѣнь, не призракъ, хотя Люциферъ и вызывается ускорить ея конецъ; это—Соути. Обрадовавшись тому, что у него есть аудиторія, онъ начинаетъ ораторствовать, почти все стихами, и черезъ нѣсколько мгновеній уже приводитъ въ содроганіе слушателей, но его остановить нельзя; вмѣсто защиты короля, онъ все разскажетъ про себя; какъ смолоду былъ вольнодумцемъ и республиканцемъ, какъ сдѣлался потомъ анти-якобинцемъ, выворачивалъ наизнанку свою одежду и готовъ былъ бы вывернуть и свою кожу,—громилъ войны и прославлялъ побѣды,—написалъ „Жизнь" методиста Уэслея, но готовъ написать біографію самого сатаны въ двухъ томахъ in 8^0, съ примѣчаніями и предисловіемъ. Но чего же лучше: онъ всему сонму прочтетъ сейчасъ свое „Видѣніе",—уже развернута рукопись, послышалась декламація, но полная лжи, лести и подлости ода возмущаетъ и ангеловъ, и ихъ противниковъ. Духи свѣта затыкаютъ уши, складываютъ крылья; бѣсы, оглушенные, проваливаются въ адъ; призраки разлетаются во всѣ стороны, привратникъ связкою ключей сшибаетъ стихотворца съ ногъ; „онъ падаетъ,—какъ его произведенія,—но снова всплываетъ на поверхность, какъ самъ это много разъ дѣлалъ. А что-жъ король? Среди всеобщей суматохи онъ проскользнулъ на небо, и когда тревога, наконецъ, улеглась, онъ уже произносилъ сотый псаломъ Давида...

„Toll! Ganz grob! Himmlisch! Unübertrefflich!"—восклицалъ старикъ Гёте въ восхищеніи, когда ему читали „Видѣніе Суда" [1]),—и врядъ ли найдется изъ поздняго потомства кто-либо способный остаться безучастнымъ къ этой смѣлой, злой, безгранично безцеремонной [2]) и въ то же время неподражаемо забавной сатирѣ, и не повторить восклицаній, вырвавшихся невольно у того, кого обыкновенно считаютъ безстрастнымъ и величавымъ

[1]) Показаніе посѣтившаго его въ 1829 г. Генри Крабба Робинзона, автора любопытнаго *дневника* (Diary, reminiscences, etc. 1872), но изъ ненапечатанной еще его части.

[2]) Издатель Байроновскаго „Видѣнія", Дж. Гэнтъ, подвергся судебному преслѣдованію. Такъ какъ печатаніе очень замедлилось, то приговоръ суда состоялся послѣ смерти Байрона.

Digitized by Google

олимпійцемъ. Возможность появленія такой сатиры подъ перомъ Байрона среди данныхъ условій времени и среды не менѣе поразительна. Карбонаръ и итальянскій агитаторъ не могъ забыть среди космополитической дѣятельности свою страну; достаточно было одной искры, перваго вѣскаго повода, и въ немъ снова сказался дѣятель національный, писатель политическій, хранитель лучшихъ преданій гражданственности. Такъ сильно было охватившее его вовбужденіе, что черезъ нѣсколько дней послѣ отсылки „Видѣнія“ въ Англію уже готова была новая сатирическая импровизація, не смягченная ни малѣйшею долею комизма, полная „горечи и злости“. Могъ ли Байронъ остаться безучастнымъ свидѣтелемъ только-что разыгравшихся въ Ирландіи сценъ раболѣпія и униженія, вызванныхъ пріѣздомъ въ Дублинъ новаго короля, ненавистнаго еще со времени его регентства, и на памяти у всѣхъ опозорившаго жену свою, скончавшуюся всего за десять дней до дублинскихъ торжествъ? Забывъ обо всѣхъ его личныхъ дѣяніяхъ, объ усердно хранимыхъ имъ традиціяхъ англійской нивеллирующей политики относительно ирландцевъ, нарушая завѣты прежнихъ своихъ вождей въ борьбѣ за свободу, и знать, и толпа, и ихъ спутница—печать—предавались ликованіямъ, чествуя въ Георгѣ IV, какъ это говорилось публично, нисшедшее къ людямъ воплощеніе принципа. Сравнивъ эту своеобразную мистику съ древне-индійскими представленіями о сходящихъ къ людямъ и воплощающихся богахъ, Байронъ надписываетъ надъ своимъ стихотвореніемъ: „The irish Avatar“, изображаетъ торжественное появленіе въ порабощенной странѣ „мессіи роялизма“, переплывшаго, подобно Левіаѳану, морской проливъ и встрѣченнаго „легіономъ поваровъ и арміею рабовъ“, и начавшуюся вслѣдъ затѣмъ „пляску въ цѣпяхъ“. Народъ, способный такъ унижаться, не родной поэту, но онъ привыкъ цѣнить его вѣковую любовь къ независимости, выставившую столько благороднѣйшихъ ея подвижниковъ, Граттана, Кэррана, Шеридана; блестящая характеристика этихъ народныхъ вождей стоитъ рядомъ съ плачевными сценами изъ жизни обезличеннаго ихъ потомства,—и, какъ въ Италіи онъ ратовалъ за благо чужого ему народа, такъ съ еще большею силой, чѣмъ политическіе поэты самой Ирландіи (напр., его другъ Томасъ Муръ), онъ устремляется въ борьбу, чтобы спасти лучшее достояніе народа ирландскаго [1]). И въ горячности своей онъ ни

[1]) Шелли съ своимъ юношескимъ заступничествомъ за постороннее для него ирландское національное дѣло былъ прямымъ предшественникомъ Байрона.

Digitized by Google

передъ чѣмъ не останавливается; „Avatar“ могъ появиться въ печати лишь послѣ его смерти, сначала съ большими смягченіями, и лишь въ тридцатыхъ годахъ—въ подлинной редакціи, съ такими неслыханными въ тогдашней Англіи выраженіями, какъ эпитеты короля—„Георгъ презираемый“ (George the despised), или: „Четвертый изъ числа глупцовъ и притѣснителей, носившихъ имя Георга (the Fourth of the fools and oppressors called George)“.

Такъ итальянское національное дѣло встрѣчалось у Байрона съ „злобой дня“ его отечества, растравлявшей старыя раны; такъ отъ мрачныхъ сюжетовъ своихъ историческихъ трагедій переходилъ онъ къ не менѣе тяжелымъ, по своей сущности, сюжетамъ своихъ сатиръ. Равеннское одиночество, вызвавшее давно небывалый приливъ творчества, направляло мысль и фантазію къ печальному, гнѣвному, обличительному. Единственный просвѣтъ—попытка уйти въ совсѣмъ иную область, призвать на помощь лиризмъ, заговорить снова о любви и страсти, окружить вымыселъ картинной обстановкой древнѣйшей легенды, сблизить во имя любви безплотныхъ духовъ и земныхъ женщинъ, —мистерія „Небо и Земля“. Съ виду это такое же вторженіе въ библейскую старину, какъ „Каинъ“; повторенный терминъ—„мистерія“—какъ будто указываетъ на намѣреніе разработывать отнынѣ эту приглянувшуюся форму. Но за библейскими покровами „Каина“ скрыта глубокая, искони волнующая человѣчество идея;—„Небо и Земля“ не знаетъ ея и вмѣсто того изображаетъ первый трепетъ земной любви, первыя грезы о ея безграничной свободѣ, первый мятежъ и отпаденіе свѣтлыхъ духовъ отъ божества ради личнаго счастья. У поэта уже обрисовались два страстно увлеченныхъ женскихъ характера,—дочери Каина,—рядомъ съ ними (какъ наглядное переложеніе текста изъ VI главы „Книги Бытія“) избравшіе ихъ себѣ подругами ангелы,—измученный ревностью, тоской и неудовлетворенностью Іафетъ. Фономъ картины избраны грозныя предвѣстія всемірнаго потопа; слышатся ликующіе хоры „духовъ земли“, съ злорадствомъ ожидающихъ того дня, когда она избавится отъ людей и станетъ снова пустынна и свободна,—вопли первыхъ жертвъ потопа,—и дерзкія рѣчи мятежныхъ небожителей, скрывающихся въ безконечномъ пространствѣ вмѣстѣ съ своими возлюбленными,—но на этомъ обрывается мистерія или, точнѣе, первая ея часть, за которой никогда не послѣдовало продолженія [1]). Попытка найти успокоеніе въ обработкѣ такого нейтраль-

[1]) О частныхъ вопросахъ, связанныхъ съ этой пьесой, сравн. диссертацію Майна, „Byron's *Heaven and Earth*“. Breslau, 1887.

Digitized by Google

наго сюжета была несвоевременна и потому не развилась, но общей постановкой его и проблесками большихъ красотъ (сколько глубины, напр., въ обрисовкѣ чувства Аны къ Азазіэлю: она не можетъ его пережить, но при мысли, что онъ, безсмертный, будетъ крылами своими осѣнять могилу, гдѣ скрыто бѣдное земное существо, такъ горячо любившее его, какъ самъ онъ обожаетъ Верховнаго Бога,—при этой мысли сама смерть уже не такъ ужасна...) мистерія вызывала не разъ поэтовъ на подражаніе и послужила однимъ изъ источниковъ Лермонтовскаго „Демона“ [1]).

Затрачивать такъ много энергіи на поэтическую и общественную дѣятельность, какъ это дѣлалъ Байронъ въ Равеннѣ, въ особенности къ концу своего пребыванія въ ней, значило жить полной жизнью. Шелли, посѣтившій въ сентябрѣ 1821 г., послѣ долгаго промежутка, своего друга, изумленъ былъ новою перемѣной въ немъ, еще болѣе значительной, чѣмъ тотъ поворотъ отъ грусти и упадка душевныхъ силъ, который такъ порадовалъ его въ послѣдній пріѣздъ его въ Венецію. Всю первую ночь напролетъ проговорили они обо всемъ, что̀ ихъ волновало, влекло или возмущало, что̀ было надумано или только-что окончено. Шелли пораженъ былъ смѣлымъ замысломъ „Каина“, который сильнѣе, чѣмъ когда-либо, сблизилъ Байроновскую поэзію съ тѣми идеалами, которые выше всего чтилъ Шелли. Онъ не приписывалъ своему вліянію этого новаго направленія у Байрона и привѣтствовалъ самостоятельное добываніе имъ истины. Когда до него дошелъ слухъ о томъ, что Т. Муръ, порицавшій „кощунство“ и религіозное свободомысліе „Каина“, не переставая удивляться его художественной силѣ, винитъ Шелли,—онъ просилъ общаго знакомаго, Гор. Смита, увѣрить Мура, что „еслибъ онъ дѣйствительно имѣлъ возможность вліять, онъ, конечно, воспользовался бы этимъ, чтобъ искоренить въ великомъ умѣ Байрона тѣ заблужденія, которыя, несмотря на его проницательность, постоянно даютъ о себѣ знать, словно скрываясь въ засадѣ до дней его болѣзни и отчаянія“. Услышавъ въ чтеніи новыя, ненапечатанныя строфы „Донъ-Жуана“, онъ сказалъ себѣ, что „не можетъ болѣе соперничать съ Байрономъ“; привыкнувъ „съ точностью анатома“ наблюдать за малѣйшими движеніями своей души, онъ въ письмѣ къ женѣ сѣтовалъ на то, что порою „демонъ недовѣрія и самомнѣнія вкрадывается въ его отношенія

---

[1]) Вмѣстѣ съ юношеской поэмой Альфреда де-Виньи „Eloa“.

Digitized by Google

въ поэту и отравляетъ ихъ свободу“ [1]). Но, несмотря ни на какія мимолетныя ощущенія, свиданіе двухъ друзей было въ высшей степени знаменательно и полезно; обаяніе идеалиста снова дѣйствовало, смягчая и облагораживая; невоздержныя, даже прямо пристрастныя и предубѣжденныя сужденія, вырывавшіяся иногда у Байрона въ перепискѣ и, конечно, въ разговорѣ съ близкими, смолкали и уничтожались передъ гуманной терпимостью Шелли, передъ его удивительной способностью отгадывать, уважать и щадить чужой душевный складъ. Такъ, несомнѣнно, Шелли удалось отучить Байрона отъ непонятно высокомѣрнаго отношенія къ даровитѣйшему, преслѣдуемому критикой, смертельно больному Китсу,—которое, какъ своенравный капризъ, непріятно поражаетъ читателя [2]),—и довести его до состраданія, съ которымъ онъ потомъ встрѣтилъ вѣсть о безвременной кончинѣ Китса.

Начались постоянныя прогулки и поѣздки обоихъ друзей. Какъ прежде на Лидо, они каждый день уѣзжали верхомъ въ Пинету, и много хорошихъ часовъ было проведено вмѣстѣ. Шелли съѣздилъ въ Bagnacavallo, свидѣлся съ Аллегрой, приласкалъ ее. Когда онъ долженъ былъ наконецъ покинуть Равенну, онъ оставилъ послѣ себя впечатлѣніе яркаго солнечнаго луча, необыкновенно живительно блеснувшаго.

Онъ звалъ Байрона за собой въ Пизу. Стараніями его съ женой, говорилъ онъ, уже найденъ тамъ для поэта прекрасный домъ. Этотъ совѣтъ поддержалъ постоянныя настоянія Терезы, не переставшей звать его въ Пизу и затруднявшейся объяснить себѣ его медлительность,—и съ Равенною пришлось проститься. Крѣпко сжился онъ съ древнимъ, заснувшимъ городомъ, гдѣ такъ много было пережито, передумано и создано. Сжилась и съ нимъ Равенна, не оффиціальная или клерикальная, а демократическая, бѣдная, привыкшая видѣть въ немъ своего друга, благодѣтеля. Разсказы старожиловъ и тайно-полицейскіе рапорты сходятся въ томъ, что въ народной массѣ, среди которой многимъ бѣднякамъ Байронъ постоянно помогалъ, вѣсть о предстоящемъ его отъѣздѣ вызвала такое движеніе, что даже власти были озабочены... Наконецъ отъѣздъ насталъ, и къ ближайшему перевалу черезъ Апеннины направился фантастическій караванъ,—онъ описанъ очевидцемъ и участникомъ, ста-

[1]) Shelley's Letters ed. by R. Garnett, 165.

[2]) Также какъ и возможность, хоть ненадолго, повѣрить сплетнѣ о Шелли, такъ высоко имъ цѣнимомъ, — отъ чего остались печальные слѣды въ перепискѣ (V, 86).

Digitized by Google

рымъ лондонскимъ знакомцемъ Байрона, поэтомъ Роджерсомъ [1]), встрѣтившимъ его въ Болоньѣ. Во главѣ ѣхалъ Байронъ; „кудри его посѣдѣли, и онъ не напоминалъ болѣе отважнаго юношу, когда-то переплывшаго изъ Сестоса въ Абидосъ [2]), но голосъ былъ сладостенъ, рѣчь лилась потокомъ, и изъ очей сверкала мысль“... А позади виднѣлся цѣлый звѣринецъ—вѣрный другъ Байрона, догъ Моретто, сопровождавшій его впослѣдствіи въ Грецію, другія собаки, кошки, соколъ, подъ охраной стараго венеціанскаго гондольера [3]),—живучій, съ годами все усиливавшійся обычай юности Байрона, искавшаго въ дружбѣ животныхъ возмездія за людскую вражду и фальшивость. Выступили въ походъ передъ восходомъ солнца, и едва взошло оно, „уже поднимались по суровымъ склонамъ Апеннинъ, среди лѣсной чащи, озаренной золотыми лучами“.

Наконецъ вдали показалась Пиза, мимо нея протянулась къ морю лента Арно, въ сторонѣ залегли грудами нѣжные контуры Monti Pisani; миновавъ городскую заставу Porta alle Piagge, всего въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ нея, караванъ достигъ цѣли, — стараго палаццо Ланфранки, на набережной (теперь—Lung'Arno Mediceo). Строго простой и стройно красивый, воздвигнутый по чертежамъ Микельанджело, онъ свободно пріютилъ у себя всю странствующую свиту Байрона; широкими сѣнями, крестъ-на-крестъ, онъ вводилъ по лѣстницѣ, видавшей нѣкогда блестящіе пріемы, въ анфиладу обширныхъ палатъ, встрѣчая входившаго прежде всего колонной залой съ лѣпнымъ плафономъ, и манилъ потомъ въ цѣлый лабиринтъ всевозможныхъ помѣщеній. Внизу было словно отдѣльное царство—обособленные уголки, какъ будто предназначенные для изолированія, для работы въ сторонѣ отъ всего. Но шума не откуда было ждать. Подъ окнами катились желтоватыя волны Арно, и плескалась, точно въ Венеціи, домовая гондола; по набережной и теперь лишь изрѣдка раздаются днемъ шаги прохожаго,—а по другую сторону дома былъ садъ, да стѣны такихъ же забытыхъ остатковъ прежняго пизанскаго величія... Возбужденная обстановкой

---

[1]) Clayden, „Rogers and his contemporaries“, 1889, I, 320; также „Italy“, Роджерса, строфа: „Болонья“.

[2]) Ли Гонтъ (Recollections, 1828), вскорѣ послѣ того встрѣтившійся съ Байрономъ, нѣсколько дополняетъ это описаніе: онъ очень пополнѣлъ въ Италіи; шея, какъ прежде, была открыта, надъ кудрями красовалась бархатная шляпа, во время поѣздки онъ носилъ синій верховой костюмъ.

[3]) Шелли засталъ въ Равеннѣ этотъ звѣринецъ состоявшимъ изъ „восьми огромныхъ собакъ, пяти кошекъ“ и т. д. Shelley, Letters, 166.

Digitized by Google

горячей личной жизни и творчества, свободно носившагося надъ земною мелкотой, снова являлась жизнь небольшого, захудалаго, дремлющаго города. Берегъ рѣки съ ея барками и плотами, по вечерамъ оживлявшійся гуляющими кучками, былъ самой шумной частью города; стоило углубиться въ его центръ,—и далекая старина, и безмолвіе надвигались на человѣка. Вотъ Башня Голода, гдѣ изнывалъ Уголино (которому, по преданію, принадлежалъ старый дворецъ, впослѣдствіи перестроенный Ланфранки,—жилище Байрона); вотъ Площадь Рыцарей (Piazza dei Cavalieri) и церковь ихъ капитула; вотъ наконецъ несравненный палладіумъ Пизы—заросшая травой, беззвучная, странная среди новой жизни, площадь, гдѣ высится въ своемъ мраморномъ убранствѣ величавый соборъ, несется къ небу куполъ баптистерія, и навѣки склонилась въ своемъ ожерельѣ изъ безчисленныхъ точеныхъ колонокъ Падающая Башня Campanile. Дальше некуда идти,—путь преграждаетъ старое Campo Santo, городъ мертвыхъ, полный статуй и могильныхъ плитъ, даже со стѣнъ своихъ, нѣмою, но краснорѣчивою живописью стародавнихъ фресокъ говорящій о страшномъ судѣ, о торжествѣ смерти.

Но развѣ вокругъ не раскинулась благословенная природа Тосканы, развѣ Средиземное море, съ ранней молодости Байрона сохранившее для него необыкновенную прелесть, не манило къ себѣ своею близостью, развѣ не сошлись снова вмѣстѣ всѣ близкіе поэту люди, и гоненія и невзгоды не замѣнились терпимыми и приличными житейскими условіями, въ странѣ, наиболѣе выдѣлявшейся изо всей Италіи своей культурностью, чуть не либерализмомъ?

Первые же шаги Байрона въ Пизѣ показали, въ какой степени онъ захотѣлъ воспользоваться преимуществами своей новой обстановки, съ тѣмъ, чтобы не ослабить среди надвигавшейся отовсюду на него археологіи, но усилить свою дѣятельность. Быть можетъ, смягченная свиданіемъ съ своимъ другомъ, Тереза взяла назадъ свой запретъ продолжать „Донъ-Жуана“,—только подъ условіемъ не оскорблять цѣломудрія,—и полились снова блестящія импровизаціи. Проектъ основанія журнала, который служилъ бы пропагандѣ карбонарства, также приблизился къ осуществленію, завязаны литературныя сношенія въ Англіи, найденъ второй редакторъ, и вскорѣ собирается уже матеріалъ для перваго выпуска. Въ то же время, несомнѣнно, продолжалось общеніе Байрона съ партіею дѣйствія, болѣе осторожное и скрытое, чѣмъ прежде, не тѣшащее надеждами на скорую побѣду, но разсчитанное на продолжительную, настойчивую и сначала

Digitized by Google

подземную войну. За пріѣзжимъ зорко слѣдили съ перваго же дня его появленія въ Пизѣ. Несмотря на репутацію бо́льшей культурности, тосканское правительство не отставало отъ своихъ коллегъ въ тайномъ наблюденіи и допускало у себя, кромѣ того, самостоятельную полицейскую работу австрійскихъ агентовъ. Рукописный дневникъ одного изъ нихъ,—изъ котораго выше были уже сдѣланы выдержки, — наглядно изображаетъ безпокойство, причиненное пріѣздомъ Байрона и возросшее, когда затребованныя изъ Равенны свѣдѣнія о немъ раскрыли ужасающія вещи: еще бы! не позволилъ ли онъ себѣ тамъ однажды (подробность, только этимъ источникомъ указанная) вывѣсить съ балкона своего палаццо революціонное трехцвѣтное знамя!

Мраморная доска, украшающая теперь прежнее Байроновское жилище (теперь—palazzo Toscanelli), упоминая о томъ, что поэтъ провелъ въ немъ время отъ осени 1821 года до лѣта 1822-го, съ особеннымъ почетомъ указываетъ, что „здѣсь онъ написалъ шесть пѣсенъ своего *Донъ-Жуана*". И было чѣмъ гордиться: эти пѣсни (VI—XI)—одно изъ главныхъ украшеній поэмы, и вмѣстѣ съ тѣмъ—великая заслуга Байрона передъ культурой и гуманностью. Покинувъ (хоть и не сразу) на время поставленную ему даже ласковымъ судьею въ вину фривольность, онъ перешелъ въ другой, прямо противоположной темѣ, съ такимъ же правомъ входившей въ планъ его произведенія. Въ пересмотрѣ застарѣлыхъ воззрѣній на то, что вполнѣ нравственно, послѣ картинъ узаконеннаго разврата настала очередь для сценъ воинственныхъ, кровопролитныхъ, для грандіозной бойни, массоваго истребленія людей, почитаемаго, покрываемаго славой,—приводящихъ къ протесту противъ войнъ, освященныхъ всеобщимъ сочувствіемъ и, стало быть, по сущности своей вполнѣ *нравственныхъ*. При помощи двухъ, трехъ книжныхъ источниковъ,—„Исторіи Новороссіи" маркиза Кастельно [1]), воспоминаній одесскаго губернатора герцога Ришельё,—справокъ въ старыхъ историческихъ сочиненіяхъ Дмитрія Кантемира и Де-Тота,—и свѣжихъ еще въ памяти самого поэта воспоминаній и впечатлѣній изъ современной Турціи сложилось художественно цѣльное и трагически сильное повѣствованіе, искусно обставленное въ началѣ и въ концѣ легкими, непринужденными, въ Боккаччіевскомъ вкусѣ прежнихъ пѣсенъ, картинками. Засыпающій гаремъ, изумленное пробужденіе Дуду въ объятіяхъ мнимой

[1]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, par le marquis Gabriel de Castelnau. Paris, 1820.

Digitized by Google

Жуанны, мщеніе ревнивой султанши, бѣгство несчастныхъ—смѣняются надолго лагерными сценами, боями, ужасами осады Измаила, яростью штурма, жестокостей и грабежа,—а миновали они—читатель переносится, словно въ волшебной сказкѣ, въ Петербургъ, ко двору, и остроуміе, соль, игривость разсказа вступаютъ опять въ свои права.

Звено, соединяющее всѣ эти разнородныя части, легко нашлось. Спасшійся чудомъ въ челнокѣ по Черному морю Донъ-Жуанъ вполнѣ послѣдовательно, какъ вѣчный искатель приключеній, пристаетъ къ русской дѣйствующей арміи; совсѣмъ въ духѣ вѣка, его принимаютъ на службу, какъ принимали всевозможный разноплеменный сбродъ. Въ его способной, на всѣ руки, натурѣ нашлась и храбрость. Онъ дерется какъ левъ, на хорошемъ счету, вездѣ замѣшанъ, все видитъ. Онъ—тотъ мелкій очевидецъ и участникъ событій, который такъ необходимъ бываетъ иногда для историка-романиста (особенно когда ему приходится превращаться въ батальнаго живописца). Незамѣтно, безсознательно разгораются въ немъ боевые инстинкты, и волна опустошенія увлекаетъ его,—но поэтъ отрекся бы отъ героя, такъ легко примирившагося съ жестокимъ своимъ ремесломъ; Жуанъ „въ пылу сраженія, какъ въ пылу любви", увлекается, но кровь, стоны, насиліе поднимаютъ все честное со дна его души; онъ сжалился надъ осиротѣвшей турецкой дѣвочкой, вывелъ ее изъ огня, увезъ потомъ съ собою на сѣверъ [1]); если не его устами, то не въ разрѣзъ съ мыслями, которыя зароились въ его головѣ, Байронъ могъ выступить грознымъ судьею всеобщаго культа войны:

„Let there be light!" said God, and there was light!
„Let there be blood!" says man, and there's a sea!

„Да будетъ *свѣтъ*!"—раздался голосъ Бога,—и былъ свѣтъ. „Пусть прольется *кровь*!"—возглашаетъ человѣкъ,—и она разливается цѣлыми морями". Передъ читателемъ проходитъ галерея главнѣйшихъ, прославленныхъ жрецовъ войны въ XVIII вѣкѣ, и во главѣ ея—живой, сходный съ оригиналомъ, эпическій, гро-

[1]) Судьба послала впослѣдствіи Байрону лично повторить почти весь этотъ Донъ-Жуановскій эпизодъ. Одну изъ жертвъ греко-турецкой войны, девятилѣтнюю турчанку Гато, онъ пріютилъ у себя и хотѣлъ отправить ее въ Англію, гдѣ бы она воспитывалась вмѣстѣ съ его дочерью, или же въ Италію. Смерть его помѣшала исполненію этого плана.

Digitized by Google

тескный, суровый Суворовъ, съ его стихотворными реляціями о побѣдахъ, съ его желѣзной волей и безтрепетностью,—и, въ видѣ контраста, тяжелыя картины разореннаго, измученнаго долгимъ голодомъ города, усѣяннаго трупами, среди которыхъ рыщутъ стаи одичавшихъ и алчныхъ псовъ. Нельзя противостоять ни трагизму разсказа, ни тяжкой правдѣ безжалостно нагроможденныхъ сценъ ужаса, ни силѣ и убѣдительности протеста, который для автора былъ выраженіемъ давно накипѣвшаго гнѣва. „Я знаю, что иду на встрѣчу грознымъ препятствіямъ,—говорилъ Байронъ Муру въ примѣчательномъ письмѣ изъ Пизы (8 авг. 1822) [1]), но борьба неизбѣжна; она должна послужить на пользу человѣчеству, какъ бы тяжелъ ни былъ ея исходъ для отдѣльной личности, которая отважилась бы взять ее на себя".

И вслѣдъ за такимъ энергическимъ призывомъ къ человѣчности, тотчасъ послѣ печали и мрака, идетъ полная юмора картина Екатерининскаго Петербурга,—новая страница изъ поучительной исторіи нравственности. „Вольность" разсказчика легко связала осаду Измаила и батальную живопись съ придворнымъ міркомъ на берегахъ Невы. Жуана отправили вѣстникомъ побѣды въ столицу,—этого достаточно, чтобы на сцену хлынула толпа царедворцевъ, фаворитовъ, чтобы всѣ помыслы направились къ состязанію и соперничеству изъ-за милостей и ласки, почитаемому чѣмъ-то вполнѣ нормальнымъ—и, стало быть, нравственнымъ. Свѣжая, юная и экзотическая красота Жуана производитъ эффектъ, и для него настаетъ пора необычайной удачи; она подъ конецъ пресыщаетъ, изнуряетъ его; авторъ не постѣснится сообщить рецептъ лекарства, которое должно вернуть ему силы,—какъ не пожалѣетъ онъ красокъ для анекдотически пряная усиленія разсказа (напр. выводя какую-то фрейлину, прозванную по ея профессіи „l'Eprouveuse"),—но долго настаивать на этой темѣ не будетъ,—вѣдь она имѣетъ для него лишь частное значеніе. „Впередъ, впередъ его исторья!"—и въ XII пѣснѣ герой уже въ Англіи, куда его любезно удалили по минованіи его *случая*, такъ какъ оказалась необходимость обмѣна мыслей съ британскимъ правительствомъ по торговлѣ въ Балтійскомъ морѣ, по вывозу сала, лѣса...

Съ небывалой широтой раскидывался сатирическій міровой обзоръ, и Байронъ видѣлъ теперь, съ какою робостью, нерѣшительностью, чуть не враждебностью встрѣчали его близкіе ему прежде люди. Онъ не находилъ теперь издателя. Мэррей, давно

[1]) См. послѣдній, VI томъ переписки (Letters, VI, 1091, 101).

Digitized by Google

уже колебавшійся и шедшій на анонимныя изданія, совсѣмъ отстранился; нападки на „Каина“ снова наложили на поэта ту репутацію отверженнаго, развращеннаго искусителя, которая тяготѣла надъ нимъ въ первое время послѣ изгнанія. Снова отъ него сторонились, какъ отъ прокаженнаго и опаснаго человѣка. Когда въ пересмотрѣ народныхъ кодексовъ морали очередь дошла до Англіи, авторъ очутился наконецъ на близко знакомой ему, родной бытовой почвѣ, и во всю ширь воспользовался своимъ правомъ обличителя!.. Онъ могъ считать себя счастливымъ, что нашелся въ лицѣ брата его лондонскаго радикальнаго знакомца, публициста Ли Гонта, Джона Гонта, предпріимчивый человѣкъ, который не побоялся ожидавшихъ его штрафовъ и судебныхъ приговоровъ, издавая все, что ни присылалъ Байронъ, и взявъ на себя даже печатаніе его журнала.

Необходимость подобнаго органа для пропаганды карбонаризма, правда, тѣмъ временемъ представлялась Байрону не такою настоятельною, какъ въ Равеннѣ, гдѣ его мысль не поддержали. Чѣмъ больше накоплялось разочарованій, тѣмъ непригляднѣе становилось будущее итальянской революціи. Но Байронъ не отступалъ отъ своего плана, сильно разсчитывалъ на сотрудничество Шелли, и когда тотъ указалъ ему, какъ на необыкновенно пригоднаго соредактора, на Ли Гонта, онъ выписалъ его изъ Англіи, отвелъ ему низъ своего дома въ Пизѣ —и подавилъ въ себѣ неблагопріятное впечатлѣніе встрѣчи съ прежнимъ политическимъ мученикомъ, котораго онъ когда-то демонстративно навѣщалъ въ тюрьмѣ и который обрушился теперь на него съ большимъ семействомъ, массою буйныхъ дѣтей, малъ-мала меньше, умирающею женою, съ уязвленнымъ самолюбіемъ, невѣроятными притязаніями, болѣзненной мнительностью и упадкомъ таланта. Байрону пришлось вскорѣ содержать всю эту орду, но ради дѣла онъ и это выносилъ. Будущему журналу онъ принесъ въ даръ свое „Видѣніе суда“, все еще не напечатанное. Прежній титулъ „Карбонара“ или „Карбонаровъ“ былъ измѣненъ на „Либерала“ (The Liberal), и между Пизой и Лондономъ засновали рукописи и корректуры.

Но недолго пришлось пользоваться удобствами пизанскаго затишья для нормальной, настойчивой работы. Цѣлый рядъ помѣхъ, сначала ничтожныхъ, но докучныхъ и назойливыхъ, вскорѣ роковыхъ и тяжелыхъ, разстроилъ всякое подобіе гармоніи. Первою изъ нихъ было сумбурное, странное, но все-же уголовное „дѣло сержанта Мази“, какъ оно значится въ судебномъ архивѣ Пизы. Возвращавшаяся подъ вечеръ изъ загородной поѣздки каваль-

Digitized by Google

када, съ Байрономъ во главѣ, подверглась столкновенію и оскорбленію со стороны какого-то кавалериста, который у самой заставы delle Piagge затѣялъ съ нею ссору, буянилъ, не пускалъ никого впередъ себя и пытался велѣть арестовать своихъ противниковъ. Байронъ поскакалъ впередъ, чтобы изъ своего дома послать предупредить власти; возвращаясь къ своимъ спутникамъ, онъ опять встрѣтилъ уже отставшаго отъ нихъ, но все бушевавшаго сержанта, съ трудомъ оттолкнулъ его,—зато, едва Мази отъѣхалъ отъ него на нѣсколько шаговъ, какъ чья-то рука нанесла ему тяжкія, казалось, смертельныя раны,—кинжаломъ ли, или изъ духового ружья,—осталось невыясненнымъ. Невозможность вмѣнить Байрону въ вину это „убійство", какъ тогда говорили [1]), была слишкомъ очевидна. Сторонній, поздній наблюдатель не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что Мази, быть можетъ, переложивъ усердія, имѣлъ, однако, въ виду замѣшать Байрона въ компрометтирующее происшествіе и сдѣлать его дальнѣйшее пребываніе въ Пизѣ невозможнымъ. Байрону и его близкимъ пришлось подвергнуться допросамъ; нѣкоторые изъ его слугъ (въ томъ числѣ его вѣрный Тита) были изгнаны по подозрѣнію; вмѣшательство англійскаго посланника во Флоренціи, къ которому обратился поэтъ, выгородило его личную невиновность и безопасность, но какъ только начались эти судебныя и полицейскія шиканы, можно было уже предвидѣть, что мирному житью въ Пизѣ будетъ положенъ конецъ. Когда же обоимъ графамъ Гамба было предъявлено предписаніе выѣхать изъ предѣловъ Тосканы, Байрону (котораго при этомъ и имѣли въ виду) оставалось лишь послѣдовать за ними.

Но какъ ничтожны были эти дрязги сравнительно съ тяжкими ударами, которые готовила Байрону судьба! Изъ Баньякавалло пришла сначала вѣсть о болѣзни Аллегры, а вслѣдъ затѣмъ крошка угасла. Терезѣ выпало на долю сообщить о ея смерти отцу,—и онъ, который когда-то, въ Венеціи, увѣрялъ, что не вѣдаетъ никакихъ родительскихъ чувствъ, а потомъ привязался, по своему, къ ребенку, былъ сраженъ, какъ громомъ. Изъ осторожныхъ намековъ Терезы онъ сразу все понялъ; смертельная блѣдность разлилась по его лицу; силы измѣнили, онъ

[1]) Мази, отправленный въ госпиталь, выздоровѣлъ, причемъ не безъ фанфаронства отвергъ денежную помощь и заботливость Байрона. Это не помѣшало возникнуть легендѣ, будто Байронъ *убилъ* его. Наиболѣе эксцентричную форму приняла она въ очеркѣ „Una notte di Lord Byron", помѣщенномъ въ венеціанскомъ журналѣ „Dottor Fausto", 1885; противъ него выступилъ R. Cecchini въ брошюрѣ „Pro Byron", Pisa, 1885.

Digitized by Google

упалъ въ кресло; взглядъ застылъ въ такой неподвижности, что Тереза опасалась уже за разсудокъ своего друга. Лишь на другое утро онъ пришелъ въ себя, и первыя слова были: „она счастливѣе насъ“. Безконечная душевная усталость, которую онъ по временамъ испытывалъ, трогательное впечатлѣніе, произведенное на него на болонскомъ Campo Santo мольбами простыхъ людей на могильныхъ своихъ крестахъ о вѣчномъ *покоѣ*, побуждали его находить счастьемъ долю тѣхъ, кому уже въ юности достается этотъ покой и миръ. Не фарисейскимъ истолкованіемъ всякаго горя въ смыслѣ высокаго благодѣянія человѣку, но печальнымъ подъемомъ пессимизма звучатъ эти слова. Сожалѣніе и раскаяніе поднялись со дна души, жалость, что онъ не видалъ въ послѣднее время своей маленькой дочки [1]). Онъ рѣшилъ похоронить ее въ Англіи, выбралъ для этого мѣсто въ церкви того колледжа въ Гарроу, гдѣ когда-то учился, и на кладбищѣ въ глубокой задумчивости проводилъ долгіе часы,— придумалъ надгробную надпись (изъ прор. Самуила): „я приду къ ней, но она никогда не возвратится ко мнѣ“, назвалъ ее въ проектѣ надписи *своею дочерью*,—и долженъ былъ перенести новое оскорбленіе, когда мѣстные святоши и фарисеи рѣшительно отвергли подобную эпитафію для *побочной* дочери и надѣлили ее безмолвной гробницей...

Отъ горя о смерти Аллегры Байронъ никогда не могъ оправиться. „Пока она жила, ея существованіе не казалось мнѣ необходимымъ для моего счастья,—но едва умерла она, мнѣ представилось, что я жить больше не могу безъ нея“, говорилъ онъ, годъ спустя, лэди Блессингтонъ [2]). Печальный осадокъ разочарованій, вынесенныхъ во время политической агитаціи,—частые приступы меланхоліи, о которыхъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Тереза Гвиччіоли [3]),—былъ теперь превзойденъ еще болѣе глубокимъ потрясеніемъ. Но впереди, вблизи, на разстояніи нѣсколькихъ недѣль, было другое, тяжкое горе.

Когда наступило лѣто, оба поэта выселились на морской берегъ. Байронъ выбралъ романтически красивую возвышенность Монтенеро надъ Ливорно; Шелли поселился на виллѣ Маньи— не въ городкѣ Леричи, какъ обыкновенно говорится въ біографіяхъ, а напротивъ его, въ мѣстечкѣ Санъ-Теренцо, среди обшир-

[1]) Авторъ уже цитированной брошюры объ Аллегрѣ доискался слѣдовъ таинственнаго появленія въ монастырѣ иностранца, прибывшаго инкогнито, и видитъ въ немъ Байрона. La figlia di L. Byron, 27.

[2]) Journal of conversations etc., стр. 72.

[3]) My recollections of L. Byron, 1869, II, 385.

Digitized by Google

наго парка, подходившаго къ самому морю. Страстный любитель морскихъ поѣздокъ, онъ цѣлые дни проводилъ на водѣ; движеніе и плескъ волнъ, колыхавшихъ его яхту, по его словамъ, служили часто прекраснымъ ритмомъ для зарождавшихся въ эти минуты стиховъ. Одна изъ подобныхъ экскурсій была предпринята въ Пизу, на свиданіе съ Ли Гонтомъ; Шелли съѣздилъ туда и уже возвращался вмѣстѣ съ морякомъ, капитаномъ Вильямсомъ и однимъ англійскимъ мальчикомъ, когда поднялась непогода. Это было въ виду урочища Il Gombo [1]), прекраснаго лѣса пиній, который тянется вглубь страны до Санъ-Россоре. Навсегда останется неразгаданнымъ, что̀ сталось съ пловцами [2]): разбила ли буря ихъ судно, натолкнулось ли оно на другую барку и пошло ко дну, было ли при томъ чье-то злостное намѣреніе напасть и ограбить ѣхавшихъ въ яхтѣ и въ особенности предполагавшагося въ числѣ ихъ Байрона, котораго въ народѣ считали богачомъ [3]). Яхта Шелли „Аріель“ не вернулась; тѣла погибшихъ найдены были лишь десять дней спустя, послѣ усиленныхъ поисковъ по всему берегу. Письма Байрона, вслѣдъ за катастрофой, говорятъ о силѣ его горя. Оно не многорѣчиво, но поражаетъ своею неутѣшностью. „Вы всѣ безчеловѣчно ошибались въ сужденіяхъ о Шелли,—пишетъ онъ Мэррею: —это былъ *лучшій* и наименѣе себялюбивый изъ всѣхъ людей, кого я только зналъ. Я не встрѣчалъ человѣка, который въ сравненіи съ нимъ не казался бы жалкимъ животнымъ“... „Еще одного не стало изъ тѣхъ, въ комъ свѣтъ злобно, невѣжественно, жестоко ошибался. *Теперь*, быть можетъ, ему воздадутъ справедливость, но зачѣмъ это ему?“—говоритъ онъ въ письмѣ Т. Муру [4]). Онъ едва владѣлъ собой и во время поисковъ за тѣлами, и передъ тризной, и тогда, когда все окончилось. Очевидцы передаютъ, что въ виду тѣлъ Шелли и Вильямса Байронъ вдругъ воскликнулъ: „я хочу испытать силу волнъ, которыя ихъ погубили“, бросился въ воду, и уплылъ вдаль,—настолько далеко, какъ (думали тогда) заѣхалъ Шелли; проплывъ милю, онъ почувствовалъ утомленіе, повернулъ назадъ,—и вно-

[1]) Iens Weile. „Pisa“, 1893. 54.

[2]) Этому вопросу посвящена книга B. Biagi, изд. по-итальянски, затѣмъ съ дополненіями въ англійскомъ переводѣ: „The last days of P. B. Shelley. New details from unpublished documents“. Lond. 1899.

[3]) Такова фантастическая версія, пущенная въ ходъ газетою „Daily Telegraph“ 1875 года, и тогда же опровергнутая статьею F. Tribolati въ газетѣ „Nazione“ (февраль 1876).

[4]) Letters, VI (1901), 98 и 99.

Digitized by Google

слѣдствіи, отдавая себѣ отчетъ въ ухудшеніи здоровья, видѣлъ одну изъ причинъ въ этой болѣзненно-фантастической выходкѣ.

Къ любопытной во многихъ отношеніяхъ книгѣ воспоминаній Трелони, одного изъ участниковъ въ погребальной церемоніи, приложенъ рисунокъ, наскоро сдѣланный на мѣстѣ. Берегъ моря близъ Віареджіо; вдоль воды—длинная линія лѣса, за нею—горы; на пескѣ пылаетъ костеръ; спереди стоятъ Байронъ и Трелони, сбоку—два солдата береговой стражи; у лѣса, въ повозкѣ—Ли Гонтъ [1]). Описывая обстановку этой знаменательной минуты, Трелони набрасываетъ въ видѣ фона картины нѣжную голубую пелену моря, теперь успокоившагося и словно чествовавшаго своего пѣвца... Похороны Шелли—конечно, самый эффектный примѣръ кремаціи, когда либо совершенный,—только мысль о *такомъ* способѣ погребенія все-же не зародилась въ умѣ Байрона, и съ смѣлой, „языческой“ *его* идеей приходится въ этомъ случаѣ разстаться. Санитарное состояніе побережья было тогда плохо, карантинный уставъ сталъ строже обыкновеннаго, и пограничная стража объявила, что допуститъ только *сожженіе* тѣлъ. Но, узнавъ объ этомъ, Байронъ съ увлеченіемъ усвоилъ себѣ мысль, которая показалась ему и необычайною, и достойною его друга; она облегчала его дальнѣйшій планъ тризны,—перенесеніе праха въ Римъ, введеніе его въ сонмъ великихъ.

Когда Байронъ возвращался съ Гонтомъ въ экипажѣ въ Пизу, противоположная крайность нервнаго возбужденія овладѣла имъ и заразила его спутника. Они смѣялись, пѣли, кричали“; поѣздка походила на „сцену изъ нѣмецкой баллады“; „неизвѣстно, что подумалъ о насъ возница“,—замѣчаетъ Гонтъ [2]). Но нервы не слушались, равновѣсіе было потеряно, сознаніе обострявшагося одиночества угнетало; ни одна идея, казалось, не въ состояніи была бы привлечь и возродить слишкомъ много испытавшаго человѣка. Снова замелькали (какъ прежде въ подобныя минуты) необычайные проекты,—бросить все въ Старомъ Свѣтѣ и выселиться въ Южную Америку, туда, гдѣ, благодаря Боливару, водворилась свобода, и т. п. Оставаться въ Пизѣ, во всякомъ случаѣ, было немыслимо. Когда же подоспѣлъ и внѣшній поводъ,—когда послѣ междоусобій среди прислуги графовъ Гамба, дошедшихъ до нанесенія ранъ (увѣряли, будто Байрону пришлось кинуться, на встрѣчу боровшимся, съ пистолетомъ въ

[1]) Trelawny. „Records of Shelley, Byron and the author“. London, 1875.
[2]) Autobiography, 1850, III, 18.

Digitized by Google

рукѣ), тосканскія власти прислали семьѣ Гамба приказъ о немедленномъ выѣздѣ не только изъ Пизы, но и изъ государства, —Байронъ послалъ губернатору Ливорно протестъ противъ высылки и вмѣстѣ съ тѣмъ заявленіе, что „и онъ уѣдетъ также съ изгоняемыми, не желая оставаться въ странѣ, гдѣ преслѣдуютъ его друзей и отказываютъ въ убѣжищѣ несчастнымъ“ [1]). Онъ переселился въ Геную, послѣдній этапъ его итальянскихъ кочеваній.

Широко, во всѣ стороны, раскинула по горамъ, охватившимъ ее, словно уступы громаднаго амфитеатра, свои передовые посты Генуя. Это—лѣтніе дворцы ея баловней, ея владыкъ; раскроется ли съ моря ея живописный горизонтъ, извивы ли сухопутной дороги станутъ при каждомъ поворотѣ открывать надъ глубокими долинами орлиныя гнѣзда, господствующія надъ окрестностью,— всюду, на лучшихъ по кругозору точкахъ высятся старыя резиденціи патриціевъ. Внизу кипитъ жизнь. Вѣчный городъ контрастовъ, съ цѣлыми улицами роскошныхъ и художественныхъ зданій, украшенныхъ чудными портиками, статуями, съ дѣловою суматохой народныхъ кварталовъ, полныхъ жужжащей толпы, тѣсно застроенныхъ высочайшими уродливыми, до крайности запущенными домами, съ немолчнымъ оживленіемъ и цѣлыми лѣсами заморскихъ кораблей въ гавани, Генуя—нѣкогда столица Доріевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ родина Мадзини, очагъ барской узурпаціи республиканства и исходный центръ самоотверженнаго служенія итальянской свободѣ, теперь рѣшительно склонившаяся ко второй, демократической своей цѣли, не по днямъ, а словно по часамъ ростетъ и вширь и вверхъ, покрыла уже всѣ ближайшіе холмы свѣтлыми, здоровыми, обильными зеленью кварталами новаго типа, подошла ко многимъ, прежде загороднымъ, виллamъ вельможъ и богачей и обложила ихъ своей трезвой простотой. Такова, конечно, черезъ десятокъ, другой лѣтъ будетъ участь одного изъ красивѣйшихъ уголковъ надъ Генуей,—collina d'Albaro (или, по имени прихода, San Francesco d'Albaro), выбраннаго Байрономъ для своего жилья; дома предмѣстья подошли совсѣмъ къ подножію холма, но еще не покрыли его склоновъ сплошными своими рядами. При Байронѣ поселокъ Альбаро былъ отдаленъ отъ города на двѣ мили. Если и теперь съ большой террасы palazzo Brian (прежде—casa Saluzzo) открывается красивый видъ на громады городскихъ

[1]) Раскрытіе ближайшихъ причинъ къ выѣзду Байрона сдѣлано было по оффиціальнымъ документамъ Tribolati въ его статьѣ „Byron a Pisa“, Nuova Antologia 1874, іюль.

Digitized by Google

зданій, гряду горъ и полосу моря,—то въ старые годы, когда ни одна вилла не загораживала панорамы, когда поля, перелѣски и виноградники покрывали собой непрерывную теперь территорію новаго города, и море „безконечной пеленою“ раскидывалось вдали, эстетическая обстановка Байроновскаго жилища не оставляла желать ничего лучшаго. Она могла бы напоминать поэту его любимую нѣкогда виллу Діодати, еслибъ стѣсненный кругозоръ Женевскаго озера могъ выдержать сравненіе съ просторомъ моря.

Условія жизни въ этомъ красивомъ уединеніи были необыкновенно удачны. Вдоль пролегающей передъ домомъ Байрона большой дороги, ведущей на Riviera di Levante, время отъ времени показывались изъ зелени парковъ или затѣйливыхъ садовъ, со статуями и увитыми лозою ажурными галереями, другія виллы,—на противоположномъ краю Альбаро, за церковью, вилла Негрото,—выше Байроновскаго жилища, на самомъ гребнѣ, легкій, изящный палаццо Бомбрини, прозванный за приволье его „il Paradiso“. Въ первой поселились вдова Шелли и Гонтъ; второй заняла культурная англійская семья, совсѣмъ новые для Байрона люди, съумѣвшіе, однако, во многомъ скрасить послѣдніе мѣсяцы его итальянскаго житья, графъ Блессингтонъ, его умная, блестящая и (судя по недавно воспроизведенному [1]) портрету, кисти извѣстнаго Т. Лоуренса) замѣчательно красивая жена, и признанный „другъ дома“, неразлучный ихъ спутникъ, молодой comte d'Orsay, что-то въ родѣ Байрона въ молодости, такой же увлекающійся и увлекательный, насмѣшливый, неотразимый, „второй Антиной“. Въ Альбаро жилъ (нѣсколько дальше) вѣчный обличитель „тирановъ“, поэтъ-мыслитель Ландоръ [2]). Часто появлялся эксцентрическій, съ фигурой неаполитанскаго бандита, горящими глазами и густою шапкой черныхъ кудрявыхъ волосъ, Трелони, въ вѣчномъ ожиданіи подвиговъ и геройской борьбы, которая избавила бы его отъ постылой житейской прозы. Цѣлая англійская интеллигентная колонія, вполнѣ подъ стать требованіямъ Байрона, образовалась вокругъ него.

Но Байрона это не занимало болѣе; прошло время для оживленнаго, развлекающаго общенія съ людьми, даже для совмѣстной съ ними работы. Единственное, что скрашивало еще жизнь изо дня въ день,—это были встрѣчи съ Блессингтонами. Искус-

[1]) При пятомъ томѣ „Писемъ“, изд. Мэрреемъ, 1901. Это—одно изъ украшеній изящнаго изданія.

[2]) Байронъ не прощалъ ему, дѣйствительно странныхъ при его образѣ мыслей, связей съ Соути; Ландоръ, безъ того нелюдимъ, зналъ это и избѣгалъ Байрона.

Digitized by Google

ная собесѣдница, графиня умѣла всегда направлять разговоръ на темы художественныя, литературныя, политическія, на неясные для нея вопросы изъ біографіи поэта, даже на самое больное мѣсто,—отношенія его къ женѣ,—запоминала всѣ подробности отвѣтовъ и составила изъ нихъ цѣнную запись своихъ „Разговоровъ съ Байрономъ“ [1]). Въ характерѣ и сужденіяхъ d'Orsay Байронъ узнавалъ близкія ему черты, съ интересомъ читалъ ѣдко-насмѣшливые его очерки англійской жизни [2]), даже ввелъ нѣсколько ихъ отголосковъ въ позднѣйшія главы „Донъ-Жуана“. Иногда вмѣстѣ съ новыми друзьями онъ предпринималъ поѣздки верхомъ; тогда цѣлью ихъ былъ поразившій Байрона своею красотой Нерви, съ роскошью тропической растительности, съ стѣною скалъ, омываемыхъ голубыми волнами. Но все это были случайные просвѣты. Ничто не захватывало, не наполняло жизнь, не брало верхъ надъ ѣдкой грустью. Мысль о журналѣ не была покинута, и первые выпуски уже стали выходить,—но со смертью Шелли какъ будто отлетѣлъ духъ, способный еще вдохновить это изданіе. Редакціонная часть сосредоточилась въ рукахъ Гонта; Байронъ называлъ теперь въ перепискѣ своей „Либерала“ *его* органомъ; видя, *какъ* онъ принимается за дѣло, наблюдая, какъ его мелкая, самомнящая, завистливая натура съ каждымъ днемъ прорывается наружу, какъ уязвляетъ его денежная поддержка, какъ ропщетъ онъ на сдержанное недовольство, испытываемое Байрономъ при видѣ очутившейся на его попеченіи большой семьи, Ли Гонтъ сталъ для него невыносимымъ, совмѣстный съ нимъ трудъ тягостнымъ. Журналъ былъ богато обставленъ новыми произведеніями Байрона (тамъ наконецъ явились „Vision of judgement“, „Heaven and Earth“), давалъ переводы изъ итальянскихъ поэтовъ, очерки Италіи, Шелліевскія переложенія изъ „Фауста“ Гёте, бойкія критическія статьи, нападавшія на старое поколѣніе въ Англіи, этюды о Шекспирѣ и т. д. Но съ перваго же нумера англійская печать яростно ополчилась противъ новаго журнала, рѣшивъ не допустить отверженному поэту стать однимъ изъ руководящихъ публицистовъ; во второмъ выпускѣ пришлось уже протестовать противъ этой нетерпимости,—но журналъ такъ и не пошелъ, остановившись на четвертомъ выпускѣ [3]). Раздраженный и неблагодарный Гонтъ

[1]) Ея „Journal of conversations with Lord Byron“ нѣсколько разъ переиздавался; послѣднее изданіе 1894.

[2]) Они остались въ рукописи.

[3]) The Liberal. Verse and prose from the south. London, John Hunt, 1822—изданіе теперь рѣдко находимое. Я пользовался экземпляромъ Британскаго Музея.

Digitized by Google

не простилъ Байрону этой неудачи и отплатилъ ему впослѣдствіи полной клеветъ и инсинуацій книгой „Воспоминаній".

Не давала удовлетворенія и творческая работа. Странно видѣть Байрона занятымъ, послѣ могучаго размаха „Донъ-Жуана", такими драматическими упражненіями, какъ сенсаціонная драма „Вернеръ",—новѣйшая редакція стараго, еще въ Англіи набросаннаго переложенія мелодраматическаго разсказа миссъ Ли „The German's Tale",—или неоконченная (два акта и хоръ изъ третьяго) пьеса, составленная изъ обломковъ старой (1803 года) повѣсти Дж. Пикерсгиля и Гётевскаго „Фауста",—„The Deformed Transformed". Старые счеты поэта съ судьбой, будто бы надѣлившей его уродствомъ, счеты, давно порѣшенные поклоненіемъ женщинъ и блескомъ общественнаго пріема, опять ожили зачѣмъ-то въ послѣдней драмѣ; изъ дальняго угла памяти возстали попреки матери хромому мальчику за его уродство. Изъ трагедіи Гёте занятъ мотивъ чудеснаго превращенія и введенъ въ число дѣйствующихъ лицъ призракъ, онъ же дьяволъ; личность героя раздвоивается, — красивый и безобразный продолжаютъ жить, устремляются на міровую арену, ведутъ насъ въ Римъ, въ разгаръ схватки лютеранъ съ католиками,—и замолкаютъ, едва намѣтивъ контуры любовной стороны сюжета. Нѣсколько прекрасныхъ хоровъ едва искупаютъ блѣдность замысла, и сужденіе Шелли (знакомаго, правда, лишь съ первымъ наброскомъ, начатымъ въ Пизѣ), смѣло заявившаго, что это—худшее изъ написаннаго Байрономъ (послѣ этихъ словъ поэтъ сжегъ на глазахъ у Шелли свою рукопись), невольно приходитъ на память... Среди работъ подобнаго рода является вдругъ пережитокъ старой лирической манеры юношескихъ поэмъ,—картины моря, жизнь корабельщиковъ и пиратовъ, сцены возстанія и мятежа, пригрезившіяся поэту послѣ чтенія старинной (еще XVIII-го вѣка) флотской реляціи,—поэма „The Island". Снова—въ послѣдній разъ—поэтъ является увлеченнымъ живописцемъ природы, разукрасивъ ее радужными оттѣнками южнаго, тихоокеанскаго климата; послѣ сценъ злобы и мятежа онъ съ особенною любовью останавливается на придуманной имъ идилліи,—новомъ пересказѣ эпизода Донъ-Жуана и Гаидэ,—и послѣ треволненій, перенесенныхъ нѣжно любящими другъ друга юношей-англичаниномъ и дикаркой, соединяетъ ихъ навсегда на лонѣ природы и патріархальнаго быта какихъ-то острововъ Тонга. Въ его описаніяхъ, въ лирическихъ движеніяхъ героевъ есть прелестныя частности; на всемъ разсказѣ лежитъ особый отпечатокъ, побудившій Nichol'я признать, что въ этой поэмѣ болѣе душев-

Digitized by Google

наго мира, нежели въ чемъ-либо написанномъ Байрономъ [1]). Но этотъ миръ—лишь временный душевный отдыхъ, мало соотвѣтствовавшій господствовавшему настроенію Байрона въ ту пору. Старанія нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ объяснителей Байрона найти въ „Островѣ“ доказательство обрѣтенной имъ наконецъ гармоніи разбиваются о тотъ характерный фактъ, что въ Генуѣ же написанъ былъ—„Бронзовый Вѣкъ“...

Здѣсь-то поэтъ нашъ дѣйствительно въ своей истинной стихіи. Онъ—гнѣвный политическій сатирикъ, обличитель „эпохи конгрессовъ“, суровый оцѣнщикъ внутренней и внѣшней политики импер. Александра [2]), заступникъ за права греческаго, испанскаго, польскаго народовъ, бичующій англійскую реакцію и главныхъ виновниковъ ея. Какъ бы ни старался онъ отклониться въ сторону мелодрамы, фантастики, тихо-океанской идиллiи, потокъ времени увлекалъ его снова съ собою, и онъ возвращался къ своему призванію.

Съ его собственныхъ словъ одинъ изъ его сотрудниковъ въ греческой экспедиціи, Финлей, передаетъ, что къ концу генуэзскаго житья жажда дѣятельности на народную пользу, не удовлетворяемая болѣе подавленною и едва тлѣвшею итальянскою агитаціею, стала такъ велика и настоятельна, что онъ уже былъ наканунѣ отъѣзда—даже въ Испанію, гдѣ, слышалъ онъ, снова поднималось революціонное движеніе. Задолго до извѣстнаго Бисмарковскаго изреченія онъ въ одной изъ статей „Либерала“ формулировалъ руководящій современный политическій принципъ: „Сила выше права“ (Might before right), и считалъ своей обязанностью выступать противъ этой торжествующей идеи всюду, гдѣ только представится къ тому возможность.

Въ это-то время передъ нимъ предстали депутаты отъ греческаго народа...

Юношескія симпатіи къ подавленной и страждущей Греціи никогда не ослабѣвали у Байрона. Переписка его то-и-дѣло свидѣтельствовала о живомъ интересѣ, съ которымъ онъ слѣдилъ за проблесками ея возрожденія, за частичными успѣхами возстаній и вспышекъ, предвѣщавшихъ всеобщее движеніе 1822—23 годовъ. Сколько разъ возникала у него мысль устремиться на помощь освобождающемуся народу! Послѣ крушенія итальянской революціи, когда Пьетро Гамба (какъ мы уже знаемъ) рѣшилъ

[1]) „Byron“ (English men of letters), by John Nichol. 1880, 171.

[2]) Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ живыя краски для прославленія отпора Москвы Наполеону и изображенія московскаго пожара 1812: „Age of Bronze, строфа V). Онъ называетъ пылающую Москву—„sublimest of Volcanoes“.

Digitized by Google

это лично для себя, съ трудомъ удержанный Байрономъ, возможность подобнаго исхода вполнѣ опредѣлилась. Соприкосновеній съ эллинской партіею дѣйствія было не мало до открытаго перехода на сторону грековъ. Такъ Шелли былъ въ Пизѣ (раньше пріѣзда туда Байрона) очень близокъ съ однимъ изъ выдающихся греческихъ эмигрантовъ, Маврокордато, который оттуда и направился въ отечество, чтобы внести въ революціонное броженіе твердыя основы и цѣли. Живя въ Генуѣ, Байронъ не могъ не слышать о томъ, что филэллинскіе комитеты начинаютъ возникать въ главныхъ городахъ Англіи и остальной Европы [1]), собирая вокругъ себя тѣ свѣжія силы, которыхъ не удалось сломить реакціи, давая имъ въ этомъ альтруистическомъ порывѣ выходъ изъ томительнвго застоя. Онъ не могъ не знать, что англійскіе либералы уже организовывали время отъ времени митинги для выраженій греческихъ симпатій, что на митингахъ вождями бывали такіе единомышленники его, какъ Гобгоузъ. Принятое послѣ такой прелюдіи окончательное рѣшеніе вытекало, стало быть, и изъ многолѣтней, можно сказать, поэтически окрашенной преданности Греціи, и изъ зрѣло обдуманной политической программы, въ которую равноправно входило освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ, и изъ того потрясеннаго душевнаго состоянія, которое испытывалъ, послѣ ряда потерь и разочарованій, Байронъ въ Генуѣ, тоскуя о подвигѣ, способномъ всецѣло захватить его. Старанія Эльце [2]), съ которымъ на этотъ разъ расходится новѣйшій нѣмецкій біографъ Байрона, вѣрный указкѣ своего предшественника [3]),—попытки объяснить рѣшеніе, принятое поэтомъ, мелкими эгоистическими цѣлями, желаніемъ обратить на себя вниманіе всего міра и т. д. (увѣрялъ же Эльце, что тѣми же мотивами руководился Байронъ и при основаніи „Либерала“, чувствуя охлажденіе публики и желая снова завладѣть ея вниманіемъ), неправдивы, безконечно сухи и черствы, и силятся—хоть и совершенно тщетно—уничтожить тотъ ореолъ, которымъ кончина Байрона въ Греціи окружила память Байрона во мнѣніи всей современной ему Европы, почти безъ различія партій.

Въ началѣ апрѣля 1823 г. два эмиссара постучались въ Альбаро къ Байрону; одинъ былъ англійскій грекофилъ Эдвардъ

[1]) Stanhope, „Greece in 1823 and 1844, стр. 29, говоритъ, что въ Москвѣ такой комитетъ существовалъ съ 1817 г., основанный Николаемъ Паксимали. Одинъ изъ членовъ, Анастасій Горголи, пожертвовалъ на дѣло 25.000 руб.

[2]) Karl Elze, „Byron, eine Biographie“.

[3]) Richard Ackermann, „Lord Byron“. Heidelberg, 1901, 136.

Digitized by Google

Блэкьеръ, другой — природный эллинъ Андрей Луріоттисъ, посланецъ инсургентовъ къ друзьямъ въ Англію, возвратившійся въ отечество. На пути къ Іоническимъ островамъ они сдѣлали изворотъ въ Геную, заручившись поддержкой Трелони, предваривъ о своемъ пріѣздѣ письмомъ къ Байрону, написаннымъ (по мнѣнію Трелони) съ большою затратой идеалистическаго пафоса и декламаціи. Усердіе было, однако, излишне. Краткая записка поэта (Letters, VI, 185—6), которая пригласила ихъ въ „villa Saluzzo", прямо говоритъ о томъ, что онъ „не въ состояніи даже выразить, до какой степени сочувствуетъ ихъ національному дѣлу, что только надежда стать свидѣтелемъ освобожденія Италіи могла удержать его отъ желанія содѣйствовать, насколько это возможно для отдѣльной личности", и т. д. Личныя объясненія съ греческими агентами могли только разжечь это желаніе. Байронъ услышалъ подробный разсказъ о положеніи дѣлъ,—о томъ, что подорванное, подкопанное отовсюду и частью свергнутое турецкое владычество—наканунѣ гибели, но страшно въ своихъ предсмертныхъ издыханіяхъ и способно, собираясь по временамъ съ силами, мстить рѣзнею и массовыми истребленіями, что раздоры греческихъ вождей между собой, Ипсиланти съ Маврокордато, послѣдняго съ популярнымъ въ восточной Греціи Одиссеемъ, губятъ дѣло, что успѣшно начатая организаціонная работа „національнаго собранія" въ Эпидаврѣ, установившаго республиканскую форму правленія, съ президентомъ во главѣ, парализуется интригами себялюбцевъ, что народныя силы, всюду готовыя къ дружной борьбѣ, нуждаются для успѣха ея въ возможности сплотиться, вокругъ *одного*, великаго, безкорыстнаго, глубоко всѣми почитаемаго вождя, передъ которымъ смолкнутъ ссоры и народъ объединится. Чье же имя выше и величественнѣе пѣвца свободы, друга Греціи, вызывавшаго ее воспрянуть, когда еще влачила она свое рабство!

И Байрону представилось, что это обращеніе къ нему—воля судьбы, что уклониться онъ не можетъ и не долженъ, что такой выходъ—единственный для него. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его подхватила и понесла волна энтузіазма въ окружавшей его средѣ. Ничто не могло теперь остановить молодого Гамба, въ бой рвался Трелони, въ греческій комитетъ поспѣшилъ вступить родственникъ Шелли, Медвинъ, незадолго передъ тѣмъ появившійся въ Италіи, и, какъ когда-то Босвелль у Джонсона или впослѣдствіи Экерманнъ у Гёте, подстерегавшій малѣйшія частности разговора великаго человѣка, чтобы ихъ оттиснуть въ книжкѣ [1]); въ

[1]) Помимо способности Медвина къ вымысламъ, лишающей его книгу той до-

Digitized by Google

Англіи греческимъ дѣломъ бредили такіе близкіе люди, какъ Гобгоузъ или Киннэрдъ. Никого не останавливала мысль о возможности неудачи, воспоминаніе о плачевной участи прежнихъ волонтерскихъ отрядовъ, за два года раньше Байрона являвшихся со всѣхъ концовъ Европы сотрудниковъ греческаго освобожденія,—„выходцевъ изъ Франціи, Германіи, Италіи, Польши, людей всѣхъ возрастовъ и состояній, военныхъ, моряковъ, богатыхъ и бѣдныхъ, хорошихъ и дурныхъ,—иногда очень талантливыхъ и полныхъ добрыми намѣреніями“, о которыхъ Байронъ говоритъ въ найденной теперь запискѣ „о положеніи Греціи“, составленной незадолго до его смерти [1]). Когда въ Генуѣ появились изнуренные отъ голода, прошедшіе всю Италію пѣшкомъ съ четырьмя лирами въ общей казнѣ нѣмцы изъ разбитаго при Пертѣ легіона графа Нормана, это подѣйствовало на Байрона только вызвавъ состраданіе и заботу объ ихъ дальнѣйшемъ пути, не охладивъ его намѣреній.

Но необходимая для его „греческой экспедиціи“, безсрочной, непроглядной, ломка жизни требовала не только ликвидаціи собственности, разрыва съ сложившимися привычками и обычаями, съ Италіею, съ которой онъ такъ сроднился,—нужно было самому совершить ликвидацію личной жизни, семейной связи, счастья. Не разъ возникалъ вопросъ о томъ, *было* ли что порывать въ данную минуту, удержались ли до нея и связи, и счастье. Лицомъ къ лицу стоятъ такія противоположныя мнѣнія, какъ поэтическое возвеличеніе любви Байрона къ Терезѣ Гвиччіоли и самаго ея образа, доведенное до крайняго экстаза въ этюдѣ Энрико Ненчьони [2]), и съ другой стороны полный скептицизмъ Джэфресона, портретъ суетной, себялюбивой интриганткн, который даетъ Кьярини [3]), или, казалось бы, авторитетное заявленіе свидѣтеля ранняго періода Байроновской связи, Гоппнера [4]), который утверждалъ, подъ старость, ссылаясь на „лэди Г., которую Байронъ часто видѣлъ въ Генуѣ“, и даже на „Madame Guiccioli“, что онъ уѣхалъ въ Грецію, чтобъ разойтись съ Терезой, такъ какъ прожилъ съ нею цѣлыхъ четыре года, т.-е., по его же словамъ,

---

стовѣрности, которою отличаются, напр., показанія, Экермана, теперь не подлежитъ сомнѣнію, что Байронъ, предупрежденный Трелони и другими, что Медвинъ какъ будто собираетъ матеріалы для книги, часто забавлялся тѣмъ, что мистифицировалъ его.

[1]) The present State of Greece, помѣч. 26 февраля 1824.

[2]) Enrico Nencioni, „Medaglioni“. Roma, 1883.

[3]) Giuseppe Chiarini, Studi e ritrati letterari, 1900. „L. Byron e Teresa Guiccioli“, 435—61.

[4]) Athenaeum, 1869, May 22, „Byron at Venice“, by R. Belgrave Hoppner.

Digitized by Google

втрое дольше, чѣмъ онъ въ состояніи былъ прожить съ какою бы то ни было женщиной. Истины нѣтъ ни въ одномъ изъ этихъ крайнихъ мнѣній. Романтической страсти давно не было, но ее смѣнила привязанность, многолѣтняя привычка, дружба, способная на такія уступки, какъ недавняя пріостановка „Донъ-Жуана". Героическій эпилогъ треволненной жизни, греческая экспедиція назрѣла, видѣли мы, изъ глубокихъ и сложныхъ причинъ высшаго порядка; когда Байронъ принялъ свое рѣшеніе, первая его забота (какъ показала теперь переписка) была о томъ, чтобъ склонить, уговорить Терезу дать свое согласіе, отпустить его. Уѣзжалъ онъ вмѣстѣ съ любимымъ ея братомъ,—и снова, какъ въ періодъ итальянскихъ заговоровъ, она была свидѣтельницей того, что̀ предпринимала неукротимая энергія двухъ близкихъ ей людей. Приведенный выше разсказъ итальянца Моранди, которому поручено было, въ случаѣ смерти поэта, возвратить Терезѣ ихъ переписку за время греческаго похода, говоритъ о необыкновенной нѣжности ея тона. Наконецъ, нѣсколько отрывковъ, которые упорный въ такихъ вопросахъ Томасъ Муръ позволилъ себѣ привести изъ дошедшихъ до него писемъ Байрона къ подругѣ изъ Греціи [1]), показываютъ желаніе дѣлиться вѣстями и въ то же время успокоивать, смягчая краски, ссылаться на хорошіе дни, проведенные вмѣстѣ, мечтать о возвращеніи въ Италію, когда можно будетъ вспоминать о недавно пережитомъ. Прошла, конечно, та пора, когда ему казалось, что онъ жить безъ нея не можетъ, — но все-же правы были тѣ, кто, какъ Гверрацци, любовался подвигомъ человѣка, который „полетѣлъ на освобожденіе страждущаго народа, вырвавшись изъ объятій любимой женщины".

Никогда въ такомъ блескѣ не проявлялась энергія и *дѣловитость* Байрона, какъ съ начала его приготовленій къ отплытію и до послѣдняго сознательнаго его часа. Какъ кипитъ въ его рукахъ дѣло, какъ предусматриваетъ онъ всевозможныя случайности, военныя, продовольственныя, дипломатическія, какъ широко раскидываетъ онъ сношенія и переписку, бойко вербуетъ и подбираетъ себѣ сотрудниковъ и волонтеровъ,—и какъ щедро, обрѣзая себя во всемъ (Тереза, не оставшаяся послѣ него въ Альбаро, уѣхала къ отцу въ Болонью), онъ къ затратѣ своихъ силъ самоотверженно присоединяетъ столь значительную денежную помощь, что по временамъ онъ, единолично, несъ на своихъ плечахъ все

[1]) Moore, Life of Byron, стр. 601. Сравн. также въ письмѣ къ Чарльзу Барри (Letters, VI, 291) 10 дек. 1823 просьбу передать Терезѣ успокоительныя извѣстія о ходѣ дѣлъ.

Digitized by Google

финансовое бремя войны! Карбонарство было только пробой, намекомъ,—теперь же въ Байронѣ открылись такія надежныя дарованія народнаго дѣятеля и вождя, что у него могла промелькнуть мысль, не было ли главной ошибкой его жизни писательство и истиннымъ призваніемъ—„политика“.

Продано было все сколько-нибудь цѣнное въ убранствѣ и обстановкѣ его дома, полученъ весь литературный гонораръ, который можно было получить, взяты авансы подъ обезпеченіе годовой ренты, посланы обычнымъ дѣловымъ агентамъ въ Англію настоянія ускорить продажу послѣдняго родового достоянія, рогдэльскихъ каменноугольныхъ копей. Все обращено было въ деньги,—или же стало деньгами въ ближайшемъ будущемъ, по приказамъ Байрона, посылавшимся изъ его главной квартиры, въ Кефалоніи или подъ Мисолонги. Ничто не останавливало, не охлаждало. Сколько бы неудачъ и разочарованій ни готовила ему судьба, онъ ни на шагъ не отступилъ отъ великодушно начатаго подвига и донесъ до конца свой идеализмъ. Никогда еще исторія человѣчества не вѣдала такой героической роли вдохновеннаго поэта; она знала короля Вольтера, верховнаго заступника за справедливость и гуманность, стража научной свободы, пророка испытующаго разума, но не ожидала, что надъ челомъ „властителя думъ“ засвѣтится и ореолъ подвижника народной свободы. Явленіе было такъ необычайно и величаво, что привлекло во всей Европѣ симпатіи даже въ тѣхъ слояхъ и партіяхъ, которые неблагосклонно или равнодушно относились къ поэтическимъ дѣяніямъ Байрона или фарисейски судили его личную жизнь. Когда бригъ „Геркулесъ“ отплылъ изъ Генуи (16 іюля 1823 г.) съ Байрономъ, Гамбой, Трелони, въ *послѣднее* путешествіе великаго „пилигрима вѣчности“, всѣмъ стало ясно, что настали міровыя событія.

Во все время долгаго плаванія, пока корабль огибалъ итальянскій полуостровъ, направляясь къ Іоническимъ островамъ, Байронъ испытывалъ постоянную смѣну энергіи и упадка, вѣры въ дѣло и скептицизма. Говорятъ, одною изъ книгъ, которыя онъ читалъ въ пути, были „Максимы“ Ларошфуко. Отдаваясь влеченію чисто идеальному, онъ вливалъ въ себя отраву крайняго сомнѣнія этого извѣрившагося, все развѣнчивавшаго моралиста,.. Правда, •ему не мало говорили о томъ, что его пріѣзда всѣ страстно ждутъ въ Греціи, что все готово сплотиться вокругъ него; еслибъ вѣрить оптимистамъ, ему предстояло тріумфальное шествіе. Къ нему придутъ закаленные въ бояхъ суліоты, созданный временнымъ національнымъ правительствомъ греческій

Digitized by Google

флотъ будетъ поддерживать съ моря дѣйствія сухопутныхъ войскъ. Но въ воображеніи вставалъ призракъ междоусобій и раздоровъ между греками, чудилась нестройность инсургентскихъ отрядовъ, возникалъ вопросъ, съумѣетъ ли онъ при неопытности въ военномъ дѣлѣ явиться организаторомъ и стратегомъ. Отступать нельзя, судьба зоветъ впередъ... Мысли роились и сплетались, а тутъ же, рядомъ съ Байрономъ, ихъ старались подстеречь два примкнувшіе въ Ливорно грека,—турецкіе шпіоны.

Раздумье и осторожность проявились въ томъ, что вмѣсто высадки прямо на греческій материкъ, рѣшено было сначала остановиться на одномъ изъ Іоническихъ острововъ и ждать, пока не придетъ отъ національнаго правительства вѣсть о томъ, что все готово и настала пора дѣйствовать. Избрана была Кефалонія. Дологъ былъ путь, слишкомъ девятнадцать дней, но море освѣжило и подняло Байрона, впечатлѣнія далекой юности стали всплывать вереницами, едва онъ вошелъ въ воды Іоническаго архипелага, и когда корабль бросилъ, 4-го августа, якорь въ гавани Аргостоли, на сушу вступилъ бодрый, готовый къ дѣлу человѣкъ, какъ будто не перенесшій въ недавнемъ прошломъ столько потрясеній. Но *дѣла* ему долго пришлось ожидать! Мѣсяцы проходили, и желаннаго призыва не раздавалось... „Мертвые встаютъ—могу ли я предаваться сну?“—восклицалъ Байронъ (сент. 1823) въ стихотворномъ введеніи къ начатому имъ (и теперь впервые напечатанному), но скоро прерванному дневнику. „Во всемъ мірѣ настала борьба противъ тирановъ—могу ли я уклониться отъ нея? Жатва созрѣла—могу ли я промедлить съ работой жнеца? Каждый день раздается трубный звукъ и будитъ отзвукъ въ моемъ сердцѣ“. Но „трубнаго звука“, который призвалъ бы *его* на бой, не слышно было. Вмѣсто того приходили вѣсти о новыхъ раздорахъ между греками, о партійной враждѣ, превращавшейся нерѣдко въ междоусобіе. Лондонскій комитетъ поручилъ Байрону быть его представителемъ передъ народнымъ правительствомъ,—но правительство это было ненаходимо. Онъ велъ оживленную переписку съ главными дѣятелями комитета, въ особенности съ его секретаремъ Джономъ Боурингомъ, энтузіастомъ освобожденія, знатокомъ греческой и русской литературы (употребившимъ время ареста своего въ Булони по распоряженію французскихъ властей, заподозрѣвшихъ въ немъ филэллинскаго агента, для составленія хрестоматіи „Образцовъ русской поэзіи“ [1]), писалъ и греческимъ вождямъ,

[1]) Specimens of russian poets. London, 1821—23.

Digitized by Google

особенно Маврокордато, взялъ въ свою личную службу отрядъ изъ сорока суліотовъ, и вмѣстѣ съ близкими людьми обсуждалъ и обдумывалъ въ деталяхъ планъ дѣйствій, чтобъ не быть застигнутымъ врасплохъ. Вокругъ него образовалась теперь довольно многочисленная и далеко не бездарная группа международныхъ,—впрочемъ, главнымъ образомъ англійскихъ,—волонтеровъ освобожденія. Гамба, Моранди, молодой докторъ Бруно представляли собой итальянскій элементъ, но въ числѣ соотечественниковъ Байрона рядомъ съ фантастомъ Трелони, который со временемъ покинулъ его, находя, что онъ „недостаточно романтиченъ", и кинулся въ противоположный уголъ Греціи, гдѣ партизански дѣйствовалъ вождь съ громкимъ именемъ Одиссея [1]), явились молодой и талантливый Финлей, впослѣдствіи извѣстный историкъ Греціи, сохранившій въ своемъ капитальномъ трудѣ [2]) память о своихъ отношеніяхъ къ Байрону,—бывшій офицеръ индійскихъ войскъ Стэнгопъ, искренно убѣжденный либералъ стараго типа, ученикъ Бентама (входившаго, на старости лѣтъ, также въ составъ лондонскаго комитета), выше всего ставившій просвѣтительное вліяніе на грековъ и введеніе у нихъ политической прессы и разумной конституціи [3]),—шотландецъ Гамильтонъ Броунъ, сердечно привязавшійся къ Байрону и оставившій любопытныя записки объ этомъ періодѣ его жизни,—врачъ Миллингенъ, также авторъ подобныхъ воспоминаній, особенно цѣнныхъ благодаря его неотлучному присутствію до послѣднихъ минутъ Байрона [4]),—ревностный проповѣдникъ строгаго протестантства, Кэннеди, раздававшій между солдатами библію и нравоучительныя книжки, задавшійся цѣлью спасти великую душу Байрона отъ заблужденій и со временемъ наполнившій цѣлую книгу разсказами о своихъ религіозныхъ бесѣдахъ съ поэтомъ [5]), который, мягко относясь къ нему и щадя его убѣжденную горячность, дѣлалъ иногда видъ, что сдается.

Въ общеніи и бесѣдахъ съ этими товарищами, въ поѣздкахъ по Кефалоніи или экскурсіяхъ на ближайшіе острова (напр. на

---

[1]) О немъ и объ отношеніяхъ къ нему Трелони, который дѣлилъ съ этимъ авантюристомъ всѣ опасности и одно время жилъ въ пещерѣ на Парнассѣ, см. статью F. Sanborn, „Odysseus and Trelawny", Scribner's Magazine 1897, апрѣль.

[2]) History of Greece from its Conquest by the Romans to the present time, 1864, VI.

[3]) Blackwood Magazine, 1834, I, Voyage from Leghorn to Cephalonia and a narrative of a visit in 1823 to the seat of war in Greece.

[4]) Memoirs on the affairs of Greece, 1830.

[5]) Conversations on religion with L. Byron and others, 1830.

Digitized by Google

прославленную Гомеромъ Итаку) проходило время. Невольный досугъ, повидимому, не скрашенъ былъ литературною работой, и утвержденіе Терезы, будто Байронъ, находясь въ Кефалоніи, написалъ *нѣсколько* пѣсенъ „Донъ-Жуана", не подтверждается ничѣмъ. Найденныя среди его бумагъ въ Мисолонги первыя строфы 17-й пѣсни,—пока еще не обнародованныя въ окончательномъ изданіи Байроновскихъ сочиненій,—единственный осязательный результатъ его работъ надъ поэмой въ послѣдніе мѣсяцы. Вступленіе въ какую-то доселѣ неизвѣстную поэму „Аристоменъ", доставленное редакціи названнаго изданія лэди Дорчестеръ и помѣченное Кефалоніей, 10-го сент. 1823 г. [1]), останавливается на одиннадцатомъ стихѣ. Когда все рѣже писавшій теперь Байрону Муръ передалъ ему съ неожиданнымъ у такого человѣка усердіемъ сплетника непріязненные толки о поэтѣ, устремившемся спасать Грецію и вмѣсто того проводящемъ время въ безпечности, среди нѣжнаго климата и за сочиненіемъ новыхъ сатирическихъ картинокъ „Жуана", Байронъ, отвѣчая съ неудовольствіемъ, отрицалъ *всякое* писательское занятіе въ Кефалоніи. Какъ бы любезно ни относились къ нему англійскія власти (Іоническіе острова были подъ протекторатомъ Англіи), какъ бы тѣсно ни сплочивался вокругъ него кружокъ приверженцевъ, гложущая мысль о праздно уходящемъ времени и о вѣроятности предстоящей неудачи портила хорошія впечатлѣнія неожиданнаго досуга.

Призывъ раздался лишь въ *декабрѣ* 1823 г., и тотчасъ же, по уговору съ агентами греческаго правительства, Байронъ направился въ сторону Мисолонги. Несмотря на всевозможные подходы со стороны различныхъ партій, онъ твердо выдержалъ принятое рѣшеніе помогать *народу*, а не лицамъ, и двинулся въ путь, когда произошло хотя временное соглашеніе между соперниками. Переправа черезъ узкій морской проходъ, отдѣляющій островъ отъ материка, была для него переходомъ черезъ Рубиконъ [2]), и роковое значеніе ея онъ вполнѣ сознавалъ. Передъ отплытіемъ написалъ онъ Муру, сравнивая свое двойственное положеніе поэта и воина съ ролью тѣхъ предшественниковъ и современниковъ его во всемірной литературѣ, изъ которыхъ многіе поплатились при томъ жизнью, и вспоминая объ испанцѣ

[1]) Works, Poetry, IV (1901), 566.

[2]) Онъ употребилъ самъ это сравненіе въ письмѣ къ Киннэрду—(Notes and Queries, 1869, Sept. 25): „Пусть боги пошлютъ намъ удачу,—кончаетъ онъ. Итакъ, en avant или, какъ звучитъ боевой кличъ суліотовъ, Derrah, Derrah!—что въ переводѣ значитъ—впередъ, впередъ"!

Digitized by Google

Гарсиласо де ла Вега, объ Эвальдѣ Клейстѣ, Теодорѣ Кёрнерѣ, Терсандрѣ и—о „русскомъ соловьѣ“ (russian nightingale) *Жуковскомъ*, съ чьей поэзіей его познакомила антологія Боуринга. Но,—говоритъ онъ подъ конецъ письма,—„я надѣюсь, что дѣло восторжествуетъ“.

Первые шаги въ серьезно начавшейся теперь кампаніи были, однако, необыкновенно неудачны. Греческій корабль, на которомъ находился Гамба, всѣ припасы, присланныя комитетомъ бумаги, много денегъ, былъ окруженъ турецкими фрегатами и взятъ; легкая барка, на которой плылъ Байронъ, только чудомъ избѣжала такой же участи, въ туманѣ ночью наткнувшись на непріятельскія суда, откуда ихъ окликнули, но, не получивъ отвѣта, вѣроятно, приняли ее за „брандеръ“ и дали ей уйти. Уже гавань Драгоместри была въ виду, и въ ней можно было укрыться, но осторожность требовала не сходить на берегъ, и Байронъ съ своими спутниками провелъ пять дней на палубѣ, не раздѣваясь и вынося всякія перемѣны погоды. Показался греческій военный корабль, чтобы принять ихъ, но волненіе было такъ сильно, что барку дважды бросало на камни, и Байронъ доплылъ до берега, неся на своихъ плечахъ греческаго мальчика, котораго обѣщалъ доставить къ роднымъ. Наконецъ совершилось торжественное вступленіе въ Мисолонги. Очевидцы въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ о необыкновенномъ энтузіазмѣ народной встрѣчи и искренности симпатій; Маврокордато съ главарями и старшинами вышли впередъ; греческіе и европейскіе офицеры составляли блестящій штабъ; массы народа, мужчины, женщины, воины, оглашали воздухъ кликами; слышался грохотъ салютовъ изъ пушекъ и ружей. Байронъ, вступившій на берегъ въ красномъ военномъ нарядѣ, имѣлъ вполнѣ здоровый и бодрый видъ, и видимо былъ тронутъ народнымъ восторгомъ [1]).

Прошли первыя свѣтлыя минуты и настала дѣловая суровая дѣйствительность,—и черезъ три недѣли послѣ этихъ торжественныхъ сценъ Байронъ могъ написать свое послѣднее, глубоко печальное стихотвореніе: „Сегодня мнѣ исполнилось тридцать шесть лѣтъ“. Ликовавшая „soldatesca“ при ближайшемъ изученіи оказалась мало дисциплинированной и плохо вооруженной ордой. Единственнымъ надежнымъ отрядомъ казались суліоты, число которыхъ теперь возросло до 500 человѣкъ, взятыхъ Байрономъ на личное иждивеніе. Между туземными войсками и

[1]) Pietro Gamba. A short narrative of L. B.'s last journey to Greece. 1825, 84.

Digitized by Google

иностранными волонтерами возникали частыя несогласія, кончавшіяся иногда стычками, драками и кровопролитіемъ. Въ одномъ изъ такихъ столкновеній былъ убитъ шведскій офицеръ. Уровень честности также былъ очень низокъ, и случаи воровства нерѣдки,—тогда какъ отсутствіе правдивости, твердости даннаго слова доводило Байрона до гнѣвнаго обобщенія, что „греки—величайшіе изъ лжецовъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ со времени изгнанія прародителей изъ рая". Жадность къ деньгамъ и вымогательство ихъ подъ предлогомъ національныхъ нуждъ не замедлили также обнаружиться. Но дѣйствовать, бороться нужно было несмотря ни на что,—не ради этихъ отдѣльныхъ, раздражавшихъ своей мелкотой и ничтожествомъ лицъ, но ради всего народа, виднѣвшагося въ неопредѣленной дали, ради общей свободы. Въ письмахъ Байрона чувствуется скрытое горе, разочарованіе, и въ то же время мужественная рѣшимость все подавить въ себѣ ради дѣла. Положеніе его было въ полномъ смыслѣ слова трагическое. „Чудная Эллада, грезившаяся ему въ мечтахъ,—замѣчаетъ справедливо и мѣтко одинъ изъ новѣйшихъ историковъ греческой революціи [1]),—потускнѣла въ рѣзкомъ свѣтомъ освѣщеніи безпощаднаго реализма. Но передъ его глазами была другая Эллада, совсѣмъ людская, жалкая, истекающая кровью отъ многихъ ранъ,—и не могъ онъ, задрапировавшись своей поэтической тогой, пройти брезгливо мимо нея". Напротивъ, онъ усугубилъ свою заботливость и самоотверженіе. Теперь ему лично ничего не нужно, и все, что только онъ можетъ собрать, онъ отдаетъ на народныя нужды. Его расходы дошли наконецъ до ста тысячъ піастровъ. Но и этихъ затратъ стало недостаточно, и онъ повелъ переговоры съ англійскими финансистами о займахъ для Греціи, далъ поручительство свое и сочувствующихъ ему лицъ, и смогъ осуществить *два* займа (одинъ въ 800.000 фунтовъ, другой въ 2 милліона), все время тревожась опасеніемъ, чтобъ эти деньги не были расхищены и присвоены греческими „патріотами".

Находилъ ли онъ настоящую поддержку въ окружавшихъ его сподвижникахъ? По строгой справедливости слѣдуетъ отвѣтить отрицательно. Головорѣзъ Трелони, искренній и въ рѣшительныя минуты неоцѣненный, былъ далеко; Маврокордато, котораго Байронъ сначала очень цѣнилъ, не былъ свободенъ отъ дипломатическаго лукавства; Стэнгопъ заботился теперь объ

[1]) The war of greek independence 1821—1833, by W. Alison Phillips. Lond., 1897, 139.

Digitized by Google

устройствѣ типографіи, объ основаніи греческой [1]) и англійской [2]) газетъ, которыя проводили бы въ народъ просвѣтительныя идеи, и Байронъ, иронизируя надъ доктринерскими пріемами, неприложимыми среди неграмотной массы, хотя сначала и оказалъ денежную поддержку греческой газетѣ, принужденъ былъ остановить ея выходъ послѣ запальчивой статьи, обрушившейся на австрійскую политику и грозившей испортить внѣшнія, пока еще благопріятныя, условія греческой войны; чисто военная молодежь рвалась въ бой, но открытіе дѣйствій все откладывалось по какимъ-то тонкимъ соображеніямъ правительства; войско стояло въ низинѣ, окружающей Мисолонги, болотистой и крайне вредной для здоровья, — „въ сравненіи съ которой,—грустно острилъ онъ,—голландскія болота могутъ показаться чѣмъ-то въ родѣ аравійской пустыни“. Объѣзжая позицію во всякую погоду, дыша заражающими испареніями, Байронъ постоянно подвергалъ себя опасности заболѣть и отъ переутомленія, и отъ климатическихъ условій. Но первый и грозный приступъ болѣзни вызванъ былъ нравственнымъ потрясеніемъ. Когда рѣшенъ былъ и объявленъ походъ одной части отряда къ Лепанто для взятія этой крѣпости, тѣлохранители Байрона и надежнѣйшіе, казалось, его воины, суліоты отказались идти „противъ каменныхъ стѣнъ“. Это переполнило мѣру, и съ Байрономъ сдѣлался (впервые, говоритъ онъ, во всю его жизнь) сильнѣйшій припадокъ, по признакамъ похожій на эпилепсію. Мало опытный молодой докторъ-итальянецъ хотѣлъ, по обычаю его національной медицины, пустить больному кровь, потомъ замѣнилъ это піявками, которыя вызвали обильнѣйшее кровоизліяніе, едва не вызвавшее синкопъ. Послѣ полноты, замѣтной у Байрона въ началѣ его житья въ Болоньѣ и Равеннѣ, онъ строгимъ режимомъ довелъ себя снова до поразительной худобы; напряженія и терзанія довершили изнуреніе организма, въ которомъ только горѣлъ энтузіазмъ, пылала воля. Убавлять физическія силы было немыслимо,—между тѣмъ въ этомъ варварскомъ пріемѣ и состояло леченіе, какъ въ первый приступъ болѣзни, такъ и въ роковые послѣдніе дни. Оправившись, Байронъ снова принялся за усиленную дѣятельность. Его убѣждали уѣхать, хотя на время, и возстановить здоровье, но онъ „предпочелъ умереть, дѣлая хоть что-нибудь, чѣмъ жить въ праздности“. Несмотря на неблагопріятныя условія, онъ не

[1]) Ελληνικα χρονικα; изданіе рѣдкое; въ Британскомъ Музеѣ есть только №№ 1825 г., послѣ смерти Байрона.

[2]) Greek Telegraph; редакторомъ былъ mr. Hodges.

Digitized by Google

могъ не видѣть, что приноситъ немалую пользу. Распустивъ съ негодованіемъ суліотовъ, онъ своимъ твердымъ и безстрашнымъ поведеніемъ въ рискованныя минуты такъ подѣйствовалъ на остальную массу, что она крѣпче сплочивалась теперь вокругъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ среди нея носителемъ гуманныхъ идей. Тотъ, кто съ такою силой описывалъ ужасы войны въ „Донъ-Жуанѣ", допускалъ обращеніе къ оружію только для защиты народной вольности, и энергически возставалъ противъ жестокостей, обычныхъ въ военное время; когда онъ нашелъ въ Мисолонги турецкихъ плѣнныхъ, взятыхъ давно, забытыхъ и доведенныхъ до крайняго истощенія, онъ отослалъ ихъ турецкому пашѣ при письмѣ, полномъ достоинства и гуманности. „Когда вопросъ касается человѣчности,—говорилъ онъ въ бумагѣ, съ которою направилъ несчастныхъ сначала къ англійскому консулу въ Превезу,—для меня нѣтъ различія между греками и турками". Но выступать въ походъ къ Лепанто все-же было необходимо, и рѣшено было, что Байронъ пойдетъ во главѣ двухтысячнаго отряда. Въ это время неожиданно присланъ былъ отъ Одиссея и другихъ вождей восточной Греціи настойчивый вызовъ Байрону прибыть въ Салону, на съѣздъ представителей *всей* страны, для объединенія дѣйствій и примиренія личныхъ счетовъ. Цѣль была такъ важна, что выступленіе было отсрочено, поѣздка въ Салону рѣшена и задержалась только благодаря бурной непогодѣ.

Ей не суждено было состояться, и Байрону не пришлось выполнить на національномъ конгрессѣ благородной роли апостола примиренія и объединенія. 11 апрѣля онъ снова почувствовалъ крайнюю слабость, на совѣты уѣхать на Занте, перемѣнить воздухъ и обстановку, отвѣчалъ уже согласіемъ, день отъѣзда былъ назначенъ, но жаръ, безсонныя ночи и бредъ явились такими грозными предвѣстіями конца, что тревога овладѣла всѣми близкими. За два дня до смерти онъ еще, пересиливая нездоровье, могъ писать дѣловыя письма, но на слѣдующій день его видъ, его „замогильный" разговоръ такъ потрясли Гамбу, что слезы градомъ полились у него, и онъ въ отчаяніи выбѣжалъ. Снова сдѣлано было кровопусканіе, и больному временно стало лучше, но ночью поднялся бредъ, и сцены войны удручали страдальца. 18-го апрѣля явилось опасеніе воспаленія мозга; предложенное опять (третье) кровопусканіе было отвергнуто Байрономъ, и медики прибѣгли къ аптечнымъ средствамъ. По показанію (безъименнаго) „свидѣтеля послѣднихъ минутъ Байрона",—очевидно, Бруно,—сбереженному сестрою поэта въ

Digitized by Google

рукописи вмѣстѣ съ другими повѣствованіями о его болѣзни и смерти [1]), которыхъ она потребовала отъ очевидцевъ,—больному дали „спиртной тинктуры хины, отчего у него начались судороги, потомъ стаканъ хинной настойки и нѣсколько капель лауданума съ эѳиромъ; тогда судороги превратились въ летаргическое онѣмѣніе, изъ котораго Байронъ не вышелъ болѣе".

Былъ первый день Пасхи. По греческому обычаю, послѣ полудня праздникъ слѣдовало отмѣтить пушечными и ружейными выстрѣлами и звономъ колоколовъ. Гамба и другіе военачальники распорядились увести войско за городъ, чтобы шумъ и выстрѣлы не безпокоили больного; жители также были извѣщены о тяжкомъ его состояніи. Сначала у одра умирающаго находились только его старый слуга Флетчеръ, эксъ-гондольеръ Тита и докторъ Миллингенъ; потомъ самъ Байронъ потребовалъ къ себѣ артиллериста Парри, которому хотѣлъ передать волю свою,—но ни Флетчеръ, ни Парри не могли уловить ничего опредѣленнаго въ продолжительныхъ и неясныхъ рѣчахъ. Явился наконецъ Гамба,—и всѣ присутствовавшіе запомнили тѣ обрывки фразъ, которые или обращены были сознательно къ нимъ, или прорывались сквозь бредъ [1]). Разсказъ Гамбы, записанный для Августы Ли, всего полнѣе. „Онъ восклицалъ: „Бѣдная Греція, несчастный городъ, несчастная семья моя! Зачѣмъ я раньше не устремился сюда! Теперь поздно". Говоря о Греціи, онъ сказалъ: „Я ей отдалъ мое время, мои деньги, здоровье; что я могу ей еще дать? Теперь отдаю жизнь". Часто повторялъ, что радуется смерти, и только жалѣетъ о томъ, что поздно созналъ это; называлъ по именамъ разныхъ людей, говорилъ о какихъ-то деньгахъ, но трудно было распознать, что онъ имѣлъ въ виду. Онъ назвалъ по имени свою дорогую дочку, сестру, *жену*, Гобгоуза, Киннэрда. „Зачѣмъ я не поѣхалъ въ Англію прежде, чѣмъ прибыть сюда!—воскликнулъ онъ подъ конецъ: — я покидаю то, что было для меня такъ дорого... но я готовъ умереть (Perche non passai in Inghilterra prima di venir qua... io lascio qualche cosa di caro al mondo... per il resto son contento di morire)". Послѣ 6 часовъ 19-го апрѣля 1824 г. онъ не страдалъ болѣе. „Теперь я засну",—

[1]) Réponse à examiner sur les derniers moments de lord Byron, par une personne qui vivait avec lui et qui l'assistat dans sa dernière maladie. Рукопись Британскаго Музея (Addition. Manuscr. 31, 037).

[2]) Разсказъ Гамбы, или собственно дневникъ, только-что напечатанъ въ VI т. переписки въ англійскомъ переводѣ. Я пользовался болѣе надежнымъ итальянскимъ оригиналомъ въ Британскомъ Музеѣ.

Digitized by Google

сказалъ онъ,—и забылся вѣчнымъ сномъ среди разразившейся внезапно оглушительной грозы.

Глубокое горе овладѣло всѣмъ греческимъ лагеремъ. Старые воины плакали навзрыдъ; безъ приказа послышались выстрѣлы въ честь умершаго вождя,—а съ той стороны залива, съ турецкихъ укрѣпленій, гдѣ поняли, *что* означала эта несвоевременная стрѣльба, и обрадовались избавленію отъ опаснаго врага, раздалась привѣтственная канонада. 22 апрѣля, въ церкви св. Николая, избѣгая всякой торжественности, отпѣвали набальзамированный трупъ Байрона [1]); гробъ былъ грубой работы, изъ массивнаго дерева, покровомъ служилъ черный плащъ, на который положены были шлемъ, сабля и лавровый вѣнокъ. Не приняты были во вниманіе настойчивыя просьбы грековъ отвезти тѣло въ Аѳины и похоронить его въ храмѣ Тезея, забыто было грозное заклятіе поэта не отвозить его тѣла на родину, гдѣ не найдутъ покоя его останки, и 25 мая англійскій корабль повезъ гробъ въ Лондонъ. Въ послѣдній разъ Гарольдъ совершилъ то плаваніе по волнамъ океана, которое обезсмертилъ своей юношеской поэмой.

А затѣмъ... затѣмъ началась замогильная расплата за все содѣянное, вольное и невольное,—мало кѣмъ замѣченное пребываніе великаго покойника сначала въ *Докахъ*, подъ Лондономъ, потомъ въ чьей-то квартирѣ въ Great George Street, Westminster, интриги духовенства и свѣтскихъ Тартюфовъ, закрывшихъ ему доступъ въ „Уголокъ поэтовъ“ Вестминстерскаго Аббатства, скромная процессія, направившаяся по проселочнымъ дорогамъ къ приходской церкви Ньюстэда, въ бѣдномъ мѣстечкѣ Hucknall-Torkard, тихія похороны [2]).

„Тотъ, кто со славою палъ въ крестовомъ походѣ за свободу и человѣчность, казалось, могъ бы тѣмъ искупить гораздо болѣе мрачные проступки, чѣмъ тѣ преувеличенныя клеветой слабости, которыя приписывались Байрону“,—сказалъ Вальтеръ Скоттъ въ своей задушевной характеристикѣ поэта,—и въ отвѣтъ на это заступничество соотечественника, довольно одинокаго въ этомъ случаѣ среди своего племени, послышались съ европей-

[1]) Недавно (Nuova Antologia, 1900, 1 дек.) сообщалось, что въ Мисолонги начата реставрація церкви св. Спиридона (?), гдѣ хранилась урна съ *сердцемъ* Байрона. Разрушенная турками церковь лежала съ тѣхъ поръ въ развалинахъ, подъ которыми погребена была и урна. Теперь употребляютъ всѣ усилія, чтобы открыть ее... Но—Гобгоузъ, одинъ изъ распорядителей похоронъ, говоритъ о гробѣ и о ящикѣ, гдѣ было сердце!

[2]) Въ родныхъ поэту мѣстахъ обстановка перемѣнилась. Изъ Ноттингема вышли на встрѣчу мэръ и корпораціи, присоединился и народъ, такъ что процессія растянулась на 1/4 мили.

Digitized by Google

скаго континента неисчислимые голоса опечаленныхъ и потрясенныхъ почитателей великаго художника-гражданина. Глубоко опечалился старецъ Гёте и возвеличилъ лучезарное появленіе Байрона на горизонтѣ человѣчества въ фантастическомъ, полубожественномъ образѣ Эвфоріона во второй части „Фауста“; тоскою охвачена была передовая нѣмецкая молодежь, и Гейне совершилъ поэтическую тризну по своемъ могучемъ единомышленникѣ [1]); итальянцы, поляки, французы, русскіе, въ десяткахъ, чуть не въ сотняхъ стихотвореній, некрологовъ, характеристикъ, возгласили ему хвалу. На противоположной сторонѣ не одни турки подъ Мисолонги, но и всѣ, кто вопреки знаменіямъ времени поддерживалъ старый порядокъ, и во главѣ ихъ злой геній Европы, Меттернихъ, ликовали, избавившись отъ опаснѣйшаго врага.

Съ той поры многое измѣнилось и въ литературномъ, и въ политическомъ достояніи человѣчества. Въ недавнемъ прошломъ установилось-было что-то въ родѣ высокомѣрнаго отношенія къ Байроновской поэзіи и созданному ею „байронизму“, какъ къ чему-то устарѣлому, пережитому, эксцентрическому. Но если поблекли иныя краски, если ушли въ туманъ формы, образы, картины изъ ранняго періода жизни поэта, если его подражатели размѣняли на мелочь его протестъ и его терзанія, придавъ имъ театральность и вычурность,—никогда не умретъ то истинно великое, что̀ *было* въ Байронѣ, выдающаяся художественная сила, соединенная съ титанической смѣлостью мысли, отважное проявленіе личности и героическій альтруизмъ, идущій на смерть ради общаго дѣла; *истинный* байронизмъ—одинъ изъ лучшихъ завѣтовъ, которые умственно возбужденная пора можетъ передать потомству,—и если современный намъ и все усиливающійся поворотъ снова къ Байрону знаменуетъ собой желаніе припасть къ животворному источнику,—это лучшая посмертная отплата многострадальному великому человѣку.

Алексѣй Веселовскій.

[1]) Слѣды великой грусти, вызванной у Гейне смертью Байрона, недавно открыты были и въ искреннемъ письмѣ его къ Христіани. Deutsche Rundschau, 1901, іюнь.

Digitized by Google

ИСПОВѢДНИКИ

ПОВѢСТЬ.

X *).

— Cher enfant! Какъ я рада тебя видѣть, милый Витя!— такъ привѣтствовала Булашова, заѣхавъ къ нему, на слѣдующій день по пріѣздѣ его въ Петербургъ, кузина его матери—княжна Зинаида Андреевна Рукавицына—Зизи, какъ ее давно звали въ домѣ.

Худенькая, съ сѣдѣющими бѣлокурыми волосиками на лбу, подслѣповатая, вся въ черномъ, въ своихъ манерахъ и слегка картавомъ говорѣ сохранившая что-то дѣвическое,—княжна глядѣла на него поблеклыми свѣтло-голубыми глазами, всегда точно подернутыми какой-то дымкой, съ кротко-мечтательнымъ выраженіемъ.

На столѣ у него, въ маленькой гостиной, уже горѣла лампа.

Онъ усадилъ княжну на диванъ и предложилъ ей чаю. Отъ чая она отказалась. Какъ всегда, она заѣхала „на минутку“— спѣшила къ тяжело больной пріятельницѣ, куда отправлялась на всю ночь.

Такого же другого добрѣйшаго существа Булашовъ не зналъ во всемъ Петербургѣ. Но ея доброта была пропитана, точно запахомъ мускуса, сокрушеннымъ чувствомъ своей грѣховности и неустаннымъ призывомъ „благодати“.

И когда онъ усадилъ ее рядомъ съ собой и оглядѣлъ ея

*) См. выше: янв., стр. 5.

Digitized by Google

лицо и худенькую, точно восковую фигурку—слова столярнаго мастера Суздальцева припомнились ему особенно живо.

Тотъ уже за тысячу верстъ былъ отъ этой недавней своей „сестры", сохранившей, среди особъ ея ближайшаго кружка, традиціи первоначальнаго благочестія, на иностранный—англійскій—ладъ. У нея и акцентъ былъ точно съ англійской примѣсью, хотя она, въ разговорѣ, употребляла смѣсь русскаго не съ англійскимъ, а съ французскимъ.

— Надолго?—спросила она.

— Поживу.

— А maman, а сестры не вернутся?

— Въ этомъ году не вернутся. Maman часто прихварываетъ.

— Такъ все разсѣялось,—заговорила, вздыхая, княжна.— И мы... дитя мое... какъ овцы безъ пастыря. Изъ прежнихъ держатся почти только женщины. А мужчинъ нѣтъ—изъ общества.

— Зато въ народъ пошло.

— Да, да. Простого званія люди... У нихъ даръ слова. И большая преданность... Я объ этомъ давно думаю... Господа—безъ народа ничего не могутъ. Только то и пойдетъ въ жизнь, что озарило простой людъ.

Княжна глядѣла на него съ особымъ выраженіемъ, держа его за руку.

— Ты сторонишься отъ насъ, Витя. Но я не хочу вѣрить, чтобы ты не жаждалъ той благодати, которая... enfin qui nous purifie et nous ouvre les coeurs! А когда же, какъ не теперь, послѣ кончины твоего отца, возложить на себя сладкую ношу Спасителя?

Булашовъ промолчалъ.

— Прости... я не хочу... enfin, je ne veux pas troubler ta conscience. Но намъ бываетъ горько, что сынъ нашего Сергѣя Васильевича... не съ нами. Какой бы это былъ праздникъ для всѣхъ, кто обязанъ отцу твоему своимъ просвѣтленіемъ!

Глаза княжны дѣлались влажны. Она не выпускала руки Булашова изъ своей.

— Конечно... мы очень счастливы тѣмъ, что благая вѣсть проникаетъ всюду и всѣ объединяются, чтобы составить одно стадо... les humbles prèchent le salut. Ты помнишь... ты былъ, правда, еще очень молодъ... Попытка объединенія всѣхъ ищущихъ единаго пути была задушена... Но и между разными ученіями не могло еще состояться полнаго соглашенія... А теперь... все стремится къ одному руслу.

Digitized by Google

Все, что говорила княжна, было ему впередъ извѣстно. Она застыла въ тѣхъ же звукахъ, вздохахъ и готовыхъ выраженіяхъ, и по-русски, и по-французски. Въ искренности ея вѣрованія онъ не сомнѣвался; но съ ней ему дѣлалось и немножко забавно, и неловко за нее.

Какая разница съ тономъ и языкомъ столяра, хотя тотъ тоже употреблялъ готовыя фразы. „Да, безъ народа нельзя"! „Les humbles"—какъ сейчасъ выразилась княжна—только они и могутъ придать жизнь тому, во что увѣровали.

Княжна еще ближе присѣла къ нему и заговорила въ полголоса:

— Твой отецъ, дитя мое, дѣйствительно, незадолго до кончины своей... но когда еще былъ здоровъ—совершилъ обрядъ...

Она не досказала и сдѣлала неопредѣленный жестъ свободной рукой.

— Quelques uns ne l'admettent pas volontiers... Мы, старые... первоначальные... не хотѣли вносить никакого раздора. Можетъ быть, онъ сдѣлалъ такъ, видя въ этомъ... залогъ единенія...

— Вы знаете, ma tante, я только наѣзжалъ за-границу. Отецъ не говорилъ со мною по этимъ вопросамъ. Онъ строго оберегалъ мою духовную свободу.

— Тѣ пресвитеры, которые состоятъ пастырями... новыхъ объединенныхъ собраній—выдаютъ это за несомнѣнный фактъ. Enfin, son âme est aux pieds du Seigneur!

Княжна склонила голову вбокъ и звонко вздохнула.

Вошелъ слуга Дмитрій и у дверей доложилъ:

— Съ письмомъ тутъ къ вамъ, Викторъ Сергѣевичъ...

— Кто?.. Извините, ma tante.

— Je me sauve! Я знаю—ты столькимъ нуженъ.

— Да онъ подождетъ,—замѣтилъ Дмитрій.

Мина стараго слуги дала ему понять, что это не баринъ, а такъ кто-нибудь, изъ разночинцевъ.

Въ передней, куда Булашовъ проводилъ княжну, стоялъ небольшого роста человѣкъ, въ старомъ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ. Тамъ было настолько темновато, отъ одной лампы съ колпачкомъ, что трудно было разглядѣть сразу его лицо. Волосы на головѣ темные, курчавые и небольшая борода, кажется, безъ просѣди. Похожъ на артельщика или на старшаго дворника.

— Сію минуту,—сказалъ ему Булашовъ.—Пройдите туда.

Проводивъ княжну, Булашовъ вернулся въ кабинетъ, куда позвалъ и этого посѣтителя.

Digitized by Google

Тутъ онъ разсмотрѣлъ его.

Прежде всего онъ замѣтилъ его выразительные, блестящіе глаза подъ густыми бровями. Лицо загорѣлое, широкій носъ и нѣсколько выдавшійся подбородокъ. Человѣкъ уже немолодой, по типу скорѣе южанинъ.

— Вы отъ кого-нибудь?—спросилъ Булашовъ, указывая ему на стулъ.

— Меня лично, Викторъ Сергѣевичъ, вы не изволите знать. Прозываюсь Викентій Семеновъ Бу́ровъ.

Онъ протянулъ визитную карточку.

— Сохранилась... отъ батюшки вашего, Сергѣя Васильевича. Они мнѣ дали ее къ одному господину... Тамъ... на югѣ. Да мнѣ не привелось найти его въ тѣ поры. А карточка-то сохранилась у меня.

Въ надписи сверху карточки Булашовъ тотчасъ же узналъ руку отца, гдѣ говорится, что онъ проситъ принять Бу́рова и оказать ему всякую поддержку.

Почему-то сразу Булашовъ распозналъ въ немъ нѣчто особенное.

— Отецъ мой зналъ васъ лично?

— Такъ точно. Въ послѣдній разъ, какъ пріѣзжали сюда, я получилъ отъ нихъ эту карточку.

— Вы гдѣ же постоянно проживаете?

— Какъ въ Писаніи—„не имамы здѣ пребывающаго града“, —отвѣтилъ Бу́ровъ, слегка развелъ руками и усмѣхнулся.—Сегодня здѣсь, завтра тамъ... гдѣ наши братья нуждаются въ поддержкѣ и предстательствѣ.

— И теперь временно въ Петербургѣ?

— Такъ точно. Къ вамъ, Викторъ Сергѣевичъ, обращаемся,— онъ сталъ говорить тише,—хотя намъ извѣстно, что вы не считаетесь нашимъ единовѣрцемъ. Сердце ваше содрогнется, ознакомившись съ тѣмъ, что̀ тутъ написано. Позвольте вамъ вручить.

Онъ вынулъ изъ бокового кармана своего пиджака тонкую тетрадку, перегнутую пополамъ, и подалъ ее Булашову.

— Покорнѣйше просимъ ознакомиться со всѣми этими подлинными фактами. Тутъ приведены письма и слова очевидцевъ. А подъ самый конецъ—онъ развернулъ тетрадь и указалъ пальцемъ—излагаются и самыя послѣднія событія. Не откажите намъ въ своемъ содѣйствіи...

Бу́ровъ всталъ.

— Но что̀ же я могу сдѣлать?—выговорилъ Булашовъ, взявъ въ руки тетрадь.

Digitized by Google

— Ежели позволите обезпокоить васъ еще разъ своимъ посѣщеніемъ,—когда ознакомитесь со всѣмъ тѣмъ, что находится тутъ, мы будемъ слезно просить поддержать насъ. Вся наша надежда здѣсь на одного благородной души человѣка... на его заступничество.

Булашовъ вопросительно взглянулъ на него.

— Вамъ этотъ человѣкъ извѣстенъ. И ежели бы вы сами, Викторъ Сергѣевичъ, затруднились лично обратиться къ нему... рука вашего родителя, то, что написано на карточкѣ—порука тому, что покойный Сергѣй Васильевичъ оказывалъ мнѣ довѣріе, и я могу вамъ представить форменное доказательство того, что я не самозванецъ какой-нибудь, а подлинный Викентій Семеновъ Бу́ровъ.

— Вамъ очень къ спѣху?

— Прочесть это—часъ времени, Викторъ Сергѣевичъ. Послѣ завтра позволите отъявиться въ какое вамъ способнѣе будетъ время? Можетъ, вы пожелаете имѣть и всякія дополнительныя свѣдѣнія... Отъ меня вы ихъ получите и притомъ безъ всякаго тамъ вымысла и прикрашиванья, а чистую правду.

— Придите послѣ завтра, утромъ. Я встаю рано. Можете хоть въ девятомъ часу.

— Слушаю. Не сомнѣваюсь, Викторъ Сергѣевичъ, что вы не останетесь безучастнымъ читателемъ всего заключеннаго въ этой малой тетради.

И, выпрямившись, Бу́ровъ блеснулъ глазами и приложилъ къ груди правую руку.

— Тяжки наши испытанія... но уныніе—великій грѣхъ, и до тѣхъ поръ, пока духъ бодръ—и все останется ненарушимымъ... Не о торжествѣ мы мечтаемъ... Не привилегій какихъ желаемъ или чего другого... Воздухъ, небось, для всѣхъ отъ Отца нашего небеснаго. Такъ точно и духовный нашъ воздухъ... единое наше благо и достояніе.

Онъ смолкъ и, опустивъ руку, низко поклонился.

— Ежели вамъ что-нибудь экстренное помѣшаетъ, Викторъ Сергѣевичъ, не откажите—оповѣстите меня. Вотъ и адресокъ мой, на всякій случай.

Адресъ былъ написанъ на узенькомъ кускѣ бумаги, которую онъ вынулъ изъ наружнаго кармана.

Недѣли не прошло, какъ Булашовъ въ Петербургѣ, и каждый день къ нему обращаются все въ томъ же родѣ.

Со стороны можно подумать, что онъ ведетъ тайную пропаганду, разъѣзжаетъ, какъ „эмиссаръ", по разнымъ мѣстамъ и

Digitized by Google

насаждаетъ „плевелы“—на взглядъ однихъ; бросаетъ въ добрую землю сѣмена божественной правды—по убѣжденію другихъ.

А это вовсе не такъ! Онъ—человѣкъ „со стороны“ во всемъ, что—неподвижный догматъ, провозглашеніе безусловной истины, обличеніе ереси, обращеніе и совращеніе, соперничество различныхъ толковъ...

Въ немъ живетъ одно руководящее начало: не давать остыть въ себѣ чувству связи съ попранной свободой совѣсти, быть всегда и вездѣ открытымъ для всякаго страданія, стона, просьбы, разоблаченія безчисленныхъ фактовъ, на которые столько просвѣщенныхъ и гуманныхъ „интеллигентовъ“ закрываютъ глаза.

Конечно, такой столярный мастеръ Суздальцевъ или полутаинственный Викентій Буровъ—счастливѣе его. Они завоевали себѣ вѣру въ истину и готовы пострадать за нее, глядя по своему душевному подвигу. И каждый изъ нихъ дорогъ для него не потому, что онъ—сторонникъ того или иного ученія, а потому, что они должны хорониться, потому что ихъ только „терпятъ“...

Только въ такихъ онъ и чувствуетъ людей, для которыхъ превыше всего стоитъ вопросъ: какъ жить на свѣтѣ, для чего жить, гдѣ найти путь, какъ и другимъ помочь въ отысканіи этого пути?..

Всѣ для него въ этомъ смыслѣ одинаково дороги: и сентиментальная княжна Зинаида Андреевна, и Топорковъ, и старообрядецъ изъ московскаго „города“, и тѣ родители, у которыхъ отняли дѣтей—все изъ-за того же самаго...

Ему надо было гдѣ-то побывать сегодня до обѣда; но онъ тотчасъ же присѣлъ къ лампѣ у письменнаго стола и развернулъ тетрадь, оставленную его послѣднимъ посѣтителемъ.

Она была написана не совсѣмъ разборчиво, рукой не очень грамотной, съ ошибками, почти безъ знаковъ препинанія. Но онъ не оторвался отъ тетради до конца.

Нѣсколько разъ онъ замѣтно блѣднѣлъ и внутри у него точно что сжималось.

Если даже тутъ и нѣкоторое преувеличеніе, приподнятый тонъ, желаніе возбудить жалость, то суть—голая правда, факты всѣ съ точностью обозначены.

— Это Богъ знаетъ что! — громко вырвалось у него въ одномъ мѣстѣ.

Онъ даже бросилъ тетрадь и сталъ быстро ходить по комнатѣ, нервно потирая руки.

Приди онъ въ такое настроеніе, когда слушалъ разговоръ

Digitized by Google

двухъ пассажировъ, въ вагонѣ николаевской дороги—онъ не воздержался бы и выступилъ бы съ *своими* вопросами, которые пришлись бы, конечно, не по вкусу господину „эксперту".

Но чѣмъ же тутъ помочь?.. Буровъ попроситъ его быть у какого-нибудь вліятельнаго лица... У него нѣтъ такихъ связей. Да и было бы это только выпрашиваньемъ разныхъ послабленій. А корень оставался бы все тотъ же.

И опять онъ присѣлъ къ столу и дочелъ тетрадь. Конецъ подавилъ его болѣе средины и начала.

И тутъ онъ почувствовалъ — едва ли не впервые съ такой ясностью и силой,—что останься онъ такимъ же приверженцемъ механической теоріи мірозданія, какъ профессоръ Грязевъ, не ищи онъ самъ ничего внѣ желѣзныхъ законовъ, необходимыхъ для міровой эволюціи,—онъ долженъ былъ бы и тогда проникаться тѣмъ же чувствомъ, которое заклокотало въ немъ теперь...

Въ передней пробило шесть. А Булашовъ все еще сидѣлъ у стола и перечитывалъ тетрадь, вызвавшую въ немъ, передъ тѣмъ, громкій возгласъ:

— Это Богъ знаетъ что!

XI.

Раннимъ первопуткомъ, въ саняхъ, Булашовъ ѣхалъ въ сумерки, по Фонтанкѣ, къ Костровинымъ. Они устроились на зимніе мѣсяцы въ Петербургѣ и взяли квартиру съ готовой обстановкой.

Ина Николаевна уже завела у себя предъобѣденные пріемы, по средамъ.

Булашовъ нашелъ ее одну, въ обширной гостиной, гдѣ она отдѣлала себѣ по своему вкусу уголокъ, задрапировавъ его старинными шолковыми тканями, съ разными bibelots, которые привезла изъ Москвы.

— Павлуши нѣтъ дома?—спросилъ Булашовъ, принимая отъ нея чашку чая.

— Онъ скоро будетъ. Ему хочется подѣлиться съ вами своими петербургскими впечатлѣніями... изъ того міра, куда онъ попалъ по вашимъ указаніямъ.

Ина была вся въ черномъ, съ рукавами, гдѣ, сквозь прошивки, виднѣлись ея бѣлыя, изящныя руки. И прическу она носила уже не ту, что въ Москвѣ: въ длинныхъ зачесахъ на ушахъ, съ крупной ондуляціей и высокимъ узломъ волосъ на маковкѣ.

Digitized by Google

— Вы здѣсь болѣе довольны его настроеніемъ, чѣмъ въ Москвѣ?

— Благодаря вамъ, Викторъ Сергѣевичъ. Къ людямъ того кружка, который меня всего болѣе интересовалъ, онъ присматривается и прислушивается. Къ чему онъ самъ придетъ... я не знаю.

— А за его душевное равновѣсіе вы не боитесь?

— Все зависитъ отъ того, на что устремленъ интересъ: въ сторону мрачнаго изувѣрства, или къ сліянію міровой тайны съ красотой. Вотъ, не дальше какъ третьяго дня... у насъ обѣдалъ... поэтъ... Кублицкій.

— Изъ кружка?—добавилъ съ усмѣшкой Булашовъ.

— Да. Вы воздержались отъ банальной клички, и я вамъ за это очень признательна. Поль, вѣроятно, въ первый разъ слышалъ такой разборъ Апокалипсиса... какъ великолѣпной поэмы.

— Углубляться въ эту книгу—вещь обоюдо-острая,—замѣтилъ, какъ бы про себя, Булашовъ.

— Развѣ не счастье, Викторъ Сергѣевичъ, найти себѣ особый источникъ пониманія всего... жить въ мірѣ самыхъ глубокихъ образовъ?..

Онъ глядѣлъ на нее все съ той же сдержанной усмѣшкой.

— Неужели для васъ самихъ,—продолжала она,—цѣнно только то, что называютъ свободой совѣсти? А развѣ, въ сущности, не все равно: есть эта свобода или нѣтъ?

— Вотъ какъ!—вырвалось у Булашова.

— Вѣдь это все политика... либеральныя клише!.. Знаете, когда начинаютъ перебирать: свобода слова, свобода сходокъ, гарантія личности...—я вамъ покажусь чудовищной ретроградкой, но для меня все это въ родѣ успѣховъ техники. Все это будетъ не нынче, такъ завтра. Ѣздили въ колымагахъ или на переладной телѣгѣ; а теперь—паръ, электричество. Черезъ сто, двѣсти лѣтъ, а то и раньше, будутъ летать и дѣлать хлѣбъ химическимъ способомъ, и канетъ въ воду всякій вопросъ... заработка... великій соціальный вопросъ,—выговорила она, растягивая эти слова,—потому что питаться всѣ будутъ такъ, какъ пользуются воздухомъ и солнечнымъ свѣтомъ... А міровая тайна все останется тайной...

— Возможно!

— И выше всего, когда въ душѣ трепещетъ чувство этой тайны. Пускай она рождаетъ фанатизмъ, изувѣрство... когда человѣкъ находитъ высшее блаженство въ томъ, чтобы закопать себя живымъ въ землю, или взойти на костеръ.

Digitized by Google

— И вы желали бы того же и для вашего Поля?

— Онъ былъ бы счастливецъ!

Слуга приподнялъ портьеру и впустилъ гостя.

— Это поэтъ Кублицкій!—тихо выговорила Ина и оправила на шеѣ высокій воротникъ, немного подправшій ей подбородокъ.

Булашовъ нигдѣ не встрѣчалъ еще этого худощаваго блондина, съ зачесанными за уши длинными волосами и бородкой странной формы, въ длиннѣйшемъ сюртукѣ. Лицо безкровное, съ затуманеннымъ взглядомъ блѣдно-сѣрыхъ глазъ и широкими вѣками. Длинная шея была укутана шарфомъ съ тонкой полоской воротничка.

Пожатіе его руки было холодное и влажное.

— Вотъ, Модестъ Григорьевичъ, — обратилась къ нему хозяйка,—я только-что сейчасъ передавала другу и товарищу моего мужа,—она указала рукой на Булашова,—нашу послѣднюю бесѣду, у насъ за обѣдомъ, когда вы такъ погрузили меня въ Откровеніе Іоанна.

Блондинъ растянулъ свои блѣдныя губы въ суховатую улыбку и ничего не отвѣтилъ.

Булашову сразу онъ не очень понравился; но ему не хотѣлось непріязненно настроивать себя.

— Отчего бы вамъ не переложить нѣкоторыя главы... Или, можетъ быть, у васъ уже есть что-нибудь готовое?

На вопросъ хозяйки поэтъ сдѣлалъ отрицательный жестъ головой.

— Вы такъ прекрасно произносили нѣкоторыя мѣста. Я—до васъ... если и заглядывала въ это чудное видѣніе, то не понимала всей его глубины и красоты ужаса.

Блондинъ усмѣхнулся своими блѣдными тонкими губами и беззвучно похлопалъ концами пальцевъ—въ видѣ аплодисментовъ.

— Прекрасно сказано: „красота ужаса“! Вы позволите воспользоваться?

— Ахъ, пожалуйста!

Щеки Ины слегка порозовѣли—подъ тонкимъ слоемъ пудры—отъ удовольствія.

— Видите, Викторъ Сергѣевичъ,—она обернулась къ Булашову,—какъ тѣсно связана высшая мистика съ красотой.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?—спросилъ блондинъ, ни на кого не глядя.

— Мы и васъ приведемъ къ признанію этого, Викторъ Сергѣевичъ,—съ своимъ полу-дѣтскимъ, изнѣженнымъ смѣхомъ протянула Ина.

Digitized by Google

Булашовъ сдѣлалъ только молчаливый жестъ.

Ему не было охоты вступать въ пренія; но онъ ждалъ—куда пойдетъ ихъ разговоръ. Одно онъ видѣлъ ясно: Ина ласкала поэта и взглядомъ, и тономъ, и въ то же время старалась всячески о томъ, чтобы онъ поставилъ ей хорошій баллъ... за успѣхи по части эстетической мистики.

— Видите,—обратилась она къ Кублицкому,—я теперь не разстаюсь съ Апокалипсисомъ.

Она взяла, на столикѣ, около дивана, маленькую книжку въ черномъ тисненомъ переплетѣ и ногтемъ красиваго пальца развернула ее на закладкѣ.

— Какъ это звучитъ!

И она начала читать протяжно, почему-то немного въ носъ и сквозь зубы:

„Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ, говоритъ Господь, который есть, и былъ, и грядетъ, Вседержитель!“

И закинувъ немного назадъ голову, она полу-закрыла глаза.

— Пожалуйста, Модестъ Григорьевичъ, проговорите это по гречески! И потомъ запишите мнѣ это русскими буквами. Я выучу.

— Безъ сомнѣнія.. Это—простая проза, и не образцовая, если хотите,—но съ необычайной силой, музыкальностью и богатствомъ словъ и образовъ.

Все это Кублицкій произнесъ тономъ учителя, поясняющаго слушателямъ красоты образцоваго автора.

— Пожалуйста... Вотъ хоть эти слова запишите.

— Извольте.

Онъ протянулъ впередъ правую руку и такъ же, какъ она, пропустилъ сквозь зубы и немного въ носъ греческій текстъ, кончающійся словомъ: ὁ παντοκράτωρ!—и перевелъ текстъ.

— Какъ звучитъ это слово: „*пантокра̀торъ*“!—повторила Ина и опять полу-закрыла глаза.—Нашъ „Вседержитель“—это значительно, но по звукамъ менѣе музыкально. Не правда ли, Викторъ Сергѣевичъ?

— Если угодно—да!

— А эти слова... я боюсь переиначить...

И она осторожно повторила еще нѣкоторыя греческія слова.

Кублицкій опять концами пальцевъ беззвучно ей зааплодировалъ.

— Поздно учиться... а то бы я принялась.

— Почему же поздно? Въ одинъ годъ вы уже будете читать такой текстъ. Сначала съ русскимъ контекстомъ.

Digitized by Google

— Захочется и другого. Трагиковъ! Вѣдь у нихъ также какая высота мистическаго настроенія!.. Викторъ Сергѣевичъ,— окликнула она Булашова,— неужели вы будете оспаривать, что въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла высшая красота идетъ прямо отъ высшей мистики?

— Но врядъ-ли отъ одной мистики люди, страсти и борьба такъ художественно правдивы.

— Правда!

Ина быстро посмотрѣла на Кублицкаго.

Тотъ только повелъ губами, и въ глазахъ его явилось выраженіе почти жалости къ такимъ избитымъ общимъ мѣстамъ.

— Правда!—еще выразительнѣе повторила Ина и развернула томикъ въ черномъ переплетѣ на другой закладкѣ.

— Развѣ кто-нибудь изъ насъ можетъ судить — въ какой степени правда вотъ то, что здѣсь стоитъ? Это превышаетъ нашъ bon sens... банальный здравый смыслъ, безъ котораго вѣдь не признаютъ правды узкіе реалисты.

И она уже проще, безъ процѣживанья сквозь зубы, громко и медленно прочла:

— „И небо скрылось, свившись какъ свитокъ; и всякая гора и островъ двинулись съ мѣстъ своихъ“... Вѣрующіе должны ждать, что такъ и будетъ; но узкій реалистъ, стоящій за узкую правду, будетъ недоумѣвать и даже ухмыляться. Какъ это небо совьется, какъ свитокъ?.. А какой прекрасный образъ! Модестъ Григорьевичъ! Свитокъ! Простите... вы навѣрно скажете мнѣ, какъ это въ текстѣ?

— Постараюсь.

И немного подумавъ, сказалъ:

— Это то же слово, какъ и книга. Свитокъ замѣнялъ древнимъ нашу книгу—*библіонъ*.

— „Бѝбліонъ!“—повторила Ина.—И это какъ музыкально! Лучше нашего... Свѝтокъ.

„Долго они будутъ такъ?“—спросилъ про себя Булашовъ. Ему стало сдаваться: не „нарочно“ ли они такъ забавляются? Но тонъ у обоихъ былъ совершенно серьезный.

Онъ тотчасъ же пристыдилъ себя: зачѣмъ быть такимъ придирчивымъ? Если для нихъ мистика—высшій источникъ красоты, это не преступленіе! Только бы Ина не слишкомъ мудрила изъ-за своего дилеттантства надъ мужемъ.

— Поль какъ себя чувствуетъ въ Петербургѣ? — спросилъ онъ ее.

Digitized by Google

— Пока—не жалуется. Онъ вамъ разскажетъ—гдѣ онъ побывалъ.

Булашовъ понялъ—гдѣ именно.

— Только я боюсь, что онъ здѣсь скоро затоскуетъ... по Москвѣ... хотя и тамъ тяготится своими досугами.

— Москва—ужасный городъ! — съ гримасой выговорилъ Кублицкій.

— Кажется, и тамъ есть искатели новыхъ путей? — тихо спросилъ Булашовъ Ину, сдерживая усмѣшку.

— О! въ нашемъ кружкѣ, — воскликнула она, — Модеста Григорьевича цѣнятъ... и любятъ. Но какая же разница! Здѣсь все это смѣлѣе... и больше таланта... и больше образованія.

Вошелъ Костровинъ. Онъ очень обрадовался пріятелю и сейчасъ же отвелъ его въ сторону, къ окну, усадилъ рядомъ съ собою и хотѣлъ начать свою, особенную бесѣду. Но Ина ихъ позвала къ чайному столику.

— Поль! — окликнула она. — Передъ твоимъ приходомъ у насъ былъ разговоръ объ Откровеніи Іоанна по поводу того, что недавно Модестъ Григорьевичъ говорилъ объ немъ съ художественной точки зрѣнія. И мнѣ такъ захотѣлось начать учиться по-гречески, чтобы читать въ подлинникѣ.

— Кто же мѣшаетъ? — добродушно отозвался Костровинъ.

— Твой другъ, Викторъ Сергѣевичъ, кажется, принципіально не согласенъ съ нами во взглядѣ на мистическій элементъ красоты.

— Я съ вами не спорилъ, Ина Николаевна, — оговорился Булашовъ.

— Не спорили—правда. Но вы такъ молчали, что это выдавало васъ, ха, ха!

— Булашовъ привыкъ трактовать эту область совсѣмъ иначе,—замѣтилъ Костровинъ.—Для тебя и для господина Кублицкаго религіозное чувство само по себѣ какъ бы не имѣетъ значенія.

— Когда же это я говорила? Модестъ Григорьевичъ... защитите меня! Намъ обоимъ потому такъ и милъ нашъ народъ, что въ немъ такая жажда тайны... такая потребность въ чудѣ!

— Народъ—богоноситель!—манерно выговорилъ Кублицкій.

Эти слова мало шли къ нему, на оцѣнку Булашова, и ему сильно захотѣлось крикнуть:

„Полноте! Между вами и народомъ—цѣлая бездна!“

Но онъ сдержалъ себя, и черезъ нѣсколько минутъ сталъ прощаться съ хозяйкой.

Digitized by Google

— Вотъ видите... вы отъ насъ бѣжите... А еще такой поборникъ терпимости! Богъ съ вами!

Костровинъ пошелъ провожать его до передней. Ему досадно было, что не удалось поговорить съ нимъ, какъ слѣдуетъ.

— Зайдемъ ко мнѣ,—предложилъ онъ ему въ передней.— Посиди хоть съ полчасика.

Онъ ввелъ Булашова въ свой кабинетъ — тѣсноватую комнату, съ окнами на дворъ, гдѣ онъ давно уставилъ книги, привезенныя изъ Москвы.

— Ну, что, проникъ хоть на одно собраніе? — спросилъ Булашовъ, присаживаясь на диванъ.

Костровинъ, по своей привычкѣ, прохаживался коротенькими шагами позади письменнаго стола.

— На цѣлыхъ двухъ былъ.

— Слышалъ какого-нибудь „пресвитера“?

— Опять-таки цѣлыхъ двухъ.

— Оба не изъ господъ?

— Нѣтъ, изъ мастеровыхъ оба. Одинъ—съ несомнѣннымъ даромъ слова и легко приходитъ въ нервное настроеніе, которое сообщается братіи... особенно женщинамъ. Нѣкоторыя плакали. Одна была близка къ припадку.

— Вообще, господа были въ меньшинствѣ?

— Въ безусловномъ. Нѣсколько барынь — настоящихъ. Кажется, титулованныя?

— Есть.

— Мужчины барскаго вида, можетъ, двое-трое. Изъ молодой интеллигенціи двоихъ студентовъ замѣтилъ или гимназистовъ въ формѣ, похожей на студенческую... Трудовыя дѣвушки. Но не изъ такихъ, чтобы походить на курсистокъ.

— Значитъ, изъ простого люда выходятъ у нихъ теперь „пастыри“? Такъ и должно было, впрочемъ, случиться. Мы, господа, можемъ иногда дать толчокъ; да и то это случается разъ въ полстолѣтіе; но пустить корни ученіе можетъ только въ ихъ же средѣ.

— Пожалуй,—согласился съ нимъ Костровинъ. — Только, милый другъ, если позволишь мнѣ высказаться совсѣмъ свободно...

— Какъ же иначе? Ты все забываешь, что я ни къ какому толку не принадлежу,—отвѣчалъ Булашовъ.

— Все это только бѣдно формами! Пѣніе, проповѣдь въ приподнятомъ тонѣ—это дѣйствуетъ, конечно. Но то, что поется, слишкомъ ужъ отзывается переводомъ съ иностраннаго. Самые стихи—не важные.

Digitized by Google

— Не все ли равно, если они отвѣчаютъ внутреннему чувству?

Костровинъ присѣлъ къ дивану и, положивъ руку на колѣно Булашова, замѣтилъ:

— Въ сущности, тутъ все вертится на одномъ: „вы-молъ погибли, если не сойдетъ на васъ благодать"!

— Несомнѣнно!

— Я не богословъ и не начетчикъ, — продолжалъ Костровинъ, — и не затѣмъ пошелъ, чтобы ихъ опровергать и обличать. Для этого есть...

— Эксперты по сектовѣдѣнію? — подсказалъ Булашовъ.

— Именно! Я ждалъ отъ нихъ бо́льшаго, такъ сказать, проникновенія... въ тайну бытія. Мистика тутъ есть безспорно, но въ очень ужъ протестантскомъ духѣ. Черезъ-чуръ ужъ прямолинейна у нихъ ловля святости еще на землѣ и заручка спасенія въ будущей жизни.

— Этотъ импульсъ держитъ всѣхъ и въ другихъ исповѣданіяхъ и толкахъ, — спокойно возразилъ Булашовъ.

— То, да не то!.. Вотъ, даже и въ томъ двоевѣріи, какимъ зашибается нашъ простой народъ, принадлежащій къ господствующей церкви... Разумѣется, мораль тутъ выиграетъ, хотя она и объявляется недѣйствительною для спасенія души, безъ схожденія благодати, безъ пламенной любви къ Искупителю. Я не удивляюсь, что большинство пришло къ пріятію двухъ символическихъ обрядовъ. Безъ нихъ было бы слишкомъ сухо и голо. Особенно для народной массы... безъ о́браза, безъ эмблемы — нельзя закрѣплять вѣрованія. Иначе они выродятся въ мертвечину.

— Это вопросъ! Но согласись, Костровинъ, — живѣе заговорилъ Булашовъ, — все-таки-же ты попадалъ тамъ въ воздухъ самаго искренняго богоисканія, и притомъ не такой, какъ у тѣхъ господъ и госпожъ, которые будутъ собираться на „five o' clock'и" твоей жены?

И онъ повелъ головой въ ту сторону, гдѣ гостиная Ины Николаевны.

— У нихъ — своя религія, свой культъ, — сказалъ Костровинъ.

— Ты съ ними уже достаточно знакомъ!

— Они выработали себѣ болѣе махровое „credo". Ты слышалъ нѣкоторыя формулы.

— Высшее мѣрило — мистика! — воскликнулъ Булашовъ.

— Да... Безъ нея писатель — не художникъ, а мастеровой. При тебѣ они еще не разошлись, а то вотъ тотъ ихъ пріятель...

Digitized by Google

фамиліи его никакъ не могу удержать въ памяти... тотъ сталъ какъ-то, на дняхъ, говорить о нравахъ, за которые погибли Содомъ и Гоморра... и въ древнемъ мірѣ, и въ современномъ обществѣ. И по его толкованію выходитъ, что во всемъ *этомъ* есть высшая мистика.

— Вотъ какъ!

Булашовъ разсмѣялся и всталъ съ дивана.

— Увѣряю тебя... У него цѣлая теорія по этой части,— продолжалъ Костровинъ.

— И они это называютъ „богоисканіемъ"?

— Присядь... Еще минутку! Видишь... Одна у нихъ есть идея... объ исконной борьбѣ сатанинскаго элемента съ божественнымъ.

— Это—манихейство!

— По ихъ толкованію выходитъ, что вся тайна бытія и состоитъ въ этой борьбѣ, которая, на высшихъ граняхъ мірового развитія, перейдетъ въ слiяніе добра и зла, въ нѣчто нераздѣльное и богоподобное.

— Пускай ихъ! Имъ это нужно, какъ „эстетамъ",—и только.

— Кто ихъ знаетъ! Но все-таки чего-то ищутъ,—выговорилъ Костровинъ, другимъ тономъ.—Кажется, какая разница... вотъ такой кружокъ... и тѣ, что были на двухъ собраніяхъ. А и тѣ, и другіе ищутъ разрѣшенія одной и той же тайны, бѣгутъ отъ гибели къ блаженству—одни съ евангеліемъ въ рукахъ, другіе—съ языческимъ культомъ красоты!

Онъ опустилъ голову и помолчалъ.

— Ина довольна мною. Въ свой эстетическій толкъ она меня не завербовываетъ; но повторяетъ, что моя душа расцвѣтетъ только тогда, когда я не буду стыдиться порываній въ надчувственный міръ... Ну, прошу извинить, что задержалъ тебя!..

— А ты вернешься туда, въ гостиную?

— Нѣтъ, довольно.

Булашовъ посмотрѣлъ на часы. Оставалось еще болѣе часа до шести, и онъ могъ застать графиню Бунину, къ которой являлся въ Москвѣ.

Онъ уже справлялся о ея возвращеніи. Графиня заболѣла въ Москвѣ и пріѣхала только на дняхъ.

— Ты еще не скрываешься—куда-нибудь по дѣламъ?—спросилъ Костровинъ, провожая его въ переднюю.

— Поживу.

Digitized by Google

— То-то. Ина пріѣхала къ своимъ „эстетамъ“, а я—къ тебѣ. Ты этого не забывай!..

XII.

У графини Буниной Булашовъ еще не былъ; но его тянуло туда не изъ одного желанія узнать: что сдѣлано по той исторіи съ дѣтьми, отнятыми у матери. Знакомство съ этой молодой дѣвушкой оставило въ немъ слѣдъ—какъ бы охоту: приглядѣться къ ней попристальнѣе,—и болѣе затаенное желаніе помѣриться съ нею коренными убѣжденіями, показать ей, что есть вопросы и болѣе всеобщіе, и безотлагательные, чѣмъ тенденціозная поддержка такъ называемаго „женскаго движенія“.

Къ этому движенію онъ не относился враждебно; но во всѣхъ тѣхъ дамахъ и дѣвицахъ изъ „феминистокъ“, съ которыми онъ встрѣчался, ему не нравилось ношеніе какого-то обязательнаго мундира; такой тонъ и складъ мысли и рѣчи,—точно будто для нихъ нѣтъ никакихъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, а все уже приведено въ ясность, и какъ только рѣшится окончательно женскій вопросъ, то и все преобразится, и наступитъ всеобщее эльдорадо.

За собой онъ не зналъ никакой злобности, охоты къ задорнымъ спорамъ, повадки вышучивать въ людяхъ—особенно въ женщинахъ—ихъ „дефекты“ и показывать имъ, что они напрасно такъ въ себѣ увѣрены и такого высокаго о себѣ мнѣнія.

А тутъ въ немъ, явственно для него самого, шевелилось чувство въ родѣ того, какое бываетъ, вѣроятно, у шахматнаго игрока, когда онъ садится съ предвзятымъ желаніемъ сначала подмѣтить слабыя стороны своего противника, а потомъ уже составить окончательный планъ игры.

О пріѣздѣ графини онъ справился. Она уже около недѣли, какъ въ Петербургѣ, живетъ въ собственномъ домѣ и—кажется—одна. Что она сирота—онъ давно зналъ.

Третьяго дня онъ написалъ ей записку, спрашивая, когда она бываетъ у себя, и вчера получилъ депешу, что она дома каждый день, послѣ пяти.

Графиня жила въ Петербургѣ далеко, въ сторону Коломны, въ маленькомъ, одноэтажномъ особнякѣ, оригинальной архитектуры.

Человѣкъ во фракѣ попросилъ его въ гостиную, безъ доклада.

У графини сидѣли двѣ гостьи.

Digitized by Google

Булашовъ—еще на ходу—распозналъ въ нихъ особъ одного лагеря съ хозяйкой. Одна была уже пожилая, полная, въ коротких волосахъ, въ черной кофточкѣ и такой же юбкѣ; другая—видомъ дѣвушка, съ интересной наружностью въ модной прическѣ, съ взбитыми бѣлокурыми волосами, въ свѣтло-горховомъ суконномъ платьѣ, въ обтяжку.

Онѣ что-то горячо обсуждали, когда онъ вошелъ въ гостиную.

Хозяйка не сразу его увидала, сидя вбокъ къ входной двери. Булашовъ вспомнилъ, что на ней былъ тотъ же туалетъ, что въ Москвѣ. И причесана она была такъ же.

Толстая дама что-то ей шепнула. Графиня обернула голову и привстала.

— Здравствуйте! Очень рада васъ видѣть.

Тонъ этого привѣта звучалъ такъ, точно она—дама среднихъ лѣтъ, принимающая у себя юнца. Это опять показалось Булашову „мундиромъ".

И, сдѣлавъ ему пригласительный жестъ присѣсть къ нимъ, она указала на него дамамъ:

— М-г Булашовъ.

Тѣ поклонились ему суховато, и полная дама продолжала, обращаясь къ графинѣ:

— Но теперь вопросъ въ томъ, какъ тамъ,—и она указала рукой кверху,—посмотрятъ на это. Намъ—ни подъ какимъ видомъ—не надо допускать, чтобы это попало въ ихъ руки!

Онъ плохо понималъ, о чемъ идетъ рѣчь; а хозяйка не вводила его въ содержаніе разговора.

— Но по крайней мѣрѣ у васъ,—обратилась она къ интересной блондинкѣ,—все идетъ порядочно?

— Боимся, что и у насъ вмѣшаются. Въ комитетѣ пока дружно работаютъ; но сборы идутъ туго. Чтеніе, на которое мы особенно разсчитывали—не разрѣшили.

— Все надо хлопотать здѣсь!.. Какой это ужасный городъ!

Возгласъ графини былъ въ сторону Булашова.

— Извините... это... мои сотрудницы здѣсь и въ Москвѣ... Госпожа Дубровина,—указала она на полную даму;—госпожа Пафнутьева,—назвала она блондинку.

Которая дама, которая дѣвица—онъ не могъ узнать подъ однимъ словомъ „госпожа", произнесеннымъ графинею очень выпукло и твердо.

— Вы не возвращаетесь въ Москву?—обратилась она къ нему.

— Не сейчасъ.

Digitized by Google

— Вотъ... вы бы помогли имъ,—и она указала на блондинку,—вы, вѣроятно, знакомы съ тамошнимъ литературнымъ міромъ... а еще лучше—съ интеллигентными коммерсантами? Впрочемъ,—перебила она себя,—вы... кажется... не очень сочувствуете... даже и такому дѣлу, какъ медицинское образованіе для женщинъ.

Обѣ гостьи поглядѣли на него: полная—довольно строго, блондинка—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Увы, графиня!.. Я врядъ-ли бы пригодился на что-нибудь... по части... устройства чтеній или знакомства съ московскими денежными тузами.

И ему показалось, что на лицахъ обѣихъ дамъ было такое выраженіе:

„На что же ты, собственно, годенъ, если ты не можешь служить нашему дѣлу, и зачѣмъ ты явился сюда?“

Это начинало даже забавлять его.

Полная гостья начала что-то свое, тоже о какихъ-то усиленныхъ хлопотахъ. Это было „a parte“ вслухъ, въ которомъ онъ не могъ принять никакого участія. Блондинка присоединилась къ ихъ разговору, и графиня, все такъ же вѣско и рѣшительно, давала свое мнѣніе и предлагала сдѣлать то-то, поѣхать къ тому-то, предупредить того-то.

Никогда еще Булашовъ, какъ молодой мужчина, принадлежащій къ тому же слою общества, какъ и эти три женщины, не чувствовалъ такъ близко присутствія женскаго царства.

Всѣ три называли имена мужчинъ, нужныхъ имъ для того или иного ходатайства, но онѣ говорили о нихъ, точно о неодушевленныхъ предметахъ, какъ объ орудіяхъ и механическихъ средствахъ въ извѣстной работѣ. И какъ будто ничто, въ эти минуты, не существовало, кромѣ того, что составляетъ предметъ *ихъ* заботъ.

И всего ярче это проявлялось для него въ самой графинѣ. Такой дѣвушки онъ еще не зналъ, ни дома, ни въ своихъ заграничныхъ поѣздкахъ, не исключая и Англіи, гдѣ онъ встрѣчался съ очень крупными личностями, и даже съ поборницами самаго воинствующаго „феминизма“.

Ея лицо, особенно въ профиль, нравилось ему больше, чѣмъ это было въ Москвѣ. Линія носа, выемъ верхней губы, весь ротъ—пышный и выразительный—съ крупными зубами, дуга брови, разрѣзъ глаза и тѣнь отъ рѣсницъ, посадка головы, шея, бюстъ—все это говорило о цѣльной и смѣлой натурѣ.

Жестъ руки былъ слишкомъ частъ и недостаточно красивъ;

Digitized by Google

но самая рука—скульптурная, съ утонченными книзу, длинноватыми пальцами.

И опять чувство, похожее на желаніе игрока въ шахматы—потягаться съ противникомъ, послѣ выжидательнаго вступленія въ игру—зашевелилось въ немъ.

Во всякомъ случаѣ, онъ пересидитъ этихъ дамъ. При нихъ ему врядъ-ли удастся завести свой разговоръ съ графиней, да онъ и не хотѣлъ бы этого самъ.

Вотъ „полная" поднимается, все еще продолжая громко и связно сообщать про какую-то „возмутительную каверзу" кого-то, которую надо, во что бы то ни стало, „свести на нѣтъ".

Хозяйка, провожая ее, остановилась въ дверяхъ передней, еще о чемъ-то освѣдомилась и сдѣлала нѣсколько сильныхъ возгласовъ, съ такими же сильными жестами.

Потомъ пришла очередь блондинки. И у нея что-то такое нашлось, болѣе конфиденціальное. Она отвела графиню въ уголъ, и онѣ въ полголоса говорили довольно долго, часто перебивая другъ друга.

Отдѣльныя фразы и возгласы долетали до слуха Булашова. Онъ сталъ, сидя у столика, разглядывать какія-то брошюры и даже взялъ одну изъ нихъ въ руки.

Англійское заглавіе пояснило ему, что тутъ рѣчь идетъ также о результатахъ учебнаго года какой-то женской медицинской коллегіи въ одномъ изъ штатовъ Америки.

Содержаніе остальныхъ брошюръ не подстрекнуло его любопытства.

И блондинку графиня пошла провожать въ переднюю, и оттуда еще минуты съ три раздавались ихъ голоса. Онѣ заговорили тамъ гораздо громче.

Онъ всталъ, заслышавъ скорый и сильный шагъ графини.

— Pardon! Садитесь, пожалуйста. Знаете... столько дѣла! Голова идетъ кругомъ.

— Мнѣ надо извиниться, графиня, а не вамъ. У васъ сегодня дѣловые пріемы.

— У меня такъ каждый день. Я не успѣла васъ предупредить... тамъ, въ Москвѣ,—что у меня нельзя вести обыкновенный, салонный разговоръ...

— Я не за этимъ пріѣхалъ къ вамъ, графиня,—остановилъ ее Булашовъ, немного подаваясь впередъ.

— И вообще, я должна вамъ сказать, что я не умѣю вести такой causerie, какъ многія дамы, принимающія на своихъ „five o' clock"... И потому, еще разъ прошу извиненія: вамъ придется

Digitized by Google

и поскучать, какъ, напримѣръ, случилось и сегодня. За желаніе посѣтить меня—спасибо,—добавила она и привѣтливо улыбнулась.

— Я даже поджидалъ вашего пріѣзда, графиня,—заговорилъ Булашовъ, болѣе простымъ тономъ.

— Есть ко мнѣ дѣло? Вотъ какъ!

— А то ходатайство... по поводу котораго я былъ у васъ въ Москвѣ... съ господиномъ Топорковымъ? Та несчастная женщина?..

— Простите!.. У меня совсѣмъ изъ головы выскочило. Я была у старухи... видѣлась и съ той госпожей.

— И какой же результатъ?

— Ей, конечно, не отдадутъ дѣтей. Тутъ старое соперничество бабушки съ своей belle-fille. И, признаюсь, я не знаю, въ какой степени кто правъ, кто виноватъ.

— Но фактъ самъ по себѣ?..

— Развѣ я его защищаю? Но хуже ли теперь дѣтямъ... по крайней мѣрѣ матеріально? Нравственно—конечно хуже. Старуха, однако, смягчилась, и между ними теперь уговоръ... насчетъ свиданія матери съ дѣтьми. Не знаю только, долго ли это продлится. Ужъ очень натянуты струны.

— Благодарю васъ, графиня. Все-таки, вы хоть сколько-нибудь облегчили горе этой матери.

— Не знаю. Я не хочу лгать. Конечно, это большое горе для нея. Но мнѣ все-таки, если говорить откровенно, было обидно за эту женщину. Въ ней самой нѣтъ выдержки. Это все какое-то метаніе. Голова, разсудокъ, логика—не дѣйствуютъ. Даже и въ тѣхъ, кто связалъ свою судьбу съ людьми, которые жертвуютъ собою—нѣтъ того, что̀ надо... оттого, что отъ матерей къ дочерямъ передается все то же наслѣдственное женское рабство.

— Причемъ же тутъ рабство, графиня?

— Конечно! Когда дѣвушка, еще подросткомъ, будетъ чувствовать себя равноправной личностью—она и въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ выкажетъ другія свойства.

Это отзывалось сентенціей; но графиня говорила очень искренно, и даже щеки ея стали розовѣть.

— Вы видите,—возразилъ Булашовъ,—что у насъ женщина, въ извѣстной степени, можетъ и теперь дѣлать такія дѣла, какъ эта... ваша родственница, бабушка несчастныхъ дѣтей. Какихъ нужно тутъ еще правъ!

— Все къ тому же сводится! Отъ такой старухи нечего и требовать другихъ принциповъ. Это тоже перевернутое рабство.

— И вы думаете, — съ той же усмѣшкой спросилъ Була-

Digitized by Google

шовъ,—что вы тѣмъ, что̀ называется теперь... простите... „феминизмомъ“, заставите рухнуть самые жестокіе виды порабощенія... нарушеніе свободы совѣсти?

И онъ пристально посмотрѣлъ на нее...

— Убѣждена въ этомъ!—вскричала она и сильнымъ движеніемъ положила ногу на ногу. — Въ Россіи женщина могла бы все перевернуть вверхъ дномъ, еслибъ голова ея иначе работала.

— Однако позвольте, графиня... Уже больше тридцати лѣтъ, какъ женщины получаютъ у насъ высшее образованіе. Сколько изъ нихъ сдѣлались матерями! И почему же это онѣ не воспитываютъ Гракховъ? Напротивъ! Общій толкъ—о паденіи идеаловъ въ молодежи...

— Оттого, что ихъ засасываетъ жизнь. У одной на пятьсотъ достаетъ мужества—остаться вѣрной тому, съ чѣмъ она... вышла изъ аудиторій..

Она прервала сама себя и, взглянувъ на него вбокъ, продолжала:

— Я надѣюсь, m-r Булашовъ, мы съ вами не враги. Теперь въ большой модѣ прохаживаться насчетъ того, что̀ вы называете „феминизмомъ“. Мода пройдетъ. У васъ, сколько я помню, есть вещи, которыя вы считаете поважнѣе того, о чемъ мы вотъ сейчасъ толковали съ моими сотрудницами. Но развѣ это мѣшаетъ откликаться на все, что̀ только требуетъ сочувствія, дѣла, а не фразъ?

Она встала и отошла къ маленькому бюро, стоящему въ углубленіи салона.

— Вы вѣдь знаете, что въ деревняхъ опять неблагополучно. Тифъ... цинга... и все отъ того же. Вотъ у меня нѣсколько обращеній... Нужна помощь... и какъ можно скорѣе. Тутъ уже не до высшихъ вопросовъ. Надо покупать капусту, хрѣнъ... кромѣ хлѣба, картофеля и соли... Мы уже принялись. Мнѣ самой надо быть здѣсь. Раньше святокъ я не урвусь... Постойте...

Изъ ящика она вынула нѣсколько писемъ.

— Вѣдь того господина, что являлся тогда въ Москвѣ... фамилія—Топорковъ?

— Да, Топорковъ.

— Вотъ какъ разъ письмо его ко мнѣ. Очень искреннее. Онъ же напечаталъ недавно и заявленіе въ газетахъ.

— Я не читалъ его.

— Какъ же!.. У меня гдѣ-то сохранился этотъ нумеръ. Очень горячо и сильно написано.

Булашова вдругъ почему-то кольнуло. Какъ будто эта дѣвица

Digitized by Google

желала ему показать, что она живетъ, гораздо больше его, настоящими, не выдуманными интересами и нуждами родины, а не однимъ только „феминизмомъ".

Онъ даже покраснѣлъ, что̀, при его цвѣтѣ лица, было менѣе замѣтно.

— Вотъ видите, m-r Булашовъ,—продолжала графиня, вернувшись на прежнее мѣсто:—и тутъ женщина не должна дожидаться указаній, а дѣйствовать сама.

Взглядъ графини какъ бы досказалъ ему:

„Обойдемся и безъ тебя, милый мой".

— Вы, быть можетъ, держитесь того взгляда, по которому интеллигенція не въ состояніи помогать народу... ни въ чемъ, ни въ его духовныхъ нуждахъ, ни въ матеріальныхъ?

Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ ею съ особымъ—какъ ему показалось—выраженіемъ ея ясныхъ и красивыхъ глазъ.

„Зачѣмъ ты меня исповѣдуешь?"—спросилъ онъ про себя, чувствуя, что жаръ въ щекахъ у него не пропадаетъ.

— Вы, графиня, желали бы услыхать отъ меня рѣзкое *да* или *нѣтъ*. Извините, къ прямолинейности не склоненъ... Когда дѣло идетъ о нашемъ народѣ—необходимы оговорки, и весьма значительныя.

— Мы ихъ и слышимъ! — вскричала она съ пожиманіемъ плечъ.

— Вы хотите прибавить—въ станѣ гасильниковъ и ретроградовъ? Сколько я себя знаю—я не принадлежу къ этому стану. Но возьмите духовную жизнь народа... Это—въ массѣ—темный людъ. Но онъ же ищетъ себѣ путей къ духовному свѣту. Не господа, не интеллигенція — создаютъ себѣ вѣрованія, а простой народъ... Во всякомъ случаѣ онъ это дѣлаетъ раньше господъ.

— Что̀ же изъ этого?

— А то, что духовно помогать ему не всякому подъ силу.

— Мы это знаемъ. Солдатикъ Каратаевъ... мужичокъ Сютаевъ?..

— Да, и мужичокъ Сютаевъ, и другіе. И ихъ тысячи... И каждый живетъ чище и разумнѣе такихъ же тысячъ интеллигентовъ.

Графиня сдѣлала нетерпѣливый жестъ.

— Можетъ быть! Но вотъ капусту и хрѣнъ... если ужъ не лимоны—надо покупать. Иначе цѣлыя мѣстности выродятся отъ цинги.

Digitized by Google

Ему захотѣлось тутъ же разспросить ее подробнѣе о томъ, что̀ пишетъ ей Топорковъ; но онъ удержался.

Это было бы похоже на то, что онъ сейчасъ же желалъ, ей въ отместку, показать: и онъ способенъ всегда подѣлиться своимъ достаткомъ и временемъ на „нужды народа“.

— Вы бывали въ тѣхъ мѣстахъ, m-r Булашовъ?

Она назвала губернію.

— Нѣтъ, не случалось.

— Закупки надо дѣлать пониже Москвы... вотъ тамъ, гдѣ живетъ Топорковъ. Вы съ нимъ не въ перепискѣ?

— Нѣтъ, графиня.

— А я думала, что вы одного...

Она не сразу нашла слово; но онъ ее понялъ.

— Нѣтъ, мы съ нимъ не одного толка,—выговорилъ Булашовъ съ усмѣшкой и всталъ. Но, вѣроятно, мы во многомъ будемъ согласны, въ томъ числѣ и во взглядѣ на духовную жизнь народа.

Графиня протянула ему руку и, пожавъ крѣпкимъ пожатіемъ, сказала:

— Надѣюсь... у насъ найдется... также что-нибудь общее...

— Душевно желалъ бы!—выговорилъ Булашовъ съ поклономъ.

Но тотчасъ же подумалъ:

„Не знаю“.

XIII.

На другой день, съ утра, Булашовъ былъ въ совершенно необычномъ для него настроеніи.

Вчерашній визитъ къ графинѣ оставилъ въ немъ неиспытанное еще имъ чувство особаго рода недовольства.

Прежде всего—собою. Съ какой стати онъ вступилъ съ этой „дѣвой“ въ такой именно разговоръ, какой онъ допускалъ только между близкими людьми или даже между людьми противнаго лагеря, но въ рѣшительную минуту, когда защита своихъ убѣжденій есть уже хорошій, цѣнный поступокъ?

Эта „дѣва“ еще въ Москвѣ стала его раздражать. Но почему же онъ справлялся о ея возвращеніи изъ Москвы, и тотчасъ же поѣхалъ къ ней?

Чтобы узнать о результатѣ ея посредничества? Не изъ-за одного этого. Тутъ была и другая примѣсь.

Значитъ, она сама его заинтересовала.

Несмотря на свою молодость, онъ „презиралъ“ всякое мел-

Digitized by Google

кое женолюбіе, всякое „ухаживаніе“. Женщина не должна нравиться иначе, какъ возбуждая и духовную симпатію.

Стало быть, въ лицѣ этой дѣвушки онъ натолкнулся на что-то болѣе крупное, чѣмъ до сихъ поръ встрѣчалъ среди своихъ знакомыхъ? Ему, сразу, было непріятно видѣть въ ней только „феминистку“, и это чувство еще усилилось въ началѣ его вчерашняго визита.

Такъ или иначе, ему не слѣдовало держаться съ нею такого тона, подражать ей въ неумѣстномъ задорѣ.

И это не главное. Главное—то, что онъ обидѣлся и разсердился, когда она ему заговорила о письмѣ Топоркова, его заявленіи въ газетахъ о народной нуждѣ.

Сегодня не обидчивость говоритъ въ немъ, а какъ бы чувство нѣкотораго стыда.

Отчего же эта дѣвушка, которую онъ считалъ способной только на свою феминистскую пропаганду,—также отзывчива и на такое дѣло, какъ помощь деревенскому люду, изнывающему отъ повальныхъ болѣзней; а онъ, прочитавшій ей вчера нотацію, оставался равнодушенъ?

Развѣ у него такъ много было неотложныхъ дѣлъ? Онъ—свободный человѣкъ, и у него всегда бы нашлось время сдѣлаться тотчасъ же сотрудникомъ графини, внести свою лепту, отправиться одному или организовать цѣлый отрядъ.

Онъ можетъ это сдѣлать и сейчасъ. Но ему непріятно было бы обращаться къ графинѣ: выходило бы такъ, точно онъ дѣлаетъ это ей въ отместку, а не изъ искренняго побужденія.

Все это теребило его, и онъ переживалъ томительное для него самого разбирательство, гдѣ преобладали личные мотивы, а не что-либо цѣльное, прямое, честное, великодушное.

Все у него валилось изъ рукъ. То, чѣмъ онъ обыкновенно занимался по утрамъ, дѣлалось безвкуснымъ и ординарнымъ, хотя онъ заботился не о себѣ, а о своихъ родныхъ.

Но, въ сущности, развѣ ихъ матеріальное благосостояніе требуетъ непремѣнно его заботъ? Всякій дѣльный управляющій окажется не хуже его. Мать свою и сестеръ онъ любитъ; но вѣдь вопросъ ихъ довольства, въ концѣ концовъ,—развѣ онъ выше чьихъ-бы то ни было родственныхъ заботъ—не о „хлѣбѣ насущномъ“, какъ у тѣхъ, у кого голодный тифъ и цинга, а о барской жизни, со множествомъ затѣй, съ тѣмъ двоевѣріемъ, съ той смѣсью традиціонной суетности и сословнаго себялюбія, которыя только внѣшнимъ образомъ прикрываются полетами въ надчувственную область.

Digitized by Google

Почему онъ сейчасъ же не предложилъ матери и сестрамъ принять участіе въ томъ невзрачномъ на видъ дѣлѣ, гдѣ пахнетъ капустой и хрѣномъ, которымъ не пренебрегаетъ молодая, блестящая феминистка?

Развѣ у нихъ, считая и его семью, не хватило бы средствъ снарядить цѣлый отрядъ, закупить не одинъ десятокъ вагоновъ?..

Все тотъ же старый камердинеръ его отца вошелъ въ его кабинетъ — съ часъ послѣ того, какъ подалъ ему чай — съ визитной карточкой на подносѣ.

Онъ прочелъ на ней фамилію какого-то Лебедева, присяжнаго повѣреннаго; а внизу написано было карандашомъ:

„Отъ Юлія Ѳедоровича Топоркова".

Имени Топоркова онъ почти обрадовался. Конечно, онъ опять обращается къ нему не съ пустяками, а, вѣроятно, съ тѣмъ же, о чемъ писалъ и графинѣ.

— Проси! — возбужденно сказалъ онъ, и тотчасъ же поднялся съ кресла и прошелся взадъ и впередъ по кабинету.

Вошелъ большаго роста, плотный мужчина, съ широкимъ лицомъ и плоскими свѣтлорусыми волосами. Онъ держалъ портфель подъ мышкой и носилъ на фракѣ, не особенно свѣжемъ, адвокатскій значокъ.

— Лебедевъ, присяжный повѣренный, — отрекомендовался онъ съ поклономъ.

Голосъ у него былъ слегка простуженный и самъ по себѣ низкій.

— Къ вамъ, Викторъ Сергѣевичъ, съ письмомъ отъ моего пріятеля, Юлія Ѳедоровича Топоркова. Вотъ, если позволите...

Онъ положилъ портфель на кресло, наклонился и вынулъ оттуда пакетъ въ большую осьмую долю листа, а потомъ досталъ изъ бокового кармана письмо и подалъ то и другое Булашову.

— Письмецо отъ Юлія Ѳедоровича.

— Позволите прочесть?

— Попрошу. На основаніи его содержимаго пойдетъ и бесѣда наша, если соблаговолите меня выслушать.

Гость широко улыбнулся толстоватыми губами и, на приглашительный жестъ хозяина, раздвинулъ фалды фрака и грузно сѣлъ въ кресло.

Булашовъ быстро пробѣжалъ письмо Топоркова и повернулся лицомъ къ нему.

Digitized by Google

— Какъ изволите видѣть,—заговорилъ тотъ тономъ характернаго москвича,—тутъ два дѣла. Одно—насчетъ новой бѣды. Юлій Ѳедоровичъ знаетъ, къ кому обращается, хотя вы, кажется, только-что познакомились съ нимъ въ Москвѣ?

Фраза адвоката кольнула Булашова. Ему опять стало стыдно за себя.

— Да, да,—откликнулся онъ.—Я знаю. Это требуетъ быстрой помощи.

— Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—безотлагательной, Викторъ Сергѣевичъ. И спасибо большое Юлію Ѳедоровичу за его чудесное заявленіе въ газетахъ. Тутъ вотъ, въ этомъ вотъ пакетѣ, есть и нумеръ газеты... и двѣ брошюры, уже на другую тему.

Глаза адвоката досказали, на какую именно тему.

— Мнѣ уже говорили про это заявленіе, — торопливо сказалъ Булашовъ.—Я пропустилъ его. Здѣсь я не читаю московскихъ газетъ... и крайне сожалѣю...

Какъ у графини, онъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Вы изволили прочесть до конца?

— Какъ же... То, что онъ мнѣ пишетъ объ этомъ... какъ, бишь, его зовутъ?

— Наумъ Степановъ, — подсказалъ адвокатъ.—Вѣдь Юлій Ѳедоровичъ уже третій годъ, какъ проживаетъ по близости станціи Дергачи... около двухъ поселковъ, составляющихъ одно село. Половина—сектанты. Онъ съ ними въ большой дружбѣ... и его судьба этого бѣдняги Наума печалитъ. Черезъ него подсудимый обратился и ко мнѣ, какъ къ своему будущему защитнику.

— А когда дѣло?

— Черезъ мѣсяцъ, а то и больше.

— Обвиненіе серьезное?

— Въ чемъ—вы изволили прочитать въ письмѣ... Довольно-таки серьезное по уликамъ... Вы знаете, въ послѣдніе годы наши крестьяне—я разумѣю церковныхъ — начали выказывать большую суровость въ такихъ дѣлахъ. Боюсь, что закатаютъ.

— Съ лишеніемъ правъ?

— Само собою.

Широкая улыбка появилась опять на лицѣ гостя.

— Что же я бы могъ?

— Не сію минуту, Викторъ Сергѣевичъ. Надо переждать... Но и теперь можно бы позондировать почву... Какого-то эксперта получимъ мы? А главный моментъ будетъ, когда дѣло дойдетъ до кассаціи... Если позволите, я бы предложилъ вамъ мои со-

Digitized by Google

ображенія. Быть можетъ, ваши связи и знакомства окажутся тутъ прямо на руку.

— Сомнѣваюсь. Но благодарю отъ души и господина Топоркова, и васъ, за довѣріе.

— Мы знали, къ кому обращаемся, Викторъ Сергѣевичъ! Знали, что для васъ этотъ видъ горя—самый близкій вашему сердцу. Здѣсь у меня дѣло въ сенатѣ. Промаячу дней пять-шесть.

Гость остановился и вынулъ изъ бокового же кармана фрака сложенный вчетверо листъ.

— Вотъ... Тутъ вы найдете всѣ приблизительно факты, до сихъ поръ установленные дознаніемъ и продолжающимся слѣдствіемъ. И краткая исторія самого обвиняемаго. Переходы его религіозной жизни. Онъ—бывшій молоканинъ, какъ и всѣ остальные его односельцы, кромѣ тѣхъ, что перешли съ нимъ въ „штунду", какъ называютъ господа эксперты, въ „баптизмъ" — какъ утверждаемъ мы.

Внутреннее волненіе овладѣвало Булашовымъ—то волненіе, которое сняло тотчасъ же личную тревогу.

— Я готовъ, — заговорилъ онъ приподнятымъ тономъ,— принять сейчасъ же участіе и въ той помощи, къ которой призываетъ общество Юлій Ѳедоровичъ.

— Разлюбезное было бы дѣло!

— Скажите мнѣ... эта мѣстность, гдѣ онъ живетъ, удобна для закупокъ, такъ что я могъ бы ѣхать прямо туда?

— И тамъ уже цѣны вздорожали и надо за десятки верстъ добывать то, что всегда нужно.

— Капусту, хрѣнъ?

— Ха, ха! Именно! Такое время, что и этого народнаго овоща въ умаленіи. Но ваша мысль благая, Викторъ Сергѣевичъ. Попадете къ Юлію Ѳедоровичу, и тамъ у васъ дѣло сейчасъ же наладится. Да и съ моимъ кліентомъ познакомитесь. И со всей этой округой. Васъ наши евангелики и стараго и новаго толка должны особенно заинтересовать. А Юлій Ѳедоровичъ васъ всюду свозитъ. Лучшаго „гида" и желать нельзя.

— Онъ занимается хозяйствомъ?

— Нѣтъ! Онъ—неимущій человѣкъ и отыскалъ себѣ мирное убѣжище... и дешевое. Нанимаетъ покинутую барскую усадьбу... въ родѣ дачи... и въ Москву можетъ наѣзжать; а для него это весьма дорого,—прибавилъ адвокатъ, на особый ладъ прищуривъ свои темные глаза немного навыкатъ. — А за симъ имѣю честь кланяться. Спѣшу въ сенатъ. Передъ отъѣздомъ позвольте

Digitized by Google

еще потолкаться къ вамъ. Вы, значитъ, сами будете писать Топоркову?

— Непремѣнно! И на дняхъ же могу пуститься въ путь.

— Спасибо! Сердечное спасибо вамъ отъ всѣхъ, и отъ цинготныхъ, и отъ тѣхъ, у кого бѣда другого, не менѣе тяжкаго свойства.

Булашовъ проводилъ гостя до передней и вернулся возбужденный. Щеки его горѣли, но не отъ самолюбиваго чувства, а отъ внезапно принятаго рѣшенія, которому никакой серьезной помѣхи не предвидѣлось.

Сборы у него всегда короткіе. Никого онъ съ собою брать не будетъ; найдутся люди и на мѣстѣ. Онъ столкуется съ Топорковымъ и напишетъ ему о своемъ намѣреніи принять участіе въ томъ дѣлѣ, къ какому взываетъ Топорковъ не одними денежными пожертвованіями.

Онъ сейчасъ же принялся за письмо Топоркову.

И весь разговоръ адвоката, дѣло сектанта Наума Степанова, эта мѣстность, гдѣ жили издавна коренные молокане, переходъ части ихъ въ баптистовъ — все это заиграло у него на душѣ.

Въ письмѣ къ Топоркову, онъ, въ очень теплыхъ выраженіяхъ, благодарилъ его за обращеніе къ нему, сообщалъ также и то, что онъ узналъ отъ графини Буниной по тому дѣлу, по которому тотъ явился къ нему въ Москвѣ.

И когда дошелъ до упоминанія о графинѣ, спросилъ себя: дастъ ли онъ ей знать, что самъ собрался ѣхать туда, куда она готова направить скорую помощь?

„Собственно, слѣдовало бы!“—выговорилъ онъ мысленно.

Зачѣмъ же раздроблять силы? Благо онъ ѣдетъ самъ—онъ могъ бы выполнить и ея порученія, если у нея нѣтъ еще никого подъ рукой.

Но его удержало опять особое чувство.

Онъ не желаетъ никакой „демонстраціи“ — точно онъ ей „въ пику“ такъ быстро собрался и разлетится предлагать ей свои услуги. Передъ отъѣздомъ онъ напишетъ ей, а можетъ быть и не напишетъ, глядя по настроенію.

Такъ лучше. Да и зачѣмъ онъ будетъ ставить себя въ зависимое положеніе? Она сама слишкомъ цѣнитъ самостоятельность. Пускай дѣйствуетъ, какъ ей „благоугодно“.

Булашовъ употребилъ мысленно именно слово: „благоугодно“. Въ немъ нѣтъ свободнаго отношенія къ этой дѣвушкѣ. Надо, чтобы всякое личное чувство улеглось.

Но вопросъ: съѣздить къ ней съ предложеніемъ своего участія

Digitized by Google

или не ѣздить — не сразу былъ рѣшенъ. Что-то внутри еще копошилось.

Написавъ письмо Топоркову, онъ сидѣлъ надъ пюпитромъ письменнаго стола, что-то соображая.

Въ передней ему какъ будто послышался голосъ Костровина. Тотъ что-то говорилъ человѣку.

Булашовъ выбѣжалъ въ переднюю.

— Ты занятъ? Я завернулъ только справиться—здѣсь ли ты?

— Входи, входи! Ничѣмъ особенно не занятъ.

Лицо у пріятеля было такое, что Булашовъ прежде всего спросилъ:

— Былъ нездоровъ?

— А что?

— Да видъ у тебя такой.

— Боленъ не былъ... такъ, чтобы ложиться въ постель... А скверно что-то, братъ!.. Да ты меня прогони... у тебя эти утренніе часы—самые нужные.

— Сядь, сядь. Ничего спѣшнаго нѣтъ. Скажи: приближеніе инфлюэнціи, что-ли?

— Эхъ!

Костровинъ, опускаясь въ кресло, махнулъ рукой. Но Булашовъ сейчасъ же почуялъ, что тотъ пріѣхалъ къ нему поговорить „по душѣ“—по-московски.

Онъ придвинулъ къ нему свое кресло и положилъ руки на оба его колѣна.

— Расхандрился, что-ли? Не выносишь Петербурга?

— Вѣрно, другъ! Я и не ожидалъ, что эта чухонская Пальмира такъ скоро начнетъ мнѣ претить. Не одинъ климатъ! Ну, пока еще стоитъ что-то въ родѣ зимы... И въ Москвѣ можетъ быть порядочная скверь! И улицы здѣсь чище, и панель, и всякія удобства, лифтъ и электричество, субботы Михайловскаго театра, и Фигнеръ, и Медея, и Кшесинская, и „Медвѣдь“ съ румынскими цыганами... А начало засасывать. И въ новой, самой гнусной формѣ.

— Какой?

— Безпрестанно всплываетъ со дна души малодушный страхъ чего-то... И пустота, какой я тамъ, у себя дома, не зналъ. Тамъ я хоть домовладѣлецъ... обыватель... А тутъ у меня полная пустышка.

Костровинъ не усидѣлъ на мѣстѣ и заходилъ по комнатѣ.

— Не могу я,—почти крикнулъ онъ,—брать въ сурьёзъ то, что я вижу и слышу въ салонѣ Ины! Я ей не мѣшаю. Она

Digitized by Google

обрѣла здѣсь тотъ воздухъ, какой ей необходимъ, чтобы распуститься душой. Въ ихъ особую эстетическую секту я поступить не могу. Спорить—тошно! Играть—роль отсталаго буржуя—тоже желанья нѣтъ! Вотъ и развихлялся,—жалобно протянулъ Костровинъ, возвращаясь на прежнее мѣсто.—Ежели такъ пойдетъ, я не выдержу... Сбѣгу.... хоть на двѣ, на три недѣли... въ Москву. Придумаю что-нибудь по дому, зимнюю ремонтировку.

Булашовъ взялъ его за руку.

— Чего же лучше? — вскричалъ онъ весело. — Ѣдемъ со мною!

— Куда?

— Покупать капусту и хрѣнъ.

И онъ ему, въ нѣсколькихъ словахъ, разсказалъ—куда онъ самъ рѣшилъ отправиться; но о графинѣ не упомянулъ.

— Вмѣсто того, чтобы здѣсь предаваться душевной прострацiи—поѣзжай со мною. Тамъ ты возьмешь часть разъѣздовъ на себя. Хочешь—внеси свою лепту, не хочешь—не надо.

— Я съ великимъ удовольствiемъ! Вѣдь я читалъ это заявленiе Топоркова. Оно меня очень тронуло. Это было до твоего пріѣзда. У насъ даже вышелъ кисло-сладкій коллоквiумъ съ господиномъ Кублицкимъ. Онъ сталъ брезгливо изрекать что-то о низменности такого вида альтруизма; Ина ему поддакивала.

— А на ловца и звѣрь бѣжитъ, Паша! Въ той мѣстности, гдѣ живетъ Топорковъ—цѣлый непочатый уголъ коренныхъ „евангеликовъ“.

И онъ передалъ ему то, что̀ узналъ отъ адвоката Лебедева.

— Послѣ петербургскихъ собранiй, куда ты попадалъ, ты очутишься въ средѣ... совсѣмъ другого исповѣданiя... стародавняго, безъ тѣхъ оттѣнковъ, которые—я это вижу—не очень тебѣ нравятся.

— Что-жъ! Это идея!

Костровинъ опять нервно снялся съ мѣста и отошелъ къ окну.

— Мои сборы короткiе. Послѣ-завтра мы могли бы выѣхать. Остальное все выяснится на мѣстѣ. Ина Николаевна удерживать тебя не будетъ. Ты скажи ей, что я тебя везу къ сектантамъ. Она будетъ очень рада!

— Пожалуй!

Тѣнь набѣжала на лицо Костровина.

— Спасибо, другъ!—вдругъ возбужденно крикнулъ онъ.— Это—чистая находка... О капустѣ и хрѣнѣ въ салонѣ Ины распространяться не буду. Ну ихъ къ Богу! Спасибо!

Digitized by Google

И онъ сталъ усиленно пожимать руку Булашова и рѣшительнымъ тономъ сказалъ, что послѣ-завтра и онъ будетъ готовъ къ отъѣзду.

XIV.

— Станція Дергачи! Поѣздъ стоитъ десять минутъ! Буфетъ! —протяжно проговорилъ кондукторъ, проходя по отдѣленію вагона, гдѣ пріятели сидѣли, отъ самой Москвы, у окна, одинъ противъ другого.

Костровинъ—едва ли не въ первый разъ — отправлялся внутрь провинціи зимою. Для него, по дорогѣ, все было ново. Онъ самъ предложилъ Булашову взять билетъ второго класса. Пассажиры, ѣхавшіе съ ними, ничего особенно занимательнаго собою не представляли, и вступать съ ними въ разговоръ ему не пришлось.

Но онъ чувствовалъ въ себѣ нѣкоторую пріятную возбужденность, которая все возростала по мѣрѣ приближенія къ цѣли ихъ поѣздки.

На дворѣ стоялъ свѣтлый денекъ съ легкимъ морозцемъ. Розовый закатъ заглянулъ съ ихъ стороны въ окно—за нѣсколько минутъ до станціи Дергачи, гдѣ ихъ долженъ былъ ждать Топорковъ.

Поѣздъ подошелъ къ открытой платформѣ, передъ длиннымъ одноэтажнымъ зданіемъ станціи. Дожидался всякій деревенскій людъ и нѣсколько пассажировъ, одѣтыхъ почище.

— Тутъ выйдемъ?—въ полголоса спросилъ Костровинъ.

На немъ была дорогая ильковая шуба, которая его немного стѣсняла. А Булашовъ, какъ человѣкъ часто разъѣзжающій, давно обзавелся полушубкомъ, крытымъ темно-синимъ сукномъ. Его здоровое лицо, съ порозовѣлыми щеками, несмотря на свой „аглицкій“ типъ,—шло и къ этому полушубку, и къ сѣрой высокой смушковой шапкѣ.

Топоркова зналъ только онъ и сейчасъ же замѣтилъ его, налѣво отъ входной двери. Онъ ждалъ ихъ не одинъ. Тутъ же стоялъ мальчикъ въ короткомъ пальтецѣ съ барашковой оторочкой, и высокій мужикъ, съ рыжеватыми курчавыми волосами, въ верблюжьемъ озямѣ, поверхъ полушубка, валенкахъ и картузѣ.

Самъ Топорковъ былъ въ войлочной шапкѣ и длинномъ пальто, съ такимъ же барашковымъ воротникомъ, какъ и у мальчика, его сына Васи, и въ такихъ же, только темно-бурыхъ высокихъ валенкахъ, какъ у крестьянина, стоявшаго съ ними.

Digitized by Google

Тотъ держался не какъ ихъ служитель, а скорѣе какъ знакомый: это сейчасъ же замѣтилъ Булашовъ.

— Ахъ, здравствуйте!—окликнулъ ихъ Топорковъ, подбѣгая къ нимъ.

— Мой товарищъ Костровинъ, о которомъ я вамъ писалъ. Не прочь поработать съ нами... интересуется и вашимъ мѣстнымъ населеніемъ.

— Очень, очень радъ!.. Вася!—сказалъ Топорковъ сыну:—возьми одинъ изъ мѣшковъ.

Съ ихъ мѣшками шелъ за ними сторожъ.

— А больше у нихъ нѣтъ багажа?—спросилъ Вася Булашова, и тутъ только Булашовъ разглядѣлъ его умненькое, немного блѣдное лицо, съ пушкомъ на щекахъ и большими—чисто женскими—карими глазами, его тонкія брови и добрый оскалъ его свѣжаго рта.

— У него есть еще сундучокъ,—указалъ Булашовъ на Костровина.

Онъ отдалъ багажную квитанцію сторожу, а мѣшки подхватили Вася и рыжеватый мужикъ въ озямѣ.

— Вотъ нашъ пріятель,—отрекомендовалъ послѣдняго Топорковъ пріѣзжимъ,—Василій Егоровъ... изъ села Добрынина. Онъ же насъ и доставитъ въ своихъ пошевняхъ.

Василій приподнялъ картузъ свободной рукой, и потомъ подалъ ее ребромъ имъ обоимъ. Его широкій ротъ раскрылся въ веселую усмѣшку. И глазами—умными и немного косыми—онъ усмѣхнулся.

— Съ пріѣздомъ, господа!—выговорилъ онъ высокимъ, пріятнымъ теноромъ, съ легкой картавостью. Значитъ, можно класть въ сани, Юлій Ѳедоровичъ?—окликнулъ онъ Топоркова.

— Да, да.

— Ну, такъ мы съ Васенькой идемъ. А потомъ я подсоблю тому малому, насчетъ сундучка.

Булашовъ переглянулся съ Костровинымъ. Они оба предполагали, что этотъ Василій Егоровъ—изъ „евангеликовъ“.

Отъ адвоката Лебедева Булашовъ уже зналъ, что около усадьбы, которую нанимаетъ Топорковъ, въ селѣ Добрынинѣ, живутъ—споконъ вѣка—сектанты.

— Изъ какихъ?—тихо спросилъ Булашовъ Топоркова, идя между нимъ и Костровинымъ.

— Молоканинъ! Замѣчательная натура и большая умница.

Василій и Вася шли впереди.

На станціи толпилось много всякаго народа, пахло тулупомъ

Digitized by Google

и ворванью. У задняго крыльца стояли нѣсколько подводъ и двое пошевней. Ближайшія и самыя просторныя, съ прикрытымъ сидѣньемъ и кошмой сзади него—были сани Василія, запряженныя парой—гусемъ; въ оглобляхъ—пѣгій жеребенокъ, а впереди—бѣлая лошадь, съ супонью, безъ хомута, и на веревочныхъ постромкахъ.

— Садитесь, садитесь!—усаживалъ Вася гостей.—Василій... дай мнѣ возжи! Папа, можно?

— Можно, можно,—отвѣтилъ за отца Булашовъ.

Они сѣли втроемъ. Василій укуталъ имъ ноги кошмой и вмѣстѣ со сторожемъ уставилъ подъ облучокъ небольшой чемоданъ Костровина. Нашлось мѣсто и для двухъ дорожныхъ мѣшковъ.

Вася на облучкѣ былъ въ полномъ восторгѣ, перенялъ отъ Василія возжи и гикнулъ на лошадей.

— Съ Богомъ! Трогай, Васенька!—окликнулъ его Василій, ласково глядя на него изъ-за высокаго воротника своего озяма, приподнятаго сзади, по-деревенски. — Тёзка—мнѣ! — замѣтилъ онъ пріѣзжимъ.

Костровинъ, сидя въ правомъ углу пошевней, то раскрывалъ глаза, то опускалъ вѣки, защищая съ непривычки зрѣніе отъ снѣга, отражавшаго необыкновенно яркій закатъ.

Грудь его дышала совсѣмъ не такъ, какъ въ городѣ. Отъ снѣжныхъ сугробовъ, въ какіе они, то-и-дѣло, попадали, когда повернули съ шоссе на проселокъ, шла бодрящая свѣжесть. Въ самомъ процессѣ дыханія было уже что-то пріятное.

Успокоительно на его нервы дѣйствовало все: и бѣлый ландшафтъ, съ легкими подъемами и спусками, и глубокая тишина, и переливы розоваго свѣта по полянамъ, покрытымъ пеленами обильнаго снѣга.

— Послалъ Господь снѣжку!—сказалъ ему Василій, сидѣвшій на облучкѣ противъ него, въ полоборота, лицомъ къ господамъ.

— Давно уже?—спросилъ Булашовъ.

— Не ахти какъ давно... а этакъ съ недѣлю. Дюже нагнало. Насъ въ Добрынинѣ занесло... которые дворы стоятъ въ лощинѣ. Откапываться пришлось.

Василій тихо засмѣялся, показавъ свои крѣпкіе зубы. Его смѣхъ, и тонъ, и выговоръ—особенно привлекали Костровина.

Говоръ былъ въ родѣ московскаго, но мягче и немного съ гортаннымъ оттѣнкомъ звука г, когда онъ произнесъ слово „нагнало“. И „дюже“ было также мѣстное слово. Но въ тонѣ чув-

Digitized by Google

ствовалось, разительно для него, сознаніе своего „я“, безъ малѣйшаго подхалимства и безъ лишняго панибратства съ знакомыми своего „пріятеля“ изъ господъ.

Проѣхали съ полверсты, и надо было спускаться.

— Изволокъ тутъ!—сказалъ Василій. —Держись, Васенька! Не плошай!

Но Вася не справился съ передовой лошадью и на одномъ поворотѣ чуть-было ихъ не вывалилъ.

Всѣ разомъ разсмѣялись, въ томъ числѣ и самъ возница.

— Вася!—мягко окликнулъ Топорковъ. — Передай вожжи Василію.

— Да я ничего, папа!

— Прошу тебя.

Мальчикъ повиновался безъ гримасы. Василій взялъ вожжи и гикнулъ на лошадей. Бѣлая побѣжала ровнѣе, не боясь сугробовъ.

— Мы вѣдь мимо ихъ двора проѣдемъ, — сказалъ Топорковъ Булашову, указавъ головой на Василія, сидѣвшаго все также въ полоборота.

— Егоръ Веденѣичъ вѣдь дома будетъ?—спросилъ его Топорковъ.

— Безпремѣнно. Я ему сказывалъ, что вамъ, Юлій Ѳедоровичъ, когда съ машины поѣдете... его нужно буде...

— И это „буде“—вмѣсто „будетъ“—отмѣтилъ, про себя, Костровинъ.

— Завтра же надо бы съѣздить по близости.

— Насчетъ капусты?—освѣдомился Василій.

— Да, вотъ съ ними,—Топорковъ указалъ на Булашова.— А вы пока у насъ поживете,—прибавилъ онъ, наклонившись къ Костровину.

И, указывая рукой на Василія, онъ заговорилъ другимъ тономъ, уже не дѣловымъ, а болѣе душевнымъ.

— Василій Егорычъ—у насъ великій начетчикъ... Онъ для васъ особенно цѣнный человѣкъ,—прибавилъ въ полголоса Топорковъ, наклоняясь къ Костровину.

Василій повернулся лицомъ къ лошадямъ и сталъ править, приподнимаясь на той ногѣ, которая у него была въ облучкѣ.

Тутъ опять былъ довольно большой спускъ въ ложбину. Справа и слѣва стали попадаться „амшеники“ и амбарцы. Направо, на пригоркѣ, высилась пятиглавая церковь, съ зеленой, крутой съ боковъ крышей. Стѣны ея, выкрашенныя свѣтлой

Digitized by Google

охрой, отсвѣчивали отъ заката, уже не такого розоваго, какъ четверть часа назадъ.

— Какъ же это?—тихо спросилъ Костровинъ Топоркова, указывая на церковь.—Это другая деревня?

— Нѣтъ... село одно... Добрынино. Но два какъ бы отдѣльные поселка. Ближній, который вонъ тамъ тянется,—онъ указалъ рукой,—тѣ церковные; а по ту сторону рѣчки—почти всѣ сплошь такіе...

Онъ не хотѣлъ употребить слово „сектанты", которое было извѣстно Василію. Тотъ прислушивался къ ихъ разговору.

И Булашовъ слышалъ объясненіе Топоркова и обратился къ Василію.

— Скажи мнѣ, голубчикъ,—у васъ вѣдь, съ нѣкотораго времени, два общества?

— Гдѣ, батюшка? У насъ, въ дальнемъ Добрынинѣ, одно сельское обчествò. А у тѣхъ,—онъ указалъ на церковь,—свое, значитъ.

— Но вѣдь вы не держитесь уже вмѣстѣ?..

Василій понялъ его намекъ, и его вдумчивый взглядъ чуточку какъ будто затуманился.

— Это точно. Часть нашихъ отпала...

Теперь Костровинъ сталъ прислушиваться къ ихъ разговору.

— Они по какой же вѣрѣ?

— Штунда што-ли... Только они такъ себя не зовутъ и обижаются, ежели ихъ такъ назовешь.

Булашовъ зналъ, какъ ихъ звать, но не хотѣлъ сразу говорить этого.

— Василій Егорычъ, — замѣтилъ Топорковъ, — ты, небось, знаешь, какъ ихъ звать?

— Это точно. Сразу, иной разъ, не выговоришь, — прибавилъ онъ съ полу-грустной усмѣшкой.

— Баптисты?—подсказалъ Булашовъ.

— Да, баптисты!—звонко выговорилъ Вася, жадно слушавшій этотъ разговоръ.—Вѣдь такъ, папа?

— Такъ,—тихо отозвался Топорковъ.

Василій поглядѣлъ на своего пріятеля-малолѣтка и свободной рукой потрепалъ его по плечу.

— Васенька-то... ученый. У него языкъ наматорѣлъ... не то, что у нашего брата... И по-французскому, и по-нѣмецкому. А намъ надо съ опаской выговаривать такія слова. Вдругъ и спотыкнешься... и не дюже пристойно выйдетъ.

Digitized by Google

— Кѣмъ же они—вступился въ разговоръ и Костровинъ—эти баптисты... прежде были?

— Съ нами держались.

Василій не сказалъ: „съ молоканами".

— И давно это случилось?—полюбопытствовалъ Костровинъ.

— Да годовъ никакъ... больше шести будетъ.

— Значитъ,—тише спросилъ Костровинъ Топоркова, — это не съ юга пришло?

— Нѣтъ,—сдержанно отвѣтилъ тотъ,—это самостоятельное движеніе.

— Эхъ!.. Милыя!—гикнулъ Василій, и сани разомъ поднялись наверхъ, пролетѣвъ черезъ небольшой мостикъ. Церковь и поселокъ, виднѣвшійся изъ-за нея, исчезли изъ виду.

Съ перекрестка, гдѣ три ракиты стояли покрытыя пушистымъ инеемъ, они повернули круто влѣво, и передъ ними открылся весь поселокъ „евангеликовъ", какъ называлъ ихъ Топорковъ, довольно разбросанный вдоль извивовъ рѣчки, съ низковатыми хатами подъ соломенными кровлями. Не мало было и каменныхъ, въ пять оконъ. Плетни, сарайчики, гумны, зады дворовъ—все смотрѣло скорѣе зажиточно. Свѣжій снѣгъ все скрашивалъ и веселилъ.

— Такъ, значитъ, къ намъ повертывать, Юлій Ѳедоровичъ? —ласково окликнулъ Василій.—Можетъ, чайкю напьетесь съ господами?

Костровину показался очень забавнымъ звукъ „чайкю", который Василій произносилъ совершенно серьезно, смягчая—какъ дѣлали всѣ его земляки—„у" на „ю".

— Только мы входить ужъ не будемъ. Ты только окликни Егора Веденѣича. Я ему два слова скажу.

Черезъ проулокъ, совсѣмъ занесенный снѣгомъ, гдѣ лошади едва прошли и гусемъ—они попали на площадку; рѣчка образовала родъ небольшого овражка и по обѣимъ сторонамъ его стояли двѣ избы: одна пятистѣнная, съ широкимъ крылечкомъ, другая—поменьше и поплоше.

Василій подъѣхалъ къ крылечку пятистѣнной, соскочилъ съ облучка и, взбѣжавъ по ступенькамъ, исчезъ въ сѣняхъ, откуда тотчасъ же опять вышелъ; но не одинъ; а съ отцомъ своимъ, Егоромъ Веденѣевымъ.

На видъ Егоръ былъ еще совсѣмъ не старый мужикъ, черноволосый, съ лысиной,—онъ вышелъ безъ шапки,—съ очень крупными чертами загорѣлаго лица, въ поддёвкѣ, накинутой на рубаху.

Digitized by Google

— Здравствуйте, батюшка, Юлій Ѳедоровичъ!

И, поклонившись двумъ другимъ господамъ, Егоръ Веденѣевъ сказалъ имъ:

— Съ пріѣздомъ!

Оба отдали ему поклонъ.

— Вотъ, Егоръ Веденѣичъ,—указалъ на нихъ Топорковъ,—господамъ надо тоже сдѣлать закупки.

— Чего больше?

— Да всего... а первымъ дѣломъ капусты. Ну, и всего прочаго.

— Поднялись цѣны, дюже. По близости, сами знаете, и не найти... и капусты, чтобы не проквашенной, съ душкомъ—онъ усмѣхнулся,—а какъ слѣдственно. Хрѣну—и то наищешься. Барышники... налетятъ, что твоя саранча...

— Что же ты, Егоръ Веденѣичъ, шапки не надѣнешь?—остановилъ его Топорковъ.

— Ничего, батюшка... А чайку не откушаете?

Егоръ Веденѣевъ оглянулъ и остальныхъ господъ.

Оба—и Булашовъ, и Костровинъ — почти одинаково опредѣлили про себя этого хозяйственнаго мужика: житейскимъ дѣламъ отдаетъ больше помышленій, чѣмъ духовному совершенству; но человѣкъ прочный и—по выраженію глазъ—не безъ хитрецы.

— Мы спѣшимъ къ обѣду,—отвѣчалъ за всѣхъ Топорковъ.—Завтра мы тебя ждемъ.

— Часиковъ, такъ, къ десяти?—спросилъ Егоръ Веденѣевъ.

— Можно и раньше. Вы какъ встаете?—спросилъ Топорковъ Булашова.

— Въ восемь всегда на ногахъ.

— Значитъ, такъ, къ девяти...

— Трогать?—окликнулъ Василій господъ.

— Папа, позволь мнѣ,—заговорилъ Вася,—опять попробовать?

— Вотъ плетни переѣдемъ,—утѣшилъ его Василій,—тогда и побалуешься.

Передняя бѣлая лошадь затопталась на мѣстѣ—не хотѣла отойти отъ своего двора.

— Ишь, лукавая!—крикнулъ на нее Василій и дернулъ.

Отецъ его поднимался уже на крыльцо, по правому сходу. На порогѣ появилась, въ короткой кацавейкѣ и красномъ платкѣ на головѣ, молодая женщина, что-то сказала Егору Веденѣеву, посмотрѣла на господъ въ саняхъ и спустилась внизъ. Она что-то несла въ „кошолкѣ".

Digitized by Google

Булашовъ невольно засмотрѣлся на нее—такая она была статная, съ немного строгимъ и яснымъ профилемъ и густыми бровями.

— Кто это?—указалъ онъ Василію, какъ только сани тронулись.

— Сестрёнка меньшая.

— Молодуха?

— Нѣтъ,—протянулъ Василій.—Еще въ дѣвицахъ.

— Не торопится?

— У насъ понужденія нѣтъ. Никакъ ужъ по двадцатому году она.

— А какъ зовутъ?

— Ариной.

— Грамотная?

— Маракуетъ.

Когда сани попали на узкую гать, вдоль запруды, Топорковъ указалъ Булашову на избу, которая стояла противъ двора Егора Веденѣева, по другую сторону овражка.

— Вотъ тутъ живетъ Наумъ Степановъ. О вашемъ пріѣздѣ онъ предупрежденъ... Ему писалъ его защитникъ. Если угодно, завтра мы его навѣстимъ.

Костровинъ уже зналъ отъ Булашова—кто этотъ Наумъ.

— Онъ развѣ на свободѣ?—спросилъ онъ.

Василій, сидѣвшій опять въ полоборота, на облучкѣ, окликнулъ:

— Наумъ Степанычъ? Еще на волѣ. На порукахъ, значитъ.

— Вы съ нимъ видаетесь?—спросилъ Костровинъ.

— Какъ, сударь, не видаться? Сусѣди, значитъ.

— Онъ у нихъ главный... у тѣхъ?..

— Такъ точно. Называется... пресвитеръ.

— Хорошій человѣкъ?

— Похаить нельзя. Человѣкъ душевный... весь, можно сказать, въ Богѣ живетъ.

— А въ чемъ онъ провинился?

Костровинъ нарочно спросилъ это, зная—въ общихъ чертахъ,—за какую вину Наумъ находится подъ судомъ.

— Яко бы, то-есть,... произвелъ совращеніе. И свидѣтели нашлись...

— Закатаютъ?—тихо спросилъ Булашовъ у Топоркова.

— Вы знаете... какъ въ послѣднее время стали, по этой части, безпощадны присяжные изъ крестьянъ.

Digitized by Google

— Изъ вашихъ ни съ кѣмъ не стряслось такой бѣды?— спросилъ Костровинъ.

— Господь миловалъ! Мы этимъ не займаемся... Благодареніе Богу и за то, что не терпимъ особенной обиды.

— Гдѣ собираетесь?

— У насъ,—потому слободнѣе, мѣста больше.

— По воскресеньямъ?

— Это само собою... а то и въ другіе дни.

— А тѣ у кого же... у этого самаго Наума?

— У него.

Василій тряхнулъ головой и усмѣхнулся.

— Коли урядникъ обходъ дѣлаетъ... примѣрно хоть въ воскресенье утромъ... съ улицы слыхать, что поютъ. И у насъ... и въ избѣ у Наума... такимъ же манеромъ...

— Только напѣвъ другой,—подсказалъ Булашовъ.

— Это точно, сударь... Мы по-деревенски. Напѣвъ у насъ старинный. Издали не отличить вамъ отъ пѣсни... которая позаунывнѣе... А у тѣхъ напѣвъ веселый, короткій. И по книжкѣ, значитъ.

Все это Василій говорилъ спокойно и благодушно. Тонъ его продолжалъ пріятно дѣйствовать на обоихъ пріятелей.

Вася опять съ такой же жадностью прислушивался къ разговору.

— И выходитъ, значитъ,—продолжалъ Василій, глядя на господъ нѣсколько прищуренными глазами:—въ одномъ мѣстѣ, и за одно и то же—здѣсь—ничего, а тамъ—сейчасъ протоколъ, и все такое... И книги отбираютъ. Первымъ дѣломъ—евангеліе... Карты разныя, что по стѣнамъ висятъ.

— Что же на картахъ?—спросилъ Костровинъ.

— Изъ Писанія, отъ Матѳея... и изъ другихъ евангелистовъ... Больше ничего. Ну, перепишутъ... и у земскаго—судъ и расправа.

Онъ сдвинулъ свой картузъ набекрень и почесалъ надъ правымъ ухомъ.

— Штрафами... можно сказать, дюже ихъ щуняютъ. Все по десяти и больше рублей. Тутъ восчувствуешь!

— Такъ что вамъ еще благодать?—вставилъ Булашовъ.

— До поры, до времени, не жалуемся, сударь. Мы нѣшто радуемся на то, что они—на такомъ положеніи?

Помолчавъ, онъ обернулся къ нимъ еще прямѣе лицомъ, полу-закрылъ глаза и, точно про себя, выговорилъ раздѣльно и немного какъ бы на распѣвъ:

Digitized by Google

— „Изгонятъ васъ изъ синагогъ... наступаетъ время, когда всякій, убивающій васъ, будетъ думать, что онъ тѣмъ служитъ Богу. Такъ будутъ поступать потому, что не познали ни Отца, ни Меня".

Костровинъ сначала приподнялъ голову, а потомъ и весь приподнялся.

Ему показалось-было, что Василій заговорилъ отъ себя; но евангельскій строй того, что̀ онъ произносилъ такъ истово и проникновенно—сейчасъ же напомнилъ ему: что̀ это можетъ быть.

Онъ спросилъ себя: „Откуда это?"—и могъ только отвѣтить: „Отъ Іоанна". Но въ какомъ мѣстѣ это говорится,—затруднился бы сразу сказать.

То же подумалъ и Булашовъ. Всѣ трое переглянулись.

— Я вамъ говорилъ,—тихо сказалъ Топорковъ.—У Василія Егорыча—изумительная память и знаніе Новаго Завѣта.

Костровину все это было чудно̀. Ничего подобнаго онъ никогда не испытывалъ. Ѣдутъ въ пошевняхъ, гусемъ, везетъ ихъ простой мужикъ въ „озя́мѣ", сидитъ бочкомъ, на облучкѣ и, точно отъ себя, произноситъ такія слова.

— Отъ Іоанна?—спросилъ Вася и весь покраснѣлъ.—Скажи, Василій?

— А то нешто не изъ него, Васенька?

— Изъ Тайной Вечери?

— Такъ точно... Вишь, какой дошлый! Похвальный листъ тебѣ!..

Василій опять приласкалъ его по плечу свободной рукой, въ рукавицѣ.

— Онъ навѣрно и главу скажетъ, и стихъ!—вскричалъ Вася, и глаза его загорѣлись горделивымъ чувствомъ за своего пріятеля Василія.

— Что-жъ... скажу. Не изъ бахвальства,—прибавилъ Василій, поглядѣвъ на пріѣзжихъ господъ,—а потому, что надо всегда быть наготовѣ... передъ самимъ собою и передъ людьми. Запомни, Васенька. Глава шо̀стнадцатая, стихи: второй и третій.

Онъ произносилъ не „шестнадцатая", а „шо̀стнадцатая", что̀ Костровину особенно какъ-то понравилось. При мѣстныхъ крестьянскихъ словахъ и искаженіи словъ, этотъ совсѣмъ молодой малый такъ владѣлъ складно̀й и грамотной рѣчью, точно онъ человѣкъ ихъ круга.

Всѣ они опять, молча, переглянулись.

Василій, какъ бы немножко стѣснившись, повернулъ спиной,

Digitized by Google

гикнулъ на лошадей и пустилъ ихъ доброй рысью. Они уже поднялись на новый взлобокъ, откуда, минуты черезъ три, стала видна усадьба—красная крыша дома, а потомъ и заборъ, и купы деревьевъ, покрытыхъ инеемъ, въ глубинѣ двора.

— Вотъ и доѣдемъ сейчасъ!—возбужденно объявилъ Вася и, взявъ возжи изъ рукъ Василія, молодецки гикнулъ на лошадей, стоя обѣими ногами въ облучкѣ.

Ихъ встрѣтилъ веселый лай цѣпной собаки. Ворота были отперты. Налѣво отъ нихъ стоялъ флигелекъ; они подъѣхали направо къ крыльцу дома, похожаго на подгородную дачу, съ террасой и маленькой башней.

Встрѣчать ихъ вышла горничная—въ платочкѣ и ситцевомъ платьѣ, подпоясанномъ темнымъ фартукомъ, молодая, съ деревенскимъ загорѣлымъ лицомъ.

— Параша! Помоги Василію!—крикнулъ ей Вася, соскочилъ въ снѣгъ, и передалъ возжи своему пріятелю.

Черезъ десять минутъ они уже сидѣли за столомъ. Топорковъ извинился за жену—она третій день прихварывала и не могла съ ними обѣдать.

За хозяйку была сестра Васи—Мотя—старше его года на два—подростокъ, большого роста, съ двумя длинными русыми косами, лицомъ похожая на брата, рослая, съ блестящими глазами и открытымъ бѣлымъ лбомъ.

Садясь, Топорковъ извинился за „немудрую стряпню“; но сейчасъ же сказалъ, что имъ будетъ и мясное.

У нихъ въ семьѣ „убоины“ не ѣли.

Оба пріятеля заявили, что охотно ѣли бы все то, что подавали и хозяевамъ.

Разговоръ объ „убоинѣ“ былъ неизбѣженъ. У Топоркова сейчасъ же перемѣнилось выраженіе лица: брови приподнялись къ наружнымъ краямъ и ротъ сложился въ особую мину жалости.

— Для меня несомнѣнно,—сказалъ онъ въ началѣ обѣда,—что въ какихъ-нибудь два поколѣнія звѣря уже не было бы ни въ комъ!

— Вашими устами и медъ бы пить,—возразилъ ему Булашовъ.—Но народъ нашъ почти что не ѣстъ мяса, а звѣря въ немъ еще очень много.

— Не ѣстъ, потому что бѣденъ, а не потому, что чувствуетъ связь со всякой живой тварью, почему и воздерживается.

Топорковъ самъ перемѣнилъ разговоръ и долго разсказывалъ о той четѣ, въ судьбѣ которой принялъ участіе Булашовъ. Онъ

Digitized by Google

уже зналъ, что съ матерью вступили въ соглашеніе и допускаютъ ее видѣть дѣтей; но мужъ ея—по прежнему—томится все въ тѣхъ же мѣстахъ и на возвратъ его врядъ-ли есть большая надежда.

Оба пріятеля больше слушали и, точно по уговору, ни одинъ изъ нихъ не дѣлалъ хозяину ни малѣйшаго возраженія. Булашову Топорковъ казался здѣсь, дома, съ дѣтьми, въ этой довольно заброшенной усадьбѣ, гораздо болѣе живымъ, чѣмъ тогда, въ Москвѣ, когда онъ явился къ нему въ Лоскутную гостинницу.

Кротостью и убѣжденностью дышали черты его худого, нервнаго лица. И тонъ у него былъ тихій и простой, безъ экзальтаціи. Во всемъ, что онъ говорилъ, звучала спокойная увѣренность въ томъ, что иначе мыслить и чувствовать нельзя.

Жилъ онъ литературнымъ трудомъ и устроился здѣсь, вдали отъ городской дороговизны и сутолоки, наѣзжалъ въ Москву, много переписывался съ своими ближайшими и „дальними“—какъ онъ назвалъ—друзьями; но далъ понять, что на сектантовъ обоихъ толковъ, съ которыми былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, не производитъ никакого „воздѣйствія“.

Въ нихъ онъ цѣнитъ—въ самыхъ лучшихъ изъ нихъ—особенно въ такихъ, какъ Василій Егоровъ,—необыкновенную воспріимчивость ко всему, въ чемъ сказываются высшія потребности души.

— Разумѣется... и ихъ забираетъ „князь міра“. Есть скопйдомы, есть и слабые люди, способные на сдѣлки съ совѣстью. Но—сколько я входилъ въ ихъ бытъ—они составляютъ исключеніе сравнительно съ нашими... Въ молоканахъ все уже улеглось, ихъ не преслѣдуютъ; а кто перешелъ въ баптисты—у тѣхъ сильнѣе подъемъ религіознаго чувства. Вотъ присмотритесь къ такому Науму Степанову. Этотъ весь полонъ жажды подвига.

Бесѣда ихъ затянулась и послѣ обѣда. Хозяинъ предложилъ имъ отдохнуть и устроиться во флигелѣ, гдѣ имъ приготовили уже постели. Онъ самъ проводилъ ихъ, приставилъ къ нимъ мальчика и пожелалъ имъ доброй ночи.

Въ низковатой комнатѣ, гдѣ имъ постелили вмѣстѣ—одному на широкомъ диванѣ, другому на желѣзной складной кровати—они лежали въ темнотѣ и прислушивались къ начинавшейся вьюгѣ. Вѣтеръ слегка колыхалъ ставнями окна, раздѣлявшаго изголовья ихъ постелей.

Digitized by Google

Нѣкоторую усталость чувствовали оба; но заснуть не могли сразу.

Имъ хотѣлось говорить, и, прежде всего, о хозяинѣ.

— По своему—совершенно счастливъ,—замѣтилъ, какъ бы съ легкой ироніей, Булашовъ, лежа лицомъ къ пріятелю.

— Неужели оттого только, что нашелъ разгадку жизни?

— Должно быть.

— Не всякій можетъ удовлетвориться извѣстными правилами,—заговорилъ нервно Костровинъ и также повернулся на бокъ—лицомъ отъ спинки дивана къ кровати Булашова.—Правда, и народъ въ массѣ... въ концѣ концовъ счастливѣе насъ оттого, что вставилъ себя въ рамки обряда.

— Но на одномъ обрядѣ не остановился. И Василій Егоровъ—народъ.

— У этихъ евангеликовъ... навѣрно меньше запретовъ. Того не ѣшь, этого не ѣшь!.. Съ мясомъ это еще не трудно; а насчетъ противленія злу... не такъ-то легко согласиться. И все это отзывается какимъ-то духовнымъ эпикурействомъ.

— И мнѣ всегда такъ казалось,—подтвердилъ Булашовъ.—Но посмотри на этого Топоркова. Развѣ онъ все сводитъ къ своему „я“, къ моральному дилеттантству? Его душа отзывается на всякое горе... не однихъ своихъ единовѣрцевъ. Вотъ мы поѣдемъ съ нимъ. Я увѣренъ, что онъ окажется гораздо ближе меня къ народу и къ его матеріальнымъ нуждамъ, и къ его душевнымъ потребностямъ. Не знаю, какъ ты, Костровинъ, а я вѣдь долженъ сознаться, что писанія его учителя... знаю недостаточно. Читалъ его „Исповѣдь“ и еще двѣ книги... Ну, и все, что̀ появилось въ беллетристической формѣ... съ извѣстной подкладкой. Но все это не даетъ еще полнаго исповѣданія вѣры.

— Можетъ, его и нѣтъ?—отозвался Костровинъ.

— Есть что-то въ этомъ родѣ.

— Въ печати?

— Не знаю. У Топоркова навѣрное есть. Только онъ самъ предлагать не будетъ. Ты видишь... онъ не хочетъ играть роль эмиссара тамъ, что-ли.

— Всякій, кто позналъ истину, не можетъ ее не проповѣдывать.

— Разумѣется, и онъ, навѣрное, не уклонится никогда высказать все, что̀ считаетъ высшей правдой.

— Для его пріятеля Василія и для того баптиста, котораго будутъ судить, раздѣлять такое ученіе — все равно, что все утратить!

Digitized by Google

— Не знаю, — вдумчиво выговорилъ Булашовъ.—Не это, другъ, важно, а то, что вотъ тебѣ фактъ: на пространствѣ сотни десятинъ живутъ поборники христіанскаго идеала и другъ друга не ѣдятъ, не воздвигаютъ гоненій, не требуютъ разгрома.

— Однако, какъ сегодня говорилось между вами, этого Наума крестьяне закатаютъ на судѣ.

— Кто?—протянулъ Булашовъ.—Развѣ о нихъ идетъ рѣчь?

Костровинъ ничего не отвѣтилъ, но въ немъ долго еще не улеглось возбужденіе мысли и особаго чувства, имъ еще никогда не испытаннаго. Въ головѣ замелькали образы: санный путь, голова Василія... какъ онъ сталъ приводить евангельскія слова.

Вѣтеръ продолжалъ тихо завывать. Подъ его гулъ они оба заснули.

XV.

Въ просторной избѣ Егора Веденѣева происходило угощеніе господъ изъ усадьбы.

Утромъ Егоръ являлся туда, и они долго толковали вчетверомъ о закупкахъ. Рѣшено было, что Булашовъ съѣздитъ съ Егоромъ по ближайшимъ мѣстамъ для закупокъ, а Топорковъ дождется его съ Костровинымъ, послѣ чего всѣ трое поѣдутъ въ разныхъ направленіяхъ.

Булашовъ поживетъ до воскресенья, дождавшись Егора, который соберется по близости въ село Вязовки, гдѣ уже приторговалъ вагона на два капусты и на столько же картофеля.

Теперь они сидѣли за столомъ, въ красномъ углу избы, куда солнце входило веселой полосой.

Костровинъ съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ Булашовъ, осматривалъ все, дѣлая это очень сдержанно.

Онъ уже замѣтилъ, что на угловой лавкѣ, въ красномъ углу, гдѣ они сидѣли съ Булашовымъ, не видно было никакихъ иконъ, а лежали только двѣ большія книги въ кожаныхъ потемнѣлыхъ переплетахъ и съ застежками.

Нѣсколько картинокъ было наклеено на той стѣнѣ, которая шла вбокъ, безъ оконъ— евангельскаго содержанія. Уголъ дальше занималъ большой ткацкій станокъ. За нимъ сидѣла дочь Егора, та самая красивая, статная дѣвушка, которую первый увидалъ Булашовъ, когда она вышла на крыльцо. Арина сидѣла въ ситцевой юбкѣ и такой же кофтѣ, простоволосая, съ длинной косой и босая.

Булашовъ и теперь раза два оглянулъ ее и нашелъ, что

Digitized by Google

она и въ такомъ домашнемъ видѣ сохраняетъ большую живописность.

И Костровинъ взглянулъ на нее и отмѣтилъ, про себя, что Арина сидѣла нагнувшись и дѣйствовала челнокомъ, не обращая на нихъ никакого вниманія; не обернулась ни разу, и только лѣвый глазъ ея быстро поднималъ густую рѣсницу и такъ же быстро опускалъ ее.

Ноги ея ловко мелькали, надавливая и ослабляя натискъ на деревянныя дощечки ея самодѣльнаго привода.

Изба была безъ полатей, съ большимъ углубленіемъ за печью, гдѣ висѣло много платья. Справа отъ входа, у первыхъ трехъ оконъ, стояли скамьи въ два ряда.

Почти вся семья Егора была въ сборѣ: жена его, худая старуха, болѣзненная, съ бурымъ лицомъ, въ кацавейкѣ и темномъ платьѣ; жена Василія, молодка, съ крѣпкими щеками, въ сапогахъ и короткой душегрѣйкѣ. Она и прислуживала, безпрестанно выходя въ сѣни.

Были тутъ двое ребятишекъ — внуки Егора — и его сынъ подростокъ, еще не сложившійся парень, въ розовой рубахѣ и валенкахъ, веснущатый и вихрастый, старавшійся также прислуживать гостямъ.

Кормили ихъ, кромѣ „чайкю“ со сливками и вареньемъ, еще яйцами въ смятку, и лепешками, и свѣжимъ сливочнымъ масломъ.

Хозяева угощали гостей, но, подставляя имъ ѣду, и сами прихлебывали чай со сливками, съ блюдечка, ѣли и лепешки, и яйца, и варенье.

Топорковъ тихо улыбался глазами, поглядывая на пріятелей, и своимъ взглядомъ какъ бы говорилъ имъ: „Видите, простые русскіе мужички не считаютъ для себя грѣховнымъ ѣсть скоромное; а на дворѣ Филипповки, и дѣлается это совершенно просто, никого не обижая и ни надъ чѣмъ не издѣваясь“.

Булашовъ встрѣчалъ уже молоканъ въ своихъ частыхъ разъѣздахъ и даже говаривалъ съ ними; бывалъ и на преніяхъ, заводимыхъ духовнымъ начальствомъ; но и онъ въ первый разъ — сколько ему помнилось — сидѣлъ вотъ такъ, за самоваромъ, въ семьѣ зажиточнаго молоканина, и видѣлъ передъ собою такого выработаннаго жизнью исповѣдника, какъ Василій Егоровъ.

Тотъ помѣщался сбоку, рядомъ съ нимъ, на краю приставной скамьи, сидѣлъ въ кумачной рубашкѣ и, въ эту минуту, аппетитно выковыривалъ кусочки изъ яйца мѣдной ложечкой, послѣ чего сталъ опять пить чай съ блюдечка, съ вареньемъ.

Digitized by Google

На Василіѣ установился и взглядъ Костровина.

Ему уже совершенно впервые пришлось попадать въ среду деревенскихъ сектантовъ, и такого чисто народнаго происхожденія. Онъ читалъ кое-что объ этой сектѣ, но, какъ и многіе изъ образованныхъ русскихъ, только въ послѣднее время, когда всплылъ интересъ къ судьбѣ духоборовъ, къ ихъ переселенію въ Америку—выяснилъ себѣ всю разницу этихъ двухъ вѣроисповѣдныхъ толковъ.

Передъ нимъ, вотъ въ этой избѣ Егора Веденѣева, настоящіе „евангѐлики"—какъ называютъ ихъ и Топорковъ, и Булашовъ—коренные русаки, испоконъ вѣка землепашцы, живущіе въ одной мѣстности, съ своимъ мѣстнымъ говоромъ, со всѣми выпуклыми чертами великорусскаго мужика средней полосы, пониже Москвы. Тутъ ничто не отзывается для него привознымъ ученіемъ, отъ англичанъ или отъ нѣмецкихъ піэтистовъ, съ юга Россіи. Это сложилось на родной почвѣ, и по-своему, по-мужицки, выработало, конечно, и свои характерныя черты.

И ему особенно любопытно стало, дождавшись воскресенья—оно будетъ послѣ завтра—попасть сюда же, въ избу Егора, на молитвенное собраніе. Онъ уже, черезъ Топоркова, попросился еще тамъ, въ усадьбѣ, сегодня утромъ, и Егоръ ему отвѣтилъ:

— Съ нашимъ удовольствіемъ. Пожалуйте.

А Василій прибавилъ отъ себя:

— Ужъ не обезсудьте, коли наше пѣніе не больно вамъ придется по скусу.

Какую-то особенную ясность и прочность всего склада жизни этихъ „отщепенцевъ" чувствовалъ, въ то же время, и Булашовъ. И ему эти стародавніе „евангѐлики" были ближе, чѣмъ тѣ, куда онъ долженъ бы былъ принадлежать, еслибы пошелъ по стопамъ своего покойнаго отца.

И ему какъ бы несовсѣмъ пріятно было, что нѣсколько семей этихъ самыхъ молоканъ отдѣлились отъ нихъ и образовали особенную общину, уже признающую—какъ онъ доподлинно зналъ—два обряда баптистовъ.

— Послушайте, Егоръ Веденѣичъ,—обратился онъ къ нему, допивъ чашку чаю съ чудесными сливками,—ежели по душѣ говорить: вы—какъ мы знаемъ отъ Юлія Ѳедоровича—онъ указалъ на Топоркова—самый набольшій въ вашемъ обществѣ?

— У насъ, батюшка, никакихъ такихъ чиновъ нѣтъ,—отвѣтилъ Егоръ и повелъ головой, какъ бы желая сказать: „не такъ, какъ у тѣхъ, что по ту сторону оврага".

Digitized by Google

— Ну, это все равно... я хотѣлъ спросить: для васъ было это очень чувствительно—отдѣленіе Наума Степанова съ братіей?

Отецъ переглянулся съ сыномъ.

Глаза Василія сейчасъ же заиграли, и ему захотѣлось отвѣтить на это первому; но взглядъ Егора остановилъ его, и онъ только тряхнулъ своими кудрявыми волосами и началъ наливать себѣ чаю.

— Извѣстное дѣло, сударь, было это намъ дюже чувствительно...

Костровинъ воздержался отъ всякихъ вопросовъ.

— Такъ, видно, Господу было угодно. Сколько мы понимаемъ, тутъ двѣ вещи дѣйствуютъ. Первое... лестно себя считать, значитъ... какъ бы причисленнымъ къ лику праведниковъ. А потомъ и прицѣпа есть.

— Въ видѣ обрядовъ?—спросилъ Топорковъ.

— Именно, Юлій Ѳедоровичъ. Сами изволили, чай, замѣчать... особливо на женскій полъ... дѣйствуетъ. И въ родѣ какъ особое испытаніе, и въ своихъ глазахъ выше ставитъ человѣка, когда онъ удостоится водяного крещенія. Опять же и пресвитеромъ лестно быть. Это уже совсѣмъ особая статья.

Егоръ говорилъ съ запинками, какъ бы искалъ словъ. И вообще онъ не былъ рѣчистъ.

Вдобавокъ, ему не хотѣлось сказать ничего лишняго въ осужденіе своихъ прежнихъ единовѣрцевъ.

— А между прочимъ,—продолжалъ онъ нѣсколько живѣе,—поставили себя на незаконное положеніе. Должны все хорониться. Штрафы... разбирательства. Теперь вотъ до чего дошло съ Наумомъ...

Онъ поникъ своей крупной лысой головой.

— Тятенька,—заговорилъ Василій, отхлебнувъ съ блюдечка.—Тутъ надо различіе дѣлать! Наумъ Степановъ обвиненъ въ совращеніи. Никто своего креста не избѣгнетъ. Тутъ хошь съ поличнымъ накрыли. А насчетъ того, что они теперь въ такомъ стѣсненіи живутъ—нѣшто они настоящая штунда?—выговорилъ онъ съ усмѣшкой.—Значитъ, и насъ бы стали приписывать туда же, коли бы мы съ ними держались вмѣстѣ.

Булашовъ и Топорковъ кивнули головой; а Костровинъ точно про себя сказалъ:

— Вотъ оно что!..

— Только тятенька вѣрно говоритъ, что они, отъ насъ отпамши, могутъ запутаться.

Костровинъ вопросительно взглянулъ на Василія.

Digitized by Google

— А потому... они не сами по себѣ... какъ теперича хошь мы. У насъ есть одна книга... Евангеліе. Псалмы Давида тамъ что-ли послѣ. На этомъ мы утвердились, значитъ. Такъ и сами умремъ... А они какъ словно обвязались съ другими тамъ держаться... и съ тѣми, что отъ нѣмцевъ пошли... штундой которыхъ прозвали... и опять изъ Питера такимъ же порядкомъ. Прежде не знали, какъ и мы, никакого обряда... преломленіе хлѣба... погруженіе опять... А теперь это соблюдаютъ. Пресвитеры пошли... вѣдь тоже, что іерей, только по другому называется. Дальше и владыку пожалуй заведутъ...

— Постой, Василій,—перебилъ его Булашовъ.—Они это не зря. Они это взяли оттуда же, откуда и все остальное идетъ. Ты это прекрасно долженъ знать.

— Должонъ, сударь, знать, это точно. И рѣчь моя клонилась не къ осужденію, а къ потуженію. Можетъ, оно и такъ; а все бы на прежнемъ-то корню сидѣть—ничего бы они не потеряли; а какъ вы изволите говорить: что для нихъ свято, то и для насъ. Все единственно.

Онъ тихо разсмѣялся и опять, характерно тряхнувъ волосами, сталъ накладывать себѣ варенья на папушникъ и запивать чаемъ.

Отецъ, все время, слушалъ его, тихо потягивая съ блюдечка, съ опущенными глазами. Старуха сидѣла поодаль и, оперевъ щеку о ладонь жилистой руки, любовно смотрѣла на сына.

Даже строгая красавица-сестра остановила вдругъ движеніе челнока и вбокъ поглядѣла—что, молъ, господа будутъ отвѣчать Василію на его „прéдику“?

Топорковъ и Костровинъ были видимо согласны съ разсужденіями Василія. Булашову они понравились менѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ, хотя въ тонѣ умнаго и душевнаго малаго не было никакой нетерпимости и никакого ехидства.

— Все Господь, — вымолвилъ съ легкимъ вздохомъ Егоръ Веденѣевъ.—И въ этомъ, значитъ, испытаніе послано было намъ. Кто отдѣлился, а кто держится по старому, нерушимо...

— Этакъ-то,—подхватилъ опять Василій, съ той же тихой горячностью,—мóже и лучше. Не такъ ли, баринъ?—спросилъ онъ черезъ столъ Костровина, замѣтивъ, какъ онъ его слушалъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— А нешто не помните въ началѣ Апокалипсиса?.. Апостолъ Іоаннъ Богословъ получилъ приказъ написать ангелу одной изъ церквей въ Асіи;—выговорилъ онъ съ удареніемъ на звукѣ „с“.

— А какой?—тихо спросилъ его Булашовъ.

Digitized by Google

Василій обернулся къ нему и, блеснувъ весело глазами, выговорилъ:

— Ангелу лаодикійской церкви. Глава третья, стихъ четырнадцатый. Дальше-то дай Богъ памяти... „Знаю, говоритъ, твои дѣла, ты ни холоденъ, ни горячъ". А потомъ: „Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергу тебя изъ устъ Моихъ". Такъ я мекаю, господа, и въ этомъ случаѣ. Отпали они отъ насъ... Что-жъ! По крайности—нельзя про нихъ сказать, что они ни горячи, ни холодны. Они горячо за свою вѣру стоятъ...

Арина опять взглянула на брата.

— Вашъ сынъ, Егоръ Веденѣичъ,—замѣтилъ Булашовъ,—начитанъ.

— Много довольны, батюшка, на добромъ словѣ. Не дюже бы только возгордился. Книга для всѣхъ открытая.

Егоръ указалъ рукой на полку, гдѣ лежало Писаніе.

— А допрежъ всего,—прибавилъ онъ, глядя на всѣхъ троихъ гостей,—отъ своего корню не добро отступать.

— А какъ же,—спросилъ Булашовъ,—вы не боитесь пускать своихъ ребятишекъ бѣгать туда, гдѣ погостъ? Въ церковь всякій воленъ входить.

Отецъ съ сыномъ переглянулись.

— Мы не боимся... ни, Боже мой!—съ увѣренной усмѣшкой выговорилъ Егоръ.—Они съизмальства пріучены. Къ лукавымъ они не пойдутъ...

— Къ лукавымъ?—переспросилъ Костровинъ.

— Мы такъ называемъ,—пояснилъ съ той же усмѣшкой Егоръ.—Съ эстой стороны намъ бояться нечего, только бы они на насъ око свое завидущее не поворачивали.

— Лукавый—одинъ,—замѣтилъ, точно про себя, Костровинъ.—Нечистый духъ!..

— Позвольте, сударь,—остановилъ Василій, глянувъ на него черезъ столъ.—Въ молитвѣ-то Господней стоитъ: „Избави насъ отъ лукаваго",—значитъ, отъ каждаго недобраго человѣка. Мы такъ и называемъ. Также и въ другомъ евангелистѣ говорится: Не противься, значитъ лукавому... злому человѣку. Такъ ли, Юлій Ѳедоровичъ? Ежели по-церковному, по-славянски читать—вотъ какъ наши старики привыкши... такъ то же слово стоитъ, что и въ молитвѣ Господней.

— Гости дорогіе... мало кушаете. Яичекъ бы еще и чайку по чашечкѣ?—пригласилъ Егоръ.

Digitized by Google

Въ избу Наума Степанова они всѣ трое вошли гуськомъ. Первымъ Булашовъ.

Кромѣ хозяина, никого въ избѣ не было. Наумъ жилъ уже третій годъ вдовцомъ. Изъ дѣтей дома была только больная дочь и лежала на полатяхъ. Сынъ—извозничалъ; жена его куда-то отлучилась.

Булашову было почему-то пріятнѣе застать его одного. На собраніе онъ самъ рѣшилъ не идти, если ему и будетъ предлагать Топорковъ. Завтра утромъ рано—онъ уѣдетъ съ Егоромъ Веденѣевымъ.

— Спасибо. Много благодарю за неоставленіе,—говорилъ ему Наумъ, подавая ему руку.

Они стояли по срединѣ избы. Наумъ—въ легкой, подержанной поддѣвкѣ изъ нанки и въ валенкахъ.

Топорковъ и Костровинъ не присаживались, зная, что Булашивъ засиживаться не будетъ.

Лицо Наума не выражало особенной привѣтливости, но все было освѣщено выраженіемъ свѣтло-сѣрыхъ глазъ, немного точно затуманенныхъ. Худое, съ нездоровымъ цвѣтомъ щекъ, оно уходило въ длинныя пряди темно-русыхъ волосъ, съ замѣтной просѣдью.

Голосъ у него звучалъ глуховато, съ грудной вибраціей и на высокихъ нотахъ.

— Вамъ, Наумъ Степанычъ, защитникъ вашъ, адвокатъ Лебедевъ, уже писалъ обо мнѣ.

— Какъ же, какъ же... Вотъ—пока еще не нахожусь на волѣ. А тамъ... какъ Господь... На все готовы.

— Ежели у васъ есть что-нибудь сообщить, я могу остаться... Эти господа поѣдутъ.

— Особеннаго ничего не имѣю... окромя того, что вы... отъ господина защитника изволите знать.

Въ этихъ словахъ чувствовалась не замкнутость сектанта, а нежеланіе придавать особую важность своему личному дѣлу и сознаніе того, что каждый долженъ пострадать за то, во что вѣритъ.

Костровинъ показалъ Топоркову—они стояли у двери—на четырехугольники темнаго картона, повѣшенные на одной стѣнѣ, съ серебряными буквами.

— Это евангельскія слова, про которыя говорилъ Василій Егоровъ,—тихо пояснилъ Топорковъ.

— Вы вѣдь, мы слыхали, Сергѣя Васильевича Булашова сынокъ?—спросилъ Наумъ, и его глаза какъ-то жалостливо улыбнулись.—О папенькѣ вашемъ много наслышаны.

Digitized by Google

„Что же это я съ нимъ такъ сухо?“ — вдругъ упрекнулъ себя Булашовъ.

Но онъ какъ-то не находилъ съ нимъ настоящаго тона... А можетъ быть, и присутствіе тѣхъ двоихъ его стѣсняло.

— Къ намъ... пожалуете въ воскресенье? Всѣмъ будетъ лестно видѣть васъ.

— Долженъ завтра ѣхать,—торопливо отвѣтилъ Булашовъ.— Врядъ ли попаду. А вотъ пріятель мой,—онъ обернулся и указалъ на Костровина,—онъ бы желалъ посѣтить васъ.

— Милости просимъ.

— Идите, господа, я сейчасъ.

И Костровинъ, и Топорковъ, поняли, что онъ, при нихъ, почему-то стѣсняется.

Наумъ проводилъ ихъ до сѣней и вернулся.

— Пожалуйста,—возбужденно заговорилъ Булашовъ и даже положилъ ему обѣ руки на плечи.—Ежели нужда будетъ или въ настоящую минуту предстоятъ расходы... позвольте мнѣ...

— Премного благодаренъ, Викторъ Сергѣевичъ... Такъ васъ величать? Пока не нуждаюсь... благодареніе Создателю. А ваше неоставленіе... отъ сердца. Тамъ окажется...

— Вашъ защитникъ будетъ знать, гдѣ я. А теперь—будьте здоровы. Это главное. За васъ нечего бояться... вы себѣ не измѣните.

Они поцѣловались.

Въ саняхъ, на облучкѣ, сидѣлъ опять Василій. Увидавъ на крылечкѣ Наума, онъ снялъ шапку и ласково окликнулъ его:

— Науму Степанычу—почтеніе!

XVI.

Пріятели хотѣли проститься съ Топорковымъ пораньше. На другой день, утромъ рано, Булашовъ долженъ былъ отправиться съ Егоромъ Веденѣевымъ на закупки, а Костровинъ съ Топорковымъ—побывать въ ближнихъ мѣстахъ, по указанію того же Егора.

Хозяинъ пошелъ проводить ихъ во флигель.

Разговоръ, бывшій у нихъ за вечернимъ чаемъ, могъ бы пойти гораздо дальше, и видно было, что и самъ Топорковъ охотно бы продлилъ его.

— Пожалуйста, господа, раздѣвайтесь, а я, на минутку, при-

Digitized by Google

сяду. Можетъ, что, Викторъ Сергѣевичъ, вспомните насчетъ завтрашняго.

Костровинъ сталъ медленно раздѣваться и, снявъ съ себя пиджакъ, сѣлъ тоже на свою постель, противъ того стула, гдѣ присѣлъ Топорковъ, около печки.

— Не хочется отпускать васъ, Юлій Ѳедоровичъ,—заговорилъ онъ, бокомъ взглянувъ на Булашова.—Вотъ онъ... больше знакомъ вообще съ религіознымъ движеніемъ, а для меня все это совсѣмъ ново, и здѣсь у васъ, и на деревнѣ, гдѣ мы побывали, и у васъ самихъ. Я попалъ сразу въ особый воздухъ.

— И какъ вамъ въ немъ дышется? — тихо спросилъ Топорковъ.

— И, кромѣ всего, я—не столько за своего товарища, сколько за себя — долженъ сознаться, что я недостаточно знакомъ съ самой сутью того ученія, котораго держатся такъ называемые...

— Пожалуйста... не произносите этого прозвища.

Топорковъ весь встрепенулся, и его худые, выразительные пальцы пришли въ движеніе.

— Какъ же иначе выразиться?

— Никакъ. Мы не нуждаемся ни въ какой кличкѣ, ни въ какомъ прозвищѣ, связанномъ съ именемъ того или другого лица, какъ бы оно ни было извѣстно.

— Не стану спорить съ вами, Юлій Ѳедоровичъ, но, повторяю, я боюсь судить вкривь и вкось... и не хочу также увлекаться тѣмъ, что только модно... о чемъ всѣ говорятъ.

Булашовъ уже раздѣлся и лежалъ лицомъ къ говорившимъ.

— Каждый изъ насъ носитъ въ себѣ то, что должно привести человѣка къ новому духовному рожденію, то-есть, къ закону разумной любви. Больше ничего не нужно,—тихой, радостной нотой протянулъ Топорковъ и поправилъ прядь волосъ за ухо.

— Однако есть запрёты?—возразилъ Костровинъ.—Насчетъ противленія насилію?..

— Это не запреты, а способы не впадать въ грѣхъ.

— Стало быть, признается и грѣхъ, какъ нѣчто положительное?

— Какъ же назвать то, что отводитъ васъ отъ божественнаго начала? Возьмите другое слово, какое угодно. Сила такого пониманія добра и духовнаго просвѣтленія — въ томъ, что не нужно никакихъ оказательствъ...

Костровинъ подался немного впередъ.

— Я несовсѣмъ понимаю.

— Юлій Ѳедоровичъ хочетъ, вѣроятно, сказать,—пояснилъ

Digitized by Google

Булашовъ,—что не можетъ быть рѣчи о сектантствѣ, о какомъ-нибудь культѣ, разъ нѣтъ ничего такого, что̀ называется у насъ, на извѣстномъ жаргонѣ, „оказательствомъ“.

— Совершенно вѣрно!

— Чѣмъ же вы объедините вѣрующихъ? — спросилъ Костровинъ.

— Внутреннимъ завѣтомъ, борьбой съ тѣмъ звѣремъ, котораго въ себѣ надо побороть и не возбуждая себя... особыми сборищами... воззваніями... обрядами, а производя свою ежечасную молитву.

— Стало быть, вы, хоть и дружите съ своими сосѣдями... и съ молоканами, и съ баптистами, въ сущности не можете признать ихъ своими братьями?

— Какъ и всѣхъ людей... а ихъ, въ простомъ народѣ, самыми къ себѣ близкими. Для меня всѣ, искренно ищущіе нравственной правды — одинаково дороги. Но помните, что̀ Василій Егоровъ сказалъ насчетъ отпавшихъ отъ нихъ съ Наумомъ Степановымъ во главѣ. Тѣ будутъ безплодно страдать за *оказательства*, въ которыхъ нѣтъ надобности для достиженія царства Божія на землѣ. Кто бывалъ на ихъ собраніяхъ—знаетъ, что они возбуждаютъ себя своими импровизаціями, все сильнѣе укрѣпляются въ ошибочной вѣрѣ въ средства получить благодать, разъ въ нихъ сидятъ: страхъ вѣчной гибели и представленіе о своей святости...

— Можетъ быть оно и такъ!—остановилъ его Булашовъ.— Но хорошо ли изображать въ печати ихъ молитвенныя собранія въ смѣшномъ видѣ, когда проповѣдуешь полную терпимость и когда подобное отношеніе къ господствующей церкви немыслимо въ тѣхъ же условіяхъ?

Сказано это было довольно строго.

Костровинъ понялъ намекъ. Понялъ его и Топорковъ. Онъ не сразу отвѣтилъ, прошелся по лицу ладонями и нѣсколько секундъ сидѣлъ съ опущенными глазами.

— Я судьей не хочу быть, но поступокъ одного человѣка— кто бы онъ ни былъ—есть только заблужденіе. Потому-то ежечасная молитва и необходима. Лучше всего было бы, исповѣдуя то, что̀ вы считаете призваніемъ вашимъ въ земной жизни, никого не осуждать за искреннія заблужденія.

Топорковъ всталъ, отошелъ къ печкѣ, прислонился къ ней и сталъ говорить еще задушевнѣе, широко и ритмически разводя руками.

— Какъ будто трудно слиться въ одномъ чувствѣ ужаса и

Digitized by Google

отвращенія ко всякому насилію и звѣрству, гдѣ бы и въ чемъ бы оно ни проявлялось? Развѣ въ душѣ того же Василія Егорова или Наума Степанова—не живетъ духъ благой вѣсти, которая сводится къ одному: насаждайте и воздѣлывайте разумную любовь? А развѣ она согласима съ тѣмъ, что дѣлается во всемъ свѣтѣ, который кичится своей высокой культурой?

И, обращаясь къ Булашову, онъ продолжалъ, тише звукомъ, съ чуть замѣтной дрожью въ голосѣ:

— То дѣло, по которому я къ вамъ явился въ Москвѣ, Викторъ Сергѣевичъ,—развѣ на него могутъ различно взглянуть Василій Егоровъ и Наумъ Степановъ, хотя одинъ—начетчикъ-молоканинъ, а другой считается тайнымъ „пресвитеромъ“ у бывшихъ такихъ же молоканъ, перешедшихъ—по доброй волѣ—въ баптизмъ?

— Но тутъ-то и будетъ оказательство! — замѣтилъ Булашовъ.—И какое? Оно грозитъ тѣмъ же, если не сильнѣйшимъ отвѣтомъ, чѣмъ какой придется дать... Науму Степанову. Вамъ это, Юлій Ѳедоровичъ, лучше нашего извѣстно.

Булашовъ поглядѣлъ на Костровина, напоминая ему, что ихъ хозяинъ провожалъ одну изъ партій, отплывшихъ въ третьемъ году въ Америку, до того порта, гдѣ они сѣли на пароходъ.

— Безъ *такихъ* оказательствъ,—откликнулся Топорковъ,—все превратится въ фарисейскую ложь и профанацію воли Того, Кто послалъ насъ на землю.

Слова отзывались условнымъ языкомъ, но звучали они не какъ заученая проповѣдь, а скорѣе какъ внезапное изліяніе.

Никто изъ нихъ ничего на это не сказалъ.

— Простите... господа,—заговорилъ другимъ тономъ Топорковъ.—Вамъ давно пора почивать.

— Успѣемъ, успѣемъ!—откликнулся первый Костровинъ.—Спасибо за то, что вы такъ душевно намъ высказались. У васъ найдется, быть можетъ, что-нибудь такое, гдѣ бы изложена была вся суть ученія?

Топорковъ повелъ головой и тихо усмѣхнулся.

— Найдется,—вымолвилъ онъ.—Но дѣло не въ предписаніяхъ и канонахъ вѣры. И хлѣбъ души не труднѣе добывать, чѣмъ тотъ приварокъ, который мы развеземъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ цинга. Только его надо копить, съ виду незамѣтной, но неустанной работой, маленькими усиліями, ничтожными ограниченіями своего животнаго *я*. А потомъ сложится привычка! Привычка думать такъ, а не иначе, не дѣлать того, что ведетъ непремѣнно ко грѣху.

Digitized by Google

— Вотъ и опять грѣхъ!—вскричалъ Костровинъ.

— Вамъ не нравится слово?.. Возьмите другое. Это все равно... И я теперь, господа, говорилъ съ вами, какъ съ моими братьями по духу... а наставлять васъ не имѣлъ намѣренія. Пути открыты. Если разумъ не затемненъ, любовь озаряетъ все, и смыслъ жизни встаетъ передъ нами. И мы перестаемъ предаваться погонѣ за миражемъ счастья; а на горе и боль смотримъ какъ на необходимое треніе во всякой созидательной работѣ!..

— *Треніе*!—повторилъ Костровинъ.—Это хорошо сказано!

— Сравненіе—не мое,—откликнулся тотчасъ же Топорковъ. —Вы его найдете въ той тетрадкѣ, которую я вамъ, если угодно, дамъ прочесть,—прибавилъ онъ.

Онъ взялъ свою шапку, которую повѣсилъ на гвоздь, когда входилъ, и сталъ прощаться съ своими гостями.

— Еще разъ простите... Сонъ разогналъ. Завтра, Викторъ Сергѣевичъ, пришлю васъ побудить.

Костровинъ заперъ за Топорковымъ задвижку въ сѣняхъ, вернулся и началъ раздѣваться.

Оба минуты три помолчали. Костровинъ легъ и потушилъ свѣчу, на столикѣ, между диваномъ и кроватью.

Спать имъ не хотѣлось.

— Послушай,—началъ первый Костровинъ, поворачивая, въ темнотѣ, голову къ изголовью Булашова.—Ты вѣдь съ *ними* вступалъ уже въ принципіальные разговоры?

— Такихъ, настоящихъ, съ опредѣленнымъ какъ бы катехизисомъ, мало встрѣтишь.

— Оно и понятно... Все тутъ сводится къ своей совѣсти, къ ежечасной молитвѣ, какъ онъ назвалъ. Скопомъ незачѣмъ жить,—потому и оказательства быть не можетъ.

— Да, они—неуловимы. И это ихъ главная сила.

— Будто?

— Какъ же!—живѣе возразилъ Булашовъ.—Можно ихъ преслѣдовать за нежеланіе повиноваться опредѣленному закону—и только. А гдѣ же доказательства совращенія духовнаго? Тетрадку какую-нибудь далъ... или книжку...

— И этого довольно!—сказалъ Топорковъ.

— Нѣтъ, это не то, что въ дѣлѣ какого-нибудь Наума Степанова... Или въ самомъ фактѣ собраній... Урядникъ вошелъ: читаютъ, поютъ... значитъ, публично молятся, заявляютъ о своей принадлежности... А тутъ ничего такого не нужно и даже, какъ онъ сейчасъ говорилъ, и не слѣдуетъ, такъ какъ собираться и

Digitized by Google

усиленно настроивать себя въ извѣстномъ духѣ—это ведетъ къ возбужденію, къ изувѣрству, къ опьяненію; а опьяненіе для нихъ —вѣрнѣйшее средство впасть въ грѣхъ. Оно и вѣрно, если хочешь. Не сбирайся на свои радѣнія хоть бы хлысты—не было бы и дикаго изступленія.

— Положимъ такъ,—согласился Костровинъ, какъ бы несовсѣмъ охотно,—но для меня, милый другъ, во всемъ, что сейчасъ вылилось у Топоркова, какъ нѣчто уже установленное и неопровержимое,—во всемъ этомъ нѣтъ одного: признанія великой тайны вочеловѣченія. И выходитъ, что настоящій Богъ какъ бы отсутствуетъ. А между тѣмъ онъ считаетъ себя истиннымъ христіаниномъ!

— Это деизмъ... согласимый съ признаніемъ того, что истинный смыслъ и цѣль жизни заложены въ христіанской проповѣди.

— Василій Егоровъ цѣльнѣе убѣжденъ!—выговорилъ Костровинъ.—Все тутъ на своей народной почвѣ... Одно слово—кряжи! сильно протянулъ онъ.

— Пришло оно все оттуда же, откуда и новая вѣра Наума Степанова, откуда пришла и проповѣдь учителя, котораго выбралъ себѣ Топорковъ.

— Откуда?

— Изъ великой общечеловѣческой лабораторіи... душевной жизни. Не съ востока, а съ запада, другъ Костровинъ!

И Булашовъ сдѣлалъ, въ темнотѣ, широкій жестъ обѣими руками.

— Нѣтъ... ты не хочешь понять, что тутъ есть противорѣчіе... въ самомъ корнѣ. Вся тайна, все чудесное—отвергается.

— Такъ оно и должно было выйти. Въ этомъ научный духъ нашего вѣка—отомстилъ за себя. Создатель ученія обличаетъ безплодность науки, отрицаетъ выводы соціологіи; но самъ онъ—сынъ новой эпохи. Чудо для него немыслимо. Разумъ поставилъ онъ во главу угла. Все, что съ нимъ несогласимо, то вѣдь несогласимо и съ точнымъ знаніемъ. Не такъ ли, Костровинъ? И мы—когда-то—были пламенные жрецы детерминизма!

— Тогда къ чему говорить о вѣчной, божественной сути человѣческой души?

— Одно другому можетъ и не противорѣчить.

— Какимъ же это образомъ?

Костровинъ даже приподнялся и сѣлъ въ постели, прислонившись къ высоко взбитымъ подушкамъ.

— Въ высшемъ смыслѣ, разумѣется. Я могу признавать все въ природѣ и исторіи подчиненнымъ неизмѣннымъ законамъ и

Digitized by Google

въ то же время—искать въ потребностяхъ духа лишь божественнаго призыва къ любви.

— И ты способенъ былъ бы удовлетвориться такимъ... credo? —тихо, съ нѣкоторымъ колебаніемъ спросилъ Костровинъ.

Въ первый разъ Костровинъ ставилъ передъ нимъ этотъ именно вопросъ. Да и прежде никто не обращался къ нему въ такой категорической формѣ. Онъ самъ недостаточно входилъ въ тотъ строй идей и вѣрованій, какого держался Топорковъ и всѣ тѣ, у кого—такое же пониманіе божественной правды.

Впервые онъ почувствовалъ, когда слушалъ Топоркова, что онъ ничего не имѣетъ противъ самаго духа этого ученія; но сдѣлаться его адептомъ—онъ врядъ-ли бы могъ.

Почему? Онъ еще не выяснилъ себѣ; но не потому, что тутъ противорѣчіе между отрицаніемъ чудеснаго и своего рода мистикой.

— Врядъ-ли,—выговорилъ онъ послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія.

— И тебѣ вѣра Василія Егорова была бы больше по душѣ, а?

— Можетъ быть.

Подумавъ, Булашовъ тоже приподнялся въ постели и, поднявъ голову, обернулся лицомъ къ Костровину.

— Скажу тебѣ... разъ навсегда. Искать что-нибудь усиленно я никогда не искалъ. Нужды нѣтъ, что мнѣ уже достаточно годовъ... Я не тороплюсь; жизнь... научитъ.

— Не всѣ такого склада, какъ ты, голубчикъ! Стоять на распутьи—тяжко.

— Да возьми ты того, кто дошелъ до пониманія смысла жизни, какое, съ его же словъ, высказалъ намъ сейчасъ Топорковъ. Развѣ онъ не былъ—и очень долго—чуждъ всякаго исканія божественной правды? Ты читалъ его „Исповѣдь“? Ты знаешь, что это пришло, когда ему было уже пятьдесятъ лѣтъ. И потомъ... сколько переходовъ! Сначала возвратъ къ вѣрѣ отцовъ... потомъ анализъ... долгая ломка и перестройка... По моему, и теперь продолжается... дальнѣйшая эволюція его стремленія къ правдѣ и пониманію смысла жизни.

— Эволюція! Ненавистное ему слово.

— Именно! Возмездіе науки и въ этомъ.

Точно боясь слишкомъ опредѣленно высказаться, Булашовъ смолкъ.

И пріятель его не задавалъ уже больше никакого новаго вопроса.

Digitized by Google

XVII.

Пришло воскресенье. Булашовъ еще не вернулся съ Егоромъ Веденѣевымъ. Костровинъ тоже ѣздилъ по близости съ Топорковымъ.

Чай онъ пилъ во флигелѣ. Женѣ Топоркова все еще нездоровилось, и она еще ни разу, при гостяхъ, не сходила внизъ, съ мезонина.

За нимъ завернулъ Топорковъ, и они поѣхали все по той же дорогѣ къ поселку, гдѣ стояли избы Егора и—на другой сторонѣ оврага—Наума Степанова.

Дорогой Топорковъ пожалѣлъ, что Булашовъ не попадетъ на собраніе къ Науму, куда они пойдутъ сегодня, побывавъ у молокановъ.

— Видите,—сказалъ Костровинъ,—ему было бы, пожалуй, несовсѣмъ ловко. Онъ и въ Петербургѣ не ходитъ на такія же собранія.

— Не ходитъ?

— Я попалъ на нихъ по его указаніямъ. Но самъ онъ сторонится. И я понимаю его душевный мотивъ въ этомъ случаѣ. Отъ отца своего онъ не наслѣдовалъ того же исповѣданія. Ни въ какой пропагандѣ онъ не участвуетъ. Это не уклончивость, а деликатное чувство.

— Я такъ и понимаю.

— Наумъ для него долженъ быть особенно дорогъ... но не какъ старѣйшій въ этой общинѣ баптистовъ, а какъ исповѣдникъ, которому предстоитъ отвѣчать за свои вѣрованія. Булашовъ не сразу высказывается, какъ вы видите. Но я еще не встрѣчалъ никого въ нашей интеллигенціи, для кого бы такой святыней была свобода совѣсти, кто бы такъ преисполненъ былъ культа терпимости.

Глаза Топоркова блеснули радостью.

— Это—корень всего. Остальное приложится.

— А изъ здѣшнихъ двухъ общинъ я думаю, что душа его лежитъ больше къ молоканамъ. А для васъ какъ?

— И для меня также,—тихо промолвилъ Топорковъ.—Они, думаю, ближе къ тому, чѣмъ человѣчество должно кончить...

Чего-то онъ не досказалъ, и глаза его ушли вдаль.

Топорковъ самъ правилъ, и ѣхали они въ санкахъ, которыя онъ бралъ у сосѣда огородника. Своей лошади онъ не заводилъ.

Digitized by Google

— Сегодня... Василій Егоровъ заступаетъ мѣсто своего отца, —сообщилъ Топорковъ, когда они уже выѣхали въ деревню.

— Тѣмъ лучше! Кажется, они похожи на евангельскихъ сестеръ... Марѳу и Марію.

— Совершенно вѣрно. Егоръ уже тронутъ мірскимъ духомъ. Онъ—пріобрѣтатель, скопидомъ.

— А Василій благую часть избралъ, какъ Марія?

— Дай-то Богъ, чтобы удержался на той же высотѣ!

Еще издали они увидали у избы Егора Веденѣева всего одинъ розвальни.

— Изъ другихъ деревень не ѣздятъ,—пояснилъ Топорковъ.

У избы онъ привязалъ лошадей, и они, никѣмъ не замѣченные, вошли изъ просторныхъ сѣней въ ту самую половину избы, гдѣ на дняхъ угощали ихъ.

Народу набралось довольно, но не такъ, чтобы была давка. Ближе къ двери, весь правый уголъ занимали женщины, на двухъ рядахъ скамеекъ. Мужчины сидѣли больше вокругъ стола.

Костровину показалось, что они только-что пѣли. На крайней скамейкѣ выдѣлялась фигура старухи, съ головой, укутанной въ темный платокъ. Онъ надвигался надъ лбомъ, и ея морщинистое лицо совсѣмъ ушло туда.

Василій Егоровъ сидѣлъ лицомъ къ входу, въ красномъ углу, и около лежала развернутая книга, въ кожаномъ переплетѣ, съ закоптѣлыми застежками.

Его слегка картавый, вздрагивающій голосъ произносилъ, въ эту минуту, слова Христа.

Топорковъ тихо подсказалъ Костровину:

— Отъ Іоанна... въ началѣ Евангелія, кажется, глава осьмая.

И тутъ только Василій увидалъ ихъ, остановился и привсталъ.

Оба сдѣлали ему знакъ рукой, чтобы онъ не прерывалъ чтенія.

Костровину стало сейчасъ же совѣстно. Точно это—зрѣлище, на которое его пригласили, какъ скучающаго барина, никогда не бывавшаго у мужиковъ-сектантовъ.

Онъ хотѣлъ-было присѣсть тутъ же у входа; но Василій Егоровъ, обратившись ко всѣмъ, громко сказалъ:

— Нашего благопріятеля, Юлія Ѳедоровича, вы, братцы, знаете достаточно. А это—другой дорогой гость, Костровинъ, Павелъ Алексѣевичъ, пожелали навѣстить насъ.

Раздался мягкій гулъ привѣтственныхъ восклицаній.

Digitized by Google

— Пожалуйте!—усиленно пригласилъ ихъ Василій.—Вотъ сюда.

— Продолжайте, пожалуйста! — почти сконфуженно выговорилъ Костровинъ, садясь рядомъ съ Василіемъ.

— Мы сейчасъ споемъ.

— Пожалуйста кончай, Василій Егорычъ! — попросилъ и Топорковъ.

Василій докончилъ эту главу отъ Іоанна. Онъ ее зналъ почти что наизусть, и только изрѣдка заглядывалъ въ книгу.

Костровинъ ждалъ сейчасъ же пояснительныхъ словъ, что-нибудь въ родѣ проповѣди или импровизованной молитвы.

Но раздалось пѣніе. Женскіе голоса преобладали. Та старуха, съ низко повязаннымъ платкомъ, затягивала первая—заунывно, какъ поются нѣкоторыя пѣсни, съ частыми переливами и протяжными колебаніями заключительныхъ нотъ.

Хоръ подхватывалъ все такъ же заунывно, въ чисто-пѣсенномъ пошибѣ.

Костровинъ слушалъ, полу-закрывъ глаза. Его слишкомъ чуткіе нервы эта непрерывная мелодія захватила. Въ ней не было ничего умышленно-мистическаго, говорящаго объ извѣстномъ служеніи, о ритуалѣ и культѣ. Это была настоящая народная пѣсня, въ которой запросы души, то скорбной, то чающей умиротворенія, проявлялись въ переливахъ колеблющихся звуковъ.

Словъ онъ сначала не распознавалъ; думалъ даже, что это какой-нибудь духовный стихъ, какіе поютъ у насъ еще до сихъ поръ нищіе и „калики“.

Въ маленькій перерывъ Василій Егоровъ наклонился къ нему и въ полголоса сказалъ:

— У насъ попросту, батюшка.

— А слова какія?—спросилъ тоже въ полголоса Костровинъ.

— Изъ псалма.

— Своихъ стиховъ не поете?

— Довольно и изъ Писанія. Собственнаго сочиненія мы не употребляемъ.

Пѣли еще нѣсколько разъ, въ перемежку, псалмы и — что особенно понравилось Костровину — стихи изъ евангельскихъ текстовъ.

Онъ узналъ два мѣста—нѣсколько стиховъ изъ Нагорной проповѣди и изъ словъ Христа на Тайной Вечери.

И вездѣ были народные напѣвы — своеобразные во всемъ своемъ общемъ однообразіи настроенія и тональности.

Текстъ былъ по церковно-славянски. И чувствовалось, что

Digitized by Google

всѣ эти старухи, молодыя бабы и дѣвушки, пожилые мужчины и подростки съ самыхъ малыхъ лѣтъ выучивали слова столькихъ мѣстъ изъ Новаго Завѣта и псалтири—неразрывно съ напѣвомъ.

Запѣвалой оставалась старуха, сохранившая сильное, высокое сопрано, съ довольно яснымъ произношеніемъ словъ.

Мать Василія, его жену и сестру, Костровинъ призналъ въ группѣ женщинъ. Сестра одѣлась по праздничному, и ея яркій платокъ окаймлялъ особенно красиво овалъ ея лица. Она пѣла усердно; онъ могъ даже отличить ея свѣжій, грудной голосъ съ контральтовыми нотами.

Сдѣлали перерывъ.

— Павлу Алексѣевичу хочется побывать и у Наума,—сказалъ Топорковъ Василію.—А то бы мы еще посидѣли.

Костровину опять стало немного стыдно.

— Извѣстное дѣло,—отозвался Василій.—Имъ и то занятно будетъ... Всѣ одного ищутъ... А чей путь самый правый? Не такъ ли, братья?—обратился онъ больше къ мужчинамъ.—Вотъ они—онъ указалъ рукой на Костровина—къ нашимъ бывшимъ единовѣрцамъ желаютъ зайти, въ часъ ихъ собранія. И съ ними, и съ нами они въ дружествѣ. Такъ-то, небось, лучше. А судить можетъ кто правъ, кто нѣтъ—только Тотъ, Кто сказалъ іудеямъ: вы-де отъ нижнихъ, Я—отъ высшихъ; вы—отъ міра сего; Я—не отъ сего міра.

— Подлинно!—вѣско откликнулся сѣдой, курчавый мужикъ, сидѣвшій спиной къ среднему оконцу.

Василій пошелъ провожать гостей, послѣ того, какъ они попрощались со всѣми.

Въ сѣняхъ онъ придержалъ ихъ и сказалъ Костровину:

— Пѣніе у насъ простое... мужицкое...

— Какъ простое?—возразилъ Топорковъ. — Что ни новый стихъ, то новый напѣвъ.

— Старушка-то божья,—подхватилъ Василій,—запѣвало-то... она до двухсотъ напѣвовъ знаетъ.

— Быть не можетъ!—вырвалось у Костровина.

— Помретъ... никто ужъ супротивъ нея не выстоитъ.

Василій опять попридержалъ ихъ въ сѣняхъ.

— Женскій полъ у васъ только въ пѣніи участвуетъ?—спросилъ Костровинъ.—А Писанія вслухъ не читаетъ... и вообще держится какъ бы въ сторонѣ.

— Читать имъ.. не полагается, — отвѣтилъ сдержанно Василій.

Digitized by Google

— По апостолу Павлу... — промолвилъ съ неопредѣленной усмѣшкой Топорковъ.

— А гдѣ онъ это говоритъ?—какъ бы желая поэкзаменовать начетчика, спросилъ Костровинъ.

Закинувъ немного голову и прищурившись, Василій тотчасъ же вспомнилъ.

— Въ посланіи къ „Ефесянамъ", никакъ?

Всѣ трое разсмѣялись.

— Иди, иди! — усылалъ его Топорковъ.

— Ничего. Передышку сдѣлаютъ.

Онъ сбѣжалъ съ крылечка и помогъ имъ отвязать лошадь, и когда они тронулись, стоя на крыльцѣ въ одной кумачной рубахѣ, головой кланялся имъ.

Только-что они переѣхали оврагъ и поднялись на пригорокъ, изъ за-угла дома Наума Степанова гулко донеслось пѣніе.

Они переглянулись. Можно было даже различить ритмъ хорала, въ двѣ-четверти.

А со стороны другого поселка вдругъ заблаговѣстили къ „достойной", въ той церкви съ зеленой крышей, мимо которой они ѣхали, на дняхъ, со станціи.

— Чудно!—промолвилъ Костровинъ.—Вездѣ славятъ Бога. Оттуда побѣдно несется гулъ колокола. Тамъ, у Василія Егорова, только-что пѣли... и будутъ еще пѣть, не боясь никакого вторженія.

— А тутъ мы съ вами легко можемъ попасть въ протоколъ.

— На здоровье!

Дверь немного примерзла и отворилась съ трудомъ.

Шумъ ея прервалъ пѣніе.

Женщины, сидѣвшія и тутъ поодаль, около двери, оглянулись съ замѣтной тревогой.

Наумъ Степановъ увидалъ ихъ съ своего мѣста и приподнялся.

— Свои!—сказалъ Топорковъ, пропуская впередъ Костровина, которому и тутъ сдѣлалось неловко.

— Пожалуйста! — пригласилъ ихъ Наумъ сѣсть у окна, справа отъ себя.

Другіе потѣснились. Народу было гораздо меньше, чѣмъ у молоканъ. Мужчины смотрѣли больше мастеровыми и мелкими лавочниками, чѣмъ крестьянами-хлѣбопашцами. Двое—въ пиджакахъ и галстухахъ. У женщинъ также менѣе деревенскій видъ. Всѣ держали книжки, больше по одной на двоихъ.

Когда Наумъ сказалъ, что будутъ пѣть, — онъ подложилъ книжку и гостямъ. Костровинъ не видалъ этого изданія.

Digitized by Google

Стихи показались ему, какъ и въ Петербургѣ, переведенными съ иностраннаго. Были и переложенія псалмовъ.

Тотъ хоралъ, что запѣли при нихъ, былъ пріятнаго напѣва—не русскаго, въ двѣ-четверти; но пѣлся онъ уже съ оттѣнкомъ русской грусти, хотя ритмъ былъ короткій и напѣвъ скорѣе мажорный.

Все время Костровинъ смотрѣлъ на Наума, на его лицо и выраженіе глазъ. Тотъ весь ушелъ въ молитвенныя слова, и его голосъ отдѣлялся отъ остальныхъ голосовъ особенной вибраціей. На столѣ, передъ нимъ, лежала Библія—въ дорогомъ сафьянномъ переплетѣ, печатанная гражданскимъ шрифтомъ, а не кирилицей. Кажется, на стѣнахъ было еще нѣсколько темныхъ картоновъ съ серебряными словами евангельскихъ изреченій. И больше—никакихъ украшеній или чего-нибудь напоминающаго символическій обрядъ или приготовленіе къ нему.

Пропѣли еще одинъ нумеръ. Послѣ того, Наумъ развернулъ Библію и прочелъ то мѣсто изъ евангелиста, гдѣ говорится о мытарѣ Закхеѣ.

Читалъ онъ гораздо болѣе нараспѣвъ, чѣмъ Василій Егоровъ, и съ какимъ-то придыханіемъ въ концѣ каждаго стиха.

Закрывъ на нѣсколько секундъ глаза, онъ сталъ давать толкованіе евангельскаго текста о томъ—что такое горячая вѣра и какъ всѣмъ слѣдуетъ подражать примѣру мытаря, который—по малому росту—не могъ видѣть Христа и взобрался на дерево.

Говорилъ Наумъ очень свободно, почти такимъ же тономъ, какъ и читалъ вслухъ, дѣлая короткія движенія обѣими ладонями отъ себя и къ себѣ и немного качая головой.

Въ его голосѣ и тонѣ было больше внутренняго одушевленія и искренности, чѣмъ у того проповѣдника, котораго Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Но Наумъ нѣкоторыя слова произносилъ по-своему, не мѣняя концовъ тамъ, гдѣ это нужно по правиламъ грамматики.

Костровинъ зналъ уже, что это—еще не все, что Наумъ, какъ духовный ихъ руководитель, произнесетъ, вѣроятно, еще особое молитвенное обращеніе—помимо толкованія евангельскаго текста.

Спѣли еще одинъ нумеръ. Сидѣвшій рядомъ съ Костровинымъ плотный мужчина, рыжеватый и курчавый, съ бородой, въ пиджакѣ и съ серьгой въ ухѣ—предложилъ прослушать еще притчу о Сѣятелѣ.

Прочелъ онъ ее толково, но безъ того внутренняго умиле-

Digitized by Google

нія, какое слышалось во всемъ, что̀ произносилъ или пѣлъ Наумъ.

И отъ себя рыжеватый человѣкъ въ пиджакѣ сказалъ нѣсколько словъ въ поучительномъ тонѣ, но безъ особой рѣчистости, опять, можетъ быть, стѣсняясь присутствіемъ гостей.

Послѣ того, Наумъ спросилъ: не желаетъ ли еще кто-нибудь предложить прочтеніе какого-нибудь мѣста?

Никто больше не пожелалъ.

Протянулось молчаніе. Наумъ полу-закрылъ глаза и, наклонивъ голову, положилъ ладони рукъ на Библію. Такъ пробылъ онъ нѣсколько секундъ.

И когда поднялъ голову и раскрылъ глаза, весь выпрямился и взглядъ его получилъ восторженное, умиленное выраженіе. Одну руку—лѣвую—онъ приложилъ къ груди, другую слегка приподнялъ.

Это была настоящая молитва, безъ изреченій и цитатъ, вполнѣ „своими словами“. Онъ взывалъ къ Богочеловѣку и обращался къ Нему, какъ къ милосердому посреднику, принявшему на себя все бремя людского грѣха.

Возгласъ „Господи“ повторялся все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ онъ ускорялъ темпъ своей рѣчи.

Этотъ возгласъ „Господи“ раздавался среди большой тишины и видимо дѣйствовалъ на слушателей. Въ него Наумъ вкладывалъ всю свою тихую страсть и трепетное упованіе въ заступничество Того, Кто умиралъ на крестѣ.

И не было тутъ того упиранія въ одну точку, въ ученіе о благодати, которое Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Потребность добра, дѣятельной любви, *дѣлъ* слышалась въ этихъ молитвенныхъ призывахъ. Тутъ опять-таки сказывался народный духъ проповѣди подвиговъ милосердія и всепрощенія ближнему —нужды нѣтъ, что самый ритуалъ собранія былъ не русскаго происхожденія.

XVIII.

Незамѣтно, Костровинъ, сидя на диванѣ, съ котораго сняли постель,—Булашовъ опять уѣхалъ,—просидѣлъ у зажженной лампы цѣлыхъ два часа.

Онъ только-что прочелъ тетрадь въ осьмую долю, отпечатанную гектографомъ—довольно слѣпо и некрасивымъ крупнымъ почеркомъ.

Эту тетрадь онъ нашелъ на столикѣ и сейчасъ же призналъ

Digitized by Google

въ ней то, о чемъ онъ самъ просилъ Топоркова, въ тотъ вечеръ, когда они разговорились втроемъ.

Сдѣлано было деликатно. „Хочешь—прочти, не хочешь—какъ тебѣ угодно".

Читалъ онъ медленно, вникая въ каждый параграфъ и воздерживаясь мысленно отъ возраженій и вопросовъ, настроивая себя на вполнѣ безпристрастный тонъ.

Но когда онъ кончилъ, положилъ тетрадь на столикъ, протеръ утомленные глаза и сталъ ходить по тѣсной комнатѣ—въ немъ сразу поднялась буря.

Общій складъ этого ученія могъ подкупить нѣкоторой стройностью и простотой основныхъ началъ. Но только-что прошло обаяніе самаго слова, звучавшаго съ этихъ плохо оттиснутыхъ строкъ, стали выскакивать вопросы—одинъ за другимъ. И не было имъ конца.

Щеки его поблѣднѣли, въ рукахъ онъ ощущалъ нервное покалываньe. Ни одна книга такъ сильно не ставила передъ нимъ вопроса о тайнѣ бытія и о цѣли человѣческаго существованія. Тутъ была попытка отвѣта, который долженъ каждому дать полное примиреніе и превратить скорбную сутолоку жизни въ безропотное и просвѣтленное, радостное ожиданіе царства Божія на землѣ.

И его потянуло прочесть еще разъ нѣкоторые параграфы и цѣлыя главы. Онъ присѣлъ къ лампѣ и сталъ нервно перелистывать тетрадь, ища того, что̀ ему нужно.

— Павелъ Алексѣевичъ!—окликнули его отъ двери.

Не сразу узналъ онъ голосъ Топоркова.

— А-а! Это вы!..

Костровинъ вскочилъ и подбѣжалъ къ Топоркову съ тетрадью въ рукѣ.

— Прочли?—осторожно спросилъ Топорковъ.

— Да, да! И такую это вызвало работу... души...

— Я сердечно радъ.

Топорковъ сѣлъ на край кровати, противъ Костровина, вернувшагося къ дивану.

— Видите, Юлій Ѳедоровичъ,—заговорилъ онъ взволнованно,—я не буду вдаваться въ частности. Не хочу повторять и разныхъ клише... А еще менѣе—пускаться въ богословскія пренія. Но скажите, въ основныхъ доводахъ ученія гдѣ же санкція?

— Какая?—недоумѣвающимъ звукомъ откликнулся Топорковъ.

Digitized by Google

— Санкція непреложности. Почему она на сторонѣ автора этой тетради? Почему вся работа человѣчества, всякое преданіе, все, что христіанская община, взятая въ цѣломъ, влагала въ устроеніе своей церкви,—все это должно ступеваться передъ авторитетомъ одного толкователя „благой вѣсти"? Тутъ нѣтъ даже и намека на научную очистку текстовъ, на то, что дѣйствительно подлинное, и что—вставка или искаженіе.

— Это лишнее,—глухо вымолвилъ Топорковъ.

— Позвольте! — уже горячѣе воскликнулъ Костровинъ.— Ежели разумъ не можетъ помириться съ чудомъ, съ нарушеніемъ вѣчныхъ законовъ природы, то онъ долженъ руководиться наукой, точнымъ знаніемъ.

Костровинъ положилъ тетрадь на столикъ и не сразу сѣлъ— его волненіе уходило внутрь и сказывалось въ измѣненіи голоса, въ которомъ заслышалась особаго рода вибрація.

— Послушайте, Павелъ Алексѣевичъ,—началъ Топорковъ, взявшись обѣими руками за грудь,—все то, что вы сейчасъ выставили, какъ аргументъ, было уже, на разные лады, повторяемо... и спеціалистами... извѣстнаго сорта, и мірянами, отъ присяжныхъ философовъ до борзописцевъ. Спорить мы не будемъ. У васъ есть сомнѣнія... Разсѣйте ихъ или укрѣпитесь въ томъ, что составляетъ вашъ символъ вѣры.

— Символъ вѣры! Легко это сказать! Какъ будто это такъ легко пріобрѣтается?

— Конечно, не легко... И тотъ, кто изложилъ это ученіе... пришелъ къ нему въ преклонныхъ лѣтахъ.

Нетерпѣливое движеніе руки Костровина показало, что его охватилъ новый наплывъ вопросовъ.

— Скажите мнѣ... по душѣ. Мы теперь съ вами съ глазу на глазъ, Юлій Ѳедоровичъ. Вы должны выше всего ставить искренность... Все двойственное должно быть сугубо противно вамъ.

— Не всегда былъ я такимъ,—замѣтилъ Топорковъ.

— Положимъ. Но я вотъ что хочу сказать... Теперь вы живете здѣсь, среди сектантовъ... дружите съ ними. Они для васъ симпатичны. Но потому ли они для васъ близки, что отпали отъ господствующей церкви, или потому, что они ближе къ вашему „credo"? Скажите: знаютъ они, что для васъ „благая вѣсть" исходитъ отъ божественнаго начала, но вообще, а не устами Искупителя грѣховъ міра?

Топорковъ всталъ и отошелъ къ печкѣ.

— Ихъ вѣра не мѣшаетъ мнѣ, Павелъ Алексѣевичъ, сли-

Digitized by Google

ваться съ ними въ одномъ чувствѣ любви къ человѣку. Что для Василія Егорова или Наума Степанова—зло, то и для меня. Я въ этомъ убѣжденъ.

— Нѣтъ, далеко не все!—рѣзче возразилъ Костровинъ.—Кромѣ чувствъ, есть еще поступки. Василія Егорова мы съ вами считаемъ истиннымъ евангеликомъ; но тамъ, гдѣ онъ выступитъ въ защиту своего ближняго, вы должны будете уклониться. Противиться лукавому, какъ говорятъ эти молокане—вы не будете. Или не должны, если пожелаете быть вѣрны духу и буквѣ ученія. Но я въ этомъ готовъ усомниться.

Топорковъ вопросительно взглянулъ на Костровина.

— Ну, еслибъ при васъ... того же Наума Степанова начали истязать—неужели вы не вступились бы? Полноте! Вы провожали тѣхъ, кто долженъ былъ отплыть въ Новый Свѣтъ!

— Такой аргументъ тоже сотни разъ былъ повторяемъ, Павелъ Алексѣевичъ. Онъ безсиленъ противъ очевидности. Разъ вы допускаете право возмездія, вы дойдете до защиты всякаго насилія—будетъ ли это кара тѣхъ, кого зовутъ преступниками, или война, или...

Топорковъ сдѣлалъ сильный жестъ правой рукой.

— Все къ этому сводится. Рухнетъ принципъ законнаго убійства—и нѣтъ главнаго препятствія тому, что иные называютъ царствомъ божіимъ на землѣ.

— Но не въ томъ сила,—продолжалъ Костровинъ, и опять его голосъ завибрировалъ.—Поймите... Въ этомъ ученіи—нѣтъ главнаго... Развѣ человѣкомъ ограничена вселенная? Что онъ такое? И самая земля-то—охладѣлая съ краевъ глыба, плавающая въ безвоздушномъ пространствѣ...

— Это сухіе факты науки, Павелъ Алексѣевичъ.

— Вы меня не понимаете, стало быть! Наука говоритъ то, что она узнала, что высчитала и что можетъ предсказать. Но она не даетъ мнѣ просвѣта въ великую тайну бытія...

— Тайна эта—любовь, а любовь есть Богъ.

— Сладкая вѣра; но не для всѣхъ она—разгадка бытія. Поверхъ всего есть *Нѣчто*. Вы его не знаете... не хотите знать. Но это только до поры, до времени; а настаетъ минута, когда душа начинаетъ скорбѣть.. и порывается туда, гдѣ все превыше насъ... нашего добра и зла. И еслибъ оно было иначе,—зло не существовало бы.

— Его и нѣтъ, какъ особой силы!—почти крикнулъ Топорковъ и тоже всталъ.—Разъ человѣкъ знаетъ путь борьбы съ грѣхомъ—зло безсильно противъ него.

Digitized by Google

— Вотъ видите... Безъ вѣры въ то, что человѣкъ рожденъ прекраснымъ существомъ, которое только цивилизація испортила въ лоскъ—намъ обойтись нельзя! Какъ во всѣхъ такихъ доктринахъ—послѣднее слово: признаніе того эльдорадо, которое наступитъ, когда всѣ будутъ раздѣлять извѣстное ученіе А это невѣрно, архиневѣрно! Зло есть... всегда, въ природѣ, въ человѣкѣ, въ особенности въ немъ, и вы никакимъ непротивленіемъ не излечите того, что въ основѣ своей противно идеѣ блага! И если эти двѣ силы стоятъ одна противъ другой—какъ не искать исхода, какъ же не признавать чего-то стоящаго надъ всѣмъ этимъ узко-человѣческимъ? И безъ этого религіи нѣтъ! Это только условная мораль! Вотъ что!

Слова такъ стремительно вылетали у Костровина, что у него сдѣлалось даже стѣсненіе въ груди, и онъ опустился на край кровати.

Лицо Топоркова приняло свое обычное, тихо-вдумчивое выраженіе; только маленькая складка надъ правой бровью показывала, что у него есть какое-то возраженіе на эту тираду Костровина.

Онъ подошелъ къ нему медленно и положилъ ему правую руку на плечо.

— Павелъ Алексѣевичъ, дорогой, — началъ онъ особенно мягко:—ежели религія и не можетъ быть безъ того, о чемъ вы говорите... по ученому это вѣдь называется *теософіей*... то зачѣмъ же признавать зло, какъ какую-то исконную силу, равноправную съ добромъ, и ставить Божество какъ нѣчто совершенно безстрастное, чему нѣтъ никакого дѣла до духа человѣческаго, его упованій и стремленій къ божественной истинѣ? Это ужасно! Воля ваша! Не то, что есть Благо—создало зло, а *мы*, по нашей ограниченности, придаемъ неизбѣжному физическому страданію такую важность.

— Ну да, ну да!—перебилъ Костровинъ.—По вашей формулѣ: это только треніе, необходимое при работѣ?

— Великіе умы... люди великой души... хоть бы, напримѣръ, философъ Спиноза—доходили до того вывода, что кромѣ Блага ничто отъ Высшаго зиждительнаго начала исходить не можетъ. Развѣ это не выше, чѣмъ такое холодящее представленіе о судьбѣ человѣка, до которой Тому, Единому и Совершенному—никакого нѣтъ дѣла? Нужно помнить первѣе всего: *не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ*!

Костровинъ только покачалъ головой. Онъ замѣтно ослабъ послѣ своего нервнаго возбужденія.

Digitized by Google

— Простите, Павелъ Алексѣевичъ! вы утомились... Я ухожу... Только позвольте еще одно... Перечтите вы еще разъ тѣ мѣста— Топорковъ указалъ на тетрадь — гдѣ говорится о борьбѣ съ грѣхами.

— А откуда они?

— Тамъ объяснено—откуда. То, что̀ накапливается вѣками и передается отъ поколѣнія къ поколѣнію,—того стряхнуть съ себя сразу нельзя. Это было бы чудо, а чудесъ не бываетъ. Тутъ нужна работа, неустанная, шагъ за шагомъ. А она-то и творитъ чудеса.

— Въ родѣ какъ гимнастика?

— Если хотите... Что-жъ! Назовите—если угодно—гимнастикой души. А для этого могучее средство—ежечасная молитва. Безъ нея одного желанія мало. Пройдетъ мѣсяцъ, два, годъ—и глядишь: то, что̀ владѣло вашей плотью—отошло, и безвозвратно. Клянусь вамъ!—воскликнулъ Топорковъ.

— А клятвы вамъ не полагается, Юлій Ѳедоровичъ!

— Ха, ха! Это точно. Простите. И отъ этой привычки можно отстать. Покойной ночи!

Послѣ крѣпкаго рукопожатія они простились. Костровинъ еще не сразу легъ.

Проснувшись послѣ перваго крѣпкаго сна, Костровинъ не сразу могъ придти въ себя: гдѣ онъ и который можетъ быть часъ—утро или еще ночь?

Онъ сталъ прислушиваться. Тихій, но явственно слышный благовѣстъ проникалъ къ нему.

„Заутреня... подъ праздникъ, въ той церкви“ — сообразилъ онъ, легъ на спину и подложилъ руки подъ голову.

И то, съ чѣмъ онъ заснулъ,—послѣ горячаго пренія съ Топорковымъ, охватило его,—все тотъ же неизбѣжный вопросъ о великой тайнѣ бытія.

Мягкія волны воздуха, сотрясаемаго колоколомъ, говорили о чемъ-то, давно имъ не испытанномъ, съ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ.

На этотъ благовѣстъ деревенскаго погоста идутъ богомольцы. Много ли ихъ? Врядъ-ли очень много въ такое раннее время. Слышатъ гулъ колокола и Наумъ Степановъ, и Василій Егоровъ, и его скопидомный, разсудительный отецъ, если они проснулись, какъ онъ, внезапно, сами собою, или разбуженные благовѣстомъ.

Имъ онъ чуждъ—этотъ благовѣстъ. Можетъ быть, даже не-

Digitized by Google

пріятенъ. Для нихъ онъ исходитъ отъ „лукавыхъ“, изъ „капища“. Въ нихъ все твердо установилось. Съ рожденія они живутъ въ безповоротно сложившихся вѣрованіяхъ и правилахъ. И тѣ, что перешли въ другое исповѣданіе—только расширили свое „credo“, безъ всякой коренной ломки.

А въ немъ?—въ немъ не забродило ли великое безпокойство души? Не зоветъ ли его этотъ колоколъ вернуться къ настроеніямъ дѣтства, съ ихъ страхомъ и умиленіемъ въ торжественныя минуты совершенія таинствъ?

И съ какимъ-то новымъ чувствомъ слушалъ онъ мягкое гудѣнье колокола среди жуткой тишины зимней ночи...

П. Боборыкинъ.

Digitized by Google

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ

ВЪ

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ

Во время экскурсіи въ Соединенные Штаты, въ 1900 г., намъ привелось, между прочимъ, посѣтить Элмайрское (Elmira) исправительное заведеніе, считающееся „послѣднимъ словомъ" пенитенціарнаго дѣла. Посѣщеніе подобной тюрьмы можетъ быть поучительно не для однихъ спеціалистовъ: теперь тюрьмы въ цивилизованномъ мірѣ обставляются такъ, чтобы удовлетворять всѣмъ требованіямъ гигіены, а заключеннымъ даютъ все то, что составляетъ необходимость для поддержанія здоровой нормальной жизни въ предѣлахъ извѣстнаго минимума; слѣдовательно, по тюремному режиму можно составить себѣ понятіе о томъ, ниже чего не спускается размѣръ жизненныхъ требованій у населенія страны вообще. Для иллюстраціи этого можно указать, напримѣръ, на слѣдующее: въ исправительныхъ заведеніяхъ Америки слѣдятъ, чтобы заключенные исполняли требованія гигіены рта и чистили зубы. По европейскимъ понятіямъ это кажется довольно удивительнымъ. Удивленіе это, однако, исчезаетъ у туриста по Америкѣ, гдѣ пломбированные зубы встрѣчаются постоянно: у рабочихъ, у кучера, у негра (пломба обыкновенно золотая, и потому она бросается въ глаза), чѣмъ наглядно доказывается, что правильное сознаніе требованія гигіены рта и зубовъ тамъ проникло уже во всѣ слои населенія. Или, напримѣръ, фактъ изданія для заключенныхъ газеты въ тюрьмѣ. По европейскимъ понятіямъ это непонятная экстравагантность; но въ Америкѣ не то. Это страна, въ которой издается свыше

Digitized by Google

20.000 газетъ, т. е. больше, чѣмъ во всемъ остальномъ свѣтѣ, вмѣстѣ взятомъ. Газета составляетъ тамъ такую неотложную потребность, что она превратилась въ необходимость какъ бы элементарнаго свойства для всего населенія. Тамъ издается, напр., особая газета для пассажировъ на пароходахъ по рѣкѣ Миссисипи во время плаванія. Поэтому не должно удивляться, что и за тюремнымъ населеніемъ признается право на удовлетвореніе этой всеобщей потребности.

Элмайрское заведеніе является послѣднимъ словомъ пенитенціарнаго дѣла уже въ томъ отношеніи, что въ немъ примѣняется система воздѣйствія на взрослыхъ, основанная на пріемахъ, какіе обыкновенно принято допускать въ отношеніи лишь малолѣтнихъ. Старый Свѣтъ видитъ, или до самаго послѣдняго времени еще видѣлъ, въ малолѣтнемъ преступникѣ доказательство преждевременной зрѣлости субъекта. Въ Новомъ Свѣтѣ хотятъ, наоборотъ, видѣть въ зрѣломъ преступникѣ признаки запоздавшаго малолѣтства. Изъ трехъ элементовъ, на которыхъ строится система наказанія: искупленія, устрашенія и исправленія, — американцы налегаютъ, главнымъ образомъ, на послѣдній. „Тогда какъ Старый Свѣтъ,—говоритъ Броквэй,—карая, между прочимъ, имѣетъ въ виду исправлять, мы въ Новомъ Свѣтѣ должны исправлять, имѣя, между прочимъ, въ виду покарать. Когда обвиненный поступилъ въ исправительное заведеніе,—прошедшее его забывается и имѣется въ виду только его будущее".

Для нагляднаго объясненія того, какъ понимается задача исправленія въ Элмайрскомъ заведеніи, можно указать на употребленіе, дѣлаемое въ немъ изъ турецкой бани и массажа. У насъ принято говорить про преступный классъ, что это—толстокожіе, плохо и слабо реагирующіе на нормальныя ощущенія,—употребляя выраженіе „толстокожіе" въ фигуральномъ смыслѣ; въ Элмайрскомъ же заведеніи начинаютъ уходъ за заключенными съ того, что буквально стараются утончить, путемъ систематическаго употребленія горячихъ ваннъ и массажа, ихъ кожу и тѣмъ возстановить нормальную ея воспріимчивость. Этимъ путемъ достигается также излечиваніе экземы, которою, какъ мнѣ говорилъ тамошній врачъ, страдаетъ очень большой процентъ среди прибывающихъ въ заведеніе.

Какое значеніе придается въ заведеніи физическому уходу, показываетъ особая система упражненій, такъ-называемая „manual training system". Основаніемъ ея служитъ взглядъ, что всякое проявленіе воли имѣетъ свой центръ въ мозгу, и что такъ же,

Digitized by Google

какъ мозгъ управляетъ правильностью движеній и согласованіемъ дѣятельности отдѣльныхъ органовъ и частей тѣла, можно обратно, упражненіемъ въ извѣстныхъ движеніяхъ и въ правильномъ ихъ согласованіи, вліять на развитіе недоразвитыхъ свойствъ мозговыхъ центровъ. Подвергающіеся спеціально этому тренированію недоразвитые субъекты подраздѣлены на три особыя категоріи: тѣ, которые слабы въ понятіяхъ математическаго свойства (mathematical defectives); тѣ, которые явно малоспособны къ самоконтролю въ поступкахъ (selfcontrol defectives), и тѣ, которымъ недостаетъ надлежащей умственной проворности (general mental quickening). Что же съ ними дѣлаютъ? Первыхъ заставляютъ, напримѣръ, бросать гимнастическіе шары и кегли въ правильные интервалы по особой командѣ или подъ особый аккомпаниментъ, замедляемый и ускоряемый, при чемъ извѣстное число движеній должно выпадать то на одну, то на другую единицу времени. Имъ даютъ разбивать площадки подъ тэннисъ или другую игру по правильнымъ линіямъ и дѣлая карé пропорціональныхъ между собою размѣровъ. Ихъ заставляютъ мастерить рамки изъ досчечекъ одинаковой величины, которыя они должны приготовить такъ, чтобы ширина рамки была вдвое, или вчетверо меньше длины, чтобы толщина задней стѣнки была на половину меньше боковыхъ, и тому подобныя работы. Этотъ видъ упражненій составляетъ такъ-называемый „Kindergarten“ въ заведеніи. Но тутъ питомцы—вовсе не малыши какіе-нибудь; ему подвергаются сотни изъ числа заключенныхъ. Самоконтроль упражняютъ гимнастическими пріемами съ кольцами и подобными приспособленіями, при которыхъ требуется внимательно слѣдить за ихъ приближеніемъ и удаленіемъ,—иначе грозитъ паденіе,—или швыряніемъ деревянныхъ мячей другъ въ друга, отъ ударовъ которыхъ можно уберечься лишь сосредоточеннымъ вниманіемъ и зоркимъ наблюденіемъ. Быстрота движеній развивается также остроумно разсчитанными приспособленіями атлетической гимнастики или особыми играми, гдѣ успѣхъ зависитъ отъ скорѣйшаго повторенія однородныхъ дѣйствій и движеній, и т. п. Отдѣленіе „manual training“ носитъ въ заведеніи шутливое прозвище „фабрики мозговъ“. Если употребить старую формулу Лейбницевской философіи, по которой тѣломъ и душою человѣка управляютъ двое часовъ съ согласнымъ между собою механизмомъ, то можно сказать про эту систему, что она стремится вывѣркою часовъ, управляющихъ человѣческимъ тѣломъ, установить правильный ходъ часовъ, управляющихъ его душою. Въ подтвержденіе положительности результатовъ, достигаемыхъ примѣненіемъ

Digitized by Google

этой системы, указываютъ на замѣтную разницу въ выраженіи лицъ заключенныхъ, констатируемую фотографіями на промежуткѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ со времени поступленія: опущенный и робкій взоръ новичка становится открытымъ и бодрымъ, морщины и складки на лбу исчезаютъ, ростъ выпрямляется и проч. Сверхъ того, размѣры и пропорціи разныхъ частей тѣла, снимаемые съ каждаго вновь прибывшаго по системѣ Бертильона, чрезъ сравнительно небольшое время перестаютъ служить для установленія тождества субъекта, такъ какъ они перестаютъ подходить къ его новымъ размѣрамъ. Уходъ, который тутъ доводится до такихъ подробностей, что слѣдятъ даже за ровностью и частотой дыханія каждаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, переводится на почву такихъ, напримѣръ, экспериментовъ: изъ среды заключенныхъ отбирается по опредѣленному числу прибывшихъ особо захудалыми или умственно слабо развитыми и переводится на спеціальную кухню съ преобладаніемъ растительныхъ, жировыхъ или другихъ пищевыхъ матеріаловъ, съ особою смѣною блюдъ или разнообразіемъ ихъ, и дѣлаются наблюденія надъ сравнительными перемѣнами, которыя могутъ быть замѣчены подъ этимъ вліяніемъ въ поведеніи этихъ субъектовъ. Словомъ, устроиваютъ нѣчто въ родѣ психологической лабораторіи. Все это въ достаточной степени оправдываетъ интересъ, возбуждаемый этимъ заведеніемъ.

Городъ Элмайра находится въ семи часахъ ѣзды отъ Нью-Іорка. Заведеніе, называемое „Reformatory", помѣщается за городомъ. Къ нему отъ вокзала подвозитъ въ полчаса электрическій трамвай. Заведеніе помѣщается въ обширной постройкѣ, занимающей вершину холма, покрытаго зеленымъ газономъ. Наружный видъ главнаго фасада не представляетъ собою, конечно, ничего, напоминающаго тюрьму. Учрежденіе это основано въ 1876 г. правительствомъ штата Нью-Іоркъ. Главнымъ иниціаторомъ этого дѣла былъ Броквэй, состоявшій затѣмъ до послѣдняго времени директоромъ „реформаторіи". Руководящая идея, которой должно было служить это учрежденіе, состояла, выражаясь юридическимъ языкомъ, въ примѣненіи на практикѣ уголовныхъ приговоровъ съ неопредѣленнымъ срокомъ (indeterminate sentence), т.-е. такихъ приговоровъ, въ которыхъ судъ назначаетъ лишь видъ заключенія, но не продолжительность его, зависящую уже отъ усмотрѣнія начальства исправительнаго заведенія. „Точно такъ же,—говоритъ Броквэй,—какъ нельзя отдавать въ больницу на заранѣе опредѣленный срокъ, а нужно отдавать до выздоровленія, надо сдавать обвиненныхъ въ исправительныя заведенія

Digitized by Google

до исправленія; иначе, наказаніе не можетъ достигать цѣлей исправленія". „Главное же,—какъ онъ далѣе фигурально говоритъ,—это дать заключенному въ собственныя руки ключъ отъ его кельи, т.-е., чтобы отъ него самого зависѣло заслужить скорѣйшій выходъ на свободу".

По закону, изданному при учрежденіи реформаторіи, отдачѣ въ нее подлежатъ по усмотрѣнію суда обвиняемые отъ 16 до 30 лѣтъ, признанные въ первый разъ виновными въ дѣяніи, влекущемъ за собою тюремное заключеніе. Возрастъ отъ 16 до 30 лѣтъ установленъ для этого особаго ухода потому, что, какъ указываютъ наблюденія, это есть, такъ сказать, критическій возрастъ для преступной карьеры, т.-е. привычными преступниками становятся именно въ этотъ періодъ жизни, и кто его миновалъ благополучно, гораздо меньше имѣетъ шансовъ попасть въ кадры профессіоналистовъ. Полной передачи тюремному надзору рѣшенія вопроса о предѣльномъ срокѣ заключенія Броквэй, однако, не добился: хотя въ приговорѣ суда не указывается срока, но онъ по самому закону полагается не выше того, каковъ максимумъ по статьѣ, по которой состоялось обвиненіе. Всякій, поступающій въ реформаторію, получаетъ съ самаго начала въ числѣ другихъ указаній и указаніе на то, каковъ для него по закону предѣльный срокъ заключенія. Отъ него зависитъ сократить этотъ срокъ; минимумъ пребыванія въ реформаторіи не можетъ, однако, выйти менѣе двѣнадцати мѣсяцевъ. Размѣръ же срока зависитъ отъ поведенія заключеннаго и его успѣховъ въ школѣ и въ ремеслахъ. Но уже послѣ первыхъ двѣнадцати мѣсяцевъ каждый можетъ быть отпущенъ на слово (parole) на свободу. Онъ отпускается сперва лишь на шесть мѣсяцевъ и въ заранѣе указанное мѣсто. Въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ надъ нимъ имѣется особый надзоръ чрезъ мѣстныхъ агентовъ и отъ него требуется постоянное письменное сообщеніе обо всемъ, его касающемся и съ нимъ происходящемъ. Съ нимъ ведется администраціею заведенія правильная переписка. Форма переписки, какъ видно изъ подлиннаго дѣлопроизводства, весьма дружеская, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій обычной вѣжливости. Если поведеніе отпущеннаго не обманетъ надеждъ администраціи, онъ чрезъ шесть мѣсяцевъ получаетъ полную свободу. Если нѣтъ,—его снова забираютъ въ заведеніе. Но такимъ образомъ чрезъ восемнадцать мѣсяцевъ можетъ получить полную свободу обвиненный хотя бы въ такомъ дѣяніи, которое влечетъ за собою по закону заключеніе до двадцати лѣтъ. Изъ дѣлопроизводства видно, что не мало есть случаевъ, когда,

Digitized by Google

вмѣсто maximum'a въ двадцать лѣтъ, заключенные получали полную свободу гораздо раньше: черезъ четыре, три года и даже чрезъ два года и четыре мѣсяца. Послѣдній случай относится къ одному итальянцу, который при поступленіи въ заведеніе казался совершенно неукротимымъ и котораго пришлось провести черезъ manual training съ самыхъ первыхъ пріемовъ. Въ сокращеніи срока до такихъ минимумовъ собственными стараніями заключеннаго и состоитъ „le clou" всей системы реформаторіи.

Заключенные подраздѣляются на три основныя группы: среднюю, низшую и высшую. Дѣлается наглядная разница между ними цвѣтомъ ихъ костюма: средній—сѣрый, низшій—красный, высшій—синій. Поступаетъ каждый вновь прибывшій, послѣ нѣкотораго времени, когда съ нимъ знакомится ближе администрація заведенія, въ среднюю группу. Чрезъ шесть мѣсяцевъ можно быть переведеннымъ въ высшую. Но можно быть и разжалованнымъ въ низшую. Отпускъ на свободу, сперва пробный на шесть мѣсяцевъ, а затѣмъ окончательный, можетъ быть только изъ высшей группы.

Какимъ же образомъ отмѣчаются успѣхи и грѣхи заключенныхъ и въ чемъ мѣрило для отмѣтокъ? Въ этомъ отношеніи система держится на такомъ началѣ: каждый заключенный долженъ окупать свое содержаніе. Для этого все, что онъ получаетъ въ заведеніи—платье, пища, вообще содержаніе и даже лекарства—ему дается по извѣстной цѣнѣ. Съ другой стороны, все, что, такъ сказать, отъ него берется, какъ-то: работы въ мастерскихъ, школьныя занятія и даже военныя упражненія, ему оплачивается по извѣстой таксѣ. Каждому вновь поступившему на этомъ основаніи открывается въ книгахъ заведенія особый счетъ, который ведется затѣмъ по всѣмъ правиламъ бухгалтеріи. Въ него записывается, что онъ имѣетъ и что долженъ. Его прилежаніе, работа и проч. ежедневно ему считаются въ опредѣленную сумму; а дурное поведеніе влечетъ за собою обремененіе счета штрафами, налагаемыми администраціею. Результаты ежемѣсячнаго баланса опредѣляютъ дальнѣйшую участь каждаго. Для отпуска на свободу балансъ долженъ представлять такую сумму въ пользу заключеннаго, на которую онъ въ состояніи доѣхать до избраннаго имъ мѣста и содержать себя до полученія перваго заработка.

Такса составлена такъ, что чѣмъ ниже группа, тѣмъ дешевле считается стоимость содержанія, но зато дешевле цѣнится и заработокъ. Возростаніе же заработка по группамъ идетъ быстрѣе, чѣмъ стоимость содержанія. Денной трудъ, на-

Digitized by Google

примѣръ, оплачивается по группамъ въ 35, въ 45 и въ 55 центовъ; а соотвѣтственно по тѣмъ же группамъ стоимость содержанія цѣнится въ 25, въ 32 и въ 40 центовъ; разница въ пользу заработка такимъ образомъ все выше, а именно: сначала она въ 10, потомъ въ 12 и наконецъ въ 15 центовъ. Штрафы цѣнятся въ мѣньшую сумму каждый въ худшей группѣ, т.-е. тамъ, гдѣ ихъ должно ожидать больше числомъ: въ красной (низшей) каждый штрафъ равенъ 15 центамъ, въ сѣрой (средней)—30-ти, а въ синей (высшей)—по усмотрѣнію директора.

Для перевода изъ низшей группы въ высшую надо достигнуть извѣстнаго перевѣса въ счетѣ плюсовъ надъ минусами; обратный перевѣсъ влечетъ за собою разжалованіе изъ высшей въ низшую группу. Но и тутъ мѣрка дана такая, чтобы болѣе покровительствовать каждому проявленію исправительныхъ наклонностей: нуженъ меньшій перевѣсъ плюсовъ надъ минусами для перевода въ высшую группу, нежели минусовъ надъ плюсами для того, чтобы подвергнуться, наоборотъ, разжалованію изъ высшей группы въ низшую. Нерѣдки частныя и общія (напр. въ день національнаго праздника—4 іюля) амнистіи наложенныхъ штрафовъ.

Положеніе разныхъ группъ отличается въ обстановкѣ и предоставляемыхъ удобствахъ жизни. Первая группа имѣетъ лучшія камеры, лучшія столовыя; она можетъ дольше пользоваться вечеромъ освѣщеніемъ (освѣщеніе въ заведеніи—электрическое) и имѣетъ право участвовать въ дебатахъ по вопросамъ этики, происходящихъ въ воскресные вечера. Послѣдняя группа лишена свиданія съ родными и даже переписки съ ними. Относительно пищи первой группы интересно то, что для нея имѣется столъ на ресторанный манеръ: особая столовая съ отдѣльными, аккуратно покрытыми скатертями, столиками, съ четырьмя соломенными стульями вокругъ и—главное—карточка блюдъ на выборъ. Заказъ блюдъ долженъ, впрочемъ, быть дѣлаемъ за два дня раньше. Въ меню этомъ обозначены блюда разныхъ цѣнъ, отъ 1 до 8 центовъ. Привилегіею особой столовой пользуются 150 человѣкъ первой группы.

Система помѣщенія заключенныхъ—одиночныя камеры, въ которыхъ содержатся только для ночлега. Камеры помѣщаются во внутреннемъ корпусѣ зданія, а кругомъ—широкій, свѣтлый корридоръ съ наружными окнами во всю вышину зданія. Двери камеръ представляютъ рѣдкую массивную рѣшотку снизу до верху; освѣщеніе получается изъ корридора чрезъ эту рѣшотку; особыхъ оконъ въ камерѣ нѣтъ. При такихъ дверяхъ

Digitized by Google

заключенные всегда на виду и положеніе ихъ еще больше напоминаетъ сидѣніе въ клѣткѣ, чѣмъ при дверяхъ съ явными и потайными окошечками. Расположенія камеръ по особымъ архитектурнымъ линіямъ, для того, чтобы облегчить надзоръ за ними съ одного пункта, какъ это существуетъ въ тюрьмахъ такъ-называемой лучистой системы, тутъ нѣтъ. Ночью дежурный надзиратель для наблюденій ѣздитъ по корридорамъ беззвучно на своемъ велосипедѣ. Хотя камеръ имѣется 1.200, бываетъ въ заведеніи переполненіе. Во время моего посѣщенія, напримѣръ, было 1.474 заключенныхъ. Тогда приходится помѣщать болѣе, чѣмъ одного, въ нѣкоторыя камеры; въ такихъ случаяхъ предпочитаютъ заключать не по два, а по три человѣка вмѣстѣ.

Все населеніе реформаторіи, за исключеніемъ физически неспособныхъ, входитъ въ составъ общей воинской организаціи, образующей реформаторскій полкъ, который состоитъ изъ четырехъ баталіоновъ, по четыре роты въ каждомъ. Выправка и обученіе происходятъ по всѣмъ правиламъ военной службы, съ постепеннымъ чинопроизводствомъ. Занятія по военной службѣ, однако, какъ уже было упомянуто, оплачиваются въ счетѣ каждаго; сержантъ, напримѣръ, за каждый день получаетъ 60, 63 или 65 центовъ, смотря по группѣ, въ какой онъ по своему поведенію состоитъ; лейтенантъ—68, 70 цент., капитанъ—75 цент. (на наши деньги 1 руб. 50 к.). Ежедневно въ 4 часа бываетъ общій парадъ, смотря по погодѣ—на дворѣ или въ обширномъ экзерциргаузѣ. Ружья, конечно, деревянныя. Бываютъ смотры, назначаемые въ присутствіи публики. Имѣется, само собою разумѣется, собственный военный оркестръ. Чинопроизводство провозглашается публично на парадахъ.

Военныя упражненія, которыя стали повсемѣстны въ американскихъ мѣстахъ заключенія съ тѣхъ поръ, какъ появились сепаратные законы, воспрещающіе изготовленіе въ тюрьмахъ предметовъ на продажу, признаются имѣющими серьезное пенитенціарное значеніе, какъ даваемой ими физической выправкой, такъ и какъ школа повиновенія и самообузданія. По этому поводу надо замѣтить, что строевая выправка была одно время въ модѣ въ американскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но опытъ показалъ, что она даетъ одностороннее физическое развитіе, что упражненія прикладомъ не столько вырабатываютъ ловкость, сколько угловатость въ движеніяхъ, и что въ духовномъ отношеніи она подавляетъ индивидуальность, на развитіи которой зиждется весь американскій строй; поэтому въ учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ

Digitized by Google

спеціально-военной академіи въ Вестъ-Пойнтѣ, это уже болѣе не практикуется.

Элмайрское заведеніе представляется школой всевозможныхъ ремеслъ, нынѣ числомъ 35, каковы: столярное, токарное, машинное, строительное, обойное, штукатурное, гончарное, стенографія, писаніе на машинѣ, телеграфированіе, и проч., и проч. Такія знанія, какъ телеграфированіе, преподаются спеціально больнымъ на ноги или владѣющимъ только одною рукою. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ имѣются наилучшія приспособленія и образцы. Въ машинной мастерской имѣется наборъ инструментовъ, станковъ и проч., какъ въ лучшемъ техническомъ училищѣ. Въ строительномъ отдѣленіи имѣются срубы деревянныхъ хижинъ въ натуральную величину, разные виды кирпичной и каменной кладки, какъ въ какомъ-нибудь музеѣ. Въ работахъ, которыми занимаютъ заключенныхъ, цѣль—не заработокъ, а совершенствованіе. Недаромъ реформаторію эту называютъ „Коллегіею“ („College on the Hill“).

Названія этого она еще больше заслуживаетъ по тѣмъ средствамъ, которыя въ ней примѣняются для непосредственнаго духовнаго воздѣйствія и развитія заключенныхъ. Въ ней имѣется свыше тридцати школьныхъ классовъ. Подраздѣляются классы на низшіе, средніе и такъ-называемые академическіе. Пріемы преподаванія—соотвѣтствующіе требованіямъ высшей педагогіи. Въ низшихъ классахъ число учениковъ поменьше въ каждомъ; бо̀льшее ихъ число допускается только въ высшихъ классахъ. Экзамены (какъ и въ ремеслахъ) производятся когда кто себя чувствуетъ къ нимъ готовымъ, а не въ извѣстные обязательные термины. Въ School of Letters проходятъ всеобщую и естественную исторію, литературу и такъ-называемую практическую этику. Преподаваніе естественной исторіи происходитъ путемъ вопросовъ, главнымъ образомъ задаваемыхъ не учителемъ ученикамъ, а наоборотъ, учениками учителю; они, напримѣръ, спрашиваютъ учителя: отчего происходитъ дождь? гдѣ больше живыхъ существъ—на сушѣ или въ водѣ? а учитель въ разъясненіе этихъ вопросовъ развиваетъ соотвѣтствующую тему по данному предмету.

Прямо поразительно, что̀ за темы разработываются въ классѣ литературы. Два года назадъ, напримѣръ, когда въ Германіи праздновалось 150-ти-лѣтіе рожденія Гёте, тутъ разбирали его „Эгмонта“. На такихъ чтеніяхъ присутствуютъ сотни слушателей; каждый имѣетъ въ рукахъ экземпляръ разбираемаго произведенія. Въ отчетѣ за 1899 г. помѣщены интересныя сравнитель-

Digitized by Google

ныя характеристики, данныя учениками личностямъ Эгмонта и Бракенбурга. Годомъ раньше, предметомъ литературныхъ занятій служилъ переводъ Лессинговскаго „Натана Мудраго". Подумать только: разборъ въ тюрьмѣ притчи о трехъ кольцахъ—этого высшаго образца эстетической проповѣди религіозной терпимости! Нельзя въ этомъ не видѣть знаменательнаго факта для характеристики не столько пенитенціарнаго дѣла у американцевъ, сколько общаго строя и направленія ихъ общественной мысли. По данному поводу умѣстно будетъ привести статистическія данныя о вѣроисповѣдномъ составѣ заключенныхъ реформаторіи. За 24 года ея существованія въ ней перебывало (въ круглыхъ цифрахъ) 9.300 человѣкъ, изъ нихъ протестантовъ 4.000, католиковъ—4.300, евреевъ—700, безъ вѣроисповѣданія—240.

Практическая этика состоитъ въ дебатахъ на самыя разнообразныя темы, предлагаемыя лекторами и самими заключенными, —какъ, напримѣръ, что̀ выше—милость или справедливость; нравственное значеніе субботняго дня, вліяніе на духовныя свойства человѣка алкоголизма; а также pro и contra трансваальской, филиппинской войны и т. п.

Къ средствамъ духовнаго воздѣйствія относится библіотека, имѣющая свыше 4.000 томовъ и, наконецъ, еженедѣльная газета „Summary" (Обозрѣніе). Печатается это изданіе въ своей типографіи, которая ведется образцово, какъ одно изъ учебныхъ ремесленныхъ отдѣленій въ заведеніи. Авторами большинства статей являются сами заключенные. Въ воскресенье утромъ каждый заключенный получаетъ вновь вышедшій нумеръ. Содержаніе газеты—самое разнообразное. Напримѣръ, нумеръ, вышедшій при мнѣ, содержитъ свѣдѣнія про китайскую и южно-африканскую войну, подробности о стачкѣ углекоповъ, происходившей тогда въ обширныхъ размѣрахъ въ Пенсильваніи; хронику событій въ заведеніи, число отпущенныхъ за недѣлю на свободу. Передовая статья подъ заглавіемъ: „Что̀ такое внѣшній міръ"—трактуетъ о томъ, что каждый заключенный навѣрное подъ этимъ разумѣетъ нѣчто иное,—что одному мерещится при этомъ его городъ, другому—спеціально какой-нибудь кварталъ его родного города; что чѣмъ шире въ этомъ отношеніи кругозоръ человѣка, тѣмъ легче ему уйти отъ узко-эгоистическихъ помысловъ и наклонностей, что войны въ разныхъ частяхъ свѣта, теперь происходящія и привлекающія къ себѣ вниманіе многихъ такихъ, которые ничего ранѣе про эти страны не вѣдали, въ этомъ отношеніи имѣютъ развивающее вліяніе и проч.

Во что̀ обходится это обширное и столь многостороннее

Digitized by Google

учрежденіе? Ежегодный бюджетъ его—въ 200.000 долларовъ. Въ отчетѣ за послѣдній годъ составлена смѣта на слѣдующій въ 215.000 долларовъ. Каждый заключенный обходится, среднимъ числомъ, за годъ въ 150 долларовъ. Цифра эта не можетъ быть признаваема высокой, если принять во вниманіе, что въ обыкновенныхъ тюрьмахъ штата Нью-Іоркъ каждый заключенный обходится не менѣе 138 долл. въ годъ.

Составъ всего управленія состоитъ не болѣе, какъ изъ 30 лицъ; это—благодаря тому, что многіе наставники въ школѣ и въ ремесленныхъ классахъ—изъ числа заключенныхъ. Во главѣ учрежденія стоитъ директоръ, General-Superintendent, и комитетъ (Board of Managers) изъ пяти лицъ, назначаемыхъ губернаторомъ штата съ одобренія сената. Главная фигура—это директоръ. Его усмотрѣніе и власть имѣютъ тенденцію къ неограниченности; это неизбѣжная принадлежность системы неопредѣленныхъ приговоровъ и ея органическій порокъ. Броквэя называли въ заведеніи „the Czar".

Существенную и характерную часть всякой исправительной системы составляютъ примѣняемыя ею дисциплинарныя мѣры. Въ этомъ отношеніи въ Элмайровскомъ заведеніи имѣется немалая скàла ихъ, и онѣ далеко не ограничиваются одними средствами нравственнаго воздѣйствія. Кромѣ штрафовъ, разжалованія въ низшую группу, употребляется тѣлесное наказаніе въ видѣ розогъ и въ видѣ привязыванія въ стоячемъ положеніи за руки спиною къ рѣшетчатой двери камеры лицомъ внутрь. Это одно уже показываетъ, что упреки, дѣлаемые противниками этого учрежденія, иронически называющими его то „системой розовой водицы", то „тюрьмой-отелемъ", не имѣютъ правильнаго основанія. Броквэй никакой сентиментальности въ строѣ заведенія и въ обращеніи съ заключенными не допускалъ. Онъ стремился, по его словамъ, къ тому, чтобы каждый изъ нихъ, будучи разбуженъ, съ утра находился въ напряженной и форсированной дѣятельности, пока не сваливался отъ усталости вечеромъ на свою койку. Въ 1894 г. газеты возбудили агитацію по поводу чрезмѣрной строгости, примѣняемой имъ къ заключеннымъ. Слѣдствіе, этимъ вызванное, заставило его временно оставить должность директора. Въ 1899 г. агитація возникла еще болѣе сильная, и она завершилась тѣмъ, что онъ долженъ былъ совсѣмъ оставить учрежденіе, составляющее его дѣтище. Мнѣ показывалъ заведеніе временно замѣщавшій должность директора врачъ Франкъ Робертсонъ.

Элмайрская реформаторія есть высшая ступень, какой до-

Digitized by Google

стигло за послѣднее столѣтіе тюремное дѣло. Она представляетъ собою сводный продуктъ всѣхъ новыхъ идей, которыя въ этомъ дѣлѣ послѣдовательно одна за другой выработаны человѣчествомъ. Въ 1770 г. еще въ филадельфійской тюрьмѣ священникъ держалъ проповѣдь предъ заключенными не иначе, какъ при пушкѣ, у которой стоялъ дежурный съ зажженнымъ факеломъ, дабы моментально можно было произвести выстрѣлъ въ скучившихся въ противоположномъ концѣ слушателей, при малѣйшемъ поползновеніи съ ихъ стороны произвести бунтъ или нападеніе. Таково было тогда воззрѣніе на тюремное населеніе. На тюрьму смотрѣли какъ на вулканъ, всегда готовый къ взрывамъ и изверженію. Самое заключеніе въ тюрьму тогда не считалось совсѣмъ за наказаніе; это была лишь мѣра пресѣченія для преступниковъ, которыхъ ждали за ихъ злыя дѣянія болѣе чувствительныя кары. Всѣ мѣропріятія по отношенію къ тюремному населенію сводились къ усмиренію и укрощенію. Впервые на американской почвѣ искупительное значеніе за самымъ заключеніемъ признано было квакерами въ формѣ строгаго одиночнаго заключенія, въ которомъ предполагалось достигнуть раскаянія преступниковъ принудительнымъ оставленіемъ ихъ одинъ-на-одинъ со своею совѣстью. Результаты этой, такъ-называемой пенсильванской системы не достигали, однако, желанной цѣли. Причину этого усмотрѣли въ праздности, на которую она обрекала заключенныхъ. На смѣну ей явилась оборнская система, съ обязательными общими работами, но въ строжайшемъ молчаніи, и съ разобщеніемъ на ночь. Послѣдующіе фазисы въ усовершенствованіи представляютъ практическія мѣропріятія Меконочи въ Австраліи, въ сороковыхъ годахъ, заключающіяся въ введеніи марочной системы, съ прогрессивнымъ улучшеніемъ положенія наказываемыхъ въ зависимости отъ ихъ поведенія и работъ, и, затѣмъ, усовершенствованія, прибавленныя къ этому Крофтономъ въ Ирландіи, въ пятидесятыхъ годахъ, въ видѣ попечительныхъ учрежденій, чрезъ которыя должны были проходить освобождаемые для того, чтобы постепенно привыкнуть къ условіямъ жизни на полной свободѣ. Задача тюрьмы становится уже совсѣмъ иная; дѣло ея уже не въ укрощеніи, а въ реформированіи. Взглядъ на преступниковъ долженъ быть для этого совсѣмъ иной, чѣмъ прежде. Начальникъ оборнской тюрьмы, извѣстный Линдсъ, смотрѣлъ на преступниковъ какъ на особый классъ людей, падающихъ въ свободной борьбѣ только потому, что основною чертою ихъ натуры является трусость. Въ доказательство этого своего убѣжденія онъ однажды сдѣлалъ слѣдующее. Узнавъ, что насе-

Digitized by Google

леніе тюрьмы, крайне недовольное его строгостью (онъ безмѣрно пользовался тѣлесными наказаніями, считая ихъ благодѣтельнымъ средствомъ для заключенныхъ), составило заговоръ, чтобы его зарѣзать, онъ созвалъ всѣхъ заключенныхъ во дворъ, потребовалъ того изъ нихъ, который занимался бритьемъ арестантовъ, и, сѣвъ тутъ же среди нихъ, велѣлъ ему себя побрить. Теперь система воздѣйствія на заключенныхъ держится на совсѣмъ иномъ началѣ,—на томъ, что они—тѣ же люди, и что ничто человѣческое имъ не чуждо. Элмайрское заведеніе и представляетъ собою самую усовершенствованную совокупность собственно американскихъ и иноземныхъ идей и пріемовъ, направленныхъ на дѣло реформированія.

Каковы же результаты этого учрежденія на практикѣ? Въ статистическихъ цифрахъ они выражаются удовлетворительнымъ итогомъ въ 15 и не болѣе 18% рецидива. Нью-іоркскій судья, съ которымъ я говорилъ объ этомъ, и который давалъ мнѣ письмо къ директору заведенія, сказалъ мнѣ, что среди магистратуры заведеніе это считается оправдывающимъ свое назначеніе, и что ему лично извѣстны два или три субъекта, занимающихъ теперь довольно видныя мѣста въ дѣловомъ мірѣ, которые побывали въ свое время въ Элмайрской реформаторіи. Но ни указанія статистики, подвергаемыя по несовершенству регистраціи, откуда она беретъ свои данныя, основательнымъ сомнѣніямъ насчетъ точности, ни такія частичныя указанія—не могутъ дать надлежащаго матеріала для полной оцѣнки конечныхъ результатовъ этой новой системы. Тутъ должны имѣть болѣе существенное значеніе наблюденія надъ психическимъ состояніемъ заключенныхъ. Чрезвычайно вѣрны замѣчанія, которыя по этому поводу дѣлаетъ нѣмецкій изслѣдователь американскихъ тюремъ, Hintrager, говорящій, что въ этомъ учрежденіи всѣ заключенные обнаруживаютъ постоянно какое-то ненормальное возбужденіе въ погонѣ за отмѣтками, стремясь всячески оставить другихъ позади себя. Относительно главнѣйшихъ результатовъ въ ихъ психикѣ врачъ заведенія высказалъ ему характерное замѣчаніе, что „they do not reform, but conform"—они не реформируются, а приспособляются. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не видѣть, что психологическая основа этой интересной и хитро приводимой въ исполненіе системы состоитъ въ искусственномъ подъемѣ и культивированіи эгоистическихъ наклонностей. Всѣ другіе мотивы, кромѣ чисто-эгоистическихъ,—говоритъ одинъ изъ видныхъ защитниковъ этой системы, F. H. Wines,—у преступника глухи, и потому цѣль исправленія не будетъ достигнута ни проповѣдями, ни усовѣщи-

Digitized by Google

ваніями, ни примѣрами, а только воздѣйствіемъ на эгоистическія его стремленія, а именно: на его желаніе поскорѣе выйти на свободу („Punishment and Reformation", p. 209). Ясно, такимъ образомъ, что въ психологическомъ отношеніи эта система не просто питается нормальными эгоистическими наклонностями, въ душѣ человѣка имѣющимися, но сама ихъ питаетъ и даже форсируетъ. Дѣлается это на началахъ строгаго индивидуализма, т.-е. такъ, что каждый чувствуетъ себя не частицею органическаго цѣлаго, а отдѣльнымъ атомомъ, противополагающимъ себя остальнымъ. Психологически же, какъ извѣстно, преступная дѣятельность человѣка, въ концѣ концовъ, обусловливается именно чрезмѣрнымъ эгоизмомъ, не чувствующимъ никакого препятствія къ тому, чтобы своимъ желаніямъ приносить въ жертву интересы ближняго и ни малѣйшей наклонности поступаться своими желаніями ради интересовъ ближняго. Слѣдовательно, корень зла тутъ остается на своемъ мѣстѣ и чуть ли не укрѣпляется. Всѣ эти многоразличные пріемы воздѣйствія на заключеннаго, при такомъ базисѣ, вліяютъ лишь на архитектуру, а не на структуры души, на болѣе стройное согласованіе элементовъ ея работоспособности, а не на ея скрытыя побужденія. Напрягая до крайности стремленіе каждаго вырваться на свободу, система эта ничего не измѣняетъ въ душевныхъ пружинахъ, подъ напоромъ которыхъ будетъ происходить дѣятельность по достиженіи каждымъ желанной свободы. Еслибы надо было воспитывать провинившагося трутня для возвращенія его опять въ свой муравейникъ, то указанные пріемы навѣрное разрѣшали бы эту задачу въ совершенствѣ, такъ какъ муравей въ муравейникѣ исполняетъ свое назначеніе наилучшимъ образомъ въ зависимости не отъ внутреннихъ своихъ побужденій, а отъ степени силы и ловкости, съ какою онъ умѣетъ дѣлать предназначенное ему дѣло. Не то—человѣкъ и не то—требованія, предъявляемыя къ нему жизнью на свободѣ. Въ томъ, въ комъ искусственнымъ путемъ гипертрофируются и безъ того чрезмѣрно развитыя эгоистическія наклонности, еще болѣе глохнетъ способность къ самоограниченіямъ въ пользу ближняго, и потому, при первомъ подходящемъ стеченіи обстоятельствъ, онъ долженъ снова стать помѣхой правильному ходу общественной жизни. Подневольное перевоспитываніе, производимое реформаторіею, не взирая на всѣ ея усилія и хлопоты, при вышеуказанной основѣ, нельзя признать идущимъ по надежному пути къ своей цѣли. Есть ли вообще для этого правильный путь въ домѣ заключенія—вопросъ особый. Но во всякомъ случаѣ не вынесъ я изъ реформаторіи такого впечатлѣнія,

Digitized by Google

которое подтверждало бы заключеніе одного русскаго изслѣдователя, усматривающаго въ ней и ей подобныхъ учрежденіяхъ „свѣтлые маяки, которые блещутъ на темномъ фонѣ современнаго тюремнаго дѣла, показывая тотъ путь, на который должна быть, въ интересахъ достиженія исправительныхъ задачъ, направлена тюремная реформа".

Элмайрская реформаторія оказалась болѣе всего интересной, какъ особая характеристика общихъ условій и требованій американской жизни, а также какъ одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ той охоты, какую американцы всегда проявляютъ, какъ только дѣло касается воспитанія и реформированія людей чрезъ воздѣйствіе на нихъ образованіемъ. По примѣру этой реформаторіи возникло въ разныхъ штатахъ около десятка другихъ; какъ-то: Конкордъ въ Массачусетсѣ, Сентъ-Клу въ Миннесотѣ, Гентингтонъ въ Пенсильваніи и др. Но сказать, чтобы этотъ видъ мѣстъ заключенія содѣйствовалъ высшему назначенію тюрьмы— упразднить тюрьмы, никакъ не приходится.. Съ чувствомъ такой же безнадежности, съ какою въ этомъ отношеніи выходишь изъ наиболѣе усовершенствованныхъ тюремъ Европы, вышелъ я и изъ реформаторіи Новаго Свѣта.

До посѣщенія Элмайры я совершилъ поѣздку по заповѣдной пущѣ въ Скалистахъ горахъ, называемой Yellowstone Park. Это цѣлая провинція, примѣрно въ половину кіевской губерніи. По ней не проходитъ и не будетъ проходить желѣзная дорога; ни сѣять, ни косить, ни рубить лѣса, ни ловить звѣрей или птицъ, ни даже просто стрѣлять въ ней никому не дозволяется. Эту часть своей территоріи американцы рѣшили сохранить на вѣки вѣчные въ ея натуральномъ видѣ. Тутъ находятся знаменитые фонтаны кипучей воды—гейзеры и разныя необыкновенныя картины геологическихъ обнаженій и новообразованій. Объѣздъ въ дилижансѣ по этой странѣ чудесъ („Wonderland") длится шесть дней. Наряду съ удивительными видами и красотами природы надо поставить слѣдующее явленіе, съ которымъ здѣсь встрѣчаешься. При проѣздѣ по дорогамъ сплошь и рядомъ видишь вблизи стоящаго волка, который съ любопытствомъ оглядываетъ пассажировъ, провожаетъ ихъ глазами и затѣмъ спокойно идетъ своей дорогой. На прогулкѣ постоянно шмыгаютъ у ногъ, точно щенки, маленькія бѣлки, которыми кишитъ тутъ лѣсъ. У разныхъ прудковъ, мимо которыхъ лежитъ путь, стаи дикихъ гусей подпускаютъ къ себѣ настолько, что хоть сыпь имъ соли на хвостъ. Въ гостинницахъ, гдѣ останавливаются на ночлегъ, туристы могутъ каждый разъ видѣть, какъ приходятъ изъ лѣса

Digitized by Google

кормиться отбросами кухни, въ одиночку и гурьбой, медвѣди и малые медвѣжата, которые тутъ же кувыркаются и играютъ другъ съ другомъ. При видѣ всего этого такъ и напрашивается мысль, что даже дикіе звѣри на свободѣ—и тѣ, когда не видятъ зла отъ людей, становятся покойными и мирными ихъ сожителями.

Элмайрская реформаторія, какъ уже было указано, является продуктомъ воззрѣнія, по которому къ взрослому преступнику надо примѣнять такія же мѣры воздѣйствія въ видахъ исправленія, какія принято было считать подходящими только въ отношеніи дѣтей. Что же въ такомъ случаѣ предпринимаютъ американцы по отношенію къ самимъ порочнымъ дѣтямъ? И въ этомъ они, конечно, опередили Старый Свѣтъ. Въ штатѣ Нью-Іоркъ, уже въ 1824 г., т.-е. до Меттрейской колоніи во Франціи и Rohes Haus въ Гамбургѣ, устроенъ былъ отдѣльный отъ взрослыхъ пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ дальнѣйшемъ они примѣняли въ этой области все, до чего додумывалась только гдѣ бы то ни было человѣческая мысль, окрыленная стремленіемъ къ добру и совершенствованію. Въ настоящее время число подобныхъ колоній и пріютовъ у нихъ, можно сказать, превосходитъ надобность. Преобладающимъ типомъ здѣсь теперь является семейная форма, при которой пожилая бездѣтная чета беретъ подъ свое наблюденіе и руководство двадцать-тридцать дѣтей, поселяясь съ ними на отдѣльной фермѣ и образуя группу, проникнутую во взаимныхъ отношеніяхъ началами, приближающими ея строй къ виду естественной семьи.

Любопытною новинкою въ этой области служитъ опытъ нѣкоего мистера Джорджа. Заботы его направлены на перевоспитаніе уличныхъ и трущобныхъ подростковъ. Началъ онъ это дѣло съ того, что просто бралъ къ себѣ на ферму близъ Фривилля (недалеко отъ г. Итаки въ штатѣ Нью-Іоркъ, гдѣ находится Корнельскій университетъ) на лѣто свыше двухсотъ дѣтей. Такъ онъ дѣлалъ съ 1890 г., желая дѣйствовать на нихъ главнымъ образомъ здоровыми условіями деревенской жизни. Въ 1895 г. ему пришло въ голову придать этой дѣтской резиденціи особую организацію, основною идеею которой является мысль—создать „управленіе дѣтей изъ дѣтей для дѣтей“.

Предоставленная въ ихъ распоряженіе территорія—величиною, примѣрно, съ миніатюрную республику Санъ-Марино въ Италіи. Строй дѣтскому общежитію созданъ по образцу республиканскихъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ. Имѣются двѣ

Digitized by Google

камеры, т.-е. палата представителей и сенатъ, избираемыя всеобщимъ голосованіемъ; право подачи голоса принадлежитъ всѣмъ старше 12 лѣтъ, безъ различія пола. Во главѣ исполнительной власти стоитъ президентъ; сперва былъ имъ самъ Джорджъ, а теперь— 16-лѣтній юноша. Постановленія палаты носятъ форму совершенно такую, какъ—конгресса въ Вашингтонѣ. Каждое начинается въ обычной формѣ „Be it inacted“,—что, напримѣръ, нельзя курить подъ страхомъ такого-то штрафа, или жестоко обращаться съ животными, и т. п. Такъ какъ населеніе тутъ довольно разнокалиберное и, конечно, невоспитанное, то большая нужда была въ полиціи. На эту должность особенно было много охотниковъ среди дѣтей, такъ что пришлось установить для нея конкурсное испытаніе. Каждый полицейскій чинъ имѣетъ особую форму и бляху. Они получаютъ жалованье и имѣютъ своего начальника. Каждаго нарушителя порядка полицейскій можетъ представить въ судъ или, если нѣтъ въ то время засѣданія, то задержать подъ арестомъ. Приговоръ суда постановляютъ присяжные изъ мальчиковъ и дѣвочекъ; имѣются обвинитель и защитникъ; если обвиняемый не приглашаетъ себѣ самъ защитника, ему назначаетъ его судъ. Руководитъ засѣданіемъ и произноситъ резюме присяжнымъ предсѣдатель; вначалѣ былъ таковымъ студентъ Корнельскаго университета, теперь—уже одинъ изъ мальчиковъ. Наказаніе, къ которому приговариваютъ обвиненнаго, — арестъ отъ $^1/_2$ до 6 дней; наказываемый носитъ особую (принятую въ мѣстахъ заключенія—полосатую) куртку, обязанъ исполнять принудительную работу, въ молчаніи и безъ платы. Судебная репрессія оказывается дѣйствующею весьма успѣшно, и съ каждымъ сезономъ бываетъ все меньше и меньше случаевъ примѣненія наказанія. Дѣйствуетъ на дѣтей не самое наказаніе, а главнымъ образомъ обвинительный приговоръ. Осуждающій приговоръ ровесниковъ вызываетъ часто слезы у осужденнаго; былъ случай покушенія на самоубійство изъ-за обвинительнаго приговора.

Всѣ мальчики составляютъ милицію съ соотвѣтствующими упражненіями. Республика эта, носящая названіе „George Junior Republic“, имѣетъ свой гербъ, свое знамя и теперь даже свой гимнъ.

Профессоръ Вильямъ Гуллъ въ докладѣ объ этой колоніи, читанномъ въ американской академіи политическихъ и соціальныхъ наукъ, говоритъ, что эти дѣти, слывущія за неисправимыхъ, съ удивительной покорностью подчиняются режиму сверстниковъ и заражаются интересомъ къ общему дѣлу.

Digitized by Google

Промышленный строй дѣтской республики держится на работѣ всѣхъ ея обитателей, оплачиваемой соотвѣтственно трудамъ каждаго. Рабочее время полагается съ половины девяти до двѣнадцати; плата отъ—50 до 70 центовъ въ день. Для приложенія труда имѣется обработываемое поле, имѣются огороды. Мистеръ Джорджъ старается всячески создать строй отношеній, схожій съ дѣйствительной общественной жизнью. Для этого, между прочимъ, правительство республики сдаетъ отдѣльнымъ предпринимателямъ особыя отрасли промышленности. Одинъ содержитъ отель, другой—ресторанъ, третій — баню (нечистоплотность подвергаетъ виновнаго штрафу). Въ отелѣ есть помѣщенія въ разную цѣну; въ ресторанѣ блюда—также. Мистеръ Джорджъ и его жена питаются въ этомъ ресторанѣ. Каждый посѣтитель долженъ за все платить; достаточныя для этого средства ему вѣдь предоставляется возможность заработать. Кто не имѣетъ ночлега—отводится въ арестный домъ и подвергается суду за бродяжничество.

Для платежей республика имѣетъ свою монету, состоящую изъ цинковыхъ кружковъ разныхъ размѣровъ, соотвѣтственно единицамъ размѣнной монеты штатовъ. Всѣ матеріалы, потребные на питаніе, одежду и проч.—жертвуются въ склады разными благотворителями; дѣти же ихъ получаютъ за деньги, заработываемыя своими трудами. Кто меньше заработываетъ, тотъ плоше живетъ. А есть такіе, которые умѣютъ накопить излишекъ заработками. Они сдаютъ его на храненіе особому банкиру. Бывали также коллизіи изъ-за цѣнъ на фрукты и овощи, приносимые извнѣ, и пришлось установить на нихъ особый таможенный тарифъ. Во всемъ этомъ разобраться, устранить возникшія препятствія, найти выходъ или modus,—все это мистеръ Джорджъ предоставляетъ собственной смѣткѣ и собственнымъ усиліямъ дѣтей. Для нуждъ общественныхъ существуетъ особая подать съ каждаго имѣющаго право голоса на выборахъ.

Система обученія, примѣненная мистеромъ Джорджемъ,—довольно своеобразная. Такъ какъ населеніе республики состоитъ изъ дѣтей, уже заявившихъ себя нерасположеніемъ къ занятію науками, то, вмѣсто всякаго систематическаго школьнаго обученія, дѣтямъ раздаютъ листы съ разными незамысловатыми вопросами и съ указаніемъ, въ какой книжкѣ можно получить на каждый изъ нихъ отвѣтъ; книжки эти имѣются въ общей комнатѣ. Удовлетворительные отвѣты даютъ автору право на опредѣленное денежное вознагражденіе. Имѣются общія поучительныя забавы; спектакли и музыка, конечно, также въ ходу. Все это содѣйствуетъ бодрому

Digitized by Google

и веселому настроенію дѣтей. Большинство дѣтей—возраста отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ. Нѣсколько болѣе молодыхъ, находящихся тамъ, отданы на спеціальное попеченіе старшихъ. Когда оказалось, что изъ этихъ туторовъ нѣкоторые были грубы со своими подчиненными,—въ палату внесли билль закона объ охранѣ дѣтей отъ жестокаго обращенія.

Дѣти попадаютъ теперь къ мистеру Джорджу по приговорамъ муниципальныхъ судей или по просьбѣ родителей. Зимою ихъ остается не болѣе сорока; лѣтомъ собирается до трехъ сотъ; тогда обитатели республики размѣщаются, кромѣ нѣсколькихъ незатѣйливыхъ построекъ колоніи, въ шатрахъ. Когда наступаетъ осень, дѣлается публичная распродажа запасовъ платья и другихъ вещей. Очень часто можно тогда видѣть, какъ скопившій деньгу покупаетъ разныя разности для оставшихся дома братишекъ и сестеръ.

Результаты этого новаго пріема перевоспитанія, примѣняемаго къ подросткамъ и состоящаго въ помѣщеніи этихъ якобы необузданныхъ натуръ въ условія, при которыхъ общественный самоконтроль сверстниковъ становится привлекательнымъ для каждаго регуляторомъ поведенія, пока блестяще оправдываютъ надежды его автора. Человѣческая натура, какъ изъ этого видно, легко подчиняется принужденію *для чего-нибудь*; не выноситъ человѣкъ принужденія, когда оно на него налагается *за что-нибудь*. Какъ ни стараются сдабривать эту неволю въ Элмайрѣ искусственнымъ возбужденіемъ многочисленныхъ сторонъ душевной дѣятельности, средствъ на это не хватаетъ еще у всей этой психологической химіи. Сопоставлять плоды подневольнаго перевоспитыванія, которое мы тамъ видѣли, съ плодами этого вольнаго перевоспитанія въ подробностяхъ — нѣтъ надобности; различіе ихъ достаточно явствуетъ уже изъ сказаннаго.

Надо здѣсь сказать лишь, кстати, что заботы, вызываемыя одичалымъ состояніемъ дѣтскаго населенія трущобъ и окраинъ большихъ городовъ, повсемѣстны въ самыхъ просвѣщенныхъ центрахъ цивилизаціи. Недавно усиленно заговорили объ этомъ явленіи въ Лондонѣ, гдѣ оно получило даже особое прозвище: „Hooliganism“. Явленіе это — порожденіе зла, лежащаго глубоко въ корнѣ настоящаго соціальнаго и экономическаго строя. Въ чемъ должны состоять пріемы противодѣйствія этому злу? Подражать Элмайрской реформаторіи въ ея деспотическомъ режимѣ и строго военной организаціи можно, конечно, повсюду; но не вездѣ можно создать учрежденія, подобныя Джорджевской

Digitized by Google

дѣтской республикѣ. Дѣло, однако, не въ формѣ. Такую или иную форму, но ее найдетъ интеллигентный человѣкъ, если только онъ руководимъ правильнымъ сознаніемъ того, что̀ отъ него требуетъ общественный долгъ. Примѣръ дѣятельности Джорджа въ этомъ отношеніи содержитъ въ себѣ ту для всѣхъ назидательную идею, что положеніе порочныхъ дѣтей бѣднаго класса не есть плодъ только ихъ дикости, но и некультурности высшаго, т.-е. болѣе зажиточнаго и развитого класса общества. Какъ далеки еще отъ пониманія этого люди, которые могутъ утверждать,—какъ я слышалъ это однажды въ судѣ по дѣлу одного изъ такъ-называемыхъ „подкалывателей“ изъ устъ товарища прокурора въ рѣчи къ присяжнымъ,—что съ подобными субъектами нельзя будто иначе и обращаться, какъ съ бѣшеными собаками!

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что опытъ Джорджа найдетъ подражателей. Такого рода иниціатива никогда не проходитъ въ Америкѣ безслѣдно и никогда не обречена на безплодную борьбу съ равнодушіемъ общества. Какъ разъ наоборотъ. Этотъ опытъ, исполненный въ скромныхъ размѣрахъ частнымъ лицомъ, можетъ тамъ легко стать источникомъ такого теченія общественной мысли, которое завершится какой-нибудь реформой капитальнаго свойства. Достаточно для примѣра вспомнить исторію возникновенія такъ-называемаго условнаго осужденія. Въ семидесятыхъ годахъ у городского судьи города Бостона стали обращать на себя вниманіе постояннымъ присутствіемъ при разборѣ дѣлъ о малолѣтнихъ двое лицъ—нѣкій Джонъ-Августъ и священникъ Кукъ, получившій впослѣдствіи прозвище „дяди Кука“. Сперва они заявили себя тѣмъ, что сообщали судьѣ свѣдѣнія о семейномъ положеніи подлежавшаго суду малолѣтняго, объ его прошломъ; затѣмъ они, при неимѣніи такихъ свѣдѣній, стали просить судью объ отсрочкѣ разбора, пока они соберутъ эти свѣдѣнія. Постепенно эта дѣятельность ихъ привела судью къ убѣжденію, что онъ можетъ вмѣсто приговора о наказаніи отдавать малолѣтнихъ на ихъ попеченіе. И вотъ эта частная дѣятельность двухъ приватныхъ лицъ послужила поводомъ къ учрежденію особой общественной должности блюстителей интересовъ малолѣтнихъ—probation-officers, существующей теперь уже во всѣхъ штатахъ; она же положила основаніе нынѣ ставшему всесвѣтнымъ институту условнаго осужденія, по которому судьѣ предоставляется право, постановивъ приговоръ о тюремномъ заключеніи новичка на преступномъ поприщѣ, отпустить его на свободу съ тѣмъ, что, если

Digitized by Google

онъ не согрѣшитъ въ другой разъ,—первый приговоръ надъ нимъ останется безъ исполненія.

Независимо, впрочемъ, отъ того, какими послѣдствіями можетъ быть чревата идея мистера Джорджа, нельзя не сказать, что радуется душа при одномъ видѣ этого удивительнаго сочетанія разума, практичности, вѣры въ непремѣнное торжество добра надъ зломъ, съ надеждой и любовью, дѣятельной любовью, направляемою на великое дѣло спасенія „малыхъ сихъ".

А. Гольденвейзеръ.

Digitized by Google

ПО МАНЧЖУРІИ

1900—1901 гг.

Воспоминанія и разсказы.

X. — По Сунгари *).

Седьмое сентября.—День жаркій. Въ Хабаровскѣ, на пароходной пристани—величайшее оживленіе. Поминутно подъѣзжаютъ повозки, фургоны, телѣги съ разной кладью, чемоданами, сундуками, ящиками, разными офицерскими вещами и т. п. Вотъ, должно быть, военная канцелярія пріѣхала. Нѣсколько писарей, усатыхъ, въ чистенькихъ рубахахъ, погоны съ нашивками, озабоченные, снимаютъ съ повозокъ ящики и тащатъ ихъ на пароходъ. Начинаютъ уже и „господа“ съѣзжаться.—Но что такое случилось?— Сегодня уѣзжаетъ командующій войсками генералъ Гродековъ—брать Гиринъ, столицу Манчжуріи. Чуть не весь городъ сбирается проводить его. Военные почти всѣ здѣсь. Но и гражданскихъ чиновъ не мало. Вотъ подъѣзжаютъ дрожки. Въ нихъ сидитъ толстый-претолстый чиновникъ, съ добродушнѣйшимъ лицомъ, усатый, съ бакенбардами. Ему, очевидно, страшно жарко. Съ трудомъ слѣзаетъ онъ съ экипажа, встряхиваетъ пальто на синей подкладкѣ, снимаетъ трехуголку, отираетъ потную лысую голову и, затѣмъ, переваливаясь какъ утка, тяжелой поступью направляется къ пристани. За этимъ толстякомъ, точно для контраста, слѣзаетъ съ дрожекъ другой статскій генералъ, на крас-

*) См. выше: янв., 103 стр.

Digitized by Google

ной подкладкѣ. Этотъ—маленькій, худенькій, сморщенный и далеко, съ виду, не такой добродушный. Хотя онъ и малъ ростомъ, а достоинства своего не теряетъ. Смѣло протискивается впередъ, мало съ кѣмъ здоровается, поправляетъ на шеѣ Владиміра, отряхивается и крѣпче натягиваетъ бѣлыя перчатки. Онъ вполнѣ готовъ встрѣчать генералъ-губернатора. Тутъ мелькаютъ околыши и подкладки всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ цвѣтовъ. Даже желтые, телеграфные, и тѣ явились поклониться.

— Ѣдетъ, ѣдетъ!—слышится въ толпѣ.

Дѣйствительно, съ горы спускалась пара сѣрыхъ въ коляскѣ. Командующій войсками, небольшого роста, рядомъ съ высокимъ, полнымъ адъютантомъ, подъѣзжаетъ къ пристани, медленно выходитъ и направляется къ пароходу. Толпа колышется. Полиція съ трудомъ сдерживаетъ ее. Генералъ любезно прощается, кланяется, многимъ жметъ руки, разговариваетъ, а въ то же время все приближается къ сходнямъ. Наконецъ, онъ на пароходѣ. Полевой штабъ уже весь давно тамъ. Съ парохода слышится свистокъ. Снасти отдаютъ. Колеса начинаютъ медленно вертѣться то заднимъ ходомъ, то переднимъ. Пароходъ исподволь заворачиваетъ, дѣлая кругъ, и, наконецъ, плавно устремляется по обширной зеркальной поверхности, взбивая за собой волны. Пристань становится меньше. Человѣческія фигуры исчезаютъ, а наконецъ и самый Хабаровскъ пропадаетъ за берегомъ.

Мы ѣдемъ Амуромъ до Михайло-Семеновска,—двѣсти верстъ, а затѣмъ—по Сунгари, на Харбинъ,—девятьсотъ верстъ. Нашъ штабъ состоялъ при Гродековѣ, вмѣстѣ со мною, изъ двѣнадцати человѣкъ: капитанъ генеральнаго штаба Гулевичъ, адъютанты поручикъ Андреевскій и поручикъ Сарычевъ, переводчикъ Добровидовъ, начальникъ штаба генералъ-маіоръ Селивановъ, помощникъ его полковникъ Орановскій, штабъ-офицеръ для порученій подполковникъ Лопатинъ, капитаны генеральнаго штаба: капитанъ Богдановъ, капитанъ Солунскій, дѣлопроизводитель коллежскій совѣтникъ Мурышевъ и окружной интендантъ генералъ-маіоръ Надаровъ. Иванъ Павловичъ—такъ звали Надарова—былъ оригиналъ. Небольшого роста, широкоплечій, ходилъ переваливаясь. Голосъ имѣлъ басистый. Фуражка его, съ длиннѣйшимъ козырькомъ, была извѣстна всему Хабаровску. Надаровъ, какъ и генералъ Селивановъ, хотя съ виду былъ суровый, но въ душѣ былъ добрый человѣкъ, почему подчиненные очень его любили и цѣнили.

Всѣ мы ѣхали въ самомъ лучшемъ настроеніи. Этому, конечно, много способствовала чудная погода, все время благопріятствовавшая намъ.

Digitized by Google

Сунгари—большая рѣка. Во многихъ мѣстахъ она не уступаетъ Амуру. Берега же ея гораздо симпатичнѣе. Здѣсь нѣтъ той безжизненности, той удручающей угрюмости, что на Амурѣ. Правый берегъ—высокій, лѣвый же представляетъ безконечные камыши и заводи. Онъ, около устья, непригоденъ къ обработкѣ. Зато охотникамъ и рыболовамъ здѣсь великое раздолье. Утокъ, гусей и другой болотной дичи поднимались цѣлыя тучи. Правый берегъ, что дальше, то становится интереснѣе. Деревни, утопающія въ зелени, одиноко стоящія импани, окруженныя таинственными стѣнами кумирни такъ и манятъ путника заглянуть и узнать, что тамъ творится, за этими стѣнами. Въ особенности это чувство испытываетъ человѣкъ, никогда не видавшій Китая и незнакомый со здѣшними постройками. Растительность богатая. Поля, лѣса, рощи, сады—такъ и привлекаютъ взоръ. Но все это брошено. Нигдѣ не видно ни души.

Вотъ мы близко проходимъ отъ берега. На самомъ урѣзѣ виднѣется деревня. У воды, около лодочки, копошатся два китайца. Я пристально наблюдаю за ними въ бинокль. Вотъ они замѣчаютъ нашъ пароходъ, стремительно бросаютъ свое занятіе и поднимаются на берегъ; останавливаются, озираются на насъ, и затѣмъ скрываются. Пароходъ минуетъ деревню. Продолжаю всматриваться и, наконецъ, нахожу китайцевъ. Боязливо выглядываютъ они изъ-за стѣнъ, и въ то же время, вѣроятно, опасаются, какъ бы эти пришельцы не убили ихъ.

Жизнь наша на пароходѣ идетъ самая безмятежная, изо дня въ день. Тотъ же завтракъ въ двѣнадцать часовъ, что и въ Хабаровскѣ, тотъ же обѣдъ—въ семь, та же прислуга—два бравыхъ амурскихъ казака—и тотъ же лакей Гродекова—китаецъ Крапка, съ вѣчно самодовольнымъ, улыбающимся лицомъ.

Еще рано. Я всталъ и поднимаюсь наверхъ, на палубу, гдѣ капитанъ парохода. Здороваюсь съ нимъ, сажусь на скамейку и наблюдаю берега. Удивительная эта Сунгари. Она, на мой взглядъ, что дальше отъ устья, то становится шире. Посмотрите, пожалуйста, вотъ мы уже верстъ четыреста ушли, а какая ширина! Версты четыре, пожалуй, будетъ. И какъ красиво это мѣсто! На правомъ берегу поля кончаются и вдругъ начинаются горы, которыя обрываются высокой, отвѣсной скалой. Лѣвый же берегъ все такой же низкій, покрытый чудною зеленью. Пересѣкаемый безчисленными ручейками и канавками, точно стальными полосками, онъ терялся въ безпредѣльномъ пространствѣ. Изрѣдка попадаются намъ лодки мѣстныхъ жителей-инородцевъ—гольдовъ и гиляковъ. Они ловятъ рыбу. Разъ какъ-то, смотримъ,

Digitized by Google

спѣшитъ къ намъ на встрѣчу рыбачья лодка. Завидѣвъ ее, пароходъ убавляетъ ходъ. На кормѣ лодки сидитъ, въ кожаной самодѣльной куртцѣ, гольдъ. Шляпа широкая, войлочная. Въ веслахъ работаютъ четыре женщины. Рыбакъ хватается за брошенную ему веревку и пристаетъ къ пароходу. Оказывается, онъ предлагалъ намъ рыбу. Буфетный поваръ бѣжитъ къ лодкѣ и покупаетъ двухъ порядочныхъ осетриковъ, четыре рыбы кеты, нельму и двѣ таймени. Рыбакъ получаетъ за все это добро три рубля и, видимо, остается крайне доволенъ. Весла дружно ударяются о поверхность воды, и, какъ скорлупка, легкая лодочка быстро исчезаетъ изъ нашихъ глазъ.

Иду внизъ, къ себѣ, въ каюту. На встрѣчу попадается подполковникъ N., высокій, худой, въ кителѣ, безъ фуражки. Лысая голова его свѣтится до самыхъ ушей. Озабоченный, несетъ онъ пачку какихъ-то бумагъ. Вижу на нихъ бланкъ: „Наградной листъ“.—„Ахъ, батюшки мои!—думаю—да вѣдь это, значитъ, онъ самый и завѣдуетъ этимъ дѣломъ. Надо съ нимъ быть полюбезнѣе. Только за что же насъ представлять будутъ? Должно быть, за Гиринъ. Дай-то Богъ поскорѣе пріѣхать, да взять его!“—И мнѣ уже представляется обширный китайскій городъ, съ кумирнями и башнями, обнесенный высокой стѣной. Наши войска окружили его. Осаждаютъ. Идетъ пушечная стрѣльба. Небо подернуто дымомъ, гремитъ канонада. Но потерь съ нашей стороны нѣтъ. Гродековъ стоитъ на холмѣ, верхомъ на сѣрой лошади, подобно Скобелеву. Кругомъ весь нашъ штабъ, тоже верхами. Поминутно кто-нибудь изъ насъ то скачетъ впередъ, на позицію, то возвращается и, держа руку подъ-козырекъ, какъ училъ Скобелевъ, докладываетъ Гродекову: „ваше превосходительство, приказаніе исполнено!“—становится на свое мѣсто.

Такъ раздумывалъ я, сидя въ своей каютѣ.

— Тукъ! тукъ!—стучится кто-то въ дверь. Вижу—заглядываетъ широко ухмыляющаяся физіономія Крапки.

— Кусать позалуйте!—докладываетъ онъ, поправляя на рукахъ бѣлыя нитяныя перчатки, и затѣмъ спѣшитъ оповѣстить тоже и другихъ. Толстая, черная, какъ смоль, коса, съ заплетеннымъ шолковымъ шнурочкомъ, болтается около самыхъ его пятъ.

Гродекова мы видимъ рѣдко—только за столомъ. Въ другое же время онъ почти не показывается. Разъ какъ-то удалось мнѣ уговорить его подняться на палубу, гдѣ я и снялъ весь штабъ вмѣстѣ съ нимъ, одной общей группой. Совершенно неожиданно для меня группа эта вышла очень удачно.

Digitized by Google

XI. — Харбинъ.

Если не ошибаюсь, 13-го сентября, поздно вечеромъ вдали замелькали электрическіе огни. Ближе, ближе;—огни все яснѣе, и пароходъ нашъ становится у пристани. Съ берега поспѣшно спускаются къ намъ на пароходъ командиръ корпуса генералъ Каульбарсъ, высокій, стройный блондинъ, уже пожилой, и еще два какихъ-то статскихъ господина, въ мундирахъ. Всѣ они проходятъ въ каюту къ Гродекову и что-то долго тамъ совѣщаются. Мы, штабные, собрались въ общей залѣ столовой и съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, скоро ли кончится этотъ разговоръ, въ такое позднее время, когда пора идти спать. Вдругъ ко мнѣ подбѣгаетъ знакомый адъютантъ, добродушнѣйшій и милѣйшій господинъ, и съ исказившимся, недовольнымъ лицомъ кричитъ:

— Каковъ скандалъ! слышали! Гиринъ взятъ!

— Какъ? можетъ ли быть?—говорю.

— Да! да! Рененкампфъ безъ боя занялъ! Вотъ вамъ и награды. Вотъ вамъ и чины, и кресты!—Похлопывая себя руками по тучнымъ бедрамъ, онъ быстро направляется сообщать другимъ эту, столь непріятную для всѣхъ насъ, новость.

„Гдѣ онъ это узналъ? Подслушалъ, что-ли? Можетъ быть, еще и неправда!“—думается мнѣ. Но нѣтъ. Вскорѣ въ общую каюту къ намъ входитъ командующій и тихимъ, ровнымъ голосомъ объявляетъ:

— Господа, Гиринъ взятъ генераломъ Рененкампфомъ!—и затѣмъ обратно уходитъ къ себѣ, гдѣ еще оставались Каульбарсъ и другіе.

— Ну, вотъ, что сидѣли въ Хабаровскѣ,—вотъ и прозѣвали! Сидимъ, сидимъ—конца нѣтъ! Сколько говорили: „пора, пора ѣхать!“—такъ ворчалъ мнѣ на ухо все тотъ же адъютантъ. Онъ страшно недоволенъ.

— Посмотрите-ка, — говорю ему, заглядывая въ окно каюты, гдѣ засѣдало начальство:—какой Каульбарсъ-то грустный!

— Будешь грустный, когда изъ-подъ носа награды выхватили! Вотъ теперь дожидайся! Второго Гирина не найдешь! — продолжалъ плакаться мой пріятель, и его красное, лоснящееся лицо, казалось, ежеминутно было готово омрачиться слезами.

— А кто же, вонъ, тотъ полный господинъ? — спрашиваю.

— А это Юговичъ, строитель желѣзной дороги. Его очень хвалятъ. Хорошій господинъ; семьдесятъ тысячъ въ годъ полу-

Digitized by Google

чаетъ — можно жить! А вотъ тутъ на сто-двадцать рублей въ мѣсяцъ немного разгулнешься!

— А другой, высокій, кто?

— А это помощникъ его—Игнаціусъ!

Черезъ нѣсколько минутъ гости наши удаляются, и мы расходимся по каютамъ.

Солнышко только выглянуло на горизонтѣ, какъ я уже былъ на берегу. Наканунѣ, въ темнотѣ, ничего нельзя было разглядѣть. Теперь же солнце свѣтитъ ясно, и окрестности отлично видны. Сунгари и здѣсь красавица. Пристань на высокомъ берегу. Рабочій людъ кишмя кишитъ. Все больше русскіе, — китайцевъ мало. Они еще не собрались послѣ войны. Вдоль набережной грудами свалены всевозможныя принадлежности желѣзной дороги: рельсы, шпалы, скрѣпленія, кровельное желѣзо, разные болты, костыли, телеграфная проволока, шкалики и т. п. Позади этихъ складовъ, нѣсколько ниже, тянутся ряды построекъ. Мѣстность эта получила названіе „Пристань“. Постройки всѣ временныя, что называется, на живую нитку. Походятъ скорѣе на балаганчики или карточные домики. По другую сторону рѣки виднѣются высокія, бѣлыя, одинокія трубы, подобно какимъ-то египетскимъ обелискамъ. Это дымовыя трубы, оставшіяся отъ погорѣвшихъ нашихъ желѣзно-дорожныхъ построекъ, разрушенныхъ китайцами во время безпорядковъ. Ни одного дома, ни одной клѣтушки, ни одного забора тамъ не было оставлено. Китайцы все сожгли, все уничтожили.

Хотя взрывъ китайскаго негодованія противъ русскихъ въ Харбинѣ давно подготовлялся,—чѣмъ онъ вызывался, какими соображеніями, я не могу сказать,—но вотъ, между прочимъ, какую курьезную причину слышалъ я отъ лицъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Одинъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ завелъ у себя ручного медвѣдя. Шалить ли медвѣдь сталъ, или надоѣлъ хозяину, не знаю,—только его убили. Сняли шкуру, сало вытопили, а лапы и окорока пошли на ѣду. Кто-то изъ недоброжелателей русскихъ, должно быть переводчики, и распространили слухъ между китайцами, что-де, вотъ, русскіе убиваютъ китайскихъ рабочихъ, ѣдятъ ихъ, а саломъ смазываютъ паровозы. Въ доказательство же своихъ словъ они начали показывать ободранную лапу медвѣдя, которая, какъ извѣстно, имѣетъ немалое сходство съ человѣческой. Этотъ пустой слухъ имѣлъ громадный успѣхъ. Тысячи рабочихъ разомъ бросили работу, такъ что администра-

Digitized by Google

ція дороги очутилась безъ рукъ. Какъ китайцамъ ни объясняли, какъ имъ ни доказывали,—ничѣмъ не могли убѣдить.

Въ концѣ концовъ они нѣсколько успокоились, когда имъ зарѣзали другого медвѣдя и показали лапы. Вотъ какія, въ сущности, дѣти эти китайскіе рабочіе.

Съ пристани уѣзжаемъ въ поѣздѣ въ Старый-Харбинъ, гдѣ для командующаго войсками и для его штаба былъ приготовленъ домъ, или, какъ здѣсь называютъ, „дворецъ" Юговича, и домъ Игнаціуса. На полъ-пути между Пристанью и Старымъ-Харбиномъ виденъ Новый-Харбинъ. Здѣсь уже возвышаются красивыя двухъ-этажныя каменныя постройки: помѣщеніе для корпуснаго командира, его штаба, госпиталь и другія.

На станціи Старый-Харбинъ насъ ожидали экипажи. Садимся и торжественно ѣдемъ черезъ весь городокъ къ нашему новому помѣщенію. Проѣзжаемъ казармы охранной стражи,—мимо квартиры начальника этой стражи, полковника Гернгросса, русско-китайскаго банка и другихъ. Все это временные плохенькіе домики, скорѣе похожіе на малороссійскія мазанки. Понятно, что среди такихъ строеній домъ Юговича, красивой архитектуры, съ высокими окнами, окруженный тѣнистымъ садомъ, казался дворцомъ. Въ сущности же онъ походилъ на обыкновенный домъ зажиточнаго помѣщика прежнихъ временъ. То же самое представлялъ и домъ Игнаціуса. При этомъ необходимо добавить, что хозяева много позаботились объ насъ,—спасибо имъ. Оба эти дома были обставлены съ полнымъ комфортомъ. Даже разостланы ковры во всѣхъ комнатахъ.

На обширномъ дворѣ у подъѣзда генералъ-губернатора выстроился для встрѣчи, въ парадной формѣ, весь генералитетъ Харбина. Гродековъ выходитъ изъ коляски и со всѣми здоровается. Кромѣ знакомыхъ уже намъ Юговича и Игнаціуса, здѣсь былъ нашъ политическій агентъ въ Манчжуріи, Люба, полный, добродушный мужчина, съ красноватымъ лицомъ и со вздернутымъ носомъ. Затѣмъ начальникъ охранной стражи,—высокій, худощавый симпатичный блондинъ, полковникъ Гернгроссъ, въ мундирѣ пограничной стражи, съ зеленымъ приборомъ. Кромѣ того, всѣ начальники отдѣльныхъ частей. Размѣстились мы великолѣпно. Штабъ—въ домѣ Игнаціуса, а командующій войсками—у Юговича. Сами же хозяева перебрались въ скромные домики охранной стражи. Первые дни мы ничѣмъ другимъ не занимались здѣсь, какъ визитами. Экипажи и лошадей доставали или у Юговича, или у Гернгросса.

Какъ-то присылаетъ мнѣ Гернгроссъ коляску, запряженную

Digitized by Google

тройкой рѣзвыхъ вороныхъ лошадей. Сажусь въ нее и кричу кучеру:

— Ступай къ господину Даніэль,—знаешь?

— Такъ точно, знаю-съ,—отвѣчаетъ тотъ. На немъ кумачевая рубаха, бархатная безрукавка и ямская шляпа съ павлиньимъ перомъ. Ѣдемъ. Погода прекрасная. Дорога ровная, какъ скатерть. Мѣстность открытая, слегка волнистая.

„Вотъ такъ война!—думается мнѣ.—Вотъ такъ Китай! Живешь какъ дома. Ѣшь, пьешь отлично! Спишь спокойно! Катаешься себѣ на тройкахъ! Когда же наконецъ на войну попадемъ?“ И я сильно начинаю опять сожалѣть, что Гиринъ сдался не Гродекову, а Рененкампфу. Къ наградамъ представили бы навѣрное. А вотъ теперь дожидайся, когда подвернется такой случай. Второго Гирина, дѣйствительно, не будетъ.

— Тпр-р!—кричитъ кучеръ и лихо останавливаетъ разгорячившихся лошадей у подъѣзда низенькаго дома. Звоню. Выходитъ служитель.

— Что, господа дома?

— Никакъ нѣтъ! Баринъ въ канцеляріи, а барыня куда-то вышли!

— Передай карточки!—Сажусь опять въ экипажъ и кричу: —Ступай въ Новый-Харбинъ!—А до него верстъ пять будетъ. Тройка рѣзво подхватываетъ, и, мягко покачиваясь на эластичныхъ рессорахъ, подъ громыханье бубенчиковъ, я снова предаюсь своимъ прерваннымъ мечтамъ.

XII.—Отъ Харбина до Цицикара.

Такъ, черезъ недѣлю времени получаю предписаніе поѣхать въ Цицикаръ и осмотрѣть войска, въ смыслѣ,—какъ было сказано въ бумагѣ,—пищи, одежды и помѣщенія. Хотя мнѣ страстно хотѣлось попасть въ Гиринъ, эту столицу Манчжуріи, но разсуждаю,—ежели я теперь не повидаю Цицикара, то потомъ уже не придется побывать въ немъ. А городъ этотъ тоже долженъ быть интересенъ. Сборы не велики. Приказываю Ивану взять только самое необходимое и на другой день рано утромъ отправляюсь на пристань. Какъ разъ туда же ѣхалъ генералъ Д., широкоплечій, осанистый. Борода круглая, съ просѣдью. Направляемся вмѣстѣ. До пристани верстъ восемь. Здѣсь садимся на пароходъ и переѣзжаемъ черезъ Сунгари.

Мостъ еще только строился. Мѣстность, гдѣ долженъ помѣ-

Digitized by Google

щаться вокзалъ, называется „Затонъ“. Здѣсь до войны были сосредоточены всѣ главныя желѣзнодорожныя постройки, депо локомотивовъ, вагоновъ и всевозможныхъ матеріаловъ для желѣзной дороги. И вотъ здѣсь-то и произошла главная катастрофа при возмущеніи китайцевъ. Непріятель бросился сюда. Наши отступили, и все, что̀ тутъ находилось, было сожжено. Трудно представить, какую картину разрушенія представляло это мѣсто. Сунгари образуетъ здѣсь маленькій заливъ или затонъ, почему такое названіе и получила самая пристань. Тянулись цѣлые ряды обгорѣлыхъ дымовыхъ трубъ, фундаментовъ и бревенъ. Стояли поломанные и сожженные вагоны, обгорѣлые и испорченные локомотивы. Куда ни взглянешь, вездѣ валялись рельсы, скрѣпленія, проволока, желѣзо, трубы, части машинъ, котлы, краны и т. п.

— Сколько тутъ денегъ истрачено! Сколько трудовъ положено! Какія ужасныя потери!—толковали мы съ генераломъ Д., разсматривая эту картину.

— Но гдѣ же поѣздъ? Вѣдь дали знать, что въ восемь часовъ пойдетъ,—баситъ мой генералъ.

— А вотъ я пойду, поищу начальника станціи! — говорю ему. Направляюсь мимо множества разныхъ мелкихъ построекъ-шалашей, балагановъ, навѣсовъ, палатокъ, гдѣ временно помѣщались служащіе на дорогѣ. Прыгаю черезъ груды обгорѣлыхъ матеріаловъ, винтовъ и другихъ вещей. Поднимаюсь на гору, и здѣсь, у телеграфной станціи нахожу начальника.

— Скажите, пожалуйста, когда же пойдетъ поѣздъ въ Цицикаръ?—спрашиваю.

— Поѣздъ ходитъ два раза въ недѣлю, и то только легкіе паровозы. Тяжелые не могутъ еще проходить. Вчера вечеромъ одинъ ушелъ и теперь пойдетъ дня черезъ три.

— Какъ же намъ дали знать, что сегодня утромъ пойдетъ?—съ удивленіемъ восклицаю.

— Не знаю-съ,—невозмутимо отвѣчаетъ тотъ.

Иду къ генералу и объясняю ему.

— Какъ же быть? Значитъ, назадъ надо ѣхать!—говорю.

— А попробуемъ дрезину достать!—возражаетъ онъ.

Идемъ искать начальника дистанціи. Этотъ оказался гораздо любезнѣе и сговорчивѣе.

— Вы отсюда проѣдете въ товарномъ вагонѣ, — двѣ станціи,—а затѣмъ васъ будетъ ожидать дрезина, и вы поѣдете на ней,—говоритъ онъ. И дѣйствительно, часа черезъ два подходитъ паровозъ и товарный вагонъ, съ нѣсколькими платформами

Digitized by Google

съ матеріаломъ. Мы усаживаемся и трогаемся. Путь еще не ремонтировался и ничего не было устроено какъ слѣдуетъ. Ѣздили осторожно. Въ одномъ мѣстѣ былъ совершеннѣйшій разливъ. Дороги не видно. Поѣздъ нашъ идетъ, какъ говорится „по морю, яко по суху". Двигаемся еле-еле. Вотъ машинистъ высунулся съ паровоза всѣмъ туловищемъ и, придерживаясь за скобу, пристально слѣдитъ, какъ пройдетъ послѣдняя платформа. Не только что рельсъ, но даже и колесъ не видно. Вода чуть не заливаетъ къ намъ въ вагонъ. Ѣдемъ на ура. Но Богъ милостивъ, минуемъ разливъ благополучно. Садимся на дрезину. Позади насъ становятся дорожный мастеръ, затѣмъ мой Иванъ и шесть солдатъ съ ближайшаго поста. Солдаты складываютъ ружья на полъ и принимаются вертѣть колесо. Мы очень удобно и спокойно подаемся впередъ. Предстояло проѣхать такимъ способомъ около двухсотъ верстъ. Сначала такое путешествіе мнѣ очень нравилось. Мѣстность совершенно открытая, и вѣтеръ гулялъ сильно. Хотя я и тепло одѣтъ, но порядочно продувало. Я завидую рабочимъ, которые такъ трудятся у колеса, что даже шинели скинули. Путь очень плохъ. Много шпалъ совершенно негодныхъ. Ихъ слѣдовало бы смѣнить, да некому. Путевыхъ сторожей нѣтъ и будокъ не видно. Вотъ мы поднялись въ гору. Дальше—длинный и очень крутой спускъ. Онъ обозначался густой желтоватой полосой травы, такъ что ни рельсъ, ни шпалъ не видно. Мѣстами эта трава вровень съ нашими головами. Рабочіе начинаютъ усиленно вертѣть колесо. Шибче, шибче. Дрезина летитъ какъ бѣшеная. Просто духъ захватываетъ. Пожалуй, со скоростью версты въ минуту несемся. Ну, думаю, ежели въ этой травѣ попадется какое препятствіе,—камень или животное—бѣда: искалѣчимся. Солдаты перестаютъ вертѣть, а дрезина еще далеко летитъ по инерціи. Но все обходится благополучно, и мы опять съ трудомъ взбираемся на гору. Въ особенности было трудно подниматься противъ вѣтра,—тогда хоть выходи вонъ, да тащи за собой дрезину. Ночевать пріѣхали мы въ N-й баталіонъ пѣхотнаго полка. Онъ стоялъ въ полуверстѣ отъ дороги, въ имѣніи одной богатой китайской вдовы.

Домъ, какъ и всѣ богатые китайскіе дома, находился за высокими стѣнами. Офицерству уже дали знать о прибытіи генерала Д., и поэтому оно высыпало встрѣчать насъ. Чуть не подъ руки ведутъ, усаживаютъ, ухаживаютъ за нами.

— Ну, какъ же вы тутъ поживаете?—спрашиваетъ генералъ, снимая пальто и шашку.

— Ничего, ваше превосходительство, помаленьку живемъ!—

Digitized by Google

отвѣчаетъ высокій, худощавый баталіонный командиръ съ черной бородой. Другіе офицеры, въ это время, кто свѣчи зажигаетъ, кто торопится чай приготовить, кто консервы откупориваетъ. На столѣ, среди просторной комнаты, живо появляется закуска. Беру свѣчу и въ сопровожденіи молоденькаго, очень милаго и добродушнаго адъютанта, въ китель, обхожу комнату. Меня очень интересуетъ ея обстановка. Мебель превосходная. Какія прелестныя скамейки, табуреты, столы—все краснаго дерева. Даже самыя каны, и тѣ чуть ли не изъ того же дерева. Иду дальше. Осматриваю двери, окна, даже потолки. Всѣ они изукрашены затѣйливой, тонкой рѣзьбой и тоже краснаго дерева. Я хожу и любуюсь. Подобной обстановки мнѣ еще не приходилось встрѣчать.

— А что, господа, нѣтъ ли у васъ китайскихъ божковъ?— спрашиваю, возвращаясь съ осмотра.

— А вонъ тамъ ихъ цѣлый столъ стоитъ. Выбирайте себѣ, какой понравится! — возглашаетъ баталіонный. Онъ сидитъ съ моимъ генераломъ и что-то разговариваетъ. Подхожу къ столу, смотрю—на немъ красуются бронзовые боги, всевозможныхъ формъ и величинъ. Есть большіе, въ полъ-аршина вышиной. Есть маленькіе—вершка въ полтора. Одинъ богъ сидитъ поджавши ноги и улыбается. Другой—оскалилъ зубы и бросаетъ свирѣпые взоры. Тутъ же лежатъ бронзовые музыкальные инструменты, въ родѣ нашихъ флейтъ и валторнъ, чрезвычайное интересные. Я—въ восторгѣ. Разсматриваю все это и уже соображаю, что бы поинтереснѣе увезти. Вдругъ слышу позади себя грозный, басистый голосъ моего спутника.

— Это все военная добыча. Этого нельзя трогать. Это все должно въ музей идти.—Подходитъ къ столу, хватаетъ первую попавшуюся бумагу—и давай завертывать. Хозяева наши, офицеры, смотрятъ и удивляются, что, дескать, случилось съ генераломъ. Былъ такой смирный, тихій, а тутъ ровно белены объѣлся. Тѣмъ временемъ генералъ стремительно все завертываетъ, завязываетъ и проситъ хозяина все это отправить въ Харбинъ.

— Ну, ладно же. Немного музей получитъ, ежели такъ поступать будутъ! — ворчатъ офицеры, собравшись около меня въ кружокъ.

— Помилуйте, я для себя берегъ. Единственнаго божка, и того отняли. Я лучше бы вамъ его отдалъ!—лепечетъ мой пріятель адъютантъ, чѣмъ еще больше усугубляетъ мою горечь. Генералъ же, какъ ни въ чемъ не бывало, допиваетъ чай и преспокойно отправляется спать, предоставляя офицерамъ ворчать,

Digitized by Google

сколько ихъ душѣ угодно. Въ эту минуту я ужасно былъ золъ на него.

Чуть свѣтъ выхожу на маленькій дворикъ. Передъ самымъ домомъ возвышаются двѣ фамильныя усыпальницы, съ надгробными плитами. Рядомъ—часовенька, съ очагомъ для домашняго богослуженія. Все очень аккуратно и красиво отдѣлано мелкими кирпичами. Черезъ нѣкоторое время всѣ мы идемъ смотрѣть кумирню, находящуюся въ полуверстѣ отъ импани. Мѣстность степная, открытая. Солнце ярко кругомъ свѣтитъ. На безпредѣльномъ горизонтѣ виднѣются сѣрые, песчаные холмы, покрытые пожелтѣвшей травой.—Здѣсь Монголія, — разсуждаю про себя. Недавно мы и станцію проѣхали, которая называлась „Монголія".

Удивительно красиво предстала нашимъ глазамъ эта кумирня. Она хотя и не отличалась какимъ-либо особымъ богатствомъ и роскошью отдѣлки отъ тѣхъ, что я видѣлъ въ Хунчунѣ, но здѣсь она стояла одиноко въ степи, и поэтому, вѣроятно, и производила такое особое впечатлѣніе. Какъ водится, ее окружала стѣна. По близости былъ домъ для служащихъ и еще одно маленькое строеніе, гдѣ помѣщались, должно быть, заштатные боги и разная богослужебная рухлядь.

Внизу, въ кумирнѣ, боговъ не было. Отъ нихъ валялись только черепки, обрывки одеждъ, да кое-гдѣ бороды и усы. Самые же боги, какъ я и ожидалъ, были уничтожены. Стояли однѣ голыя стѣны. Поднимаемся наверхъ, во второй этажъ. Ступени, высѣченныя въ стѣнѣ, поросли зеленымъ мохомъ, почему я сужу, что кумирня эта должна быть древняя. Наверху я нашелъ двѣ божественныя картины, писанныя на кожѣ. Поскорѣй свертываю ихъ, пока не видитъ генералъ Д., уношу къ себѣ и передаю спрятать Ивану.

Спутникъ же мой, генералъ, въ свою очередь тоже не терялъ времени. Онъ нашелъ много разныхъ картинокъ, богослужебныхъ масокъ и музыкальныхъ инструментовъ. Все это опять-таки было отправлено имъ въ Харбинъ, для хабаровскаго музея.

Такъ, черезъ часъ времени, простившись съ гостепріимными хозяевами, садимся на дрезину и ѣдемъ. Отсюда до конца дороги стояли посты отъ N-го баталіона. Одинъ изъ солдатъ, сопровождавшихъ насъ, еще версты за двѣ и даже за три не доѣзжая новаго поста, трубилъ въ сигнальный рожокъ, чѣмъ и давалъ знать о нашемъ приближеніи. Смѣна быстро выстраивалась, и лишь только мы подъѣзжали, какъ она заступала свое

Digitized by Google

мѣсто. При одной такой смѣнѣ, возлѣ небольшого мостика, выходимъ съ генераломъ съ дрезины, поразмять ноги. Кругомъ, далеко протянулись обширныя болота, покрытыя камышами. По близости—небольшое озеро. Утки, гуси и другая болотная птица во множествѣ плаваютъ и подпускаютъ совсѣмъ близко. У моста стоитъ довольно большая лодка. Она вровень съ краями навалена рыбой, похожей на нашихъ налимовъ, только еще длиннѣе, такъ—аршина полтора.

— Что, ребята, это вы столько рыбы наловили?—спрашиваю солдатъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, мы только лодку поставимъ съ вечера, а къ утру она сама полная навалится,—отвѣчаетъ одинъ бойкій, черноватый солдатъ.

— Такъ никто ее и не ловитъ?

— Никакъ нѣтъ! мы кажинное утро пудовъ по восемьдесятъ ея наберемъ. По постамъ разсылаемъ, китайцамъ даемъ. Дѣвать некуда! — весело разсказываетъ онъ. Подхожу ближе къ этому чуду и смотрю. Вдругъ нѣсколько рыбъ выпрыгиваютъ изъ лодки и пропадаютъ въ водѣ. Взамѣнъ ихъ, одна за другой, изъ воды выпрыгиваютъ тоже нѣсколько и попадаютъ въ лодку.

— Дай-ко мнѣ нѣсколько рыбокъ!—кричу я.—Давай штукъ пять-шесть! увеземъ ихъ въ Цицикаръ. Тамъ сваримъ, попробуемъ, вкусная ли?

— Очень сладкая уха изъ нея, ваше высокоблагородіе,—одобряютъ солдаты.

— Вотъ вѣдь, напиши я въ газетѣ о такомъ чудѣ—не повѣрятъ. Скажутъ, пули льетъ!—говорю моему спутнику дорогой.

— Еще бы! понятно, не повѣрятъ! Гдѣ же слыхано, чтобы рыба сама въ лодку лѣзла?—бормочетъ тотъ, видимо довольный и ночлегомъ, и посѣщеніемъ кумирень, гдѣ ему посчастливилось совершить такое богатое пріобрѣтеніе для музея.

XIII. — Цицикаръ.

Но вотъ и конецъ нашего путешествія на дрезинѣ. Впереди тянется длинный обгорѣлый поѣздъ. Сначала идутъ платформы, затѣмъ и самый паровозъ. Но, Боже, что онъ изъ себя представляетъ! Какъ китайцы обработали его! Все, что мѣдное, всѣ мелкія части, все снято, отвинчено, отломано. Обхожу паровозъ кругомъ. Котелъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ чѣмъ-то проткнутъ и представлялъ голый остовъ. Нетронутыми остались только ко-

Digitized by Google

леса, съ которыми эти новые мастера ничего не могли подѣлать.

Поднимаемся въ гору. Раскинуто нѣсколько палатокъ. Здѣсь, очевидно останавливаются всѣ прибывающіе и отъѣзжающіе. Отсюда до Цицикара тридцать верстъ. Городъ остается въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, которая направляется на мѣстечко Фулярди. До него еще двѣнадцать верстъ. Мы находимъ здѣсь лошадей и тарантасъ командира пѣхотнаго полка. Садимся въ экипажъ и ѣдемъ въ Цицикаръ. Дорога живописная. По пути встрѣчается много деревень. Почва—довольно песчаная. Жителей не видно. Поля не убраны. Жалость смотрѣть, какъ этотъ чудный переспѣлый хлѣбъ, черный высокій каулянъ и золотистая чумидза пропадали на корню. По дорогѣ, изъ-подъ ногъ лошадей, поминутно выпархивали фазаны. Такого количества ихъ, какъ здѣсь, я еще нигдѣ не встрѣчалъ. Говорили мнѣ потомъ, что китайцы ловятъ ихъ около Цицикара просто голыми руками. Какъ это они умудряются дѣлать—не знаю.

Въѣзжаемъ въ обширную деревню. Ни души не видно. Коегдѣ бѣгали черныя свиньи, виляя своими крючковатыми хвостиками. Хрюкали и рылись острыми мордами въ навозѣ. Повсюду валялся разный хламъ, тряпки, корзины, вороха одеждъ и разная поломанная домашняя утварь. За стѣнами виднѣлись крыши зажиточныхъ хозяевъ. Ворота крашенныя, съ изображеніемъ какихъ-то чудовищъ, крѣпко заколочены. Не иначе, думаю, что дома эти кто-нибудь да караулитъ. Не можетъ быть, чтобы они были совершенно пустые.

Ѣдемъ уже часа два. Подъѣзжаемъ къ широкому полю чумидзы. И вдругъ—какая для меня радость!—вижу, жители убираютъ хлѣбъ. Здѣсь, въ Манчжуріи, встрѣчаю это впервые. Жаль, что нельзя выскочить изъ экипажа, да поближе посмотрѣть, чѣмъ они косятъ. Точно какимъ-то коротенькимъ ножомъ, въ видѣ крюка, посаженнаго на палку. Послѣ той безлюдной мѣстности, по которой мы ѣхали отъ Харбина, очень пріятно было видѣть подобную картину. Вонъ, одинъ пожилой китаецъ, безъ шапки, голова, почти до самаго затылка, бритая, жиденькая косичка закинулась ему за плечи; онъ старательно машетъ своимъ крюкомъ, подкашивая хлѣбъ. Неподалеку вяжетъ снопы, должно быть, жена его въ черномъ балахонѣ. Волосы ея заколоты въ пучокъ широкой металлической шпилькой. По близости двое дѣтишекъ, лѣтъ четырехъ, играютъ, шалятъ, кувыркаются. Косички ихъ такъ и болтаются. Но, вотъ, китаецъ замѣтилъ нашу повозку и пристально всматривается. Синяя одежда на немъ очень ветхая.

Digitized by Google

На боку болтается ножикъ и какая-то подвѣска, въ видѣ маленькой тыквы. Онъ какъ занесъ свой крюкъ, чтобы подрѣзать солому, да такъ и застылъ въ этомъ положеніи. Видно, крайне интересны показались ему и лошади, и тарантасъ нашъ, а можетъ быть и сами сѣдоки. Вѣдь у нихъ ѣздятъ только шагомъ, въ крытыхъ телѣжкахъ о двухъ колесахъ. Въ ней ни лечь, ни сѣсть какъ слѣдуетъ. Для европейца подобный экипажъ—совершенная пытка. А тутъ все иначе. Какъ не посмотрѣть! Подаемся еще верстъ пять-шесть, и вдали затемнѣли городскіе сады, рощи, остроконечные верхи различныхъ построекъ, башенъ, кумирень, надгробныхъ памятниковъ и тріумфальныхъ арокъ.

Я весь точно ухожу въ этотъ заколдованный для меня китайскій міръ. — Что за красота! что за удивительная архитектура!—Издали всѣ эти постройки кажутся однообразны и дѣланы по одному шаблону. Различіе состоитъ только въ отдѣлкѣ и украшеніи. Вотъ хотя бы эта арка! Крыша такая же остроконечная. Только углы другіе, нежели тѣ, которые я видѣлъ въ Хунчунѣ. Черепица, хотя въ общемъ и такая же, стаканчикъ въ стаканчикъ, но внизу украшена разноцвѣтными изразцами.—Какъ красиво! Какая прелесть!—невольно восклицаю. А вонъ влѣво отъ дороги стоятъ бѣлыя ворота! Изъ мрамора онѣ, или изъ какого бѣлаго камня,—не знаю. Останавливаться и подбѣгать смотрѣть не хочется. На воротахъ изображены животныя, похожія на львовъ. А вонъ тамъ дальше,—это что за диковина? Громадная каменная черепаха и въ нее вставлена, саженей 5—6 высоты, каменная доска. Одна сторона черная гладкая и на ней надпись. Въѣзжаемъ въ ворота. Китайцевъ толчется пропасть. Здѣсь уже начинается городъ, и ѣхать приходится осторожно. Я таю отъ восторга. Передо мной китайскій городъ, въ его мирной обстановкѣ. Жизнь такъ и кипитъ! Впереди протянулась длинная, широкая улица. По обѣ стороны ея виднѣются ряды низенькихъ каменныхъ домиковъ, съ черепичными остроконечными крышами. Дома эти представляютъ сплошные торговые ряды,—все лавки и магазины. Передъ ними возвышаются разноцвѣтные столбы, точно мачты. Они украшены рѣзьбою, съ изображеніемъ драконовъ и другихъ чудовищъ, раскрашены и раззолочены. Во всю длину столбовъ идутъ золотыя надписи. Жаль только, не спросилъ я, что онѣ обозначали. Народу масса. Мы сразу попали на самую торговую улицу. Куда ни взглянешь—вездѣ китайцы съ лоточками и столиками. Вонъ, у того, что поближе, видно какое-то зеленоватое маслянистое тѣсто и въ немъ накрошенныя фисташки. Въ тѣсто воткнуто, на тоненькихъ палочкахъ, какое-то

Digitized by Google

печенье, облѣпленное пережженнымъ сахаромъ. Рядомъ, на землѣ, сидитъ старикъ на корточкахъ. Передъ нимъ растянута тряпка и на ней разложены—ножикъ, двѣ мѣдныя пуговицы, трубка для куренія опіума и сердоликовая фигурка въ родѣ лягушки,—вотъ и все. Немного дальше виднѣется шалашикъ изъ холста. Внутри протянуты веревочки, и всѣ онѣ увѣшаны мундштуками изъ агата, всевозможныхъ величинъ. И чѣмъ только тутъ не торгуютъ? Позади этихъ мелкихъ торгашей тянутся ряды настоящихъ лавокъ. Хозяева ихъ степенно сидятъ, въ своихъ разноцвѣтныхъ костюмахъ, разговариваютъ и посматриваютъ на проѣзжающихъ. На встрѣчу намъ попадается много китайцевъ верхомъ на мулахъ. Животныя эти мнѣ знакомы еще по текинскому походу, на границѣ съ Персіей. Тамъ персіяне тоже любятъ ѣздить на мулахъ. Это—крѣпкое и сильное животное. Оно обладаетъ неоцѣненнымъ даромъ—не спотыкаться. Нѣкоторые мулы—замѣчательнаго роста и красоты. Вонъ, ѣдетъ молодой китаецъ, въ черной шолковой курмѣ и въ шапкѣ съ синимъ шарикомъ. Мулъ подъ нимъ просто красавецъ, даже и уши не особенно длинны. А ноги-то какія стройныя, сухія, точно точеныя! Мы встрѣчаемъ и обгоняемъ много нашихъ солдатъ и офицеровъ. Всѣ они, видимо, чувствуютъ себя какъ дома. Вонъ, ѣдетъ на зеленой казенной одноколкѣ военный врачъ. Рядомъ съ нимъ—сестра милосердія. Оба они очень веселые, смѣются и разговариваютъ. За ними верхами скачутъ пѣхотные офицеры: одинъ въ кителѣ, другой въ тужуркѣ,—оба при шашкахъ. Кричатъ, разгоняютъ плетками встрѣчныхъ китайцевъ, хохочутъ и куда-то скрываются въ переулкѣ. Подъѣзжаемъ къ высокой башнѣ. За нею тянется солидная каменная стѣна, съ каменной же рѣшоткой. Вотъ и ворота съ башней! Подлѣ нихъ стоитъ нашъ часовой въ мундирѣ и съ ружьемъ. Тутъ раньше жилъ фудутунъ [1]). Теперь здѣсь комендантское управленіе и госпиталь. Дворъ большой. Передъ входомъ стоятъ два каменныхъ зеленыхъ льва на широкихъ бѣлыхъ каменныхъ же постаментахъ.

— Что комендантъ дома?—кричитъ мой генералъ, когда мы остановились у самыхъ львовъ. Одинъ солдатъ бѣжитъ докладывать. Черезъ минуту выходитъ изъ фанзы низенькій докторъ, пожилой, со щетинистыми усами.

— Пожалуйте, ваше превосходительство, зайдите! сейчасъ за комендантомъ послали!—почтительно докладываетъ онъ.

— Ежели его нѣтъ, такъ помощникъ его долженъ быть

[1]) Губернаторъ.

Digitized by Google

дома!—сердито баситъ мой спутникъ.—Мнѣ должна быть отведена квартира. Въ ней я хозяинъ, а тутъ я гостемъ долженъ быть!

— Пожалуйста, зайдите! — упрашиваетъ докторъ.

— Не зайду! хоть цѣлый часъ буду сидѣть, а не выйду! Ночую тутъ! — кипятится Д.

— Эй, разыщите коменданта!—вторично кричитъ онъ. Докторъ, видя, что генералъ этотъ очень сердитый, предпочитаетъ удалиться, оставляя насъ сидѣть въ тарантасѣ.

Проходитъ съ полчаса времени. Мы все сидимъ. Коменданта нѣтъ. Мнѣ начинаетъ надоѣдать такое положеніе. Наконецъ является посланный, садится рядомъ съ кучеромъ и указываетъ, куда ѣхать. Черезъ нѣсколько минутъ заворачиваемъ въ узенькій переулочекъ и попадаемъ во дворъ. Здѣсь, въ очень чистенькой фанзѣ, богато отдѣланной, намъ отводятъ помѣщеніе. Генералъ успокоивается.

Я помѣстился въ одной фанзѣ съ профессоромъ Рудаковымъ. По странной случайности, онъ пріѣхалъ въ Цицикаръ, какъ и въ Хунчунъ, почти одновременно со мною.

Лишь только я немного устроился, отправляюсь прогуляться и посмотрѣть городъ. Начальнику гарнизона я рѣшилъ явиться на другой день. Иду туда, гдѣ больше всего народъ толпится. Тутъ былъ базаръ, въ родѣ нашей толкучки. Продается разная мелочь. Между пустяками можно наткнуться и на хорошую вещь.—Подхожу къ одному старику съ рѣденькой, сѣдой бородкой. На головѣ его—маленькая засаленная черная шапочка, въ родѣ еврейской ермолки. На плечахъ—синій ватный балахонъ. Передъ нимъ лежатъ браслеты изъ дерева и камня и два широкихъ костяныхъ кольца.

— Для чего эти кольца?—спрашиваю старика и указываю на нихъ.

Тотъ надѣваетъ кольцо на большой палецъ и представляетъ, какъ надо стрѣлять изъ лука, чтобы тетивой не попортить пальца. Пока я торговалъ эти вещи, вокругъ меня собралась порядочная толпа китайцевъ. Всѣ они широко улыбались, разговаривали, удивленно смотрѣли на меня, какъ на чудище, и, кажется, готовы были начать меня ощупывать. Отъ этого разносчика иду къ другому, третьему и т. д. Ихъ тутъ было безконечное количество. Я купилъ нѣсколько подвѣсокъ къ поясу, серебряныхъ, каменныхъ и деревянныхъ. Больше всего понравились мнѣ старинныя вещицы изъ слоновой кости въ видѣ маленькихъ божковъ и амулетокъ. — Выхожу на главную улицу. Здѣсь такая толкотня, что упаси Боже! Народъ толпами бродилъ по серединѣ

Digitized by Google

улицы и не думалъ давать дорогу. Китайцы совершенно спокойно гуляли. Они, очевидно, уже и забыли о войнѣ.

Хотя простой народъ замѣтно освоился уже съ присутствіемъ нашихъ войскъ, но торговля была еще далеко не въ полномъ разгарѣ. Болѣе половины лавокъ были закрыты.

На встрѣчу мнѣ идетъ китаецъ, переводчикъ коменданта. Я познакомился съ нимъ, сидя въ тарантасѣ на комендантскомъ дворѣ. Это молодой человѣкъ, безъ бороды и усовъ. Одѣтъ въ синій шолковый халатъ, а сверху —шолковая же черная курма. На головѣ—черная шапка съ красной шолковой бахромой и чернымъ перомъ, вставленнымъ въ стеклянную зеленую трубочку.

— Здравствуй, Иванъ! — кричу ему. — Всѣмъ китайскимъ переводчикамъ были даны наши же имена.

— Здравствуйте, ваше высокоблагородіе!—отвѣчаетъ тотъ, весело улыбается и кланяется, при чемъ дѣлаетъ рукой честь.

— Ты куда?

— Мнѣ базаръ нада! комендантъ посылалъ! Нада узнать, почемъ скотина продается, для войскъ цѣна знать!—коверкаетъ онъ фразу.

— Пойдемъ со мной на минутку! я хочу шолковое одѣяло купить. Не знаешь ли, чей тутъ магазинъ самый лучшій?

Переводчикъ направляется черезъ улицу. Въ своей широкой юбкѣ и кофточкѣ онъ имѣлъ совершенно видъ бабы. Да и на ногахъ-то у него вмѣсто сапоговъ какіе-то полотняные вышитые чулки на толстыхъ войлочныхъ подошвахъ. Иванъ подходитъ къ одному магазину. Тотъ запертъ. Стучитъ. Черезъ нѣкоторое время половинка дверей отворяется, и оттуда выглядываетъ китайская голова въ черной шапочкѣ съ красной шолковой кисточкой. Старикъ; глаза косые, борода рѣденькая. Начинается непонятный для меня китайскій разговоръ. Нѣкоторыя слова—далеко не благозвучныя.

— Хозяина дома нѣтъ! Гиринъ уѣхалъ. Продать ничего нельзя!—объясняетъ Иванъ.

— Ну, такъ спроси у него,—онъ вѣрно знаетъ, гдѣ можно купить!

— Опять начинается разговоръ.

— Вонъ та лавка,—тоже богатый хозяинъ, Мукденъ уѣхалъ,—погодить нада, когда вернется!—разсказываетъ переводчикъ. Дѣлать нечего, отпускаю его и иду домой.—Все бы можно достать въ городѣ, да жаль, хозяевъ нѣтъ!—думается мнѣ.

Digitized by Google

Проснулся я рано и осматриваюсь. Фанза просторная, свѣтлая. Окно чуть не во всю стѣну, рѣшетчатое, заклеено бумагою. По срединѣ вставлено небольшое стекло. Перегородка, отдѣляющая мою комнату отъ сосѣдней, тоже рѣшетчатая и тоже залѣплена бумагой. Всѣ онѣ изъ орѣховаго или такъ-называемаго въ Сибири бархатнаго дерева,—красиваго и очень прочнаго. Кана, на которой я лежу, тоже изъ того же матеріала. Полъ каменный. Все прочно и красиво. Видно, что хозяинъ дома—зажиточный.

— Профессоръ, вы встаете?—кричу сосѣду, заслышавъ его кашель.

— Встаю! пора!

Смотрю, у его подъѣзда уже стоятъ нѣсколько китайскихъ полицейскихъ и нашъ казакъ съ лошадью. Рудаковъ садится на лошадь и уѣзжаетъ. За нимъ спѣшитъ и вся его свита. Онъ ѣдетъ разыскивать по городу, въ казенныхъ архивахъ, печатныхъ книгъ, а также рукописей. Все, что̀ найдетъ интереснаго, забираетъ и отправляетъ во Владивостокъ, въ институтъ восточныхъ языковъ. Надѣваю сюртукъ, шарфъ, шашку, сажусь въ тарантасикъ въ одну лошадь, которую мнѣ прислалъ докторъ изъ госпиталя, и ѣду являться начальнику гарнизона. Онъ стоялъ съ полкомъ въ укрѣпленной импани, верстахъ въ трехъ отъ города.

Дорога идетъ ровная, довольно песчаная. Солнце блеститъ и рѣзко очерчиваетъ вдали, на синемъ небосклонѣ, сѣрыя глиняныя стѣны импани. На стѣнахъ ея горделиво развѣвается по вѣтру наше трехцвѣтное знамя. Импань обширная, саженей сто въ квадратѣ. За ней виднѣется другая, а дальше третья. Всѣ—со сторожевыми башнями надъ воротами. На встрѣчу мнѣ ѣдетъ китайская повозка о двухъ колесахъ. Запряжены лошадь, а сбоку корова. Правитъ китаецъ въ войлочной шляпѣ съ широчайшими полями. За его спиной виднѣется женщина въ черной одеждѣ, съ ребенкомъ на рукахъ. Позади нихъ, во всю длину повозки развалились два нашихъ солдата. Они крѣпко спятъ, подложивъ руки подъ головы. Подъѣзжаю ближе къ импани. Стѣны вышиной около трехъ саженей. Каждая импань разсчитана приблизительно на баталіонъ пѣхоты, но можетъ вмѣстить въ себѣ, въ случаѣ надобности, гораздо больше. Кругомъ стѣнъ выкопаны рвы. Солдаты собрались кучками около кухонь. Кто мясо перемываетъ въ котлѣ, кто дрова колетъ, кто воду несетъ въ походныхъ котелкахъ. Нѣкоторые же, засунувъ руки въ карманы шароваръ, въ однѣхъ рубахахъ, стоятъ и наблюдаютъ. А вонъ тамъ, изо рва, торчатъ чьи-то черныя стриженыя головы. Одна

Digitized by Google

изъ нихъ быстро поднимается и превращается въ браваго, усатаго унтеръ-офицера. Онъ скоропалительно отдаетъ мнѣ честь и пропадаетъ. Кругомъ—тихо, мирно, незамѣтно никакой военной тревоги, точно дома. У воротъ пріютились съ лотками торговцы-китайцы. Сидя на корточкахъ, они преспокойно сбываютъ нашимъ солдатамъ свои товары. Одинъ продаетъ спички и табакъ. Другой—сладости, печенья и бѣлый хлѣбъ шариками, въ родѣ нашей просфоры. Солдаты, какъ мухи, облѣпили торговцевъ. Слышенъ говоръ, восклицанія и здоровый веселый смѣхъ. Въѣзжаю въ ворота. Дворъ обширный, гладкій и такъ убитъ, что напомнилъ мнѣ наши гумна или тока,—хоть горохъ молоти. Вдали виднѣется чистенькая фанза, а передъ ней полковое знамя, орудіе и полковой денежный ящикъ. Все это завершаетъ часовой съ ружьемъ. По сторонамъ тянутся солдатскія фанзы. Повозка моя останавливается. Я вылѣзаю.

— Ну, коли не умѣете ротой командовать, такъ нечего и служить! Подавайте рапортъ о болѣзни!—слышу чей-то рѣзкій голосъ, и изъ-за угла показывается маленькая, угловатая фигура пожилого офицера въ тужуркѣ. Усы щетинистые, подбородокъ бритый.

Я представляюсь.

— Пожалуйте-съ, входите въ домъ, я сейчасъ!—проситъ тотъ, и указываетъ мнѣ рукой на двери. Иду. За спиной слышу, какъ онъ продолжаетъ читать нравоученіе своему офицеру, высокому, красивому поручику брюнету, въ мундирѣ, при шашкѣ и револьверѣ,—должно быть, дежурному по полку.

„Охъ!—думается мнѣ:—не желалъ бы я служить у такого начальника! Ужъ больно строгъ онъ, да и нецеремоненъ въ выраженіяхъ“... Не прошло и получаса, какъ уже я ѣхалъ обратно въ Цицикаръ.

Прежде чѣмъ заняться моими служебными дѣлами, я страстно желалъ посмотрѣть здѣшнія казенныя учрежденія. Ѣду къ коменданту. Въѣзжаю во дворъ, вижу—комендантъ, пожилыхъ лѣтъ капитанъ, въ мундирѣ и въ высокой мохнатой сибирской черной папахѣ, слѣзалъ съ лошади. Я знакомлюсь съ нимъ и говорю:

— Нельзя ли, капитанъ, взглянуть на здѣшнее полицейское управленіе?

— А пойдемте, я вамъ покажу; оно близёхонько отсюда!— Подходимъ къ воротамъ. Домъ обнесенъ каменными стѣнами. За воротами сейчасъ же возвышалась небольшая стѣнка въ видѣ ширмъ, для того, чтобы въ случаѣ, ежели залетитъ во дворъ

Digitized by Google

злой духъ, такъ онъ долженъ разбиться объ нее. И ужъ только за этой стѣнкой помѣщалось управленіе. Поднимаемся нѣсколько ступеней. Насъ встрѣчаетъ самъ полиціймейстеръ, китаецъ, почтенный старикъ, безъ бороды и усовъ, очень подвижной. Весь въ шелку: халатъ на немъ синій шолковый, курма коричневая, съ широкими разводами. Шапка съ красной шолковой бахромой и съ синей стеклянной шишкой. За нимъ слѣдовала цѣлая толпа его помощниковъ, разныхъ писарей и служащихъ. Полиціймейстеръ беретъ коменданта и меня подъ руку и ведетъ въ свѣтлую комнату. Каны устланы красными суконными подушками. Посреди столъ, покрытый краснымъ же сукномъ. Не успѣли мы сѣсть, какъ уже намъ подаютъ чай и разныя печенья, въ родѣ нашихъ бисквитъ. Самъ полиціймейстеръ безпрестанно обращается ко мнѣ черезъ переводчика съ вопросами, какъ я доѣхалъ? благополучно ли? надолго ли? сколько мнѣ лѣтъ? что буду дѣлать здѣсь? и т. д. По китайскимъ обычаямъ надо было на все это съ выдержкой отвѣчать и тоже спрашивать. Но мнѣ это показалось очень скучно. Меня интересовала обстановка комнаты. Въ особенности же подмывало увидать орудія пытокъ и чѣмъ китайцы наказывали виновныхъ. Встаю и начинаю тихонько осматривать, гдѣ что лежитъ. Полиціймейстеръ съ удивленіемъ смотритъ, что я хочу дѣлать. Заглядываю въ сосѣднюю комнату. Тамъ писарь китаецъ, наклонившись надъ столомъ, старательно что-то писалъ кисточкой на тонкой бумагѣ, уперевъ ее совершенно перпендикулярно къ бумагѣ. Онъ удивительно ловко и четко выводилъ свои хитрые знаки. Тушь имѣетъ то дорогое свойство, что не требуетъ просушиванія, какъ чернила. Только написалъ, сейчасъ же складывай письмо,—уже просохло. Въ одномъ углу нахожу бамбуковую палочку, съ ручкой, обмотанной парусиной. Конецъ палочки запачканъ чѣмъ-то краснымъ. Я беру ее и показываю полиціймейстеру. Какъ онъ, такъ и помощникъ его и всѣ присутствующіе начинаютъ весело смѣяться моей находкѣ.

— Что это за палочка?—спрашиваю переводчика.

— Это, ваше высокоблагородіе, бамбуковая палка, которою бьютъ арестантовъ по ладонямъ.

— Такъ, значитъ, это кровь на концѣ?

— Такъ точно, кровь!

— Нельзя ли мнѣ взять ее?

— Пожалуйста, возьмите!—разрѣшаетъ онъ.

Старикъ-полиціймейстеръ слышитъ нашъ разговоръ, предупредительно беретъ палочку, садится къ столу и пишетъ что-то

Digitized by Google

на ней, послѣ чего, очень довольный, передаетъ ее мнѣ на память. Отсюда идемъ смотрѣть тюрьму. Тутъ начинаются опять китайскія церемоніи. Старикъ-полиціймейстеръ ни за что не хочетъ идти первый и все пропускаетъ насъ. Мы же, по ихъ этикету должны, съ своей стороны, пропускать его впередъ. И такъ до безконечности. Тюрьма оказалась гораздо обширнѣе хунчунской, но такая же мрачная, грязная и вонючая. Арестантовъ не было. Куда ихъ перевели—Богъ знаетъ. Тутъ я замѣтилъ, что стѣны тюрьмы были обсажены колючимъ кустарникомъ, дабы арестанты не могли перескочить его. Затѣмъ идемъ смотрѣть арсеналъ. Это длинный каменный сарай съ черепичной крышей. Здѣсь хранились разныя китайскія военныя принадлежности. Вотъ лежитъ на земляномъ полу куча солдатскихъ военныхъ куртокъ, парусинныхъ, желтыхъ и красныхъ, съ круглымъ клеенчатымъ клеймомъ на груди и спинѣ. Солдаты наши, помню, неоднократно смѣялись надъ этими клеймами.

— Какъ разъ, ваше высокоблагородіе, цѣль въ это клеймо, наповалъ убьешь, больше не встанетъ,—разсказывали они.

Рядомъ лежатъ солдатскіе сапоги, бѣлые, парусинные, расшитые зеленымъ сафьяномъ.

— А вонъ тамъ именно то, что̀ такъ меня интересуетъ. И я вижу—тянется на полкахъ цѣлый рядъ луковъ для стрѣльбы. Я пристально разсматриваю ихъ. Жилистыя тетивы сняты и обмотаны вокругъ. Луки сдѣланы изъ рога и обтянуты съ одной стороны не то кожей, не то какой-то матеріей. Луковъ здѣсь помѣщалось нѣсколько сотъ. Я не утерпѣлъ, чтобы не выпросить у коменданта парочку на память. Комендантъ съ удовольствіемъ разрѣшилъ взять. Въ другомъ углу лежали стрѣлы. Ихъ хранилось здѣсь тысячи. Всѣ онѣ были перевязаны пачками, штукъ по сту. Стрѣлы, аршина полтора длиною, сдѣланы очень аккуратно, изъ крѣпкаго дерева и оклеены въ три ряда орлиными перьями. Наконечники желѣзные. Я пробовалъ потомъ стрѣлять. Стрѣлы были настолько прочны, что, впиваясь въ каменную стѣну, онѣ только сгибались, но не ломались. Я не могъ перекинуть стрѣлы дальше шестидесяти шаговъ. Китайцы же, говорятъ, попадаютъ въ цѣль за сто шаговъ. Казаки разсказывали мнѣ, что будто китайцы пробивали ими дикихъ козъ, на вылетъ.

Ѣду осматривать больницу. Она помѣщалась въ городѣ. День солнечный. Еще рано. Влѣво темнѣютъ высокія городскія ворота съ башней. Онѣ кажутся выше, чѣмъ въ Хунчунѣ. У подножія ихъ больше всего любятъ толкаться китайцы-разносчики,

Digitized by Google

со всевозможными продуктами, въ корзинахъ, на лоткахъ и просто въ какихъ-то корытахъ. Шумъ, крикъ, гамъ, звонъ колокольчиковъ, брянанье шаркунковъ—такъ и доносятся оттуда. На встрѣчу поминутно попадаются жители въ своихъ черныхъ шапочкахъ, съ красными шолковыми шишечками и въ курточкахъ. Шаровары синія. Неслышно ступая мягкими войлочными подошвами, торопятся они доставить съ базара домой провизію. Удивительную смѣсь чистоты и неряшливости соединяетъ въ себѣ китаецъ!

Такъ, напримѣръ, онъ ни за что не понесетъ голыми руками куска свинины, а обвяжетъ его веревочкой, нацѣпитъ на палецъ, и такимъ образомъ бережно тащитъ, точно драгоцѣнность какую, дабы не запылить, и въ то же время онъ рѣшительно не замѣчаетъ страшнѣйшей грязи, и на улицѣ и у своего дома, гдѣ, буквально, можно потонуть.

Подъѣзжаю къ больницѣ. Меня встрѣчаетъ докторъ. Здороваемся и идемъ вмѣстѣ. Больница расположена въ бывшемъ дворцѣ дзянь-дзюня. Дзянь-дзюнь этотъ, какъ говорятъ, былъ главнымъ виновникомъ благовѣщенской катастрофы. Когда онъ увидалъ, что попытка его не удалась, что русскіе одолѣли, что Айгунъ взятъ и что Цицикару тоже не сдобровать, то онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ покончить съ собой. И какъ же онъ покончилъ? Проглотилъ золотой самородокъ. Такъ какъ самородокъ былъ достаточно большой и угловатый, то онъ долженъ непремѣнно, по своей тяжести, прободать кишки и причинить смерть. Такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли и китайцы, и наши доктора.

Входимъ въ первыя ворота. Дворъ чистый. Полъ каменный. Кругомъ—фанзы. Далѣе—вторыя ворота, такой же чистый дворъ и такія же фанзы. И такъ три раза. Первая—маленькая комната, какъ бы пріемная. Полъ земляной. Стоитъ кубъ съ горячей водой, разныя аптечныя принадлежности. Столикъ съ бумагами. Сестра милосердія—въ сѣренькомъ чистенькомъ платьѣ, съ краснымъ крестомъ на груди. Голова повязана бѣлой косынкой. Руки смиренно сложены на животѣ.

— Здравствуйте, сестра! Это ваши больные?—спрашиваю ее.

— Да-съ, это мои!

— Ну, что? Какъ они, поправляются?

— Да, слава Богу, лучше теперь! Только лекарствъ нѣтъ! Не знаемъ, что дѣлать! Писали, телеграфировали—никакого отвѣта! Въ особенности необходимы средства, понижающія темпе-

Digitized by Google

ратуру!—жалуется она, и на ея блѣдно-розовомъ, еще молодомъ лицѣ выражается глубокая скорбь.

— Докторъ, пожалуйста, дайте мнѣ списокъ, какія лекарства нужны! Я сегодня же буду телеграфировать въ Харбинъ,—говорю.

— Слушаю-съ, сегодня же передамъ вамъ. Онъ у меня уже составленъ,—отвѣчаетъ докторъ.

Въ первомъ отдѣленіи помѣщались выздоравливающіе. Они стояли у своихъ постелей, выстроившись въ шинеляхъ въ накидку.

— Здорово, братцы! Ну что, поправляетесь?—говорю имъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе, теперь получше,—дружно отвѣчаютъ они.

— Ты какого полка?—спрашиваю худосочнаго, блѣднаго солдата. Тотъ замѣтно былъ еще очень слабъ.

— Читинскаго, ваше высокоблагородіе!—хрипло отвѣчаетъ онъ.

— Что же у тебя было?

— У него тифъ былъ, тяжелой формы! Теперь ничего! Теперь онъ молодцомъ! Не правда ли, Мирошенковъ?—предупредительно говоритъ сестра и дружески хлопаетъ его по плечу, какъ ученика, который было-проштрафился и теперь обѣщался загладить свою вину. Мирошенковъ болѣзненно ухмыляется и бормочетъ что-то.

— Да ужъ и подвалили же намъ тифозныхъ читинскій и срѣтенскій полкъ. Разомъ человѣкъ двѣсти навезли! Хоть на полъ вали, и мѣста не хватило,—разсказываетъ докторъ такимъ тономъ, точно говорилъ о дровахъ.

Входимъ въ одно отдѣленіе—больные всѣ лежатъ въ повалку, прикрывшись шинелями.

— Тутъ какіе же?—осторожно спрашиваю сестру.

— Тутъ все тифозные, тяжелые!—шепчетъ она, и лицо ея опять становится грустнымъ. Видно, что она не можетъ привыкнуть къ подобной мрачной картинѣ.

— Вонъ тотъ едва-ли и выживетъ,— и сестра указываетъ на одного больного, который лежалъ въ углу, закрывшись съ головой. Докторъ быстро подходитъ къ нему, щупаетъ пульсъ, машетъ что-то рукой и отходитъ.

— Ой! ой! Да какъ же это воз-мож-но! Да какъ же это такъ! Побойтесь Бога! Го-спо-да! Мать род-ну-ю за-рѣ-за-ли!—вдругъ слышу отчаянный крикъ изъ сосѣдней комнаты. Спѣшу туда и вижу: на канѣ сидитъ, поджавши ноги, молодой рыжеватый сол-

Digitized by Google

датъ, раскинувшись въ одномъ бѣльѣ. Глаза воспаленные, блуждающіе. Онъ безпомощно озирается по сторонамъ. Слезы такъ и льются у него изъ глазъ. Онъ вытираетъ ихъ кулакомъ. По временамъ стихаетъ, облизываетъ запекшимся языкомъ потрескавшіяся губы и снова принимается причитать и плакать еще съ большей силой, точь-въ-точь какъ ребенокъ, котораго только-что высѣкли.

— Вѣдь она не ку-ри-ца! Что же взять за-рѣ-зать!—Пауза. —Прошу ку-ри-цы, не да-ютъ! Жалко, что ли!—бормочетъ онъ безсвязно.

— У него тоже была тяжелая форма тифа. Жаръ сильный, вотъ онъ и бредитъ! Оно пройдетъ. Ничего, — успокоиваетъ докторъ.

— Изволите видѣть: то жалуется, что у него мать убили, то курицы ему не даютъ, а самъ ничего не ѣстъ. Сейчасъ подавали супъ изъ курицы,—оправдывается сестра, какъ будто опасаясь, что я не повѣрю тому, что больной только бредитъ.

— Его бы вынести на свѣжій воздухъ. Да и товарищамъ-то онъ не даетъ покою,—говорю доктору.

— А что же! Это возможно! Эй, вы, возьмите, вынесите его вонъ туда во дворъ! Посадите тамъ!—приказываетъ докторъ служителямъ. Больного берутъ подъ мышки и легко выносятъ подъ навѣсъ, гдѣ и садятъ на каменный приступокъ. Идемъ дальше.

— По-бой-тесь Бога, го-спо-да... — доносятся намъ вслѣдъ причитанія больного.

На обширномъ дворѣ выстроилась больничная команда, человѣкъ полтораста. Здороваюсь съ нею. Солдаты дружно отвѣчаютъ: „здравія желаю“. Они заходятъ кругомъ меня. Достаю изъ кармана записную книжку и приступаю опрашивать претензіи.

— Ты имѣешь что-нибудь сказать? — спрашиваю краснаго какъ огонь, рыжаго, здоровеннаго, курносаго солдата. Уши оттопырены какъ у нетопыря. Губы толстыя.

— Никакъ нѣтъ!—баситъ онъ и пугливо смотритъ на меня.

— А ты?

— Никакъ нѣтъ!

— А ты?

— Такъ точно, имѣю!—пищитъ пожилой маленькій солдатъ изъ запасныхъ, съ отросшей сѣдоватой бородой.

— Что же ты имѣешь?

— Заработныхъ не получалъ. Въ Благовѣщенскѣ ночь работали, съ парохода кулье выгружали. Пять рублей слѣдуетъ.

Digitized by Google

— Какъ? За одну ночь пять рублей? — удивленно спрашиваю.

— Такъ точно,—дружно подтверждаетъ вся команда. Записываю и иду дальше. И такъ спрашиваю всѣхъ.

Отчетъ обо всемъ этомъ я представилъ по начальству.

XIV. — Фулярди.

Рано утромъ къ воротамъ, гдѣ я жилъ, подъѣзжаетъ телѣга, запряженная тройкой разномастныхъ лошадей. Солдатъ-пѣхотинецъ въ шинели и черной мохнатой папахѣ сидитъ на козлахъ и держитъ веревочныя возжи. Мы съ Иваномъ торопливо укладываемъ вещи, а затѣмъ и сами садимся въ повозку. Ѣдемъ въ Фулярди. До него тридцать-пять верстъ. Китайцы уже толпились на улицахъ и перекресткахъ. Они встаютъ ранёхонько, съ восходомъ солнца. Поминутно приходится сдерживать лошадей и крикомъ разгонять толпу. Минуемъ городъ. Вправо показывается красивая кумирня. Металлическія вершины шестовъ, торчащихъ передъ нею, ярко блестятъ на солнцѣ. Крыши красиво загнуты лодочкой, съ драконами по угламъ. Дальше—тѣнистая роща. Тамъ временно расположился саперный баталіонъ, только-что прибывшій изъ Кіева. Въ немъ не 186 человѣкъ, какъ то было въ самурскомъ баталіонѣ, въ нашемъ текинскомъ походѣ со Скобелевымъ, а 1.120 человѣкъ. И мнѣ припоминается, какъ я еще вчера осматривалъ вещи и одежду этихъ саперовъ. Роты выстроились, что батальоны длинные. Люди все какъ на подборъ, молодецъ къ молодцу. Отсталыхъ оказалось изъ всего баталіона человѣкъ четырнадцать. А пройти-то имъ пришлось пѣшимъ порядкомъ отъ Срѣтенска около тысячи верстъ. Да еще при какихъ условіяхъ! Ни полушубковъ, ни валенокъ, ни одной теплой папахи! Въ однѣхъ шинеляхъ. А морозъ на Тинганѣ хватилъ больше 15 градусовъ. Командиръ баталіона, полковникъ N, хотя и не очень видный изъ себя, небольшого роста, худощавый, лицо бритое, усатый, говорилъ густымъ басомъ. Характеромъ же, должно быть, обладалъ желѣзнымъ. Какъ я слышалъ, онъ всю дорогу велъ офицеровъ въ мундирахъ и при шарфахъ. Не позволялъ отлучаться отъ своихъ частей. И можетъ быть, при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, онъ только такимъ способомъ и могъ довести благополучно до мѣста свою часть.

— Какъ же это вы, полковникъ, вышли въ такой дальній походъ безъ полушубковъ?—интересуюсь я.

Digitized by Google

— А мнѣ сказали, что все это я здѣсь долженъ получить! —баситъ онъ нѣсколько сконфуженно.

Вотъ обступили меня офицеры, веселые, довольные. Видно, что всѣ они безконечно рады окончанію такого тягостнаго похода. Одинъ передъ другимъ спѣшатъ они подѣлиться со мной своими путевыми впечатлѣніями.

— Вѣдь что мы перенесли въ дорогѣ, полковникъ! Просто ужасъ! Не повѣрите!—визжитъ хорошенькій поручикъ блондинъ. На бородѣ его и губахъ еще только пробивался первый пухъ волосъ.

— На одномъ привалѣ,—продолжалъ онъ, — къ намъ подходитъ какой-то офицеръ, смотритъ на наши сапоги, шинели, какъ на чудо какое, разводитъ руками и спрашиваетъ: „Да какъ же это, господа, вы добрались сюда? Какъ вы не погибли отъ холода и голода“?

— Нѣтъ, позвольте мнѣ сказать полковникъ, — опять баситъ командиръ баталіона, настойчиво перебивая хорошенькаго поручика и слегка отстраняя того. Онъ сильно волнуется. Прикладываетъ руку къ сердцу и обиженнымъ тономъ, точно желая оправдаться, разсказываетъ:

— Не забудьте, полковникъ, что на всемъ пути отъ Хайлара, почти шестьсотъ верстъ, мы не нашли ни полѣна заготовленныхъ дровъ! Ни клока сѣна! Нигдѣ никакого прикрытія отъ стужи. Лошади у подводчиковъ такъ измучились, что обозъ до сихъ поръ не прибылъ.

„Дѣйствительно,—разсуждаю про себя, теперь, сидя въ телѣгѣ,—походъ этотъ саперамъ достался не изъ легкихъ. И какъ это у нихъ такъ мало отсталыхъ? Какъ они не перемерзли? Просто удивительно“!

Сворачиваемъ вправо, къ желѣзной дорогѣ. Вдали виднѣются телеграфные столбы. Синѣетъ р. Нони, широкой темной полосой. Песчаные берега ея на яркомъ солнцѣ кажутся мнѣ золотистыми.

Но что тамъ чернѣетъ, на томъ берегу? Доносится какой-то странный шумъ. Точно звонъ. Прислушиваюсь. Пристальнѣе присматриваюсь.

— Гуси!—весело кричитъ нашъ пѣхотинецъ на козлахъ, и широко ухмыляется своимъ давно небритымъ, смуглымъ лицомъ. Тычетъ кнутовищемъ въ пространство и продолжаетъ дергать возжами.

— Стой, остановись!—кричу ему. Выскакиваю изъ телѣги и спѣшу къ берегу. Иванъ—за мной. Чтобы не спугнуть птицъ,

Digitized by Google

мы присаживаемся за кустомъ и смотримъ. Такого дива я еще и не видалъ. Вся противоположная отмель, во всю ея ширь, сколько хваталъ глазъ, чернѣла отъ гусей. Шумъ отъ гоготанія стоялъ такой, что мнѣ не слышно моего Ивана. Въ эту минуту припоминается мнѣ описаніе Одюбона, какъ онъ однажды наблюдалъ въ Америкѣ пролетъ голубей. Та картина должна, по моему мнѣнію, какъ разъ походить на эту.

Сижу минутъ пять, гляжу и наслаждаюсь. Наконецъ достаю изъ кабуры свой маленькій револьверъ и стрѣляю. Глазамъ моимъ представляется слѣдующая картина. Боюсь, что описаніе мое будетъ слишкомъ слабо.

Съ поразительной быстротой и шумомъ, разомъ засверкали на солнцѣ, точно серебряные, тысячи крыльевъ. И постепенно поднимаясь, вытянувъ длинныя шеи, стая за стаей тянутся гуси на югъ, тонкими, правильными треугольниками. Выше, выше—и паутиной расползаются въ пространствѣ.

Первыя стаи куда далеко отлетѣли! Ихъ едва видно. А между тѣмъ, не только-что на дальнемъ концѣ отмели, но даже еще и на серединѣ ея, гуси продолжали себѣ мирно гоготать, грѣться на солнышкѣ и отдыхать. Но, вотъ, волной переливаясь, достигаетъ и до нихъ тревога. Тучей, съ невообразимымъ шумомъ, какъ одинъ, поднимаются и остальные. И опять, стая за стаей, сплошной вереницей, и такими же длинными треугольниками, тянутся они за товарищами, оглашая и окрестности, и голубое небо рѣзкимъ металлическимъ крикомъ. И отъ души пожалѣлъ я въ эти минуты, что такъ неосторожно поторопился спугнуть ихъ, не наглядѣвшись до-сыта. Врядъ-ли когда придется мнѣ вторично увидѣть подобное чудное зрѣлище.

— А вонъ и Фулярди!—опять такъ же весело кричитъ нашъ возница, и снова тычетъ кнутовищемъ передъ собою. Переѣзжаемъ черезъ р. Нони, узкій, длинный деревянный мостъ на сваяхъ. Вдали виднѣются постройки въ европейскомъ вкусѣ, китайскія полу-разрушенныя фанзы, и желѣзнодорожные склады рельсъ, шпалъ и т. п. Кое-гдѣ темнѣлись старыя, высокія рощи. Мы останавливаемся около маленькаго домика. Рядомъ стояло еще нѣсколько такихъ же построекъ.

— Что командиръ роты, капитанъ Охремовичъ, дома?— спрашиваю деньщика, въ бѣлой рубахѣ, подпоясанной ремнемъ, который, очевидно, выбѣжалъ на шумъ нашего экипажа.

— Никакъ нѣтъ, на охоту за гусями уѣхали! — отвѣчаетъ тотъ.—Они скоро будутъ!—беретъ мои вещи и несетъ въ домъ.

Я—за нимъ. Смотрю, двѣ маленькія, низенькія комнаты. Одна

Digitized by Google

съ перегородкой. Стѣны увѣшаны коврами и оружіемъ, очень уютно. Вскорѣ является и самъ хозяинъ, небольшого роста, коренастый мужчина, еще въ полной силѣ. Борода русая, окладистая. За нимъ входитъ его субалтернъ-поручикъ Колмаковъ, высокій, стройный брюнетъ, съ черными усами. Оба очень симпатичные. Когда я познакомился съ ними поближе, мнѣ чрезвычайно понравилось ихъ взаимное отношеніе. Между ними не замѣчалось непріятное различіе въ положеніяхъ, ротнаго командира и субалтернъ-офицера. Колмакову не приходилось переносить того обиднаго состоянія, которое испытывалъ я, когда попалъ въ сотню на Дунай. Тамъ вахмистръ имѣлъ гораздо больше значенія, чѣмъ офицеръ. Отлично помню, какъ онъ первое время смотрѣлъ на меня съ какой-то презрительной снисходительностью. Дескать, „пущай, себѣ живетъ! пожалуй, можно будетъ ему казачёнка какого назначить за вѣстового". А о командирѣ сотни, моемъ милѣйшемъ Павлѣ Ивановичѣ,—и говорить нечего. Онъ прямо-таки смотрѣлъ, и на меня, и на моего товарища, другого субалтерна, какъ на необходимое зло. И конечно, ежели бы только могъ,—ни минуты не задумываясь, замѣнилъ бы насъ обоихъ простыми урядниками. Тутъ же—ничего подобнаго. Въ отсутствіе командира, фельдфебель слушался поручика, точно такъ же, какъ и капитана.

На другой день иду осматривать роту капитана Охремовича. Она красиво выстроилась на ротномъ дворѣ, въ двѣ шеренги.

Передъ каждымъ солдатомъ выложены на землю его вещи. Все въ полномъ порядкѣ. Въ особенности оказались хороши сапоги. А это много значитъ въ походѣ. Кромѣ тѣхъ, что на ногахъ, еще имѣлось въ запасѣ сорокъ новыхъ паръ,—да въ сапожной мастерской ежедневно изготовлялось по шести паръ.

Помѣщеніе нижнихъ чиновъ вполнѣ хорошее: теплое, свѣтлое. Воздуху много.

Идемъ на кухню. Два кашевара, въ чистыхъ фартукахъ и бѣлыхъ колпакахъ, аппетитно возятся у котловъ. Одинъ наливаетъ на тарелку щи, а другой кладетъ кашу. Пробую. Щи превосходныя,—каша еще лучше.

— Что у васъ щи изъ какой капусты?

— Изъ манзовской [1]), ваше высокоблагородіе!—бойко отвѣчаетъ кашеваръ, опуская по шву черпакъ, точно оружіе какое.

— У насъ, полковникъ, заготовлена русская капуста, да мы ее еще не начинали,—заявляетъ командиръ роты.

[1]) Китайской.

Digitized by Google

— Капуста отличная!—самодовольно подхваливаетъ Колмаковъ, слѣдуя за мною и покручивая усы.—Картошки тоже закопано въ подвалѣ пятьсотъ пудовъ!—такимъ же тономъ добавляетъ онъ.

— Очень, очень хорошо!—говорю я.

— А вотъ здѣсь у меня окорока коптятся!—озабоченно, съ видомъ опытнаго хозяина, объясняетъ ротный, останавливаясь около деревянной будки съ высокой трубой. — Я по временамъ посылаю охотиться за кабанами. Ну, вотъ, какъ убьютъ, такъ и сюда. Сейчасъ коптится девять окороковъ! На ночь за рыбой посылаемъ,—такъ же весело продолжаетъ разсказывать Колмаковъ. По лицу его видно, что онъ очень доволенъ своей стоянкой. Лучшаго и не желаетъ. Долго ходимъ мы и осматриваемъ ротное хозяйство.

„Тепло, свѣтло и сытно!—думается мнѣ.—Здѣсь тифа нечего опасаться. Отлично устроились. Какъ дома".

На другой день осматриваю госпиталь. Въ офицерскомъ отдѣленіи, вижу, стоитъ у дверей одинъ больной. Наружность его бросается мнѣ въ глаза. Онъ былъ тощъ какъ смерть. Щеки впалыя. Скулы выдались впередъ. Носъ обострился. Глаза блуждали и глубоко ушли въ орбиты. Шея длинная, тонкая. Онъ весь былъ такъ худъ и слабъ, что, казалось, дунь на него—и свалится.

— Какъ ваша фамилія?—съ участіемъ спрашиваю его.

— Щепило-Полѣсскій, штабсъ-капитанъ срѣтенскаго полка! —глухимъ, гортаннымъ голосомъ отвѣчаетъ онъ. Затѣмъ продолжаетъ:—я имѣлъ несчастье отстать отъ своего полка, когда мы двигались отъ Благовѣщенска по Манчжуріи къ Цицикару, и заблудился!

— Ахъ, капитанъ, какъ бы интересно было послушать васъ! Но вамъ трудно говорить. Не можете ли вы письменно изложить, какъ все это съ вами случилось? Очень бы вамъ былъ благодаренъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! Ежели вы останетесь здѣсь дня два, три,—можетъ, и напишу. Только голова моя еще не совсѣмъ хорошо работаетъ. Вѣдь вы видите меня выздоравливающимъ. А что я былъ, когда меня привезли сюда! — и онъ многозначительно машетъ рукой.

Черезъ три дня я получилъ отъ него небольшую рукопись.

Въ Фулярди находилось отдѣленіе Краснаго Креста. При мнѣ оно еще только устроивалось, а потому самъ я его не видѣлъ. Говорятъ, оно было обставлено очень удобно и съ полнымъ комфортомъ.

Digitized by Google

Отдѣленіемъ завѣдывалъ профессоръ харьковскаго университета, извѣстный хирургъ Михаилъ Михайловичъ Кузнецовъ, человѣкъ еще молодой и энергичный. Такъ и вижу его,—небольшого роста, худощавый, въ черномъ сюртукѣ и длинныхъ лакированныхъ сапогахъ, бѣгаетъ онъ безъ шапки по госпитальному двору и суетится около своихъ повозокъ. Тутъ же хлопочутъ и сестры милосердія, и доктора.

Я скоро сошелся съ профессоромъ. Онъ былъ такой же любитель разныхъ китайскихъ рѣдкостей и древностей.

День клонился къ вечеру. Иду провѣдать моего милаго Михаила Михайловича. Вхожу во флигель, гдѣ онъ живетъ.

— Дома профессоръ?—восклицаю.

— Дома, дома! — слышится его голосъ. Открываю дверь, смотрю—въ просторной, свѣтлой комнатѣ стоитъ самъ хозяинъ надъ сундукомъ и что-то роется.

— Здравствуйте, полковникъ. Какъ хорошо, что вы зашли! Я хотѣлъ вамъ показать вотъ эту вещь,—и онъ съ торжественнымъ видомъ, бережно развертываетъ передъ мною, изображеніе какого-то китайскаго божества, писаннаго красками на кожѣ.

— Это величайшая древность. Этому, по крайней мѣрѣ, пятьсотъ лѣтъ!—съ восхищеніемъ восклицаетъ профессоръ. Любуется, щурится и относитъ картину нѣсколько отъ себя. Я тоже долго любуюсь ею.

— А это что у васъ тамъ за головки?—спрашиваю его и указываю на лежащія въ сундукѣ какъ бы фарфоровыя куколки.

— А это тоже рѣдкость!

Онъ бережно свертываетъ картину, прячетъ ее на прежнее мѣсто, и затѣмъ подаетъ мнѣ одну головку. Она металлическая, раскрашенная и точно отрубленная по шею.

— Такія головы вѣшаются родственниками казненныхъ хунхузовъ на изображеніе Будды. Чтобы онъ былъ къ нимъ милостивѣе на томъ свѣтѣ,—говоритъ онъ.

— Возьмите вотъ эту парочку, у меня еще есть!—любезно предлагаетъ профессоръ и подаетъ мнѣ.

Я, конечно, съ величайшей благодарностью прячу ихъ въ карманъ. Затѣмъ спѣшу къ себѣ домой, достаю изъ чемодана серебряное украшеніе въ видѣ женской головной гребенки, очень изящное, и, чтобы не остаться въ долгу, дарю его Михаилу Михайловичу.

— Ну, вотъ, спасибо, очень благодаренъ! Чрезвычайно ми-

Digitized by Google

ленькая вещь!—говоритъ онъ, разсматривая подарокъ, и, очень довольный, прячетъ его вмѣстѣ съ прочими вещами...

Такъ въ ненастные дни
Занимался мы...

XV.—Заблудился.

Разсказъ штабсъ-капитана срѣтенскаго пѣхотнаго полка, Полѣсскаго-Щепило.

„16 сентября этого года второй баталіонъ срѣтенскаго пѣхотнаго полка, гдѣ я командую 5-й ротой, въ 6½ часовъ утра выступилъ изъ Цицикара на гор. Мергенъ, для занятія разныхъ пунктовъ по-ротно. Командиръ баталіона, подполковникъ Даль, оставилъ меня, въ полку, получить казенныя деньги, съ тѣмъ, чтобы я немедленно догналъ ихъ. По уходѣ баталіона, приблизительно черезъ часъ, я уже двигался верхомъ по дорогѣ на Мергенъ, причемъ слѣдовалъ за скотомъ, принадлежащимъ баталіону. Скотъ гнался нижними чинами и былъ отъ меня въ разстояніи полторы-двѣ версты. Я двигался шагомъ, въ рысь же переходилъ только на короткія разстоянія. По пути пришлось пройти не особенно длинный лѣсъ. Пока поровнялся со стадомъ, прошло часа два. Но каково же было мое изумленіе, когда я увидалъ, что скотъ этотъ—манчжурскій и гонится китайцами.

— Куда пошли солдаты?—спрашиваю погонщиковъ.

„Одинъ изъ нихъ, довольно хорошо знающій нашъ языкъ,—отвѣтилъ: „ваша солдата ходи на тотъ деревня", причемъ указалъ направленіе,—какъ теперь помню—сѣверо-восточное. Повѣря китайцу, я пришпорилъ коня и направляюсь на указанную деревню. У меня конь молодой, крѣпкій и имѣетъ хорошую „ходу". Доѣхавъ до деревни въ какой-нибудь часъ, здѣсь баталіона своего я не засталъ. Китайцы быстро обступили меня и предлагали разные вопросы (знающіе по-русски) въ родѣ: откуда я, куда ѣду и зачѣмъ, много ли идетъ казаковъ со мною и пр. Разстояніе до этой деревни было верстъ десять, не меньше, такъ какъ отъ лѣса ѣхалъ я почти безостановочно рысью. Я спросилъ, нѣтъ ли чего купить поѣсть, на что получилъ отвѣтъ отрицательный; затѣмъ просилъ ведра, достать воды коню; въ этомъ мнѣ также было отказано, причемъ говорящій по-русски указывалъ разныхъ лицъ изъ толпы, у кого есть ведро. Тѣ же грубо и враждебно отвѣчали: „бутунда, ходи, худо"

Digitized by Google

(„бутунда“ — не понимаю). Такимъ образомъ, здѣсь мнѣ не пришлось ничего купить,—самому не напиться и коня не напоить. На вопросъ же мой, куда пошли солдаты, одинъ взялся провести меня на конецъ деревни и указать путь. Я упустилъ изъ виду сказать, что всѣ безъ исключенія китайцы торопили меня покинуть ихъ деревню и убираться поскорѣе, причемъ понуканія эти были, насколько я замѣтилъ, характера враждебнаго, такъ какъ они напирали на коня и махали палкой и руками. Въ отвѣтъ на это я имъ говорилъ, что завтра придутъ къ нимъ казаки. Китаецъ, провожавшій меня, указалъ, куда пошли наши солдаты. Видя, что направленіе указанное должно быть правильное, т. е. на сѣверъ, я снова поскакалъ большой рысью впередъ. Въ этотъ день я проѣхалъ много деревень. Вездѣ встрѣчалъ китайцевъ, говорящихъ по-русски, и вездѣ слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ насчетъ ѣды и ведра: „бутунда, ходи, нѣту, худо“, относительно же движенія баталіона: „ваша солдата ходи тамъ“, причемъ указывали ложное направленіе. Въ восемь часовъ вечера этого дня я добрался до богатой деревни. Тутъ было множество сѣна, хлѣба, лошадей и скота. Здѣсь также встрѣтилъ я китайца, говорящаго по-русски. Спросилъ, нѣтъ ли чего купить,—напримѣръ, чаю или какого-нибудь китайскаго печенья. Тотъ любезно отвѣтилъ, что здѣсь есть хорошая харчевня, гдѣ можно купить и жаренаго мяса, и чаю, и кофе. Я было-обрадовался этому, и попросилъ провести меня, на что онъ, повидимому, съ охотой согласился. Подводитъ къ концу деревни, и затѣмъ говоритъ: „ходи, нѣту харчевни, ваша солдата стоитъ въ три верста отъ деревни лагеремъ“. Когда я возвращался обратно по этой деревнѣ, то меня сопровождала масса китайцевъ, съ наглыми лицами; они галдѣли по-своему и чему-то радовались. Придя къ положительному заключенію во враждебности этой сволочи, я рѣшилъ выѣхать въ степь по обратной дорогѣ, гдѣ и заночевалъ верстахъ въ пяти отъ этой деревни, въ снопахъ скошеннаго овса. Я говорю—заночевалъ; въ сущности же я не спалъ, какъ эту первую ночь, такъ и всѣ послѣдующія моего печальнаго странствованія, чему виною мой конь, котораго опутать было нечѣмъ, пустить же его не рѣшался, боясь, что зайдетъ далеко, и я его не найду. Всѣ ночи пришлось держать его въ поводу, или привязывать къ поясному ремню, причемъ въ послѣднемъ случаѣ руки мои отдыхали. На нихъ, кстати сказать, за все это время, конь, дерганьемъ головы, надѣлалъ мнѣ много водяныхъ мозолей, которыя лопались, грязнились, а въ настоящее время хотя и проходятъ, но есть нарывы. Въ

Digitized by Google

дорогѣ, вслѣдствіе этихъ пораненій рукъ, управленіе конемъ было крайне мучительно.

„На слѣдующій день, съ зарею, въ 4 1/2 ч. утра, рѣшилъ я вернуться обратно въ Цицикаръ, такъ какъ движеніе на Мергенъ, безъ схемы, положительно считалъ невозможнымъ. Направился я на деревню, которую, по тогдашнему моему разумѣнію, я проѣзжалъ вчера. Тамъ опять ѣсть не продаютъ и ведра не даютъ. Конь не пилъ уже болѣе сутокъ; я же пилъ воду изъ лужи, совершенно бѣлаго цвѣта, какъ бы разведенную мѣломъ. Воды набиралъ бутылочкой съ машинкой для сельтерской воды. Проскакавъ опять нѣсколько деревень по направленіямъ, указываемымъ китайцами, я пришелъ къ заключенію, что путаюсь и проѣзжаю другія деревни. Тогда я ѣду въ боковыя деревни, вправо и влѣво, но ни въ одной изъ нихъ не нахожу сходства. Всѣ онѣ такъ однообразны, что очень трудно замѣтить какія-либо примѣты для отлички ихъ другъ отъ друга. Мнѣ оставалось одно: ѣхать въ Цицикаръ въ южномъ направленіи чрезъ опросъ китайцевъ, чему я и послѣдовалъ. Направился на югъ безъ дорогъ, которыхъ, умѣстно сказать здѣсь, въ Манчжуріи нѣтъ межъ деревень, а имѣются лишь отдѣльныя колеи, которыя быстро исчезаютъ, или съ поворотомъ идутъ обратно. Около трехъ часовъ дня я замѣтилъ усталость коня, что объяснилъ жаждой, которую онъ испытывалъ уже вторыя сутки. Мнѣ пришла въ голову довольно удачная мысль—разрѣзать револьверный шнуръ и приспособить его къ машинкѣ моей маленькой бутылочки. Это мною было сдѣлано немедленно, и въ слѣдующей же деревнѣ и далѣе я вытаскивалъ по тридцати-сорока бутылочекъ изъ колодезя воды, чѣмъ нѣсколько утолялъ жажду коня. Больше этого количества доставать воды я не могъ, такъ какъ сильно самъ утомлялся. Заночевалъ въ этотъ день также въ степи, въ снопахъ. Остановился въ шесть часовъ вечера. Ночь такая же холодная, безсонная, мучительная... причемъ обижалъ меня и конь. На третью ночь ночлегъ былъ въ степи; ни хлѣба, ни овса, никакихъ посѣвовъ не было. Подъ голову нѣсколько разъ я нарывалъ руками травы, которую, укрывая носовымъ платкомъ, приспособлялъ какъ подушку; конь же, во время моей дремоты, съѣдалъ ее, и я оставался безъ подушки. Такъ прошло четверо сутокъ. Ѣхалъ я не менѣе шестидесяти-семидесяти верстъ въ день. Выѣзжалъ не позже 4 1/2—5 часовъ утра, словомъ,—какъ свѣтъ. Въ эти четыре дня я ѣлъ какую-то мелкую черную ягоду и сочную листовую траву, которую ѣлъ и конь мой; ягода оказалась горько-сладковатаго вкуса, листья же—большіе, сладкаго вкуса,

Digitized by Google

довольно пріятные. Кушанье это запивалъ маленькимъ глоткомъ воды, которою я очень дорожилъ, въ виду обременительности ея добыванія. Я чувствовалъ, какъ силы мои съ каждымъ днемъ упадали. На пятый день я нашелъ на дорогѣ небольшой кочанъ китайской капусты. Поднялъ его. Онъ оказался грязнымъ и сильно завядшимъ. Кочанъ этотъ служилъ мнѣ пищею въ теченіе всего пятаго дня. Ночь пятаго дня была замѣчательно теплая. Лежа на снопахъ, съ глубокой тяжестью на сердцѣ, обдумывалъ я свое ужасное, въ полномъ смыслѣ слова безвыходное положеніе. Голодъ мучилъ и томилъ меня до головокруженій. Впереди—та же безцѣльная ѣзда. А дальше и дальше—полное изнеможеніе, потеря силъ и голодная смерть... Въ первый разъ я ощутилъ въ душѣ безъисходную скорбь и отчаяніе; я заплакалъ, но затѣмъ сейчасъ же заснулъ. Не знаю, былъ ли это сонъ или забытье. Во всякомъ случаѣ, онъ продолжался часа два, и я очнулся довольно бодрымъ. Это было часа въ два ночи приблизительно. Часы разглядѣть въ темнотѣ я не могъ. Дальше время до свѣта ужасно тянулось, такъ какъ въ эту ночь мнѣ явилась новая свѣтлая мысль,—во что бы то ни стало разыскать телеграфные столбы. Этой мыслью я переживалъ минуту за часъ. Рано утромъ я взялъ направленіе на западъ, зная, что столбы тѣ идутъ съ юга на сѣверъ. Ѣхалъ цѣлый день перемѣннымъ аллюромъ. Заночевалъ вновь въ снопахъ скошенной чумидзы. На другой день поѣхалъ въ обратномъ направленіи, т.-е. на западъ, имѣя все ту же цѣль—пересѣчь линію телеграфныхъ столбовъ. Вновь день пропалъ. На восьмой день я опять продолжалъ это движеніе.

„Въ три часа дня я окончательно изнемогъ и остановился въ деревнѣ. Коню воды достать былъ не въ силахъ. Вытащилъ лишь себѣ бутылку, которую выпилъ тутъ же у колодезя; досталъ еще, выпилъ вновь; наполнивъ бутылку еще разъ, я ушелъ, ведя коня въ поводу, въ степь; отошелъ отъ деревни версты три. Здѣсь я потерялъ всякую надежду, что спасусь отъ голодной смерти. Голодъ меня уже не томилъ и мученій я не ощущалъ. Лежалъ на снопахъ и положительно ни о чемъ не думалъ. Глядѣлъ на тучи и заходящее солнце. У меня явились прекрасныя галлюцинаціи; первая — изъ тучи рельефнѣйшимъ образомъ вырисовывалась тройка лошадей, впряженныхъ въ старинный помѣщичій экипажъ. Экипажъ и кони—въ водѣ. Кони пьютъ. Четкость каждой фигуры была изумительна. Дальше, въ другихъ мѣстахъ, вырисовывались мужскія головы въ швейцарскихъ, съ длинными полями, шляпахъ, съ перьями. Рельефно видѣлъ во весь ростъ свою жену, въ шляпѣ,

Digitized by Google

въ профиль, и моихъ сыновей: четырехлѣтняго Бориса и одиннадцатимѣсячнаго Валерія. Они шалили въ дѣтской кроваткѣ. Рисовались еще хижины, деревья и проч. Бутылочку воды я уже выпилъ, и надо было вновь идти въ деревню, взять воды и на завтрашній день.

„Собравъ силы, я всталъ, но снова сѣлъ; ноги меня уже не держали, и я шатался. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, вновь приподнялся, и въ этотъ разъ не упалъ, и пошелъ съ конемъ набрать воды. Манчжуры, когда я набиралъ бутылкой коню воды, весело галдѣли и смѣялись. На третій день странствованія я наткнулся на гряды неубраннаго горошку, собралъ его цѣлый карманъ, что также мнѣ служило пищей до самаго конца. Утромъ, на седьмой день, я нашелъ гряду убранной рѣдьки; на ней на мою долю досталось недорослыхъ рѣдекъ нѣсколько штукъ—около десятка, но меня аппетитъ уже оставилъ, ѣсть не хотѣлъ, былъ очень слабъ, причемъ—дыханіе частое, лихорадочное, и я сознавалъ, что у меня сильный жаръ и что я простудился.

„Какъ провелъ ночь седьмого дня—не помню. На восьмой день я двигался по какой-то большой, наѣзженной дорогѣ. Китайцы говорили, что она идетъ на Мергенъ, но я не обращалъ уже на нихъ вниманія, шелъ по ней совершенно равнодушно, не зная, куда иду и зачѣмъ. Не думалъ ни о чемъ. Впереди, къ вечеру, показался большой лѣсъ, а въ немъ—китайскія деревни. Вода у меня была, и я въ эти деревни не поѣхалъ, а остановился въ степи. Нашлось нѣсколько копенъ хлѣба, еще не свезенныхъ китайцами.

„Эта послѣдняя ночь моихъ мученій была самою для меня тяжелою: былъ сильный морозъ, вода въ лужахъ замерзла. Руки, въ изорванныхъ перчаткахъ, обмерзли, ноги—тоже. Самъ отъ холода всю ночь не могъ, какъ говорится, попасть зубъ на зубъ... но все-же и она прошла. Утромъ ѣду по этой большой дорогѣ. Проѣхалъ версты четыре, въѣхалъ въ лѣсъ, вдругъ—выстрѣлъ, и мимо лошади пробѣжалъ громадный фазанъ; я взглянулъ въ сторону выстрѣла, увидѣлъ трехъ солдатъ, но себѣ я не повѣрилъ, зная, что у меня уже были галлюцинаціи. Когда же я остановился и солдаты подошли ко мнѣ, я былъ охваченъ чувствомъ страшной радости, до умиленія,—у меня снова слезы. Прежде всего я спросилъ, какой это постъ; одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что это — не постъ. Я имъ объяснилъ о всемъ, что произошло, и приказалъ, чтобы они меня вели въ свое помѣщеніе обогрѣться и, если можно, выпить чаю. Въ отвѣтъ я услыхалъ:

Digitized by Google

— Ваше благородіе, да вотъ Цицикаръ. Васъ ищутъ развѣдчики, наряженные для этого, а командиръ полка, сказываютъ, объявили китайскому дзянь-дзюню доставить васъ живымъ или мертвымъ въ полкъ, иначе—плохо будетъ.

„Цицикаръ былъ передо мною, а я мерзъ сильно простуженный въ какихъ-нибудь четырехъ верстахъ.

„Такъ счастливо окончилось мое голодное путешествіе. Еще однѣ сутки—и голодная смерть мнѣ была неминуема. Я едва могъ слѣзть съ коня,—ослабѣли мускулы ногъ и рукъ. На другой день, больной и разслабленный, я былъ отправленъ въ деревню Фулярди, въ 9-й подвижной полевой госпиталь на излеченіе".

XVI.—Отъ Харбина до Толочжоу.

Начало октября. Свѣтлое, морозное утро. Дворъ, улицы, крыши домовъ—все бѣло, все покрыто тонкимъ слоемъ снѣга, выпавшаго за ночь.

Въ Харбинѣ, на площадкѣ, передъ русско-китайскимъ банкомъ, составивъ ружья въ козлы, выстроилась рота. Солдаты, въ полушубкахъ и папахахъ, шалятъ, смѣются, топчутся на мѣстѣ, толкаютъ другъ друга и вообще стараются согрѣться. Имъ, очевидно, уже надоѣло ждать. По близости, на крылечкѣ, сидитъ командиръ роты, высокій, усатый поручикъ, пальто въ рукава, при револьверѣ и шашкѣ.

Я разъѣзжаю тутъ же верхомъ на вороной лошади, въ теплomъ пальто и папахѣ, и тоже при оружіи. Въ концѣ площадки двое статскихъ, банковскіе чиновники, въ визиткахъ и барашковыхъ шапкахъ, озабоченно укладываютъ вещи на длинную китайскую двуколую подводу. Она запряжена шестерикомъ маленькихъ китайскихъ лошадей цугомъ, попарно. Рядомъ стоятъ еще нѣсколько такихъ же подводъ. И чего-чего только не навалено на нихъ: ящики съ посудой, книгами, одеждой. Вонъ блеститъ самоваръ; торчитъ изъ раскрывшейся картонки черный шолковый цилиндръ; болтается по землѣ рукавъ отъ фрака. Проѣзжаю мимо ротнаго командира.

— Вѣдь вотъ, полковникъ,—этимъ господамъ давно было извѣстно, что сегодня въ восемь часовъ выступать. А ужъ больше часа дожидаемся!—обидчиво жалуется онъ, кивая на статскихъ. Приподнимается, крутитъ папироску и зализываетъ ее языкомъ.

Digitized by Google

— Да и еще съ часъ простоимъ! Смотрите, сколько повозокъ пустыхъ!—съ досадой говорю ему.

Китайцы-погонщики, въ ватныхъ курткахъ и такихъ же шароварахъ, привязанныхъ на тесемочкахъ, въ широчайшихъ мѣховыхъ шапкахъ, стоятъ у лошадей и терпѣливо дожидаются. Но, вотъ, по промерзлой дорогѣ, грузно подкатываютъ двѣ большихъ русскихъ троечныхъ телѣги съ вещами. На нихъ довольно удобно расположились контрольные чиновники, въ фуражкахъ съ синими околышами. Одинъ изъ нихъ—мой старый знакомый по Хунчуну, Мусатовъ. За этими повозками подъѣзжаютъ еще три. Впереди всѣхъ останавливается тарантасъ тройкой. Въ корню запряжена высокая, пятивершковая гнѣдая лошадь, а по бокамъ—два маленькихъ буланыхъ лошака. Длинныя уши ихъ презабавно болтались. Въ тарантасѣ сидѣлъ, въ енотовой шубѣ, агентъ восточно-китайской дороги Домбровскій, худощавый блондинъ, съ бритымъ лицомъ и длинными усами. Далѣе слѣдовала громадная китайская фура. Она горой была нагружена вещами. Китайцы—удивительные мастера перевозить на своихъ двуколкахъ тяжести. Меня увѣряли, что они наваливаютъ иногда по двѣсти пудовъ на одну подводу. За этимъ возомъ слѣдовала легонькая китайская повозка съ полотняннымъ верхомъ. Въ ней сидѣла Аннушка, прислуга Домбровскаго, укутанная и обвязанная платками, шалями и пледами съ головы до ногъ.

Аннушка была великая искусница жарить шашлыкъ. Я всю дорогу объѣдался имъ. Чуть только гдѣ привалъ, хотя и небольшой, смотришь, огонь у нея уже разведенъ, и сама она, раскраснѣвшись, вертитъ надъ раскаленными угольями сочную палку шашлыку.

А вонъ и моя повозка парой. Лошади маленькія, китайскія, отличныя! Въ корню бѣлая, а сбоку вороная. Ни въ какой грязи, ни на какой горѣ онѣ не выдавали. Только крикнешь, бывало, на нихъ, такъ рады изорваться. Конями правилъ казакъ охранной стражи, Лопашовъ, родомъ терецъ. Иванъ же мой сидѣлъ на возу, за барина.

И лошадей, и повозку, и самого Лопашова, любезно одолжилъ мнѣ начальникъ охранной стражи, полковникъ Гернгроссъ.

Лопашовъ былъ большой оригиналъ. Что его, бывало, ни спросишь, онъ одно отвѣчалъ:—„Такъ точно!“—или:—„Никакъ нѣтъ“.—Другой какой-либо фразы, за четыре мѣсяца, что онъ у меня пробылъ, я отъ него не слыхалъ.

Маленькій, коренастый, съ краснымъ, багровымъ носомъ и щетинистыми усами, стриженный подъ гребенку, онъ всегда былъ

Digitized by Google

сумрачный, угрюмый, недовольный. Голосъ имѣлъ грубый, рѣзкій. Ходилъ вѣчно въ синей мерлушачей китайской шубѣ, которую не скидывалъ съ плечъ. Въ ней онъ и спалъ, и Богу молился, и лошадьми правилъ. Гдѣ онъ досталъ эту шубу, и сколько за нее заплатилъ, не могу сказать,—полагаю, что не дороже того, сколько далъ за свою чечунчу въ Хунчунѣ мой милѣйшій Матвѣй Матвѣичъ.

Лопашовъ терпѣть не могъ китайцевъ, и презиралъ ихъ всѣми силами своей души. При каждомъ удобномъ случаѣ, онъ норовилъ вытянуть ихъ плетью. Много трудовъ стоило мнѣ, дорогой, удерживать его отъ этихъ попытокъ. Впрочемъ, иногда онъ бывалъ и добрый,—когда ему нужно было выманить что-либо. Тогда онъ разомъ точно перерождался. Становился ласковымъ, веселымъ и чрезвычайно вкрадчивымъ.

Какъ сейчасъ помню, сижу я въ Гиринѣ, въ своей фанзѣ, у окна, рядомъ съ помѣщеніемъ коменданта. Неподалеку разгуливаетъ по двору почтенный китаецъ, интендантъ при комендантскомъ управленіи, въ синемъ шолковомъ халатѣ и коричневой курмѣ. Шляпа черная съ перомъ. Коса жиденькая. Онъ важно куритъ свою маленькую трубочку на длинномъ мундштукѣ и глубокомысленно о чемъ-то раздумываетъ. Вдругъ, вижу, къ нему спѣшитъ мой Лопашовъ. Полы шубы развѣваются. Самъ веселый, глаза масляные, ноздри раздуты.

— Ходя! [1]) Ходя! тютень е? табакъ! табакъ!—выкрикиваетъ онъ и машетъ ему пустымъ кисетомъ. Тотъ, не измѣняя позы, съ снисходительной улыбкой, добродушно достаетъ висѣвшій у него сбоку шитый шолковый кисетъ, и начинаетъ пересыпать табакъ.

— Вотъ ходя! вотъ молодецъ! душа человѣкъ!—подхваливаетъ казакъ, совершенно забывая, что тотъ ни слова не понимаетъ по-русски. Обобравши чуть не весь табакъ, онъ преспокойно уходитъ, даже и не думая чѣмъ-либо отблагодарить китайца. Но вернемся назадъ.

Вся эта колонна, подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, идетъ въ Гиринъ. Кромѣ меня, Мусатова и Домбровскаго, ѣхалъ еще управляющій отдѣленіемъ русско-китайскаго банка въ Гиринѣ, англичанинъ мистеръ Кемпбель, такой же худощавый и такой же бритый, какъ и Домбровскій, и его помощникъ Красинъ. Они везли на нѣсколькихъ подводахъ серебро въ Гиринъ, въ слиткахъ и китайскихъ ямбахъ [2]).

[1]) Ласковое названіе китайца.

[2]) Ямбъ—китайская серебряная монета. Она бываетъ цѣнностью отъ 50 к. до 50 рублей.

Digitized by Google

Наконецъ готовы и банковскіе дѣятели. На послѣднюю китайскую подводу они разложили тюфяки, подушки, разлеглись на нихъ, и теперь ѣдутъ себѣ очень спокойно.

Длинной вереницей вытягивается колонна. Впереди идетъ взводъ съ самимъ ротнымъ командиромъ, а дальше тянутся подводы, большинство китайскія, шестериками. Колонну замыкаетъ остальная часть роты, при фельдфебелѣ.

Я ѣду въ Гиринъ съ той же цѣлью, съ какой ѣздилъ и въ Цицикаръ, т.-е. осматривать части войскъ: ихъ пищу, одежду и помѣщеніе. Какъ дитя радовался и этой командировкѣ. Да и какъ было не радоваться? Когда же бы я могъ въ другой разъ побывать въ сердцѣ Манчжуріи и увидать всѣ тамошнія чудеса? Вѣдь Гиринъ—не Хунчунъ, не Цицикаръ. Въ немъ насчитываютъ болѣе трехсотъ тысячъ жителей. Гиринъ—столица Манчжуріи. Въ немъ—резиденція дзянь-дзюня. Средоточіе торговли и цивилизаціи края. Тамъ арсеналъ, монетный дворъ.—Будетъ на что посмотрѣть, полюбоваться. Будетъ, гдѣ что и пріобрѣсти.

Не могу теперь безъ улыбки вспомнить, съ какими излишними предосторожностями выступили мы изъ Харбина. Городъ еще изъ виду не скрылся, какъ уже далеко впереди слѣдовали четыре солдата дозоромъ. Двое шли самой дорогой,—и двое по бокамъ. Между тѣмъ на встрѣчу намъ безпрестанно попадались транспорты, солдаты, мирные китайцы.

Вонъ тащится нашъ дозорный солдатъ полемъ. Солнце поднялось высоко. Снѣгъ растаялъ. Земля распушилась. Ноги у него, бѣднаго, глубоко вязнутъ въ пашню. Полушубокъ теплый. Останавливается служивый передохнуть. Снимаетъ папаху, вытираетъ мокрый лобъ, поддергиваетъ холщевую сумку съ патронами и сухарями, перекидываетъ винтовку на другое плечо, и снова бредетъ дальше, пробивая грудью переспѣвшую, желтую чумидзу. Я вскорѣ снялъ боковыхъ. На послѣдующихъ же этапахъ бралъ конныхъ казаковъ, дабы не мучить пѣхоту.

Мы двигаемся очень медленно, версты четыре въ часъ, не больше. Останавливаемся, отдыхаемъ. Варимъ пищу, и дальше ѣдемъ, все вдоль желѣзно-дорожнаго пути. Его уже поправляютъ послѣ китайскаго погрома. Во многихъ мѣстахъ шпалы вытащены, рельсы тоже, и только самое полотно да канавы указывали, гдѣ должна идти дорога. Было совершенно темно, когда мы втянулись на ночлегъ въ обширную, полу-разрушенную деревню. Очень непріятно проходить ночью мимо развалинъ. Про-

Digitized by Google

дранныя окна, раскрытыя настежь двери, проломленныя стѣны, и безъ того печальныя, въ сумракѣ ночи казались еще мрачнѣе. Такъ и мерещилось, что, вотъ-вотъ, выскочатъ хунхузы. Останавливаемся въ концѣ деревни у ханшиннаго [1]) завода, обнесеннаго высокой каменной стѣной. Благодаря только этимъ стѣнамъ, онъ, вѣроятно, и остался цѣлъ. Ворота широко распахиваются, и наши повозки, одна за другой, начинаютъ скрываться, точно въ пропасть какую. Здѣсь же былъ и постоялый дворъ. Хозяева-китайцы, въ своихъ черныхъ курткахъ и шапочкахъ, съ ключами въ рукахъ, озабоченные шмыгаютъ мимо меня въ темнотѣ, чтобы достать чумидзы лошадямъ, зерна и разныхъ разностей. Въ Манчжуріи сѣна не косятъ. На мѣсто него идетъ въ кормъ солома. Просторно расположился нашъ обозъ. Запылали костры. Солдаты варятъ пищу. Освѣщенные огнемъ, очень картинно стоятъ они надъ кострами, грѣютъ руки, разговариваютъ, смѣются. Имъ отводятъ длинную фанзу, съ теплыми канами. Мы же всѣ располагаемся въ другой фанзѣ рядомъ съ хозяевами. Ворота запираются, и вскорѣ все засыпаетъ. — И снится мнѣ, что на насъ нападаютъ китайцы. Луна ясно свѣтитъ на небѣ. Я, рядомъ съ командиромъ роты, стою у стѣнъ двора. Солдаты, просунувъ ружья въ амбразуры, ожидаютъ приближенія непріятеля.

— Пли!—слышится команда ротнаго командира, а затѣмъ отчаянные крики раненыхъ китайцевъ. Одновременно съ этими криками, мнѣ чудится сильный вѣтеръ, свистъ какъ бы отъ пуль. Просыпаюсь, — оказывается, во время сна, я какимъ-то образомъ пробилъ въ окнѣ бумагу, и холодный вѣтеръ сильно дулъ мнѣ въ голову. Спутники мои крѣпко спятъ, укрывшись одѣялами. Въ концѣ фанзы, на кухнѣ, мелькаетъ огонекъ. Направляюсь туда. Смотрю, сидятъ два китайца, тихонько разговариваютъ и что-то работаютъ. Осторожно подхожу ближе, и при свѣтѣ слабо мерцающаго ночника вижу столъ. На немъ лежитъ груда нарубленной мелкими кусками свинины. Китайцы берутъ ихъ своими необыкновенно длинными и крѣпкими ногтями на указательныхъ пальцахъ, какъ ножомъ, соскабливаютъ мясо съ костей. Мясо кладутъ въ кучку, а кости бросаютъ отдѣльно.

— Вотъ такъ угощенье будетъ!—думается мнѣ, и я вспоминаю, съ какимъ удовольствіемъ ѣлъ въ Цицикарѣ, въ харчевнѣ, подобное кушанье. Какъ противно показалось оно мнѣ теперь!

[1]) Водочнаго.

Digitized by Google

Иду во дворъ. Только чуть начинаетъ брежжить. Звѣзды блѣднѣютъ и одна за другой гаснутъ на небѣ. Горизонтъ подергивается огненной полосой. Кругомъ тихо, морозно. Все покрыто серебристымъ инеемъ. Лошади кое-гдѣ ржутъ и фыркаютъ. Пора запрягать, дорога дальняя. Неизвѣстно, что̀ можетъ по пути случиться.

— Эй, тамъ! позвать старшаго!—кричу. Черезъ минуту тотъ является.

— Здорово!

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Пошли на постъ, чтобы прислали четырехъ казаковъ въ провожатые, да пора поить и запрягать.

— Слушаю-съ!—слышится отвѣтъ, и солдатъ скрывается. Дворъ исподволь оживаетъ. Коней ведутъ поить. Китайцы-погонщики возятся около своихъ повозокъ, перекликаются, торопливо курятъ изъ маленькихъ трубочекъ и принимаются запрягать лошадей. Всѣ мы уже напились чаю, лишь одинъ англичанинъ нашъ, мистеръ Кемпбель спитъ, укрывшись съ головой, несмотря на то, что его неоднократно будили.

— Красинъ! будите его хорошенько,—говорю его помощнику, тучному мужчинѣ, съ окладистой бородой съ просѣдью.

— Мистеръ Кемпбель! Мистеръ Кемпбель! уже всѣ встали! Пора!—кричитъ онъ, наклоняясь надъ своимъ патрономъ. Англичанинъ, въ ярости, весь красный, вскакиваетъ съ постели.

— Нѣтъ, пол-ков-никъ!—тянетъ онъ.—Такъ не-во-з-мож-но! Вы поѣзжайте, а я останусь одинъ! Я не могу такъ рано вставать! Это невозможно!—Укутываетъ пледомъ голову и снова бросается на постель въ полномъ отчаяніи. Раздается дружный хохотъ.—Но вскорѣ онъ встаетъ, быстро глотаетъ стаканъ за стаканомъ полу-холоднаго чая и настойчиво слѣдуетъ за своей повозкой пѣшкомъ, чтобы хорошенько согрѣться.

Скучно слѣдовать за пѣхотой. Торопить же нельзя,—идемъ по маршруту.

Мы уже дней пять, какъ въ дорогѣ. Мѣстность—что̀ дальше, то живописнѣе. Все поля и поля. Несмотря на позднее время, хлѣбъ, по причинѣ военныхъ дѣйствій, всюду остался неубраннымъ. Тысячи десятинъ чумидзы, кауляна, бобовъ—сохли на корню и погибали.

Поднимаемся на пригорокъ. День солнечный, чудный. Окрестности далеко видны. Мѣстность слегка волнистая. Вдали бѣлѣютъ вершины горъ, покрытыя снѣгомъ. Темнѣютъ рощи, стѣны

Digitized by Google

одиночныхъ импаней. Желтѣютъ груды хлѣба и соломы. На встрѣчу намъ попадаются толпы китайцевъ-рабочихъ. Съ котомками за спиной, спѣшатъ они въ Харбинъ на заработки,—къ желѣзной дорогѣ. Нѣкоторые, побогаче, ѣдутъ на подводахъ. Вонъ тащится двуколесная фура восьмерикомъ. Точно гора какая! Впереди къ оглоблѣ приложенъ бѣлый флажекъ съ русской надписью; читаю: „Житель города Санъ-Ченъ-Пу,—Чинъ-Лу,—ѣдетъ въ Харбинъ—съ торговой цѣлью. Прошу начальниковъ частей чинить ему свободный пропускъ. Начальникъ гарнизона—полковникъ N". Вотъ уже сколько такихъ подводъ встрѣтили мы, и у всѣхъ лошади, хотя и маленькія, но очень хорошія, сытыя, береженныя. Сбруя вся украшена мѣдью. Любо смотрѣть! Интересно, что у китайскихъ повозокъ колеса вертятся вмѣстѣ съ осью, какъ у вагоновъ.

Высоко, точно на платформѣ, расположилось на возу человѣкъ двадцать китайцевъ. Они распиваютъ себѣ тамъ чай, курятъ, играютъ въ карты. Погонщикъ длиннымъ бичомъ оглушительно щелкаетъ и погоняетъ лошадей.

Далеко впереди шагаютъ наши солдаты. Я уже давно покинулъ своего коня и ѣду въ тарантасѣ Домбровскаго. Такъ гораздо спокойнѣе. Оглядываюсь назадъ,—за мной ѣдетъ крытая повозка съ Аннушкой. За этой повозкой тащится контрольная. Лошади ихъ устали. Паръ такъ и валитъ отъ нихъ. Имъ не подъ силу везти такую тяжелую телѣгу. Еще далѣе виднѣется подвода съ англичаниномъ и его помощникомъ. Они все такъ же удобно лежатъ, растянувшись на матрацахъ, и разговариваютъ. А вонъ и моя. Бѣлый коренникъ далеко виденъ. За повозкой тихонько выступаетъ мой верховой конь, привязанный за поводъ. Въ самомъ же концѣ колонны, порядочно растянувшись, „пылитъ" пѣхота, сверкая на солнцѣ штыками.

Подходимъ къ зажиточной деревнѣ. Она мало разрушена. Видны кумирни, богатыя фанзы.

„Помнимъ, братцы, какъ стояли...
На Амурскихъ берегахъ!"

—тоненькимъ теноркомъ затягиваетъ нашъ бравый запѣвало любимую ротную пѣсню, и машетъ рукой.

„Мы стояли, долго ждали
Командира своего!"

—дружно подхватываетъ хоръ.—Далеко по окрестностямъ раздаются звонкіе голоса пѣсельниковъ. Солдаты подтягиваются и дружнѣе отбиваютъ ногу. Имъ, очевидно, самимъ пріятно по-

Digitized by Google

смотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ ихъ пѣніе на китайцевъ. Тѣмъ временемъ жители со всѣхъ сторонъ бѣгутъ на встрѣчу намъ, послушать русскихъ пѣсенъ. Мужчины гурьбой стоятъ вдоль улицы. Женщины и дѣти осторожно, съ любопытными лицами, выглядываютъ изъ дверей и изъ-за стѣнъ домовъ. Мальчишки взбираются на крыши и изгороди, и оттуда глазѣютъ на насъ.

„Вы скажите, мои братцы,
Какъ вы служите царю!“

—отчетливо выкрикиваетъ запѣвало и посматриваетъ по сторонамъ.

Обозъ нашъ уже далеко миновалъ деревню, а китайцы все еще стоятъ за околицей, и въ недоумѣніи провожаютъ насъ глазами, какъ бы соображая, радоваться ли имъ, или горевать.

Солнце еще высоко. Мы приближаемся къ р. Ляленхе. Вдали виднѣются постройки. Курятся дымки отъ костровъ. Мелькаютъ человѣческія фигуры. А вотъ и желѣзно-дорожный мостъ. Во время войны онъ былъ сожженъ, и теперь ремонтировался.

Пока наши переправлялись по временному мосту, выхожу на берегъ. Кругомъ—рабочихъ множество, но русскихъ мало. Все китайцы. Инструменты у нихъ другіе, нежели у нашихъ. Топоры маленькіе, узенькіе, на длинныхъ топорищахъ. Стамески, долота, пилы, ножи—все другое. Подхожу къ дорожному мастеру. Въ суконномъ пиджакѣ на мѣху и форменной фуражкѣ, онъ степенно расхаживалъ между рабочими и наблюдалъ.

— Вотъ, забѣжалъ взглянуть на вашу работу! Скоро ли мостъ будетъ готовъ?—спрашиваю его.

— Да какъ матеріалъ. За нами дѣло не станетъ. Мѣсяца два, три. Вотъ, пожалуйте сюда. Извольте взглянуть: сваи наращиваемъ. Старыя обгорѣли. Такъ вотъ, чтобы новыя не бить, и наращиваемъ,—предупредительно разсказываетъ онъ.

— А вотъ здѣсь, въ этомъ мѣстѣ локомотивъ потопленъ. До сихъ поръ лежитъ въ водѣ,—его не видно.—Мастеръ указываетъ рукой.

Бревенъ, досокъ лежало на берегу великое множество. Я хожу, осматриваю, благодарю мастера за любезность, сажусь въ тарантасъ и ѣду дальше. Вдали виднѣются рощи. Темнѣютъ стѣны импаней, крыши кумирень.

— Вонъ гдѣ рощи, тамъ и Толочжоу, штабъ нашего полка, —говоритъ мнѣ ротный командиръ. Онъ идетъ рядомъ со мной, слегка придерживаясь за крыло тарантаса. Я радуюсь. Мы про-

Digitized by Google

шли сто-двадцать верстъ. До Гирина остается еще сто-восемьдесятъ. Въ Толочжоу—смѣна конвоя.

Вечерѣетъ. Въ уютной общей столовой расположились вокругъ стола человѣкъ двадцать офицеровъ. Тутъ и свои, тутъ и проѣзжающіе. Толочжоу—такой пунктъ, что всѣ, ѣдущіе въ Гиринъ и обратно, непремѣнно должны сюда заѣхать. Здѣсь—постоянные гости. 18-й восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ—замѣчательно гостепріимный и хлѣбосольный. Кто только, въ эту китайскую войну, не попробовалъ здѣшнихъ щей и не поѣлъ горячихъ битковъ на сметанѣ! И гдѣ они только доставали сметаны? Китайцы коровъ не доятъ и ничего молочнаго не ѣдятъ. Какъ хорошо 18-й полкъ умѣетъ устроиваться! Былъ я, напримѣръ, въ ихъ банѣ. Да вѣдь какая баня! — настоящая русская, на три отдѣленія, даже и дождичекъ есть. И какъ залѣзъ я, грязный, промерзшій, на жаркій полокъ, да какъ началъ меня баньщикъ, здоровенный стрѣлокъ, помахивать горячимъ вѣникомъ, такъ я въ такой восторгъ пришелъ, что забылъ и Манчжурію, и колонну свою.

Но вернемся къ разсказу. Тутъ же сидятъ и мои спутники. На столѣ лежатъ груды картъ и денегъ. Играютъ въ штоссъ. Мечетъ высокій, рыжій штабсъ-капитанъ. Лицо въ веснушкахъ. Онъ сумраченъ. Ему не везетъ. И всему виной поручикъ охранной стражи, полный, красивый блондинъ. Счастье валило ему до смѣшного. Какую карту ни поставитъ—все беретъ. Онъ сидитъ возлѣ меня.

— Ну-съ, готово!—угрюмо вопрошаетъ банкометъ и искоса посматриваетъ на „охранника“,—такъ звали въ Манчжуріи офицеровъ охранной стражи. Тотъ, между тѣмъ, шутя проситъ меня:

— Выбирайте карту!

— Нѣтъ, ужъ вы сами выбирайте, я не знаю,—говорю ему. Тотъ беретъ семерку, хватаетъ пачку кредитокъ и, не считая, кладетъ ихъ на столъ, подъ карту. Тѣмъ временемъ банкометъ обводитъ взоромъ всѣхъ играющихъ.

— У васъ что?—слышится его опавшій голосъ.

— Пять рублей карта!—хрипитъ старикъ полковой врачъ, маленькій, сѣденькій. Онъ, видимо, играетъ не изъ интереса, а отъ скуки, чтобы не сидѣть одному дома. Ему, старику, съ молодежью веселѣе.

— У васъ?—слышится тотъ же вопросъ.

— Пять рублей!

— У васъ?

Digitized by Google

— Десять рублей карта!—баситъ контролеръ. Онъ также сумраченъ. Онъ тоже проигрался.

— Ну, у васъ!—и банкометъ небрежно киваетъ головой въ самый конецъ стола. Тамъ сидѣлъ огромный, рыжій, неуклюжій статскій. Лицо все въ угряхъ.

— Рупь!—пищитъ тотъ тоненькимъ голоскомъ, въ противоположность своему огромному росту, и радостно потираетъ руки. Онъ уже порядочно выигралъ, но все боится увеличить кушъ.

Штабсъ-капитанъ рѣшительно повертываетъ колоду. Присутствующіе впиваются въ нее глазами. Наступаетъ полная тишина. Слышенъ только шелестъ картъ.

— Дана!—баситъ контролеръ и тащитъ изъ банка десятирублевку.

— И мнѣ дана!—хрипитъ докторъ и самодовольно гладитъ тощею рукою сѣдые усы, пожелтѣвшіе отъ табачнаго дыма.

— И мнѣ рубликъ пожалуйте!—визжитъ верзило статскій, подпрыгивая на стулѣ, какъ малый ребенокъ. Штабсъ-капитанъ хладнокровно разсчитывается. Эти карты ему—пустяки.

„Что-то семерка скажетъ?“—очевидно, думаетъ онъ.

— Хватитъ ли въ банкѣ, господа?—восклицаетъ кто-то.

— Хватитъ, хватитъ!—слышится отвѣтъ. Всѣ устремляются слѣдить за игрой.

Очередь за семеркой.

— Вотъ! Вотъ семерка!—шепчетъ чей-то голосъ осторожно.

— Нѣтъ, восьмерка!—шепчетъ другой.

Карты медленно выпадаютъ одна за другой, направо и налѣво. Семерки все нѣтъ. Всѣ присутствующіе какъ бы замираютъ. Наконецъ и семерка. Она беретъ.

— Фу ты! грѣхъ какой!—отчаянно вопитъ банкометъ и вскакиваетъ со стула. Весь красный отъ досады, отсчитываетъ онъ проигрышъ, суетъ остатокъ въ боковой карманъ своего мѣхового сюртука и поспѣшно уходитъ,—должно быть, за деньгами. Счастливый охранникъ провѣряетъ, сколько онъ выигралъ; оказывается—четыреста-пятьдесятъ рублей.

Мнѣ надоѣло смотрѣть. Иду спать. Въ просторной комнатѣ сидѣлъ у стола молоденькій офицеръ, въ одной рубахѣ и шароварахъ, и читалъ книгу.

— Вы что здѣсь одинъ сидите?—спрашиваю его.

— Я не играю. Я недавно изъ экспедиціи пришелъ!—застѣнчиво отвѣчаетъ онъ.

— Изъ какой экспедиціи?

— А меня за хунхузами посылали! Да не особенно удачно

Digitized by Google

кончилась! — разсказываетъ онъ, и молодыя блѣдноватыя щеки его покрываются легкимъ румянцемъ.

— А вы бы описали мнѣ вашу поѣздку!—прошу его.—Пожалуйста, будьте добренькій! Очень обяжете. Принимайтесь теперь же!—упрашиваю его.

Поручикъ нехотя достаетъ съ полки портфель, бумагу, чернила и садится писать.

— Половинка-то у меня уже готова!—какъ бы про себя бормочетъ онъ.—Пожалуй, къ утру и окончу.

Просыпаюсь,—еще совсѣмъ темно. На столѣ горитъ свѣча. Рядомъ лежитъ оконченная рукопись. На окнѣ виднѣется желѣзная кружка съ надписью: „На построеніе церкви 18-го вост.-сиб. стрѣлковаго полка, въ деревнѣ Толочжоу". На полу, на разостланныхъ буркахъ спятъ офицеры. Среди нихъ, поджавши ноги калачомъ, сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ мой вчерашній пріятель, толстый, симпатичный охранникъ. Тихонько посмѣиваясь про себя, онъ пересчитывалъ деньги.

— Что, поручикъ, много выиграли?—спрашиваю его.

— Да побольше трехъ тысячъ!—и онъ машетъ рукой, какъ бы желая сказать: и самъ не радъ,—столько выигралъ, что даже совѣстно.

Слѣзаю съ постели и подхожу къ нему.

— Дайте-ка мнѣ одну сторублевочку!—и беру кредитку.

— Зачѣмъ вамъ?—какъ бы испуганно спрашиваетъ поручикъ и улыбается.

Я складываю бумажку въ нѣсколько разъ и быстро опускаю ее въ кружку.

— Ну! что вы? Зачѣмъ? Я и то хотѣлъ въ Харбинѣ на нашу церковь пожертвовать!—заявляетъ онъ.

— А вы развѣ охранной стражи офицеровъ обыграли? Вѣдь здѣшнихъ, 18-го полка. Ну, такъ здѣсь и пожертвуйте. Отъ трехъ тысячъ можно.

Охранникъ машетъ рукой и продолжаетъ считать.

XVII.—Стычка съ хунхузами при Уанъ-цань-тунѣ.

Вотъ что гласила рукопись. Жаль, что она оказалась безъ подписи. Не знаю, кого теперь и благодарить за нее.

„Часа въ четыре дня 2 октября 1900 года пришелъ житель Сіу-винь-ли дер. Уанъ-цань-тунь съ жалобой, что хунхузы ограбили его и его домъ. Командиръ дивизіона, полковникъ Шверинъ,

Digitized by Google

онъ же начальникъ гарнизона г. Шуанъ-чен-пу, послалъ меня съ конным отрядомъ для поимки этихъ хунхузовъ. Взявъ съ собою 16 человѣкъ (изъ нихъ 13 учебной команды), вооруженныхъ винтовками и шашками, хлѣба, сахару и чаю на два дня, я въ шесть час. вечера выступилъ по направленію къ деревнѣ Уанъ-цань-тунь, въ 80 ли (37 верстъ) отъ г. Шуанъ-чен-пу. Проводникомъ служилъ вышеупомянутый ограбленный житель, а переводчикомъ—нѣкто Уанъ-ченъ-ли. Въ скоромъ времени послѣ нашего выхода, намъ пришлось остановиться на ночлегъ, такъ какъ сдѣлалось совершенно темно (мы выступили во время заката солнца); остановились мы на постояломъ дворѣ въ деревнѣ, въ семи верстахъ къ западу отъ нашего города. Китайцы не хотѣли насъ сперва пускать, такъ какъ принимали насъ за хунхузовъ, и впустили только послѣ долгихъ разговоровъ и убѣжденій со стороны нашего проводника и переводчика. Ради предосторожности я назначилъ три смѣны дневальныхъ, каждая въ два человѣка, вооруженныхъ ружьями.

„Переночевали благополучно; на разсвѣтѣ 3 октября двинулись дальше. По дорогѣ мы не плутали, такъ какъ проводникомъ былъ житель той самой деревни, въ которой расположились хунхузы. Три-четверти всей дороги шли мы рысью, такъ какъ я боялся, что хунхузы уйдутъ, и намъ ихъ не догнать (что уже однажды и было). Жители встрѣчавшихся намъ по дорогѣ деревень, узнавъ отъ переводчика цѣль нашей поѣздки, повидимому очень радовались, такъ какъ большинство изъ нихъ потерпѣло отъ этихъ хунхузовъ достаточно.

„Чѣмъ ближе мы становились къ дер. Уанъ-цань-тунь, тѣмъ болѣе трусили нашъ проводникъ и переводчикъ. Деревню эту мы увидѣли примѣрно верстъ за пять. Боясь, что хунхузы, увидя насъ, уйдутъ, я прошелъ всѣ это разстояніе рысью. Проводникъ и переводчикъ сильно отставали; во избѣжаніе ихъ побѣга, я приставилъ къ нимъ одного коннаго вѣстового. Наконецъ мы подъѣхали къ этой желанной деревнѣ. Съ виду она казалась покинутой жителями. По дорогѣ намъ попалось двое-трое ребятъ. Проѣхавъ полной рысью почти всю деревню и не встрѣтивъ ничего подозрительнаго, мы увидѣли въ концѣ ея большую толпу китайцевъ, которые, не замѣчая насъ, подпустили насъ шаговъ на двѣсти, послѣ чего вдругъ разсыпались во всѣ стороны, причемъ большинство изъ нихъ бросилось во дворъ того дома, у котораго они стояли. Съ виду онъ походилъ не то на ханшинный заводъ, не то на постоялый дворъ; былъ обнесенъ глинобитною стѣной, съ двумя воротами и башнями съ бойни-

Digitized by Google

цами. Это моментальное исчезновеніе китайцевъ показалось мнѣ подозрительнымъ, такъ какъ мирные жители никогда не разбѣгались при появленіи нашего отряда. Я бросился вслѣдъ за толпой полнымъ галопомъ. (Поспѣшность эта впослѣдствіи оказала большую услугу, такъ какъ не дала китайцамъ времени хорошенько приготовиться къ отпору). Оставивъ нѣсколько человѣкъ у однихъ воротъ, я ворвался съ остальными въ другія ворота, преслѣдуя толпу по пятамъ. Во дворѣ уже бѣгали китайцы въ форменныхъ военныхъ мундирахъ, съ ружьями. Лишь только успѣли люди спѣшиться, какъ раздался выстрѣлъ. До этого времени ни одинъ китаецъ не былъ нами тронутъ. Послѣ перваго же выстрѣла со стороны китайцевъ, я приказалъ своимъ рубить. Люди съ беззавѣтной храбростью бросились на китайцевъ; первый показалъ примѣръ бомбардиръ учебной команды, Платонъ Заболотный, причемъ разсѣкъ голову одному китайцу; за нимъ бросились остальные. Преслѣдуя бѣгающихъ китайцевъ, многіе изъ нашихъ послѣдовали за ними въ фанзы. Но сейчасъ же выбѣжали оттуда, такъ какъ онѣ оказались полны вооруженнымъ противникомъ. Послѣ перваго же выстрѣла, я, не желая подвергнуть даромъ лошадей опасности быть убитыми, приказалъ выводить ихъ со двора, что̀ и было выполнено людьми, оставшимися при лошадяхъ. Лошади были помѣщены во дворѣ дома противъ ханшиннаго завода; дворъ этотъ былъ обнесенъ глиняной стѣной около двухъ аршинъ. Между тѣмъ, пока мы справлялись съ китайцами во дворѣ, остальные успѣли засѣсть въ фанзахъ и открыть по намъ сильный огонь изъ оконъ, дверей, крышъ, стѣнъ и башенъ. Это произошло въ то время, когда выводили лошадей. На насъ посыпался цѣлый градъ пуль, причемъ были убиты два нижнихъ чина и два ранены. Единственное объясненіе того, что мы всѣ не были уничтожены этимъ убійственнымъ огнемъ—это трусость китайцевъ. Я собралъ къ себѣ человѣкъ пять и сталъ отстрѣливаться, прикрывая этимъ лошадей и коноводовъ. Въ этой перестрѣлкѣ было подстрѣлено нѣсколько китайцевъ, причемъ на мою долю пришлось два. Лишь только лошади были выведены, я отошелъ съ людьми къ воротамъ и сталъ на улицѣ спиною къ глиняной стѣнѣ, чѣмъ и обезпечилъ себя и людей отъ выстрѣловъ съ тыла; съ правой стороны насъ защищали ворота. Коноводы съ лошадьми были въ двадцати шагахъ противъ насъ по другую сторону улицы во дворѣ. Люди были прикрыты до извѣстной степени стѣной, лошади же оставались открыты непріятельскимъ пулямъ, и прикрыть ихъ не было никакой возможности. Китайцы заняли стѣны,

Digitized by Google

надъ которыми стояли и башни съ бойницами. Такимъ образомъ нашъ отрядъ былъ раздѣленъ улицей на двѣ части. При мнѣ было человѣкъ пять; изъ нихъ одинъ былъ съ раздробленнымъ пулей плечомъ. Остальные были съ коноводами; одинъ изъ нихъ былъ также раненъ, но легко, въ бокъ. Видя, что люди до извѣстной степени прикрыты, я сдѣлалъ имъ перекличку: оказалось, что двоихъ не хватаетъ; одинъ изъ нихъ былъ убитъ у меня на глазахъ во дворѣ въ то время, когда выводилъ лошадей, другого же не видалъ никто (впослѣдствіи выяснилось, что онъ былъ убитъ пулей за одною изъ фанзъ).

„Стоя такимъ образомъ, другъ противъ друга, мы могли держаться противъ превосходнаго въ силахъ противника. Мы обстрѣливали улицу въ обѣ стороны. Другая же часть нашихъ обстрѣливала стѣну, подъ которой мы стояли, и ворота, чѣмъ и обезпечивала себя отъ вылазки. Имѣй мы возможность скрыть лошадей отъ пуль и большой запасъ патроновъ, наше положеніе не было бы такъ тягостно; но, къ несчастью, ни того, ни другого у насъ не было. Такимъ образомъ съ начала стычки до этого времени прошло съ часъ времени. Китайцы вначалѣ осыпали насъ пулями, главнымъ образомъ направляя ихъ на коноводовъ. Черезъ нѣкоторое время они перестали торопиться и стрѣляли изрѣдка, не давая ни минуты отдыха. Какъ я уже говорилъ, прошло съ часъ времени, когда среди китайцевъ стало замѣтно какое-то оживленіе. Они открыли сильнѣйшій огонь по лошадямъ, желая этимъ отрѣзать намъ средство къ отступленію. Въ это же самое время замѣченъ былъ обходъ противника съ обоихъ нашихъ фланговъ. Часть китайцевъ, обойдя деревню съ обѣихъ сторонъ, стала къ намъ приближаться, скрываясь за мѣстными неровностями. Подсчитавъ число патроновъ—ихъ оказалось отъ двухъ до трехъ на ружье—и видя полную невозможность укрыть лошадей, я рѣшился отступить. Захватить съ собою убитыхъ не было никакой возможности, такъ какъ они были на дворѣ, наполненномъ китайцами.

„Приказываю людямъ по очереди перебѣгать черезъ улицу къ лошадямъ. Первымъ перебѣжалъ раненый. По всѣмъ перебѣгавшимъ китайцы открывали страшный огонь. Мы отвѣчали имъ, чѣмъ и можно объяснить удачу этой продѣлки. Переправивъ такимъ образомъ людей къ лошадямъ, я закончилъ это непріятное путешествіе.

„Китайцы, повидимому, поняли наше намѣреніе и открыли ужасный огонь. Палили со стѣны, изъ воротъ, изъ-за угловъ завода. Стрѣляли продольно съ улицы и огородовъ. Въ это время

Digitized by Google

никто изъ насъ не былъ ни раненъ, ни убитъ. Спасеніе наше должно считать чудеснымъ. Я приказалъ садиться на лошадей. Лошади страшно горячились и бѣсились въ этой ужасной свалкѣ.

„Въ это время раненаго никто не видалъ, почему онъ и былъ ошибкою сосчитанъ убитымъ. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ спрятался въ фанзу, такъ какъ не могъ принимать участіе въ бою. Лишь только люди сѣли на лошадей, я приказалъ скакать имъ цѣпью, чтобы не представлять изъ себя большой цѣли. Вырвавшись изъ двора, мы попали въ огородъ, по которому проѣхавъ шаговъ триста, я остановилъ команду, чтобы удостовѣриться въ наличности людей и лошадей. Китайцы продолжали стрѣлять, но пули эти не безпокоили насъ. Проводникъ и переводчикъ скрылись съ самаго начала, и намъ пришлось ѣхать прямо безъ дорогъ, держа направленіе на востокъ, чтобы не сбиться съ пути. Это было около $1^1/_2$ часовъ пополудни. Пріѣхали мы въ городъ въ шесть часовъ вечера. Люди вели себя превосходно: безусловное послушаніе, беззавѣтную храбрость, искреннѣйшую преданность своему начальнику—вотъ что они проявили за эти полтора часа времени. А были минуты по истинѣ трагическія. Геройскіе подвиги были совершены бомбардирами Шевелевымъ и Чумантывымъ. Въ минуту отступленія, нѣсколько лошадей вырвались, и два человѣка остались безъ лошадей; тогда вышеупомянутые бомбардиры, остановивъ своихъ лошадей, подсадили себѣ каждый по одному человѣку, вывезли ихъ въ поле, гдѣ тѣ и пересѣли на пойманныхъ лошадей, и тѣмъ спасли ихъ отъ неминуемой гибели. Бомбардиръ Шпаковскій, нисколько не заботясь о себѣ, бросился за лошадью своего офицера и, помогая ему сѣсть, старался прикрыть его собою и своею лошадью отъ непріятельскихъ пуль.

„Бомбардиръ Вороновъ на дворѣ отвелъ рукою дуло ружья, направленнаго въ насъ, и зарубилъ стрѣлявшаго китайца. Да и каждый изъ нихъ сдѣлалъ что-нибудь достойное и славное, что осталось наполовину незамѣченнымъ. Нетрудно драться въ открытую и на виду у многихъ, но трудно тамъ, гдѣ не на кого надѣяться, кромѣ какъ на себя".

XVIII. — Отъ Толочжоу до Гирина.

Прошло дней шесть, что мы покинули гостепріимный Толочжоу. Дорога все время идетъ довольно сносная. Хотя, надо правду сказать, вслѣдствіе ли военнаго времени, или просто у

Digitized by Google

нихъ не въ обычаѣ, только она была совершенно запущена. Въ другомъ мѣстѣ надо бы яму засыпать или завалить фашиной, а между тѣмъ приходилось объѣзжать Богъ знаетъ куда и возвращаться чуть ли не на то же самое мѣсто. Спуски съ горъ тоже попадались очень трудные. Вотъ передъ нами одинъ такой спускъ. Первой трогается громадная двуколая китайская фура, осьмерикомъ, моего друга Кемпбеля. О томъ, чтобы затормазить или задержать повозку, у китайцевъ и рѣчи нѣтъ. Зачѣмъ? на то коренникъ есть,—онъ выдержитъ. Передній погонщикъ, въ своей лохматой шапкѣ, съ трубкой въ зубахъ, ведетъ выносныхъ въ поводу. Фура всей своей тяжестью ложится на коренную, маленькую, круглую лошадку, гнѣдой масти, похожую на англійскаго клепера. Она прямо-таки садится на заднія ноги и скользитъ какъ на салазкахъ. И это безъ всякаго усилія со стороны хозяина, по одному только его крику. Спина у несчастной совершенно сгибается въ дугу. Кажется, вотъ-вотъ она не выдержитъ, лопнетъ, и фура кувыркомъ полетитъ въ кручу. Но вѣрный конь выдерживаетъ и шагъ за шагомъ спускаетъ все ниже и ниже. Здѣсь опять мы сталкиваемся съ удивительнымъ контрастомъ: съ одной стороны, китаецъ необыкновенно тщательно ухаживаетъ за конемъ, холитъ и бережетъ его, и въ то же время самымъ безсердечнымъ образомъ тиранитъ его, заставляя спускать съ горы страшную тяжесть безо всякой поддержки. Замѣчательно, какъ понятливы китайскія лошади. Часто случалось видѣть, какъ встрѣчный осьмерикъ, желая дать намъ дорогу и круто сворачивая въ сторону, перепутывался постромками самымъ невозможнымъ образомъ. Но стоило только хозяину крикнуть два-три знакомыя имъ слова, какъ уже лошади выравнивались и шли своимъ чередомъ. Возжей я не видалъ. Китайцы правятъ однимъ бичомъ, пощелкивая имъ то съ одной стороны лошади, то съ другой. Вѣроятно, отъ этого стеганья я встрѣтилъ очень много кривыхъ и даже совершенно слѣпыхъ лошадей. Одного китайца спрашиваю черезъ переводчика, какъ это онъ ѣздитъ на слѣпомъ коренникѣ?

— А зачѣмъ ей глаза? слѣпой спокойнѣе,—идетъ, не смотритъ по сторонамъ и везетъ лучше.

Вотъ, подите и разговаривайте съ нимъ! Подъ конецъ дороги я такъ приглядѣлся къ китайскимъ лошадямъ, что сразу могъ отличить слѣпую. Она, бѣдненькая, ступаетъ не такъ смѣло и постоянно водитъ ушами, какъ бы прислушивается.

Китайскія двуколыя повозки сработаны на-диво. Оси у нихъ деревянныя. Ободья у колесъ широкіе и всѣ сплошь убиты гвоз-

Digitized by Google

дями. Шины—я нарочно мѣрялъ—онѣ въ два пальца толщиной и не сплошныя, а съ маленькими промежутками, составныя. Какъ китайцы умудряются перевозить на нихъ по полуторасту и даже двѣсти пудовъ—это ихъ секретъ! Положимъ, мнѣ случалось видать за границей, въ особенности въ Парижѣ, какъ тамъ перевозили въ двуколкахъ тяжелые камни, но вѣдь зато тамъ и лошади запряжены, что слоны. А вѣдь этихъ отъ земли не видно!—безъ вершка и даже безъ двухъ. И, вотъ, на такой-то, можно сказать, пиголицѣ, китаецъ преспокойно спускаетъ съ горы такія тяжести. Удивительно!—Въ одной нашей китайской подводѣ шла съ боку корова, не выше китайской лошади. Я частенько наблюдалъ за нею. Всѣ триста верстъ до Гирина она отлично везла,—нигдѣ не отставала и не путалась.

Солнце клонилось къ вечеру, когда наша колонна, порядочно растянувшись, приблизилась къ мѣстечку Улагай. Еще издали увидали мы высокіе земляные валы, поросшіе вѣковыми деревьями. За ними, въ тѣни, возвышались двѣ кумирни: одна—внизу, другая—на пригоркѣ. И по величинѣ ихъ, и по наружному виду замѣтно было, что кумирни эти незаурядныя и что ихъ стоило посмотрѣть. Да и дорогой я много слышалъ о нихъ. Останавливаемся и идемъ къ кумирнѣ. Стучимъ въ ворота. Отворяетъ молодой бонза, по нашему—монахъ. Бритый, безъ косы, въ черной блузѣ и такой же черной шапочкѣ. Онъ съ радостнымъ видомъ ведетъ насъ. Видно, что мы уже не первые гости, и что труды его не остались неоплаченными. Дворъ чистый, мощеный. Вездѣ прибрано. Бонза отворяетъ двери, и посреди кумирни видимъ—въ нѣкоторомъ углубленіи возсѣдаетъ золоченый Будда, огромный, сажени двѣ вышиной. Стѣны всѣ рѣзныя и раскрашены. По бокамъ стоятъ, тоже раскрашенные, разные другіе идолы, со всевозможными выраженіями лица: и злые, и добрые, и насмѣшливые. Церковные сосуды, оловянные, стояли тутъ же, на жертвенникѣ, передъ Буддой. Эта кумирня хотя была и красиво отдѣлана, но она новая, а потому для меня не интересна. Спѣшу въ другую, что на пригоркѣ. Говорятъ, та—старая. И дѣйствительно, эта была необыкновенно красива и интересна. Кумирня мѣстами поросла мхомъ. Она построена на горѣ, и къ ней вели нѣсколько десятковъ каменныхъ ступеней, тоже поросшихъ травой. Внизу, передъ входомъ въ кумирню, стоялъ громадный бронзовый сосудъ съ какими-то изображеніями и надписями. Ничего подобнаго я еще не видалъ, а потому съ великимъ любопытствомъ ходилъ вокругъ и осматриваю. Затѣмъ, всѣ входимъ въ кумирню. Здѣсь сразу повѣяло стариной. На что

Digitized by Google

ни взглянешь—видно, что все здѣсь сооружено сотни лѣтъ назадъ. Кумирню эту, какъ мнѣ объяснилъ бонза, построила, пятьсотъ лѣтъ назадъ, одна богатая владѣтельная вдова. Она жила здѣсь въ крѣпости, за этими рвами и стѣнами, много лѣтъ и даже вела войну съ сосѣдями.

Въ особенности интересенъ гротъ, въ которомъ помѣщался Будда. Онъ весь рѣзной и раскрашенъ очень оригинально.

Бонза, повидимому, остался нами доволенъ. Домбровскій снялъ съ насъ здѣсь у кумирни фотографическую группу.

На другой день, около полудня, мы приближались къ Гирину. Еще верстъ десять не доѣзжая до него, началась отчаянная дорога. Ухабъ на ухабѣ, рвы и канавы. Двадцать верстъ мы тащились цѣлый день. Мѣстность гористая: то спускаемся, то поднимаемся. И лошади, и люди сильно измучились. Наконецъ, часа въ четыре вечера, съ одной горы близёхонько увидѣли мы длинныя стѣны, а за ними—безконечное пространство, покрытое маленькими одноэтажными домами. Среди нихъ возвышались башни, кумирни съ характерными двухэтажными крышами лодочкой, украшенныя драконами по бокамъ и высокими шестами въ видѣ мачтъ. То былъ Гиринъ. Невыразимо отрадно мнѣ было увидать этотъ городъ.

— Вотъ онъ гдѣ,—этотъ Гиринъ! Вотъ онъ, тотъ заколдованный для меня міръ, съ его удивительными нравами и обычаями! Посмотримъ! посмотримъ!—восклицалъ я въ душѣ.

Но прежде чѣмъ добраться до пристанища, намъ пришлось перенести немалую муку.

Вотъ и городская стѣна, вотъ и ворота съ башней. Нашъ часовой, съ ружьемъ, беретъ на-караулъ, а рядомъ съ нимъ китайскій солдатъ, съ большимъ клеенчатымъ клеймомъ на груди и раскрашенной палкой въ рукахъ, точно какимъ весломъ, отдаетъ намъ честь. Впереди ѣдетъ моя пара. Лопашовъ верхомъ, для того, чтобы облегчить повозку, а Иванъ правитъ. Вдругъ, и лошади, и повозка, и мой Иванъ исчезаютъ куда-то. Привстаю въ тарантасѣ, — о, ужасъ! — мы въѣхали въ улицу. Никакимъ перомъ нельзя описать, что̀ это была за грязь! По сторонамъ тянулись деревянные мостки, по которымъ пѣшеходы высоко проходили, точно по лавамъ. Смотрю,—бѣдный мой Сивко сидитъ гдѣ-то глубоко внизу, въ грязи, какъ собака, и безпомощно смотритъ по сторонамъ. „Воронка“ же и не видно. Онъ весь смѣшался съ грязью. Перепуганный Иванъ, по грудь въ вонючей жидкости, возился вокругъ телѣги и вытаскивалъ вещи. Колонна остановилась. Солдаты и погонщики бросаются помогать

Digitized by Google

Ивану. Кончилъ я тѣмъ, что взялъ солдатъ изъ конвоя; они вытащили и лошадей, и повозку, и вещи. Лошадей повели въ поводу, а все остальное понесли на рукахъ въ комендантское управленіе. Комендантъ города, Михаилъ Данилычъ Бѣклевскій, оказался мой старый знакомый. У него я и остановился.

Отъ городской башни до комендантскаго управленія, всего версты три, я ѣхалъ съ четырехъ до девяти часовъ вечера. Вотъ какова была дорога!

А. И. Верещагинъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ЖИЗНИ
ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ВЪ НАЧАЛѢ XIX-го ВѢКА.

I.

Въ настоящее время много говорится о необходимости общенія профессоровъ со студентами, о ненормальности того порядка вещей, при которомъ и тѣ, и другіе, являются отдѣльными посѣтителями университета. Вопросу о развитіи практическихъ занятій на юридическихъ факультетахъ придаютъ нынѣ такое значеніе, какъ будто раньше ничего подобнаго никогда не было. Многіе убѣждены, что практическія занятія составляютъ только принадлежность медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ. Въ дѣйствительности же, они всегда были и на историко-филологическихъ, и на юридическихъ факультетахъ, то усиливаясь, то ослабляясь и видоизмѣняя свои формы. Да и вообще ближайшее ознакомленіе съ исторіей русскихъ университетовъ (къ сожалѣнію, столь мало разработанной) привело бы насъ къ убѣжденію, что многія мѣры, представляющіяся новыми, на дѣлѣ уже практиковались много раньше и приносили несомнѣнную пользу, но, по отсутствію у насъ исторической традиціи, основательно нами забыты. Во всѣхъ университетахъ общественная жизнь студентовъ имѣла свою долгую, можно сказать, безпрерывную исторію, которую желательно было бы возсоздать, какъ по письменнымъ матеріаламъ, такъ, въ особенности, по живымъ воспоминаніямъ бывшихъ дѣятелей. Изъ этихъ любопытныхъ

Digitized by Google

историческихъ справокъ можно было бы убѣдиться, что поднятый нынѣ вопросъ о студенческихъ организаціяхъ, преслѣдующихъ цѣли матеріальной самопомощи, умственнаго, нравственнаго и эстетическаго самообразованія и саморазвитія, имѣетъ прочные и глубокіе корни въ прошлой жизни русскаго студенчества, и, слѣдовательно, теперь приходится не создавать новое, а воскрешать старое, которое чаще всего умирало не отъ недостатка жизненныхъ силъ, а отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Не опираясь на прямое разрѣшеніе закона, не пользуясь часто и нравственнымъ руководительствомъ профессоровъ, будучи только терпимы, эти учрежденія не могли пріобрѣсти той устойчивости, которою бы они обладали при соблюденіи этихъ условій. Отсюда ихъ сравнительная недолговѣчность и кажущаяся непрочность. Однако, если обратить вниманіе на то, что, несмотря на массу неблагопріятныхъ обстоятельствъ и препятствій, студенческія организаціи все-таки, въ тѣхъ или иныхъ формахъ почти безпрерывно существовали во всѣхъ русскихъ университетахъ, то невольно нужно будетъ придти къ убѣжденію, что они вызываются непреодолимыми жизненными потребностями и составляютъ законную и необходимую принадлежность студенческой жизни. Само собою разумѣется, что формы организацій видоизмѣнялись и должны видоизмѣняться въ связи съ потребностями времени и условіями жизни; но, повторяемъ, общія задачи—удовлетвореніе матеріальныхъ, умственныхъ, нравственныхъ и эстетическихъ запросовъ учащейся молодежи—оставались неизмѣнными въ продолженіе всего столѣтія. Приведемъ въ доказательство этого нѣсколько примѣровъ изъ исторіи харьковскаго университета, которою мы спеціально занимаемся: такіе же примѣры, безъ сомнѣнія, окажутся и въ исторіяхъ другихъ русскихъ университетовъ.

Наши примѣры интересны тѣмъ, что относятся къ первымъ десятилѣтіямъ XIX-го вѣка, когда дѣйствовалъ еще первый уставъ россійскихъ университетовъ 1804 года. Нѣкоторая сухость и односторонность положеннаго въ основаніе ихъ матеріала искупается его документальностью и достовѣрностью.

II.

Вторая половина царствованія императора Александра I-го представляетъ одну изъ печальнѣйшихъ страницъ въ исторіи русскихъ университетовъ. Тяжелая реакція нависла тотда надъ

Digitized by Google

Россіей, охватила всѣ стороны общественной жизни и особенно чувствительно отзывалась на университетахъ. Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ мистикъ кн. А. Н. Голицынъ. Магницкій и Руничъ совершали разгромъ казанскаго и петербургскаго университетовъ. Въ харьковскомъ университетѣ насаждали реакцію, обскурантизмъ и мистику на религіозно-нравственной подкладкѣ попечители округа Захарій Яковлевичъ и Егоръ Васильевичъ Карнѣевы. Краса и гордость харьковскаго университета, свѣтило математическаго факультета, ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій былъ удаленъ отъ должности, и его мѣсто занялъ покорное орудіе попечителя, бездарный Джунковскій. Подлаживаясь подъ тенденціи министра, стоявшаго во главѣ библейскаго общества, попечитель З. Я. Карнѣевъ стремился и въ Харьковѣ открыть отдѣленіе этого общества и чисто внѣшними, частью поощрительными, частью принудительными мѣрами насадить здѣсь религіозно-нравственное направленіе среди учащихъ и учащихся. Само собою разумѣется, что *такими* средствами благочестіе не было насаждено, но были искусственно созданы учрежденія, долженствовавшія служить его внѣшнимъ выраженіемъ—„Библейское общество“ у студентовъ и подобное же у воспитанниковъ гимназіи. Члены этихъ обществъ дѣлали денежные взносы и произносили соотвѣтственнаго содержанія рѣчи; иные сочиняли даже приличные случаю стихи. Въ 1822 году, въ студенческомъ библейскомъ сотовариществѣ числилось 98 членовъ, а въ 1823 году—159; денежныхъ взносовъ было 226 и 615 рублей. Собираемыя суммы отправлялись въ комитетъ „Слободско-украинскаго отдѣленія библейскаго общества“ и на нихъ пріобрѣталась библія. На „генеральномъ“, т.-е. общемъ собраніи членовъ студенческаго библейскаго сотоварищества, въ 1823 году, произнесены были слѣдующія рѣчи: студентомъ Сапфировымъ—„О важности библейскихъ собраній“; студентомъ Протопоповымъ—„О важности евангельскаго ученія“, и секретаремъ общества—отчетъ; въ члены его пожелали вступить попечитель округа и ректоръ харьковскаго коллегіума, архимандритъ Тимоѳей; для болѣе успѣшнаго веденія дѣлъ, кромѣ прежнихъ, избраны еще два новыхъ директора—кандидатъ Николай Корсунъ и студентъ Михаилъ Шевичъ; въ заключеніе, прочитано было Евангеліе.

Казалось, что общество процвѣтаетъ и развивается; но это только казалось... Библейскія общества преслѣдовали высокую цѣль—распространеніе книгъ священнаго Писанія, между прочимъ и на русскомъ языкѣ. Но распространяли они свою дѣятельность посредствомъ настойчивой рекомендаціи, исходившей отъ князя

Digitized by Google

А. Н. Голицына; внутренней силы и жизнеспособности они не имѣли. Тогдашній харьковскій епископъ Павелъ оффиціально свидѣтельствовалъ духовному начальству, что и общество, и даже духовенство, имъ не сочувствовало. Да и въ самомъ дѣлѣ: для прочнаго успѣха общественнаго дѣла необходимо сознательное отношеніе и внутреннее влеченіе къ нему; а спрашивается: можно ли было разсчитывать на нихъ у воспитанниковъ гимназіи? Не было того, очевидно, и въ студенческомъ библейскомъ сотовариществѣ, ибо возникло оно не по иниціативѣ самихъ студентовъ, не по внутренней потребности ихъ, а по воздѣйствію учебнаго начальства, которое и потомъ поддерживало и поощряло его существованіе, покровительствуя лицамъ, стоявшимъ во главѣ его. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, когда покровительство прекратилось, оно уже никогда не возрождалось, и единственнымъ воспоминаніемъ о немъ была недоимка, взыскивавшаяся, нѣсколько лѣтъ спустя, съ его директоровъ за неоплаченныя ими книги священнаго Писанія.

III.

Въ ноябрѣ 1823 года студенты харьковскаго университета, черезъ адъюнкта русской словесности Склабовскаго, подали ректору прошеніе, въ которомъ изъявляли желаніе составить „*Общество любителей наукъ, философскій факультетъ составляющихъ*“. Попечитель Е. В. Карнѣевъ, разсмотрѣвъ проектъ устава этого общества, составленный адъюнктомъ Склабовскимъ, нашелъ, что его нужно назвать „*Студенческимъ сотовариществомъ Общества наукъ при харьковскомъ университетѣ*, и поставить подъ непосредственное руководительство и наблюденіе этого общества, которое должно будетъ разсмотрѣть его уставъ и сдѣлать на него свои замѣчанія. Съ своей же стороны, попечитель нашелъ нужнымъ, во-первыхъ, чтобы въ каждомъ засѣданіи „Сотоварищества“ поперемѣнно присутствовалъ одинъ или два члена общества наукъ изъ его университетскихъ членовъ; во-вторыхъ, прежде открытія его поручить, кому слѣдуетъ, узнать о способностяхъ и свойствахъ студентовъ, желающихъ вступить въ члены, и допускать туда только достойнѣйшихъ, подъ отвѣтственностью директоровъ сотоварищества; въ-третьихъ, установить правило, чтобы студенты, отличавшіеся своими трудами въ сотовариществѣ, поступали въ сотрудники общества наукъ; и въ-четвертыхъ, наконецъ, чтобы болѣе состоятельные члены сотоварищества оказывали ему

Digitized by Google

нѣкоторую денежную помощь для составленія библіотеки и погашенія необходимыхъ мелкихъ расходовъ.

Общество наукъ (въ составъ котораго входили, главнымъ образомъ, профессора университета), разсмотрѣвъ уставъ сотоварищества, съ своей стороны постановило—студенческаго сотоварищества къ обществу наукъ не присоединять, а поставить ему въ обязанность ежемѣсячно сообщать послѣднему о ходѣ своихъ занятій.

Правила студенческаго сотоварищества были въ общихъ чертахъ таковы. Оно составлялось на основаніи § 9-го устава 1804 года, предусматривавшаго образованіе при университетѣ ученыхъ обществъ для занятія словесностью и опытными науками. Мотивы для его возникновенія были формулированы такъ: „Кандидаты и студенты университета будутъ совершенствоваться въ словесности посредствомъ дружескаго безпристрастнаго разбора какъ собственныхъ, такъ и чужихъ сочиненій; общество это, познакомивъ членовъ другъ съ другомъ и показавъ имъ одну общую цѣль, можетъ скорѣе раскрыть ихъ способности, возбудить соревнованіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія болѣе основательныхъ познаній въ отечественномъ языкѣ, пріохотить къ ученымъ занятіямъ и удовольствіямъ, ими доставляемымъ, пріучить предпочитать ихъ обыкновеннымъ свѣтскимъ забавамъ, утомляющимъ чувства и оставляющимъ въ душѣ пустоту; оно можетъ доставить студентамъ особую честь и лестное одобреніе просвѣщенныхъ и благомыслящихъ людей, привыкшихъ съ сердечнымъ удовольствіемъ смотрѣть на общую пользу отечества и предпочитать ее частнымъ выгодамъ. Общество намѣрено лучшія и наиболѣе обработанныя по древнимъ и новѣйшимъ образцамъ сочиненія своихъ членовъ печатать въ журналѣ, издаваемомъ университетомъ, а съ умноженіемъ числа ихъ—и отдѣльными книгами. Выручка отъ продажи этихъ изданій, а равно и всѣ суммы, которыя останутся за покрытіемъ необходимыхъ расходовъ по обществу, назначаются на вспомоществованіе такихъ учениковъ уѣздныхъ училищъ и гимназій, и студентовъ, которые, при недостаточности состоянія, будутъ отличаться дарованіями, успѣхами, поведеніемъ и склонностью къ наукамъ, въ особенности къ русской словесности и древнимъ языкамъ".

Общество должно было состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ попечителя округа и могло избирать еще особыхъ своихъ попечителей изъ лицъ, способствовавшихъ его благосостоянію и пользамъ. Попечители получали выписи изъ журналовъ общества, а ежегодные отчеты,

Digitized by Google

сверхъ того, представлялись черезъ ректора попечителю округа, который сообщалъ о нихъ министру народнаго просвѣщенія. Члены раздѣлялись на дѣйствительныхъ, почетныхъ, сотрудниковъ, корреспондентовъ и благотворителей. Дѣйствительные члены избирались изъ студентовъ, кандидатовъ и магистровъ, какъ находившихся въ вѣдомствѣ университета, такъ и выбывшихъ изъ него, съ условіемъ, чтобы они любили русскую словесность и желали содѣйствовать задачамъ общества. Адъюнкты университета, по желанію своему, подтвержденному согласіемъ общества, могли получить званіе его дѣйствительныхъ членовъ. Избраніе производилось по предложенію одного изъ членовъ, который долженъ былъ представить оригинальное либо переводное сочиненіе кандидата или вообще доказательства его познаній въ отечественной словесности; извѣстные начальству своими дарованіями, успѣхами въ наукахъ и благонравіемъ могли приниматься и безъ этого удостовѣренія. Каждый дѣйствительный членъ обязанъ былъ ежемѣсячно представить по крайней мѣрѣ одно прозаическое или стихотворное произведеніе; лицо, не представившее въ теченіе мѣсяца никакого сочиненія и не сообщившее о своихъ занятіяхъ или не явившееся безъ уважительной причины въ теченіе мѣсяца въ засѣданіе общества, исключалось изъ числа членовъ его. Почетные члены не несли никакихъ особыхъ обязанностей по обществу, а могли оказывать ему пользу своими совѣтами, пожертвованіями и сочиненіями. Въ члены-сотрудники могли поступать студенты, не желавшіе принимать на себя обязанностей дѣйствительныхъ членовъ или не могшіе удовлетворить предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ, а равно воспитанники гимназій и благородныхъ пансіоновъ; предполагалось, что вниманіе общества къ развивающимся талантамъ молодежи возбудитъ въ нихъ особенное усердіе къ отечественной словесности и откроетъ путь къ дальнѣйшему усовершенствованію для пользы отечества. Члены-сотрудники могли переходить въ категорію дѣйствительныхъ членовъ. Въ члены-корреспонденты могли избираться учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ харьковскаго учебнаго округа. Главная ихъ обязанность должна была состоять въ присылкѣ своихъ и чужихъ трудовъ историческаго, статистическаго и экономическаго характера, касающихся Украйны и вообще губерній, входящихъ въ составъ харьковскаго учебнаго округа; кромѣ того, они принимали на себя заботу о распространеніи изданій общества и привлеченіи къ нему благотворителей. Члены-благотворители брали на себя обязанность дѣлать пожертвованія книгами и деньгами, такъ какъ безъ такой матеріальной помощи,

Digitized by Google

какъ извѣстно, ни одно ученое общество не можетъ имѣть продолжительнаго и прочнаго существованія. Размѣръ пожертвованій не опредѣлялся. Любовь къ просвѣщенію, говорилось въ проектѣ, и благороднѣйшее желаніе оказывать необходимую помощь ищущимъ его должны опредѣлять мѣру благотворенія, и потому всякое пожертвованіе будетъ приниматься съ благодарностью; имена благотворителей будутъ вноситься въ особую книгу для сохраненія о нихъ памяти и при изданіи трудовъ общества будутъ напечатаны съ обозначеніемъ ихъ пожертвованія; затѣмъ черезъ попечителя округа объ этомъ будетъ доводиться до свѣдѣнія министра. Предсѣдатель избирался по большинству голосовъ изъ дѣйствительныхъ членовъ общества и утверждался по представленію ректора попечителемъ округа. Кромѣ того, для большаго успѣха въ своей дѣятельности, общество избирало еще нѣсколькихъ директоровъ изъ членовъ, наиболѣе преуспѣвшихъ въ какой-либо отрасли наукъ или языкахъ. Директоры должны были руководить малоопытными членами и сотрудниками въ выборѣ темъ для сочиненій и лучшемъ изложеніи матеріала. Кромѣ того, общество избирало временнаго предсѣдателя и секретаря. Казначей принималъ денежныя суммы, велъ кассовую книгу и давалъ обществу о нихъ ежемѣсячные отчеты; каждое полугодіе общество ревизовало казначея черезъ особыхъ ревизоровъ. Библіотекарю поручалась библіотека, которая должна была составиться частью путемъ пожертвованій, частью покупкою книгъ и періодическихъ изданій, которымъ предполагали вести подробный реестръ. Библіотекою могли пользоваться всѣ члены общества. Переписку общество имѣло право вести при посредствѣ университета.

Главная задача общества должна была состоять въ критическомъ разборѣ и изданіи оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій, относящихся къ изящной словесности и словеснымъ наукамъ, а частью и къ другимъ отраслямъ знаній при условіи, чтобы они были написаны чистымъ, вразумительнымъ и пріятнымъ языкомъ, такъ какъ особенное вниманіе общество желало обращать на слогъ; на первомъ планѣ стояли произведенія русскихъ писателей и особенно поэтовъ. Засѣданій должно было быть не менѣе четырехъ въ мѣсяцъ, исключая вакаціоннаго времени,—преимущественно въ праздничные и воскресные дни. Порядокъ для разбора сочиненій предполагался такой: сперва сочинитель или переводчикъ медленно и внятно читаетъ свою работу, чтобы каждый могъ замѣтить или записать неправильности или неясности содержанія или изложенія; затѣмъ, всѣ поочередно

Digitized by Google

представляютъ свои мнѣнія въ скромной и благопристойной формѣ доказательства ихъ; наконецъ, предсѣдатель собираетъ голоса, причемъ для полученія большинства требуется $^2/_3$ ихъ. Исправивъ сочиненіе, согласно сдѣланнымъ въ обществѣ замѣчаніямъ, авторъ возвращаетъ его секретарю. Въ случаѣ накопленія большого количества работъ, ихъ разсматриваетъ особый комитетъ изъ предсѣдателя, директоровъ и секретаря, сообщающій о своихъ заключеніяхъ обществу. Во время засѣданій должна быть соблюдаема строжайшая благопристойность и скромность, и потому запрещаются разговоры о дѣлахъ, не относящихся къ обществу, жаркіе споры, а въ особенности колкія слова, оскорбительныя выраженія и насмѣшки, относящіяся къ личности сочинителя. За исполненіемъ этого правила долженъ наблюдать предсѣдатель, имѣющій право, въ случаѣ надобности, закрыть засѣданіе; нарушившіе это правило, послѣ троекратнаго напоминанія, исключались изъ состава членовъ. Одинъ или два раза въ полугодіе должно быть торжественное засѣданіе, на которое приглашаются и посторонніе любители просвѣщенія.

Уставъ этотъ, какъ не трудно видѣть, имѣетъ одинъ существенный недостатокъ—излишнюю регламентацію. Едва-ли, напримѣръ, слѣдовало вносить требованіе, чтобы дѣйствительные члены общества доставляли ежемѣсячно по одному сочиненію—это требованіе было прямо-таки неисполнимо; кромѣ того, онъ отличался широтою своихъ плановъ и программы. Но въ немъ пріятно поражаетъ насъ связь, которая устанавливалась имъ между студенческимъ и профессорскимъ обществомъ наукъ, между студентами, кандидатами, магистрами, учителями, разсѣянными въ округѣ, и профессорами. Очевидно, здѣсь нужно видѣть благодѣтельное дѣйствіе университетскаго устава 1804 года, установившаго тѣсное общеніе между высшей, средней и низшей школой.

IV.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, въ какой мѣрѣ на практикѣ осуществлялся этотъ уставъ. Извѣстно, однако, что у студентовъ харьковскаго университета было сильно развито стремленіе къ литературной дѣятельности. Литературные вкусы и стремленія усвоивались въ подготовительныхъ къ университету школахъ. Еще незабвенный виновникъ основанія харьковскаго университета, Василій Назарьевичъ Каразинъ, собралъ и представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія цѣлую коллекцію поэтическихъ

Digitized by Google

произведеній питомцевъ главнаго народнаго харьковскаго училища, преобразованнаго потомъ въ гимназію. Воспитанники харьковскаго коллегіума, поступавшіе въ большомъ числѣ въ студенты харьковскаго университета, также отличались своими склонностями и способностями къ отечественной словесности. Въ Харьковѣ былъ напечатанъ тогда цѣлый сборникъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній воспитанниковъ благороднаго пансіона Коваленкова. Университетскіе преподаватели русской словесности — сначала извѣстный И. С. Рижскій, потомъ И. Е. Срезневскій—имѣли сильное вліяніе на развитіе литературныхъ стремленій у своихъ слушателей. Преподаваніе словесности состояло тогда, главнымъ образомъ, въ изложеніи реторики и піитики, т.-е. теоріи прозы и поэзіи, и сопровождалось не только разборомъ поэтическихъ образцовъ, но и составленіемъ самостоятельныхъ опытовъ. Среди студентовъ господствовала, можно сказать, страсть къ стихотворству, носившая эпидемическій характеръ—всѣ съ увлеченіемъ стремились на Парнасъ и пробовали свои силы въ различныхъ отрасляхъ поэзіи. Огромное большинство этихъ „поэтовъ", конечно, не обладало никакими художественными дарованіями, и ихъ сочиненія не появлялись въ печати. Но была въ этомъ движеніи, при всей крайности его, и хорошая сторона. Во-первыхъ, молодежь все-таки устремлялась здѣсь отъ будничныхъ интересовъ къ чему-то несравненно болѣе высокому—въ область поэзіи. Во-вторыхъ, при такомъ настроеніи никакъ не могло уже заглохнуть истинное дарованіе: поэтическій талантъ развивался съ раннихъ лѣтъ, благодаря теоретическому знакомству съ піитикой, а также и изученію художественныхъ образцовъ, и благодаря, наконецъ, литературнымъ опытамъ, находившимъ компетентную оцѣнку у преподавателей. Несомнѣнно, что И. С. Рижскій оказалъ вліяніе на развитіе литературнаго таланта у студента Нахимова, который сдѣлался еще въ университетѣ извѣстнымъ поэтомъ и пріобрѣлъ скоро славу одного изъ наиболѣе выдающихся тогдашнихъ русскихъ сатириковъ. Въ „Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія" напечатаны три басни Нахимова: „Живописецъ", „Молодой орелъ", „Пѣснь лужѣ". Чтобы дать понятіе о его талантѣ, приведемъ первую басню:

Былъ живописецъ славный,
Рафаилу въ искусствѣ равный,
И очень, очень не дуракъ;
Но сердцемъ жалкій былъ простакъ —
Ужъ до того онъ совѣсти держался,

Digitized by Google

Что даже знатнымъ льстить боялся!
А кто сіе почтетъ за грѣхъ?
Спросите вы у всѣхъ!
Сей добрый человѣкъ хотѣлъ себя прославить
И чѣмъ же? Вздумалъ онъ представить
Пороки всѣ и глупости людей.
Судя по мастерству, онъ сущій чародѣй!
Нельстива кисть его, что̀ ни изобразила—
Одушевила!
Картину кончивши, тотчасъ
Онъ выставилъ ее народу напоказъ;
Но лишь ее узрѣли,
Кокетки обомлѣли;
У плута волосъ дыбомъ сталъ,
Лжецъ трепеталъ,
Грызть ногти началъ скряга,
Грозилъ указами сутяга,
Кобенился предъ живописцемъ франтъ,
И Катилиною назвалъ его педантъ!
Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,
Порочные кричатъ художнику съ презрѣньемъ:
— „Ты пасквиль написалъ„
Честь нашу обругалъ;
Въ картинѣ сей смѣяться ты хотѣлъ надъ нами“.
Художникъ отвѣчалъ:
— „Я глупость и порокъ изобразить желалъ,
А васъ не трогалъ я, да васъ я и не зналъ:
Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
Когда красавцы вы душою“?
Но мастеръ сей не могъ себя тѣмъ оправдать,
Хоть умные его взялися защищать,
Но ихъ немного было,
И все вичійство ихъ глупцовъ не убѣдило —
Художникъ отданъ былъ подъ судъ,
Который сжечь велѣлъ его прекрасный трудъ.

Такъ будетъ всякому, кто только даръ имѣетъ
И льстить пороку не умѣетъ.

Извѣстно, какое значеніе придавали тогда степенямъ, чинамъ и отличіямъ (проф. Пани де-Савиньи повѣсилъ свой докторскій дипломъ подъ зеркаломъ). Нахимовъ же полученіе своего кандидатскаго диплома описалъ въ слѣдующемъ шуточномъ стихотвореніи, проникнутомъ добродушной ироніей.

Къ перу! Излей восторгъ и радость опиши!
За риѳмой риѳма вслѣдъ, стихъ за стихомъ спѣши!
Десницей мощнаго ученаго сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ,

Digitized by Google

Петлицъ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на степени высокой кандидата!
И слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!
Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода? [1])
Невѣжды, прочь! А ты, Дедаловъ правнукъ, Блюмъ [2]),
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И—что всего важнѣй—толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

Такимъ образомъ, сатира Нахимова внесла въ тогдашнюю литературу сильную струю критицизма, служившую прекраснымъ дополненіемъ и коррективомъ къ господствовавшему тогда направленію, выражавшемуся чаще всего въ диѳирамбѣ. Такой же духъ сатиры вынесъ изъ университета и другой харьковскій студентъ, извѣстный впослѣдствіи баснописецъ Масловичъ.

Въ „Періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія", кромѣ басенъ Нахимова, помѣщены еще слѣдующія сочиненія харьковскихъ студентовъ: 1) „Эстетическія замѣчанія на 17-й псаломъ"—Розальона-Сошальскаго; 2) „Гостомыслъ"—Архангельскаго, и 3) „Объ искусствѣ краснорѣчія"—Токарева. Нашествіе Наполеона и взятіе Москвы вызвали появленіе въ свѣтъ сочиненія студента Павлова: „Отзывъ о патріотизмѣ русскихъ". Студентъ Парпура издалъ въ Харьковѣ „Похвальное слово Александру Невскому". Кандидатъ Одинецъ-Заставскій перевелъ съ французскаго языка твореніе Демутьера—„Утѣшенія". Въ 1811 году вышелъ въ свѣтъ сборникъ студенческихъ работъ подъ заглавіемъ: „Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ", со статьями прозаическаго и стихотворнаго содержанія, касающимися преимущественно Донской области. Здѣсь мы находимъ статьи: „Описаніе мѣстопребыванія и свойства казаковъ войска донского"; „Зрѣлище во время открытія порта въ Таганрогѣ", и рядъ стихотвореній; среди нихъ самое лучшее: „Во снѣ и на яву". Вотъ его текстъ:

Во пологѣ тонкомъ, луной позлащенномъ,
На сельскомъ балконѣ, на югъ обращенномъ,

[1]) Онъ былъ напечатанъ на латинскомъ языкѣ.

[2]) Извѣстнѣйшій въ Харьковѣ столяръ, который былъ вывезенъ туда изъ Петербурга для университета В. Н. Каразинымъ.

Digitized by Google

Роскошно цвѣтами обставленъ вокругъ,
Игрой соловья услаждая мой слухъ,
Безпечно въ пріятныхъ мечтахъ засыпаю.
Мнѣ снится—на славномъ пиру я гуляю;
Межъ зе́ркальныхъ стѣнъ, на столахъ дорогихъ
Тамъ вина алѣютъ въ ковшахъ золотыхъ,
Тамъ сласти стоятъ расцвѣчѐной горою,
Здѣсь ханскаго чаю подносъ предо мною,
И сахаромъ сочный посыпанъ лимонъ;
Тутъ нимфы кружатся, тамъ слышенъ бостонъ,
Но мигъ! Все исчезло—и пышны уборы,
И винны каскады, и звонкіе хоры;
Лишь слышу какъ въ мельницѣ жерновъ гудитъ,
Какъ шумный ручей по колесамъ бѣжитъ на чотку
И плещетъ по щелямъ отъ чотки.

Само собою разумѣется, что художественное достоинство этихъ произведеній должно быть признано очень скромнымъ даже съ точки зрѣнія литературныхъ требованій *того* времени; у насъ же они могутъ вызвать только улыбку. Если сравнить эти стихотворенія съ тѣми, которыя напечатаны, напримѣръ, въ харьковскомъ студенческомъ сборникѣ нашего времени, то между ними окажется цѣлая пропасть. Нельзя, однакоже, упускать изъ виду общаго невысокаго уровня тогдашней поэзіи; главное, на эти труды нужно смотрѣть какъ на первые шаги, какъ на упражненія и опыты. И можно съ удовольствіемъ отмѣтить тотъ фактъ, что такіе опыты непрерывно продолжались и впослѣдствіи. Въ 1817 году вышла книга: „*Сочиненія студентовъ и вольнослушателей Харьковскаго университета*“, гдѣ были помѣщены слѣдующія статьи—1) Склабовскаго, „Разсужденіе объ испорченности природы человѣческой и о помощи, какую доставляетъ намъ истинная философія къ поправленію оной“; 2) Ник. Бѣлозерскаго, „О любви къ отечеству“; 3) Литвинова, „Мысли объ истинѣ и предразсудкахъ“; 4) Бразоля, „Воспоминаніе о родинѣ“; 5) Пономарева, „Воображеніе“; 6) Сафонова, „Объ истинномъ счастіи“; 7) Нестеровскаго, „Сравненіе Русской Правды съ Судебникомъ“; Здѣсь уже царитъ проза и научныя статьи; первая изъ этихъ работъ вызвала порицаніе министерства кн. А. Н. Голицына за увлеченіе философіей въ ущербъ религіи. Кстати замѣтимъ, что это былъ тотъ самый Склабовскій, который впослѣдствіи игралъ руководящую роль въ студенческомъ библейскомъ обществѣ, а потомъ былъ авторомъ проекта объ учено-литературномъ кружкѣ; замѣчанія министра и попечителя не прошли для него безслѣдно—онъ ихъ принялъ къ точному исполненію, оставилъ въ покоѣ всякую мудрость философіи и обнаруживалъ большое

Digitized by Google

внѣшнее усердіе къ религіи. Въ 1818 году были напечатаны *„Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета“* со статьями Пафнутьева („О цѣли ученія“); Склабовскаго („Историческій взглядъ на Россію отъ основанія монархіи до порабощенія ея татарами“); Назарьева („О соревнованіи“); Левицкаго („О развитіи нравственнаго чувства“); Бѣлоусова („Послѣднія минуты Демосѳена“), Склабовскаго („De felicitate hominis“), и стихотвореніями Склабовскаго, Шкляревича, Дыздерева, Петрова, Бѣлозерскаго. Въ 1821 году опять вышли въ свѣтъ *„Сочиненія и переводы студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета“*, и тамъ были помѣщены слѣдующія статьи: 1) Дружкевича, „Разсужденіе о возрожденіи“; 2) Алаторцева, „Объ отношеніяхъ между словесностью и науками“ (пер. съ франц.); 3) Севастьянова, „Разборъ псалма 65“; 4) Протопопова, „О краснорѣчіи“ (пер. изъ Блэра); 5) Золотарева, „Рѣчь, произнесенная при открытіи студенческаго библейскаго сотоварищества“; 6) Карасева, ода—„Миръ“; 7) Севастьянова, „Клятва Мессіи и обѣтъ Бога изъ Мессіяды Клопштока“ (стих.); 8) Неизвѣстнаго, „Храмъ смерти“, подражаніе Нарушевичу (стих.); 9) Петровскаго, „Смерть Патрокла“. Отрывокъ изъ Иліады (вольный пер.).

Любопытно, что послѣ этого печатныхъ трудовъ студентовъ мы уже не видимъ. Изъ этого можно вывести заключеніе, что студенческое сотоварищество не печатало своихъ рефератовъ отдѣльными изданіями. Очевидно также, что оно само было вызвано къ жизни научно-литературнымъ движеніемъ, существовавшимъ у харьковскихъ студентовъ до 1823 года. Въ концѣ царствованія имп. Александра I-го и въ началѣ царствованія имп. Николая Павловича не было благопріятныхъ данныхъ для свободнаго развитія научно-литературной дѣятельности у студентовъ. Да и само „Общество наукъ“, подъ протекторатъ котораго было поставлено студенческое сотоварищество, послѣ 1817 года не печатало своихъ трудовъ. Съ другой стороны, извѣстія объ ученолитературной дѣятельности университета въ 1824—1826 гг. находили себѣ мѣсто въ „Украинскомъ Журналѣ“, издававшемся подъ редакціей Склабовскаго, занявшаго должность адъюнкта при университетѣ.

На содержаніи трехъ вышеуказанныхъ студенческихъ сборниковъ мы здѣсь останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что и научныя статьи въ нихъ, какъ въ болѣе раннемъ, разсмотрѣнномъ нами прежде, сборникѣ, проникнуты литературнымъ, а не научнымъ складомъ. Прибавимъ къ этому, что одинъ изъ

Digitized by Google

самыхъ энергичныхъ участниковъ этихъ сборниковъ—Склабовскій—сдѣлался виднымъ мѣстнымъ литераторомъ, а другой—студентъ харьковскаго университета, Алексѣй Левшинъ—въ 1816 г. напечаталъ сочиненіе „Письма изъ Малороссіи", которое обратило на себя вниманіе въ краѣ.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что научно-литературное движеніе среди профессоровъ харьковскаго университета, достигшее наибольшаго процвѣтанія въ первое десятилѣтіе существованія университета, дало толчокъ къ образованію среди студентовъ такихъ же стремленій,—и эти послѣднія нашли себѣ выраженіе первоначально въ изданіи студенческихъ научно-литературныхъ сборниковъ, а потомъ—въ образованіи на этой почвѣ научно-литературнаго кружка.

То же благотворное взаимодѣйствіе профессорской и студенческой среды привело, какъ мы увидимъ, къ общенію между ними на чисто научной почвѣ.

V.

Необходимость общенія профессоровъ со студентами ясно сознавалась и при дѣйствіи перваго университетскаго устава 1804 года. Любопытнымъ памятникомъ въ этомъ отношеніи является „Проектъ ученыхъ собесѣдничествъ между студентами и преподавателями" 1835 года, съ содержаніемъ котораго мы теперь и познакомимъ читателей. Происхожденіе его таково. Тогдашній попечитель округа, гр. Ю. А. Головкинъ, обратился въ совѣтъ университета, 10-го октября, съ такимъ предложеніемъ: „Обращая вниманіе на учебную часть университета и замѣчая малое упражненіе разсудка учащихся и чрезвычайное обремененіе ихъ памяти, которая не можетъ быть достаточна для образованія ума, я нахожу весьма полезнымъ, независимо отъ обыкновеннаго теченія лекцій, назначить бесѣды студентовъ съ гг. профессорами и преподавателями, цѣль коихъ заключается въ томъ, чтобы преподаватель могъ короче ознакомиться съ познаніями и умственными способностями своихъ слушателей, изощрялъ бы ихъ разсудокъ, дѣлился бы съ ними богатствомъ своихъ свѣдѣній и опытности и пр. Предметомъ же таковыхъ бесѣдъ могутъ быть науки, преподаваемыя въ университетѣ, чтеніе лучшихъ авторовъ, разборъ и критика сочиненій и т. п. А потому предлагаю совѣту университета назначить для этого рода занятій удобное время и мѣсто такъ, чтобы бесѣды эти не затрудняли обыкновеннаго хода лекцій, о чемъ и донести мнѣ". Черезъ нѣ-

Digitized by Google

сколько времени попечитель отправилъ въ совѣтъ самый проектъ о „собесѣдничествѣ“ и предложилъ привести его въ исполненіе съ 1-го ноября.

Вотъ подлинный текстъ этого любопытнаго проекта:

„Одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ образовательной системы нашего публичнаго воспитанія заключается въ маломъ упражненіи благороднѣйшей познавательной способности, т.-е. *разсудка*, при чрезвычайномъ обремененіи памяти. Этотъ недостатокъ замѣченъ мною вообще не въ однихъ низшихъ училищахъ, но и въ самомъ университетѣ.

Университетъ, какъ высшее образовательное учрежденіе, предполагаетъ высшую сферу не одного ученія, но и формъ его. Формы университетскаго ученія должны отличаться отъ формъ всякаго другого образованія характеромъ тѣснѣйшаго сочетанія души наставника съ душою его слушателя. Къ этому благотворному сочетанію предрасполагаютъ ихъ нѣкоторымъ образомъ и достоинство мѣста, ихъ соединяющаго, и сама природа: первое предполагаетъ важность и обширность предмета, на немъ излагаемаго; вторая предполагаетъ слушателя, по развитію его возраста и умственныхъ способностей стоящаго уже болѣе или менѣе въ уровень съ важностью предмета его ученія.

Формы университетскаго—лекціоннаго собесѣдничества со слушателями, касательно внутренняго достоинства, отличаясь отъ гимназическихъ планомъ, размѣромъ, духомъ и точками зрѣнія, относительно внѣшняго выполненія стоятъ въ одной категоріи съ гимназическими: то же безмолвно-напряженное вниманіе слушателя въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ! Такъ называемыя *репетиціи*, при всей ихъ необходимости, какъ средства ознакомленія профессора со студентами, измѣняя нѣсколько форму отношеній его къ слушателямъ, никогда не въ состояніи будутъ замѣнить пользу другого, лучшаго способа этихъ отношеній, т.-е. прямого собесѣдничества наставника съ его слушателями. Что касается до университетскихъ экзаменовъ, то, заключенные въ тѣсныхъ предѣлахъ времени для всѣхъ факультетовъ, они никогда не допустятъ другого способа оцѣнки дарованій, кромѣ мнемоническаго: болѣе или менѣе счастливая память, болѣе или менѣе присутствія духа и быстроты въ отвѣтахъ, всегда или почти всегда бываютъ достаточны къ опредѣленію степени успѣховъ молодого человѣка, къ рѣшенію, такъ сказать, будущей его участи, безъ отношенія къ его высшимъ умственнымъ способностямъ. Если къ этому присовокупить еще понятіе о сціэнтифическомъ бытѣ вообще нашей университетской молодежи,

Digitized by Google

оставленной на собственный учебный и ученый произволъ, внѣ университетскихъ аудиторій,—молодежи, мало читающей, еще менѣе размышляющей и побуждаемой къ размышленію, то и удивляться нечему, что бо́льшая ея часть, только съ наступленіемъ времени экзаменовъ, торопливо принимается за книги, записки и тетради, и, принимаясь за нихъ торопливо, безъ запаса собственныхъ сужденій о пройденныхъ въ курсѣ предметахъ ученія, естественно подвергаетъ затверживаніе ихъ одной ремесленной, такъ сказать, выдѣлкѣ памяти.

„Въ устраненіе такихъ недостатковъ, на которые указалъ я только намекомъ, весьма желательно было бы мнѣ, чтобы и профессора и вообще университетскіе преподаватели учредили, каждый по своему предмету, непосредственныя взаимныя собесѣдничества съ ихъ слушателями, независимо отъ обыкновеннаго теченія ихъ лекцій. Такое учрежденіе, по предлагаемому мною способу выполненія, не отнимая много времени отъ обычныхъ занятій преподавателей, послужило бы, съ одной стороны, благороднѣйшею пищею для ихъ педагогическаго рвенія, съ другой—доставило бы имъ новый случай доказать готовность подѣлиться богатствомъ своихъ свѣдѣній и опытности съ юношествомъ, ввѣреннымъ ихъ руководству. Почему предлагаю совѣту опредѣлить эти занятія въ четырехъ отношеніяхъ: 1) *по мѣсту*, въ которомъ помянутыя собесѣдничества должны происходить; 2) *по времени*, въ которое и во сколько они должны происходить; 3) *по содержанію* и 4) *по способу* выполненія ихъ.

„1) *По мѣсту*. Различное число слушателей у разныхъ преподавателей и по разнымъ факультетамъ не всегда можетъ допустить возможность приватнаго учрежденія собесѣдничествъ на дому у каждаго изъ нихъ. Есть каѳедры, по которымъ число посѣтителей лекцій простирается отъ 50 до 100 и болѣе человѣкъ. Соединеніе ихъ на дому, въ одинъ и тотъ же часъ, было бы сопряжено съ большимъ неудобствомъ и даже вовсе невозможно. Къ тому же полагаю, что самый публицитетъ ученыхъ собесѣдничествъ придастъ имъ видъ бо́льшей важности, бо́льшаго одушевленія и соревнованія, нежели домашняя приватность. Поэтому пусть совѣтъ назначитъ въ самомъ университетѣ число аудиторій по числу факультетовъ. Такимъ образомъ, чтобы занятіе ихъ для собесѣдничествъ не мѣшало занятію ихъ для обыкновеннаго преподаванія лекцій, равно чтобы и самыя собесѣдничества по разнымъ каѳедрамъ одни другимъ не были помѣхою.

„2) *По времени*. При нынѣшнемъ числѣ часовъ преподаванія лекцій въ университетѣ, достаточно будетъ, если каждый изъ

Digitized by Google

преподавателей, въ теченіе учебнаго мѣсяца, составитъ со своими слушателями не болѣе двухъ собесѣдничествъ, изъ коихъ каждое продлится не свыше двухъ часовъ. Съ приведеніемъ въ дѣйствіе новаго университетскаго устава, при восьми-часовомъ еженедѣльномъ преподаваніи лекцій можно будетъ, по мѣрѣ надобности, увеличить время ученыхъ собесѣдничествъ еще двумя часами на счетъ времени самыхъ лекцій.

„3) *По содержанію.* Два рода ученыхъ матерій могутъ составить предметъ собесѣдничества университетскаго наставника съ его слушателями: одна — прямая, заимствованная изъ пройденной науки или отдѣла ея въ предъидущихъ лекціяхъ, развитіе которыхъ должно въ собесѣдничествѣ превратиться въ сократическую форму изложенія, доказательствъ, возраженій и опроверженій; другая—косвенная, прямо не относящаяся къ предмету преподаванія, но имѣющая съ нимъ сродство или близкое отношеніе; таковы, напримѣръ, нѣкоторые отдѣльные ученые трактаты и сочиненія, критика и рецензіи, идеи которыхъ болѣе или менѣе способны озарить науку преподавателя новымъ свѣтомъ. Ни въ первомъ, однакожъ, ни во второмъ случаяхъ нѣтъ надобности строго придерживаться систематической послѣдовательности отдѣловъ науки въ собесѣдническихъ засѣданіяхъ; да и самое ограниченное число этихъ послѣднихъ дѣлаетъ невозможнымъ такую послѣдовательность. Довольно будетъ уже и того, если предметъ собесѣдничества будетъ хотя нѣсколько знакомъ собесѣдникамъ; выборъ же его для того или другого собесѣдничества можетъ совершенно зависѣть отъ преподавателя, съ тѣмъ, однакоже, чтобы молодые собесѣдники заранѣе, отъ одного засѣданія до другого, были предвариемы о предметѣ будущей бесѣды, съ указаніемъ по ней ученыхъ руководствъ и пособій.

„4) *По способу выполненія.* Успѣхъ ученаго предпріятія, предлагаемаго мною уму и опытности преподавателей, будетъ совершенно зависѣть отъ двоякаго способа его выполненія: внутренняго и внѣшняго. Подъ именемъ внутренняго я разумѣю здѣсь, независимо отъ искусства самаго изложенія предмета, высшую степень того пламеннаго рвенія, которымъ должно одушевляться всякое благое и особенно подобное предпріятіе; ибо если гдѣ-либо, такъ это въ начинаніяхъ подобнаго рода никакая ученость, никакая геніальность не въ состояніи замѣнить силы участія сердца. Подъ именемъ внѣшняго разумѣю я формы и порядокъ, по которымъ должны происходить дѣйствія собесѣдниковъ. Формы эти и порядокъ таковы. Въ назначенный заблаговременно часъ преподаватель застаетъ своихъ собесѣдниковъ въ извѣстной ау-

Digitized by Google

діторіи. Въ самомъ началѣ онъ, въ бо́льшемъ или мѣньшемъ объемѣ, судя по надобности, утверждаетъ главное *положеніе* (thesis), долженствующее составить предметъ собесѣдничества. Вслѣдъ за тѣмъ относится къ слушателямъ съ такими вопросами, рѣшеніе которыхъ даетъ развитію данной идеи разговорную форму. Но такъ какъ одновременная бесѣда, особенно при многочисленности собесѣдниковъ, могла бы повлечь за собою шумъ и безпорядокъ, то, для отвращенія этого неудобства, наставникъ обращается съ вопросомъ прямо къ одному изъ собесѣдниковъ и ожидаетъ отъ него отвѣта, предоставляя, впрочемъ, и другимъ право рѣшить вопросъ прежде его, если они въ состояніи то сдѣлать. Само собою разумѣется, что порядокъ вопросовъ долженъ быть направляемъ такъ, чтобы рѣшеніе ихъ, опровергательнымъ или защитительнымъ способомъ, развивая данное положеніе въ систематической послѣдовательности, приводило, наконецъ, къ рѣшительной развязкѣ или результату, сумма котораго составляла бы сумму какихъ-либо важныхъ истинъ въ научномъ отношеніи. Рѣшеніе вопросовъ, независимо отъ способа ихъ предложенія, хотя бы то и софистическаго, можетъ быть допущено двоякое: словесное или письменное, съ тѣмъ, однакоже, чтобы объемъ послѣдняго находился въ соотвѣтствіи съ даннымъ для собесѣдничества временемъ; всякое же письменное рѣшеніе заданной въ собесѣдничествѣ темы, выходящее, по объему своему, за предѣлы этого времени, назначается къ подачѣ наставнику внѣ университетской аудиторіи".

Какъ видимъ, этотъ проектъ, написанный шестьдесятъ-пять лѣтъ тому назадъ, въ основѣ своей составленъ такъ разумно и основательно, что подъ нимъ можно смѣло бы подписать и 1901 г. И всѣ факультеты, кромѣ медицинскаго, стали примѣнять его въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ изложенъ у насъ. На этико-политическомъ отдѣленіи собесѣдованія ввели у себя профессора: Могилевскій, Степановъ, Гордѣенко, Ѳедотовъ, Куницынъ, Платоновъ, Клобуцкій; на физико-математическомъ—Комлишинскій, Павловскій, Архангельскій, Черняевъ, Шагинъ, Каленниченко, Правицкій, Дьяченко и Лапшинъ; на словесномъ—Артемовскій-Гулакъ, Мауреръ, Сокальскій, Якимовъ, Протопоповъ, Пани-де-Савиньи, Валицкій и Лунинъ. Медицинскій факультетъ назначилъ бесѣды на четвертомъ курсѣ, ибо только у студентовъ этого курса была, по его мнѣнію, необходимая для нихъ подготовка; кромѣ того, для бесѣдъ было отведено два дня въ недѣлю не для каждаго преподавателя въ отдѣльности, а для всѣхъ совмѣстно, ибо иначе студенты имѣли бы по 51 часу въ недѣлю занятій,

Digitized by Google

не считая дежурствъ въ клиникахъ, судебно-медицинскихъ вскрытій и исторій болѣзней.

Ректоръ Кронебергъ вовсе было-отказался отъ участія въ этихъ практическихъ занятіяхъ, по многосложности и многотрудности своихъ ректорскихъ обязанностей; но попечитель вошелъ въ совѣтъ съ отношеніемъ, въ которомъ писалъ, что, съ назначеніемъ синдика, обязанности ректора по административной части очень облегчились, и потому онъ можетъ больше обратить вниманія на учебную и ученую сторону, въ чемъ и заключаются его истинныя обязанности. „Я полагаю,—писалъ далѣе попечитель,—что ректоръ, могущій быть столь полезнымъ университету своими глубокими познаніями преподаваемаго имъ предмета и своею извѣстною ученостью, не преминетъ также принять участіе въ бесѣдахъ, дабы удѣлить хотя часть своихъ отличныхъ познаній учащимся въ Харьковскомъ университетѣ, ибо *канцелярскія дѣла*, коими онъ нынѣ болѣе занимается, *рѣшительно не должны составлять главнаго его назначенія*. Исходатайствовавъ отдѣленіе административной части отъ учебной, я надѣялся этимъ поднять учебную и ученую сторону въ университетѣ, и увѣренъ, что всякій членъ его, по мѣрѣ своихъ познаній и способностей, не откажется быть дѣятельнымъ сотрудникомъ моимъ къ достиженію поставленной цѣли—возвышенію Харьковскаго университета въ ученомъ и учебномъ отношеніи". Ректоръ Кронебергъ „по усердію своему къ пользамъ обучающагося юношества и къ исполненію распоряженій высшаго начальства", взялъ на себя веденіе практическихъ занятій по два раза въ мѣсяцъ. Здѣсь нельзя не отмѣтить въ высшей степени разумнаго взгляда попечителя на обязанности ректора: этотъ послѣдній, дѣйствительно, не долженъ всецѣло отдаваться административнымъ, канцелярскимъ обязанностямъ, если хочетъ сохранить за собою авторитетъ въ ученой коллегіи.

VI.

Въ заключеніе, намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, что относится къ области эстетики, физическаго развитія и матеріальныхъ нуждъ университетской молодежи, какъ старались удовлетворять ее еще сто лѣтъ тому назадъ. Уставомъ 1804 года введено было въ штатъ преподаваніе „пріятныхъ искусствъ"—*музыки*, *рисованія* съ *живописью*, *танцевъ*; кромѣ того, обучали также *гимнастикѣ*, *фехтованію* и *верховой ѣздѣ*. Музыкѣ обу-

Digitized by Google

чалъ магистръ Витковскій, рисованію—магистръ Матесъ, ландшафтной живописи—магистръ Шепфлинъ, танцамъ—магистръ Балашовъ и Еропкинъ, фехтованію и верховой ѣздѣ—Сивонтъ и Ледюкъ. Преподаваніе было поставлено серьезно; это видно изъ того, что для этихъ предметовъ были заведены особыя учебно-вспомогательныя учрежденія—былъ классъ рисованія и живописи съ рисунками, моделями, былъ музыкальный классъ съ различными инструментами и нотами, былъ, наконецъ, фехтовальный классъ и манежъ.

Часть студентовъ, подъ именемъ казеннокоштныхъ, пользовалась содержаніемъ отъ правительства: на каждаго изъ нихъ отпускалось по 200 р. На 8.000 р. ассигн. нужно было дать полное содержаніе сорока человѣкамъ. Первоначально содержаніе ихъ столомъ было сдано одному предпринимателю; но черезъ два года, въ 1806 г., студенты обратились въ правленіе съ ходатайствомъ о предоставленіи имъ права самимъ вести свое хозяйство, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что предприниматель плохо ихъ кормилъ, и они тревожили своими жалобами начальство. Правленіе, по сношенію съ попечителемъ, отнесшимся сочувственно къ этому ходатайству, удовлетворило его. Единственнымъ дальнѣйшимъ шагомъ правленія въ этомъ дѣлѣ было оффиціальное признаніе имъ студенческой хозяйственной организаціи съ ея неизбѣжнымъ аттрибутомъ—выборнымъ началомъ. Существованіе этого послѣдняго на законномъ основаніи доказывается слѣдующимъ постановленіемъ студенческой организаціи, сообщеннымъ его правленію: „Мы, нижеподписавшіеся казеннокоштные студенты Харьковскаго университета, довѣряемъ симъ, съ общаго согласія, студенту Пузанову получать отъ правленія подъ его росписку деньги и дѣлать покупки для содержанія стола, употребляя въ помощь двухъ очередныхъ, черезъ двѣ недѣли перемѣняющихся, студентовъ; въ случаѣ же большой затруднительности, а особливо въ выпискѣ съѣстныхъ припасовъ, должны также означенныя покупки производиться и тѣми, кому общество для соблюденія своихъ выгодъ поручитъ. При томъ помянутый Пузановъ долженъ вести записную книгу для расходовъ, ежемѣсячно четырьмя очередными студентами разсматриваемую и подписываемую“ (далѣе слѣдуютъ подписи всѣхъ). Въ 1813 году казеннокоштные студенты подали въ правленіе прошеніе, въ которомъ писали: „По причинѣ отлучки казначея казеннокоштныхъ студентовъ, Демьяна Копѣйчикова, съ общаго студентовъ согласія, избирается въ эту должность студентъ Иванъ Гнѣдичъ, объ

Digitized by Google

утвержденіи котораго просимъ учинить свое благоразсмотрѣніе". Студенческая организація заключала контракты и договоры, утверждавшіеся правленіемъ университета. Принявъ на себя заботу о своемъ содержаніи, студенты старались возможно дешевле пріобрѣсти необходимые имъ товары, закупали ихъ оптомъ во время успенской ярмарки, брали для этого авансы, однимъ словомъ, дѣйствовали какъ кооперація. Но, несмотря на всю ихъ энергію, имъ трудно было содержать себя на отпускаемую сумму, вслѣдствіе болѣе и болѣе усиливавшейся дороговизны. Тогда, въ 1809 г. они подали коллективное прошеніе о прибавкѣ нѣкоторой суммы на столъ изъ ихъ же средствъ, и правленіе удовлетворило это ходатайство, такъ какъ само хорошо знало о дороговизнѣ. Въ 1812 г. они снова ходатайствовали о прибавкѣ, которая и была сдѣлана; въ 1813 и 1814 гг. они повторили свою просьбу. Нужно замѣтить, что въ это время все русское общество переживало тяжелый финансовый кризисъ, вызванный Наполеоновскими войнами,—и студенты съ честью вышли изъ этого тяжелаго испытанія: имъ сдѣланы были незначительныя прибавки, не выходившія изъ ихъ общаго бюджета (200 р. на человѣка),—а между тѣмъ всѣ товары въ это время страшно поднялись въ цѣнѣ. Такой благопріятный результатъ объясняется только самой строгой экономіей ихъ и самостоятельнымъ веденіемъ хозяйства; студенческая корпорація, такимъ образомъ, вполнѣ оправдала возлагавшіяся на нее надежды.

Изъ всѣхъ приведенныхъ документальныхъ данныхъ видно, что въ харьковскомъ университетѣ, въ началѣ XIX вѣка, сто лѣтъ тому назадъ, среди студентовъ уже существовали: библейское общество, научно-литературный кружокъ, научно-литературныя изданія, собесѣдованія профессоровъ со студентами и, наконецъ, у казеннокоштныхъ студентовъ было общее веденіе хозяйства; кромѣ того, самъ университетъ доставлялъ имъ средства для эстетическаго и физическаго развитія, иными словами—были студенческія организаціи, преслѣдовавшія цѣли умственнаго, нравственнаго и матеріальнаго усовершенствованія. Если вспомнить, какіе успѣхи по пути культуры сдѣлало за истекшее столѣтіе все русское общество, а въ томъ числѣ и учащаяся молодежь, то самъ собою складывается такой выводъ, а именно, что въ настоящее время, сто лѣтъ спустя, русское студенчество можетъ быть не менѣе зрѣло для подобныхъ организацій, и онѣ

Digitized by Google

не только могутъ удовлетворять его внутреннимъ потребностямъ и запросамъ, не только явятся новымъ могущественнымъ орудіемъ для всесторонняго *гармоническаго* развитія его силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаются хорошею школою для поднятія въ немъ чувства общественности на здоровой основѣ практической дѣятельности въ духѣ мирнаго поступательнаго движенія на пользу общества и страны.

Д. И. Багалѣй.

Кіевъ, 1901 г.

Digitized by Google

БУДУЩИМЪ БІОГРАФАМЪ
Н. В. ГОГОЛЯ

Замѣтки.

Наступающія грустныя поминки о днѣ полувѣковой кончины знаменитаго нашего писателя, о событіи тяжеломъ, неожиданномъ и преждевременномъ — поэтъ недавно переступилъ тогда порогъ своихъ сорока лѣтъ—вызовутъ, несомнѣнно, новыя воспоминанія, біографическія замѣтки, вѣроятно и новыя обслѣдованія старыхъ вопросовъ, связанныхъ съ именемъ великаго сына Украйны.

Но грустный день памяти—не безъ добраго юридическаго значенія: онъ разрѣшаетъ, наконецъ, сочиненія нашего историческаго сатирика, особенно его литературную корреспонденцію, отъ узъ наслѣдственныхъ правъ со стороны различныхъ лицъ, и такимъ образомъ великое литературное наслѣдіе отъ первой половины минувшаго столѣтія обращается во всеобщее достояніе, что̀ отчасти мы уже видимъ и теперь, въ виду одного приближенія дня 21-го февраля 1902 г. Припомнимъ, что еще недавно Кулишовское изданіе Гоголя шло по необыкновенно высокой цѣнѣ, другими словами, драгоцѣнная переписка человѣка, избравшаго своею задачею—„поправить“ себя и ближнихъ, была совсѣмъ малодоступна обществу. А между тѣмъ еще профессоръ Шевыревъ, практическій другъ поэта, человѣкъ, посвящавшійся имъ въ самые тайники его души, уже сейчасъ же послѣ смерти Гоголя, въ письмѣ къ одной изъ его сестеръ, подчеркивалъ, что

Digitized by Google

„полная и вѣрная“ его біографія, въ отраженіе обвиненій, можетъ быть извлечена именно изъ переписки. Говорить ли, сколько справедливаго было и осталось въ этихъ немногихъ словахъ стараго московскаго профессора и литературнаго критика?..

Въ настоящую минуту передъ нами носится картина ближайшаго будущаго, когда Гоголь войдетъ въ каждую грамотную хату Россіи, но Гоголь подлинный, безъ поддѣлки или умолчаній, Гоголь воскрешенный. Но кто въ правѣ отказать въ громадныхъ заслугахъ уже сдѣланнаго по возстановленію текста и пониманію великаго писателя, тому мѣсту, въ которомъ поэтъ нашелъ свое послѣднее успокоеніе, въ которомъ благоговѣйное отношеніе къ Гоголю давно стало дорогимъ, завѣтнымъ преданіемъ?

Образцовое изданіе текста произведеній Гоголя, исполненное академикомъ Тихонравовымъ, тонкимъ знатокомъ поэта и испытаннымъ мастеромъ въ области литературной критики—результатъ колоссальнаго труда; богатая серія статей на страницахъ „Вѣстника Европы“ ученика его, В. И. Шенрока [1]), по выясненію творческой дѣятельности Гоголя, въ связи съ обстоятельствами его личной жизни, которая затѣмъ позже выросла въ громадное изданіе „Матеріаловъ для біографіи Гоголя“ (четыре тома, болѣе $2^1/_2$ тысячъ страницъ), это—два памятника, которыми такъ достойно минувшее столѣтіе изъ Москвы, въ финалѣ истекающей эпохи законнаго запрета, привѣтствуетъ настоящій Гоголевскій праздникъ.

Московскіе „Матеріалы“ г. Шенрока и вызвали, главнымъ образомъ, предлагаемыя замѣтки. Позволяемъ себѣ думать, что онѣ не будутъ лишними при дальнѣйшихъ работахъ по біографіи Гоголя. Нѣкоторыя обстоятельства жизни Гоголя и въ освѣщеніи г. Шенрока, этого спеціалиста въ области, такъ сказать, „Гоголевѣдѣнія“, возбуждаютъ сомнѣнія. Есть, мѣстами, и фактическія неточности и недоразумѣнія, но которыя, въ большинствѣ своемъ, совсѣмъ случайно ясны автору настоящихъ строкъ, въ интересы вопросовъ русской литературы мало посвященному. Матеріалъ для нашихъ замѣтокъ отчасти общедоступенъ, отчасти новый, неизвѣстный для біографовъ Гоголя, который извлеченъ изъ нашихъ историко-литературныхъ „collectanea“. За точность на-

[1]) „Н. В. Гоголь и Вѣльгорскіе“, 1889 г., окт., 556 и нояб., 88.—„Гоголь и А. С. Даниловскій“, 1890 г., янв., 71, февр., 563.—„Гоголь въ началѣ литературной карьеры“, 1890 г., іюль, 248, авг., 487.—„Гоголь и его письмо къ В. А. Жуковскому“, 1890 г., дек., 594.—„Гоголь въ періодъ „Арабесокъ“ и „Миргорода“, 1892 г., іюль, 5; авг., 519 стр.

Digitized by Google

шихъ личныхъ отмѣтокъ мы ручаемся, и читатель можетъ намъ вполнѣ вѣрить, что никакой поддѣлки документовъ ему мы не позволимъ себѣ предложить.

I.

Проведя небольшое число лѣтъ за литературной работой въ Петербургѣ, Гоголь, выражаясь по-просту, бѣжалъ отъ насъ. Тамъ, за границею, онъ проводитъ, съ перерывами, болѣе десяти лѣтъ, и, водворившись опять въ Россіи, онъ сейчасъ же томится въ ней, только мелькомъ заглядываетъ въ свое родовое гнѣздо, а душою опять рвется изъ нея вонъ. И даже Одесса дорога поэту именно потому, что изъ нея—преддверіе *туда*, милое напоминаніе о томъ, что *тамъ*. Свободный въ своихъ передвиженіяхъ, Гоголь былъ неизмѣримо счастливѣе своего геніальнаго учителя: Пушкинъ всю жизнь былъ прикованъ, и тщетно рвался—*туда* же.

Но въ чемъ же причина бѣгства Гоголя отъ насъ?

Представляя себѣ положеніе Гоголя во второй половинѣ апрѣля и въ маѣ 1836 года, послѣ перваго представленія „Ревизора“ на петербургской сценѣ, мы такъ и слышимъ злобныя насмѣшки по его адресу—„слѣпецъ, хотѣлъ увѣрить насъ, что Богъ гласитъ его устами“... И слѣпецъ бѣжалъ, нищій, изъ отечества, въ виду всеобщаго негодованія послѣ 19-го апрѣля.

„Мнѣ,—вспоминалъ позже П. В. Анненковъ, извѣстный критикъ и другъ поэта,—свидѣтелю перваго представленія „Ревизора“, позволено будетъ сказать—что изображала самая зала театра въ продолженіе четырехъ часовъ замѣчательнѣйшаго спектакля, когда-либо имъ видѣннаго. Уже послѣ перваго акта недоумѣніе было написано на всѣхъ лицахъ—публика была избранная въ полномъ смыслѣ слова. Недоумѣніе это возростало съ каждымъ актомъ. По окончаніи четвертаго акта, прежнее недоумѣніе уже переродилось почти въ *всеобщее негодованіе*, которое довершено было пятымъ актомъ. Общій голосъ, слышавшійся по всѣмъ сторонамъ избранной публики, былъ: это—клевета и фарсъ!“ [1]).

П. В. Анненковъ здѣсь, въ своей картинѣ, не сгущалъ красокъ. Въ публикѣ было не мало изъ „изрядной коллекціи гадкихъ рожъ“, о которой Гоголь вспоминалъ Погодину, въ первомъ заграничномъ письмѣ къ нему, изъ Женевы, 10-го сентября

[1]) Воспоминанія и крит. очерки, I, 193.

Digitized by Google

1836 г., быть можетъ, уже немного умиренный: „не въ терпёжъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ“,—поясняетъ поэтъ.

„Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ“,—писалъ Гоголь въ Москву, послѣ историческаго пріема „Ревизора“ въ Петербургѣ. Но едва-ли онъ былъ искрененъ въ дальнѣйшемъ признаніи, что онъ совсѣмъ не смущенъ тѣмъ, что противъ него „уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія“. Въ другомъ письмѣ къ тому же Погодину озадаченный поэтъ съ горькою болью возражаетъ тѣмъ, что объявили его „зажигателемъ“, „бунтовщикомъ“: „это говорятъ люди государственные, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума..., эта раздражительность—признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества“ [1]).

Сильнѣе уже трудно сказать своимъ недоброжелателямъ, въ отвѣтъ на предъявленное нешуточное обвиненіе. Но этого мало. Горечь апрѣльскаго положенія глубоко-глубоко залегла въ сердце поэта, и имъ принято было, твердо и сознательно, рѣшеніе—удалиться, пока можно. Перспектива пребыванія за границей, пока, была наброшена на неопредѣленное время; но за тѣмъ, такъ, года черезъ два, она готова была затянуться на долгіе и долгіе годы...

Если, при извѣстіи о смерти Пушкина, Гоголь не безъ негодованія, съ брезгливостью, отбрасывалъ предложеніе Погодина возвратиться домой: „...ѣхать къ вамъ! для чего? Не для того ли, чтобъ повторить вѣчную участь поэтовъ на родинѣ“,—то въ этихъ словахъ еще слышится старое петербургское чувство—досады и злобы. Но когда, въ маѣ 1838 года, т.-е., къ концу второго года пребыванія за границей, у Гоголя вылилось довѣренное признаніе, что „съ каждымъ годомъ, *съ каждымъ мѣсяцемъ* разрываются болѣе и болѣе узы, связывающія меня съ нашимъ холоднымъ отечествомъ“, въ письмѣ къ другу Данилевскому [2]), то въ выработкѣ этого новаго воззрѣнія на свои гражданскія обязанности должны были участвовать не только старые счеты съ родиной, не охладѣвшее еще чувство раздраженія при поминкахъ о недавнемъ былomъ, но и новыя римскія отношенія, въ которыя вступилъ Гоголь въ началѣ 1838 года, которыя, незамѣтно для него, мало-по-малу очаровали и опутали его цѣликомъ. Въ нихъ, въ концѣ концовъ, онъ могъ и затеряться совсѣмъ. Но объ этомъ—ниже, а пока мы останавливаемъ внима-

[1]) Барсуковъ, „Погодинъ“, IV, 338—341.

[2]) Въ Парижъ и не по почтѣ, а съ оказіей, слѣдовательно не безъ опасенія стороннаго глаза (Шенрокъ, III, 230). Въ Парижѣ Гоголю грезились русскіе шпіоны, въ число коихъ онъ внесъ и Строева!

Digitized by Google

ніе читателя на выраженіи того письма: „съ каждымъ мѣсяцемъ“. Могутъ сказать, что въ словахъ Гоголя—риторическая фигура, не болѣе. Нѣтъ, въ устахъ поэта именно въ маѣ 1838 года и въ Римѣ они имѣютъ серьезное, реальное значеніе; они—не праздный звукъ на вѣтеръ. Но возвращаемся къ отъѣзду.

Гоголь видимо спѣшилъ съ самоизгнаніемъ, какъ бы опасаясь, чтобы не попросили его обратно въ хату. Время дѣйствія серьезное, шутить не любившее, середина того десятилѣтія, которое на языкѣ петербургскихъ литераторовъ не-булгаринскаго толка титуловалось, конечно промежь себя, „свинцовымъ“ (кн. Одоевскій). На горячія мольбы друга, и хохла къ тому же, Щепкина, Гоголь отвѣчалъ отказомъ. 6-го іюня Гоголь сѣлъ на нѣмецкій пароходъ въ Любекъ. Его провожалъ одинъ только кн. Вяземскій, тотъ самый литераторъ, который провожалъ, семь лѣтъ тому назадъ, другого—польскаго—поэта, Мицкевича, уже настоящаго изгнанника.

Быстро промелькнули увеселительныя заведенія и города сѣверо-западной Германіи, Швейцаріи передъ „перелетавшимъ“ Гоголемъ, съ неудачной попыткой въ Женевѣ „насобачиться“ по-французски; веселый, онъ полетѣлъ въ Парижъ, гдѣ цѣлыхъ четыре мѣсяца—одно раздолье, и только къ Пасхѣ 1837 года онъ—въ Римѣ, гдѣ жизнерадостный путешественникъ и увязъ. Здѣсь его—„всегдашнее пребываніе“ (письмо къ Погодину 30-го марта 1837 г.) до наступившаго въ 1843 году періода кочеваній. Вынужденныя отлучки въ отечество только слегка рябятъ римскіе досуги Гоголя.

Одно количество времени на одномъ и томъ же мѣстѣ приковываетъ наше вниманіе къ римскому Гоголю. Но, какъ извѣстно, оставивъ Римъ, Гоголь оставилъ тамъ и стараго Гоголя, а вышелъ перерожденнымъ, „страннымъ“ для своихъ прежнихъ друзей,—общимъ цѣлителемъ душъ, по убѣжденію его лично. Гордо объявляетъ Гоголь своей первой духовной дщери, Смирновой, въ апрѣлѣ 1845 года, что „расходъ произведеній *внѣшняго меня* (курсивъ оригинала), а не прежняго меня, былъ бы великъ, ибо они были бы *на потребу всѣмъ*“ (VI, 174).

Все это—извѣстныя вещи. Но предъ нами вопросъ: шло ли это внутреннее перерожденіе сатирика путемъ естественнымъ, шло, такъ сказать, изъ самого себя, или было на-лицо особое вѣяніе извнѣ, преслѣдовавшее свои спеціальныя цѣли, нарушившее его міровоззрѣніе?

Digitized by Google

Не отрицая наличности предрасполагавшихъ условій въ самой организаціи натуры „гордаго“ художника, оттолкнутаго на родинѣ пророка, мы позволяемъ себѣ въ то же время полагать, что допустима мысль объ особомъ воздѣйствіи на Гоголя *со стороны*, и очень раннемъ.

Допускаемъ, что въ признаніяхъ Гоголя (въ первыхъ и позднѣйшихъ римскихъ письмахъ), что для него Римъ—настоящій земной рай, святыня человѣчества, онъ имъ „увлеченъ и околдованъ“, есть доля поэтической риторики, хотя Риму онъ не могъ не быть признателенъ не изъ-за прекраснаго климата, а изъ-за того, что Римъ сдѣлалъ его, наконецъ, на лету, ученымъ, съ солидными историческими свѣдѣніями, открылъ ему нѣкоторыя страницы книги исторіи. Вѣдь недавній столичный профессоръ всеобщей исторіи, историкъ безъ знанія языковъ, этихъ безусловныхъ орудій историческаго знанія, не могъ не вспоминать, съ жгучей болью въ сердцѣ своемъ, оффиціальной аттестаціи его профессорской годности, словъ попечителя о невозможности для него ученой степени [1]).

Но уже проповѣдническія утвержденія, что нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ—„цѣлой верстой здѣсь человѣкъ ближе къ Богу“, или—что въ одномъ только Римѣ молятся [2]), озадачиваютъ своею рѣшительностью, парадоксальностью. Что же касается умиленія и наслажденія у Гоголя предъ лицезрѣніемъ *монаховъ и аббатовъ*, „которыми какъ макомъ усѣяны улицы“ [3]), да еще приглашать другихъ раздѣлять съ нимъ это блаженство, то подобное душевное состояніе—совсѣмъ уже загадка.

Въ порядкѣ вещей, если и неразлучимость Гоголя съ Римомъ, и всѣ эти его странныя откровенія рано заронили въ умѣ его матери мысль о вліяніи католицизма на сына, мысль, которая такъ покоробила послѣдняго [4]). Но на ту же мысль напали позже старикъ Аксаковъ, Языковъ, Княжевичъ...

Остановимся на минуту на умиленіи Гоголя предъ уличнымъ „макомъ“ Рима, предъ роями вѣчно шатающихся отборныхъ эгоистовъ, стекшихся съ цѣлаго міра, но для которыхъ у Го-

---

[1]) Ср. нашу статью—„Графъ Сперанскій“, „Вѣстн. Европы“, 1894, май, 15. О попыткахъ реабилитировать профессорство Гоголя, съ указаніемъ нормальнаго рецепта, какъ дѣлается нормальный русскій профессоръ, серьезно говорить нельзя.

[2]) Къ Плетневу, къ Балабиной (Шенровъ, III, 177). Подобныя слова понятны въ конфессіоналѣ или съ каѳедры.

[3]) Ib., III, 179.

[4]) Ib. III, 212.

Digitized by Google

голя было столь нѣжное отношеніе, что онъ готовъ ихъ почитать за нѣкое „особенное Божіе твореніе“ [1]).

Конечно, когда Гоголь остановился на сравненіи римскихъ монаховъ съ макомъ, онъ имѣлъ въ виду не маковое, черное зерно: предъ его взоромъ въ ту минуту носилась картина роднаго украинскаго поля лѣтомъ или огорода, засѣяннаго макомъ. Что это такъ, мы убѣждаемся изъ указанія у поэта и на самое одѣяніе тѣхъ милыхъ монаховъ, на крайнюю пестроту ихъ одеждъ, что̀ не можетъ не давать эффектной поэтической картины. Предъ нами—поэтъ, художникъ, съ тонкой духовной организаціей, не то, что̀ обыкновенный смертный, съ его прозой, грубою натурой. Не въ этомъ ли внѣшнемъ колоритномъ обликѣ римской улицы и слѣдуетъ искать объясненія умилительнаго отношенія нашего поэта къ ея монаху, столь мало напоминающему нашего скромнаго чернеца? Да, можетъ быть. Но—можетъ быть допущено, въ связи съ нѣкоторыми обстоятельствами римской жизни Гоголя на второмъ году, и иное объясненіе. Симпатіи къ римскому монаху шли далѣе его колоритной рясы.

Колебаніе заподозрили мать и ближайшіе современники. Но къ тому же выводу, что поэтъ колебался между православіемъ и католицизмомъ, пришелъ и его послѣдній изслѣдователь, осторожный Тихонравовъ. Наличность колебанія въ римскіе годы Гоголя есть фактъ его жизни, біографіи.

Но просто ли Римъ поколебалъ, своею, напримѣръ, „маковою“, живописною улицею, или были особыя условія, подведшія Гоголя къ колебанію? Вскользь было только-что замѣчено, что мы лично склоняемся ко второму предположенію. Предъ нами сейчасъ предстанутъ *совсѣмъ новые* факты изъ римской жизни Гоголя, полные интереса.

Черезъ полгода послѣ отъѣзда Гоголя изъ веселаго Парижа въ Римъ, оставляли Парижъ и направлялись туда же двое молодыхъ людей, польскихъ эмигрантовъ, но уже принявшихъ священническое постриженіе. Оба они были почти ровесники Гоголю. Одинъ изъ нихъ былъ даже настоящій русскій, хохолъ, но уже въ утломъ дѣтствѣ обращенный къ католичество. Оба товарища были нищіе и шли въ Римъ за наукою—готовить себя для проповѣди, на миссію, въ монахи, но не для монастыря.

Оба они бѣжали изъ Россіи, послѣ трагическаго финала

[1]) Шенрокъ, III, 207.

Digitized by Google

ноябрьскаго возстанія въ Варшавѣ 1830 года, одинъ — бравый артиллеристъ, другой—храбрый уланскій офицеръ, съ широкимъ на всю жизнь рубцомъ на носу отъ палаша русскаго кирасира подъ Остроленкой. Одинъ былъ Петръ Семененко, рожденный въ 1814 г. отъ православнаго отца и лютеранской матери, другой—Іеронимъ Кайсевичъ, изъ волынской, житомірской шляхты, изъ уніатовъ.

Скрывая свое происхожденіе, съ подложными паспортами на имя французскихъ подданныхъ, а потому осторожно, украдкой пробирались Семененко и Кайсевичъ, въ сентябрѣ 1837 года, въ Римъ. Вездѣ карантины предъ свирѣпствовавшей въ Италіи холерой, опасность быть опознанными, особенно въ австрійскихъ владѣніяхъ; въ карманѣ—ни гроша. Но все это имъ ни по чемъ: они—избранный сосудъ для духовнаго возрожденія своихъ и людей вообще; новообращенные христіане, они—апостолы, первые ученики своего парижскаго учителя, Богдана Яньскаго, и также—новообращеннаго христіанина...

Имена Семененки и Кайсевича, будущихъ учредителей новаго католическаго ордена монаховъ, польскаго, славянскаго—*воскресенцевъ* или ресуррекціонистовъ [1]), самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ римскою жизнью Гоголя въ первую половину 1838 г., въ періодъ тѣхъ именно мѣсяцевъ, о которыхъ поэтъ такъ откровенно исповѣдывался предъ своимъ другомъ, что съ каждымъ мѣсяцемъ онъ становится равнодушнѣе къ своему „холодному“ отечеству.

Но познакомимся съ замѣчательною личностью Яньскаго, съ перерожденіемъ или преображеніемъ его и его двухъ главныхъ учениковъ: какъ и Гоголь, одними они были раньше, другими стали позже — аскетами, покаянниками и проповѣдниками очистительнаго *покаянія*.

Яньскій—не политическій эмигрантъ 31 года, а добровольный изгнанникъ, образованный патріотъ, только тайкомъ причастный революціи. Уроженецъ царства, онъ, по окончаніи курса въ королевскомъ варшавскомъ университетѣ, въ 1827 году былъ посланъ, какъ человѣкъ съ выдающимися способностями,

---

[1]) Resurrectio, воскресеніе, возстаніе изъ мертвыхъ, отсюда праздникъ Пасхи у поляковъ z-martwych-wstanie, а члены ордена—zmartwychwstańcy. Воскресенцами послѣдніе называются русскими въ Галиціи, въ Болгаріи. Первый, частный, уставъ ордена былъ подписанъ учредителями подъ одинъ изъ праздниковъ Пасхи, въ Римѣ, въ 40-хъ годахъ. Конечно, названіе ордена было подобрано съ соображеніемъ извѣстной политической программы, что вполнѣ естественно.

Digitized by Google

въ Парижъ, для приготовленія къ профессурѣ по каѳедрѣ политической экономіи, какъ нѣсколько раньше извѣстный Андрей Кухарскій. По неволѣ женатый на сосѣдкѣ Завадской, онъ отъѣхалъ одинъ, оставивъ ненавистную жену.

Сейчасъ же фурьеристъ, сен-симонистъ и даже одинъ изъ обязательныхъ по сен-симонистскому ученію 12 апостоловъ (устанавливался и папа, и даже въ юбкѣ), Яньскій, подъ впечатлѣніемъ несчастій его родины, гибели отца, родныхъ, не впалъ въ отчаяніе, а усиленно сталъ работать, подъ живымъ примѣромъ Мицкевича, и воскресъ къ совсѣмъ новой жизни. Какъ открыто не замѣшанный въ ноябрьскомъ возстаніи, онъ нѣсколько разъ былъ приглашаемъ къ возврату на службу; но онъ, какъ и Мицкевичъ, избралъ изгнаніе, чтобы посвятить себя иному служенію, особенной „наукѣ жизни", служенію своей родинѣ и Богу, *во имя покаянія*, и, прежде всего, въ лицѣ ея несчастныхъ дѣтей въ эмиграціи.

Эти дѣти были одинъ ужасъ. Чистый идеалистъ, Яньскій, сталъ гнушаться своими многочисленными соотечественниками, переполнившими всю Францію, ихъ распутною жизнью, дрязгами, ссорами, всякою духовною мерзостью. И это послѣ тріумфальнаго марша чрезъ Германію, которая устроивала всяческія демонстраціи побѣжденнымъ у Остроленки и Варшавы. Извѣстны картины художниковъ того времени,—напр., братанье въ Дрезденѣ. Если въ Парижѣ поселились гейневскіе Вашлапскій и благородный Эзелинскій, то въ провинцію пошли люди всякаго разбора.

Возвратить Христа въ жизнь общества и прежде всего—польскаго, гдѣ, по свидѣтельству современниковъ, міряниnъ, священникъ, епископъ были въ равной мѣрѣ не-христіане—задача Яньскаго... „Покайтеся", требовалъ онъ, а затѣмъ уже все остальное приложится само собою. Онъ указывалъ, что не кровавое возстаніе, а самоочищеніе, духовное по ученію Евангелія возрожденіе — современная потребность модернизованнаго польскаго общества. Тщедушный, слабый, чахоточный, Яньскій, какъ перваго условія покаянія, требовалъ отказа отъ всѣхъ удобствъ культурной жизни, полнаго опрощенія, житья отъ личнаго труда, съ одною любовью ко всѣмъ, съ забвеніемъ всякихъ счетовъ съ кровавымъ прошлымъ. И эта суровая проповѣдь была на первомъ мѣстѣ обращена къ тѣмъ людямъ, одна часть которыхъ проводила жизнь въ шумныхъ оргіяхъ, другая — среди развращающихъ фантазій. Наконецъ, какъ верхъ совершеннаго покаянія, требовалось странствіе въ Святую Землю, „pielgrzymka swięta".

Digitized by Google

Но войдемъ въ нѣкоторыя подробности изъ жизни и ученія о покаяніи новоявившагося аскета-проповѣдника среди улицъ Парижа.

Первые проблески живого религіознаго чувства, но съ безпредѣльной перспективой, относятся еще къ концу 1830 года, когда Яньскій, участникъ іюльской революціи, былъ высланъ отъ своихъ сен-симонистовъ, съ политическою миссіей, въ Лондонъ. Въ немъ открылась тяжелая внутренняя борьба—съ самимъ собой, съ своимъ „прежнимъ“. Онъ велъ дневникъ, который немного сродни съ перепискою Гоголя.

„Я,—пишетъ онъ въ дневникѣ, — увѣровалъ и хочу чтить Великаго Бога. Религіозное чувство царитъ надъ всякимъ инымъ моимъ чувствомъ, мыслью, интересомъ... Покидаю навсегда васъ, мои былыя мечты, идолы моей минувшей молодости (род. 1805). Не для меня ученые титулы, слава на родинѣ. Покидаю васъ, университетъ и будуары, салоны и парламенты. Мертвенныя церкви людей уже для меня слишкомъ малы. Хочу жить въ Святилищѣ Великаго Бога; въ него я долженъ пригласить все человѣчество. Моя миссія—осчастливить родъ людской пожертвованіемъ всѣхъ моихъ силъ“.

По словамъ біографа Яньскаго, дневникъ его ясно показываетъ, какую страшную борьбу авторъ его долженъ былъ выносить съ собою: она едва не закончилась самоубійствомъ. Онъ приходилъ въ отчаяніе отъ неподдававшагося самоисправленія, отъ трудности „отрясти себя отъ грѣховъ прошлаго“, отъ раздвоенія себя—то съ Богомъ, то безъ Бога. Но онъ, „негодный“, все-же превозмогъ себя и уже съ надеждою пишетъ въ послѣдніе дни своего лондонскаго пребыванія, просвѣтленный, готовый на дѣло: „Боже, когда же вся моя жизнь будетъ въ Тебѣ, для Тебя и чрезъ Тебя! Теперь еще не могу съ Тобою пребывать; но придетъ время, и время то недалеко“. И странный „апостолъ“ сен-симонистовъ, съ горячею вѣрою въ Бога, не обманулся въ своемъ предчувствіи. Условія для первой пробы выполненія миссіи: „воздвигнуть Богу храмъ, въ которомъ все человѣчество будетъ Его любить, вся земли чтить“ (говоря словами его дневника), были не за горами.

По возвращеніи въ Парижъ, весной 1831 года, Яньскій почувствовалъ-было себя опять несчастнымъ — одиновимъ среди своихъ сен-симонистовъ, безъ пониманія себя, „безъ недавней вдохновенности, полный опять сомнѣнія. Но подошелъ финалъ польскаго возстанія, и пророкъ ожилъ: обвиняя себя, что онъ

Digitized by Google

оставался за границею, когда долженъ былъ сражаться на Вислѣ, о-бокъ съ павшими отцомъ и родными, онъ останавливается на эмиграціи, чтобы „жить съ поляками, заново заняться своими польскими людьми, и самымъ тщательнымъ образомъ", но „жить прежде всего въ Богѣ", т.-е. направить на путь, исправить первый эшелонъ человѣчества.

Эта задача развернулась однако не вдругъ, и она потребовала внутренней борьбы, прежде всего въ виду того, что самъ Яньскій еще не возвратился въ лоно церкви, былъ не безъ мечтаній даже—о новомъ христіанствѣ. Личный примѣръ Мицкевича, съ которымъ сообща онъ издавалъ „Пилигрима", личная, строго христіанская жизнь знаменитаго поэта—рѣшила колебанія.

Среди общихъ одурѣвающихъ условій жила, со дня на день, эмиграція. Ни вѣры, ни Христа, ни Бога, по свидѣтельству современника. „Если,—продолжаетъ онъ же,—кто заходилъ случайно въ воскресенье въ церковь, онъ находилъ тамъ у алтаря священника, у ногъ его нѣсколькихъ старицъ, быть можетъ, живущихъ отъ церковнаго подаянія,—вотъ и все, что могъ онъ тамъ видѣть". Такова была эмиграція съ одной стороны. Съ другой стороны, въ параллель наступившей общественной тишинѣ во Франціи, она представляла изъ себя картины однихъ дрязгъ, гвалта, шума.

„Что это было за зрѣлище!—вспоминаетъ очевидецъ, нашъ Семененко. — Кто его не видѣлъ, тому не легко и представить. Не знаемъ, видѣли ли когда-либо нѣчто подобное людскія очи, развѣ что такъ было при вавилонскомъ столпотвореніи". Словомъ, общая анархія въ мысляхъ и дѣйствіяхъ. Образовались разные кружки, товарищества, общества; каждое общество говорило своимъ языкомъ, имѣло своихъ пророковъ, свою науку, съ каждымъ другимъ вступало въ бой. Среди этого всеобщаго смятенія явился свѣтлый огонекъ, и на него мало-по-малу стали стекаться мятущіеся, опоминаться, приходить въ себя. Этимъ огонькомъ и былъ Яньскій.

Духовное состояніе эмиграціи указало Яньскому остановиться на старомъ христіанствѣ, и недавній вдохновенный искатель „Великаго Бога" обращается просто въ христіанина, но чистаго, обрекая себя на службу исправленія своихъ въ эмиграціи, чтобы отсюда уже идти далѣе, съ надеждою на успѣхъ.

„По любви Божіей,—заноситъ онъ въ дневникъ, подъ 19 февраля 1834 года,—снова надежда вступаетъ въ меня. Я созналъ ее недавно и ясно, безъ всякой заслуги, но послѣ сокрушенной молитвы о ней... Нѣсколько разъ уже я начиналъ разбирать

Digitized by Google

свою жизнь и—останавливался, не приходя ни къ какому полезному результату. Почему? Увы! почему моя жизнь до сихъ поръ есть одинъ рядъ заблужденій, проступковъ, слабостей, приводящихъ до негодности, ничтожества? Потому, что не было *отреченія отъ себя* во имя влеченія къ истинѣ, благу другихъ и совершенству... Два года уже я полонъ плановъ написать что-нибудь полезное для своихъ земляковъ. *Чую великую потребность въ апостольствѣ истины.* Праздные планы! Жалкій, я хотѣлъ дать нѣчто благое *изъ себя*, когда не имѣю ничего *добраго* въ себѣ... Боже! дай мнѣ любовь и силу для учета моей совѣсти, для уничтоженія во мнѣ зла и оживленія добра... Отче жизни, дай мнѣ чувствованіе Тебя во мнѣ... Приношу Тебѣ благодареніе за мысли, которыми Ты недавно вдохновилъ меня, что любовь къ ближнему безъ любви Бога суетна, ибо можетъ приводить ко злу. Подкрѣпи меня любовью Твоею, угаси, уничтожь во мнѣ проявленія *ветхаго* человѣка, духа *гордыни* и *тѣлесности*".

Эти покаянные вопли преобразующагося недавно гордаго, ветхаго мыслителя въ новаго, смиреннаго, звучатъ для насъ чѣмъ-то весьма знакомымъ; стоитъ только вмѣсто половины тридцатыхъ годовъ подставить сороковые.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе Яньскій отставалъ отъ свѣта, входилъ въ себя, въ сокрушеніи себя готовился къ послѣднему шагу возвращенія—къ исповѣди и причастію. Между тѣмъ, въ концѣ 1834 года образовалось общество „Братьевъ", для общаго упражненія въ благочестіи и возбужденія того же духа въ хаотической эмиграціи, съ Мицкевичемъ и Яньскимъ во главѣ. Каждую пятницу послѣ обѣдни члены собирались у Мицкевича, для бесѣды по вопросу—какъ быть полезнымъ для своей родины. Въ одну изъ такихъ бесѣдъ хозяинъ прямо заявилъ, что для Польши нѣтъ иного спасенія, какъ образованіе новаго монашескаго ордена, и на вопросъ—да кто же былъ годенъ на это?—прямо указалъ на Яньскаго. Яньскій не возразилъ.

Желанная задача опредѣлялась. Вѣдь онъ все время алкалъ ея—жить ко благу людей, помочь имъ, чрезъ личное исправленіе въ покаяніи. Такимъ образомъ, недавній „епископъ сен-симонистскій", какъ называлъ его одинъ изъ современниковъ, превращается въ особеннаго слугу церкви, горячаго исповѣдника ея. Съ этого времени старая жизнь закрылась для него навсегда. Въ одномъ изъ постановленій 12 ноября 1835 года онъ требовалъ: „посвященія себя, всѣхъ силъ на прославленіе Бога и на благо ближнему, безъ обращенія какого-либо вниманія на жизнь и лю-

Digitized by Google

дей, заботясь о томъ, чтобы каждое доброе дѣло оставалось всецѣло сокрытымъ и людямъ неизвѣстнымъ". Дальнѣйшая жизнь его, но недолгая, была однимъ покаяніемъ, и онъ получилъ имя „перваго явнаго покаянника (pokutnika) и апостола польской эмиграціи", но—покаянника, по выраженію его ученика Семененки, „за грѣхи польскаго народа", т.-е. господствовавшаго въ немъ класса.

Но аскетъ Яньскій все оставался женатымъ. Онъ не могъ стать ни священникомъ, ни монахомъ. Осуществленіе новаго ордена зависѣло отъ того — найдутся ли послѣдователи? Они нашлись, и въ ту же минуту...

Въ составъ перваго набора вошли: Целинскій, изъ кременецкаго лицея, но тогда же умершій, Семененко и Кайсевичъ, какъ указано выше, совсѣмъ молодые люди и съ недавнимъ самымъ отчаяннымъ прошлымъ позади себя въ эмиграціи, а Семененко, какъ и Игнатій Лойола, къ тому же артиллерійскій офицеръ. Затѣмъ вступили: докторъ Терлецкій (въ восьмидесятыхъ годахъ православный архимандритъ въ Одессѣ), Александръ Еловецкій, помѣщикъ изъ Гайсина, Іосифъ Губе (братъ извѣстнаго профессора и сенатора Ромуальда Губе), Карскій и др. Большинство вступившихъ—все изъ русскихъ краевъ [1]).

Общность интересовъ служенія требовала совмѣстной жизни. Испробованы были широкіе, соблазнительные планы — изданіе книгъ, изученіе славянства, въ разсчетѣ на великую роль среди славянъ и съ парализаціей политическаго значенія Россіи. Въ этихъ цѣляхъ было проектировано „Братство служенія народу". „Но,—припоминалъ тоже Кайсевичъ,—дьяволъ испугался такого положенія дѣлъ и наслалъ человѣка, который разъединилъ католическія силы въ учителяхъ и ученикахъ, и вмѣсто того, чтобы возвращать невѣрующихъ, пришлось бороться съ лжевѣрующими и спасать клонящихся къ новой сектѣ". То былъ извѣстный Товянскій. Въ концѣ концовъ, Яньскій остановился на братствѣ въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ и заложилъ свой монастырекъ въ Парижѣ, подъ именемъ „скита Яньскаго" (domek Jańskiego). Здѣсь, 17 февраля 1836 года, въ первый день великаго поста, былъ первый братскій обѣдъ и полагалось основаніе ордена воскресенцевъ, но при такихъ условіяхъ, что пришлось уже на

[1]) Целинскій умеръ въ Монпелье, на рукахъ у Терлецкаго. По словамъ его исповѣдника-француза, больной часто пріобщался, особенно предъ смертью; самую же смерть его должны были ускорить *излишніе посты* и спанье на голой землѣ. Въ иномъ духѣ былъ Терлецкій, котораго мы знавали въ Одессѣ: и въ глубокой старинѣ это былъ человѣкъ жизни, любилъ жизнь и умирая.

Digitized by Google

другой день закладывать единственный плащъ. Впереди—нищета, но и самоотверженность...

Изъ этого-то своеобразнаго скита, который очень рано заподозрѣла полиція, а министерство никакъ не могло повѣрить набожности недавнихъ солдатъ и твердило, что здѣсь долженъ скрываться какой-нибудь „іезуитскій подвохъ", въ согласіи съ улицей, которая повторяла, что безъ политической цѣли невозможно, чтобы „такой дьяволъ, какъ Карскій, пошелъ въ монахи", —и двинулись въ Римъ за настоящею наукою, учиться, Семененко и Кайсевичъ. Эти первые ученики Яньскаго уже въ Парижѣ получили постриженіе [1]).

Кто же могъ встрѣтить въ Римѣ этихъ бездомныхъ, нищихъ, безъ имени, но „столбовъ" Яньскаго, какъ назвалъ ихъ учитель при отъѣздѣ?

Но ихъ не только встрѣтила, но и приласкала, приголубила историческая русская княгиня, Зинаида Волконская, извѣстная москвичка двадцатыхъ годовъ. Это та самая, которая приголубила и Гоголя и на столько, что сынъ исповѣдывался однажды предъ своей матерью, что *душа* его любитъ бесѣдовать съ нею [2]). Признаніе любопытное, принявъ во вниманіе, что княгиня уже давно была твердою католичкой.

---

2 (14) октября 1837 года прибрели Семененко и Кайсевичъ въ Римъ.

Первое впечатлѣніе—и путники поражены. „Римъ,—пишетъ Кайсевичъ Мицкевичу,—это—градъ градовъ, градъ Господень, градъ молитвы. Я не могу довольно наглядѣться на него, тогда какъ въ Парижѣ я долженъ былъ искать, чтобы что-либо увидѣть".

Помимо безденежья, главная бѣда обоихъ неофитовъ, что они—польскіе эмигранты. Когда, при посредствѣ бельгійскаго посланника, они добились аудіенціи у статсъ-секретаря, кардинала Ламбрускини, тотъ пришелъ въ ужасъ отъ слова „эмигрантъ".

[1]) Предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія мы извлекаемъ изъ богатаго матеріалами труда современнаго историка ордена воскресенцевъ, патера Смоликовскаго, именно, изъ перваго тома „Historya zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego, podług źródeł rękopiśmiennych napisał X. Paweł Smolikowski", Kraków, 1892—1897. Всего три тома, съ прекрасными портретами главныхъ дѣятелей ордена. Это не столько исторія, сколько изданіе драгоцѣнныхъ документовъ,—писемъ, дневниковъ, статутовъ и пр. Ниже, для краткости, будемъ обозначать это изданіе просто—Smolikowski.

[2]) Въ письмѣ матери Гоголя къ сосѣду Трощинскому, 4 іюня 1838 года, на основаніи майскаго письма сына (Шенрокъ, III, 227).

Digitized by Google

Онъ схватился за голову, съ словами: „А русское посольство, а протесты, а толки! Какъ? Съ такими паспортами и вы прибыли“! Даже „Пропаганда“, желанная ихъ школа, и та отказала имъ въ содержаніи: „Не могутъ ничего намъ дать; страшно боятся, чтобы не довѣдались“,—писали они.

Правда, сердечнѣе отнесся къ обоимъ генералъ іезуитовъ, голландецъ, но бесѣдовавшій съ ними по-польски, такъ какъ свой новиціатъ онъ продѣлалъ въ Полоцкѣ, еще при имп. Екатеринѣ II. Но уже полная сердечность ожидала ихъ у русской княгини, къ которой у нихъ было письмо отъ Мицкевича, знакомца по Москвѣ [1]).

Съ сожалѣніемъ доносятъ, что, за отсутствіемъ Волконской, письмо было только оставлено, они за это лишеніе вознаградили себя черезъ день. „На конецъ моего письма, какъ бы для десерта, задержалъ я для тебя новости о Волконской,—пишетъ Кайсевичъ Мицкевичу 18 (30) октября.—Она приняла насъ съ радушіемъ, выспрашивала о тебѣ. Мы сообщили ей о нашихъ дѣлахъ. Это было въ пятницу, а на воскресенье она пригласила насъ къ обѣду. За обѣдомъ былъ и ея сынъ, который необыкновенно ласково и радушно обходился съ нами. Русскаго такой красивой породы я еще не видѣлъ. Послѣ обѣда остались мы одни съ княгинею. Она говорила о своемъ сынѣ. Онъ хотя уже и хорошо приготовленъ, но еще не католикъ. Какъ всѣ русскіе, не можетъ переварить онъ особенно папства. Мы посовѣтовали нѣкоторыя книжки для сына. Сама княгиня—хорошая московка и искренняя католичка, и даже *сильно живущая внутри себя*. Что касается Польши, она вѣритъ, что со временемъ та можетъ высвободиться изъ-подъ Россіи, но что это не повредитъ великой будущности ея отечества“.

Но „искренняя католичка“ поспѣшила съ любовью подкрѣпить свой радушный пріемъ обоихъ студентовъ у себя и болѣе существеннымъ. Она рѣшила пустить и пустила въ ходъ всѣ свои связи съ высшимъ духовенствомъ Рима и людьми съ значеніемъ, чтобы, несмотря на весь страхъ предъ именемъ императора Николая и на упорство кардинала Ламбрускини, доставить своимъ юнымъ друзьямъ аудіенцію у самого папы, но дѣло повести такъ, чтобы самой „остаться за ширмами“, въ виду служебнаго положенія сына. Къ этому частному письму своего товарища Семененко присоединилъ свое донесеніе Яньскому: „о

[1]) Ср. нашу книгу: „Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцовъ“. Одесса, 1888, стр. 225 и 255.

Digitized by Google

Волконской прочтешь въ письмѣ къ Мицкевичу; но объ этомъ — полное молчаніе, ни звука, такъ какъ она сама просила о строгомъ секретѣ, въ виду сына, который будетъ въ Варшавѣ".

Наконецъ, послѣ огромныхъ трудовъ и хлопотъ, прежде всего, княгини Волконской, оба студента кое-какъ устроились въ Римѣ и укрѣпились. Теперь княгиня разсудила, что наступила минута припустить Семененку и Кайсевича къ интимнымъ интересамъ своей собственной семьи, указать имъ—серьезно заняться ея сыномъ. Такъ открылись *первыя* практическія упражненія нашихъ студентовъ по душеспасительной психологіи. *Вторыя* упражненія еще ждали своей очереди, но не за горами были: объектъ для нихъ былъ давно на мѣстѣ и подготовляемъ. Княгиня здѣсь дѣйствовала какъ опытный, разсудительный профессоръ, ведущій практическія занятія постепенно, не начиная дѣла отъ болѣе сложныхъ задачъ: прежде всего своимъ студентамъ она указала упражняться надъ ея молодымъ сыномъ, чтобы только потомъ перевести ихъ къ болѣе трудному упражненію— надъ организаціей болѣе сложной.

„Волконскую, но это подъ величайшимъ секретомъ, видѣли мы на дняхъ,—доноситъ Семененко Яньскому 17 (29) декабря 1837 года, т.-е. послѣ праздниковъ Рождества.—Она думаетъ о женитьбѣ сына и усердно занята его обращеніемъ. И насъ допустила она къ этимъ своимъ заботамъ. По ея просьбѣ, мы дали ей нѣсколько книжекъ и говорили о томъ же дѣлѣ съ отцомъ Розавени, который такимъ путемъ имѣетъ войти съ нею въ ближайшія отношенія".

Наступилъ 1838 годъ, прошелъ его первый мѣсяцъ, и оба студента не нарадуются успѣшности своихъ первыхъ практическихъ упражненій—результаты на лицо. „Сегодня,—доносятъ они 15 февраля своему Яньскому,—были мы у Волконской. Читала намъ свои стихи на пожаръ Зимняго дворца, которые желаетъ переслать и Мицкевичу. Что же касается ея сына, то она очень благодарна Господу Богу за направленіе, по которому идетъ дѣло. „Я,—говорила княгиня,—такъ бесѣдую съ сыномъ, какъ будто онъ уже былъ католикомъ". Онъ очень податливъ и доступенъ, и мы узнали опять, что онъ не легкомысленъ, не хватаетъ однѣ верхушки,—слѣдовательно, надежды на него не безъ основанія. Его женитьба не за горами—на особѣ не очень важной, но горячей католичкѣ" [1]).

[1]) Smolikowski, II, 67. Ср. стр. 72 — о посылкѣ стиховъ на пожаръ Зимняго дворца. Мицкевичъ требуетъ у своихъ римскихъ корреспондентовъ никогда не называть княгиню ея полнымъ именемъ, а только первою ею буквою.—Стр. 75.

Digitized by Google

Если послѣ перваго ближайшаго знакомства съ домомъ Волконской на душѣ у обоихъ „столбовъ“ парижскаго аскета какое-то блаженство: „кажется,—пишетъ Семененко гр. Ст. Замойскому 14 (26) декабря 1837 г.,—теперь для насъ настаютъ счастливые дни, вопросъ о католицизмѣ среди славянъ и вопросъ польскій, повидимому, соединены; для каждаго изъ насъ, кто только любитъ свой край, должно быть великимъ утѣшеніемъ то обстоятельство, что можно любить его теперь чистою любовью, любить его въ Богѣ“,—то послѣ блестящихъ успѣховъ по первому обращенію—въ домѣ славянки Волконской—духъ ихъ могъ уже высоко подняться. А впереди сейчасъ ожидалъ ихъ, при тѣхъ же внѣшнихъ условіяхъ, новый опытъ,—правда, болѣе трудный,—не надъ юношею, а надъ знаменитымъ славянскимъ писателемъ, художникомъ, и наши молодые студенты-миссіонеры съ любовью набросились на него. Читатель, конечно, догадался, что подъ этимъ писателемъ мы разумѣемъ Гоголя.

Если католичка-мать все время послѣ утвержденія Семененки и Кайсевича въ Римѣ носилась такъ горячо съ одною мыслью—при помощи ихъ обратить единственнаго своего сына въ католицизмъ, то можно ли допустить, чтобы то же страстное желаніе не загорѣлось въ ея горячемъ сердцѣ и по отношенію къ тому человѣку, который, какъ мы слышали, исповѣдывался позже предъ своею матерью, что „душа“ его такъ любила бесѣдовать съ нею, княгинею Зинаидой? Слово „душа“ какъ бы выдаетъ и любимую тему ихъ бесѣдъ. Скажутъ: предположенія не достаточны. Согласны. Но предъ нами и—факты.

Умная княгиня два дѣла вести разомъ не рѣшилась. Но когда первый опытъ съ сыномъ подходилъ, по сознанію ея и обоихъ ея помощниковъ, къ благополучному концу, она сейчасъ постановила заняться и вторымъ. Въ этихъ цѣляхъ она знакомитъ Гоголя съ Семененкою и Кайсевичемъ у себя, а затѣмъ заботится—возможно чаще сводить ихъ, и также у себя. Такимъ образомъ открывается особая роль княгини Волконской въ римскій періодъ жизни Гоголя. Не одни прекрасные плющи довелось видѣть Гоголю въ прекрасной виллѣ прекрасной русской католички, любоваться развалинами, голубымъ небомъ или писать въ гротѣ...

Въ февралѣ дѣло сына было почти готово. Наступающій мартъ 1838 года посвящается Гоголю. Первый, осторожный приступъ на Гоголя поведенъ былъ 5-го (17-го) марта. На этотъ день княгиня пригласила къ себѣ на обѣдъ въ своемъ

Digitized by Google

городскомъ домѣ поэта и обоихъ его нареченныхъ обратителей, а послѣ обѣда предположена была общая прогулка на виллу. Приступъ былъ тѣмъ легче, что самъ Гоголь шелъ на встрѣчу знакомства съ ними.

Первое знакомство съ Гоголемъ произвело чарующее впечатлѣніе на обоихъ студентовъ-миссіонеровъ: надежды ихъ сразу поднялись.

„Возвращаемся,—доносятъ они въ тотъ же день Яньскому,—отъ обѣда у княгини и съ прогулки на ея виллу въ товариществѣ одного изъ наилучшихъ современныхъ писателей и поэтовъ русскихъ—Гоголя, который здѣсь живетъ. О его значеніи свидѣтельствуемся словами кн. Волконской. Въ разговорѣ онъ намъ очень понравился. Онъ благороднаго сердца, притомъ молодъ, и со временемъ, нѣсколько глубже тронутый, быть можетъ, и къ *истинѣ* не будетъ глухъ и всею душою къ ней обратится. Надежду эту питаетъ и княгиня, и мы сегодня нѣсколько утвердили ее въ ней. Понятно, мы бесѣдовали съ Гоголемъ о славянскомъ мірѣ. Онъ оказался вполнѣ безъ предразсудковъ, да, можетъ быть, тамъ, въ глубинѣ его, покоится (tkwi) и совсѣмъ чистая душа. Умѣетъ по-польски, т.-е. читаетъ. Говорили долго о „Небожественной комедіи“, „Тадеушѣ“ и др. [1]). Я забылъ сообщить, что Волконская нарочито пригласила насъ на обѣдъ, чтобы устроить намъ знакомство съ Гоголемъ, такъ какъ послѣдній, слыша о насъ, сильно пожелалъ познакомиться, да и сама княгиня рада была его удовольствовать въ этомъ, въ разсчетѣ пользы для вѣры. Гоголь говорилъ намъ, что читаетъ Мѣрославскаго, что онъ ему нравится, за исключеніемъ путаницы и шаржа. Для языка и стиля мы препоручили ему Мохнацкаго. Это его особенно заняло, такъ какъ онъ желалъ бы вполнѣ овладѣть польскимъ языкомъ“.

Взаимнымъ сближеніемъ первое знакомство не ограничилось. Для своихъ новыхъ знакомыхъ Гоголь обѣщалъ достать нѣкоторыя церковно-славянскія книги отъ посольскаго священника, а другія—выписать изъ Россіи. „Гоголь возьметъ книги для себя; онъ предупрежденъ о нашемъ положеніи (т.-е. иллегальномъ), а самъ онъ, какъ замѣчено, благородной души“ [2]).

[1]) „Небожественная комедія“ — знаменитая драма философско-соціальнаго характера юнаго Зигмунта Красинскаго, отецъ котораго, генералъ, былъ убитъ въ Варшавѣ, за вѣрность присягѣ, а „Тадеушъ“—извѣстная поэма Мицкевича.

[2]) Smolikowski, II, 89—91. Конечно, не священникъ былъ при посольской церкви въ Римѣ, а архимандритъ и, кажется, въ то время Иринархъ, позже епископъ вологодскій, архіепископъ кишиневскій.

Digitized by Google

Товарищъ Семененки, уланъ Кайсевичъ, въ юности пописывалъ сонеты. Теперь, подъ впечатлѣніемъ знакомства съ Гоголемъ у княгини Зинаиды, онъ разразился снова сонетами, однимъ въ честь Волконской, на третій день послѣ знакомства съ Гоголемъ, а другимъ—въ честь самого Гоголя, черезъ недѣлю, 25-го марта, въ день Благовѣщенія. Правда, Кайсевичъ натура высокоталантливая, и, въ виду его послѣдующей проповѣднической дѣятельности, за нимъ, по силѣ и смѣлости рѣчи, утвердилось въ исторіи польской литературы почетное имя второго Петра Скарги [1]); но сонетчикъ онъ былъ плохой, такъ что оба его сонета знаменитый молодой поэтъ, Юліанъ Словацкій, другъ Красинскаго, назвалъ справедливо „жесткимъ". Но для насъ важенъ мало поэтическій сонетъ, посвященный Гоголю, какъ историческій фактъ.

Сонетъ Кайсевича—„Do M. Gogola"—переводить цѣликомъ не будемъ, для любителей приведемъ его въ выноскѣ; здѣсь вкратцѣ—содержаніе. Въ сонетѣ ведется параллель между судьбами пересаженнаго полевого цвѣтка и „пѣвца съ Днѣпра", „топтавшагося по райской землѣ", до и послѣ наступленія весны. Поэтъ въ сутанѣ успокоиваетъ Гоголя:

„Подошла весна, и у цвѣтка его годовая темница настежь...
И ты, поэтъ, освободишься отъ нездоровой обстановки,
Болѣе высокая пѣснь сильнѣе подвигнетъ грудь братій,
Только ты не замыкай души своей для *небесной росы*" [2]).

Открылъ ли себя Гоголь для этой росы? Кажется, началъ, ибо взаимныя отношенія трехъ знакомцевъ становились тѣснѣй и тѣснѣй.

---

[1]) Ср. горячо написанный этюдъ о Кайсевичѣ, какъ политическомъ проповѣдникѣ, гр. Стан. Тарновскаго въ „Studya do historyi literatury Polskiej", т. III, Kraków 1897, 1—206, особенно стр. 40, 42.

[2]) Smolikowski, II, 103, сонетъ въ подлинникѣ:

„Widziałem ja kwiat piękny, z pola przesadzony:
Ten choć wodą kryniczną hojnie podlewany,
I słońcem oświecony, i za szkłem ogrzany,
Przecie krasy pozbywa smętnie pochylony.
Widziałem ja śpiewaka od Dnieprowej strony:
Ten, choć sercem i umem nię skąpo nadany,
Deptał po rajskiej ziemi natchnieniem zasianej,
Przecie nad czołem mętny ból chmurką zwieszony.
Przyszła wiosna, otwarto przezrocze więzenie:
Wonnym kielichem nagie witając promienie,
Kwiat cieplą rosą długie ugasza pragnienie;
I ty, wieszczu, niezdrowej odejmiesz się suszy
I pieśń górniejsza silniej pierś braci poruszy,
Tylko rosie niebieskiej nie zamykaj duszy.

Digitized by Google

Не далѣе какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ напоминанія о „росѣ", 7-го апрѣля, Семененко и Кайсевичъ доносили въ Парижъ: „Намедни навѣстилъ насъ Гоголь (и комнорка ихъ была убогая, въ сиротскомъ домѣ), и мы его—на слѣдующій день. У него мы бесѣдовали на славянскія темы. Что за чистая душа! О немъ можно сказать съ Господомъ: „не далекъ ты отъ царствія небеснаго". Пространная была рѣчь объ иностранной литературѣ. Мы обстоятельнѣе объясняли ему то, чего во время прогулки на виллу касались только въ общихъ чертахъ. Удивительное онъ сдѣлалъ предъ нами признаніе. Въ простотѣ своего сердца онъ признался, что польскій языкъ ему кажется много звучнѣе русскаго: „Я,—говорилъ онъ,—долго въ этомъ убѣждался, старался быть вполнѣ безпристрастнымъ и подъ конецъ пришелъ къ такому выводу". Онъ прибавилъ: „я знаю, вообще иначе думаютъ, особенно въ Россіи; но, тѣмъ не менѣе, мнѣ правдою является то, что̀ я говорю". О Мицкевичѣ—съ самымъ большимъ уваженіемъ. Самъ онъ ученикъ Пушкина; въ послѣднее время много на него возлагалъ Пушкинъ. По нашей просьбѣ онъ далъ намъ свои сочиненія для чтенія—малорусскіе разсказы. Одинъ я прочелъ, подъ заглавіемъ: Старосвѣтскіе помѣщики, картина малорусской жизни въ деревнѣ. Очень меня заняла" [1]).

По правилу: „куй желѣзо, пока горячо", страстная княгиня, съ своей стороны, прилагаетъ всѣ усилія для все бо̀льшаго и бо̀льшаго сближенія этихъ, столь заинтересовавшихся другъ другомъ лицъ. Простое, удобное и уже испытанное средство—обѣдъ.

Въ концѣ апрѣля оба студента посѣтили княгиню. „Давно уже,—доносили они Яньскому,—тяготило насъ одно обстоятельство—что мы никогда не говорили съ нею ясно о состояніи костёла въ Польшѣ. Но теперь такъ все сложилось, что мы вполнѣ поняли другъ друга. Затѣмъ мы начали и о Гоголѣ, сообщили ей въ двухъ словахъ о нашихъ посѣщеніяхъ у него. Іеронимъ (Кайсевичъ) вспомнилъ о сонетѣ, который онъ написалъ Гоголю, и княгиня пригласила насъ къ обѣду на другой день, чтобы дать намъ случай съ нимъ снова встрѣтиться. Въ то же время княгиня сообщила, что она довѣрила Гоголю о своихъ намѣреніяхъ относительно своего сына, какъ онъ сердечно это принялъ и благодушно утверждалъ ее, чтобы она надежды не теряла, т.-е. что ея сынъ въ католичество обратится".

Но вотъ и самый апрѣльскій обѣдъ или обѣды. Припомнимъ, что май былъ на дворѣ, приближалось время разъѣздовъ изъ Рима.

---

[1]) Smolikowski, II, 104.

Digitized by Google

„Обѣдъ у Волконской, — доносятъ Яньскому Семененко и Кайсевичъ, — прошелъ, какъ мы желали. Особенно благодаримъ Господа Бога, что не оставляетъ насъ въ эти трудныя минуты и не дозволяетъ намъ полюбить свѣтъ, ниже отдать ему нашу мысль.

„Я (Семененко) сидѣлъ о-бокъ Гоголя и разговаривалъ съ нимъ по-русски, такъ какъ иначе онъ не разговариваетъ; по-итальянски и по-французски скорѣй читаетъ, чѣмъ говоритъ, и самъ онъ намъ пояснилъ, что не имѣетъ дара къ языкамъ, но говоритъ всегда хорошо. Мнѣ кажется, что мнѣ удалось втереть въ него пару хорошихъ мыслей. Вообще, теченіе разговора цѣлаго общества было *намѣренно* направляемо. Сильно Гоголь *задумался*, говоря его языкомъ. „Это меня радуетъ, — говорила намъ позже Волконская.—Вы обратили вниманіе, какъ онъ *внутренно работаетъ*“. Подъ конецъ княгиня выразила желаніе, чтобы мы приходили къ ней *каждый день*. Но въ пятницу мы не могли; только въ субботу снова общій обѣдъ“.

Итакъ, Волконская счастлива, довольна, какъ и ея агенты. Говорить ли—въ виду чего? По всѣмъ ихъ разсчетамъ, обѣдъ черезъ день имѣлъ быть еще болѣе интересенъ. Но Семененко и Кайсевичъ не пропустили еще наканунѣ, послѣ посѣщенія генерала іезуитовъ, быть съ визитомъ у Гоголя, словно и дня одного не могли быть, прожить безъ него. Но теперь они условились о новомъ пріемѣ въ начатыхъ практическихъ упражненіяхъ, для быстрѣйшихъ результатовъ. „Мы,—доносятъ они въ Парижъ, — какъ и въ первый разъ, болѣе говорили о славянскомъ мірѣ; но уговорились на будущее время навѣщать Гоголя въ одиночку, такъ какъ свиданія въ одиночку болѣе удобны для взаимной откровенности. Мы видимъ, какое прекрасное впечатлѣніе запечатлѣвается въ душѣ Гоголя отъ нашихъ посѣщеній“.

Субботній обѣдъ у Волконской былъ естественнымъ продолженіемъ послѣдняго. „Послѣ обѣда,—доносятъ они,—Іеронимъ (Кайсевичъ) читалъ свои оба сонета (т.-е. княгинѣ и нашему поэту). Сонетъ Гоголю попалъ въ свою цѣль: онъ произвелъ сильное дѣйствіе на поэта съ впечатлительной душой. Они были переведены по-французски; но Гоголь и по-польски не мало понимаетъ. Три часа прошло изъ нашей бесѣдѣ на этотъ разъ“ [1]).

Цѣль „жесткаго“ сонета ясна—предрасположить Гоголя къ воспріятію „небесной росы“; сонетъ произвелъ впечатлѣніе, и еще прочтенный самимъ его авторомъ, въ торжественной обстановкѣ,

[1]) Smolikowski, II, 104, 111—115.

Digitized by Google

и всѣ трое заговорщиковъ противъ Гоголя чувствуютъ себя удовлетворенными; каждый исповѣдывалъ про себя: близка, близка желанная минута. Дѣйствительно, въ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ по начальству обоихъ искусителей, на практикѣ Гоголь—уже ихъ готовая жертва. „Мы, — писали они 30 (12) мая,—съ Божьей помощью душевно очень сошлись съ Гоголемъ (bardzośmy się porozumieli). Удивительная вещь! Онъ говоритъ, что Россія—это лоза, которою отецъ наказываетъ дитя, а потомъ ломаетъ, и много, много иныхъ, *полныхъ утѣшенія*, вещей. Благодарите и молите: сама княгиня начинаетъ иначе видѣть“.

6 (18) мая Волконская внезапно собралась изъ Рима и уѣхала въ Парижъ, не повидавшись даже съ обоими своими помощниками, что было для нихъ не безъ удивленія. Зато оставленнымъ на ихъ духовное попеченіе Гоголемъ они вполнѣ довольны. „Гоголь—какъ нельзя лучше,—доноситъ Семененко 13 (25) мая.—И въ даль, и въ ширь сошлись мы съ нимъ въ пониманіи. Парой словъ объ этомъ мы уже коснулись въ послѣднемъ нашемъ письмѣ. Онъ говорилъ намъ обстоятельно о перемѣнѣ, которая произошла въ умахъ у русскихъ за послѣдніе два года. Гвардейскіе офицеры, находящіеся здѣсь (въ Римѣ), еще два года назадъ русскіе энтузіасты, теперь измышляютъ странныя вещи, и это тѣ, которые осыпаны почестями, благодѣяніями, привилегіями. Да, удивительна откровенность, которая царитъ среди русскихъ: въ Парижѣ болѣе осторожны демагоги, чѣмъ эти недовольные. Гоголь занимается русскою исторіей. И здѣсь у него весьма свѣтлыя (!) мысли. Онъ видитъ хорошо, что отсутствуетъ начало, которое связывало бы это безформенное громадное зданіе. Съ верху идетъ сила, но внутри нѣтъ духа. И каждый разъ Гоголь выкрикиваетъ: „У васъ, у васъ — что за жизнь, и это послѣ потери столькихъ силъ! Ударъ, который долженъ былъ васъ уничтожить, вознесъ и оживилъ васъ. Что за люди, что за литература, что за надежды! Это дѣло нигдѣ неслыханное“! [1]) Намъ думается, что генезисъ тѣхъ „свѣтлыхъ мыслей“

---

[1]) Smolikowski, II, 126 — 127, 134. — 18 мая 1838 г., Гоголь изъ Рима писалъ матери: „кн. Волконская, которая *услаждала* мое время пребыванія въ Римѣ, уѣхала и у меня *теперь* въ городѣ *немного такихъ знакомыхъ*, съ которыми любила бесѣдовать моя душа“ (Сочиненія и письма, V, 326). Въ виду контекста едва ли мы ошибемся, предположивъ, что подъ этими *немногими* надо понимать именно Семененку и Кайсевича.—О развязности Гоголя на языкъ, все еще не позабывшаго своей обиды, и въ это время, ср. письмо его къ Балабиной (Шенрокъ, III, 177). Здѣсь слова въ инціалахъ совсѣмъ прозрачны. Здѣсь же и о нашествіи соотечественниковъ „дѣлою ватагою“ и полное презрѣніе къ нѣкоторымъ изъ нихъ: „несетъ

Digitized by Google

надо у Гоголя вести отъ Мицкевича, который былъ такъ дорогъ Гоголю, отъ его извѣстной историософической теоріи, начинающейся стихами: „Kraina pusta, dzika i otwarta, jak do pisania zgotowana karta“... [1])

Но въ іюлѣ 1838 года и самъ Гоголь оставляетъ Римъ для Неаполя, а послѣ майскаго письма Семененки къ своему учителю оставляетъ насъ извѣстная намъ корреспонденція будущихъ первыхъ „воскресенцевъ“ своими сообщеніями о духовномъ Гоголѣ въ Римѣ, въ эпоху, по господствующему взгляду, его „лучшей фазы жизни“. Мы лично позволяемъ себѣ думать, что общеніе между обоими помощниками княгини Зинаиды и Гоголемъ и послѣ продолжалось, но уже менѣе близкое, такъ, до весны 1841 года. Еще 2-го апрѣля этого года Кайсевичъ писалъ Мицкевичу въ Лозанну: „княгиня Волконская въ Петербургѣ, здорова, воротится не раньше осени. Что̀ дѣлается съ Гоголемъ, не знаемъ; навѣрное сидитъ въ Чехіи, *какъ онъ предполагалъ*“ [2]).

На вопросъ—можно ли игнорировать всю эту польскую переписку, всѣ эти горячія попеченія княгини Волконской о познаніи *истины* Гоголемъ, спасеніи души Гоголя, одинаковыя съ заботами ея въ то же время и о томъ же относительно единственнаго ея сына, это горячее пріуготовленіе, сообща втроемъ, Гоголя къ воспріятію „небесной росы“, въ первую половину 1838 года—безпристрастный читатель можетъ дать одинъ отрицательный отвѣтъ. Сомнѣнія въ подлинности предложенныхъ документовъ не можетъ быть никакого: они не только современны, но составлены по горячимъ слѣдамъ. Вѣроятно, добродушный Гоголь и не подозрѣвалъ, что всѣ его слова, иногда въ слишкомъ откровенной бесѣдѣ съ молодыми студентами-монахами, заносились послѣдними на бумагу сейчасъ же, аккуратно и точно, и, такимъ образомъ, останутся, донесутся въ потомство.

Великій русскій поэтъ католикомъ не сталъ, но былъ близокъ къ „небесной росѣ“; православія не оставилъ, но былъ близокъ къ искусительному шагу, и всѣ подозрѣнія — матери, друзей—оказываются съ фактическою почвою и только говорятъ

отъ нихъ казармами, просто мочи нѣтъ“. Казарма здѣсь—въ отвлеченномъ значеніи, синонимъ извѣстнаго образа мыслей.

[1]) Къ свидѣтельству Семененки и Кайсевича въ письмѣ 7 апрѣля, что выше: „о Мицкевичѣ Гоголь съ самымъ большимъ уваженіемъ“, прибавимъ: еще въ 1837 г. онъ посѣтилъ Мицкевича въ Женевѣ (Соч. и письма, изд. Кулиша, V, 293), а въ 1839 г. пишетъ Шевыреву: „*обними* Мицкевича за меня крѣпко“ (Шенрокъ, III, 289).

[2]) Smolikowski, II, 282.

Digitized by Google

о проницательности ихъ ума, о пониманіи ими изломавшейся обстоятельствами натуры Гоголя. Гоголь былъ соблазнительнымъ предметомъ искушенія для неофитки княгини Волконской; все дѣлалось по командѣ этой послѣдней. Сказать объ исторической княгинѣ, что она была сильно предана католицизму,—и неопредѣленно, и мало: она была объята фанатизмомъ. Когда, въ надеждѣ провести Петербургъ и только съ величайшимъ трудомъ высвободившись изъ него, продѣлавъ обычную у женщинъ комедію—обморокъ, истерику,—освободивши себя тѣмъ отъ пріуготовленнаго уже для нея возмездія—отъ монастыря, за заботы о душѣ сына, мужа—и Гоголя,—прибавимъ отъ себя, княгиня Зинаида возвратилась, наконецъ, въ Римъ, — и открыла себя вполнѣ, а ея оба молодыхъ помощника запѣли ей „аллелуйя".

Раньше, какъ мы видѣли, княгиня Зинаида еще кокетничала съ политикой предъ обоими студентами; не безъ неудовольствія они титуловали ее „dobra Moskiewka"; но теперь они поуспокоились: она, по ихъ словамъ, „очистилась". „Княгиня Волконская,—пишетъ Кайсевичъ неравнодушному къ ней Мицкевичу изъ Рима, 4 (16-го) января 1841 года, — становится все почтеннѣе и почтеннѣе, скажу прямо—она уничтожила въ себѣ безъ слѣда всѣ національные предразсудки и недостатки, и католическую церковь любитъ и ставитъ превыше всего. Дай Богъ и намъ такъ очиститься". Съ радостью корреспондентъ прибавляетъ, что и ея старику-мужу дозволено жить при женѣ: „если нельзя было раньше, то, по крайней мѣрѣ, предъ смертью познаетъ онъ истину и въ истинѣ умретъ; старикъ оказывается все болѣе и болѣе готовымъ" [1]). Римскій домъ княгини продолжаетъ оставаться агентурою по прозелитизму [2]); заботы ея объ обращеніи, въ 1842 году, Смирновой [3]) показываютъ, что она осталась при своемъ любимомъ занятіи.

Чтобы окончить эти строки о Римѣ въ первой половинѣ 1838 года по отношенію къ Гоголю, не лишне остановиться на томъ обстоятельствѣ, что римскій воздухъ того времени былъ до того заразителенъ, что самое наше посольство въ Римѣ, отъ его главы и до секретарей, сформировано было изъ готовыхъ прозе-

[1]) Тамъ же, II, 360. О петербургскомъ плѣненіи кн. Волконской въ 1840 году Кайсевичъ писалъ Мицкевичу еще 12 (31-го) сентября, изъ Рима: „przysłano popów, aby się upamiętała", „do monasteru kobiet", „instancya Cesarzowej", Тамъ же, II, 356. Конечно, эти интимныя извѣстія могли идти изъ Петербурга отъ самой Волконской. Точность ихъ утверждается другими источниками.

[2]) Ср. тамъ же, II, 343.

[3]) Шенрокъ, IV, 231.

Digitized by Google

литовъ папства, не замедлившихъ и объявить себя—черезъ два, три года—прямо католиками.

Глава посольства, Потемкинъ, по словамъ Кайсевича, англичанинъ по воспитанію и образованію [1]), имѣлъ подъ собою двухъ секретарей: гр. Штакельберга—протестанта, и кн. Ѳедора Голицына—православнаго. 9-го февраля 1841 года Семененко пишетъ изъ Рима въ Парижъ свѣтскому члену братства пок. Яньскаго, Яну Козьмяну: „коснувшись разъ римскихъ новинокъ, подтверждаю вамъ то, что̀ вы навѣрное уже прочли въ газетахъ—переходъ въ католицизмъ гр. Штакельберга и кн. Ѳ. Голицына. Властенъ Господь Богъ изъ камней сотворить сыновъ Авраамовыхъ. Конечное обращеніе это совершилось въ декабрѣ (т.-е. 1840 года); но тайна едва продержалась одинъ мѣсяцъ. Велика эта потеря для Россіи, но для насъ—великое утѣшеніе. Посольство перешло; одинъ посланникъ еще избѣжалъ выговора, хотя жена его—католичка. Кто знаетъ, не сдѣлаетъ ли, въ концѣ концовъ, того же шага и самъ Потемкинъ, разъ онъ впалъ въ немилость"!..

Семененко въ предвидѣніи своемъ не ошибся. Выйдя въ отставку, Потемкинъ принялъ католицизмъ и навсегда поселился въ Римѣ. Но раньше его то же сдѣлали оба его прежніе секретаря. По свидѣтельству Семененки, богатый князь Голицынъ успѣлъ, подъ-рукою, продать свои имѣнія въ Россіи, и построилъ для себя богатое палаццо въ Римѣ, „насупротивъ Боргезовъ"; что же касается неимущаго графа Штакельберга, то онъ былъ заботливо поддерживаемъ Маркомъ Боргезе, тѣмъ самымъ лицомъ, которое главнымъ образомъ способствовало переходу его въ католицизмъ.

„Такова,—заключаетъ свое письмо Симоненко,—цѣлая исторія; да будетъ же благодареніе Господу Богу"! [2])

Вся эта странная исторія произошла до наступленія масляницы 1841 года, когда княгиня Волконская уже возвратилась въ Римъ послѣ своего плѣненія въ Петербургѣ.

Уже на первой недѣлѣ великаго поста 1841 года Гоголь говѣлъ и пріобщался, конечно, въ русской посольской церкви [3])... Впереди его ожидалъ и настоящій славянскій міръ, но не въ освѣщеніи Семененки и Кайсевича, которые его не знали, и въ своихъ славянскихъ бесѣдахъ съ Гоголемъ могли говорить только о Польшѣ и, вѣроятно, о своемъ безспорно замѣчательномъ учителѣ-аскетѣ, Богданѣ Яньскомъ, его аскетической догмѣ.

---

[1]) Smolikowski, II, 312, примѣчаніе, изъ его дневника.

[2]) Smolikowski, II, 312.

[3]) Сочиненія и письма, V, 441.

Digitized by Google

Прибавимъ, въ заключеніе настоящей главы, еще одну черту изъ римской жизни Гоголя.

Въ многочисленныхъ письмахъ Гоголя мы натыкаемся на имена многихъ лицъ въ Римѣ того самого времени, и самыхъ скромныхъ, совсѣмъ ничтожныхъ. Мы, напримѣръ, въ нихъ не разъ встрѣчаемся съ воспитанникомъ княгини Волконской, m-r Pavé, конечно, уже католикомъ, а былъ онъ не болѣе какъ сынъ простого русскаго солдата [1]). Но въ то же время ни въ одномъ письмѣ, даже къ друзьямъ закадычнымъ, какъ Данилевскій, — ни ползвука, ни малѣйшаго намека о такихъ, во всякомъ случаѣ, близкихъ знакомыхъ поэта, какъ молодые Семененко и Кайсевичъ... Едва-ли возможна мысль, что тутъ предъ нами одна простая игра простого случая, а не преднамѣренное умолчаніе.

А. Кочубинскій.

[1]) Шенрокъ, III, 211, примѣч.

Digitized by Google

ЖИЗНЬ ТОМАСА ТРУКА

РОМАНЪ.

— Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck. Ein Roman in vier Büchern. Berl. 1902.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1]).

I.

Солнце прорвалось сквозь зимній туманъ и, какъ будто улыбаясь, освѣтило покрытыя инеемъ деревья берлинскаго Тиргартена. Оно отражалось въ окнахъ великолѣпныхъ домовъ на Тиргартенштрассе и бросало пятна свѣта на пѣшеходовъ и экипажи, длиннымъ рядомъ двигавшіеся одинъ за другимъ.

Въ одной изъ колясокъ, откинувшись на мягкія подушки, сидѣла блѣдная дама. Ея стройная фигура была закутана въ соболя, а на черные, какъ вороново крыло, волосы была надѣта парижская шляпа, сдѣланная по послѣдней модѣ. Она что-то тихо говорила болѣзненному мальчику, понуро сидѣвшему рядомъ съ нею. У мальчика былъ чрезмѣрно развитой черепъ, оттопыренныя, отвислыя уши и маленькіе глаза съ очень узкимъ разрѣзомъ. Въ отвѣтъ на обращенныя къ нему слова онъ, время отъ времени, уныло и вяло улыбался. Онъ производилъ впечатлѣніе чего-то хрупкаго и хилаго и былъ похожъ на маленькаго старичка. Черные глаза блѣдной дамы были лишены блеска и

[1]) См. выше: янв., 196 стр.

Digitized by Google

вспыхивали только тогда, когда мальчикъ улыбался. Она укутывала его въ мягкій пледъ, чтобы ни малѣйшій вѣтеръ не обдулъ его. Когда ей кланялся кто-нибудь изъ прохожихъ или проѣзжихъ, то она наклоняла голову едва замѣтнымъ, гордымъ движеніемъ. Лицо ея выражало усталость и страданіе.

Кучеръ лѣниво поглядывалъ кругомъ. Онъ немного распустилъ вожжи и, видимо, скучалъ. Когда коляска завернула въ сосѣднюю улицу, то на нее чуть не наскочила быстро промчавшаяся повозка мясника. Мясникъ крикнулъ какія-то ругательства по адресу торжественнаго кучера, и пока послѣдній озирался, тщетно отыскивая полицейскаго, лошади испугались и понесли. Изъ экипажа раздались испуганные крики. Кучеръ старался затянуть вожжи, но лошади бѣсились отъ этого еще больше. Одно неловкое движеніе, и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ оглянуться, онъ уже скатился съ козелъ и былъ отброшенъ въ сторону, а коляска помчалась дальше по пустынной улицѣ. Рѣдкіе прохожіе испуганно вскрикивали. Наконецъ коляска со всего размаха ударилась о тротуаръ. Мальчикъ внѣ себя неистово перегнулся, вырвался изъ рукъ матери и выскочилъ, шатаясь, изъ экипажа.

Въ это мгновеніе какой-то извозчикъ бросился наперерѣзъ взбѣсившимся лошадямъ, схватилъ одну изъ нихъ подъ уздцы и съ величайшимъ усиліемъ ему наконецъ удалось остановить коляску.

Дама почти лишилась чувствъ. Какой-то высокій молодой человѣкъ взялъ на руки пищавшаго ребенка и подалъ его ей. Она со страхомъ прижала къ себѣ мальчика, что-то безсвязно проговорила извозчику и, машинально вынувъ кошелекъ, протянула ему золотой. Тотъ пробормоталъ какую-то благодарность и ласково потрепалъ запыхавшихся и фыркавшихъ въ изнеможеніи лошадей. Между тѣмъ вокругъ экипажа собралась толпа народа. Послышались грубыя остроты, и каждый вновь подходившій требовалъ, чтобы ему разсказали, что случилось.

Дама возилась съ мальчикомъ. Онъ жалобно стоналъ и весь дрожалъ. Она только-что собралась что-то сказать незнакомому молодому человѣку, какъ сквозь толпу пробрался ея смущенный, перепуганный кучеръ. По лбу у него текла кровь. Онъ что-то хотѣлъ ей сказать въ свое оправданіе, но она, молча, указала ему на козлы и, обратившись къ молодому человѣку, проговорила дрожавшимъ голосомъ:

— Пожалуйста, сядьте къ намъ въ коляску, — мнѣ такъ страшно ѣхать одной!...

Digitized by Google

Молодой человѣкъ густо покраснѣлъ и, не говоря ни слова, вскочилъ въ экипажъ.

— Домой!

Толпа стала рѣдѣть, и коляска двинулась впередъ, при чемъ мальчикъ все еще продолжалъ жалобно хныкать.

— У тебя что-нибудь болитъ, мой мальчикъ? Покажи, гдѣ тебѣ больно?—озабоченно спрашивала дама, и изъ глазъ ея, не переставая, текли слезы.

Въ некрасивомъ лицѣ мальчика что-то вздрагивало при этихъ вопросахъ. Молодой человѣкъ робко поглядывалъ на сидѣвшихъ передъ нимъ. Онъ чувствовалъ себя очень неловко.

Довольно долго дама, казалось, не обращала на него ни малѣйшаго вниманія. Она была занята исключительно ребенкомъ, начавшимъ мало-по-малу успокоиваться.

Коляска повернула на Шарлоттенбургское шоссе.

Вдругъ дама обернулась къ молодому человѣку. У него было тонко очерченное лицо, съ страдальческой складкой въ углу рта.

— Какъ мило съ вашей стороны, что вы съ нами поѣхали! Я вамъ искренно благодарна.

— Совершенно не за что.

Она удивленно и съ любопытствомъ взглянула на него. Что-то особенное послышалось ей въ его голосѣ. Мальчикъ тоже покосился на него.

Мимо нихъ мелькали купы дубовъ и буковъ. Вдали на Бранденбургскихъ воротахъ возвышалась зеленая тріумфальная колесница, вся утопавшая въ солнечномъ сіяніи.

Экипажъ остановился на улицѣ Лихтенштейнъ, передъ роскошнымъ домомъ, похожимъ на дворецъ.

Изъ подъѣзда выскочилъ лакей и сдѣлалъ испуганное лицо. Онъ взялъ мальчика на руки, но на того вдругъ напала храбрость,—онъ увернулся отъ слуги и самостоятельно сталъ на худенькія ножки, напоминавшія, въ сравненіи съ огромной головой мальчика, двѣ тоненькія, жалкія спаржи.

Дама улыбнулась довольной улыбкой.

— Пожалуйста, не войдете ли вы къ намъ на минутку?

Молодой человѣкъ хотѣлъ отказаться и сдѣлалъ какое-то отрицательное движеніе, но она взглянула на него такъ твердо и вызывающе, что онъ молча послѣдовалъ за нею. Смутно чувствовалъ онъ, что въ ея существѣ была какая-то притягательная сила.

Они миновали роскошную прихожую и вошли въ гостиную, убранную въ самомъ новѣйшемъ стилѣ. Явился другой лакей

Digitized by Google

и помогъ хозяйкѣ раздѣться. Она осталась въ англійскомъ костюмѣ, выгодно подчеркивавшемъ ея ростъ и изящную фигуру. Ея черные волосы немного растрепались и обрамляли ея бѣлое, нѣжное лицо, съ рѣзко выступавшими на немъ темными, лишенными блеска глазами. Тонкіе бѣлые пальцы ея что-то нервно перебирали на столѣ.

Молодой человѣкъ неподвижно стоялъ передъ нею. Она попросила его сѣсть и подождать ее, и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась вмѣстѣ съ мальчикомъ.

— Ну, милый, теперь поблагодари хорошенько. Слава Богу,—продолжала она,—мы отдѣлались однимъ испугомъ. Если не считать синяковъ и ссадинъ на колѣнкахъ, то онъ, какъ видите, совершенно веселъ и здоровъ.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ мальчикъ.

Молодой человѣкъ слегка поклонился дамѣ и, обращаясь къ ней, произнесъ:

— Меня зовутъ Томасъ Трукъ.

— А я фрау Бергъ, жена директора банка,—произнесла она, краснѣя.

Она что-то шепнула мальчику. Онъ подалъ Томасу руку, пролепеталъ нѣсколько заученныхъ словъ и вышелъ изъ комнаты.

— Это мой единственный ребенокъ,—проговорила она послѣ долгаго молчанія,—и вы заслужили мою глубокую благодарность—мою и моего мужа,—прибавила она.—Къ сожалѣнію, его въ эту минуту нѣтъ дома.

Томасъ смущенно улыбнулся. Дама приняла эту улыбку за насмѣшку.

— Вы смѣетесь надо мной?—проговорила она, и ея глаза вдругъ засверкали.

— Я?... я?...—пробормоталъ онъ, и вдругъ почувствовалъ, какъ на него стало находить какое-то двойственное и непонятное настроеніе.—Если я оскорбилъ васъ, то, пожалуйста, простите,—продолжалъ онъ, избѣгая смотрѣть на нее.—Впрочемъ,—онъ остановился,—впрочемъ,—повторилъ онъ,—вы сами виноваты. Вы осыпаете меня благодарностями, которыя ко мнѣ совсѣмъ не относятся. Вы наградили извозчика, и этого вполнѣ достаточно.

И послѣ нѣкотораго молчанія онъ прибавилъ довольно рѣзко:

— Я вообще не люблю такихъ драматическихъ сценъ.

При этихъ словахъ ея лицо еще болѣе поблѣднѣло. Это испугало его. Но, внезапно почувствовавъ, что ему грозила какая-то, еще не вполнѣ сознаваемая опасность, онъ поднялся, взялъ шляпу и собрался уходить.

Digitized by Google

— Я скептически отношусь къ изліяніямъ чувствъ,—проговорилъ онъ смущенно и больше для себя.—Свѣтская же любезность, часто являющаяся не болѣе какъ пустой формой, мнѣ также крайне непріятна.

— Изліянія чувствъ и свѣтская любезность?—Голосъ, которымъ она произнесла эти слова, поразилъ его. Она вдругъ подошла къ нему совсѣмъ близко.

— Иногда и то и другое одинаково мало значатъ,—отвѣтилъ онъ, и голосъ его прозвучалъ почти кротко. Его мягкая улыбка не ускользнула отъ нея и придала ей смѣлости.

— Теперь я вижу,—проговорила она радостно,—что ваше лицо можетъ быть добрымъ.

Эти слова опять раздражили его. Втайнѣ онъ проклиналъ себя: онъ долженъ былъ раскланяться съ нею на крыльцѣ.

Она, вѣроятно, догадалась о томъ, что происходило въ его душѣ, потому что вдругъ поднялась и сказала:

— Я васъ не задерживаю. Боюсь, что вы разсердитесь.

Томасу опять показалось, что этими словами она опутываетъ его какой-то невидимой сѣтью. Она опутывала его каждымъ словомъ, и онъ былъ не въ состояніи порвать эти тонкія нити. Ему такъ было больно и отъ ея голоса, и отъ ея блѣднаго лица. Онъ отбросилъ со лба волосы и проговорилъ, не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ:

— За что мнѣ на васъ сердиться? Вы... вы... совсѣмъ замерзли, вы вся дрожите.

Она испуганно откинула голову и взглянула на каминъ, придававшій всей комнатѣ видъ уютности и тепла.

— Вѣдь вы придете еще разъ?—проговорила она тономъ избалованнаго ребенка.—Господинъ Томасъ Трукъ, если вы дѣйствительно не сердитесь, то вы придете еще разъ. Я васъ навѣрное гдѣ-то видала,—прибавила она разсѣянно и спросила робко:—Гдѣ вы живете?

Тонъ ея голоса волновалъ его и лишалъ самообладанія.

— Луизенштрассе, 15.

— Теперь я знаю, гдѣ я васъ видѣла,—проговорила она вдругъ.—На первыхъ представленіяхъ въ нѣмецкомъ театрѣ. Вы стояли въ ненумерованныхъ мѣстахъ. Правда?

И, не дождавшись отвѣта, она быстро прибавила:

— Я каждый разъ обращала на васъ вниманіе.

— Это было уже давно,—отвѣтилъ онъ смущенно.

Она протянула ему руку, и черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже на крыльцѣ. Но, несмотря на холодъ и рѣзкій вѣтеръ,

Digitized by Google

со свистомъ проносившійся по улицамъ и качавшій верхушки деревьевъ, онъ все еще чувствовалъ, что его душитъ какая-то тяжесть. Медленно пошелъ онъ по улицѣ и оставилъ за собою Тиргартенъ. На Лихтенштейнскомъ мосту онъ остановился и сталъ задумчиво смотрѣть на уходившій въ даль каналъ. Вокругъ него было тихо, и эта тишина благотворно повліяла на него. Ежедневно ему случалось проходить шумной и оживленной частью города, и уличная жизнь оглушала и мучила его. Когда онъ встрѣчалъ унылыя, озабоченныя лица, съ явнымъ отпечаткомъ всей унизительной стороны ихъ существованія, то имъ овладѣвали самыя противоположныя ощущенія. Онъ ненавидѣлъ этихъ людей за то, что грубое дыханіе жизни сдуло съ нихъ, какъ росу съ цвѣтовъ, все тонкое, благородное; за то, что они такъ глухо стонали подъ своей ношей и теряли силу и красоту. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ къ нимъ глубочайшую жалость, потому что видѣлъ въ ихъ лицахъ выраженіе скорби и отчаянія. Съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ пробудилась сознательная жизнь, онъ не переставалъ размышлять надъ людскими страданіями. Онъ стыдился за свое обезпеченное существованіе. Но его юныя жизненныя силы противились унынію. Бывали также минуты, когда онъ сомнѣвался въ чистотѣ своихъ помысловъ и объяснялъ себѣ свое состраданіе къ людямъ личнымъ раздраженіемъ и недовольствомъ. Онъ самъ былъ изгнанникомъ, у него не было родного дома, и потому, быть можетъ, въ свободные часы онъ печалился надъ участью обездоленныхъ. Онъ упрекалъ себя за свои личныя стремленія, за свою преданность и серьезное отношеніе къ изученію естественныхъ наукъ и за желаніе стать самостоятельнымъ. А когда, послѣ усиленной работы, ему случалось заходить въ театры или въ концерты, то онъ считалъ свое поведеніе грѣховнымъ и легкомысленнымъ. Большинство его товарищей жило вполнѣ беззаботно, не раздумывая особенно и не сомнѣваясь. Они бы подняли его на смѣхъ, еслибы могли заглянуть въ его внутреннюю жизнь. Но отъ этого ему не было легче, и онъ оставался такимъ, какимъ былъ. Долго онъ жилъ совершенно одиноко, прежде чѣмъ встрѣтилъ кружокъ довольно странныхъ людей, съ которыми сталъ часто видаться. До этой встрѣчи одиночество еще усиливало его мрачность. Онъ не видалъ родного города, дома и сада съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ оттуда ребенкомъ. Отецъ его вскорѣ женился на вдовѣ, и сынъ порвалъ съ нимъ всякія сношенія. Они не видались и ничего не знали другъ о другѣ. Только къ пастору сохранилъ онъ прежнее чувство. Ему изливалъ онъ свою душу и съ жадностью

Digitized by Google

ждалъ утѣшеній, приходившихъ съ родины. Существовалъ еще одинъ человѣкъ, съ которымъ онъ поддерживалъ отношенія. Это была Беттина. Но она жила очень далеко. Она училась въ парижской консерваторіи. Онъ получалъ отъ нея причудливыя, оригинальныя письма, написанныя маленькими іероглифами. Внутренній смыслъ ея словъ было иногда еще труднѣе разобрать, чѣмъ ея почеркъ. Во всемъ, что она писала, чувствовалось необычайное честолюбіе, пугавшее его и вызывавшее къ ней непріязненное чувство. Она вѣчно говорила о своемъ искусствѣ и о томъ, кѣмъ бы ей хотѣлось сдѣлаться со временемъ. Все это, конечно, было пересыпано дѣтскими безпомощными и милыми словами, но эти слова говорились между прочимъ и какъ-то сдержанно, не какъ что-то серьезное, а только какъ дань, отдаваемая воспоминаніямъ дѣтства.

Это не была его прежняя Беттина.

Теперь онъ чувствовалъ, какъ ихъ разъединяла разница и лѣтъ, и жизненнаго опыта.

Глядя на темную воду канала, онъ вдругъ вспомнилъ темный прудъ, окруженный развѣсистыми ивами, лужайку, гдѣ онъ любилъ лежать на солнцѣ и гдѣ его всегда отыскивали Тамара и Беттина.

Но все это было такъ далеко, такъ давно!

Передъ нимъ вставали новые образы, то вызывавшіе въ немъ подъемъ энергіи, то лишавшіе его послѣднихъ силъ.

Онъ поднялъ воротникъ плаща и быстро зашагалъ впередъ, стараясь встряхнуться и не поддаваться воспоминаніямъ.

Домъ на улицѣ Лихтенштейнъ и обитательница этого дома занимали и преслѣдовали его.

Что бы сказали его друзья, еслибы узнали объ его приключеніи!

Но они не могли узнать, потому что для него самого завтра же, —нѣтъ, даже сегодня—этотъ домъ долженъ былъ перестать существовать. При этой мысли онъ покраснѣлъ, какъ школьникъ. Быстро сунулъ онъ руку въ карманъ своего длиннаго чернаго плаща, который очень къ нему шелъ, и вытащилъ маленькій кисетъ съ табакомъ и коротенькую англійскую трубку. Онъ торопливо набилъ ее, закурилъ и сталъ выпускать въ прозрачный морозный воздухъ короткіе клубы дыма. Вдругъ онъ вздрогнулъ, почувствовавъ, что кто-то слегка ударилъ его по плечу, и съ удивленіемъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ маленькій, тощій человѣкъ, съ низкимъ, но выразительнымъ лбомъ, печальными глазами, необыкновенно тонкимъ носомъ и жидкими рыжеватыми усами. Видъ у него былъ несчастный и голодный.

Digitized by Google

— А, Гейнзіусъ, откуда это вы?—спросилъ Томасъ, пожимая подошедшему руку.

Тотъ вскрикнулъ:

— Ой, ради всего святого, вы мнѣ такъ руку отдавите! Откуда я? Что за вопросъ! По обыкновенію, отбывалъ свою повинность.

— Значитъ, изъ школы?

— Конечно.

— Я не понимаю, чего вы вѣчно стонете надъ своею службой!—проговорилъ Томасъ.—Вѣдь преподаваніе—вещь не маловажная. Вы можете дать что-нибудь дѣтямъ...

Школьный учитель взглянулъ на него съ видомъ превосходства и нѣкотораго презрѣнія.

— Вы такъ думаете въ самомъ дѣлѣ? Гм! Ну и оптимистъ же вы!

— Неужели!

Они шли нѣсколько времени молча.

— Преподаваніе!—началъ снова школьный учитель:—вдалбливать тупоумнымъ ребятамъ библію или разныя свѣдѣнія объ ихъ родинѣ,—да еще такъ вдалбливать, чтобы школьный инспекторъ былъ доволенъ и чтобы не получить отставку... ахъ, лучше объ этомъ и не говорить! Еслибы у меня былъ талантъ къ конокрадству, я знаю, что бы я сталъ дѣлать! И еслибы не перспектива умереть съ голоду, то я сейчасъ же вырвался бы изъ-подъ этого ярма. Я...

Припадокъ кашля не далъ ему договорить.

Томасъ смущенно поглядывалъ на его жалкое побагровѣвшее лицо.

— Я стою за религію радости,—продолжалъ, оправившись, школьный учитель:—за жизнь, и вмѣсто этого долженъ смотрѣть на чахлыя, тупоголовыя существа, которыхъ мнѣ же приходится наказывать. Я чувствую потребность ежедневно и ежечасно возмущаться и возставать противъ общества, а вмѣсто этого долженъ льстить и низкопоклонничать передъ директоромъ и школьнымъ инспекторомъ. Мнѣ хотѣлось бы наслаждаться, а приходится голодать; хотѣлось бы жить, а я осужденъ вѣчно хворать и сознательно стремиться на встрѣчу близкой смерти. Мнѣ хотѣлось бы,—закончилъ онъ едва слышно, — работать, исполнять нѣчто опредѣленное; но когда я выхожу изъ этой тюрьмы, то у меня голова точно свинцомъ налита и все тѣло болитъ.

Digitized by Google

Красныя пятна выступили у него на щекахъ, а глаза безпокойно заблестѣли.

— Простите, что надоѣдаю вамъ своими жалобами. Какъ разъ сегодня на меня свалилось столько непріятностей. Въ такомъ настроеніи всегда дѣлаешься болтливъ.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ ловкимъ прыжкомъ вскочилъ въ проѣзжавшую мимо конку и ужъ издали кивнулъ головою въ знакъ прощанія.

„Вотъ жалкое существованіе! — подумалъ Томасъ.—Такой озлобленный духъ въ такомъ слабомъ тѣлѣ"!

И ему вспомнилось, что въ кружкѣ друзей—Гейнзіуса называли мертвой маской. Онъ самъ придумалъ себѣ это названіе въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда хочется смѣяться сквозь слезы.

Цѣлый рядъ представленій и мыслей замелькалъ въ умѣ Томаса, причиняя ему острую боль. Стукъ экипажей, тѣснота и давка на тротуарѣ вывели его изъ глубокой задумчивости. Онъ находился теперь какъ разъ въ центрѣ города, потому что, самъ того не замѣчая, пришелъ къ мѣсту, гдѣ скрещиваются двѣ наиболѣе многолюдныя и шумныя улицы. Конки, локомобили, омнибусы, дрожки, кареты и повозки съ кладью, люди, двигавшіеся толпами, какъ безпокойные муравьи, разодѣтые господа и оборванные поденщики, блестящіе военные, приказчики и дѣвочки изъ магазиновъ—все это бѣжало, шмыгало, летѣло и стремилось мимо него въ пестрой безпрерывной суматохѣ.

Онъ жадно впивалъ въ себя всю эту возбуждающую атмосферу большого города и чувствовалъ свободу и облегченіе. А на фонѣ пестрой толпы всплывалъ передъ нимъ въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ образъ стройной блѣдной женщины.

II.

Было восемь часовъ вечера. Изъ большого зданія университета Подъ-Липами выходило на улицу, по окончаніи лекцій, множество студентовъ. Среди нихъ находился Томасъ Трукъ, слушавшій, въ свободное отъ занятій медициною время, лекціи политической экономіи. Онъ только-что слушалъ профессора Вагнера, читавшаго о рабочемъ вопросѣ. Онъ чувствовалъ сильную усталость. Мелькомъ взглянувъ на мраморныя статуи Гумбольдтовъ, стоявшихъ какъ бы на стражѣ передъ университетомъ, онъ медленно поплелся по тротуару. На ближайшемъ мосту онъ на мгновеніе остановился и вдохнулъ съ удовольствіемъ запахъ свѣ-

Digitized by Google

жихъ яблокъ, кучами сложенныхъ въ баркахъ. Потомъ пошелъ дальше, но еще долго продолжалъ чувствовать этотъ ароматъ, и радовался, испытывая физическое наслажденіе. Повернувъ за уголъ и пройдя нѣсколько узкихъ, бѣдныхъ улицъ, онъ остановился передъ закопченнымъ старымъ домомъ и вошелъ на небольшой дворъ, скудно освѣщенный дурно пахнувшей керосиновой лампой. По кривой лѣстницѣ съ вытертыми ступенями поднялся онъ въ четвертый этажъ, находившійся подъ самой крышей, и тамъ остановился, переводя духъ. На двери, передъ которой онъ находился, была мѣдная дощечка съ надписью: „Брозе, живописецъ". Изнутри до него доносились громкіе голоса. Онъ постучался нѣсколько разъ, прежде чѣмъ ему отворила высокая, крѣпко сложенная женщина, производившая при первомъ взглядѣ на нее странное и нѣсколько комичное впечатлѣніе. Прежде всего въ глаза бросался ея чрезмѣрно развитой носъ, преобладавшій надъ всѣмъ лицомъ. Подъ нимъ была замѣтна растительность, настолько сильная, что ее, къ величайшему прискорбію, приходилось признать за настоящіе и довольно основательные усы. Они оттѣняли толстыя губы женщины, а изъ-подъ ея низкаго лба выглядывали маленькіе, но живые и добрые глаза. Въ общемъ видъ у женщины былъ очень внушительный.

— Добрый вечеръ, — сказалъ Томасъ и протянулъ руку отворившей ему женщинѣ. Та взяла его руку и такъ сжала и тряхнула ее, что Томасъ отдернулъ ее, смѣясь. Фрау Лирсъ была извѣстна всему кружку своей манерой жать руку.

— Вы немножко поздно являетесь,—проговорила она, помогая ему раздѣться.—Остальные уже всѣ въ сборѣ.

— Ну, а вы какъ поживаете? — спросилъ Томасъ, вмѣсто всякаго отвѣта, сбрасывая съ себя плащъ.

— Плохо! Онъ достигъ теперь своего идеала: только и дѣлаетъ, что спитъ!

Томасъ громко разсмѣялся.

— Въ такомъ случаѣ васъ можно поздравить!—сказалъ онъ. Женщина подбоченилась и взглянула на него подозрительно.

— Вы что же это, смѣетесь что-ли надъ моимъ мужемъ?— спросила она, и въ ея тонѣ почувствовалось нѣкоторое раздраженіе.

— И не думаю смѣяться, но вѣдь вы сами знаете, что если Господь кому-нибудь когда-нибудь что-нибудь посылаетъ, то только во снѣ,—а поэтому пусть онъ себѣ спитъ.

— При всемъ моемъ къ вамъ уваженіи,—произнесла она сухо,—я должна сказать, что вы немного слишкомъ легко отно-

Digitized by Google

ситесь къ писательству. Ужъ вы повѣрьте мнѣ!—прибавила она серьезно.

Дверь въ комнату распахнулась.

— Да гдѣ-жъ онъ тамъ?—крикнулъ чей-то голосъ.

Они вошли въ большую, похожую на залу, комнату съ верхнимъ свѣтомъ. Очевидно, это была мастерская. На встрѣчу имъ хлынулъ табачный дымъ и чадъ. Въ одномъ изъ угловъ находилась гигантская, жарко натопленная желѣзная печь, распространявшая невыносимый жаръ. Но бывшіе въ комнатѣ, казалось, не обращали вниманія на это обстоятельство, потому что были слишкомъ оживлены и возбуждены. Большая висячая лампа тусклымъ свѣтомъ озаряла огромную комнату, освѣщенную еще, кромѣ того, двумя свѣчами. По угламъ стояли мольберты, а стѣны были увѣшаны эскизами и картинами. Возлѣ одной изъ стѣнъ помѣщалось низенькое старинное піанино. Сквозь дымъ, застилавшій комнату можно было разглядѣть длинный столъ. Вокругъ стола стояли стулья.

— Да идите же вы, наконецъ!—проговорила акушерка. Она энергично схватила Томаса за руку и толкнула на встрѣчу молодому человѣку, съ необыкновенно симпатичнымъ, мягкимъ, но какъ будто нѣсколько соннымъ лицомъ. Надъ его большимъ чувственнымъ ртомъ съ великолѣпными, крѣпкими зубами пробивались тонкіе усы, а волосы были такіе густые, черные и блестящіе, какіе могутъ быть только у очень молодого человѣка. Онъ красивымъ движеніемъ протянулъ Томасу руку и улыбнулся своей огромной женѣ. Онъ былъ по крайней мѣрѣ на двѣнадцать лѣтъ моложе ея, и на видъ ему казалось не болѣе двадцати-четырехъ лѣтъ.

— Знаешь ли, что онъ говоритъ?—крикнула она, указывая на Томаса.—Онъ говоритъ, что спать вредно. А ужъ онъ долженъ это знать навѣрное, потому что изучаетъ медицину. И всѣ доктора, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, того же мнѣнія.

Молодой человѣкъ снова улыбнулся.

— Это такой трудный вопросъ,—возразилъ онъ. И прибавилъ немного лукаво:—Ужъ объ этомъ было думано и передумано, дитя мое.

Послѣднія слова подѣйствовали на нее, повидимому, успокоительно. Она чувствовала себя побѣжденной каждый разъ, какъ онъ называлъ ее „дитя мое“.

— Да вѣдь еслибы ты просто спалъ,—все-таки не удержалась она.—Но вѣдь вы не можете себѣ представить, — обрати-

Digitized by Google

лась она къ Томасу,—гдѣ онъ проводитъ всѣ свои ночи, яко бы для изученія нравовъ и для впечатлѣній? Днемъ онъ изнуренъ, а ночью возбужденъ,—заключила она и разсмѣялась съ оттѣнкомъ горечи.

Ихъ бракъ былъ заключенъ при особыхъ обстоятельствахъ. Фрау Лирсъ служила много лѣтъ акушеркой въ одномъ изъ бѣдныхъ сѣверныхъ округовъ, а ея будущій мужъ студентомъ жилъ у нея въ качествѣ жильца. Она баловала его, какъ ребенка, и въ заключеніе, когда онъ отъ своихъ книгъ и ученья перешелъ къ литературнымъ занятіямъ, вышла за него замужъ. За все время она не получила съ него ни одного крейцера квартирной платы и, кромѣ того, давала ему даровой столъ. Поэтому ей казалось болѣе практичнымъ сдѣлать его по-просту своимъ мужемъ. Она любила его сильной, добродушной любовью, но въ этой любви было и раздраженіе. Никто не смѣлъ что-нибудь сказать противъ него, но сама она часто его бранила и усовѣщивала. Нѣкоторые, посвященные въ ихъ интимную жизнь, намекали, что Лирсу иногда приходилось испытывать на себѣ всю тяжесть рукъ своей жены, а руки эти были единственныя въ своемъ родѣ. Всѣ относились къ нимъ со страхомъ и уваженіемъ, помня, какъ однажды фрау Лирсъ, во время родовъ одной бѣдной, несчастной женщины, буквально отколотила ея мужа, какого-то проигравшагося негодяя.

Она вообще много видѣла и наблюдала на своемъ вѣку и умѣла разсказывать разные забавные случаи изъ своей практики.

Прозвонилъ колокольчикъ.

Шумъ и говоръ мало-по-малу стихли и всѣ усѣлись за длинный столъ. Звонившій былъ самъ хозяинъ, мускулистый, стройный человѣкъ, съ гладко выбритымъ лицомъ, напоминавшимъ голову римлянина. Только въ выраженіи этого лица было что-то необыкновенно доброе, примиряющее и вдумчивое. Костюмъ его былъ довольно неряшливъ, и широкій воротъ шерстяной рубашки оставлялъ открытой изящную, красивую мускулатуру его шеи.

Рядомъ съ нимъ сидѣла его жена. У нея были густые рыжіе волосы. Она была уже не первой молодости, но казалась еще старше, благодаря строгимъ, опредѣленнымъ чертамъ лица, морщинамъ на лбу и рѣзкимъ складкамъ вокругъ рта. Во всей ея внѣшности было что-то мрачное. Видно было, что жизнь давалась ей нелегко. Но какъ только она взглядывала на мужа, такъ въ ея лицѣ появлялось какое-то мечтательное выраженіе, дѣлавшее его просвѣтленнымъ и привлекательнымъ.

Digitized by Google

Художникъ поклонился присутствовавшимъ и, указывая на лампу, проговорилъ:

— Ночникъ зажженъ, и хотя онъ проливаетъ только тусклый свѣтъ, но все-таки свѣтитъ намъ какъ благостное солнце среди нашей тьмы и бросаетъ первый проблескъ радости и свѣта на мрачную дорогу, которую намъ еще предстоитъ пройти, прежде чѣмъ мы достигнемъ лучшаго будущаго. Я привѣтствую друзей, собравшихся здѣсь при свѣтѣ ночника, чтобы вмѣстѣ думать и чувствовать. Слово принадлежитъ господину Блинскому, который долженъ прочесть протоколъ прошлаго собранія.

На нижнемъ концѣ стола поднялся маленькій господинъ съ жидкими волосами и съ характернымъ для мечтателя лбомъ. Произнося слова съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, онъ началъ читать:

— Протоколъ послѣдняго собранія членовъ общества „Ночникъ“: „Лиссауеръ говоритъ о сіонизмѣ. Онъ излагаетъ стремленія сіонистскаго союза и старается показать, что современные евреи, угнетенные и подверженные всяческому насилію, живутъ какъ чужеземцы въ чуждыхъ для нихъ государствахъ. Освобожденіе современныхъ евреевъ отъ смутъ и рабства зависитъ всецѣло отъ достиженія ими идеала полнѣйшаго мирнаго и вполнѣ только отъ себя зависящаго единенія. Докладъ вызвалъ живѣйшій обмѣнъ мыслей, освѣтившій положеніе еврейства среди современныхъ народовъ. Подъ-конецъ пришли къ тому заключенію, что нашъ кружокъ долженъ сочувствовать не угнетенному еврейству, но, вообще, всякому угнетенному и стремящемуся къ освобожденію человѣку. Въ виду такой задачи нашего общества еврейскій вопросъ не можетъ имѣть для насъ особаго значенія“.

— Не будетъ ли какихъ-нибудь возраженій по поводу протокола?—спросилъ Брозе.

Тогда поднялся маленькій, горбатый человѣкъ съ сильно развитымъ лбомъ, блестящими глазами фанатика и черными, какъ смоль, гладко зачесанными волосами. Это былъ Лиссауеръ.

— Я только хотѣлъ бы замѣтить,—началъ онъ,—что я въ своемъ докладѣ изложилъ не столько собственные взгляды, сколько идеи другихъ, не отожествляя себя съ ними вполнѣ, какъ это можетъ показаться изъ протокола.

— Однако, онъ совсѣмъ зарапортовался!—воскликнула его жена, худая особа, сидѣвшая съ нимъ рядомъ. Она была удивительно дурна собой, но при этомъ въ ней не было ничего отталкивающаго, а въ ея черныхъ глазахъ свѣтился умъ.

Лиссауеры были русскіе евреи, переѣхавшіе въ Берлинъ. Въ

Digitized by Google

Россіи мужъ занимался медициной и готовился быть докторомъ, но теперь все это бросилъ и сдѣлался писателемъ. Онъ ненавидѣлъ существующій порядокъ вещей. Онъ ненавидѣлъ вышедшихъ въ люди западно-европейскихъ евреевъ, унизившихъ своей привольной, разгульной жизнью дѣло своихъ единовѣрцевъ. Одна мысль о Сіонѣ вызывала въ немъ торжественное и серьезное настроеніе, и онъ постоянно возвращался къ ней. До женитьбы его всецѣло увлекала идея вызвать къ жизни великую еврейскую колонію.

Фрау Лиссауеръ очень любила разсказывать о своемъ мужѣ и о томъ, какъ они встрѣтились, но самое лучшее всегда приберегала къ концу разсказа. Это лучшее состояло въ томъ, какимъ образомъ имъ удалось избѣгнуть нищеты. У нея были геніальные пальцы, а у ея Веніамина—геніальный умъ. Онъ ей нарисовалъ модель корсета такъ, какъ это могъ сдѣлать только ученый докторъ, хорошо изучившій анатомію человѣческаго тѣла. Въ этомъ корсетѣ толстыя становились тонкими и теряли свои бока, а женщины съ плоской грудью пріобрѣтали роскошныя формы. Слава объ ея художественныхъ произведеніяхъ скоро распространилась по городу и стала привлекать въ ея мастерскую на Вильгельмштрассе самыхъ элегантныхъ дамъ. Каждой новой заказчицѣ она сообщала, что среди ея кліентокъ находится принцесса Гогенлоэ. Корсеты ея были необыкновенной прочности, но принцесса заказывала себѣ новый каждыя шесть недѣль. На то она и была принцесса, чтобы позволять себѣ подобную роскошь. Съ тѣхъ поръ, какъ Гогенлоэ была въ числѣ ея заказчицъ, корсеты значительно вздорожали, и въ то время, какъ она ихъ мастерила, ея мужъ могъ спокойно заниматься писательствомъ и вообще работать для славы.

Такъ какъ никто болѣе не имѣлъ ничего возразить по поводу протокола, то художникъ предложилъ приступить къ обычнымъ занятіямъ. Тема на этотъ вечеръ была предложена слѣдующая: „Разсужденія о религіозныхъ чувствахъ въ человѣкѣ“.

Сначала старались выяснить исторически общее понятіе религіознаго чувства. Школьный учитель Гейнзіусъ указалъ на различныя эпохи въ исторіи народовъ. По его мнѣнію, религія была порожденіемъ человѣческой слабости, трусости и всего, что̀ есть низкаго въ человѣческой природѣ. Онъ любилъ сильно выражаться, и въ отрывистыхъ фразахъ, прерываемыхъ отъ времени до времени сухимъ, коротким кашлемъ, онъ объявилъ, что основа религіи коренится въ страданіи и въ жалкой участи людей. Отъ религіознаго чувства,—продолжалъ онъ,—перешли къ

Digitized by Google

вѣрѣ въ загробную жизнь, въ привидѣнія, въ безсмертіе. Дерзкій обманъ, которымъ стараются вознаградить себя на воображаемомъ небѣ за всю тяжесть и горе земной жизни. Замѣчательной чертой еврейскаго вѣроученія является то, что они воздержались отъ этой безсмыслицы.—Онъ вытащилъ изъ кармана записную книжку, перелисталъ ее и прочелъ громкимъ голосомъ:

— „Въ Проповѣдникѣ Соломона, глава III, стихъ 19, читаемъ слѣдующее:... „потому что участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ одинакова: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и одинъ духъ у всѣхъ, и преимущества у человѣка предъ скотомъ нѣтъ; потому что все суета. Все идетъ въ одно мѣсто: все произошло изъ праха и все обратится въ прахъ. Кто знаетъ, духъ сыновъ человѣческихъ восходитъ ли кверху и духъ скотовъ сходитъ ли внизъ, въ землю? И такъ я вижу, что нѣтъ ничего лучше, какъ наслаждаться человѣку дѣлами своими; потому что это доля его; ибо кто приведетъ его посмотрѣть на то, что̀ будетъ послѣ него“?..

Онъ остановился на минуту и оглядѣлъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ.

— Я еще далеко не кончилъ,—началъ онъ снова.—„Въ Проповѣдникѣ Соломона говорится еще, глава II, стихъ 16: „...потому что мудрому не будетъ памяти вѣчно, какъ и невѣждѣ; въ будущіе дни все совершенно будетъ забыто, и увы!—умираетъ мудрый наравнѣ съ невѣждой“.

— Что это вы, кажется, собираетесь намъ всю библію прочесть?—крикнулъ кто-то.

Гейнзіусъ рѣзко разсмѣялся.

— Пожалуйста, не прерывайте меня,—возразилъ онъ. „Въ книгѣ Іова, глава XIV, читаемъ слѣдующее: „Есть надежда дереву, что, и бывъ срублено, оно снова оживетъ, и отрасли отъ него не прекратятся.

„Когда состарится въ землѣ корень его и въ прахѣ умираетъ пень его;

„То, почуявъ воду, оно расцвѣтаетъ и пускаетъ вѣтви, какъ ново-насажденное.

„А человѣкъ умираетъ и вдругъ исчезаетъ, и духъ испустилъ человѣкъ, и гдѣ онъ?

„Уходятъ воды изъ озера и рѣка изсякаетъ и высыхаетъ:

„Такъ человѣкъ ляжетъ и не встанетъ; до скончанія неба они не пробудятся и не воскреснутъ отъ сна своего“.

Онъ остановился. Онъ страшно поблѣднѣлъ и задыхался.

Digitized by Google

Видно было, что прочтенныя строки возбуждали въ немъ глубочайшій восторгъ.

— Я могъ бы вамъ привести еще множество подобныхъ цитатъ, но ограничусь этими. Только припомню вамъ еще одно мѣсто изъ Одиссеи, гдѣ Ахиллъ въ Аидѣ говоритъ, что онъ предпочелъ бы быть самымъ послѣднимъ слугою на землѣ, чѣмъ царемъ тѣней. Вы видите такимъ образомъ, что древне-еврейскія и древне-греческія воззрѣнія совпадаютъ. Разница состоитъ только въ томъ, что евреи добровольно отказываются и отъ Аида.

Произнося эти слова, онъ вдругъ пристально оглядѣлъ присутствовавшихъ и, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Мы не хотимъ сидѣть обездоленные за жизненной трапезой. Намъ не смѣютъ, какъ голоднымъ псамъ, бросать крохи какой-то загробной жизни. Пусть здѣсь даютъ намъ ѣсть и пить и не отнимаютъ у насъ несправедливо нашей части. Вѣра въ небо и будущую жизнь—годится только для рабскихъ душъ!

Онъ въ совершенномъ изнеможеніи опустился на стулъ, и тогда начались пренія.

Студентъ богословія, Бехертъ, попросилъ слова и, глядя твердо и недружелюбно на Гейнзіуса, началъ:

— Мой предшественникъ хотѣлъ парою дешевыхъ цитатъ убить вѣру и религіозное чувство и уничтожить то, что составляетъ сущность христіанскаго исповѣданія. Подобное свободомысліе,—продолжалъ онъ, возвышая голосъ,—представляетъ собою нѣчто жалкое и дилеттантское. Вѣру, ненарушимую вѣру въ будущую жизнь, не можетъ уничтожить никакая человѣческая сила. Всякій, кто религіозенъ, вѣритъ, вѣритъ безусловно и подчиняется догмату.

— Это дѣлаютъ старыя бабы и дѣти!—крикнулъ Гейнзіусъ.

— Это неправда,—не смущаясь, возразилъ студентъ:—это дѣлаютъ самые просвѣщенные умы. И напротивъ, отрицать это могутъ, по моему мнѣнію, только люди не вполнѣ нравственно-развитые. Нужно вѣрить слѣпо,—продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ и отчетливо выговаривая каждое слово:—нужно вѣрить безусловно, потому что умъ человѣческій слишкомъ слабъ и жалокъ, чтобы создать нѣчто большее, чѣмъ религія. Всякій, отрицающій букву религіи,—заключилъ онъ,—отрицаетъ и духъ ея.

На нижнемъ концѣ стола, вся подавшись впередъ, жадно слушала слова студента бѣдно одѣтая молодая дѣвушка, съ гладкими бѣлокурыми волосами. При послѣднихъ словахъ она крикнула, какъ бы въ экстазѣ:

Digitized by Google

— Я вѣрю, вѣрю, вѣрю!

Наступило мучительное молчаніе. Всѣ чувствовали, что оба оратора выражали свои взгляды безъ всякой доброты и мягкости, а со злобой и раздраженіемъ. Ихъ рѣчи болѣзненно отозвались въ душѣ слушателей, какъ звуки разстроеннаго инструмента.

Восторженную молодую дѣвушку звали Марія Верфтъ. Она что-то шептала своему сосѣду, механику Фрюнделю, но тотъ не обращалъ, повидимому, никакого вниманія на ея слова. Передъ нимъ лежалъ листъ бумаги и онъ на немъ безпрерывно что-то стенографировалъ. У него была приземистая, плотная фигура и лицо молочнаго цвѣта, напоминавшее полнолуніе. Въ этомъ лицѣ всегда что-то подергивалось и на немъ отражалась неустанная внутренняя работа. Видно было, что онъ судорожно цѣплялся за каждую выраженную мысль, старался переварить ее, а сдѣланныя замѣтки утаскивалъ домой, какъ сокровище. Подъ его низкимъ выразительнымъ лбомъ блестѣли, какъ два маяка, маленькіе, какъ у японца косо прорѣзанные глазки, придававшіе его безбородому, женоподобному лицу выраженіе живого и упорнаго ума.

Молчаніе было прервано художникомъ, на котораго сказанныя рѣчи произвели тяжелое и безпокойное впечатлѣніе.

— Кто приходитъ въ „Ночникъ“,—сказалъ онъ,—тотъ долженъ вносить съ собою миръ, а не борьбу. Мы всѣ здѣсь нищіе духомъ и стараемся сблизиться. Пусть каждый высказываетъ свое мнѣніе, но никто не долженъ горячиться и ссориться. Эта комната должна служить ареной для ищущихъ, ночникомъ среди окружающаго насъ мрака.

Не столько его слова, сколько тонъ, какимъ они были произнесены, подѣйствовалъ на окружавшихъ. Они почувствовали, что передъ ними находился человѣкъ, боровшійся въ глубинѣ души и старавшійся принести утѣшеніе другимъ. Никто не возражалъ. Вдругъ поднялся худой человѣкъ, съ длинными бѣлокурыми кудрями и тонкими чертами лица, сидѣвшій рядомъ съ фрау Лирсъ. Это былъ музыкантъ, Абрамъ Гебгардтъ.

— Всякій отрицающій религію,—началъ онъ, положивъ на грудь удивительно бѣлую и красивую руку,—отрицаетъ самого себя. Гдѣ умираетъ религія, тамъ начинается разложеніе. Все лучшее въ насъ основано на религіи, ею мы связаны и съ настоящимъ, и съ будущимъ.—Онъ говорилъ тихо, но его слова звучали какъ мелодія и были слышны совершенно отчетливо.

— Я музыкантъ,—продолжалъ онъ съ возростающимъ жаромъ,—и могу утверждать, что самая возвышенная музыка рож-

Digitized by Google

дается въ глубинѣ религіозныхъ натуръ. Месса Баха H-moll, девятая симфонія Бетховена,—что̀ это, какъ не величайшія эволюціи людей, озаренныхъ религіозною благодатью! Это высочайшія и глубочайшія откровенія искусства. Наша же современная музыка является, напротивъ, несовершеннымъ произведеніемъ ловкихъ виртуозовъ, пустой, холодной формой безъ содержанія.

На мгновеніе онъ замолчалъ. Его блестящіе свѣтло-сѣрые глаза стали прозрачными и почти сливались съ бѣлками. Въ нихъ было что-то страшное, какъ будто это были глаза духовидца.

— Тамъ, гдѣ радость глубока, а страданіе часто,—является основной религіозный тонъ,—продолжалъ онъ.—И развѣ Христосъ Рембрандта, Моисей Микель-Анджело и Мадонны Рафаэля не представляются воплощеніемъ религіознаго чувства? Однимъ словомъ,—и онъ оглядѣлъ всѣхъ съ доброй, прекрасной улыбкой,—однимъ словомъ,—повторилъ онъ,—религія есть сущность человѣчества.

Томасъ Трукъ не спускалъ глазъ съ музыканта. Чѣмъ больше онъ слушалъ этихъ людей, тѣмъ больше онъ чувствовалъ какой-то страхъ, безпокойство и смущеніе. Ему хотѣлось проникнуть въ ихъ души, подслушать въ звукѣ ихъ голоса ихъ загадочную для него внутреннюю жизнь. Насколько они сами себя обманывали? Неужели бредя въ потемкахъ съ маленькимъ огаркомъ въ рукахъ, они искренно вѣрили, что вносятъ свѣтъ въ жизнь? Можетъ быть, это были завзятые спорщики, опьянявшіеся шумомъ собственныхъ рѣчей? Онъ тряхнулъ головой и отбросилъ отъ себя послѣднее предположеніе. Слишкомъ ясно онъ чувствовалъ, что всѣ они страдали и боролись.

— Боже мой, Боже мой,—прошепталъ онъ,—помоги мнѣ!

Въ это время поднялась съ мѣста фрау Лирсъ.

— Я—человѣкъ простой,—начала она,—за меня долженъ былъ бы говорить мой мужъ; но онъ—поэтъ, и умѣетъ только мечтать, а не говорить,—конечно, не считая его произведеній,—прибавила она лукаво и съ веселой улыбкой, но тотчасъ же лицо ея стало снова серьезно. — Я—такой простой и неученый человѣкъ, что мнѣ здѣсь не слѣдовало бы и рта открывать, но я многое пережила и видѣла на своемъ вѣку такого, чего въ книгахъ не найдешь. Принять больше тысячи дѣтей, вѣдь это—не шутка! Очень хорошо говорилъ мой сосѣдъ про мессу H-moll и про девятую симфонію,—только мы, бѣдные люди, ихъ не знаемъ и никогда не слыхали. Я не о себѣ говорю,—меня мужъ иногда беретъ съ собою въ концерты,—и я одну изъ этихъ ве-

Digitized by Google

щей слышала,—только, конечно, ужъ не знаю—которую. Да дѣло не въ этомъ,—я только хотѣла сказать, что когда женщина становится матерью, то испытываетъ то же, что̀ какой-нибудь музыкантъ или художникъ, когда творитъ свое произведеніе. Потому что для женщины въ этомъ заключается послѣднее откровеніе, и мнѣ кажется, что именно въ это время въ ней и проявляется религія. Духъ и плоть становятся однимъ, и бѣдная, измученная женщина переживаетъ глубочайшее внутреннее откровеніе, не зная тѣхъ произведеній искусства, о которыхъ такъ хорошо говорилъ г-нъ Гебгардтъ. Но онъ все-таки правъ: религія намъ становится всего ближе и внятнѣе, когда горе и радость наши всего глубже, и я могу васъ увѣрить, что самая жалкая, самая бѣдная и несчастная женщина способна также на эти чувства!

Лирсъ пожалъ руку жены.

— Она всѣхъ лучше говорила!—закричалъ онъ.—Сейчасъ видно, что она жена поэта. Она съумѣла обнажить тайну женскаго существа. Посмотрите на нее, дѣти мои, какъ она вся сіяетъ святой радостью!

И всѣ устремили глаза на огромную, толстую женщину. Она вся покраснѣла и, чтобы скрыть свое смущеніе, взяла голову мужа своими большими руками и громко поцѣловала его въ лобъ.

По всему обществу распространилось легкое и веселое настроеніе. Женщины окружили фрау Лирсъ, но все-таки было замѣтно, что умственнымъ центромъ для нихъ всѣхъ была жена художника.

Рядомъ съ фрау Лирсъ стояла статная, высокая дѣвушка въ красномъ фланелевомъ платьѣ, сшитомъ съ большимъ вкусомъ. Отъ всей ея фигуры вѣяло силою и здоровьемъ. На рукѣ у нея было два золотыхъ кольца съ дорогими камнями, странно бросавшіяся въ глаза среди болѣе чѣмъ скромной обстановки. Всѣ движенія молодой дѣвушки были свободны и непринужденны. Ее звали Шарлотта Ингольфъ. Она изучала медицину.

Начался общій оживленный разговоръ, какъ вдругъ послышался звонокъ. Жена художника пошла отворить, и скоро вернулась въ сопровожденіи молодой дѣвушки, привлекшей своимъ позднимъ появленіемъ всеобщее вниманіе.

На ней была надѣта бѣлая накидка съ черными полосками, а на головѣ мѣховая шапочка. Изъ-подъ этой шапочки выбивались непокорные завитки волосъ, а лицо дѣвушки поражало своей красотой. Въ ея лицѣ, съ необыкновенно правильными, хотя немного рѣзкими чертами, особенно были привлекательны

Digitized by Google

глаза, цвѣтъ которыхъ невозможно было опредѣлить. То они казались черными, то карими, а иногда въ нихъ появлялся зеленоватый оттѣнокъ.

Слегка поклонившись присутствовавшимъ, она прямо подошла къ Фрюнделю и шепнула ему что-то. Никто не разслышалъ ни ея словъ, ни его отвѣта. Фрюндель взялъ изъ рукъ дѣвушки накидку, она сняла также и шапочку и показалась еще красивѣе въ зеленомъ бархатномъ платьѣ, довольно потертомъ и жалкомъ, но подходившемъ къ ея своеобразной наружности.

— Юзефа Гервингъ, — проговорилъ Фрюндель, представляя ее.

Вначалѣ она казалась немного смущенной, но скоро освоилась съ новой обстановкой. Студентъ Бехертъ подошелъ и сталъ разсматривать ее съ наивнымъ любопытствомъ, въ которомъ не было, впрочемъ, ничего оскорбительнаго. Никто, кромѣ Томаса Трука, не замѣтилъ, что механикъ посмотрѣлъ на Бехерта съ внезапно появившейся и тотчасъ же исчезнувшей презрительной и насмѣшливой улыбкой.

Вдругъ, къ общему изумленію, опять кто-то позвонилъ. Вошедшій пробылъ всего нѣсколько минутъ. Это былъ рабочій съ всклокоченной бородой, настоятельно требовавшій фрау Лирсъ.

Она обмѣнялась съ нимъ нѣсколькими фразами, потомъ быстро накинула длинный плащъ, повязала голову толстымъ платкомъ и взяла мѣшокъ съ инструментами.

Художникъ удержалъ ее.

— Еще минуту подождите! — крикнулъ онъ, и его голосъ звучалъ радостно. — Теперь какъ разъ настала минута закрыть засѣданіе, потому что начинается чья-то новая земная жизнь, родится новый человѣкъ въ міръ!

Послѣ его словъ воцарилась глубокая тишина и всѣхъ охватило какое-то особенное удивительное настроеніе. Только когда высокая фигура фрау Лирсъ, въ плащѣ, и рабочій, съ удивленіемъ заглядывавшій въ мастерскую, скрылись за дверью, у всѣхъ опять развязались языки, и вся компанія рѣшилась отправиться на ночную прогулку. Вскорѣ ступеньки узкой, крутой лѣстницы заскрипѣли подъ тяжестью шаговъ членовъ общества „Ночникъ“.

III.

Было слишкомъ поздно для того, чтобы каждый могъ еще куда-нибудь пойти, и потому они рѣшили не разставаться, и

Digitized by Google

свернули черезъ переулокъ на Фридрихштрассе. Имъ хотѣлось испытать на себѣ впечатлѣнія безпокойной ночной жизни этой своеобразной улицы Берлина. Тамъ была тѣснота и давка, какъ среди бѣлаго дня.

Эта улица имѣетъ видъ длиннаго и узкаго корридора и требуетъ не менѣе часа времени, чтобы пройти ее съ начала до конца.

Точно маленькій караванъ двигалось по ней общество „Ночника". Встрѣчные пристально засматривали имъ въ лицо, а нѣкоторые даже смѣялись надъ удивительнымъ шествіемъ. Улица производила на Томаса впечатлѣніе ужаснаго лабиринта. Она представлялась ему отвратительной панорамой всевозможныхъ бѣдствій. Пивныя лавочки и другія подозрительныя заведенія были украшены бѣлыми, красными, зелеными и голубыми фонариками. Въ освѣщенныхъ электричествомъ окнахъ магазиновъ были выставлены наваленныя грудами самыя разнообразныя вещи. Всевозможныя вина и водки чередовались съ шолковыми кофточками, туалетной водой и элегантной обувью.

Въ толпѣ, среди довольныхъ, сіяющихъ лицъ попадалось не мало жалкихъ и уродливыхъ. Дѣти съ явными слѣдами англійской болѣзни и блѣдными, утомленными лицами продавали восковыя спички. Газетчики выкрикивали названія газетъ сиплыми, оборванными голосами. Цвѣточницы выбивались изъ силъ, навязывая мужчинамъ уже увядшіе цвѣты. Проходили члены „арміи спасенія" въ своихъ широкополыхъ шляпахъ, выкрикивая свой военный кличъ. Разряженныя и накрашенныя дамы въ крикливыхъ туалетахъ шмыгали мимо нихъ, какъ дерзкія ночныя птицы.

Все это бросилось въ глаза Томасу, и ему показалось, что никогда еще подобныя вещи не вызывали въ немъ такой глубокой тоски. Кому-то пришла мысль зайти въ увеселительныя заведенія. Было необходимо познакомиться поближе съ этой стороной жизни большого города. Общество направилось въ кабачокъ, производившій впечатлѣніе балагана. Это было большое помѣщеніе съ подмостками въ глубинѣ, вмѣщавшее около восьмисотъ человѣкъ. Комми-вояжеры, продавщицы, бюргеры, работники и пара почтовыхъ чиновниковъ мирно возсѣдали передъ открытой сценой и старались вполнѣ добросовѣстно наслаждаться искусствомъ. Женщины, въ отвратительныхъ маскарадныхъ костюмахъ, съ тупыми лицами распѣвали внимавшему имъ собранію непристойные куплеты. Ни у одной изъ нихъ не было ни малѣйшаго присутствія голоса, и все-таки ихъ невозможныя визгли-

Digitized by Google

выя завыванія возбуждали полнѣйшій восторгъ и вызывали громкіе апплодисменты.

Общество поспѣшило уйти.

Передъ вторымъ кабачкомъ, черезъ нѣсколько шаговъ отъ перваго, стоялъ колбасникъ, здоровенный мужчина, съ прямымъ проборомъ и торчащими кверху закрученными усами. На немъ былъ надѣтъ большой бѣлый фартукъ, а къ его поясу прикрѣплялся котелокъ съ колбасами и сосисками. Въ голубомъ мѣшкѣ у него была спрятана бутылка съ коньякомъ. Онъ останавливалъ всѣхъ проходившихъ мимо него молодыхъ людей и надоѣдливо предлагалъ имъ свой товаръ. Казалось, что всѣ рѣшительно были ему знакомы, и онъ безостановочно сыпалъ короткими и дерзкими фразами, доказывавшими его близкое знакомство съ тайнами цѣлаго квартала.

Въ этотъ кабачокъ, съ колбасникомъ у входа, направилось наше общество.

Здѣсь все было почти то же самое, что и въ первомъ, съ тою только разницей, что на сценѣ игралъ дамскій оркестръ. Какой-то рабочій, съ истощеннымъ, блѣднымъ лицомъ, не отрываясь, смотрѣлъ на подмостки.

Здѣсь они оставались не долѣе пяти минутъ. Отъ ѣдкаго специфическаго запаха кружилась голова. Женщины проводили странныхъ посѣтителей любопытными взглядами.

— Нельзя имѣть ни малѣйшаго представленія объ этой жизни, пока не увидишь собственными глазами,—задумчиво проговорила студентка Ингольфъ, выходя изъ кабачка.

Юзефа разсмѣялась, и всѣ обернулись къ ней. Она шла подъ-руку съ Фрюнделемъ, и ея лицо выражало злорадство.

— Надъ чѣмъ же вы смѣетесь?—спросила ее студентка.

И всѣ разомъ остановились среди улицы въ ожиданіи отвѣта Юзефы.

Но она не произнесла ни слова. Общество отправилось дальше и остановилось передъ маленькой кондитерской съ низенькими окошками. Вошли туда.

Это помѣщеніе состояло изъ трехъ небольшихъ комнатъ, переполненныхъ посѣтителями. За маленькими мраморными столиками сидѣли студенты и хохотавшія дѣвушки. Видно было, что между собравшимися установился особенный, чисто товарищескій тонъ. Дѣвушки старались подражать студенческому жаргону.

— Я слѣдую твоему примѣру!—закричала одна.

— Полстаканчика за твое здоровье!—провозгласила другая.

Digitized by Google

— Ну, чего тамъ, я кувырну и цѣлый!—отозвалась третья, высоко поднимая стаканъ.

У студентовъ были подобающія ихъ возрасту, цвѣтущія лица. По ихъ костюмамъ и по общему виду можно было заключить сразу, что всѣ они располагали очень скромными средствами. Женщины любили ихъ и водили съ ними компанію, во всякомъ случаѣ, не изъ какихъ-либо корыстныхъ соображеній. Онѣ разсказывали имъ про свою жизнь и, съ своей стороны, знали прекрасно всѣ подробности интимной жизни студентовъ. Въ студенческія кофейныя, украшенныя плохими картинами и безвкусными, отвратительными портьерами, эти женщины несли все, что оставалось въ нихъ идеальнаго, всю свою неудовлетворенность жизнью. Здѣсь онѣ старались быть скромными, тихими и милыми.

Каждую ночь въ кофейняхъ собиралось почти одно и то же общество, и всѣ знали другъ друга въ лицо. Члены „Ночника" вызвали здѣсь всеобщее удивленіе своимъ появленіемъ, и сами сразу почувствовали себя не особенно ловко. Всѣ усѣлись за столики.

Студентка Шарлотта Ингольфъ заняла мѣсто около Юзефы. Та взглянула на нее острымъ, вызывающимъ взглядомъ.

— Когда надъ кѣмъ-нибудь смѣются, фрейлейнъ, то надо объяснить причину. Я нисколько не обижена насмѣшкой,—продолжала Шарлотта,—но мнѣ все-таки очень хочется знать...

— Она необыкновенно упряма,—проговорилъ, вмѣсто Юзефы, механикъ. — Ужъ когда она чего-нибудь не захочетъ,—съ нею ничего не подѣлаешь. Я ее знаю.

— Ты меня совсѣмъ не знаешь!—вскрикнула сердитымъ голосомъ дѣвушка.

— Прекрасно. Я тебя не знаю.

— Вы хотите знать, почему я смѣялась?—спросила Юзефа, откидывая назадъ голову движеніемъ, достойнымъ принцессы.— Меня всегда разбираетъ смѣхъ, когда изящныя дамы, заглянувъ въ какой-нибудь нищенскій уголъ, воображаютъ, что знаютъ насъ, знаютъ народъ!

— Но какая же я „изящная дама"?

— Сравнительно со мной, вы—все-таки дама.

— Быть можетъ, вы и правы.

— И чего ты привязываешься?—спросилъ механикъ.

— Я ни къ кому не привязываюсь.

Она старалась себя сдерживать, но ея глаза горѣли.

Лирсъ, не отрываясь, смотрѣлъ на нее.

Digitized by Google

— Видѣли вы когда-нибудь такое великолѣпіе?—шепнулъ онъ музыканту.

Юзефа чувствовала на себѣ его взглядъ. Она взяла руку механика и погладила ее.

Около Томаса Трука сидѣла Марія Верфтъ. Она пила по капелькамъ свой кофе. Ей показалось, что Томасъ это замѣтилъ, и она проговорила, точно извиняясь въ чемъ-то:

— Чашка кофе стоитъ цѣлыхъ двадцать-пять пфениговъ. Я позволяю себѣ такую роскошь только во время нашихъ ночныхъ путешествій. Но я не понимаю, какъ можно брать двадцать-пять пфениговъ за такую врохотную чашечку?—добавила она уже совсѣмъ угнетеннымъ голосомъ.

Студенту богословія, Бехерту, удалось завязать разговоръ съ Лиссауеромъ.

— Мнѣ симпатичны тѣ евреи, которые держатъ высоко знамя Сіона,—говорилъ онъ.

Лиссауеръ насмѣшливо и пристально посмотрѣлъ на него.

— А все-таки вамъ очень хотѣлось бы отдѣлаться отъ насъ,—сказалъ онъ.

— Ну, это совсѣмъ другой вопросъ.

— Милостивый государь, вы вѣрующій или нѣтъ?—внезапно обратилась къ Томасу Трукъ Марія Верфтъ, и вся задрожала, проговоривъ эти слова.

— Почему вы называете меня „милостивый государь“?

— А развѣ это не такъ?—испуганно возразила она.

— Вы не должны больше меня такъ называть. Это мнѣ очень непріятно. Во всякомъ случаѣ,—уже серьезно продолжалъ онъ,—я не знаю, вѣрующій я или нѣтъ.

— О!—съ удивленіемъ вырвалось у нея.

Двѣ рослыя дѣвушки, занимавшія сосѣдній столикъ, стали собираться уходить. Имъ хотѣлось еще куда-то зайти потанцовать, и онѣ приглашали съ собой студентовъ.

— Невозможно. У меня осталась всего одна марка,—возразилъ одинъ изъ нихъ. Дѣвушка громко разсмѣялась и показала при этомъ крѣпкіе, бѣлые зубы.

— Въ такомъ случаѣ займи у меня, я сейчасъ при деньгахъ.

Студентъ довольно рѣзко отклонилъ ея предложеніе, и дѣвушки вышли изъ кофейной однѣ.

— Почему васъ не было слышно цѣлый вечеръ?— тихо спросила Марія Томаса.

— Я много наблюдалъ и ко многому прислушивался.

Она кивнула головой въ знакъ пониманія.

Digitized by Google

Томасу стало ее жаль и захотѣлось быть съ нею ласковымъ. Она это замѣтила и поблѣднѣла еще больше.

— Что̀ съ вами?—спросилъ онъ.

— Ничего, ничего, — поспѣшно отвѣтила она и прижала руку къ сильно забившемуся сердцу. — Я такъ счастлива!..—И она принялась ему разсказывать о себѣ. У нея было пять сестеръ и родители ея еще были живы, но она ушла изъ дома, потому что только она одна изъ всего семейства была вѣрующая и на нее одну сошла благодать. Ее за это преслѣдовали, и потому ей пришлось уйти. — Вы только подумайте, — еще разъ повторила она: — вѣдь я была единственная, имѣвшая вѣру и благодать. Фрау Брозе привела меня въ „Ночникъ“. Она тоже невѣрующая, но Господь спасетъ ея душу.

Она взглянула на жену художника, сидѣвшую напротивъ нея. Казалось, какъ будто та, несмотря на раздѣлявшее ихъ разстояніе, слышала каждое ея слово. Поймавъ взглядъ Маріи, она улыбнулась и кивнула ей головой.

„Что это за люди?“—раздумывалъ про себя Томасъ, и все тяжелѣе становилось у него на душѣ.

Юзефа поднялась съ своего мѣста и стала надѣвать мѣховую шапочку.

— Не провòдите ли вы домой фрейлейнъ?—спросилъ механикъ, подходя къ Томасу.—Мнѣ хочется еще кое о чемъ поговорить съ Гебгардтомъ, и это меня задержитъ,—прибавилъ онъ въ видѣ поясненія.

Томасъ всталъ. Было не время задавать какіе бы то ни было вопросы, да онъ и не имѣлъ на нихъ права.

Шарлотта Ингольфъ тоже стала собираться домой.

Бехертъ нетерпѣливо посмотрѣлъ на часы, но Лиссауеръ упорно продолжалъ что-то говорить ему.

Когда Томасъ съ двумя дѣвушками вышелъ изъ кофейной, то съ Маріи Верфтъ соскочило все ея возбужденіе. Она точно сразу потухла, ея руки безсильно упали, а глаза съ отсутствующимъ выраженіемъ устремились куда-то вдаль.

IV.

Звонокъ квартиры въ четвертомъ этажѣ одного изъ домовъ Луизенштрассе приводился въ движеніе при помощи длинной заржавленной и согнутой проволоки. Внизу проволоки находилась бѣлая фарфоровая ручка, вся потрескавшаяся и съ отбитыми краями.

Digitized by Google

Передъ низкой входной дверью стояла дама подъ густой вуалью. Она робко взглянула на визитную карточку и прочла на ней: „Томасъ Трукъ, кандидатъ медицины".

На ней были бѣлыя лайковыя перчатки съ тонкими черными стрѣлками.

Дама была въ нерѣшимости.

Ручка звонка имѣла такой неопрятный видъ. Она осторожно протянула къ ней руку и робко позвонила. Нѣсколько минутъ она тревожно прислушивалась.

Никто не отворялъ.

Дама вторично дернула за ручку звонка.

Все было тихо по прежнему. Тогда она рѣшилась и, скрѣпя сердце, дернула за проволоку. Послышался жалкій, дребезжащій звукъ. За дверью раздались чьи-то торопливые шаги, и сѣдая, сгорбленная старуха съ видимымъ испугомъ пріотворила дверь.

— Господи Іисусе Христе!—воскликнула она при видѣ дамы и инстинктивнымъ движеніемъ вытерла грязнымъ и грубымъ фартукомъ свое круглое лицо.

— Могу я видѣть господина Томаса Трука?—спросила привѣтливо и немного робко дама.

Женщина смотрѣла на нее съ раскрытымъ отъ удивленія ртомъ.

Дама чувствовала себя не особенно пріятно.

— Конечно, можете, конечно,—проговорила, наконецъ, старуха.—Вотъ только я...

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, ничего не говорите ему! Проводите меня до дверей его комнаты. Мнѣ хочется застать его врасплохъ.

— Какъ вамъ будетъ угодно!—согласилась старуха.

Они пошли по длинному и очень узкому корридору. Передъ дверью, въ самомъ концѣ его, старуха остановилась и, взглянувъ еще разъ на посѣтительницу испуганными глазами, безслѣдно исчезла.

Дама постучала въ дверь указательнымъ пальцемъ. Ей показалось, что кто-то подходилъ къ дверямъ. Она поблѣднѣла.

— Войдите!—раздался голосъ за дверью.

Она распахнула ее и остановилась, вся дрожа и не двигаясь дальше, на порогѣ комнаты.

Эта выкрашенная бѣлой краской комната была вся косая и перерѣзана толстыми балками, подпиравшими потолокъ. Желѣзная кровать, желѣзный умывальникъ, жалкій зеленый диванъ, четыреугольный столъ и выкрашенныя въ коричневый цвѣтъ

Digitized by Google

книжныя полки, составляли всю ея меблировку. Единственнымъ украшеніемъ комнаты былъ стоявшій въ углу старинный пультъ чернаго дерева. Она ослышалась. Томасъ Трукъ и не думалъ вставать съ своего мѣста. Онъ сидѣлъ за столомъ и писалъ. Онъ не повернулъ головы даже на стукъ отворившейся двери.

Была минута, когда ей вдругъ захотѣлось выскользнуть изъ комнаты, но затѣмъ она покачала головой и заперла за собой дверь, все еще стоявшую раскрытой. Звукъ захлопнувшейся двери заставилъ его, наконецъ, обернуться. Его лицо выразило недоумѣніе и испугъ. Ему показалось, что это сонъ, и онъ провелъ рукой по глазамъ.

— Это я,—проговорила дама.

Онъ неторопливо поднялся съ своего мѣста. Опираясь одной рукой на столъ и не произнося ни одного слова привѣтствія, онъ указалъ ей другой рукой на диванъ.

Она сѣла на ужасный диванъ, но сдѣлала это такъ, что едва прикоснулась къ нему. Она ждала, что онъ наконецъ заговоритъ, но онъ все еще молчалъ и только пристально смотрѣлъ на нее.

— Всѣ эти дни я васъ ждала, но вы не пришли,—вырвалось у нея, и ему послышались въ ея голосѣ слезы.

— Почему вы не пришли? Вѣдь вы знали, какъ я ждала васъ.

— Да, я это зналъ.

— Знали и все-таки не пришли?

— Я боялся.

— Меня боялись?

И онъ увидѣлъ, какъ при этомъ вопросѣ загорѣлись ея безжизненные глаза.

— Васъ боялся и всего вашего большого дома.

— А-а!—съ испугомъ вырвалось у нея, и она невольно въ первый разъ скользнула взглядомъ по убогой комнатѣ.

— Какъ много у васъ солнца и какъ здѣсь свѣтло!

— Да,—просто отвѣтилъ онъ.

— Вы должны придти къ намъ.—И вдругъ она подошла къ нему совсѣмъ близко.

Отъ нея пахло какими-то цвѣтами. Онъ опустилъ глаза и смотрѣлъ на ея бѣлыя перчатки. У него начинала кружиться голова.

— Вы хотите, чтобы я ушла?

— Да!

Она повернулась къ нему спиной и пошла къ дверямъ. Но

Digitized by Google

здѣсь она остановилась и еще разъ повернула къ нему блѣдное, почти прозрачное лицо. Она крѣпко стиснула руки, и онъ видѣлъ, какъ натянулись черныя стрѣлки на ея перчаткахъ.

— Вы гоните меня отъ своего порога?—Въ ея голосѣ прозвучала сдержанная жалоба.

Тогда онъ взялъ ее за руку и снова ввелъ въ комнату. Въ эту минуту онъ имѣлъ очень смущенный и безпомощный видъ.

— Что съ вами?

— Я страдаю. Хорошо, я буду у васъ, — онъ остановился на мгновеніе,—но сжальтесь надо мною!

Въ эту минуту съ нею случилось что-то необъяснимое. Она вся точно сразу расцвѣла, и онъ ясно увидѣлъ, какъ яркій румянецъ вспыхнулъ и освѣжилъ ея обыкновенно мертвенно-блѣдное лицо. Ея глаза заблестѣли. Никогда не случалось ему видѣть ничего подобнаго. Его душа затрепетала. Она имѣла видъ побѣдительницы и смѣло смотрѣла ему прямо въ глаза слегка затуманеннымъ взглядомъ. Не сказавъ больше ни слова, она протянула ему на прощанье дрожащую руку, и онъ на мгновеніе задержалъ ее въ своей рукѣ.

Неподвижно, какъ бы въ оцѣпенѣніи, оставался онъ среди комнаты, пока совсѣмъ не затихли ея шаги.

Затѣмъ онъ снова принялся за работу. Ему хотѣлось записать мысли, пришедшія ему въ голову по поводу разсужденій о религіозномъ чувствѣ на послѣднемъ засѣданіи. Тогда онъ не рѣшился ихъ высказать, но въ этотъ же вечеръ для него стало ясно, что только одна вѣра способна возродить людей, и онъ чувствовалъ, что этой вѣрѣ, достигнутой послѣ жесточайшей борьбы, онъ будетъ въ состояніи отдать всего себя до послѣдней капли крови.

Но рука не повиновалась ему. Разложенные на столѣ листы бумаги точно подсмѣивались надъ нимъ. Уже написанныя страницы кололи ему глаза своими черными буквами. Эти буквы принимали чудовищные размѣры, въ нихъ было что-то язвительное и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожающее.

Ему вдругъ припомнился слышанный въ дѣтствѣ разсказъ о „Бѣлой дамѣ“. Тогда, подъ впечатлѣніемъ этого разсказа, онъ грезилъ о ней цѣлую ночь. Ужъ не эта ли „Бѣлая дама“ изъ далекаго дѣтства привидѣлась ему и сегодня? Можетъ быть, она явилась, чтобы увлечь его за собою, и что-то въ самыхъ тайникахъ его души откликнулось на ея призывъ. Онъ понялъ, что его давно тянуло къ ней, хотя онъ и старался гнать, какъ

Digitized by Google

что-то грѣховное, даже самую мысль о ней. Но вся его борьба оказалась безсильной. Какъ неодолимая судьба пробралась она въ его бѣдную комнату, застигла его врасплохъ и побѣдила. Онъ не хотѣлъ идти избитыми дорогами,—онъ стремился проложить себѣ путь къ истинѣ. Онъ долженъ былъ уйти отъ всего темнаго и нечистаго, чтобы осуществить неясныя, таинственныя стремленія, пробудившіяся въ немъ еще въ дни далекаго дѣтства. Ему удалось отыскать подходящій для него кружокъ людей, жившихъ, какъ и онъ, стремленіемъ къ высокому идеалу, но появилась „Бѣлая дама", и бѣлое тяжелое облако вмѣстѣ съ сѣрымъ непроницаемымъ туманомъ окутало его волю и умъ.

Въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ себѣ признаться, что не забывалъ ее ни на одну минуту съ того самаго дня, какъ въ первый разъ увидѣлъ ее. Его повсюду преслѣдовали ея глаза, напоминавшіе потухшія звѣзды и только порой зажигавшіеся вспышками внутренней жизни. Ни сіявшіе вѣрой и кротостью глаза Маріи Верфтъ, ни мрачные, горящіе глаза Юзефы Гервингъ, ни смѣющійся взглядъ Шарлотты Ингольфъ, не могли отогнать неотвязнаго призрака. Передъ „Бѣлой дамой" все оставалось безсильнымъ. Опять кто-то постучался въ дверь.

Вошла старуха-хозяйка и подала ему письмо. Она немного замѣшкалась въ комнатѣ, какъ будто выжидая приказаній, и, не дождавшись ни слова отъ своего жильца, тяжело ступая, поплелась изъ комнаты.

— А, отъ Беттины! — Онъ поспѣшно вскрылъ конвертъ и сталъ разбирать характерное царапанье:

„Дорогой Томъ!

„Что я тебѣ такого сдѣлала, что ты мнѣ не отвѣчаешь? Я лежу больная, а на дворѣ такъ холодно, такъ неуютно. Когда у моихъ дверей слышатся шаги, я думаю каждый разъ, что это письмо отъ Тома. Ахъ, Томъ, зачѣмъ ты такъ поступаешь со мной? Вѣдь просто ужасно сознавать себя до такой степени одинокой! У меня нѣтъ человѣка, съ которымъ я могла бы сказать слово. Хозяйка приноситъ мнѣ ѣсть и разъ въ день приходитъ докторъ. Вотъ ихъ только я и вижу. Я не встаю съ постели цѣлыхъ четырнадцать дней. Единственное, что у меня осталось, это моя скрипка. Она лежитъ рядомъ со мною. Я глажу ее рукой и думаю о тебѣ, Томъ, и о нашемъ садѣ. Докторъ говоритъ, что у меня переутомленіе, но это глупости. Мнѣ необходимо играть съ утра до ночи. Вѣдь я подвинулась такъ мало и не могу добиться того, чего хочу. Ужъ не разсердился ли ты на меня окончательно, Томъ? Ты пишешь такъ рѣдко, и такимъ холо-

Digitized by Google

домъ вѣетъ отъ твоихъ писемъ. Я замерзаю, читая ихъ. Покойной ночи, Томъ,—я такъ устала и у меня такъ болитъ голова. Не забывай совсѣмъ Беттины и какъ-нибудь напиши ей".

Онъ дочиталъ письмо, и передъ нимъ ожило дѣтство со всей его тоской, неудовлетворенностью и безсознательной жаждой всего истинно высокаго и прекраснаго. Но вдругъ передъ нимъ опять встала „Бѣлая дама", въ ушахъ раздался ласковый, соблазнительный голосъ и снова глянули на него ея загадочные глаза.

И, несмотря на всю душевную муку, онъ все-таки улыбнулся ей.

V.

Онъ получилъ приглашеніе на „Thé dansant" на Лихтенштейнской улицѣ.

Онъ долго не могъ рѣшить, что̀ ему дѣлать, но страстное желаніе видѣть ее пересилило въ немъ всѣ колебанія. Кромѣ того, онъ вспомнилъ, что далъ ей слово придти.

Онъ надѣлъ свой длинный коричневый охотничій сюртукъ, застегнутый до верху. Узкой полоской выдѣлялся только крахмаленный воротникъ рубашки. Возбужденный и исполненный самыхъ радостныхъ ожиданій сошелъ онъ съ лѣстницы, забывъ все на свѣтѣ и съ единственной мыслью, что скоро опять ее увидитъ.

Ему было двадцать-три года, но онъ оставался еще дѣвственнымъ и цѣломудреннымъ. Внутреннее чувство гордости и благородства заставляло его смотрѣть на себя какъ на сокровище, котораго онъ не смѣлъ осквернить. Съ того дня, когда онъ, сидя съ Беттиной среди сгущавшихся сумерекъ, впервые смутно и съ мистическимъ страхомъ почувствовалъ, что существуетъ два пола, страстно и жадно стремящіеся одинъ къ другому,—съ того рокового дня ему пришлось пережить не мало бурныхъ часовъ. Его молодая кровь кипѣла и возмущалась противъ него, и въ безсонныя ночи мучительно ощущалъ онъ дикую власть плоти. Но каждый разъ на него нападалъ стыдъ и сильное желаніе овладѣть собою и побѣдить темныя стремленія. Рыдая безъ слезъ, зарывался онъ въ подушку и боролся съ собою, стиснувъ зубы и закрывъ глаза.

Потомъ явилась работа и ученье, стремленье къ внутренней свободѣ и печаль за другихъ. Онѣ овладѣли его душой и усмирили его страстные порывы.

Все это онъ вспомнилъ и снова мысленно пережилъ, пока

Digitized by Google

повертывалъ на Доротеенштрассе и садился въ желтый вагонъ конки, которая должна была его доставить на улицу Лихтенштейнъ. Онъ усѣлся и вынулъ изъ кармана маленькую зеленую книжку: „Стихи Анжелюса Силезіуса".

Онъ прочелъ слѣдующее:

—Я былъ тѣмъ, чѣмъ я былъ,
И въ то же обратился,
И вѣчно буду жить,
Разъ я на свѣтъ родился.

Желанья всѣ въ душѣ
Заложены отъ вѣка,
Лишь можетъ укрѣплять
Ихъ воля человѣка.

Богъ всѣхъ существъ сильнѣй,
Но запретить не властенъ
Желать—чего хочу,
Любить—къ чему пристрастенъ.

Подобенъ колесу ты,
Но никто тобою
Не правитъ,—самъ летишь,
Не вѣдая покою.

И впредь ты будешь тѣмъ,
Что любишь всей душою:
Иль свѣтлымъ божествомъ,
Иль темною землею.

Случайное пройдетъ
И ложный блескъ затмится
Къ существенному весь
Ты долженъ устремиться.

Въ себѣ ты развивай,
Что важно въ человѣкѣ:
Міръ сгинетъ, сущность лишь
Останется на вѣки.

—Иль свѣтлымъ божествомъ
Иль темною землею,—

— повторилъ онъ. Былъ ли этотъ мудрецъ давно прошедшихъ временъ шутомъ, искажавшимъ и коверкавшимъ слова и мысли, какъ клоунъ въ циркѣ, дѣлающій фокусы съ разнообразнѣйшими вещами и собирающій ихъ въ одно цѣлое? Каждая строфа его стиховъ противорѣчила другой. Человѣкъ связанъ и скованъ,

Digitized by Google

твердо и непреложно, а надъ нимъ—могучая божественная власть. Но Богъ ничего не можетъ сдѣлать противъ его воли и стремленій, и самъ человѣкъ, связанный и какъ бы лишенный свободы, долженъ стремиться къ сущности всего. Были это фокусы ловкаго, хитраго клоуна, или въ этихъ-то противорѣчіяхъ и заключалось удивительное единство? Онъ захлопнулъ книжку и сунулъ ее въ карманъ плаща. Онъ чувствовалъ тяжесть въ душѣ, и опять вспомнилась ему его прошлая жизнь.—Тамара!—прошепталъ онъ.—Быть можетъ, она была единственная, безсознательно достигшая главнаго, настоящаго, сущности. Можетъ быть, и все великое безсознательно и не можетъ быть достигнуто трудомъ и упорными стараніями?

Конка повернула на улицу Лихтенштейнъ. Онъ быстро всталъ и спрыгнулъ съ площадки. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ стоялъ передъ домомъ Берговъ.

Экипажи одинъ за другимъ подъѣзжали къ крыльцу. Всѣ окна дома были ярко освѣщены. Въ глубинѣ улицы темнѣлъ Тиргартенъ своими обнаженными деревьями, а надъ деревьями мерцало звѣздное небо.

Выпрямившись и поднявъ голову, вошелъ онъ на крыльцо. Изъ дверей до него доносились голоса пріѣхавшихъ передъ нимъ гостей. Онъ подождалъ съ минуту и позвонилъ. Ему отворилъ лакей въ праздничной ливреѣ и взглянулъ на него съ удивленіемъ, но, повидимому, скоро узналъ его. Онъ не сказалъ ни слова, и его гладко выбритое лицо замерло, выражая равнодушную неподвижность. Онъ помогъ Томасу раздѣться, и тутъ снова ему пришлось утратить свое спокойствіе. Онъ значительно кашлянулъ, оглядывая удивительный костюмъ новаго гостя. Но самъ гость еще не вполнѣ пришелъ въ себя послѣ тяжелыхъ размышленій, и ничего не замѣтилъ. Онъ отбросилъ волосы со лба, лакей растворилъ дверь, и черезъ мгновеніе онъ очутился въ яркомъ освѣщеніи, совсѣмъ ослѣпившемъ его.

Среди этого блеска онъ увидалъ только толпу людей, черные фраки и бѣлый шолкъ, перемѣшанные съ яркими и пестрыми костюмами. Неподвижно остановился онъ въ дверяхъ, и вдругъ замѣтилъ, или это ему показалось, что въ толпѣ стали переговариваться, шептаться, и всѣ взоры обратились на него. А онъ продолжалъ стоять въ дверяхъ и не двигался. Тогда она отдѣлилась отъ незнакомой толпы и пошла къ нему. Она была вся въ черномъ. Только шея и верхняя часть груди были обнажены и выдѣлялись, сверкая бѣлизной, надъ темной шолковой мате-

Digitized by Google

ріей. Въ черные, какъ ночь, волосы были вплетены пышныя желтыя розы.

Она подала ему руку и сказала:

— Благодарю васъ, что вы пришли.

И ему показалось, что въ этой чуждой, блестящей комнатѣ, за минуту еще такой холодной и неуютной, ему вдругъ даровано было величайшее счастье. Все вокругъ него засіяло настоящимъ праздничнымъ свѣтомъ.

Лакеи въ бальныхъ башмакахъ и гамашахъ разносили на серебряныхъ подносахъ коньякъ и горячій чай. Со всѣхъ сторонъ до него доносились веселые голоса, утонченный смѣхъ и любезныя фразы. У дамъ были какъ-то особенно взбиты и завиты волосы, и со всѣхъ сторонъ ему въ глаза сверкали драгоцѣнные камни. Платья были съ большими вырѣзами, и дамы, казалось, гордились своими красивыми формами.

И снова всѣ глядѣли на него съ удивленіемъ. А онъ между тѣмъ увѣренно шелъ рядомъ съ нею. Смущеніе и неловкость его исчезли; онъ держалъ голову высоко и смотрѣлъ на всѣхъ прямо и серьезно.

Много, много лѣтъ спустя, онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ о томъ, какъ держалъ себя въ этотъ вечеръ.

Маленькій плотный господинъ, съ выдающимся брюшкомъ, сильно облысѣвшей головою и густыми, черными какъ смоль усами подъ большимъ, горбатымъ носомъ, направился къ нему. Въ правой рукѣ онъ держалъ pince-nez въ золотой оправѣ и помахивалъ имъ не переставая, какъ дирижерской палочкой. Она представила его Томасу какъ своего мужа.

Маленькій господинъ прищурилъ глазки, протянулъ ему свою мясистую руку и привѣтствовалъ его съ изысканной любезностью. Онъ говорилъ въ носъ, и въ каждомъ его движеніи было что-то начальственное и покровительственное. Онъ все говорилъ о томъ, какъ онъ обязанъ Томасу, и что онъ у него въ долгу. Томасъ смущенно пожималъ плечами,—онъ просто ничего не понималъ.

Къ нимъ подошла худая, довольно высокая дама, съ черезчуръ тонкой таліей и черезчуръ напудреннымъ лицомъ. Хозяинъ дома представилъ ее какъ свою мать.

Въ ушахъ Томаса звучало одно имя за другимъ, и каждую минуту ему приходилось вѣжливо раскланиваться. Тутъ были собраны всѣ: и коммерціи совѣтники, и доктора, и адвокаты, и художники, и писатели.

Случайно онъ услыхалъ, какъ сзади него какая-то барышня сказала ухаживавшему за нею кавалеру:

Digitized by Google

— Взгляните на этого апостола, какъ онъ оригиналенъ! У Берговъ всегда бываетъ что-нибудь особенное.

— Глядя на васъ, я охотно готовъ этому вѣрить,—отвѣтилъ кавалеръ.

Удивительно, что все это не сердило Томаса. Онъ видѣлъ ее одну и ликовалъ. Каждый разъ, какъ только ей удавалось улучить свободную минуту, она спѣшила къ нему и ни на кого не смотрѣла такъ, какъ на него. Какое ему было дѣло, что всѣ эти люди вокругъ о чемъ-то перешептывались!

Отправились къ столу. Въ то время, какъ усаживались, откуда-то изъ глубины раздалась музыка. Платья шуршали, до него доносился возбуждающій тихій смѣхъ. Она взяла его подъ руку и сказала, что онъ будетъ ея кавалеромъ за столомъ.

— Моимъ кавалеромъ на сегодняшній вечеръ,—прибавила она съ такою радостью въ голосѣ, что совершенно очаровала его. Онъ чувствовалъ, какъ она прижалась къ нему. Она не боялась признавать его открыто передъ всѣми.

Со всѣхъ сторонъ и концовъ стола всѣ удивленно глядѣли на эту пару. Но потомъ одни стали передавать другимъ, что онъ спасъ хозяйку дома и ея сына, и эта новость обошла всѣхъ гостей. Только Томасъ не слышалъ этихъ глупостей. Онъ не былъ въ состояніи что-либо наблюдать. Онъ сидѣлъ и слушалъ только ее одну. Они глубоко смотрѣли въ глаза другъ другу, понимая все безъ словъ. Окружающее перестало для нихъ существовать.

— Пейте же!—сказала она ему тихо.

— Я опьяненъ и безъ того: я смотрю на васъ,—отвѣтилъ онъ.

Стали подавать „hors d'oeuvre". Блюдо было уставлено всѣми рѣдкостями, доставляемыми моремъ. Передъ нимъ блеснула сѣрая зернистая икра и красные омары.

— Скушайте чего-нибудь!—попросила она.

— Я не могу, я гляжу на васъ.

Она опустила глаза.

Дамы смѣялись серебристымъ смѣхомъ; мужчины въ бѣлыхъ вышитыхъ пластронахъ разсказывали интересныя вещи и наливали дамамъ вино. На столѣ появлялись все новыя вина, и лакеи вносили все новыя и новыя утонченныя кушанья.

— У Берговъ всегда все великолѣпно,—проговорилъ господинъ, сидѣвшій противъ Томаса.

— Самъ Бергъ настоящій художникъ въ жизни. Другого такого обѣда во всемъ Берлинѣ вы не найдете,—не найдете,

Digitized by Google

увѣряю васъ. Надо вамъ сказать, что я бываю во всѣхъ извѣстныхъ домахъ.

Онъ говорилъ настолько громко, чтобы хозяйка дома могла его слышать. Томасъ внимательнѣе посмотрѣлъ на него. Видно было, съ какимъ глубокимъ удовольствіемъ онъ смаковалъ вино и какое утонченное наслажденіе доставляло ему каждое кушанье.

— Кто это?—спросилъ Томасъ.

Она назвала ему имя художника, вращавшагося въ высшемъ обществѣ Берлина и, благодаря своимъ свѣтскимъ качествамъ, продававшаго очень дорого свои картины, въ сущности не имѣвшія никакой цѣнности. Томасу вспомнился Брозе, жившій съ своей женою самымъ скуднымъ образомъ въ сѣверной части города и зарабатывавшій себѣ пропитаніе живописью по фарфору. Онъ терпѣлъ всѣ лишенія, чтобы имѣть возможность разрѣшить свою художественную задачу: ему хотѣлось написать плоскій бѣдный кусокъ земли, тамъ, гдѣ она рѣзко примыкаетъ къ послѣднимъ строеніямъ большого города и гдѣ кажется, что небо соприкасается съ землею. Онъ называлъ свою будущую картину неразрѣшенной задачею горизонтальной линіи. Какъ почувствовали бы и какъ стали бы вести себя оба Брозе среди этого общества? Но черезъ минуту онъ уже забылъ о нихъ.

— Сколько еще времени осталось вамъ учиться?—вдругъ спросила она его.

— Черезъ годъ я буду врачомъ.

— Ахъ, какъ хорошо! Сколько же вамъ лѣтъ?

— Двадцать-три года.

— Значитъ, вы кончите курсъ необыкновенно рано!

— Нѣтъ, это довольно частый случай.

И, уклоняясь отъ этого разговора, онъ прибавилъ:

— Могу я узнать, какъ васъ зовутъ?

— Регина.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она прервала его:

— Пожалуйста, не говорите больше со мною. Тамъ, на нижнемъ концѣ стола, сидятъ двѣ отвратительныя дамы и наблюдаютъ за нами. Вы не можете себѣ представить,—прибавила она съ горечью,—сколько ничтожества вокругъ насъ!

Начали вставать изъ-за стола. Всѣ отправились въ концертный залъ, гдѣ извѣстный віолончелистъ проигралъ нѣсколько пьесъ.

— Его шутки мнѣ больше по вкусу! — прошепталъ какой-то адвокатъ на ухо своему сосѣду.

Стала пѣть какая-то дама и при этомъ дѣлала всѣмъ ли-

Digitized by Google

цомъ ужасныя гримасы. Потомъ вышелъ какой-то господинъ. Гости шопотомъ сообщали другъ другу, что это теноръ—изъ королевской оперы.

— Какъ вы думаете, сколько стоитъ этотъ концертъ?—спросилъ кто-то у Томаса.

Онъ только смущенно пожалъ плечами.

— Ну, такъ я вамъ могу это сказать. Віолончелистъ получаетъ пятьсотъ марокъ. То-есть, Бергъ даетъ ему пятьсотъ марокъ, а онъ согласился бы и на двѣсти-пятьдесятъ. Но Бергъ любитъ широко платить. Я васъ увѣряю, что одинъ этотъ концертъ обойдется въ нѣсколько тысячъ марокъ. Если вамъ здѣсь повезетъ, то вы можете сдѣлать блестящую карьеру. Бергъ уже многихъ...

Томасъ такъ посмотрѣлъ на него, что онъ не рѣшился договорить.

Послѣ каждаго сыграннаго или спѣтаго нумера гости громко апплодировали, а хозяева говорили артистамъ пріятныя фразы. Теноръ обмахивалъ себѣ лицо шолковымъ платкомъ. Его окружала толпа молодыхъ и старыхъ дамъ.

Бергъ подошелъ къ Томасу и похлопалъ его по плечу.

— Вы только посмотрите на этого тенора, мой юный другъ. Вѣдь женщины положительно сходятъ съ ума по немъ. А онъ, бездѣльникъ, глупъ... глупъ...—онъ ударилъ себя рукой по лбу и сталъ помахивать pince-nez. — Но для нихъ это ничего не значитъ, ровно ничего не значитъ.

Онъ взялъ Томаса подъ-руку и утащилъ его въ сосѣднюю курильную комнату. Тамъ были разложены сигары, завернутыя въ оловянную бумагу, по десяти штукъ въ каждой пачкѣ.

— Курите съ пониманіемъ, — шепнулъ ему чичероне дома Берговъ:—каждая сигара стоитъ двѣ марки.

Томасъ поблагодарилъ, отказался и медленно вернулся въ сосѣднюю комнату, чтобы увидать ее, но не могъ ее найти. Онъ остановился въ углу, разсѣянно смотря передъ собою. Ему вдругъ стало безконечно грустно. Холодъ охватилъ его, а сердце болѣзненно и мучительно сжалось.

Вдругъ отъ небольшой кучки мужчинъ и дамъ отдѣлился еще довольно молодой господинъ, съ надутымъ лягушечьимъ лицомъ, жидкими волосами и плѣшью, напоминавшей тонзуру. Онъ развязно помахивалъ руками, и во всѣхъ его движеніяхъ чувствовалась нахальная самоувѣренность.

— Позвольте мнѣ вамъ представиться,—проговорилъ онъ, подходя къ Томасу:—адвокатъ Корнфельдъ.

Digitized by Google

Томасъ назвалъ себя и замолчалъ.

— Удивительное здѣсь общество, не правда ли? — началъ подошедшій. — Вы здѣсь, повидимому, еще новичокъ, — продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта. — Я сейчасъ же вижу это на васъ. Но, знаете, здѣсь можно дѣлать интересныя наблюденія, изучать, и я думаю, — прибавилъ онъ, кокетливо улыбаясь, — что вы именно занимаетесь изученіемъ, мой юный другъ. У васъ есть что-то такое во взглядѣ. Впрочемъ, кто же и не изучаетъ! Одинъ всегда наблюдаетъ другого. Еслибы у меня было свободное время, то я непремѣнно написалъ бы комментаріи ко всему этому. И я могу васъ увѣрить, что чѣмъ выше поднимаешься по общественной лѣстницѣ, тѣмъ хуже.

Этимъ замѣчаніемъ онъ закончилъ свою рѣчь и посмотрѣлъ на Томаса вопросительнымъ взглядомъ, какъ будто желая вызвать возраженіе съ его стороны.

Но Томасъ молчалъ.

— Знаете ли, — началъ опять, не смущаясь, адвокатъ: — бьюсь объ закладъ, что вы — фанатикъ. Я — физіономистъ. Вы — соціалистъ, марксистъ, марксистъ-фанатикъ... Вы...

— Все это вы прочли на моемъ лицѣ?

— Да, потому что ваше лицо не обманываетъ. У васъ лицо мученика! — проговорилъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.

Томасъ замѣтилъ, что кучка людей, отъ которой отдѣлился адвокатъ, внимательно наблюдала за ними. На языкѣ у него вертѣлось рѣзкое слово, онъ хотѣлъ отпарировать имъ неожиданное нападеніе неизвѣстнаго ему человѣка, но послѣдній предупредилъ его.

— Знаете ли, — снова заговорилъ онъ: — въ этомъ я вполнѣ сочувствую членамъ вашей партіи, — съ либерализмомъ покончено. Я совершенно не соціалистъ, но подаю голосъ за соціаль-демократовъ. Это — единственная партія, оказывающая энергическое сопротивленіе правительству. Этихъ молодцовъ съ мѣста не сдвинешь!

— Зачѣмъ вы мнѣ все это разсказываете? — проговорилъ Томасъ, съ трудомъ сдерживая внутреннее раздраженіе. — Зачѣмъ вы мнѣ навязываете какихъ-то членовъ какой-то моей партіи? Вы ошибаетесь: я — не соціаль-демократъ, успокойтесь пожалуйста.

— Чортъ возьми! вотъ чему бы я никогда не повѣрилъ! — произнесъ адвокатъ. — Впрочемъ, — прибавилъ онъ, — вы можете

Digitized by Google

не стѣсняться въ этомъ домѣ. Здѣсь, въ этомъ отношеніи, очень свободно.

Гнѣвная складка появилась на лбу Томаса.

— Я нигдѣ не стѣсняюсь, и если признаю что-нибудь, то признаю открыто, несмотря ни на что.

Теперь мужчины и дамы совсѣмъ подошли къ нимъ и образовали вокругъ нихъ живую цѣпь.

— Если это можетъ удовлетворить вашу любознательность, —продолжалъ Томасъ, — то я могу вамъ сообщить, почему я не соціаль-демократъ: выводы этой партіи для меня неясны, потому что я одинаково презираю и массовую, и единичную власть, и не вѣрю въ послѣднія рѣшенія и приговоры соціализма.

Корнфельдъ сдѣлалъ испуганное лицо.

— Такъ вы, значитъ, еретикъ, —проговорилъ онъ какъ-то смущенно и уныло.

Какой-то господинъ разсмѣялся.

— Ну, и попались же вы, милѣйшій адвокатъ!

Дамы слушали съ большимъ интересомъ.

— Ахъ, какъ жаль! Въ немъ есть что-то напоминающее Фердинанда Лассаля,—проговорила одна изъ нихъ.

— Во всякомъ случаѣ, это малый съ головой, — замѣтилъ кто-то.—Съ умомъ человѣкъ, это несомнѣнно!

Между тѣмъ, Корнфельдъ оправился.

— Позвольте, однако,—заговорилъ онъ снова:—не станете же вы меня увѣрять, что вы—противникъ соціализма и принадлежите къ партіямъ, поддерживающимъ правительство?

— Я никого ни въ чемъ не увѣряю. Я, прежде всего, не принадлежу ни къ какой партіи. Я ищу свой путь и смутно предчувствую его. Но этотъ путь такъ далекъ отъ вашихъ мыслей и взглядовъ!

— Гм! это очень интересно. Въ самомъ дѣлѣ, очень интересно. Куда же ведетъ этотъ вашъ путь, если позволите спросить?

Томасъ смущенно оглядѣлся кругомъ. Что нужно было отъ него всѣмъ этимъ чужимъ людямъ, и гдѣ была она,—она, подвергавшая его такой пыткѣ?

Онъ выпрямился, поблѣднѣлъ, крылья носа его вздрагивали, а по серединѣ лба образовалась глубокая складка.

— Мой путь ведетъ,—проговорилъ онъ не совсѣмъ яснымъ голосомъ,—къ Анжелюсу Силезіусу, въ „Ночникъ“.

Всѣ глядѣли на него съ изумленіемъ.

Digitized by Google

— Кто это Анжелюсъ Силезіусъ? Утопистъ какой-нибудь, преобразователь общества?

— Нѣтъ, господинъ адвокатъ,—проговорилъ Томасъ, овладѣвая собою.—Это—человѣкъ, думавшій больше о душѣ. Только о душѣ, хотя,—продолжалъ онъ медленно и раздумчиво,—онъ занимался и тѣломъ, такъ какъ, если это вамъ интересно знать, онъ былъ лейбъ-медикомъ герцога Сильвіуса Нимрода фонъ-Эльсъ.

— Ахъ, вотъ что! Значитъ, онъ умеръ? Вы ужъ намъ стали, пожалуй, разсказывать о покойникахъ!

Послышалось легкое хихиканье.

— Анжелюсъ Силезіусъ живъ, и, въ сравненіи съ этимъ живымъ человѣкомъ, вы мнѣ представляетесь трупомъ. Привести мнѣ вамъ его слова?

Онъ вдругъ забылъ, гдѣ находился и кто были окружавшіе его люди. Онъ весь точно выросъ.

Между тѣмъ, изъ разныхъ комнатъ начали сходиться гости; они мелькали, какъ тѣни, передъ его глазами. Ему казалось, что онъ стоитъ на каѳедрѣ, а тѣни превратились въ общество людей, благоговѣйно ищущихъ и жаждущихъ спастись.

Они какъ будто ждали отъ него слова утѣшенія.

— Случайное пройдетъ
И ложный блескъ затмится —
Къ существенному весь
Ты долженъ устремиться.

Въ себѣ ты развивай,
Что̀ важно въ человѣкѣ:
Міръ сгинетъ, сущность лишь
Останется на вѣки!

—воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Это, несомнѣнно, патологическій типъ,—тихо проговорилъ какой-то молодой докторъ, наклонясь къ уху хозяйки дома.

— Но что̀ же общаго у лейбъ-медика герцога съ „Ночникомъ“?—спросилъ Корнфельдъ, стараясь какъ можно забавнѣе окончить предпринятую имъ шутку и самому, безъ чьего-либо вмѣшательства, довести ее до конца.

Безпомощное выраженіе появилось въ лицѣ Томаса Трука.

— „Ночникъ“—это общество нравственно загнанныхъ, измученныхъ людей, слѣдующихъ по стопамъ Анжелюса Силезіуса. Это люди, старающіеся понять и найти сущность всего существующаго.

Смѣхъ и хихиканье стихли, и наступило мучительное молчаніе.

Digitized by Google

Томасъ хотѣлъ еще что-то сказать, но не могъ выговорить ни слова. Въ глазахъ у него зарябило, замелькали какія-то искры и голова закружилась. На мгновеніе онъ опустилъ вѣки и беззвучно прошепталъ какъ бы про себя:

— Помоги мнѣ... помоги мнѣ!..

Адвокатъ первый прервалъ молчаніе.

— Теперь я знаю,—проговорилъ онъ умышленно строго и торжественно: — вы—революціонеръ, хотя вы и скрыли отъ насъ тщательно ваши тайныя мысли. Если съ вами что-нибудь когда-нибудь случится, то прошу васъ обратиться ко мнѣ. Такимъ процессомъ я могу прославиться. Не забудьте же меня!

Эти слова вернули Томасу Труку внѣшнее самообладаніе. Онъ посмотрѣлъ на адвоката долгимъ, пронизывающимъ взглядомъ, сдѣлалъ общій поклонъ, сжалъ на мгновенье руку сильно поблѣднѣвшей хозяйки дома и вышелъ изъ залы, не торопясь и не опуская головы.

Черезъ нѣсколько времени, самъ не зная какъ, очутился онъ въ темнотѣ Тиргартена, оставивъ за собою весь блескъ и свѣтъ, и шелъ мимо обнаженныхъ деревьевъ, отбрасывавшихъ при свѣтѣ луны спутанныя, переплетавшіяся тѣни. То, что онъ оставилъ за собою, представлялось ему удивительнымъ и дикимъ. Но въ области сердца онъ чувствовалъ острую, грызущую боль.

VI.

Въ бѣдномъ восточномъ кварталѣ Берлина жилъ на чердакѣ механикъ Фрюндель. Комната его была похожа на узкую, глухую дыру. Большой деревянный ящикъ, стоявшій по срединѣ комнаты и замѣнявшій столъ, желѣзная кровать, два стула и полка съ книгами—составляли всю ея меблировку. Ящикъ исполнялъ очень много назначеній: на немъ механикъ умывался, на немъ же обѣдалъ и на него же ставилъ лампу, когда, по вечерамъ, сидѣлъ, согнувшись, надъ своими книгами. Онъ былъ необыкновенно прилежный, работящій человѣкъ и зарабатывалъ, какъ говорили, большія деньги, такъ что могъ бы устроиться гораздо уютнѣе; но всякій сбереженный грошъ онъ тащилъ въ книжныя лавки. Онъ былъ одержимъ страстью къ книгамъ.

Былъ девятый часъ, когда дверь его комнаты отворилась и вошла Юзефа Гервингъ.

Сказавъ мимоходомъ: „здравствуй“, она тотчасъ же начала хозяйничать возлѣ ящика. Вытащила изъ него спиртовую ка-

Digitized by Google

стрюлю, двѣ чашки съ чайными ложечками, чайникъ, двѣ тарелки съ ножами и вилками, чай, масло и хлѣбъ. Послѣ этого стало ясно, что ящикъ служилъ также провизіоннымъ шкафомъ и плитою, и съ этой цѣлью къ его крышкѣ былъ прикрѣпленъ желѣзный листъ.

Механикъ молча снялъ съ ящика книги, зажегъ свѣчу, поставилъ ее на стулъ, а стулъ пододвинулъ къ кровати. Усѣвшись на нее, онъ продолжалъ читать безостановочно и съ напряженнымъ выраженіемъ лица, въ то время какъ Юзефа накрывала ящикъ маленькой бѣлой скатертью, кипятила воду для чая, намазывала хлѣбъ масломъ и раскладывала кусочки колбасы, принесенной ею въ маленькомъ пакетѣ. Отъ времени до времени она тяжело вздыхала и взглядывала на Фрюнделя съ любовью и раздраженіемъ; но онъ ни разу не поднялъ головы и, казалось, совершенно не замѣчалъ ея взглядовъ. Она налила дымящійся чай въ чашки и тихонько окликнула его:

— Франкъ!

Онъ дочиталъ фразу до конца и положилъ раскрытую книгу на кровать. Медленно прихлебывая чай, онъ въ мысляхъ унесся, повидимому, очень далеко, потому что все время глядѣлъ только внизъ передъ собою.

— Франкъ, что съ тобою?

— Ничего!

Она встала и подошла къ нему.

— Ты хочешь отъ меня избавиться. Я тебѣ надоѣла, я это чувствую.

Онъ слегка пожалъ плечами.

— Не мучь меня, пожалуйста! Что я долженъ тебѣ отвѣтить на такія слова?

— Конечно, тебѣ нечего отвѣчать,—возразила она съ раздраженіемъ.—Нечего отвѣчать, и поэтому...

Онъ коротко разсмѣялся.

— Ты настоящая женщина—волосъ дологъ, умъ коротокъ.

— Мнѣ и не нужно ума. Я ненавижу этотъ умъ. Я ненавижу эти книги, — проговорила она неистово и бросила презрительный взглядъ на полку съ нагроможденными на нее книгами.

Онъ не сталъ входить въ объясненія.

— Дай мнѣ хоть чаю спокойно напиться. И чего собственно тебѣ отъ меня нужно?

— Тебя!—воскликнула она, задыхаясь.—Тебя мнѣ нужно.

Она вдругъ распустила свои длинные волосы.

Digitized by Google

— Я обовью тебя моими волосами и удержу тебя. Я тебя не отпущу. Слышишь? Я не отпущу тебя. А всѣ эти проклятыя книги я сожгу.

— Ты совсѣмъ ребенокъ и только портишь наши отношенія, —произнесъ онъ задумчиво и твердо.

Она слушала его недовѣрчиво.

— Я? я?—спросила она удивленно и посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Да, ты, ты одна! Я вѣдь не для того только существую, чтобы виснуть на твоемъ фартукѣ. У меня есть другое дѣло, котораго ты не понимаешь и никогда не поймешь. Я не хочу, чтобы ты меня караулила и бѣгала за мною по пятамъ.

И вдругъ, разсердившись, онъ закричалъ:

— Вѣдь ты не собака, чтобы всюду ползать за мною!

— Ты ошибаешься, — возразила она: — я собака, именно собака.

Они взглянули другъ на друга съ искаженными отъ злобы лицами. Онъ сильно поблѣднѣлъ.

— Развѣ ты не видишь, что мнѣ нужна свобода? Она мнѣ нужна, какъ воздухъ. Развѣ ты не видишь, какъ я мучусь? Я мучусь...

Онъ засмѣялся оскорбительнымъ, безобразнымъ смѣхомъ, способнымъ перевернуть всю душу въ человѣкѣ.

— Ты кончилъ?

— Кончилъ.

— Теперь мой чередъ, — и, не дожидаясь его отвѣта, она продолжала:—Помнишь, что ты мнѣ когда-то говорилъ? что обѣщалъ? Помнишь, какъ старался привлечь, несмотря на мое сопротивленіе? Я сопротивлялась,—продолжала она съ возростающимъ возбужденіемъ:—и знала, смутно чувствовала, почему сопротивляюсь: я понимала тебя. А ты... помнишь, какъ ты меня силой взялъ и овладѣлъ мною, и какъ я подчинилась тебѣ въ безсильной злобѣ? Помнишь, какъ первое время я ненавидѣла тебя? Я видѣла, что ты меня скоро бросишь, бросишь, какъ выжатый лимонъ... и вотъ теперь этотъ часъ насталъ, не отрицай этого!

И вдругъ, вся отдавшись воспоминаніямъ, она заговорила, какъ бы про себя:

— Чего онъ только тогда не говорилъ мнѣ! Какъ ласкалъ и баловалъ, когда я бывала разсержена или огорчена!.. И теперь все это прошло, кончено!..

Она судорожно зарыдала и вдругъ топнула ногой.

Digitized by Google

— Скажи мнѣ, что же, ты хочешь нарушить свое слово? Скажи, скажи мнѣ!

Она остановилась передъ нимъ, вся изогнувшись и подавшись впередъ, какъ кошка, собирающаяся прыгнуть. Но это не помѣшало ему отвѣтить небрежно:

— Бываютъ слова, которыя слѣдуетъ нарушать. Я говорю это не по отношенію къ тебѣ, но все-таки это такъ: исполненіе слова можетъ быть бо́льшимъ клятвопреступленіемъ, чѣмъ нарушеніе его.

Она задрожала.

— Не отталкивай меня!—простонала она.—Я не могу жить безъ тебя, ты это знаешь.

Что-то дрогнуло въ его лицѣ. Она видѣла, что онъ былъ доволенъ собою, и не двигалась, а только ждала его отвѣта. Онъ посадилъ ее снова на стулъ, и она безвольно повиновалась. Въ самомъ дѣлѣ она была похожа на покорную собаку, а онъ былъ ея хозяинъ. Онъ перебиралъ ея волосы, пропуская ихъ сквозь пальцы, и все говорилъ ей о своей свободѣ и о томъ, что̀ его мучило и тяготило.

— Что̀ мнѣ дѣлать, если у меня въ головѣ, когда я возвращаюсь съ работы, такъ и снуютъ мысли, такъ и давятъ меня? Вѣдь почему-нибудь я не иду въ трактиръ и не ложусь отдыхать. Во мнѣ все что-то работаетъ и не даетъ мнѣ покоя.

Она слушала его благоговѣйно, какъ послушное дитя.

— Все было бы хорошо,—продолжалъ онъ,—еслибы ты мнѣ не мѣшала постоянно. Приходила бы только тогда, когда я тебя позову. Ничего нѣтъ хуже принужденія, и кромѣ того это преступленіе, когда одинъ человѣкъ такъ прикованъ къ другому,—преступленіе относительно другого и относительно самого себя. Я хотѣлъ бы, чтобы ты слѣдовала за мною, но не какъ собака. Это унизительно, это недостойно!

Она не возражала больше и только съ смертельной тоской смотрѣла на книги, отнявшія его у нея. Онѣ были причиной всего несчастія. Онъ поймалъ ея взглядъ и улыбнулся съ видомъ превосходства.

— Совершенно напрасно,—сказалъ онъ,—это совсѣмъ невѣрно. Книги явились прежде, какъ только началась во мнѣ эта внутренняя работа. Но ты, конечно, готова была бы ихъ сжечь или выбросить вмѣстѣ съ мусоромъ.

— Да,—отвѣтила она горячо. — Мнѣ бы этого хотѣлось. Прежде ты сидѣлъ со мною и слушалъ все, что́ я говорила. Ты смѣялся, когда я передавала шутки художниковъ, у кото-

Digitized by Google

рыхъ я позировала. Ты былъ такъ милъ и добръ со мною! Случалось и тогда тебѣ сердиться и быть грубымъ, но это бывало только въ тѣхъ случаяхъ, когда я на кого-нибудь другого глядѣла. Твоя грубость меня радовала, а теперь...

Онъ всталъ.

— Я не хочу больше этого слушать,—проговорилъ онъ, и въ его лицѣ, съ мягкими, какъ у мальчика, чертами, появилось угрожающее выраженіе. — Разъ и навсегда не хочу этого слушать!

Она не возражала. Молча убрала со стола, принесла изъ корридора воды, вымыла тарелки, чашки и приборы, поставила все въ ящикъ, надѣла накидку и шапочку и съ минуту еще постояла въ комнатѣ.

Онъ опять усѣлся за чтеніе и не обращалъ на нее больше никакого вниманія. Она вышла. Онъ услыхалъ, какъ она спустилась съ первыхъ ступенекъ, и вздохнулъ съ облегченіемъ. Но скоро она вернулась и опять вошла въ комнату.

Онъ громко разсмѣялся презрительно и нахально.

— Такъ и зналъ! —сказалъ онъ:—все это однѣ ваши проклятыя комедіи. Вы ждете, чтобы за вами побѣжали, а если ошибетесь въ своемъ ожиданіи, то возвращаетесь сами. Пошлыя, унизительныя хитрости и уловки!—закончилъ онъ злобно.

— Ну, что же дѣлать, — возразила она и улыбнулась ему кротко и нѣжно, совсѣмъ не сердясь за его злыя слова. Это раздражило его еще больше, но онъ хотѣлъ во что бы то ни стало доказать ей, что она не можетъ лишить его самообладанія.

— Устройся такъ, чтобы тебѣ было удобно, — проговорилъ онъ, сдерживая себя.—Я тебѣ не буду мѣшать.

Онъ пододвинулъ стулъ вплотную къ ящику и продолжалъ читать.

Она постояла минуту сзади него, глядя на черныя печатныя буквы въ его книгѣ. Видъ у нея былъ смущенный; она тяжело и безпокойно дышала. Потомъ она быстро повернулась и прилегла на кровать. Она чувствовала, что готова была расплакаться, но закусила губы, потому что ни за что не хотѣла плакать.

Онъ читалъ. Онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ. Онъ читалъ и читалъ.

Она закрыла глаза и наконецъ заснула отъ изнеможенія.

Въ половинѣ десятаго дверь отворилась. Механикъ испуганно вздрогнулъ. На порогѣ стоялъ Лирсъ. Онъ покусывалъ свой чер-

Digitized by Google

ный, блестящій усъ, видимо былъ смущенъ и не рѣшался идти дальше.

Фрюндель протянулъ ему на встрѣчу руку.

— Это мило, что вы ко мнѣ зашли, — сказалъ онъ добродушно и сдѣлалъ видъ, что нисколько не удивленъ.

— За женой прислали,—отвѣчалъ Лирсъ,—я ее проводилъ, увидалъ, что у васъ свѣтъ, ну, и рѣшился зайти. Долженъ вамъ сказать, что для меня день начинается только вечеромъ. Впрочемъ, мнѣ очень непріятно, что я вамъ помѣшалъ. Мнѣ всегда бываетъ непріятно, когда я вижу, что кто-нибудь работаетъ. Мы не для того созданы, чтобы работать,—мы созданы, чтобы наслаждаться и радоваться жизни!

Фрюндель вынулъ изъ книги чистый листъ бумаги и записалъ.

— Ради Бога, человѣче, что̀ это вы дѣлаете?

— Записываю ваши слова.

— Да вы просто опасны. Мнѣ еще недавно какъ-то бросилось это въ глаза. Вы всѣ наши слова какъ гвоздиками прикалачиваете. Ужъ не собираетесь ли вы на насъ при случаѣ донести?

— Да,—твердо отвѣчалъ механикъ.—Я подбираю всѣ крохи, которыя вы мнѣ бросаете, а потомъ просѣиваю ихъ и разсматриваю, что̀ останется. Такимъ образомъ мнѣ кое-что перепадаетъ.

Лирсъ съ удивленіемъ и даже съ нѣкоторымъ страхомъ разсматривалъ этого страннаго человѣка.

— Вы, однако, тяжелый человѣкъ. Съ вами надо быть осторожнѣе.

— Это вѣрно, я тяжелый и стараюсь сдѣлаться легкимъ. Повѣрьте мнѣ, это дѣло довольно трудное.

Лирсъ взялъ раскрытую книгу и прочелъ: „Цѣнность жизни“ доктора Дюринга.

— Такъ вы послѣдователь Дюринга?—спросилъ онъ съ уваженіемъ.

— Я просто Фрюндель,—возразилъ тотъ.—Или, вѣрнѣе говоря,—продолжалъ онъ насмѣшливо,—ищущій самого себя Фрюндель, такъ какъ, милѣйшій, я ищу себя.

— Ахъ, какіе вы скучнѣйшіе люди, вы и Томасъ Трукъ!—сказалъ Лирсъ.—Вѣдь и онъ тоже себя ищетъ, и говорилъ мнѣ объ этомъ въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ.

— Томасъ Трукъ, — повторилъ механикъ и хотѣлъ что-то спросить у Лирса, но тотъ вдругъ повернулся и остановился, по-

Digitized by Google

раженный, передъ спящей Юзефой. Онъ только теперь замѣтилъ ее и, совершенно очарованный, проговорилъ, какъ будто про себя:—ну, не красота ли это?

— Да, ужъ это давно всѣмъ извѣстно, — замѣтилъ механикъ сухо.

Лирсъ вздрогнулъ. Его сонливость прошла. Видъ спящей Юзефы совершенно разбудилъ его.

— Не разсердитесь на меня, вы, искатель, а только вы— настоящій пень. — И внѣ себя онъ прибавилъ: — И нечего тутъ раздумывать. Она прекрасна, и кончено. Просто вамъ съ неба свалилось сокровище. У одного есть, у другого нѣтъ. Что же дѣлать?— Онъ былъ совсѣмъ внѣ себя. И снова, повернувшись, сталъ благоговѣйно разсматривать Юзефу.

Фрюндель сдѣлалъ ему знакъ рукою.

— Подойдите-ка сюда поближе!—проговорилъ онъ тихо.— Я хочу вамъ сказать, зачѣмъ вы ко мнѣ пришли: вы надѣялись застать ее здѣсь.

Лирсъ покраснѣлъ какъ школьникъ.

— Хорошо, что вы не отрицаете. Я тутъ ничего такого не нахожу. Въ нее нельзя не влюбиться, и со мной было то же самое. Вы должны попытать счастья,— прибавилъ онъ еще тише. —Если вы найдете сочувствіе, то я ничего не буду имѣть противъ этого. Юзефа достаточно меня знаетъ. Я не буду стѣснять ея свободу.

Лирсъ стоялъ совершенно пораженный. Никогда ему не приходилось переживать ничего подобнаго. Человѣкъ обладаетъ величайшимъ сокровищемъ на свѣтѣ, и вдругъ говоритъ другому: постарайтесь украсть его у меня, желаю вамъ всяческаго успѣха.

Вдругъ Юзефа открыла глаза. Она слегка вскрикнула, вскочила и еще немного заспанными глазами посмотрѣла сначала на механика, потомъ на Лирса. Волосы спутанными прядями разсыпались у нея по плечамъ.

— Знаешь,—сказалъ ей механикъ,—онъ влюбленъ въ тебя до безумія. Не могъ удержаться и пришелъ сюда поздно вечеромъ. Самъ признался. Будь же съ нимъ мила.

Юзефа, казалось, потеряла даръ слова. Лирсъ растроганно посмотрѣлъ на нее.

— Это все правда,—сказалъ онъ,—но только я сказалъ не самъ, а онъ у меня выпыталъ.

Юзефа рѣзко разсмѣялась.

— Такъ вотъ что, ты хочешь насъ свести! — воскликнула

Digitized by Google

она,—схватила накидку и шапочку, не надѣвая ихъ, выскочила изъ двери и побѣжала внизъ по лѣстницѣ.

Фрюндель не растерялся.

— Идите за нею!—сказалъ онъ.—Да только поторапливайтесь. Она бѣгаетъ быстрѣе всякой охотничьей собаки.

„Онъ сумасшедшій, — подумалъ Лирсъ, — навѣрное, сумасшедшій".

Но, несмотря на это, все-таки послѣдовалъ его совѣту. Спускаясь по лѣстницѣ, онъ услышалъ, какъ механикъ крикнулъ ему вслѣдъ:—Ея адресъ: Большая Франкфуртская улица, 19.

VII.

Передъ Томасомъ, въ его убогой комнатѣ, стояла фрау Бергъ и нервно крутила конецъ бѣлаго платка, спустившійся съ ея норковой кофточки.

— Почему вы не говорите ни слова? Я стою передъ вами, какъ нищая, а вы молчите. Сдѣлала я вамъ что-нибудь? Да говорите же!

И она прибавила съ раздраженіемъ:

— Прежде чѣмъ объявить кого-нибудь виновнымъ, надо дать ему оправдаться.

И такъ какъ онъ все еще молчалъ, то она проговорила рѣзко и насмѣшливо:

— Да что вы, боитесь меня?

— Я боюсь васъ,—отвѣчалъ Томасъ. На его лицѣ разстроенное выраженіе замѣнилось оживленіемъ, а въ опущенныхъ глазахъ промелькнула мучительная радость.

— Вы этимъ хотите сказать, что рѣшили разойтись со мною?

Она немного развела руками, и высокомѣрная улыбка искривила ея губы.

— Я нахожу это неслыханнымъ,—произнесла она враждебнымъ тономъ.—Во всякомъ случаѣ, вы должны были мнѣ отвѣтить. При чемъ же я тутъ, если какой-то безтактный господинъ нападаетъ на васъ въ моемъ домѣ? Вѣдь все дѣло въ этомъ?

И, не дожидаясь возраженія, она вытащила изъ муфты сложенное письмо и подала ему.

— Прочтите!—проговорила она повелительнымъ тономъ.

Онъ пробѣжалъ глазами письмо.

„Милостивая Государыня!

„Я получилъ сегодня ваше письмо, въ которомъ вы мнѣ отка-

Digitized by Google

зываете отъ дома. Я равно пораженъ и удивленъ, но во всякомъ случаѣ увѣренъ, что вы поступили такъ не въ угоду господину Труку. Я спокоенъ, потому что надѣюсь, что вы сознаете всю несправедливость вашего отношенія ко мнѣ и позовете меня снова. Если вы желаете, то я разыщу господина Трука и спрошу, находитъ ли онъ себя оскорбленнымъ мною. Заранѣе предвижу вашъ отвѣтъ и остаюсь съ почтеніемъ—

Адвокатъ Корнфельдъ".

Томасъ возвратилъ ей письмо.

— Онъ совершенно правъ,—сказалъ онъ холодно.—Онъ не могъ меня оскорбить.

Она пристально посмотрѣла на него.

— Такъ, значитъ, это я?

— Да, вы. Я былъ въ вашемъ домѣ, вашимъ гостемъ, но вы думали только о себѣ. Совсѣмъ какъ въ тотъ день,—прибавилъ онъ гнѣвно,—когда у вашего кучера текла кровь изъ разбитаго лба, а вы не замѣтили этой крови. Вы не замѣтили, что и мнѣ было больно. Вамъ только было непріятно, что у васъ на парадномъ вечерѣ...

Онъ не докончилъ и коротко разсмѣялся.

Она стала еще блѣднѣе и закрыла лицо руками. Потомъ слабо уронила руки и простояла еще минуту, не двигаясь.

— И это вы говорите мнѣ?—прошептала она наконецъ.—Ну хорошо, ну хорошо; кромѣ того, вы совершенно правы, господинъ Томасъ Трукъ,—прибавила она, какъ бы стряхнувъ съ себя что-то.—Это именно, именно такъ и было. Вы—ясновидящій и заглянули въ мою душу.

Она выпрямилась, въ лицѣ ея появилось суровое, гордое выраженіе, и, едва замѣтно кивнувъ головою, она вышла изъ комнаты.

Томасъ подошелъ къ окну. Внизу стояла карета и на козлахъ сидѣлъ тотъ самый кучеръ, у котораго текла тогда кровь изъ разбитаго лба. Томасъ замѣтилъ, что въ рукѣ у него былъ окурокъ папиросы и онъ съ удовольствіемъ покуривалъ. Вотъ изъ дверей вышла фрау Бергъ;—вотъ она сѣла въ карету;—вотъ она уѣхала. И ни разу не оглянулась. Томасъ все еще смотрѣлъ ей вслѣдъ, прислушиваясь къ стуку колесъ. Потомъ внутренно разсмѣялся, чтобы заглушить что-то, причинявшее ему невыносимую боль, но отъ этого смѣха ему стало еще больнѣе. Онъ распахнулъ окно, потому что ему вдругъ сдѣлалось душно и тѣсно въ маленькой, низкой комнатѣ. Имъ овладѣло безпокойство. Онъ сѣлъ къ столу и вынулъ листъ почтовой бумаги, смутно сознавая,

Digitized by Google

что женщина, за минуту передъ тѣмъ бывшая въ этой комнатѣ, имѣла безконечную власть надъ нимъ. Это сознаніе было ему и мучительно, и радостно. Быстро, крупнымъ почеркомъ написалъ онъ слѣдующее:

„Я хочу видѣть васъ сегодня вечеромъ; вы придете ко мнѣ; съ восьми часовъ я дома.

„Томасъ Трукъ".

Не размышляя надъ тѣмъ, что дѣлаетъ, и не отдавая себѣ яснаго отчета, вложилъ онъ письмо въ конвертъ, запечаталъ его, накинулъ плащъ и со шляпой въ рукахъ спустился съ лѣстницы. Онъ спѣшилъ къ ближайшему почтовому ящику, какъ будто за нимъ кто-нибудь гнался и могъ остановить его. Только уже опустивъ письмо въ синій ящикъ, онъ вспомнилъ, что забылъ наклеить марку. Но это нисколько не смутило его. Онъ вздохнулъ съ облегченіемъ и, насвистывая веселый мотивъ, какъ расшалившійся мальчикъ, пошелъ назадъ по улицѣ въ какомъ-то чаду.

VIII.

Наступилъ вечеръ. Томасъ не зажигалъ огня,—онъ боялся свѣта. Темнота болѣе подходила къ его тревожнымъ мыслямъ. Онъ безпокойно шагалъ по комнатѣ; иногда останавливался и прислушивался. Но все было тихо, не слышалось ни звука; его окружала мертвая тишина и было такъ темно, что онъ не различалъ отдѣльныхъ предметовъ. Онъ сѣлъ на диванъ и прикрылъ глаза руками. Но вдругъ онъ съ испугомъ отнялъ руки. Онъ прислушался, затаивъ дыханіе. Сомнѣнія не было,—онъ услышалъ ея походку. Это была она, это несомнѣнно была она. Дрожащими пальцами онъ растворилъ дверь и, держась за перила, спустился до перваго поворота лѣстницы. Лѣстница не была освѣщена. Онъ вдругъ почувствовалъ, что она стоитъ передъ нимъ, и руки ихъ встрѣтились безъ словъ. На одно мгновеніе они точно замерли и было слышно только ихъ ускоренное дыханіе. Затѣмъ, освободивъ руки, она обняла его.

— Это я,—сказала она, цѣлуя его черезъ вуаль.

— Ты... ты...—прошепталъ онъ, смущенный и взволнованный.

Черезъ мгновеніе она взяла его подъ руку, и онъ осторожно повелъ ее вверхъ, оберегая ее, какъ что-то въ высшей степени хрупкое, что можетъ разбиться отъ малѣйшаго толчка.

Онъ хотѣлъ зажечь огонь, но она сказала:—Нѣтъ, не надо,—и онъ послушался.

Digitized by Google

Она опять поцѣловала его, но на этотъ разъ уже немного приподняла вуаль. Онъ такъ сильно прижалъ ее къ себѣ, что она вскрикнула, но тотчасъ же сказала, что это ничего.

— Я былъ увѣренъ, что ты придешь.

— Конечно,—подтвердила она:—я ждала только твоего зова. Вѣдь ты долженъ былъ меня позвать.

Онъ увлекъ ее къ окну и отворилъ его. Метель пахнула имъ въ лицо, и они разсмѣялись, какъ дѣти. Но вдругъ онъ испугался, что она простудится, и поспѣшно затворилъ окно. И только теперь зажегъ свѣчи.

Она стояла передъ нимъ въ совершенно гладкой и простой англійской кофточкѣ; на головѣ у нея была сѣрая фетровая шляпа съ перомъ. Никогда еще она ему такъ не нравилась, какъ въ этомъ костюмѣ. Она имѣла видъ совершенно юной и очень стройной дѣвушки, и сама сознавала это. Въ ея лицѣ было что-то вызывающее, предпріимчивое, и въ то же время она вся сіяла.

— Пойдемъ гулять,—тихо попросила она.

Онъ накинулъ плащъ, а она снова спустила вуаль, и подъ бѣлымъ газомъ съ черными мушками ея лицо показалось ему еще красивѣе. Она взяла его за руку, и, несмотря на темноту, они бѣгомъ, какъ дѣти, пустились внизъ по крутой лѣстницѣ. На улицѣ ихъ встрѣтилъ сильный вѣтеръ. Онъ развѣвалъ имъ волосы, но они, казалось, не замѣчали этого. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, шли они, молодые и влюбленные, среди метели, и тусклый свѣтъ фонарей освѣщалъ по временамъ ихъ радостныя лица.

— Развѣ ты не удивился, когда я пришла къ тебѣ?

Это „ты“ подѣйствовало на него какъ электрическій токъ, и онъ почувствовалъ въ себѣ приливъ безпредѣльной силы.

— Мой мужъ уѣхалъ. Онъ долженъ засѣдать въ какомъ-то комитетѣ.

Это объясненіе ея посѣщенія подѣйствовало на него удручающимъ образомъ.

— Что съ тобой?—спросила она.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ.

Она прижалась къ нему тѣснѣе, и у него стало снова попрежнему легко на душѣ.

— Никто меня не видитъ и никто меня не узнаетъ,—вдругъ прервала она молчаніе счастливымъ голосомъ.

— Ну, а еслибы тебя узнали?

— Нѣтъ, меня навѣрное не узнаютъ.

— А если все-таки какъ-нибудь да узнаютъ?

Digitized by Google

Она вдругъ остановилась и смутилась, разглядѣвъ напряженное выраженіе на его лицѣ.

— Мнѣ было бы все равно,—тихо проговорила она.—Я люблю тебя... люблю тебя.

Мимо нихъ торопливо проходили встрѣчные. Всѣ видимо спѣшили укрыться по домамъ отъ непогоды. Но Томасъ и его спутница не обращали ни малѣйшаго вниманія на снѣгъ и вѣтеръ. Они смѣялись и громко и весело разговаривали.

„О, какъ прекрасна жизнь!"—шумѣло въ головѣ у Томаса. Снѣжные хлопья летѣли въ его разгоряченное лицо, и это было ему пріятно. Его пронизывалъ холодъ, но такъ онъ чувствовалъ себя еще бодрѣе. Единственнымъ его желаніемъ было, чтобы этотъ темный зимній вечеръ длился безконечно.

Кто-то пристально заглянулъ имъ въ лицо. Регина вздрогнула, но сейчасъ же весело разсмѣялась.

Они зашли въ небольшой ресторанчикъ.

Предупредительный кельнеръ во фракѣ, съ подобострастнымъ лицомъ, сдѣлалъ рукой пригласительный жестъ и провелъ ихъ въ маленькую элегантную комнатку.

— Я прошу позвонить, когда будетъ нужно, сударь,—почтительно проговорилъ онъ и исчезъ изъ комнаты.

Она съ любопытствомъ оглядѣлась, потомъ сняла кофточку и осталась въ скромномъ коричневомъ платьѣ.

— Нѣтъ, только подумать, что ты меня любишь!—восторженно воскликнула она и слегка захлопала въ ладоши.—Стащи же съ меня перчатки.

Онъ попытался исполнить ея желаніе, но это ему плохо удавалось.

— Какой же ты, однако, медвѣдь! — разсмѣялась она.—Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ ты не медвѣдь. Ты имѣешь видъ переодѣтаго принца. Я ничуть бы не удивилась, еслибы безъ всякихъ особыхъ предисловій ты объявилъ: „Я князь Шуваловъ".

— Но почему же именно Шуваловъ?—съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Ахъ, ну просто такъ! Можетъ быть потому, что мнѣ больше всего нравятся русскіе князья.

— Но развѣ, чтобы понравиться тебѣ, необходимо быть княземъ?

— Нѣтъ, въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, но въ данную минуту ты князь для меня.

— Хорошо, я согласенъ.

— Я вѣрю, что ты—настоящій князь. Переодѣтый принцъ,

Digitized by Google

который морочитъ людей. Ты живешь на чердачкѣ только потому, что тебѣ надоѣла пышность. Ахъ, — прибавила она, — все это ужъ слишкомъ хорошо!

Въ ея послѣднихъ словахъ прозвучало что-такое, отъ чего ему стало вдругъ грустно.

— Уйдемъ поскорѣй отсюда. Мы закупимъ все и поужинаемъ наверху,—въ твоей комнаткѣ.

Онъ только наклонилъ голову въ знакъ своего согласія и позвонилъ.

Пришелъ кельнеръ.

— Вы...—началъ Томасъ и вдругъ остановился, потому что не зналъ, какъ назвать свою спутницу.

— Намъ нужно домой,—уже совсѣмъ растерянный выпалилъ онъ и сунулъ талеръ въ руку лакею.

Тотъ низко поклонился и подалъ ему плащъ.

Опять они очутились на улицѣ.

Все было такъ необыкновенно, такъ сказочно, такъ прекрасно!

Замедливъ шаги, онъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Скажи мнѣ, ужъ не грежу ли я? Во снѣ все это или на яву?

— На яву!—отвѣтила она счастливымъ голосомъ.

Они зашли въ гастрономическій магазинъ. Регина набрала тамъ всевозможныхъ закусокъ. Она взяла осьмушку астраханской икры, осьмушку копченаго гуся, осьмушку языка, осьмушку семги, осьмушку ветчины, крошечную порцію бри и четверть фунта сливочнаго масла.

— Не хочешь ли ты еще чего-нибудь, дитя мое? — спросила она.

— Нѣтъ,—смущенно пробормоталъ онъ и пошелъ къ кассѣ расплатиться. Онъ отдалъ около пяти марокъ, и это показалось ему до смѣшного мало. Въ чайномъ магазинѣ купили чаю. Затѣмъ отправились домой.

Старуха, у которой жилъ Томасъ, очень удивилась, увидѣвъ ихъ. Она не понимала своего жильца, и изумилась еще больше, когда элегантная чужая дама стала спрашивать у нея тарелокъ, ножей, вилокъ.

Гостья сама пошла на кухню, а старуха покорно заковыляла за нею. Черезъ нѣсколько минутъ Регина вернулась въ комнату. У старухи не оказалось бѣлой скатерти, нашлась только какая-то залежавшаяся чайная, съ красными разводами, и двѣ маленькія подходящія къ ней салфеточки. Она могла дать еще простыхъ бѣлыхъ тарелокъ, черныхъ вилокъ и ножей. Они были

Digitized by Google

немного тупы и согнуты, но при случаѣ еще отлично могли служить.

Регина стала сама накрывать на столъ, а хозяйка принялась кипятить воду для чая на старой маленькой жаровнѣ.

Никогда еще Томасъ не испытывалъ подобнаго счастья. И только теперь, подъ наплывомъ свѣтлой радости, онъ начиналъ понимать, какъ можетъ быть хорошо, когда мужчина и женщина живутъ вмѣстѣ. Она накрываетъ столъ и радуется каждой крошкѣ, потому что они вмѣстѣ съѣдятъ ее, и все рѣшительно пересыпаютъ они ласками и смѣхомъ, думаютъ только о себѣ и забываютъ все на свѣтѣ. Въ эту минуту ему казалось, что нѣтъ бо́льшаго счастья, какъ сидѣть вдвоемъ въ собственной комнаткѣ.

— Послушай, мнѣ нужно еще купить одну вещь,—сказала она.

И, не застегнувъ кофточки, съ криво надѣтой шляпой, она весело кивнула ему и исчезла въ дверяхъ.

Ожиданіе тянулось для него цѣлую вѣчность. Онъ смотрѣлъ на часы, подходилъ къ окну, шагалъ по комнатѣ и нѣсколько разъ принимался считать, чтобы убить время. На него напалъ страхъ, и ужасъ охватилъ его при мысли, что все это было не болѣе какъ свѣтлое мгновеніе, на вѣки исчезнувшее. Онъ начиналъ думать, что она, принесшая ему столько счастья, вдругъ коварно исчезла навсегда, и онъ остался одинокъ попрежнему.

Но она вернулась. Ея волосы растрепались и глаза блестѣли. Она вынула изъ папиросной бумаги фіалки, колокольчики и анемоны.

Все это она разбросала по скатерти съ красными разводами, и въ комнатѣ вдругъ пахну́ло лѣтомъ, а анемоны напомнили Томасу его родину.

Столъ былъ придвинутъ къ просиженному дивану.

Старуха внесла дымившійся чай.

Ловкіе пальцы Регины намазали хлѣбъ масломъ. Первый бутербродъ съ икрой онъ долженъ былъ непремѣнно получить изъ ея рукъ. Она щебетала какъ птица, вся кипѣла избыткомъ жизни, весело смѣялась, смотрѣла на него широко раскрытыми блестящими глазами и всѣмъ своимъ существомъ волновала его до глубины души.

— Скажи, какъ ты меня любишь?—тихо спросила она.

— Я этого не могу сказать!—отвѣтилъ онъ, и на лицѣ его выразилось переживаемое имъ смущеніе.

— Скажи! — настаивала она.

Digitized by Google

— Я такъ люблю тебя, что въ первый разъ въ жизни понимаю, могу понять, какъ человѣкъ, любя, забываетъ все и всѣхъ.

Онъ остановился, но она, видимо, ждала, что онъ скажетъ дальше, и онъ продолжалъ медленно и уже почти для себя:

— Я понимаю, какъ человѣкъ изъ любви можетъ стать воромъ и разбойникомъ, потому что любовь дѣлаетъ человѣка безсильнымъ. Темная сила овладѣваетъ имъ и безъ устали погоняетъ его кровавымъ бичомъ.

И онъ взглянулъ на нее, какъ будто испугавшись собственныхъ словъ.

— Какъ чудесно, когда такъ любятъ!—воскликнула она.

Эти слова поразили его.

Она это замѣтила и взяла его руку.

— Я думаю, — сказала она, — что именно въ этомъ вся глубина и правда. Всякое благоразуміе, всякія жалкія мудрствованія, всѣ мелкіе разсчеты замолкаютъ передъ такимъ чувствомъ. Люди забываютъ обо всемъ на свѣтѣ и только любятъ. Здѣсь не существуетъ ни религіи, ни разсудка, ни нравственности, и какъ ты самъ вѣрно сказалъ, — любя такъ, можно дойти до всего,—до кражи, до убійства.

Отъ волненія она совсѣмъ поблѣднѣла. Но ничего мертвеннаго уже не было въ ея глазахъ. Потухшіе черные угли превратились въ сверкающіе, отшлифованные брилліанты.

— Ты удивляешься мнѣ, я это прекрасно вижу. Ты удивленъ, что можно съ радостью признаваться въ такихъ ужасныхъ вещахъ. Но, повѣрь мнѣ, еще недѣлю тому назадъ я и сама не подозрѣвала, что со мной можетъ случиться что-либо подобное. И только ты виноватъ во всемъ, ты одинъ. И развѣ тебѣ не понятно,—продолжала она съ выраженіемъ гнетущаго раздумья на лицѣ,—что лишенный свободы завидуетъ чужой свободѣ? И когда эта свобода приходитъ къ нему подъ видомъ большой, сильной и настоящей любви, то онъ, разрывая цѣпи, уже не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ? — Она вдругъ возбужденно расхохоталась.

— Сейчасъ я себѣ самой кажусь чужой и непонятной. Нѣтъ, я никогда не думала, что буду говорить съ тобой о подобныхъ вещахъ.

Она подошла къ нему совсѣмъ близко, приподнялась на цыпочки и обвила руками его шею.

— Отвѣчай! Если подобныя вещи существуютъ, то развѣ это не доказательство того, что онѣ глубоки и справедливы?

Digitized by Google

Ея слова производили на него замѣтное впечатлѣніе, и она это чувствовала.

— Твой вопросъ волнуетъ меня до глубины души, и многіе ломали себѣ голову надъ нимъ. То, что̀ заложено въ насъ, несомнѣнно глубоко, и разъ что-нибудь существуетъ, значитъ оно истинно и необходимо даже въ томъ случаѣ, если это созидаетъ преграды и вызываетъ страданія, болѣзни и стыдъ!

Она поднесла руки ко лбу.

— Я не могу всего этого постичь, я не могу думать.

— Нѣтъ, ты можешь, ты должна понять. Есть вещи, которыхъ мы, по нашей ограниченности не въ силахъ постичь, но онѣ все-таки мучатъ и волнуютъ насъ. Такія вещи уже по самому своему существу имѣютъ цѣль и значеніе. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ вызываютъ борьбу и смерть, онѣ въ сущности говорятъ о жизни и развитіи. Вѣдь и самая смерть не что̀ иное, какъ бытіе и развитіе. То, что̀ умираетъ, уступаетъ мѣсто болѣе сильному и молодому и ведетъ такимъ путемъ къ дальнѣйшему развитію. Можно съ увѣренностью сказать, что все, что̀ въ насъ и вокругъ насъ, находится въ тѣсной связи съ природой, хотя часто мы этого даже и не замѣчаемъ. Но,—продолжалъ онъ,—въ насъ такъ безконечно много самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ стремленій, инстинктовъ и чувствъ, что мы обязаны дѣлать между ними выборъ, чтобы, въ концѣ концовъ, брало верхъ то, что̀ намъ указываетъ разумъ.

— Все это такъ сложно, такъ загадочно,—произнесла она.

— Да,—тихо отвѣтилъ онъ.—И мы сами представляемъ собою загадку; вотъ почему неразрѣшимо и то, что̀ въ насъ происходитъ. И никто не можетъ сказать съ увѣренностью, что знаетъ истину. Но развѣ тебѣ не приходилось задумываться надъ подобными вопросами?

— Нѣтъ, я давно разучилась думать. Я живу изо дня въ день и совсѣмъ не думаю. Онъ говоритъ, что „думать—совершенно лишнее“,—прибавила она, видимо стыдясь и стараясь избѣжать его взгляда.

Это „онъ говоритъ“ на минуту нарушило его настроеніе.

— И ты никогда не мучилась религіозными вопросами?

— Нѣтъ. У меня нѣтъ никакой религіи. Я ни во что не вѣрю. Мнѣ удалось прогнать всякую мысль о Богѣ. Я никогда не вспоминаю о смерти. Я не хочу объ этомъ помнить, не хочу думать. Не хочу, и кончено,—прибавила она съ выраженіемъ капризнаго, избалованнаго ребенка.

Digitized by Google

Онъ слушалъ ее внимательно и серьезно, и ему вспомнились его собственныя дѣтскія мысли о смерти. Въ нихъ было столько муки, и Тамара понимала эту муку и плакала съ нимъ вмѣстѣ.

Нѣкоторое время они сидѣли молча, каждый погруженный въ свои думы.

— Не нужно ли вамъ еще чего-нибудь, господинъ докторъ?— вдругъ спросила старуха-хозяйка, просовывая въ дверь голову, замотанную грязнымъ сѣрымъ платкомъ.—Я очень устала и у меня глаза уже не смотрятъ.

— Ложитесь спать!

Но она ушла не сразу. Она вошла въ комнату и, сдѣлавъ книксенъ Регинѣ, обратилась къ ней съ уморительнымъ выраженіемъ самой глубокой почтительности въ голосѣ: —Покойной ночи, сударыня!—И съ этими словами она дѣтскимъ движеніемъ протянула ей старую, морщинистую руку.

Регина едва прикоснулась къ ней. Она вздрогнула точно отъ холода подъ взглядомъ старухи и, пролепетавъ что-то непонятное, сунула ей въ руку золотую монету.

Хозяйка съ удивленіемъ и почти съ какимъ-то ужасомъ взглянула на Томаса Трука и поспѣшно заковыляла къ дверямъ.

Опять наступило молчаніе.

— Развѣ ты не думаешь, что старыя женщины приносятъ несчастіе?—вдругъ спросила Регина и повела плечами, точно ей стало холодно.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Что-то непонятное, серьезное и торжественное прокралось въ тѣсную комнату.

Слова любви замолкли; ихъ смѣнили тревожныя мысли и тяжелыя сомнѣнія,—они пришли неслышные и незамѣтные, какъ слуги въ старинныхъ домахъ, разносящіе гостямъ, во время веселаго празднества, яства и кубки съ питьемъ. Оба они чувствовали себя точно придавленными, но еще болѣе близкими другъ другу, чѣмъ раньше.

Вдругъ, точно сговорившись, они встали, подошли къ жалкой бѣлой кафельной печуркѣ и приложили къ ней рядомъ руки. Печка оказалась совсѣмъ холодной, и они звонко разсмѣялись, а ихъ встрѣтившіяся руки вздрогнули и сразу согрѣлись. Они не произнесли ни слова.

Затѣмъ она надѣла кофточку и шляпу.

— Еслибы ты зналъ, какъ было хорошо!—сказала она.

И раньше чѣмъ онъ сообразилъ, что она хочетъ сдѣлать, она взяла его руку и быстро поцѣловала ее.

Digitized by Google

Регина не захотѣла, чтобы онъ провожалъ ее домой, и уѣхала съ Луизенштрассе въ закрытой извозчичьей коляскѣ. Прощаясь они долго смотрѣли въ глаза другъ другу.

Вернувшись домой, Томасъ не легъ спать, а принялся читать, и читалъ до разсвѣта, но изъ всего прочитаннаго не понялъ и не помнилъ ни единаго слова.

П—ина С—ва.

Digitized by Google

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО

ВЪ

ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

1865—68 гг.

Окончаніе.

III *).

Отношеніе самихъ крестьянъ къ ихъ устройству.

Изложивъ, какъ велось крестьянское дѣло, какъ относились къ нему мировыя учрежденія, высшая мѣстная администрація и помѣщики, посмотримъ теперь, какъ относились сами крестьяне къ заботамъ о нихъ. Судя потому, что̀ для нихъ въ это время дѣлалось, можно бы, казалось, ожидать вездѣ ихъ довѣрія и большихъ симпатій къ стоявшимъ около нихъ учрежденіямъ. Но на дѣлѣ это не часто встрѣчалось. Самому искреннему участію къ крестьянамъ нерѣдко приходилось считаться не только съ ихъ непониманіемъ, но и съ тѣмъ огромнымъ капиталомъ недовѣрія и подозрительности къ людямъ верхняго класса вообще, какой накопился въ темной народной массѣ въ теченіе вѣковъ.

Въ газетахъ того времени, при похвалахъ тѣмъ или другимъ администраторамъ, не разъ, бывало, встрѣчалось: такой-то сразу успѣлъ пріобрѣсти общее довѣріе крестьянскаго населенія!

---

*) См. выше: янв., 289 стр.

Digitized by Google

Подобный тонъ усвоивался на мѣстахъ даже оффиціальною перепискою. Нерѣдко получали, напримѣръ, мировые посредники начальственныя предложенія склонить крестьянъ къ какому-нибудь „участію", „содѣйствію" или пожертвованію, причемъ бумаги эти заканчивались въ такомъ родѣ: „въ полной увѣренности, что пріобрѣтенное вами нравственное вліяніе на крестьянъ" и т. д. Адресовались подобныя бумаги не только къ людямъ, дѣйствительно заботившимся о населеніи, но и къ посредникамъ въ родѣ изображенныхъ уже прежде майоровъ и двуличныхъ чиновниковъ, и своеобразны выходили результаты: внѣшнія выраженія довѣрія чаще достигались у майоровъ и чиновниковъ. Въ одно время возьмутся, бывало, за дѣло майоръ и настоящій участливый человѣкъ, а послѣ, смотришь, первый добился всякихъ „склоненій" и „содѣйствій", а послѣдній остался ни при чемъ. Разгадка, конечно, была проста: одинъ дѣйствовалъ начальническимъ давленіемъ и больше приказывалъ, а другой искалъ сознательныхъ рѣшеній массы, давая ей понимать, что она должна поступить совершенно добровольно. Не очень много требовалось опыта для убѣжденія, что „сразу пріобрѣтаютъ" довѣріе и нравственное вліяніе только на бумагѣ. А чтобы на самомъ дѣлѣ достигнуть чего-либо подобнаго—надо не только много потрудиться, но и пережить не мало тяжелыхъ ощущеній, встрѣчая подозрительность и натянутость отношеній съ той самой стороны, на которую обращалась полная доброжелательность. Элементу, заботившемуся въ данное время о крестьянахъ, приходилось расплачиваться за глубокія послѣдствія дѣяній прежнихъ поколѣній, и нельзя было даже особенно негодовать на встрѣчаемый недостатокъ довѣрія, вслѣдствіе сознанія его неизбѣжности и исторической объяснимости. Въ описываемую эпоху крестьяне первый разъ встрѣчались съ дѣйствительною заботою о нихъ самихъ, и это долго вызывало въ нихъ особаго рода недоумѣнія: вотъ человѣкъ въ панскомъ сюртукѣ какъ будто хлопочетъ о нашей пользѣ; изъ-за чего это, когда самому ему тутъ пользы не видно никакой? Охъ, нѣтъ ли тутъ какого-нибудь подвоха, не тянетъ ли онъ на панскую сторону, а насъ только морочитъ!—И подозрительный глазъ на сторожѣ.

Много надо было времени, хлопотъ и фактическихъ результатовъ, чтобы вамъ въ извѣстной степени довѣрилась только часть селеній, а какія именно повѣрятъ—тоже угадать было мудрено. Случалось, что гдѣ для крестьянъ сдѣлано много—тамъ-то и выступаетъ явно недовѣрчивое или почти непріязненное отношеніе; а гдѣ сдѣлано гораздо меньше—неожиданно обнару-

Digitized by Google

живаются явные признаки неподдѣльной благодарности и довольства. Послѣднее даже большею частью являлось въ видѣ совершенныхъ сюрпризовъ. Тутъ, какимъ-то невидимымъ процессомъ, словно треснула давняя толстая кора подозрительности, а тамъ она еще держится почти во всей прежней неприкосновенности. Не мало значило тутъ и различіе характера населенія отдѣльныхъ деревень. Одна деревня умная, толковая,—другая глуповата; тамъ населеніе болѣе спокойное—здѣсь сварливое и т. д.

Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ массою разнохарактерныхъ селеній и при всякихъ обстоятельствахъ: при полномъ удовлетвореніи ихъ желаній, при отказахъ въ настойчивыхъ и неисполнимыхъ требованіяхъ, при спокойствіи и при сильномъ возбужденіи массы. Случалось даже бороться съ попытками открытаго противодѣйствія. Передать пережитое въ этомъ отношеніи считаю всего лучше приведеніемъ ряда характерныхъ примѣровъ, выводы изъ которыхъ получатся сами собою.

Въ первое время повѣрочной работы отправился нашъ мировой съѣздъ въ одну волость моего участка, заключавшую въ себѣ нѣсколько крупныхъ селеній. Повѣрка первой уставной грамоты шла успѣшно. Крестьяне заявили нѣсколько уважительныхъ поземельныхъ претензій, которыя были удовлетворены при согласіи на то и помѣщичьяго уполномоченнаго. Все казалось ладно, но когда дошло до осмотра земли, то крестьяне сильно пожаловались на неудобство одной полевой смѣны, глинистой и изрытой водомоинами.—Какъ бы намъ обмѣнять эти Гребельки (урочище)?—говорили они. Но Гребельки были землею давняго инвентарнаго владѣнія, слѣдовательно принудительный обмѣнъ этой земли не могъ имѣть мѣста. Мы обратились къ помѣщичьему уполномоченному, и онъ тоже выразилъ согласіе обмѣнять неудобную смѣну на лучшую, затрудняясь только сразу столковаться о подробностяхъ. Начались обоюдные, довольно мирные переговоры, подававшіе надежду, что дѣло кончится добровольнымъ соглашеніемъ. Но такъ какъ сдѣлки подобнаго рода требовали нѣсколько сложнаго процесса (составленія мірского приговора двумя третями голосовъ, участія сторонніхъ „добросовѣстныхъ“ и т. под.), а подробности намѣченнаго соглашенія еще недостаточно обозначились, то съѣздъ, порѣшивъ всѣ прочіе повѣрочные вопросы, постановилъ поручить мнѣ заняться устройствомъ обмѣнной сдѣлки вслѣдъ за повѣркою, такъ чтобы она могла закончиться до составленія выкупного акта. Переѣзжаемъ въ слѣдующее селеніе—тамъ то же самое: крестьяне просятъ обмѣна части надѣла, по-

Digitized by Google

мѣщичья сторона согласна и съѣздъ рѣшаетъ по прежнему. Такъ набралось у меня три однородныхъ порученія.

Спустя нѣкоторое время, улучивъ досужные дни, ѣду на мѣсто въ полной надеждѣ, что дѣло устроится и мнѣ останется только оформить соглашеніе. Прибылъ туда же помѣщичій уполномоченный; изъ обоюдныхъ объясненій выходитъ, что недоразумѣній по существу нѣтъ. Предлагаю крестьянамъ составить приговоръ, но вдругъ они просятъ дать имъ время еще подумать и поговорить между собою. Даю время; сходъ толковалъ, толковалъ; нѣсколько разъ я то вступалъ съ нимъ въ объясненія, то оставлялъ его совѣщаться безъ меня; шума было много, но дѣло все не клеилось.

— Знаете, мнѣ кажется, вы напрасно даете имъ много говорить,—замѣчаетъ мнѣ помѣщичій уполномоченный, привычный къ прежнимъ порядкамъ.—Лучше просто „прикажите“ имъ обмѣнять землю, а иначе изъ этого, пожалуй, ничего не выйдетъ.

На принужденіе я, конечно, согласиться не могъ, и толки продолжались до вечера. Наконецъ со стороны крестьянъ послѣдовалъ запросъ:—А что, если мы съ паномъ согласимся обмѣнять землю, надо будетъ намъ подписывать?—Я отвѣтилъ, что непремѣнно надо, такъ какъ земельныя сдѣлки на словахъ не кончаются. На это крестьяне объявили, что если нельзя кончить словами, то они подписывать не рѣшатся: пускай все будетъ какъ было, а тамъ посмотримъ. Такъ все и разстроилось изъ одного опасенія подписи. Сосѣднія селенія, глядя на это, поступили точно такъ же, говоря:—Пускай панъ возьметъ себѣ ту землю, что мы отдаемъ, а мы возьмемъ ту, что онъ намъ даетъ, только подписывать не будемъ.

Все осталось по старому. Начались межевыя работы, по плану надѣлъ назначенъ былъ въ прежнихъ мѣстахъ съ рѣшенными добавками, и наконецъ я пріѣзжаю объявлять сторонамъ выкупной актъ на этотъ надѣлъ.

Выслушавъ, крестьяне съ видимымъ огорченіемъ спрашиваютъ:

— Какъ же это, Гребелькй опять будутъ за нами?

— Да, за вами; вѣдь вы же не хотѣли обмѣнять.

— Какое тамъ! Мы хотѣли, да подписывать боялись, бѣда намъ съ этими Гребельками,—что мы будемъ дѣлать съ такими горбами, да ярами!

— Ваше дѣло, а безъ подписи нельзя; вѣдь сколько разъ я вамъ толковалъ, что въ подписи ничего нѣтъ страшнаго. На бумагѣ пишется то самое, чего вы хотите; безъ прочтенія вамъ

Digitized by Google

бумаги подписей не будетъ, и я самъ не подпишу того, на что вы не согласны. Развѣ только вы и мнѣ не вѣрите?

— Гдѣ тамъ! Мы вамъ вѣримъ, а только мы люди „тёмни", сами не знаемъ, до чего пристать; все боимся, чтобъ не вышло для насъ какъ-нибудь погано. Вонъ въ такихъ-то селахъ мужики подписывали, и стало имъ не добре. Мы не винны тому, что всего боимся... А чи не можно жъ, чтобъ Гребелькѣ панъ взялъ себѣ?..

Велика была у мужика боязнь пера, бумаги и „даванья рукъ" тому, кто за него расписывается (не знаю, какъ тамъ теперь). Тѣ разверстанія и обмѣны земель, которые совершались дѣйствительно добровольно, подготовлялись иногда годами и обсуждались сходами въ нѣсколько пріемовъ, до устраненія послѣднихъ сомнѣній и колебаній.

Но въ описанномъ примѣрѣ выступали только темныя опасенія, а въ другомъ было значительно хуже. Во II главѣ статьи „Страница кр. дѣла на ю.-з." („Вѣстн. Европы", іюль, 1901 г.) я разсказывалъ, какъ при первомъ знакомствѣ съ своимъ участкомъ былъ я атакованъ массою крестьянъ, требовавшихъ укрѣпленія за ними отнятыхъ при составленіи выкупныхъ договоровъ фруктовыхъ садовъ. Отнятіе это было въ трехъ селеніяхъ, составлявшихъ цѣлую волость. Садовъ было болѣе трехсотъ десятинъ и всѣ они были очень цѣнны, давая большой доходъ отъ прекрасныхъ плодовъ. Я затруднялся сразу обѣщать удовлетвореніе крестьянскимъ настояніямъ, потому что сады отняты были еще до повѣрочной эпохи по выкупнымъ договорамъ, а порядокъ исправленія этихъ договоровъ въ ту пору еще не былъ положительно опредѣленъ закономъ. Крестьянская толпа становилась даже на колѣни, умоляя о возвратѣ садовъ и обѣщая, въ случаѣ выкупа ихъ, молиться за меня и моихъ потомковъ до третьяго поколѣнія. Много меня заботило это дѣло, но послѣ долгихъ переговоровъ и переписки мнѣ удалось наконецъ достигнуть успѣха, такъ что на возвратъ садовъ согласилась и помѣщичья сторона. Спустя года полтора послѣ первыхъ жалобъ, я ѣхалъ въ упомянутую волость уже объявлять выкупные акты на сады, имѣя основаніе ожидать полнаго крестьянскаго удовольствія. Вышло, однако, не то: крестьяне угрюмо выслушали акты, едва согласились расписаться въ этомъ выслушаніи и въ виду того, что сады отдаются имъ не даромъ, а на выкупъ, т.-е. за платежи, выразили недовольство.

— Сады—наши; диды и батькы наши ихъ „выкохали" (взлелѣяли), за що жъ мы будемъ платить за нихъ!—загудѣла толпа.

Digitized by Google

Сколько ни разъяснялъ я, что никакая часть надѣла не предоставляется крестьянамъ иначе, какъ на выкупъ, сколько ни напоминалъ стоявшимъ предо мною, какъ они на этомъ самомъ мѣстѣ молили о выкупѣ садовъ, считая его за счастіе—толпа не удовлетворялась, продолжая твердить, что сады „наши"—значитъ, должны быть отданы даромъ. Ропотъ продолжался не малое время, явно показывая, что крестьяне во мнѣ сомнѣваются и думаютъ, что я отдаю имъ сады не такъ, какъ слѣдуетъ, а на условіяхъ, болѣе выгодныхъ для пана. Положимъ, я зналъ, что волость эта всегда отличалась болѣе безпокойнымъ характеромъ, но все-же проявленіе со стороны ея населенія такой подозрительности послѣ долгихъ стараній объ его интересѣ заставляло меня переживать крайне непріятныя ощущенія. Наши переговоры закончились подробнымъ разъясненіемъ съ моей стороны, что если крестьяне выкупными актами недовольны, то могутъ, не пропуская мѣсячнаго срока, принести жалобы губернскому присутствію такимъ-то порядкомъ.

Случилось такъ, что всего черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія этихъ актовъ я былъ назначенъ предсѣдателемъ другого мирового съѣзда, и срокъ для жалобъ истекалъ уже послѣ моего отъѣзда на новое мѣсто. Безпокойные крестьяне сообразили, что теперь со мною церемониться уже нечего, можно за моимъ отсутствіемъ валить на меня что̀ угодно, и рѣшили жаловаться, не пренебрегая эффектами. Какъ только приблизилось истеченіе срока, они массою двинулись почти за сорокъ верстъ въ городъ и стали предъ домомъ губернскаго присутствія. Вышли къ нимъ два члена присутствія и выслушали цѣлый потокъ словесныхъ изліяній на тему, что прежній мировой посредникъ, т.-е. я, тянулъ руку за паномъ и причинилъ имъ великую обиду, назначивъ имъ сады не даромъ, какъ по ихъ мнѣнію слѣдовало, а на выкупъ, отчего имъ предстоитъ платить деньги за трудъ ихъ дѣдовъ и отцовъ. Вотъ какихъ молитвъ я дождался. Члены присутствія, хорошо знавшіе исторію этого дѣла, возмутились такими разсказами и принялись стыдить толпу.

— Вамъ ли жаловаться, о васъ ли не заботились? Мы хорошо знаемъ ваше дѣло,—вы получили то, чего не имѣетъ ни одно селеніе въ широкой округѣ, и вмѣсто благодарности вы еще говорите небылицы! Какъ у васъ достало совѣсти на такія жалобы?..

Крестьяне пытались нѣкоторое время подержаться въ своей позиціи „обиженныхъ", ворчали, но подъ конецъ пришли въ смущеніе. Стали смягчать свои жалобы, останавливая болѣе крикли-

Digitized by Google

выхъ, потомъ замолкли, помялись нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, вопросительно взглядывая другъ на друга, и наконецъ толпа разомъ тронулась и побрела обратно домой.

А невдалекѣ оттуда получившіе гораздо меньше выгодъ обнаруживаютъ совсѣмъ другое отношеніе. Объявляю имъ выкупные акты, объясняю при этомъ порядокъ обжалованія и слышу въ отвѣтъ: „А на что же намъ теперь жаловаться?“ —Да вотъ, если вы недовольны тѣмъ, что я вамъ объявилъ; если не вѣрите, что для васъ все сдѣлано правильно, то можете въ тридцати-дневный срокъ подать жалобу въ губернское присутствіе. — „Кому жъ намъ вѣрить, —отвѣчаютъ крестьяне—только Богу, да вамъ!“ —И жалобъ нѣтъ. Случалось, что, по выслушаніи акта, иные крестьяне сами просили моего совѣта, подписывать его или нѣтъ? И видя, что вполнѣ сознательно они не могутъ выражать своего довольства, отрѣзывая себѣ подписью путь къ жалобѣ, я даже нерѣдко отвѣчалъ имъ: —Обойдется и безъ вашей подписи; распишитесь только, что слышали объявленное, а за тридцать дней надумаетесь, жаловаться вамъ или нѣтъ.

Бывало, что изъ двухъ смежныхъ селеній съ одинаковыми условіями, принадлежавшихъ одному и тому же помѣщику, одно постоянно мятется, недовольно, недовѣрчиво, а въ другомъ говорятъ съ видимымъ довѣріемъ: —Что вы намъ скажете, то мы и сдѣлаемъ.

Въ томъ уѣздѣ, гдѣ я былъ предсѣдателемъ съѣзда, долго тянулось одно казусное дѣло. Ш—ское имѣніе, состоявшее изъ нѣсколькихъ значительныхъ селеній, принадлежало очень крупному помѣщику, проживавшему въ другой губерніи, а отъ имени его дѣйствовалъ тотъ самый управляющій, который получилъ отъ Безака грозное внушеніе, изображенное въ предъидущей главѣ. Производя разныя хозяйственныя реформы въ своихъ имѣніяхъ, помѣщикъ въ пятидесятыхъ годахъ не поцеремонился значительно уменьшить и измѣнить крестьянскую инвентарную землю, отчего при повѣркѣ предстояла большая перекройка надѣла. Помѣщичья сторона не отрицала нарушенія инвентарнаго владѣнія, но настаивала на томъ, чтобы возвращаемое крестьянамъ количество земли отведено было не въ старыхъ границахъ, а прирѣзано изъ другой помѣщичьей земли, оправдывая свое притязаніе тѣмъ, что иначе можетъ пострадать вводимое помѣщикомъ улучшенное лѣсоустройство. Повѣрку сначала производило повѣрочное отдѣленіе, которое поддержало помѣщичье желаніе, выразивъ въ своемъ заключеніи, что хотя обстоятельства даннаго дѣла и не подходятъ ни подъ одинъ изъ четырехъ пунктовъ за-

Digitized by Google

кона, допускавшаго отступленія отъ старыхъ инвентарныхъ границъ (раздѣлъ имѣнія между сонаслѣдниками послѣ инвентарей, продажа изъ имѣнія части земли, переложное хозяйство и возведеніе на отнятой у крестьянъ землѣ цѣнныхъ построекъ), но такъ какъ въ томъ же законѣ есть еще пятый пунктъ, дозволяющій прирѣзки къ надѣлу на новыхъ мѣстахъ въ исключительныхъ случаяхъ съ разрѣшенія генералъ-губернатора, то интересы помѣщичьяго лѣсного хозяйства и могутъ быть подведены подъ такой исключительный случай. Дошло до Безака, но отвѣтъ отъ него получился рѣзко отрицательный: измѣненіе лѣсного хозяйства онъ призналъ вовсе неподходящимъ къ упомянутому пятому пункту и указалъ, что въ подобныхъ случаяхъ надѣлъ подлежитъ непремѣнному возстановленію въ инвентарныхъ границахъ, на общемъ основаніи.

Нечего дѣлать, повѣрочное отдѣленіе стало намѣчать отводъ надѣла въ старыхъ границахъ по кіевскому указанію, но не успѣла эта работа значительно подвинуться впередъ, какъ вдругъ обозначился въ Кіевѣ новый поворотъ. Отъ того же Безака получается предложеніе: хотя-де онъ остается при прежнемъ мнѣніи, но тѣмъ не менѣе считаетъ нужнымъ выяснить, не встрѣчается ли въ дѣлѣ какихъ-либо другихъ поводовъ къ отказу отъ возстановленія старыхъ границъ съ возстановленіемъ только количества прежней земли? Явилось смущающее недоразумѣніе, наводившее на мысль, что Безакъ просто ищетъ благовиднаго предлога къ отмѣнѣ своего прежняго категорическаго рѣшенія. Что послужило поводомъ къ этой перемѣнѣ—мнѣ и теперь неизвѣстно. Повѣрочное отдѣленіе отвѣтило, что новыхъ поводовъ нѣтъ, но Безакъ сталъ проводить свое отступленіе съ прежней позиціи настойчиво. Послѣдовало новое распоряженіе, по которому пересмотръ дѣла о ш—скомъ имѣніи порученъ былъ соединенной коллегіи мирового съѣзда и повѣрочнаго отдѣленія подъ моимъ предсѣдательствомъ.

Тутъ люди, склонные къ политикѣ, стали давать мнѣ совѣты: вамъ-де представляется прекрасный случай угодить генералъ-губернатору; вы видите, что онъ измѣнилъ свой взглядъ на ш—ское дѣло, но ему неловко прямо взять назадъ свое мнѣніе; подыщите предлогъ къ отказу отъ старыхъ границъ — и вы дадите ему возможность перерѣшить дѣло, не ставя себя въ щекотливое положеніе. Однако нашъ съѣздъ не пожелалъ прислуживаться, держась той мысли, что если Безакъ хочетъ перемѣнить свое рѣшеніе, то пусть дѣлаетъ это отъ своего имени. Послѣ пересмотра дѣла, мы пришли къ такому заключенію:

Digitized by Google

такъ какъ ни одного изъ прямо указанныхъ закономъ поводовъ къ отказу отъ инвентарныхъ границъ въ дѣлѣ нѣтъ, то съѣздъ и не можетъ высказаться за этотъ отказъ, а рѣшеніе вопроса, подходятъ ли интересы лѣсоустройства къ пятому пункту — во власти самого генералъ-губернатора, который по этому вопросу уже высказался. Не кончилось дѣло и на этомъ: Безакъ поручилъ еще дополнительное дознаніе члену губернскаго присутствія, но и тотъ могъ высказать то же, что и съѣздъ. Только тогда уже Безакъ, прибывъ около этого времени въ Каменецъ, не затрудинился прямо заявить, что самъ отказывается отъ своего прежняго мнѣнія. А черезъ нѣсколько дней, прибывъ въ мой уѣздъ, сказалъ мнѣ:—По ш—скому дѣлу я свое рѣшеніе перемѣнилъ; прирѣжьте крестьянамъ что слѣдуетъ изъ другой помѣщичьей земли, такъ чтобы имъ было удобно, а за измѣненіе границъ назначьте имъ добавочное пониженіе платежей; я знаю, что у васъ крестьяне обижены не будутъ, и ваше рѣшеніе утвержу.

Итакъ, пришлось отвести крестьянамъ земельную добавку на новыхъ мѣстахъ, замѣнивъ, между прочимъ, лѣсной покосъ полевою землею. Но всѣ перипетіи этого дѣла протянулись болѣе года, и смѣны ожиданій успѣли порядочно взволновать крестьянскую массу. У нея сомнѣнія складывались вполнѣ естественно: если разъ порѣшили такъ, а въ другой иначе, то которое же изъ рѣшеній по настоящему закону? И, при своей темнотѣ и подозрительности, крестьяне твердо уперлись на томъ, что надо непремѣнно добиваться „старыхъ межъ“, не соглашаясь ни на что иное. Вожакомъ всѣхъ заинтересованныхъ селеній былъ тутъ старикъ съ длинною сѣдою бородою, Кость-Парадюкъ. Неловко стало положеніе нашего мирового съѣзда при объясненіяхъ съ крестьянами. При проектированіи отвода, на полихъ, среди взбудораженной толпы нѣсколькихъ деревень, я долго объяснялъ крестьянамъ, что они ничего не потеряютъ, такъ какъ количество земли дано имъ будетъ полное и отведется удобно, а платежи понизятся больше, чѣмъ у ихъ сосѣдей.—Убавка платежей,—говорилъ я,—зачтется вамъ съ осени 1863 года; все переплаченное вами прежде вычтется изъ будущихъ платежей, и потому вы, можетъ быть, два или три года даже совсѣмъ ничего не будете платить.—Но толпа сильно роптала, а Кость-Парадюкъ отрицательно потряхивалъ своею бородою, говоря, что громада, кромѣ старыхъ межъ, ни на что другое „не пристанетъ“. Перспектива платежнаго облегченія мало прельщала крестьянъ, вызывая съ ихъ стороны отзывы:—Колй (когда) то ще буде, а може

Digitized by Google

и не буде!—Волненіе чувствовалось настолько, что можно было даже опасаться открытаго сопротивленія.

— Видно, що треба идти до самого Царя, — слышалось потомъ отъ крестьянъ.—Кость-Парадюкъ самъ пиде въ Петербургъ, да пиде не дорогами, бо помѣщикъ постарается, чтобъ его назадъ вернули; такъ и не допустятъ до Царя. Кость пиде по суголовамъ (по междупольнымъ межникамъ) и самъ подастъ прошеніе Царю въ руки.

Какъ ни волновались крестьяне, однако межевыя работы были сдѣланы безъ противодѣйствія, а затѣмъ составлены и объявлены были выкупные акты. Безакъ все утвердилъ, какъ обѣщалъ. Послѣ утвержденія актовъ, осуществилась прирѣзка земли, а какъ пришелъ новый срокъ выкупныхъ платежей съ ш—скихъ крестьянъ, ихъ не потребовали вслѣдствіе зачета переплатъ. Населеніе почувствовало, наконецъ, что обѣщанное ему—не праздныя слова, а нѣчто дѣйствительное.

И вотъ, спустя года полтора, попалъ я разъ въ эту волость. Послѣ дѣловыхъ разговоровъ, старшина заявляетъ, что пришелъ Кость-Парадюкъ и желаетъ со мною видѣться. „Что бы такое могло ему понадобиться?“—подумалъ я, и никакъ не могъ догадаться. Открывается дверь, показывается знакомая длинная борода, и Кость низко кланяется.

— Пришелъ я до вашего в-ія „подяковаты“ (поблагодарить) за то, що вы для насъ зробили (сдѣлали). Мы все боялись, все не вѣрили, а теперь наша громада видитъ, що вышло ей добре. Дай Боже вамъ всего добраго!—Послѣдовалъ новый низкій поклонъ.

Особенное, непривычное ощущеніе пришлось испытать, выслушивая эти слова благодарности отъ вожака нѣсколькихъ селеній, руководившаго „общественнымъ мнѣніемъ“ цѣлой крестьянской округи во время самаго разгара ея неудовольствій. Но вѣдь прежде, чѣмъ дождаться этихъ нежданныхъ словъ—сколько надо было пережить натянутыхъ отношеній съ крестьянскою массою и даже перечувствовать своего рода нравственнаго оскорбленія отъ проявленій ея подозрительности! Оцѣнка, какую иногда встрѣчали со стороны крестьянъ искреннія заботы о нихъ, могла бы парализовать энергію этихъ заботъ, еслибъ не сознаніе, что требовать лучшаго въ данную пору не слѣдуетъ и невозможно. Помогать мужику слѣдовало не изъ эгоистическаго разсчета на уплату благодарностью, а просто потому, что онъ нуждается въ этой помощи и имѣетъ на нее право. Жизненная философія мужика складывается изъ наблюденія практическихъ

Digitized by Google

фактовъ и памяти о нихъ. Прошлое постоянно внушало ему, что дѣйствительныхъ друзей у него нѣтъ, что его или давятъ, или обманываютъ. Могли ли нѣсколько человѣкъ, дѣйствительно старавшихся отстоять ему добавочный кусокъ земли и оставить у него въ карманѣ нѣсколько рублей, уничтожить въ короткое время этотъ вѣками нажитый капиталъ недовѣрія!

Другой случай. Отъѣзжая изъ одного волостного правленія, гдѣ пришлось провозиться цѣлый день, я уже вышелъ на крыльцо, собираясь сѣсть въ повозку, какъ вдругъ подходятъ три мужика и кланяются. Когда устанешь отъ работы, подобное появленіе, обѣщающее новое дѣло, способно вызвать даже досаду, такъ какъ чувствуется нѣкоторое право на отдыхъ. И не безъ неудовольствія я встрѣтилъ пришедшихъ вопросомъ:—Что вамъ нужно?—Но оказалось, что предо мною тоже люди, пришедшіе благодарить. Это были представители крестьянъ небольшого поселка, наканунѣ получившихъ, послѣ выкупа, вводъ во владѣніе. У нихъ не было даже полей, и, владѣя однѣми усадьбами, они всего больше занимались кожевничествомъ. При давнемъ ничтожномъ владѣніи, они даже получить могли очень немного, и весь результатъ повѣрки для нихъ состоялъ лишь въ освобожденіи отъ неправильнаго увеличенія усадебной оцѣнки. Однако, получивъ вводъ во владѣніе и узнавъ о моемъ пріѣздѣ въ волость, эти крестьяне сочли нужнымъ послать депутатовъ единственно для заявленія, что небольшая громада довольна своимъ положеніемъ и чувствуетъ, что для нея сдѣлано. Здѣсь, казалось, меньше всего было основаній для благодарности, но она выступила, напомнивъ евангельское сказаніе объ исцѣленіи прокаженныхъ: „не десять ли очистишася, да девять гдѣ“?

И совѣсть, и опытъ одинаково внушали, что самый правильный методъ дѣйствій—не заискивать выраженій довѣрія, а говорить и дѣлать, что слѣдуетъ, серьезно, прямо, безъ искусственныхъ пріемовъ и всякаго битья на эффектъ. Лучшій разъяснитель крестьянамъ вашихъ намѣреній — факты. Принесутъ они довѣріе—хорошо, а если не принесутъ—надо и съ этимъ мириться, какъ съ неизбѣжностью. Игра же въ искусственные пріемы, кромѣ того, что заключаетъ въ себѣ противный элементъ фальши, большею частью не приводитъ и къ ближайшей цѣли, а нерѣдко разрѣшается даже очень скверными результатами. Наглядный примѣръ тому представило въ нашей губерніи, между прочимъ, то самое немировское дѣло, о неудачномъ опытѣ улаженія котораго дѣятелемъ Э. сказано было въ предъидущей главѣ. Тамъ передана дѣловая сущность этой исторіи, а здѣсь

Digitized by Google

приведу нѣкоторыя подробности, со словъ близко стоявшихъ къ дѣлу.

Э—ъ взялся уладить щекотливое для администраціи дѣло соглашеніемъ обѣихъ сторонъ, которое, разумѣется, было бы зачтено ему выдающимся служебнымъ отличіемъ. Но не въ мѣру погнавшись за этою цѣлью, онъ обратился къ игрѣ внѣшними эффектами и провалился. Встрѣтивъ миролюбное расположеніе къ дѣлу въ крестьянахъ одного мѣстечка Немирова, онъ вздумалъ сейчасъ же мусспровать это расположеніе, и тутъ затѣялся крестьянскій обѣдъ въ честь Э—а, ко дню его именинъ. Какъ устроивался этотъ обѣдъ—подробно не знаю, но ему неосмѣянно было придано черезчуръ знаменательное значеніе. Немедленно послана Безаку телеграмма, извѣщавшая, что Э—ъ, уладивъ немировское дѣло миролюбно, пьетъ за здоровье генералъ-губернатора на обѣдѣ, даннемъ ему крестьянами. Краткое выраженіе: „немировское дѣло", наводило на мысль, что рѣчь идетъ не объ одномъ только мѣстечкѣ, но и о всей округѣ селеній, входившихъ въ составъ немировскаго имѣнія. Однако мало показалось и обѣда съ телеграммою. Скороспѣлый умиротворитель задумалъ еще увѣковѣчить обѣденное торжество особеннымъ образомъ: заказавъ металлическіе жетоны, на одной сторонѣ которыхъ значилось его имя, а на другой — день праздника и названіе мѣстечка. Жетоны эти раздавались старшинамъ, старостамъ и другимъ крестьянамъ, какъ бы въ надеждѣ, что послѣдніе сохранятъ ихъ въ качествѣ драгоцѣннаго знака памяти о великомъ событіи и подвинутъ населеніе къ дальнѣйшимъ актамъ миролюбія. Но вышло какъ разъ обратное, и именно жетоны стали портить все дѣло.

Какъ только они были розданы, между крестьянами распространилось подозрѣніе, что эта диковинка имѣетъ символическое, недоброе значеніе. „На що онъ роздалъ тѣ гудзики (пуговочки),— пошла въ народѣ молва,—и что онѣ такое значатъ?"—Скоро появилось толкованіе, что „гудзики" признаются знакомъ крестьянскаго согласія на панскія желанія, и пріѣзжій начальникъ просто отуманилъ мужиковъ. Взялись крестьяне за розыски— кто смѣлъ принять зловредныя „гудзики",—а затѣмъ стали отбирать жетоны у получившихъ и немедленно истреблять. Чѣмъ дальше, тѣмъ толки становились неблагопріятнѣе, и возникло совсѣмъ враждебное отношеніе къ Э. Предложенія его стали встрѣчать упорный систематическій отказъ, и наконецъ появился слухъ, что онъ даже вовсе не начальникъ, а лицо, хитро подставленное панскою стороною подъ видомъ начальника. Подо-

Digitized by Google

зрительность, какъ разсказывалъ мнѣ потомъ Ушинскій, поддерживалась даже наружностью Э., человѣка малорослаго и горбатаго.

Сколько ни объяснялся онъ съ крестьянами—становилось очевидно, что никакого соглашенія уже не будетъ, а возраженія выходили все рѣзче и грубѣе. Волненіе разросталось. Э. горячился, пугалъ, и это подливало масла въ огонь. Враждебность выступала такъ открыто, что дошло до полнаго разрыва. При одномъ объясненіи,—по словамъ Ушинскаго,—толпа высказала, что лишь тогда повѣритъ, когда пріѣдетъ настоящій чиновникъ отъ Царя и объявитъ, что̀ именно крестьянамъ слѣдуетъ.

— Какъ вы смѣете мнѣ не вѣрить,—горячился Э.,—развѣ я самъ не отъ Царя?

Но на это толпа отвѣтила уже смѣхомъ.

— Хибà (развѣ) у Царя лучшаго не нашлось, щобъ онъ прислалъ намъ таку малпу (обезьяну)!..

Послѣ этого обидѣвшійся Э—ъ заявилъ уже требованіе о присылкѣ воинской силы для усмиренія, а затѣмъ быстро послѣдовала собственная его отставка и порученіе немировскаго дѣла Ушинскому. Такъ завершилась замысловатая попытка потуманить крестьянъ эффектами.

Въ заключеніе приведу изъ собственной моей практики примѣръ борьбы съ открытымъ крестьянскимъ противодѣйствіемъ, хотя и относящійся къ позднѣйшему времени, послѣ смерти Безака, когда наступили уже обратныя вѣянія, но по содержанію своему подходящій къ темѣ настоящей главы.

Было въ моемъ уѣздѣ имѣніе титулованной владѣлицы, по которому еще до повѣрочной эпохи, въ 1862 году, состоялся выкупной договоръ, крайне невыгодный для крестьянъ. Достаточно сказать, что по инвентарю крестьянскій полевой надѣлъ показанъ былъ въ 816 десятинъ, при введеніи уставной грамоты уменьшился до 768, а по договору выкуплено было только 440 десятинъ, т.-е. надѣлъ былъ уменьшенъ почти вдвое противъ должнаго. Грубо неправиленъ былъ этотъ договоръ и въ формальномъ отношеніи, такъ что ни съ какой стороны не выдерживалъ критики. Дѣло объ исправленіи этого договора начато было еще при Безакѣ. Мировой съѣздъ выяснилъ основательность крестьянскихъ претензій; Безакъ призналъ послѣднія правильными, предложивъ помѣщицѣ соотвѣтствующія уступки, но затѣмъ умеръ, а преемникъ его, кн. Дондуковъ-Корсаковъ, отнесся къ этому неоконченному дѣлу уже иначе. Помѣщица хлопотала въ Кіевѣ, и однажды получилъ я отъ кн. Дондукова ко-

Digitized by Google

роткое письмо такого содержанія. Владѣлица такого-то имѣнія, желая добровольно окончить дѣло съ крестьянами о выкупномъ договорѣ, изъявила согласіе подарить имъ 70 десятинъ земли; „принимая участіе“ въ ея положеніи, покорнѣйше прошу васъ оказать содѣйствіе миролюбному окончанію этого дѣла.

Личные мои переговоры съ помѣщицею не привели ни къ чему, такъ какъ она больше 70 десятинъ давать не хотѣла, импонируя только поддержкою генералъ-губернатора; а крестьянамъ недоставало слишкомъ 370 десятинъ, отказываться отъ которыхъ они не имѣли ни малѣйшаго желанія. Опять затянулась переписка. Генералъ-губернаторъ, при личныхъ объясненіяхъ со мною, самъ бранилъ помѣщицу за упрямство, отпуская на ея счетъ разные неудобные комплименты, однако ограничился тѣмъ, что, сверхъ 70 десятинъ, выторговалъ у нея лишь прибавку съ ея стороны обязательства вносить за крестьянъ ежегодно по 300 рублей выкупного платежа, — да на томъ и порѣшилъ. Тутъ помѣщица успѣла продать имѣніе, и развязка свалилась на новаго владѣльца. Въ сущности, здѣсь генералъ-губернаторъ превысилъ свою власть, такъ какъ законъ вовсе не предоставлялъ ему права самому рѣшать дѣла о договорахъ, и при несогласіи помѣщицы на удовлетвореніе признанныхъ уже его предмѣстникомъ крестьянскихъ претензій—онъ долженъ былъ представить выкупной договоръ къ уничтоженію, чрезъ министерство, въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Но соблюденіе предѣловъ власти въ эту пору уже сильно у насъ зашаталось. Мнѣ предстояло исполнить это обидное рѣшеніе.

Въ это время я уже покидалъ службу въ краѣ, но хотѣлъ покончить съ настоящимъ дѣломъ лично, хотя бы за нѣсколько дней до отъѣзда, чтобы, насколько можно, предотвратить непріятныя послѣдствія вѣроятнаго крестьянскаго сопротивленія, и не передавать дѣла своему преемнику, который еще неизвѣстно какъ бы отнесся къ нему. Дѣло въ томъ, что прирѣзка крестьянамъ 70 десятинъ соединялась съ формальнымъ отводомъ всего надѣла и установкою межевыхъ столбовъ, а это-то послѣднее обстоятельство и было самымъ щекотливымъ, такъ какъ къ столбамъ у крестьянъ вообще держалось какое-то суевѣрное отвращеніе. Гдѣ крестьяне не получали полнаго удовлетворенія, тамъ они считали свое дѣло еще непотеряннымъ до установки столбовъ, а въ появленіи послѣднихъ усматривали уже полный конецъ надеждамъ. Поэтому въ данномъ случаѣ крестьяне одновременно волновались и невозвратомъ всей слѣдовавшей имъ земли, и вопросомъ о столбахъ. Когда я предварительно послалъ

Digitized by Google

на мѣсто землемѣра для съемки отводимой земли, то онъ вернулся съ извѣстіемъ, что крестьяне рѣшительно отказываются отъ отвода, и объявили, что ставить столбовъ не дадутъ. Надо было мнѣ спѣшить на мѣсто, чтобы не дать волненію разростись.

Прибывъ рано утромъ въ волостное правленіе, я засталъ его уже окруженнымъ значительнымъ числомъ крестьянъ, а вблизи, у дымившейся кузницы, землемѣръ клеймилъ заготовленные столбы раскаленнымъ желѣзнымъ штемпелемъ, изображавшимъ форменный гербъ.

— Право, насъ кольями прогонятъ отсюда!—говорилъ онъ, дрожа отъ страха при видѣ возбужденныхъ крестьянскихъ лицъ.

Ставъ на крыльцѣ волостного правленія, я началъ разговоръ съ увеличивавшеюся толпою, рѣшась терпѣливо истощить всѣ способы убѣжденія. Положеніе было не легкое и даже двойственное. Нельзя было не сознавать, что въ существѣ дѣла крестьяне совершенно правы; но изъ участія къ нимъ же самимъ необходимо было такъ или иначе добиться ихъ подчиненія состоявшемуся рѣшенію, потому что если только мнѣ вернуться ни съ чѣмъ, отступивъ предъ крестьянскимъ противодѣйствіемъ, то волненіе разростется, дѣло дойдетъ до присылки военной команды и начнется экзекуція съ ея обычными послѣдствіями, какъ это и случилось около того же времени въ одномъ изъ селеній сосѣдняго уѣзда, гдѣ, при сходныхъ обстоятельствахъ, были и расправы, и разбѣганье изъ деревни на продолжительное время почти всего мужского населенія, и разореніе крестьянъ распущеннымъ солдатскимъ постоемъ. Приходилось соображать, что стоявшіе предо мною крестьяне еще не лишались возможности новыхъ жалобъ и ходатайствъ, и если по нимъ будетъ какой-нибудь успѣхъ, то, получивъ теперь 70 десятинъ, они могутъ потомъ получить и больше, тогда какъ если бросить „усмиреніе“ теперь, то, кромѣ перспективы экзекуціи, имъ, пожалуй, не достанутся и эти 70 десятинъ, потому что кіевскія и петербургскія вѣянія стали ужъ очень неблагопріятны. Съ другой стороны, долгій опытъ знакомства съ крестьянами ясно подсказывалъ, что поддаваться эффекту ихъ настояній нельзя, такъ какъ уступчивость вызываетъ въ раздраженной толпѣ новыя требованія, и это подливаетъ масла въ огонь. Чувствовалась необходимость поддерживать полный авторитетный тонъ и—что бы ни происходило въ душѣ—не обнаруживать ни малѣйшаго колебанія, а тѣмъ болѣе—страха.

Меня встрѣтилъ общій гулъ:

Digitized by Google

— Всѣмъ мы недовольны! Намъ не отдаютъ нашей земли! Сколько мы уже подавали прошеній, да намъ ничего не вышло! Всѣ присягнутъ, что эта земля—наша, нечего намъ больше ждать! Хоть всѣ пойдемъ въ Петербургъ, а столбовъ не будетъ!..—вопіяла толпа.

Добившись, по возможности, того, чтобы, вмѣсто общаго крика, каждый говорилъ отдѣльно, я сталъ спокойно, но твердо разъяснять, что и самъ хорошо знаю, какая земля имъ дѣйствительно принадлежала, что мировой съѣздъ и хлопоталъ о возвратѣ имъ всей этой земли, но тѣмъ не менѣе—разъ генералъ-губернаторъ назначилъ имъ только 70 десятинъ—надо этому подчиниться, потому что иначе ничего добраго не выйдетъ, такъ какъ не бывало еще примѣра, чтобы крестьянамъ удавалось отстоять что-нибудь силою. Но у крестьянъ накопилось столько мучительнаго, протестующаго чувства, что до какого-нибудь успокоенія было еще очень далеко, и возгласы слѣдовали за возгласами.

Тутъ всего больше требовалось терпѣнія, самообладанія и голосовыхъ средствъ. Когда вы обращаете къ мужику одну повелительность, приказываете ему молчать, мѣшаете ему выложить то, что у него на душѣ—это вызываетъ въ немъ только возмущеніе чувства, и онъ сильнѣе горячится. Напротивъ, если вы даете ему высказать все, что его мутитъ, если онъ видитъ, что вы вовсе не пренебрегаете его словами, и на каждый аргументъ отвѣчаете аргументомъ же—онъ, если и не получаетъ удовлетворенія, то все-же нѣсколько успокоивается и становится способнѣе понимать, что и вы дѣйствуете такъ или иначе не произвольно, а въ силу необходимости. Давно убѣдившись въ томъ, я рѣшился отвѣчать положительно каждому желающему, самъ вызывая—не имѣетъ ли кто сказать что-нибудь, чтобы не оставалось ничего недоговореннаго.

Этотъ пріемъ, постепенно смягчая остроту первой встрѣчи, значительно помогъ дѣлу, хотя на одни такія словесныя объясненія понадобилось затратить нѣсколько часовъ сплошь. Подошелъ священникъ звать меня къ себѣ обѣдать, долго слушалъ и, наконецъ, взмахнувъ руками, ушелъ, а послѣ говорилъ, что не видалъ еще такого терпѣнія. Но оно не осталось безъ результата: въ теченіе этихъ часовъ самъ собою совершился нравственный умѣряющій процессъ, и мнѣ уже начинало чувствоваться, что оппозиція будетъ только пассивная, хотя не безъ упорства. Ослабленію содѣйствовало, между прочимъ, то, что явился тутъ представитель помѣщичьей стороны съ какими-то

Digitized by Google

непомѣрными требованіями, и я ему внушительно отказывалъ. Когда матеріалъ для объясненій сталъ замѣтно истощаться—перевалило уже далеко за полдень.

Отдѣльные протестующіе возгласы еще продолжались. Двое закричали: „Когда такъ, то нехай же (пусть) заберутъ у насъ и всю прежнюю нашу землю, нехай подохнемъ съ голоду, нехай насъ въ Сибиръ заплютъ, нехай насъ пушками перестрѣляютъ!..“ и т. д.—Возгласы безсмысленные, но способные возбуждать толпу, и потому надо было ихъ прекратить.

— Что вздоръ говорить! — возвысилъ я голосъ. — Кабы у васъ въ самомъ дѣлѣ отобрали всю землю, развѣ вы не просили бы отдать ее назадъ! Разсказывайте про пушки и Сибирь малымъ дѣтямъ, а не мнѣ! — Записавъ, для вида, кричавшихъ, я велѣлъ старшинѣ и старостѣ немедленно отвести ихъ въ „холодную“, подъ эффектнымъ названіемъ которой разумѣлся сквозящій сарай въ маѣ мѣсяцѣ. Эта съ строгимъ видомъ принятая мѣра сейчасъ же вызвала очень своеобразный отвѣтъ: едва арестованныхъ увели—исчезла и часть стоявшей предо мною толпы; она протестовала тѣмъ, что засѣла въ тотъ же сарай подъ добровольный арестъ, демонстративно выражая желаніе дѣлить участь своихъ собратовъ. Къ этому я отнесся спокойно, сказавъ: —Хотятъ сидѣть—пусть сидятъ; можно дѣлать дѣло и безъ нихъ.

Столбы были уже готовы и надо было везти ихъ на мѣсто, но повозокъ нѣтъ. Я приказалъ привести нѣсколько, но на это изъ толпы откликнулись: — Нема у насъ подводъ! — Замѣтивъ одного изъ выкрикнувшихъ и чтобы не дать его протесту распространиться, я сейчасъ же подошелъ къ нему, спросилъ его имя у старшины, записалъ, для вида, на бумажку и, обратясь къ нему, сказалъ, возвысивъ голосъ:

— Это ты не даешь повозки? Такъ именно ты же приведешь свою собственную, я тебя записалъ, и теперь за повозку отвѣчаетъ не громада, а ты, Сидоръ Гончаръ! Ступай сейчасъ домой, и если черезъ четверть часа подводы не будетъ—*ты* виноватъ!

Мужикъ, почувствовавъ свою личную отвѣтственность, замялся и сталъ ссылаться на рѣшеніе громады, но я повторилъ ему, что отвѣчаетъ за подводу онъ самъ. Такъ поступилъ я еще съ тремя или четырьмя отдѣлывавшимися тѣми же отговорками, и, спустя нѣкоторое время, у меня были уже повозки, на которыя стали валить готовые столбы. Мужикъ бываетъ смѣлъ, дѣйствуя отъ имени толпы; но онъ гораздо робче при перспективѣ личнаго отвѣта, когда чувствуетъ себя „единицею“. Признаюсь,

Digitized by Google

что крайне непріятное ощущеніе пришлось испытывать, вводя такое разъединеніе, идя противъ чувства общей солидарности, но въ жуткую, рѣшительную минуту было не до красивости положенія, и всего болѣе чувствовался долгъ предъ самою задачею недопущенія до скверныхъ послѣдствій сопротивленія.

Но и съ подачею повозокъ крестьяне примирились не сразу. Едва я вошелъ на нѣсколько минутъ внутрь волостного правленія, какъ старшина вошелъ вслѣдъ за мною сказать, что крестьяне принялись угонять повозки уже со столбами, въ томъ соображеніи, что если столбы исчезнутъ, то нечего будетъ ставить, и дѣло разстроится само собою. Моментъ былъ еще рѣшительнѣе,—начатаго прерывать было нельзя. Вернувшись немедленно въ толпу, я взялъ подъ-уздцы лошадь угоняемой подводы, повоpотилъ ее обратно и, подозвавъ одного изъ крикуновъ, вручилъ ему поводъ лошади со внушеніемъ, что съ этой минуты онъ лично отвѣчаетъ за данную повозку. То же сдѣлалъ и съ другими, опять записавъ имена, и повозки больше не двинулись съ мѣста.

— Мы подавали прошенія, а какъ столбы поставятся, то не помогутъ уже и прошенія,—стали говорить крестьяне, выражая одинъ изъ существенныхъ мотивовъ своего поведенія.

— Ничего,—столбы прошеніямъ не повредятъ,—отвѣчалъ я.

Однако, все уже было переговорено, все приготовлено, пора было браться за дѣло. Громада, съ трудомъ уступая шагъ за шагомъ, какъ будто подчинялась отправкѣ столбовъ на межи, но удерживала протестующее положеніе, заявляя, что сама она не пойдетъ въ поле.

— Мнѣ всей громады и не нужно,—отвѣтилъ я,—возьму человѣкъ шесть, захвачу сторонніхъ—и поѣдемъ. А прочіе—какъ кто хочетъ.

Въ переднюю повозку сѣли старшина, староста и двое крестьянъ; середину поѣзда заняли повозки со столбами, чтобы нельзя было угнать ихъ съ пути, а въ заднюю—усѣлся я съ землемѣромъ, замыкая шествіе. Намѣченные нѣсколько крестьянъ должны были идти пѣшкомъ. Одинъ изъ наиболѣе кричавшихъ идти не хотѣлъ, отговариваясь уже тѣмъ, что у него ноги болятъ. — Ну, если не можешь идти пѣшкомъ,—сказалъ я ему,—садись ко мнѣ въ повозку, поѣдешь рядомъ со мною.—Мужикъ было-замялся,—однако, сѣлъ. Къ себѣ же я помѣстилъ еще и другого протестанта.

Поѣздъ нашъ тронулся шагомъ, выѣхалъ изъ селенія, а межа была очень близко. Доѣхали до перваго пункта, гдѣ слѣдовало поставить столбъ, и я скомандовалъ: — Теперь, возьмемте

Digitized by Google

заступы и будемъ копать яму! — Черезъ нѣсколько минутъ она была уже выкопана, и въ нее погрузили первый столбъ. Это была самая торжественная минута „усмиренія“: сопротивленія уже нѣтъ, опасность бунта исчезла! За первымъ столбомъ пошли—второй и третій... Работа шла тихо. Нехотѣвшіе-было идти на межу стали подходить по два, по три, и скоро на полѣ собралась цѣлая толпа. Наши разговоры становились все мирнѣе, мягче. Время, ходьба, общая работа, высказанность всего, лежавшаго на душѣ, видимо успокоивали раздраженіе. Когда часть столбовъ была уже водружена, толпа, во время передышки, окруживъ меня, задала вопросъ:

— А можно намъ еще подавать прошенія?

— Можно; никому не запрещается просить.

— А какъ что-нибудь выйдетъ на наши прошенія,—не помѣшаютъ эти столбы?

— Ровно ничего. Если дѣло повернется въ вашу пользу, то земля отведется вамъ по-новому, и столбы переставятъ на другія мѣста. А пока ничего нѣтъ—Боже васъ сохрани трогать столбы, потому что за это большая отвѣтственность назначена.

— Да что жъ... нехай сéбѣ стоятъ... мы зачепать ихъ не будемъ...

— И не зачепайте. Лучше дѣлать по-умному, не будоражиться безъ толку...

Я не оставилъ мѣста до конца работы, и лишь около захода солнца отправился обѣдать и ночевать къ священнику.

На другой день, очень рано утромъ, только-что мы съ священникомъ взялись за стаканы чаю, толпа собралась у священническаго дома и прислала звать меня для объясненій. Я сперва отвѣтилъ, что часа черезъ два буду въ волостномъ правленіи и тамъ готовъ разговаривать; но толпа прислала вторично сказать, что желаетъ говорить со мною именно здѣсь, такъ какъ въ правленіи можетъ встрѣтиться представитель помѣщичьей стороны, а она хочетъ посовѣтоваться со мною интимно. Признакъ—уже добрый!—Вопросы крестьянъ состояли въ томъ, куда и какъ имъ можно жаловаться. Я далъ надлежащія разъясненія, и толпа ушла къ правленію.

Въ тотъ же день объявилъ я протоколъ отвода крестьянамъ и представителю помѣщичьей стороны. Послѣдній заявилъ неудовольствіе, крѣпко спорилъ; но крестьяне отнеслись къ дѣлу уже совершенно спокойно. Видно, за ночь много передумали. Когда, оставшись съ ними одними, я собирался уже уѣзжать,

Digitized by Google

они принялись объясняться по поводу своего вчерашняго поведенія, оправдывая его тѣмъ, что ужъ очень имъ наболѣло неудовлетвореніе правильныхъ земельныхъ претензій; а въ заключеніе попросили освобожденія посаженныхъ вчера въ „холодную“.

— А они еще тамъ сидятъ? Пусть идутъ, куда хотятъ,—отвѣтилъ я,—мнѣ не нужно ихъ карать. Главное теперь—вы держите себя спокойно. Покричалъ и я на васъ вчера довольно, а сами подумайте, можно ли было иначе? Что было бы, еслибъ вы не одумались? Вѣдь еслибъ я послушалъ васъ да вернулся домой ни съ чѣмъ—этимъ бы не кончилось. Тогда уже не я бы къ вамъ пріѣхалъ, а ввели бы въ село военную команду, и сами знаете, что бы тогда было,—а столбы все-таки поставили бы. Не лучше ли теперь? Я не хотѣлъ бы на васъ кричать, да что съ вами подѣлаешь! Двое-трое бухнутъ неподходящее, а вы, чѣмъ бы сдержать ихъ умнымъ словомъ,—за ними же тянете. Ну, да что прошло, то прошло, впередъ только обдумывайте, что изъ чего можетъ выйти.

Разстались мы наилучшимъ образомъ. Толпа проводила меня за околицу, слѣдуя за плетущеюся шагомъ моею повозкою и выражая добрыя пожеланія.

Можетъ быть, этотъ исходъ былъ дѣломъ случая, и при болѣе рѣшительномъ сопротивленіи кончилось бы хуже, но изъ всего испытаннаго я не могъ не вынести убѣжденія, что при достаточной мѣрѣ терпѣнія и внимательности къ крестьянскимъ свойствамъ, нуждамъ и недоумѣніямъ бо́льшая часть случавшихся усмиреній силою могла бы быть во-время предотвращена. Вѣдь и въ разсказанной исторіи ка́къ немногаго недоставало, чтобы она разгорѣлась до очень скверныхъ послѣдствій!

IV.

Заключеніе четырехлѣтія.

Въ исходѣ 1866 года повѣрочныя дѣйствія близились къ концу уже почти вездѣ, при еще большемъ напряженіи работъ. Выкупные акты составлялись и разсматривались массами, и какъ прежде губернское присутствіе строго критиковало ихъ, такъ теперь торопилось утверждать, не особенно приглядываясь къ неважнымъ прорѣхамъ. Въ одно засѣданіе пропускалось ихъ десятка по два и больше. Утвержденія выходили почти всегда единогласными; а такъ какъ жалобы на акты допускались по

Digitized by Google

закону только въ случаѣ разногласія, то этимъ самымъ устранялся всякій поводъ къ перенесенію дѣлъ въ министерство, и по существу все рѣшалось не дальше Кіева. Затѣмъ выкупному учрежденію оставалось только назначать выкупныя ссуды. Дѣло быстро подвигалось впередъ, хотя вслѣдствіе той же спѣшности неизбѣжны бывали промахи.

Все это время установившаяся охрана крестьянскихъ интересовъ выдерживалась послѣдовательно, какъ бы даже возростая въ своей силѣ. Добавки надѣловъ были почти вездѣ, пониженія платежей назначались значительныя и выходили тѣмъ больше, чѣмъ позднѣе совершались акты. Къ такому ходу дѣла всѣ уже привыкали, и только разъ появилась-было у помѣщиковъ серьезная надежда на новую реакцію въ пользу ихъ интересовъ.

Это было послѣ Каракозовскаго покушенія, когда объявленъ былъ извѣстный рескриптъ 13 мая 1866 года на имя предсѣдателя комитета министровъ, кн. Гагарина. Въ этомъ рескриптѣ, между прочимъ, было заявлено объ участіи нѣкоторыхъ состоявшихъ на государственной службѣ лицъ въ распространеніи вредныхъ ученій и указывалось на необходимость противодѣйствовать возбужденію вражды между сословіями, особенно — противъ землевладѣльцевъ, а также—охранять „право собственности во всѣхъ видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19 февраля". Вслѣдъ за рескриптомъ появился и развивавшій его указанія циркуляръ министра Валуева, который особенно старался поставить въ связь печальное событіе съ вопросомъ о примѣненіи „Крестьянскихъ Положеній". Высказываясь противъ пристрастій въ крестьянскомъ дѣлѣ, циркуляръ этотъ замѣчалъ, что „законъ равно обязателенъ для обѣихъ прикосновенныхъ сторонъ, и власть, его примѣняющая, не въ правѣ наклонять его въ пользу той или другой стороны и быть щедрою для одной изъ нихъ на счетъ стороны противной".—Впечатлѣніе обоихъ этихъ актовъ было велико, и хотя точный текстъ ихъ одинаково требовалъ охраны интересовъ помѣщиковъ и крестьянъ, но среди возбужденныхъ помѣщиковъ юго-западнаго края означенные акты вызвали усиленное чтеніе между строкъ и очень широкія толкованія. Напоминанія о соблюденіи „Положеній 19 февраля" нѣкоторыми были поняты въ томъ смыслѣ, что правила, изданныя послѣ 19 февраля, уже теряютъ силу, а вредныя ученія пріурочивались къ нашимъ повѣрочнымъ работамъ.

Помню, какъ однажды, вскорѣ послѣ опубликованія этихъ актовъ, встрѣтился я съ помѣщикомъ изъ очень недовольныхъ, и онъ съ хитрою улыбкою сталъ разспрашивать меня, когда

Digitized by Google

ожидается пріѣздъ генералъ-губернатора? Отвѣтивъ, что знаю о томъ, я прибавилъ вопросъ:

— Отчего это васъ интересуетъ, когда ваше дѣло, помнится, совсѣмъ закончено?

— Интересно будетъ послушать, какъ онъ станетъ предъ нами извиняться,— отвѣчалъ мой собесѣдникъ.

— Въ чемъ извиняться?

— А въ томъ, какъ велось у насъ крестьянское дѣло. Теперь, послѣ рескрипта, все уже пойдетъ иначе, и Безаку не легко будетъ выпутываться изъ того, что онъ надѣлалъ.

Собесѣдникъ мой далеко не былъ исключеніемъ. Такъ думали многіе, возлагая большія надежды на помощь предполагавшагося новаго политическаго мотива. Однако Безакъ, не дѣлая никакихъ декларацій, самымъ образомъ дѣйствій и отрывочными замѣчаніями ясно давалъ понять, что подвергавшіяся толкованіямъ слова рескрипта и циркуляра нисколько не требуютъ измѣненія нашихъ повѣрочныхъ дѣйствій, которыя должны идти такъ же, какъ прежде шли. Отголоскомъ возникшихъ надеждъ осталось лишь то, что въ составъ большинства жалобъ на выкупные акты вошли и ссылки на рескриптъ 13 мая.

Несмотря, однако, на всѣ административныя работы, въ началѣ 1867 года недодѣлки еще оставались, и хотя въ общей массѣ дѣла онѣ были невелики, но, сосредоточиваясь въ немногихъ уѣздахъ, представляли собственно въ нихъ немалую работу, плохо поддававшуюся усиліямъ неумѣлыхъ съѣздовъ. У насъ было два-три такихъ уѣзда, а въ Волыни, которая прежде обгоняла нашу губернію, дѣло затормазилось даже сильнѣе. Тогда какъ, вслѣдствіе завершенія главной массы работъ, уже закрыты были повѣрочныя отдѣленія мировыхъ съѣздовъ и произведено было сокращеніе числа мировыхъ участковъ, съ удаленіемъ посредниковъ поплоше, — въ отсталые уѣзды то-и-дѣло командировались члены губернскаго присутствія для руководства и ускоренія. Вновь мѣнялся тамъ и личный составъ. Ольгопольскій съѣздъ за Безаковское время три раза подвергался обновленію. Сверхъ общихъ недодѣлокъ, почти въ каждомъ уѣздѣ встрѣчались отдѣльныя дѣла, осложнившіяся какими-либо исключительными причинами и оттого передвигавшіяся изъ уѣздовъ въ губернію и Кіевъ и обратно.

Окончательныя утвержденія актовъ главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ, являвшіяся прежде лишь спорадическими примѣрами, съ 1867 года приняли уже массовой характеръ, и вотъ когда стали широко пожинаться дѣйствительные плоды всѣхъ

Digitized by Google

предшествовавшихъ дѣйствій, заботъ, борьбы и разрѣшенія возбуждавшихся вопросовъ. Крестьянство дождалось наконецъ фактическаго возврата инвентарныхъ земель и уменьшенія платежей. Мировыя учрежденія въ это время постоянно занимались передачею крестьянамъ означенныхъ земель, съ возстановленіемъ старыхъ границъ, а также сносились съ уѣздными судами и гражданскою палатою о выдачѣ крестьянамъ „данныхъ“ на владѣніе выкупленною земельною собственностью. Уменьшеніе платежей зачиталось съ 1 сентября 1863 года, а такъ какъ крестьяне до утвержденія актовъ вносили ихъ въ прежнемъ размѣрѣ, то образовались значительныя переплаты, которыя зачислялись въ будущіе сроки. Гдѣ пониженіе утверждалось большое, тамъ крестьяне на два или три года, а иногда даже дальше, совсѣмъ освобождались отъ платежа. Этимъ разрѣшался и мучительный вопросъ о недоимкахъ, гдѣ онѣ были, такъ какъ послѣднія съ избыткомъ покрывались зачетомъ переплатъ.

Словомъ, для населенія наступила пора очень чувствительной передышки послѣ долгаго напряженнаго состоянія и сомнѣній въ обѣщанныхъ улучшеніяхъ. Оно увидѣло обращеніе словъ въ осязательные факты. И въ общемъ нельзя было не отдать справедливости крестьянскому терпѣнію, напоминавшему такую же выдержку въ періодъ ожиданія „воли“, т.-е. предъ 1861 годомъ. Тогда какъ противники новаго устройства крестьянъ силились приписать повѣрочнымъ работамъ возбуждающее дѣйствіе на населеніе, въ смыслѣ вызова бунтовъ, самовольныхъ земельныхъ захватовъ и неповиновенія властямъ—именно это-то время отличалось наибольшимъ спокойствіемъ въ деревняхъ, рѣзко оттѣнялось тѣмъ отъ предъидущей и послѣдующей эпохъ. Объ усмиреніяхъ и экзекуціяхъ стали забывать. Случайныя волненія если и бывали, то такія рѣдкія, единичныя, что ихъ почти не было замѣтно, да и тѣ возникали отъ какихъ-либо исключительныхъ причинъ, не ведя притомъ къ большимъ послѣдствіямъ. Кромѣ переданной прежде „немировской исторіи“, могу припомнить за Безаковское время разсказы только объ одномъ или двухъ случаяхъ сопротивленіи въ ольгопольскомъ уѣздѣ, при постановкѣ межевыхъ столбовъ, да о четырехъ случаяхъ въ кіевской губерніи (въ томъ числѣ въ имѣніяхъ гр. Бобринскаго), которые все-таки кончились благополучнѣе, чѣмъ кончались подобные примѣры прежде. Вообще, съ полученіемъ серьезной надежды на улучшеніе своего состоянія, крестьяне въ общей массѣ, даже и при неудовольствіяхъ, вели себя осторожнѣе прежняго, терпѣливо выжидая окончательныхъ результатовъ.

Digitized by Google

За окончаніемъ главной массы повѣрочныхъ работъ, объѣздъ края Безакомъ въ 1867 году былъ посвященъ уже преимущественно другой сторонѣ дѣла—состоянію крестьянскаго управленія и знакомству съ экономическимъ положеніемъ населенія. Мировыми учрежденіями произведена была повсемѣстная ревизія волостей. Собранъ былъ повсюду обширный статистическій матеріалъ, касающійся сельской администраціи и хозяйственнаго быта каждой отдѣльной деревни, который группировался по уѣздамъ и губерніямъ. Ко дню пріѣзда Безака въ тотъ или другой уѣздъ, крестьянское волостное и сельское начальство нѣсколькихъ волостей являлось къ нему съ волостными книгами и подвергалось разспросамъ и указаніямъ. Безакъ самъ просматривалъ книги мірскихъ приговоровъ и крестьянскихъ сдѣлокъ, читалъ рѣшенія волостныхъ судовъ, и по этому поводу происходили сужденія о способахъ улучшенія дѣла. Крестьянамъ онъ лично внушалъ, что, получивъ удовлетвореніе своихъ законныхъ претензій, они должны строго соблюдать чужія права, воздерживаясь отъ всякаго ихъ нарушенія, и искать улучшенія своего быта въ собственномъ трудѣ, хозяйственности, а также—въ обученіи своихъ дѣтей.

Однако на посвѣтлѣвшемъ фонѣ крестьянскаго міра крупнымъ темнымъ пятномъ оставалось положеніе тѣхъ селеній, которыхъ коснулись не разъ упоминавшіеся прежде выкупные договоры и выкупы по требованію одной помѣщичьей стороны, совершенные до повѣрочной эпохи, т.-е. въ періодъ 1861—1863 годовъ. Какъ уже было разсказано, исправленіе этихъ выкуповъ составляло большую и сложную задачу, по причинѣ непослѣдовательности закона, отнесшагося къ нимъ совсѣмъ не такъ, какъ къ устройству главной массы сельскаго населенія. Въ сущности, этими выкупами крестьянскія права и выгоды нарушались вовсе не меньше, а часто даже гораздо больше, чѣмъ многими уставными грамотами, потому что при нихъ сильно сокращались надѣлы и преувеличивались повинности. При томъ же и число этихъ выкуповъ было значительно. Въ подольской губерніи ихъ было 226 (т.-е. они коснулись болѣе чѣмъ десятой части крестьянскаго населенія), въ кіевской—165, а въ волынской—46. Но законъ 1863 года, не взвѣсивъ сущности дѣла, отнесся къ состоявшемуся „выкупу“ какъ къ чему-то болѣе священному, нежели уставная грамота, и сначала оставилъ-было всѣ выкупы въ полной силѣ, а впослѣдствіи,—когда кіевская временная коммиссія подняла вопросъ объ ихъ выдающихся неправильностяхъ,—дѣло разрѣшилось изданіемъ 28-го апрѣля 1865 года такихъ

Digitized by Google

сложныхъ правилъ, которыя совсѣмъ парализовали ходъ исправленія ихъ.

По этому закону, порядокъ разбора жалобъ на выкупы 1861—1863 годовъ установленъ былъ такой: мировой съѣздъ, не приступая къ обычному разбирательству, собираетъ свѣдѣнія о формальныхъ нарушеніяхъ при совершеніи выкупа, а также о существѣ понесенныхъ крестьянами потерь, и сообщаетъ свой отзывъ губернскому присутствію, которое съ своимъ заключеніемъ представляетъ дѣло на усмотрѣніе генералъ-губернатора; затѣмъ, если послѣдній признаетъ выкупъ неправильнымъ, а крестьянскія претензіи основательными, то сначала предлагаетъ помѣщику добровольно удовлетворить крестьянъ и, лишь въ случаѣ его отказа, испрашиваетъ, чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, разрѣшеніе главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія на уничтоженіе выкупа съ производствомъ повѣрки уставной грамоты на общемъ основаніи. Главными неудобствами такого порядка представлялись, во-первыхъ, большая потеря времени, а во-вторыхъ—необходимость проводить каждое отдѣльное дѣло, при отсутствіи помѣщичьяго согласія, черезъ двѣ петербургскія инстанціи, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, отъ одной мало ожидалось благопріятнаго отношенія къ дѣлу. Такъ какъ на повсемѣстное помѣщичье согласіе разсчитывать было нельзя, да и при расположеніи къ нему предвидѣлась необходимость торговаться и дѣлать уступки въ интересахъ ускоренія, то въ большинствѣ случаевъ на мѣстную переписку и проведеніе дѣла черезъ Петербургъ должны были требоваться годы, и уже по истеченіи ихъ дѣло могло приходить лишь къ тому моменту, съ какого въ невыкупленныхъ имѣніяхъ оно начиналось сразу. Такой порядокъ лишалъ значенія всю энергію и участіе мѣстной власти, какъ бы велики они ни были, потому что сколько бы ни горячились начинать дѣла—послѣднимъ предстояло вдоволь натормазиться при дальнѣйшихъ мытарствахъ. Къ тому же, въ концѣ Безаковскаго управленія помѣщики стали сильнѣе разсчитывать на министерство и вообще на новыя вѣянія, отчего ихъ склонность къ уступкамъ уменьшилась. И въ результатѣ вышло такое положеніе, что нерѣдко изъ двухъ сосѣднихъ селеній одно, не выкупившееся раньше, скоро получало полное удовлетвореніе, а другое—выкупившееся—оставлялось на неопредѣленный срокъ при самыхъ неясныхъ ожиданіяхъ, и примѣръ его отбивалъ у крестьянъ охоту ко всякимъ соглашеніямъ, требовавшимъ формальныхъ сдѣлокъ и обоюдныхъ подписей. Оттого, хотя къ концу Безаковскаго управленія начата была и масса

Digitized by Google

дѣлъ по исправленію старыхъ выкуповъ, но, при задержкѣ исхода, совокупность такихъ дѣлъ представляла положительно темное пятно. Отъ главнаго комитета ожидалось участливое отношеніе къ исправленію, но министерство считало себя въ правѣ, при разномысліи съ генералъ-губернаторомъ, не ограничиваться заявленіемъ различія мнѣній, а просто не доводить дѣла до главнаго комитета. Положеніе вообще принимало такой видъ, какъ будто здѣсь одна правительственная рука мѣшала усиліямъ другой.

Для нагляднаго представленія, какъ эти условія отражались на практикѣ, могу привести ходъ дѣла въ моемъ уѣздѣ. Тамъ было 19 выкуповъ періода 1861—1863 годовъ. Изъ нихъ по четыремъ помѣщики сразу согласились на исправленіе, требовавшее въ трехъ случаяхъ значительнаго пониженія платежей, а въ остальномъ, кромѣ того, и возврата четвертой части земельнаго надѣла. Далѣе, въ одномъ имѣніи исходъ дѣла облегчился тѣмъ, что оно перешло въ казенныя руки и вѣдомство государственныхъ имуществъ не противилось исправленію, и въ одномъ же крестьяне на земельныя обиды не жаловались. Что же касается прочихъ, то хотя Безакъ большею частью успѣлъ признать правильность крестьянскихъ претензій и предложить помѣщикамъ удовлетворить ихъ, но помѣщики или торговались, или молчали, выжидая для себя болѣе благопріятныхъ временъ. Такъ дѣло осталось на полу-пути до смерти Безака, и участь его попала въ зависимость уже отъ послѣдующихъ вѣяній. Для иныхъ селеній исходъ затянулся на долгіе годы, а для другихъ разрѣшался кое-какъ, съ чувствительными урѣзками. Общая система осталась невыдержанною, словомъ—непослѣдовательность закона обрекла значительную часть населенія быть неблагопріятнымъ исключеніемъ.

Вообще, съ 1867 года положеніе наступило болѣе спокойное, но съ образованіемъ сравнительнаго досуга дѣятельная инициатива Безака, опиравшагося на способныхъ помощниковъ, нашла себѣ примѣненіе въ другихъ мѣстныхъ вопросахъ. Достаточно поверхностнаго взгляда на сущность послѣднихъ, чтобы понять, насколько они были серьезны для населенія.

Поднятъ былъ крупный вопросъ о преобразованіи въ краѣ владѣльческихъ городовъ и мѣстечекъ. Первыхъ въ краѣ восемь [1]), а послѣднихъ—болѣе трехсотъ, и положеніе ихъ являлось разстроеннымъ наслѣдіемъ временъ еще польскаго влады-

[1]) Бердичевъ, Липовецъ, Ямполь, Староконстантиновъ, Острогъ, Дубно, Ровно и Ковель.

Digitized by Google

чества. Поселенія эти—городскія, торгово-промышленнаго характера, но они состоятъ въ частномъ владѣніи, причемъ масса жителей обязывается платить владѣльцамъ „чиншъ", не будучи полными собственниками своихъ домовъ; въ иныхъ же владѣльцы взимали еще разные торговые сборы: съ тѣхъ или другихъ предметовъ продажи, за проѣздъ и т. д. Запутанность отношеній, съ одной стороны, дѣлала необезпеченнымъ положеніе каждаго домовладѣльца, а съ другой—порождала безконечныя тяжбы и чуть не ежедневные споры то по поводу неисправной уплаты „чинша", то изъ-за пользованія водою, изъ-за новыхъ построекъ и т. под. Отношенія сторонъ въ мѣстечкахъ доходили иногда до крайней степени раздраженія. Производились часто полицейскія взысканія, описи обывательскихъ имуществъ, заявлялись требованія выселеній. Когда Безакъ, стремясь къ улучшенію состоянія этихъ поселеній, поручилъ собираніе свѣдѣній о нихъ предсѣдателямъ мировыхъ съѣздовъ, то надежды возникли и у населявшихъ мѣстечки евреевъ, которые, давая требуемыя объясненія, высказывали, что и они ждутъ себѣ „счастія", въ видѣ упроченія своего владѣнія съ огражденіемъ отъ притязательности владѣльцевъ. Было основаніе ожидать и для нихъ допущенія выкупа жилищъ. Собранъ былъ и разработывался Ворониным обширный матеріалъ, но... за смертью Безака окончательное мнѣніе его объ основаніяхъ реформы осталось невысказаннымъ, все остановилось, и вопросъ о владѣльческихъ городахъ и мѣстечкахъ пребываетъ въ прежнемъ положеніи до нынѣшняго дня. Не отыскивается былой иниціативы.

Отмѣнены были обязательныя повинности крестьянъ по обработкѣ земельныхъ участковъ духовенства, съ замѣною ихъ общимъ поземельнымъ налогомъ. Возбуждался даже вопросъ объ уравненіи лежавшихъ на податномъ населеніи натуральныхъ повинностей, которыя до сихъ поръ давятъ крестьянство своею отяготительностью, неравенствомъ и сословнымъ характеромъ, ожидая улучшенія лишь отъ земскаго преобразованія.

Большимъ вопросомъ было положеніе составлявшей значительную часть сельскаго населенія бывшей „шляхты". Въ давнее время, эти люди считали себя дворянами, но въ Бибиковскую эпоху права ихъ подверглись пересмотру, и вся масса забракованныхъ шляхтичей сразу обращена была въ податное сословіе западныхъ однодворцевъ. Въ бытовомъ отношеніи—по занятіямъ, образу жизни и даже по внѣшнему виду—эти люди совершенно уподоблялись крестьянамъ; они были чистые земледѣльцы и пользовались земельными участками равной величины съ крестьян-

Digitized by Google

скими, даже расположенными вперемежку съ послѣдними, но не были ограждены отъ сгона съ земли. За свое пользованіе они платили помѣщикамъ „чиншъ“, иногда мѣнявшійся въ размѣрѣ по помѣщичьему усмотрѣнію, и отбывали натуральныя повинности, какими помѣщики особенно стали донимать ихъ, когда лишились крѣпостного труда. Всего чувствительнѣе была имъ поставка подводъ для перевозокъ. Численность однодворцевъ въ краѣ составляла около 150 тысячъ мужскихъ душъ (точной цифры у меня подъ рукою нѣтъ), причемъ часть ихъ составляли католики, а большинство—православные. Вопросъ о преобразованіи однодворческаго сословія былъ поднятъ законодательно, но такъ какъ, съ удаленіемъ отъ эпохи 1861 года, сельскія реформы разрѣшались все съ бо́льшими отступленіями отъ общихъ началъ „Крестьянскихъ Положеній“, то при рѣшеніи однодворческаго вопроса въ 1868 году земельные участки были укрѣплены только за тѣми, которые проживали въ казенныхъ селеніяхъ, а въ частныхъ имѣніяхъ (гдѣ ихъ было не менѣе 100 тысячъ мужскихъ душъ) однодворцы оставлены были „свободными съемщиками земель по договорамъ“, т.-е. въ полной зависимости отъ случайныхъ соглашеній. Ихъ только причислили къ волостямъ и переименовали въ „крестьяне“, съ распространеніемъ на нихъ и крестьянскихъ повинностей,—а это, вмѣсто улучшенія, принесло имъ ухудшеніе, такъ какъ, оставшись въ положеніи случайныхъ арендаторовъ, они обязывались платить въ казну, вмѣсто прежней „подымной“—крестьянскую „подушную“, т.-е. бо́льшую подать. У помѣщиковъ же, сейчасъ послѣ изданія закона, явилась тенденція сгонять однодворцевъ съ наслѣдственныхъ усадебъ и др. земель или назначать новыя набавки чинша. Въ виду такого положенія, Безакъ, въ послѣдній годъ своего управленія, выхлопоталъ отводъ въ сѣверной части таврической губерніи значительной площади казенной земли, куда однодворцы и устремились въ значительномъ числѣ, образовавъ тамъ новыя селенія. Однако этимъ опытомъ и заключилась попечительность о нихъ. Не переселившіеся же стали подвергаться на родинѣ извѣстной системѣ „очищенія помѣстій“, сопровождавшейся сопротивленіями, усмиреніями и уголовными процессами, словомъ—образовалась новая масса сельскаго пролетаріата, да увеличилось населеніе тюремъ. Впослѣдствіи, по нѣкоторымъ частнымъ случаямъ сгона, дошедшимъ до сената, выяснилось, что у этихъ людей былъ особый источникъ права, такъ называемое чиншевое право, и это возбудило новый законодательный вопросъ, но онъ разрѣшился лишь восемнадцать лѣтъ

Digitized by Google

спустя, когда значительная масса была уже согнана съ мѣстъ. Установленный же порядокъ разбора чиншевыхъ дѣлъ вышелъ такимъ сложнымъ, что дѣло затянулось опять надолго, и трудно сказать, вполнѣ ли закончено даже теперь.

Между тѣмъ какъ шло описанное выше, въ Петербургѣ замѣтно усиливались вѣянія, противныя установившемуся въ краѣ направленію, и опять почувствовалось вліяніе той роковой связи судебъ крестьянскаго дѣла съ политическими мотивами, которая сказывалась въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Въ этихъ судьбахъ слишкомъ многое зависѣло отъ того—„полякъ“ ли заслонялъ „помѣщика“ въ данное время, или, наоборотъ, помѣщикъ—полика. Охрана крестьянскихъ интересовъ въ описываемую эпоху допускалась свыше—подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій 1863 года, вызвавшихъ раздраженіе противъ поляка, и упомянутые интересы получали удовлетвореніе не столько во вниманіи къ нимъ самимъ, сколько въ видахъ противодѣйствія полаку. Но къ концу шестидесятыхъ годовъ впечатлѣнія 1863 года стали слабѣть и, неразрывно съ тѣмъ, во вліятельныхъ сферахъ быстро поднимались фонды крупнаго землевладѣнія за счетъ крестьянскихъ.

Въ сущности эта односторонняя тенденція вовсе и не прерывалась. Въ Петербургѣ, въ высшихъ служебныхъ сферахъ и въ нѣкоторой части общества постоянно существовала вѣская партія сторонниковъ реакціи крестьянской реформѣ, только не всегда одинакова была ея сила. Проводя свои виды въ отношеніи ко всѣмъ мѣстностямъ, эта партія дѣятельно интересовалась и западнымъ краемъ, гдѣ многое шло несогласно съ ея симпатіями, причемъ къ ней примыкали и вліятельные представители юго-западнаго землевладѣнія. Партія эта имѣла своимъ органомъ газету „Вѣсть“, которая неустанно травила и работниковъ крестьянскаго дѣла, и все Безаковское управленіе, встрѣчая, однако, столь же неутомимый отпоръ въ газетѣ „Кіевлянинъ“, профессора Шульгина, бывшаго убѣжденнымъ и горячимъ приверженцемъ той системы дѣйствій, которая въ краѣ пріобрѣла силу въ Безаковское время. „Вѣсть“ поддерживалась средствами партіи, а на подкрѣпленіе имъ шли субсидіи недовольныхъ юго-западнаго края, выражавшіяся въ томъ, что нерѣдко одинъ состоятельный помѣщикъ подписывался на много экземпляровъ газеты. Тонъ „Вѣсти“ являлся чуткимъ барометромъ противо-крестьянскихъ вѣяній и шансовъ успѣха партіи. Газета раздувала вопросы о помѣщичьемъ разореніи, о баловствѣ и развращеніи мужика, пользуясь преувеличенными и искаженными фактами,

Digitized by Google

сообщаемыми ея мѣстными корреспондентами изъ недовольныхъ. „Кіевлянинъ“ же опровергалъ такія сообщенія точными данными, и эта печатная борьба представляла своего рода интересное политическое явленіе времени. По ходу этой борьбы можно было въ извѣстной степени слѣдить за теченіемъ преобладавшихъ и слабѣвшихъ вліяній. Разумѣется, партія дѣйствовала и другими, менѣе видными способами, но въ первое время Безаковскаго управленія, при остротѣ анти-польскихъ тенденцій, она не имѣла достаточной силы для противодѣйствія. Фонды ея поднимались съ ослабленіемъ означенной остроты, когда помѣщикъ чаще сталъ выглядывать изъ-за полька, и къ послѣднему году Безака эти фонды успѣли уже подняться очень высоко. Надо еще напомнить, что въ данное время реакціонныя стремленія усиливались у насъ вообще, доходя до того, что открыто и съ апломбомъ выдвигались такіе идеалы, какъ поддержка развитія крупныхъ хозяйствъ посредствомъ обращенія возможно бо́льшей части крестьянства въ бездомныхъ батраковъ.

Агитація противъ дѣйствовавшей въ краѣ системы и лично противъ Безака становилась все громче. Съ 1868 года, на помощь „Вѣсти“ поспѣлъ еще другой о́рганъ того же духа—газета „Новое Время“ Киркора и Юматова. Недовольные крестьянскою реформою ободрялись печатными увѣреніями, что часъ серьезной реакціи уже близокъ, что „обстоятельства рѣшительно складываются въ ихъ пользу“, что Безаку остается править очень недолго, такъ какъ противъ него идетъ большая сила, а затѣмъ скоро все пойдетъ на новый ладъ. Наконецъ, знаменательное предостереженіе юго-западному краю выразилось въ рѣзко-характерной перемѣнѣ управленія сѣверо-западнымъ краемъ, куда назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Потаповъ, ставившій себѣ относительно крестьянскаго дѣла прямою задачею—идти наперекоръ дѣйствіямъ своихъ предшественниковъ. Муравьевъ и Кауфманъ противодѣйствовали крупнымъ землевладѣльцамъ изъ политическихъ видовъ, а Потаповъ сталъ круто гнуть въ противоположную сторону по крѣпостническимъ симпатіямъ, давя интересы крестьянъ, и послѣднимъ—всего два года назадъ находившимъ начальственную поддержу—вдругъ пришлось очень плохо. Непослѣдовательность бро́салась въ глаза, но—„такъ наша печь печетъ“!

Въ юго-западномъ краѣ 1868 годъ хотя и проходилъ какъ будто по прежнему, но приближеніе перелома чувствовалось въ воздухѣ. Безакъ по наружности держался усвоенной системы, но смущающіе петербургскіе вѣтры не оставались безъ вліянія

Digitized by Google

на него. Стали проявляться въ немъ нерѣшительность и доходившая до мнительности осторожность, усиливались опасенія раздражать недовольныхъ. Въ этомъ могло, впрочемъ, сказываться и вліяніе подкрадывавшейся къ старику роковой болѣзни. Иные уже задавались вопросомъ—устоитъ ли Безакъ въ своемъ образѣ дѣйствій при предстоящемъ усиленіи противныхъ вѣтровъ, не свернетъ ли въ сторону, или не повернетъ ли даже назадъ изъ политики? И тутъ пришлось особенно оцѣнить значеніе той напряженности предшествовавшихъ работъ по крестьянскому дѣлу, благодаря которой удалось закончить главную массу его при однородномъ благопріятномъ направленіи. Затянись оно на болѣе долгое время—результаты вышли бы гораздо худшіе, такъ какъ если краю впереди грозила и не полная „потаповщина“, то все же къ остаткамъ крестьянскаго дѣла примѣнялось не мало вредныхъ мудрованій, небрежности и затяжекъ, неспособныхъ приносить ничего добраго и выражавшихъ даже нѣкоторое издѣвательство надъ дѣломъ. Неудобна бываетъ спѣшность благопріятствованіемъ частнымъ промахамъ, но въ Безаковское время этотъ недостатокъ съ огромнымъ избыткомъ вознаграждался тѣмъ, что въ отношеніи къ девяти-десятымъ всего дѣла выдержана была извѣстная цѣльность участливой системы. Для мудрованій осталась только неоконченная доля, да болѣе или менѣе ограниченныя придирки къ исполненію конченныхъ дѣлъ.

Объѣхавъ въ послѣдній разъ нѣкоторые уѣзды края въ сентябрѣ 1868 года, Безакъ въ ноябрѣ отправился по обычаю въ Петербургъ, среди распространенныхъ ожиданій, что онъ уже не возвратится къ управленію. Но предрекавшейся ему смѣны онъ не дождался, такъ какъ ее предупредила смерть. Тяжкая болѣзнь захватила Безака въ Петербургѣ, и тамъ же онъ умеръ въ самомъ концѣ декабря. Опять пришла новая пора для края.

V.

Итоги.

Очертивъ ходъ устройства юго-западныхъ крестьянъ въ эпоху наибольшей административной участливости къ нимъ, слѣдуетъ заключить показаніемъ—что же достигнуто было въ результатѣ всѣхъ устроительныхъ работъ? Хотя въ описанное время работы эти закончились невполнѣ, и сравнительно небольшія додѣлки ихъ достались уже времени послѣдующему, но коснуться итоговъ считаю болѣе удобнымъ именно здѣсь, потому что въ Бе-

Digitized by Google

заковское время опредѣлился общій характеръ крестьянскаго устройства и совершена была преобладающая масса его.

И въ періодъ самаго процесса упомянутыхъ работъ, и довольно долго послѣ того усиленно распространяемы были представленія, что помѣщичье землевладѣніе подвергалось крайне рѣзкому уменьшенію, что помѣщики теряли очень крупныя выкупныя суммы, а крестьяне непомѣрно надѣлялись землею, получая ее чуть не даромъ, причемъ разыскивавшееся инвентарное владѣніе 1847 года чрезмѣрно преувеличивалось мировыми учрежденіями. Но наиболѣе прочное основаніе для заключеній могутъ давать цифры. Онѣ способны всего точнѣе показать, насколько въ распространявшихся представленіяхъ участвовало изображеніе дѣйствительности и насколько—избытокъ чувствительности къ затрогиванію крестьянскимъ дѣломъ частныхъ имущественныхъ интересовъ.

Совершенно полныхъ цифровыхъ итоговъ привести здѣсь не могу, по невозможности найти ихъ вполнѣ сгруппированными и разработанными. Найдутся итоги земель, окончательно укрѣпленныхъ за крестьянами, но гораздо рѣже можно встрѣчать выверенныя данныя о земляхъ, какія были назначены по первоначальнымъ уставнымъ грамотамъ до ихъ повѣрки, вслѣдствіе чего не хватаетъ матеріала для сравненій и затрудняется точное опредѣленіе той перемѣны, какую внесли въ крестьянское устройство работы мировыхъ съѣздовъ. Но такъ какъ для характеристики этихъ работъ и не требуется безусловно полныхъ данныхъ, то я воспользуюсь ограниченнымъ, но болѣе надежнымъ матеріаломъ. Часть его возьму изъ данныхъ, оглашенныхъ при самомъ окончаніи повѣрочныхъ работъ, а другую—изъ полученныхъ путемъ разработки документовъ главнаго выкупного учрежденія (работа Д. И. Рихтера, помѣщенная въ „Вѣстникѣ Финансовъ“). При этомъ, рядомъ съ губернскими итогами приведу нѣкоторые изъ уѣздныхъ, въ виду того, что результаты повѣрочныхъ работъ разнились по мѣстностямъ.

Начать всего удобнѣе съ увеличенія размѣра крестьянской земли, бывшаго, конечно, въ зависимости отъ степени нарушенія инвентарнаго владѣнія въ періодъ 1847—1861 годовъ.

Въ уѣздѣ, гдѣ я былъ предсѣдателемъ мирового съѣзда, по подсчету 81 повѣрки, въ которыхъ я принималъ личное участіе, земельная прибавка къ надѣлу, бывшему до повѣрокъ, составила $16^4/_5$ процента, т.-е., въ среднемъ выводѣ, къ бывшимъ у крестьянъ пяти десятинамъ прибавилась шестая.

Въ сквирскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, по первоначальнымъ

Digitized by Google

уставнымъ грамотамъ у крестьянъ было 98 тысячъ десятинъ, а послѣ повѣрки стало 122 тысячи, т.-е., увеличеніе получилось въ 24 процента.

Въ острожскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, до повѣрки у крестьянъ было 71 тысяча, а послѣ стало 91 тысяча десятинъ. Увеличеніе составило 28 процентовъ.

Во всей кіевской губерніи, за вычетомъ имѣній съ выкупными договорами, по уставнымъ грамотамъ числилось 977 тысячъ, а предоставлено на выкупъ послѣ повѣрки 1.184.000 десятинъ. Прибавка по цѣлой губерніи равнялась 207 тысячамъ десятинъ, что составляетъ 21 процентъ прежняго количества.

Таковы подсчеты конца шестидесятыхъ годовъ. Изъ работы же Д. И. Рихтера выходитъ, что прибавка къ надѣлу на основаніи повѣрокъ составила: по кіевской губерніи 21 процентъ (какъ показано и выше), по подольской—18, по волынской—15, а по всему юго-западному краю въ совокупности—18 процентовъ, т.-е. вообще къ бывшимъ пяти десятинамъ прибавилась шестая. Вотъ что возбуждало громкій алармъ, раздававшійся вокругъ устроительныхъ работъ во время ихъ производства.

Теперь перейдемъ къ даннымъ, относящимся къ вопросу—преувеличивался или не преувеличивался мировыми съѣздами дѣйствительный размѣръ разыскивавшагося инвентарнаго владѣнія? Границы послѣдняго въ натурѣ опредѣлялись уже при самыхъ повѣркахъ, но размѣръ его показанъ былъ въ инвентарныхъ выписяхъ, составленныхъ послѣ 1847 года по каждому имѣнію, на основаніи помѣщичьихъ данныхъ. Къ сожалѣнію, губернскіе итоги могутъ быть представлены только по кіевской губерніи, благодаря тому, что въ ней лучше сохранились упомянутыя выписи, тогда какъ въ подольской и волынской онѣ въ значительной степени были растеряны задолго до повѣрочной эпохи; оттого въ этихъ послѣднихъ губерніяхъ рѣдко можно было вывести и поуѣздные итоги выписей.

Въ кіевской губерніи, по инвентарнымъ выписямъ за крестьянами значилось 1.250.000 десятинъ. Изъ нихъ, по имѣніямъ съ выкупными договорами крестьяне получили 130 тысячъ, слѣдовательно на прочія имѣнія, подвергавшіяся повѣркѣ, остается 1.120.000. Предоставлено же было на выкупъ, по этимъ послѣднимъ имѣніямъ, какъ выше сказано, 1.184.000, т.-е. всего на 6 процентовъ больше противъ старыхъ инвентарныхъ показаній. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ разница бывала и больше этой средней, но замѣчательна именно незначительность средняго вывода. Для объясненія подобной разницы могутъ быть совер-

Digitized by Google

шенно достаточны: неточность измѣреній въ инвентарное время, нерѣдкое отсутствіе ихъ, особенно относительно усадебъ, а также—пропуски земель въ инвентаряхъ, особенно садовъ, левадъ и т. под.

Въ сквирскомъ уѣздѣ, хотя повѣрки увеличили надѣлъ на 24 процента, но окончательный размѣръ его (122 тысячи десятинъ) почти не отличался отъ инвентарнаго показанія (120 тысячъ). А въ острожскомъ, при увеличеніи на 28 процентовъ, разница вышла въ 7 процентовъ; именно по инвентарямъ значилось 84 тысячи, а на выкупъ поступило 91 тысяча десятинъ.

Средній надѣлъ на ревизскую душу, за всѣми повѣрками, составилъ: въ кіевской губерніи 2,5 десятины, въ подольской—2,4, а въ волынской—3,9. Относительно послѣдней слѣдуетъ замѣтить, что въ ней бо́льшая часть земель несравненно хуже, чѣмъ въ первыхъ двухъ (полѣсье и переходныя почвы).

Помѣщичье землевладѣніе осталось во всѣхъ трехъ губерніяхъ значительно больше крестьянскаго, т.-е. къ крестьянамъ перешло гораздо меньше половины площади имѣній.

Чувствительнѣе была перемѣна выкупныхъ платежей, а въ зависимости отъ нихъ—и доставшихся помѣщикамъ выкупныхъ суммъ.

Въ моемъ уѣздѣ средній подесятинный платежъ по 81 упомянутымъ выше имѣніямъ составлялъ до повѣрки 2 р. 73 коп., а послѣ повѣрки понизился до 1 р. 61 коп., т.-е. соотвѣтствовалъ оцѣнкѣ десятины въ 27 рублей. Для опредѣленія значенія этой оцѣнки слѣдуетъ принять во вниманіе, что по изданнымъ земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣніямъ средняя цѣна имѣній по купчимъ крѣпостямъ за предшествовавшее крестьянской реформѣ пятилѣтіе, въ означенномъ уѣздѣ и въ четырехъ одинаковыхъ съ нимъ сосѣднихъ, колебалась отъ 31 до 42 рублей, но при этомъ земля продавалась съ крѣпостнымъ правомъ, лѣсами, винокурнями, мельницами и экономическими постройками, тогда какъ крестьяне выкупали одну земельную площадь. Въ острожскомъ уѣздѣ (волынской губ.) средняя оцѣнка крестьянской десятины вышла въ 17 р. 40 коп., тогда какъ вольная продажная цѣна имѣній въ 1861—1864 годахъ, со всѣми хозяйственными статьями, была 20 р. 51 коп. Въ чигиринскомъ уѣздѣ (кіевской губ.) крестьянская десятина оцѣнена въ 37 р. 50 к., при предшествовавшей вольной цѣнѣ въ 47 р. 35 коп.

По даннымъ г. Рихтера, среднее пониженіе платежей въ кіевской губерніи составило 25, а въ подольской—31 процентъ.

Digitized by Google

Итакъ, платежи уменьшены были значительнѣе, чѣмъ увеличено крестьянское землевладѣніе. Платежное облегченіе, конечно, было очень важно, особенно въ то время, когда прежніе платежи превышали земельную доходность, когда существовали недоимки и оставалась неприкосновенною подушная подать, но земля все-таки была важнѣе, такъ какъ ея цѣнѣ и денежной доходности предстояло въ недалекомъ будущемъ быстрое возростаніе, да притомъ—что всего серьезнѣе—земля составляетъ постоянный, нерастрачиваемый источникъ обезпеченія и крестьянскаго быта, и самихъ платежей, и хозяйственной самостоятельности ея владѣльцевъ.

Состоявшаяся прибавка надѣловъ въ общемъ итогѣ значила очень много при сравненіи съ прежнею ихъ недостаточностью, но, разумѣется, не въ смыслѣ полнаго удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей или предотвращенія острыхъ вопросовъ на продолжительное время, такъ какъ и за возвратомъ инвентарныхъ участковъ крестьянское землевладѣніе вышло очень ограниченнымъ и притомъ крайне неравномѣрнымъ. Въ иныхъ селеніяхъ крестьяне поправились чувствительно, но гдѣ надѣлъ и въ 1847 году былъ особенно малъ—тамъ онъ такимъ же остался. Все это—какъ объяснялось уже прежде — явилось слѣдствіемъ основного принципа надѣленія, ставившаго величину надѣла въ зависимость не отъ современной численности населенія, а отъ факта 1847 года, когда эта численность была много меньше, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ. Увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, въ общемъ, на 18 процентовъ, въ сущности, создало отсрочку земельныхъ затрудненій лѣтъ на десять или двѣнадцать, до образованія соотвѣтствующаго этой прибавкѣ новаго прироста населенія, который теперь давно уже превзойденъ. Неравномѣрность же распредѣленія разбила крестьянскую массу на нѣсколько различныхъ группъ: а) получившіе сообразно давнему инвентарному владѣнію очень малый надѣлъ; б) обиженные выкупами 1861—1863 годовъ; в) устроенные въ сравнительно раннюю повѣрочную пору при недостаточности закона и первыхъ, малоблагопріятныхъ вѣяніяхъ; и наконецъ, г) остальная масса, воспользовавшаяся всѣми новыми законами и благопріятнымъ направленіемъ дѣла. Рознь вышла немалая.

Задатки развитія сельскаго пролетаріата и земельной тѣсноты уже чувствовались при окончаніи повѣрочныхъ работъ. Кромѣ упомянутыхъ различій положенія и отсутствія въ краѣ общиннаго владѣнія, они состояли еще въ запрещеніи закономъ дробленія пѣшихъ полевыхъ участковъ. Тяглый хозяинъ, имѣя двой-

Digitized by Google

ной пѣшій надѣлъ, еще могъ раздѣлить его между двумя сыновьями, но, при наличности двухъ или трехъ сыновей у пѣшаго, послѣдній—въ состояніи передать свой надѣлъ только одному изъ нихъ, оставивъ прочихъ безземельными. Въ результатѣ—наибольшая часть прироста населенія обрекалась на безземелье. Максимальная численность полевыхъ хозяевъ въ краѣ предопредѣлялась въ точности, и кто не вмѣстится въ нее—тѣмъ предназначалось искать себѣ новыхъ исходовъ. Къ наличной и нароставшей массѣ безземельныхъ разомъ примкнули еще однодворцы изъ бывшей шляхты. Такіе задатки стали развиваться быстро. Нынѣшнее обостреніе въ краѣ переселенческаго вопроса и вызывающія уголовные процессы столкновенія изъ-за пастбищъ являются рельефными выразителями этого тридцать лѣтъ совершающагося развитія. Обработывающая же промышленность, несмотря на всѣ свои расширенія, оказалась далеко не въ силахъ пристраивать приростъ населенія.

Кромѣ измѣненія величины надѣла и платежей, работы по крестьянскому дѣлу оставили въ наслѣдіе будущему еще черезполосье и сервитуты, вызывающіе періодически сочиненіе новыхъ проектовъ.

Черезполосье существовало съ давнихъ временъ, выражаясь въ перемѣшанности не только помѣщичьихъ участковъ съ крестьянскими, но часто и участковъ разныхъ помѣщичьихъ владѣній. Во время крѣпостного права, расположеніе крестьянскихъ земель не затрудняло помѣщиковъ, особенно при старыхъ способахъ хозяйства. Но уже послѣ изданія инвентарныхъ правилъ явилась у помѣщиковъ тенденція округлять свои дачи, и они осуществляли это путемъ отобранія и обмѣна крестьянскихъ земель. Съ возстановленіемъ же въ шестидесятыхъ годахъ старыхъ инвентарныхъ границъ, во многитъ имѣніяхъ возвратилось и устраненное-было черезполосье. Послѣднее въ это время не вновь появилось (такъ какъ и безъ того достаточно оставалось земельной путаницы), но только нѣсколько усилилось. Отсюда возникали и возникаютъ проекты обязательнаго разверстанія угодій для округленія дачъ. Вопросъ этотъ обставляется разными мотивами, но особенно выдвигается на видъ общій экономическій: черезполосье мѣшаетъ улучшенію системъ полеводства, слѣдовательно устраненіе его есть условіе хозяйственнаго прогресса и возвышенія доходности помѣщичьихъ имѣній. На этомъ основаніи и строятся планы принудительной перемежовки. Однако, встрѣчая подобную аргументацію, все-таки нельзя не усматривать въ ней

Digitized by Google

большихъ трещинъ и односторонности отношенія къ дѣлу, нельзя подавить возникающихъ возраженій. Во-первыхъ, существующіе виды и размѣры черезполосья не помѣшали хозяйству края сильно подняться и стать гораздо доходнѣе прежняго,—что, кажется, никѣмъ не отрицается; а во-вторыхъ, какъ ни взглянуть на дѣло—все-же оно сводится къ устройству интересовъ одной стороны за счетъ ломки владѣнія другой, тогда какъ послѣ выкупа обѣ стороны, какъ полные собственники, въ земельномъ отношеніи равноправны. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что если извѣстному владѣльцу дать возможность выкраивать себѣ дачи изъ своей и чужихъ земель, не стѣсняясь правами и желаніемъ сосѣдей, то онъ сможетъ исполнить такую выкройку очень для себя удобно, улучшить способъ хозяйства и поднять доходность своего имѣнія. Только здѣсь неустранимъ другой серьезный вопросъ — допустимо ли такое пренебрежительное отношеніе къ чужому праву и желанію? Можетъ быть, въ шестидесятыхъ годахъ охрана старыхъ инвентарныхъ границъ проведена была излишне строго; можетъ быть, лучше было бы просто прирѣзывать крестьянамъ недостававшее количество изъ смежныхъ земель—при равномъ ихъ качествѣ съ инвентарными — но фактъ уже совершился, имѣетъ слишкомъ тридцатилѣтнюю давность, и новая ломка границъ по цѣлому краю теперь была бы рѣзкимъ нарушеніемъ установившагося права и даже опаснымъ опытомъ, обѣщающимъ большія волненія въ населеніи. Далѣе—не видно гарантій, чтобы съ допущеніемъ столь широкой ломки при настоящихъ условіяхъ она могла быть проведена съ достаточною внимательностью, безпристрастіемъ и безобидностью для сторонъ. Кто бы ее исполнялъ и какія отношенія теперь въ модѣ? Ломки допустимы развѣ при самыхъ исключительныхъ поводахъ, въ родѣ основныхъ реформъ, а къ такимъ едва ли можно причислить однѣ вѣроятности возвышенія того или другого частнаго дохода. Вообще, какъ ни хорошъ хозяйственный прогрессъ даже части владѣній, но важно также и „право“, а еслибы во имя такого прогресса позволительно было не стѣсняться правомъ, то на этомъ принципѣ можно заѣхать очень далеко. Наиболѣе правильный тутъ исходъ—соглашенія.

Смѣшанность правъ пользованія землею (сервитутъ) наиболѣе выдается въ отношеніи къ лѣснымъ покосамъ. Права эти не получили въ шестидесятыхъ годахъ точнаго разграниченія и сохранились сообразно старому обычаю. Деревья признаны принадлежностью помѣщика, а производящіе траву промежутки между

Digitized by Google

ними — крестьянскою, и права эти закрѣплены крѣпостными актами. Границы ихъ съ теченіемъ времени еще болѣе затемнились. Если, напр., помѣщикъ свои деревья вырубилъ—остается ли ему что-нибудь на данной площади, и если остается, то гдѣ? Когда отъ деревьевъ не осталось слѣда,—какъ разобрать, что было подъ ними и что подъ промежутками? Сервитутъ лѣсныхъ покосовъ — едва ли не самый мудреный вопросъ, тѣмъ болѣе, что не во всѣхъ актахъ обозначено отношеніе долей владѣнія. Въ иныхъ опредѣлено, что крестьянское пользованіе составляетъ половину или двѣ-трети всей площади покоса, а въ другихъ упомянута одна смѣшанность владѣнія.

Затѣмъ остался еще вопросъ о пастбищномъ сервитутѣ. 4 апрѣля 1865 года утвержденъ былъ законъ, по которому въ неразверстанныхъ имѣніяхъ, впредь до ихъ разверстанія, помѣщики и крестьяне пользуются правомъ общей пастбы скота на ихъ паровыхъ поляхъ, т.-е., если крестьяне пасутъ на помѣщичьемъ парý, а помѣщикъ на крестьянскомъ, то это считается не потравою, а законнымъ пользованіемъ. Законъ этотъ, бывшій узаконеніемъ давняго обычая, изданъ съ цѣлью уменьшенія неизбѣжныхъ сосѣдскихъ споровъ. На практикѣ онъ выгоднѣе для крестьянской стороны, потому что скота у крестьянскаго общества обыкновенно бываетъ больше, т.-е. фактически крестьяне въ бóльшей мѣрѣ пользуются помѣщичьею землею, чѣмъ помѣщикъ крестьянскою; съ возростаніемъ же тѣсноты и трудности содержать скотъ — эта выгода еще выростаетъ въ своемъ значеніи. Но помѣщики жалуются на пастбищный сервитутъ, считая его препоною къ улучшенію сельскаго хозяйства. Различные проекты стремились то къ разрубленію Гордіева узла простою отмѣною сервитута, безъ вознагражденія крестьянъ,—то къ допущенію вознагражденія, не соотвѣтствующаго цѣнности теряемой ими выгоды,—а болѣе подходящихъ исходовъ не придумывалось. Возникаютъ и новыя путаницы. Какъ различать разверстанныя имѣнія отъ неразверстанныхъ, когда точной границы между этими понятіями нѣтъ? Какъ опредѣлять границы сервитута, если помѣщичье имѣніе перешло въ другія руки по частямъ, которыя тоже соединялись потомъ съ частями другихъ владѣній и т. под.? Подробное обсужденіе такихъ вопросовъ не входитъ въ задачу настоящей статьи, и достаточно сказать одно: къ такимъ вопросамъ нужно больше серьезнаго и безпристрастнаго отношенія, чѣмъ проявлялось его до сихъ поръ.

Digitized by Google

Вотъ съ какимъ устройствомъ юго-западные крестьяне вступили въ свободную экономическую жизнь. Время, наступившее за Безаковскимъ четырехлѣтіемъ, представило уже своего рода эпилогъ къ эпохѣ устроительныхъ работъ.

Ѳ. Воропоновъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ДУБРАВА.

Мирно стояла дубрава, роскошнымъ нарядомъ одѣта,
Ласково вѣтви раскинувъ на встрѣчу отраднаго лѣта;
Гордо встрѣчала она пролетавшія по небу тучи,
Грозы, погоду и дождь, противъ вѣтра сильна и могуча.
Искра-злодѣйка тихонько къ опушкѣ съ костра отлетѣла,
Пламя мелькнуло, по листьямъ зеленымъ, вѣтвямъ зашумѣло;
Быстро съ нарядами всѣми сгубило дубраву жестоко, —
Только лишь пни почернѣвшіе грустно стоятъ одиноко!..

Мирно въ груди билось сердце, надежды златыя лаская,
Вѣря въ отрадную жизнь и на счастье свое уповая;
Гордо встрѣчало оно пролетавшія въ жизни невзгоды, —
И безъ волненій, спокойно неслись пробѣгавшіе годы.
Искра любви вдругъ подкралась и въ сердце вонзилась стрѣлою;
Кровь загорѣлась, и огненной страстью зажглось ретивое;
Мигомъ нарушенъ покой, — и сомнѣнья закрались глубоко...
Страсть роковая трепещетъ и рвётся въ груди одиноко!..

Digitized by Google

II.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Громкая пѣсня раздолья широкаго
Въ этой безвѣстной глуши
Мѣрно промчалася къ небу высокому...
Вопль наболѣвшей души!
Что̀ породило тебя, заунывную?
Кто надъ тобою страдалъ?
Какъ эта вылилась пѣсенка дивная?
Кто ее первый слагалъ?
Что̀, потерялъ ли онъ друга сердечнаго?
Самъ ли себя погубилъ?
Видѣлъ въ другихъ ли онъ радость безпечную,
Самъ выбиваясь изъ силъ?
Живъ ли онъ? иль свою жизнь безталанную
Въ лоно земли онъ сложилъ,
И похорòненъ въ могúлу желанную
Въ нѣдрахъ родимыхъ могилъ?
Или, заброшенный въ землю далекую,
Тяжкой тоскою томимъ,
Отдалъ, припомнивъ раздолье широкое,
Вздохъ свой послѣдній чужимъ?...
...Умеръ... Но вопли жестоко измученной
Въ бурныхъ страданьяхъ души
Мѣрно промчалися пѣснью заученной
Въ этой безвѣстной глуши!..

И. П.

Digitized by Google

ПО ВОПРОСУ

О

ЗАДАЧАХЪ ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА

Окончаніе.

II *).

Въ тѣснѣйшей связи съ вопросами земскаго обложенія находятся доклады князя Н. С. Волконскаго объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ и о законѣ 22 марта 1899 года.

Уѣзды, доставившіе свои отзывы по первому вопросу, — докладывалъ князь Волконскій въ сессію рязанскаго губернскаго земскаго собранія 1898 года,—высказываются въ пользу возбужденія ходатайства объ освобожденіи земства отъ разныхъ обязательныхъ расходовъ. Мнѣнія ихъ о томъ, отъ какихъ именно расходовъ желательно освободить земскія смѣты, не вполнѣ совпадаютъ; причемъ на характеръ расходовъ, отъ которыхъ предполагается испросить освобожденіе, остался очевидно не безъ вліянія способъ производства расходовъ въ каждомъ уѣздѣ. Напримѣръ, рязанское земство, содержащее земскія ставки лошадей въ натурѣ, сохраняетъ эту повинность, потому очевидно, что лошади нужны не для разъѣздовъ одной только полиціи; тогда какъ уѣзды, отбывающіе ту же повинность въ денежной формѣ, высказываются противъ нея или безусловно, или съ нѣкоторымъ ограниченіемъ (кромѣ разъѣздовъ по земскимъ дѣламъ). Одни собранія (большинство), ходатайствуя объ освобожденіи земствъ отъ обязатель-

*) См. выше, янв., стр. 319.

Digitized by Google

ныхъ расходовъ, ничего не упоминаютъ о назначеніи освободившихся денегъ; одно собраніе—раненбургское, имѣя, вѣроятно, въ виду способъ, какимъ было произведено освобожденіе земства отъ расходовъ по содержанію губернскихъ статистическихъ комитетовъ, а также преобразованныхъ мировыхъ судебныхъ и по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, присоединяется къ ходатайству лишь съ оговоркой, чтобы освободившіяся суммы не были обращены на какія-либо иныя потребности; два же уѣзда — ряжскій и скопинскій, можетъ быть, не надѣясь достигнуть и такого результата, ходатайствуютъ объ обращеніи освободившихся суммъ на народное образованіе. Далѣе, изъ отвѣта министра внутреннихъ дѣлъ по таврическому ходатайству видно, что въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ уже подвергнутъ разсмотрѣнію вопросъ объ освобожденіи земства отъ обязанности отводить помѣщенія чинамъ полиціи и судебнымъ слѣдователямъ, и въ недалекомъ будущемъ имѣетъ быть сдѣлано представленіе по этому предмету въ государственный совѣтъ; а изъ журнала михайловскаго собранія усматривается, какое именно употребленіе освободившихся такимъ образомъ денегъ имѣло въ виду, на основаніи газетныхъ сообщеній, это собраніе: именно, оно имѣло въ виду обращеніе ихъ на оцѣночныя работы по закону 8 іюня 1893 года.

Губернская управа, съ своей стороны, сочла нужнымъ высказать собранію слѣдующія соображенія.

„Намъ, конечно, пріятно было бы освободиться отъ того или другого обязательнаго расхода, въ особенности, въ томъ случаѣ, когда прямой связи его съ потребностями земской жизни не усматривается, и странно было бы возражать противъ такого стремленія, если бы можно было ожидать, что расхода этого не придется нести населенію вовсе. Но совсѣмъ въ иномъ видѣ можетъ представиться тотъ же вопросъ, когда рѣчь идетъ не объ уничтоженіи расхода, а о перенесеніи его изъ смѣты одного учрежденія въ смѣту другого, въ данномъ случаѣ—изъ земской смѣты въ смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ, но покрытіе котораго все-же ляжетъ всею своею тяжестью на того же плательщика. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ при такихъ условіяхъ населенію выгоднѣе нести расходы непосредственно, при возможности вліять на самый способъ его выполненія, чѣмъ передать его въ казну, съ утратой возможности къ тому. Если вдуматься, придется заключить, что всѣ упомянутые выше расходы, объ освобожденіи отъ которыхъ земства предлагаютъ просить правительство, принадлежатъ къ числу такихъ, которые непремѣнно исполнены будутъ. Между тѣмъ, есть ли основаніе думать, чтобы при перенесеніи ихъ на смѣту министерства внутреннихъ дѣлъ расходы эти, какъ по цифрѣ ихъ, такъ и по способу раскладки между плательщиками, легли болѣе

Digitized by Google

легкимъ бременемъ на населеніе, чѣмъ теперь?" Губернская управа думаетъ, что никакихъ основаній для такого заключенія нѣтъ, а потому, по ея мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній и возбуждать упомянутое ходатайство. Если указанные расходы неудобны по ихъ характеру или способу отбыванія, то надо ходатайствовать объ измѣненіи этихъ сторонъ дѣла, но не выпускать отбыванія самой повинности изъ своихъ рукъ.

Еще серьезнѣе представляется вопросъ, если обратить вниманіе на вѣроятный способъ осуществленія предположеннаго освобожденія. Если упомянутые расходы должны быть отнесены къ бюджету государства, для земства, безъ сомнѣнія, было бы всего выгоднѣе, чтобы это произошло безъ обремененія земской смѣты какою-нибудь новою обязательною для него повинностью взамѣнъ снятаго съ него расхода, или чтобы оно имѣло, по крайней мѣрѣ возможность распорядиться освободившеюся суммою по своему усмотрѣнію, какъ это и высказалъ одинъ уѣздъ. Въ противномъ случаѣ, можетъ произойти не облегченіе, а новое отягченіе для земства, смотря по тому, на какой предметъ и какимъ порядкомъ произойдетъ замѣна одной повинности другою. Для поясненія этой мысли не излишне припомнить, какимъ порядкомъ совершилось освобожденіе земства отъ обязательныхъ расходовъ по содержанію судебно-мировыхъ учрежденій. Сперва обязательный для земства расходъ по содержанію мировыхъ судей,—однако же такой, размѣръ котораго вполнѣ отъ него зависѣлъ,—былъ превращенъ въ обязательный уже и по размѣру и обложенъ на потребность, хотя и служащую отчасти тѣмъ же цѣлямъ, какъ прежняя, но все-же существенно другую; потомъ, съ отнесеніемъ удовлетворенія этой послѣдней потребности на счетъ государства, тотъ же расходъ, оставаясь такимъ же обязательнымъ, уже безъ всякаго участія земства обращенъ на совершенно новую надобность, правда, существенную для земства, но не имѣющую съ первоначальнымъ назначеніемъ денегъ ничего общаго. Ни уравнительность раскладки, ни степень потребности каждой мѣстности въ этомъ новомъ расходѣ, при опредѣленіи его размѣра для каждаго уѣзда и губерніи, во вниманіе приняты не были. Мало того, какъ это видно изъ приведеннаго выше отвѣта министерства внутреннихъ дѣлъ на таврическое ходатайство, по каждой мѣстности для обращенія на новую дорожную повинность были назначены расходы, даже по существу своему неоднородные: въ тѣхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, помѣщеніе для съѣзда нанималось уѣзднымъ земствомъ за деньги, земство должно теперь расходовать на свои дороги стоимость этого помѣщенія; когда же помѣщеніе отводилось натурой, то этотъ расходъ въ дорожный фондъ не перенесенъ. Послѣдствія неизбѣжныя, когда центральному учрежденію приходится рѣшать вопросъ

Digitized by Google

о мѣстныхъ потребностяхъ. Но это еще меньшая часть неудобствъ произведенной замѣны. Важнѣе того способы, установленные для отбыванія повинности. Мы знаемъ въ этомъ отношеніи, сколько лишнихъ стѣсненій введено въ дорожное дѣло закономъ о дорожномъ фондѣ и дополнительными къ нему распоряженіями. Новый порядокъ распространился не только на дорожные расходы изъ этого капитала,—во многихъ мѣстахъ онъ стѣснилъ земство и въ распоряженіи расходами на дорожное дѣло изъ своихъ общихъ земскихъ средствъ. Во многихъ губерніяхъ онъ далъ поводъ губернскому начальству выводить изъ требованія употреблять дорожный капиталъ только на устройство новыхъ и улучшеніе прежнихъ дорожныхъ сооруженій, а не замѣнять средствами этого капитала обычныхъ земскихъ расходовъ на дорожное дѣло, нѣчто въ родѣ нормировки расхода на дорожное дѣло и изъ прочихъ земскихъ средствъ, обращая такимъ образомъ расходы на дорожныя сооруженія вообще изъ обязательныхъ только по своему роду, но опредѣленіе размѣра которыхъ принадлежало усмотрѣнію самаго земства, въ обязательные и по размѣру.

По мнѣнію рязанской губернской управы, земству не слѣдуетъ напрашиваться на подобныя же стѣсненія въ распоряженіи и другими расходами. Между тѣмъ обращеніе, напримѣръ, расходовъ на наемъ квартиръ и разъѣзды судебныхъ слѣдователей и чиновъ полиціи—на оцѣночныя работы, при разнородности этихъ потребностей, можетъ легко повести къ такимъ же, можетъ быть даже бо̀льшимъ неудобствамъ, какія произошли при обращеніи расходовъ по содержанію земскихъ начальниковъ въ дорожный фондъ. Губернская управа находила, что ходатайствовать слѣдуетъ не о замѣнѣ расходовъ какими-нибудь другими расходами на земскія нужды, а о томъ, чтобы, въ случаѣ такой замѣны, порядокъ, какимъ путемъ это будетъ испо̀лнено, не былъ установленъ безъ выслушанія заключенія о томъ губернскихъ земскихъ собраній.

Нельзя не замѣтить, что точка зрѣнія доклада въ данномъ случаѣ является дѣйствительно слишкомъ отвлеченной, и будучи, быть можетъ, вполнѣ логичной и правильной съ чисто-теоретической точки зрѣнія, не соотвѣтствуетъ, однако, условіямъ текущей дѣйствительности. Что̀ общаго, въ самомъ дѣлѣ, съ земской дѣятельностью имѣютъ, скажемъ, разъѣзды по дѣламъ службы правительственныхъ чиновъ, каковы судебные слѣдователи или полицейскіе исправники? Какую связь, какую хотя бы отдаленную параллель возможно было бы найти и провести между интересами земскихъ плательщиковъ и квартирнымъ довольствіемъ тѣхъ же судебныхъ слѣдователей? Признаемся, ни малѣйшей связи мы здѣсь не видимъ, да трудно ее здѣсь и усмотрѣть. Говорятъ, что незачѣмъ упускать изъ своихъ рукъ распоряженіе такими зем-

Digitized by Google

скими расходами, которые, перейдя въ руки правительства, все-же будутъ обременять тѣхъ же земскихъ плательщиковъ налоговъ.

Конечно, съ принципіальной земской точки зрѣнія весьма нежелательно какое бы то ни было, хотя бы и незначительное, сокращеніе функцій земскихъ установленій, ограниченіе сферы земской компетенціи. Но, съ другой стороны, практическая дѣйствительность съ неумолимой послѣдовательностью доказываетъ полнѣйшую несостоятельность и непроизводительность затратъ скудныхъ земскихъ средствъ на столь несущественныя для земства статьи расхода, каковы разъѣзды и квартирное довольствіе чиновъ полиціи и судебныхъ слѣдователей,—особенно этихъ послѣднихъ: если по отношенію къ чинамъ полиціи еще возможна нѣкоторая презумпція успѣшности ихъ дѣятельности по взиманію земскихъ сборовъ съ населенія въ связи съ вознагражденіемъ ихъ земскими средствами на разъѣзды, то ужъ по отношенію къ судебнымъ слѣдователямъ даже и такой отдаленной и слабой презумпціи допустить нельзя; являясь органами чисто правительственными, судебные слѣдователи имѣютъ столь же малое основаніе претендовать на спеціально-земскія средства, какъ и любые правительственные чиновники: податные инспектора, казначеи, чины почтоваго вѣдомства и проч., и проч. Всѣ эти правительственныя лица суть органы государства, какъ такового, и если оказываютъ какую-либо услугу земскому населенію, то лишь попутно, посредственно, и притомъ безъ всякаго различія—земскіе ли это плательщики или нѣтъ.

Думается намъ, что податная функція земства—нести обязательную повинность на оплату нѣкоторыхъ расходовъ на содержаніе правительственныхъ чиновъ, непосредственно для земства ненужныхъ—функція излишняя, и ограниченіе ея не принесетъ никакого ущерба земскому самоуправленію.

Не думаемъ также, чтобы перенесеніе расхода на государственный счетъ нисколько не отразилось на карманахъ земскихъ плательщиковъ, состоящихъ въ то же время и государственными плательщиками: самые источники обложенія земства и государства слишкомъ неоднородны и несоизмѣримы: при чрезвычайно-разнообразныхъ способахъ, пріемахъ, объектахъ обложенія, государство въ силахъ осуществлять такія грандіозныя затраты на обще-государственныя нужды, которыя и не снятся земскому самоуправленію, особливо въ настоящее время, послѣ законовъ 12 іюня и 22 марта, столь ограничившихъ размѣры земскихъ бюджетовъ.

По поводу закона 22 марта рязанское губернское земское собраніе, въ сессію 1899 года, по иниціативѣ князя Волконскаго, возбуждало передъ правительствомъ ходатайство объ увеличеніи размѣра отчисле-

Digitized by Google

ній въ пользу земской кассы изъ поступающихъ податныхъ платежей до 40 коп. на рубль, но ходатайство это не имѣло удачи,—хотя такія же ходатайства нѣкоторыхъ другихъ земствъ, какъ, напримѣръ, вятскаго, просившаго больше (50 коп. на рубль въ теченіе перваго полугодія), увѣнчались успѣхомъ.

Разсматривая приводимые уѣздами доводы,—говорилъ по этому поводу князь Волконскій,—нельзя не придти къ заключенію, что положеніе многихъ уѣздовъ вслѣдствіе закона 22 марта можетъ сдѣлаться очень затруднительнымъ. Наша губернія принадлежала къ числу тѣхъ, въ которыхъ пополненіе земскаго сбора шло вообще лучше поступленій тѣхъ земельныхъ налоговъ, съ которыми земству приходится теперь дѣлиться поступившими суммами. Было ли тому причиною то обстоятельство, что земскіе сборы, какъ налогъ болѣе мелкій по сравненію съ казенными поземельными налогами, или, точнѣе говоря, съ выкупными платежами (такъ какъ государственный поземельный налогъ съ крестьянъ очищался еще быстрѣе земскаго сбора), было населенію по силамъ заплатить еще съ осени съ заработковъ, тогда какъ для уплаты выкупныхъ платежей надо было напередъ обратить въ деньги результаты урожая, такъ что недоимки главнымъ образомъ падали на этотъ платежъ, какъ это думаетъ зарайская управа, или это зависѣло отъ распорядка уѣздныхъ совѣщаній по податнымъ дѣламъ, вліянію которыхъ приписываетъ такой ходъ поступленій данковская управа въ своемъ докладѣ собранію,—но только фактъ этотъ несомнѣненъ. Но еще большее значеніе, чѣмъ относительно болѣе исправное поступленіе земскихъ сборовъ противъ итога казенныхъ налоговъ съ крестьянской земли, имѣло для земства то обстоятельство, что земскій сборъ поступалъ сравнительно исправно не только въ урожайные годы, но и въ неурожайные, что̀ давало извѣстную устойчивость земскимъ смѣтамъ. Такъ изъ 36 случаевъ поступленій земскаго сбора съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель, о которыхъ преимущественно ведется рѣчь по 12 уѣздамъ губерніи, взятыхъ за трехлѣтіе съ 1896 по 1898 годъ [1]), при сравненіи дѣйствительныхъ поступленій съ тѣми, которыя были бы за тѣ же годы, если бы дѣйствовалъ порядокъ отчисленія, установленный закономъ 22 марта сего года,—въ 18 случаяхъ въ дѣйствительности поступило земскаго сбора больше, чѣмъ сколько было бы отчислено при дѣйствіи новаго закона, и въ столькихъ же случаяхъ меньше. Но итогъ всѣхъ поступленій даетъ перевѣсъ въ пользу земства противъ того, что̀ бы было, если бы отчисленія были произведены на основаніи нынѣшняго порядка, въ

[1]) Цифры окладовъ и поступленій земскаго и обоихъ казенныхъ поземельныхъ налоговъ съ крестьянъ заимствованы изъ данныхъ рязанской казенной палаты.

Digitized by Google

143.161 рубль 89 коп.; причемъ по различнымъ годамъ эта разница распредѣлилась бы такимъ образомъ, что въ урожайный 1896 годъ земство получило бы отчисленій по правиламъ закона 22 марта на 78.707 руб. 96 коп. болѣе того, что поступило съ крестьянскихъ земель въ дѣйствительности, а въ неурожайные 1897 и 1898 года—менѣе, въ первый на 191.317 руб. 32 коп., а во второй—на 30.552 рубля 53 коп.

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, какое важное значеніе для правильнаго теченія земскаго хозяйства имѣетъ такой порядокъ поступленій и какъ серьезно онъ долженъ вліять на самые размѣры земскихъ смѣтъ: ибо чѣмъ правильнѣе и ровнѣе поступленіе, тѣмъ меньше будетъ требоваться обложеніе плательщиковъ для достиженія тѣхъ же самыхъ цѣлей.

Изъ приведенныхъ цифръ видно также, какіе уѣзды пострадали бы въ эти годы больше отъ замѣны существовавшаго въ дѣйствительности порядка тѣмъ, который введенъ новымъ закономъ. При дѣйствіи этого послѣдняго, поступленія съ крестьянскихъ земель были бы меньше дѣйствительныхъ, если считать всѣ три года вмѣстѣ, въ семи уѣздахъ, какъ разъ тѣхъ, въ которыхъ сборы съ крестьянскихъ земель особенно сильно преобладаютъ въ земской смѣтѣ надъ другими видами дохода; почти всѣ они относятся къ чисто земледѣльческимъ уѣздамъ южной половины губерніи. Но это еще не все. Рязанскій уѣздъ, напр., не принадлежитъ ни къ чисто земледѣльческимъ, ни къ числу тѣхъ, платежи которыхъ должны потерпѣть особое сокращеніе отъ введенія новаго порядка. По даннымъ за три взятыхъ для сравненія года, земство этого уѣзда получило бы, при дѣйствіи новаго закона, съ крестьянскихъ земель даже нѣсколько больше, чѣмъ поступило въ дѣйствительности,—а между тѣмъ земство этого уѣзда ходатайствуетъ объ измѣненіи новаго порядка, ибо онъ обусловливаетъ для него полученіе слѣдуемыхъ въ пользу земства денегъ полугодомъ позднѣе противъ нынѣшняго. Это опять одно изъ чрезвычайно важныхъ условій, отъ котораго зависитъ для земства возможность выполнить свои расходы при помощи большихъ или меньшихъ затратъ, какъ это наглядно выведено въ ходатайствѣ этого уѣзда.

Приведенныхъ соображеній, кажется, достаточно было для обоснованія ходатайства объ измѣненіи невыгоднаго для губерніи порядка отчисленія земскаго сбора, притомъ въ особенности съ крестьянскихъ земель, составляющихъ и самую важную, и исправнѣе поступающую часть земскаго обложенія.

Возбуждая вопросъ объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ для него расходовъ на содержаніе правительственныхъ органовъ, ряжское и скопинское земскія собранія предлагали обусло-

Digitized by Google

вить освобожденіе это обращеніемъ освободившихся суммъ на нужды школьнаго земскаго дѣла. Губернская земская управа, высказываясь въ принципѣ противъ возбужденія подобнаго ходатайства вообще и противъ какого-либо ограниченія или предопредѣленія правительствомъ земскихъ смѣтъ въ частности, предложила въ свою очередь: во-первыхъ, вмѣсто ходатайства объ отмѣнѣ обязательныхъ расходовъ, ходатайствовать о томъ, чтобы, въ случаѣ освобожденія земства отъ какихъ-либо обязательныхъ расходовъ по содержанію правительственныхъ учрежденій, съ обращеніемъ освободившихся денегъ на какой-либо другой расходъ—по вопросу о томъ, какъ это сдѣлать, было спрошено мнѣніе земскихъ собраній; и во-вторыхъ, на случай если правительство имѣло бы въ виду такое обращеніе какихъ-либо расходовъ, нынѣ лежащихъ на земствѣ,—заявить, что наиболѣе настоятельною потребностью земства въ настоящее время является потребность по народному образованію.

По словамъ князя Н. С. Волконскаго, „когда возникъ въ первый разъ вопросъ объ участіи губернскаго земства въ школьномъ дѣлѣ, лежащемъ на уѣздахъ, губернская управа не знала, къ чему это приведетъ. Теперь до нѣкоторой степени свѣтъ пролитъ, и дѣло стало яснѣе. Всматриваясь въ устройство этого дѣла въ уѣздахъ, мы видимъ, что основаніе его въ главныхъ чертахъ во всѣхъ уѣздахъ одинаково: вездѣ земство не беретъ на себя всецѣло содержанія школъ, а требуетъ участія въ немъ мѣстнаго населенія. Въ такомъ устройствѣ есть своя доля практической выгоды. Захватить мѣстный элементъ, благопріятный для развитія школъ, заинтересовать въ нихъ возможно большее число лицъ, живущихъ на мѣстѣ, значитъ обезпечить развитіе самой школы, избѣгая излишняго обремененія земскихъ средствъ. Мѣстами замѣчается, что крестьяне не ремонтируютъ своихъ школъ, нуждающихся во многихъ отношеніяхъ. Ссылаются на недостатокъ средствъ,—но тамъ, гдѣ священники заинтересовались школою и заботятся о ней, нашлись и средства. Главный тормазъ—недостатокъ людей, заинтересованныхъ дѣломъ на мѣстѣ, недостатокъ мелкихъ земскихъ органовъ, на которыхъ лежало бы попеченіе о школѣ. Будь такіе органы, удалось бы многое, что обезпечивало бы школу“. Едва ли своевременно при такомъ положеніи дѣлъ,—говорилось далѣе въ докладѣ губернской управы, — предлагать участіе губернскаго земства въ непосредственныхъ расходахъ на содержаніе школъ, но мы обязаны сдѣлать все, что можно, при развитіи ихъ. „Кое-что намѣчается и теперь. Когда соберутся люди, ведущіе школьное дѣло, и вмѣстѣ съ губернской управой обсудятъ его поло-

Digitized by Google

женіе,—выяснится еще больше. Это первый вопросъ, внушившій управѣ мысль о созывѣ совѣщанія. Далѣе сама собой возникла мысль объ учительскихъ курсахъ. Несомнѣнно, что многіе учителя, не обладая выработанными пріемами преподаванія, не освѣжая запаса знаній, тратятъ силы непроизводительно, и курсы для нихъ будутъ крайне полезны, вдвое будутъ полезнѣе для насъ самихъ, ведущихъ дѣло, для нашей учительской семинаріи. Мы познакомимся съ учителями, выяснимъ, чего недостаетъ имъ, познакомимся съ школами и условіями ихъ жизни, ближе подойдемъ къ практическимъ вопросамъ школьной жизни, требующимъ разрѣшенія, въ состояніи будемъ лучше помочь школамъ. Наша семинарія, выпустивъ учителей, какъ бы забываетъ о нихъ—порывается всякая связь между семинаріею и школой. Такое явленіе ненормально. Эти мысли вполнѣ раздѣляетъ директоръ семинаріи, который энергично ухватился за мысль объ устройствѣ курсовъ и предложилъ безвозмездно свой трудъ по наблюденію за ними. Помѣщеніе для курсовъ имѣется готовое въ постройкахъ семинаріи, на лѣто пустующихъ. Столъ можно устроить въ той же семинаріи, ассигновавъ на него по 20 коп. на человѣка. Этого совершенно достаточно. Руководителямъ придется заплатить по 300 рублей,—цифра эта взята изъ опыта московскаго и тверского земства. Конечно, можно отложить устройство курсовъ, но, имѣя готовыя силы, помѣщеніе для курсовъ, полную возможность устроить и удобно и дешево, предпринявъ ближайшее знакомство со школьнымъ дѣломъ ради выясненія вида нужной помощи отъ губернскаго земства,—было бы крайне неразсчетливо отказываться отъ устройства курсовъ въ ближайшій срокъ".

Предложеніе это было одобрено собраніемъ, и лѣтомъ 1898 года учительскіе курсы состоялись.

Отдавая отчетъ собранію о ходѣ этого дѣла, предсѣдатель управы, князь Н. С. Волконскій, прочелъ выдержку изъ интереснаго доклада профессора А. И. Кирпичникова въ московскомъ обществѣ грамотности: „Объ учительскихъ курсахъ въ городѣ Рязани, въ іюнѣ 1898 года", слѣдующаго содержанія:

„Я пріѣхалъ въ Рязань въ началѣ второй недѣли курсовъ и попалъ на утреннія занятія, часу въ десятомъ. Они происходили въ большомъ, почти квадратномъ залѣ семинаріи, могущемъ вмѣстить человѣкъ до 400. Въ этотъ моментъ онъ былъ занятъ нѣсколько менѣе, чѣмъ на половину. Все пространство его было раздѣлено на двѣ части широкимъ проходомъ, въ которомъ стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, для начальства и почетныхъ посѣтителей.

„Направо и налѣво отъ прохода стояли скамьи, причемъ стоящія направо были параллельны проходу, а налѣво—перпендикулярны къ нему. Налѣво противъ скамеекъ стояла каѳедра. Мнѣ объяснили, что

Digitized by Google

направо отъ прохода помѣщаются сторонніе посѣтители курсовъ, а налѣво, противъ каѳедры—постоянные курсисты и курсистки; ихъ было, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе, нежели посѣтителей, и они-то были главными дѣятелями и объектомъ, надъ которымъ работали руководители.

„Прежде всего я сталъ всматриваться въ лица и фигуры учителей и учительницъ. Мужчинъ, какъ видно изъ оффиціальнаго документа, было значительно больше, чѣмъ женщинъ; возрастъ былъ самый разнообразный: отъ 20-ти лѣтъ до 40 слишкомъ; незначительное большинство составляли совсѣмъ молодые люди, отъ 23 до 27-ми лѣтъ.

„Костюмы поражали своимъ разнообразіемъ: были и люди красиво и изящно, почти франтовски одѣтые; были и въ сибиркахъ и въ высокихъ сапогахъ; послѣдніе, какъ оказалось изъ разспросовъ—такъ называемые учителя грамоты, никогда не вступавшіе въ пренія. Учительницы также въ значительномъ большинствѣ были совсѣмъ молодыя дѣвушки, отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ, одѣтыя скромно, многія бѣдно, но всѣ вполнѣ прилично. Общее выраженіе на всѣхъ лицахъ было напряженное и умное вниманіе, которое, какъ извѣстно, осмысливаетъ физіономіи и не особенно интеллигентныя.

„Я попалъ на бесѣду руководителя по русскому языку; онъ сидѣлъ на каѳедрѣ съ вопросами, напечатанными заранѣе, и съ писаннымъ конспектомъ желательныхъ отвѣтовъ; онъ обращался только къ лѣвой сторонѣ аудиторіи; онъ показался мнѣ человѣкомъ серьезнымъ и знающимъ, но не особенно находчивымъ и немного рутинеромъ. Форма бесѣды была такая: онъ задавалъ вопросъ и старался подвести отвѣты курсистовъ къ готовой уже у него формулѣ; если онъ не могъ сразу добиться этой формулы, или встрѣчалъ возраженія (послѣднія чаще шли отъ учительницъ, изъ которыхъ значительная часть, какъ оказалось, по справкамъ, окончила среднюю школу: гимназію или епархіальное училище), онъ не умѣлъ довести слушателей до убѣжденія въ томъ, что его формула есть наилучшая, не всегда умѣлъ отпарировать возраженіе и въ концѣ концовъ заявлялъ свой отвѣтъ категорически. Но въ общемъ, пока я не имѣлъ матеріала для сравненія, мнѣ показалось, что дѣло идетъ довольно оживленно и вполнѣ цѣлесообразно. Со стороны курсистовъ и курсистокъ не замѣчалось и тѣни самомнѣнія или рѣзкости, а съ другой стороны, не было и того равнодушно-рабскаго отношенія къ словамъ руководителя, которое такъ часто встрѣчается въ средней школѣ и которое было бы особенно нежелательно со стороны болѣе или менѣе опытныхъ преподавателей. Спорящіе не перебивали ни предсѣдателя, ни другъ друга; все записывали только двое-трое; остальные дѣлали отмѣтки, повидимому, преимущественно фактическаго характера.

Digitized by Google

„Но совсѣмъ иное впечатлѣніе получилось у меня, когда въ тотъ же день послѣ обѣда я попалъ на бесѣду руководителя по ариѳметикѣ. Онъ былъ тоже основательный знатокъ своего дѣла, но при этомъ живой и очень талантливый человѣкъ: остроумный, находчивый, обладающій въ высокой степени даромъ слова и разумной мягкостью. Сразу можно было видѣть, что онъ—любимецъ курсистовъ: во-первыхъ, вся аудиторія была наполнена; во-вторыхъ, хотя порядокъ не нарушался ни на минуту, но здѣсь дѣйствительно происходили оживленныя пренія, всецѣло захватывающія интересъ не только участвующихъ, но и присутствующихъ.

„Если руководитель; на свой всегда прекрасно разъясненный вопросъ, получалъ отвѣтъ невѣрный по существу, или неудачно выраженный, онъ быстро, оставаясь въ положеніи вопрошающаго, обнаруживалъ его слабую сторону и не самъ, а устами курсистовъ давалъ отвѣтъ надлежащій, не гоняясь, однако, за буквальной точностью, допуская иногда и двѣ-три формулы.

„Его резюмированіе преній и заключеніе поражали своей ясностью, наглядностью и даже красотой формы, при чемъ, однакоже, слушателямъ могло казаться, что руководитель только повторяетъ ихъ слова, только, такъ сказать, съ корректурными поправками.

„Ту же талантливость, ту же разумную мягкость обнаруживалъ онъ и при разборѣ примѣрныхъ уроковъ, и въ этомъ случаѣ, казалось, что это вовсе не курсы, и что онъ не руководитель, а свободно выбранный предсѣдатель съѣзда опытныхъ и въ значительномъ большинствѣ талантливыхъ народныхъ учителей.

„Аудиторія, такъ сказать, умнѣла на моихъ глазахъ; умнѣли и лучше понимали дѣло, какъ мнѣ казалось, и тѣ почетные посѣтители и посѣтительницы, которые сидѣли за зеленымъ столомъ и которые почти отсутствовали на бесѣдахъ по русскому языку. Работа руководителя по ариѳметикѣ не ограничивалась назначенными часами. Передъ урокомъ и въ антрактахъ онъ былъ постоянно окруженъ курсистами и посторонними посѣтителями.

„Для меня было чрезвычайно удобно то обстоятельство, что я жилъ у г. предсѣдателя управы, который уже много лѣтъ занимается школьнымъ дѣломъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ: къ нему заходили знакомые ему учителя по дѣламъ послѣ занятій, а въ воскресенье утромъ ихъ перебывало человѣкъ восемь; съ помощью ихъ откровенныхъ рѣчей я могъ составить себѣ нѣкоторое понятіе и о степени ихъ развитія, и о ихъ бытѣ. О курсахъ они отзывались въ общемъ очень благопріятно, иные даже восторженно; можетъ быть, они немного грѣшили относительно перваго руководителя, слишкомъ понижая его, но въ общемъ оказались вполнѣ способными къ разумной критикѣ. Я узналъ,

Digitized by Google

что внѣ занятій они, разбившись на кружки, ведутъ долгія бесѣды, иногда до двухъ часовъ ночи, что̀ не мѣшало имъ въ восемь часовъ утра быть уже на мѣстѣ съ карандашами въ рукахъ. Они, дѣйствительно, наслаждаются этимъ живымъ общимъ дѣломъ и искренно жалѣютъ своихъ товарищей, которые не могли попасть на курсы. Относительно ихъ быта зимой и вообще внѣ курсовъ я узналъ, что главная тягостная сторона ихъ жизни—это почти полное уединеніе, такъ какъ съ окружающимъ ихъ обществомъ, хотя бы они и сами вышли изъ крестьянъ, связи очень мало, вслѣдствіе отсутствія тождественныхъ интересовъ. Я пришелъ къ заключенію, что изъ нихъ можно выдѣлить нѣсколько довольно обособленныхъ группъ, а именно: тѣ учителя, которые на бесѣдахъ выдѣлялись своимъ изящнымъ костюмомъ, оказались не сыновьями богатенькихъ отцовъ, какъ я думалъ, а просто ловкими и энергичными практическими людьми, поставленными, къ тому же, судьбою въ благопріятныя условія, т.-е. живущими въ большихъ селахъ;—тамъ они умѣютъ найти себѣ и уроки у управляющаго, у священника, иногда у помѣщика, и конторскія работы, и даже снимаютъ землю въ аренду, причемъ обработываютъ ее не своими руками, а наемными; такіе учителя и женятся большею частью не безъ приданаго, да и сами съумѣютъ добыть средства для семьи, хотя бы и не особенно малочисленной. Учителя, не наклонные къ практической дѣятельности, или живущіе въ такой мѣстности, гдѣ она невозможна, если они неженаты, несмотря на крайне, повидимому, недостаточное содержаніе, легко сводятъ концы съ концами и даже находятъ возможность покупать кое-какія дешевенькія книжки и досугъ свой наполняютъ чтеніемъ, занятіями ботаникой, изрѣдка собираніемъ пѣсенъ и проч. Если въ школѣ два учителя и они живутъ ладно, то и жизнь ихъ представляется имъ даже какъ будто не особенно тяжелой. Всего хуже положеніе семейныхъ и въ особенности многосемейныхъ, т.-е. имѣющихъ двоихъ, троихъ дѣтей и старуху мать; женатый учитель, имѣющій одного ребенка, не считаетъ своего положенія тяжелымъ; одинъ изъ такихъ, получающій, кажется, 15 рублей въ мѣсяцъ, на мой вопросъ, какъ же живетъ онъ на эту сумму, довольно бодро отвѣтилъ мнѣ: „Разносоловъ, конечно, не бываетъ; но живемъ ничего себѣ, не особенно нуждаемся“;—вся ихъ энергія по неволѣ уходитъ на тяжелую и почти непрестанную борьбу съ жизнью, и они старѣются чрезвычайно быстро, но и въ нихъ не угасаетъ искра и уваженіе къ своему дѣлу.

„Окончились курсы: разъѣхались учителя и учительницы, потерявъ каждый, примѣрно, по 10—12 фунтовъ въ вѣсѣ, но зато энергія и работоспособность каждаго увеличились на 30—40%. А такъ какъ эти 1.200 человѣкъ будутъ, въ продолженіе слѣдующаго года,

Digitized by Google

работать надъ нѣсколькими тысячами дѣтей, то нужно ли доказывать, какую огромную пользу принесли эти двѣ недѣли цѣлой губерніи"?

А чего все это стоило на деньги, — мы имѣемъ подробную вѣдомость, представленную управой собранію: это обошлось въ 1.869 руб. 48 коп. [1]).

Курсы съ большимъ успѣхомъ повторены были и въ 1899 году.

Лѣтомъ того же 1898 года, по порученію собранія, было созвано при губернской управѣ и *совѣщаніе* изъ лицъ, на которыхъ фактически лежитъ въ различныхъ уѣздахъ завѣдываніе школьнымъ дѣломъ, поскольку послѣднее зависитъ отъ земства,—для обсужденія вопроса о томъ, какими способами губернское земство могло бы наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ принять участіе въ развитіи дѣла народнаго образованія и земскихъ на то расходахъ. На это совѣщаніе были также приглашены директоръ и инспектора народныхъ училищъ, члены отъ земства губернскаго училищнаго совѣта, директоръ земской учительской семинаріи, а также лица, заявившія желаніе участвовать въ этомъ совѣщаніи.

Приготовляясь къ означенному совѣщанію, губернская управа составила предварительную программу вопросовъ, которые, по ея мнѣнію, должны были быть разсмотрѣны, включивъ въ нихъ и всѣ тѣ, какіе были возбуждены въ сообщеніяхъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земскихъ собраній, уѣздныхъ управъ и членовъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, прошлогоднему очередному губернскому земскому собранію.

Одновременно съ тѣмъ, приступая къ исполненію другого порученія собранія—устройству минувшимъ лѣтомъ краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ при земской учительской семинаріи, губернская управа, по совѣщанію съ наблюдателемъ за означенными курсами, директоромъ этой семинаріи, обратилась съ рядомъ вопросовъ о положеніи училищъ и учителей и ихъ нуждахъ къ самимъ учителямъ, чтобы такимъ образомъ ознакомиться съ дѣломъ и съ ихъ точкой зрѣнія.

Изъ 531 земскихъ школъ губерніи получено было 367 отвѣтовъ, такъ что, можно сказать, отвѣты получены по 69% всѣхъ такихъ училищъ. Отвѣты эти тоже были приняты губернской управой во вниманіе при составленіи программы вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе совѣщанія.

Сообщенія совѣщанія были переданы въ уѣзды, отъ большинства

[1]) Самыми крупными статьями расхода явились: вознагражденіе руководителямъ — 600 рублей, прогонныя деньги курсистамъ — 545 руб.; на продовольствіе же курсистамъ и прислугѣ пошло 466 руб. 90 коп.

Digitized by Google

которыхъ получены отзывы по различнымъ, возбужденнымъ на совѣщаніи, вопросамъ.

Если обратиться къ своду свѣдѣній о положеніи земскихъ школъ и средствъ по народному образованію, и пробѣжать сдѣланныя сообщенія, то главный недостатокъ, отъ котораго терпятъ наши школы, бросится въ глаза. Онъ можетъ быть выраженъ въ одномъ словѣ: безпризорность. Невелики расходы, употребляемые многими уѣздами на содержаніе училищъ, но это отразилось бы на количествѣ открываемыхъ школъ и на тяжелыхъ условіяхъ дѣятельности уже существующихъ училищъ.

Тяжело положеніе учителя, иногда семейнаго, вынужденнаго жить въ тѣсной каморкѣ при школьномъ зданіи, а иногда даже и на наемной квартирѣ, получая 15—20 рублей въ мѣсяцъ (за вычетомъ въ эмеритуру); но оно было бы сноснѣе, еслибы зданіе всегда, какъ слѣдуетъ, отапливалось, было бы во-время ремонтировано, такъ что не дуло бы въ стѣны, не стояли бы до глубокой осени невставленныя рамы, не распространялся бы угаръ отъ печи; еслибы можно было имѣть какое-либо свое хозяйство при училищѣ, располагая для того хотя какими-нибудь надворными постройками; еслибы всегда былъ при училищѣ сторожъ, который бы помогъ учителю исполнить самыя простыя работы по содержанію въ порядкѣ зданія и проч. Лучше шло бы и ученіе, еслибы потребности школы, начиная отъ отопленія и школьной мебели до учебныхъ принадлежностей включительно, всегда были исправны: еслибы ученики аккуратнѣе посѣщали школы и проч. Всѣ наши уѣзды, принявшіе за основаніе организаціи школьнаго дѣла содержаніе училищъ сообща съ сельскими обществами, для которыхъ училища устроиваются, и возложившіе на эти общества расходы и попеченіе по ремонту, отопленію и освѣщенію училищъ и проч.,—стоятъ лицомъ къ лицу съ неудобствами, вытекающими изъ своеобразнаго отношенія этихъ обществъ, по содержанію школы, къ выполненію принятыхъ на себя обязанностей.

Стараются бороться съ этими неудобствами различными способами: нѣкоторые уѣзды нанимаютъ особыхъ лицъ для надзора за хозяйственнымъ состояніемъ училищъ, которыя ѣздятъ и напоминаютъ населенію о томъ, что необходимо сдѣлать для училища. Это нѣсколько помогаетъ, но устранить всѣхъ недостатковъ все-таки не можетъ, ибо самый взглядъ на потребности училища у крестьянъ совсѣмъ другой. Обращаются и въ различныя учрежденія, къ попечителямъ, къ земскимъ начальникамъ. Но и этимъ путемъ невозможно добиться настоящаго успѣха въ дѣлѣ, основанномъ на добромъ согласіи населенія участвовать въ немъ. Понятно, что многіе учителя указываютъ на принятіе содержанія училищъ цѣликомъ на земство,

Digitized by Google

съ производствомъ отъ земства же всѣхъ расходовъ, какъ на единственный способъ добиться хорошихъ условій для дѣятельности заведенія. Къ сожалѣнію, губернское земство въ этомъ отношеніи ничѣмъ помочь уѣздамъ не можетъ. Еслибы даже было возможно, посредствомъ, напримѣръ, пособій отъ губерніи перевести по нѣсколько училищъ въ каждомъ уѣздѣ на полное земское содержаніе,—этимъ было бы еще немного достигнуто. Стоило бы содержаніе такихъ училищъ, конечно, много дороже, чѣмъ во что̀ обходится содержаніе нынѣшнихъ училищъ и земству, и крестьянскимъ обществамъ, вмѣстѣ взятымъ; а помощь, такимъ образомъ оказанная, была бы крайне неуравнительною для плательщиковъ различныхъ мѣстностей, которымъ такими училищами воспользоваться не придется.

О такой мѣрѣ со стороны губернскаго земства можно бы было серьезно говорить лишь въ томъ случаѣ, если бы была какая-нибудь надежда на возможность повсемѣстно открыть такія училища; да и то еще вопросъ, хозяйственно ли было бы браться за осуществленіе проекта всеобщаго образованія этимъ способомъ.

Положеніе земства по отношенію къ дѣлу народнаго образованія представляется въ совершенно другомъ видѣ. „Земству приходится ползти въ этомъ дѣлѣ на встрѣчу теченію, ежеминутно грозящему снести его внизъ, разрушивъ разомъ всѣ его усилія. И недостатокъ средствъ, и недостатокъ организаціи, наконецъ, предубѣжденіе и вліянія всевозможнаго рода, — все сложилось противъ этого дѣла. Когда видишь вокругъ себя изъ года въ годъ повторяющіяся голодовки, свидѣтельствующія о послѣдовательно идущемъ впередъ обѣднѣніи массы населенія то той, то другой мѣстности, когда встрѣчаешь случаи дѣйствительнаго недостатка въ пищѣ,—думать не хочется о какихъ бы то ни было мѣрахъ, требующихъ новыхъ жертвъ отъ этого населенія, новыхъ затратъ на что̀ бы то ни было, даже на дѣло образованія. Только отвлекшись на время отъ созерцанія такой нужды, пріобрѣтаешь способность вновь разсуждать и думать о какихъ-либо другихъ потребностяхъ и снова понимаешь, что дѣло народнаго образованія—такое, которое непремѣнно надо вести впередъ, хотя бы и цѣною неимовѣрныхъ усилій“...

Въ такомъ положеніи, нельзя не согласиться со взглядомъ, что въ этомъ дѣлѣ должны найти мѣсто совокупныя усилія всѣхъ, и крестьянскихъ обществъ, и частныхъ лицъ, и земства, и правительственныхъ и иныхъ учрежденій всѣхъ вѣдомствъ, и самого правительства. Ибо только совокупными усиліями всего общества можно разсчитывать двинуть впередъ это необходимое, но трудное дѣло.

Выше было обращено вниманіе на недостатки, вытекающіе для условій школьной жизни отъ плохого исполненія крестьянскими обще-

Digitized by Google

ствами и ихъ органами тѣхъ обязательствъ, которыя они приняли на себя предъ земствомъ въ отношеніи училищъ, содержимыхъ ими сообща, преимущественно же касательно ремонта школъ и школьной мебели, отопленія и освѣщенія училищъ, найма сторожа и выполненія необходимыхъ для правильнаго теченія преподаванія требованій учителей. Нѣтъ сомнѣнія, что ежели бы среди сельскаго населенія находились лица, способныя какъ слѣдуетъ оцѣнить вліяніе на дѣло обученія этихъ условій, то съ улучшеніемъ одной этой части была бы достигнута такая выгода, что успѣхъ училищъ среди данной мѣстности былъ бы обезпеченъ. Навѣрное, нашлись бы тогда среди самаго населенія и неожиданныя средства для школы, и люди, которые не пожалѣли бы трудовъ на такое дѣло, и уѣздному земству, съ своей стороны, можно было быть увѣреннымъ, что его затраты на училища не останутся непроизводительными. Тогда можно бы было уѣзду легче теперешняго рѣшиться, напримѣръ, и на такую мѣру, какъ принятіе оплаты учителей цѣликомъ на себя,—условіе, отсутствіе котораго служитъ въ настоящую пору въ нѣкоторыхъ уѣздахъ однимъ изъ важныхъ тормазовъ открытія новыхъ училищъ. Мы видимъ, что замѣнить такое участіе какими-либо иными мѣрами ни уѣздному земству, ни земскимъ начальникамъ невозможно. Земская волость въ качествѣ самостоятельной единицы земскаго самоуправленія—вотъ единственное средство, которое могло бы создать для нашихъ училищъ эти недостающія имъ теперь условія. Нельзя достаточно часто указывать на этотъ огромный пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, дающій себя чувствовать всякій разъ, какъ земство пытается подойти къ нуждамъ населенія, къ удовлетворенію его существенныхъ потребностей. За отсутствіемъ такого учрежденія приходится, конечно, прибѣгать къ другимъ способамъ какъ-нибудь восполнить этотъ пробѣлъ, чѣмъ-нибудь замѣнить недостающій земству органъ. Въ числѣ средствъ къ тому было указываемо въ совѣщаніи на образованіе попечительствъ при школахъ и даже на образованіе такихъ же попечительствъ при земскихъ начальникахъ, но оба предложенія холодно встрѣчены совѣщаніемъ и еще холоднѣе—въ уѣздахъ. Нельзя поэтому не присоединиться къ предложенію рязанскаго уѣзднаго земскаго собранія, нашедшаго нужнымъ, въ видахъ бо́льшаго выясненія этого дѣла, дать отъ лица губернскаго земскаго собранія порученіе губернской управѣ вмѣстѣ съ особой коммиссіей тщательно разработать вопросъ объ устройствѣ мелкихъ земскихъ органовъ, съ тѣмъ чтобы затѣмъ въ порядкѣ ходатайства данъ былъ надлежащій ходъ этому серьезнѣйшему и важнѣйшему земскому вопросу.

Пока нельзя не рекомендовать вниманію уѣздныхъ собраній полезность назначенія отъ земства особыхъ наблюдателей за хозяйствен-

Digitized by Google

ными нуждами училищъ. Вездѣ, гдѣ такіе наблюдатели приглашались (за особую плату), мѣстное земство оставалось довольно ихъ дѣятельностью и признавало расходъ на ихъ содержаніе и разъѣзды производительнымъ. Содержаніе надзора за школами, аккуратно выплачиваемое жалованье учителямъ, всего лучше цѣликомъ принимаемое на земскую смѣту и, во всякомъ случаѣ, выдаваемое чрезъ посредство земства, и достаточное снабженіе училищъ учебными пособіями, признаются главными обязанностями уѣзднаго земства, желающаго, чтобы у него школьное дѣло шло хорошо.

Въ числѣ вопросовъ, поставленныхъ на обсужденіе совѣщанія, былъ предложенъ вопросъ объ участіи губернскаго земства въ общихъ расходахъ уѣздовъ по народному образованію, опредѣленіе формулированный такъ: признается ли цѣлесообразнымъ опредѣлить для уѣздовъ извѣстный размѣръ требованій или расходовъ по школьному дѣлу, выполненіе которыхъ давало бы уѣзду право на помощь отъ губернскаго земства на дальнѣйшіе расходы по народному образованію?

Хотя большинство совѣщанія и признало желательнымъ принятіе такой мѣры, признавъ необходимою выработку губернскою управою общей нормы, которая бы давала уѣзду право на помощь губерніи, но большинство уѣздныхъ собраній, сообщившихъ свое мнѣніе по этому вопросу, отнеслось несочувственно къ такой постановкѣ. Не высказались противъ этой мѣры или высказались, напротивъ, въ пользу ея только три уѣзда: рязанскій, спасскій и касимовскій, причемъ послѣдній уѣздъ сдѣлалъ оговорку, что выработать такія нормы будетъ очень трудно.

Собранія остальныхъ уѣздовъ, коснувшись этого вопроса, высказались противъ такого участія губерніи, причемъ два собранія, данковское и сапожковское, возражали даже противъ принятія губернскимъ земствомъ какихъ бы то ни было мѣръ въ дѣлѣ народнаго образованія, кромѣ содержанія учительской семинаріи.

Всего опредѣленнѣе высказалось данковское собраніе, согласившееся съ слѣдующимъ предложеніемъ гласнаго Лукинскаго:

„До сихъ поръ дѣло народнаго образованія находилось въ завѣдываніи уѣзда, губернское земство содержало только одну учительскую семинарію. Теперь, какъ видно, губернія хочетъ вмѣшаться въ эту отрасль уѣзднаго земскаго хозяйства, что̀ совершенно нежелательно, а потому онъ и предложилъ высказать желаніе, чтобы дѣло народнаго образованія попрежнему осталось всецѣло въ распоряженіи уѣзднаго земства, безъ всякаго вмѣшательства со стороны губернскаго земства въ это дѣло“.

Подробнѣе мотивировано это мнѣніе въ докладѣ егорьевской

Digitized by Google

управы своему собранію, въ которомъ проводится та мысль, что уѣзды производительнѣе могутъ употребить деньги, расходуемыя ими на народное образованіе у себя дома, чѣмъ проводя его черезъ губернскую смѣту, по распоряженію губернскаго собранія.

Нельзя не согласиться, что при теперешней постановкѣ училищнаго дѣла въ рязанской губерніи такой взглядъ имѣетъ много основательнаго, чѣмъ и объясняется дружный отпоръ, данный большинствомъ уѣздныхъ собраній этому предложенію. Вообще надо, чтобы губернія своимъ участіемъ давала что-нибудь такое, потребность въ чемъ ясно ощущалась бы въ уѣздахъ, но чего достигнуть уѣздному земству непосредственно или нельзя, или менѣе удобно, чѣмъ черезъ посредство губернскаго земства. Только такое участіе будетъ, и по мнѣнію губернской управы, желательно, а слѣдовательно—и полезно. Это будетъ не вмѣшательство губернскаго земства въ дѣло, самостоятельно веденное уѣздами, а содѣйствіе, оказываемое по желанію самихъ уѣздовъ. И такія мѣры есть. Онѣ указаны въ постановленіяхъ собраній шести уѣздовъ, доставившихъ свои заключенія по отдѣльнымъ предложеніямъ совѣщанія.

Мѣры эти слѣдующія:

По вопросу о содѣйствіи губернскаго земства къ улучшенію школьныхъ зданій совѣщаніемъ было предложено: во-первыхъ—установленіе губернскимъ земствомъ особаго ссуднаго капитала на постройку и перестройку школъ подъ ручательствомъ уѣзда, причемъ должны быть выработаны извѣстныя правила о порядкѣ пользованія ссудами изъ капитала со стороны уѣзднаго земства; во-вторыхъ, принятіе губернскимъ земствомъ на себя извѣстной доли въ безвозвратныхъ пособіяхъ, выдаваемыхъ уѣздами сельскимъ обществамъ.

Губернская управа, сообщая объ этомъ заключеніи совѣщанія уѣздамъ, съ своей стороны признавала возможнымъ осуществить это предложеніе открытіемъ уѣздамъ кредита изъ средствъ запаснаго капитала губернскаго земства въ опредѣленномъ для каждаго уѣзда размѣрѣ, напр. 5.000 руб. на каждый, въ случаяхъ, когда уѣзды установятъ способъ надзора за тѣмъ, чтобы возводимыя зданія дѣйствительно удовлетворяли своему назначенію,—срокомъ не свыше трехъ лѣтъ, безпроцентно, при своевременной уплатѣ уѣздами части, причитающейся въ возвратъ долга, и съ уплатою обычнаго процента на часть ссуды, неуплаченную своевременно, и съ пріостановкою дальнѣйшихъ ссудъ невыполнившему свои обязательства уѣзду, впредь до выполненія ихъ,—хотя наличныя средства запаснаго капитала не дозволяли бы широкаго примѣненія этой мѣры въ настоящее время.

Изъ всѣхъ уѣздовъ въ пользу этой мѣры рѣшительно высказались только егорьевскій, находившій, что удѣлить средства на постройку

Digitized by Google

школъ — губерніи легче, чѣмъ уѣзду, и рязанскій, примкнувшій вообще къ заключенію большинства совѣщанія, кромѣ немногихъ вопросовъ. Уѣзды зарайскій, касимовскій и раненбургскій отнеслись къ этой мѣрѣ безразлично, хотя одобрили предположенныя губернскою управою основанія выдачи помощи; собранія михайловское и спасское высказались противъ предложенія.

Въ пользу участія губернскаго земства въ постройкѣ школъ безвозвратными пособіями оказался только одинъ голосъ рязанскаго уѣзда, и четыре уѣзда высказались противъ такого участія.

Въ виду такого отношенія уѣздныхъ собраній къ этому предложенію, губернская управа полагала, что потребность въ учрежденіи при губернскомъ земствѣ особаго ссуднаго капитала для постройки школъ не настолько настоятельна, чтобы было необходимо принимать эту мѣру при теперешнемъ состояніи кассы губернской управы. Вопросъ же объ участіи губернскаго земства въ безвозвратныхъ пособіяхъ, выдаваемыхъ уѣздами на постройку школъ, не признано возможнымъ поддерживать вовсе.

По вопросу о созывѣ съѣздовъ учителей и устройствѣ педагогическихъ курсовъ совѣщаніе высказало: „Учительскіе съѣзды крайне полезны. Но устройство ихъ возможно и желательно въ уѣздахъ; въ виду же того, что въ настоящее время подобные съѣзды не дозволяются, необходимо возбудить ходатайство о разрѣшеніи ихъ. Педагогическіе курсы тоже очень полезны. Устройство ихъ удобнѣе пріурочить къ губерніи, съ отнесеніемъ всѣхъ расходовъ по организаціи курсовъ на губернскій счетъ". При этомъ было выражено желаніе, чтобы въ теченіе извѣстнаго промежутка времени учителя всей губерніи прошли черезъ курсы, съ какою цѣлью долженъ быть выработанъ порядокъ пользованія курсами со стороны уѣздовъ. Справедливѣе всего представляется, чтобы уѣздъ посылалъ своихъ учителей на курсы сообразно общему числу ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во избѣжаніе затрудненій при устройствѣ курсовъ,—заключающихся, между прочимъ, въ необходимости представлять на утвержденіе министерства именной списокъ учителей, приглашаемыхъ на курсы, совѣщаніе высказалось за необходимость ходатайства объ измѣненіи этого порядка въ томъ смыслѣ, чтобы учителя назначались на курсы училищными совѣтами съ согласія инспекціи народныхъ училищъ, безъ представленія ихъ именного списка на утвержденіе министерства.

Объ устройствѣ книжныхъ складовъ и библіотекъ для чтенія, а также объ организаціи чтеній съ волшебными фонарями, заключенія совѣщанія были слѣдующія.

Устройство книжныхъ складовъ совѣщаніемъ признано болѣе удобнымъ отнести къ дѣлу уѣздныхъ земствъ, съ указаніемъ на крайнюю

Digitized by Google

полезность этой мѣры и на успѣшное ея развитіе въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ склады существуютъ (напр. скопинскій).

Относительно устройства библіотекъ для чтенія совѣщаніе высказалось, что было бы весьма полезно, еслибы губернское земство приходило въ этомъ отношеніи на помощь уѣздамъ, въ виду тѣхъ затрудненій, которыя, по заявленіямъ членовъ совѣщанія, встрѣчаются въ настоящее время при открытіи библіотекъ-читаленъ. Совѣщаніе точно также признало, что для устройства въ уѣздахъ чтеній съ волшебными фонарями весьма желательно содѣйствіе губернскаго земства. Помощь могла бы заключаться: 1) въ организаціи передвижныхъ фонарей съ картинами и разъѣздныхъ лекторовъ отъ губерніи съ цѣлью пропагандированія этихъ чтеній въ уѣздахъ; 2) въ устройствѣ при губернской управѣ склада картинъ для фонарей, для разсылки ихъ, какъ бы на прокатъ, по уѣздамъ; 3) въ принятіи губернскимъ земствомъ на себя посредничества при выпискѣ волшебныхъ фонарей, въ видахъ удешевленія ихъ стоимости и представленія большей возможности извлекать пользу изъ склада картинъ при условіи однородности фонарей по всѣмъ уѣздамъ.

Кромѣ того, признано необходимымъ возбудить ходатайство объ упрощеніи порядка открытія самыхъ чтеній въ томъ смыслѣ, чтобы разрѣшеніе на открытіе ихъ могло быть даваемо мѣстной дирекціей народныхъ училищъ.

Въ числѣ способовъ помочь матеріальному положенію училищъ и учащихся, было высказано желаніе пользоваться болѣе нынѣшняго надѣленіемъ училищъ землею на основаніи закона 12-го мая прошлаго года. Поэтому на губернскую управу было возложено даже порученіе выяснить, путемъ сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ, какимъ способомъ можно облегчить пользованіе этою мѣрою. По этому вопросу, точно также какъ и по вопросу объ уступкѣ казеннаго лѣса на надобности училищъ, получены были лишь немногія свѣдѣнія отъ владимірско-рязанскаго управленія государственными имуществами. Оказывается, что какъ отпускъ лѣса, такъ и отводъ земли не носятъ обязательнаго характера для министерства, т.-е. законъ 12 мая не даетъ права пользоваться отводомъ земли или отпускомъ лѣса на училища при какихъ бы то ни было условіяхъ, но даетъ лишь право министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ разрѣшать отпускъ или отводъ земли, когда это будетъ признано возможнымъ; впрочемъ, въ министерствѣ разработываются правила въ развитіе упомянутаго закона, которыми и имѣютъ быть ближайшимъ образомъ опредѣлены условія такого пользованія.

Кромѣ мѣръ для содѣйствія начальному образованію, совѣщаніе высказалось также и за оказаніе помощи уѣздамъ на устройство и

Digitized by Google

содержаніе среднеучебныхъ заведеній, а также за возбужденіе предъ правительствомъ ходатайства о выработкѣ новаго типа среднеучебнаго заведенія, отвѣчающаго вполнѣ нуждамъ населенія уѣздовъ. Такое заведеніе должно удовлетворять потребностямъ всѣхъ слоевъ населенія и соотвѣтствовать низшимъ классамъ существующихъ учебныхъ заведеній, дабы оно давало возможность продолжать образованіе: безразлично въ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ, корпусахъ, семинаріяхъ и проч.; ибо только при этихъ условіяхъ открываемыя заведенія будутъ въ состояніи удешевить среднее образованіе и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто въ немъ нуждается.

Размѣры журнальной статьи не дозволяютъ намъ съ достаточной подробностью остановиться на другихъ докладахъ князя Н. С. Волконскаго, затрогивающихъ различные вопросы земской жизни; вопросы ставились и выполнялись широко, и въ лѣтописяхъ рязанскаго земства они оставятъ слѣдъ и намѣтятъ путь на долгое время. За время предсѣдательства князя Волконскаго, кромѣ упомянутаго уже совѣщанія по народному образованію, состоялось еще пять съѣздовъ, куда приглашались, помимо земскихъ представителей, спеціалисты по той или иной отрасли земскаго управленія, подлежащей обсужденію даннаго съѣзда,—медицинской, ветеринарной, страховой, бухгалтерской и, наконецъ, послѣдней, психіатрической при участіи извѣстныхъ психіатровъ, директора земской психіатрической больницы въ Воронежѣ, Н. Н. Баженова, директора психіатрической больницы московскаго земства В. И. Яковенко и друг.

Отмѣтимъ мимоходомъ, что вопросъ о правѣ губернскаго земства обращаться, въ случаѣ надобности, къ созыву совѣщаній врачей для обсужденія вопросовъ земской медицины восходилъ въ рязанскомъ земствѣ на разсмотрѣніе правительствующаго сената по жалобѣ губернской земской управы на постановленіе рязанскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, причемъ сенатъ пришелъ къ заключенію, что „организованныя рязанскимъ земствомъ совѣщанія не представляютъ собою тѣхъ съѣздовъ, открытіе которыхъ обусловлено разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ: согласно постановленію земскаго собранія отъ 22-го января 1893 года, въ составъ сихъ совѣщаній должны входить, кромѣ лицъ, непосредственно участвующихъ въ земскомъ представительствѣ, лишь по одному земскому врачу отъ уѣзда по назначенію управы; засѣданія оныхъ не должны происходить публично, и наконецъ, на обязанность ихъ возлагалось лишь предварительное обсужденіе вопросовъ, вносимыхъ за симъ на разсмотрѣніе медицинскаго бюро, разработывающаго окончательно всѣ вопросы земской медицины“ (Указъ 4-го января 1899 года, № 23).

Digitized by Google

Заключенія психіатрическаго совѣщанія, состоявшагося въ Рязани 23—25 октября 1900 года, какъ видно изъ доклада князя Волконскаго рязанскому губернскому земскому собранію въ декабрьскую сессію того же года, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Если земство желаетъ исполнить свой долгъ въ отношеніи населенія по призрѣнію душевно-больныхъ и признаетъ, что призрѣніе на счетъ общества есть право душевно-больныхъ, а не благотворительность, имъ оказанная, то прежде всего нѣтъ надобности устанавливать какія-либо нормы для психіатрически больныхъ, поступающихъ въ эти заведенія. Совѣщаніе прямо высказалось противъ ограниченія пріема больныхъ какою-либо нормою, ибо обязанность земства удовлетворять потребности населенія, а не содержать извѣстное заведеніе. Другое дѣло—норма естественная, вытекающая изъ числа лицъ, которыя по своему положенію могутъ потребовать призрѣнія. Чтобы стать твердо въ этомъ дѣлѣ и дѣйствовать планомѣрно, избѣгая ошибокъ отъ непредвидѣнныхъ случайностей, необходимо имѣть это число постоянно въ виду, чтобы съ нимъ сообразовать свои дѣйствія. Но чтобы достигнуть этого, надо его выяснить, а для этого всего вѣрнѣе произвести точное изслѣдованіе. Число и характеръ больныхъ въ каждой мѣстности свои, и какъ бы осторожно мы ни пользовались чужимъ опытомъ, увѣренными въ правильности нашего разсчета мы быть не можемъ. Эту увѣренность можетъ дать только свое изслѣдованіе. Но такое обслѣдованіе стоитъ довольно дорого. Наиболѣе обстоятельнымъ изъ произведенныхъ до сего времени обслѣдованій этого рода считается обслѣдованіе, произведенное московскимъ земствомъ.

Если, за неимѣніемъ собственныхъ свѣдѣній положиться на московскія, то, по мнѣнію г. Яковенко, въ рязанской губерніи, при населеніи въ два милліона человѣкъ, должно быть около пяти тысячъ душевно-больныхъ, изъ которыхъ отъ 700 до 800 человѣкъ относятся къ разряду больныхъ, требующихъ содержанія въ больницѣ.

Помѣщеніемъ такого числа больныхъ въ психіатрическихъ заведеніяхъ не исчерпывается, однако, все, что̀ лежитъ на обязанности земства сдѣлать для посильнаго удовлетворенія душевно-больныхъ. Помимо больныхъ, которыхъ необходимо содержать въ больницахъ, есть цѣлый разрядъ лицъ, преимущественно хрониковъ, положеніе которыхъ можетъ быть значительно улучшено посредствомъ цѣлесообразнаго ухода, но которыхъ въ больницахъ можно и не держать. Опытъ показываетъ, что всего цѣлесообразнѣе переводить такихъ больныхъ въ болѣе привычную для нихъ и ближе стоящую къ обычнымъ условіямъ жизни въ обществѣ семейную обстановку, но не въ собственныя семьи, гдѣ прежде жили и дѣйствовали больные и гдѣ обыкно-

Digitized by Google

венно условія еще не таковы, чтобы больнымъ можно было безнаказанно въ нихъ возвращаться, а въ особыя, поставленныя подъ наблюденіе врача. Проживая здѣсь въ болѣе благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, больные обыкновенно улучшаются, иногда приходя въ сознаніе, въ которомъ имъ можно уже вернуться къ обычной жизни въ обществѣ; притомъ ихъ содержаніе стоитъ значительно дешевле, чѣмъ въ больницѣ. Вотъ почему и у насъ, и за границей сдѣлано было въ настоящее время и теперь дѣлается много опытовъ организаціи такихъ особыхъ колоній посемейнаго призрѣнія душевно-больныхъ подъ надзоромъ врачей-психіатровъ. Въ Россіи починъ этого вида призрѣнія принадлежитъ Н. Н. Баженову, въ бытность его директоромъ психіатрической больницы рязанскаго земства. Но въ настоящее время такія колоніи существуютъ уже въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ: въ Балахнѣ, нижегородской губерніи; въ екатеринославской губерніи, въ воронежской, будетъ и въ московской. Вездѣ этотъ способъ призрѣнія, какъ и всякое новое дѣло, пролагаетъ себѣ путь не безъ борьбы, но въ настоящее время уже успѣхъ есть на практикѣ, и этотъ видъ призрѣнія завоевываетъ себѣ все большее и большее число сторонниковъ, становясь необходимымъ звеномъ въ цѣпи психіатрическихъ заведеній земства. По мнѣнію г. Баженова, изъ числа нынѣшнихъ больныхъ, призрѣваемыхъ въ заведеніяхъ рязанскаго земства, до 200 человѣкъ могли бы бы переведены въ такую колонію, если бы она существовала. При такомъ числѣ больныхъ содержаніе ихъ обходилось бы земству не свыше 125 рублей. (Въ Балахнѣ, при меньшемъ числѣ больныхъ, больной обходится въ 125—135 рублей). Совѣщаніе признало устройство колоніи для призрѣнія больныхъ въ семьяхъ необходимымъ звеномъ психіатрической организаціи въ рязанской губерніи и выразило желаніе, чтобы на первое время была устроена такая колонія не менѣе какъ на 100 человѣкъ.

Другимъ способомъ призрѣнія хрониковъ, не требующихъ больничнаго ухода, является устройство земледѣльческихъ колоній при больницѣ. Такая колонія была въ распоряженіи г. Синани въ Новгородѣ и сейчасъ существуетъ у г. Штейнберга въ Саратовѣ. Этотъ способъ призрѣнія примѣняется и въ рязанскомъ земствѣ (Галенчино). Устройство такой колоніи, въ которой призрѣваемые работаютъ, имѣетъ двоякую цѣль: во-первыхъ, дать больнымъ занятіе, благотворно дѣйствующее на состояніе ихъ здоровья; а во-вторыхъ, удешевляетъ содержаніе больныхъ для земства посредствомъ оплаты части расходовъ ихъ же трудомъ. По удостовѣренію г. Штейнберга, содержаніе больного обходится саратовскому земству, благодаря колоніи, въ 156 рублей въ годъ.

Оба способа—призрѣніе въ семьяхъ и въ земледѣльческихъ коло-

Digitized by Google

ніяхъ—должны, по мнѣнію психіатровъ, взаимно дополнять другъ друга, составляя отдѣльныя звенья въ цѣпи земскихъ психіатрическихъ заведеній.

Въ практикѣ московскаго земства принято на-ряду съ помѣщеніемъ больныхъ въ психіатрическую больницу призрѣвать ихъ и въ собственныхъ или чужихъ семьяхъ на мѣстахъ, подъ надзоромъ участковаго земскаго врача. Семьямъ, содержащимъ такихъ больныхъ, выдается отъ земства пособіе отъ 2 до 5 рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ половина уплачивается губернскимъ земскомъ, а половина—уѣзднымъ.

Совѣщаніе признало такой способъ призрѣнія душевно-больныхъ въ собственныхъ семьяхъ, при пособіи отъ земства, желательнымъ при непремѣнномъ условіи организаціи медицинскаго надзора и контроля.

Напротивъ, устройство для призрѣнія нѣкоторыхъ формъ хрониковъ уѣздныхъ пріютовъ-богаделенъ признало нецѣлесообразною мѣрою и несомнѣнно болѣе дорогою противъ другихъ способовъ призрѣнія. Есть полное основаніе думать, что подобные пріюты-богадельни стали бы разростаться въ самостоятельныя больницы.

Такимъ образомъ намѣтились всѣ заведенія психіатрической организаціи, которая, при теперешнемъ состояніи знаній по этому дѣлу, можетъ дать земству возможность исполнить лежащую на немъ, по отношенію къ этой потребности, обязанность къ населенію: психіатрическая больница съ земледѣльческой колоніей при ней, колонія для призрѣнія хрониковъ въ селеніяхъ и организація призрѣнія душевнобольныхъ въ собственныхъ семьяхъ при пособіи отъ земства и подъ надзоромъ земскихъ врачей".

Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ заключеній совѣщанія по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, бывшимъ на его разсмотрѣніи, какъ, напримѣръ, о томъ, какъ поступать съ испытуемыми, алкоголиками и эпилептиками, или какъ обезпечить заведеніямъ надежный составъ служащихъ и проч.; точно также обойдемъ молчаніемъ и результатъ осмотра психіатрическихъ заведеній рязанскаго земства и предложенія нѣкоторыхъ неотложныхъ измѣненій порядковъ пріема и помѣщенія больныхъ, формулированныя въ весьма обстоятельномъ докладѣ доктора Н. Н. Баженова. Такія подробности, въ высшей степени интересныя, не укладываются, однако, въ рамки настоящей статьи.

Тотъ же недостатокъ мѣста препятствуетъ намъ подробно остановиться на докладахъ князя Волконскаго по дорожному дѣлу и по продовольствію населенія. Послѣдніе представляютъ особо выдающійся интересъ, будучи обоснованы на весьма поучительныхъ и цѣнныхъ цифровыхъ данныхъ. Такъ, между прочимъ, подъ наблюденіемъ князя Волконскаго осенью 1898 года произведено было статистическое обслѣ-

Digitized by Google

дованіе пяти волостей михайловскаго уѣзда, пострадавшихъ отъ неурожая 1897 и 1898 годовъ, и подъ его редакціей изданъ сборникъ, текстъ котораго написанъ имъ самимъ (см. „Результатъ обслѣдованія экономическаго состоянія селеній пяти волостей Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи 1899 года"). „Не можемъ не остановиться,—пишетъ тамъ князь Волконскій,—на нѣкоторыхъ мысляхъ, невольно приходящихъ въ голову при обозрѣніи полученныхъ свѣдѣній. Принято думать, что, благодаря различнымъ принятымъ мѣрамъ наше крестьянство болѣе или менѣе обезпечено; надѣленіе землею спасаетъ его отъ безхлѣбія, сельская община—отъ возможности обратиться въ пролетаріевъ. И всѣми мѣрами стараются поддержать сельское населеніе въ этихъ условіяхъ: и запрещеніемъ продажи общественной земли, и круговою порукою, и вмѣшательствомъ администраціи во всякій неосторожный шагъ населенія, якобы опекаемаго ею. Вотъ мѣстность не особенная (т.-е. пять волостей михайловскаго уѣзда), а самая заурядная, обыкновенная; пролетаріатъ въ ней уже готовъ. Онъ охватываетъ почти половину крестьянскаго населенія, и цѣлая четверть, кромѣ того, готова попасть въ такое же положеніе при первомъ удобномъ случаѣ. Не спасла его отъ того ни община, ни крестьянскій банкъ, ни административная опека. Постепенно и вѣрно идетъ населеніе этой мѣстности къ этому результату. Крестьянскія поля, вслѣдствіе разстроеннаго хозяйства, перестали приносить такіе урожаи, какіе бывали прежде и какіе могли бы быть; постройки стали хуже, и люди въ нихъ живутъ скученнѣе, тѣснѣе; скотъ убываетъ; само населеніе останавливается въ приростѣ и вынуждено высылать изъ своей среды все, что подѣльнѣе и поэнергичнѣе, на сторону, но тоже, повидимому, безъ особыхъ выгодъ; а когда приходятъ неурожаи и голодовки, то приходится обдумывать, какъ бы прокормить его хоть до-живу. И это все—несмотря на нѣкоторое даже увеличеніе земли и, по всей вѣроятности, и посѣвной площади.

„Нельзя не спросить себя, точно ли наши представленія о совершающемся вокругъ насъ вѣрны, а наши дѣйствія цѣлесообразны? Съ какимъ явленіемъ мы имѣемъ дѣло? Составляетъ ли отмѣченный упадокъ крестьянскаго хозяйства и благосостоянія послѣдствіе роковыхъ, непреложныхъ причинъ, или онъ объясняется болѣе или менѣе случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ? Есть ли упадокъ этотъ общее свойство губерніи, или онъ распространяется только на эту и, можетъ быть, на многія другія мѣстности? Настоящее изслѣдованіе не въ состояніи дать отвѣта на всѣ эти вопросы; оно ихъ только поставило. Правда, многое можно предугадать. Изъ того, что отмѣченное явленіе происходитъ уже довольно долго, нѣсколько лѣтъ, можно заключить, что оно не случайное, а по всей вѣроятности обусловливается по-

Digitized by Google

стоянно-дѣйствующими органическими причинами. Мѣстность, повидимому, тоже ничѣмъ не отличающаяся отъ очень многихъ другихъ мѣстностей рязанской губерніи, можно сказать—самая заурядная въ ней. Значитъ, надо думать, что тѣ же условія дѣйствуютъ и въ другихъ мѣстностяхъ той же губерніи, приводя къ такимъ же послѣдствіямъ. Какъ давно продолжается сказанное явленіе, тоже не видно; видно, что оно происходитъ не первый годъ; можно думать, что оно не всегда было такимъ, но весьма возможно, что ходъ измѣненій въ крестьянскомъ быту имѣлъ прежде другое направленіе; но когда случилась перемѣна—неизвѣстно. Отвѣтить на эти вопросы, а съ тѣмъ вмѣстѣ выяснить болѣе надежнымъ образомъ истинное значеніе происходящаго вокругъ насъ, могло бы, можетъ быть, другое, болѣе обширное изслѣдованіе, которое охватило бы всю губернію и вынесло бы наружу факты изъ болѣе отдаленнаго времени. Рязанское земство располагаетъ довольно обширнымъ матеріаломъ для такой работы въ своемъ сборникѣ статистическихъ свѣдѣній и въ своемъ архивѣ; но главное, для этого нужно болѣе широкое обслѣдованіе мѣстности, съ поѣздками туда и непосредственнымъ ознакомленіемъ съ тѣмъ, что дѣлается, — пріемы незамѣнимые въ дѣлѣ оцѣнки происходящихъ фактовъ".

Въ докладѣ губернскому собранію о продовольственной операціи 1897—1898 года князь Волконскій вновь возвращается къ тому же вопросу о хроническомъ обѣднѣніи крестьянскаго населенія [1]):

„Деревня Щекотово, правда, одна изъ самыхъ бѣдныхъ,—такъ заканчиваетъ князь Волконскій описаніе экономическаго положенія этой деревни, болѣе другихъ пострадавшей Токаревской волости, михайловскаго уѣзда.—Но вотъ другая, въ рижскомъ уѣздѣ, уже въ волости, особенно сильнаго неурожая не испытавшей, Марчуковской, деревня Телешовка... Изъ 23 дворовъ этого общества лошади оказались только въ шести дворахъ, и въ одномъ изъ нихъ двѣ; коровъ всѣхъ восемь, но изъ нихъ двѣ взято изъ телятъ; тѣмъ не менѣе, только немногія семьи сдали свою надѣльную землю, тогда какъ большинство обработываетъ ее наймомъ само. Пять избъ оказались забитыми; хозяева выселились или разбрелись, кто на Кубань, кто въ Сибирь, а кто и просто невѣдомо куда. Мужское населеніе тоже на половину, по крайней мѣрѣ, отсутствуетъ, разошедшись по заработкамъ. Женское населеніе, правда, дома, ибо на югѣ губерніи не принято такъ разбредаться въ уходъ, какъ въ сѣверныхъ уѣздахъ. Оставшіяся тоже побираются. Изъ всѣхъ дворовъ арендуетъ землю на сторонѣ только одинъ.

Что можно сдѣлать въ такомъ состояніи, какъ и чѣмъ помочь?

[1]) Стр. 29 Приложеній къ журналамъ Ряз. Губ. Земск. Собр. 1898—1899 г.г.

Digitized by Google

Само собой разумѣется, что дойти до такой степени нужды можно не въ одинъ годъ. Надобно, чтобы хозяйственныя условія продолжительное время были неблагопріятны; нужно продолжительное постоянное разореніе. Но когда оно есть, когда земству приходится считаться съ рядомъ селеній, находящихся въ такомъ или тому подобномъ положеніи, тогда продовольственное дѣло въ неурожайные годы становится дѣломъ совершенно особеннымъ, не предусмотрѣннымъ никакимъ уставомъ. И трудно придумать, какъ его вести".

Изслѣдуя тѣ или иныя явленія общественной жизни, князь Волконскій никогда не довольствовался одними теоретическими положеніями и цифровыми выкладками и данными. Лицомъ къ лицу становился онъ съ самой жизнью, лично самъ вникалъ во всѣ подробности изслѣдуемаго явленія и своимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ исправлялъ недостатки теоретическихъ, апріорныхъ выводовъ и построеній. Однимъ штрихомъ, однимъ иногда словомъ онъ умѣлъ передавать слушателямъ или читателямъ свое настроеніе и впечатлѣніе; въ этомъ и заключается разгадка того захватывающаго интереса и той жизненной правды, которыми дышалъ каждый серьезный его докладъ или рѣчь.

„Когда видишь вокругъ себя изъ года въ годъ повторяющіяся голодовки,-- говорилъ князь Волконскій, — свидѣтельствующія о послѣдовательно идущемъ впередъ обѣднѣніи массы населенія то той, то другой мѣстности, когда встрѣчаешь случаи дѣйствительнаго недостатка въ пищѣ,—думать не хочется о какихъ бы то ни было мѣрахъ, требующихъ новыхъ жертвъ отъ этого населенія, новыхъ затратъ на что бы то ни было, даже на дѣло образованія. Только отвлекшись на время отъ созерцанія такой нужды,—пріобрѣтаешь способность вновь разсуждать и думать о какихъ-либо другихъ потребностяхъ"...

А. Еропкинъ.

Рязань.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1902.

Государственная роспись на 1902-й годъ.—Закрытіе совѣщанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства.—Предполагаемое открытіе особаго дворянскаго отдѣла.—Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ „насиліемъ".—Сфера дворянскихъ ходатайствъ.—Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ.—Программа изслѣдованія причинъ упадка центральныхъ губерній.—Близкій конецъ работъ по составленію гражданскаго уложенія.—Отдѣленіе Кронштадта отъ петергофскаго уѣзднаго земства.

Государственная роспись на 1902-й годъ представляетъ собою, какъ и всѣ предшествующія ей, начиная съ 1891-го и въ особенности съ 1895-го года, значительное увеличеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ. Общая сумма государственныхъ доходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, составляла, по росписи на 1901-ый годъ—1.731.956 тыс. руб., превышая соотвѣтствующую цифру предъидущаго года на 136 милліоновъ; на 1902-ой годъ—общая сумма доходовъ опредѣлена въ 1.946.571.976 руб., т.-е. превышеніе составляетъ болѣе 214 милліоновъ. Обыкновенные доходы исчислены въ суммѣ 1.800.784.482, обыкновенные расходы—въ суммѣ 1.775.913.481 руб.; чрезвычайные доходы—въ 1.800.000, чрезвычайные расходы—въ 170.658.495 руб. На покрытіе разницы между чрезвычайными доходами и расходами предназначены, кромѣ избытка обыкновенныхъ доходовъ, 143.987.494 руб. изъ свободной наличности государственнаго казначейства, составлявшей на 1-ое января 1902-го года около 240 милл. руб. (благодаря полученію 127 милл. отъ реализаціи новаго выпуска 4% консолидированной ренты). Чрезвычайные расходы поглощаются почти всецѣло достройкой сибирской жел. дороги и сооруженіемъ другихъ желѣзныхъ дорогъ. Мы продолжаемъ думать, что какъ ни важно быстрое и широкое развитіе желѣзно-дорожной сѣти, оно не исчерпываетъ собою всѣ неотложныя надобности государства и народа. Съ небольшою, сравнительно, долею тѣхъ суммъ, которыя идутъ на по-

Digitized by Google

стройку желѣзно-дорожныхъ путей, можно было бы далеко подвинуть впередъ народное образованіе, низшее и высшее, общее и профессіональное. Крупный шагъ впередъ къ всеобщему обученію поднялъ бы производительныя силы народа не въ меньшей степени, чѣмъ новая желѣзно-дорожная линія. По словамъ самого министра финансовъ (въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о росписи на 1899-ый годъ), „народное просвѣщеніе представляетъ собою существенный факторъ экономическаго преуспѣянія страны; распространеніе общаго образованія, даже элементарной грамотности, не можетъ не отразиться благотворно на хозяйственномъ бытѣ населенія". Правда, по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1902-ой годъ кредиты увеличены на 3,6 милл. руб. (съ 33 милл. до 36,6 милл. руб.), а всѣ расходы по образованію, вмѣстѣ взятые (т.-е. расходы на учебное дѣло во всѣхъ вѣдомствахъ, располагающихъ своими учебными заведеніями)—на 9,3 милл. руб.; за десять лѣтъ сумма расходовъ этого рода увеличилась вдвое (съ 37,4 до 74,8 милл. рублей). Это, конечно, шагъ впередъ, но очень недостаточный, тѣмъ болѣе, что на долю начальной школы приходится лишь небольшая часть суммы, расходуемой всѣми вѣдомствами на народное образованіе. Много для начальнаго обученія до сихъ поръ дѣлало земство—но дальнѣйшее увеличеніе земскихъ расходовъ до крайности затруднено закономъ о фиксаціи земскаго обложенія. Семьдесятъ пять милліоновъ равняются лишь четыремъ съ небольшимъ процентамъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ. На душу населенія это составляетъ не болѣе 58 коп., а если принимать въ соображеніе одинъ бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія—29 коп. Во Франціи, по разсчету проф. Свирщевскаго, расходы министерства народнаго просвѣщенія, распредѣленные по душамъ, выражались уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ цифрою 2 руб. 11 коп., въ Пруссіи—1 руб. 89 коп., въ Австріи—64 коп., въ Венгріи—55 коп. Наиболѣе отсталая изъ этихъ странъ тратила на народное образованіе, такимъ образомъ, почти вдвое больше, чѣмъ Россія. Между тѣмъ, и въ западной Европѣ значительная часть расходовъ на народное образованіе покрывается изъ мѣстныхъ средствъ, къ которымъ, особенно въ странахъ католическихъ, присоединяются еще средства духовенства. А сколько есть у насъ другихъ потребностей, удовлетворяемыхъ слабо или неудовлетворяемыхъ вовсе! Назовемъ, для примѣра, общественное призрѣніе и разные виды государственнаго страхованія.

При томъ постоянномъ превышеніи доходовъ надъ расходами, которое, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, составляетъ отличительную черту нашихъ финансовъ, возможны и цѣлесообразны, кромѣ увеличенія затратъ на важнѣйшія стороны народной жизни, реформы

Digitized by Google

въ системѣ налоговъ, направленныя къ облегченію народной массы (напр. пониженіе выкупныхъ платежей) или къ отмѣнѣ аномалій въ родѣ страховой пошлины. Ничего подобнаго всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ и въ нынѣшнемъ году не намѣчаетъ, хотя и признаетъ крайне тяжелое вліяніе неурожая на экономическое положеніе всей страны. По разсчету министра, покупательная сила земледѣльческаго населенія въ 1901-2-мъ сельско-хозяйственномъ году сократилась болѣе чѣмъ на 100 милл. рублей, по сравненію же съ годами благопріятныхъ жатвъ—на 250 милліоновъ. „Едва ли при подобномъ подсчетѣ"—читаемъ мы дальше—„будетъ преувеличеніемъ, если оцѣнить общую недовыручку населенія вслѣдствіе плохихъ сборовъ хлѣбовъ за послѣднія пять лѣтъ до милліарда рублей". Тѣмъ не менѣе министръ финансовъ приходитъ къ заключенію, что общее экономическое положеніе страны постепенно улучшается. Доказывается это съ одной стороны повышеніемъ потребленія нѣкоторыхъ продуктовъ (чаю, сахару, хлопчато-бумажныхъ издѣлій, керосина, желѣза и стали), съ другой—„отличнымъ исполненіемъ смѣтныхъ предположеній" въ 1901-мъ году. Нетрудно замѣтить, однако, что указанное въ докладѣ повышеніе весьма невелико само по себѣ (напр. чаю—съ 0,73 до 0,94 фунта, т.-е. менѣе чѣмъ на $^1/_4$ фунта), какъ невелики и абсолютныя цифры, до которыхъ оно достигаетъ (напр. сахару приходится у насъ на душу $11^1/_4$ ф., тогда какъ въ сѣв.-америк. штатахъ соотвѣтствующая цифра еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ была 57 фунт., въ Англіи—два пуда). Совершенно неизвѣстно, притомъ, какимъ образомъ получается повышеніе потребленія—равномѣрнымъ ли его ростомъ для всѣхъ слоевъ населенія, или увеличеніемъ его среди нѣкоторыхъ изъ нихъ, параллельно чему можетъ идти даже уменьшеніе его среди другихъ. Послѣднее въ особенности возможно въ такіе моменты народной жизни, когда, по выраженію доклада, нарушается „равновѣсіе въ распредѣленіи", совершается „перемѣщеніе матеріальныхъ благъ отъ однѣхъ экономическихъ группъ къ другимъ". Группы, благосостояніе которыхъ уменьшается, могутъ быть гораздо многочисленнѣе тѣхъ, въ которыхъ оно растетъ—и есть основаніе думать, что именно таково отношеніе между ними, у насъ въ Россіи, въ настоящее время. Если повышеніе потребленія происходитъ только въ одной, и притомъ меньшей части населенія, то оно, очевидно, не можетъ служить аргументомъ противъ облегченія массы плательщиковъ—массы, которую столько разъ постигали тяжелые удары неурожая. Изъ того, что эта масса, даже въ годины бѣдствій, выноситъ податное бремя, изъ того, что продолжаютъ исправно поступать и даже растутъ государственные доходы, еще не вытекаетъ увѣренность въ ближайшемъ будущемъ. Изъ того, что „спросъ на продукты добываю-

Digitized by Google

щей и обработывающей промышленности у насъ увеличивается", еще нельзя заключать, что онъ и впредь „будетъ увеличиваться". Оффиціально признанное „оскудѣніе центра", столь же несомнѣнная безпомощность крестьянской массы при первомъ же сколько-нибудь серьезномъ недородѣ, медленность, съ которою изглаживаются слѣды стихійнаго бѣдствія—все это идетъ въ разрѣзъ съ оптимистическимъ взглядомъ на народное благосостояніе и заставляетъ думать, что именно въ эпоху процвѣтанія государственныхъ финансовъ надлежало бы положить начало давно назрѣвшимъ реформамъ въ податной системѣ.

Высочайшимъ рескриптомъ, даннымъ 1-го января на имя статсъ-секретаря И. Н. Дурново, закрыто особое совѣщаніе, учрежденное въ 1897 г. „для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства и изысканія средствъ къ облегченію переживаемыхъ имъ затрудненій". „Дальнѣйшее упроченіе судебъ первенствующаго въ имперіи сословія" должно, по словамъ рескрипта, занять „приличествующее ему мѣсто въ текущей дѣятельности государственнаго управленія", о чемъ и преподаны Высочайшія указанія министру внутреннихъ дѣлъ. Во исполненіе этихъ указаній „министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ составленію предположеній объ учрежденіи въ его составѣ, на правахъ департамента, особаго отдѣла, въ которомъ было бы сосредоточено производство по дѣламъ, касающимся дворянскаго сословія и дворянскихъ сословныхъ учрежденій". Обнародованный въ то же время всеподданнѣйшій отчетъ статсъ-секретаря Дурново даетъ подробный обзоръ работъ, исполненныхъ совѣщаніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ привели къ законодательнымъ мѣрамъ, получившимъ уже осуществленіе: сюда относятся правила затрудняющія полученіе потомственнаго дворянства, законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ, законъ о насажденіи частнаго землевладѣнія въ Сибири, законъ о содѣйствіи учрежденію дворянскихъ пансіоновъ-пріютовъ, учрежденіе для дѣвицъ-дворянокъ двухъ новыхъ институтовъ, увеличеніе числа дворянскихъ стипендій въ кадетскихъ корпусахъ. Разсмотрѣнію въ законодательномъ порядкѣ подлежатъ предположенія совѣщанія о расширеніи права выкупа родовыхъ имѣній, о преобразованіи дворянскихъ сословныхъ установленій и объ учрежденіи губернскихъ дворянскихъ кассъ взаимопомощи (съ воспособленіемъ изъ государственнаго казначейства).

Когда, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ печать проникла первая вѣсть о предстоящемъ закрытіи особаго совѣщанія, газета, провозглашающая себя хранительницей дворянскихъ интересовъ, поспѣшила назвать эту вѣсть *тревожною* и выразить сомнѣніе въ ея достовѣрности. „Развѣ особое совѣщаніе"—вопрошалъ г. В. Г. К. въ № 349 „Московскихъ

Digitized by Google

Вѣдомостей"—„уже выполнило всю свою задачу?... Заповѣдность имѣній на одно поколѣніе лишь отдаляетъ на сравнительно короткій срокъ окончательную ликвидацію дворянскаго землевладѣнія, да и что-то неслышно, чтобы этотъ законъ нашелъ примѣненіе. Дворянскіе пансіоны и вспомогательныя кассы не могутъ скоро не обратиться въ мертворожденныя учрежденія, за отсутствіемъ дворянскаго земельнаго имущества, сборъ съ коего шелъ бы на содержаніе пансіоновъ и пополненіе кассъ, а равно и за неимѣніемъ и самихъ дворянъ... Въ мѣрахъ, выработанныхъ особымъ совѣщаніемъ, преобладаетъ гуманитарный взглядъ на дворянскій вопросъ, и государственному значенію его не придано надлежащей силы". Исходя изъ этой мысли, сотрудникъ московской газеты считалъ необходимымъ, „хотя бы *вопреки самому дворянству*, путемъ *насилія* и перевоспитанія, съ возможнымъ для нѣкоторыхъ членовъ сословія ущербомъ, а для правительства—съ экономической жертвой, создать такой порядокъ дворянскаго строя, который обезпечивалъ бы государству достаточное для него число дворянъ". Чтобы остаться послѣдовательною, реакціонной газетѣ надлежало бы пролить нѣсколько слезъ надъ преждевременнымъ, съ ея точки зрѣнія, концомъ особаго совѣщанія; но она предпочла faire bonne mine à mauvais jeu. Противорѣча самой себѣ, она признаетъ, что „совѣщаніе, въ предуказанныхъ ему предѣлахъ, выполнило свою задачу и сдѣлало все что могло по соображенію совокупности государственныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ его дѣятельность" [1]). „Дальнѣйшее рѣшеніе" дворянскій вопросъ найдетъ, по мнѣнію газеты, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. „До сихъ поръ, какъ извѣстно",—читаемъ мы въ той же статьѣ,—„дворянство наше имѣло лишь губернскіе органы. Въ высшемъ государственномъ управленіи были лишь особыя установленія для крестьянства, даже для инородцевъ, дворянскіе же вопросы были раскиданы повсюду и не вѣдались никѣмъ. Несомнѣнно, съ организаціей въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ особой попечительности о высшемъ служиломъ сословіи, нужды и потребности его, какъ чрезвычайныя, такъ и текущія, получатъ возможность болѣе правильнаго выясненія и болѣе полнаго удовлетворенія". Въ этихъ немногихъ словахъ очень много отступленій отъ дѣйствительности. Невѣрно, во-первыхъ, чтобы „дворянскіе вопросы" были раскиданы повсюду и не вѣдались никѣмъ; они всегда сосредоточивались въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ составѣ котораго департаментъ общихъ дѣлъ вѣдаетъ, между прочимъ, дѣла по дворянскимъ выборамъ и дѣла по вопросамъ о правахъ состоянія (св. зак. т. I ч. II Учр. Минист., ст. 372, пун. 4 и 5).

[1]) „Московскія Вѣдомости", № 3.

Digitized by Google

Невѣрно, во-вторыхъ, чтобы образованіе особаго отдѣла по дѣламъ дворянскимъ измѣнило нынѣ дѣйствующій порядокъ, въ силу котораго дворянство имѣетъ „лишь губернскіе органы"; только такіе органы оно будетъ имѣть и впредь. Никому не приходило и не приходитъ въ голову называть земскій отдѣлъ — органомъ крестьянства, департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій — органомъ иновѣрныхъ церквей; точно также не будетъ *органомъ* дворянства административное учрежденіе, уполномоченное и обязанное охранять дворянскіе интересы. Оно будетъ дѣйствовать *ради* дворянства, но не *отъ имени* дворянства; наравнѣ со всѣми другими частями правительственнаго механизма, оно будетъ исключительно органомъ *власти*, даже еслибы въ его составъ и было введено нѣсколько лицъ по выбору дворянскихъ собраній... Едва ли, дальше, можно утверждать, что „*дворянскій вопросъ*" переданъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ для „дальнѣйшаго рѣшенія". Пока существовалъ нерѣшенный „дворянскій вопросъ", существовало и особое совѣщаніе; закрытіе послѣдняго знаменуетъ собою разрѣшеніе перваго. „Упроченіе судебъ первенствующаго сословія" вводится въ рамки „текущей дѣятельности государственнаго управленія", т.-е. перестаетъ составлять чрезвычайную задачу, выдѣленную, вслѣдствіе ея важности и неотложности, изъ среды всѣхъ остальныхъ. Трудно, наконецъ, согласиться и съ тѣмъ, что степень вниманія къ той или другой сторонѣ государственной или общественной жизни зависитъ отъ степени обособленности завѣдующаго ею учрежденія. Отсутствіе особаго отдѣла или департамента по дѣламъ дворянскимъ не помѣшало тому, что въ теченіе восемнадцати лѣтъ законодательныя и административныя мѣры на пользу дворянъ и дворянства почти непрерывно слѣдовали одна за другою. Немного, наоборотъ, выигрываетъ крестьянство отъ того, что о немъ спеціально печется земскій отдѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ... Число административныхъ учрежденій въ послѣднее время постоянно растетъ, какъ растетъ и сфера дѣйствій администраціи. Проектируемый дворянскій отдѣлъ является новымъ звеномъ въ длинной цѣпи, которую куетъ увеличивающійся спросъ на административную работу и увеличивающееся довѣріе къ административной техникѣ.

Въ чемъ же заключаются, однако, тѣ задачи, которыя, по мнѣнію ультра-дворянской печати, должно было разрѣшить, но не разрѣшило особое совѣщаніе? Яснаго и прямого отвѣта на этотъ вопросъ статья, посвященная „тревожной вѣсти",—какъ и другія, ближайшія къ ней по времени,—не даютъ; но если принять въ соображеніе, что новый „порядокъ дворянскаго строя" предлагается создать „хотя бы вопреки самому дворянству, путемъ насилія и перевоспитанія", то позволительно заключить, что главныя desiderata сословныхъ зилотовъ—*обя-*

Digitized by Google

зательное обращеніе дворянскихъ имѣній въ заповѣдныя и *обязательная* служба дворянъ на мѣстахъ, вознаграждаемая привилегированнымъ положеніемъ ихъ въ центральномъ управленіи. Болѣе осторожные изъ числа прожектеровъ примирились бы, повидимому, и съ привилегіями безъ обязательности — напр. съ назначеніемъ на губернаторскія должности исключительно или главнымъ образомъ бывшихъ земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства; болѣе пылкимъ хотѣлось бы видѣть и въ государственномъ совѣтѣ, и въ правительствующемъ сенатѣ „премущественно людей знакомыхъ съ губернскою жизнью Россіи, вышедшихъ изъ дворянской среды и зарекомендовавшихъ себя своею исполнительностью и распорядительною дѣятельностью въ помѣстной службѣ". Нетрудно понять, во что̀ обратились бы, при осуществленіи этой мечты, высшія государственныя учрежденія. „Исполнительность", если она не переходитъ въ механическое повиновеніе всякому начальническому приказу, „распорядительность", если она сдерживается уваженіемъ къ закону и къ чужому праву—качества весьма цѣнныя во второстепенныхъ административныхъ агентахъ, но вовсе не желательныя въ участникахъ судебной или законодательной работы. Исполнительный судья—это contradictio in adjecto; по меньшей мѣрѣ не нужна распорядительность и въ обсужденіи законопроектовъ. Есть условія, при которыхъ полезны и молчалинскія свойства—умѣренность и аккуратность; но что̀ сказали бы мы о томъ, кто̀ сталъ бы рекомендовать ихъ, какъ summum bonum, законодателямъ и судьямъ?... Полицейскихъ добродѣтелей недостаточно и для высшихъ представителей мѣстной администраціи: и они должны обладать чѣмъ-то другимъ и бо̀льшимъ, чѣмъ исполнительность и распорядительность. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для нихъ весьма важно знакомство съ мѣстной жизнью; но развѣ оно пріобрѣтается только „помѣстной службой", только принадлежностью къ „служилому сословію"? Пріурочивать служебное повышеніе къ такимъ чисто внѣшнимъ признакамъ, значило бы забывать естественный ходъ вещей, все больше и больше выдвигавшій на первый планъ, въ служебной сферѣ, образованіе общее и спеціальное. Нельзя открывать двери высшихъ учебныхъ заведеній для всѣхъ сословій—и вмѣстѣ съ тѣмъ закрывать для большинства служащихъ доступъ къ цѣлой категоріи должностей, разсматриваемыхъ какъ достояніе привилегированнаго класса... „Правительство",—восклицаетъ наиболѣе прямолинейный ревнитель сословныхъ интересовъ,—„правительство должно состоять исключительно изъ лицъ дворянскаго сословія, допуская въ свою среду наименьшее число бюрократовъ, классъ коихъ по преимуществу отличается оппортунизмомъ, отсутствіемъ всякихъ твердыхъ принциповъ и идеаловъ, людьми карьеры и 20-го числа, и отнюдь не допу-

Digitized by Google

скать лицъ изъ такъ называемой интеллигенціи, мнящей исполнять роль руководителя въ государствѣ". Въ одномъ—и только въ одномъ—достоинствѣ этимъ словамъ отказать нельзя: они въ достаточной мѣрѣ откровенны. Съ вожделѣніями, въ нихъ выраженными, несовмѣстно пониманіе самыхъ простыхъ, самыхъ очевидныхъ истинъ. Если дворянство—сословіе служилое по преимуществу, то какимъ же образомъ можно противопоставлять его бюрократіи, въ составъ которой оно входитъ? Развѣ часть можетъ существенно отличаться отъ цѣлаго? Развѣ для служащихъ дворянъ *двадцатое число* имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ для чиновниковъ не-дворянскаго происхожденія? Безплатная служба дворянъ—исключеніе сравнительно рѣдкое. Безплатность, притомъ—не всегда синонимъ безкорыстія, жалованье—не́ единственная легальная выгода, которую можно извлечь изъ службы. Существуетъ еще разсчетъ на карьеру—разсчетъ тѣмъ болѣе вѣрный, чѣмъ шире привилегіи (фактическія или юридическія), сопряженныя съ занятіемъ извѣстной должности. Совершенно безнадежны, далѣе, попытки провести демаркаціонную черту между бюрократіей и „помѣстной службой". Земскіе начальники, и по способу назначенія ихъ и увольненія, и по мѣсту, занимаемому ими въ служебной іерархіи, и по свойству дѣятельности, ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ чиновниковъ. Болѣе своеобразно положеніе предводителей дворянства—но чѣмъ сложнѣе, чѣмъ шире роль, предоставляемая имъ въ уѣздномъ и губернскомъ управленіи, тѣмъ больше захватываетъ ихъ въ свое движеніе громадный административный механизмъ, соединяющій въ себѣ всѣ характерныя черты бюрократическаго строя.

Говоря о привилегіяхъ, мы отклонились отъ обязательности, составляющей послѣднее слово ультра-дворянскихъ мелодій — слово скорѣе подразумѣваемое, чѣмъ высказываемое прямо. И эта сдержанность вполнѣ понятна: слишкомъ чудовищна мысль о возвращеніи, хотя бы частичномъ, къ порядку, оказавшемуся устарѣлымъ еще въ XVIII вѣкѣ и отмѣненному дворянскою грамотою Екатерины II-ой. Слишкомъ странно было бы теперь, при постоянно растущей сложности административныхъ функцій, при увеличивающемся числѣ лицъ, способныхъ къ ихъ отправленію и готовыхъ взяться за нихъ добровольно, возлагать ихъ, принудительно, на тѣхъ, кто не чувствуетъ ни малѣйшаго призванія къ подобной дѣятельности. Едва ли кто-нибудь и рѣшится предложить прямое принужденіе: когда упадетъ завѣса, прикрывающая, до сихъ поръ, задушевныя пожеланія реакціонной печати, едва ли за нею окажется что-либо бо́льшее *косвеннаго* понужденія—или побужденія,—выражающагося въ угрозѣ лишеніемъ тѣхъ или другихъ правъ или въ обѣщаніи тѣхъ или другихъ выгодъ. И эта смягченная форма воздѣйствія представлялась бы, однако,

Digitized by Google

крайне нежелательною: искусственно привлекая на службу людей къ ней не подготовленныхъ или не расположенныхъ, она неизбѣжно понижала бы умственный и нравственный уровень администраціи, а слѣдовательно и сумму услугъ, оказываемыхъ ею народу и государству... За обязательную неподвижность дворянскаго землевладѣнія, т.-е. за обязательную заповѣдность всѣхъ дворянскихъ имѣній (или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ ихъ категорій), газетные прожектеры выскажутся, по всей вѣроятности, гораздо рѣшительнѣе: ее-то они, должно быть, и имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду, когда говорятъ о созданіи новаго дворянскаго строя хотя бы и путемъ насилія, вопреки самому дворянству". Этими словами они произносятъ, сами того не замѣчая, рѣшительное, безповоротное осужденіе своему плану. Хорошъ былъ бы строй, воздвигнутый на перекоръ убѣжденіямъ и чувствамъ своихъ участниковъ! Что принципъ заповѣдности не можетъ получить у насъ широкаго примѣненія — это показываетъ съ полною очевидностью историческій опытъ, начиная съ Петровскаго указа о единонаслѣдіи. Не случайно же, въ самый разгаръ дворянскихъ притязаній, только одно дворянское собраніе возбудило ходатайство объ *обязательной* заповѣдности дворянскихъ имѣній, и то лишь при переходѣ ихъ по наслѣдству въ боковую линію; всѣ остальныя, касавшіяся этого предмета, стояли за заповѣдность факультативную, т.-е. за *право* владѣльца обращать свое имѣніе въ заповѣдное (помимо тѣхъ случаевъ, когда такое право существуетъ и въ силу дѣйствующаго закона). Какъ только вопросъ о заповѣдности былъ поставленъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, онъ подвергся новому ограниченію: безсрочная заповѣдность уступила мѣсто срочной, временной, за которую еще раньше высказалось пензенское дворянство—и въ этомъ смыслѣ состоялся законъ 25-го мая 1899 года. „Если вся агитація нашихъ *заповѣдниковъ*"—говорили мы еще въ 1892 г. по поводу учрежденія коммиссіи Н. С. Абазы [1])—„приведетъ къ *разрѣшенію* объявлять имѣніе заповѣднымъ на два поколѣнія, то это будетъ доказательствомъ тому, какъ мало сродства между идеей заповѣдности и современной русской почвой... Невелико, по всей вѣроятности, будетъ число имѣній, объявленныхъ заповѣдными, еще меньше—число такихъ, которыя надолго сохранятъ это свойство".

Невѣроятность широкаго распространенія временно заповѣдныхъ имѣній была подчеркнута нами и два года тому назадъ, при разборѣ закона 25-го мая [2]). Дѣйствительность превзошла наши ожиданія: объ учрежденіи временно-заповѣдныхъ имѣній совсѣмъ не

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы" за 1892 г.
[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 9 „Вѣстника Европы" за 1899 г.

Digitized by Google

слышно (что̀ не исключаетъ, конечно, возможности единичныхъ случаевъ этого рода)—и это, скрѣпя сердце, констатируютъ и „Московскія Вѣдомости“. Никому, конечно, не придетъ въ голову утверждать, что препятствіемъ къ примѣненію закона служитъ срочность заповѣдности: кто не рѣшается связать руки себѣ и своему непосредственному наслѣднику, тотъ, очевидно, еще меньше сталъ бы думать о наложеніи узъ на свое отдаленное потомство. Стремленіе сохранить имѣніе за семьею исходитъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, изъ заботы о ближайшемъ будущемъ; если эта забота не оказывается достаточнымъ мотивомъ къ учрежденію заповѣднаго имѣнія, то странно было бы возлагать надежды на другіе стимулы, гораздо менѣе сильные. Можно ли, затѣмъ, не считаться съ настроеніемъ, выразившимся столь ясно и опредѣленно? Можно ли не видѣть, что одно дѣло—произносить въ многолюдномъ собраніи громкія фразы о подъемѣ сословія, объ укрѣпленіи связи его съ землею, и совершенно другое—руководствоваться этими фразами въ практической жизни, отказываясь отъ свободы распоряженія имѣніемъ и обездоливая, въ пользу одного, всѣхъ остальныхъ своихъ наслѣдниковъ?.. Мыслимо, безъ сомнѣнія, и такое разсужденіе: законъ о временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ, учреждаемыхъ по доброй волѣ владѣльца, остается мертвой буквой—слѣдовательно, нужно ввести обязательную заповѣдность, безсрочную или, по меньшей мѣрѣ, срочную. Мы едва ли ошибемся, однако, если скажемъ, что это было бы разсужденіемъ фанатика, а не государственнаго человѣка. Законъ оперируетъ не in anima vili, а съ живыми людьми; онъ не долженъ игнорировать чувства, глубоко коренящіяся въ ихъ природѣ. Немного выиграло бы и государство отъ того, что значительная часть землевладѣльцевъ обратилась бы въ propriétaires malgré eux, въ хозяевъ по неволѣ. Нетрудно представить себѣ положеніе дворянина, не имѣющаго ни малѣйшей тяги къ деревенской жизни, ни малѣйшей способности къ сельскому хозяйству, но прикованнаго къ своей усадьбѣ, какъ каторжникъ къ своей цѣпи. Кому и чему онъ можетъ быть полезенъ, гдѣ разумная причина удерживать его въ обстановкѣ, не соотвѣтствующей ни его способностямъ и вкусамъ, ни, можетъ быть, его средствамъ? Есть имѣнія, доходныя только при умѣломъ управленіи; есть и вовсе бездоходныя, требующія затратъ изъ другихъ источниковъ. Какою тягостью они станутъ для обѣднѣвшаго или постоянно отсутствующаго владѣльца, разъ что онъ будетъ лишенъ возможности передать ихъ въ другія руки! Какою потерей въ общемъ государственномъ хозяйствѣ отзовется непроизводительность имѣній, фактически остающихся безхозяйными! Въ концѣ концовъ жизнь найдетъ пути для обхода закона, идущаго въ разрѣзъ съ ея требованіями—и недостигнутою, несмотря на всѣ жертвы, останется

Digitized by Google

ближайшая его цѣль... Въ настоящую минуту, впрочемъ, едва ли и можетъ быть рѣчь о переходѣ отъ срочной и факультативной заповѣдности къ заповѣдности обязательной и безсрочной. Слишкомъ еще недавно установлена первая, установлена послѣ долгаго и тщательнаго обсужденія (сначала въ коммиссіи Н. С. Абазы, потомъ въ особомъ совѣщаніи)—и самымъ отчаяннымъ усиліямъ разочарованнаго прожектерства едва ли удастся вновь поднять вопросъ, только-что разрѣшенный.

Вмѣсто того, чтобы возбуждать или поддерживать стремленіе къ искусственному возвышенію одного сословія надъ другими, друзьямъ дворянства слѣдовало бы рекомендовать ему разумное, въ интересахъ общаго блага, пользованіе правами, принадлежащими ему на основаніи дѣйствующаго закона. На самомъ дѣлѣ мы видимъ нѣчто прямо противоположное: газета, столбцы которой всегда открыты для продуктовъ узко-сословнаго прожектерства, рѣшается утверждать [1]), что дворянство можетъ обращаться къ Государю съ всеподданнѣйшими ходатайствами только о *своихъ нуждахъ и пользахъ*. Это совершенно невѣрно: въ 1888 г., по ходатайству с.-петербургскаго дворянства, Высочайше повелѣно возстановить силу правила, исключеннаго изъ IX-го т. Св. Зак. въ изданіи 1876-го года—правила, по которому „представленія (дворянскаго собранія) губернскому начальству и высшему правительству о нуждахъ дворянства, о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, *хотя бы они происходили и отъ общаго какого-либо постановленія*, не считаются противозаконными, когда они изложены съ соблюденіемъ всѣхъ приличій". Сообразно съ этимъ изложена, въ Продолженіи 1890 г., статья 163-я Св. Зак. о Состояніяхъ. Отсюда ясно, что право ходатайства, принадлежащеее дворянскимъ собраніямъ, вовсе не заключено въ столь узкія границы, какъ полагаетъ московская газета. Законный поводъ къ ходатайству существуетъ всякій разъ, когда неудобства постановленія, хотя бы и общаго, чувствуются *на мѣстѣ*; другими словами, нельзя ходатайствовать только объ устраненіи неудобствъ, испытываемыхъ въ другой мѣстности. Къ сожалѣнію, неправильнымъ толкованіемъ закона грѣшатъ не только газетные софисты, но и нѣкоторые представители дворянства, свободные отъ узко-сословныхъ взглядовъ. Во время послѣдней сессіи тверского дворянскаго собранія И. И. Петрункевичъ предложилъ ходатайствовать о дарованіи крестьянамъ общихъ гражданскихъ правъ, принадлежащихъ другимъ сословіямъ, и объ освобожденіи ихъ

[1]) См. передовую статью въ № 353 „Московскихъ Вѣдомостей".

Digitized by Google

отъ позорнѣйшаго изъ всѣхъ наказаній—тѣлеснаго. Мотивировано это предложеніе было, между прочимъ, тѣмъ, что законодательство восьмидесятыхъ годовъ возстановило связь между крестьянствомъ и дворянствомъ, возложивъ на послѣднее заботу о крестьянскомъ населеніи,—а крестьяне въ теченіе сорока лѣтъ со времени освобожденія успѣли доказать, что они перестали быть рабами и сдѣлались гражданами. Губернскій предводитель дворянства, М. В. Всеволожскій, нашелъ, что возбужденіе такого ходатайства не входитъ въ кругъ правъ дворянскаго собранія, и призналъ предложеніе И. И. Петрункевича не подлежащимъ дальнѣйшему обсужденію. Намъ кажется, что въ основаніи такого взгляда лежитъ явное недоразумѣніе. Неполноправность крестьянъ—въ тверской губерніи, какъ и вездѣ—несомнѣнно влечетъ за собою множество „неудобствъ въ мѣстномъ управленіи" и, слѣдовательно, могла служить, безъ нарушенія закона, предметомъ ходатайства со стороны дворянскаго собранія.

Въ 1893 г. министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ предпринятъ пересмотръ законоположеній о крестьянахъ. Поставленъ былъ цѣлый рядъ вопросовъ, разосланныхъ на заключеніе губернскихъ совѣщаній. Совѣщанія эти состояли, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ должностныхъ лицъ, имъ приглашенныхъ. Замѣчанія совѣщаній были приведены въ систему, распубликованы во всеобщее свѣдѣніе и сдѣлались предметомъ обсужденія въ печати [1]). Дальнѣйшія подготовительныя работы были пріостановлены „вслѣдствіе возникшихъ предположеній относительно иного порядка направленія этого дѣла". Въ 1900 г.,—какъ видно изъ напечатаннаго на дняхъ правительственнаго сообщенія,—Высочайше повелѣно было министру внутреннихъ дѣлъ „представить соображенія о дальнѣйшемъ движеніи пересмотра узаконеній о крестьянахъ. По обсужденіи сего вопроса, признано необходимымъ задачею законодательной работы поставить измѣненіе, въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями жизни въ сельскихъ мѣстностяхъ и пользами государства, лишь тѣхъ изъ существующихъ узаконеній о крестьянахъ, недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861 года и представлялъ собою дальнѣйшее ихъ развитіе. При этомъ порядокъ выполненія упомянутаго законодательнаго труда установленъ, согласно Высочайше преподаннымъ Государемъ Имиераторомъ министру внутреннихъ дѣлъ

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣнія въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1894 г., № 3—за 1895 г., №№ 2, 10 и 11—за 1897 г.

Digitized by Google

указаніямъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Разработка законодательства о крестьянахъ возлагается на особыхъ должностныхъ лицъ центральнаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ и распредѣляется по слѣдующимъ четыремъ отдѣламъ: а) общественнаго крестьянскаго управленія; б) землепользованія и гражданскихъ правъ сельскихъ обывателей; в) общественнаго хозяйства крестьянъ и г) волостного суда. Обязанность означенныхъ отдѣловъ заключается въ составленіи подробныхъ по относящимся къ ихъ вѣдѣнію частямъ законодательства программъ и въ изготовленіи на основаніи этихъ программъ, по утвержденіи ихъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, соотвѣтственныхъ проектовъ узаконеній. 2) Указанные въ предшествующемъ пунктѣ программы и проекты подлежатъ предварительному разсмотрѣнію въ особой при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ редакціонной коммиссіи, въ составѣ лицъ по назначенію министра, подъ предсѣдательствомъ товарища министра, завѣдывающаго крестьянскими дѣлами. 3) Разсмотрѣнные редакціонною коммиссіею проекты, по докладѣ ихъ министру внутреннихъ дѣлъ и соотвѣтственномъ исправленіи, вносятся, съ разрѣшенія министра, въ особое при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ министра. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется приглашать къ участію въ означенномъ совѣщаніи губернаторовъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и иныхъ должностныхъ лицъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, а также всѣхъ тѣхъ лицъ, мнѣніе коихъ по дѣлу оказывалось бы полезнымъ выслушать въ совѣщаніи—по его, министра, избранію, должностныхъ же лицъ другихъ вѣдомствъ—по соглашенію съ подлежащими министрами. 4) По обсужденіи проектовъ въ особомъ совѣщаніи, исправленіи ихъ и дополненіи согласно указаніямъ министра внутреннихъ дѣлъ, проекты сіи облекаются по земскому отдѣлу въ форму законодательныхъ представленій и, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, вносятся въ Государственный Совѣтъ съ Высочайшаго на то каждый разъ Его Императорскаго Величества соизволенія. 5) На Высочайшее благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества подлежатъ представленію: а) программы, утвержденныя министромъ внутреннихъ дѣлъ для каждаго изъ указанныхъ въ пунктѣ 1 отдѣловъ — по мѣрѣ ихъ утвержденія, и б) всеподданнѣйшіе отчеты о ходѣ работъ отдѣловъ, редакціонной коммиссіи и особаго совѣщанія—по истеченіи каждаго полугодія, съ 1-го января 1902-го года".

По внѣшней обстановкѣ предпринимаемый нынѣ законодательный трудъ ничѣмъ существенно не отличается отъ такой же работы, происходившей въ 1893-97 гг. Вся разница между ними заключается въ томъ, что тогда предполагалось пересмотрѣть все во-

Digitized by Google

обще законодательство о крестьянахъ, а теперь подлежащими измѣненію признаны лишь тѣ узаконенія, недостатки которыхъ выяснены опытомъ. Утѣшительно было узнать, что пересмотръ этихъ узаконеній долженъ быть произведенъ „на почвѣ основныхъ началъ Положеній 19-го февраля 1861-го года", представляя собою дальнѣйшее ихъ развитіе. Къ числу такихъ основныхъ началъ принадлежитъ крестьянское самоуправленіе; можно надѣяться, слѣдовательно, что оно не только не подвергнется новымъ ограниченіямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя усиленно рекомендуются реакціонною печатью, но получитъ болѣе твердыя и болѣе широкія основы, соотвѣтствующія подъему, за послѣднія сорокъ лѣтъ, умственнаго уровня крестьянства. Другое основное начало Положеній 19-го февраля—это уваженіе къ различнымъ формамъ землевладѣнія, выработаннымъ жизнью въ крестьянскомъ быту. Оставаясь ему вѣрнымъ, нельзя подвергать ломкѣ одну изъ этихъ формъ—общинное владѣніе; но ничто не мѣшаетъ положить конецъ тѣмъ стѣсненіямъ личной свободы, которыя соединены съ общиной лишь внѣшнею связью. Что касается до предположеннаго порядка дѣйствій, то къ нему примѣнимы въ полной мѣрѣ замѣчанія, сдѣланныя нами, въ 1894 г., по воводу перваго пересмотра положеній о крестьянахъ. Отличительную черту работы, начатой министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, мы видѣли тогда въ ея чисто-бюрократическомъ характерѣ. Сравнивая совѣщанія, установленныя министерствомъ, съ губернскими комитетами, учрежденными, въ 1857 и 1858 гг., для подготовки освобожденія крестьянъ, мы напоминали, что „бюрократическаго элемента въ составѣ этихъ комитетовъ не было вовсе; губернатору предоставлено было назначать двухъ членовъ комитета, но не изъ числа чиновниковъ, а изъ числа мѣстныхъ помѣщиковъ. Всѣ остальные члены комитета *избирались* дворянствомъ, и предсѣдательствовалъ въ немъ не губернаторъ, а губернскій предводитель. Само собою разумѣется, что въ настоящее время такой составъ совѣщанія или комитета, призываемаго къ продолженію или дополненію крестьянской реформы, былъ бы совершенно немыслимъ. Въ пятидесятыхъ годахъ у насъ была только одна организованная сила: дворянство, совпадавшее, притомъ, съ помѣстнымъ сословіемъ, отъ котораго правительство ожидало содѣйствія къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Другая заинтересованная сторона—крѣпостное крестьянство—представляло собою безформенную массу, еще не пробужденную къ гражданской жизни. Не таково положеніе дѣлъ теперь, когда освобожденные крестьяне имѣютъ позади себя нѣсколько десятилѣтій самоуправленія и участія въ земской дѣятельности. Чѣмъ были, въ началѣ эпохи великихъ реформъ, губернскіе дворянскіе комитеты, тѣмъ могли бы явиться въ настоящее время общеземскія совѣщанія, въ ко-

Digitized by Google

торыхъ значительное мѣсто было бы обезпечено за элементомъ крестьянскимъ. Нельзя же полагать, что содѣйствіе общества, признававшееся—и оказавшееся—существенно важнымъ въ пятидесятыхъ годахъ, было бы излишнимъ теперь, когда Россія выросла изъ бюрократическихъ рамокъ. Организаціи перваго фазиса работъ должно было бы соотвѣтствовать и дальнѣйшее ихъ движеніе. Для пересмотра положеній 19-го февраля недостаточно было бы образовать при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ такую центральную коммиссію, какая учреждена при министерствѣ юстиціи для пересмотра судебныхъ уставовъ. Въ послѣдней работѣ преобладаетъ элементъ техническій; за исключеніемъ сравнительно немногихъ вопросовъ, она можетъ быть успѣшно исполнена спеціалистами—теоретиками и практиками. Въ пересмотрѣ крестьянскихъ положеній сторона техническая, наоборотъ, почти вездѣ отступаетъ на второй планъ, и наибольшую важность пріобрѣтаетъ знаніе и пониманіе крестьянскаго быта, разсматриваемаго, притомъ, безъ предубѣжденій и предвзятыхъ мыслей. Коммиссія, въ которой были бы представлены только однѣ административныя сферы, могла бы, въ лучшемъ случаѣ, создать нѣчто стройное по формѣ, но едва ли—нѣчто отвѣчающее реальнымъ требованіямъ жизни". Общеземскія совѣщанія, о которыхъ мы говорили семь лѣтъ тому назадъ, могли бы быть созваны и теперь, для пополненія и освѣщенія несомнѣнно односторонняго матеріала, представляемаго заключеніями губернскихъ административныхъ совѣщаній—заключеніями, которыя неизбѣжно должны сыграть видную роль и въ нынѣшней работѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Возможно и расширеніе состава совѣщанія, на разсмотрѣніе котораго будутъ внесены труды редакціонной коммиссіи. Самое названіе послѣдней—къ сожалѣнію, только одно названіе—невольно напоминаетъ о томъ учрежденіи, которому столь многимъ обязана Россія: о редакціонныхъ коммиссіяхъ, подготовившихъ крестьянскую реформу. Судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ положеніи занимающаго насъ вопроса былъ такой моментъ, когда можно было ожидать возвращенія, по крайней мѣрѣ отчасти, къ традиціи пятидесятыхъ годовъ: предполагалось создать особую высшую коммиссію, внѣ вѣдомствъ, для выясненія нуждъ сельскаго населенія —и это предположеніе связывалось съ заявленіемъ покойнаго государственнаго контролера Т. И. Филиппова, что платежныя силы крестьянъ находятся въ чрезмѣрномъ напряженіи, особенно въ центральныхъ губерніяхъ. Учрежденіе коммиссіи не состоялось, веденіе дѣла осталось за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—но это еще не предрѣшаетъ послѣднихъ фазисовъ его движенія. Совѣщаніе, соотвѣтствующее его важности, можетъ быть созвано и послѣ внесенія его въ государственный совѣтъ.

Digitized by Google

Матеріалами для пересмотра положеній 19-го февраля могутъ послужить, отчасти, и тѣ данныя, которыя будутъ собраны коммиссіею для изслѣдованія вопроса объ экономическомъ упадкѣ центральныхъ губерній, въ связи съ условіями хозяйственной жизни другихъ частей имперіи. Коммиссія эта, учрежденная при министерствѣ финансовъ, поставлена нѣсколько шире, чѣмъ „редакціонная коммиссія" министерства внутреннихъ дѣлъ: въ ея составъ должны войти, кромѣ представителей вѣдомствъ, какъ спеціалисты-теоретики, такъ и *мѣстные дѣятели*, близко знакомые съ положеніемъ сельскаго хозяйства и промышленности. Довольно широка и программа изслѣдованія; она обнимаетъ собою: „1) успѣшность поступленія и движеніе недоимочности казенныхъ и земскихъ платежей. 2) Первоначальное надѣленіе крестьянъ, по разрядамъ и всѣхъ вообще, на одну ревизскую душу и разсчетъ на наличную душу въ 1880 г. и въ настоящее время. Степень соотвѣтствія надѣловъ рабочей силѣ и продовольственной потребности. 3) Движеніе арендъ на крестьянскую и частную владѣльческую землю: число случаевъ аренды, количество арендуемой земли и сумма аренды, по отдѣльнымъ видамъ угодій, при кратко- и долгосрочной арендѣ. Отношеніе аренды къ совокупности окладныхъ платежей въ разные періоды изслѣдуемаго времени. 4) Посѣвъ и сборъ хлѣбовъ: площадь подъ озимыми и яровыми отдѣльно и количество посѣва и урожая тѣхъ и другихъ—общее и на единицу площади и наличнаго населенія. 5) Движеніе цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, по уѣздамъ земледѣльческихъ губерній. 6) Мѣстные сельскохозяйственные заработки: потребное и дѣйствительное число рабочихъ, избытокъ и недостатокъ рабочихъ силъ, заработная плата—подесятинная, поденная, сроковая и годовая, и общая сумма заработка. 7) Отхожіе заработки: виды ихъ, мѣстности отхода и прихода, количество уходящихъ рабочихъ и приблизительный годовой заработокъ каждаго. 8) Мѣстные фабрично-заводскіе заработки: число рабочихъ и сумма заработка [1]). 9) Измѣненіе количества скота разнаго рода на десятину площади владѣемой земли и пашни и на единицу наличнаго населенія, всего и одного рабочаго; число дворовъ безъ лошадей и безъ всякаго скота. 10) Движеніе суммъ по сберегательнымъ кассамъ, по разрядамъ вкладчиковъ и срокамъ вкладовъ. 11) Поступленіе гербоваго сбора, по разрядамъ документовъ. 12) Потребленіе спирта, валовое и на единицу населенія. 13) Движеніе торгово-промышленныхъ оборотовъ вообще и особо по розничной торговлѣ товарами крестьянскаго потребленія. Обороты сельскихъ ярмарокъ. 14) По-

[1]) Нужно полагать, что подъ эту рубрику подойдутъ и кустарные промыслы, особо въ программѣ не упомянутые.

Digitized by Google

требленіе сахара. 15) Доходность крестьянскихъ земель. 16) Потребности крестьянскаго населенія и бюджеты. 17) Движеніе цѣнъ, по годамъ и пятилѣтіямъ, на землю по покупкамъ черезъ крестьянскій банкъ, по куплѣ-продажѣ имѣній, публикуемыхъ въ сенатскихъ объявленіяхъ, и по залогу въ земельныхъ банкахъ. 18) Частное землевладѣніе въ 1875 г. и къ 1901 г. по уѣздамъ; общее количество, съ выдѣленіемъ крестьянскаго и дворянскаго. Движеніе залоговъ всего частнаго владѣнія и въ томъ числѣ дворянскаго, а также отношеніе къ послѣднему имѣній дворянъ, назначавшихся въ продажу. 19) Движеніе въ распредѣленіи частно-владѣльческихъ хозяйствъ по способу веденія ихъ на три группы: а) ведущихъ исключительно своими средствами и инвентаремъ, б) исключительно чужими и в) смѣшанно—своимъ и наемнымъ инвентаремъ".

Нельзя не пожалѣть, что изслѣдованіе не коснется тѣхъ сторонъ сельскаго быта, которыя находятся въ тѣсной связи съ юридическимъ положеніемъ крестьянъ. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи на 1899-ый годъ министръ финансовъ совершенно правильно призналъ отсутствіе въ крестьянской средѣ „прочнаго правопорядка" однимъ изъ главныхъ тормазовъ, задерживающихъ развитіе народнаго благосостоянія. Изслѣдованіе, направленное на выясненіе этого вопроса, могло бы значительно облегчить исполненіе задачи, возложенной на коммиссію тайнаго совѣтника Коковцева. Оно могло бы показать, напримѣръ, какую роль въ „оскудѣніи" центра играютъ стѣсненія, опутывающія личную и экономическую жизнь крестьянина (прикрѣпленіе къ обществу, круговая порука, паспортъ, законы о передѣлахъ и о семейныхъ раздѣлахъ), къ чему приводитъ неустойчивость общественныхъ приговоровъ и несамостоятельность сельскихъ и волостныхъ сходовъ, какъ отражается на народномъ правосознаніи дѣятельность зависимаго и несвѣдущаго волостного суда, въ чемъ и какъ проявляется вліяніе народной школы, общей и спеціальной (сельско-хозяйственной, ремесленной и т. п.). Распространенное въ этомъ смыслѣ, изслѣдованіе могло бы пополнить хоть отчасти пробѣлы матеріаловъ, имѣющихся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ, и создать болѣе прочную почву для пересмотра узаконеній о крестьянахъ... Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ числѣ источниковъ, изъ которыхъ могутъ и должны быть почерпнуты данныя для работъ коммиссіи, программа, приведенная нами выше, нѣсколько разъ называетъ текущую земскую статистику и земскіе статистическіе сборники. Значеніе земской статистики, столько разъ подвергавшееся сомнѣнію и спору, признается, такимъ образомъ, оффиціально. Можно сказать, не впадая въ преувеличеніе, что по нѣкоторымъ пунктамъ (напр. доходность крестьянскихъ земель,

Digitized by Google

потребности и бюджеты крестьянскаго населенія) только земскія статистическія работы и могутъ дать коммиссіи необходимыя для нея свѣдѣнія. Безъ этого пособія ей слѣдовало бы взять на себя весь трудъ собиранія свѣдѣній—и оставить въ тѣни прошлое вопроса, т.-е. отказаться отъ сравненій, въ высшей степени важныхъ для правильнаго заключенія.

Мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 29 декабря 1901 г., редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія поручено закончить всѣ остающіяся еще невыполненными работы по возможности въ теченіе 1902 г. и во всякомъ случаѣ не позднѣе первой половины 1903 года, а министру юстиціи предоставлено сообразить вопросъ о мѣрахъ, которыя должны быть приняты для довершенія вышеупомянутыхъ работъ. Со времени учрежденія коммиссіи прошло почти двадцать лѣтъ, но это едва ли можетъ служить основаніемъ къ обвиненію ея въ чрезмѣрной медленности. Составленіе гражданскаго уложенія—особенно въ такой странѣ какъ Россія, съ ея разноплеменнымъ населеніемъ, стоящимъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія—задача крайне сложная и трудная. Въ Германіи, при гораздо бо́льшей разработанности науки права, при гораздо болѣе совершенныхъ гражданскихъ законахъ, между приступомъ къ составленію общегерманскаго гражданскаго уложенія и его окончательнымъ утвержденіемъ прошло двадцать два года (1874—96); вполнѣ понятно, что у насъ аналогичная работа потребуетъ еще болѣе продолжительнаго промежутка времени. Припомнимъ, что коммиссія по составленію проекта уголовнаго уложенія трудилась цѣлыхъ четырнадцать лѣтъ (1881—95)—а возложенное на нее дѣло было несравненно легче, чѣмъ составленіе гражданскаго уложенія [1]). Какъ бы то ни было, изготовленіе проекта гражданскаго уложенія быстро приближается къ концу; весьма возможно, что оно будетъ вполнѣ закончено къ назначенному для того сроку и что въ „довершеніи“ работъ министерствомъ юстиціи не встрѣтится надобности. Рѣшающее значеніе для успѣха предпринятаго дѣла будетъ имѣть дальнѣйшее его направленіе. Гражданское уложеніе, касаясь самыхъ различныхъ сторонъ общественной и частной жизни, опредѣляя права, пользованіе которыми входитъ, если можно такъ выразиться, въ составъ ежедневнаго обихода, нормируя отношенія, въ которыя почти неизбѣжно вступаетъ каждый изъ насъ,—менѣе чѣмъ какой бы то ни было другой законодательный актъ можетъ быть создано путемъ исключитель-

[1]) Для составленія и утвержденія сѣверо-германскаго уголовнаго уложенія, вслѣдъ за созданіемъ германской имперіи обращеннаго въ общегерманское, понадобилось не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ.

Digitized by Google

ной кабинетной работы. Для его полноты и жизненности, для согласованія его постановленій съ потребностями и взглядами народа недостаточно провѣрки и пересмотра его тѣми инстанціями, черезъ которыя проходятъ у насъ обыкновенные законопроекты. Гражданское уложеніе, безукоризненное въ техническомъ отношеніи, свободное отъ недомолвокъ, противорѣчій и архаизмовъ десятаго тома, но ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличающееся отъ него по существу, было бы пріобрѣтеніемъ весьма сомнительнаго достоинства; облегчая работу судовъ, оно не устранило бы глубокихъ недостатковъ дѣйствующаго права. Рискованными были бы и перемѣны, продиктованныя теоретическимъ стремленіемъ къ гармоніи между отдѣльными нормами, къ точности формулъ, обнимающихъ собою цѣлую сторону быта, къ предугадыванію и регламентаціи всѣхъ условій, при которыхъ можетъ возникнуть или видоизмѣниться то или другое правоотношеніе. Напрасно было бы ожидать, что пробѣлы или ошибки, зависящіе отъ способа составленія уложенія, будутъ пополнены или исправлены съ помощью отзывовъ и замѣчаній, заявленныхъ, оффиціально или путемъ печати, отдѣльными лицами и учрежденіями. Трудно будетъ разобраться въ этой массѣ отзывовъ, не освѣщенныхъ обмѣномъ мыслей между ихъ составителями; трудно или невозможно будетъ опредѣлить, какіе изъ нихъ, и насколько, отвѣчаютъ требованіямъ дѣйствительности. Повторяемъ еще разъ сказанное нами двадцать лѣтъ тому назадъ, при первой вѣсти о приступѣ къ составленію гражданскаго уложенія [1]): болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимо здѣсь участіе практиковъ, людей жизни или, по модному одно время выраженію, *земскихъ свѣдущихъ людей* [2])—земскихъ не только по имени, но и по способу избранія.

На дняхъ обнародованъ законъ, которымъ городъ Кронштадтъ отдѣленъ, въ земско-хозяйственномъ отношеніи, отъ петергофскаго уѣзднаго земства. Весьма можетъ быть, что по этому поводу раздадутся ликующіе возгласы нашихъ земствофобовъ; но на самомъ дѣлѣ для ликованія нѣтъ никакихъ поводовъ. Во-первыхъ, Кронштадтъ продолжаетъ входить въ составъ с.-петербургскаго губернскаго земства и посылаетъ двухъ гласныхъ (по выбору кронштадтскаго городского общественнаго управленія) въ спб. губ. земское собраніе;

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстника Европы“ за 1882 г., стр. 726.

[2]) Это выраженіе было пущено въ оборотъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр Н. П. Игнатьевымъ, произнесшимъ, въ 1881 г., знаменательныя слова: „земскіе свѣдущіе люди приглашаются для того, чтобы самые жизненные вопросы не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ“.

Digitized by Google

во-вторыхъ, завѣдываніе земскими дѣлами, до гор. Кронштадта относящимися, возложено не на администрацію, а на мѣстное городское общественное управленіе. Другими словами, Кронштадтъ поставленъ, по отношенію къ земству, въ положеніе вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, которое занимаютъ, съ самаго введенія земскихъ учрежденій, С.-Петербургъ, Москва и Одесса. Нѣтъ, далѣе, основанія думать, что изъ состава уѣздныхъ земствъ будутъ выдѣлены и другіе, сколько-нибудь крупные города. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что выдѣленіе Кронштадта состоялось не въ виду его населенности, а въ виду его изолированности и особаго состава его населенія, въ которомъ преобладаетъ элементъ военно-морской. Конечно, между Кронштадтомъ и петергофскимъ уѣздомъ, какъ сосѣднею частью материка, существовали постоянныя и оживленныя сношенія; но все-же связь между ними, вслѣдствіе островного положенія Кронштадта и близости его къ Петербургу, была гораздо менѣе тѣсна, чѣмъ между другими уѣздами и расположенными на ихъ территоріи городами. Матеріальная потеря, которую наноситъ петергофскому земству выдѣленіе изъ него Кронштадта, вознаграждается отчасти освобожденіемъ его отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, принимаемыхъ на счетъ казны; сверхъ того имѣется въ виду назначить петергофскому уѣздному земству, начиная съ 1902-го года, ежегодное пособіе изъ средствъ казны.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1902.

Рѣчи графа Бюлова въ германскомъ парламентѣ.—Оффиціальный патріотизмъ и внѣшняя политика Германіи.—Внутреннія дѣла въ Пруссіи.—Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ.—Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ.

Нѣмецкіе патріоты, которые, какъ извѣстно, „никого не боятся, кромѣ Бога", имѣли въ послѣднее время много случаевъ рукоплескать своему канцлеру, графу Бюлову. Гордое сознаніе національнаго могущества, выражавшееся когда-то въ рѣчахъ Бисмарка, сдѣлалось ходячею монетою, которою щедро располагаетъ нынѣшній канцлеръ имперіи. Какъ парламентскій ораторъ, онъ пользуется большимъ успѣхомъ въ средней публикѣ, благодаря своему умѣнью играть на струнѣ самодовольнаго національнаго, который все больше затемняетъ собою здравое пониманіе государственныхъ интересовъ въ разныхъ странахъ Европы.

Въ засѣданіи германскаго имперскаго сейма, 8 января (нов. ст.), консервативный депутатъ, графъ Штольбергъ-Вернигероде, высказалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о политикѣ правительства, причемъ коснулся также существующихъ международныхъ отношеній, которыя кажутся ему вполнѣ благопріятными. „Особенно радуютъ насъ"—говорилъ онъ—„добрыя отношенія съ Россіею, и мы желаемъ, чтобы они оставались такими и въ будущемъ. Относительно тройственнаго союза замѣчаются попытки, направленныя къ подрыву или ослабленію его; но нужно надѣяться, что онѣ не будутъ имѣть послѣдствій,—такъ какъ этотъ союзъ основанъ не на искусственной политической комбинаціи, а на потребностяхъ соединившихся народовъ. Счастливое окончаніе китайской экспедиціи наполнило насъ чувствомъ удовлетворенія; наша армія блистательно выдержала испытаніе. Неосновательные упреки, въ родѣ тѣхъ, какіе заключались въ пресловутыхъ „письмахъ гунновъ", не измѣняютъ дѣла. Гораздо болѣе достойно сожалѣнія, что министръ чужого государства счелъ возможнымъ выставить противъ нашей арміи тяжелыя обвиненія, которыя возбудили сильнѣйшее негодованіе въ нѣмецкомъ народѣ".

Эти замѣчанія консервативнаго депутата дали графу Бюлову матеріалъ для широковѣщательной политической рѣчи, проникнутой обычнымъ оптимизмомъ. Канцлеръ счелъ нужнымъ прежде всего показать

Digitized by Google

свою солидарность съ общественнымъ мнѣніемъ въ дѣлѣ Чемберлена. „Предшествующій ораторъ"—такъ началъ свою рѣчь графъ Бюловъ—„упомянулъ о недавнемъ отзывѣ англійскаго министра по поводу поведенія нашихъ войскъ во время франко-германской войны. Я думаю, что мы всѣ согласны, и всѣ разумные люди въ Англіи также согласятся съ нами въ томъ, что когда министръ находитъ себя вынужденнымъ оправдываться,—а это вѣдь можетъ случиться,—онъ хорошо сдѣлаетъ, если оставитъ въ сторонѣ иностранныя державы. Если же онъ все-таки желаетъ ссылаться на чужіе примѣры, то ему слѣдуетъ дѣлать это съ величайшею осторожностью, ибо въ противномъ случаѣ онъ подвергается опасности не только быть невѣрно понятымъ, но и оскорбить чужія чувства,—помимо своей воли, какъ я предполагаю и долженъ предполагать послѣ данныхъ мнѣ увѣреній. Особенно прискорбно, когда это случается съ министромъ по отношенію къ странѣ, неизмѣнно поддерживавшей съ его отечествомъ дружественныя связи, сохраненіе которыхъ соотвѣтствуетъ интересамъ обѣихъ націй. Было вполнѣ естественно и понятно, что въ народѣ, столь крѣпко связанномъ съ своимъ побѣдоноснымъ войскомъ, поднялось общественное чувство противъ попытки—и даже противъ подобія попытки—извратить героическій характеръ и нравственныя основы нашей рѣшительной національной борьбы. Но германская армія стоитъ слишкомъ высоко и ея военный щитъ слишкомъ чистъ, чтобы ее могли затронуть чьи-либо кривые толки и несправедливыя сужденія. Объ этомъ можно сказать, что однажды выразилъ Фридрихъ Великій, когда ему сообщили о человѣкѣ, осуждавшемъ его лично и всю прусскую армію: —оставьте этого человѣка въ покоѣ и не возмущайтесь,—онъ грызетъ гранитъ".

Нѣмецкая печать была очень довольна рѣзкою отповѣдью графа Бюлова по адресу Чемберлена, тѣмъ болѣе что оффиціальной политикѣ Германіи приписывались упорныя англофильскія тенденціи, противорѣчащія господствующему настроенію нѣмецкаго общества. Имперскій канцлеръ вдвойнѣ угодилъ патріотамъ: съ одной стороны онъ далъ политическій урокъ ненавистному нѣмцамъ британскому министру, виновнику бурской войны, а съ другой—обнаружилъ вполнѣ независимое и отчасти высокомѣрное отношеніе къ Англіи и ея правительству. Правда, „урокъ" вышелъ слишкомъ поверхностнымъ и шаблоннымъ, да и мало основательнымъ по существу,—и вмѣсто того, чтобы смягчить раздраженіе противъ англичанъ или ввести его въ надлежащіе предѣлы, онъ только подчеркивалъ и оправдывалъ его мотивы, въ ущербъ тѣмъ интересамъ, о важности которыхъ говорилъ самъ канцлеръ. Между тѣмъ самые мотивы неудовольствія требовали разъясненія и критики. Почему ссылка на обычныя жестокости войны,

Digitized by Google

подкрѣпляемая примѣрами цѣлаго ряда военныхъ кампаній въ разныхъ частяхъ свѣта, показалась оскорбительною спеціально для германской арміи? Съ какой точки зрѣнія можно утверждать, что мысль о жестокости несовмѣстима съ „геройскимъ характеромъ и нравственными основами“ нѣмецкой національной борьбы 1870—71 годовъ? Геройскій характеръ войны выражается въ успѣшномъ взаимномъ истребленіи, которое не обходится безъ жестокости, а что касается „нравственныхъ основъ“, то ихъ никто еще не искалъ въ способахъ веденія военныхъ предпріятій. Цѣли и побужденія нѣмецкихъ участниковъ войны 1870—71 годовъ могли быть вполнѣ нравственны и даже возвышенны,—точно такъ же какъ и цѣли и побужденія французовъ, защищавшихъ свою родину отъ германскаго нашествія послѣ паденія имперіи; но именно подъ вліяніемъ этихъ нравственныхъ побужденій совершались съ обѣихъ сторонъ колоссальныя жестокости. Чѣмъ болѣе люди убѣждены въ своей правотѣ, тѣмъ сильнѣе склонны они поступать круто съ противниками, и самая справедливая война бываетъ часто и самою жестокою. Громкія фразы о „побѣдоносномъ войскѣ“, о высокомъ положеніи германской арміи и о безукоризненной чистотѣ ея „военнаго щита“ совершенно не отвѣчаютъ на вопросъ о томъ, насколько человѣколюбивы или, напротивъ, безчеловѣчны были славные подвиги этихъ военныхъ героевъ при разгромѣ непріятельской страны. Дѣло идетъ не о геройствѣ и военной славѣ германскихъ войскъ, а о жестокостяхъ, сопутствующихъ всякой войнѣ; въ этомъ отношеніи франко-прусская кампанія была, конечно, неизмѣримо богаче суровыми репрессаліями и крупными звѣрствами, чѣмъ трансваальская война,—уже въ силу своихъ грандіозныхъ размѣровъ сравнительно съ послѣднею. Изреченіе Фридриха Великаго о гранитѣ приведено было совсѣмъ некстати, если подъ гранитомъ разумѣть славу и могущество германской арміи; притомъ, какъ указано было однимъ нѣмецкимъ публицистомъ, это изреченіе принадлежитъ вовсе не Фридриху Великому, а Наполеону I, который писалъ на островѣ св. Елены: „мнѣ суждено быть пищей для памфлетистовъ, но я не боюсь сдѣлаться ихъ жертвою,—имъ придется грызть гранитъ“. Негодованіе нѣмцевъ по поводу отзыва Чемберлена о жестокостяхъ различныхъ войнъ и въ томъ числѣ франко-прусской—проистекало изъ ложнаго патріотизма и всего менѣе заслуживало поощренія со стороны такого опытнаго дипломата, какъ графъ Бюловъ. Въ качествѣ серьезнаго государственнаго человѣка, германскій канцлеръ имѣлъ благодарную тему для того, чтобы дать урокъ своимъ согражданамъ; однако, онъ предпочелъ быть простымъ выразителемъ ихъ непродуманныхъ патріотическихъ чувствъ и соблазнился возможностью удовлетворить на-

Digitized by Google

ціональное самолюбіе безполезною полемикою съ иностраннымъ министромъ.

Графъ Бюловъ говорилъ затѣмъ весьма пространно о тройственномъ союзѣ и объ общихъ задачахъ германской политики. По его словамъ, „существуютъ люди, проникнутые настойчивымъ желаніемъ похоронить тройственный союзъ; отъ времени до времени они объявляютъ союзъ умершимъ, а между тѣмъ онъ по прежнему пользуется наилучшимъ здоровьемъ". Съ тройственнымъ союзомъ повторяется то, что̀ бываетъ съ людьми, которыхъ ошибочно считали покойниками: ложные слухи о смерти предвѣщаютъ долговѣчность. „О характерѣ и сущности тройственнаго союза распространяются часто невѣрныя представленія. Тройственный союзъ есть товарищество страхованія, а не пріобрѣтенія. Это союзъ не для нападенія, а для обороны; цѣли его—не наступательныя, а въ высокой степени мирныя. Совершенно вѣрно сказалъ графъ Штольбергъ, что тройственный союзъ основанъ не на искусственной комбинаціи. Въ историческомъ смыслѣ онъ представляетъ собою примиреніе національныхъ результатовъ борьбы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ съ тѣми принципами стойкости, которые послѣ наполеоновскихъ бурь обезпечили Европѣ полувѣковой миръ на основахъ вѣнскаго трактата. Тройственный союзъ соединяетъ прошлое съ настоящимъ и обезпечиваетъ будущее. Онъ не исключаетъ хорошихъ отношеній своихъ участниковъ къ другимъ державамъ. Я считаю неправильнымъ мнѣніе той—весьма незначительной, впрочемъ,—части нѣмецкой печати, которая обнаружила безпокойство по поводу недавнихъ франко-итальянскихъ соглашеній. Въ счастливомъ бракѣ супругъ не долженъ приходить въ волненіе, когда жена протанцуетъ лишній разъ съ постороннимъ кавалеромъ. Главное въ томъ, чтобы она отъ него не ушла совсѣмъ; она не уйдетъ отъ него, если и съ нимъ ей очень хорошо. Тройственный союзъ не налагаетъ на своихъ участниковъ никакихъ обременительныхъ обязательствъ; въ частности, ни одна изъ союзныхъ странъ не обязана держать свои сухопутныя и морскія военныя силы на опредѣленной высотѣ. Каждому изъ участниковъ тройственнаго союза предоставлено сокращать свои боевыя силы во всякое время и въ какой угодно мѣрѣ. Я полагаю даже, что безъ тройственнаго союза отдѣльные его участники, будучи изолированными, вынуждены были бы прибѣгнуть къ болѣе значительнымъ военнымъ усиліямъ и затратамъ, чѣмъ теперь, когда они состоятъ членами могущественной группы. Франко-итальянскія соглашенія относительно извѣстныхъ вопросовъ, касающихся Средиземнаго моря, вовсе не противорѣчатъ тройственному союзу; они вообще не касаются области тройственнаго союза. Въ остальномъ мы можемъ тѣмъ спокойнѣе относиться къ дальнѣйшему ходу дѣлъ, что

Digitized by Google

положеніе существенно измѣнилось съ 1879 года, со времени заключенія австро-германскаго договора, послужившаго основою тройственнаго союза. Тогда мы вели только европейскую политику. Политическія комбинаціи не выходили за предѣлы Средиземнаго моря. Теперь политика всѣхъ великихъ державъ обнимаетъ цѣлый земной шаръ. Я думаю, что съ тѣхъ поръ какъ существуетъ исторія, не было эпохи, когда одновременно существовало бы столько могущественныхъ государствъ. Отсюда образовалась, если можно такъ выразиться, система противовѣсовъ, которая естественнымъ путемъ, безъ особыхъ соглашеній, направляется къ сохраненію мира. Нѣтъ такой державы, которая, прежде чѣмъ начинать войну въ Европѣ, не должна была бы спросить себя: что произойдетъ въ это время за моею спиною? Ибо въ концѣ концовъ нельзя имѣть свои глаза повсюду. Въ 1879 году нашъ великій государственный дѣятель, князь Бисмаркъ, и нашъ великій полководецъ, графъ Мольтке, согласны были въ томъ, что Германія должна подготовиться на случай опасности,—быть можетъ, близкой тогда опасности великой европейской войны. Теперь положеніе является менѣе напряженнымъ. Это имѣетъ свои различныя причины. Прежде всего дѣйствовалъ успокоительно тотъ фактъ, что Германія въ продолженіе цѣлыхъ тридцати лѣтъ постоянно держалась миролюбивой политики. Тридцать лѣтъ тому назадъ было еще распространено мнѣніе, что германская имперія, созданная великими войнами, будетъ преслѣдовать воинственные планы, подобно тому какъ это дважды дѣлала наполеоновская имперія. Въ такомъ подозрѣніи заключалась уже извѣстная опасность войны. Болѣе непримиримые изъ нашихъ противниковъ могли пользоваться и нерѣдко дѣйствительно пользовались аргументомъ такого рода: если мы не постараемся напасть на Германію при благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, то намъ будетъ грозить опасность, что германская имперія нападетъ на насъ въ удобный для нея моментъ. Этотъ аргументъ нельзя уже повторять въ настоящее время,—ибо за эти тридцать-пять лѣтъ мы не имѣли недостатка въ случаяхъ вести выгодныя войны и притомъ въ хорошей компаніи. Еслибы теперь кто-нибудь заговорилъ о воинственныхъ, наступательныхъ стремленіяхъ германской имперіи или германскаго императора, то подобная клевета уничтожилась бы сама собою. Всякій интересующійся политическими дѣлами знаетъ, что мы безусловно миролюбивы. Къ тому же, цѣли міровой политики простираются на области и предметы, очень далеко отстоящіе отъ границъ Германіи. Назову для примѣра побережье Африки, Персію и восточную Азію. Если вслѣдствіе этого существованіе тройственнаго союза не составляетъ уже абсолютной необходимости, то тѣмъ не менѣе онъ остается въ высшей степени цѣннымъ въ смыслѣ болѣе

Digitized by Google

прочной гарантіи мира, независимо отъ значенія его, какъ полезнаго связующаго элемента между государствами, которыя по своему географическому положенію и по историческимъ традиціямъ должны дорожить сохраненіемъ добрыхъ сосѣдскихъ отношеній. Что касается насъ, то мы обязаны и впредь поддерживать могущество Германіи, чтобы дружба наша была цѣнима всякимъ, какъ и теперь, и чтобы наша вражда ни для кого не была безразлична".

Изъ объясненій графа Бюлова трудно извлечь что-либо такое, чего не было бы извѣстно и раньше; тѣ же взгляды много разъ высказывались въ оффиціозной печати, и публика давно уже знаетъ, какъ смотритъ берлинское правительство на великую роль германской имперіи въ Европѣ. Но сдѣланный канцлеромъ историческій обзоръ международныхъ отношеній Германіи за послѣднее тридцатилѣтіе не лишенъ своеобразнаго интереса новизны: въ такой краткой и авторитетной формѣ не предлагалась еще новѣйшая исторія Европы съ оффиціально-германской точки зрѣнія. Изъ этого обзора мы видимъ, что великій Бисмаркъ и великій Мольтке были истинными миротворцами; они ограждали Германію отъ воинственныхъ замысловъ другихъ державъ, которыя только и думали о выборѣ подходящаго момента для нападенія на мирную нѣмецкую имперію. Даже знаменитая теорія предупредительныхъ войнъ, которую настойчиво проповѣдывали въ семидесятыхъ годахъ берлинскіе военные дѣятели и публицисты,—теорія, которую развивалъ и поддерживалъ тогда князь Бисмаркъ въ своихъ оффиціозныхъ органахъ,—была придумана будто бы врагами Германіи, въ качествѣ оправдательнаго аргумента въ пользу ихъ злокозненныхъ плановъ. Оказывается, что, напр., въ 1875 году не Германія собиралась добить побѣжденную Францію, а напротивъ, Франція хотѣла обрушиться на имперію Вильгельма I; если же тогдашнее французское правительство, для спасенія отъ берлинскихъ угрозъ, обращалось къ оффиціальному заступничеству Россіи, то это было лишь плодомъ недоразумѣнія: въ дѣйствительности, великій Бисмаркъ и великій Мольтке никогда никого не обижали, и сами нуждались въ заступничествѣ, которое и устроили себѣ въ видѣ постояннаго тройственнаго союза. Этотъ союзъ былъ долго источникомъ хронической тревоги и постоянныхъ международныхъ кризисовъ въ Европѣ. Положеніе стало менѣе напряженнымъ не потому, что всѣ убѣдились въ миролюбіи Германіи, а по другой, болѣе простой причинѣ: въ 1890 г. сошелъ со сцены князь Бисмаркъ, и съ тѣхъ поръ европейская политическая жизнь постепенно приняла спокойный характеръ. Пока Германія фактически господствовала въ Европѣ, опираясь на неизмѣнное содѣйствіе Россіи и Австріи, она не имѣла надобности воевать для достиженія своихъ цѣлей; а когда война была ей жела-

Digitized by Google

тельна, то встрѣчались преграды со стороны союзниковъ. Впослѣдствіи военная предпріимчивость Германіи останавливалась необыкновеннымъ усиленіемъ ея противниковъ и соперниковъ въ Европѣ—превращеніемъ ослабленной Франціи въ могущественную военную державу и послѣдовательнымъ стихійнымъ ростомъ Россіи. Общее международное положеніе не допускало спеціально-германскихъ войнъ, а европейская война, при современныхъ размѣрахъ вооруженій, была бы такимъ явнымъ безумiемъ, что ни одинъ отвѣтственный правитель не могъ бы думать о ней серьезно. Мы не говоримъ уже объ экономическихъ интересахъ, развивающихся повсюду съ поразительною энергіею и пріобрѣтающихъ все большее значеніе въ государствѣ,— интересахъ, которые безусловно требуютъ прочнаго и вполнѣ обезпеченнаго мира;—не говоримъ также о настроеніи народовъ и особенно трудящихся массъ, рѣшительно враждебныхъ всякому воинственному начинанію. Нѣмецкій рабочій классъ, организованный въ видѣ самостоятельной партіи, подъ руководствомъ талантливыхъ парламентскихъ вождей, становится все болѣе важнымъ элементомъ въ германской политикѣ, и съ нимъ приходится теперь считаться въ гораздо большей степени, чѣмъ въ семидесятыхъ или въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ, внѣшнее миролюбіе Германіи зависѣло не только отъ доброй воли Бисмарка и его преемниковъ, но и отъ условій и обстоятельствъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ отдѣльныя лица,—и видѣть въ этомъ особую заслугу нѣмецкихъ правителей нѣтъ основанія. Твердое сознаніе практической невозможности войны въ Европѣ побуждаетъ правительства съ большою легкостью предпринимать отдаленныя военныя экспедиціи для пріобрѣтенія новыхъ колоній и рынковъ; а министры могутъ чаще прежняго говорить о несравненномъ превосходствѣ отечественныхъ армій, внушающихъ неодолимый страхъ врагамъ, которые, вслѣдствіе этого, дѣлаются миролюбивыми и даже дружественными. Оффиціальные патріоты всегда предполагаютъ, что чувство спасительнаго страха свойственно только чужимъ народамъ и государствамъ; для себя и своей націи они признаютъ обязательнымъ только чистый, голый патріотизмъ. Графъ Бюловъ увѣренъ, что нѣтъ на свѣтѣ болѣе совершенной арміи, чѣмъ германская, что не было въ Германіи болѣе великаго человѣка, чѣмъ Бисмаркъ, и что не было и нѣтъ въ мірѣ болѣе великой и сильной націи, чѣмъ нѣмецкая;—и подобныя идеи онъ повторяетъ съ такимъ видомъ, какъ будто онѣ кажутся ему замѣчательно остроумными, новыми или оригинальными.

Занимая въ имперіи первый правительственный постъ послѣ императора, графъ Бюловъ, не имѣетъ, однако, возможности выдавать свои взгляды за единственные, допускаемые въ странѣ, и должень

Digitized by Google

по неволѣ выслушивать возраженія, иногда весьма убѣдительныя, хотя и неблагопріятныя для его личнаго самолюбія. При своей всегдашней находчивости онъ легко справляется съ противниками въ парламентѣ или, по крайней мѣрѣ, отдѣлывается отъ нихъ удачно подобранными аргументами и примѣрами, причемъ авторитетъ его канцлерскаго званія сохраняется въ полной неприкосновенности. Всякій чувствуетъ и понимаетъ въ Германіи, что публичныя дѣла не могутъ рѣшаться иначе какъ путемъ свободнаго публичнаго обсужденія, и никому не приходитъ въ голову сомнѣваться въ благотворности этой живой всесторонней критики для реальныхъ интересовъ государства. Между прочимъ, въ прусской палатѣ депутатовъ, въ засѣданіи 16-го января, извѣстный предводитель партіи свободомыслящихъ, Евгеній Рихтеръ, обратилъ вниманіе на элементъ случайности, играющій еще большую роль въ вопросахъ высшаго государственнаго управленія. „Лѣтомъ прошлаго года,—замѣтилъ Рихтеръ,—палата была закрыта внезапно, съ такою поспѣшностью, что даже необходимѣйшія работы едва могли быть закончены, а затѣмъ вдругъ исчезли три министра, которые, при закрытіи парламентской сессіи, пользовались еще полнымъ здоровьемъ. Кто могъ тогда думать, что этимъ тремъ дѣятелямъ уже доставленъ роковой шолковый шнурокъ,—что они такъ внезапно объявятъ себя больными и потеряютъ даже способность держать перо въ рукахъ? Они, пожалуй, завидуютъ теперь министрамъ, дѣйствующимъ при парламентской системѣ; по крайней мѣрѣ, когда тѣ уходятъ, причина ихъ удаленія всѣмъ извѣстна, а здѣсь никто не знаетъ, въ чемъ дѣло. У насъ министры подобны цвѣткамъ въ полѣ; подулъ надъ ними вѣтеръ—и нѣтъ ихъ, и даже нельзя отыскать ихъ слѣды, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда ихъ назначаютъ оберъ-президентами. Но потребленіе министровъ идетъ теперь сильнѣе, чѣмъ оберъ-президентовъ". Рихтеръ откровенно выражаетъ также свои недоумѣнія по поводу сдѣланнаго выбора: „Господинъ фонъ-Подбѣльскій (министръ земледѣлія) сказалъ, впрочемъ, что онъ не знаетъ своего будущаго, но что, какъ старый солдатъ, онъ слѣдуетъ приказу своего повелителя. Г. фонъ-Гаммерштейнъ попалъ въ министерство, неизвѣстно какъ и почему; но онъ принадлежитъ къ мекленбургской фамиліи. Прежде министровъ поставлялъ Ганноверъ; теперь эта роль, кажется, перешла къ Мекленбургу". Только новый министръ финансовъ, фонъ-Рейнбабенъ, отчасти одобряется Рихтеромъ. Ядовитыя замѣчанія оппозиціоннаго оратора вызвали обстоятельный отвѣтъ графа Бюлова, какъ прусскаго министра-президента. Относительно новыхъ назначеній графъ Бюловъ ограничился, однако, чисто-формальнымъ доводомъ—ссылкою на конституцію, по которой выборъ и увольненіе министровъ предоставлены всецѣло королю. Само собою разумѣется, что

Digitized by Google

Рихтеръ не возбуждалъ вопроса о правѣ дѣлать извѣстныя назначенія; онъ указывалъ только на отсутствіе опредѣленныхъ политическихъ мотивовъ въ происшедшей министерской перемѣнѣ. Въ Пруссіи министры отвѣтственны только предъ короною и не зависятъ отъ парламента; судьба ихъ не связана съ тою или иною группировкою партій и не опредѣляется голосованіями палатъ, такъ что королевская власть не чувствуетъ себя стѣсненною въ своихъ дѣйствіяхъ. Этимъ устраняется антагонизмъ между короною и народнымъ представительствомъ, а возможныя неудобства такого порядка не имѣютъ большого значенія уже потому, что всякій министръ дѣйствуетъ открыто, подвергаясь постоянному контролю палатъ и печати: человѣкъ неспособный или малознающій не продержался бы на такомъ мѣстѣ и двухъ дней. Чѣмъ бы ни руководствовалась корона въ своемъ выборѣ, она во всякомъ случаѣ должна выбирать людей компетентныхъ и опытныхъ, обладающихъ между прочимъ даромъ слова, и дѣйствительно до сихъ поръ прусскіе и германскіе министры большею частью вполнѣ оправдывали свое назначеніе. То же самое слѣдуетъ сказать и о новыхъ прусскихъ министрахъ. Г. фонъ-Подбѣльскій, хотя и „старый солдатъ“, показалъ себя не только отличнымъ знатокомъ сельскаго хозяйства и землевладѣнія, но и бойкимъ ораторомъ, и онъ весьма умѣло защищаетъ точку зрѣнія правительства въ жгучемъ вопросѣ о хлѣбныхъ пошлинахъ. Баронъ фонъ-Гаммерштейнъ, въ должности министра внутреннихъ дѣлъ, произноситъ дѣльныя и правдивыя рѣчи, которыя вызываютъ сочувствіе даже среди оппозиціи. Министерскимъ рѣчамъ соотвѣтствуютъ и распоряженія, когда дѣло идетъ объ исполнительныхъ мѣрахъ въ области администраціи или управленія. Въ этомъ отношеніи нѣмецкіе парламенты отличаются дѣловитостью и не теряютъ времени на теоретическіе или партійные споры, которымъ удѣляютъ такъ много вниманія парламентскіе дѣятели Франціи.

Насколько существенна роль прусскаго сейма въ охранѣ законныхъ правъ даже самыхъ скромныхъ обывателей, можно видѣть изъ недавнихъ преній по дѣлу нѣкоего Кулемана, торговаго агента, ошибочно арестованнаго властями. Арестъ былъ произведенъ судебными чиновниками, которые тщетно разыскивали мелкаго мошенника съ тою же фамиліею Кулемана; тутъ не было ни злоупотребленія, ни произвола, а произошла лишь ошибка въ лицѣ, причемъ задержанный провелъ только два или три дня въ тюрьмѣ. По поводу этого сравнительно ничтожнаго факта поднято было много шуму въ печати; въ прусской палатѣ депутатовъ, 20-го января, одинъ изъ представителей умѣренной національно-либеральной партіи обратился къ правительству съ подробно-мотивированнымъ запросомъ, въ которомъ выставлялъ на видъ опасную небрежность администраціи, непозволи-

Digitized by Google

тельныя безобразія провинціальныхъ тюремныхъ порядковъ и необходимость болѣе надежныхъ практическихъ гарантій для личной свободы гражданъ. Министръ юстиціи Шенштедтъ объяснилъ, въ какомъ видѣ представляется дѣло по произведенному имъ разслѣдованію, и обѣщалъ принять мѣры для предупрежденія подобныхъ ошибокъ въ будущемъ. Въ болѣе энергическомъ тонѣ говорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Гаммерштейнъ; онъ призналъ цѣлый рядъ неправильностей въ дѣйствіяхъ тюремныхъ служащихъ и сообщилъ палатѣ о строгихъ взысканіяхъ, наложенныхъ имъ на виновныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что для желательнаго улучшенія тюремнаго дѣла потребуются новыя денежныя средства, которыхъ пока еще не имѣется въ бюджетѣ министерства. Изъ-за Кулемана столько досталось провинившимся чиновникамъ, столько говорилось въ палатѣ и столько обѣщаній дано было министрами, что потерпѣвшій долженъ, кажется, считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Нѣкоторыя нѣмецкія газеты, при обсужденіи этого инцидента, печатали грозныя статьи о необезпеченности свободы личности въ Пруссіи; самъ авторъ запроса счелъ нужнымъ въ палатѣ вспомнить о французскихъ „lettres de cachet“ временъ Людовика XIV,—хотя въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи о какой-либо параллели съ произвольными административными арестами, которыхъ вообще не бываетъ въ современной Германіи. Очевидно, нѣмецкая публика крайне чувствительна къ интересамъ личной неприкосновенности каждаго, и въ этомъ пунктѣ прусскіе министры обнаруживаютъ безусловную солидарность съ общественнымъ и народнымъ мнѣніемъ.

Горячія и продолжительныя пренія возбудилъ въ прусской палатѣ депутатовъ вопросъ о польско-нѣмецкихъ отношеніяхъ въ Познани, по поводу извѣстной школьной исторіи въ Врешенѣ. Въ засѣданіи 13 января внесены были одновременно два запроса по этому предмету: польская группа, въ лицѣ г. Яздзевскаго, требовала отмѣны несправедливыхъ мѣръ германизаціи познанскаго населенія, а національ-либералы, черезъ посредство депутата Гобрехта, предлагали, напротивъ, позаботиться объ охранѣ и укрѣпленіи нѣмецкаго элемента въ восточныхъ провинціяхъ, въ виду опасныхъ для государства политическихъ стремленій польской народности. Гобрехтъ указывалъ, между прочимъ на то обстоятельство, что употребленіе польскаго языка въ познанскихъ и верхне-силезскихъ школахъ приводитъ къ ополяченію нѣмецкихъ дѣтей, вынужденныхъ посѣщать эти школы, вслѣдствіе чего замѣчается постепенное систематическое усиленіе польской національности въ ущербъ нѣмецкой культурѣ. Депутатъ Яздзевскій, съ своей стороны, представилъ весьма рѣзкую картину безпощадной прусско-германской борьбы противъ поляковъ. Пріемы этой борьбы несовмѣ-

Digitized by Google

стимы, по его мнѣнію, съ конституціею и не могутъ быть названы иначе, какъ варварскими; „польскихъ дѣтей стараются онѣмечить при помощи палки и полицейскаго кулака, а естественное заступничество родителей наказывается тюрьмою до $2^1/_2$ лѣтъ,—позоръ для правосудія"! Министръ-президентъ, графъ Бюловъ, въ длинной отвѣтной рѣчи, категорически возражалъ противъ польскихъ обвиненій и настаивалъ на законности и необходимости энергической защиты нѣмецкихъ національно-государственныхъ интересовъ въ восточно-прусскихъ провинціяхъ, которымъ грозитъ искусственная полонизація. Правительство будетъ дѣйствовать „въ духѣ умѣренности, справедливости и терпимости", разсчитывая главнымъ образомъ на мѣры культурнаго характера; тѣлесное наказаніе въ школахъ, какъ признаетъ графъ Бюловъ, совершенно нежелательно при религіозномъ обученіи, и оно больше не будетъ примѣняться. Представители католическаго центра находили, что по отношенію къ полякамъ нарушается принципъ равноправности: „поляки суть такіе же подданные, какъ и нѣмцы; они имѣютъ право на такое же доброжелательное отношеніе государственной власти, какъ и нѣмецкіе ихъ сограждане; они могутъ требовать сохраненія своего роднаго языка, и лишать ихъ этого права было бы преступленіемъ противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Но и поляки должны отречься отъ агитаціи въ пользу возстановленія великопольскаго государства". Ораторы центра осуждали вообще всякія „излишества патріотизма", которыя на практикѣ приводятъ лишь къ обостренію племенной вражды, а „имѣть на границѣ отечественной территоріи спокойное и довольное населеніе было бы чрезвычайно важно въ минуту опасности". Въ слѣдующемъ засѣданіи палаты, 14 января, депутатъ Чарлинскій нападалъ въ негодующемъ тонѣ на политику насилій и злобы, на холодныя стремленія къ „убійству цѣлаго народа" подъ предлогомъ превосходства нѣмецкой культуры. „Не величайшее ли это безстыдство"—воскликнулъ онъ—„съ одной стороны подавлять насъ всѣми средствами могущества, а съ другой—увѣрять насъ, что этимъ оказываютъ намъ благодѣяніе? Наша агитація направлена лишь къ сохраненію польскаго языка, религіи и нравовъ. Мы были бы негодяями, еслибы не защищали этихъ важнѣйшихъ нашихъ благъ. Мы вовсе не относимся враждебно къ нѣмцамъ обоего пола; но прусскую систему мы ненавидимъ отъ глубины души". Депутатъ Гловацкій напомнилъ о школьныхъ порядкахъ въ Силезіи, причемъ просилъ министра просвѣщенія не возлагать на народныхъ учителей обязанностей шпіоновъ относительно мѣстнаго католическаго духовенства. Министръ тутъ же отвѣтилъ, что никогда онъ подобныхъ распоряженій не дѣлалъ и не одобрялъ, и если ему

Digitized by Google

укажутъ случай, когда мѣстныя власти прибѣгали къ такимъ способамъ дѣйствія, то онъ немедленно положитъ конецъ злоупотребленію. Пренія закончились 15 января, и хотя они, конечно, не удовлетворили поляковъ, но все-таки не прошли безслѣдно для прусской политики въ польскомъ вопросѣ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1902.

— „Подъ знаменемъ науки". Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями. М. 1902.

Недавно мы имѣли примѣръ „юбилейнаго сборника", какіе становятся у насъ почти обычаемъ—должно сказать, весьма симпатичнымъ; теперь передъ нами другой сборникъ того же рода, поводомъ котораго было уже истекшее сорокалѣтіе литературной дѣятельности Н. И. Стороженка. Во главѣ сборника поставленъ, какъ подобаетъ, обзоръ этой дѣятельности, который, кромѣ того, что даетъ біографію почтеннаго ученаго, является вмѣстѣ очень любопытнымъ эпизодомъ изъ исторіи нашей науки. Дѣло въ томъ, что Н. И. Стороженко былъ въ московскомъ университетѣ долгіе годы представителемъ каѳедры, основанной предпослѣднимъ университетскимъ уставомъ: каѳедры западныхъ европейскихъ литературъ; эти литературы не только за послѣдніе два вѣка, но, какъ теперь оказывается, и гораздо раньше, имѣли для нашей литературы свое историческое значеніе; ихъ вліяніе, сначала слабое и отдаленное, потомъ все болѣе сильное съ тѣхъ поръ, какъ русская жизнь пріобщилась къ западной культурѣ и наукѣ, становится наконецъ могущественнымъ факторомъ умственной и нравственной жизни нашего общества. Понятно изъ этого, что изученіе европейскихъ литературъ могло быть съ полнымъ правомъ поставлено въ университетскую программу, какъ предметъ спеціальнаго преподаванія. Западныя литературы, въ силу ихъ значенія, давно привлекали любознательность людей образованныхъ; но очевидно, что одной любознательности недостаточно для того, чтобы историческія наблюденія получили настоящую критическую опредѣленность; съ другой стороны, изученіе старыхъ періодовъ европейской литературы, т.-е. изученіе среднихъ вѣковъ, развилось въ послѣднее время въ громадные размѣры спеціальной науки. Основаніе новой каѳедры въ первый разъ

Digitized by Google

давало возможность удовлетворить этой несомнѣнной потребности русской науки. Результаты оказались очень скоро: въ прямой или косвенной связи съ установленіемъ новой университетской науки, явились у насъ, небывалые или крайне рѣдкіе прежде, самостоятельные труды по изученію европейской литературы. При каѳедрѣ Александра Н. Веселовскаго образовалась цѣлая школа, и научное общество „неофилологовъ": его собственные труды, направленные въ особенности на средневѣковую старину, западно-европейскую и русскую, произвели цѣлый переворотъ въ опредѣленіи нашего народно-поэтическаго преданія. Далѣе, труды Жданова, Кирпичникова, Батюшкова, Дашкевича, Колмачевскаго, Халанскаго, Созоновича, Корелина и т. д. свидѣтельствуютъ о такомъ обладаніи матеріаломъ западно-европейскихъ историко-литературныхъ изслѣдованій, какое раньше было у насъ почти невѣдомо. Очевидно, что въ дальнѣйшемъ самыя изслѣдованія объ отношеніяхъ русской литературы къ западно-европейской должны будутъ пріобрѣсти гораздо бо̀льшую опредѣленность. На этомъ поприщѣ проходила и научная дѣятельность Н. И. Стороженка. Списокъ его многочисленныхъ трудовъ, приложенный къ біографическому очерку, указываетъ большое разнообразіе историко-литературныхъ интересовъ; главный трудъ Н. И. Стороженка направленъ былъ на изученіе Шекспира и его эпохи, но онъ касался также многихъ иныхъ характерныхъ явленій западной литературы, и приготовляемое изданіе его сочиненій дастъ чрезвычайно любопытную и поучительную книгу.

Авторъ біографическаго очерка замѣчаетъ въ концѣ: „Настоящій сборникъ,—мысль объ изданіи котораго встрѣчена была съ горячимъ сочувствіемъ,—служитъ доказательствомъ (того), какую признательность завоевала жизнь ученаго и человѣка, посвященная истинѣ и любви къ людямъ". Фраза немного неловкая; но, дѣйствительно, сочувствіе къ „виновнику торжества" вызвало цѣлую массу дружественныхъ откликовъ и собрало любопытнѣйшій рядъ статей и стихотвореній, объединяемыхъ (почти безъ исключенія) именно историко-литературнымъ интересомъ: здѣсь найдутся отголоски разныхъ европейскихъ литературъ, древнихъ и новыхъ, и русской также, въ живыхъ очеркахъ, разнообразіе которыхъ привлекательно.

Digitized by Google

— Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ. Сочиненія. Подъ редакціею и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. Съ портретомъ-геліогравюрой И. Ѳ. Горбунова и одною изъ его мимическихъ сценъ. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса (1901). Два тома.

— Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова. 1883 — 1895. Гр. Павелъ Шереметевъ. Спб. 1901.

Происхожденіе и составъ изданія „Сочиненій“ такъ объяснены въ предисловіи издателя: „Послѣднее изданіе „сценъ и разсказовъ“ Ивана Ѳедоровича Горбунова, вышедшее въ 1881 году, далеко не обнимаетъ собою всего, что̀ было написано высокоталантливымъ художникомъ, и онъ самъ, предъ смертью, началъ подготовлять матеріалы для новаго, болѣе полнаго, изданія. Осуществляя его намѣреніе, мы предлагаемъ читателямъ настоящее собраніе сочиненій И. Ѳ. Горбунова, въ которое вошли оригинальныя его произведенія, появившіяся въ печати до конца 1900 года. Изъ нихъ устранены лишь тѣ, коимъ онъ самъ не придавалъ никакого значенія, даже не подписывая ихъ своимъ именемъ. Нѣкоторые его разсказы сохранились лишь въ изустной передачѣ. Желая собрать ихъ, семья покойнаго просила, черезъ посредство газетъ, лицъ, запомнившихъ эти разсказы, о письменномъ сообщеніи ихъ. Къ сожалѣнію, на этотъ призывъ откликнулось лишь одно лицо — и такимъ образомъ не представляется возможности сличить и взаимно провѣрить содержаніе нѣсколькихъ записей, возстановить одинъ общій, приблизительный текстъ. Въ раздѣленіи книги на отдѣлы—принята терминологія автора. Значительная часть „отрывковъ изъ воспоминаній“ и нѣкоторыя изъ „подражаній старинной письменности“ появляются въ печати въ первый разъ. Къ очерку жизни и дѣятельности Горбунова присоединенъ его некрологъ, написанный нынѣ покойнымъ глубокимъ знатокомъ народной жизни и русскаго языка—Тертіемъ Ивановичемъ Филипповымъ, печатаемый съ любезнаго разрѣшенія его сына С. Т. Филиппова.

„Изданіе посвящается памяти одного изъ знаменитѣйшихъ артистовъ московской драматической труппы—Прова Михайловича Садовскаго. Благоговѣйныя воспоминанія Горбунова о Садовскомъ и сильное вліяніе послѣдняго на его художественное развитіе и судьбу—достаточно объясняютъ это посвященіе“.

Здѣсь не находимъ извѣстія о томъ, въ чемъ состояло подготовленіе самимъ Горбуновымъ матеріаловъ для болѣе полнаго изданія его сочиненій. Говорили, что Горбуновъ, собирая вновь свои разсказы, между прочимъ прибавлялъ къ нимъ извѣстнаго рода комментарій, указывавшій время и обстоятельства ихъ происхожденія, — что̀, безъ сомнѣнія, было бы чрезвычайно любопытно; но говорили также, что по его смерти эти матеріалы были затеряны однимъ его пріятелемъ

Digitized by Google

(также нынѣ умершимъ). О томъ, отыскались ли эти его матеріалы, не было слышно, и не находимъ о томъ указаній ни въ предисловіи издателя, ни въ біографіи; любопытно было бы по крайней мѣрѣ знать—отъ тѣхъ, кто могъ видѣть эту работу Горбунова, — какой былъ планъ и пріемъ этого комментарія.—Далѣе, въ предисловіи послѣднее изданіе „сценъ и разсказовъ“ Горбунова отнесено къ 1881-му году; это было шестое изданіе г. Суворина въ Петербургѣ (на книгѣ поставлено собственно два года: на оберткѣ — 1880, на заглавномъ листѣ—1881); но въ каталогахъ значится еще другое *шестое* изданіе, Ступина, въ Москвѣ, 1883 года. Эта путаница могла бы быть объяснена въ изданіи, какъ надо было ожидать здѣсь указаній и на то, когда вообще разсказы Горбунова появлялись въ печати.

Разсказъ г. Кони о Горбуновѣ извѣстенъ читателямъ „Вѣстника Европы“. Мы встрѣтили, между прочимъ, очень строгій критическій отзывъ объ этомъ разсказѣ, въ которомъ указывалось преувеличеніе значенія Горбунова, осуждалось повтореніе сюжетовъ, находящихся въ самой книгѣ, и т. п. Что касается послѣдняго, то указать тотъ или другой разсказъ могло быть нужно просто для ясности, когда критикъ хотѣлъ ярче выставить извѣстную особенность разсказа, характерную черту наблюденій Горбунова, и т. п. Мы не находили бы, чтобы и въ оцѣнкѣ Горбунова было преувеличеніе. Не говоря о томъ, что въ чисто литературныхъ работахъ его было далеко не заурядное знаніе русской жизни въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ ея, и тонкое знаніе бытовой старины, его исполненіе сценъ, какъ разсказчика, представляло собой дѣйствительно нѣчто необычайное. Профессія разсказчика имѣетъ такую же неблагодарную сторону, какъ профессія актера, пѣвца, музыканта: достоинства ихъ исполненія, какъ бы ни были высоки, исчезаютъ съ моментомъ исполненія, не оставляютъ слѣда, не могутъ быть объяснены не видавшимъ и не слыхавшимъ, и пропадаютъ для исторической реставраціи. Остается одно—чтобы видѣвшіе и слышавшіе передали съ возможной точностью то художественное дѣйствіе, какое производили эти исполнители. Это и сдѣлалъ очень старательно г. Кони. Трудъ подобнаго рода имѣетъ свою историческую цѣнность въ томъ, что даетъ понятіе о художественныхъ интересахъ общества и эпохи, создавшихъ и самый матеріалъ разсказовъ, и исполнителя этой силы и направленія. Очень характерно и имѣетъ историческій смыслъ то, что первая дѣятельность Горбунова совпадала съ оживленіемъ общественной жизни въ пятидесятыхъ годахъ и съ періодомъ реформъ; эта дѣятельность продолжалась около сорока лѣтъ и имѣетъ свою историческую заслугу въ художественномъ истолкованіи русской жизни.

Книга гр. П. С. Шереметева внушена такою же высокою оцѣн-

Digitized by Google

кой своеобразнаго дарованія Горбунова и прибавляетъ новыя черты къ его произведеніямъ и къ его біографіи.

Тѣмъ, кто несклоненъ признавать эту художественную цѣнность Горбунова, кажется, что его сочиненія, какъ и его исполненіе своихъ разсказовъ, могутъ имѣть только случайное анекдотическое значеніе.

Этому противорѣчитъ то, что уже въ прежнее время книга его разсказовъ дошла до шестого (или двухъ шестыхъ) изданія. Мы слышали, что оба изданія, посвященныя теперь Горбунову, хотя напечатанныя въ значительномъ числѣ экземпляровъ, уже разошлись. Надо думать, что такой успѣхъ вызванъ не однимъ анекдотическимъ интересомъ.

— В. Шенрокъ. П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. (Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина"). Кіевъ, 1901.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ былъ столь замѣтнымъ лицомъ въ русской литературѣ и, особенно, крупнымъ дѣятелемъ въ литературѣ малорусской, что подробная біографія его, безъ сомнѣнія, является очень желательной. Авторъ настоящаго очерка, какъ біографъ Гоголя, достаточно извѣстенъ обстоятельностью своихъ изслѣдованій, и въ книгѣ о Кулишѣ онъ собралъ не мало интересныхъ матеріаловъ; но свою работу онъ считаетъ все-таки далеко не завершенною. На первыхъ вводныхъ страницахъ г. Шенрокъ говоритъ: „Приступая къ описанію жизни извѣстнаго патріота и писателя Пантелеймона Александровича Кулиша, мы сознаемъ всю трудность взятой на себя задачи—въ виду, съ одной стороны, ея важнаго значенія, а съ другой—необычайно разностороннихъ дарованій и дѣятельности покойнаго. Мы далеки отъ самоувѣренной надежды дать въ нашемъ очеркѣ полное воспроизведеніе его духовнаго облика, и въ то же время намъ кажется желательнымъ и умѣстнымъ позаботиться о своевременномъ сохраненіи существующихъ данныхъ для изученія жизни этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго дѣятеля, имѣющаго несомнѣнное и притомъ многостороннее историческое значеніе. Покойный Кулишъ по многимъ причинамъ особенно заслуживаетъ вниманія, и притомъ вовсе не со стороны однихъ только малороссовъ,—уже потому, что это былъ рѣдкій подвижникъ умственнаго труда, труда неустаннаго, самоотверженнаго и согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ. Какъ понималъ Кулишъ призваніе всей своей жизни и дѣлалъ ли ошибки, выполняя это призваніе,—это вопросъ весьма трудный и сложный, по поводу котораго неизбѣжно и долго будутъ возникать разногласія. Но теперь, когда его дѣятельность отошла уже въ исторію, невозможно отказать его кипучей энергіи въ значитель-

Digitized by Google

ной дозѣ чистаго идеализма. Это былъ дѣятель, несмотря на многія свои достоинства и заслуги, въ концѣ своей жизни въ значительной степени неоцѣненный и забытый. Причиной этому было, главнымъ образомъ, его раннее, въ силу обстоятельствъ, отстраненіе отъ широкой общественной литературной арены, обособленность его научныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ и погруженіе въ отдаленномъ хуторѣ въ трудовую отшельническую жизнь".

Авторъ указываетъ далѣе, что для полной біографіи Кулиша должны бы быть сдѣланы многія предварительныя работы; необходимо привести въ извѣстность и издать его сочиненія, переводы, письма и разобраться въ громадной массѣ его литературнаго труда; затѣмъ исполнить еще другія предварительныя работы, „которыя, не говоря о томъ, что онѣ требуютъ многихъ лѣтъ, пока невозможны еще вслѣдствіе множества затрудненій" (?),—и тогда только, вооружившись этимъ историко-литературнымъ и біографическимъ аппаратомъ, „можно было бы представить всестороннюю оцѣнку и полный обзоръ дѣятельности Кулиша и обрисовать вполнѣ его личность и значеніе для украинской и русской литературъ". Такой трудной задачи авторъ на себя не беретъ.

„Не задаваясь такой обширной цѣлью,—говоритъ г. Шенрокъ,—мы считаемъ желательнымъ въ нашемъ очеркѣ по крайней мѣрѣ приблизительно показать, какую замѣчательную личность и умственную силу представлялъ собой покойный, показать высоту его стремленій и идеаловъ, предоставляя другимъ оцѣнку его такъ называемыхъ „увлеченій", наконецъ дать представленіе о томъ, какъ, несмотря ни на какія обстоятельства, Кулишъ вѣчно трудился и не зарылъ по собственной винѣ ни одного изъ многихъ даиныхъ ему природой талантовъ, хотя многіе изъ нихъ, быть можетъ, не проявились вполнѣ—по винѣ общественныхъ и другихъ внѣшнихъ условій. Желательно было бы, наконецъ, вызвать дальнѣйшія работы по изученію и изданію трудовъ Кулиша, чтобы не заглохли безплодно брошенныя имъ сѣмена, не погибли его оригинальные труды и переводы на малороссійскомъ языкѣ многихъ капитальнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, и не остался въ неизвѣстности и забвеніи и самоотверженный подвигъ всей жизни этого несомнѣнно талантливаго идеалиста".

Во всемъ этомъ есть не мало неточностей, которыя самъ авторъ могъ бы устранить, еслибы говорилъ не общими словами, а фактическими примѣрами. Что Кулишъ былъ человѣкъ талантливый и „вѣчно трудился", этого никто не оспаривалъ; но „идеализмъ" требуетъ объясненій—въ чемъ онъ состоялъ и къ чему стремился: здѣсь, какъ упомянемъ, были большія неясности. Авторъ упоминаетъ дальше „всевозможныя нападенія и интриги періодической печати извѣстной

Digitized by Google

фракціи", которыя мѣшали его труду и смущали его мирное существованіе,—но въ „біографическомъ очеркѣ" не находимъ объясненія этихъ нападеній и интригъ;—между прочимъ, касаясь „нападеній", не надо было бы забыть тѣ нападенія, какія самъ Кулишъ совершалъ въ ближайшемъ кругу его дѣятельности—въ украинской исторіи и литературѣ. Онъ самъ былъ вовсе не изъ мирныхъ людей. Если Кулишъ представляется автору „неоцѣненнымъ и *забытымъ*", это опять требовало объясненій. Послѣдніе труды Кулиша по исторіи Малороссіи были таковы, что могли своимъ характеромъ производить прямо отталкивающее впечатлѣніе, и даже не только въ средѣ малорусскихъ читателей; Кулишъ, нѣкогда одинъ изъ главнѣйшихъ начинателей украинофильства, въ своихъ послѣднихъ работахъ по исторіи Малороссіи, обрушился на историческія преданія этой Малороссіи, на самыя популярныя имена малорусской литературы, грубо (и, главное, несправедливо) нападая на Костомарова и Шевченка. Быть можетъ, малорусскимъ читателямъ, цѣнившимъ старыя заслуги Кулиша, казалось, что ради этихъ заслугъ было бы лучше *забывать* объ его послѣднихъ твореніяхъ...

Въ біографіи не находимъ достаточнаго объясненія этихъ отношеній, а безъ того, автору было бы лучше воздержаться отъ обвиненія современниковъ и единоплеменниковъ Кулиша, что они его „не оцѣнили" и „забыли". Характеръ и складъ дѣятельности Кулиша были очень сложны, и для опредѣленія ихъ недостаточно говорить о немъ, какъ „подвижникѣ умственнаго труда", объ его „кипучей энергіи": то и другое было,—но оставался еще вопросъ, какъ направлены были этотъ трудъ и энергія. Многимъ именно кажется, что направлены они были далеко не всегда вѣрно. Авторъ какъ будто съ пренебреженіемъ упоминаетъ о „такъ называемыхъ увлеченіяхъ", какія ставили въ вину его герою,—но, на самомъ дѣлѣ, эти увлеченія были не только такъ называемыя, но самыя настоящія... Біографія Кулиша, конечно, еще нуждается во многихъ изслѣдованіяхъ, но сочиненія его напечатаны, и авторъ не сполна воспользовался и тѣмъ, что было уже въ печати.

Въ книгѣ г. Шенрока есть прекрасное намѣреніе выставить лучшія стороны и стремленія писателя, но біографія еще нуждается въ болѣе точныхъ опредѣленіяхъ и личнаго характера, и дѣятельности Кулиша.—А. П.

— Иванъ Щегловъ. Новое о Пушкинѣ. Спб. 1902.

Авторъ смотритъ на свою книгу съ особой точки зрѣнія. Какъ видно изъ предисловія, онъ „позволилъ себѣ озаглавить настоящій

Digitized by Google

трудъ—„Новое о Пушкинѣ“, дабы нѣсколько отдѣлить попытку живого изслѣдованія отъ легіона общихъ книжныхъ разсужденій, выпущенныхъ въ свое время подъ тѣмъ же юбилейнымъ флагомъ“. Въ свое время, т.-е. года два съ половиной назадъ, когда общество было подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ чествованія поэта, разсказы г. Щеглова о Пушкинскихъ дняхъ въ провинціи, о Пушкинскихъ уголкахъ, о старухѣ, знавшей Пушкина, и т. д., были интересны, и соединеніе газетныхъ статей автора въ книжечку имѣло бы значеніе иллюстраціи переживаемаго событія. Теперь это значеніе потеряно,—общество готовится къ новымъ торжествамъ, и на книгу г. Щеглова приходится смотрѣть съ исторической, или вѣрнѣе—историко-литературной точки зрѣнія, сопоставляя ее съ фактами юбилейной литературы, нѣсколько заносчиво называемой авторомъ „легіономъ общихъ книжныхъ разсужденій“. Тамъ, очевидно, мертвечина, отвлеченность, сухость; у г. Щеглова—„живое изслѣдованіе“: просятъ не смѣшивать... Ни въ какомъ случаѣ.

Живость и сама по себѣ прекрасная вещь, а въ ученомъ изслѣдованіи—цѣна ей двойная... конечно, если, кромѣ усиленнаго обмѣна веществъ у изслѣдователя, она приноситъ и плодотворные результаты въ той области труда, къ которой она прилагается. Къ сожалѣнію, въ трудѣ г. Щеглова мы нашли весьма мало дѣйствительно новаго о поэтѣ, хотя нельзя не отдать должнаго энергіи автора, съ какой онъ путешествовалъ за этимъ „новымъ“ по градамъ и весямъ нашего отечества, то отыскивая могилу няни Пушкина,—которой, однако, не нашелъ,—то описывая усадьбы и дома, гдѣ поэтъ жилъ или бывалъ, впрочемъ давно уже описанные прежними живыми и мертвыми изслѣдователями. Наиболѣе интересны страницы, посвященныя уясненію отношеній Баратынскаго и Пушкина и гипотезѣ о томъ, что Баратынскій, этотъ „сомнительный другъ“, послужилъ прототипомъ Пушкинскаго Сальери; по этому поводу авторъ высказалъ нѣсколько цѣнныхъ соображеній и остроумныхъ замѣчаній, съ которыми нельзя не считаться, но въ общемъ эта гипотеза недостаточно доказана. Въ самомъ дѣлѣ, если даже согласиться съ предположеніемъ г. Щеглова о Сальери, то трудно допустить, чтобы Пушкинъ могъ изобразить въ Моцартѣ себя: какъ умный человѣкъ—поэтъ сознавалъ свои заслуги, какъ геній—онъ былъ удивительно скроменъ и тактиченъ, и никогда не возвелъ бы себя на высоту поэтической идеализаціи. Еще слабѣе обставлены догадки г. Щеглова о томъ, что прототипами Инезы и Лауры изъ „Каменнаго гостя“ были знаменитыя Ризничъ и Кернъ: авторъ останавливается на слишкомъ мелкихъ чертахъ совпаденія, объясненіе которыхъ лежитъ всецѣло въ границахъ поэтическаго обобщенія. Любопытны разысканія автора о священникѣ Шкодѣ, но стремленіе видѣть

Digitized by Google

въ „Шкодихѣ", его дочери, прототипъ барышни-крестьянки, потому только, что въ молодости она была красива и ходила съ поэтомъ „по грибы", приводитъ прямо къ курьезному заключенію, что Пушкинъ и не видалъ другихъ красивыхъ дѣвушекъ, поповъ и монаховъ и т. д., кромѣ тѣхъ, которыхъ судьба берегла многіе годы, или едва-едва не сберегла, спеціально для г. Щеглова.

Гораздо болѣе „новаго" въ книжкѣ о самомъ г. Щегловѣ и о томъ, какъ онъ путешествовалъ. Но для насъ это вопросъ менѣе интересный и, во всякомъ случаѣ, къ Пушкинской юбилейной литературѣ не относящійся.—Е. Л.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1902 г., въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Ив.—Въ культурномъ скиту. Среди неплюевцевъ: Воздвиженская школа.—Колыбель братства.—Братская колонія. Спб. 902. Ц. 75 к.

Акифьевъ, И.—На далекій сѣверъ за золотомъ. Изъ дневника кругосвѣтнаго путешествія 1900 года. Съ 37 рис. Спб. 902. Ц. 1 р.

Аннековъ, К.—Система русскаго гражданскаго права. Т. VI: Право наслѣдованія. Тип. М. Стасюлевича. Спб. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Аріанъ, П. Н.—Первый женскій Календарь на 1902 годъ. Спб. 902. Ц. 1 р.

Бакалейникъ, П.—Исповѣдь милліонера. Памяти Солодовникова. Спб. 902. Цѣна 1 руб.

Бальдвинъ, Дж. Максъ.—Введеніе въ психологію. Общій обзоръ науки о душѣ. Съ англ. п. р. Н. Н. Спиридонова. М. 902. Ц. 1 р.

Барятинскій, кн. В. В.—Разсказы. Мысли и замѣтки. Спб. 901. Ц. 1 р.

Бахметевъ, Н. Н.—Стихотворенія. М. 901. 2-е изд. Ц. 80 к.

Брусянинъ, Вас.—Разсказы. М. 902. Ц. 1 р.

Булатина, Елена.—Стихотворенія. М. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Бутовскій, А.—Добровольный кадетскій корпусъ въ Австраліи и военные отряды въ англійскихъ школахъ. Спб. 902.

Быковъ, А.—Разсказы изъ исторіи Ирландіи. Съ XII вѣка до нашихъ дней. Съ портретомъ Парнелля и О'Коннеля. Спб. 902. Ц. 80 к.

Веберъ, К. К.—Успѣхи молочнаго дѣла. 1897—1900 г.г. Дополненіе къ руководствамъ проф. Флейшмана, проф. Кирхнера и др. Съ 57 рис. Спб. 902. Цѣна 2 рубля.

Виленкинъ, Григорій.—Финансовый и экономическій строй современной Англіи. Спб. 902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Водовозовъ, В.—Изслѣдованіе г-на Тарле по соціальной исторіи Англіи. Спб. 901. Ц. 30 к.

Гай-Сагайдачная, Ек.—На чужой квартирѣ. Водевиль въ 1 д. Харьк. 901. Ц. 15 к.

——— Спасемъ Ниночку. Ком. для дѣтей въ 3 д. Харьк. 902. Ц. 30 к.

Галина, Г.—Стихотворенія. Спб. 902. Ц. 1 р.

Гарфильдъ, Сергѣй.—Изъ пѣсенъ земли и моря. Стих. и разсказы. Т. I. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Головнина, Ю. Д.—На Памирахъ. Записки русской путешественницы. М. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Головинъ, К. (К. Орловскій). Полное собраніе сочиненій. Т. I: „Медовый мѣсяцъ", романъ.—Живая загадка, повѣсть. Спб. 902.

Гольцъ, фонъ-деръ, проф.—Аграрный вопросъ и аграрная политика. Съ нѣм. Д. Флексора. Спб. 902. Ц. 2 р.

Горбъ-Ромашкевичъ, проф., Ѳ.—Поземельный налогъ въ практикѣ з.-европ. континентальныхъ государствъ. Варш. 901. Ц. 50 к.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. V. Спб. 902. Ц. 3 р.

Гребнеръ, В., и *Добровольскій*, А.—Практика бывшаго 4-го и Судебнаго Департаментовъ и Второго Общаго Собранія Правительствующаго Сената съ 1889 г. по 1901 г. включ.: Судопроизводство по исковымъ дѣламъ.—Администрація.—Несостоятельность.—Векселя. Изд. 2-е. Спб. 902. Ц. 3 р.

Гретцъ, Г., проф.—Исторія евреевъ. 1029—1205. Съ нѣм. п. р. А. Я. Гаркави. Спб. 902. Ц. 2 р. 50 к.

Гротъ, К. Я.—Къ біографіи И. И. Дмитріева. Неизданныя письма и замѣтки, относящіяся ко времени его кончины 3 окт. 1839 г. Спб. 902.

Гурвичъ, О. Я.—Живая мораль или Сокровищница талмудической этики. Вильна, 901. Ц. 1 р.

Денисовъ, С. К.—Описаніе торжественнаго празднованія двухсотлѣтія существованія горнаго вѣдомства. Спб. 901.

Джемсъ, В.—Стоитъ ли жить? Съ англ. К. К. С. 2-е изд. М. 901. Ц. 20 к.

Джемсъ, Уильямсъ.—Психологія въ бесѣдахъ съ учителями. Съ англ. В. Н. Ивановскій. М. 902. Ц. 50 к.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.—Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ. 1901—1902 г. Ц. 3 р. 50 к.

Екатерина II, *Императрица*. — Сочиненія. На основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. Изд. Имп. Академіи наукъ. Т. VII: Антидотъ. Т. VIII: Труды историческіе. Записки касательно Россійской исторіи. Ч. I и II. Т. IX: Ч. III и IV. Т. X: Ч. V и VI. Спб. 901. Ц. за т. т. VII—X—7 р. 50 к.

Ермоловъ, А.—Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. I. Всенародный мѣсяцесловъ. Спб. 901. Ц. 3 р.

Желѣ, д-ръ.—Преобразуемость живыхъ организмовъ. Съ франц. В. Ранцовъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 25 к.

Зудерманъ, Г.—Собранія сочиненій. Т. I-й. П. р. К. Бальмонта. М. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Казанскій, П., проф.—Отвѣтъ проф. Л. Петражицкому о преподаваніи на юридическихъ факультетахъ. Спб. 901.

Кеннигемъ, В. — Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Древній міръ. Съ англ. П. С. Когана. Съ 5 карт. Т. I. М. 902. Ц. 1 р. 20 к.

Коропчевскій, Д. А.—Прежде и теперь. Очерки домашней жизни въ старое и въ наше время. Спб. 901. Ц. 1 р.

Куно Фишеръ.—Исторія новой философіи. Т. VIII: Гегель, его жизнь, сочиненія и ученіе. Съ нѣм. Н. О. Лосскій. Спб. 901. Ц. 3 р. 50 к.

Куракинъ, кн. Ѳ. А.—Архивъ. Кн. IX. П. р. В. Н. Смольянинова. Астрах. 901. Ц. 4 руб.

Лависсъ, Э., и *Рамбо*, А.—Исторія французской революціи 1789—1799 г.г. Съ франц. М. Іолшинъ. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Лавриченко, Н.—Вѣра въ жизнь. Шестидесятые годы. Ром. въ 2 ч.

Digitized by Google

Лаффаргъ, Ж.—Практическое руководство для электротехниковъ. Электрическія установки и управленіе ими. Съ франц. Ѳ. Александровъ. Спб. 902. Цѣна 2 р. 75 к.

Лебедевъ-Одинокій, Ив.—Въ тревогѣ и борьбѣ. Записки погибавшаго и стихотворенія. М. 902. Ц. 75 к.

Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю., проф.—Основныя проблемы физической зоологіи. Рѣчь, читанн. въ общ. собраніи русск. естествоисп. и врачей 26 дек. 1901 г. Спб. 902.

Любовичъ, Н.—Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варш. 901.

Любомудровъ, И. М.—Предохранительный Скотолечебникъ, или Руководство къ правильному содержанію и предохраненію домашнихъ животныхъ отъ заразныхъ и спорадическихъ болѣзней. Для сельскихъ хозяевъ. М. 902. Ц. 30 к.

Мадзини, Іосифъ.—Объ обязанностяхъ человѣка. Перев. Л. Никифорова. М. 902. Вып. 12-й Этико-художественной Библіотеки. Ц. 25 к.

Мамин-Сибирякъ, Д. И.—Разсказы и сказки. Т. II. Съ рис. М. 902. Цѣна 1 руб.

Мережковскій, Д.—Любовь сильнѣе смерти.—Наука любви. Двѣ итальян. новеллы XV-го вѣка.—Микель-Анжело.—Святой Сатиръ, флорентинская легенда. М. 902. Ц. 1 р. 35 к.

Мижуевъ, П. Г.—Вопросъ о реформѣ средней школы во Франціи. Спб. 902. Ц. 80 к.

Модестовъ, В. И., проф.—Введеніе въ Римскую исторію. Вопросы до-исторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ до-Римскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Ч. I, съ 35 фототип. табл. Спб. 902.

Нейштубе, С. Т.—Все живое во вселенной получаетъ жизнь изъ яйца. Съ 3 рис. Спб. 902. П. 20 к.

Немировичъ-Данченко, В. И.—За далекихъ братьевъ. Повѣсть изъ послѣдней турецкой войны. Съ 22 рис. Спб. 902. Ц. 80 к.

Новгородцевъ, П.—Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. М. 901.

Папковъ, А.—Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя, 1855—1870. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Позднѣевъ, А. М.—Извѣстія Восточнаго Института, п. р. Директора Института. Т. II: 1900—01 академич. годъ. Вып. 3-й. Владивостокъ. 901.

Покровская, ж.-вр. М. И.—Врачебно-полицейскій надзоръ за проституціей способствуетъ вырожденію народа. Спб. 902. Ц. 60 к.

Рёскинъ, Дж.—Сочиненія. Сельскіе листья. Отрывки изъ современныхъ живописцевъ. Перев. Л. Никифорова. М. 902. Серія 1-ая, кн. 7.

Сабанинъ, В. В.—Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. Т. I: янв.—іюнь. Вып. I: Книга на русскомъ языкѣ. Ц. за годъ (4 вып.) 6 руб.

Салова, В. В.—Отчужденіе недвижимой собственности для государственной и общественной пользы. Спб. 902. Ц. 80 к.

Свѣшникова, Е.—Ледяной домъ. По роману И. И. Лажечникова. 2-е изд. М. 901. Ц. 30 к.

Свирскій, А. И.—Преступникъ. Записки арестанта и разсказы. Спб. 902. Цѣна 1 руб.

Серпѣенко, П.—Сократъ. Драматич. хроника въ 4 д. М. 902. Ц. 40 к.

Стасюлевичъ, М.—Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдо-

Digitized by Google

ваніяхъ новѣйшихъ ученыхъ. I. Періодъ первый: Отъ паденія западной Римской имперіи до Карла Великаго (477—771 г.). Третье изданіе. Спб. 902. Ц. 2 р.

Трубецкая, кн. О.—Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго. Т. I: Кн. В. А. Черкасскій и его участіе въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Переписка съ Самаринымъ, Кателевымъ, И. С. Аксаковымъ и др. Кн. 1-я. Ч. первая (1824—1858 г.г.). Первые проекты освобожденія и литературная дѣятельность. Ч. вторая: Кн. Черкасскій и крестьянское дѣло въ губернскихъ комитетахъ. М. 901. Ц. 2 р. 50 к.

Чайковскій, М.—Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Т. II: 1877—1884 г. Вып. 13. М. 902. Ц. вып.—40 к.

Чеховъ, Антъ.—Сочиненія. Т. IX: Разсказы. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко, Т. Г.—Повѣсти. Т. I и II. Кіевъ, 901. Ц. 80 к.

Шенбахъ, Антъ.—Чтеніе и образованіе. Совѣты читающимъ. Перев. съ нѣм. Ю. Говсѣева. Кіевъ, 902. Ц. 40 к.

Шенрокъ, В.—П. А. Кулишъ. Біографическій очеркъ. Кіевъ, 901.

Шерръ, I.—Всеобщая исторія литературы. 2-е изд. Вып. 1. Книга 1-я: Востокъ. Подъ редакціей П. Вейнберга. М. 902. Въ 2-хъ томахъ, ц. 5 руб.

Шопенгауэръ, Арт.—Полное собраніе сочиненій. Перев. съ нѣм. п. р. Ю. И. Айхенвальда. Вып. VI: Міръ, какъ воля и представленіе. М. 902. Въ 4-хъ томахъ, ц. 8 руб.

Юнгъ, Ч. А.—Уроки астрономіи, со включеніемъ въ текстъ описанія созвѣздій (уранографія). Краткій вступительный курсъ, безъ математики. Съ англ. П. Я. Морозовъ. Спб. 902. Ц. 1 р. 50 к.

Якобзонъ, Л. Я.—Календарь для матерей на 1902-й годъ. П. р. проф. Н. П. Гундобина. Съ рис. въ текстѣ. 2-й годъ изданія. Спб. 901.

Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. А.—Въ досужій часъ. Дѣтскій альманахъ. Сказки, разсказы, пьесы, стихотворенія, басни, очерки, шутки, занятія, игры, шарады, ребусы, загадки и пр. Съ 147 рис. въ текстѣ. М. 902.

Eichhorn, C. — Die Geschichte der St. Petersburger Zeitung. 1727—1902. St.-Petersb. 902.

Moszynski, George.—Lettre ouverte à Monsieur le comte Pierre Golénistchew-Koutousow au sujet de la liberté de conscience en Russie. Cracovie. 902.

Scarzynski, L.—Le Progrès social à la fin de XIX-me siècle. Préface de M. Léon Bourgeois, ancien Président du Conseil des Ministres. Par. 901. Ц. 4 фр. 50 сант.

— Библіотека „Всходовъ“: 1) В. Византъ, Два пути, ц. 30 к.; 2) де-Нусанъ, Замокъ чудесъ, ц. 50 к.; 3) Г. Вудъ. Семейство Чаннинговъ, ром., въ передѣлкѣ для дѣтей, А. Анненковой, ц. 60 к.; 4) Д. Пахомовъ, На развалинахъ стараго царства; путевые очерки Кавказа, ц. 75 к.; 5) Лори, Дядя изъ Чикаго, очерки школьной жизни въ Америкѣ, ц. 30 к.; 6) Свирскій, Рыжикъ, приключенія маленькаго бродяги, ц. 80 к. Спб. 902.

— Библіотека „Дѣтскаго Чтенія“: 1) Изъ далекаго прошлаго, воспомин. Д. Мамина-Сибиряка, ц. 1 р. 2) У камелька, разсказы К. С. Баранцевича, съ рис., ц. 30 к. 3) Соколиныя гнѣзда, В. Немировича-Данченко, съ рис., ц. 50 к. 4) О жизни Н. В. Гоголя и его безсмертныхъ сочиненіяхъ, ц. 10 к. 5) Свѣшникова, Князь Серебряный, сокращ. изъ романа гр. А. К. Толстого, 6-е изд. ц. 15 к. 6) Друзья, разск. Н. А. Соловьева-Несмѣлова, съ рис., ц. 5 к. 7) Подъ небомъ Африки, В. Немировича-Данченко, ц. 60 коп. 8) Къ свѣту, пов. Баран-

Digitized by Google

цевича, ц. 25 к. 9) Портной Ерошка и тараканы, быль въ стихахъ, В. Гиляровскаго, ц. 5 к. 10) Рыцарь слова и жизни. Сервантесъ и его Донъ-Кихотъ, Ив. Ив. Иванова, ц. 50 к. 11) Ловкій башмачникъ, сказка А. Ѳедорова-Давыдова, ц. 20 к. М. 901.

— Екатеринославское Научное общество. Сент.—нояб. 1901 г. Екатеринославъ. 901.

— Опытъ изслѣдованія измѣненій въ хозяйствѣ 14 селеній Повѣнецкаго уѣзда, Олонецкой губерніи, за періодъ 1895—1899—1901 г.г. Петрозаводскъ, 901.

— Отчетъ по лѣсному управленію Мин. Землед. и Госуд. Им. за 1890 г. Спб. 901.

— Отчетъ 18-ый Попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ за 1900 годъ. Спб. 901.

— Отчетъ по выкупной операціи за 1899 годъ Мин. Финансовъ, Департ. Окладн. Сборовъ. Спб. 901.

— „Подъ знаменемъ науки". Сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка, изданный его учениками и почитателями. М. 902. Ц. 2 р.

— Сборникъ узаконеній о крестьянскихъ и судебныхъ учрежденіяхъ, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г. Изд. Земскаго Отдѣла Мин. Внутр. Дѣлъ 1901 года. Въ 2 частяхъ. Ц. 4 руб.

— Сельско-хозяйственный обзоръ Нижегородской губерніи за 1897—99 г.г. Текстъ. Вып. 1. Н.-Новг. 901.

— Статистическій Ежегодникъ Вятской губерніи за 1899 годъ. Вятка. 901.

— Статистическій Сборникъ по Ярославской губерніи. Вып. 10-й. Яросл. 901.

— Труды Коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. П. р. М. П. Нижегородцева. Вып. VI. Спб. 901. Ц. 1 р.

— Труды съѣзда дѣятелей агрономической помощи мѣстному хозяйству. 10—19 февр. 1901 г. М. 901.

— Тысяча-девятьсотъ-первый годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. V. Съ картой. Спб. 901. Изд. Мин. Землед. и Госуд. Имущ.

— Учительская Библіотека: — Ломоносовъ, Ив. Ив. Иванова, ц. 15 к.— Уголовное право и уголовный судъ. Элементарный очеркъ В. А. Гольцева, ц. 15 к. — Волостное правленіе и волостной старшина, Н. П. Дружинина, ц. 20 к. М. 901.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Gerhart Hauptmann. Der rote Hahn. Tragi-Komödie. Berlin. 1901.

Новая пьеса Гауптмана, траги-комедія „Красный пѣтухъ", имѣла при своемъ появленіи на сценѣ сравнительно слабый успѣхъ. Авторъ „Ганнеле", „Потонувшаго колокола" и другихъ поэтическихъ и психологическихъ драмъ въ послѣднее время нѣсколько разочаровываетъ даже своихъ убѣжденныхъ поклонниковъ. Недостатокъ Гауптмана заключается въ его чрезмѣрной склонности къ экспериментамъ въ области драматическаго творчества. Каждая его пьеса является попыткой построить драматизмъ дѣйствія на какомъ-нибудь новомъ психологическомъ мотивѣ. То онъ сплетаетъ сказочныя чудеса съ рѣзкимъ до грубости изображеніемъ реальной нужды и будничныхъ заботъ, какъ въ „Ганнеле", то пишетъ соціальную драму, героемъ которой выставляетъ не отдѣльную личность, а толпу, которая, при всемъ многообразіи составляющихъ ее людей, дѣйствуетъ какъ органическое цѣлое,—на этомъ построенъ драматизмъ „Ткачей"; или же, какъ это было въ началѣ его дѣятельности, онъ писалъ чисто-психологическія драмы, исходя изъ теоріи наслѣдственности, или изъ психологіи людей, одаренныхъ чрезмѣрно-чуткой индивидуальностью,— во всякомъ случаѣ, каждая изъ его пьесъ представляла интересъ и по новизнѣ идеи, и по новизнѣ техническаго исполненія. За послѣдніе годы попытки новаторства не всегда удавались Гауптману. Не хороша была слишкомъ растянутая историческая драма „Флоріанъ Гейеръ"; въ ней сюжетъ Гётевскаго „Гетца фонъ-Берлихингенъ" разработанъ въ духѣ „Ткачей". Нельзя также назвать вполнѣ удачной его попытку написать фарсъ въ старинномъ вкусѣ, гдѣ весь замыселъ исчерпывается комизмомъ положеній и дѣйствія, и гдѣ нѣтъ внутренняго идейнаго замысла. Такова его комедія „Schluck und Jau", написанная на мотивъ пролога къ Шекспировскому „Укрощенію строптивой". Она имѣла успѣхъ на сценѣ, потому что Гауптманъ съ большимъ мастерствомъ возсоздалъ грубоватый юморъ фарса въ духѣ Мольера, или даже средневѣковой „Farce du Maître Patelin". Но все же „Schluck und Jau" ниже его прежнихъ оригинальныхъ драмъ.

Новая его комедія, „Красный пѣтухъ", тоже лишена идейнаго за-

Digitized by Google

мысла. Это—натуралистическое изображеніе нравовъ и психологіи берлинскаго простонародья; она сдѣлана по нынѣ устарѣвшему рецепту натуралистической школы, считавшей, что изображать жизненную правду значитъ изображать людей какъ можно болѣе низменными и порочными, и показывать торжество порока въ жизни. Пьеса Гауптмана напоминаетъ произведенія натуралистической школы еще и тѣмъ, что въ ней мало дѣйствія. Все вертится вокругъ неинтереснаго происшествія: жена сапожника поджигаетъ свой домъ, чтобы получить страховую премію, и, благодаря своему искусному интриганству, совершенно безнаказанно совершаетъ свой проступокъ и достигаетъ цѣли. Вокругъ этой незамысловатой фабулы сгруппированъ цѣлый рядъ типовъ, стоящихъ приблизительно на томъ же нравственномъ уровнѣ, какъ и хитрая поджигательница вмѣстѣ съ ея придурковатымъ мужемъ, и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ разговорахъ, ссорахъ и примиреніяхъ рисуется, въ общемъ, весьма неприглядная бытовая картина. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ „Красный пѣтухъ“ имѣлъ бы несомнѣнный успѣхъ, такъ какъ тогда увлекались „фотографіей дѣйствительности“, а въ этомъ смыслѣ Гауптманъ въ своей новой пьесѣ—такой же мастеръ, какъ и прежде: всѣ дѣйствующія лица чрезвычайно жизненны, изображены съ мрачнымъ юморомъ, и низменность ихъ натуръ представлена съ большой простотой; это, въ сущности, не порочные люди, не нарушители нравственнаго закона, потому что у нихъ нѣтъ сознательнаго отношенія къ этому закону; дѣйствіями ихъ руководитъ только борьба за существованіе.

Достоинство траги-комедіи Гауптмана заключается также въ колоритности языка дѣйствующихъ лицъ. Авторъ, какъ и всегда, не обобщаетъ разговорную рѣчь своихъ героевъ общимъ литературнымъ языкомъ. Пьеса его написана на берлинскомъ діалектѣ, причемъ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ отражаетъ свою индивидуальность и въ характерѣ своей рѣчи. Это дѣлаетъ пьесу не совсѣмъ удобочитаемой для того, кто незнакомъ съ говоромъ берлинскаго простонародья и съ жаргономъ берлинской интеллигенціи, но характерность и колоритность діалога очень отъ этого выигрываютъ. Несмотря на эти достоинства, пьеса Гауптмана гораздо ниже его прежнихъ произведеній. Она слишкомъ поверхностна. Недостаточно рисовать, хотя бы очень талантливо, дѣйствительность—нужно, чтобы картина жизни отражала какую-нибудь нравственную истину, чтобы, въ ней выяснялся смыслъ явленій. Рисуя уродство жизни, авторъ долженъ или указывать исходъ, или оправдывать дѣйствительность во имя какихъ-либо сознательныхъ идей. Нужно, чтобы обличенію нравовъ противопоставлялась отвлеченная правда, которая нарушена въ жизни. Однимъ только пессимизмомъ нельзя создать гармоніи, нужной для истинно-художественнаго

Digitized by Google

произведенія. Слабость „Краснаго пѣтуха“—въ томъ, что Гауптманъ ничего не доказываетъ, не дѣлаетъ никакихъ выводовъ, а только рисуетъ торжество мелкаго мошенничества въ разныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ. Это представлено очень смѣшно, но читатель совершенно не видитъ смысла представленныхъ событій, не знаетъ, въ чемъ состоитъ правда, которую ищетъ авторъ. Его мелкіе плуты, въ сущности, совершенно не интересны, такъ какъ ихъ понятіе о нравственности находится еще на той ступени, на которой самая пошлая буржуазная мораль уже кажется идеальнымъ совершенствомъ. Въ пьесѣ нѣтъ внутренняго драматическаго конфликта, сложность котораго была бы ясна и намъ, и поэтому, при всей талантливости правдиваго изображенія быта, интересъ пьесы—совершенно внѣшній.

„Красный пѣтухъ“—до нѣкоторой степени продолженіе одной изъ лучшихъ комедій Гауптмана, „Biberpelz“. Главныя дѣйствующія лица—тѣ же, описываемые нравы—такіе же; только тамъ шла рѣчь о покражѣ бобровой шубы, здѣсь—о поджогѣ дома. Изъ двухъ комедій первая безконечно выше и по блестящему юмору діалога, и по сатирическому замыслу. Въ ней любопытна параллель, проведенная между судейскимъ чиновникомъ и ловкой плутовкой-прачкой; при всемъ различіи соціальныхъ положеній, чиновникъ и прачка представляютъ одинъ и тотъ же типъ карьеристовъ, занятыхъ устроеніемъ своей судьбы. Судейскій чиновникъ настолько занятъ угодничествомъ высшему начальству, что забываетъ изъ-за этого свои ближайшія обязанности, и потому его чрезвычайно легко обмануть. Прачка Вольфенъ, укравшая шубу,—карьеристка въ плебейскомъ смыслѣ слова и составляетъ pendant къ буржуазному карьеристу. Она настолько же хитра, насколько онъ въ сущности глупъ, и также прикидывается честной, насколько онъ прикидывается проницательнымъ. Она трудолюбива и заботится исключительно о благѣ своей семьи; онъ—лѣнивъ и эгоистиченъ. Поэтому они отлично обдѣлываютъ сообща свои дѣла во вредъ недальновиднымъ честнымъ людямъ. Сатирическая идея комедіи заключается въ обличеніи общаго порядка вещей, при которомъ воры всегда защищены. Гауптманъ намѣренно изображаетъ два воровства въ своей комедіи—кражу дровъ и кражу шубы, причемъ въ обоихъ случаяхъ слѣдователь одинаково попадаетъ въ просакъ; этимъ авторъ хочетъ сказать, что воръ не случайно выпутался изъ бѣды, а что дѣло—въ общихъ условіяхъ и порядкахъ общественнаго строя. Сатира—настолько яркая, и юморъ въ изображеніи лицъ и происшествій—такой блестящій, что нѣкоторые критики сравниваютъ комедію Гауптмана съ „Ревизоромъ“ Гоголя.

Въ „Красномъ пѣтухѣ“ главное дѣйствующее лицо—та же бывшая прачка Вольфенъ, которая, овдовѣвъ, вышла замужъ за сапожника

Digitized by Google

Филица, и по прежнему занята честолюбивыми замыслами объ увеличеніи своего благосостоянія, и даже не своего собственнаго, а своего зятя, архитектора Шмаровскаго; она готова на всякія продѣлки, чтобы доставить ему нужныя деньги. Она увѣрена въ томъ, что ему предстоитъ блестящая карьера, и гордится его успѣхами. Своего второго мужа, сапожника, она ни въ грошъ не ставитъ; но такъ какъ безъ его участія не можетъ осуществить своихъ замысловъ, то всячески ухаживаетъ за нимъ, соблазняетъ его картинами будущаго блаженства въ случаѣ удачи ихъ предпріятія, и, такимъ образомъ, одерживаетъ побѣду надъ слабой волей придурковатаго мужа. Онъ болѣе честенъ, чѣмъ жена. и мысль о преступленіи пугаетъ его; но у него есть слабости, которыми жена его ловко пользуется: ему хочется имѣть новую удобную мастерскую, и, главное, повѣсить въ ней часы съ маятникомъ,—перспективу этого блаженства жена рисуетъ ему въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Планъ обогащенія, который она придумываетъ, заключается въ томъ, чтобы поджечь ихъ ветхій домикъ, застрахованный въ семь тысячъ марокъ, и затѣмъ отдать эти деньги Шмаровскому. Для исполненія своего замысла она пользуется сыномъ ихъ сосѣда, отставного жандарма, идіотомъ Густавомъ. У Густава манія поджигательства, его радуетъ видъ огня, и стоитъ ему увидѣть спички, чтобы тотчасъ же, съ упорствомъ безумца, что-нибудь зажечь. Это очень на руку хитрой сапожницѣ. Она собирается уѣхать на слѣдующій день рано утромъ съ мужемъ въ Берлинъ, но въ то же время подъ какимъ-то предлогомъ велитъ Густаву придти къ ней, не сообщая ему о своемъ отъѣздѣ. Когда Густавъ приходитъ, хозяевъ нѣтъ дома, но изъ окна чердака торчитъ приготовленная старухой Филицъ солома и другой горючій матеріалъ, а на полу валяются спички. Густавъ пользуется удобнымъ случаемъ, чтобы доставить себѣ развлеченіе, поджигаетъ солому, и домъ быстро сгораетъ, потому что хозяева все подготовили для удобнаго распространенія огня. Себя же они огородили отъ подозрѣнія тѣмъ, что пожаръ случился въ ихъ отсутствіе, и что всѣмъ хорошо извѣстна страсть идіота Густава къ поджигательству. Весь юморъ пьесы заключается въ разслѣдованіи о причинахъ пожара. На сценѣ опять тотъ же фонъ-Верханъ, какъ и въ комедіи „Biberpelz“. Со свойственной ему безтолковостью онъ ведетъ слѣдствіе самымъ непроизводительнымъ образомъ. Ему важнѣе всего раскрыть какія-то соціалистическія козни, и поэтому онъ заподозриваетъ въ поджогѣ неповинныхъ людей только потому, что они непочтительно говорятъ съ начальствомъ. Вмѣсто того, чтобы вникнуть въ дѣло, онъ произноситъ длинныя рѣчи о безнравственности и безбожіи населенія, о людяхъ, мутящихъ народъ и глумящихся надъ законами. Его возмущаетъ количество пожаровъ въ его округѣ,

Digitized by Google

но вмѣсто того, чтобы приписать ихъ корыстнымъ цѣлямъ домовладѣльцевъ, онъ во всемъ видитъ происки неблагонамѣренныхъ людей. Главная причина этой близорукости, конечно, въ глупости Верхана, къ которой присоединяется еще его желаніе выслужиться передъ начальствомъ своей зоркостью къ политической неблагонадежности. Въ дѣлѣ Филица онъ всецѣло на сторонѣ пострадавшихъ, по его мнѣнію, домохозяевъ; онъ вѣритъ и причитаніямъ старухи Филицъ, которая, вернувшись изъ Берлина, съ плачемъ врывается въ камеру судьи и жалуется на свое несчастіе; онъ вѣритъ тому, что во время пожара погибли, будто бы, оставленныя въ домѣ деньги, и старается всячески успокоить убитую горемъ женщину и ея мужа, говоритъ торжественныя слова о необходимости уповать на Бога, и т. д. Филицы ему симпатичны, потому что онъ увѣренъ въ ихъ благонамѣренности. Зять старухи, Шмаровскій, въ лучшихъ отношеніяхъ съ пасторомъ и клерикальной партіей, ораторствуетъ на религіозныхъ собраніяхъ, и ему поручена постройка новой церкви,—значитъ, и Филицы честные люди, надъ которыми стряслась бѣда. Всѣ сосѣди Филицовъ, вызванные Верханомъ въ камеру, отлично понимаютъ, что старуха играетъ комедію, и что она—истинная виновница пожара; одинъ только Верханъ, ведущій слѣдствіе, безконечно далекъ отъ истины. Онъ арестуетъ идіота Густава, несмотря на протесты доктора, говорящаго, что во всякомъ случаѣ Густавъ—больной, а не преступникъ. Филицовъ Верханъ отпускаетъ, напутствуя ихъ словами утѣшенія, а отцу Густава, который безпомощно возстаетъ противъ ареста сына, онъ говоритъ прочувствованныя слова о правосудіи, о вѣчномъ Судіѣ, который требуетъ наказанія преступника, и о томъ, что всякое преступленіе непремѣнно въ концѣ концовъ обнаружится. Такимъ образомъ, слѣдствіе заканчивается полнымъ торжествомъ виновныхъ. Въ четвертомъ актѣ рисуется дальнѣйшая судьба замѣшанныхъ въ исторію поджога лицъ, причемъ оказывается, что выигралъ во всемъ этомъ дѣлѣ только наиболѣе несимпатичный человѣкъ изъ всей компаніи—Шмаровскій. Онъ закончилъ постройку церкви, и его чествуютъ какъ героя торжества, устроиваемаго по случаю окончанія постройки. На деньги Филицовъ онъ построилъ себѣ домъ и продолжаетъ требовать отъ тещи все больше и больше денегъ, совершенно не обращая вниманія на протесты старика Филица, которому въ новомъ домѣ даже не оставлено предполагаемаго помѣщенія для мастерской. У старухи Филицъ увеличились только заботы послѣ совершеннаго ею для зятя преступленія. Она должна ублажать мужа для того, чтобы онъ, въ своей злобѣ на Шмаровскаго, не разсказалъ правды на банкетѣ въ честь ея зятя. Она всячески ублажаетъ также и отца Густава, который не перестаетъ надѣяться на оправданіе сына и искать доказательствъ виновности

Digitized by Google

самой Филицъ. Она опаиваетъ отставного жандарма, пользуясь его слабостью къ вину, и въ дружеской бесѣдѣ искренно говоритъ ему, что, въ сущности, она больше всѣхъ пострадала въ этой исторіи, потому что обрушившіяся на нее заботы окончательно подорвали ея здоровье. Пьеса заканчивается смертью старухи, и смертью очень жалкой, потому что никому какъ-то нѣтъ дѣла до нея; мужъ ея, слабоумный и всецѣло занятый собою, совершенно равнодушно относится къ словамъ доктора о томъ, что старуха замолкла навсегда. Только у ея дочери вырывается крикъ ужаса,—а издали слышны крики, которыми гости привѣтствуютъ героя торжества, строителя церкви—Шмаровскаго.

Сатирическій замыселъ пьесы смягчается драматизмомъ смерти старухи Филицъ, которая хотя и обманывала всю жизнь кого могла, но дѣлала это не ради самой себя, — ея собственная жизнь заключалась въ непрерывномъ трудѣ и борьбѣ,—а во имя ложно понятаго долга относительно семьи. Ея страданія и смерть поэтому вовсе не кара за преступленіе, а очень вѣрный, въ житейскомъ смыслѣ, финалъ обыденной человѣческой судьбы. Человѣкъ живетъ всякими правдами и неправдами, ставитъ выше совѣсти непосредственное благо близкихъ ему людей, и этотъ болѣе широкій эгоизмъ дѣлаетъ его жертвой того же насажденнаго имъ въ другихъ эгоизма. Старуха Филицъ все дѣлала для своихъ, и считала себя по своему правой. Ей удавалось всегда достигать желаемаго, всѣхъ провести, все раздобыть для нуждъ своей семьи. Погибаетъ же она вовсе не потому, что проступки ея раскрыты,—передъ другими, передъ начальствомъ, даже передъ невинными жертвами своихъ эгоистическихъ замысловъ, передъ Густавомъ и его отцомъ, она умѣетъ очиститься и примирить ихъ съ собою. Безпощадны къ ней лишь тѣ „свои“, ради которыхъ она жила: зять, которому она достала деньги, совершивъ поджогъ, и мужъ, о благѣ котораго она заботилась. Они—виновники тревоги, подкосившей ея надломленное вѣчнымъ трудомъ и вѣчными заботами здоровье. Она умираетъ, не сознавая, чья она въ сущности жертва,—но дѣло не въ этомъ сознаніи, а въ той правдѣ, которая сказывается въ непосредственныхъ фактахъ дѣйствительности, очень логичныхъ, несмотря на свою кажущуюся случайность.

Таковъ психологическій замыселъ пьесы, облагороженной очень жизненнымъ трагизмомъ судьбы героини. Но, все-же, главное содержаніе сводится къ сатирѣ нравовъ, къ изображенію торжества хитрости и практичности однихъ, поддерживаемыхъ глупостью и близорукостью другихъ. Обще-человѣческаго интереса пьеса не представляетъ, потому что изображенная въ ней среда носитъ слишкомъ ужъ узкій мѣстный характеръ и нравы слишкомъ исключительны.

Digitized by Google

II.

Arthur Schnitzler. Lebendige Stunden. Vier Einakter. Berlin, 1902. Стр. 160.

Артуръ Шницлеръ еще молодой писатель, но уже съ вполнѣ опредѣлившейся индивидуальностью. Это блестящій, колоритный и пикантный разсказчикъ и драматургъ. Онъ всегда занятъ мыслью о противорѣчіи между обыденнымъ теченіемъ человѣческой жизни и высшими вопросами человѣческаго существованія. Только моменты напряженнаго душевнаго состоянія, когда вдругъ выясняется все спавшее и несознанное въ мысляхъ и чувствахъ, Шницлеръ называетъ жизнью; все остальное—бездумное, растительное существованіе. Скрытая правда души раскрывается иногда лишь на одинъ моментъ, съ тѣмъ, чтобы снова смѣниться однообразнымъ теченіемъ будничной дѣйствительности, но этотъ моментъ и есть жизнь, въ немъ—весь ея смыслъ. Богатая художественная фантазія Шницлера всецѣло направлена на созиданіе положеній, въ которыхъ жизнь людей загорается огнемъ правды. Его интересуютъ только минуты напряженія душевной жизни, и поэтому ему менѣе всего удаются большія повѣсти и романы, или цѣльныя драмы; въ нихъ нужно представить назрѣваніе чувствъ, развитіе характеровъ, т.-е. будничную дѣйствительность, кажущуюся ему безцѣльнымъ прозябаніемъ. Но зато онъ мастеръ въ области коротенькихъ психологическихъ очерковъ и сжатыхъ одноактныхъ пьесъ, въ которыхъ сразу вспыхиваетъ трагизмъ, освѣщая затаенную сторону жизни. Въ центрѣ каждаго изъ его разсказовъ стоитъ какой-нибудь трагическій случай; онъ производитъ переворотъ въ душѣ героя или героини, причемъ все предшествующее катастрофѣ намѣчается совершенно вскользь. Характеристика индивидуальной личности его не интересуетъ—ему важно показать, что̀ будитъ въ типичной человѣческой душѣ внезапно врывающійся въ нее трагизмъ, и какъ несознаваемая среди будничнаго спокойствія правда вдругъ выступаетъ наружу, все мѣняя и въ чувствахъ, и въ дѣйствіяхъ. Каждая изъ короткихъ повѣстей Шницлера представляетъ какъ бы психологическій экспериментъ, рисующій пробужденіе души подъ вліяніемъ роковыхъ обстоятельствъ.

Въ разсказахъ Шницлера на первомъ планѣ стоитъ всегда драматическій моментъ, какая-нибудь катастрофа, коренным образомъ мѣняющая ходъ жизни; совершенно естественно поэтому, что, начавъ свою литературную дѣятельность съ короткихъ разсказовъ, онъ постепенно сосредоточился на драматическомъ творчествѣ. Но пьесы Шницлера—совершенно особаго рода. Онъ написалъ нѣсколько ко-

Digitized by Google

медій обычнаго типа, гдѣ дѣйствіе развивается въ теченіе трехъ актовъ, гдѣ характеры и фабула разработаны съ логической послѣдовательностью. Таковы „Сказка", „Завѣщаніе", „Liebelei", „Freiwild" и др. Но и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ особенности въ „Liebelei", Шницлеръ пренебрегаетъ цѣльностью дѣйствія и предпочитаетъ давать рядъ отдѣльныхъ сценъ, т.-е. опять-таки намѣчать моменты, когда особенно сильно высказывается чувство, освобожденное отъ тисковъ условности, когда душа взволнована какимъ-нибудь внѣшнимъ событіемъ.

Наиболѣе самобытенъ, блестящъ и даже глубокъ Шницлеръ въ своихъ серіяхъ одноактныхъ пьесъ. Это совершенно новая форма драматическаго творчества, возникшая въ литературѣ сравнительно недавно. Она создана была не Шницлеромъ — до него написаны знаменитые „Morituri" Зудермана; три отдѣльныя пьесы, обобщенныя идеей о томъ, какъ отражается на человѣкѣ и на окружающихъ его возможная близость его смерти. Во Франціи тоже въ послѣднее время очень процвѣтаетъ писаніе одноактныхъ комедій и драмъ, но тамъ это вызвано особенными причинами. Парижская публика не имѣетъ терпѣнія слушать длинныя пьесы, длящіяся цѣлый вечеръ—она предпочитаетъ сборныя представленія изъ отдѣльныхъ короткихъ вещей, дающихъ возможность, пробывъ въ театрѣ какой-нибудь часъ, вынести цѣльное впечатлѣніе; поэтому тамъ ставятся въ одинъ вечеръ короткія пьесы разныхъ авторовъ, не имѣющія между собою ничего общаго. Одноактныя пьесы Шницлера - въ другомъ родѣ, и подходятъ скорѣе къ типу „Morituri". Это серіи пьесъ, объединенныхъ не общностью не содержанія, а идейнаго замысла. Въ характерѣ всего творчества Шницлера лежитъ своего рода отрывчатость, умѣнье схватывать отдѣльные яркіе моменты, а не развивать со строгой логичностью одно какое-нибудь положеніе. Фантазія и художественная интуиція преобладаютъ въ немъ надъ разсудочностью, и поэтому ему гораздо легче освѣтить свою мысль множествомъ мѣняющихся образовъ, чѣмъ сосредоточиться на одномъ мотивѣ и углубить его до конца. Эта манера имѣетъ и свои слабыя стороны, но и очень большія художественныя преимущества. Слабость ея въ томъ, что мысль автора лишь слегка намѣчена. Онъ-какъ бы только даетъ толчокъ зрителю или читателю его пьесы, обращаетъ его вниманіе на извѣстнаго рода дилемму, на роковое противорѣчіе кажущагося и дѣйствительнаго, на невозможность отдѣлить истинное отъ притворнаго, постоянное отъ преходящаго въ душѣ людей—и, освѣтивъ своимъ блестящимъ вымысломъ эти роковыя противорѣчія, отходитъ, не дѣлая никакихъ выводовъ; онъ—только созерцатель, который со свойственной ему проницательностью видитъ даже то, что̀ скрыто отъ взо-

Digitized by Google

ровъ менѣе воспріимчивыхъ людей, испытываетъ при этомъ или грусть, или отраду, но не углубляетъ своихъ настроеній, не дѣлаетъ никакихъ заключеній. Но въ художественномъ отношеніи манера Шницлера стоитъ чрезвычайно высоко. Онъ необыкновенно блестящъ въ подыскиваніи положеній, освѣщающихъ его мысль, съ огромнымъ психологическимъ чутьемъ подмѣчаетъ самое болѣзненное, самое роковое въ тревожныхъ контрастахъ жизни, и затѣмъ съ поразительнымъ драматизмомъ изображаетъ трагическое сцѣпленіе обстоятельствъ. Сжатость дѣйствія усиливаетъ яркость драматическаго элемента, тѣмъ болѣе, что Шницлеръ всегда пишетъ въ легкомъ, полу-шутливомъ тонѣ, въ который мощнымъ аккордомъ вливается внезапно вспыхивающій скрытый трагизмъ. Такова серія отдѣльныхъ сценъ подъ заглавіемъ „Анатоль", гдѣ рисуется веселая жизнь безпечнаго свѣтскаго человѣка, его мимолетныя интриги со столь же легкомысленными женщинами, какъ и онъ, и наконецъ завершеніе его холостой жизни женитьбой. Въ этихъ картинкахъ безпечнаго, легкаго отношенія къ жизни всегда звучитъ грустная нота. И Анатоль, и его друзья, и его веселыя подруги всегда чувствуютъ какую-то грустную правду, испытываютъ болѣзненное желаніе заглянуть въ нее, испытать прочность своихъ радостей—и всегда боятся момента, когда правда можетъ открыться, и живутъ на тонкомъ рубежѣ между весельемъ и отчаяніемъ, въ сознаніи контрастовъ своей жизни, съ боязнью углубить и понять ихъ. Съ наибольшимъ блескомъ талантъ Шницлера проявился въ пьесахъ, составляющихъ трилогію „Зеленый попугай". Въ ней задѣтъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ вопросовъ, волновавшихъ многихъ великихъ писателей прежнихъ временъ, — вопросъ о тѣсномъ сплетеніи кажущагося и дѣйствительнаго въ жизни. Этотъ мотивъ геніально разработанъ Кальдерономъ въ „Жизнь есть сонъ", намѣченъ Шекспиромъ въ „Венеціанскомъ купцѣ", въ исторіи трехъ шкатулокъ, предлагаемыхъ Порціей искателямъ ея руки. Шницлеръ не вноситъ большой глубины въ свой сюжетъ, но поражаетъ богатствомъ и разнообразіемъ очень жизненныхъ, ярко освѣщенныхъ положеній и образовъ. Онъ подступаетъ къ иллюстраціи своей мысли съ самыхъ различныхъ сторонъ. Въ первой пьесѣ смерть становится голосомъ правды, раскрывая мужу внезапно умершей женщины всю праздность его самоотверженнаго отношенія къ святынѣ ея чувствъ, къ ея любви къ молодому доктору. Изъ намековъ пріятельницы его умершей жены и изъ оставшихся послѣ нея писемъ вдовецъ узнаетъ, что онъ напрасно возводилъ въ святыню пустую, легкомысленную интригу скучавшей отъ бездѣлья женщины. Его иллюзія, доставлявшая ему большія нравственныя муки, все-же была ему безконечно дорога, и правда, развѣнчавшая его мнимую „подругу жизни", мучительнѣе для него, чѣмъ самая ея

Digitized by Google

смерть. Во второй пьесѣ, „Зеленый попугай“, та же мысль освѣщена антитезой перваго положенія; вмѣсто истины, обличающей притворство, здѣсь намѣренное притворство оказывается истиной, скрытою для самихъ притворяющихся. Актеры, въ угоду извращенному вкусу аристократической публики, разсказываютъ о себѣ небылицы; увѣренный въ своей женѣ мужъ выдумываетъ исторію ея измѣны—а измѣна эта въ дѣйствительности совершена; въ то время какъ разсказчикъ играетъ роль, описывая, какъ онъ убилъ своего соперника, всѣ увѣрены въ правдѣ его словъ; потому что всѣ, кромѣ него, знаютъ о поведеніи его жены. Притворство и истина неразрывно сплетаются, приводя къ катастрофѣ, причемъ параллельно съ загадочностью судьбы отдѣльныхъ людей идетъ и спутанность грозныхъ историческихъ событій. Публика въ своего рода cabaret artistique думаетъ, что актеры разыгрываютъ сцены народнаго бунта, и апплодируетъ удачному представленію, а на самомъ дѣлѣ происходитъ взятіе Бастиліи, и шутка стала грозной дѣйствительностью. Наивный юноша аристократъ, пришедшій изъ любопытства въ странный кабачокъ, тщетно пытается разобраться въ томъ, что онъ видитъ, не понимая, кто изъ присутствующихъ—актеры, кто—публика, которая изъ женщинъ—fille de brasserie, которая—маркиза, когда говорятъ правду, когда притворяются,—до того все и всѣ сливаются въ общую кошмарную картину. Его наивные вопросы выражаютъ въ нѣсколько сатирическомъ свѣтѣ отношеніе самого автора къ неразгаданности событій жизни,—и только конечная катастрофа ставитъ ясную грань между игрой и дѣйствительностью. Въ третьей пьесѣ, „Парацельзій“, Шницлеръ вводитъ для новой иллюстраціи своей мысли элементъ гипнотизма. Рѣчи женщины, которая подъ гипнозомъ сознается въ несовершенныхъ ею, но вполнѣ возможныхъ въ дѣйствительности проступкахъ, и съ другой стороны раскрываетъ истины, которыя всѣ знали, но не рѣшались высказать, окончательно спутываютъ предѣлы дѣйствительнаго и воображаемаго и приводятъ автора къ изреченію, резюмирующему весь смыслъ трилогіи: „вся жизнь—игра; мудрецъ—кто это знаетъ“.

Въ настоящее время вышла новая серія одноактныхъ пьесъ Шницлера, подъ общимъ заглавіемъ: „Живые часы“ („Lebendige Stunden“). Четыре пьесы разнаго содержанія опять служатъ разнороднымъ освѣщеніемъ общей основной мысли. На этотъ разъ сюжетъ Шницлера—болѣе узкій. Въ немъ нѣтъ общечеловѣческой вѣчной истины, а взята психологія опредѣленной группы людей и показано отношеніе ихъ къ живой дѣйствительности. И въ этихъ пьесахъ Шницлера интересуетъ контрастъ между выдуманною дѣйствительностью, которую создаютъ себѣ эти люди, и живой жизнью съ ея непосредственными ощущеніями. Эти люди, внутреннюю жизнь которыхъ Шницлеръ противопоставляетъ

Digitized by Google

живой дѣйствительности,—писатели или художники. Онъ занимается психологіей профессіональнаго творчества, которою въ свое время занимались Гонкуры, но, въ противоположность французскому романисту, онъ не идеализируетъ эгоизмъ художниковъ, готовыхъ пожертвовать всѣмъ міромъ для своей работы, а напротивъ того, съ легкой иронією отмѣчаетъ суетность самообольщенія художника, показывая, насколько каждый „живой часъ“ выше, содержательнѣе и значительнѣе для души, чѣмъ все, что̀ можетъ создать художникъ. Основная мысль всѣхъ четырехъ пьесъ—превосходство живой дѣйствительности надъ искусствомъ. Тема эта, какъ и всѣ, затрогиваемыя Шницлеромъ,—не новая. Изъ новѣйшихъ писателей ее развиваетъ Ибсенъ въ послѣдней своей драмѣ: „Когда мы мертвые пробуждаемся“, и вкладываетъ всю силу своей угрюмой сѣверной фантазіи въ изображеніе трагическаго конфликта между требованіями искусства и требованіями жизни. Шницлеръ только намѣчаетъ контрасты, останавливается на отдѣльныхъ моментахъ этой розни и создаетъ картинки жизни, очень грустныя и очень художественно написанныя. Каждая изъ короткихъ пьесъ сводится къ бесѣдѣ между нѣсколькими лицами; драматическое дѣйствіе почти совершенно отсутствуетъ въ пьесахъ, но онъ такъ искусно выбираетъ положенія, въ которыхъ бесѣда происходитъ, беретъ такія характерныя отношенія между бесѣдующими, что въ словахъ ихъ ясно вырисовывается психологическій вопросъ, интересующій автора.

Первая пьеса носитъ названіе „Живые часы“ и заключается въ разговорѣ между старымъ человѣкомъ, у котораго умерла любимая имъ женщина, и сыномъ этой женщины. Отношенія этихъ двухъ людей такъ драматично намѣчены, что читателю становится страшно за то, что̀ можетъ выйти изъ этой бесѣды. Чувствуется, что имъ лучше не говорить другъ съ другомъ, потому что тотъ или другой скажетъ непоправимыя слова и выяснитъ ту трагическую правду, которую лучше не знать, потому что, узнавъ ее, трудно жить. Въ этомъ умѣньѣ изображать психологическіе моменты, когда душа человѣческая рвется наружу, на пагубу самой себѣ, и заключается мастерство Шницлера. Дѣйствія нѣтъ, ничто не мѣняется, но люди поставлены въ такое положеніе, что̀ они заглядываютъ въ смыслъ своего прошедшаго и своего настоящаго, и высказываютъ то, что̀ должно быть скрыто. Теченіе ихъ внѣшней жизни отъ этого, быть можетъ, не измѣнится, но въ душу входитъ отрава, мутящая источники жизни. Старикъ тихо скорбитъ объ умершей подругѣ, которую онъ узналъ и полюбилъ уже не будучи молодымъ, когда она осталась одна съ ребенкомъ, брошенная любимымъ ею человѣкомъ. Сынъ ея привыкъ къ старому другу своей матери, знаетъ объ ихъ любви, и теперь, когда мать умерла, пріѣзжаетъ къ старику въ его загород-

Digitized by Google

ный домикъ, чтобы и его утѣшить, и поговорить о своемъ собственномъ горѣ. Старикъ нѣсколько холодно и иронически говоритъ съ молодымъ человѣкомъ; онъ боится бесѣды съ нимъ, боится открыть мучащую его тайну—онъ знаетъ, отчего умерла его подруга; но юноша, съ безпечнымъ эгоизмомъ своего возраста, касается самыхъ больныхъ мѣстъ въ душѣ старика, и тотъ, не выдержавъ, открываетъ ему правду. Юноша—писатель, поэтъ; творчество для него важнѣе всего на свѣтѣ. Онъ говоритъ о томъ, какъ тяжела ему смерть матери, но даетъ понять, что самымъ тяжелымъ для него была ея долгая болѣзнь, мѣшавшая ему работать. Онъ съ легкостью говоритъ о томъ, что, по мнѣнію докторовъ, она могла бы прожить еще нѣсколько лѣтъ, но среди безконечныхъ страданій, и видно, что юноша не жалѣетъ о томъ, что смерть случилась раньше, и что болѣзнь матери перестала быть для него препятствіемъ для работы. Тогда старикъ, возмущаясь его безсознательнымъ эгоизмомъ, изливаетъ всю горечь, накопившуюся въ душѣ. Онъ говоритъ, что не вѣритъ въ скорбь сына о матери, потому что достаточно знаетъ, какова психологія писателей и художниковъ, не умѣющихъ даже страдать, потому что и скорбь для нихъ только предлогъ для утѣшающаго ихъ творчества. Юноша старается найти оправданіе этой психологіи, говоритъ, что, все равно, нужно мириться съ неизбѣжнымъ, и что если художникъ извлекаетъ даже изъ печали пользу для своей души, для своего творчества, то это нельзя ставить ему въ вину. Но его философія еще болѣе возмущаетъ старика, и въ порывѣ негодованія онъ говоритъ юношѣ, что именно эта его писательская психологія и послужила причиной смерти его матери. Она чувствовала, что служитъ помѣхой сыну, знала, что для него важнѣе всего его творчество, и чтобы не отвлекать его годами отъ дѣла, отравилась, объяснивъ причину своей смерти въ письмѣ къ другу. Живая жизнь принесена въ жертву призрачному творчеству, и сынъ косвенно сталъ какъ бы убійцей матери. Онъ не долженъ былъ этого знать, такъ какъ она просила друга навсегда скрыть ея письмо, и тѣмъ, что онъ нарушилъ ея волю, онъ уничтожилъ значеніе ея подвига. Это юноша и ставитъ ему въ упрекъ. Но старикъ не раскаивается. Пусть художникъ знаетъ, что въ своемъ самообольщеніи онъ убиваетъ жизнь, и что это—глубокая несправедливость. „Ты съ этимъ горемъ справишься,—говоритъ онъ ему.—Черезъ нѣсколько дней тебѣ даже покажется, что она только исполнила свой долгъ. Развѣ я не правъ, развѣ не всѣ вы похожи другъ на друга? Всѣ вы—гордецы,—всѣ вы, отъ великаго до малаго. Что ты, со всѣмъ твоимъ писаніемъ, даже еслибы ты былъ величайшимъ геніемъ, въ сравненіи съ однимъ часомъ, съ однимъ живымъ часомъ, когда твоя мать сидѣла здѣсь въ креслѣ и говорила съ нами или

Digitized by Google

даже молчала—но была здѣсь, была жива"?! Въ этихъ словахъ о „живомъ часѣ", который выше всего созидаемаго искусства, и заключается идея всѣхъ пьесъ. Молодой поэтъ протестуетъ, говоритъ, что искусство длитъ воспоминаніе о живыхъ часахъ, но авторъ—на сторонѣ старика, т.-е., въ сущности, онъ, по обыкновенію, не дѣлаетъ окончательнаго вывода, а только указываетъ на глубокую рознь между психологіей художника и непосредственнымъ чувствомъ человѣка, для котораго жизнь есть все. Онъ съ грустью отмѣчаетъ трагизмъ этой розни и предоставляетъ читателю рѣшить, кто правъ.

Во второй пьесѣ: „Женщина съ кинжаломъ", Шницлеръ возвращается къ той же темѣ, трактуя ее при помощи чисто фантастическаго вымысла. Дѣйствіе происходитъ въ картинной галереѣ, въ Италіи, передъ старой картиной, изображающей женщину съ кинжаломъ въ поднятой рукѣ: она глядитъ на землю, какъ бы видя передъ собой убитаго ею человѣка. Картину разсматриваетъ влюбленная парочка, ведущая оживленный разговоръ. Молодой человѣкъ, Леонардъ, страстно говоритъ своей спутницѣ, Полинѣ, о любви къ ней, убѣждаетъ ее покинуть мужа, знаменитаго драматическаго писателя, и уѣхать съ нимъ. Онъ говоритъ объ унизительности ея положенія, о томъ, что ея мужъ, не щадя святыни ея чувствъ, изображаетъ въ своихъ пьесахъ всю интимную сторону ихъ семейной жизни; Леонардъ говоритъ, что его непосредственная любовь дастъ ей больше счастья, чѣмъ любовь мужа, слишкомъ поглощеннаго своимъ творчествомъ для того, чтобы сохранить для жены полноту чувствъ. Молодая женщина почти согласна съ этимъ, тѣмъ болѣе, что страстная любовь юноши возбудила въ ней отвѣтное чувство,—но она колеблется, противится своему влеченію и отказывается придти вечеромъ на свиданіе. Но тогда передъ глазами Полины и Леонарда происходитъ странное видѣніе. Не даромъ она говорила о томъ, что женщина на картинѣ похожа на нее. Въ фантастическомъ видѣніи она оказывается этой самой женщиной, итальянкой Паулой, женой художника Ремигіо. Онъ пишетъ съ нея картину, которая стоитъ на мольбертѣ еще незаконченною—поднятой руки съ кинжаломъ еще на картинѣ нѣтъ. Ремигіо уѣхалъ, и въ его отсутствіе Паула увлеклась его ученикомъ Леонардо, отдалась ему, но, понимая, что это былъ капризъ, и по прежнему любя мужа, она его прогоняетъ и глумится надъ его чувствомъ. Леонардо не успѣваетъ уйти до возвращенія учителя, и гордая Паула сразу сознается во всемъ мужу. Леонардо требуетъ, чтобы учитель считался съ нимъ за оскорбленіе, но Ремигіо чувствуетъ къ нему только презрѣніе, и просто гонитъ его вонъ. Леонардо грозитъ все открыть и опозорить учителя, и тогда Паула, выхватывая кинжалъ, убиваетъ его. Тогда въ Ремигіо просыпается художникъ. Онъ уви-

Digitized by Google

дѣлъ движеніе, нужное ему для картины, и ему кажется, что вся драма произошла только для того, чтобы дать ему то, что̀ ему нужно для его творчества. Паула понимаетъ, что мужъ ея—только художникъ, и что нѣтъ въ немъ живыхъ непосредственныхъ чувствъ. Видѣніе исчезаетъ; Полина и Леонардо—снова въ картинной галереѣ передъ картиной, и не знаютъ, что̀ съ ними въ сущности произошло; но Полина, поглядѣвъ на картину и потомъ на юношу, съ твердостью говоритъ ему, что придетъ къ нему вечеромъ на свиданіе. Искусство и жизнь исключаютъ другъ друга, и молодая женщина уходитъ туда, куда ее влечетъ жизнь.

Болѣе трагическій оттѣнокъ носитъ освѣщеніе той же мысли въ третьей пьесѣ: „Послѣднія маски“. Озлобленный неудачей писатель Радемахеръ умираетъ въ больницѣ. Онъ проситъ доктора не скрывать отъ него безнадежности его положенія, потому что у него есть долго таившееся въ его душѣ желаніе, которое онъ можетъ исполнить лишь тогда, когда будетъ навѣрное знать, что умираетъ. Докторъ колеблется, но, не говоря ничего рѣшительнаго, все-таки совѣтуетъ ему исполнить его желаніе. Тогда Радемахеръ проситъ призвать къ нему его бывшаго товарища, нынѣ знаменитаго писателя Вейгаста, и позволить ему побесѣдовать съ нимъ четверть часа. Докторъ хотя и понимаетъ странность этого желанія, но берется исполнить его, тѣмъ болѣе, что знаменитый писатель—его знакомый. До прихода Вейгаста, Радемахеръ объясняетъ своему больничному пріятелю-актеру, зачѣмъ ему понадобилось свиданіе съ его бывшимъ товарищемъ. Актеръ, тоже неудачникъ, понимаетъ психологію умирающаго, и предлагаетъ ему сдѣлать репетицію свиданія. Онъ беретъ на себя роль Вейганда, и озлобленный писатель высказываетъ ему всю злобу и горечь, накопившуюся у него противъ счастливаго товарища, низводитъ его славу, доказываетъ, что онъ ничего не стоитъ, доказываетъ свое превосходство, злословитъ о личной жизни Вейганда, и даже говоритъ о томъ, что жена Вейганда измѣняла мужу и была возлюбленной его самого, жалкаго, умирающаго теперь Радемахера. Но сцена свиданія разыгрывается совершенно не такъ, какъ предполагалъ умирающій. Вейгандъ пришелъ съ добрымъ чувствомъ къ старому товарищу, и вмѣсто того, чтобы слушать его, искренно говоритъ о себѣ, о своей жизни; о своихъ кажущихся успѣхахъ и дѣйствительныхъ заботахъ; о мелочахъ, отравляющихъ его жизнь; о своихъ надеждахъ; и этотъ разсказъ какъ-то странно успокоиваетъ умирающаго. Счастье знаменитаго писателя уже не кажется завиднымъ Радемахеру, а его профессіональные интересы и заботы кажутся ему, стоящему на порогѣ смерти, только суетными. Онъ примиренно прощается со своимъ товарищемъ, не сказавъ ему ни слова изъ того,

Digitized by Google

что̀ хотѣлъ сказать. Когда актеръ приходитъ къ нему, чтобы узнать о результатѣ свиданія, Радемахеръ, почти не слыша разспросовъ актера, говоритъ: „Какъ жалки люди, которые должны жить и завтра“! Актеръ настаиваетъ на разспросахъ, напоминаетъ Радемахеру о его желаніи, но Радемахеръ говоритъ теперь совсѣмъ иное: „Что̀ мнѣ за дѣло до него? Что̀ мнѣ за дѣло до его счастья, до его заботъ? Намъ, въ сущности, не о чемъ было разговаривать; у меня нѣтъ ничего общаго съ людьми, которые завтра еще будутъ жить на свѣтѣ“. Вся важность писательской психологіи поблѣднѣла, высказанная передъ лицомъ приближающейся смерти. Шницлеръ опять съумѣлъ изобразить такой глубокій психологическій моментъ, когда контрасты дѣйствительно рокового и призрачнаго выступаютъ особенно ярко и, опять-таки, заставляютъ задумываться о томъ, гдѣ правда—на сторонѣ ли призрачнаго міра художника, или трагизма дѣйствительности.

Послѣдняя изъ четырехъ пьесъ, „Literatur“, болѣе шутливаго содержанія. Писательница выходитъ замужъ за спортсмена, свѣтскаго человѣка, презирающаго ея бывшую профессію. Она увѣряетъ его, что все, что̀ она прежде писала, всѣ ея страстные стихи, были чистой фантазіей, не имѣющей ничего общаго съ ея собственными переживаніями. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Литература для нея была переплетена съ жизнью, и она воспѣвала любовь къ одному изъ своихъ сотоварищей. Несмотря на свое обѣщаніе отказаться отъ литературы, она написала теперь большой романъ, въ которомъ, подъ предлогомъ выдумки, изобразила дѣйствительныя происшествія, и даже помѣстила переписку съ бывшимъ своимъ возлюбленнымъ,—она всегда сохраняла черновыя своихъ собственныхъ писемъ. Женихъ настаиваетъ на уничтоженіи романа до появленія въ печати, она не соглашается, и готова лучше разстроить бракъ. Женихъ уходитъ, и въ его отсутствіе является бывшій возлюбленный писательницы, герой ея романа. Оказывается, что и онъ написалъ романъ, касающійся ихъ общихъ воспоминаній, и тоже помѣстилъ переписку, такъ какъ сохранялъ черновики. Все дѣло въ томъ, что для этихъ людей мысль о литературѣ всегда убивала непосредственность чувствъ. Писательница въ ужасѣ, и когда женихъ ея возвращается, она объявляетъ, что готова уничтожить романъ. Женихъ ея объясняетъ, что онъ только-что самовольно далъ это распоряженіе издателю, и принесъ съ собой единственный экземпляръ для себя. Но писательница, боясь, чтобы женихъ, прочтя ея романъ и романъ ея бывшаго пріятеля, не понялъ правды, бросаетъ единственный экземпляръ въ огонь, говоря жениху, что это дѣлается во имя любви къ нему. Вся эта сценка—легкая сатира на психологію и нравы нѣмецкихъ литератур-

Digitized by Google

ныхъ кружковъ и еще одна иллюстрація мысли о торжествѣ жизни надъ искусствомъ.—З. В.

III.

Ratzenhofer, Gustav. Positive Ethik. Leipzig, 1901.

Въ исторіи бывали примѣры, хотя и не частые, что военные увлекались философіею. Такъ, „генералъ" Ксенофонтъ увлекся философіей Сократа и написалъ о немъ воспоминанія. Раймундъ Люллій былъ, какъ кажется, почти военнымъ; лордъ Гербертъ Шербюри, бросивъ военную службу, написалъ книгу объ истинѣ; наконецъ, въ наши дни, Э. Гартманнъ сначала занимался артиллеріей, а потомъ, съ успѣхомъ,—философіей. Но все-же явленіе весьма рѣдкое, чтобы лицо, носящее столь высокій военный чинъ, какъ „K. K. Feldmarschall-leutenant",—занялось философіей; Ксенофонтъ и Раценгоферъ—другихъ примѣровъ мы не знаемъ.

О военныхъ сочиненіяхъ г. Раценгофера мы не будемъ говорить: они—обширны и разнообразны. На ряду съ сочиненіями: „Мольтке и Гамбетта" и „Принцъ Евгеній", которыя представляютъ, по всей вѣроятности, интересъ и для штатскихъ, г. Раценгоферъ писалъ сочиненія и по тактикѣ, напр.: „Die Staatswehr". Философскими вопросами фельдмаршалъ-лейтенантъ увлекся лишь недавно, но успѣлъ уже выпустить въ свѣтъ четыре сочиненія, изъ коихъ одно, „Wesen und Zweck der Politik", состоитъ изъ трехъ томовъ. Болѣе философскаго интереса представляетъ сочиненіе: „Der Positive Monismus", въ которомъ Раценгоферъ излагаетъ свое философское profession de foi, и „Die Sociologische Erkenntniss", въ которомъ онъ обращается къ вопросамъ соціологіи. Наконецъ, сочиненіе только-что вышедшее, заглавіе котораго значится въ началѣ нашей статьи, разсматриваетъ вопросы этики. Этическіе вопросы и ихъ рѣшеніе связаны у Раценгофера съ его общими воззрѣніями, которыя онъ самъ характеризуетъ названіемъ „позитивнаго монизма" и считаетъ за нѣчто вполнѣ новое. Въ дѣйствительности же новаго и оригинальнаго въ основныхъ воззрѣніяхъ весьма мало, за исключеніемъ развѣ той смѣлости, съ которою онъ ихъ высказываетъ. Его воззрѣнія настолько мало новы, что они могутъ быть сопоставлены съ гилозоизмомъ древнихъ грековъ. Несмотря, однако, на заблужденіе почтеннаго автора, въ силу котораго онъ самое древнее считаетъ за самое новое, въ разсужденіяхъ его много свѣжести и много такого, что заслуживаетъ вниманія. Оставимъ въ сторонѣ его „Urkraft", которая сама непостижима, но развивается по законамъ природы, вполнѣ постижимымъ для человѣка;

Digitized by Google

оставимъ также на совѣсти автора его утвержденіе, что этическіе законы суть не что̀ иное, какъ тѣ же законы природы, и признаемъ, что въ детальномъ разсмотрѣніи этическихъ вопросовъ у него много вѣрнаго, хотя философское обоснованіе ихъ и слабо. Понятіе „долженствующаго быть“ (d. sein Sollende), по мнѣнію Раценгофера, есть не что̀ иное, какъ согласное съ природою и родовою жизнью (d. Artgemässe). На этическихъ воззрѣніяхъ автора отразилось вліяніе эволюціонной теоріи и, въ спеціальности, соціологическихъ мнѣній Гумпловича. Раценгоферъ утверждаетъ, что только Макіавелли и Гумпловичъ схватили сущность политики. Эволюціонный процессъ „верховной силы“ ведетъ человѣчество путемъ наслѣдственности и пріобрѣтенія новыхъ свойствъ къ физическому, интеллектуальному и нравственному совершенствованію. Нравственное и духовное развитіе человѣка ведетъ его отъ господства природныхъ индивидуальныхъ влеченій къ признанію того, что̀ объективно полезно, и потому разумно и согласно съ понятіемъ долженствованія въ сферѣ единичной и соціальной жизни. Источникъ всякой нравственной дѣятельности и нравственнаго развитія заключается въ прирожденномъ *интересѣ*, который проявляется въ сферѣ индивидуальной какъ физіологическое стремленіе къ тѣлесному развитію, а въ сферѣ родовой—какъ психофизіологическое стремленіе къ поддержанію рода и въ любви къ родственникамъ. Индивидуальный „интересъ“ облагораживается въ стремленіи къ нравственному совершенству; родовой интересъ—въ стремленіи къ созданію разнообразныхъ соціальныхъ союзовъ, согласныхъ съ указаніями разума. Наконецъ, потребность къ постиженію проблемы жизни создаетъ трансцендентальный интересъ, который находилъ себѣ прежде удовлетвореніе въ религіозныхъ представленіяхъ, теперь же—въ постиженіи порядка дѣятельности „верховной силы“.

Идеалъ нравственнаго совершенства состоитъ въ наивозможно полномъ и всестороннемъ согласіи интересовъ (Interessenübereinstimmung), нами только-что перечисленныхъ. Корень нравственной доктрины Раценгоферъ видитъ въ совѣсти;—совѣсть для него есть нѣкоторая сложившаяся постепенно и укрѣпившаяся, благодаря наслѣдственности, способность отдавать предпочтеніе предъ эгоистическими мотивами увѣщаніямъ (Mahnungen) разума, въ которыхъ выражается то, что̀ должно осуществиться (das relativ sein Sollende). Когда совѣсть становится опредѣленною способностью, тогда люди забываютъ о происхожденіи ея увѣщаній и считаютъ ее чѣмъ-то божественнымъ.

Вторая половина книги (главы V, VI и VII) описываетъ проявленія совѣсти въ различныхъ областяхъ дѣятельности человѣка, и въ нихъ обнаруживается несомнѣнный талантъ автора. Его философскія воззрѣнія не провѣрены критически, онъ игнорируетъ теорію позна-

Digitized by Google

нія и ея требованія; нравственный эволюціонизмъ точно также недостаточно оправданъ, и ежели первая половина книги разочаруетъ критически настроеннаго читателя, то во второй части онъ найдетъ удовлетвореніе. Особенно цѣнна, на нашъ взглядъ, глава пятая, въ которой авторъ говоритъ о половыхъ отношеніяхъ, о семьѣ, школѣ, работѣ, объ экономическихъ отношеніяхъ, о совѣсти въ политикѣ, наукѣ и искусствѣ: „Не безъ намѣренія,—говоритъ Раценгоферъ,—я поставилъ во главѣ своей философской системы изслѣдованія о сущности политики, ибо мнѣ уже давно стало яснымъ, что всѣ стремленія людей, въ концѣ концовъ, сводятся къ участію въ политической дѣятельности, что въ особенности этика только тогда можетъ осуществлять положительныя цѣли, если она признаетъ въ политической дѣятельности главный элементъ къ осуществленію долженствованія“ (стр. 241). Очень любопытны тѣ страницы, которыя Раценгоферъ посвящаетъ политическимъ заблужденіямъ. Необходимое условіе всякой политики, согласной съ нравственностью, это—„страсть къ истинѣ“. Источникъ всякой лжи въ политикѣ—это предпочтеніе личныхъ интересовъ интересамъ общественнымъ и замѣна реальныхъ обязанностей (нѣмцы называютъ ихъ весьма удачно „sachliche Pflichten“) личными обязательствами. Защищая патріотизмъ, какъ нравственную идею, и оспаривая, съ этой точки зрѣнія, ученія Л. Н. Толстого, Раценгоферъ высказываетъ слѣдующій, не лишенный значенія, взглядъ на войну: „Безъ сомнѣнія, индивидуальное страданіе, вызванное войною, и велико, и заслуживаетъ состраданія; но еще больше и глубже то зло, которое впиталось въ самую кровь и плоть народа, благодаря которому онъ вымираетъ культурно въ состояніи безнравственности. Соціологическое ученіе, что отъ судьбы индивида зависитъ развитіе рода, особенно ярко выражается въ войнѣ; поэтому защитники идеи мира должны осуждать не войну, но безнравственность, состояніе, когда заглохла совѣсть, ибо оно и есть источникъ войнъ“.

Чтеніе книги Раценгофера производитъ двойственное впечатлѣніе: его догматизмъ не можетъ нравиться читателю, получившему философское образованіе, хотя и въ этомъ отношеніи автору можетъ служить извиненіемъ та безплодность философской мысли, которая замѣчается нынѣ и объясняется, вѣроятно, увлеченіемъ теоріей познанія, обнявшей собою всю философію. Съ другой стороны, Раценгоферъ несомнѣнно обладаетъ тонкой наблюдательностью въ области нравственныхъ явленій и умѣньемъ комбинировать понятія, долженствующія служить къ объясненію нравственности. — Э. Р.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1902.

Значеніе яслей въ голодные годы.—Поучительный опытъ.—Пироговскій съѣздъ врачей.—Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ.—Юбилей „Гражданина".—Возобновленіе занятій коммиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мушкетовъ, Н. И. Цухановъ и А. В. Плетнева †.

Чѣмъ меньше появляется въ печати свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1901-го года, тѣмъ бо́льшую цѣну пріобрѣтаютъ сообщенія, касающіяся недавняго прошлаго и могущія бросить отраженный свѣтъ на настоящее. Къ числу такихъ сообщеній принадлежитъ статья г-жи А. Померанцевой: „Ясли въ елизаветградскомъ уѣздѣ", напечатанная въ №№ 11 и 12 „Вѣстника Благотворительности", издаваемаго центральнымъ управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства императрицы Маріи. И раньше уже занимавшаяся устройствомъ яслей въ голодающихъ деревняхъ (въ губерніяхъ самарской и бессарабской), госпожа Померанцева, весною прошлаго года, поѣхала съ тою же цѣлью въ елизаветградскій уѣздъ (херсонской губерніи), по порученію правленія общества борьбы съ заразными болѣзнями, состоящаго подъ покровительствомъ принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. Во многихъ деревняхъ этого уѣзда свирѣпствовалъ тифъ, какъ одно изъ послѣдствій неурожая, разразившагося, въ 1900-мъ году, надъ юго-западомъ Россіи. При такихъ условіяхъ, по истинѣ незамѣнимой формой помощи являются ясли, не только дающія дѣтямъ пріютъ, уходъ и здоровую пищу, но и развязывающія руки матерямъ въ дѣлѣ пріисканія работы. Это очень скоро поняли жители деревень, которыя посѣтила г-жа Померанцева—и, что́ весьма замѣчательно, бо́льшую часть средствъ на устройство и содержаніе яслей она получила отъ зажиточныхъ крестьянскихъ домовъ, разбросанныхъ, какъ оазисы въ степи, среди голодающаго населенія. Вотъ, напримѣръ, что́ разсказываетъ г-жа Померанцева о селѣ Казанкѣ. Пріѣхавъ туда, она обратилась къ земскому начальнику съ просьбою созвать крестьянъ и дать ей возможность поговорить съ ними о содѣйствіи, которое они могутъ оказать устройству яслей.—„Ничего они вамъ не дадутъ",—отвѣчалъ, смѣясь, земскій начальникъ;—„просили тутъ у нихъ недавно на одну общественную потребность, и хоть бы кто плюнулъ! Ни одинъ! Камен-

Digitized by Google

ные"! Созвать крестьянъ онъ, однако, не отказался. При первыхъ словахъ г-жи Померанцевой „на лицахъ у многихъ выразился настоящій ужасъ"; но когда она закончила свои объясненія, крестьяне одинъ за другимъ стали вручать ей деньги, къ великому изумленію земскаго начальника. Жертвовали не только богачи, по нѣскольку рублей, но и бѣдняки, по двугривенному, по пятачку, по копѣйкѣ. „Вотъ на ребятъ мое прими"—говорилъ, напримѣръ, изможденный мужикъ среднихъ лѣтъ, сгорбленный, блѣдный, повидимому только-что переболѣвшій тифомъ. „Не поскучай! Хоть и копѣйка, а тоже деньги! Нонѣ, матушка, копѣйка-то рубль! Богъ не далъ, вишь"! Въ с. Лозоваткѣ оказался только одинъ богатый мужикъ, но за то онъ отвелъ подъ ясли свой домъ. Гдѣ богатые упрямились, тамъ ихъ увѣщевали бабы, напоминая имъ о смертномъ часѣ. Изъ числа крестьянокъ многія готовы были помогать устройству яслей личнымъ трудомъ. Большое сочувствіе и содѣйствіе госпожа Померанцева встрѣтила и со стороны духовенства (за однимъ только исключеніемъ), врачей, землевладѣльцевъ, городскихъ жителей. Письма, разосланныя ею знакомымъ, доставили ей въ 9—10 дней около 1.500 рублей. Елизаветградское отдѣленіе общества Краснаго Креста ассигновало въ ея распоряженіе 300 рублей и постановило испросить у окружного правленія общества еще 1.000 рублей.

Въ очень короткій промежутокъ времени ясли были открыты въ трехъ пунктахъ (на 330 дѣтей); совершенно готовы къ открытію и обезпечены средствами—въ шести, и намѣчены еще въ четырнадцати, всего на 3.000 дѣтей—но здѣсь выступаютъ на сцену „непредвидѣнныя препятствія" и „независѣвшія" отъ г-жи Померанцевой обстоятельства, остановившія дальнѣйшее развитіе добраго дѣла. Въ чемъ они заключались—въ статьѣ г-жи Померанцевой не объяснено; но въ газетахъ, въ свое время, была напечатана телеграмма о запрещеніи херсонскимъ губернаторомъ, въ іюнѣ прошлаго года, госпожѣ Успенской—оказывать продовольственную помощь, а госпожѣ Померанцевой—устроивать ясли для дѣтей въ мѣстностяхъ, пораженныхъ тифомъ.

Чтобы оцѣнить всю важность потери, понесенной, вслѣдствіе этого распоряженія, елизаветградскимъ уѣздомъ, необходимо припомнить, какъ велика у насъ дѣтская смертность даже въ обыкновенное время, при нормальныхъ условіяхъ, и какимъ могучимъ орудіемъ противъ нея являются именно ясли. Обѣ стороны вопроса освѣщены съ большою яркостью въ недавно вышедшей брошюрѣ гг. Соколова и Гребенщикова: „Смертность въ Россіи и борьба съ нею". И общая. и спеціально дѣтская смертность въ Россіи значительно выше, чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ; сравнительно съ Нор-

Digitized by Google

вегіей, напримѣръ, число умирающихъ у насъ (въ процентномъ отношеніи къ общему числу жителей) вдвое больше (15,3 и 31,5 на тысячу). Изъ 1.000 родившихся умираютъ, не достигнувъ пятилѣтняго возраста, *четыреста тридцать два* [1]). Главныя причины колоссальной дѣтской смертности (помимо невысокаго вообще уровня народнаго здоровья, народнаго развитія и народнаго благосостоянія)—непосильная работа матерей во время беременности и вслѣдъ за родами, негигіеническая обстановка крестьянскихъ жилищъ, отсутствіе ухода за дѣтьми и плохое ихъ питаніе. Соотвѣтственно этому намѣчаются авторами и ближайшія, сравнительно легко осуществимыя мѣры къ пониженію дѣтской смертности: широкое распространеніе въ народѣ гигіеническихъ свѣдѣній и *устройство въ деревняхъ лѣтнихъ пріютовъ-яслей*. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ, напримѣръ, въ симбирской губерніи, смертности въ бо́льшей части яслей не было вовсе, а гдѣ она и была, то столь незначительная, что понизила общій процентъ смертности въ данной деревнѣ. Это тѣмъ знаменательнѣе, что обыкновенно смертность достигаетъ максимальныхъ размѣровъ именно въ лѣтнее время.

Нужно ли объяснять, затѣмъ, что̀ значатъ ясли въ голодную годину и какъ отзывается на населеніи всякое противодѣйствіе ихъ устройству? Что̀ должно было передумать и перечувствовать населеніе тѣхъ деревень, гдѣ все было готово для открытія яслей —и оно тѣмъ не менѣе не состоялось? Какой вредъ могла причинить эта форма помощи голодающимъ, предпринимаемой съ вѣдома властей, руководимой хорошо извѣстными имъ мѣстными жителями (отъ г-жи Померанцевой шла только первоначальная иниціатива; завѣдывать яслями въ двадцати различныхъ мѣстахъ она, очевидно, не могла)?.. Значеніе движенія, такъ быстро распространившагося въ елизаветградскомъ уѣздѣ не исчерпывалось, притомъ, непосредственными его результатами. Говоря словами г-жи Померанцевой, оно вызывало „подъемъ духа, при которомъ и съ малыми средствами сдѣлаешь много“. Оно пробуждало хорошія чувства, слишкомъ часто заглушаемыя житейской суетой; оно соединяло въ одномъ общемъ дѣлѣ богатыхъ и бѣдныхъ, помѣщиковъ и крестьянъ, священниковъ и торговцевъ, заставляя забыть хоть на время жестокую, черствую формулу, слишкомъ хорошо знакомую русскимъ людямъ: „моя хата съ

[1]) Поразительныя цифры по тому же вопросу приведены въ рѣчи д-ра Долженкова, произнесенной на послѣднемъ Пироговскомъ съѣздѣ. Изъ 1.000 дѣтей умираютъ до достиженія пятилѣтняго возраста въ Швеціи—63, въ херсонской губерніи—207 До одного года не доживаютъ изъ 1.000 дѣтей въ Норвегіи—96, въ пермской губерніи—454!

Digitized by Google

краю, ничего не знаю"... Разсказомъ г-жи Померанцевой подтверждается еще разъ опытъ прошлаго десятилѣтія—опытъ, доказавшій наглядно незамѣнимость, въ эпохи народныхъ бѣдствій, частной, ничѣмъ не стѣсненной иниціативы [1]).

Рядомъ съ вопросомъ о степени простора, который можетъ быть предоставленъ личному почину, въ неурожайные годы всегда возникаетъ вопросъ о размѣрахъ помощи, при чемъ нерѣдко проводится мысль о необходимости ограничить ихъ какъ можно больше, чтобы не избаловать крестьянина, не привить ему привычку жить на чужой счетъ. Мы видѣли недавно [2]), какъ сильно проявляется такое стремленіе въ вятской губерніи, принадлежащей къ числу тѣхъ, которыя пострадали отъ неурожая 1901-го года. Весьма поучительно, поэтому, взглянуть на результаты „ограничительной" политики въ той же вятской губерніи, въ неурожайный 1898—99 годъ. Знакомитъ насъ съ ними статья г. Казанскаго, напечатанная въ одной изъ прошлогднихъ книжекъ журнала: „Народное хозяйство". Три года тому назадъ сохранялъ еще свою силу старый продовольственный уставъ, но на самомъ дѣлѣ въ вятской губерніи—или, по меньшей мѣрѣ, въ малмыжскомъ уѣздѣ, которому посвящена статья г. Казанскаго—былъ примѣненъ уже тогда порядокъ совершенно аналогичный тому, который установленъ временными правилами 1900-го года. Веденіе продовольственнаго дѣла было, de facto, почти изъято изъ рукъ земства и передано земскимъ начальникамъ, подъ руководствомъ уѣзднаго продовольственнаго совѣщанія; были учреждены и участковые продовольственные попечители. Въ октябрѣ 1898-го года уѣздная земская управа и земскіе начальники опредѣляли количество хлѣба, необходимаго для продовольствія населенія, почти одинаково; цифра, выведенная послѣдними (778 тыс. пуд.), была даже нѣсколько выше той, на которой остановилась первая (733 тыс. пуд.). Губернское собраніе уменьшило это количество до 584 тыс. пуд.—и въ такихъ размѣрахъ продовольственная ссуда была разрѣшена правительствомъ; выдано было, однако, только 372 тыс. пуд., т.-е. на двѣсти тысячъ пуд. меньше. Большія сокращенія были произведены и въ количествѣ хлѣба на обсѣмененіе яровыхъ полей (назначено 840, выдано 542 тыс. пуд.), и въ количествѣ кормовыхъ средствъ для лошадей (назна-

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, спѣшимъ прибавить, что отсутствіе *стѣсненій* вовсе не равносильно отсутствію *контроля*.

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы".

Digitized by Google

чено 90 тыс. пуд. ржи и 100 тыс. пуд. сѣна, выдано 76½ тыс. пуд. ржи и 37 тыс. пуд. сѣна).

Первымъ толчкомъ къ этому понижательному движенію послужили слова бывшаго вятскаго губернатора, сказанныя 12-го октября, въ засѣданіи уѣзднаго продовольственнаго совѣщанія [1]): „желательно возможно бо̀льшее сбереженіе выдаваемой ссуды на продовольствіе... Малѣйшее отклоненіе крестьянъ отъ обыденнаго строя жизни (напр. отказъ отъ работы) можетъ вызвать лишеніе ссуды. При всякомъ удобномъ случаѣ надо стараться внушать населенію, что ссуда на продовольствіе — ссуда срочная и будетъ взыскиваться впослѣдствіи за круговою порукою общества, и притомъ деньгами. При провѣркѣ списковъ нуждающихся земскій начальникъ имѣетъ *безапелляціонное* право вычеркивать изъ списка тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ ненуждающимися". Въ то же самое время земскимъ начальникамъ было объявлено, что „добросовѣстное и умѣлое отношеніе ихъ къ продовольственнымъ операціямъ послужитъ какъ бы искусомъ ихъ работоспособности". Съ этихъ поръ взгляды земскихъ начальниковъ на степень нужды перестаютъ совпадать со взглядами земской управы. Въ январѣ мѣсяцѣ одинъ изъ земскихъ начальниковъ пишетъ въ управу: „уменьшеніе выдаваемыхъ ссудъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигается благодаря тому обстоятельству, что, завѣдуя лично выдачей ихъ, я принимаю мѣры, чтобы крестьяне брали ссуду лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ, уговаривая ихъ отсрочивать, по возможности, время полученія ссуды и уменьшая (съ согласія нуждающихся семей) число ѣдоковъ". Изъ числа ѣдоковъ исключались сначала малолѣтки до пяти лѣтъ; только 1-го марта продовольственное совѣщаніе признало за ними право на ссуду. Попытки управы провѣрять, вслѣдствіе жалобъ населенія, цифры, установленныя земскими начальниками, встрѣчали иногда такой отпоръ, что по одному участку управа должна была отъ нихъ совершенно отказаться. Избѣгать самостоятельныхъ провѣрокъ управу заставляло и неблагосклонное отношеніе къ нимъ губернатора. Сокращенія происходили и въ области прокормленія лошадей: распродажа ихъ, за недостаткомъ кормовъ, началась еще въ декабрѣ—а земскіе начальники утверждали, что ссудъ на прокормленіе лошадей не понадобится вовсе или нужда въ нихъ возникнетъ не раньше февраля. Въ концѣ концовъ результаты всяческихъ сокращеній оказались слѣдующіе: въ февралѣ и мартѣ 1899-го года въ уѣздѣ распространилась эпидемія тифа, особенно сильная въ тѣхъ

[1]) Весьма близко къ этимъ словамъ подходитъ объявленіе, которымъ бывшій вятскій губернаторъ открылъ нынѣшнюю продовольственную кампанію.

Digitized by Google

мѣстностяхъ, гдѣ всего больше уменьшались ссуды; въ маѣ въ четырехъ волостяхъ уѣзда появилась цынга, раньше здѣсь неизвѣстная; средства на покупку хлѣба зимой 1898—99 г. получались крестьянами, по удостовѣренію половины корреспондентовъ статистическаго бюро, отъ продажи скота и другого имущества; 18 тыс. десятинъ въ яровомъ полѣ остались незасѣянными; число безлошадныхъ хозяйствъ увеличилось на 1.334; вообще крестьянское хозяйство, только-что начинавшее поправляться, снова опустилось до уровня, на которомъ оставилъ его неурожайный 1891—92 годъ. Всѣ эти факты и цифры настолько краснорѣчивы, что не требуютъ комментарія; можно только пожелать, чтобы они не были упущены изъ виду при пересмотрѣ *временныхъ* правилъ 12-го іюня 1900-го года.

Чѣмъ полнѣе равнодушіе — быть можетъ, впрочемъ, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное,—съ которымъ русское общество относится къ бѣдствію, постигшему значительную часть имперіи, тѣмъ отраднѣе было узнать, что его принялъ къ сердцу Пироговскій съѣздъ врачей, засѣдавшій на дняхъ въ Москвѣ. Врачебно-продовольственная помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, была организована еще раньше, по иниціативѣ казанскаго съѣзда врачей. Въ Казани былъ учрежденъ съ этою цѣлью особый комитетъ, который, по постановленію Пироговскаго съѣзда, переведенъ въ Москву. Въ видахъ доставленія средствъ для его дѣятельности рѣшено открыть подписку между членами съѣзда, передать въ комитетъ деньги, вырученныя отъ продажи книги д-ровъ Жбанкова и Яковенко: „Тѣлесныя наказанія", сдѣлать въ общихъ и спеціальныхъ газетахъ воззваніе о пожертвованіяхъ и снарядить, затѣмъ, врачебно-продовольственные отряды, для отправленія въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности. Нужно надѣяться, что благой починъ съѣзда не встрѣтитъ никакихъ затрудненій... Занятія Пироговскаго съѣзда имѣютъ, вообще, не только научный характеръ; они касаются, сплошь и рядомъ, практическихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ народными нуждами и требованіями жизни. Отсюда недоброжелательство, съ которымъ смотритъ на съѣздъ реакціонная печать—но именно отсюда, съ другой стороны, живой интересъ, возбуждаемый, въ широкихъ кругахъ, трудами съѣзда. На этотъ разъ, напримѣръ, онъ поручилъ правленію съѣзда выработать основныя положенія санитарно-врачебной части въ городахъ и высказался за популяризацію здравыхъ понятій по гигіенѣ, за допущеніе женщинъ въ университеты, за возобновленіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Газетнымъ обскурантамъ очень хотѣлось бы доказать, что двѣ послѣднія

Digitized by Google

темы вовсе не могли подлежать обсужденію съѣзда. Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только припомнить съ одной стороны вліяніе тѣлесныхъ наказаній на здоровье, вліяніе далеко не всегда опредѣлимое заранѣе и именно потому особенно опасное, съ другой—явное несоотвѣтствіе между числомъ врачей и потребностью въ врачебной помощи, устранить или уменьшить которое въ ближайшемъ будущемъ можетъ лишь быстрый ростъ числа женщинъ-врачей, недостижимый съ помощью однихъ женскихъ медицинскихъ институтовъ. Въ средѣ самого съѣзда предложеніе возобновить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній возбудило нѣкоторыя сомнѣнія, касавшіяся не существа этого ходатайства, а его своевременности. Докторъ Нижегородцевъ полагалъ, что именно теперь повтореніе его было бы не только безполезно, но и вредно; въ правительственныхъ сферахъ скоро, быть можетъ, возникнетъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ тѣлеснаго наказанія, и ходатайство съѣзда могло бы замедлить естественный ходъ дѣла и затормазить желательное его разрѣшеніе. Предсѣдатель съѣзда, профессоръ Капустинъ, также рекомендовалъ нѣкоторую осторожность, предлагая уполномочить правленіе съѣзда на избраніе момента, удобнаго для возбужденія ходатайства; но, повидимому, оба оппонента не настаивали на своихъ возраженіяхъ, такъ какъ рѣшеніе съѣзда о повтореніи ходатайства состоялось *единогласно*. И это вполнѣ естественно: нельзя же допустить, что мнѣніе, подтверждающее цѣлесообразность извѣстной мѣры, можетъ помѣшать ея осуществленію. Что отмѣна тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, не заставитъ ждать себя слишкомъ долго, на это указываютъ два признака: предполагаемое, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, учрежденіе при главномъ штабѣ особой коммиссіи „для всесторонняго выясненія вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ войскахъ“ и возбужденіе министромъ юстиціи вопроса о совершенной отмѣнѣ тягчайшихъ тѣлесныхъ наказаній—прикованія къ телѣжкѣ, плетей и лозъ [1]),—которымъ, по закону, могутъ подлежать ссыльные (на самомъ дѣлѣ наказанія эти, въ послѣднее время, не были приводимы въ исполненіе, съ особаго на то каждый разъ Высочайшаго соизволенія). Когда исчезнутъ тѣлесныя наказанія, назначаемыя по закону, тогда, быть можетъ, наступитъ конецъ и для тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ внѣ закона и вопреки закону.

---

[1]) Пересмотръ карательныхъ мѣръ, опредѣляемыхъ уставомъ о ссыльныхъ, не коснется, повидимому, розогъ, примѣненіе которыхъ допускается, при извѣстныхъ условіяхъ, и въ обыкновенныхъ тюрьмахъ—допускается, къ сожалѣнію, не только у насъ, но и въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ.

Digitized by Google

Много шуму надѣлало въ свое время, не только на Кавказѣ, но и вездѣ, гдѣ интересуются общественными дѣлами, обвиненіе тифлисскаго городского головы и членовъ тифлисской городской управы въ неправильныхъ дѣйствіяхъ по службѣ. Враги самоуправленія ликовали, предвкушая ударъ ненавистному имъ институту; узкіе „націоналисты" готовились праздновать побѣду надъ „инородцами" (армянами), забравшими въ свои руки центральный пунктъ закавказскаго края. Самый процессъ представляетъ особенности, рѣдко встрѣчающіяся въ нашей административной и судебной практикѣ. Издавна шедшая въ Тифлисѣ борьба между армянами и грузинами обостряется въ 1897 г., съ одной стороны подъ вліяніемъ торжества армянъ на городскихъ выборахъ [1]), съ другой—вслѣдствіе образа дѣйствій новой редакціи „Кавказа", обратившей оффиціозную газету въ органъ грузинской думской партіи. На ея страницахъ появляются обвиненія городской управы въ самоуправствѣ, во взяточничествѣ, въ хищеніяхъ. Это ведетъ къ назначенію административной ревизіи, поручаемой лицу, незадолго передъ тѣмъ переведенному на Кавказъ изъ западныхъ губерній. Безъ истребованія объясненій устраняются отъ должности два члена городской управы. Русское телеграфное агентство, представителемъ котораго состоитъ редакторъ „Кавказа", сообщаетъ во всѣ концы Россіи вѣсть объ открытіи въ городскомъ управленіи Тифлиса крупныхъ злоупотребленій. Ревизія продолжается цѣлый годъ, но не подтверждаетъ ни одного изъ первоначальныхъ предположеній: противъ управы предъявляется только одно серьезное обвиненіе—въ служебномъ подлогѣ, выразившемся въ представленіи губернатору невѣрной справки,—а все остальное сводится къ небрежному и неумѣлому завѣдыванію городскими дѣлами. Совѣтъ главноначальствующаго, не потребовавъ объясненія отъ обвиняемыхъ, постановляетъ предать ихъ суду. Главноначальствующій, находя, что къ неправильному веденію городского хозяйства были причастны и городская управа прежняго состава, и городская дума, и что несправедливо, поэтому, было бы привлекать къ суду однихъ только обвиняемыхъ, высказывается за прекращеніе дѣла Высочайшимъ повелѣніемъ, съ возложеніемъ, однако, на обвиняемыхъ отвѣтственности за убытки, причиненные городу ихъ дѣйствіями или бездѣйствіемъ. Съ предположеніемъ главноначальствующаго не соглашаются министры юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, и дѣло получаетъ дальнѣйшее направленіе въ законномъ порядкѣ. Изъ допроса у су-

[1]) По словамъ газеты „Право" (№ 1), изъ которой мы заимствуемъ всѣ послѣдующія свѣдѣнія, армяне составляютъ въ Тифлисѣ большинство домовладѣльцевъ и купцовъ, вслѣдствіе чего побѣда ихъ на выборахъ, при нынѣ дѣйствующемъ избирательномъ строѣ, представляется вполнѣ естественною.

Digitized by Google

дебнаго слѣдователя городской голова и члены городской управы узнаютъ впервые, въ чемъ собственно ихъ обвиняютъ; до тѣхъ поръ они могли только догадываться о томъ, руководствуясь частными слухами, статьями „Кавказа“ и корреспонденціями „Новаго Времени“. Во время слѣдствія скоропостижно умираетъ городской голова (Г. Г. Евангуловъ)—и память его торжественно чествуется не только городомъ, но и высшими представителями администраціи. Въ обвинительномъ актѣ идетъ рѣчь уже только о нерадѣніи, медленности и недостаточномъ надзорѣ за подчиненными. Во время судоговоренія ни разу даже не произносится слово: *злоупотребленіе*. Всѣ свидѣтели, какъ со стороны защиты, такъ и со стороны обвиненія, говорятъ съ величайшей похвалой о полезной дѣятельности, о колоссальной работѣ членовъ городской управы—и судебная палата, при участіи старшаго ея предсѣдателя, произноситъ по отношенію ко всѣмъ подсудимымъ оправдательный приговоръ. Болѣе поучительнаго процесса мы давно не припомнимъ. Онъ иллюстрируетъ, прежде всего, опасность отступленій отъ обычнаго хода правосудія. Представимъ себѣ, что тифлисское дѣло было бы прекращено безъ суда, какъ о томъ ходатайствовалъ главноначальствующій. Съ обвиняемыхъ не было бы снято пятно, оказавшееся теперь совершенно незаслуженнымъ; неразрѣшеннымъ остался бы вопросъ о томъ, какъ функціонировало въ дѣйствительности тифлисское городское управленіе; отвѣтственность за несуществующія неправильности была бы возложена на людей ни въ чемъ неповинныхъ. Обнаруживается, далѣе, со всею ясностью и другая опасность—опасность поспѣшнаго примѣненія дискреціонной власти. Устраненныхъ въ 1898-мъ году членовъ городской управы не вознаградитъ за все потерянное ими оправдательный приговоръ, состоявшійся въ 1901-мъ году; трудно вознаградимымъ окажется, быть можетъ, и замѣшательство, внесенное въ городскія дѣла внезапнымъ удаленіемъ двухъ полезныхъ тружениковъ. Въ яркомъ свѣтѣ выступаетъ вредъ газетной травли, обостряющей давнишнюю рознь національностей и поддерживающей ее тамъ, гдѣ ей вовсе не должно быть мѣста. Получается, наконецъ, новый и весьма сильный аргументъ противъ избирательной системы, созданной городовымъ положеніемъ 1892-го года: не даромъ же однимъ изъ мотивовъ къ ходатайству о прекращеніи дѣла послужило для главноначальствующаго несовершенство дѣйствующей организаціи избирательнаго права, благодаря которой въ гласные думы попадаютъ, въ большинствѣ, „представители купечества, слишкомъ радѣющіе о своихъ нуждахъ и узко смотрящіе на общественные интересы“... Независимый и гласный судъ еще разъ сослужилъ двоякую службу, возстановивъ нарушенную спра-

Digitized by Google

ведливость и раскрывъ одну изъ слабыхъ сторонъ общественнаго строя.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ исполнилось тридцать лѣтъ со времени основанія „Гражданина". Что̀ представляла и представляетъ собою эта газета, какъ она относилась и относится къ важнѣйшимъ вопросамъ русской жизни—это хорошо извѣстно нашимъ читателямъ. Въ чествованіи кн. Мещерскаго, какъ юбиляра, участвовали, если мы не ошибаемся, представители одного только органа русской печати—„Московскихъ Вѣдомостей". Къ этой особенности *литературнаго* юбилея присоединяются и другія, не менѣе характерныя. Адресъ кн. Мещерскому—кромѣ написаннаго его друзьями и поклонниками (болѣе $1^1/_2$ тыс. подписей),—былъ поднесенъ только одинъ: отъ калмыковъ, благодарящихъ его за то, что онъ поддерживалъ ихъ въ ихъ борьбѣ „за уголокъ счастья и *свободы*". Похвальна, конечно, поддержка чьей бы то ни было свободы [1]); но не знаменательно ли, что сочувствіемъ кн. Мещерскаго пользуется только свобода калмыковъ—свобода, имѣющая очень мало общаго съ широкимъ, великимъ значеніемъ этого слова?.. Не только юбилейный нумеръ „Гражданина", но и нѣсколько послѣдующихъ пестрятъ поздравительными телеграммами и письмами, подписанными, за весьма немногими исключеніями, именами лицъ совершенно неизвѣстныхъ. Такихъ поздравленій получаетъ, вѣроятно, немало всякій юбиляръ — но мы что-то не помнимъ, чтобы они такъ неукоснительно были доводимы до всеобщаго свѣдѣнія. Что такого-то писателя уважаетъ и цѣнитъ г. А. или г. Б.—это частное дѣло ихъ обоихъ, ни для кого, кромѣ нихъ самихъ, не интересное. Менѣе чѣмъ гдѣ-либо количество можетъ здѣсь замѣнить качество... Рядомъ съ поздравленіями идутъ, въ юбилейномъ нумерѣ „Гражданина", хвалебныя по адресу кн. Мещерскаго статьи его сотрудниковъ. Это—также нововведеніе, которое едва-ли привьется въ нашей литературѣ. Автору одной изъ такихъ статей „модный современный писатель, именующій себя либераломъ", сказалъ недавно: „мы отлично понимаемъ, что кн. Мещерскій — сила, что онъ уменъ и талантливъ, но *мы не имѣемъ права* (курсивъ въ подлинникѣ) признать это публично". Отчего бы не назвать писателя, выразившаго столь оригинальное мнѣніе? Тогда было бы видно, въ какой степени онъ призванъ говорить

---

[1]) Справедливость заставляетъ насъ признать, что газетѣ кн. Мещерскаго не чуждо понятіе о вѣротерпимости, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ восточнымъ окраинамъ Россіи. Мы отмѣтили, въ свое время, прекрасныя статьи кн. Ухтомскаго въ защиту бурятъ, помѣщенныя именно въ „Гражданинѣ" и составляющія значительную часть скуднаго его актива.

Digitized by Google

отъ имени „либераловъ“ и въ какой степени серьезна его ссылка на „правоограниченіе“, которое наложила на себя, будто бы, цѣлая общественная группа...

Яркій контрастъ съ многочисленными письмами незнакомцевъ, восхищающихся дарованіями и гражданскою доблестью кн. Мещерскаго, образуютъ два письма, появившіяся одновременно съ юбилеемъ „Гражданина“. Первое изъ нихъ, подписанное тамбовскимъ уѣзднымъ предводителемъ Петрово-Соловово, является прямымъ отвѣтомъ на циркулярное посланіе кн. Мещерскаго къ предводителямъ дворянства; второе, подписанное семью предводителями (кн. Долгоруковымъ, гр. Шереметевымъ, гр. Олсуфьевымъ, гр. Гейденомъ, Новосильцовымъ, М. Стаховичемъ и Шереметевымъ), адресовано на имя г. Петрово-Соловово, къ мнѣнію котораго авторы письма безусловно примыкаютъ.

„Подводя итоги вашей тридцатилѣтней дѣятельности на почвѣ публицистики“,—говоритъ г. Петрово-Соловово, обращаясь къ кн. Мещерскому,—„вы съ горькимъ чувствомъ признаете полное равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Но, сами того не подозрѣвая, въ вашихъ сѣтованіяхъ вы воздаете ему величайшую хвалу. Въ самомъ дѣлѣ, если къ тѣмъ идеямъ и убѣжденіямъ, которыя вы неуклонно проводили, русское дворянство относилось несочувственно, то это значитъ, что въ немъ не заглохли тѣ высокіе идеалы, съ которыми оно, обновленное реформами 60-хъ годовъ, выступило на открывшееся ему новое поприще общественной дѣятельности; это значитъ, что эпоха великихъ реформъ твердо опредѣлила путь, по которому оно должно идти, несмотря на всѣ усилія его ложныхъ друзей своротить его съ этого пути; это значитъ, что, несмотря на долголѣтнюю реакцію, проводникомъ которой вы такъ долго и такъ усердно служили, въ русскомъ дворянствѣ не угасло безкорыстное стремленіе въ живомъ общеніи и при полной ревноправности съ остальными сословіями русской земли трудиться надъ постепеннымъ водвореніемъ того порядка вещей, который составляетъ необходимое условіе нормальнаго общественнаго и государственнаго роста нашего отечества. А если иногда и можно было отмѣтить желательныя съ вашей точки зрѣнія исключенія, то вѣдь это только проявленія спеціальнаго атавизма, который не является тормазомъ въ общемъ органическомъ развитіи. Вы ошибаетесь, усматривая только холодность и равнодушіе къ вамъ русскаго дворянства. Нѣтъ! Негодованіе и протестъ вызывала не только въ передовыхъ его представителяхъ, но и въ громадномъ его большинствѣ ваша проповѣдь узко-сословныхъ тенденцій, ваша апологія дореформенныхъ порядковъ въ видѣ розги и административнаго произвола, ваша защита не духовныхъ интересовъ дворянства, какъ вы

Digitized by Google

ошибочно полагаете, а низменныхъ побужденій кастоваго эгоизма. Ваша тридцатилѣтняя работа, въ безплодности которой вы сами сознаетесь, могла бы, кажется, достаточно убѣдить васъ, что идеи, которымъ вашъ журналъ служитъ выраженіемъ, не соотвѣтствуютъ стремленіямъ и надеждамъ Россіи XX столѣтія. Итакъ, не ждите отъ насъ сочувствія, на которое вы, повидимому, все еще продолжаете надѣяться".

Какъ же отвѣчаетъ кн. Мещерскій на эту по истинѣ громовую отповѣдь? Онъ пытается увѣрить своихъ читателей, что относится къ „почтеннымъ протестантамъ" съ „добродушнымъ смѣхомъ", что ихъ „комичный протестъ" направленъ противъ того, чего въ „Гражданинѣ" никогда не было—противъ присвоенія себѣ „Гражданиномъ" „званія органа дворянскаго". „Гражданинъ"—восклицаетъ кн. Мещерскій—„есть органъ всѣхъ любящихъ свою родину русскихъ людей (!), за исключеніемъ *огромнаго большинства дворянъ россійской имперіи* (курсивъ въ подлинникѣ), не взирая на то, что онъ по сто явно ратовалъ за дворянскіе интересы". Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, „Гражданинъ" такъ усердно рекомендовалъ самого себя предводителямъ дворянства, такъ настойчиво домогался ихъ сочувствія и вниманія [1])? Если огромное большинство дворянства (чему мы желали бы вѣрить) не имѣетъ и не желаетъ имѣть ничего общаго съ „Гражданиномъ", то къ чему же эти неутомимые поиски подписчиковъ именно среди представителей дворянскаго сословія? Не ясно ли, что „Гражданинъ" хотѣлъ и хочетъ во что бы то ни стало если не быть, то слыть органомъ дворянства, привилегированнымъ истолкователемъ его „идеаловъ, преданій и завѣтовъ"? Не ясно ли, что подобное притязаніе должно было вызвать отпоръ со стороны тѣхъ, для кого невыносима мысль о какой бы то ни было солидарности съ „Граждa-

[1]) Вотъ текстъ циркулярнаго посланія кн. Мещерскаго къ предводителямъ дворянства, приведенный буквально въ открытомъ письмѣ г. Петрово-Соловово: „Послѣ тридцатилѣтія изданія мною газеты-журнала „Гражданинъ", неуклонно служившаго истолкователемъ и защитникомъ интересовъ духовныхъ и матеріальныхъ русскаго земельнаго дворянства, мнѣ грустно въ видѣ главнаго итога удостовѣрить тотъ печальный фактъ, что именно оно, это дворянство, всегда отвѣчало равнодушіемъ на мои усилія честно служить вышесказанной цѣли и всегда въ моей одинокой борьбѣ съ врагами дворянскихъ завѣтовъ оставляло меня безъ защиты подъ непрерывавшимися 30 лѣтъ ударами злобы и ненависти. Тѣмъ не менѣе, ради *30-ти-лѣтія* „Гражданина" считаю своимъ долгомъ, какъ бы слаба ни была надежда на успѣхъ, еще разъ попытаться обратить на свое изданіе благосклонное вниманіе тѣхъ гг. предводителей, которые рѣшились бы органъ печати, 30 лѣтъ самостоятельно отстаивавшій идеалы, преданія и завѣты русскаго дворянства, удостоить своимъ сочувствіемъ хотя бы въ силу поговорки: „лучше поздно, чѣмъ никогда".

Digitized by Google

нимомъ"?... Драгоцѣнно, во всякомъ случаѣ, признаніе кн. Мещерскаго, что противъ него *огромное большинство* русскихъ дворянъ. Побѣдоносно—въ нравственномъ смыслѣ—идти въ разрѣзъ съ большинствомъ, лучше, чѣмъ оно, понимать его интересы, видѣть свѣтъ, когда оно погружено во тьму—значитъ стоять на высотѣ, доступной лишь для немногихъ, значитъ обладать необыкновенными качествами ума и воли. И кн. Мещерскій хочетъ кому-то доказать, что таково его положеніе относительно большинства дворянъ?.. Мы сильно сомнѣваемся, чтобы онъ могъ убѣдить въ этомъ даже самого себя. На чьей бы сторонѣ ни было, впрочемъ, большинство дворянъ, правда, безспорно, на сторонѣ тѣхъ изъ нихъ, кто отворачивается съ негодованіемъ отъ „проповѣди" узко-сословныхъ „началъ", отъ „апологіи до-реформенныхъ порядковъ, отъ „защиты низменныхъ побужденій кастоваго эгоизма".

На-дняхъ мы прочли въ газетахъ о возобновленіи занятій коммиссіи по преобразованію средней школы. Выработанныя ею въ іюнѣ прошлаго года основныя положенія были разосланы по учебнымъ округамъ, а также министрамъ и главно-управляющимъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся учебныя заведенія. Ближайшей задачей коммиссіи является теперь обсужденіе полученныхъ замѣчаній; затѣмъ ей предстоитъ составленіе окончательнаго проекта устава средней школы. Если коммиссія будетъ работать съ такою же быстротою, какъ минувшимъ лѣтомъ, то проектъ устава можетъ быть внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта еще въ теченіе настоящей сессіи. Въ составѣ коммиссіи осталось большинство прежнихъ членовъ (въ томъ числѣ академики П. В. Никитинъ и А. Н. Пыпинъ, профессора А. И. Кирпичниковъ и С. Ф. Платоновъ); къ нимъ присоединены представители заинтересованныхъ вѣдомствъ и еще нѣсколько педагоговъ, отчасти въ качествѣ постоянныхъ, отчасти въ качествѣ временныхъ членовъ (послѣдніе—для участія въ обсужденіи вопросовъ, касающихся ихъ спеціальности). Между новыми членами коммиссіи выдается Л. Л. Марковъ, бывшій директоръ первой тифлисской гимназіи, которому она обязана многими полезными нововведеніями.

Скончавшійся недавно оберъ-камергеръ Э. Д. Нарышкинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ у насъ людей, которые, еще при жизни, удѣляютъ значительную часть своего состоянія на общеполезныя предпріятія. Главнымъ предметомъ заботливости покойнаго было народное образованіе. Онъ основалъ въ Тамбовѣ, на свои средства, учительскій институтъ и пожертвовалъ обществу для устройства

Digitized by Google

народныхъ чтеній въ городѣ Тамбовѣ и тамбовской губерніи обширное зданіе, съ народной читальней, богатой библіотекой и историческимъ музеемъ. Печально было прочесть въ газетахъ, почти одновременно съ извѣстіемъ о смерти Э. Д. Нарышкина, сообщеніе о кризисѣ, переживаемомъ тамбовскимъ обществомъ народныхъ чтеній. Причины этого кризиса извѣстны нашимъ читателямъ [1]): уставъ общества подвергся, въ 1899 г., измѣненіямъ, обратившимъ его въ полу-оффиціальное учрежденіе и лишившимъ его всѣхъ главныхъ его работниковъ. Въ новомъ своемъ составѣ общество скоро почувствовало себя безсильнымъ. Выбранная имъ ревизіонная коммиссія пришла къ убѣжденію, что оживить дѣятельность общества можно только предоставленіемъ нѣсколько бо̀льшихъ правъ общимъ собраніямъ, открытіемъ болѣе свободнаго доступа въ члены общества и замѣною правленія на половину назначеннаго правленіемъ всецѣло выборнымъ. Общее собраніе согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи; были составлены два проекта реформы, для разсмотрѣнія которыхъ созвано было на 24-ое ноября новое общее собраніе—но оно не состоялось за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ. Тамбовскій корреспондентъ „Россіи“ (№ 936) объясняетъ эту неудачу индифферентизмомъ большинства теперешнихъ членовъ общества. Прекрасное дѣло, задуманное и начатое Э. Д. Нарышкинымъ и быстро принявшее широкіе размѣры, обречено, такимъ образомъ, на застой, отъ котораго только одинъ шагъ до упадка. Нужно надѣяться, что министерство народнаго просвѣщенія, въ новомъ своемъ составѣ, исправитъ ошибку предшествовавшаго управленія. Примѣръ тамбовскаго общества, сопоставленный съ аналогичными явленіями въ обществахъ грамотности, петербургскомъ и московскомъ, показываетъ съ полною ясностью, что избытокъ регламентаціи и отсутствіе простора несовмѣстны съ успѣшною дѣятельностью общественныхъ учрежденій.

Въ лицѣ И. В. Мушкетова, скончавшагося въ полномъ расцвѣтѣ силъ, въ полномъ разгарѣ работы, тяжелую потерю понесла не только русская наука: русское общество лишилось въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ членовъ. Это чувствуется уже теперь и будетъ сознаваться все больше и больше, по мѣрѣ раскрытія тѣхъ сторонъ жизни И. В., которыя до сихъ поръ были извѣстны лишь немногимъ. „Силы этого богатыря“—пишетъ о немъ Д. А. Клеменцъ—„были подточены еще до болѣзни. Постоянно волнуясь за горячо любимыхъ студентовъ,

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1899 и № 12 за 1900 г.

Digitized by Google

отдавая каждый свободный часъ разносторонней общественной и научной дѣятельности, покойный не щадилъ себя—и въ критическій моментъ воспаленія легкихъ силы его сердца оказались подорванными на столько, что оно перестало работать... Съ нимъ осиротѣли тѣ сотни обездоленныхъ и обиженныхъ, которые находили у него и ласковый привѣтъ, и сердечное участіе, и разнообразную поддержку". Будущій лѣтописецъ горнаго института разскажетъ нашему потомству, какую роль игралъ И. В. во время студенческихъ волненій 1899 и 1901 г.г., съ какою настойчивостью, съ какимъ самоотверженіемъ онъ оберегалъ своихъ учениковъ и, косвенно, студентовъ другихъ учебныхъ заведеній. Это былъ рѣдкій въ наше время типъ профессора, живущаго одною жизнью съ своими слушателями, всецѣло преданнаго не только интересамъ науки, но и интересамъ высшей школы. Во всякій трудъ, который онъ бралъ на себя — а онъ не отказывался отъ участія въ общественномъ дѣлѣ, съ какой бы стороны оно ему ни предлагалось,— онъ вносилъ всю свойственную ему энергію, всю добросовѣстность человѣка, которому прежде всего и больше всего дорога истина. Такимъ мы видѣли его, напримѣръ, въ судѣ чести бывшаго союза взаимопомощи русскихъ писателей, безсмѣннымъ членомъ котораго онъ былъ въ послѣдніе годы его существованія; такимъ онъ останется въ памяти всѣхъ, на чью долю выпадали хотя бы мимолетныя съ нимъ встрѣчи.

Въ глубоко интересныхъ воспоминаніяхъ М. Ѳ. Громницкаго, печатаемыхъ, подъ заглавіемъ: „Изъ прошлаго", въ „Русской Мысли", съ замѣчательнымъ искусствомъ обрисована небольшая группа судебныхъ дѣятелей, которые, вступивъ въ жизнь въ первую, счастливую эпоху новаго суда, остались навсегда вѣрными лучшимъ ея завѣтамъ. Таковы были умершіе недавно въ Москвѣ М. Н. Лопатинъ и Э. Н. Сумбулъ, о которыхъ говоритъ М. Ѳ. Громницкій; такимъ былъ и скончавшійся въ концѣ прошлаго года Н. И. Цухановъ, около двадцати лѣтъ сряду занимавшій должность товарища предсѣдателя с.-петербургскаго окружного суда. По свидѣтельству лицъ близко его знавшихъ [1]), это былъ идеальный предсѣдатель, безпристрастный, неутомимый, удивительно хорошо умѣвшій разъяснять присяжнымъ—среди которыхъ, во время уѣздныхъ сессій, сплошь и рядомъ преобладаютъ крестьяне—самые сложные юридическіе вопросы. Оставивъ службу, онъ усердно работалъ въ юридическихъ журналахъ и въ юридическомъ обществѣ, постоянно выступая на защиту своихъ любимыхъ судебныхъ уставовъ. Одна изъ послѣднихъ рѣчей его въ юридиче-

---

[1]) См. № 86 „Юридической Газеты".

Digitized by Google

скомъ обществѣ, энергичная и убѣдительная, была направлена противъ проектируемаго института участковыхъ судей, именно въ виду его несовмѣстности съ нѣкоторыми изъ основныхъ началъ судебной реформы.

29-го декабря 1901 г. скончалась въ Петербургѣ, послѣ тяжкой и продолжавшейся не менѣе десяти лѣтъ мучительной болѣзни, Александра Васильевна Плетнева—въ тотъ самый день, когда, 36 лѣтъ тому назадъ, умеръ въ Парижѣ ея мужъ Петръ Александровичъ, занимавшій постъ ректора петербургскаго университета безпрерывно въ теченіе почти двадцати лѣтъ, въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Домъ П. А. Плетнева, гдѣ покойная являлась хозяйкою, служилъ въ ту эпоху центромъ, около котораго вращались первоклассныя литературныя силы той эпохи: Жуковскій, Пушкинъ, Гоголь—этотъ литературный тріумвиратъ—были самыми близкими друзьями въ домѣ Плетнева; въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ Жуковскій и Гоголь еще здравствовали, хотя уже не жили болѣе въ Петербургѣ. Плетневъ, женившись, въ 1849 г., вторично (онъ овдовѣлъ еще въ 1839 г.) на своей бывшей ученицѣ, Александрѣ Васильевнѣ (княжна Щетинина-Ростовская), заочно познакомилъ съ нею своего ближайшаго друга, В. А. Жуковскаго, и писалъ ему о ней: „Она принадлежитъ болѣе міру души своей, нежели свѣту. Ея постоянное стремленіе—совершенствовать всѣ стороны умственнаго и нравственнаго бытія своего. Съ давнихъ лѣтъ она ведетъ свой журналъ, родъ исповѣди предъ собою, и вмѣстѣ родъ лѣтописи минутъ, въ которыя она сильно что-нибудь чувствуетъ. Тутъ я вижу и убѣждаюсь, что истина и свобода даютъ мысли все, чѣмъ дорожимъ мы въ нашемъ писательскомъ искусствѣ“... Жуковскій, вскорѣ послѣ того, писалъ Плетневу: „Мнѣ бы еще много хотѣлось написать вамъ, особенно объ отрывкѣ, вами для меня переписанномъ изъ журнала милой, геніальной жены вашей (которой дружески поклонитесь отъ меня и жены моей). Но о такомъ предметѣ надобно писать свѣжее письмо“... П. А. Плетневъ, какъ оказалось, весьма вѣрно охарактеризовалъ тогда свою молодую жену, говоря, что „она принадлежитъ болѣе міру души своей, нежели свѣту“;—такою она оставалась всю жизнь, и потому тѣмъ болѣе могли цѣнить ея высокія душевныя качества тѣ, которые имѣли преимущество знать ее близко и составляли ея общество. Въ небольшой замѣткѣ, посвященной памяти А. В. Плетневой [1]), авторъ ея, г. К. Г., очевидно, давно и близко знавшій покойную, весьма справедливо замѣчаетъ: „Она отличалась замѣчательною скромностью и нѣкоторою замкнутостью своихъ духовныхъ интересовъ;

---

[1]) „Новое Время“, 31 дек. 1901 г.

Digitized by Google

она никогда не искала блеска въ свѣтѣ; не влекло ее къ общественной дѣятельности, къ пріобрѣтенію вліянія и роли, что̀ при ея способностяхъ и рѣдкой обаятельности ея личности было бы для нея не трудно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была въ высшей степени отзывчива на все доброе и высокое, на правду во всемъ, на истинныя достоинства въ людяхъ, на нужду и горе ближнихъ, и много дѣлала добра, много проливала кругомъ себя свѣта и теплоты изъ изумительнаго, неистощимаго запаса своихъ душевныхъ силъ"...

Еще какихъ-нибудь два-три мѣсяца, и А. В. Плетнева могла бы дожить до чествованія полувѣковой памяти дня кончины ближайшихъ друзей ея мужа, Гоголя и Жуковскаго, который, какъ мы видѣли, читая ея журналъ, высоко оцѣнилъ въ высшей степени симпатическія качества ея души. Она, дѣйствительно, принадлежитъ къ числу тѣхъ, о комъ Жуковскій сказалъ въ своемъ „Воспоминаніи":

„Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!—
„Но съ благодарностію:—были"!

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.

Коммиссія по народному образованію, состоящая при С.-Петербургской городской Думѣ, согласно состоявшемуся постановленію ея о чествованіи памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, по случаю исполняющагося въ 1902-мъ году 50-ти-лѣтія со дня смерти этихъ великихъ писателей, приступивъ въ настоящее время къ печатанію Сборника избранныхъ ихъ сочиненій, для раздачи оканчивающимъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга, считаетъ долгомъ сообщить:

1) печатаемый, подъ наблюденіемъ Коммиссіи по народному образованію, съ разрѣшенія цензуры, означенный Сборникъ избранныхъ сочиненій и изъ нихъ извлеченій, доступныхъ дѣтскому пониманію, составленный педагогомъ-литераторомъ В. П. Острогорскимъ, подраздѣленъ, по содержанію сихъ произведеній, на отдѣлы съ объяснительными къ нимъ статьями и приложеніемъ біографическихъ очерковъ великихъ писателей;

2) Сборникъ изданъ будетъ, по образцу Сборника изъ сочиненій А. С. Пушкина, выпущеннаго въ 1899 г.,—двумя изящными книжками въ переплетѣ, форматомъ въ $^1/_8$ долю листа, объемомъ около 45 печатныхъ листовъ, съ 15—20 помѣщенными внѣ текста, соотвѣтствующими Сборнику портретами и видами;

3) согласно постановленію городской Думы, остающіеся отъ раздачи окончившимъ курсъ ученія въ начальныхъ училищахъ г. С.-Петербурга экземпляры издаваемаго городомъ Сборника поступятъ въ продажу, причемъ цѣна Сборника назначена въ 75 коп. за экземпляръ, безъ пересылки; печатаніе Сборника закончено будетъ: одной части къ 21 февраля, а другой части—къ 12 апрѣля 1902 года и тогда же будутъ выданы подписчикамъ на Сборникъ;

4) при выдачѣ подписчикамъ первой части Сборника, обнимающей собою сочиненія Н. В. Гоголя, будетъ выданъ билетъ на полученіе

Digitized by Google

другой части Сборника, заключающей въ себѣ сочиненія В. А. Жуковскаго.

Обращаться съ требованіями можно въ Канцелярію Коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ, въ зданіи городской Думы (по Думской ул., 3-ьи ворота отъ Невскаго пр.).

ПОПРАВКИ:

Въ январьской книгѣ слѣдуетъ исправить:

Стран.:	*строч.*	*Напечатано*:	*Слѣдуетъ*:
368	21 сн.	1894	1889
374	11 „	по два рубля	по пяти рублей
377	8 св.	А.	Л.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВАГО ТОМА

Январь.—Февраль. 1901.

Книга первая. — Январь.

	стр.
Портретъ Н. М. Карамзина и факсимиле обертки первой книжки журнала „Вѣстникъ Европы", имъ основаннаго, вышедшей въ Москвѣ, въ январѣ 1802 года	II-III
Исповѣдники.—Повѣсть.—I-IX.—П. Д. БОБОРЫКИНА	5
Послѣдніе годы жизни Байрона.—1818-1824 гг.—АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО.	80
По Манчжуріи.—1900-1901 г.—Воспоминанія и разсказы. — I-IX.—А. В. ВЕРЕЩАГИНА	103
Деревенскія сцены. — Три разсказа. — I. Бобыль. — II. Быка покупаютъ. — III. Мама! дззя!—А. И. НОВИКОВА	149
И. С. Тургеневъ и П. В. Анненковъ.—Н. ГУТЬЯРА.	177
Жизнь Томаса Трука. — Романъ. — Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck.—Часть первая: I-XVII.—П—НЫ С—ВОЙ	196
Въ лѣсной Башкиріи.—Разсказы изъ жизни на лѣсныхъ промыслахъ.—I-VII.—ВАС. БРУСЯНИНА	246
Стихотворенія.—I. Баллада, изъ Казиміра Глинскаго.—II. Наброски.—МИХ. ГЕРБАНОВСКАГО	283
Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ. — 1865-68 гг.—I-II.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА	289
Хроника.—По вопросу о задачахъ губернскаго земства. — I. — АП. В. ЕРОПКИНА.	319
Внутреннее Обозрѣніе. — Первый годъ новаго вѣка. — Противорѣчія въ административной практикѣ по вопросу о „мелкой земской единицѣ".—Отношеніе къ нему различныхъ земствъ.—„Мелкіе съѣзды", какъ подготовка къ земскому собранію.—Постановленіе орловскаго губернскаго земскаго собранія.—Общеземскій періодическій органъ.—Продовольственное дѣло въ вятской губерніи. — Разъясненіе товарища министра народнаго просвѣщенія по вопросу о четырехклассныхъ „городскихъ" училищахъ	341
По поводу статьи Л. Буха о винной монополіи.—Письмо въ Редакцію —А. СКАРЖИНСКАГО	366
Иностранное Обозрѣніе.—Политическія событія истекшаго года.—Общее международное положеніе и китайскій вопросъ. — Война въ южной Африкѣ и британская политика. — Возможная перемѣна министерства въ Англіи. —Колоніи и внѣшніе союзы.—Германскій проектъ таможеннаго тарифа въ парламентѣ.—Печальный прусско-польскій инцидентъ. — Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ	378
Литературное Обозрѣніе. — Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ 4-хъ томахъ. Изд. А. Ф. Маркса. — „На трудовомъ пути", лит.-худож. сборникъ. —А. П.— Мандельштамъ, проф., О характерѣ Гоголевскаго стиля.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры.	392
Новости Иностранной Литературы.—I. Louis Bertrand. La Cina.—II. Max Messer. Moderne Essays.—З. В.	405
Изъ Общественной Хроники.—„Вѣстникъ Европы" сто лѣтъ тому назадъ.— Старые и новые земцы. — Земство и печать. — Три громкихъ земскихъ имени: Б. Н. Чичеринъ, Д. Ѳ. Самаринъ (†), Д. Д. Дашковъ (†).— Систематическое извращеніе истины въ „Моск. Вѣд."—Десятилѣтіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—Чествованіе П. И. Вейнберга и Н. И. Стороженко.—Р.-S. Правительственныя сообщенія	420
Извѣщенія. —I. Отъ городской Коммиссіи по народному образованію.—II. Извлеченіе изъ Положенія о Всероссійскомъ Пожарномъ Съѣздѣ.	436
Библіографическій Листокъ.	
Объявленія.—I-IV; I-XII стр.	

Digitized by Google

Книга вторая. — Февраль.

стр.

Послѣдніе годы жизни Байрона.—1818-1824 гг.—Окончаніе.—АЛЕКСѢЯ ВЕСЕЛОВСКАГО. 441

Исповѣдники.—Повѣсть.—X-XVIII.—П. Д. БОБОРЫКИНА 482

Исправительныя заведенія въ С.-Американскихъ Штатахъ. — А. ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА 552

По Манчжуріи.—1900-1901 гг.—Воспоминанія и разсказы. — X-XVIII.—А. В. ВЕРЕЩАГИНА 573

Изъ жизни Харьковскаго Университета въ началѣ XIX-го вѣка.—I-VI.—Д. И. БАГАЛѢЯ 628

Будущимъ біографамъ Н. В. Гоголя.—Замѣтки.—I.—А. КОЧУБИНСКАГО . . 650

Жизнь Томаса Трука. — Романъ. — Felix Holländer, Der Weg des Thomas Truck.—Часть вторая: I-VIII.—Пер. П—НЫ С—ВОЙ. 676

Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ.—1865-68 гг.—III-V.—Окончаніе.—Ѳ. Ѳ. ВОРОПОНОВА 733

Стихотворенія. – I. Дубрава. – II. Русская пѣсня.—И. П. 772

Хроника.—По вопросу о задачахъ губернскаго земства.—II.—Окончаніе.—АП. В. ЕРОПКИНА. 774

Внутреннее Обозрѣніе.—Государственная роспись на 1902-й годъ. — Закрытіе совѣщанія, учрежденнаго въ 1897 г. для выясненія нуждъ помѣстнаго дворянства. — Предполагаемое открытіе особаго дворянскаго отдѣла.—Ультра-сословное газетное прожектерство, не отступающее передъ „насиліемъ“.—Сфера дворянскихъ ходатайствъ.—Возобновленіе пересмотра узаконеній о крестьянахъ. — Программа изслѣдованія причинъ упадка центральныхъ губерній.—Близкій конецъ работъ по составленію гражданскаго уложенія.—Отдѣленіе Кронштадта отъ петергофскаго уѣзднаго земства 801

Иностранное Обозрѣніе. — Рѣчи графа Бюлова въ германскомъ парламентѣ.—Оффиціальный патріотизмъ и внѣшняя политика Германіи.—Внутреннія дѣла въ Пруссіи. — Дѣло Кулемана въ прусской палатѣ депутатовъ.—Парламентскія пренія о польскомъ вопросѣ. 821

Литературное Обозрѣніе. — „Подъ знаменемъ науки“, юбил. сборникъ въ честь Н. И. Стороженка. — Сочиненія И. Ѳ. Горбунова, п. р. и съ предисл. А. Ѳ. Кони.—Отзвуки разсказовъ И. Ѳ. Горбунова, гр. П. Шереметеви. —П. А. Кулишъ, В. Шенрока. —А. П.— Новое о Пушкинѣ, Ив. Щеглова.—Е. Л.—Новыя книги и брошюры. 833

Новости Иностранной Литературы. — I. Der rote Hahn, v. G. Hauptmann.—II. Lebendige Stunden, v. Arthur Schnitzler.—З. В.—III. Positive Ethik, v. G. Ratzenhofer.— Э. Р. 846

Изъ Общественной Хроники.—Значеніе яслей въ голодные годы. — Поучительный опытъ.—Пироговскій съѣздъ врачей. — Судъ надъ тифлисскимъ городскимъ управленіемъ. — Юбилей „Гражданина“.—Возобновленіе занятій коммиссіи по преобразованію средней школы.—Э. Д. Нарышкинъ, И. В. Мушкетовъ, Н. И. Цуховъ и А. В. Плетнева †. 864

Извѣщенія.—Отъ городской Коммиссіи по народному образованію 881

Библіографическій Листокъ.—Отчужденіе недвижимой собственности для государственной или общественной пользы, В. В. Салова.—Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ, П. Новгородцева. — Стихотворенія кн. Д. Н. Цертелева. — Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста, П. Лесгафта.—Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ, А. И. Дмитріева-Мамонова. — Учебные годы стараго барчука, Евг. Маркова. — Повѣсти, сказки и разсказы Ко Мурлыки, т. III.

Объявленія. — I-IV; I-XII стр.

Digitized by Google

Отчуждение недвижимой собственности для государственной или общественной пользы. В. Н. Сванов. Спб. 902. Ц. 80 к.

Настоящее изслѣдованіе является какъ нельзя болѣе кстати: съ небольшимъ годъ тому назадъ, было открыто при министерствѣ путей сообщенія особое совѣщаніе изъ представителей различныхъ вѣдомствъ для обсужденія выработаннаго при этомъ министерствѣ проекта объ измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ у насъ законѣ объ экспропріаціи, — принудительномъ отчужденіи земельной собственности для государственной и общественной пользы. Авторъ оказалъ большую услугу всѣмъ заинтересованнымъ въ вопросахъ такой экспропріаціи, сосредоточивъ въ одной монографіи весь разнообразный матеріалъ, относящійся къ дѣламъ подобнаго рода, какъ въ Россіи, такъ и за границей, и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ на пробѣлы дѣйствующаго нынѣ закона объ отчужденіи земель, а равно и на желательныя въ немъ измѣненія и дополненія.

Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ. П. Новгородцева. М. 901.

Новый этюдъ автора является въ тѣсной связи съ его же трудомъ: „Историческая школа юристовъ", гдѣ онъ усмотрѣлъ вмѣстить, что историческая точка зрѣнія основательно отвергла прежнія ученія о происхожденіи права изъ случая и произвола. По его мнѣнію, „современная мысль въ разрѣшеніи вопроса о самостоятельномъ значеніи нравственной точки зрѣнія обращается къ Канту". Предпославъ общій взглядъ на развитіе нѣмецкой философіи права отъ Пуфендорфа до Канта, авторъ останавливается подробно на самомъ ученіи Канта о правѣ и государствѣ, и затѣмъ посвящаетъ особую главу ученію Гегеля о томъ же предметѣ. Въ заключеніе, онъ приходитъ къ тому убѣжденію, что хотя Гегель начинаетъ съ критики Канта и упрекаетъ его въ односторонности, „но въ концѣ концовъ Гегель не отвергаетъ его субъективной точки зрѣнія, а только дополняетъ ее новымъ рядомъ вопросовъ, которые въ своей совокупности представляютъ переходъ отъ субъективной этики къ объективной".

Стихотворенія князя Д. Н. Цертелева. Спб. 902. Ц. 1 р.

Сборникъ обнимаетъ собою послѣднія два десятилѣтія и составляетъ три особыя серіи. Въ первой собраны чисто-лирическія произведенія, заключающіяся посвященіями памяти А. Рубинштейна, Р. Вагнера, А. Фета и Вл. Соловьева. Вторую и третью серіи образуютъ стихотворенія, предметъ которыхъ заимствованъ изъ средневѣковыхъ легендъ (Епископъ Олафъ) или восточнаго міра, какъ „Васавадата", „Жертвоприношеніе Будды", „Изъ Ригъ-Ведъ", „Изъ Шахъ-Наме" и друг.

Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста. П. Лесгафта. Ч. II. Спб. 901. Ц. 2 р.

Первая часть этого замѣчательнаго труда появилась болѣе 12 лѣтъ тому назадъ съ однимъ историческимъ очеркомъ и элементарнымъ отдѣломъ физическаго образованія, а потому она была далеко не полна, такъ какъ въ ней не было самаго существеннаго, а именно, не было игръ, какія должно примѣнять на практикѣ. Все это составило теперь содержаніе второй части, гдѣ подробно разбираются упражненія съ увеличивающимся напряженіемъ и стойкостью, излагаются игры, прогулки, плаваніе, бѣгъ на конькахъ, фехтованіе, и, наконецъ, разсмотрѣна методика физическихъ упражненій. Авторъ съ полнымъ правомъ выражаетъ надежду, что его руководство окажетъ содѣйствіе къ установленію дѣла физическаго образованія въ Россіи, слишкомъ долго остававшагося безъ должнаго къ нему вниманія изъ школьную эпоху возрастающихъ поколѣній.

Путеводитель по Великой Сибирской желѣзной дорогѣ. 1901—1902 г. П. р. А. И. Дмитріева-Мамонова. Спб. 902. Ц. 3 р. 50 к.

Не далѣе, какъ въ 1900 г., министерство путей сообщенія издало „Путеводитель", но хотя уже понадобилось новое, исправленное и дополненное его изданіе, такъ какъ за этотъ краткій промежутокъ времени эксплоатаціонная линія сибирской желѣзной дороги увеличилась болѣе чѣмъ на 1,500 верстъ, и 21 октября 1901 г. открылось изъ первый разъ рельсовое сообщеніе европейской Россіи, а вмѣстѣ съ нею и всей Европы, съ Великимъ океаномъ. Изданіе богато снабжено превосходно выполненными фото-типо-гравюрами, картами Сибири и Манчжуріи, съ портретами Государя Императора, министровъ земледѣлія и финансовъ и управляющаго дѣлами комитета сибир. желѣзной дороги.

Ученіе годы старого барчука. Разсказы изъ прошлаго Евгенія Маркова. Спб. 901. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящіе очерки, составляя особую серію разсказовъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ прямымъ продолженіемъ другой серіи очерковъ самаго ранняго дѣтства того же автора и тѣхъ же самыхъ героевъ деревенской „Семибратки", которые были помѣщены въ разсказахъ подъ заглавіемъ „Барчуки". По словамъ автора, эти новые его разсказы не могутъ быть названы ни біографіею, ни автобіографіею, но тѣмъ не менѣе въ основѣ ихъ лежатъ подлинные матеріалы давняго былого,—какъ надобно думать—конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ. По увѣренію автора, подтверждаемому многими изъ людей той же школьной эпохи, хотя въ его воспоминаніяхъ встрѣтится немало грубаго и дикаго для взглядовъ современнаго читателя, но тѣмъ не менѣе, возвращаясь нынѣ мыслью къ прежней школьной жизни, авторъ вспоминаетъ о ней съ добродушною улыбкой и съ сердечнымъ расположеніемъ къ тѣмъ своимъ чудакамъ-учителямъ, съ которыми онъ и его сверстники вели когда-то ребяческую войну. Едва ли современная школьная жизнь вызоветъ такія же воспоминанія къ питомцахъ нынѣшней школы, начиная съ 70-хъ годовъ.

Повѣсти, сказки и разсказы Кота-Мурлыки. Т. III. Изд. 3-е. Спб. 902. Ц. 1 р. 75 к.

Третій выпускъ содержитъ въ себѣ нѣсколько восемь сказокъ, разсказовъ, повѣстей, интересъ которыхъ, какъ то видно изъ довольно быстро слѣдующихъ одно за другимъ изданій, не ослабѣваетъ въ кругу его читателей, и Кота-Мурлыка сохраняетъ по прежнему всю вполнѣ заслуженную имъ популярность.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1902 г.

(Тридцать-седьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другіе городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государ. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе" Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Деньги* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые прилагаютъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академич. пер., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google